Эрик Фрэнк
РАССЕЛЛ

Эта безумная Вселенная

Эрик
Фрэнк
РАССЕЛЛ

Eric Frank

RUSSELL

Major Ingredients

Men Martians & Machines

Somewhere a Voice

Like Nothing on Earth

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2005

Эрик Фрэнк

РАССЕЛЛ

Эта безумная Вселенная

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2005

УДК 82 (1-87)
ББК 84 (7США)
Р 24

ERIC FRANK RUSSELL
MAJOR INGREDIENTS
Copyright © 2000 by the Estate of Eric Frank Russell
MEN MARTIANS & MACHINES
Copyright © 1958 by Eric Frank Russell
SOMEWHERE A VOICE
Copyright © 1965 by Eric Frank Russell
LIKE NOTHING ON EARTH
Copyright © 1975 by Eric Frank Russell

Составитель *А. Жикаренцев*
Оформление серии художника *А. Саукова*
Серия основана в 2001 году

Рассел Э.Ф.

Р 24 Эта безумная Вселенная: Фантастические произведения / Пер. с англ. -- М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 1232 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-12290-7

«Эрик Фрэнк Рассел первый в списке моих любимых писателей — его произведения самые смешные из всех, когда-либо мной прочитанных» — это мнение о классике американской фантастики культового писателя современной Америки Джорджа Р.Р. Мартина. У нас в России слава и любовь к Расселу пришла в 70-е годы с появлением переводов его рассказов «Аламагуса», «Ниточка к сердцу» и других. Главная тема Рассела — космос, но его космос немножечко не такой, каким его представляет большинство мировых фантастов. Космос Рассела — слегка глуповатый, как слегка глуповаты те, кто его завоевывает и исследует, населяет и пытается обуздать. Впрочем, кто-то верно заметил, что фантастика, как поэзия, и обязана быть чуточку глуповатой. Естественно, при одном условии: сам фантаст не должен быть дураком.

Настоящее издание -- самое полное собрание рассказов писателя на русском языке.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. З. Бобырь, С. Васильева, В. Гольмич и И. Огнесова, И. Гурова, Н. Евдокимова, Б. Жужунава, Ю. Жукова, Ю. Зарахович, И. Иванов, А. Иорданский, Б. Клюева, М. Литвинова, И. Почиталин, Р. Рыбакова, И. Тетерина, Л. Щекотова, 2005
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-12290-7

Аламагуса

Уже давно на борту космического корабля «Бастлер» не было такой тишины. Корабль стоял в космопорту Сириуса с холодными дюзами, корпус его был испещрен многочисленными шрамами — ни дать ни взять измученный бегун после марафонского бега. Впрочем, для такого вида у «Бастлера» были все основания: он только что вернулся из продолжительного полета, где далеко не все шло гладко.

И вот теперь, в космопорту, гигантский корабль обрел заслуженный, хотя и временный покой. Тишина, наконец тишина. Нет больше ни тревог, ни беспокойств, ни огорчений, ни мучительных затруднений, возникающих в свободном полете по крайней мере два раза в сутки. Только тишина, тишина и покой.

Капитан Макнаут сидел в кресле, положив ноги на письменный стол и с наслаждением расслабившись. Атомные двигатели были выключены, и впервые за многие месяцы смолк адский грохот машин. Почти вся команда «Бастлера» — около четырехсот человек, получивших увольнение,— кутила напропалую в соседнем большом городе, залитом лучами яркого солнца. Вечером, как только первый помощник Грегори вернется на борт, капитан Макнаут сам отправится в благоухающие сумерки, чтобы приобщиться к сверкающей неоном цивилизации.

Как приятно наконец ступить на твердую землю! Команда получает возможность развлечься, так сказать, выпустить лишний пар, что каждый делает по-своему. Позади заботы, волнения, обязанности и тревоги. Комфорт и безопасность — награда усталым космическим скитальцам!

Старший радиоофицер Бурман вошел в каюту. Он был одним из шести членов экипажа, вынужденных остаться на борту корабля, и по лицу его было видно, что ему известно по крайней мере двадцать более приятных способов времяпрепровождения.

— Только что прибыла радиограмма, сэр,— сказал он, протянув листок бумаги, и остановился в ожидании ответа.

Капитан Макнаут взял радиограмму, снял ноги со стола, выпрямился и, заняв приличествующее командиру положение, прочитал вслух:

— ЗЕМЛЯ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БАСТЛЕРУ ТЧК ОСТАВАЙТЕСЬ СИРИПОРТУ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ ТЧК КОНТР-АДМИРАЛ ВЭЙН У ТЧК КЭССИДИ ПРИБЫВАЕТ СЕМНАДЦАТОГО ТЧК ФЕЛДМАН ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР

Лицо капитана стало суровым. Он оторвал глаза от бумаги и громко застонал.

— Что-нибудь случилось? — спросил Бурман, чуя неладное.

Макнаут указал на три книжечки, лежавшие стопкой на столе.

— Средняя. Страница двадцатая.

Бурман перелистал несколько страниц и нашел нужный параграф: «Вэйн У. Кэссиди, контр-адмирал. Должность — главный инспектор кораблей и складов».

Бурман с трудом сглотнул слюну.

— Значит...

— Да,— недовольно подтвердил Макнаут.— Снова как в военном училище. Красить и драить, чистить и полировать.— Он придал лицу непроницаемое выражение и заговорил до тошноты официальным голосом: — Капитан, у вас в наличии всего семьсот девяносто девять аварийных пайков, а по списку числится восемьсот. Запись в вахтенном журнале о недостающем пайке отсутствует. Где он? Что с ним случилось? Почему у одного из членов экипажа отсутствует официально зарегистрированная пара казенных подтяжек? Вы сообщили об их исчезновении?

— Почему он взялся именно за нас? — спросил Бурман с выражением ужаса на лице.— Ведь никогда раньше он не обращал на нас внимания!

— Именно поэтому,— ответил Макнаут, глядя на стену с видом мученика.— Пришла наша очередь получить взбучку.— Отсутствующий взгляд капитана остановился наконец на календаре.— У нас еще три дня — за это время многое можно исправить. Ну-ка, вызови ко мне второго офицера Пайка.

Опечаленный Бурман ушел. Вскоре в дверях появился Пайк. Несчастное выражение его лица подтверждало старую истину, что плохие новости летят на крыльях.

— Выпиши требование на сто галлонов пластикраски, темно-серой, высшего качества. И второе — на тридцать галлонов белой эмали для внутренних помещений. Немедленно отправь

их на склад космопорта и позаботься о том, чтобы краска вместе с необходимым количеством кистей и пульверизаторов была здесь к шести вечера. Прихвати весь протирочный материал, который у них плохо лежит.

— Команде это не понравится,— заметил Пайк, делая слабую попытку к сопротивлению.

— Ничего, стерпится — слюбится,— заверил его Макнаут.— Сверкающий, отдраенный до блеска корабль благотворно влияет на моральное состояние экипажа — именно так записано в Уставе космической службы. А теперь пошевеливайся и быстро отошли требования на краску. Потом принеси мне списки инвентарного имущества. Мы должны произвести инвентаризацию до прибытия Кэссиди. Когда он приедет, уже не удастся покрыть недостачу или сбагрить предметы, которые окажутся в избытке.

— Есть, сэр.— Пайк повернулся и вышел из каюты, волоча ноги, с таким же траурным выражением лица, как и у Бурмана.

Откинувшись на спинку кресла, Макнаут бормотал что-то себе под нос. Им владело смутное чувство, что в последнюю минуту все усилия пойдут прахом. Недостаток табельного имущества — дело достаточно серьезное, если только исчезновение не было отмечено в предыдущем отчете. Избыток — и того хуже. Если первое свидетельствует о небрежности или халатности при хранении, то второе может значить только преднамеренное хищение казенного имущества при попустительстве командира корабля.

Взять, например, случай с Уильямсом, командиром тяжелого космического крейсера «Свифт»,— слухом космос полнится. Макнаут узнал об этом, когда «Бастлер» пролетал мимо Бутса. При инвентаризации табельного имущества у Уильямса на борту крейсера «Свифт» нашли одиннадцать катушек проводов для электрифицированных заграждений, тогда как по спискам полагалось только десять. В дело вмешался военный прокурор, и только тогда выяснилось, что этот лишний моток проволоки, которая, между прочим, пользовалась исключительным спросом на некоторых планетах, не был украден из складов космической службы и доставлен (на космическом жаргоне — телепортирован) на корабль. Тем не менее Уильямс получил нагоняй, что мало помогает продвижению по службе.

Макнаут все еще размышлял, ворча себе под нос, когда вернулся Пайк с толстенной папкой в руках.

— Собираетесь начать инвентаризацию немедленно, сэр?

— Ничего другого нам не остается,— вздохнул капитан, посылая последнее «прости» своему отдыху в городе и ярким праздничным огням.— Потребуется уйма времени, чтобы обшарить

корабль от носа до кормы, поэтому осмотр личного имущества экипажа проведем напоследок.

Выйдя из каюты, капитан направился к носу «Бастлера»; за ним с видом мученика тащился Пайк.

Когда они проходили мимо главного входного люка, их заметил корабельный пес Пизлейк. В два прыжка Пизлейк взлетел по трапу и замкнул шествие. Этот огромный пес, родители которого обладали неисчерпаемым энтузиазмом, но мало заботились о чистоте породы, был полноправным членом экипажа и гордо носил ошейник с надписью «Пизлейк — имущество косм. кор. "Бастлер"». Основной обязанностью пса, с которой он превосходно справлялся, было не подпускать к трапу корабля местных грызунов и в редких случаях — обнаруживать опасность, не замеченную человеком.

Все трое шествовали по коридору — Макнаут и Пайк с мрачной решимостью людей, которые жертвуют собой во имя долга, а тяжело дышащий Пизлейк был преисполнен готовности начать любую игру, какую бы ему ни предложили.

Войдя в носовое помещение, Макнаут тяжело опустился в кресло пилота и взял папку из рук Пайка.

— Ты знаешь всю эту кухню лучше меня — мое место в штурманской рубке. Поэтому я буду читать, а ты — проверять наличие.— Капитан открыл папку и начал с первого листа:

— К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

— Есть,— сказал Панк.

— К-2. Индикатор направления и расстояния, электронный, тип Джи-Джи, один.

— Есть.

— К-3. Гравиметрические измерители левого и правого бортов, модель Кэсини, одна пара.

— Есть.

Пизлейк положил голову на колени Макнаута, посмотрел ему в лицо понимающими глазами и негромко завыл. Он начал соображать, чем занимаются эти двое. Нудная перекличка была чертовски скучной игрой. Макнаут успокаивающим жестом положил руку на голову Пизлейка и стал играть песьими ушами, протяжно выкликивая предмет за предметом.

— К-187. Подушки из пенорезины, две, на креслах пилота и второго пилота.

— Есть.

К тому времени, когда первый офицер Грегори поднялся на борт корабля, они уже добрались до крохотной рубки внутренней радиосвязи и копались там в полумраке. Пизлейк, полный невыразимого отвращения, давно покинул их.

— М-24. Запасные громкоговорители, трехдюймовые, тип Т-2, комплект из шести штук, один.

— Есть.

Выпучив от удивления глаза, Грегори заглянул в рубку и спросил:

— Что здесь происходит?

— Скоро нам предстоит генеральная инспекция,— ответил Макнаут, поглядывая на часы.— Пойди-ка проверь, привезли краску или нет и если нет, то почему. А потом приходи сюда и помоги мне с проверкой — Пайку надо заниматься другими делами.

— Значит, увольнение в город отменяется?

— Конечно, до тех пор пока не уберется этот начальник веников и заведующий кухнями.— Капитан повернулся к Пайку.— Когда будешь в городе, постарайся разыскать и отправить на корабль как можно больше ребят. Никакие причины или объяснения во внимание не принимаются. И чтобы без всяких там алиби или задержек. Это приказ!

Лицо Пайка приняло еще более несчастное выражение. Грегори сердито посмотрел на него, вышел, через минуту вернулся и доложил:

— Окрасочные материалы прибудут через двадцать минут.— С грустью на лице он посмотрел вслед уходящему Пайку.

— М-47. Телефонный кабель, витой, экранированный, три катушки.

— Есть,— сказал Грегори, проклиная себя. И угораздило же его вернуться на корабль именно сейчас!

Работа продолжалась до позднего вечера и возобновилась с восходом солнца. К этому времени уже три четверти команды трудилось в поте лица как внутри, так и снаружи корабля, с видом людей, приговоренных к каторге за преступления — задуманные, но еще не совершенные.

По узким коридорам и переходам пришлось передвигаться по-крабьи, на четвереньках — лишнее доказательство того, что представители высших форм земной жизни испытывают панический страх перед свежей краской. Капитан во всеуслышание объявил, что первый, кто посадит пятно на свежую краску, поплатится за это десятью годами жизни.

На исходе второго дня зловещие предчувствия капитана начали сбываться. Они уже заканчивали девятую страницу очередного инвентарного списка кухонного имущества, а шеф-повар Жан Бланшар подтверждал присутствие и действительное наличие перечисляемых предметов, когда они, пройдя две трети пути, образно говоря, натолкнулись на рифы и стремительно пошли ко дну.

Макнаут пробормотал скучным голосом:

— В-1097. Кувшин для питьевой воды, эмалированный, один.

— Здесь,— ответил Бланшар, постучав по кувшину пальцем.

— В-1098. Капес, один.

— Что? — спросил Бланшар, изумленно выпучив глаза.

— В-1098. Капес, один,— повторил Макнаут.— Ну, что смотришь, будто тебя громом ударило? Это корабельный камбуз, не правда ли? Ты шеф-повар, верно? Кому же еще знать, что находится в камбузе? Ну, где этот капес?

— Первый раз о нем слышу,— решительно заявил повар.

— Быть того не может. Он внесен вот в этот список табельного имущества камбуза, напечатано четко и ясно: капес, один. Список табельного имущества составлялся при приемке корабля четыре года назад. Мы сами проверили наличие капеса и расписались.

— Ни за какой капес я не расписывался.— Бланшар упрямо покачал головой.— В моем камбузе нет такой штуки.

— Посмотри сам! — С этими словами Макнаут сунул ему под нос инвентарный список.

Бланшар взглянул и презрительно фыркнул.

— У меня здесь есть электронная печь, одна. Кипятильники, покрытые кожухами, с мерным устройством, один комплект. Есть сковороды, шесть штук. А вот капеса нет. Я никогда даже не слышал о нем. Представления не имею, что это такое.— Он выразительно развел руками.— Нет у меня капеса!

— Но ведь должен же он где-то быть,— втолковывал ему Макнаут.— Если Кэссиди обнаружит, что капес пропал, поднимется черт знает какой тарарам!

— А вы его сами поищите,— язвительно посоветовал Бланшар.

— Послушай, Жан, у тебя диплом Кулинарной школы Международной ассоциации отелей, у тебя свидетельство Колледжа поваров Кордон Бле; наконец, ты награжден почетным дипломом с тремя похвальными отзывами Центра питания космического флота,— напомнил ему Макнаут.— И как же ты не знаешь, где у тебя капес!

— Черт возьми! — завопил Бланшар, всплеснув руками.— Сотый раз повторяю, что у меня нет никакого капеса. И никогда не было. Сам Эскуафье не смог бы его найти, так как в моем камбузе никакого капеса нет. Что я, волшебник, что ли?

— Этот капес — часть кухонного имущества,— стоял на своем Макнаут.— И он должен быть где-то, потому что он упоминается на девятой странице инвентарного списка камбуза. А это

означает, что ему надлежит находиться здесь и что лицом, ответственным за его хранение, является шеф-повар.

— Черта с два! Усилитель внутренней связи, он что, тоже мой? — огрызнулся Бланшар, указывая на металлический ящик в углу под потолком.

Макнаут немного подумал и ответил примирительно:

— Нет, это имущество Бурмана. Его хозяйство расползлось по всему кораблю.

— Вот и спросите его, куда он дел свой проклятый капес! — заявил Бланшар с нескрываемым триумфом.

— Я так и сделаю. Если капес не твой, он должен принадлежать Бурману. Давай только сначала разделаемся с кухней. Если Кэссиди не заметит в хранении системы и тщательности, он разжалует меня в рядовые.— Капитан опять уткнулся в список.— В-1099. Ошейник собачий с надписью, кожаный, с бронзовыми бляхами, один. Можешь не искать его, Жан. Я только что видел его на собаке.— Макнаут поставил аккуратную птичку около ошейника и продолжал: — В-1100. Корзина для собаки, плетеная, из прутьев, одна.

— Вот она,— сказал повар, пинком отшвыривая ее в угол.

— В-1101. Подушка из пенорезины, комплект с корзиной, одна.

— Половина подушки,— поправил его Бланшар.— За четыре года Пизлейк изжевал вторую половину.

— Может быть. Кэссиди позволит нам выписать со склада новую. Ну ладно, это не имеет значения. Пока налицо хотя бы половина, все в порядке.— Макнаут встал и закрыл папку.— Итак, с кухней покончено. Пойду поговорю с Бурманом насчет исчезнувшего табельного имущества.

Бурман выключил приемник УВЧ, снял наушники и вопросительно посмотрел на капитана.

— При осмотре камбуза выявилась недостача одного капеса,— объяснил Макнаут.— Как ты думаешь, где он может быть?

— Откуда мне знать? Камбуз — царство Бланшара.

— Не совсем так. Твои кабели проходят через камбуз. Там у тебя два конечных приемника, автоматический переключатель и усилитель внутренней связи. Так где же находится капес?

— В первый раз о нем слышу,— озадаченно проговорил Бурман.

— Перестань болтать глупости! — заорал Макнаут, теряя всяческое терпение.— Хватит с меня бредней Бланшара! Четыре года назад у нас был капес, это точно. Загляни в инвентарные списки! Это корабельная копия списка, все имущество проверено, и

под этим стоит моя подпись. Значит, расписались и за капес. Поэтому он должен где-то быть, и его надо найти до приезда Кэссиди.

— Очень жаль, сэр,— выразил свое сочувствие Бурман,— но я ничем не могу вам помочь.

— Подумай еще,— посоветовал Макнаут.— В носу расположен указатель направления и расстояния. Как вы его называете?

— Напрас,— ответил Бурман, не понимая, куда клонит хитрый капитан.

— А как ты называешь вот эту штуку? — продолжал Макнаут, указывая на пульсовый передатчик.

— Пуль-пуль.

— Ребячьи словечки, а? Напрас и пуль-пуль. А теперь напряги свои извилины и вспомни, как назывался капес четыре года назад!

— Насколько мне известно,— ответил Бурман, подумав,— у нас никогда не было ничего похожего на капес.

— Тогда,— спросил Макнаут,— почему мы за него расписались?

— Я не расписывался. Это вы везде расписывались.

— Да, в то время как все вы проверяли наличие. Четыре года назад, очевидно в камбузе, я произнес: «Капес, один», и кто-то из вас, ты или Бланшар, ответил: «Есть». Я поверил вам на слово. Ведь мне приходится верить начальникам служб. Я специалист по штурманскому делу, знаком со всеми навигационными приборами, а других не знаю. Значит, мне пришлось положиться на слова кого-то, кто знал или должен был знать, что такое капес.

Внезапно Бурмана осенила превосходная мысль.

— Послушайте, когда производилось переоборудование корабля, множество самых разнообразных приборов и устройств было рассовано по коридорам, около главного входного люка и в кухне. Помните, сколько оборудования мы рассортировали, чтобы установить его в надлежащих местах? Этот самый капес может оказаться теперь где угодно, совсем не обязательно у меня или Бланшара.

— Я поговорю с другими офицерами,— согласился Макнаут.— Он может быть у Грегори, Уорта, Сандерсона или еще у кого-нибудь. Как бы то ни было, а капес должен быть найден. Или, если он отслужил положенный срок и пришел в негодность, об этом должен быть составлен соответствующий акт.

Капитан вышел. Бурман состроил вслед ему гримасу, надел на голову наушники и стал опять копаться в радиоприемнике. Примерно через час Макнаут вернулся с хмурым лицом.

— Несомненно, на борту корабля нет такого прибора,— заявил он с заметным раздражением.— Никто о нем не слышал, мало того, никто не может даже предположить, что это такое.

— А вы вычеркните его из инвентарных списков и доложите о его исчезновении,— предложил Бурман.

— Это когда мы находимся в космопорту? Ты знаешь не хуже меня, что обо всех случаях утраты или повреждения казенного имущества докладывают на базу тотчас после происшествия. Если я скажу Кэссиди, что капес был утрачен, когда корабль находился в полете, он сейчас же захочет узнать, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло и почему о случившемся не информировали базу. Представь себе, какой будет скандал, если вдруг выяснится, что эта штука стоит полмиллиона. Нет, я не могу так просто избавиться от этого капеса.

— Что же тогда делать? — простодушно спросил Бурман, шагнув прямо в ловушку, поставленную изобретательным капитаном.

— Нам остается только одно! — объявил Макнаут.— Ты должен изготовить капес!

— Кто, я? — испуганно спросил Бурман.

— Ты — и никто другой! Тем более что я почти уверен, что капес — это твое имущество.

— Почему вы так думаете?

— Потому что это типично детское словечко из числа тех, о которых ты мне уже говорил. Готов поспорить на месячный оклад, что капес — это какая-нибудь высоконаучная аламагуса. Может быть, он имеет отношение к туману. Скажем, прибор слепой посадки.

— Прибор слепой посадки называется щупак,— проинформировал капитана радиоофицер.

— Вот видишь! — воскликнул Макнаут, как будто слова Бурмана подтвердили его теорию.— Так что принимайся за работу и состряпай хороший капес. Он должен быть готов завтра к шести часам вечера и доставлен ко мне в каюту для осмотра. И позаботься о том, чтобы капес выглядел убедительно, более того, приятно. То есть я хочу сказать, чтобы он выглядел убедительно в момент работы.

Бурман встал, уронил руки и сказал хриплым голосом:

— Как я могу изготовить капес, когда даже не знаю, как он выглядит?

— Кэссиди тоже не знает этого,— напомнил ему Макнаут с радостной улыбкой.— Он интересуется скорее количеством, чем другими вопросами. Поэтому он считает предметы, смотрит на них, удостоверяет их наличие, соглашается с экспертами от-

носительно степени их изношенности. Нам нужно всего-навсего состряпать убедительную аламагусу и сказать адмиралу, что это и есть капес.

— Святой Моисей! — проникновенно воскликнул Бурмак.

— Давай не будем полагаться на сомнительную помощь библейских персонажей,— упрекнул его Макнаут.— Лучше воспользуемся серыми клетками, которыми нас наделил Господь Бог. Берись сейчас же за свой паяльник и состряпай к завтрашнему дню первоклассный капес. Это приказ!

Капитан отбыл, страшно довольный собой. Бурман, оставшись один в своей каюте, тусклым взглядом вперился в стену и тяжело вздохнул.

Контр-адмирал Вэйн У. Кэссиди прибыл точно в указанное радиограммой время. Это был краснолицый человек с брюшком и глазами снулой рыбы. Он не ходил, а выступал.

— Здравствуйте, капитан, я уверен, что у вас все в полном порядке.

— Как всегда,— заверил его Макнаут, не моргнув глазом.— Это мой долг.— В его голосе звучала непоколебимая уверенность.

— Отлично! — с одобрением отозвался Кэссиди.— Мне нравятся офицеры, серьезно относящиеся к своим хозяйственным обязанностям. К сожалению, некоторые не принадлежат к их числу.

Адмирал торжественно взошел по трапу и прошествовал через главный люк внутрь корабля. Его рыбьи глаза сейчас же обратили внимание на свежеокрашенную поверхность.

— С чего вы предпочитаете начать осмотр, капитан, с носа или с кормы?

— Инвентарные списки начинаются с носа и идут к корме, сэр. Поэтому лучше начать с носа, это упростит дело.

— Отлично.— И адмирал, повернувшись, торжественно зашагал к носу. По дороге он остановился потрепать по шее Пизлейка и попутно глянул на ошейник.— Хорошо ухоженная собака, капитан. Она приносит пользу на корабле?

— Пизлейк спас жизнь пяти членам экипажа на Мардни: он лаем дал сигнал тревоги, сэр.

— Я надеюсь, детали этого происшествия занесены в бортовой журнал?

— Так точно, сэр! Бортовой журнал находится в штурманской рубке в ожидании вашего осмотра.

— Мы проверим его в надлежащее время.

Войдя в носовую рубку, Кэссиди расположился в кресле первого пилота, взял протянутую капитаном папку и начал проверку.

— К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

— Вот он, сэр,— сказал Макнаут, указывая на компас.

— Удовлетворены его работой?

— Так точно, сэр!

Инспекция продолжалась. Адмирал проверил оборудование в рубке внутренней связи, вычислительной рубке и других местах и добрался наконец до камбуза. У плиты в отутюженном ослепительно белом халате стоял Бланшар и смотрел на адмирала с нескрываемым подозрением.

— В-147. Электрическая печь, одна.

— Вот она,— сказал повар, презрительно ткнув пальцем в плиту.

— Довольны ее работой? — спросил Кэссиди, глядя на повара рыбьими глазами.

— Слишком мала,— объявил Бланшар. Он развел руками, как бы охватывая весь камбуз.— Все слишком маленькое. Мало места. Негде повернуться. Этот камбуз похож скорее на чердак в собачьей конуре.

— Это — военный корабль, а не пассажирский лайнер,— огрызнулся Кэссиди. Нахмурившись, он заглянул в инвентарный список.— В-148. Автоматические часы и электрическая печь в единой установке, один комплект.

— Вот они,— фыркнул Бланшар, готовый выбросить их через ближайший иллюминатор, если, конечно, Кэссиди берется оплатить их стоимость.

Адмирал продвигался все дальше и дальше, приближаясь к концу списка, и нервное напряжение в кухне постепенно нарастало. Наконец Кэссиди произнес роковую фразу:

— В-1098. Капес, один.

— Черт побери! — в сердцах крикнул Бланшар.— Я уже говорил тысячу раз и снова повторяю, что...

— Капес находится в радиорубке, сэр,— поспешно вставил Макнаут.

— Вот как? — Кэссиди еще раз взглянул в список.— Тогда почему он числится в кухонном оборудовании?

— Во время последнего ремонта капес помещался в камбузе, сэр. Это один из портативных приборов, которые можно установить там, где для них находится местечко.

— Хм! Тогда он должен быть занесен в инвентарный список радиорубки. Почему это не сделано?

— Я хотел получить ваше указание, сэр.

Рыбьи глазки немного оживились, в них промелькнуло одобрение.

— Да, пожалуй, вы правы, капитан. Я сам перенесу капес в другой список.— Адмирал собственноручно вычеркнул прибор из списка номер девять, расписался, внес его в список номер шестнадцать и снова расписался.— Продолжим, капитан. В-1099. Ошейник с надписью, кожаный, с бронзо... Ну ладно, я сам только что видел его. Он был на собаке.

Адмирал поставил галочку возле ошейника. Через час он прошествовал в радиорубку. В середине ее стоял, расправив плечи, Бурман. Несмотря на то что поза у него была решительной, руки и ноги его мелко дрожали, а выпученные глаза неотступно следовали за Макнаутом. В них читалась немая мольба. Бурман был как на угольях.

— В-1098. Капес, один,— произнес Кэссиди голосом, не терпящим возражения.

Двигаясь с угловатостью плохо отрегулированного робота, Бурман дотронулся до небольшого ящичка с многочисленными шкалами, переключателями и цветными лампочками. По внешнему виду прибор напоминал соковыжималку, созданную радиолюбителем. Радиоофицер щелкнул двумя переключателями. Цветные лампочки ожили и заиграли разнообразными комбинациями огней.

— Вот он, сэр,— с трудом произнес Бурман.

— Ага! — прокаркал Кэссиди и нагнулся к прибору, чтобы рассмотреть его получше.— Что-то я не помню такого прибора. Впрочем, за последнее время наука идет вперед такими шагами, что всего не упомнишь. Он функционирует нормально?

— Так точно, сэр!

— Это один из наиболее нужных приборов на корабле,— прибавил Макнаут для пущей убедительности.

— Каково же его назначение? — спросил адмирал, давая возможность радиоофицеру метнуть перед ним бисер мудрости.

Бурман побледнел.

Макнаут поспешил к нему на помощь.

— Видите ли, адмирал, подробное объяснение потребует слишком много времени, так как прибор исключительно сложен, но вкратце — капес позволяет установить надлежащий баланс между противоположными гравитационными полями. Различные сочетания цветных огней указывают на степень и интенсивность разбалансировки гравитационных полей в любой заданный момент.

— Это очень тонкий прибор, основанный на константе Финагле,— добавил Бурман, внезапно исполнившись отчаянной смелости.

— Понимаю,— кивнул Кэссиди, не поняв ни единого слова. Он устроился поудобнее в кресле, поставил галочку около капеса и продолжал инвентаризацию.— Ц-44. Коммутатор, автоматический, на сорок номеров внутренней связи, один.

— Вот он, сэр.

Адмирал взглянул на коммутатор и опять углубился в список. Офицеры воспользовались этим мгновением, чтобы вытереть пот с лица.

Итак, победа одержана.

Все в порядке.

Контр-адмирал отбыл с к. к. «Бастлер» довольный, наговорив в адрес капитана кучу комплиментов. Не прошло и часа, как вся команда уже снова была в городе, наверстывая потерянное время. Макнаут наслаждался веселыми городскими огнями по очереди с Грегори. В течение следующих пяти дней мир и покой царили на корабле.

На шестой день Бурман принес радиограмму в каюту командира, положил ее на стол и остановился, ожидая реакции Макнаута. Лицо радиоофицера было довольным, как у человека, чью добродетель вознаградили по заслугам.

ШТАБ-КВАРТИРА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ ТЧК ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО ДЛЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА ПЕРЕОБОРУДОВАНИЯ ТЧК БУДЕТ УСТАНОВЛЕН НОВЕЙШИЙ ДВИГАТЕЛЬ ТЧК ФЕЛДМАН УПРАВЛЕНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР

— Назад на Землю,— прокомментировал Макнаут со счастливым лицом.— Капремонт — это по крайней мере месяц отпуска.— Он посмотрел на радиоофицера.— Передай дежурному офицеру мое приказание: немедленно вернуть весь личный состав на борт. Когда узнают причину вызова, они побегут сломя голову.

— Так точно, сэр,— ухмыльнулся Бурман.

Спустя две недели, когда Сирипорт остался далеко позади, а Солнце уже виднелось как крошечная звездочка в носовом секторе звездного неба, команда еще продолжала улыбаться. Предстояло одиннадцать недель полета, но на этот раз стоило подождать. Летим домой! Ура!

Улыбки исчезли, когда однажды вечером Бурман принес неприятное известие. Он вошел в рубку и остановился посреди комнаты, кусая нижнюю губу в ожидании, когда капитан кончит запись в бортовом журнале.

Наконец Макнаут отложил журнал в сторону, поднял глаза и, увидев Бурмана, нахмурился.

— Что случилось? Живот болит?

— Никак нет, сэр. Я просто думал.

— А что, это так болезненно?

— Я думал,— продолжал Бурман похоронным голосом.— Мы возвращаемся на Землю для капитального ремонта. Вы понимаете, что это значит? Мы уйдем с корабля, и орда экспертов оккупирует его.— Он бросил трагический взгляд на капитана.— Я сказал — экспертов.

— Конечно экспертов,— согласился Макнаут.— Оборудование не может быть установлено и проверено группой кретинов.

— Потребуется нечто большее, чем знания и квалификация, чтобы установить и отрегулировать наш капес,— напомнил Бурман.— Для этого нужно быть гением.

Макнаут откинулся назад, как будто к его носу поднесли головешку.

— Боже мой! Я совсем забыл об этой штуке. Да, когда мы вернемся на Землю, вряд ли нам удастся потрясти этих парней своими научными достижениями.

— Нет, сэр, не удастся,— подтвердил Бурман. Он не прибавил слова «больше», но все его лицо красноречиво говорило: «Ты сам впутал меня в эту грязную историю. Теперь сам и выручай».

Он подождал несколько секунд, пока Макнаут что-то лихорадочно обдумывал, затем спросил:

— Так что вы предлагаете, сэр?

Внезапно лицо капитана расплылось в улыбке, и он ответил:

— Разбери этот дьявольский прибор и брось его в дезинтегратор.

— Это не решит проблемы, сэр. Все равно у нас не будет хватать одного капеса.

— Ничего подобного. Я собираюсь сообщить на Землю о его выходе из строя в трудных условиях космического полета.— Он выразительно подмигнул Бурману.— Ведь теперь мы в свободном полете, верно?

С этими словами он потянулся к блокноту радиограмм и начал писать, не замечая ликующего выражения на лице Бурмана.

К. К. БАСТЛЕР ШТАБУ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ ТЧК ПРИБОР В-1098 КАПЕС ОДИН РАСПАЛСЯ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ ДВОЙНЫХ СОЛНЦ ГЕКТОР МЕЙДЖОР МАЙНОР ТЧК МАТЕРИАЛ БЫЛ ИСПОЛЬЗОВАН КАК ТОПЛИВО ДЛЯ РЕАКТОРА ТЧК ПРОСИМ СПИСАТЬ ТЧК МАКНАУТ КОМАНДИР БАСТЛЕРА

Бурман выбежал из капитанской рубки и немедленно радировал послание на Землю. Два дня прошли в полном спокойствии. На третий день он снова вошел к капитану с озабоченным и встревоженным видом.

— Циркулярная радиограмма, сэр,— объявил он, протягивая листок.

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ВО ВСЕ СЕКТОРА ТЧК ВЕСЬМА СРОЧНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ВАЖНОСТИ ТЧК ВСЕМ КОРАБЛЯМ НЕМЕДЛЕННО ПРИЗЕМЛИТЬСЯ БЛИЖАЙШИХ КОСМОПОРТАХ ТЧК НЕ ВЗЛЕТАТЬ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ ТЧК УЭЛЛИНГ КОМАНДИР СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ЗЕМЛИ

— Что-то случилось,— заметил Макнаут, впрочем, ничуть не обеспокоенный. Он поплелся в штурманскую рубку, Бурман за ним. Там он сверился с картами и набрал номер внутреннего телефона. Связавшись с Пайком, капитан сказал:

— Слушай, Пайк, принят сигнал тревоги. Всем кораблям немедленно вернуться в ближайшие космопорты. Нам придется сесть в Закстедпорте, примерно в трех летных днях отсюда. Немедленно измени курс, семнадцать градусов на правый борт, наклонение десять.— Он бросил трубку и проворчал: — Мне никогда не нравился Закстедпорт. Вонючая дыра. Пропал наш месячный отпуск. Представляю, какое настроение будет у команды. Впрочем, не могу винить их в этом.

— Как вы думаете, сэр, что случилось? — спросил Бурман. Он выглядел каким-то неспокойным и раздраженным.

— Одному богу известно. Последний раз циркулярная радиограмма была послана семь лет назад, когда «Старейдер» взорвался на полпути между Землей и Марсом. Штаб приказал всем кораблям оставаться в портах, пока не будет выяснена причина катастрофы.— Макнаут потер подбородок, подумал немного и продолжал: — А за год до этого была послана циркулярная радиограмма, когда вся команда к. к. «Блоуган» сошла с ума. В общем, что бы то ни было, это серьезно.

— Это не может быть началом космической войны?

— С кем? — Макнаут презрительно махнул рукой.— Ни у кого нет флота, равного нашему. Нет, это что-то техническое. Рано или поздно нам сообщат причину. Еще до того, как мы сядем в Закстеде.

Действительно, скоро им сообщили. Уже через шесть часов Бурман ворвался в капитанскую рубку с лицом, искаженным от ужаса.

— Ну, а теперь что случилось? — спросил Макнаут, сердито глядя на взволнованного радиоофицера.

— Это капес,— едва выговорил Бурмак. Его руки конвульсивно дергались, как будто он сметал невидимых пауков.

— Ну и что?

— Это была опечатка. В инвентарном списке должно было быть написано «каз. пес».

Капитан продолжал смотреть на Бурмана непонимающим взглядом.

— Каз. пес? — переспросил он.

— Смотрите сами! — С этими словами Бурман бросил радиограмму на стол и стремительно выскочил из радиорубки, позабыв закрыть дверь. Макнаут недовольно хмыкнул и уставился на радиограмму:

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ ТЧК ОТНОСИТЕЛЬНО ВАШЕГО РАПОРТА ГИБЕЛИ В-1098 КАЗЕННОГО ПСА ПИЗЛЕЙКА ТЧК НЕМЕДЛЕННО РАДИРУЙТЕ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ КОТОРЫХ ЖИВОТНОЕ РАСПАЛОСЬ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ТЧК ОПРОСИТЕ КОМАНДУ И РАДИРУЙТЕ СИМПТОМЫ ПОЯВИВШИЕСЯ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА МОМЕНТ НЕСЧАСТЬЯ ТЧК ВЕСЬМА СРОЧНО КРАЙНЕ ВАЖНО УЭЛЛИНГ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ

Закрывшись в своей каюте, Макнаут начал грызть ногти. Время от времени он, скосив глаза, проверял, сколько осталось, и продолжал грызть.

Будничная работа

В той мере, в какой андромедскую мысль-импульс можно выразить буквами, его звали Хараша Вэнеш. Основой основ его существа было самомнение, тем более опасное, что оно было вполне оправдано. Хараша Вэнеш испытал свои природные дарования на пятидесяти враждебных мирах и оказался непобедимым.

Мозг, наделенный способностью к воображению,— вот величайшее преимущество, которым может обладать живое существо. Это его главная опора, средоточие его силы. Однако для Вэнеша именно сознание противника было наиболее уязвимым местом, брешью в броне, средством его покорения.

Но и ему было доступно не все. Он не мог воздействовать на сознание тех, кто принадлежал к тому же биологическому виду, что и он сам, и был наделен теми же способностями. Существу без разума он тоже не мог причинить особого вреда — разве что дать ему хорошего пинка. Однако если чуждая форма жизни умела мыслить и обладала воображением, она становилась его добычей.

Вэнеш был гипнотистом самой высшей пробы и работал без осечки. Он воздействовал на мыслящий мозг с любого расстояния и за тысячную долю секунды успевал убедить его в чем угодно: что черное — это белое, что правда — это ложь, что солнце позеленело, а движение на перекрестке регулирует фараон Хеопс. И внушенное им не стиралось, если только он сам не считал нужным его стереть. В какое бы вопиющее противоречие со здравым смыслом это ни вступало, жертва продолжала бы твердить свое, присягать, клясться на Библии или на Коране и в конце концов очутилась бы в психиатрической лечебнице.

Было только одно ограничение, действенное, по-видимому, для любого места в космосе: он не мог принудить живое существо

к самоубийству. Тут в дело вступал вселенский инстинкт самосохранения, который не поддавался никакому воздействию.

Впрочем, в запасе у Вэнеша оставалось средство почти столь же действенное. Он мог проделать со своей жертвой то же, что змея проделывает с кроликом: внушить ей, будто она парализована и не в состоянии бежать от верной смерти. Он не мог заставить апполана, обитавшего на планетах Арктура, самого перерезать себе горло, но апполан покорно ждал, чтобы Вэнеш подошел к нему и сделал это собственноручно.

Да, Хараше Вэнешу было за что себя уважать. Обработав пятьдесят миров, можно считать, что пятьдесят первый уже у тебя в кармане. Опыт — это верный и преданный слуга, всегда готовый поднести чашу самоупоения.

И на Землю он опустился в самом беззаботном настроении. Накануне он произвел разведку с воздуха, вызвав обычные слухи о летающих блюдцах, хотя его корабль совсем не напоминал никакую посудину.

Он приземлился среди холмов никем не замеченный, вышел из корабля, включил автопилот, который должен был вывести корабль на отдаленную орбиту, и спрятал между камней маленький компактный прибор — с его помощью корабль можно было вызвать в любую минуту.

Там, в вышине, кораблю ничто не грозило. А если бы земляне и обнаружили его с помощью телескопа, что представлялось весьма маловероятным, то сделать они все равно ничего не сумели бы. Ракетных кораблей у них нет. Так пусть себе смотрят, гадают, что же это такое, и терзаются тревогой.

Предварительная разведка не дала ему никаких интересных сведений о внешнем облике и строении высшей формы жизни на планете. Настолько он к ее поверхности не приближался. Впрочем, он намеревался установить только, заслуживает ли эта планета внимания и в достаточной ли степени развито сознание у наиболее разумных из населяющих ее существ. И очень скоро стало ясно, что он наткнулся на весьма лакомый кусочек — на мир, который вполне заслуживает, чтобы андромедские полчища прибрали его к рукам.

Физические же возможности будущих рабов в данную минуту существенного интереса не представляли. Хотя различия между Вэнешом и землянами не были такими уж разительными, однако при виде его любой из них завопил бы от ужаса. Но, впрочем, это им не грозило. Таким, как он есть, они его никогда не увидят. Им он будет представляться таким же, как они сами: в их сознании он мог придать себе какое угодно обличье.

А потому для начала следовало найти наиболее заурядного туземца, который ничем не выделялся бы в толпе ему подобных, создать видеограмму его внешности и запечатлеть ее во всех сознаниях, с которыми ему придется вступать в контакт до тех пор, пока не настанет время сменить один облик на другой.

Процесс общения также не сулил никаких трудностей. Он будет читать вопросы и проецировать ответы, лексическое и грамматическое оформление они обретут в сознании того, с кем он будет общаться. А общаются ли они с помощью звуков, которые издают ртом, или жестикулируя гибкими хвостами, значения не имеет. Подчиненное сознание воспримет его мысль, а соответствующие звуки и движения рта или подергивания хвоста отыщет уже оно само.

Он повернулся и пошел напрямик, туда, где пролегала оживленная дорога, которую он заметил еще во время спуска. На юге небо прочертили несколько примитивных самолетов реактивного типа, и он остановился, одобрительно провожая их взглядом. Главным недостатком пригодных к делу рабов была тупость, которая снижала коэффициент их полезности. Но тут этого опасаться нечего.

Он шел между холмами, вооруженный только крохотным компасом, без которого не сумел бы вернуться к посадочному прибору. Больше он ничего с собой не взял — никакого оружия, ни ножа, ни пистолета. Зачем обременять себя лишней тяжестью? Если ему понадобится орудие уничтожения, первый же подвернувшийся под руку простак-туземец отдаст ему свое и еще спасибо скажет. Только и всего. Он уже десятки раз так делал.

У шоссе стояла небольшая бензозаправочная станция с четырьмя колонками. Спрятавшись в кустах ярдах в пятидесяти от нее, Вэнеш вел наблюдения. Гм-м-м... Двуногие, карикатурно похожие на него, но конечности сгибаются только в одну сторону и волос несравненно больше. Один включал насос, другой сидел в машине. Он не мог создать цельный образ этого последнего, так как видел только его голову и плечи. На первом же была фуражка с лакированным козырьком и металлической бляхой и форменный комбинезон с алой цифрой на кармане.

Он решил, что ни тот ни другой не подходит для создания мысленной видеограммы. Один дает для нее слишком мало материала, второй — слишком много. Те, кто носит форму, обычно находятся на службе, имеют строго определенный круг обязанностей и вызовут недоумение, а то и подвергнутся допросу, если окажутся там, где им быть не положено. Лучше выбрать объект, обладающий полной свободой передвижения.

Машина отъехала. Форменная фуражка вытер руки о кусок ветоши и уставился на шоссе. Вэнеш продолжал наблюдать. Несколько минут спустя к колонке подъехала еще одна машина. Из ее крыши торчала антенна, а внутри сидели двое туземцев, одетых совершенно одинаково: фуражки с козырьками, металлические пуговицы, бляхи. Лица у них были грубые, глаза холодные и безжалостные — несомненно, представители власти. Тоже не подходят, решил Вэнеш. Слишком заметны.

Не подозревая об этом осмотре, один из полицейских спросил заправщика:

— Видел что-нибудь интересное, Джо?

— Ничего такого. Все тихо.

Патрульная машина покатила дальше, а Джо вошел внутрь станции. Вэнеш вытащил из тюбика душистый боб и принялся задумчиво его жевать, ожидая появления новой машины. Итак, они разговаривают посредством ротового аппарата, лишены телепатических свойств, мыслят по стандарту — короче говоря, готовые марионетки для любого гипнотиста, который вздумает подергать их за ниточки.

Тем не менее их автомобили, реактивные самолеты и другие технические игрушки показывали, что туземцев время от времени посещало вдохновение. Согласно андромедской теории, единственной реальной опасностью для гипнотиста было гениальное прозрение, ибо только так иные формы жизни способны обнаружить существование гипнотиста, разобраться в его действиях и расставить ему ловушку.

Это было вполне логично — согласно логике андромедян. Их собственная культура создавалась благодаря отдельным озарениям, которые из века в век добавляли к ней все новые и новые факторы, возникая из ничего каким-то необъяснимым образом. Но озарения происходят спонтанно, сами по себе. Их нельзя искусственно вызвать, какой бы острой ни была потребность в них. А потому тот, у кого не было этой искры, оказывался бессилен, и ему оставалось только покорно ждать своей очереди.

Но скрытая опасность, которую таит в себе всякая чужая культура, заключается в том, что никакой пришелец не в состоянии узнать про нее все, охватить в ней все, разгадать все. Например, кто бы мог предположить, что местные мыслящие существа отличаются интеллектуальной нетерпеливостью? И что из-за этого они никогда не умели сидеть сложа руки и ждать озарения? Вэнеш не знал и даже не мог бы вообразить, что гениальные озарения землянам заменяет скучная, рутинная и, как правило, недооцениваемая работа. Велась она медленно, неуклонно, выматывающе и без внешних эффектов, но ее всегда

можно было пустить в ход по мере надобности, и она давала результаты.

Называли это по-разному: «тянуть лямку», «бить в одну точку», «не искать легких путей» или же попросту «паршивой будничной работой». Ну где еще кто-нибудь об этом слышал?

Во всяком случае, не Вэнеш и его сородичи. А потому он продолжал ждать в своей засаде, пока наконец какой-то серенький, ничем не примечательный индивид не вылез из своей машины и не начал прогуливаться взад-вперед, услужливо предоставляя Вэнешу для копирования все частности своего облика, манеру держаться и одежду. По-видимому, он принадлежал к породе невидных и неслышных особей без глубоких корней, каких можно встретить десятками на любой улице. Вэнеш мысленно сфотографировал его со всех возможных точек, зафиксировал во всех деталях и решил, что больше ждать ему нечего.

Во время спуска Вэнеш заметил, что в пяти милях к северу по шоссе расположено маленькое селение, а в сорока милях от него — большой город, и решил сначала задержаться в селении, набить там руку на туземных обычаях и уж потом отправиться в город. Теперь он мог бы смело выйти из кустов и принудить свою модель отвезти его туда, куда ему было нужно. Это была соблазнительная мысль, но неразумная. Прежде чем он покинет эту планету, ее обитатели начнут ломать голову над множеством необъяснимых происшествий, и не нужно, чтобы первое из них произошло в непосредственной близости от его стартовой площадки. Форменная фуражка наверняка начнет рассказывать всем и каждому об удивительном случае: его клиент взялся подвезти какого-то человека, а он оказался его двойником. Да и сама модель, возможно, будет жаловаться: «Еду — и все время такое ощущение, будто я в зеркало смотрюсь». Несколько таких фактов, и гениальное озарение составит из них верную картину ужасной истины.

А потому Вэнеш подождал, чтобы его модель отъехала, а Джо ушел внутрь станции. Тогда он выбрался на шоссе, прошел полмили на север и остановился, повернувшись к югу.

За рулем первого нагнавшего его автомобиля сидел коммивояжер, который никогда, никогда, никогда не подвозил «голосующих». Он наслушался достаточно историй о том, как добросердечных автомобилистов грабили и убивали, и не собирался подставлять голову под кастет. Если вон тот рассчитывает на него, то так и простоит тут с задранной рукой до будущего четверга.

Он остановился и взял Вэнеша в машину, не понимая, что его на это толкнуло. Он сознавал только, что ни с того ни с сего отступил от своего твердого принципа и согласился подвезти худого, унылого, молчаливого типа, который больше всего смахивал на пожилого гробовщика.

— Далеко едете? — спросил коммивояжер, немного встревоженный своим слабоволием.

— До ближайшего городка,— ответил Вэнеш. Вернее, коммивояжеру почудилось, что он так ответил: он ясно расслышал эти слова и даже на смертном одре поклялся бы, что слышал их. Уловив в его мозгу название городка, Вэнеш спроецировал его обратно, и коммивояжер услышал: — В Нортвуд.

— А где вас там высадить?

— Неважно. Городок маленький. Остановитесь, где вам будет удобнее.

Коммивояжер хмыкнул в знак согласия и больше не заговаривал со своим пассажиром. Мысли его мешались: с чего это он вдруг разыграл из себя доброго самаритянина? В Нортвуде он остановил машину.

— Это вам подойдет?

— Спасибо,— сказал Вэнеш, вылезая.— Очень вам благодарен.

— Не за что,— ответил коммивояжер и поехал дальше, не убитый и не ограбленный.

Вэнеш проводил его взглядом и начал знакомиться с Нортвудом.

Городок оказался даже меньше, чем он предполагал. Магазины на длинной главной улице и на двух коротких боковых. Железнодорожная станция с депо. Четыре небольших промышленных предприятия. Три банка, почта, пожарное депо, два-три муниципальных здания. Вэнеш прикинул, что в Нортвуде живет тысяч пять землян, причем не меньше трети из них работает на окрестных фермах.

Он неторопливо шел по главной улице, и туземцы не обращали на него ни малейшего внимания, хотя сталкивались с ним буквально нос к носу. Но это не щекотало ему нервы: он столько раз находился в подобной же ситуации на других планетах, что давно перестал извлекать из этого удовольствие. Ему было попросту скучно. Тут его увидела собака, испуганно взвыла и бросилась наутек. Никто этого не заметил, и он тоже.

Первый урок он получил внутри магазина. Желая узнать, как туземцы приобретают то, что им требуется, он вошел туда вместе с компанией землян. Оказалось, что они пользуются ме-

новым средством в форме печатных бумажек и металлических дисков. Следовательно, он избавит себя от многих хлопот, если сразу же обзаведется запасом этих бумажек и дисков.

Зайдя затем в переполненный магазин самообслуживания, он быстро разобрался в относительной стоимости денег и составил довольно верное представление об их покупательной способности. Затем он прикарманил небольшую сумму и позаботился сделать это не своими руками. Операция была проще простого.

Стоя в стороне, он сосредоточился на дородной покупательнице, настоящем воплощении добропорядочности. Повинуясь его сигналу, она вытащила кошелек у соседки, рассматривавшей пакеты, вышла из магазина, бросила кошелек на пустыре, даже не заглянув в него, вернулась домой, обдумала случившееся и решила держать язык за зубами.

Улов составил сорок два доллара. Вэнеш их тщательно пересчитал, направился в кафетерий и израсходовал часть их на плотный обед. Ему ничего не стоило бы пообедать даром, но это значило бы обнаружить себя и дать тот материал, который в миг озарения может быть правильно истолкован. Одни блюда показались ему отвратительными, другие были сносны, но в первый раз ничего другого ждать и не следовало, а дальше он научится выбирать.

Нерешенной оставалась проблема ночлега. Сон ему требовался не меньше, чем низшим формам жизни, и для него нужно было найти место. О том, чтобы всхрапнуть под чистым небом или в каком-нибудь сарае, не могло быть и речи: с какой стати он будет спать на сене, если туземцы нежатся на пуховиках?

Присматриваясь, читая мысли, справляясь у прохожих, он мало-помалу выяснил, что может поселиться в отеле или в меблированных комнатах. Первый вариант его не прельстил: это значило почти все время быть на людях и перенапрягаться. В отеле будет опасно на время отключиться и стать самим собой, а он нуждается в таком отдыхе.

Вот в собственной комнате, где ему не будет постоянно грозить вторжение горничной, имеющей второй ключ, он сможет вернуться в нормальное состояние, выспаться и спокойно на досуге обдумать дальнейшие планы.

Он без особого труда отыскал подходящие меблированные комнаты. Неряшливая толстуха с четырьмя бородавками на багровом лице показала ему его будущий приют и потребовала двенадцать долларов задатку, потому что у него не было багажа. Уплатив, он сообщил ей, что его зовут Уильям Джонс, что он приехал сюда на неделю по делам и не любит, чтобы ему мешали.

В ответ она дала ему понять, что ее заведение — истинная обитель мира для приличных людей, а если какой-нибудь забулдыга вздумает привести к себе девку, он в два счета отсюда вылетит. Он заверил ее, что ему ничего подобного в голову не приходило — и это было чистой правдой, так как нечто подобное могло ему привидеться только в кошмаре. Удовлетворенная его заверениями, она удалилась.

Вэнеш присел на край кровати и начал обдумывать положение. Конечно, ему ничего не стоило бы рассчитаться с ней полностью, не уплатив при этом ни единого реального цента. Она ушла бы, глубоко убежденная, что получила с него то, что ей причитается. Но двенадцати долларов у нее все равно не хватало бы, и их таинственная пропажа не могла бы ее не озадачить. И если он останется тут, значит, ему пришлось бы снова и снова ее обманывать, и в конце концов только клинический идиот не заметил бы, что ее убытки точно соответствуют сумме, которую она должна получать с него.

Можно было бы заплатить из чужого кармана, а через неделю переехать и повторить все на новом месте. Но такой способ имел свои теневые стороны. Если это станет известно, мошенника начнут разыскивать, и ему придется сменить личность.

Ни кражи, ни смена личности его не смущали — при условии, что в них существует реальная необходимость. Но он не любил разменяться по мелочам. Это его раздражало. Идти на поводу у второстепенных обстоятельств — значило как бы принимать условия игры, навязываемые ему туземцами, а это оскорбляло его самолюбие.

Тем не менее он не мог не признать очевидной предпосылки и неизбежного вывода: на этой планете, чтобы действовать спокойно, без неприятных осложнений, нужны были деньги. Следовательно, он должен либо раздобыть достаточный запас реальных денег, либо постоянно создавать иллюзию, будто они у него есть. Для того чтобы решить, что проще, особого ума не требовалось.

На других планетах жизненные формы оказывались такими медлительными и тупыми, а их цивилизации — такими примитивными, что для достаточно точной оценки их как будущих противников, а затем рабов много времени не потребовалось. Здесь же положение было гораздо сложнее и требовало более длительной и тщательной разведки. Судя по всему, ему предстоит провести тут довольно много времени. А потому нужно раздобыть денег в количестве, заметно большем, чем суммы, которые обычно носят при себе отдельные индивиды. Когда же запас иссякнет, его придется пополнить.

На следующий день он занялся тем, что проследил движение денег до обильного их источника. Обнаружив этот источник, он начал тщательно его изучать. Говоря на жаргоне преступного мира, он примеривался к банку.

Человек, который, переваливаясь, шел по коридору, весил центнера полтора, о чем свидетельствовал двойной подбородок и внушительный живот. На первый взгляд — просто неуклюжий толстяк. Но первое впечатление бывает обманчиво. Таким телосложением, например, обладал не один чемпион мира по классической борьбе в тяжелом весе. Эдвард Райдер, правда, чемпионом не был, но при случае мог бы расшвырять десяток нападающих в таком стиле, что, окажись там случайно владелец спортивного зала, он сразу же предложил бы Эдварду ангажемент.

Он остановился перед дверью из матового стекла с надписью: «Следственный отдел министерства финансов США». Постучав по стеклу тяжелым кулаком, он вошел и, не дожидаясь ответа, сел без приглашения.

Остролицый субъект, сидевший за большим письменным столом, выразил легкое неудовольствие, но сказал только:

— Эдди, у меня есть для вас довольно паршивое дельце.

— Другого от вас и не дождешься! — Райдер уперся большими руками в большие колени.— И что на этот раз? Еще один незарегистрированный гравер наводнил рынок своими изделиями?

— Нет. Ограбление банка.

Райдер нахмурился. Его густые брови задергались.

— А я думал, что нас интересуют только фальшивые деньги и незаконные валютные операции. Какое нам дело до медвежатников? Ими, по-моему, занимается полиция.

— Они увязли.

— Если банк застрахован, они могут обратиться в ФБР.

— Он не застрахован. Мы предложили им руку помощи. Вашу руку.

— С какой, собственно, стати?

Его собеседник сделал глубокий вдох и принялся быстро объяснять:

— Какой-то ловкач нагрел Первый нортвудский банк на двенадцать тысяч долларов — и никто не знает как. Начальник нортвудской полиции капитан Гаррисон утверждает, что тут сам черт ногу сломит. По его словам выходит, что кому-то в конце концов удалось разработать методику нераскрываемого преступления.

— Ясно, он другого не скажет, если встал в тупик. Ну, а нас почему приплели?

— В ходе следствия Гаррисон обнаружил, что в одной из похищенных пачек было сорок стодолларовых бумажек с последовательными номерами. Эти номера известны. Остальные — нет. Он позвонил нам в надежде, что грабитель начнет ими расплачиваться и мы сможем их проследить. С ним разговаривал Эмблтон, и его заинтересовала идея нераскрываемого преступления.

— Ну и...

— Он посоветовался со мной, и мы оба согласились, что если кто-то и правда научился шить без нитки, для экономики он окажется опаснее, чем крупный фальшивомонетчик.

— Ах так! — с сомнением протянул Райдер.

— Тогда я посоветовался в верхах. И Баллантайн решил, что нам имеет смысл вмешаться — на всякий случай. Я выбрал вас. Человеку с вашим весом полезно поразмяться.— Он пододвинул к себе папку и взял ручку.— Поезжайте в Нортвуд и подсобите капитану Гаррисону.

— Сегодня?

— А у вас есть причина отложить до завтра или до будущей недели?

— Сегодня я обещал пестовать младенца.

— Не говорите глупостей!

— Это не глупость. Это очень серьезно.

— И вам не стыдно? Женились совсем недавно. У вас милая, верящая вам жена...

— О ней и речь. Я дал ей честное слово, что я...

— А я дал слово Баллантайну и Гаррисону, что вы разберетесь в этом деле с обычной своей слоновьей результативностью,— нахмурясь, перебил начальник.— Хотите сохранить свою работу или нет? Ну так позвоните жене и скажите ей, что служебный долг — прежде всего.

— А, ладно! — Райдер вышел, хлопнув дверью, свирепо протопал по коридору, вошел в телефонную будку и двадцать две минуты объяснял жене про служебный долг.

Высокий, сухопарый начальник нортвудской полиции Гаррисон был сыт этим делом по горло. Он сказал:

— Зачем я буду вам все это рассказывать? Свидетельские показания лучше сведений, полученных из вторых рук. А у меня тут ждет очевидец. Я послал за ним, когда узнал, что вы едете.— Он нажал кнопку селектора.— Пошлите ко мне Эшкрофта.

— А кто он такой?

— Старший кассир Первого банка и довольно-таки перепуганная личность.— И, обращаясь к вошедшему свидетелю, он по-

яснил: — Это мистер Райдер, следователь по особо важным делам. Он хотел бы выслушать вашу историю.

Эшкрофт сел, устало потирая лоб. Седой, подтянутый, элегантно одетый человек лет шестидесяти. Райдер мысленно отнес его к тому типу педантичных, немного брюзгливых, но в целом надежных людей, которых принято называть столпами общества.

— Я уже рассказывал ее не меньше двадцати раз,— пожаловался Эшкрофт.— И с каждым разом она выглядит все более нелепо. У меня голова кругом идет. Я не в состоянии найти маломальски правдоподобного...

— Не волнуйтесь,— мягко сказал Райдер.— Просто изложите мне факты, которые вам известны.

— Каждую неделю мы выплачиваем фабрике стеклянной посуды компании «Дакин» что-то между десятью и пятнадцатью тысячами долларов — общую сумму заработной платы ее рабочих и служащих. Накануне фабрика присылает нам распоряжение о выплате с точным указанием суммы и купюр, в которых она хочет ее получить. И к следующему утру у нас все бывает готово.

— А утром?

— С фабрики приезжает кассир с двумя охранниками. Приезжает он всегда около одиннадцати. Не раньше чем без десяти одиннадцать и не позже чем в десять минут двенадцатого.

— Вы знаете его в лицо?

— У них два кассира. Мистер Суэйн и мистер Летерен. За деньгами приезжает иногда тот, иногда другой. Попеременно. То один уходит в отпуск, то заболевает, то занят на фабрике — тогда его подменяет другой. Я хорошо знаю их обоих уже несколько лет.

— Хорошо, продолжайте.

— Кассир привозит с собой запертый кожаный чемоданчик и ключ от него. Он отпирает чемоданчик и отдает его мне. Я кладу деньги в чемоданчик так, что он их считает, и возвращаю его вместе с квитанцией. Он запирает чемоданчик, кладет ключ в карман, расписывается в квитанции и уходит. Я подшиваю квитанцию, на чем все дело и кончается.

— Это небрежность,— заметил Райдер,— что и чемоданчик, и ключ находятся у одного человека.

Ему ответил Гаррисон:

— Мы это проверяли. Ключ находится у охранника. Он отдает его кассиру, когда они приезжают в банк, и забирает обратно после того, как кассир получит деньги.

Проведя языком по пересохшим губам, Эшкрофт продолжал:

— В прошлую пятницу мы приготовили для фабрики двенадцать тысяч сто восемьдесят два доллара. В зал вошел мистер Летерен с чемоданчиком. Ровно в половине одиннадцатого.

— Откуда вы это знаете? — перебил Райдер.— Вы посмотрели на часы? Почему?

— Я посмотрел на часы потому, что немного удивился. Он приехал раньше обычного. Я ждал его только минут через двадцать.

— И было половина одиннадцатого? Вы уверены?

— Абсолютно уверен,— ответил Эшкрофт так, словно это было единственное, в чем он не сомневался.— Мистер Летерен подошел к барьеру и протянул мне чемоданчик. Я поздоровался с ним и сказал, что сегодня он что-то рано к нам выбрался.

— И что он ответил?

— Точных слов я не помню. У меня не было причин запоминать его ответ, а к тому же я в тот момент укладывал деньги в чемоданчик.— Эшкрофт сдвинул брови, напрягая память.— Он сказал что-то банальное — что лучше прийти рано, чем опоздать.

— Что было дальше?

— Я отдал ему чемоданчик и квитанцию. Он запер чемоданчик, расписался и вышел.

— И все? — спросил Райдер.

— Если бы! — ответил Гаррисон и подбодряюще кивнул Эшкрофту.— Ну-ка расскажите ему остальное.

— Без пяти одиннадцать,— продолжал кассир, растерянно глядя перед собой,— мистер Летерен вернулся, положил чемоданчик на барьер и вопросительно посмотрел на меня. Поэтому я спросил: «Что-нибудь случилось, мистер Летерен?» А он ответил: «Насколько мне известно, нет. А что?»

Эшкрофт смолк и снова потер лоб. Райдер сказал:

— Не торопитесь. Мне нужно, чтобы вы изложили все как можно подробнее и точнее.

Эшкрофт взял себя в руки.

— Я ответил, что все должно быть в порядке, так как деньги пересчитывались трижды. Тогда он с некоторым нетерпением заявил, что это его не интересует: пусть их пересчитывали хоть пятьдесят раз, но не могу ли я поторопиться, потому что его ждут на фабрике.

— И это вас слегка ошарашило? — предположил Райдер с угрюмой улыбкой.

— Я совершенно растерялся. Мне показалось, что он шутит, хотя он не производит впечатления человека, находящего удовольствие в глупых розыгрышах. Я сказал, что уже отдал ему деньги полчаса назад. Он спросил, не свихнулся ли я. Тогда я позвал Джексона, младшего кассира, и он подтвердил мои слова. Он видел, как я укладывал деньги в чемоданчик.

— А он видел, как Летерен их унес?

— Да. И сразу об этом сказал.

— И что же ответил Летерен?

— Он сказал, что хочет видеть управляющего. Я проводил его к мистеру Олсену. Через минуту мистер Олсен позвонил, чтобы я принес ему квитанцию. Я вынул ее из папки и обнаружил, что на ней нет никакой подписи.

— Совсем никакой?

— Да. Я ничего не мог понять. Я же своими глазами видел, как он расписывался на этой квитанции. И все-таки в этой строке ничего не было. Ни малейшей черточки.— Он расстроенно помолчал и докончил: — Мистер Летерен потребовал, чтобы мистер Олсен кончил меня расспрашивать и вызвал полицию. Я оставался в кабинете управляющего до прибытия мистера Гаррисона.

Райдер, подумав, спросил:

— А Летерена оба раза сопровождали одни и те же охранники?

— Не знаю. Я их вообще не видел.

— То есть вы хотите сказать, что он был без охраны?

— Они не всегда входят в зал,— ответил за кассира Гаррисон.— Я проверял и перепроверял, пока не зашел в тупик.

— И что же вы узнали по дороге туда?

— Охранники сознательно меняют свое поведение так, чтобы тот, кто задумал ограбление, не знал, где они будут находиться в ту или иную поездку. Иногда они оба сопровождают кассира до барьера и назад. Иногда они ждут у входа и наблюдают за улицей. Или же один остается в машине, а другой расхаживает перед банком...

— Я полагаю, они вооружены?

— Конечно.— Гаррисон посмотрел на Райдера с легкой усмешкой.— Оба охранника клянутся, что в прошлую пятницу они сопровождали Летерена в банк один раз. И приехали туда без пяти минут одиннадцать.

— Но ведь он был в банке в половине одиннадцатого! — возразил Эшкрофт.

— Он это отрицает,— сказал Гаррисон.— И охранники тоже.

— По словам охранников, они вошли в банк? — спросил Райдер, выискивая дополнительные противоречия.

— Не сразу. Они ждали у входа, пока длительное отсутствие Летерена их не встревожило. Они вошли в зал, держа руки на пистолетах. Но Эшкрофт их увидеть не мог, так как он уже был в кабинете Олсена.

— Ну, вы сами видите, как обстоит дело,— сказал Райдер, внимательно глядя на злополучного Эшкрофта.— Вы утверждае-

те, что Летерен получил деньги в половине одиннадцатого. Он утверждает, что не получал их. Одно исключает другое. У вас есть какие-нибудь объяснения?

— Вы мне не верите, ведь так?

— Почему же? Я пока не делаю выводов. Мы столкнулись с противоречивыми показаниями. Но отсюда вовсе не следует, что один из свидетелей сознательно лжет и что именно в нем следует заподозрить преступника. Кто-то из них может говорить, как ему кажется, совершенную правду — и искренне заблуждаться.

— Вы имеете в виду меня?

— Не исключено. Вы ведь не непогрешимы. Непогрешимых людей не бывает.— Райдер наклонился вперед, придавая особый смысл своим словам.— Будем считать, что факты верны. Если вы сказали правду, значит, деньги были взяты в половине одиннадцатого. Если Летерен сказал правду, значит, он их не брал. Соединим эти факты, и что же мы получим? Ответ: деньги унес кто-то, кто не был Летереном. И если это окажется так, значит, вы впали в заблуждение.

— Нет! Я не обознался,— возразил Эшкрофт.— Я знаю, кого я видел. Я видел Летерена, и только его. Или я должен допустить, что не могу доверять собственным глазам!

— Вы ведь это уже допустили,— заметил Райдер.

— Ничего подобного.

— Вы сказали нам, что смотрели, как он подписывает квитанцию. Вы собственными глазами видели, как он ставил свою подпись.— Райдер сделал выжидательную паузу, но кассир не сказал ни слова.— Однако никакой подписи на квитанции не оказалось.

Эшкрофт угрюмо молчал.

— Если вы могли заблуждаться относительно подписи, то вы могли заблуждаться и относительно того, кто подписывался.

— Я не страдаю галлюцинациями.

— Да? — сухо сказал Райдер.— Ну, а квитанция, как вы это объясните?

— Я ничего не обязан объяснять,— внезапно вспылил Эшкрофт.— Я изложил вам факты. А объяснить их — ваше дело.

— Справедливо,— согласился Райдер.— И мы не обижаемся, когда нам об этом напоминают. Надеюсь, вы не обидитесь, что вас так долго расспрашивали об одном и том же? Спасибо, что вы согласились прийти.

— Рад быть полезным.— И Эшкрофт с видимым облегчением вышел из комнаты.

Гаррисон сунул в рот зубочистку, пожевал ее и объяснил:

— Не дело, а черт знает что. Еще день-другой, и вы пожалеете, что вас прислали сюда учить меня уму-разуму.

Задумчиво разглядывая начальника полиции, Райдер процедил:

— Я приехал не для того, чтобы учить вас, а чтобы помочь вам, так как вы заявили, что вам нужна помощь. Ум хорошо, а два — лучше. Сто умов лучше десяти. Но если вы предпочтете, чтобы я отправился восвояси...

— Ерунда,— сказал Гаррисон.— В такие моменты я на всех огрызаюсь. Мое положение не похоже на ваше. Если кто-то грабит банк у меня под носом, он делает из меня идиота. А вам понравилось бы быть и начальником полиции и идиотом?

— Последнее определение я принял бы, только если бы признал, что потерпел полное поражение. Вы это признаете?

— И не думаю.

— Так хватит кусаться. Нам есть над чем подумать. В этой истории с квитанцией кроется что-то очень странное. Ни с чем не сообразное.

— По-моему, все ясно как день,— возразил Гаррисон.— Либо Эшкрофт был обманут, либо обманулся сам.

— Не в этом дело,— сказал Райдер.— Непонятно другое. Если считать, что они с Летереном оба говорят правду, то деньги забрал кто-то еще, какой-то неизвестный. И я не могу понять, зачем было преступнику отдавать квитанцию неподписанной с риском, что его тут же разоблачат? Не проще ли ему было расписаться за Летерена? Так почему же он этого не сделал?

Гаррисон задумался.

— Может быть, он боялся — а вдруг Эшкрофт заметит, что подпись подделана, вглядится в него повнимательнее и поднимет тревогу?

— Если он сумел выдать себя за Летерена, то, наверное, мог бы научиться подделывать его подпись.

— Ну а если он не подписался, потому что неграмотен? — предположил Гаррисон.— Я знавал бандитов, которые научились писать только за решеткой.

— Может быть,— согласился Райдер.— Но в любом случае главное подозрение пока падает на Эшкрофта и Летерена. И следует точно установить, виновны они или нет, прежде чем мы начнем дальнейшие розыски. Я думаю, вы обоих уже проверили?

— Еще бы! — воскликнул Гаррисон и скомандовал в селектор: — Пришлите мне папку по Первому банку. Начнем с Эшкрофта. Финансовое положение хорошее, в прошлом все чисто, превосходная репутация, никаких оснований стать банковским грабителем. Джексон, младший кассир, в какой-то мере под-

утверждает его показания. И спрятать деньги Эшкрофт нигде не мог. Мы обыскали банк сверху донизу, и в течение этого времени Эшкрофт все время был под наблюдением. И ничего не нашли. Дальнейшее следствие выявило ряд обстоятельств, говорящих в его пользу... Подробности я расскажу вам позже.

— Вы убеждены в его невиновности?

— Почти, но не совсем,— ответил Гаррисон.— Он мог отдать деньги сообщнику, загримированному под Летерена. В таком случае в банке их прятать бы не пришлось. Эх, если бы обыскать его дом как следует! Одна бумажка с известным номером сразу все поставила бы на свое место! Но судья Мексон отказался подписать ордер на обыск за недостаточностью оснований. Сказал, что для этого требуются более веские подозрения. И, вообще-то говоря, он прав.

— А фабричный кассир Летерен?

— Ему пятьдесят восемь лет. Убежденный холостяк. Ну, я не стану пересказывать вам его биографию. Ведь он никак не может быть виновным.

— Вы уверены?

— Судите сами. Фабричная машина стояла перед конторой все утро до десяти часов тридцати пяти минут. Затем в нее сели Летерен и охранники, чтобы ехать в банк. Раньше чем за двадцать минут они добраться до банка не могли. У Летерена просто не было времени, чтобы заехать в банк раньше на каком-то другом автомобиле, вернуться на фабрику, взять охранников и снова туда отправиться.

— Не говоря уж о необходимости успеть в промежутке где-то спрятать добычу,— вставил Райдер.

— Нет, сделать этого он не мог. Кроме того, сорок свидетелей на фабрике подтверждают, что Летерен был там все время с той минуты, как пришел на работу в девять, и до десяти тридцати пяти, пока он не уехал в банк. Полное алиби.

— По-видимому, его сразу можно сбросить со счетов.

Гаррисон скривил губу и сказал:

— Так-то оно так, но с тех пор мы нашли пятерых свидетелей, которые видели, как в десять тридцать он входил в банк.

— Другими словами, они подтверждают показания Эшкрофта и Джексона?

— Да. Я сразу же послал всех своих людей прочесать улицу до конца и ближайшую поперечную улицу. Ну, обычная паршивая будничная работа. Они разыскали троих свидетелей, готовых показать под присягой, что видели, как Летерен входил в банк в десять тридцать. Они его не знают, но опознали по фотографии.

— А его машину они заметили? Описали ее?

— Машину они не видели. Он шел пешком, неся чемоданчик. И заметили они его только потому, что какая-то дворняжка вдруг взвыла и бросилась от него со всех ног. Ну, они и подумали, что он ее пнул, только не поняли — за что.

— Они утверждали, что он ее пнул?

— Нет.

Райдер задумчиво потер оба своих подбородка.

— Так чего же она взвыла и удрала? Просто так собаки этого не делают. Либо ее ударили, либо она чего-то испугалась.

— Ну и что? — Гаррисону было не до дворняжек.— Еще ребята разыскали человека, который говорит, что видел, как Летерен несколько минут спустя выходил из банка с чемоданчиком. Никаких охранников он не заметил. Он говорит, что Летерен пошел по улице так, словно ни о чем не беспокоился, но потом остановил такси и уехал.

— Вы нашли шофера?

— Да. Он тоже узнал его по фотографии, которую мы ему показали. Заявил, что отвез Летерена к кинотеатру «Камея» на Четвертой улице, но не видел, вошел он туда или нет. Просто высадил его, получил деньги и уехал. Мы допросили служащих «Камеи», обыскали там все. И ничего не нашли. Но рядом — автобусная станция. Мы вымотали там у них все жилы, но ничего не узнали.

— И это пока все?

— Не совсем. Я позвонил в министерство финансов и сообщил им номера банкнот. В восьми штатах я объявил розыск человека с приметами Летерена. Пока мы разговариваем, мои ребята с его фото прочесывают все отели и меблирашки. Он где-то притаился — возможно, у нас же в городе. Но что еще предпринять, я не знаю.

Райдер откинулся на спинку кресла, которое протестующе скрипнуло. Он думал, а Гаррисон неторопливо жевал зубочистку.

Затем Райдер заговорил:

— Превосходная репутация, финансовое благосостояние и отсутствие явного мотива — все это стоит куда меньше свидетельских показаний. У человека могут быть тайные причины. Например, ему почему-то необходимо сейчас же раздобыть двенадцать тысяч долларов, а времени получить их законным путем под страховку, акции или облигации у него нет. Скажем, ему дано только двадцать четыре часа, чтобы раздобыть выкуп.

Глаза Гаррисона выпучились.

— Вы считаете, что нам следует проверить, все ли родственники Эшкрофта и Летерена живы и здоровы и не исчезал ли кто-нибудь из них в последние дни?

— Как сочтете нужным. Сам я считаю, что ничего, кроме лишних хлопот, это не даст. Похититель знает, что ему грозит смертная казнь. Так станет ли он рисковать из-за каких-то жалких двенадцати тысяч, когда может с тем же успехом выбрать жертву побогаче и назначить выкуп побольше? К тому же, даже если проверка принесет положительные результаты, это не объяснит, как был осуществлен грабеж, и не даст нам доказательств, которые суд и присяжные могли бы счесть убедительными.

— Пожалуй,— согласился Гаррисон.— Тем не менее проверка не помешает. Мне самому ничего и делать не придется. Если не считать жены Эшкрофта, все их родственники живут в других городах. Надо будет просто связаться с тамошней полицией.

— Как хотите. И раз уж мы принялись шарить впотьмах, так поручите кому-нибудь узнать, нет ли у Летерена на заднем плане бездельника-братца, способного извлечь выгоду из их сходства. А вдруг Летерен — многострадальная половина пары близнецов-двойников?

— В этом случае,— проворчал Гаррисон,— он стал его сообщником с той минуты, как утаил от нас существование такого брата.

— С юридической точки зрения, конечно. Но ведь можно взглянуть на дело и по-человечески. Человек, который боится позора, сам на него напрашиваться не станет. Будь у вас брат — матерый рецидивист, стали бы вы разглашать это?

— Просто так — нет. В интересах правосудия — да.

— Люди же не одинаковы. И слава богу, что так.— Райдер нетерпеливо пожал плечами.— Ну с теми, на кого прямо падает подозрение, мы покончили. Посмотрим, что можно сказать о третьем и неизвестном.

— Я уже говорил вам, что объявил розыск человека с приметами Летерена,— ответил Гаррисон.

— Да, я помню. По-вашему, это может что-то дать?

— Трудно сказать. Возможно, он мастер переодевания. В этом случае сейчас он уже совсем не похож на того человека, которого видели свидетели. Если же сходство это — настоящее, большое и не поддающееся маскировке, розыск, скорее всего, даст результаты.

— Пожалуй. Однако если речь идет не о кровном родстве — а этот вариант вы все равно проверяете,— то сходство, скорее всего, искусственное. Слишком уж велико было бы совпадение. Будем исходить из того, что оно искусственное. Какие мы можем сделать из этого выводы?

— Оно было слишком уж большим,— заметил Гаррисон.— Настолько большим, что обмануло нескольких свидетелей. Таким большим, что становится немного не по себе.

— Вот именно,— подхватил Райдер.— И ведь столь одаренный художник своего дела сможет повторить то же самое снова и снова, разыскивая подходящую жертву примерно одного с собой сложения. Следовательно, сходство между ним и Летереном может быть не больше, чем между мной и цирковым тюленем. У нас нет его настоящих примет, и это серьезная помеха. И пока мне не приходит в голову, как мы могли бы установить его подлинный облик.

— Мне тоже,— сказал Гаррисон уныло.

— Впрочем, у нас еще есть шанс: десять против одного, но сейчас он выглядит так, как раньше — до своего трюка. Ему незачем было прибегать к маскараду, пока он проводил примерку и разрабатывал свой план. Грабеж прошел гладко, как по расписанию, и, значит, все до последней мелочи было предусмотрено заранее. А такого рода работа требует долгих предварительных наблюдений. Он не мог за один раз выяснить, каков порядок получения денег, и запомнить наружность Летерена. Разве что он чтец мыслей на расстоянии.

— Я в это не верю,— объявил Гаррисон.— Как в астрологов и ясновидящих.

Не слушая, Райдер продолжал:

— Следовательно, некоторое время до грабежа он жил в городе или в его окрестностях. Довольно много людей должны были его постоянно видеть и могли бы его описать. Ваши ребята, бегая по пивным с фотографиями, его не найдут, потому что он не похож на эту фотографию. Нам нужно установить, где он жил, и узнать, как он выглядит.

— Легче сказать, чем сделать!

— Вариант не из простых, но возьмемся за него. В конце концов мы чего-нибудь добьемся — хотя бы места в сумасшедшем доме...— Он умолк и задумался.

Гаррисон сосредоточенно уставился в потолок. Не подозревая об этом, оба прибегли к обычной для Земли замене гениального прозрения, которое случается так редко. Раза два Райдер открывал рот, словно собирался что-то сказать, но тут же снова его закрывал и опять погружался в размышления. Наконец он все-таки сказал:

— Чтобы с такой уверенностью выдавать себя за Летерена, он ведь должен был не только придать себе внешнее сходство с ним, но и одеться точно так же, ходить той же походкой, вести себя точно так же, пахнуть так же...

— Он ничем не отличался от Летерена,— ответил Гаррисон.— Я допрашивал Эшкрофта, пока нам обоим не стало тошно. У него все было как у Летерена, вплоть до ботинок.

— А чемоданчик? — спросил Райдер.

— Чемоданчик? — На худом лице Гаррисона мелькнуло недоумение, тотчас сменившееся злостью на себя.— Тут вы меня поймали. Про чемоданчик-то я и не спросил. Тут я дал маху.

— Не обязательно. Возможно, и он тот же самый, но лучше бы проверить.

— Сейчас и проверим.— Гаррисон взял телефонную трубку, набрал номер и сказал: — Мистер Эшкрофт, у меня к вам есть еще один вопрос. Чемоданчик, в который вы укладывали деньги, он был тот же, с которым всегда приезжали кассиры с фабрики?

Райдер тоже услышал решительный ответ:

— Нет, мистер Гаррисон, это был новый чемоданчик.

— Что?! — взревел Гаррисон, багровея.— Почему же вы раньше молчали?

— Вы меня не спросили, а я не вспомнил. Но если бы и вспомнил, то не придал бы этому никакой важности.

— Послушайте, решать, что важно, а что — нет, это моя обязанность, а не ваша.— Он бросил на Райдера мученический взгляд и продолжал раздраженно: — Так давайте выясним все раз и навсегда. Если не считать его новизны, чемоданчик был точно таким же, как тот, с которым приезжали кассиры?

— Нет, сэр. Но очень похожим. Такая же форма, такой же латунный замок, почти такие же размеры. Но он был чуть длиннее и на дюйм глубже. Я помню, что, укладывая деньги, удивился, зачем им понадобилось покупать второй чемоданчик, но потом решил, что они хотят, чтобы мистер Летерен и мистер Суэйн ездили каждый со своим чемоданчиком.

— А вы не заметили какого-нибудь отличительного признака? Ярлычок с ценой, марка фирмы, инициалы или еще что-нибудь?

— Ничего. Я ведь не смотрел специально. Не предвидя дальнейшего, я не мог...

Голос Эшкрофта оборвался на середине фразы, так как Гаррисон раздраженно швырнул трубку на рычаг. Он уставился на Райдера, который ничего не сказал.

— К вашему сведению,— заявил Гаррисон,— я пришел к выводу, что профессия уборщика общественных туалетов имеет множество преимуществ, и бывают времена, когда я испытываю большое искушение...— Он задохнулся и включил селектор.

— Есть там кто-нибудь свободный?

— Кастнер, шеф.

— Ну так пошлите его сюда.

Вошел сыщик Кастнер. Он был одет весьма элегантно и явно знал, как ориентироваться в пучине порока.

— Джим! — распорядился Гаррисон.— Слетайте-ка на стекольную фабрику и возьмите чемоданчик кассира. Только убедитесь, что это тот, который они берут с собой в банк. Побывайте с ним во всех галантерейных магазинах города и установите, кому и когда за последний месяц были проданы такие же чемоданчики. Если отыщете покупателя, то пусть он предъявит вам свой чемоданчик и скажет, где он был и что делал в половине одиннадцатого в прошлую пятницу.

— Будет сделано, шеф.

— Звоните мне, как только что-нибудь выясните.

После ухода Кастнера Гаррисон сказал:

— Чемоданчик был куплен специально для этого ограбления. Следовательно, приобретен он скорее всего недавно и, вероятно, у нас в городе. Если в городских магазинах ничего выяснить не удастся, займемся соседними городами.

— Вы займитесь этим,— согласился Райдер,— а я тем временем тоже кое-что предприму.

— А что именно?

— Мы ведь живем в век науки и передовой техники. Мы располагаем широко развитыми и отлично действующими средствами связи, а также действенными системами сбора и хранения информации. Так воспользуемся же тем, что у нас есть.

— Что вы задумали? — спросил Гаррисон.

— Такой ловкий и легкий грабеж просто напрашивается на повторение. Не исключено, что преступник уже не раз пользовался своим способом, и уж, во всяком случае, этим банком он не ограничился.

— Ну и...

— У вас есть его описание, хотя вряд ли оно даст нам много. Но,— Райдер подался вперед,— мы знаем его методы, и вот из них мы можем исходить.

— Да, верно.

— А потому сведем его описание к особенностям, замаскировать которые трудно, к таким как рост, вес, тип фигуры, цвет глаз. Остальное можно отбросить. И сжато опишем его метод, указывая только факты. Все это мы можем уложить слов в пятьсот.

— А потом?

— В нашей стране имеется шесть тысяч двести восемь банков, из них шесть тысяч с лишним входят в Банковскую ассоциацию. Наш департамент снабдит ассоциацию циркулярным письмом в количестве экземпляров, достаточном, чтобы разо-

слать его всем ее членам. Они будут предупреждены о возможности грабежа, а если он все-таки повторится или что-то подобное уже имело место, мы сразу узнаем об этом во всех подробностях.

— Хорошая мысль! — одобрил Гаррисон.— Возможно, где-то начальник полиции ломает голову над двумя-тремя данными, которых не хватает нам, а мы в свою очередь могли бы сообщить ему кое-что интересное. И обмен сведениями даст и нам и ему все, что нужно для поимки преступника.

— Не исключено, что нам удастся значительно упростить процедуру,— сказал Райдер.— При условии, что мы имеем дело с рецидивистом. Если же нет, тогда ничего не выйдет. Но если он был прежде арестован за что-нибудь подобное, мы найдем его карточку в один момент.— Мечтательно посмотрев на потолок, он добавил: — Вашингтонская картотека — это что-то!

— Конечно, я про нее знаю,— сказал Гаррисон,— но видеть не видел.

— Одному моему приятелю, почтовому инспектору, она недавно сослужила неплохую службу. Он разыскивал типа, который продавал по почте фальшивые нефтяные акции. Он обморочил уже пятьдесят простаков с помощью отлично сработанных документов — заключения геологической разведки, лицензий и так далее. Никто из пострадавших его никогда не видел и потому не мог описать.

— Маловато для следствия!

— Конечно, но и этого хватило. Попытки почтовых властей расставить ему ловушку потерпели неудачу. Он был большой ловкач, а это уже само по себе улика. Несомненно, такой искушенный мошенник не мог не значиться в картотеке.

— И что было дальше?

— Его данные закодировали и вложили в скоростной экстрактор. Ну, словно дали ищейке понюхать платок. Вы и высморкаться бы не успели, как электронные пальцы уже ощупали сотни тысяч перфорированных карточек. Не тронув профессиональных убийц, грабителей и взломщиков разных категорий, они выбрали примерно четыре тысячи мошенников. Из них они отсортировали, скажем, шестьсот аферистов, специализирующихся на всучении несуществующих ценных бумаг. А из этих отобрали сотню оперирующих нефтяными псевдоакциями, после чего выделили тех двенадцать, кто ограничивал свою деятельность почтовыми отправлениями.

— Да, это заметно сузило поиски,— согласился Гаррисон.

— Машина выбросила двенадцать карточек,— продолжал Райдер.— Будь данных больше, она бы сразу выдала одну-един-

ственную карточку. А так их оказалось двенадцать. Впрочем, никакого значения это уже не имело. Быстрая проверка установила, что из этих двенадцати четверо уже умерли, а шестеро сидели за решеткой. Из оставшихся двух одного сразу нашли, и было точно установлено, что он тут ни при чем. Итак, остался только один. Почтовые власти теперь располагали его фамилией, фотографией, отпечатками пальцев, сведениями о его привычках, связях и обо всем прочем, кроме разве что брачного свидетельства его мамаши. Он был арестован через три недели.

— Неплохо. Но я не понимаю, почему они сохраняют в картотеке тех, кто умер.

— Иногда новые данные позволяют установить, что давние преступления, оставшиеся нераскрытыми,— это дело их рук. А рабы картотек терпеть не могут незаконченных дел. Они готовы ждать хоть полжизни, лишь бы пометить их как закрытые. Обожают аккуратность, понимаете?

— Понимаю,— задумчиво ответил Гаррисон.— Казалось бы, преступник, попавший в картотеку, мог бы сообразить, что теперь следует начать честную жизнь или хотя бы изменить методы.

— Нет, они всегда повторяются. Попадают в колею и уже не могут из нее выбраться. Мне еще не приходилось слышать, чтобы фальшивомонетчик пошел в наемные убийцы или стал бы красть велосипеды. И наш молодчик снова проделает тот же трюк и практически теми же методами. Вот увидите! — Он кивнул в сторону телефона.— Не возражаете, если я закажу парочку междугородних разговоров?

— Сколько хотите. Я ведь их не оплачиваю.

— Ну, в таком случае я закажу и третий. Женушка имеет право на то, чтобы о ней вспоминали.

— Валяйте! — Гаррисон встал и направился к двери, всем своим видом выражая глубочайшее отвращение.— А я поработаю где-нибудь еще. Меня всегда мутит, когда взрослый мужчина начинает ворковать и сюсюкать.

Посмеиваясь, Райдер взял телефонную трубку:

— Соедините меня с министерством финансов, Вашингтон, добавочный четыреста семнадцать, мистер О'Киф.

Следующие двадцать четыре часа земные методы продолжали применяться с тем же утомительным упорством. Полицейские задавали вопросы владельцам магазинов, местным сплетницам, барменам, бывшим уголовникам, тайным осведомителям — короче говоря, всем тем, кто мог случайно что-то знать или что-то услышать. Сыщики в штатском стучали в двери, допрашивали

тех, кто им отвечал, наводили справки о тех, кто отвечать отказался. Дорожная полиция проверяла мотели и кемпинги, допрашивала владельцев, управляющих, помощников. Шерифы объезжали фермы, где иногда сдавались комнаты.

В Вашингтоне одна машина выбросила шесть тысяч экземпляров циркулярного письма, а неподалеку другая машина печатала адреса на шести тысячах конвертов. Рядом с ней электронные пальцы, прощупывая миллионы перфорированных карточек, отыскивали специфическое расположение отверстий. В десятке больших и маленьких городов полицейские навели справки о некоторых людях, сообщили то, что узнали, по телефону в Нортвуд и занялись текущими делами.

Как обычно, прежде всего была получена стопка отрицательных ответов. Все родственники Эшкрофта были целы и невредимы, и никто из них в последнее время не исчезал из дому. В семье Летерена не имелось ни одной черной овцы, брата-близнеца у него не было, а единственный брат, моложе его на десять лет и не особенно на него похожий, обладал безупречной репутацией, да и все утро пятницы провел у себя в конторе, что подтверждали надежные свидетели.

Ни один банк не сообщил о похищении денег ловким жуликом, загримированным под уважаемого клиента. Ни в меблированных комнатах, ни в отелях, ни в кемпингах не удалось обнаружить постояльца, хотя бы отдаленно похожего на Летерена.

В картотеке имелось сорок два мошенника, живых и мертвых, хитро ограбивших банки. Но их способы совсем не походили на примененный в этот раз. Машина с сожалением выдала ответ: «Не значится».

Однако достаточное число негативных факторов позволило прийти к некоторым позитивным выводам. Обдумав полученные ответы, Гаррисон и Райдер сошлись на том, что Эшкрофта и Летерена можно считать непричастными к грабежу, что неизвестный преступник еще только начинает свою карьеру и первый успех побудит его повторить удавшуюся операцию и что, используя свой особый талант, он скрывается теперь под совсем другой личиной.

Первая удача выпала им в конце дня. В кабинет вошел Кастнер, сдвинул шляпу на затылок и сказал:

— Возможно, я кое на что набрел.

— А именно? — спросил Гаррисон, настораживаясь.

— Такие чемоданчики особым спросом не пользуются, и продает их только один магазин. За последний месяц им удалось сбыть три.

— Оплачивались чеками?

— Наличными,— и, угрюмо улыбнувшись разочарованию своего начальника, Кастнер продолжал: — Но двое были давними уважаемыми клиентами. Оба купили свои чемоданчики недели три назад. Чемоданчики они мне предъявили и рассказали, как провели утро пятницы. Я проверил их истории — все совершенно верно.

— Ну а третий покупатель?

— К этому я и веду, шеф. По-моему, он нам и требуется. Чемоданчик он купил накануне ограбления. И его никто не знает.

— Приезжий?

— Не совсем. Хильда Кассиди, продавщица, которая его обслуживала, подробно описала его. Говорит, что это пожилой тихий человечек с острым лицом. Похож на бальзамировщика, у которого болят зубы.

— Ну а почему вы думаете, что он не приезжий?

— А потому, шеф, что кожаными изделиями в городе торгуют одиннадцать магазинов. Я ведь здешний, но и мне пришлось порыскать, прежде чем я отыскал тот, где имелись эти чемоданчики. Ну, и этот служитель морга — решил я — тоже не сразу нашел то, что ему требовалось. А потому я еще раз прошелся по магазинам, спрашивая их уже прямо о нем.

— Ну?

— В трех вспомнили, что похожий по описанию человек спрашивал товар, которого они не держат,— он сделал многозначительную паузу.— Сол Бергмен из «Туриста» говорит, что его физиономия показалась ему знакомой. Кто он, Бергмен не знает и ничего к этому добавить не может. Но он уверен, что видел его раза два раньше.

— Может быть, он время от времени приезжает в город, а живет где-то не очень близко.

— И я так думаю, шеф.

— «Не очень близко» может означать любое место в радиусе ста миль, а то и дальше,— проворчал Гаррисон. Он кисло посмотрел на Кастнера.— Кто из них лучше всех его разглядел?

— Хильда Кассиди.

— Ну так привезите ее сюда, и поживее!

— Уже привез, шеф. Дожидается в приемной.

— Молодец, Джим! — сказал Гаррисон, повеселев.— Давайте ее сюда!

Кастнер вышел и вернулся с продавщицей. Это была высокая стройная девушка лет двадцати с умным лицом. Она сидела, положив руки на колени, и со спокойной деловитостью отвечала на вопросы Гаррисона, который старался как можно полнее

выяснить, что еще она может вспомнить о внешности подозрительного покупателя.

— Опять то же! — пожаловался Гаррисон, когда она замолчала.— Ребятам придется еще раз обойти город и проверить, не знает ли кто-нибудь этого типа.

— Если он только приезжает в город, вам нужно будет заручиться содействием полиции других городов,— вмешался Райдер.

— Да, конечно.

— Но, возможно, мы сумеем облегчить им задачу.— Райдер посмотрел через стол на девушку.— Если мисс Кассиди согласится нам помочь.

— С удовольствием, если только сумею.

— Что вы еще придумали? — поинтересовался Гаррисон.

— Думаю заручиться услугами Роджера Кинга.

— А кто он такой?

— Художник в штате нашего департамента. Подрабатывает на стороне карикатурами. Он настоящий мастер.— Райдер снова повернулся к девушке.— Не могли бы вы завтра прийти сюда пораньше на все утро?

— Если управляющий разрешит.

— Он разрешит. Это я беру на себя,— объявил Гаррисон.

— Вот и прекрасно,— сказал Райдер девушке.— Когда вы придете, мистер Кинг покажет вам фотографии разных людей. Вам нужно будет внимательно их рассмотреть и указать на те черты, которые напомнят вам лицо человека, купившего этот чемоданчик. Тут подбородок, там нос, еще где-то — рот. А мистер Кинг нарисует по ним словесный портрет и будет изменять его по вашим указаниям, пока сходство не станет полным. Ну как, справитесь?

— Конечно.

— Можно сделать даже лучше,— вмешался Кастнер.— Сол Бергмен до смерти обрадуется, если и его попросить помочь. Он такие штуки любит.

— Ну так пригласите его назавтра.

Когда Кастнер и девушка ушли, Райдер спросил у Гаррисона:

— У вас тут найдется кто-нибудь, чтобы размножить портрет?

— Конечно.

— Вот и хорошо.— Райдер повернулся к телефону.— Можно, я добавлю к счету еще цифру-другую?

— Мне-то все равно, пусть даже мэр при виде этого счета в обморок хлопнется,— ответил Гаррисон.— Но если вы намерены

изливать в трубку первобытную страсть, так и скажите, чтобы я успел загодя убраться.

— На этот раз — нет. Возможно, она и тоскует, но долг прежде всего! — Он взял трубку.— Министерство финансов, Вашингтон, добавочный триста тридцать восемь. Попросите Роджера Кинга.

Рисунок Кинга был разослан вместе с описанием и просьбой задержать человека, ему отвечающего. Всего через несколько минут после того, как они попали к адресатам, в кабинете Гаррисона зазвонил телефон. Он схватил трубку.

— Казармы полиции штата. Говорит сержант Уилкинс. Мы только что получили ваш пакет. Я знаю этого типа, он живет на моем участке.

— Кто он такой?

— Уильям Джонс. Владелец небольшого питомника на шоссе номер четыре, часах в двух езды от вашего города. Довольно унылая личность, но ничего дурного о нем неизвестно. Я бы сказал, что он отъявленный пессимист, но человек честный. Хотите, чтобы мы его задержали?

— А вы уверены, что это он?

— На вашем рисунке его лицо, а больше я ничего утверждать не берусь. В полиции я служу столько же, сколько и вы, и при опознании ошибок не делаю.

— Конечно, сержант. Мы будем очень вам благодарны, если вы пришлете его к нам для выяснения.

— Хорошо.

Он повесил трубку. Гаррисон откинулся на спинку стула и вперил взгляд в стол, взвешивая то, что услышал. Через несколько минут он сказал:

— Все-таки меня бы больше устроило, если бы этот Джонс в прошлом был, скажем, цирковым клоуном или эстрадным имитатором. Владелец питомника в двух часах езды от ближайшего города больше смахивает на простака-фермера, чем на ловкача, способного провернуть такое дело.

— Возможно, он только сообщник. Купил чемоданчик перед ограблением, потом спрятал деньги или стоял на стреме, пока грабитель был в банке.

Гаррисон кивнул.

— Ну, мы все выясним, когда он придет. И если он не сумеет доказать, что купил чемоданчик без всякой задней мысли, ему придется плохо.

— А если сумеет?

— Тогда мы вернемся к тому, с чего начали.— Гаррисон помрачнел, подумав об этом, но тут зазвонил телефон, и он схватил трубку.— Нортвудский полицейский участок.

— Говорит полицейский Клинтон, шеф. Я только что показал этот рисунок миссис Бастико. Она содержит меблированные комнаты. Дом сто пятьдесят семь по Стивенс-стрит. Она клянется, что это Уильям Джонс, который жил у нее десять дней. Он явился к ней без багажа, но позже купил себе чемоданчик, вроде того кассирского. В субботу утром он уехал, захватив чемоданчик. У него было уплачено вперед за четыре дня, но он ни слова про это не сказал и больше не возвращался.

— Подождите там, Клинтон. Мы сейчас подъедем.— Гаррисон причмокнул и сказал Райдеру: — Ну, поехали!

Полицейская машина быстро доставила их к дому 157 по Стивенс-стрит. Это было ветхое кирпичное здание с каменной лестницей, истертой тысячами подошв.

Миссис Бастико, чье топорное лицо украшали бородавки, воскликнула в добродетельном негодовании:

— У меня в доме еще никогда не бывало полиции. За все двадцать лет!

— Ну, зато в нем хотя бы теперь побывали порядочные люди,— утешил ее Гаррисон.— Так что вы можете сказать про этого Джонса?

— Да ничего особенного,— ответила она, все еще кипя.— Он почти все время запирался у себя. А у меня нет привычки вступать в разговоры с жильцами, если они ведут себя прилично.

— Он упоминал что-нибудь о том, откуда он приехал, или куда намерен отправиться дальше, или еще что-нибудь в том же роде?

— Нет. Он уплатил вперед, сказал мне свою фамилию, объяснил, что приехал по делам, а больше ничего. Он каждое утро куда-то уходил, вечером возвращался рано, всегда был трезвым и ни к кому не приставал.

— А к нему кто-нибудь приходил? — Гаррисон вытащил фотографию Летерена.— Вот этот человек, например?

— Ваш полицейский вчера показывал мне эту карточку. Я его не знаю. Я ни разу не видела, чтобы мистер Джонс с кем-то разговаривал.

— Гм-м-м...— разочарованно протянул Гаррисон.— Ну, мы осмотрим его комнату. Вы не против?

Она неохотно провела их наверх, отперла дверь и предоставила им перерыть комнату, как им вздумается. Судя по лицу миссис Бастико, полиция вызывала у нее аллергию.

Они тщательно обыскали комнату — сняли с кровати простыни и матрас, передвинули всю мебель, перевернули коврики и даже отвинтили отстойник раковины и исследовали его содержимое. Полицейский Клинтон извлек из узкой щели между половицами маленький кусочек прозрачной розовой обертки и два странных семечка, похожих на удлиненные миндалины, с сильным своеобразным запахом.

Убедившись, что в комнате больше нет ничего интересного, они увезли эти скудные результаты обыска в участок, откуда отправили их в криминалистическую лабораторию штата для анализа.

Три часа спустя в кабинет вошел Уильям Джонс. Он посмотрел мимо Райдера и, сердито уставившись на Гаррисона, который был в форме, спросил раздраженно:

— С какой это стати вы меня сюда приволокли? Я ничего не сделал!

— В таком случае чего же вам беспокоиться? — Гаррисон напустил на себя самый грозный вид.— Где вы были утром в прошлую пятницу?

— Это я вам сразу скажу,— с ехидством в голосе ответил Джонс.— Я был в Смоки-Фолсе, покупал запасные части для культиватора.

— Это же в восьмидесяти милях отсюда!

— Ну и что? От моего дома туда гораздо ближе. А запасных частей к культиватору здесь больше нигде не купишь. Может, вы знаете агента в Нортвуде? Назовите его мне, и я вам спасибо скажу.

— Ну, довольно об этом. Сколько времени вы там пробыли?

— Приехал туда в десять, уехал днем.

— Так вам понадобилось около пяти часов, чтобы купить какие-то запасные части?

— А я никуда не торопился! Купил еще кое-каких продуктов. Пообедал там. Ну, и выпил.

— Значит, найдется много людей, которые смогут подтвердить, что видели вас там?

— А как же! — согласился Джонс с обескураживающей решительностью.

Гаррисон включил селектор и сказал кому-то:

— Привезите сюда миссис Бастико, Кассиди и Сола Бергмена.— Затем он снова вернулся к Джонсу.— Скажите мне точно, куда именно вы заходили, пока находились в Смоки-Фолсе, и кто вас видел в каждом из этих мест.

Он принялся быстро записывать все, что сообщал ему Джонс о своих покупках утром в пятницу. Кончив, он позвонил в поли-

цейский участок Смоки-Фолса, быстро изложил суть дела, сообщил данные, полученные от Джонса, и попросил как следует их проверить.

Услышав его просьбу, Джонс вдруг встревожился:

— Можно мне теперь уйти? Мне работать нужно.

— Мне тоже,— сказал Гаррисон.— А куда вы запрятали кожаный чемоданчик?

— Какой чемоданчик?

— Новый, который вы купили днем в четверг.

Растерянно глядя на него, Джонс выкрикнул:

— Что это вы мне приписываете? Никаких чемоданчиков я не покупал! На черта мне сдался ваш чемоданчик!

— Вы еще скажете, что не жили в меблированных комнатах на Стивенс-стрит!

— И не жил. На вашей Стивенс-стрит мне делать нечего. Я туда и за деньги не пошел бы!

Спор продолжался двадцать минут. Джонс с ослиным упрямством утверждал, что весь четверг работал у себя в питомнике — как и все то время, когда он якобы жил в меблированных комнатах. Никакой миссис Бастико он не знает и не желает знать. Никогда в жизни никаких кожаных чемоданчиков он не покупал. Пусть устроят у него обыск — он ничего против не имеет, но если там окажется чемоданчик, значит, они сами его подбросили.

В дверь просунулась голова полицейского:

— Они здесь, шеф.

— Ладно. Приготовьте все для опознания.

Через десять минут Гаррисон провел Уильяма Джонса в заднюю комнату и поставил его в ряд вместе с четырьмя сыщиками и пятью добровольцами с улицы. Затем в комнату вошли Сол Бергмен, Хильда Кассиди и миссис Бастико. Они посмотрели на шеренгу и одновременно показали на одного и того же человека.

— Он самый,— сказала миссис Бастико.

— Это он,— подтвердила продавщица.

— И никто другой,— подхватил Сол Бергмен.

— Они у вас тут все с приветом! — объявил Джонс в полной растерянности.

Гаррисон увел троих свидетелей к себе в кабинет и попробовал установить, не допустили ли они ошибки. Они утверждали, что нет, что они абсолютно уверены: Уильям Джонс — это тот самый человек.

Гаррисон отпустил их, а Уильяма Джонса задержал до получения сведений из Смоки-Фолса. Результаты проверки пришли,

когда двадцать четыре часа — максимальный срок, на который закон разрешает задерживать подозреваемого без предъявления ему обвинения,— уже почти истекли. Показания тридцати двух человек полностью подтверждали, что Джонс действительно был в Смоки-Фолсе с десяти до пятнадцати тридцати. Проверки на дорогах помогли установить весь его путь до этого городка и обратно. Несколько свидетелей показали, что видели его в питомнике в те часы, когда он якобы был в доме миссис Бастико. В доме и в питомнике Джонса был произведен обыск — ни чемоданчика, ни похищенных денег обнаружено не было.

— Ну все! — проворчал Гаррисон.— Мне остается только выпустить его с самыми нижайшими извинениями. Что за паршивое, что за гнусное дело, где все принимают всех за кого-то еще?

Массируя свои подбородки, Райдер предложил:

— А не проверить ли нам и это? Давайте-ка поговорим с Джонсом еще раз, прежде чем вы его отпустите.

Джонс вошел, сгорбившись и сильно попритихнув: он был готов отвечать на любые вопросы, лишь бы скорее вернуться домой.

— Мы очень сожалеем, что причинили вам столько неудобств,— вежливо сказал Райдер.— Но при сложившихся обстоятельствах это было неизбежно. Мы столкнулись с чрезвычайно сложной проблемой.— Наклонившись вперед, он пристально посмотрел на Джонса: — Постарайтесь вспомнить, не было ли случая, когда вас приняли за кого-то другого?

Джонс открыл было рот, снова его закрыл и наконец сказал:

— Ах, черт! Был такой случай. Недели две назад.

— Ну-ка, расскажите,— попросил Райдер, и его глаза заблестели.

— Я проехал Нортвуд не останавливаясь — мне нужно было в Саутвуд. Пробыл там около часу, как вдруг какой-то тип окликнул меня с той стороны улицы. Совсем незнакомый. Я даже подумал, что он зовет кого-то другого. Но только он меня окликнул.

— А дальше что было? — нетерпеливо проговорил Гаррисон.

— Он меня спросил, как это я очутился тут. И вид у него был ошарашенный. Я ответил, что приехал на своей машине. Но он мне не поверил.

— Почему?

— Он сказал, что я шел пешком и голосовал. Он это знал потому, что сам подвез меня до Нортвуда. И добавил, что, высадив меня там, дальше нигде не останавливался и гнал так,

что до Саутвуда его никто не обгонял. Он только сейчас поставил машину, пошел по улице и — бац! — я иду ему навстречу по другой стороне.

— А вы ему что сказали?

— Я сказал, что подвозил он не меня, а кого-то другого. Его же собственные слова это доказывают.

— Это поставило его в тупик, э?

— Он совсем растерялся. Подвел меня к своей машине и говорит: «Что же, значит, вы в ней не ехали?» Конечно, я сказал, что нет, и пошел своей дорогой. Сначала я подумал, что это какой-то розыгрыш. А потом решил, что у него не все дома.

— Нам придется найти этого человека,— раздельно сказал Райдер.— Расскажите все, что можете о нем вспомнить.

Джонс задумался.

— Ему под сорок. Одет хорошо, разговаривает гладко, смахивает на коммивояжера. В машине у него полно проспектов, цветных таблиц и жестянок с красками.

— В багажнике? Вы туда заглядывали?

— Нет, на заднем сиденье. Словно у него привычка хватать их в спешке, а потом бросать.

— Ну а машина?

— «Флэш» последней модели. Двухцветный — зеленый с белыми крыльями. Радиоприемник. Номера я не заметил.

Они расспрашивали Джонса еще десять минут, выясняя в подробностях, как выглядел и как был одет этот человек. Затем Гаррисон позвонил в полицию города и попросил произвести розыск.

— Начните с москательных магазинов. Судя по всему, он коммивояжер какой-то фирмы, производящей краски. Наверное, там смогут сказать, кто у них был в тот день.

Ему обещали, что это будет сделано немедленно. Джонс отправился домой, сердясь, но и испытывая большое облегчение. Не прошло и двух часов, как его рассказ принес плоды. Гаррисону позвонили из города.

— В четвертом же магазине мы узнали все, что вас интересует. В торговле красками это личность известная. Бердж Киммелмен, представитель лакокрасочной компании «Акме» в Мэрионе, штат Иллинойс. Местопребывание в настоящее время неизвестно. Но конечно, вы сможете отыскать его через «Акме».

— Огромное спасибо! — Гаррисон положил трубку и тут же начал звонить в «Акме». После недолгого разговора он снова положил трубку и повернулся к Райдеру.

— Он сейчас едет где-то по шоссе милях в двухстах к югу. Вечером они созвонятся с ним, и завтра он будет здесь.

— Прекрасно.

— Да? — спросил Гаррисон с раздражением.— Мы сбиваемся с ног, разыскивая то одного, то другого, только чтобы тут же погнаться за третьим. Так может продолжаться без конца.

— Или же до чьего-то конца! — возразил Райдер.— Жернова человеческие мелют медленно, но очень тщательно.

Совсем в другом месте, на семьсот миль западнее, еще один человек занимался своей будничной работой. Организованные усилия могут быть очень внушительными, но действенность их удваивается, когда они вбирают в себя результаты индивидуальных трудов.

Человек, о котором идет речь, был остролицым и остроносым, жил в мансарде, питался в закусочных-автоматах, стучал на машинке бурыми от никотина пальцами, двадцать лет лелеял мечту написать Великий Американский Роман, но все не мог собраться.

Звали его Артур Килкард, что, естественно, сократилось в «Кильку», и был он репортером. Хуже того — репортером бульварной газетенки. Он беззаботно вошел в редакцию, но тут некто с язвой желудка и кислым лицом сунул ему листок.

— Вот, Килька. Еще один псих с летающим блюдцем. Отправляйся.

Килкард недовольно отправился выполнять поручение. Он отыскал указанный в записке дом и постучал. Дверь открыл юноша лет восемнадцати-двадцати с умным энергичным лицом.

— Вы Джордж Леймот?

— Совершенно верно.

— Я из «Звонка». Вы сообщили, что у вас имеется материал про блюдечко. Так?

Леймот брезгливо поморщился.

— Это вовсе не блюдце, и я этого слова не употреблял. Это сферический предмет искусственного происхождения.

— Предположим, что так. Где и когда вы его видели?

— В прошлую ночь и в позапрошлую. В небе.

— Прямо над городом?

— Нет, но его видно отсюда.

— Я вот его не видел. И, насколько мне известно, вы — единственный, кто его видел. Как вы это объясните?

— Рассмотреть его вооруженным глазом почти невозможно. У меня есть восьмидюймовый телескоп.

— Сами собрали?

— Да.

— Это дело не простое! — похвалил Арт Килкард.— А вы мне его не покажете?

После некоторых колебаний Леймот сказал «ладно» и повел его на чердак. И действительно, там стоял самый настоящий телескоп, задирая любопытный нос к раздвижной дверце в крыше.

— И вы видели ваш сферический предмет в эту штуку?

— Две ночи подряд,— подтвердил Леймот.— Надеюсь и сегодня за ним понаблюдать.

— Ну и что он такое, по-вашему?

— Это ведь одни догадки,— уклончиво ответил юноша.— Я могу сказать только, что он движется вокруг Земли по замкнутой орбите, имеет строго сферическую форму и, по-видимому, представляет собой искусственное сооружение из металла.

— А фотографии его у вас нет?

— К сожалению, я не располагаю необходимой аппаратурой.

— А не может тут вам помочь наш фотограф?

— Если у него есть подходящая камера.

Килкард задал еще десятка два вопросов и под конец сказал с сомнением в голосе:

— То, что вы видели, может увидеть в телескоп кто угодно. А в мире полно телескопов, и некоторые такие громадные, что сквозь них тепловоз проедет. Так почему же еще никто не прокричал об этом на весь мир? Как по-вашему?

Леймот ответил с легкой улыбкой:

— Те, у кого есть телескопы, не смотрят в них круглые сутки. А когда смотрят, то обычно изучают какие-то отдельные участки звездного неба. К тому же кто-то должен крикнуть первым. Потому-то я и позвонил в «Звонок».

— И правильно сделали! — одобрил Килкард, предвкушая собственный успех.

— Тем более,— продолжал Леймот,— что его видели и другие. Вчера вечером я позвонил трем знакомым астрономам. Они поглядели и тоже его увидели. Двое сказали, что позвонят в ближайшие обсерватории. Сегодня я отправил в обсерваторию полный отчет о своих наблюдениях, и еще один — в научный журнал.

— О, черт! — сказал Килкард, встревожившись.— Надо поторопиться, прежде чем какая-нибудь другая газетенка тиснет статеечку...— На его лице вдруг появилось подозрительное выражение.— Поскольку я сам этой сферической штуки не видел, мне надо проверить материал по другому источнику. Это вовсе не значит, что я думаю, что вы врете. Но если я не буду проверять материал, мне придется искать другую работу. Не можете

ли вы мне дать фамилию и адрес одного из ваших приятелей-астрономов?

Леймот сообщил ему адрес и проводил до дверей. Когда Килкард торопливо направился к телефонной будке, у дома Леймота резко затормозила патрульная полицейская машина. Килкард узнал полицейского в форме, сидевшего за рулем, но два дюжих субъекта в штатском на заднем сиденье были ему незнакомы. Это его удивило — как репортер с большим стажем, он знал всех местных сыщиков и фамильярно называл их по имени. Издали он увидел, как двое незнакомых вылезли из машины, подошли к двери Леймота и позвонили.

Шмыгнув за угол, Килкард зашел в будку и набросал в аппарат побольше монет для междугородного разговора.

— Алан Рид? Моя фамилия Килкард. Я пишу на астрономические темы. Если не ошибаюсь, вы видели на небе неизвестный металлический предмет. Что-что? — Он нахмурился.— Бросьте! Ваш приятель Джордж Леймот тоже его видел. Он сам мне сказал, что звонил вам вчера насчет этой штуки.— Он замолчал, прижимая трубку к уху.— Какой смысл повторять «ничего не могу сказать по этому поводу»? Послушайте, либо вы его видели, либо нет. А пока вы еще не сказали, что нет.— После новой паузы он спросил язвительно: — Мистер Рид, вам кто-нибудь приказал держать язык за зубами?

Он дернул рычаг, опасливо поглядел на угол, бросил в автомат несколько монет и сказал кому-то:

— Говорит Арт. Если решите тиснуть этот материальчик, то вам придется торопиться, и как! Он проскочит, только если вас не успеют остановить! — Он подождал, услышал щелчок подключенного диктофона и начал поспешно наговаривать ленту. Через пять минут он кончил, вышел из будки и осторожно заглянул за угол. Патрульная машина все еще стояла возле дома Джорджа Леймота.

Вскоре улицы наводнили газетчики с экстренным выпуском «Звонка». И сразу же множество газет в маленьких городах, получив с телетайпа ту же новость, запестрели сыпью двухдюймовых заголовков:

КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ В НЕБЕ —
ЧЬЯ?

На исходе следующего утра Гаррисон упрямо занимался текущими делами. В углу его кабинета Райдер, вытянув бревноподобные ноги, медленно и внимательно читал пачку напечатанных на машинке листов.

Пачка эта была плодом будничной работы очень многих людей. В ней, исключая немногие пробелы, час за часом прослеживались передвижения некоего Уильяма Джонса, о котором было известно, что он — не настоящий Уильям Джонс. Его видели, когда он бродил по Нортвуду, гараща глаза, как провинциальный турист. Его много раз видели на главной улице, где он изучал расположенные там торговые заведения. Его видели в магазине самообслуживания примерно в то время, когда там у покупательницы был украден кошелек. Он обедал в кафе и ресторанах, пил пиво в барах и пивных.

Эшкрофт, Джонсон и еще один кассир вспомнили, что какой-то похожий на Джонса человек за неделю до ограбления несколько раз заходил в банк и задавал праздные вопросы. Летерен и его охранники припомнили, что некто, как две капли воды похожий на Уильяма Джонса, стоял поблизости, когда Летерен брал деньги в предыдущий раз. В целом эти по крохам собранные сведения покрывали почти все время, которое предполагаемый преступник провел в Нортвуде,— период, равный десяти дням.

Кончив читать, Райдер закрыл глаза и принялся вновь и вновь продумывать все подробности в надежде натолкнуться на новую идею. Тем временем включенный приемник на полке продолжал извергать приглушенную, но негодующую речь радиокомментатора:

— ...Теперь уже всему миру известно, что кому-то удалось запустить на орбиту космическую станцию. Всякий, у кого есть телескоп или даже сильный бинокль, может сам наблюдать ее по ночам. Так с какой же стати наше правительство делает вид, будто этой станции не существует? Если ее запустили не мы, так объявите об этом во всеуслышание — тем, кто ее запустил, это ведь все равно известно. Если же она принадлежит нам, если ее туда забросили мы, то почему от нас это скрывают, когда она сама уже давно перестала быть тайной? Может быть, кто-то считает нас неразумными младенцами? Какие бюрократы присвоили себе право решать, о чем нас можно ставить в известность, а о чем — нет? С этим надо покончить! Правительству пора прервать молчание!

— Тут я с ним согласен,— сказал Гаррисон, поднимая голову от бумаг.— Почему они не желают прямо сказать, наша она или не наша? Кое-кто там слишком много на себя берет. Хороший пинок...— Он замолчал и схватил телефонную трубку.— Нортвудский полицейский участок.— Пока он слушал, на его худом лице промелькнула целая гамма странных выражений,

затем он положил трубку и сказал: — С каждой минутой это дело становится все более дурацким.

— Что на этот раз?

— Семена. Лаборатория не смогла установить, что это такое.

— Не вижу ничего странного. Не могут же они знать все!

— Во всяком случае, они знают, когда орешек оказывается им не по зубам,— возразил Гаррисон.— А потому послали наши семечки какой-то нью-йоркской фирме, где про семена знают все. И только что получили ответ.

— Ну?

— Все то же: науке неизвестны. В Нью-Йорке пошли даже дальше: отжали масла, а остаток подвергли всем возможным анализам. Результат: семена, не значащиеся ни в одном каталоге.— Он испустил смешок, похожий на стон.— Они просят нас прислать им еще десяток этих неизвестных семян, чтобы они смогли их прорастить. Им интересно было бы узнать, что вырастет.

— Выбросьте все это из головы,— посоветовал Райдер.— Семян у нас больше нет, и мы не знаем, где их можно достать.

— Но у нас есть кое-что поинтереснее,— продолжал Гаррисон.— С семенами мы послали розовую прозрачную обертку, помните? Я тогда думал, что это цветной целлофан. А лаборатория сообщает, что это вовсе не искусственная пленка. Она органического происхождения, имеет клетки и прожилки и, по-видимому, представляет собой кожицу неизвестного плода.

— ...давно известно в теории и, как предполагают, разрабатывается в условиях строгой секретности,— бубнило радио.— Тот, кто осуществит это первым, получит неоспоримое стратегическое преимущество с военной точки зрения.

— Порой я перестаю понимать, какой был смысл рождаться,— пробормотал Гаррисон.

Селектор квакнул и объявил:

— Шеф, вас спрашивает какой-то Бердж Киммелмен.

— Давайте его сюда.

Вошел Киммелмен, щеголеватый, самоуверенный. По-видимому, он только обрадовался возможности отдохнуть от обычных дел, поспешив на помощь закону и порядку. Он сел, закинул ногу за ногу, расположился как дома и принялся рассказывать свою историю:

— Просто черт знает что, капитан. Начать с того, что я никогда не беру в машину незнакомых людей. Но я остановился и подвез этого типа, хотя до сих пор не пойму, как это произошло.

— А где вы его подобрали?

— Примерно в полумиле за колонкой Сигера, если ехать в этом направлении. Он стоял на обочине, и я вдруг затормозил

и распахнул перед ним дверцу. Я подвез его до Нортвуда, высадил, а сам рванул вперед в Саутвуд. Только я там отошел от автомобильной стоянки, как вижу: он идет по той стороне улицы.— Киммелмен умолк и выжидательно посмотрел на них.

— Продолжайте,— сказал Райдер.

— Я его тут же окликнул и спросил, как это он очутился в городе раньше меня. А он сделал такие глаза, будто не понимал, о чем я говорю.— Киммелмен недоуменно пожал плечами.— Я над этим без конца ломал голову, но так ничего и не смог придумать. Я знаю, что подвез этого типа или его брата-близнеца. Но второго быть не может: ведь в таком случае он понял бы, почему я ошибся, и объяснил бы, что я, очевидно, подвез его брата, но он ничего подобного не сказал. И постарался вежливо прекратить разговор, как будто имел дело с ненормальным.

— Пока он ехал с вами, не говорил ли он чего-нибудь? — спросил Гаррисон.— Что-нибудь о себе, своей профессии, цели своей поездки?

— Ничего. Он на меня прямо как с неба упал.

— Тут все словно с неба упало,— кисло проворчал Гаррисон.— Неизвестные семена, кожица неведомых плодов и...— Он внезапно умолк. Рот его остался раскрытым, глаза выпучились.

— ...подобной базой, любая страна окажется в положении, позволяющем диктовать...

Райдер подошел к приемнику, выключил его и сказал:

— Будьте любезны, подождите немного в приемной, мистер Киммелмен.

Когда коммивояжер вышел, он продолжал, обращаясь к Гаррисону:

— Ну, решайте же наконец, хватит вас удар или нет?!

Гаррисон закрыл рот, снова открыл, но не сумел издать ни звука. Его выпученные глаза, казалось, не могли вернуться в исходную позицию. Правой рукой он бессильно помахал в воздухе. Райдер взял телефонную трубку и, когда его соединили, сказал:

— О'Киф, что у вас там слышно по поводу этой космической станции?

— Вы мне только из-за этого звоните? А я как раз брался за трубку, чтоб связаться с вами.

— По какому поводу?

— Пришло одиннадцать ответов на циркулярное письмо. Первые десять из двух больших городов, а последние два — из Нью-Йорка. Ваш подопечный на месте не сидит. Держу пари

на десять кокосовых орехов против одного, что следующий банк, который он попробует ограбить, будет в Нью-Йорке или его окрестностях.

— Вполне возможно. Но пока забудьте про него. Я вас спросил про станцию. Как у вас там реагируют на это?

— Гудят, как потревоженный улей. По слухам, астрономы заметили эту штуку и сообщили о ней еще за неделю до того, как газеты подняли шум. Если это так, значит, кто-то наверху пытался засекретить эти сведения.

— Зачем?

— А я откуда знаю! — вспылил О'Киф.— Как я могу ответить, почему кто-то делает глупости!

— Значит, вы считаете, что они должны были прямо сказать, наша это станция или нет, поскольку правда рано или поздно все равно выйдет на поверхность?

— Вот именно. Но вы-то чего этим так интересуетесь, Эдди? Какое отношение станция имеет к нашему делу?

— Я просто выражаю вслух мысль, которая произвела на Гаррисона противоположное действие. Он лишился дара речи.

— Какую еще мысль?

— Что эта космическая станция вовсе не станция. И что официальных сообщений не поступило потому, что специалисты встали в тупик. Они же не могут что-нибудь сказать, если им нечего сказать, верно?

— Зато мне есть что сказать,— объявил О'Киф.— Займитесь делом! Если вы больше не нужны Гаррисону, то возвращайтесь. Хватит отдыхать на казенный счет!

— Послушайте, у меня нет привычки развлекаться междугородными телефонными разговорами. С одной стороны, в небе болтается нечто, и никто не знает, что это такое. С другой стороны, здесь, внизу, нечто имитирует людей, грабит банки, выбрасывает объедки неземного происхождения, и никто опять-таки не знает, что это такое. Два плюс два равняется четырем. Попробуйте сами сложить.

— Эдди, вы свихнулись?

— Дайте я вам изложу все подробности, а потом судите сами.— Он быстро перечислил факты и закончил: — Постарайтесь заинтересовать тех, к кому это имеет прямое отношение. Нам одним такое дело не по зубам. Обратитесь к тем, у кого есть власть и возможности справиться с такой проблемой. Заставьте их понять!

Он положил трубку и посмотрел на Гаррисона, который мгновенно обрел способность говорить:

— А я все-таки не в силах поверить. Какая-то фантастика. В тот день, когда я доложу мэру, что банк ограбил марсианин,

в Нортвуде будет новый начальник полиции. А меня он отправит к психиатру.

— А у вас есть другое объяснение?

— Нет. Это-то и хуже всего!

Выразительно пожав плечами, Райдер снова взял трубку и позвонил в лакокрасочную компанию «Акме». Затем вызвал из приемной Киммелмена.

— Очень вероятно, что вы нам завтра понадобитесь, а возможно, и в следующие дни тоже. Я только что звонил в вашу контору и договорился с ними.

— Не возражаю,— сказал коммивояжер, довольный возможностью побездельничать с разрешения начальства.— Тогда я отправлюсь снять номер.

— Но сперва скажите: этот ваш пассажир... был у него какой-нибудь багаж?

— Нет.

— Ни пакета, ни маленького свертка?

— Ничего,— решительно ответил Киммелмен.

Глаза Райдера заблестели.

— Возможно, нам повезло.

На следующий день по разным шоссе, успешно избежав внимания прессы, в Нортвуд приехали важные люди. Кабинет Гаррисона оказался битком набитым.

Среди приехавших были шишки из министерства финансов, генерал, адмирал, глава секретной службы, один из руководителей военной разведки, три директора ФБР, начальник контрразведки, а также их помощники, секретари и технические советники плюс букет ученых, включавший двух астрономов, специалиста по радиолокации, специалиста по управляемым снарядам и несколько растерянного старца, знатока муравьев с международной репутацией.

Они молча — одни с интересом, другие скептически — выслушали исчерпывающий доклад Гаррисона. Он кончил и сел, выжидающе глядя на слушателя.

Первым заговорил представительный седой человек:

— Я склонен согласиться с вами, что вы разыскиваете существо из иного мира. Я не берусь говорить от лица присутствующих. Возможно, у них сложилось иное мнение. Однако, мне кажется, нет смысла тратить время на споры. Проще решить вопрос, поймав преступника. В этом и заключается стоящая перед нами задача. Каким способом мы бы могли его схватить?

— Обычные методы тут не подходят,— объявил директор ФБР.— Того, кто способен изменить свою внешность настолько

убедительно, что и стоя с ним рядом заметить подделку невозможно, изловить не так-то просто. Мы способны отыскать любого человека, если в нашем распоряжении будет достаточно времени, но не вижу, как мы можем выследить индивида, меняющего личности.

— Даже пришелец из другого мира не стал бы красть деньги, если бы они ему не были нужны,— заметил человек с пронзительными глазами.— Ведь больше нигде в космосе они хождения не имеют. Таким образом, можно предположить, что они ему были нужны. Однако деньги, кто бы их ни тратил, имеют тенденцию иссякать. Когда он их израсходует, ему придется пополнить запас. И он попробует ограбить еще один банк. Если все банки страны превратить в ловушки, он будет пойман.

— Как это вы расставите ловушку тому, кого сами будете считать лучшим и наиболее уважаемым своим клиентом? — спросил директор ФБР и с ехидной усмешкой добавил: — Если уж на то пошло, откуда вы знаете, что я — это не он?

Это предположение никого не обрадовало. Все тревожно переглянулись и умолкли, тщетно пытаясь найти решение проблемы.

Молчание нарушил Райдер.

— Откровенно говоря, я считаю, что искать по всему миру существо, которое способно выдавать себя за кого угодно, значит попусту терять время. Если он сумел в совершенстве скопировать двоих, то скопирует и двадцать, и двести человек. Я думал об этом, пока у меня голова кругом не пошла, но не вижу, каким способом его можно опознать и схватить. Он же практически неуловим!

— Возможно, если бы мы могли точнее узнать, как он это делает, нам было бы легче составить какой-нибудь план,— перебил один из ученых.— У вас нет никаких данных о его методах?

— Нет, сэр.

— На мой взгляд, речь идет о гипнозе,— сказал тот же ученый.

— Возможно, вы правы,— признал Райдер.— Но пока у нас нет никаких доказательств.— После некоторых колебаний он продолжал: — Насколько я могу судить, есть только один способ поймать его.

— Какой же?

— Вряд ли он явился к нам навсегда. Да и эта штуковина в небе свидетельствует о том же. Для чего она? Я думаю, для того, чтобы доставить его обратно, когда он будет готов убраться восвояси.

— Ну? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Чтобы забрать его, эта штука должна спуститься с высоты в несколько тысяч миль. Следовательно, ее нужно будет вызвать. Ему придется дать сигнал своей команде, если она у него есть. Или же, если она управляется автоматически, посадить ее с помощью дистанционного управления. В любом случае ему будет нужен передатчик.

— Если передача будет продолжаться недолго, мы не успеем засечь ее и...— начал какой-то скептик.

Райдер отмахнулся от него.

— Я имею в виду совсем другое. Нам известно, что он явился в Нортвуд без багажа. Это утверждает Киммелмен. Это утверждает миссис Бастико. Его неоднократно в различное время видели многочисленные свидетели, но, если не считать чемоданчика с деньгами, он никогда ничего с собой не носил. Даже если его цивилизация создала электронное оборудование, в десять раз более компактное и легкое, чем наше, все-таки передатчик дальнего действия будет слишком велик, чтобы носить его в кармане.

— Вы полагаете, что он его где-то спрятал? — спросил человек с пронзительным взглядом.

— Мне это кажется более чем вероятным. Но если он его спрятал, тем самым он ограничил свою свободу действий. Он не может посадить корабль там, где ему вздумается. Для этого ему надо будет вернуться к спрятанному передатчику.

— Но он мог спрятать передатчик где угодно. Не вижу, чем это нам поможет.

— Наоборот! — Райдер взял доклад Гаррисона и прочел несколько выдержек, делая ударения на самом важном.— Возможно, я ошибаюсь, но надеюсь, что нет. Какой бы облик ни принимал, одного он замаскировать не мог — своего поведения. Если бы он замаскировался под слона и начал проявлять любопытство, он был бы очень правдоподобным слоном, но слоном любопытным.

— К чему вы клоните? — спросил генерал с четырьмя звездами на погонах.

— Судя по его промахам, он только-только явился на Землю. Если бы он провел где-то еще хотя бы пару дней, в Нортвуде он вел бы себя совсем по-другому. Ведь большинство свидетелей подчеркивают, что он все время что-то выглядывал и высматривал. Он совершенно не знал обстановки. Он держался как чужак, которому все в новинку. Если я прав, то Нортвуд был его первой остановкой. А это в свою очередь означает, что место посадки — и, следовательно, место взлета! — должно на-

ходиться где-то поблизости. И скорее всего возле шоссе, где его подобрал Киммелмен.

Споры продолжались около получаса, а затем было принято решение, в результате которого развернулись поиски, которые возможны, только если за ними стоит вся государственная машина. Киммелмен проехал по шоссе пять миль и указал точное место, которое и стало исходной точкой всех операций.

Заправщиков на колонке Сигера допрашивали с величайшей тщательностью, но безрезультатно. Были найдены и допрошены шоферы, часто пользующиеся этим шоссе,— местные жители, водители автобусов и грузовиков. Немногочисленные обитатели редконаселенных холмов — мелкие фермеры, бродяги, любители уединения и случайно оказавшиеся там люди — были разысканы и подробно допрошены.

За четыре дня напряженной работы и бесконечных расспросов в круге диаметром в десять миль были обнаружены три человека, которые смутно припомнили, что вроде бы недели три назад они видели, как что-то упало с неба, а может, наоборот, и унеслось в него. Фермеру померещилось, что он видит вдали летающее блюдце, но он никому про это не сказал, опасаясь насмешек. Еще один фермер наблюдал странный свет над холмами, который тут же исчез, а шофер грузовика краешком глаза заметил непонятный предмет, но когда повернул голову, там уже ничего не было.

Каждый из троих показал место, где это произошло, и с помощью теодолита постарался поточнее установить, в какой точке неба он видел непонятное явление.

В результате на карте появился удлиненный треугольник площадью почти в квадратную милю. Теперь все внимание сосредоточилось на нем. Из его центра была описана окружность радиусом в две мили, после чего полицейские, помощники шерифов, национальная гвардия и многие другие принялись обыскивать местность внутри этой окружности фут за футом. Это была настоящая армия, вооруженная миноискателями и другими приборами, реагирующими на металлы.

За час до сумерек Райдер, Гаррисон и несколько высокопоставленных лиц услышали возбужденный крик и поспешили туда, где уже столпились все члены этой поисковой группы. Кто-то, подчиняясь тихому тиканью своего миноискателя, отвалил большой валун и увидел в яме под ним металлическую коробочку.

Коробочка была сделана из сизого металла. Длина ее равнялась двенадцати дюймам, ширина — десяти, а высота — восьми. В ее верхнюю грань было вделано шесть серебристых колец,

по-видимому, служивших направленной антенной. Кроме того, на ней имелись четыре циферблата, установленных в разных позициях. И еще — небольшая кнопка.

Специалисты, уже готовые к такой находке, сразу принялись за работу. Они сняли коробочку на цветную пленку во всех радиусах, измерили ее, взвесили, положили обратно в яму и опять прикрыли валуном.

На максимальной дистанции остались в засаде снайперы, снабженные ночными прицелами и скорострельными винтовками. Данные о внешнем виде передатчика были спешно отправлены в город, а между шоссе и тайником на земле были установлены микрофоны, провода которых вели туда, где снайперы ждали, не раздадутся ли во мраке крадущиеся шаги.

До рассвета в холмах заняли позицию и замаскировались четыре прожекторные команды и шесть зенитных батарей. Заброшенная ферма была использована под командный пост, а в амбаре расположилась радиолокационная установка.

Для всякого другого хватило бы засады с десятком дюжих полицейских. Но не для этого существа, которое могло явиться в любом, самом неожиданном виде, например епископом в полном облачении. Однако если он пойдет к передатчику и достанет его...

Через два дня из города пришла машина и забрала передатчик. На его место была положена точнейшая его копия, однако не способная ничего призвать с неба. Земляне тоже умели неплохо имитировать.

Но на кнопку настоящего передатчика никто нажимать не стал. Время для этого еще не пришло. До тех пор пока корабль остается на орбите, его загадочный пассажир будет тешиться обманчивым сознанием своей безопасности и рано или поздно угодит в расставленную для него ловушку.

Земля была готова терпеливо ждать. И ждала четыре месяца.

Банк на Лонг-Айленде лишился восемнадцати тысяч долларов. Метод был тот же самый — вошел, получил, ушел, исчез. Известный сенатор осмотрел бруклинские военно-морские верфи, одновременно присутствуя на конференции в Ньюпорт-Ньюсе. Управляющий обошел телевизионные студии, размещенные на шести этажах небоскреба, с двадцатого по двадцать пятый, все время оставаясь в своем кабинете на десятом этаже. Пришелец успел уже узнать так много, что наглел все больше.

Переснимались чертежи, вскрывались сейфы, обследовались лаборатории. Сталелитейные и военные заводы подверглись неторопливому осмотру. Начальник большого инструментального

цеха сам водил по заводу самозваного гостя и давал ему необходимые объяснения.

Но даже у того, кто практически неуязвим, не все сходит гладко. Самый большой ум не гарантирует от ошибок. Хараша Вэнеш сделал большую глупость, когда в сомнительном баре достал из кармана плотную пачку крупных купюр. Его выследили до отеля. На следующий день, когда он вышел, за ним никто не следил, но, пока он вынюхивал очередные секреты Земли, в его номере произошла кража. Вернувшись, он обнаружил, что от денег, взятых в лонг-айлендском банке, не осталось ничего. Это означало перерыв в шпионаже: нужно было подоить третий банк.

И наконец он завершил свою работу. Обследовав одну из наиболее развитых областей этой планеты, он не счел нужным знакомиться с остальными. Все, что требовалось для целей андромедян, он уже узнал. Располагая собранной им информацией, гипнотисты империи, включающей двести планет, могли в любую минуту без всякого труда прибавить к ней еще одну.

Неподалеку от колонки Сигера он вылез из машины и вежливо поблагодарил автомобилиста, который никак не мог понять, с какой стати он сделал такой большой крюк ради совершенно незнакомого человека. Стоя у обочины, Вэнеш смотрел вслед машине. Она уносилась прочь на бешеной скорости, словно водитель был очень зол на себя.

Крепко держа чемоданчик, набитый заметками и набросками, он оглядел местность и увидел то же, что видел четыре с лишним месяца назад. Тем, кто находился в пределах его гипнотического воздействия, он представлялся дородным и несколько самодовольным коммерсантом, который лениво осматривал холмы. Те же, кто находился вне этих пределов, были слишком далеко, чтобы невооруженным глазом увидеть что-либо, кроме неясной фигуры, издали напоминающей человека.

Но те, кто смотрел в подзорные трубы и бинокли с расстояния свыше мили, видели то, чем он был на самом деле. Существо не из этого мира. Нечто. Они могли бы сразу же его захватить. Но сочли это излишним: ведь все уже было давно готово к его приему.

Крепко прижимая к себе чемоданчик, он быстро пошел от шоссе прямо к тому месту, где был спрятан передатчик. Оставалось только нажать кнопку, вернуться в Нортвуд, заглянуть в какую-нибудь забегаловку, выспаться и вернуться сюда. Корабль, следуя по лучу передатчика, приземлится здесь, но это займет ровно восемнадцать часов двадцать минут.

Подойдя к валуну, Вэнеш в последний раз настороженно осмотрелся. Нигде ни души. Он откатил валун и почувствовал легкое облегчение, увидев, что его прибор лежит в яме — так, как он его и оставил. Нагнувшись, Вэнеш нажал на кнопку.

Из коробки с шипением вырвался одуряющий газ. Тут люди допустили ошибку. Они были убеждены, что он потеряет сознание по меньшей мере на сутки. Но ничего подобного не произошло. Его организм не был похож на человеческий, а потому он только закашлялся и кинулся бежать.

В шестистах ярдах от него из-за скалы выскочили четыре человека. Наведя на него винтовки, они крикнули, чтобы он остановился. Слева из-под земли выскочили еще десятеро и закричали то же самое. Он ухмыльнулся, показывая им зубы, которых на самом деле у него не было.

Он не мог заставить их сунуть дуло себе в рот. Но зато с его помощью они могли изрешетить друг друга. Не замедляя бега, он метнулся в сторону, чтобы уйти с линии огня. Четверо справа услужливо подождали, пока он не оказался в безопасном месте, а затем начали палить в десятерых. Те в свою очередь принялись поливать их свинцом.

Вэнеш продолжал бежать изо всех сил. Он мог бы с удобством развалиться на скале и просто подождать, пока люди не перестреляют друг друга,— при условии, что вне зоны его гипнотического воздействия не скрывается еще засада с оружием дальнего действия. Он не мог рисковать.

Разумнее всего было следующее: как можно скорее покинуть опасное место, вновь выйти на шоссе, забрать первый же автомобиль и опять исчезнуть в гуще многомиллионного населения этой страны. О том, как подать сигнал кораблю, он подумает на досуге в безопасном месте. Задача не была неразрешимой — ведь в случае необходимости он может стать и здешним президентом.

Опасения Вэнеша были вполне оправданны: в полумиле от него прятался плотный толстяк по имени Хэнк, который не стерпел такого трусливого и наглого бегства с фронта гражданской войны. Вспыльчивый Хэнк лежал за тяжелым пулеметом. Видел он не то, что видели те, кто находился ближе к беглецу, и, не слыша команды «отставить!», Хэнк повернул свой пулемет, хмуро посмотрел в прорезь прицела и нажал спуск. Пулемет оглушительно затрещал, его лента задергалась и загремела.

Несмотря на расстояние, он точно попал в цель. Хараша Вэнеш опрокинулся на бок, дернулся и больше не встал. Его неподвижное тело продолжало сотрясаться от ударов все новых и новых пуль. Он был мертв.

Гаррисон поспешил к телефону, чтобы скорее сообщить новость. Ему ответил О'Киф.

— Его тут нет. У него сегодня выходной день.

— А где я мог бы его найти?

— У него дома. Я дам вам номер. Он там пестует младенца.

Гаррисон позвонил по указанному номеру.

— Он... вернее, оно убито. Примерно час назад.

— Гм-м-м... Жаль! Надо было бы взять его живьем.

— Легче сказать, чем сделать! Да и как бы вы держали в заключении существо, которое могло бы заставить вас снять с него наручники и надеть их на себя?

— Над этим пусть ломают головы службы безопасности и полиция. А я работаю в министерстве финансов.

Положив трубку, Гаррисон хмуро уставился на стену. За стеной, в нескольких сотнях миль к югу, люди вышли на взлетную дорожку аэродрома, положили на бетон бурую коробочку и нажали кнопку, после чего начали ждать, наблюдая за небом.

Быстро наступает вечер

Это был старый мир, невероятно старый, с луной, словно переболевшей оспой, с умирающим солнцем, с небом, таким бессильным, что оно даже не могло удержать летние облака. Здесь росли деревья, но совсем не такие, как в стародавние времена, им пришлось долго и постепенно приспосабливаться к новым, изменившимся условиям. Они вдыхали и выдыхали значительно меньше, чем их далекие предки, упрямо цепляясь корнями за древнюю почву.

И трава тоже была чахлой.

И цветы.

Однако лишенные лепестков и корней дети этого шара, те, что могли передвигаться по собственной воле, не могли бы существовать, оставаясь на одном месте и забирая силу у земли. Поэтому в результате медленной, очень медленной эволюции они отказались от того, что прежде было для них важнее всего. Теперь они прекрасно обходились минимумом кислорода. А иногда, в крайнем случае, существовали и вовсе без него, испытывая лишь небольшую слабость. Так могли жить все без исключения.

Детьми этой планеты были жуки.

И птицы.

И двуногие.

Мошки, сороки и люди были родственниками. Они происходили от одной матери — древней планеты, которая вращалась вокруг сияющего оранжевого светила, того самого, что однажды вспыхнет в последний раз и погаснет навсегда. Они долго и тяжело готовились к наступлению этого дня, иногда сами того не желая, иногда сознательно. Сейчас наступило их время: век реализации возможностей, которыми обладали все.

Вот почему не было ничего странного в том, что Мелисанда разговаривала с жучком, который с самым серьезным видом сидел на ее бледной длиннопалой руке — крошечное существо, черное с малиновыми пятнышками, чистое и сверкающее, словно кто-то провел не один час, терпеливо полируя его спинку. Естественно, божья коровка не понимала ни слова из того, что ей говорили. Она была не *настолько* умна. Прошел столь большой срок и атмосфера так сильно изменилась, что теперь у жучка были крылышки в два раза больше, чем у его сородичей из далекого прошлого. Малюсенький, точно булавочная головка, мозг тоже подвергся изменениям. Эта божья коровка забралась на несколько ступенек по эволюционной лестнице, и, хотя не понимала значения слов, она знала, когда к ней обращаются, старалась держаться поближе к людям, успокаивалась, слыша их голоса.

Точно так же обстояло дело и с остальными.

С птицами.

И с потомками пчел.

Со всеми созданиями, что прежде робко прятались от людей в темноте.

Те, кому удалось выжить — а многим видам это не удалось,— больше не были робкими. Вне зависимости от того, понимали они произносимые людьми слова или нет, им нравилось, когда с ними разговаривали, словно люди признавали их существование на этом свете. Они могли слушать часами, получая необычайное удовольствие от звуков, даривших ощущение тепла и близости. А порой они даже менялись ролями с людьми, которые замирали, очарованно прислушиваясь к мелодичному языку дроздов или соловьев, изливающих миру свою душу.

И вот Мелисанда говорила на ходу, а букашка слушала ее, наслаждаясь всеми силами своей души, пока девушка не рассмеялась, легко взмахнув рукой, и не пропела: «Божья коровка, божья коровка, улетай на небо».

Букашка подняла яркие надкрылья, расправила прозрачные крылышки и скрылась из виду. Мелисанда взглянула на звезды. Теперь они ярко сияли не только ночью, но и днем — этот феномен вызвал бы у ее предков, влюбленных в воздух, страх перед наступлением катастрофы и концом жизни.

Рассматривая звезды, Мелисанда не испытывала никакого страха. Только легкое любопытство. Ей атмосфера, заканчивающаяся на высоте пяти миль, тусклое солнце и сияющие днем звезды не казались чем-то необычным. Она часто смотрела на звезды, вспоминая их названия, снова и снова задавая себе один и тот же вопрос:

— Которая?

А небеса вторили ей: «Да, которая?»

Оторвавшись от своих размышлений, Мелисанда легко зашагала по узкой лесной тропинке, которая вела в долину. Далеко слева, на горизонте, нечто длинное, стройное, с металлическим отливом спустилось с неба и скрылось за холмами. Чуть позже Мелисанда услышала приглушенный гул.

Ни сам предмет, ни звук не привлекли ее внимания. Все в порядке вещей. На эту древнюю планету часто прилетали космические корабли, иногда раз в месяц, а порой дважды в день. И очень редко они бывали похожи друг на друга. А члены команды одного судна почти никогда не походили на членов команды другого.

Они говорили на разных языках, эти гости из сияющего мрака. Некоторые могли общаться, только проецируя мощные мысле-образы. Другие не обладали телепатическими способностями и даром речи, они изъяснялись ловкими движениями рук или сверхбыстрыми шевелениями ресниц.

Как-то раз, совсем недавно, Мелисанда провела короткое время в обществе черных, точно ночь, членов команды корабля с Кхва, мира, расположенного на немыслимом расстоянии от Андромеды. Покрытые жесткой броней, слепые и немые, они общались друг с другом, очень быстро двигая конечностями; движения эти они улавливали при помощи чувствительных специальных органов. Они говорили с ней, не имея голоса, и восхищались ее красотой, не обладая глазами.

Все это значительно осложняло обучение. Мелисанде исполнилось семьсот лет, она только что сдала свой последний экзамен и обрела статус взрослого. Давным-давно человек мог вобрать в себя мудрость поколений за один век. В более ранние, сумеречные времена он это делал за десятилетия.

Но знаний накопилось так много, что уже невозможно было усвоить их быстро. Могущественный космос с бессчетным количеством миров — неисчерпаемый источник информации. Каждый новый корабль вносит свой скромный вклад в копилку, а сколько еще предстоит познать — если этот мир проживет достаточно долго, чтобы получить все знания.

Если.

Вот в чем заключалась проблема. Законы мироздания открылись и подчинились тем, кого они произвели на свет. Могущество атома стало орудием в руках — или других конечностях — существ, способных передвигаться и мыслить. Макромир и микромир превратились в игрушки для тех, чьи корабли без устали бороздили огромную пустоту.

Но никто не знал, как оживить умирающее солнце.

Теоретически, да и практически это невозможно было сделать.

Невозможно.

И потому в разных местах космоса время от времени старые солнца вспыхивали, гасли через мгновение, снова вспыхивали в последней слабой попытке удержать жизнь и наконец исчезали навсегда. Крошечная искорка в темноте неожиданно затухала, не замеченная великим сонмом тех, что еще хранили в себе жизнь.

И каждая такая смерть несла с собой трагедию, иногда мгновенную, иногда растянутую во времени. Некоторые жизненные формы были в состоянии бороться с холодом дольше других, но в конце концов они тоже гибли. Используя достижения науки и техники, иные миры могли обогревать себя, пока не кончались запасы топлива. И тогда эти миры тоже исчезали, словно их никогда и не существовало.

Каждая планетарная система, чье солнце превращалось в огромный огарок, становилась добычей гигантского жадного кретина, чье имя Вечный Холод. Он не желал делить свои владения ни с кем, кроме мертвых.

Мелисанда раздумывала над этим, входя в долину. Впрочем, ее мысли не были пронизаны печалью или возмущением. Она принадлежала к народу, обладавшему многовековой мудростью и опытом, а также невероятным умом. В прошлом он много раз был вынужден сражаться с неизбежностью и давно понял, что бессмысленно нестись вперед, очертя голову. Народ знал, как быть с валуном на дороге, который невозможно сдвинуть с места: нужно либо перебраться через него, либо прорыть под ним ход, либо обойти. Надо пользоваться мозгами, потому что они у тебя есть.

Неизбежного не стоит бояться.

Его можно победить умением и умом.

В конце долины расположился большой мраморный дворец. Его фасад был обращен к длинному ряду украшенных кустами и клумбами террас с узкими лужайками и изящными фонтанами. Тыльная сторона здания смотрела на долину. Мелисанда всегда подходила к нему с этой стороны, потому что лесная тропинка была самой короткой дорогой домой.

Здание было таким огромным, что дух захватывало. Широкие коридоры с мозаичными полами и украшенными яркой росписью стенами привели ее в восточное крыло, где звучал ровный гул голосов, прерываемый время от времени сигналом трубача.

Предвкушая удовольствие, с сияющими глазами она вошла в огромный полукруглый зал, в котором ряды скамеек поднимались почти к самому потолку. Изначально предполагалось, что зал должен вмещать четыре тысячи человек. Однако сейчас здесь сидело не больше двухсот — на каждое занятое место приходилось около двух десятков пустых. И потому возникало ощущение, что здесь слишком просторно. Несколько голосов плыли по залу, отражаясь гулким эхом от стен, переходящих наверху в купол.

Таким стал их мир. Тем, что необходимо тысячам людей для жизни, пользуется лишь несколько десятков. По планете разбросаны большие города с крошечным населением; городишки, в которых людей не больше, чем в деревне; и деревни, где встретишь три или четыре семьи. На всю улицу — полдюжины заселенных домов, а остальные пусты, безмолвны, смотрят в низкое небо блестящими окнами.

В мире жило чуть больше миллиона людей. Когда-то, очень давно, их было четыреста миллионов. Большинство отправилось в космос, не как крысы, покидающие обреченный корабль, а уверенно и отважно — их судьбы были слишком важны, им стало тесно на одной планете.

Те немногие, что остались, должны последовать за ними, как только будут готовы. Вот почему здесь собралось двести человек. Они жлали в огромном зале. Взволнованные до такой степени, что не могли молчать, они прислушивались к означающему перемену в судьбе голосу трубача.

— Восемь-два-восемь, Хьюберт,— неожиданно объявил он.— Комната номер шесть.

Светловолосый великан поднялся с места и под взглядами собравшихся пошел по проходу. На мгновение в зале повисла тишина. Когда он проходил мимо Мелисанды, она едва слышно прошептала:

— Удачи!

— Спасибо!

И вот он скрылся за дверью. Разговоры тут же возобновились. Мелисанда села в самом конце ряда, около худого, бледного юноши, которому было примерно семь с половиной веков, иными словами, чуть старше нее самой.

— Я опоздала на минуту,— прошептала она.— Давно уже называют имена?

— Нет,— успокоил он ее.— Это четвертое.— Он нетерпеливо поерзал в кресле.— И чего тянут? Сидишь тут как на иголках.

— Девять-девять-один, Хосе Пьетро,— возвестил глашатай.— Комната номер двадцать.

Юноша выслушал это с открытым ртом, с изумлением в глазах. Потом неуверенно, медленно поднялся на ноги. Облизнул вдруг пересохшие губы, бросил жалобный взгляд на Мелисанду:

— Это я!

— Наверное, тебя услышали,— рассмеялась она.— Ну, что стоишь? Расхотелось идти?

— Хочу, конечно.— Он осторожно, не сводя глаз с двери, за которой исчез светловолосый Хьюберт, пробрался мимо нее.— Но как до дела дошло, у меня затряслись поджилки.

— Никто не собирается лишать тебя ног,— уверила она.— Просто вручат документ — может быть, с золотой печатью.

Бросив на нее благодарный взгляд, он ушел, слегка расправив плечи.

— Семь-семь, Джослин, комната номер двенадцать.

Сразу после этого:

— Два-четыре-ноль, Бетсибель, комната номер девятнадцать.

Из зала вышли две девушки, одна темноволосая, пухленькая, с улыбкой на лице, другая высокая, стройная, рыжеволосая и очень серьезная.

Затем быстро прозвучало несколько других имен: Лертон, Айрин, Джордж, Тереза-Мария, Роберт и Элена. После короткого перерыва Мелисанда услышала то, чего так ждала:

— Четыре-четыре, Мелисанда, комната номер два!

У человека, ждавшего ее во второй комнате, были светло-серые глаза, белоснежные волосы и гладкое, без единой морщинки лицо. Он мог быть среднего возраста, а мог быть и старым, очень старым. Когда человек прожил больше тысячи лет, но сохранил гладкую кожу и густые волосы, определить его возраст невозможно.

Дождавшись, когда она сядет, он сказал:

— Ну, Мелисанда, я счастлив сообщить, что ты сдала экзамены.

— Благодарю вас, наставник.

— Я не сомневался в благополучном исходе. Более того, результат был мне известен заранее.— Он улыбнулся: — Ты наверняка хотела бы знать свои сильные и слабые стороны. Ведь это самое главное, верно?

— Да, наставник,— едва слышно ответила Мелисанда и скромно сложила на коленях руки.

— По общим дисциплинам ты получила блестящие оценки, есть чем гордиться. Тебе удалось освоить огромный объем информации, впитать мудрость, которая получила столь неподходящее название — общие дисциплины. Ты также прекрасно зна-

ешь социологию, психологию масс, древнюю и современную философию и транскосмическую этику.— Он чуть наклонился вперед и посмотрел на нее: — Однако ты очень сильно плаваешь в вопросах общей коммуникации.

— Мне очень жаль, наставник.— Мелисанда прикусила губу, недовольная собой.

— Ты не обладаешь телепатическими способностями и, похоже, не можешь развить в себе даже рудиментарную восприимчивость к излучениям чужого мозга. Что касается обмена визуальными сигналами, тут дела обстоят немного лучше, однако все равно недостаточно хорошо. Скорость коммуникации у тебя низкая, ты делаешь множество ошибок, и складывается впечатление, что тебе мешает тактильная неуверенность.

Мелисанда покраснела и опустила глаза.

— Я сожалею, наставник.

— Тебе не о чем сожалеть,— резко возразил он.— Человек не может давать блестящие результаты во всем, как бы сильно ему этого ни хотелось.— Он подождал, пока она поднимет глаза, а затем продолжал: — Что же до чисто звуковых форм коммуникации, то тебе удалось неплохо, но не более того, освоить гуттуральные языки. Зато ты просто великолепно овладела языками, которые построены на плавных звуках.

— Правда?! — Лицо Мелисанды прояснилось.

— Устные и письменные тесты по этой дисциплине основаны на структуре языка валреан с Сириуса. Ты говорила со скоростью триста двадцать слов в минуту и не сделала ни одной ошибки. Средний валреанин произносит триста четырнадцать слов в минуту.— Он улыбнулся, радуясь тому, что его ученица смогла превзойти носителей языка.— Итак, Мелисанда, тебе пора принять серьезное решение.

— Я готова, наставник.— Она посмотрела на него спокойно, уверенно, без намека на сомнения.

— Сначала я должен вручить тебе вот это.— Он протянул лист бумаги, свернутый в тонкую трубочку; с ее конца на алой ленте свисала золотая печать.— Поздравляю.

— Спасибо! — Она взяла драгоценное свидетельство и осторожно погладила пальцами.

— Мелисанда,— мягко спросил он,— ты хочешь иметь детей?

Она ответила ровным голосом, совершенно спокойно, нисколько не смутившись:

— Пока нет, наставник.

— В таком случае тебе ничто не мешает отправиться на задание? — И он показал на окно, за которым маняще сияли миллионы звезд.

— Да.

На его лице появилось торжественное выражение.

— Но ты не откажешься от мысли когда-нибудь родить ребенка? Ты не уйдешь насовсем, не увлечешься делами другого мира настолько, что забудешь о своем собственном?

— Думаю, нет,— пообещала она.

— Я рад, Мелисанда. Нас мало, и мы разбросаны по всей Вселенной. Нет никакой необходимости увеличивать наше число, но нас не должно становиться меньше. Следует поддерживать статус кво. Именно в этом секрет бессмертия любого народа.

— Да, я знаю. Часто об этом думала.— Она опустила задумчивый взгляд на бумажную трубочку.— Когда придет срок, я выполню свое предназначение.

— Ты очень молода, у тебя еще полно времени.— Он вздохнул, словно сожалел, что не может то же самое сказать и о себе. Встал, пересек комнату, открыл шкаф и достал большую стопку перфокарт.— Мы рассортируем заявки и постараемся выбрать наиболее подходящую.

Он начал вводить карточки в стоящий рядом со шкафом компьютер. Они представляли собой тонкие прямоугольные пластины из белой пластмассы, с порядковым номером у кромки. Все остальное пространство было испещрено круглыми дырочками. Когда в руках ничего не осталось, он снял крышку с клавиатуры, напечатал «неголосовые» и передвинул рычажок.

Машина щелкнула, зажужжала и начала выплевывать карточки. Когда остановилась, он посмотрел на счетчик.

— Осталось восемьдесят четыре.

Он снова повернулся к клавиатуре и набрал другое слово: «гуттуральные». Машина в ответ выбросила очередную партию карточек.

«Сверхзвуковые». Вылетело десятка два перфокарт. «Стаккато». Небольшая кучка. «Свист». Ничего.

— Двадцать одна.— Наставник посмотрел на ученицу.— Остались только языки, основанные на плавных звуках, но мне кажется, что нам следует исключить самые медленные из них. Ты согласна?

Дождавшись ответного кивка, он набрал на клавиатуре «максимум 300». Появилось несколько перфокарт. Он вертел их в тонких пальцах, задумчиво глядя на звезды за окном.

— Одиннадцать штук. Ты можешь выбирать из одиннадцати миров.

Засунув первую карточку в другую щель в машине, он покрутил пару ручек настройки и нажал на кнопку. Прибор заворчал,

готовясь выдать ответ, затем из невидимого громкоговорителя зазвучал голос:

— Заявка номер сто девять тысяч семьсот сорок семь. Валреа, союз четырех планет, расположенных в...

Голос мгновенно смолк, когда наставник нажал на другую кнопку, увидев, что Мелисанда махнула рукой.

— Тебе не интересно?

— Нет, наставник. Возможно, я не права, поскольку уже знаю их язык и это значительно облегчило бы мне жизнь. Но ведь у них уже есть наши представители?

— Есть. Они попросили прислать четыреста человек. Мы отправили тридцать семь, а потом, много позже — еще двадцать.— Он посмотрел на нее почти с отеческим терпением.— Ты там была бы не одинока, Мелисанда.

— Пусть так,— не стала спорить она.— Но разве справедливо, что жители Валреа, чью заявку мы уже частично выполнили, получают еще, в то время как мы отказываем другим?

— Нет, не справедливо.

Он вставил следующую перфокарту.

— Заявка номер сто восемнадцать тысяч четыреста пятьдесят один,— доложила машина.— Брэнк, одинокая планета, расположенная в туманности Лошадиная Голова, сектор А-семьдесят один, подсектор Дэ-девятнадцать. Масса одна целая, две десятых. Цивилизация типа Е. Основная жизненная форма — двуногие позвоночные. Снимок прилагается.

Экран над прибором засветился яркими красками, и на нем появилось несколько худых существ с зеленоватой кожей, длинными, тощими ногами, с семипалыми руками, безволосыми головами и большими желтыми глазами.

Голос еще две минуты сообщал разные сведения, касающиеся Брэнка и его чахлых обитателей. Потом он смолк, и машина отключилась.

— Тридцать лет назад они попросили нас прислать сто человек,— сказал наставник Мелисанде.— Мы отправили десять. Теперь намерены послать еще шестерых. Хочешь войти в состав отряда?

Видя, что она никак не реагирует, он засунул в машину очередную карточку.

— Заявка сто двадцать тысяч семьсот семьдесят шестая. Найлдин, планета с одним большим спутником, густо населена, расположена в Вихре, сектор Эл-семь, подсектор Эс-Эс-три.

Начался доклад. На экране появились жители планеты — безглазые существа со щупальцами и органами осязания, которые торчали на голове, точно усики насекомых. Найлдинцы уже

получили сорок представителей народа Мелисанды, но попросили прислать еще. Она не согласилась лететь к ним. Одиннадцатая и последняя перфокарта заинтересовала ее больше других. Не в силах сдержать волнение, она подалась вперед, глаза заблестели.

— Заявка сто сорок одна тысяча сорок восьмая. Зелам, одинокая планета, расположена на границе разведанного космоса, координаты и прочие сведения пока не внесены в файлы. Контакт установлен недавно. Масса — единица, цивилизация типа Дэ. Превалирующий вид разумной жизни — рептилии. Данные прилагаются.

Они отдаленно напоминали аллигаторов, вставших на задние лапы, хотя Мелисанда ни разу не видела аллигатора. Весь класс ящериц исчез с лица ее родной планеты миллионы лет назад. Так что ей было не с кем сравнить зеламитов, обладавших жесткой шкурой и клинообразными зубастыми челюстями. По меркам туманного прошлого они были необыкновенно уродливыми. Но с точки зрения ее современника и соотечественника — вполне нормальными. Ведь какие только формы не принимает универсальная сущность под названием Разум.

Естественно, виды мыслящей жизни далеко не всегда точно отражали эту неуловимую, пронизывающую космос сущность. Некоторым требовалось больше времени, чтобы догнать старших братьев по разуму. Одним посчастливилось стартовать раньше, другие объявили о своем существовании совсем недавно. Это походило на соревнования бегунов с разными физическими возможностями: кто-то впереди, иные отстают, но все рано или поздно пересекут финишную прямую. Зеламиты оказались в самом конце.

— Я полечу туда,— приняла Мелисанда окончательное решение.

Разложив одиннадцать перфокарт на столе, наставник, обеспокоенно хмурясь, рассматривал их.

— Они попросили прислать шестьдесят человек. Все заказывают слишком много, особенно те, кто присоединился к нам недавно. У нас нет лишних людей, но и отказывать не хочется.

— И что?

— Мы предложили для начала отправить к ним одного человека. Показать, что готовы сотрудничать.

— Я вполне подхожу! — заявила она.

— Так-то оно так,— сказал он с видом человека, которого загнали в угол,— но мы считаем, что лучше бы послать мужчину.

— Почему?

— Боже мой! — Вопрос поверг его в полнейшее замешательство.— Да нипочему. Просто мы решили, что так будет лучше.

— Настаивать на чем-то без видимой причины — это шаг назад, это недостойно нас.

— Мы могли бы сделать это с легкостью, будучи уверены, что не причиним тем самым никакого вреда,— возразил он.— Вот здесь и зарыта собака: неизвестно, к чему приведут наши действия.

— Повредит ли зеламитам наш отказ в помощи?

— Мы не отказываем им в помощи, Мелисанда. Кроме тебя, есть и другие добровольцы. Вполне возможно, что добрый десяток прошедших экзамены тоже предпочел Зелам. Но пока туда отправится только один. Возможно, остальные прибудут позже.

— Узнайте, пожалуйста, есть ли еще добровольцы,— взмолилась Мелисанда.

Не слишком охотно он нажал на кнопку на столе и заговорил в серебристый раструб переговорного устройства:

— Сколько человек выбрало Зелам, заявка сто сорок одна тысяча сорок восьмая?

Прошло довольно много времени, прежде чем прозвучал ответ:

— Ни одного.

Выключив прибор, он откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел на Мелисанду.

— Тебе будет там очень одиноко.

— На любой планете новичку одиноко.

— Тебя могут поджидать самые невероятные опасности.

— Они будут поджидать и отряд в сотню человек,— совершенно спокойно ответила она.

Тогда он привел последний довод:

— Зеламиты ведут ночной образ жизни. Тебе придется работать по ночам и спать днем.

— Наши на Брэнке живут так уже много лет, да и на других мирах тоже. Наставник, вы считаете, что мне будет труднее, чем им?

— Нет, не считаю.— Он встал из-за стола и подошел к ней.— Вижу, мне не под силу тебя переубедить. Если такова твоя судьба, не мне мешать ее свершению.— Взяв Мелисанду за руку, он коснулся губами ее пальцев в традиционном прощании.— Удачи тебе, Мелисанда. Я рад, что ты была моей ученицей.

— Спасибо, наставник.— Бережно держа свиток с золотой печатью, она остановилась в дверях и благодарно улыбнулась ему.— Я горжусь тем, училась у вас!

Он еще долго сидел за столом и задумчиво смотрел на дверь. Ученики приходят и уходят. Сначала они совсем чужие, зато в самом конце становятся родными, словно дети, и уносят частичку его души.

И каждый, навсегда уходя в безбрежность космоса, забирает и частичку умирающего мира, и мир все больше пустеет. Нелегко жить под любимым солнцем, видеть, как постепенно гаснет его пламя, а тени растут и окутывают все вокруг.

Даже при невероятных скоростях этого века путешествие на Зелам оказалось долгим и скучным. Дни складывались в недели, а те — в месяцы. Мелисанде пришлось сделать несколько пересадок. Вначале — с огромного гиперпространственного лайнера на корабль поменьше, доставивший ее на голубой шар, где обитали немые ксанфиане. Оттуда потрепанная ракета с командой, представляющей собой диковинную смесь разных народов, включая двуногих соотечественников Мелиссы, перевезла ее на планету халдизиан. В конце концов она попала в удивительную клиновидную штуковину, работавшую непонятно как; гибкие халдизиане летали на таких по торговым делам между планетами небольшого скопления звезд. Одной из этих планет и был Зелам.

За ним лежал сияющий звездный туман, пронизывать его предстояло более современным и мощным кораблям.

Зелам. Еще один остров во Вселенной. Еще одно прибежище живых существ, чьи потомки будут иметь черту, которая объединит их с другими племенами космоса и благодаря которой они смогут поделиться своими достижениями с остальными.

Впрочем, долгое путешествие пошло Мелисанде на пользу. При помощи фонетического словаря и самого простого диктофона, а также врожденных способностей она овладела языком к тому моменту, когда увидела планету.

Поскольку на корабле не было ни лестниц, ни пандуса, халдизиане просто вытолкнули Мелисанду из воздушного шлюза. Какая-то загадочная сила — может быть, поле, создаваемое невидимым прибором,— подхватила ее и аккуратно опустила на землю. Ее багаж и два члена команды были спущены точно так же. Другие двое медленно поднялись наверх, ступили на специальную платформу и занялись грузовыми люками.

Мелисанду встречала небольшая депутация зеламитов — известие о ее прибытии на несколько дней обогнало корабль. Они оказались крупнее, чем она ожидала,— экраны учебных компьютеров не позволяли судить об их истинных размерах. Самому невысокому она доходила до груди, а его острые зубы были длиной с ее руку и могли, наверное, легко перекусить ее пополам.

Крупнейший и старейший из группы встречающих, могучего телосложения рептилоид с покрытым бородавками лицом, вышел вперед, а остальные направились к багажу.

— Вас зовут Мелисанда?

— Да,— улыбнулась она.

В ответ он угрожающе зарычал. Однако Мелисанда нисколько не испугалась. Ее народ уже тысячу веков назад понял, что не похожие на землян существа свои эмоции выражают тоже по-другому. Она не сомневалась, что сердитое рычание — это дружелюбное приветствие.

Тон, которым зеламит заговорил в следующий миг, подтвердил ее правоту.

— Мы рады видеть вас на нашей планете.— Он несколько мгновений разглядывал ее оранжевыми глазами с вертикальными зрачками, а потом с некоторым огорчением добавил: — Мы просили прислать сто представителей вашего народа, а надеялись получить двадцать или хотя бы десять.

— Сюда прилетят и другие мои соплеменники.

— Будем надеяться.— Он бросил многозначительный взгляд на корабль, из которого выгружались привезенные товары.— Халдизиане получили двадцать землян, мы устали слушать их хвастливую болтовню. Мы считаем, что имеем право на столько же по меньшей мере.

— Но в самом начале к ним прибыло только двое,— возразила Мелисанда.— Остальные прилетели позже. Так будет и здесь. Очень уж много заявок, нам приходится соблюдать очередность.

— Ну что ж...— Он поднял руку и растопырил длинные пальцы — на его месте человек пожал бы плечами.

Глава делегации встречающих подвел Мелисанду к стоящей неподалеку шестиколесной повозке, проследил за погрузкой багажа, затем уселся на водительское сиденье рядом с землянкой.

— Я восхищен тем, как вы овладели нашим языком. Это поразительно.

— Благодарю вас.

По дороге в город — причем на довольно приличной скорости — Мелисанда рассматривала необычный пейзаж: голубые мхи и желтые цветы. От зеламита исходил чуть горьковатый запах, на который она не обращала внимания. Еще один древний урок: у каждого метаболизма свои побочные эффекты. Какой скучной была бы Вселенная, если бы все ее обитатели оказались совершенно одинаковыми!

Они остановились около низкого каменного здания, с высокой черепичной крышей и окнами из пластика. Оно выглядело внушительно — по меньшей мере в полумилю длиной. Земля перед фасадом поросла синим мхом, а огражден был этот двор забором.

— Здесь институт,— указал на ближние окна зеламит,— а здесь ваш дом.— Заметив на ее лице новое выражение, он добавил изви-

няющимся тоном: — Разумеется, мы не ждем от вас больше того, что в состоянии сделать один человек. Мы строили в расчете на десятерых и очень быстро сложили бы еще несколько зданий, если бы наш заказ был выполнен полностью.

— Понятно.

Мелисанда выбралась из повозки и стала смотреть, как заносят в здание ее вещи. Она училась несколько веков; она сама выбрала планету и провела в пути несколько месяцев — и все же ей не сразу удалось осознать происходящее. «А здесь ваш дом»,— сказал зеламит. Сколько уйдет времени — неделя, месяц,— прежде чем она начнет считать это место своим домом? Может, и больше, ведь ее жизнь перевернута с ног на голову — придется работать по ночам, а днем отсыпаться.

— Не желаете ли подкрепиться?

— Увольте! — Мелисанда звонко рассмеялась.— Халдизиане устроили прощальный обед, который продолжался до бесконечности. Кажется, я наелась на несколько дней вперед.

— Фр-р-р! — Лицо рептилоида перекосилось — понятно, зеламита больше устроило бы, если бы халдизиане не лезли не в свое дело.

— В таком случае, единственное, что я могу вам предложить, это отдых, в котором вы наверняка нуждаетесь. Сможете ли вы приступить к работе завтра вечером?

— Вне всякого сомнения.

— Можно отдохнуть и подольше, никакой спешки...

— К завтрашнему вечеру буду готова,— заверила она его.

— Хорошо, я передам Натаму, это наш министр культуры. Он навестит вас перед тем, как вы приступите к работе.

Одарив ее широкой зубастой улыбкой, он уехал. Мелисанда проводила его взглядом и повернулась к двери, которую носильщики оставили гостеприимно открытой. Она оказалась совсем простой, поднималась и опускалась при помощи рычага, выступающего сбоку из стены, и запиралась только изнутри, на маленький засов.

За дверью начинался коридор — пустой, примитивный,— по нему придется ходить, транспортировка не предусмотрена. И свет нужно включать-выключать, потому что местные жители ничего не знают о постоянном освещении. Но теперь это ее дом. И Мелисанда вошла внутрь.

Натам явился на следующий день, когда спустились сумерки. И явился не один — представитель Зелама, на плечах которого сверкали знаки отличия, держался властно и уверенно.

Несколько минут он болтал о пустяках, не сводя внимательного взгляда умных глаз с ее лица, затем ворчливо заявил, что если один человек, по мнению другого, равен ста, то, видимо, зеламитам надо было попросить десять тысяч.

Помолчав немного в задумчивости, он сказал:

— Пока мы не вступили в контакт с другими народами космоса, у нас не было никакой истории, кроме собственной. Теперь же мы должны изучать законы и особенности Вселенной. Для этого мало одной жизни. Однако я свою жизнь посвятил именно этому и теперь знаю: народ, к которому вы принадлежите, исключительно умен.

— Вы так считаете? — Мелисанда с интересом за ним наблюдала.

— Я так не считаю. Я это знаю.— Натам вдруг оживился.— Известно, что около шестидесяти или семидесяти народов космоса сошли со сцены. Одни в сражениях друг с другом уничтожили свои миры, другие пали жертвой космических катаклизмов, которых было невозможно ни предвидеть, ни избежать. Они перестали существовать — и все. Многие погибли, когда погасли их солнца и тепло сменилось чудовищным холодом.— Оранжевые глаза по-прежнему не мигая смотрели на нее.— Это доказывает одну вещь: что целый народ может исчезнуть, как будто его и вовсе не было.

— Не обязательно,— возразила Мелисанда.— Потому что...

— Вот именно! — перебил он, вскинув руку.— Только земляне вправе говорить такие слова. Какая сила способна уничтожить народ, разбросанный по сотням миллионов планет? Не существует такой силы!

— Сомневаюсь, что у кого-то могло бы возникнуть такое желание.

— Если только он не сошел с ума,— согласился с ней Натам.— Вы сделали себя бессмертными. Вы сохранили себя для вечности. Я называю это высшим разумом.— Он поморщился.— И как вам такое удалось?

— А *вы* как думаете? — предложила она ему ответить на его же вопрос.

— Вы применили свой бесценный опыт, свою великую мудрость, играя на снобизме других, менее развитых народов.

— Я так не считаю.

Он, словно не услышав возражения, продолжал:

— Вы предвидели катастрофу. И прекрасно понимали: когда погаснет ваше солнце, никакой другой мир не сможет, да и не захочет принять миллионы беженцев. Но никто не откажет нескольким десяткам или даже сотням, если их присутствие значи-

тельно поднимет престиж тех, кто их приютил. И вот вы убеждаете всех в том, что они должны бороться за такую честь, а мы уподобляемся детям, выпрашивающим подарки у взрослых.

— Ну что вы...

Он снова резким жестом заставил ее умолкнуть, пересек комнату и заговорил, растягивая гласные, явно подражая кому-то, с кем Мелисанда еще не была знакома.

— Помилуйте, Тасалми, мы даже и мысли не допускаем о том, чтобы послать детей в государственную школу. Мы отправили их в центральный колледж, в Хей. Ужасно дорого, конечно. Но там есть преподаватели с Земли, а это так важно, когда твое чадо может похвастаться, что его учили земляне!

Он вышел из образа и сказал:

— Вы видите? С тех пор как халдизианские корабли обнаружили наш мир, здесь побывало десятка два представителей различных народов. И каждый прямо-таки лучился спесью. Как, у вас нет землян? О, какие вы отсталые! На нашей планете их сорок, нет, даже пятьдесят...— Он фыркнул, раздув ноздри.— Они так хвалятся и важничают, что у моих соотечественников развился страшный комплекс неполноценности. Чем мы хуже других! — кричат мне со всех сторон.— Немедленно дайте нам землянина.

— Мы не воспитываем хвастунов и зазнаек,— заявила Мелисанда.

— Возможно. Но именно так действует ваше присутствие на тех, кого вы еще не учили. Они сияют в лучах вашей славы. Так что я снова отдаю должное вашей мудрости. Во-первых, вы поняли: чем народ умнее, тем меньше ему нравится, когда его считают глупым. Во-вторых, таким способом вы обеспечили бессмертие своего народа. И в-третьих, не увеличивая свою численность, вы не вызываете беспокойства у тех, кто дает вам убежище. Инопланетная диаспора не опасна, если она не растет.

Мелисанда улыбнулась:

— Вы ждете, чтобы я спросила: «Разве я говорила что-нибудь подобное?»

— Да, вы превосходный дипломат.— Подойдя к ней поближе, он сменил тон на еще более серьезный: — Мы просили прислать сто землян. Если бы мы их получили, то заказали бы еще. А потом еще. Не ради престижа, но ради другой, гораздо более важной цели.

— А именно?

— Мы хотим заглянуть в далекое будущее. Халдизиане, которые знают больше нас, утверждают, что наше солнце недолго-

вечно. А это означает такой же конец, как и тот, что грозит вашему миру. Мы должны воспользоваться вашим опытом, поскольку не можем придумать ничего другого. Дорога, выбранная вами, годится и для нас. Я слышал, вас осталось совсем немного?

— Немного,— подтвердила Мелисанда.— Около миллиона. Земля доживает последние столетия.

— Наступит день, когда нам придется сказать то же самое о своем мире. И было бы прекрасно, если бы зеламиты стали преемниками землян. Вот в чем ваша задача. Она непроста. Вы начнете заниматься с самыми умными детьми, чтобы наш народ обрел мудрость, которая поможет ему выжить.

— Мы сделаем все, что в наших силах,— пообещала Мелисанда, сознательно использовав множественное число.

Натам это заметил, и на его лице появилось благодарное выражение. Попрощавшись с Мелисандой, он удалился. А она, обдумывая поставленную перед ней задачу, быстро зашагала по коридору к комнате, из которой доносились пронзительные голоса.

Когда она вошла, в классе повисла напряженная тишина. Заняв свое место за учительским столом, Мелисанда окинула взглядом сотню маленьких лиц с длинными тонкими носами и щелочками-глазами, которые рассматривали ее с детским любопытством.

— Мы начнем с главного предмета, который называется космической этикой,— сообщила она.

Повернувшись к широкому темному прямоугольнику — такому же точно, как в любом классе любой школы, в которой преподают земляне,— она сняла с его основания белую палочку и твердой рукой написала на доске: «Урок номер один. Разум можно сравнить с конфетами. Он имеет бесконечное количество форм, размеров и цветов, и ни один из его представителей не хуже другого».

Она оглянулась — слушают ли ученики — и увидела, что они, опустив оранжевые глаза, старательно переписывают в тетрадки ее первый постулат. Один даже язык высунул из усердия, его пурпурный кончик шевелился в одном ритме с рукой.

Мелисанда невольно перевела взгляд на прозрачную крышу, сквозь которую на нее смотрела галактика. Где-то там, далеко, крошечная алая точка, теряющая последние силы, постепенно затухающая. А рядом — другая, серебристо-голубая, которая будет сиять до самого конца.

В твое жилище я вползу

Морфад сидел в центральном отсеке корабля и угрюмо глядел на стену. На душе было тревожно, и он не собирался этого скрывать. По сути, их поймали в ловушку. В большую хитроумную ловушку. И выскользнуть из нее можно только сообща.

Хуже всего, что остальные члены экипажа этого не понимали. Похоже, им было наплевать на свои жизни, не говоря уже о жизни Морфада. Он это чувствовал. Его соплеменники даже не понимают, что увязли по уши, и потому все его доводы бесполезны. Ну чем еще пробить их благодушие?

Зверь старается избежать ловушки лишь потому, что прекрасно сознает ее реальность. В противном случае он впадет в такое же благодушие, в каком ныне пребывали соплеменники Морфада. Да что говорить о них, если все эти, казалось бы, разумные чужеземцы с незапамятных времен сами сидят в той же ловушке? Можно ли верить, что пятьдесят скептически настроенных альтаирцев не повторят ошибки трех миллиардов землян?

Морфад продолжал тупо разглядывать стену, когда в отсеке появился Харака и сообщил:

— Вечером мы улетаем домой.

Морфад молчал.

Рослый, крепко сбитый альтаирец, Харака был капитаном корабля. Потирая свои длинные, гибкие пальцы, он продолжал:

— Мне грустно улетать. Встретить такую планету! Это же удача, причем редкая удача. Мы успели побрататься с земляна-ми. Их разум развивался в том же направлении, что и наш. Как и мы, они бороздят космос. А сколько в них дружелюбия и готовности прийти на помощь!

Морфад молчал.

— С какой сердечностью они нас приняли! — восторгался Харака.— Представляю, как обрадуются дома, когда мы пред-

ставим отчет об экспедиции. Несомненно, нас и землян ожидает большое будущее. Мы создадим непобедимый союз Альтаира и Земли. Совместными усилиями мы исследуем и завоюем всю галактику.

Морфад молчал.

Его состояние охладило Хараку, заставив капитана нахмуриться.

— Да что с тобой? Почему у тебя такой понурый вид?

— Просто я не прыгаю от радости.

— Вижу. Твое лицо похоже на кислый-прекислый *шамсид*. Такие бывают на старых кустах, которым недостает жизненных соков. И это — в минуту величайшего триумфа! Может, ты заболел?

— Нет.— Морфад медленно повернулся и вперился в него взглядом.— Скажи, ты веришь в сверхъестественные способности?

Вопрос несколько ошеломил Хараку.

— Не знаю, что и сказать. Я ведь капитан корабля, моя сфера — астронавигация, а потому я не стану корчить из себя знатока разных там паранормальных способностей. Короче говоря, я не могу тебе дать адекватного ответа. А ты-то сам как? Ты в них веришь?

— Верю. Точнее, *теперь* верю.

— Что значит «теперь»?

— Эта уверенность просто свалилась на меня.— Морфад помолчал и с отчаянием в голосе добавил: — Я обнаружил у себя телепатические способности.

Харака с некоторым недоверием поглядел на него.

— Говоришь, обнаружил? Раньше их у тебя не было, а потом вдруг появились?

— Да.

— И с какого времени?

— С момента нашей посадки на Землю.

— Подожди, давай по порядку, а то я ничего не пойму,— сказал сбитый с толку Харака.— Ты утверждаешь, что какие-то здешние особенности неожиданно позволили тебе читать мои мысли?

— Нет, твои мысли я читать не могу.

— Но ты только что объявил себя телепатом.

— Это действительно так. Я легко читаю мысли, как будто мне их выкрикивают прямо в уши. Но не твои и не мысли остальных членов экипажа.

Харака подался вперед, лицо его стало серьезным.

— А, так значит, ты улавливаешь мысли землян? И что-то из услышанного тебя насторожило, так? Морфад, я же капитан

корабля, твой непосредственный начальник. Ты просто обязан сообщать мне обо всех своих подозрениях, касающихся землян. Давай, выкладывай все, что узнал! — приказал он Морфаду.

— Об этих гуманоидах я знаю не больше твоего,— возразил Морфад.— У меня есть все основания считать, что их дружелюбие не является наигранным, однако про их мысли мне ничего не известно.

— Ох, звездочки яркие, но ведь ты только что...

— Тут есть одна особенность,— перебил его Морфад.— «Землянин» — понятие достаточно широкое. Правильнее будет сказать, я улавливаю мысли не всех землян.

— Хорошо, тогда кого именно?

Набравшись решимости, Морфад выпалил:

— Я улавливаю мысли земных собак.

— Собак? — Харака откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на соплеменника.— Собак? — еще раз переспросил он.— Ты это серьезно?

— Мне не до шуток. Я слышу мысли земных собак и больше ничьи. Не спрашивай меня, почему это так. Я и сам не знаю. Зигзаг обстоятельств, другого слова не подберешь.

— И ты слушаешь их мысли с тех самых пор, как мы прилетели на Землю?

— Да.

— Ну и что же интересного в собачьих мыслях?

— Там настоящие крупицы мудрости другой расы,— заявил Морфад.— Знаешь, чем больше я вслушиваюсь в эти мысли, тем сильнее они меня пугают.

— Давай, напугай-ка меня несколькими примерами,— предложил Харака, подавляя улыбку.

— Вот тебе пример: «Высшая проверка на разумность — это способность жить в свое удовольствие, не утруждая себя работой»,— процитировал Морфад.— Вот еще пример: «Искусство возмездия заключается в умении тщательно скрыть свое желание отомстить так, чтобы никто ничего не заподозрил». А вот еще пример: «Самым острым, самым незаметным и самым эффективным оружием во всей Вселенной является лесть».

Харака не удержался от удивленного возгласа.

— А как тебе понравится такой образец собачьей мудрости? «Мыслящему существу нравится считать себя богом. Отнесись к нему, как к богу, и оно станет твоим преданным рабом».

— Быть этого не может! — замотал головой Харака.

— Может! — упрямо возразил Морфад. Он махнул рукой в сторону ближайшего иллюминатора.— Там живут три миллиарда божков, за которыми бегают по пятам, перед которыми лебезят

и на которых глядят преданными глазами. Божки исключительно милосердны к тем, кто их любит.

Морфад чмокнул губами: видимо, ему хотелось плюнуть.

— И любимцы божков это знают, а потому любовь им достается дешево.

— По-моему, ты тронулся умом,— мрачно произнес Харака.

— Тогда как тебе понравится такой образец собачьей мудрости? «При успешном управлении управляемые даже не осознают, что *ими управляют*».— Морфад снова издал звук, как будто хотел плюнуть на пол.— Похоже на бред сумасшедшего? По-моему, нет. Вполне разумный принцип. И действенный. Самое главное — сейчас он вовсю действует.

— Но...

— Взгляни вот на эту штучку.— Морфад бросил на ладонь Хараки небольшой предмет. Узнаешь?

— Да. Земляне называют это крекером.

— Правильно. Ради его изготовления земляне в любую погоду вспахивают свои поля, засевают их пшеницей, собирают урожай с помощью машин, постройкой которых усердно занимаются другие земляне. Потом пшеница перевозится в специальные хранилища, размалывается в муку. Мука смешивается с необходимыми компонентами, превращается в тесто, из которого нарезают эти квадратики. Затем их выпекают, остужают, укладывают в пакеты и отправляют по всей планете. Прежде чем хрустеть крекерами, землянам приходится изрядно потрудиться.

— Ну и что?

— А вот когда собака хочет получить крекер, ей достаточно встать на задние лапы и повилять хвостом, умильно глядя в глаза своему богу. И все. Проще не придумаешь.

— Не понимаю, почему ты восторгаешься собачьей мудростью. По-моему, собаки — довольно глупые существа.

— Это лишь кажется,— сухо ответил Морфад.

— Они и делать-то ничего не могут. Ведь у них нет рук.

— Им и не нужны руки. Достаточно иметь мозги.

— А теперь послушай меня,— с нескрываемым раздражением произнес Харака.— Мы, альтаирцы, придумали и построили корабли, способные летать между звездами. И земляне тоже. Но здешние собаки не сделали даже простенькой машины и в течение ближайшего миллиона лет не сделают. Когда хотя бы одной собаке хватит мозгов и способностей, чтобы совершить космическое путешествие, я съем свою капитанскую фуражку.

— Можешь начинать ее есть,— предложил Морфад.— У нас на борту уже пара земных собачек.

— Эти не в счет. Земляне сделали нам памятный подарок,— недовольно проворчал Харака.

— А чья воля заставила их сделать этот подарок?

— Кому-то из землян вдруг пришла в голову мысль подарить нам собак.

— Ты в этом уверен?

— А ты считаешь, что собаки сами внушили эту мысль землянам? — сердито бросил Харака.

— Я не считаю, я знаю, что так оно и было,— с мрачным видом ответил Морфад.— Причем земляне не подарили нам двух самцов или двух самок. Нет, уважаемый капитан, собаки все предусмотрели. Нам подарили самца и самку. Земляне сказали, что собаки прекрасно размножаются. Пройдет какое-то время, и наш мир расцветет от неиссякаемой любви четвероногих друзей землян.

— Чепуха! — отмахнулся Харака.

— Ты находишься в плену устаревших представлений! — не остался в долгу Морфад.— Ты по-прежнему считаешь, будто завоевание предполагает агрессию. Неужели ты не понимаешь, что расы с чуждой нам психологией используют совершенно иные, непривычные для нас методы? У собак — собственная стратегия, в корне отличающаяся от нашей. У них нет ни военных кораблей, ни вооруженной армии. Они не могут выставить нам ультиматум и начать войну. Зато они способны тихо вползти в наши жилища, и их глаза будут излучать искреннюю преданность. Если мы не проявим бдительность, то окажемся под властью этих любящих и преданных тварей.

— Знаешь, у тебя какая-то... собакобоязнь. Иного слова тут не подберешь,— сказал Харака.— Ты панически боишься собак.

— Боюсь. И не без оснований.

— Они вымышленные.

— Вчера я заглянул в косметический салон для собак. Кто, спрашивается, мыл, поливал духами, пудрил и прихорашивал этих тварей? Другие собаки? Как бы не так! Этим занимались земные женщины. И после этого ты говоришь, что мои опасения вымышленные?

— Я бы назвал это причудами землян. Ничего особенного. Ведь и у нас тоже есть свои чудачества.

— Здесь ты совершенно прав,— согласился Морфад.— И одно из твоих чудачеств мне хорошо известно. Да и всему экипажу — тоже.

Харака сощурился.

— Не стесняйся, назови его. Я не боюсь увидеть себя глазами других.

— Хорошо. Ты сам попросил об этом. Мы все знаем, что Кашим ходит у тебя в любимчиках. Ты всегда прислушиваешься к его мнению, хотя мнение других спокойно можешь пропустить мимо ушей. Что бы Кашим ни сказал — тебе это кажется заслуживающим внимания.

— Уж не завидуешь ли ты Кашиму?

— Ни в коей мере,— брезгливо отмахнулся Морфад.— Я просто презираю его. И не я один, остальные тоже его не жалуют. Профессиональный подхалим — вот кто этот Кашим. Он только и знает, что лебезить перед тобой, говорить льстивые слова, которые приятно щекочут твое самолюбие. В этом он ничем не отличается от земной собаки. И тебе это нравится. Ты купаешься в его льстивых речах. Они обволакивают тебя, как дурман, и у тебя нет сил им противиться. И стратегия Кашима приносит свои плоды. Не говори мне, будто это не так. Мы все знаем, что это так.

— Я не настолько очарован Кашимом, чтобы не иметь своего мнения о нем. И его влияние на меня не так сильно, как тебе кажется.

— Три миллиарда землян тоже имеют свое мнение относительно четырех миллиардов собак, и им, скорее всего кажется, что у собак хватает ума лишь на выпрашивание крекеров.

— Я все равно не верю в высокоразвитый собачий разум.

— Еще бы ты верил. Я на это и не рассчитывал. Услышав от меня подобные вещи, ты думаешь, что Морфад либо спятил, либо заврался. Вот если бы то же самое ты услышал от Кашима, да еще преподнесенное в льстиво-заискивающей манере, ты бы мгновенно поверил. У Кашима разум и логика земной собаки, понимаешь?

— Кашим тут ни при чем. Мое недоверие к твоим словам имеет более прочную основу.

— Какую же?

— Среди землян тоже есть телепаты. Так что, если бы миф о тайном владычестве собак был реальностью, они бы знали об этом. Они ни одну четвероногую тварь не оставили бы в живых.— Харака сделал паузу.— Значит, это просто миф,— с выражением докончил он.

— Земляне способны читать мысли людей, но не собак. Я способен улавливать лишь собачьи мысли и больше ничьи. Почему — не знаю. Но я улавливаю их мысли.

— Мне это представляется совершеннейшей бессмыслицей.

— Неудивительно. Вряд ли тебя можно за это упрекнуть. Я сам понимаю всю сложность своего положения. Я — как будто единственный слышащий в мире абсолютно глухих.

Харака некоторое время размышлял над словами Морфада, потом сказал:

— Предположим, я поверил бы всему, что ты мне сообщил. И что, по-твоему, я должен был бы предпринять?

— Отделаться от собак,— не задумываясь, ответил Морфад.

— Это легче сказать, чем сделать. Нам жизненно необходимы хорошие отношения с землянами. Могу ли я, не обидев хозяев, отказаться от подарка, сделанного со всей душой?

— Хорошо, не надо отказываться. Достаточно незначительных изменений. Попроси у них только двух самок или двух самцов. Сошлись на альтаирский закон, запрещающий ввоз инопланетных животных, способных к размножению.

— Не могу. Теперь слишком поздно. Мы уже приняли подарок и искренне поблагодарили землян. К тому же им было важно подарить нам не первых попавшихся собак, а именно породистых самца и самку, чтобы положить начало собачьей популяции на Альтаире. Они хотели дополнить нашу фауну собачьей расой.

— Вот-вот, собачьей расой! — подтвердил Морфад.

— И мы едва ли сможем помешать этой паре размножаться, когда привезем их домой,— продолжал Харака.— Теперь мы начнем часто летать на Землю, а альтаирцы — навещать нас. И как только они увидят, что подаренные собачки не прижились, они горестно вздохнут и тут же осчастливят нас не одной парой, а целым десятком, если не сотней пар. Согласись, это намного хуже.

— Да, конечно,— обреченно пожал плечами Морфад.— Если ты собрался противиться любому возможному решению, нам лучше сдаться без боя. Давай забудем о своих интересах и станем очередной расой, подпавшей под власть собак. Напомню тебе перл собачьей мудрости: «При успешном управлении управляемые даже не осознают, что ими управляют».

Морфад невесело усмехнулся.

— По мне, так я дождался бы, пока мы окажемся в открытом космосе, а потом выбросил бы этих милых собачек за борт.

Похоже, Хараке надоело выслушивать своего подчиненного, и он решил прекратить этот бессмысленный разговор.

— И это наглядно подтвердило бы, что ты стал жертвой своих заблуждений.

— Почему? — со вздохом спросил Морфад.

— А как же иначе? Ты попытался бы избавиться от первых представителей расы хозяев. Насильственно прервал бы их владычество, так? — Харака хитро улыбнулся.— Если верить твоим словам, ты узнал нечто такое, о чем двуногие раньше и знать не знали и даже не догадывались. И ты — единственный, кто это

знает. Ты сразу бы превратился в серьезную угрозу для всего собачьего племени. Думаю, дни твои были бы сочтены. Собаки не позволили бы тебе вмешаться в их замыслы и поделиться раскрытыми тайнами с другими альтаирцами. Словом, вскоре ты был бы не живее камня.

Харака подошел к двери и открыл ее, собравшись уйти.

— Ты вполне в здравом уме. Просто не давай волю фантазиям,— посоветовал он.

— Если я читаю собачьи мысли, это еще не значит, что собаки читают мои,— крикнул в закрывающуюся дверь Морфад.— Я сомневаюсь в этом, поскольку...

Дверь с шумом захлопнулась. Морфад сердито поглядел на дверь и стал мерить шагами отсек. Пройдя раз двадцать взад-вперед, он вновь опустился на стул и замер. Мозг его тем временем продолжал напряженно работать в поисках удовлетворительного решения.

«Самым острым, самым незаметным и самым эффективным оружием во всей Вселенной является лесть».

Да, Морфад искал сейчас способ одолеть четвероногих воинов, виртуозно владеющих самым грозным во Вселенной оружием. Как победить прирожденных льстецов, давно научившихся вползать в души землян? Как справиться с этими источниками бескорыстной любви, с этими раздувателями человеческой гордости? В течение многих поколений собаки довели свои боевые навыки почти до совершенства. Как защититься от этой опасности, как сдержать и отбить натиск? Попробуй это сделать, если изворотливые твари относятся к тебе, как к богу, всем своим видом подчеркивая, что ты для них — высшее существо! «Да, мой бог. Непременно, мой бог. Только так, как ты скажешь, мой бог».

И все-таки, как защититься от этой изощренной тактики, как изолировать их ухищрения?

Звезды ясные! Вот оно, решение! Нужно изолировать не их ухищрения, а самих этих тварей. Поместить их на какую-нибудь никчемную, заброшенную планету, и пусть себе размножаются. Пусть управляют травами и букашками. А для излишне любопытных визитеров с Земли всегда будет готов убедительный ответ. Вы спрашиваете про собак? Как же, они живы и плодятся в свое удовольствие. Мы обеспечили им замечательные условия жизни. Мы отдали им всю Пладамину. Да, целую планету. Если желаете навестить собачек, мы вас туда свозим.

Великолепная идея. Она разрешит все возникшие сложности и не вызовет неодобрения со стороны землян. Вскоре соплеменники по достоинству оценят замысел Морфада. Простое реше-

ние, способное навсегда избавить альтаирцев от угрозы собачьего владычества. Ни одна четвероногая тварь не сможет выбраться с Пладамины. Ну а если кто-то из землян явится в гости вместе с собакой, их сумеют убедить на время оставить свое сокровище в собачьем раю, созданном заботливыми альтаирцами. Вот и пусть собаки правят собаками, пусть сражаются друг с другом хоть лестью, хоть клыками.

Морфад решил не раскрывать свой замысел Хараке. Зачем лишний раз выслушивать насмешки предвзято настроенного капитана? Когда они вернутся домой, он обратится к тем, кто стоит выше Хараки. Даже если власти не до конца поверят ему, они все равно предпримут необходимые меры, памятуя известный принцип: лучше вовремя обезопасить себя, чем потом сожалеть. В интересах безопасности государственные чиновники будут просто вынуждены отдать собакам Пладамину.

Встав на стул, Морфад посмотрел из иллюминатора на земной космопорт. Внизу стояла внушительная толпа землян, пришедших проводить альтаирский корабль и пожелать новообретенным братьям по разуму счастливого пути. В конце толпы Морфад заметил неказистую собачонку, тащившую на тонкой цепочке какую-то земную женщину. Должно быть, эта бедняжка уверена, что является хозяйкой собаки, хотя на самом деле собачонка тащит ее, куда надо, а женщина покорно следует по пятам.

Морфад достал фотокамеру, заряженную цветной пленкой, повернул нужные рычажки и прошел по коридору к открытому люку. Не помешает сделать несколько снимков братьев по разуму, заполонивших пространство вокруг альтаирского корабля. Морфад подошел к самой кромке люка и... Он был готов поклясться, что еще мгновение назад в коридоре не было этой четвероногой твари, умильно виляющей коротким хвостиком. Но клясться было поздно: Морфад шел слишком быстро, а потому, споткнувшись о собаку, вылетел прямо в открытый люк, продолжая сжимать в руках фотокамеру. Последнее, что он слышал, был свист ветра и пронзительные крики земных женщин.

— Из-за похорон нам пришлось задержаться на два дня,— сказал Харака.— Теперь необходимо как можно поскорее наверстать упущенное время.

Он замолчал.

— Я очень скорблю по поводу гибели Морфада,— продолжал капитан.— У него был блестящий ум. Какая злая насмешка судьбы, что его голова вдребезги разбилась о поверхность земного космопорта. Одно утешает, что он погиб в результате несчастного случая.

— Дорогой капитан, все могло быть куда хуже,— сказал Кашим.— На месте Морфада могли оказаться вы. Хвала небесам, что этого не случилось.

— Да, я вполне мог оказаться на его месте.— Харака с любопытством поглядел на Кашима.— И ты бы горевал, если бы я погиб?

— Еще как горевал бы, дорогой капитан. Думаю, ни для кого другого эта потеря не была бы столь тяжелой и невосполнимой, как для меня. Мое уважение к вам и восхищение вами таковы, что...

Он не договорил. По полу кабины мягко застучали лапы. Вскоре в колени капитана уткнулся влажный нос, и на Хараку уставилась пара преданных глаз. Кашим сердито нахмурился.

— Хороший мальчик,— похвалил Харака, почесывая псу уши.

— Мое уважение к вам и восхищение вами,— уже громче повторил Кашим,— таковы, что...

— Хороший мальчик,— снова произнес Харака.

Он слегка подергал собаку за одно ухо, потом за другое и с наслаждением уставился на виляющий хвостик.

— Как я уже говорил, мое уважение...

— Какой хороший мальчик!

Глухой ко всему остальному, Харака опустил руку пониже и стал чесать собачий подбородок.

Кашим с нескрываемой ненавистью поглядел на «хорошего мальчика». Пес равнодушно скосил на него один глаз. С этого мгновения участь Кашима была предрешена.

Дьявологика

Облетев планету, он внимательно осмотрел ее. Без сомнения, эту планету населяли существа с высокоразвитым интеллектом. Доказательством тому были легко узнаваемые с высоты судоверфи, переплетения железнодорожных рельсов в сортировочных пунктах, энергостанции, каменоломни, заводы, шахты, комплексы жилых строений, мосты и еще немало других свидетельств обитания на планете быстро размножающихся существ, наделенных разумом. Крайне важно было наличие космопортов. Он их насчитал три.

Глядя вниз через небольшой иллюминатор рубки, он понял, что контакт чреват опасностью. За множество столетий освоения человеком космического пространства было открыто более семисот планет, пригодных для жизни. Их обследовали. На всех обитали живые существа. Разумные — на немногих. Но до этого самого мгновения еще никто не сталкивался со столь высокоразвитой формой жизни.

Он послал бы радиограмму с подробным описанием увиденного, если бы находился в пределах досягаемости пограничного сторожевого поста. Даже теперь еще не поздно полететь обратно и через семнадцать недель оказаться в зоне, откуда его сигнал будет принят этим постом. Но в таком случае ему придется искать планету, где он сможет дозаправиться, а ведь сейчас до нее рукой подать. На этой планете, несомненно, было горючее. Быть может, они поделятся с ним.

Сейчас же запаса горючего ему хватит только на то, чтобы совершить посадку и потом вернуться на базу. Э! Синица в руках лучше журавля в небе. Он изменил направление полета, и корабль нырнул в атмосферу чужой планеты, взяв курс на самый большой космопорт из трех.

Казалось, будто они выскочили из-под земли, как это случается у людей, когда на пустынной дороге происходит автокатастрофа.

Аборигены были низкорослы — самые высокие не превышали пяти футов. Не будь этого, они походили на него, розовощекого и голубоглазого, не менее, чем монголоиды, обросшие мягкой серой шерстью.

Окружив плотным кольцом космолет, они тараторили, жестикулировали, подталкивали друг друга локтями, о чем-то спорили, пожимали плечами — словом, вели себя как толпа зевак, собравшаяся на краю глубокой темной ямы, из которой доносятся странные звуки. Их поведение было примечательно тем, что ни один из аборигенов не выказал и тени страха, никто даже украдкой не пытался отойти подальше от космолета. Единственное, чего они опасались,— это внезапного выхлопа газов из молчавших сейчас сопел реактивных двигателей.

Он вышел не сразу. Согласно правилу № 1 перед выходом необходимо проверить состав атмосферы чужой планеты. Воздух, которым дышат аборигены, вполне может оказаться для него непригодным.

Анализатору Шрибера требовалось четыре минуты, чтобы сообщить своему повелителю, может ли тот милостиво снизойти до того, чтобы дышать этой смесью.

Выключив анализатор, он открыл входной люк, уселся, свесив ноги, которые теперь свободно болтались в восьмидесяти ярдах от поверхности планеты. С этого удобного наблюдательного пункта он спокойно разглядывал толпу, как человек, который может плюнуть кому-нибудь в физиономию, зная, что на ответный плевок никто не осмелится. Шестое правило дьявологики гласит: чем выше, тем недоступнее. Доказательство: тактическое преимущество чаек перед людьми.

Поскольку те, внизу, были существа разумные, они быстро оценили невыгодность своего положения. Не имея возможности вскарабкаться наверх по полированной поверхности корабля, они практически были не в состоянии добраться до пришельца. Впрочем, они жаждали приблизиться к нему, не имея при этом каких-либо враждебных намерений. Ведь желание тем сильнее, чем меньше возможности его удовлетворить.

Чтобы еще больше раздразнить их, он повернулся к ним боком, обхватив руками согнутую в колене ногу, и продолжал разглядывать их с видом полного превосходства. А они должны были стоять и пялить на него глаза, рискуя вывихнуть себе шеи.

Чем дольше это продолжалось, тем большее нетерпение проявляли аборигены. Некоторые уже что-то кричали ему скри-

пучими голосами. Этим он снисходительно улыбался. Другие пытались объясниться с ним жестами. Он отвечал им тоже жестами, что отнюдь не радовало тех, кто поумнее. По какой-то непонятной причине ни одного ученого не заинтересовал вопрос, почему в любом уголке Вселенной одни и те же жесты вызывают у тех, к кому они обращены, только отрицательные эмоции. Те, кто изучал основы дьявологики, проходили курс, известный под названием «Уязвление с помощью жестов». Усвоив его, человек в любой ситуации был способен выразить свое презрительное отношение к любому инопланетянину наиболее обидным для того жестом.

Какое-то время толпа беспокойно шевелилась; аборигены покусывали серую шерсть на пальцах рук, тихо переговаривались и иногда бросали в его сторону злобные взгляды. Они по-прежнему держались вне опасной зоны, похоже, думая, что у существа, разлегшегося у входного люка, может оказаться напарник, который дежурит у пульта управления.

Так продолжалось до тех пор, пока не подъехало несколько неуклюжих громоздких автомашин, из которых высыпали солдаты. Вновь прибывшие, одетые в униформу цвета вывалявшейся в грязи свиньи, были вооружены дубинками и ручными пулеметами. Они построились в три ряда, повинуясь лающим звукам команды, резко повернулись направо и зашагали вперед. Толпа расступилась, пропуская их.

Они окружили корабль, отрезав его от скопища зевак. Трое офицеров торжественно прошлись по кругу и внимательно все осмотрели, соблюдая, однако, безопасную дистанцию. Потом они вернулись на исходные позиции и, задрав головы, устремили взгляд на инопланетянина.

Старший из трех офицеров похлопал себя по тому месту, где у него, должно быть, находилось сердце, наклонился и постучал рукой по земле, а когда снова поднял глаза на сидевшего высоко над ним гостя, придал своему лицу безмятежно-миролюбивое выражение. С его запрокинутой головы слетела фуражка, и, повернувшись, чтобы ее поднять, он на нее наступил.

Как видно, это маленькое приключение доставило удовольствие тому, кто находился на восемьдесят ярдов выше,— он хихикнул и свесился наружу, чтобы получше рассмотреть неуклюжего офицера. Офицер с покрасневшим под серой шерстью лицом повторил свой призывный жест. На этот раз тот, другой, соизволил его понять. Небрежным кивком он выразил свое согласие и скрылся в корабле. Спустя несколько секунд по поверхности корабля змеей скользнула нейлоновая лестница, и нарушитель спокойствия спустился по ней с ловкостью обезьяны.

Когда он предстал перед ними, солдат и толпу любопытных поразили безволосое лицо, огромное могучее тело и то, что, насколько они могли судить, у него не было никакого оружия. Следовало ожидать, что его внешность окажется необычной. В конце концов, они сами сделали несколько вылазок в космос и видели еще более диковинные формы жизни. Но какое, спрашивается, живое существо обладает таким высокоразвитым интеллектом, чтобы выстроить космолет, и вместе с тем настолько неразумно, что пренебрегает какими бы то ни было средствами защиты?

Их мышление всегда подчинялось законам логики.

Убогие недоумки.

Офицеры и не пытались завести разговор с этим экспонатом из необозримых просторов космоса. Они не обладали телепатическими способностями, а опыт, приобретенный в космических путешествиях, открыл им одну простую истину: от издаваемых ртом звуков нет никакой пользы, пока та или иная сторона не научится понимать их значение. Поэтому они жестами объяснили ему, что хотят отвезти его в город, где с ним встретятся другие аборигены, более сведущие в вопросах установления контактов. Они прекрасно объяснялись с помощью рук, что естественно для чуть ли не единственных, по их мнению, разумных существ, которым удалось открыть новые миры.

Он согласился на это с высокомерием владыки, который снисходит до общения со своими подданными, он повел себя так с первой же минуты встречи с аборигенами. Быть может, под влиянием анализатора Шрибера он немного перегибал палку. Когда охранники повели его к грузовикам, толпа расступилась снова. Он прошествовал через образовавшийся проход, одарив всех язвительным жестом № 17 — кивком, которым дал понять, что признает их право на существование и уж как-нибудь вытерпит их примитивный интерес к своей персоне.

Грузовики покатили прочь, оставив позади космолет с открытой дверью и болтающейся в воздухе лестницей. Не осталось незамеченным, что пришелец не принял никаких мер, чтобы помешать им проникнуть внутрь корабля. Пусть, мол, специалисты обыскивают его и беспрепятственно воруют идеи у других мыслящих существ, которые, подобно им самим, проторили дорогу в космос.

Ни один из представителей таких высокоразвитых существ не мог быть столь преступно небрежен. Следовательно, тут и речи не было ни о какой небрежности. Отсюда логический вывод: принцип устройства корабля не стоит того, чтобы его засекречивать, ибо это устройство безнадежно устарело. Или же,

напротив, позаимствовать какие-либо идеи невозможно, потому что существа, не достигшие определенного уровня развития, все равно в них не разберутся. За кого он их принимает? Уж они его проучат, тому свидетель сам Кас, владыка преисподней.

Один из младших офицеров влез по лестнице наверх, осмотрел корабль, спустился на землю и доложил, что не обнаружил больше ни одного пришельца; там не было даже ручного лансима и ни крошки съестного. Выходит, незнакомец прибыл сюда один. Эта новость облетела толпу. На аборигенов она не произвела особого впечатления. Вот если б их посетила целая флотилия боевых кораблей с десятью тысячами солдат на борту, такое они бы поняли. Ведь это была бы демонстрация военной мощи, превосходящей их собственную.

Тем временем грузовики покинули территорию космопорта, промчались миль двадцать по сельской местности и въехали в город. Здесь машина, которая шла во главе колонны, отделилась от остальных, свернула к западному предместью и наконец остановилась перед похожим на крепость зданием, окруженным высоченной стеной. Пришелец вылез из машины, и его тут же препроводили в тюремную камеру.

Здесь он тоже повел себя странно. Ему следовало бы возмутиться: никто ведь еще не объяснил ему, почему с ним так обошлись. А он вот не возмутился. Полюбовавшись на аккуратно застеленную койку, словно она являла собой предмет роскоши, предоставленный ему в знак признания его полномочий, он, как был — в одежде, в ботинках,— улегся на нее, глубоко, с удовлетворением вздохнул и погрузился в сон. Рядом с его ухом висели часы, и их тиканье заменило ему неумолчное тиканье автопилота, без которого в космосе по-настоящему не заснешь.

В камеру не раз заглядывали охранники, чтобы проверить, не пытается ли он потихоньку отпереть замки или распылить на атомы каким-нибудь своим, неизвестным им способом прутья решетки. Но он все храпел, отрешенный от мира, не подозревая, что тревожный озноб мало-помалу охватывает всю космическую империю.

Он еще спал, когда пришел Пэрмис, нагруженный книгами с картинками. Пэрмис уселся на стул около кровати и стал терпеливо ждать, пока от соседства со спящим не отяжелели его собственные веки, и он поймал себя на том, что мысленно прикидывает, удобно ли лежать на застеленном ковром полу. Тут он решил, что ему следует либо взяться за работу, либо улечься на пол. И он разбудил спящего, потыкав его в бок пальцем.

Они взялись за книги. «Ах» — это «ахмад» — резвящийся в траве. «Ай» — это «айсид» — запаянный в стекле. «Оом» — это

«оом-тук» — найден на Луне. «Ухм» — это «ухмлак» — смешит толпу везде. И так далее.

Прерывая урок только для того, чтобы поесть, они заучивали слова весь день напролет и достигли немалых успехов. Пэрмис был первоклассным педагогом, пришелец — наиспособнейшим учеником, который мгновенно схватывал все и ничего не забывал. В конце этого первого урока они уже могли немного побеседовать, обменяться несколькими простыми фразами.

— Меня зовут Пэрмис. А как зовут вас?

— Уэйн Гилдер.

— Два имени?

— Да.

— А как зовут вас во множественном числе?

— Землянами.

— А мы называем себя вардами.

Из-за недостатка слов разговор на этом закончился, и Пэрмис ушел. Через девять часов он вернулся в сопровождении некоего Герки, который был помоложе и специализировался на декламации — он бубнил одни и те же слова и фразы до тех пор, пока его слушателю не удавалось повторить их с безукоризненным произношением. Они занимались этим еще четыре дня с утра и до позднего вечера.

— Вы не пленник.

— Знаю,— сказал Гилдер мягко, но достаточно самоуверенно.

Пэрмис несколько растерялся.

— Откуда вам это известно?

— Вы б не осмелились посадить меня в тюрьму.

— Но почему?

— У вас недостаточно информации обо мне. Поэтому вы обучаете меня своему языку — вам ведь нужно побольше выведать у меня и как можно скорее.

Это было настолько очевидно, что крыть было нечем. Пэрмис пропустил слова Гилдера мимо ушей и промолвил:

— Вначале мне казалось, что нам потребуется девяносто дней, чтобы научить вас говорить бегло. А сейчас похоже, что хватит и двадцати.

— Если б мои соплеменники не отличались необычайной живостью ума, обучение продвигалось бы не так быстро,— заметил Гилдер.

На лице Герки отразилось беспокойство, Пэрмис смущенно заерзал.

— Нам еще не приходилось обучать вардов,— ехидно добавил Гилдер.— Пока что ни один не пожаловал к нам в гости.

Пэрмис торопливо произнес:

— Мы должны продолжить наш урок. Одна высокая комиссия хочет задать вам несколько вопросов и ждет, когда вы научитесь говорить бегло и внятно. Займемся-ка повторением звукосочетания «фс», произношение которого вы еще до конца не усвоили. Поупражняйтесь на одной весьма трудной фразе. Вслушайтесь, как ее произносит Герка.

— Фсон дис фслимен фсангафс,— нараспев продекламировал Герка, терзая свою нижнюю губу.

— Фусонг дис...

— Фсон,— поправил Герка.— Фсон дис фслимен фсангафс.

— На языке цивилизованных людей это звучит лучше: «Вечерняя сырость гонит прочь комаров». Фусонг...

— Фсон! — настойчиво повторил Герка, стреляя звуками как из рогатки.

Комиссия расположилась в пышно убранном зале с полукруглыми рядами сидений, которые были установлены на десяти ступенях амфитеатра. Присутствовало четыреста аборигенов. По тому, как вокруг них увивались слуги и всякая чиновничья мелюзга, можно было заключить, что здесь собрались самые важные чины.

Так оно и было на самом деле. Четыреста аборигенов представляли политическую и военную власть планеты, возглавлявшей космическую империю из двух десятков солнечных систем и вдвое большего количества обитаемых миров. Совсем недавно они были твердо убеждены, что являются чуть ли не творцами Вселенной. А теперь у них на этот счет возникли кое-какие сомнения.

Когда два охранника ввели Гилдера и усадили его лицом к поднимающимся вверх ступеням амфитеатра, разговоры смолкли. Варды впились глазами в пришельца. Одни смотрели на него с любопытством, другие — с недоверием, некоторые — вызывающе, большинство — с откровенной неприязнью.

Усевшись поудобнее, Гилдер оглядел присутствующих с выражением человека, который, придя в зоопарк, задержался у одной из наиболее вонючих клеток. Иными словами — с легким отвращением. Он потер указательным пальцем нос и принюхался. Язвительный жест № 22 — им пользовались в присутствии многочисленного собрания инопланетян, облеченных властью, и сейчас он вызвал именно ту реакцию, на которую был рассчитан. С полдюжины наиболее воинственно настроенных аборигенов, рассвирепев, готовы были растерзать его.

Пожилой вард с покрытым шерстью нахмуренным лицом поднялся с места и обратился к Гилдеру, словно продекламировал вызубренную заранее речь:

— Только особи с высокоразвитым интеллектом и мыслящие сугубо логически способны покорить космос. Поскольку не вызывает сомнений, что вы относитесь именно к такой категории живых существ, для вас не составит труда понять нашу позицию. Само ваше присутствие здесь вынуждает нас со всей серьезностью обсудить вопрос о том, какая из взаимоисключающих категорий лучше: сотрудничество или борьба за первенство, мирное соседство или война.

— Ни одному явлению не свойственны две взаимоисключающие крайности,— заявил Гилдер.— Есть черный цвет и есть белый, да вдобавок еще множество оттенков перехода одного в другой. Есть слово «да» и есть слово «нет», а кроме них, всякие «если», «однако» и «быть может». Вот вам пример: «Отодвинувшись, вы могли бы стать недосягаемыми».

Они, существа с упорядоченным мышлением, без особого удовольствия восприняли то, как он запутал нить их логических рассуждений. Не понравился им и узелок на конце этой нити — последняя фраза, в которой явно крылся какой-то намек. Пожилой абориген еще больше нахмурился, голос его стал резче.

— Вам следовало бы оценить и свое собственное положение. Вы здесь один, а нас миллионы. И какой бы силой ни обладал каждый представитель вашего племени, лично вы абсолютно беспомощны. Поэтому спрашивать будем мы, а вы — отвечать. Если б мы с вами поменялись местами, было бы наоборот. Такова логика вещей. Вы готовы ответить на наши вопросы?

— Да.

Одних такой ответ явно удивил. Другие же приуныли, не сомневаясь, что, само собой, он скажет только то, что найдет нужным, а остальную информацию утаит.

Опустившись на свой стул, пожилой абориген сделал знак варду, сидевшему слева от него. Тот встал и спросил:

— Где находится ваша базовая планета?

— Сейчас я этого не знаю.

— Не знаете? — Судя по его тону, вард предвидел, что трудности возникнут уже в самом начале допроса.— А как вы сможете вернуться на нее, если вам неизвестно, где она находится?

— Когда я окажусь в радиусе распространения радиоволн ее маяка, я поймаю сигнал и полечу в нужном направлении.

— Но разве, чтобы найти ее, вам недостаточно ваших космических карт?

— Нет.

— Почему?

— Потому что она перемещается в пространстве вне зависимости от какого-нибудь крупного космического тела.

— Вы имеете в виду, что это планета, которая вырвалась за пределы своей солнечной системы?

— Вовсе нет. Это база космолетов-разведчиков. Вы же наверняка знаете, что это такое, не правда ли?

— Нет, не знаю! — рявкнул вард, который вел допрос.— Объясните.

— Это небольшая искусственная планетка сферической формы. Что-то вроде пограничного сторожевого поста.

Присутствовавшие, пытаясь оценить значение полученной информации, вполголоса заговорили между собой и шумно заерзали.

Абориген с невозмутимым видом продолжал:

— Вы назвали это пограничным сторожевым постом, но ведь такое определение ничего не говорит о координатах вашей родной планеты.

— А вы об этом не спрашивали. Вы спросили о моей базе. Я это слышал собственными ушами.

— Допустим. Так где же находится ваша родная планета?

— Без карты я не могу указать вам ее местоположение. У вас есть карты необследованных районов космоса?

— О да.— Его противник улыбнулся, с нарочитой торжественностью он достал и развернул карты.— Мы раздобыли их на вашем корабле.

— И правильно сделали,— обрадованно сказал Гилдер, отчего у всех вытянулись лица. Встав со стула, он приблизился к картам, ткнул пальцем в ту, что лежала сверху, и воскликнул: — Вот она, добрая старушка Земля! — после чего вернулся на место.

Вард посмотрел на указанную точку на карте, потом окинул взглядом присутствующих, собрался было что-то сказать, но передумал и промолчал. Достав авторучку, он сделал на карте пометку.

— Планета, которую вы называете Землей,— это она основала вашу империю и является ее центром?

— Да.

— И на ней возник ваш род?

— Да.

— А сколько таких, как вы? — твердым голосом продолжал вард.

— Этого никто не знает.

— Разве вы не ведете счет себе подобным?

— Когда-то давным-давно мы этим занимались. А в настоящее время мы слишком рассредоточены, нас разбросало по

всей Вселенной.— Гилдер призадумался и добавил: — Впрочем, могу вам сообщить, что четыре миллиарда моих соплеменников обосновались на трех планетах нашей солнечной системы. А сколько их за ее пределами — это загадка. Нас можно разделить на две группы. Одна — это пустившие корни в родной почве, другая — оторвавшиеся от нее, и сколько этих последних — сосчитать невозможно. Да они сами бы воспрепятствовали такому подсчету: а вдруг кому-нибудь придет в голову заставить их платить налог. В итоге получается четыре миллиарда плюс неизвестное число.

— Это нам ничего не говорит,— возразил вард.— Мы же не знаем число, которое следует приплюсовать.

— Мы тоже,— сказал Гилдер.— Порой нас эта неизвестность просто пугает.— Он обвел взглядом присутствующих.— Если по сей день это дополнительное число лишь иногда вызывало страх, сейчас самое время прийти от него в ужас.

Еще больше нахмурившись, вард сформулировал вопрос иначе:

— Вы сказали, что какая-то часть ваших соплеменников обитает в других солнечных системах. Сколько планет они освоили?

— По последним статистическим данным, семьсот четырнадцать. Но эти сведения уже устарели. Пока готовят очередной доклад, таких планет становится на восемь-десять больше.

— И вы полностью освоили такое огромное количество планет?

— А разве какую-нибудь планету можно освоить полностью? Да мы еще не добрались до ядра своей собственной, и сомневаюсь, что нам это когда-нибудь удастся.— Гилдер пожал плечами и закончил свою мысль: — Нет, мы просто разгуливаем по поверхности этих планет и слегка их при этом общипываем.

— Вы хотите сказать, что ведете на них разработки полезных ископаемых?

— Да, если такая формулировка вас больше устраивает.

— А случалось, что аборигены оказывали вам сопротивление?

— Очень незначительное, друг мой, очень незначительное.

— И что вы в таких случаях предпринимали?

— Это зависело от обстоятельств. На одних аборигенов мы просто не обращали внимания, других наказывали, третьих просвещали.

— Просвещали? — недоуменно переспросил вард.

— То есть прививали им наше мировоззрение.

Какой-то пузатый субъект, сидевший в третьем ряду, не выдержал и вскочил на ноги.

— Вы надеетесь, что и мы будем смотреть на вещи вашими глазами? — раздраженно спросил он.

— Ну, не сразу, конечно,— ответил Гилдер.

— Может, вы считаете, что мы неспо...

Пожилой абориген, который выступал первым, поднялся с места и заявил:

— Либо мы будем вести допрос по всем правилам логики, либо откажемся от него вообще. Он должен идти без отступлений: пока кто-нибудь один задает вопросы, другие не вмешиваются.— Он властно кивнул варду, который держал при себе карты: — Продолжайте, Тормин.

И Тормин продолжил допрос, затянувшийся на целых два часа. Видимо, он был экспертом-астрономом, так как все его вопросы в той или иной степени имели отношение к этой области науки. Гилдер охотно ответил на часть вопросов, а что касается остальных — сослался на свою некомпетентность.

Наконец Тормин сел и с глубокомысленным видом погрузился в изучение сделанных им пометок в блокноте. Теперь вопросы стал задавать вард по имени Грасуд, который за последние полчаса прямо-таки извертелся от нетерпения.

— Является ли ваш корабль новейшей моделью космолетов такого класса?

— Нет.

— Есть более усовершенствованные?

— Да.

— Намного ли они лучше?

— Откуда я знаю? Мне ведь еще не поручали пилотировать такой космолет.

— Не странно ли,— многозначительно проговорил Грасуд,— что нашу планету обнаружил космолет устаревшей конструкции, а не более современный?

— Нисколько. Это чистая случайность. Так сложилось, что я полетел сюда, а другие разведчики — кто на старых, кто на новых кораблях — отправились по другим маршрутам. Сколько направлений в глубинах космоса? Сколько радиусов может быть у сферического тела?

— Поскольку я не математик, мне...

— Будь вы математиком,— перебил его Гилдер,— вам было бы известно, что их число выражается цифрой $2n$.— Он обвел взглядом аудиторию и поучающим тоном добавил: — Коэффициент 2 вытекает из того легко доказуемого факта, что радиус — это половина диаметра, а $2n$ — это наименьшее число, которое любого собьет с толку.

Сбитый с толку Грасуд попытался было вникнуть в смысл сказанного, но сразу же сдался и спросил:

— Значит, этим числом определяется количество ваших кораблей-разведчиков?

— Нет. Нам ни к чему проводить разведку во всех направлениях. Эти корабли отправляются только к тем звездам, которые нам видны.

— А разве звезды не везде?

— Разумеется, везде, если рассматривать этот вопрос без учета расстояния до них. Разведчиков посылают в самые близкие, еще не исследованные солнечные системы, тем самым сокращая до минимума число холостых полетов.

— Вы уклоняетесь от темы,— сказал Грасуд.— Сколько таких кораблей, как ваш, совершают сейчас разведывательные полеты?

— Двадцать.

— Двадцать? — Он притворился, будто утратил интерес к этому вопросу.— И только-то?

— А что, этого недостаточно? До каких же пор, по-вашему, можно использовать устаревшие модели?

— Я спрашиваю не о космолетах устаревшей конструкции. Сколько у вас действующих разведывательных кораблей вообще?

— Честно говоря, не знаю. И сомневаюсь, знает ли это кто-нибудь другой из моих соплеменников. Помимо самой Земли, у которой свои флотилии, разведывательные экспедиции в космос снаряжают и некоторые из наиболее технически развитых колоний. Более того, два-три других вида разумных существ кое-чему у нас научились и, вдохновившись нашим примером, начали осваивать космическое пространство. Поэтому подсчитать количество космолетов для нас теперь так же невозможно, как произвести перепись себе подобных.

Ни словом не возразив Гилдеру, Грасуд продолжал:

— По нашим меркам, ваш корабль не так уж велик. У вас, несомненно, есть и побольше.— Он наклонился вперед и пристально посмотрел на Гилдера.— Какова величина вашего самого большого космолета, если его сравнить с тем, на котором вы прилетели сюда?

— Самый большой из тех, что я видел,— это линейный космолет «Ланс». Его масса в сорок раз превышает массу моего корабля.

— Какова численность живой силы на борту?

— Членов экипажа — свыше шестисот, но в случае необходимости этот корабль может вместить втрое большее число моих соплеменников.

— Итак, вам точно известно, что существует как минимум один космолет, который при критических обстоятельствах может взять на борт около двух тысяч ваших соплеменников, верно?

— Да.

Присутствующие снова заерзали, раздался гул приглушенных голосов. Не обращая внимания на этот шум, Грасуд, внешне полный решимости во что бы то ни стало выудить самые подробные сведения, продолжал допрос.

— А есть у вас еще корабли такого же размера?

— Да.

— Сколько?

— К сожалению, не знаю. Если б знал, я бы сказал.

— Может, у вас даже есть космолеты размером и побольше?

— Вполне вероятно,— не стал отрицать Гилдер.— Но если такие есть, я еще ни одного не видел. Впрочем, это ничего не значит. Сколько бы ты ни прожил, а всего не увидишь. Если вы пересчитаете предметы, которые у вас перед глазами, прибавите количество тех, что вы уже видели, то останется какое-то число предметов, которые вам еще предстоит увидеть. И если на осмотр каждого из них вы потратите по секунде, потребуется...

— Меня это не интересует! — рявкнул Грасуд, боясь запутаться в непривычных для его мышления доводах пришельца.

— И напрасно,— сказал Гилдер.— Ведь если от бесконечного числа отнять сколько-то миллионов, останется все то же бесконечное число. Следовательно, вы можете отнять от целого какую-то часть, а целое не станет меньше. Получается, что один пирог можно съесть дважды. Разве нет?

Грасуд шлепнулся на свое сиденье и с выражением крайнего недовольства обратился к престарелому варду:

— Я хочу получить конкретные сведения, а не выслушивать громогласное опровержение основных правил логики. Его болтовня нарушает стройный ход моих мыслей. Пусть им займется Шахдинг.

Осторожно поднявшись со стула, Шахдинг начал расспрашивать о разных видах оружия, которым располагают земляне, и способах обращения с ним. В своем допросе он твердо держался одной линии, чтобы у землянина не возникло соблазна увести его в сторону от основной темы. Задавая вопросы, он проявил хитрость и проницательность. Гилдер отвечал свободно, без запинки, и выложил все, что мог.

— Выходит,— сказал Шахдинг, подводя итог допросу,— вы отдаете предпочтение силовым полям, неким лучам, парализующим центральную нервную систему, бактериологической войне, демонстрации военной мощи и бесконечным переговорам

с целью убедить противника принять ваши условия. Поскольку вы в столь значительной степени пренебрегаете баллистикой, эта наука у вас наверняка отстает в развитии.

— Да она и не могла бы развиться,— сказал Гилдер.— Поэтому мы перестали ею заниматься. По той же причине мы в свое время прекратили возню с луками и стрелами. Ни один разовый удар не может превзойти непрерывное и длительное воздействие.— И, словно с некоторым запозданием ему в голову пришла еще одна мысль, добавил: — Во всяком случае, можно доказать, что никакая пуля не попадает в бегущего.

— Чушь! — воскликнул Шахдинг, который сам некогда дважды сумел увернуться от пуль.

— Когда пуля достигнет точки, в которой находился бегущий в момент выстрела, тот уже будет далеко впереди,— сказал Гилдер.— В этом случае пуле нужно преодолеть это дополнительное расстояние, но окажется, что там его нет — он уже убежал дальше. Она покрывает и это расстояние — и вновь его не находит. Так оно и продолжается.

— Но ведь пуля постепенно теряет пробивную силу и перестает отвечать своему назначению,— ехидно заметил Шахдинг.

— На любое расстояние, которое преодолевает пуля, уходит определенный, пусть очень малый, отрезок времени,— разъяснял Гилдер.— И даже если делить частицу времени на все уменьшающиеся доли, все равно в результате получится не ноль, а бесконечный ряд небольших отрезков времени, составляющий в сумме бесконечный временной период. Подсчитайте-ка сами, и вы поймете, что пуля не попадет в бегущего, потому что не сможет его настигнуть.

Судя по реакции присутствующих, им до сих пор никогда не приходилось выслушивать такие доводы или самим додуматься до чего-либо подобного. Однако ни один из них не был настолько глуп, чтобы принять это утверждение за непреложный факт. Все были достаточно сообразительны и распознали в нем логическое или псевдологическое отрицание само собой разумеющегося и легко доказуемого явления.

Они сразу же стали искать слабое место в этом чуждом для них рассуждении пришельца и, обсуждая между собой этот вопрос, так расшумелись, что Шахдинг был вынужден молча ждать, пока они утихнут. Сидевшие в первом ряду амфитеатра вскочили со своих мест, опустились на колени и принялись чертить на полу диаграммы, все больше распаляясь и надрывая голоса до хрипа. Нескольких вардов в последнем, верхнем, ряду амфитеатра, казалось, вот-вот хватит удар.

Наконец пожилой вард, Шахдинг и еще двое одновременно проревели:

— Молчать!!!

Члены следственной комиссии неохотно расселись по своим местам, продолжая что-то бормотать себе под нос, жестикулировать и показывать друг другу листки бумаги с набросками схем. Шахдинг гневно взглянул на Гилдера и открыл было рот, чтобы продолжить допрос. Опередив его, Гилдер небрежно произнес:

— Это кажется глупостью, не так ли? Но ведь может произойти все, что угодно, абсолютно все. К примеру, особь мужского пола может жениться на сестре своей вдовы.

— Нет, не может,— заявил Шахдинг, чувствуя, что в состоянии опровергнуть это, особо не мудрствуя.— Чтобы жена стала вдовой, муж должен умереть.

— Представьте себе, что особь мужского пола женится на особи женского пола, и та вскоре умирает. Тогда он женится на ее сестре и умирает сам. Разве его первая жена не является в этом случае сестрой его вдовы?

— Я здесь не для того, чтобы своими хитросплетениями меня дурачил пришелец с чуждым для нас образом мышления! — выкрикнул Шахдинг. Он решительно опустился на свой стул и чуть погодя, немного успокоившись, сказал сидевшему рядом с ним варду: — Ладно, Кадина, теперь будьте любезны, займитесь им вы.

С выражением полной уверенности в себе Кадина встал и окинул властным взглядом окружающих. Ростом он был выше других вардов, одет в мундир с темно-красного цвета отделкой на рукавах. Впервые за последние полчаса все умолкли.

Удовлетворенный впечатлением, которое он произвел, Кадина повернулся к Гилдеру и заговорил; голос у него был ниже тоном и не такой скрипучий, как у тех, кто беседовал с Гилдером до него.

— Кроме кое-каких маловажных проблем, которых вы, забавы ради, коснулись и тем самым поставили в тупик моих соотечественников,— вкрадчиво начал он,— вы, не увиливая и не колеблясь, ответили на наши вопросы. Вы снабдили нас обильной информацией, весьма полезной с точки зрения военных специалистов.

— Я рад, что вы оценили это,— сказал Гилдер.

— О да, мы это ценим. И даже очень.— В улыбке Кадины было что-то зловещее.— Однако есть один вопрос, в который не мешало бы внести ясность.

— Какой же?

— Если б все было наоборот, если б какой-нибудь разведчик-вард подвергся перекрестному допросу перед собранием ваших соплеменников и так же охотно, как вы, сообщил раз-

ного рода сведения...— Кадина не закончил фразу, взгляд его стал жестким, и он прорычал: — В этом случае мы б сочли, что он предал свой народ, и приговорили бы его к смертной казни.

— Как же мне повезло, что я не вард,— сказал Гилдер.

— Рано радуетесь,— отрезал Кадина.— Смертный приговор ничего не значит только для тех, кому он уже вынесен.

— Куда вы клоните?

— Я вот думаю, а не совершили ли вы там, у себя, тягчайшее преступление и потому ищете у нас убежища? Впрочем, возможно, что вы сбежали по какой-нибудь другой причине, но, как бы там ни было, вы без малейшего колебания предали своих соплеменников.— На его лице появилась все та же зловещая улыбка.— И все-таки приятно было бы узнать, почему вы ответили на наши вопросы.

— Все очень просто,— сказал Гилдер, в свою очередь улыбнувшись, но так, что Кадине эта улыбка не очень-то понравилась.— Дело в том, что я неисправимый лжец.

И, сказав это, он встал и смело пошел к выходу. Охранники проводили его в камеру.

Он провел в ней три дня, съедая регулярно приносимую ему пищу с раздражающим аборигенов удовольствием, развлекал себя, записывая какие-то цифры в маленький блокнот, и, казалось, так же наслаждался жизнью, как легендарный разведчик космоса по имени Ларри. На исходе третьего дня ему нанес визит какой-то незнакомый вард.

— Меня зовут Булак. Быть может, вы помните меня. В том зале, где вы отвечали на вопросы комиссии, я сидел в конце второго ряда.

— Там присутствовало четыреста ваших соплеменников,— сказал Гилдер.— Я не могу помнить каждого.— Он подвинул варду стул.— Впрочем, это не имеет значения. Присаживайтесь и поднимите для удобства ноги, если внутри этих ваших странных ботинок вообще есть ноги. Чем могу быть вам полезен?

— Сам не знаю.

— Но ведь что-то побудило вас прийти ко мне, не так ли?

Булак был сама печаль.

— Я бегу от тумана.

— Какого тумана?

— Того, который вы здесь напустили.— Он поскреб волосатое ухо, внимательно осмотрел пальцы и уставился на стену.— Главной целью комиссии было определить уровень вашего интеллекта. От этого, и только от этого, зависит наше отношение к контакту с другими завоевателями космоса.

— Я сделал все, чтобы помочь вам, разве нет?

— Помочь? — эхом отозвался Булак, как бы повторяя какое-то новое и непонятное для него слово.— Помочь? И вы называете это помощью? На самом-то деле допрос должен был выявить, шагнула ли ваша логика вперед по сравнению с нашей и можно ли вывести из ваших посылок более совершенные умозаключения.

— Ну и как?

— Кончилось тем, что вы попрали все законы логики. Оказывается, пуля не может никого убить! Прошло уже три дня, а пятьдесят членов комиссии все еще не пришли по этому поводу к единому мнению, а сегодня утром один из спорящих доказал, что никто не может подняться по приставной лестнице. Друзья перессорились, родственники начинают ненавидеть друг друга. Состояние остальных трехсот пятидесяти членов комиссии немногим лучше.

— А их-то что тревожит? — поинтересовался Гилдер.

— Они спорят о том, что есть истина, и едва удерживаются, чтобы не пустить в ход кулаки,— сказал Булак таким тоном, будто был вынужден упомянуть о чем-то непристойном.— По вашим словам, вы — неисправимый лжец. Отсюда следует, что само это заявление — ложь. Тогда выходит, что вы не являетесь неисправимым лжецом. Вывод: вы можете быть неисправимым лжецом, только не будучи им. И еще — вы можете быть неисправимым лжецом только в том случае, если вы неисправимы.

— Плохо дело,— посочувствовал Гилдер.

— Чем дальше, тем хуже,— продолжал Булак,— потому что если вы и вправду неисправимый лжец — с позиции логики это заявление само себя опровергает,— то все сведения, которые вы нам сообщали, не стоят и мешка с гнилым зерном. Если же вы на допросе говорили правду, то ваше последнее утверждение, что вы лжец, тоже должно соответствовать истине. Но если вы неисправимый лжец, то все, что вы нам сказали,— ложь.

— Вздохните-ка поглубже,— посоветовал Гилдер.

— Однако,— продолжал Булак, сделав глубокий вздох,— поскольку ваше последнее заявление лживо, все остальное, сказанное вами, может оказаться правдой.— В глазах его появилось безумное выражение, и он принялся размахивать руками.— Но из-за того, что вы признаете себя неисправимым, ни одну вашу фразу нельзя счесть ни ложной, ни правдивой, потому что тщательный анализ выявляет неразрешимое противоречие, которое...

— Успокойтесь,— сказал Гилдер, похлопав его по плечу,— ведь это же естественно, когда стоящий на более высокой ступе-

ни развития приводит в замешательство того, кто еще не достиг этого уровня. Беда в том, что вы пока недостаточно развиты и мыслите несколько примитивно.— Он поколебался и таким тоном, будто решился высказать смелое предположение, добавил: — Честно говоря, меня не удивит, если я узнаю, что до сих пор вы мыслите *логически*.

— Во имя Великого Солнца! — воскликнул Булак.— А как еще мы можем мыслить?

— Как мы,— ответил Гилдер.— Когда ваш интеллект для этого созреет.

Он дважды обошел вдоль стен свою камеру и задумчиво произнес, словно эта мысль только что пришла ему в голову:

— Кстати, в настоящее время вам не удалось бы разобраться в проблеме: «Почему это мышь, когда вертится волчком».

— Почему это мышь, когда вертится волчком? — как попугай повторил Булак, и у него отвисла челюсть.

— Или возьмем задачу полегче, которую на Земле может решить любой ребенок.

— Какую же?

— Общеизвестно, что островом называется часть суши, со всех сторон окруженная водой.

— Совершенно верно.

— А теперь представим себе, что все Северное полушарие планеты занято сушей, а все Южное — водой. Является ли Северное полушарие островом, а Южное — океаном?

Булак минут пять размышлял над этим. Потом на листке бумаги нарисовал круг, разделил его пополам, заштриховал одну из половин и несколько минут рассматривал свой рисунок, после чего сунул эту бумагу в карман и встал.

— Некоторые из нас с удовольствием перерезали бы вам глотку, если б не опасались, что ваши соплеменники, возможно, точно знают, где вы находитесь, и способны за это покарать. Остальные охотно дали бы вам улететь и проводили бы вас с почестями, если б не боязнь уронить себя в глазах существ с более низким уровнем интеллекта.

— Рано или поздно им все-таки придется принять какое-либо определенное решение,— заметил Гилдер, внешне не выказав никакого интереса к тому, какая из сторон возьмет верх в этом споре.

— А за это время,— с подавленным видом продолжал Булак,— мы осмотрели ваш космолет, который может быть космолетом устаревшей конструкции или новейшей — в зависимости от того, солгали вы или сказали правду. Мы имеем доступ ко всему, кроме двигателей и дистанционного управления, ко все-

му, кроме самого главного. Чтобы определить, превосходят ли они по своим параметрам наши двигатели и нашу систему дистанционного управления, нам пришлось бы разобрать ваш корабль на части, а значит, разрушить его и сделать вас пленником.

— Что же вас останавливает?

— То, что ваш прилет может быть провокацией. Если ваши соплеменники обладают значительной военной мощью и хотят развязать с нами войну, им нужен предлог. А наше дурное к вам отношение как раз и явится таким предлогом. Той искрой, которая взорвет бочку с порохом.— Он безнадежно махнул рукой.— Что можно предпринять, если приходится работать в потемках?

— Можно попробовать решить вопрос, сохранит ли зеленый лист свой цвет в беспросветном мраке.

— С меня достаточно,— заявил Булак и пошел к двери.— Более чем достаточно. Остров или океан, а? Да не все ли равно? Пойду-ка я к Мордэфе.

С этими словами он удалился, беспокойно шевеля пальцами, а на его покрытом шерстью лице содрогался каждый волосок. После его ухода двое охранников боязливо заглянули в камеру сквозь решетку. У них был такой вид, будто им поручили присматривать за опасным маньяком.

Мордэфе пришел к нему на следующий день после полудня. Это был пожилой, тощий и какой-то очень уж морщинистый вард с не соответствующими его внешности живыми молодыми глазами. Усевшись, он внимательно оглядел Гилдера и спокойно заговорил, взвешивая каждое слово.

— Исходя из того, что доходило до моих ушей, я вывел основной закон, касающийся живых существ, которые, по нашим представлениям, наделены разумом.

— Вы его вывели умозрительно?

— А как же иначе? У меня нет другой возможности. Все живые существа, которых нам пока что удалось обнаружить на других планетах, не являются по-настоящему разумными. Некоторые из них кажутся таковыми, но это только видимость. Что касается вас, то вы, безусловно, обладаете таким запасом знаний, который, быть может, рано или поздно накопим и мы, но это время пока не пришло. И если вдуматься, нам еще повезло, раз мы сознаем, что контакт с вами — дело крайне рискованное. Не предскажешь, чем он может обернуться.

— В чем же суть этого закона?

— В том, что правящая верхушка в любых подобных нашему обществах в большинстве случаев состоит из властолюбцев, а не специалистов в той или иной области.

— Неужели?

— К сожалению, это так. Места в правительстве захватывают алчущие власти; они не достаются тем, кого интересуют иные проблемы.— Он немного помолчал.— Однако из этого не следует, что нами правят дураки. Как организаторы масс, они достаточно умны, но при всем при том слишком невежественны за пределами этого узкого поля деятельности. Слабое место власти в том, что неуважение к ней ее обессиливает. Стоит раструбить о невежестве правителей, и их голос будет едва слышен.

— Хм! — Гилдер смотрел на него с возрастающим уважением.— Из всех, с кем я здесь общался, вы первый, кто видит дальше собственного носа.

— Благодарю,— сказал Мордэфе.— Так вот, сам факт, что вы рискнули посадить здесь свой корабль, на котором, кроме вас, никого не было, а позже вконец заморочили головы нашим высокопоставленным деятелям,— сам этот факт указывает на то, что ваши соплеменники разработали методику поведения в подобной ситуации с учетом комплекса возможных случайностей или даже целую серию таких методик, каждая из которых применяется в зависимости от обстоятельств.

— Давайте дальше! — нетерпеливо воскликнул Гилдер.

— Такие методики разрабатываются, скорей всего, на основе практики, а не теоретических выкладок,— продолжал Мордэфе.— Иными словами, они — результат огромного опыта, многочисленных исправленных и учтенных ошибок, испытаний на пригодность для тех или иных условий, настойчивых попыток добиться максимального успеха при минимальных затратах сил.— Он взглянул на своего собеседника.— Ну как, прав я или нет?

— Пока придраться не к чему.

— К настоящему времени нам удалось прочно утвердить свою власть на сорока двух планетах, причем без особых трудностей, если не считать стычек с примитивными формами жизни. Однако мы можем обнаружить равного нам по силе врага на сорок третьей планете, когда она будет открыта. Кто знает? Так вот, ради того, чтобы обосновать одну идею, давайте допустим, что разумные существа заселяют одну из сорока трех обитаемых планет.

— А что нам даст эта посылка? — живо спросил Гилдер.

— Лично я полагаю,— задумчиво проговорил Мордэфе,— что для разработки правильных методик общения с разумными существами, обитающими в любой точке Вселенной, необходим опыт, который можно приобрести лишь в результате контакта по крайней мере с шестью их разновидностями. Отсюда следует, что ваши соплеменники открыли и обследовали не менее двух-

сот пятидесяти планет. И это по скромному подсчету. Истинное же их число вполне может соответствовать тому, которое вы назвали.

— Так, значит, я не являюсь неисправимым лжецом? — улыбнувшись, спросил Гилдер.

— Это несущественно, и наши правители, если будут еще какое-то время в здравом рассудке, придут к такому же выводу. Быть может, вы в своих интересах несколько исказили кое-какие факты и кое-что преувеличили. Если так, не в нашей власти это изменить. Вдобавок это все равно не повлияет на истинное положение вещей, а именно: совершенно очевидно, что вы намного опередили нас в области освоения космоса. Отсюда следует, что ваш род старше нашего, обладает более развитым интеллектом и превосходит нас численно.

— Звучит достаточно логично,— признал Гилдер.

— Пощадите! — взмолился Мордэфе.— Если вы загоните меня в тупик какими-нибудь ложными выводами, я не успокоюсь, пока из него не выберусь. А это не пойдет на пользу ни вам, ни мне.

— Вот как! Значит, вы намерены сделать что-то полезное для меня?

— Кто-то же должен наконец принять то или иное решение, если ясно, что правительство на это неспособно. Я собираюсь посоветовать им освободить вас и отпустить на все четыре стороны, пожелав вам всех благ.

— Вы считаете, что они прислушаются к вашему совету?

— Разумеется. И вам это известно — вы же рассчитываете именно на такой исход.— Мордэфе бросил на Гилдера проницательный взгляд.— Они ухватятся за мое предложение, чтобы вернуть чувство собственного достоинства. Если все обойдется благополучно, они присвоят себе честь такого мудрого решения. Если же нет — вся вина падет на мою голову.— Он задумался, затем с искренним любопытством спросил: — А вам случалось наблюдать подобный расклад где-нибудь еще, у других разумных существ?

— Везде одно и то же,— заверил его Гилдер.— И у всех всегда находится свой Мордэфе, который улаживает дело таким же образом, как вы. Власть имущие и козлы отпущения шагают рука об руку, как супружеские пары.

— Хотел бы я когда-нибудь встретиться со своим двойником-инопланетянином.— Встав со стула, Мордэфе пошел к двери.— Если б я сегодня не посетил вас, как долго могли бы вы с вашей сложной психологической структурой пребывать в ожидании, не впадая в депрессию?

— До тех пор, пока в это дело не вмешался бы кто-нибудь другой вроде вас. Если никто не берет на себя эту роль добровольно, великие мира сего теряют терпение и кому-нибудь ее навязывают из среды себе подобных. Власть существует за счет пожирания собственных внутренностей.

— Это уже похоже на парадокс,— с легким укором заметил Мордэфе и ушел.

Гилдер стоял, глядя сквозь решетку, которая закрывала верхнюю половину двери. Два охранника, прислонившись к стене напротив его камеры, не спускали с него глаз.

Обращаясь к ним, он произнес шутливо-добродушным тоном:

— Ни у какой кошки нет восьми хвостов. У любой кошки на один хвост больше, чем у кошки несуществующей. Поэтому у каждой из них по девять хвостов.

Охранники сердито насупились.

К космолету он прибыл в сопровождении внушительного эскорта. Зрелище было впечатляющее: присутствовали все четыреста членов правительственной комиссии, около ста из них были в роскошных парадных мундирах, остальные — в своих лучших праздничных одеяниях. Вооруженный конвой под лай команды прожонглировал винтовками. Кадина елейным голосом произнес речь, заверив Гилдера в братской любви и яркими красками расписав, какое их всех ждет лучезарное будущее. Кто-то преподнес ему букет дурно пахнущих растений, и Гилдер про себя отметил, что люди и варлы воспринимают один и тот же запах по-разному.

Поднявшись по нейлоновой лестнице на корабль, он посмотрел вниз с высоты в восемьдесят ярдов. Кадина все еще махал ему на прощанье рукой. Гилдер высморкался в носовой платок — язвительный жест № 9, задраил люк и уселся в кресло перед пультом управления.

Из сопел с глухим рокотом вырвалось пламя. Струя пара, ударив в землю, осыпала толпу сопровождающих комьями грязи. Это получилось случайно, не по инструкции. «А жаль,— подумал он.— В инструкции должно быть предусмотрено все. Такого рода вещи мы обязаны систематизировать. Грязевой ливень необходимо упомянуть в разделе, посвященном прощанию космонавта с аборигенами».

Корабль с ревом взмыл в небо, оставив позади планету вардов. Когда космолет вырвался из гравитационного поля этой солнечной системы, Гилдер взял курс на тот сектор, где можно было поймать волну радиомаяка, и включил автопилот.

Какое-то время он неподвижно сидел, вперив взгляд в усыпанную блестками звезд непроглядную тьму. Потом сделал запись в бортовом журнале.

«Куб К-49, сектор 10, солнце класса Д7, третья планета. Название — Вард. Аборигены именуют себя вардами; уровень интеллекта по космической шкале — ВВ; осваивают космос, имеют колонии на сорока двух планетах. Примечание: до некоторой степени укрощены».

Он взглянул на свою маленькую полку с книгами, прикрепленную к стальной переборке. Не хватало двух томов. Варды украли книги, в которых было много всевозможных иллюстраций и диаграмм. Остальные они не тронули — у них ведь не было Розеттского камня, который помог бы им расшифровать текст. Они и не прикоснулись к стоявшей на самом виду книге, озаглавленной: *«Дьявологика — наука об одурачивании существ, наделенных разумом»*.

Вздохнув, Гилдер вынул из ящика лист бумаги и в сотый, двухсотый, а может, и в трехсотый раз попытался вывести некую формулу с числом «Алеф», в которой оно было бы больше А, но меньше С. Он так взъерошил себе пальцами волосы, что вскоре они уже торчали вихрами во все стороны, а сам он, того не ведая, не очень-то походил на человека с уравновешенной психикой.

И не осталось никого...

Диаметр космического крейсера был восемьсот футов, длина — немногим больше мили. Растянулся он через все поле, прихватив половину соседнего. Земля осела под его тяжестью футов на двадцать.

Две тысячи людей на борту четко делились на три группы. Высокие, подтянутые, с прищуренными глазами — экипаж. Коротко стриженные, с тяжелыми челюстями — десантники. И наконец, лысеющие, близорукие, с невыразительными лицами — штатские чиновники.

Экипаж разглядывал этот мир с профессиональным, но безразличным интересом людей, привыкших окидывать планету быстрым цепким взглядом, прежде чем устремиться к другой. Солдаты взирали на него со смесью грубоватого презрения и скуки. Чиновники — с холодным властным выражением.

Эти люди привыкли к новым мирам, посетили десятки их и ничего необычного не испытывали. Освоение новой планеты, как и предыдущих, было всего лишь повторением хорошо отработанной, четко выполняемой программы. Но на этот раз они здорово влипли, хотя еще не знали об этом.

С корабля высаживались в строго установленном порядке. Первым — имперский посол. За ним — капитан крейсера, командир десантного подразделения, старший гражданский чиновник.

Ну и потом, разумеется, сошка помельче, но в том же порядке: личный секретарь его превосходительства, старший помощник капитана, заместитель командира десантников и канцелярские крысы соответствующего ранга.

И так ступень за ступенью, исключая самых низших: парикмахера его превосходительства, чистильщика сапог и слуги, рядовых и нескольких канцелярских служек, взятых временно и меч-

тающих о постоянном месте. Это сборище несчастных оставалось на борту для уборки корабля под приказом воздерживаться от курения.

Будь планета неизвестной и враждебной, высадка проходила бы в обратном порядке, выполняя библейские предсказания о том, что последние будут первыми, а первые будут последними. Но неизвестной эта планета была только формально, потому что давно уже числилась в пыльных гроссбухах и папках в двухстах с лишним световых лет отсюда, как поспевший для сбора плод. Задержка объяснялась только сверхобилием других переспевших плодов.

Согласно архивным данным планета лежала на самой дальней границе гигантского скопища миров, заселенных во время Великого Взрыва — переселенческой лихорадки, охватившей Терру, когда двигатель Блидера практически преподнес ей космос на блюдечке.

В те времена каждая семья, клан или племя, решившие поискать счастья, выходили на звездные тропы. Мятущиеся, честолюбивые, недовольные, эксцентричные, антиобщественные, непоседливые и просто любопытные срывались с места десятками, сотнями, тысячами.

Около двухсот тысяч бывших жителей Терры обосновались лет триста тому назад на этой планете. Как обычно и случается, процентов на девяносто поселенцы были знакомыми, родичами или друзьями пионеров, людьми, решившими последовать примеру дяди Эдди или доброго старого Джо.

Если с тех пор они раз в шесть или семь размножились, то к настоящему времени их здесь было несколько миллионов. А то, что они размножились, стало ясным еще при подходе к планете: больших городов не наблюдалось, но обнаружилось изрядное количество мелких городков и деревень.

Его превосходительство одобрительно глянул на дерн под ногами, наклонился и, ворча, выдернул травинку.

— Трава-то как у нас на Терре, капитан! Это что, совпадение или они завезли с собой семена?

— Совпадение, наверное,— высказал свое мнение капитан Грейдер.— Я уже бывал на четырех травоносных планетах. Есть, наверное, и другие, где трава растет.

— Да, вероятно.— Его превосходительство осмотрелся вокруг с хозяйственной гордостью.— Похоже, там кто-то пашет землю. Маленький двигатель, два широких колеса. Неужели они такие отсталые? — Он потер пару подбородков.— Приведите его сюда. Побеседуем, выясним, с чего лучше начинать.

— Есть.— Капитан Грейдер повернулся к полковнику Шелтону, командиру десанта: — Его превосходительство желает говорить с фермером.— Он показал на далекую фигурку.

— Вот тот фермер,— сказал Шелтон майору Хейму.— Его превосходительство требует фермера немедленно.

— Доставить фермера сюда,— приказал Хейм лейтенанту Дикону.— Быстро.

— Взять этого фермера,— сказал Дикон старшему сержанту Бидворси.— Да поживее. Его превосходительство ждет.

Старший сержант, огромный краснолицый человек, поискал взглядом кого-нибудь рангом пониже, но вспомнил, что все низшие чины убирают сейчас корабль под запретом курить. Миссия, видимо, выпала ему.

Бухая башмаками по полю и подбежав на расстояние окрика к указанному объекту, он, продемонстрировав образцовую строевую стойку, испустил казарменным басом вопль: «Эй ты, здорово!» — и призывно замахал руками.

Фермер остановился, вытер пот со лба, оглянулся. По его поведению было похоже, что громада крейсера для него не более чем мираж. Бидворси опять замахал, делая весьма повелительные жесты. Фермер спокойно помахал в ответ и продолжал пахать.

Бидворси выругался и подошел поближе. Теперь ему было хорошо видно обветренное лицо фермера и его густые брови.

— Здорово!

Снова остановив плуг, фермер оперся на него, ковыряя в зубах.

Осененный мыслью, что за последние три века старый земной язык мог уступить место какому-нибудь местному наречию, сержант спросил:

— Ты меня понимаешь?

— А может один человек понять другого? — осведомился фермер на чистейшем земном языке и повернулся, чтобы продолжать работу.

Бидворси несколько растерялся, но, придя в себя, торопливо сообщил:

— Его превосходительство имперский посол желает говорить с тобой.

— Ну? — Фермер окинул его задумчивым взглядом.— А чем это он превосходен?

— Он особа значительной важности,— заявил Бидворси, который никак не мог решить, издевается ли этот тип над ним или был тем, что принято называть «характером».

— Значительной важности,— повторил фермер, переводя взор на горизонт. Он, видимо, пытался понять смысл, вкладываемый чужаком в эти слова. Подумав немного, он спросил: — Что случится с твоим родным миром, когда эта особа умрет?

— Ничего,— признал Бидворси.

— Все будет идти как прежде?

— Конечно.

— В таком случае,— заявил фермер решительно,— нечего его считать важной особой.— С этими словами моторчик загудел, колеса закрутились, и плуг начал пахать.

Вонзая ногти в ладони, Бидворси с полминуты вбирал в себя кислород, прежде чем сумел выдавить хрипло:

— Я не могу вернуться к его превосходительству без ответа.

— Да ну? — Голос фермера звучал недоверчиво.— Что же тебя держит? — Потом, заметив опасное увеличение интенсивности окраски лица Бидворси, добавил сочувственно: — Ну ладно, передай ему, что я сказал.— Он запнулся и добавил: — Благослови тебя боже и прощай!

Старший сержант Бидворси, мощный человек весом в двести двадцать фунтов, носился по космосу уже два десятка лет и ничего не боялся. В жизни на его голове и волосок не дрогнул, но сейчас, когда он вернулся к кораблю, его била дрожь.

Его превосходительство уставился на Бидворси холодным взором и требовательно спросил:

— Итак?

— Не идет.— У Бидворси на лбу жилы выступили.— Его бы в мою роту, сэр, на пару месяцев. Я б его так обтесал, что он скакал бы галопом.

— Я в этом не сомневаюсь, старший сержант,— утешил его превосходительство. И шепнул полковнику Шелтону: — Он хороший парень, но не дипломат. Слишком резок и голосом груб. Идите лучше вы сами и приведите этого фермера. Не сидеть же нам вечно и ждать, пока найдем, с чего начать.

— Есть, ваше превосходительство.— Полковник Шелтон двинулся через поле и поравнялся с плугом. Любезно улыбаясь, он сказал: — Доброе утро, дорогой мой.

Остановив плуг, фермер вздохнул, как бы покоряясь судьбе, которая иногда приносит и неприятные моменты, и повернулся к пришельцу. Глаза его были темно-карими, почти черными.

— А чем это я вам дорог? — поинтересовался он.

— Это просто выражение такое,— объяснил Шелтон. Теперь он понял, в чем дело. Повезло Бидворси, наткнулся на раздражительного типа. Вот и сцепились. Шелтон продолжал: — Я просто старался быть вежливым.

— Что ж,— рассудительно заметил фермер.— Я думаю, что ради такого дела стоит постараться.

Несколько порозовев, Шелтон решительно продолжал:

— Мне приказано просить вас почтить своим присутствием наш корабль.

— Думаете, на корабле будут почтены моим присутствием?

— Я уверен в этом,— ответил Шелтон.

— Врете,— сказал фермер.

Побагровев, полковник Шелтон отрезал:

— Я никому не позволю называть меня лжецом.

— Только что позволили,— отметил его собеседник.

Пропустив это мимо ушей, Шелтон продолжал настаивать:

— Пойдете вы на корабль или нет?

— Нет.

— Почему?

— Зассд,— сказал фермер.

— Что?!

— Зассд,— повторил фермер.

От этого словечка попахивало чем-то оскорбительным.

Полковник Шелтон отправился обратно.

— Строит кого-то из себя,— сказал он послу.— Все, чего я добился в конце концов, было «зассд», что бы оно ни значило.

— Местный жаргон,— вмешался капитан Грейдер,— за три-четыре столетия развивается со страшной силой. Видывал я парочку планет, где жаргон так распространился, что практически приходилось учить новый язык.

— Вашу речь он понимал? — спросил посол, глядя на полковника.

— Так точно, ваше превосходительство. И сам говорил чисто. Но никак не соглашался прекратить пахать.— Подумав немного, он добавил: — Если бы решение вопроса предоставили на мое усмотрение, я бы его доставил сюда силой под вооруженным конвоем.

— Чем, конечно, поощрили бы его дать ценную информацию,— прокомментировал посол с нескрываемым сарказмом. Он погладил себя по животу, расправил пиджак, взглянул на свои начищенные туфли.— Ничего не остается, кроме как пойти самому с ним побеседовать.

Полковник Шелтон был шокирован:

— Ваше превосходительство, но вам не следует этого делать!

— Почему не следует?

— Идти самому не подобает вашему званию!

— Я отдаю себе в этом отчет,— сухо ответил посол.— Вы можете предложить что-либо другое?

— Мы можем выслать поисковую группу найти кого-нибудь посговорчивее.

— И потолковее,— высказался капитан Грейдер.— От этого деревенского лапотника мы все равно много не узнаем. Я сомневаюсь, известна ли ему хоть толика сведений, которые нам нужны.

— Хорошо.— Его превосходительство оставил мысль об экспедиции собственными силами.— Организуйте группу и давайте наконец добьемся каких-нибудь результатов.

— Поисковая группа,— сказал полковник Шелтон майору Хейму.— Выделить немедленно.

— Назначить поисковую группу,— приказал Хейм лейтенанту Дикону.— Сейчас же.

— Поисковую группу вперед, старший сержант,— распорядился Дикон.

Бидворси подошел к кораблю, вскарабкался по трапу, сунул голову в люк и прорычал:

— Отделение сержанта Глида, на выход, да поживей!

Он с подозрением принюхался и пролез дальше в люк. Голос его набрал еще несколько децибел:

— Кто курил? Клянусь Черным Мешком, если поймаю...

С поля доносились звук работающего двигателя и шуршание толстых шин. Рявкнула команда — две шеренги по восемь человек развернулись и зашагали по направлению к носу корабля. Солдаты ступали в ногу, бренчала амуниция, и сверкало на пряжках оранжевое солнце.

Сержанту Глиду не пришлось вести своих людей далеко. Промаршировав ярдов сто, он заметил справа от себя идущего через поле человека. Не обращая абсолютно никакого внимания на корабль, тот шел к фермеру, продолжавшему пахать.

— Отделение, напра-во! — завопил Глид. Дав своим людям обойти путника, он скомандовал им: — Кругом! — сопровождая команду выразительным жестом.

Ускорив шаг, отделение разомкнуло строй, образуя две шеренги, марширующие по обеим сторонам одинокого пешехода. Игнорируя этот неожиданный эскорт, пешеход продолжал идти своей дорогой, убежденный, видимо, в том, что все происходящее не более чем мираж.

— Нале-во! — заорал Глид, пытаясь направить всю эту компанию в сторону посла.

Молниеносно выполнив команду, двойная шеренга развернулась налево, демонстрируя образцовый воинский маневр. Одно лишь нарушило его безупречность: человек посредине про-

должал идти своим путем и непринужденно проскользнул между четвертым и пятым номерами правой шеренги.

Глида это расстроило, тем паче что за отсутствием другого приказа отделение продолжало маршировать по направлению к послу. На глазах его превосходительства происходила недостойная армии сцена: конвой тупо чеканил шаг в одну сторону, а пленник беззаботно шел себе в другую. У полковника Шелтона найдется много чего сказать по этому поводу, а если он что и упустит, то Бидворси припомнит уж наверняка.

— Отделение! — завопил Глид, негодующе тыча пальцем в сторону беглеца, причем все уставные команды мгновенно выскочили из его головы.— Взять этого хмыря!

Разомкнув строй, солдаты окружили путника так плотно, что он не мог двигаться дальше. Поэтому он застыл на месте.

Глид подошел к нему и сказал, несколько запыхавшись:

— Слушай, с тобой всего-навсего хочет поговорить наш посол.

Абориген ничего не ответил, лишь уставился на него мягкими голубыми глазами. Тип он был весьма забавный, давно небритый, рыжие баки, окаймлявшие лицо, торчали во все стороны. И вообще он был похож на подсолнух.

— Пойдешь ты к его превосходительству? — стоял на своем Глид.

— Не-а.— Туземец кивнул в сторону фермера.— Я иду поговорить с Заком.

— Сначала с послом,— твердо ответил Глид.— Он — фигура.

— Я в этом не сомневаюсь,— заметил «подсолнух».

— Ты у нас большой умник, да? — сказал Глид, состроив отвратительную физиономию и приблизив ее к лицу собеседника.— А ну, ребята, тащи его. Мы ему покажем.

«Большой умник» сел на землю. Сделал он это очень основательно, приняв вид статуи, прикованной к этому месту на веки вечные. Рыжие баки, правда, особого благородства ситуации не придавали. Но сержанту Глиду иметь дело с такими сидунами было не впервой. С той только разницей, что этот был абсолютно трезв.

— Поднять его и нести,— приказал Глид.

Солдаты подняли его и понесли, ногами вперед, баками назад.

Не сопротивляясь и расслабившись, абориген повис в их руках мертвым грузом. В такой неблаговидной позе он и предстал перед послом.

Как только его поставили на ноги, он сразу же устремился в сторону Зака.

— Задержать его, чтоб вас...— заорал Глид.

Солдаты скрутили туземца. Его превосходительство оглядел аборигена с хорошо воспитанным умением скрывать неудовольствие, деликатно кашлянул и заговорил:

— Я искренне сожалею, что вам пришлось прибыть ко мне подобным образом.

— В таком случае,— предложил пленник,— вы могли бы избежать душевной муки, просто не позволив этому произойти.

— Другого выхода не было. Нам надо как-то установить контакт.

— Не понимаю,— ответили «рыжие баки»,— почему именно сейчас?

— Сейчас? — Его превосходительство нахмурился от растерянности.— При чем здесь это?

— Так я об этом и спрашиваю.

— Вы понимаете, о чем он говорит? — обернулся посол к полковнику Шелтону.

— Позвольте высказать предположение, ваше превосходительство. Я думаю, что он имеет в виду следующее: если мы оставили их без контактов с нами более чем на триста лет, то нет особой спешки в том, чтобы устанавливать контакт именно сегодня.— Он обернулся к «подсолнуху» за подтверждением.

Эта достойная личность подтвердила правильность его логики следующим образом:

— Для недоумка вы соображаете не так уж плохо.

Не говоря уже о Шелтоне, это было слишком для багровеющего поблизости Бидворси. Грудь его раздувалась, глаза извергали огонь, с командным металлом в голосе он рявкнул:

— Не сметь проявлять непочтительность, обращаясь к старшим офицерам!

Мягкие голубые глаза пленника обратились на него в детском изумлении, медленно изучая с головы до ног. Потом они вернулись к послу.

— Что это за нелепая личность?

Нетерпеливо отмахнувшись от вопроса, посол сказал:

— Послушайте, в наши намерения не входит беспокоить вас из чистого своенравия, как вы, кажется, склонны думать. Никто не намерен задерживать вас более чем необходимо. Все мы...

Подергивая себя за бородку, что придавало его поведению особое нахальство, туземец перебил посла:

— А решать, что необходимо, будете, разумеется, вы?

— Напротив, решение будет предоставлено вам,— ответил посол, демонстрируя достойное восхищения самообладание.— Все, что от вас требуется,— это сказать...

— В таком случае я уже решил,— опять перебил его пленник и попытался сбросить с себя руки конвоиров.— Дайте мне наконец пойти поговорить с Заком.

— Все, что от вас требуется,— стоял на своем посол,— это сказать нам, где мы можем найти представителя местной администрации, который нас свяжет с центральным правительством.— Слова эти сопровождались строгим начальственным взглядом.— Ну, например, укажите, где находится ближайший полицейский участок.

— Засед,— ответил туземец.

— Сам засед,— ответил посол, терпение которого начало иссякать.

— Именно этого я и добиваюсь,— загадочно заверил его пленник.— Только вы мне все время мешаете.

— Если можно внести предложение, ваше превосходительство,— вмешался полковник Шелтон,— позвольте мне...

— Никаких предложений мне не требуется, и я вам не позволю,— неожиданно грубо ответил посол.— Хватит с меня этого шутовства. Мы, наверное, приземлились в зоне для умалишенных, нужно это понять и без задержки покинуть ее.

— Вот теперь вы говорите дело,— одобрили «рыжие баки».— И чем дальше уберетесь, тем лучше.

— Я отнюдь не намерен покидать планету, если именно такая мысль пришла в вашу неразумную голову,— с глубоким сарказмом заверил его посол. Он по-хозяйски топнул ногой.— Эта планета — часть нашей Империи. И как таковая она будет зарегистрирована, изучена и реорганизована. Корабль лишь переместится в другой район, где люди лучше соображают.— Он сделал жест конвоирам.— Отпустите его. Он, без сомнения, спешит одолжить у кого-нибудь бритву.

Туземец, не сказав ни слова, сразу же направился к фермеру, как будто был намагниченной стрелкой компаса, непреодолимо притягиваемой к Заку. На лицах наблюдавших за ним Глида и Бидворси вырисовались отвращение и разочарование.

— Немедленно готовить корабль к перелету,— приказал посол капитану Грейдеру.— Сядем у какого-нибудь приличного городка, а не в глуши, где эта деревенщина принимает пришельцев из космоса за цыганский табор.

С важным видом он поднялся по трапу. За ним капитан Грейдер, за ним полковник Шелтон, за ним в должном порядке все остальные чины. Последними поднялись люди сержанта Глида.

Убрали трап. Задраили люк. Несмотря на огромную массу, корабль взлетел без оглушительного шума и языков пламени.

Тишину нарушали лишь звук работающего плуга и голоса двух человек, разговаривающих подле него. Ни один из них не удосужился даже повернуться, чтобы проводить корабль взглядом.

— Семь фунтов первосортного табака — это очень много за ящик бренди,— протестовали «рыжие баки».

— За мой бренди это еще мало,— отвечал Зак.

На этот раз корабль приземлился на широкой равнине в миле севернее городка, населенного на первый взгляд двенадцатью—пятнадцатью тысячами жителей. Капитан Грейдер предпочел бы перед посадкой произвести обстоятельную разведку с низких высот, но тяжелым космическим крейсером не сманеврируешь, как атмосферной посудиной. На таком расстоянии от поверхности корабль может пойти или на взлет, или на посадку, и ничего более.

Так что Грейдер прицелил свое судно в лучшее место для посадки, которое он мог выбрать в считанные секунды. Спустили трап и в прежнем порядке повторили церемонию высадки.

Его превосходительство бросил на городок оценивающий взгляд, дал окружающим отметить свое разочарование и сообщил:

— Что-то здесь не то. Вот город. Мы на виду у всех, и корабль торчит как стальная гора. Не менее тысячи людей видели, как мы идем на посадку, даже если остальные в это время занимались спиритизмом за спущенными шторами или дулись в карты в подвалах. И что же, взволнованы они?

— Похоже, нет,— признал полковник Шелтон.

— Я не спрашивал вас. Я указывал вам. Они не взволнованы. Они не удивлены. Им просто-напросто даже неинтересно. Да что же с ними такое?

— Должно быть, им не хватает любопытства,— предположил Шелтон.

— Может быть. А может, они просто боятся. Или все они чокнутые. Не одна планета была колонизирована всякими чудаками, которые искали свободы для своих чудачеств. Ежели психов триста лет никто не одергивает, то их отклонения превращаются в норму. Это да соответствующее воспитание из поколения в поколение могут создать весьма странных типов. Но мы их вылечим!

— Разумеется, ваше превосходительство, конечно.

Посол указал на юго-восток:

— Я вижу там дорогу. Она кажется широкой и хорошо мощенной. Послать туда поисковую группу. Если они не приведут никого, кто желал бы побеседовать, мы немного подождем и пошлем в город батальон.

— Группу,— повторил полковник Шелтон майору Хейму.

— Вызвать поисковую группу,— приказал Хейм лейтенанту Дикону.

— Выслать их опять, старший сержант,— сказал Дикон.

Бидворси выкликнул Глида и его людей, показал направление, обложил их парой выражений и приказал отправляться.

Глид маршировал во главе колонны. До дороги было не больше полумили, она углом выгибалась к городу. Левая шеренга, которой хорошо были видны городские окраины, жадно их рассматривала.

Объект появился, как только они дошли до шоссе. Он довольно быстро передвигался со стороны города на конструкции, отдаленно напоминающей мотоцикл. Два больших резиновых колеса приводились в действие чем-то вроде вентилятора в клетке. Глид расставил своих людей поперек шоссе.

Приближавшаяся машина вдруг испустила резкий, пронзительный звук, смутно напоминающий голос Бидворси при виде нечищенных сапог.

— Стоять по местам! — скомандовал Глид.— Кто сойдет с места — шкуру спущу.

Опять резкий сигнал. Никто не шелохнулся. Машина замедлила ход, подползла ближе и остановилась. Вентилятор продолжал вращаться на малых оборотах, можно было различить издающие тихое шипение лопасти.

— В чем дело? — осведомился водитель. Он был худ, лет за тридцать, носил в носу золотое кольцо, а волосы его были заплетены в косичку.

При виде его Глид заморгал от изумления, но все же собрался с силами, ткнул пальцем в сторону стальной горы и сказал:

— Корабль из космоса!

— Ну и что я, по-вашему, должен теперь делать?

— Сотрудничать,— ответил Глид, все еще ошарашенный косой. Ничего похожего ему раньше встречать не приходилось. И ее хозяин отнюдь не выглядел женоподобно. Скорее наоборот, коса придавала его лицу свирепое выражение.

— Сотрудничать, стало быть,— размышлял вслух туземец.— Что ж, красивое слово. И вам, разумеется, известно, что оно означает?

— Я не остолоп.

— Точная степень вашего идиотизма не является предметом обсуждения в настоящий момент,— ответил туземец. Кольцо в его носу чуть покачивалось, когда он говорил.— Сейчас предметом обсуждения является «сотрудничество». Сдается мне, вы сами всегда готовы сотрудничать?

— А то как же,— заверил его Глид.— И все другие тоже, если не хотят неприятностей.

— Давайте не будем уклоняться от темы, ладно? — Туземец прибавил вентилятору оборотов, потом снова замедлил его вращение.— Вам отдают приказы, и вы их выполняете?

— Конечно. Мне так всыплют, если...

— Это и есть то, что вы именуете «сотрудничеством»? — перебил Глида собеседник. Он пожал плечами и отрешенно вздохнул.— Ну что ж, всегда приятно проверить историков. Книги ведь могли и ошибаться.— Вентилятор завертелся вовсю, и машина двинулась вперед.— Извините, пожалуйста.

Переднее резиновое колесо врезалось в двух солдат, отбросив их в стороны без какого-либо ущерба для их здоровья. Машина с воем рванулась вперед по дороге.

— Кретины чертовы! — вопил Глид, пока его солдаты поднимались и отряхивались.— Я вам приказал стоять по местам, как вы посмели его выпустить?

— А что было делать, сержант? — ответил один из них, бросив на Глида угрюмый взгляд.

— Заткнись! Надо было держать оружие наизготовку и прострелить ему шину. Никуда бы он тогда не делся.

— А вы нам не приказывали держать оружие наизготовку.

— Да и вообще, ваше-то где? — добавил кто-то из солдат.

Глид круто развернулся и прорычал:

— Кто это сказал? — Его разгневанные глаза обшарили длинный ряд безразличных, пустых лиц. Найти виновного было невозможно.— Ну ничего, всыплю я вам нарядов вне очереди,— пообещал Глид.— Я вам...

— Старший сержант идет,— предупредил один из солдат.

Подошел Бидворси, окинул отделение холодным, презрительным взглядом.

— Что здесь происходит?

Изложив вкратце обстановку, Глид закончил угрюмо:

— Он был похож на Чикасова, который владеет нефтяным колодцем.

— Что такое «Чикасова»? — потребовал объяснения Бидворси.

— Я про них читал где-то еще пацаном,— пояснил Глид, радуясь возможности блеснуть познаниями.— Они носили длинные прически, одеяла и разъезжали в автомобилях, отделанных золотом.

— Шиза какая-то,— сказал Бидворси.— Я плюнул на всю эту муру про волшебные ковры, когда мне было семь. К двенадцати я знал назубок баллистику, а к четырнадцати — тыловое обеспе-

чение.— Он громко фыркнул, окидывая собеседника ехидным взглядом.— Некоторые страдают, правда, замедленным развитием.

— Они действительно существовали,— стоял на своем Глид.— Они...

— И феи тоже,— отрезал Бидворси.— Мне о них мамочка рассказывала. А мамочка была хорошей женщиной и не врала. По крайней мере, часто.— Он сплюнул на дорогу.— Не будь младенцем! — И затем он окрысился на солдат: — Ну-ка, держать оружие как следует, если вы знаете, что это такое. Следующим, кто попадется, я лично займусь.

Он присел на большой камень у дороги и вперил в город нетерпеливый взгляд. Глид примостился рядом, несколько задетый. Полчаса прошло без каких-либо событий.

Один из солдат спросил:

— Закурить можно, старший сержант?

— Нет.

Все смотрели на город, сохраняя мрачное молчание, облизывая губы и думая. Им было о чем подумать. Город, любой город, где живут люди, обладает многими привлекательными чертами, которых лишен космос: огнями компаний, свободой, смехом, всеми проявлениями жизни, по которым они изголодались.

Наконец из пригорода выехал большой экипаж и направился в их сторону. Длинная машина, битком набитая людьми, катилась на двадцати колесах (по десять с каждой стороны) и издавала такой же вой, как ее маленькая предшественница, но вентиляторов не было видно.

Когда она подошла ярдов на двести к заграждению на шоссе, из рупора, установленного под крышей, раздалось:

— С дороги, с дороги!

— Ага,— с удовлетворением пробурчал Бидворси,— целая орава катит к нам в руки. Или один из них заговорит, или я подам в отставку.— Он встал со своего камня и приготовился действовать.

— С дороги, с дороги!

— Стрелять по шинам, если они попытаются прорваться,— приказал Бидворси солдатам.

Делать этого не пришлось. Экипаж замедлил ход и остановился в ярде от цепи, водитель высунулся из кабины, а пассажиры, наоборот, отвернулись от окон.

Бидворси, решивший начать по-хорошему, подошел к водителю и сказал:

— Доброе утро.

— Чувство времени у вас ни к черту,— заметил водитель. Нос у него был перебит, уши похожи на цветную капусту, а на лице прямо-таки светилась любовь к темпераментным шоссейным гонкам.— Что бы вам не обзавестись часами?

— Как?

— Сейчас не утро. Сейчас поздний полдень.

— Ну да, ну да,— согласился Бидворси, выдавливая кривую улыбку.— Добрый день.

— Я-то в этом не уверен,— хмыкнул водитель, ковыряя в зубах.— Еще одним днем ближе к могиле.

— Может, оно и так,— согласился Бидворси, ничуть не задетый этим пессимизмом.— Но у меня других забот хватает, и я...

— Да, не стоит беспокоиться ни о прошедшем, ни о настоящем,— посоветовал водитель.— Впереди еще большие заботы.

— Да, наверное,— ответил Бидворси, чувствуя, что сейчас не время и не место для обсуждения теневых сторон бытия.— Но я предпочитаю решать свои проблемы в угодное мне время и угодным мне образом.

— Ни про одного человека нельзя сказать, что его проблемы — это только его проблемы. И время и методы тоже,— заявил этот боксерского вида оракул.— Разве не так?

— Я не знаю, да и наплевать мне,— ответил Бидворси, выдержка которого убывала по мере того, как поднималось давление. Он помнил, что за ним наблюдают Глид и солдаты. Наблюдают, слушают и, вполне возможно, посмеиваются над ним про себя. Да и пассажиры тоже.

— Я думаю, ты тянешь резину специально, чтобы меня задержать. Не выйдет. Посол ждет...

— И мы тоже,— подчеркнуто ответил водитель.

— Посол желает говорить с вами,— продолжал Бидворси,— и он будет говорить с вами!

— Я был бы последним человеком, если не дал бы ему говорить. У нас здесь свобода слова. Пусть выйдет и скажет, что хочет, чтобы мы могли наконец ехать по своим делам.

— Ты,— сообщил Бидворси,— пойдешь к нему. И вся твоя компания,— он показал на пассажиров,— тоже.

— Только не я,— сказал высунувшийся из бокового окна толстяк в очках с толстыми стеклами, за которыми его глаза были похожи на яйца всмятку. Более того, голову его украшала высокая шляпа в красную и белую полоску.

— И не я,— поддержал его водитель.

— Хорошо.— В голосе Бидворси прозвучала угроза.— Только попробуй сдвинуть с места свою птичью клетку, мы тебе сразу шины в клочья разделаем. Вылезай из машины!

— Вот еще! Мне и здесь уютно. А вы попробуйте меня вытащить.

Бидворси сделал знак шести солдатам, стоящим возле него.

— Слышали, что он сказал? А ну тащи его наружу!

Распахнув дверь кабины, они вцепились в водителя. Он и не пытался сопротивляться. Схватив его, они дернули все разом и наполовину вытащили податливое тело из кабины. Дальше вытянуть они не могли.

— Давай, давай! — понукал нетерпеливо Бидворси.— Покажем ему, что к чему. Не прирос же он там.

Один из солдат перелез через тело, разглядел кабину и сказал:

— Почти что.

— То есть как?

— Он прикован к рулевой колонке.

— Что? А ну дай посмотреть.

Нога водителя была прикована к рулевой колонке цепочкой и маленьким, но тяжелым и замысловатым замком.

— Где ключ?

— А ты меня обыши,— заржал водитель.

Но обыск оказался тщетным. Ключа не было.

— У кого ключ?

— Зассд.

— Сунуть его обратно в кабину,— приказал, свирепея, Бидворси.— Возьмем пассажиров. Что один болван, что другой, какая разница! — Он подошел к дверям и рывком распахнул их.— Вылезать, и живо!

Никто даже не пошевельнулся. Все молча изучали его, и выражения их лиц отнюдь не были ободряющими. Толстяк в полосатой шляпе уставился на него сардонически. Бидворси решил, что толстяк совсем не в его вкусе и что курс строгой армейской муштры мог бы помочь ему сохранить фигуру.

— Либо выйдете,— предложил Бидворси пассажирам,— либо поползете. Как вам больше нравится. Решайте сами.

— Если ты не можешь шевелить мозгами, то, по крайней мере, шевели глазами,— посоветовал толстяк. Он изменил позу, и это движение сопровождалось звяканьем металла.

Бидворси просунул голову в дверь. Потом залез в машину, прошел по салону и оглядел каждого пассажира. Когда он вышел обратно и заговорил с сержантом Глидом, багровая окраска его лица сменилась темно-серой.

— Они все прикованы. Все до одного.— Он посмотрел на водителя.— Что это за гениальная мысль всех приковать?

— Зассд,— беззаботно ответил водитель.

— У кого ключи?

— Засед.

Глубоко вздохнув, Бидворси сказал, ни к кому не обращаясь:

— Пока этот болван сидит на водительском месте, мы не сможем подогнать машину к кораблю. Нужно найти ключи или достать инструменты и расковать их.

— Или сделать нам ручкой и пойти принять таблетку,— предложил водитель.

— Молчать! Даже если я застряну здесь на следующий миллион лет, я тебе...

— Полковник идет,— буркнул Глид, дергая Бидворси за рукав.

Подошедший полковник Шелтон медленно и церемонно прошествовал вокруг экипажа, изучая его конструкцию и пассажиров. Вид полосатой шляпы заставил его вздрогнуть. Потом он подошел к своим разъяренным подчиненным.

— В чем дело на этот раз, старший сержант?

— Опять психи, сэр. Порют чушь, говорят «засед» и знать не хотят его превосходительство. Выходить отказываются, а вытащить мы их не можем, потому что каждый прикован к креслу.

— Прикован? — Брови Шелтона поползли вверх.— За что?

— Не могу знать, сэр. Прикованы, как каторжники при транспортировке в тюрьму, и...

Шелтон отошел, не дослушав до конца. Осмотрев все сам, он вернулся обратно.

— Может быть, вы и правы, старший сержант. Но я не думаю, что это преступники.

— Нет, сэр.

— Нет.— Шелтон многозначительно посмотрел на красочный головной убор толстяка.— Они больше похожи на группу чокнутых, которых везут в дурдом. Спрошу-ка я водителя.

Подойдя к кабине, он сказал:

— Не будете ли вы против объяснить мне, куда вы едете?

— Да,— сухо ответил водитель.

— Итак, куда же?

— Слушайте,— сказал водитель,— мы с вами на одном языке говорим?

— Что?

— Вы спросили, не буду ли я против, и я сказал «да». Я очень даже против.

— Вы отказываетесь говорить?

— Ты делаешь успехи, сынок.

— Сынок? — вмешался Бидворси, дрожа от возмущения.— Да ты понимаешь, что говоришь с полковником?

— Предоставьте это мне,— успокоил старшего сержанта Шелтон. Взгляд его был холоден, когда он вновь посмотрел на водителя.— Следуйте дальше. Я сожалею, что мы задержали вас.

— Пусть это вас не беспокоит,— ответил водитель преувеличенно вежливо.— Когда-нибудь и я вам тем же отплачу.

С этим загадочным ответом он тронул машину с места. Солдаты расступились. Вой двигателей достиг верхней ноты, машина рванулась и исчезла вдали.

— Клянусь Черным Мешком,— выругался Бидворси, уставившись ей вслед,— на этой планете больше разгильдяев, отвыкших от дисциплины, чем на...

— Успокойтесь, старший сержант,— посоветовал Шелтон.— Я чувствую то же, что и вы, но забочусь о своих артериях. Даже если они раздуются, как морские водоросли, это вряд ли облегчит решение наших проблем.

— *Должно быть, так, сэр, но...*

— Мы столкнулись здесь с чем-то очень странным,— продолжал Шелтон.— И мы должны выяснить, с чем именно и что будет лучшим способом действий. Видимо, нужна новая тактика. Пока что мы ничего не добились, высылая поисковую группу. Только время зря теряем. Придется изыскать другой, более эффективный метод установления контакта с власть предержащими. Прикажите своим людям возвращаться на корабль, старший сержант.

— Есть, сэр.— Бидворси отдал честь, круто повернулся, щелкнул каблуками и открыл свою пещероподобную пасть:

— Отделение, напра-во!

Совещание затянулось на всю ночь до следующего утра. За эти наполненные спорами часы по шоссе проследовало много различных экипажей, в основном колесных, но ни один водитель не остановился, чтобы посмотреть на гигантский корабль, никто не подошел к нему, чтобы перекинуться с командой парочкой приветственных слов. Странные обитатели этого мира страдали, казалось, какой-то особой формой умственной слепоты: ничего не видели, пока вещь не совали им прямо под нос, но и тогда рассматривали ее искоса.

Пассажирами одного из грузовиков, промчавшихся мимо корабля ранним утром, были девушки в цветастых косынках. Девушки пели что-то вроде: «Поцелуй меня на прощанье, дорогой». С полдюжины солдат завопили, замахали и засвистали. Все зря. Пение не прервалось ни на секунду, и ни одна даже не подумала помахать в ответ.

Зато Бидворси, к еще большему унынию любвеобильных рядовых, показался из люка и рявкнул:

— Если вам, козлы вы этакие, энергию девать некуда, я для вас работенку сыщу. Да погрязнее.

И окинул всех по очереди уничтожающим взглядом, прежде чем убраться.

За подковообразным столом в навигаторской командный состав продолжал обсуждение обстановки. По большей части присутствующие подчеркнуто настоятельно повторяли, что уже говорили не раз, так как ничего нового сказать не могли.

— Вы уверены,— спросил посол капитана Грейдера,— что никто не посещал эту планету с тех пор, как триста лет назад на нее высадились поселенцы?

— Абсолютно уверен, ваше превосходительство. Любой такой рейс был бы зафиксирован.

— Если это был рейс земного корабля. Но ведь могли быть и другие. Меня не оставляет впечатление, что в истории этой планеты было что-то неприятное, связанное с пришельцами из космоса. Ее жители страдают аллергией к космическим кораблям. То ли их пытались оккупировать, то ли им пришлось отбиваться от налета космических пиратов. А может быть, они стали жертвой шайки мошенников торговцев.

— Абсолютно исключено, ваше превосходительство,— заявил Грейдер.— Эмиграция распространилась на такое огромное количество миров, что и по сей день каждый из них недонаселен, только одну сотую из них можно считать развитыми, и ни на одном не научились еще строить космические корабли, даже самые элементарные. На некоторых планетах хотя и помнят, как их строят, но не обладают технической базой для строительства.

— Ну да, и я так всегда считал.

— Частных кораблей подобного радиуса действия просто не существует,— заверил Грейдер.— И космических пиратов тоже. По нынешним ценам кандидат в пираты должен быть миллиардером, чтобы обзавестись кораблем с двигателем Блидера.

— Тогда,— сказал посол веско,— нам придется вернуться к моей первоначальной теории, что из-за каких-то особых условий этой планеты и из-за специфичных форм воспитания все ее население свихнулось.

— Многое подтверждает это,— вставил полковник Шелтон.— Видели бы вы пассажиров в экипаже, который мы остановили на дороге. Один — типичный гробовщик, да еще в разных туфлях: коричневой и желтой. Другой — этакий пижон с лунообразной физиономией, в шляпе прямо как с вывески парикмахер-

ской, да еще и полосатой к тому же. Ему только соломинки для мыльных пузырей не хватало, да и ту, наверное, дадут, когда доставят на место.

— А куда именно?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Все они отказывались отвечать.

Окинув полковника ироническим взглядом, посол заметил:

— Это, безусловно, ценный вклад в информацию, которой мы располагаем. Мы обогащены сообщением, что неизвестный индивидуум, возможно, получит в подарок бесполезный предмет неизвестно для чего, когда этот индивидуум будет доставлен неизвестно куда.

Шелтон сник, искренне сожалея о том, что вообще повстречался с тем импозантным толстяком.

— Есть же у них где-то столица, центр, резиденция правительства,— утвердительно заявил посол.— Чтобы принять управление планетой на себя и реорганизовать ее на нужный лад, мы должны этот центр найти. Столица должна быть большой. Маленькое заштатное поселение никогда не сделают столицей. У столицы всегда есть какие-то внешние признаки, придающие ей значимость. С воздуха ее будет легко заметить. Следует приступить к ее поискам, именно с этого вообще и следовало начинать. На других планетах найти столицу никогда не было проблемой. В чем же дело сейчас?

— Извольте взглянуть сами, ваше превосходительство.— Капитан Грейдер разложил на столе фотографии.— Это снимки обоих полушарий, сделанные при подходе к планете. Ни на одном не видно ничего похожего на большой город. Не видно даже ни одного городка, хотя бы чем-то отличающегося от других или чуть большего, чем другие.

— Не очень-то я верю снимкам, особенно сделанным с большого расстояния. Невооруженным глазом увидишь больше. У нас на борту четыре шлюпки, с которых можно прочесать всю планету от полюса до полюса. Почему бы не воспользоваться ими?

— Потому, ваше превосходительство, что они не предназначены для подобных целей.

— Какое это имеет значение?

Грейдер терпеливо ответил:

— Наши ракетные шлюпки старого образца, предназначены для запуска с борта корабля в космосе и развивают скорость до сорока тысяч миль в час. Произвести толковый обзор планеты можно только со скоростью не выше четырехсот миль в час. Попытка маневрировать шлюпками с такой малой скоростью

приведет к неэкономному расходу горючего, порче дюз и неминуемой катастрофе.

— В таком случае на блидеровских кораблях давно пора иметь блидеровские шлюпки.

— Полностью с вами согласен, ваше превосходительство, но самая маленькая модель двигателя Блидера превышает триста тонн, для шлюпки это слишком много.— Грейдер собрал фотографии и положил их обратно в ящик.— Что нам действительно нужно, так это древний аэроплан с пропеллером. Он обладал преимуществом, которого мы лишены: мог медленно летать.

— Вы бы еще по велосипеду затосковали,— фыркнул посол за неимением лучшего аргумента.

— Велосипед как раз у нас есть,— доложил Грейдер.— У десятого инженера Гаррисона.

— И он привез его с собой?

— Он его повсюду с собой таскает. Поговаривают, что он даже спит с ним.

— Космонавт на велосипеде? — Посол громко высморкался.— Я полагаю, он получает наслаждение от чувства огромной скорости, развиваемой этим видом транспорта, приходит в экстаз от гонки через космос.

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Вызвать сюда этого Гаррисона. Пошлем психа ловить психов.

Грейдер моргнул, подошел к микрофону и объявил:

— Десятому инженеру Гаррисону немедленно прибыть в навигаторскую.

Гаррисон прибыл через десять минут. Ему пришлось прошагать почти три четверти мили от двигателя. Это был худой человечек с темными обезьяньими глазками и с такими ушами, что при попутном ветре ему можно было не жать на педали. Посол изучал его с любопытством зоолога, увидевшего розового жирафа.

— Мне стало известно, что вы обладаете велосипедом.

Гаррисон ответил осторожно:

— Сэр, в инструкциях не сказано ничего, что...

— К чертям инструкции,— сделал нетерпеливый жест посол.— Мы оказались в идиотской ситуации, и выпутываться из нее придется по-идиотски.

— Так точно, сэр.

— Поэтому я хочу дать вам поручение. Поезжайте в город на своем велосипеде, найдите мэра, шерифа, самую большую

шишку, или верховное ничтожество, или кто там у них есть. И передайте ему мое официальное приглашение на ужин. Ему и всем официальным лицам, которых он сочтет нужным с собой привести. С женами, разумеется.

— Слушаюсь, сэр.

— Партикулярное платье,— добавил посол.

Гаррисон выставил вперед одно ухо, опустил другое и сказал:

— Прошу прощения, сэр?

— Могут одеваться, как хотят.

— Понятно, сэр. Мне можно отправляться прямо сейчас, сэр?

— Немедленно. Возвращайтесь как можно скорее и доставьте мне ответ.

Неуклюже откозыряв, Гаррисон вышел. Его превосходительство удобно раскинулся в кресле, игнорируя взгляды присутствующих.

— Только и всего.— Посол вытянул из ящика длинную сигару и тщательно откусил кончик.— Если мы не можем подобрать ключ к их головам, то подберем к желудкам.— Он хитро сощурился.— Капитан, проследите, чтобы выпивки было вдоволь. И покрепче. Венерианский коньяк или что-нибудь в этом роде. Час за обильным столом, и языки развяжутся. Мы их потом всю ночь остановить не сможем.— Посол закурил сигару и с удовольствием затянулся.— Старый испытанный дипломатический прием: незаметное обольщение путем набивания желудка. Всегда срабатывает безотказно, сами увидите.

Энергично давя на педали, десятый инженер Гаррисон въехал на улицу, по обеим сторонам которой стояли маленькие дома, окруженные аккуратными садиками. Пухленькая, миловидная женщина подстригала в одном из них газон. Он подкатил к ней, вежливо прикоснувшись пальцами к пилотке.

— Прошу прощения, мэм. Кто у вас в городе самый большой человек?

Она обернулась, скользнула по нему взглядом и указала ножницами на юг.

— Джефф Бэйнс. Первый поворот направо, второй налево. У него кулинарная лавка.

— Спасибо.

Он двинулся дальше. Первый поворот направо. Он объехал грузовик на резиновых колесах, стоящий у угла. Второй налево. Трое ребятишек тыкали в него пальцами, хрипло вопя, что заднее колесо его велосипеда вихляет. Он нашел лавку, прислонил

велосипед педалью к обочине и похлопал его ободряюще, прежде чем войти и взглянуть на Джеффа.

А посмотреть было на что. У Джеффа было четыре подбородка, шея объемом в двадцать два дюйма и выпирающее на полярда брюхо. Простой смертный запросто мог нырнуть в одну штанину его брюк, не снимая при этом акваланга. Без сомнения, он действительно был самым большим человеком в городе.

— Хочешь чего-нибудь? — извлек Джефф вопрос откуда-то из глубины своей утробы.

— Да не совсем.— Десятый инженер Гаррисон окинул взглядом обильные запасы еды, и ему пришло в голову, что если ее всю к вечеру не раскупят, то вряд ли выкинут кошкам.— Я ищу определенного человека.

— Вот как. Я-то сам держусь обычно от таких подальше, но у каждого свой вкус.— Джефф подергал толстую губу, собираясь с мыслями, а потом предложил: — Почему бы тебе не обратиться к Силу Вилкону на Дэйд-авеню? Он самый определенный из всех людей, которых я знаю.

— Я не совсем это имел в виду. Я хотел сказать, что ищу человека особенного.

— Так какого же рожна ты не скажешь прямо? — Поразмыслив над новой проблемой, Джефф Бэйнс предложил: — По этой части годится Тод Грин. Ты его найдешь в обувной мастерской на углу. Он-то уж точно особенный. И еще какой!

— Вы меня не понимаете,— объяснил Гаррисон.— Я охочусь за большой шишкой, чтобы пригласить его откушать.

Усевшись на высокий табурет, со всех сторон которого его тело свисало не меньше чем на фут, Джефф Бэйнс окинул Гаррисона любопытным взглядом и сказал:

— Что-то здесь не то. Во-первых, тебе придется не один год искать человека с шишкой, особенно если тебе обязательно нужна именно большая шишка. И какой смысл тратить на него об только из-за этого?

— Тратить что?

— По-моему, это само собой разумеется. Об нужно устраивать так, чтобы им гасить старый об. Разве нет?

— Разве? — Гаррисон даже не закрыл рот. Мозг его пытался разобраться в странном вопросе: как устраивать об?

— Ты, стало быть, не знаешь? — Джефф Бэйнс зевнул.— Слушай, это на тебе что, униформа, что ли?

— Да.

— Самая что ни на есть настоящая униформа?

— Конечно.

— А,— сказал Джефф.— На этом-то я и купился: пришел ты один, сам по себе. Если бы вы приперлись целой оравой, да еще одинаково одетые, я бы сразу понял, что это униформа. Ведь в этом и есть смысл униформы, чтобы все были одинаковые. Так, что ли?

— Должно быть, так,— согласился Гаррисон, никогда раньше над этим не задумывавшийся.

— Значит, ты с того корабля. Я мог бы и сразу догадаться, да что-то тут соображаю сегодня. Но никак уж не ожидал увидеть кого-нибудь из вас, шатающегося в одиночку на этой штуке с педалями. Это о чем-то говорит, разве нет?

— Да,— сказал Гаррисон, поглядывая в сторону велосипеда, проверяя, не увел ли его кто, пока хозяину заговаривают зубы. Машина была на месте.— Это о чем-то говорит.

— Ну ладно, выкладывай, зачем пришел.

— Да я же все время пытаюсь объяснить. Меня послали, чтобы...

— Послали? — Глаза Джеффа полезли на лоб.— Ты хочешь сказать, что ты действительно позволил кому-то послать себя?

Гаррисон уставился на него:

— Конечно. А почему нет?

— Кажется, я наконец понял,— сказал Джефф, и его обескураженное лицо мгновенно прояснилось.— Ты меня просто сбил с толку своей странной манерой выражаться. Ты хочешь сказать, что имеешь об?

В отчаянии Гаррисон спросил:

— Да что это такое — об?

— Он не знает,— прокомментировал Джефф Бэйнс, вперив в потолок молитвенный взгляд.— Он даже этого не знает! — И отрешенно вздохнул.— Ты случаем не голоден?

— Скоро буду.

— Лады. Я, конечно, мог бы тебе сказать, что такое об, но сделаю лучше. Я тебе покажу, что это такое.— Джефф сполз с табурета и переместился к задней двери.— Не знаю даже, с чего это я должен стараться и учить уму-разуму человека в униформе. Так, разве что от скуки. Иди за мной.

Гаррисон покорно последовал за ним во двор. Джефф Бэйнс показал на груду ящиков:

— Консервы.— Потом показал на склад рядом.— Вскрой ящики и сложи консервы в складе. Тару сложи во дворе. Хочешь — делай, хочешь — нет. На то и свобода, не так ли?

Он потопал обратно в лавку.

Предоставленный самому себе, Гаррисон почесал уши и задумался. Дело пахло каким-то розыгрышем. Кандидата Гаррисона

искушали сдать экзамен на диплом сопляка. Но, с другой стороны, стоило посмотреть, в чем дело, и перенять трюк. И вообще, риск — благородное дело. Поэтому он сделал все, как было сказано. Через двадцать минут энергичного труда он вернулся в лавку.

— Так вот,— объяснил Бэйнс,— ты сделал что-то для меня. Это значит, что ты на меня имеешь об. За то, что ты для меня сделал, я тебя благодарить не буду. Это ни к чему. Все, что я должен сделать, это погасить об.

— Об?

— Обязательство. Я тебе обязан. Но зачем тратиться на длинное слово, когда и короткого хватает? Обязательство — это об. Я с ним обхожусь таким путем: здесь через дом живет Сет Ворбертон. Он мне должен с полдюжины обов. Так что я погашу об тебе и дам возможность один об погасить Сету следующим образом: пошлю тебя к нему, чтобы он тебя покормил.— Джефф нацарапал что-то на клочке бумаги.— Отдашь это Ворбертону.

Гаррисон уставился на записку. Очень небрежным почерком там было написано: «Накорми этого обормота».

Несколько ошарашенный, он выбрался за порог, остановился у велосипеда и перечитал записку. «Обормот»,— гласила она. А на корабле подобное выражение многих бы привело в ярость. Но внимание Гаррисона привлекла витрина через дом от лавки Джеффа. Она ломилась от яств, а над ней висела вывеска из двух слов: «Харчевня Сета». Приняв (не без подстрекательства со стороны желудка) твердое решение, инженер вошел в харчевню, все еще сжимая записку в руке, как смертный приговор. С порога его встретил запах кушаний и звон посуды. Он подошел к мраморному столику, за которым сидела сероглазая брюнетка.

— Вы не против? — вежливо осведомился он, опускаясь в кресло.

— Против чего? — Ее взгляд обследовал уши Гаррисона, как будто они были чем-то особенным.— Детей, собак, старости или прогулок под дождем?

— Вы не против того, чтобы я здесь сидел?

— Посмотрим, как мне это понравится. На то и свобода, не так ли?

— Ну да,— сказал Гаррисон,— конечно.

Пока он думал, что бы еще сказать, появился худенький человек в белой куртке и поставил перед ним тарелку с жареным цыпленком и гарниром из трех сортов неизвестных Гаррисону овощей. Содержимое тарелки привело его в изумление. Он и не

помнил, когда в последний раз видел жареного цыпленка или когда ел овощи, кроме как в порошке.

— В чем дело? — спросил официант, не понявший, почему клиент уставился на тарелку пораженным взглядом.— Не нравится?

— Нравится.— Гаррисон отдал ему записку.— И еще как.

Взглянув на нее, официант крикнул кому-то, почти невидимому в струях пара за стойкой:

— Ты погасил Джеффу еще один.

И разорвал бумажку в мелкие клочки.

— Быстро это ты,— прокомментировала брюнетка, кивая на полную тарелку.— У кого-то об тебя накормить, и ты его сразу отоварил, так что все квиты. А мне придется за мой обед мыть посуду или погасить какой-нибудь об за Сета.

— Я перетаскал груду ящиков с консервами.— Гаррисон взял нож и вилку, чувствуя, как у него слюнки потекли. На корабле ножей и вилок не было: когда питаешься пилюлями и порошками, столовые приборы просто ни к чему.— А здесь особого выбора нет? Ешь, что дают?

— Есть, если имеешь об на Сета. Тогда он должен в лепешку для тебя разбиться. Так что, вместо того чтобы полагаться на судьбу, а потом жаловаться, сделал бы лучше что-нибудь для него.

— Я не жалуюсь.

— А это твое право. На то и свобода, не так ли? — Девушка поразмыслила немножко, потом добавила: — Не так уж часто бывает, чтобы Сет мне был обязан. Но когда такое случается, я требую ананасного мороженого, и он летит на всех парах. А когда я ему обязана, бегать приходится мне.

Ее серые глаза вдруг сузились от неожиданной догадки.

— Ты слушаешь, как будто это все тебе в диковинку. Ты не здешний?

Он кивнул, поскольку рот его был набит цыпленком. Прожевав, добавил:

— Я с того корабля.

— Ничего себе! — На лице девушки сразу же появилось ледяное выражение.— Антиганд! Кто бы мог подумать, ты же выглядишь почти по-человечески.

— Всегда гордился этим сходством.— Вместе с ощущением сытости к Гаррисону возвращалось чувство юмора.

Снова подошел официант.

— Что есть из питья? — спросил Гаррисон.

— Дис, двойной дис, шемак и кофе.

— Кофе. Черный и большую чашку.

— Шемак вкуснее,— посоветовала брюнетка, когда официант отошел.— Но с чего, собственно, я тебе буду подсказывать?

Кофейная кружка была объемом в пинту. Поставив ее на стол, официант сказал:

— Поскольку Сет погашает свой об, то выбирай сам, что тебе на десерт. Яблочный пирог, имлик, тертые тарфельсуферы или канимелон в сиропе?

— Ананасное мороженое.

Официант моргнул, укоризненно посмотрел на брюнетку и пошел за мороженым.

— Угощайтесь,— подвинул Гаррисон тарелочку через стол.

— Это твое.

— Не могу даже пробовать.

Он откусил еще кусок цыпленка, помешал ложечкой кофе и почувствовал себя в ладах со всем миром.

— В меня больше не влезет. Давай угощайся, и черт с ней, с талией.

— Нет.— Девушка решительно отодвинула лакомство обратно.— Если я его приму, то буду тебе обязана.

— Ну и что с того?

— Я не позволяю чужакам делать меня им обязанной.

— Ну и правильно. Очень с твоей стороны разумно,— одобрил Гаррисон.— Чужаки часто бывают со странностями.

Мороженое опять передвинулось на ее сторону стола.

— Если ты полагаешь, что я на тебя буду иметь за это об, то ты можешь погасить его вполне пристойным образом. Все, что мне нужно,— это некоторые сведения. Где мне найти самую важную птицу в городе?

— Или к Алеку Питерсу, он живет на десятой улице.— С этими словами брюнетка запустила ложечку в тарелку.

— Спасибо. А то я уже начал думать, что здесь все придурковатые.

Гаррисон допил кофе и лениво откинулся на спинку кресла Непривычная сытость обострила его мыслительный процесс, ибо через минуту лицо его затуманилось подозрением, и он спросил:

— А у этого Питера что, птицеферма?

— Конечно.— Переведя с удовольствием дух, она отодвинула пустую тарелку.

Тихо простонав, Гаррисон сообщил ей:

— Я ищу мэра.

— Это еще что такое?

— Человек номер один. Большой босс, шейх, пахан или кто у вас здесь есть.

— Я так ничего и не поняла,— сказала девушка в непритворном изумлении.

— Человек, который руководит городом. Ведущий гражданин.

— Объясни, пожалуйста.— Она честно пыталась ему помочь.— Кого или что этот гражданин должен вести?

— Тебя, Сета и всех остальных.— Гаррисон описал рукой круг для вящей убедительности.

Нахмурившись, брюнетка спросила:

— Куда он нас должен вести?

— Куда бы вы ни шли.

Девушка обратилась за помощью к официанту:

— Мэтт, мы куда-нибудь идем?

— Откуда мне знать?

— Тогда спроси Сета.

Официант исчез и тотчас вернулся.

— Сэт сказал, что он идет домой в шесть часов, а тебе что до этого?

— Его кто-нибудь ведет?

— Рехнулась, что ли? — спросил Мэтт.— Дорогу домой он знает, да и трезвый к тому же.

Гаррисон вмешался в разговор:

— Слушайте, я не понимаю, почему это все так сложно. Вы только скажите мне, где я могу найти какое-нибудь официальное лицо, любого чиновника, начальника полиции, городского казначея или, на худой конец, хоть мирового судью?

— Что такое «официальное лицо»? — спросил в изумлении Мэтт.

— Что такое «мировой судья»? — добавила брюнетка.

Голова у Гаррисона пошла кругом, и он решил зайти с другой стороны.

— Предположим,— сказал он Мэтту,— что ваше заведение загорится. Что вы все тогда будете делать?

— Раздувать пожар,— ответил Мэтт, не считая нужным скрывать, что эта беседа ему осточертела. Он вернулся к стойке с видом человека слишком занятого, чтобы тратить время на всяких недоумков.

— Он будет его гасить,— сообщила брюнетка.— Что же еще, по-твоему, ему делать?

— А если он один не справится?

— Тогда позовет других на помощь.

— А они помогут?

— Конечно,— заверила она, глядя на инженера с жалостью,— кто же упустит такой случай заработать об?

— Похоже, что так.— Гаррисон чувствовал себя прижатым к стенке, но сделал последнюю попытку.— Но все-таки, что случится, если пожар не удастся погасить?

— Тогда Сет вызовет пожарную команду.

— Ага, значит, есть все-таки пожарная команда. Это я имел в виду, когда спрашивал об официальных организациях. Это-то мне и нужно. Ну-ка скажи мне, как найти пожарное депо?

— Конец Двенадцатой улицы. Ты его не сможешь не заметить.

— Спасибо.— Гаррисон вскочил и помчался вперед.

Пожарное депо было большим зданием, в котором содержались четыре раздвижные лестницы, водомет и два мощных насоса — все моторизованное, на шасси с толстыми резиновыми колесами. Внутри Гаррисон столкнулся нос к носу с маленьким человечком, одетым в чересчур просторный комбинезон.

— Ищешь кого? — осведомился человечек.

— Брандмейстера.

— Это еще кто?

Уже наученный опытом, Гаррисон разговаривал так, как будто его собеседник был ребенком.

— Слушайте, мистер, это ведь пожарная команда. Кто-то ею командует. Кто-то же руководит всем балаганом, заполняет бумаги, нажимает на кнопки, повышает в чине, увольняет, приписывает себе все заслуги, валит вину на других и вообще хозяйничает. Он во всей ораве самый важный, и все это знают.— Палец Гаррисона уперся человеку в грудь.— И он тот человек, с которым я намерен поговорить, чего бы мне это ни стоило.

— Ни один человек не может быть важнее другого. Такого просто не бывает, а ты, по-моему, спятил.

— Думай, что хочешь, но я тебе говорю, что...

Хриплый звон колокола прервал фразу. Двадцать человек, выросшие как будто из-под земли, в мгновение ока заняли свои места на машинах с лестницей и насосом, и машины выкатились на улицу. Единственной общей деталью в их туалетах были плоские, похожие на тазики каски. Во всем же остальном они демонстрировали глубины падения портновского искусства. Человек в комбинезоне, одним бравым прыжком догнавший насос, скрылся из поля зрения за спинами толстого пожарного, перетянутого кушаком всех цветов радуги, и тощего, щеголяющего юбкой желтоканареечной окраски. Их опоздавший коллега, украшенный сережками в форме маленьких колокольчиков, отчаянно преследовал машину, пытался ухватиться за задний борт, промахнулся и грустно посмотрел вслед удаляющейся бригаде. Потом побрел обратно, раскачивая каску на руке.

— Везет как утопленнику,— сообщил он обескураженному Гаррисону.— Лучшая тревога года. Горит винзавод. Чем быстрее ребята туда доберутся, тем больше об.— При этой мысли он облизнулся, садясь на бухту брезентового шланга.— Но, может, оно и лучше для здоровья, что я опоздал.

— Объясни мне,— стоял на своем Гаррисон,— как ты себе обеспечиваешь жизнь?

— Что за вопрос? Ты, по-моему, и сам видишь. Работаю в пожарной команде.

— Это я знаю. Но кто тебе платит?

— Платит?

— Ну, деньги дает за работу?

— Странно ты выражаешься; что такое деньги?

Гаррисон почесал череп, чтобы усилить приток крови к мозгу. Что такое деньги? Ничего себе. Он решил попробовать другой подход.

— Предположим, твоей жене нужно новое пальто. Где она его возьмет?

— Пойдет в лавку, которая обязана пожарным. Взяв пальто, она погасит пару-другую обов.

— А что, если в лавках, торгующих одеждой, пожаров не было?

— Братец, да откуда ты такой темный взялся? Почти каждая лавка имеет обы пожарным. Если они не дураки, то каждый месяц выделяют определенное количество обов. Для страховки. Предусмотрительные они, понял? В какой-то мере они и наши обы имеют, так что, когда мы несемся их спасать, нам приходится гасить обы им, прежде чем получим на них новые. Это не позволяет нам злоупотреблять. Вроде бы сокращает задолженность лавочников. Толково, правда?

— Может, и да, но...

— Я понял наконец,— перебил абориген, сузив глаза.— Ты с того корабля. Ты — антиганд.

— Я с Терры, которая когда-то называлась Землей,— с подобающим достоинством сказал Гаррисон.— Более того, первые поселенцы на этой планете тоже были землянами.

— Будешь меня истории учить? — Пожарный ехидно рассмеялся.— Ошибаешься, пять процентов из них были марсианами.

— Марсиане тоже произошли от земных поселенцев,— парировал Гаррисон.

— Ну и что? Это было черт знает как давно. Все меняется, если ты раньше этого не знал. На этой планете нет уже ни марсиан, ни землян. Мы все здесь ганды. А вы, которые суете свой нос, куда вас не просят, антиганды.

— Мы вовсе не анти что-то, насколько мне известно. С чего ты все это взял?

— Засед,— ответил его собеседник, неожиданно решивший прекратить дискуссию. Он перебросил каску в другую руку и плюнул на пол.

— Что?

— Что слышал. Катись отсюда на своем драндулете.

Так отчаявшийся Гаррисон и сделал. Расстроенный, он покатил обратно на корабль.

Его превосходительство вперил в Гаррисона повелительный взгляд.

— Итак, вы вернулись наконец. Сколько человек придет и когда?

— Никто не придет, сэр,— сказал Гаррисон, начиная чувствовать дрожь в коленках.

— Никто? — Посол грозно нахмурил брови.— Вы хотите сказать, что никто не принял мое приглашение?

— Никак нет, сэр.

Посол подождал секунду, потом сказал:

— Выкладывайте, в чем дело. И перестаньте таращиться. Вы сказали, что мое приглашение никто не отвергал, но никто не придет тем не менее. Как я должен все это понимать?

— Я никого не пригласил.

— А, так вы никого не пригласили! — Обернувшись к Грейдеру, Шелтону и другим офицерам, посол сказал: — Не пригласил, видите ли.— Потом он повернулся к Гаррисону.— Я полагаю, вы просто-напросто забыли это сделать? Опьяненный свободой и властью человека над техникой, вы носились по городу, наплевав на все их правила движения, создавая угрозу для жизни пешеходов, не утруждая себя даже дать гудок или...

— На моем велосипеде нет гудка, сэр,— опроверг его слова Гаррисон, внутренне протестуя против этого списка преступлений.— У меня есть свисток, который приводится в действие вращением заднего колеса.

— Ну вот,— сказал посол с видом человека, потерявшего всякую надежду. Он рухнул в кресло, хватаясь за голову: — Одному только соломинки для мыльных пузырей не хватало...— Он трагически выставил указательный палец.— А у другого — свисток!

— Я его сам изобрел, сэр,— сообщил ценную информацию Гаррисон.

— Я в этом и не сомневаюсь. Вполне могу себе представить... Я ничего другого от вас и не ожидал.— Посол взял себя в руки.— Скажите мне под строжайшим секретом, абсолютно

между нами.— Он наклонился вперед и спросил шепотом, повторенным семикратным эхом: — Почему вы никого не пригласили?

— Не нашел никого, сэр. Я старался изо всех сил, но они, кажется, не понимали, о чем я говорю. Или притворялись, что не понимают.

— Так.— Его превосходительство посмотрел в иллюминатор, потом на часы.— Уже смеркается. Скоро наступит ночь. Сейчас уже поздно приступать к дальнейшим действиям.— Последовало раздраженное хмыканье.— Еще один день впустую. Мы здесь уже два дня, а все тыкаемся без толку.— Кислый взгляд посла остановился на Гаррисоне.— Ну хорошо, сударь. Поскольку мы все равно теряем время зря, мы могли бы выслушать ваш рассказ и полностью. Расскажите все подробности. Может быть, мы сумеем таким путем найти в нем хоть какой-нибудь смысл.

Гаррисон завершил свой рассказ следующими словами:

— Мне показалось, сэр, что болтать с ними можно хоть до второго пришествия, даже по-дружески и с удовольствием, но все равно каждый будет нести свое, не понимая собеседника.

— Похоже, что так оно и есть,— заметил посол сухо. Он обернулся к капитану Грейдеру.— Вы изрядно попутешествовали, много чего повидали на своем веку. Что вы думаете обо всей этой болтовне?

— Думаю, дело в семантике,— ответил капитан, которого обстоятельства заставили некогда изучать этот предмет.— Подобная проблема возникает почти на каждой планете, надолго оторванной от связей со всем остальным миром, но обычно все рано или поздно разъясняется.— Он помолчал, припоминая что-то.— Первый абориген, которого мы встретили на Базилевсе, сказал очень сердечно: «Сымай башмаки сей минут!»

— И что же это означало?

— «Заходите, пожалуйста, обуйте мягкие тапочки и будьте как дома». Другими словами — «добро пожаловать». Не так уж трудно разобраться, ваше превосходительство, когда знаешь, чего ожидать.— Грейдер бросил задумчивый взгляд на Гаррисона и продолжал: — Здесь, вероятно, процесс дошел до крайности. Сохраняется беглость языка, сохраняется и внешнее сходство, маскирующее, однако, глубокие изменения в значениях слов, отброшенные концепции, заменившие их новые реалии и мыслительные ассоциации, не говоря уже о неизбежном влиянии развивающегося местного слэнга.

— Как, например, засед,— ответил его превосходительство.— Вот ведь странное словцо! И никаких видимых связей с земными корнями!

— Разрешите, сэр? — вмешался Гаррисон робко. Он замялся, видя, что привлек к себе общее внимание, но потом смело продолжил: — На обратном пути я встретил даму, указавшую мне дорогу к дому Бэйнса. Она спросила, нашел ли я его. Я ответил: «Да, спасибо». Мы немного поболтали. Я спросил ее, что такое засед. Она сказала, что это сокращение.— Здесь Гаррисон запнулся.

— Продолжайте,— приказал посол.— После тех соленых выражений, которые доносились до меня из машинного отделения через вентиляционную трубу, меня уже ничто не смутит. Что же означает это сокращение?

— З-а-с-с-д,— сообщил, моргая, Гаррисон,— «занимайся своим собственным делом».

— Вот как! — Его превосходительство порозовел.— То есть не суйся, куда не просят? Вот, значит, что они мне все время говорили?

— Боюсь, что так, сэр.

— Им, совершенно очевидно, придется многому поучиться.— В неожиданном припадке отнюдь не дипломатической ярости шея посла вздулась, а кулак громко вошел в соприкосновение с крышкой стола.— И они научатся!

— Да, сэр,— не стал возражать Гаррисон, все больше чувствуя себя не в своей тарелке и желая поскорее смыться.— Могу ли я идти и заняться своим велосипедом?

— Убирайтесь с глаз долой! — заорал посол. Сделав пару бессмысленных жестов, он повернулся багровой физиономией к капитану Грейдеру: — Велосипедом! А пращи ни у кого на этом корабле нет?

— Сомневаюсь, ваше превосходительство, но могу узнать, если прикажете.

— Не будьте идиотом,— приказал посол.— Свою порцию идиотизма на сегодня мы уже получили.

Следующее совещание, отложенное до рассвета, было относительно коротким. Его превосходительство занял председательское кресло, принял удобную позу и обвел присутствующих хмурым взглядом.

— Давайте рассмотрим ситуацию с другой стороны. Мы знаем, что населяющие эту планету лошаки именуют себя гандами, не придают никакого значения своему происхождению и настаивают на том, что мы — антиганды. Это свидетельствует о системе воспитания, результатом которой и явилось неприязненное отношение к нам. С детства здешних жителей приучили к мысли, что мы, появившись на их планете, будем противниками всего их образа жизни.

— Однако мы не имеем ни малейшего понятия о том, в чем именно заключается их образ жизни,— вставил полковник Шелтон.

Ничего нового он этим не мог сказать, но зато напомнил лишний раз о своем присутствии и продемонстрировал внимание к обсуждаемому вопросу.

— Я осознаю наше прискорбное неведение,— поддержал его посол.— Они держат в тайне принципы своего общественного устройства. Мы должны до них как-то докопаться.— Прочистив горло, он продолжал: — Они создали странную безденежную экономику, которая, по-моему, способна функционировать только благодаря материальным избыткам. Она и дня не продержится, когда перенаселенность принесет свои обычные проблемы. Похоже, что их экономическая система держится на кооперации, частном предпринимательстве и какой-то детсадовской честности. По сравнению с ней даже идиотская экономика четырех внешних планет Эпсилона выглядит образцом разумной организации.

— Однако,— заметил Грейдер подчеркнуто,— она функционирует.

— Это как смотреть. Велосипед нашего лопоухого инженера тоже функционирует. Но с мотором ему не пришлось бы так потеть.— Удовлетворенный своей аналогией, посол немного посмаковал ее.— Эта система экономики, если ее вообще можно назвать системой, почти наверняка возникла в результате беспорядочного и бесконтрольного развития какого-то эксцентричного отклонения, завезенного первыми поселенцами; она давным-давно нуждается в модернизации. Аборигены знают это, но отказываются признавать, потому что в умственном развитии отстали на триста лет. Как и все отсталые народы, они с опаской относятся к переменам, прогрессу, улучшениям. Более того, некоторые из них определенно заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей.— Он презрительно фыркнул.— Антагонизм по отношению к нам объясняется их нежеланием позволять беспокоить себя.

Посол оглядел лица присутствующих, ища желающих предложить другую версию, но все были слишком хорошо вышколены, чтобы угодить в подобную ловушку. Поскольку никакой реакции не последовало, посол продолжал:

— В должное время, после того как мы окончательно разберемся, что к чему, нам придется заняться длительной и нудной работой. Придется перестроить всю их педагогическую систему и воспитывать людей на уровне современных требований. Мы уже имеем опыт аналогичной деятельности на нескольких пла-

нетах, хотя ни разу еще перед нами не вставала задача такого масштаба, как здесь.

— Справимся! — заверил кто-то.

Не обращая на реплику внимания, посол закончил:

— Тем не менее все это вопросы завтрашнего дня. Сегодня же нам предстоит решить другую проблему. А именно: где бразды правления и кто их держит? Это необходимо установить, чтобы успешно двигаться дальше. Как нам быть? — Он откинулся в кресле и добавил: — Пошевелите-ка мозгами и подскажите мне что-нибудь толковое.

Поднялся капитан Грейдер, держа в руках большую книгу в кожаном переплете.

— Ваше превосходительство, я не думаю, что нам придется напряженно искать новые пути контакта и сбора информации. Похоже, что следующий ход просто будет нам навязан.

— Что вы имеете в виду?

— Среди членов моего экипажа много старослужащих. Они прямо-таки собаку съели на космическом праве.— Капитан похлопал по книге.— И все уставы космослужбы знают не хуже меня. Я даже думаю, что они знают слишком много.

— То есть?

Грейдер раскрыл книгу.

— Параграф сто двадцать семь гласит, что при посадке на враждебную планету экипаж выполняет свои обязанности согласно инструкциям о несении службы в боевой обстановке вплоть до отлета в космос. На невраждебной планете экипаж выполняет свои обязанности согласно инструкциям о несении службы в небоевой обстановке.

— Ну и что с того?

— Параграф сто тридцать один «а» гласит, что в небоевой обстановке весь экипаж, за исключением дежурной вахты, имеет право на увольнение на берег сразу же после разгрузки корабля или в течение семидесяти двух часов после посадки на планету.— Грейдер поднял взгляд от книги.— К полудню все настроятся на увольнение и будут гореть нетерпением. Если увольнения они не получат, может возникнуть недовольство.

— Недовольство? — переспросил, криво улыбаясь, посол.— А если я объявлю эту планету враждебной? Это сразу пресечет недовольство, не так ли?

Невозмутимо сверившись с книгой, Грейдер дал ответ:

— Параграф сто сорок восемь гласит, что враждебной может считаться планета, систематически оказывающая землянам противодействие силой.— Он перевернул страницу.— В настоящем уставе противодействие силой определяется как любое действие,

направленное на причинение физических повреждений, независимо от того, имело ли данное действие успех или нет.

— Я не согласен.— Посол принял выражение глубокого недовольства.— Неизвестный мир может быть враждебен психологически, даже если он не прибегает к противодействию силой. Пример у вас перед глазами. Это отнюдь не дружественная планета.

— Устав космослужбы не предусматривает классификации планет как «дружественных» или «недружественных»,— сообщил Грейдер.— Все планеты классифицируются только как «враждебные» или «невраждебные».— Он опять похлопал по переплету.— В этой книге все указано.

— Мы получим первый приз на конкурсе дураков, если позволим руководить собой какой-то книжонке или команде. Вышвырните свой талмуд в иллюминатор. Или суньте в мусоросборник. Избавьтесь от него любым угодным вам путем и забудьте о нем.

— Прошу, ваше превосходительство, простить меня, но я не имею на это права.— Грейдер открыл книгу на первой странице.— Основные параграфы один «а» и шестнадцать гласят: «Как в космосе, так и на берегу весь личный состав корабля подчиняется только капитану или назначенному им лицу, которые действуют исключительно на основании устава космослужбы и несут ответственность только перед Главным штабом космического флота, расположенным на Терре. То же касается десантных войск, официальных гражданских лиц и пассажиров, находящихся на борту космических кораблей (как в полете, так и на берегу). Вне зависимости от их ранга и полномочий они подчинены капитану или назначенному им лицу. Этим лицом является один из офицеров корабля, исполняющий обязанности своего непосредственного начальника в случае отсутствия последнего или его выхода из строя».

— И все это означает, что хозяин в замке вы,— сказал не очень этим обрадованный посол.— А кому такой порядок не нравится, может сойти и дальше не ехать.

— Со всем должным к вам уважением я вынужден признать, что дела обстоят именно так. Я ничего не могу изменить: устав есть устав. И личному составу он хорошо известен.— Грейдер с шумом захлопнул книгу и отложил ее в сторону.— Могу поставить десять против одного, что все сейчас гладят брюки, причесываются и наводят лоск. Я знаю, что они обратятся ко мне, как положено по уставу, и я не имею права им отказать. Согласно правилам они попросят старпома представить мне на утверждение список увольняемых.— Он глубоко вздохнул.— Един-

ственное, что я смогу сделать, это вычеркнуть несколько фамилий или изменить очередность увольнений, но отменить их совсем я не могу.

— Может быть, это даже будет полезным — пустить ребят погулять в город,— предложил полковник Шелтон, который и сам был бы не прочь гульнуть.— Прибытие флота всегда хорошая встряска для захолустного порта. Контакты будут устанавливаться десятками, а мы именно этого и добиваемся.

— Мы добиваемся контактов с руководством этой планеты,— отметил посол.— Мне как-то трудно себе представить руководящее лицо, примеряющее свою лучшую шляпку, пудрящее нос и выскакивающее на улицу, чтобы подцепить изголодавшегося забулдыгу матроса.— Его пухлое лицо передернулось.— Мы должны искать иголку в стогу сена. Это работа не для матросни.

— Я не могу не согласиться с вами, ваше превосходительство, нам придется рискнуть,— сказал Грейдер.— Личный состав ожидает увольнения, а обстановка лишает меня власти препятствовать ему. Подобную власть мне может дать только одно.

— Что именно?

— Факты, которые позволят мне классифицировать планету как враждебную в том смысле, как определено уставом.

— Можно ли как-нибудь это устроить? — И, не дожидаясь ответа, посол продолжил: — В каждом экипаже всегда есть неисправимый бузотер. Найдите его, поднесите двойную чарку венерианского коньяка, обещайте немедленное увольнение на берег, но выскажите сомнение в том, что оно придется ему по душе: мол, эти ганды на нас смотрят как на отбросы. Потом выпихните его из корабля. Когда он вернется с подбитым глазом и будет хвастать, как он отделал того парня, объявите планету враждебной.— Посол сделал выразительный жест.— Что еще? Физическое насилие. Все согласно уставу.

— Параграф сто сорок восемь «а» особо подчеркивает, что устав имеет в виду систематическое противодействие силой. Индивидуальные же стычки не рассматриваются уставом как факты, доказывающие враждебность планеты.

Посол разгневанно обернулся к старшему гражданскому чиновнику:

— Когда вернетесь на Терру, если вы вообще доберетесь обратно, можете сообщить руководству соответствующего ведомства, что космическая служба дезорганизована, парализована и не способна к выполнению своих функций благодаря составляющим уставы бюрократам.

Прежде чем чиновник смог придумать ответ, достаточно благоприятный для себя, но и не противоречащий словам посла,

раздался стук в дверь. Вошедший старший помощник Морган молодцевато откозырнул и протянул капитану Грейдеру лист бумаги.

— Список первой группы увольняемых, сэр. Прошу утвердить.

Четыреста двадцать матросов ринулись на город ранним утром. Как все моряки, истосковавшиеся по берегу, они горели надеждами и нетерпением.

Глид примкнул к Гаррисону. Среди отпускников он был единственным сержантом, а Гаррисон — единственным десятым инженером. К тому же только они двое были в штатском. Без мундира Глид чувствовал себя не в своей тарелке, а Гаррисону не хватало велосипеда. Этих мелочей было достаточно, чтобы свести их вместе хотя бы на один день.

— Лафа, ей-богу,— с энтузиазмом заявил Глид.— Немало было на моем веку приятных увольнений, но это просто лафа. На всех остальных планетах всегда возникала проблема, что брать с собой вместо денег. Ребята выкатывались из корабля, как батальон дедов-морозов, нагруженные всякой всячиной для меновой торговли. На девять десятых это барахло никому не было нужно, и приходилось потом переть все обратно.

— На Персефоне,— сказал Гаррисон,— один длинноногий милик предлагал мне двадцатикаратовый бриллиант чистой воды в обмен на мой велосипед.

— И ты отказался?

— Конечно. Мне бы пришлось возвращаться за шестнадцать световых лет, чтобы достать другой велосипед.

— Мог бы некоторое время и без велосипеда обойтись.

— Я мог обойтись и без бриллианта.

— Ну и балда же ты. За такой камень мог бы огрести тысяч двести, а то и двести пятьдесят кредитов.— Глид даже облизнулся, вообразив такую уйму денег.— Кредиты, и побольше! Это я уважаю! Потому и говорю, что здесь лафа! Обычно перед увольнением Грейдер нас накачивает насчет хорошего поведения, чтобы мы производили благоприятное впечатление и все такое прочее. А на этот раз он говорил о кредитах.

— Это его посол настропалил.

— Неважно кто, мне это все равно пришлось по душе,— сказал Глид.— Десять кредитов и внеочередное увольнение каждому, кто сумеет привести на корабль взрослого ганда, мужчину или женщину, согласных дать информацию.

— Не так-то просто будет их заработать.

— Сто кредитов тому, кто установит имя и адрес руководителя городской администрации. Тысячу кредитов за название и координаты столицы! — Сержант присвистнул и продолжал: — Кто-то огребет всю эту кучу денег!

Он замолчал, заглядевшись на проходившую мимо высокую гибкую блондинку. Гаррисон дернул его за рукав.

— Вот лавка Бэйнса, про которую я тебе говорил. Зайдем?

— Давай.— Глид не очень охотно последовал за ним, не отрывая глаз от улицы.

— Добрый день,— бодро сказал Гаррисон.

— Вот уж нет,— возразил Джефф Бэйнс.— Торговля плохо идет. Сегодня полуфинальные игры, и добрая половина города смоталась туда. А о брюхе вспомнят, когда я уже закрою лавку. Значит, набегут завтра и навалят мне работенки.

— Как может торговля идти плохо, если ты не берешь денег даже тогда, когда она идет хорошо? — поинтересовался Глид, выводя разумный вопрос из полученной ранее от Гаррисона информации.

Джефф медленно обшарил его взглядом, потом повернулся к Гаррисону.

— Еще один обормот с твоего корабля? О чем это он говорит?

— Деньги,— сказал Гаррисон,— это то, что мы используем для упрощения торговли. Их печатают. Что-то вроде документированных обов различного достоинства в письменном виде.

— Понятно. Отсюда можно сделать вывод, что людям, которые письменно документируют каждый об, доверять нельзя, потому что они сами себе не доверяют.— Добравшись до своего высокого табурета, Джефф плюхнулся на него. Дышал он хрипло и тяжело.— Это подтверждает все, чему нас учили в школе: антиганд надует и собственную мать

— В ваших школах учили неправильно,— заверил его Гаррисон.

— Может, и неправильно.— Джефф не считал нужным спорить на эту тему.— Но мы будем осторожными, пока не убедимся в обратном.— Он еще раз окинул их взглядом.— Ну ладно, вам-то двоим чего надо?

— Совета,— быстренько вклинился в разговор Глид.— Где можно лучше всего поесть и повеселиться?

— А времени у вас много?

— До завтрашнего вечера.

— Ничего не выйдет.— Джефф печально покачал головой.— За это время вы только и успеете заработать достаточное количество обов на то, что вас интересует. К тому же немного найдется желающих дать антигандам иметь на себя об.

— Слушай,— сказал Гаррисон,— но можем мы заработать хоть на приличный обед?

— Не знаю.— Джефф подумал над вопросом, потирая свои подбородки.— Может, вы и пристроитесь, но я вам на этот раз помочь не сумею. Мне от вас сейчас ничего не надо, так что ни один из обов, которые я имею на других, я вам передать не могу.

— Посоветуй нам, как быть.

— Если бы вы были местные — дело другое. Вы бы могли получить все, что вам нужно, прямо сейчас за долгосрочные обы, которые вы бы погасили в будущем при первой же возможности. Но кто же даст кредит антиганду, который сегодня здесь, а завтра весь вышел?

— Полегче насчет «весь вышел»,— посоветовал Глид.— Если сюда прибыл имперский посол, то это значит, что мы пришли на веки вечные.

— Кто это сказал?

— Империя. Ваша планета — часть Империи.

— Нет,— сказал Джефф.— Не были мы ничьей частью и не будем. Более того, мы и не дадим никому сделать нас своей частью.

Глид облокотился на прилавок и рассеянно уставился на большую банку свинины.

— Поскольку я не в мундире и вне строя, я тебе сочувствую, хотя и не должен этого говорить. Мне и самому бы не понравилось, если бы мною стали править чужеземные чинуши. Но вам, ребята, от нас не отделаться. Такие вот дела.

— Ты так говоришь, потому что ты не знаешь, чем мы располагаем.— Джефф казался очень уверенным в себе.

— Да чем вы можете располагать? — фыркнул сержант Глид тоном скорее дружески-критическим, чем открыто презрительным. Он обернулся к Гаррисону.— Как ты думаешь?

— Кажется, ничем.

— Не судите поверхностно,— посоветовал Джефф.— До того, что у нас есть, вам никогда не додуматься.

— Например?

— Для начала могу тебе сказать, что мы обладаем самым могущественным оружием, изобретенным когда-либо. Мы — ганды, понял? Поэтому мы не нуждаемся в кораблях, пушках и прочих игрушках. Наше оружие эффективнее. От него нет никакой защиты.

— Хотел бы я его увидеть,— бросил перчатку Глид. За сведения о новом сверхмощном оружии можно получить намного больше, чем за адрес мэра. Грейдер за такое дело отвалит тысяч

пять, не меньше. Не без сарказма он добавил: — Но конечно, ты не можешь выдать военную тайну.

— Никакой тайны здесь нет,— спокойно ответил Джефф.— Можешь получить наше оружие за так, когда пожелаешь. Попроси только, тебе его любой ганд отдаст. Хочешь знать, почему?

— Еще бы.

— Потому что это оружие одностороннего действия. Против вас мы его использовать можем. А вы против нас — нет.

— Такого не бывает. Невозможно изобрести оружие, которым человек не сможет воспользоваться, если заполучит его в руки и будет знать, как с ним обращаться.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно,— без всякого сомнения сказал сержант.— Я уже двадцать лет в десантных войсках, а в них какое только оружие не освоишь! От луков до водородных бомб. Тебе меня не провести. Оружия одностороннего действия просто не может быть в природе.

— Не спорь с ним,— сказал Гаррисон Бэйнсу.— Он никогда ничему не верит, пока не убедится собственными глазами.

— Оно и видно.— Лицо Джеффа расползлось в медленной ухмылке.— Я ведь тебе сказал, что ты можешь получить наше чудо-оружие, если попросишь. Что же ты не просишь его?

— Хорошо, я прошу,— сказал Глид без особого энтузиазма. Оружие, которое демонстрировалось по первому требованию и за которое не приходилось отрабатывать даже самый пустяковый об, вряд ли уж было таким могучим. Воображаемые пять тысяч кредитов съежились до пяти, а потом до нуля.— Дай мне испытать его.

Тяжело повернувшись вместе с табуретом, Джефф протянул руку, снял со стены маленькую сверкающую плашку и протянул ее через прилавок.

— Можешь взять себе. Надеюсь, пойдет на пользу.

Глид повертел плашку в пальцах. Всего-навсего продолговатый кусочек вещества, напоминающего слоновую кость. С одной стороны гладко полированный. На другой стороне выбиты три буквы: «С — Н. Т.».

Глид спросил обескураженно:

— И это ты называешь оружием?

— Конечно.

— Ничего не понимаю.— Сержант передал плашку Гаррисону.— А ты?

— Я тоже.— Гаррисон внимательно осмотрел плашку и спросил Бэйнса: — Что означает «С — Н. Т.»?

— Всеобщий лозунг. Вы его повсюду увидите, если не замечали еще.

— Я его встречал несколько раз, но не придавал ему значения. Теперь припоминаю: эти буквы были написаны на стене в ресторанчике Сета и у входа в пожарное депо.

— И на бортах автобуса, из которого мы не смогли вытряхнуть пассажиров,— добавил Глид.— Только мы не поняли, что это значит.

— Это очень много значит,— ответил Джефф.— Это значит: «Свобода — Нет и Точка».

— Я убит,— заявил ему Глид.— Убит наповал.

Он посмотрел на Гаррисона, который с задумчивым видом засовывал плашку в карман.

— Абракадабра какая-то. Тоже мне оружие!

— Блажен неведающий,— заметил уверенный в себе Бэйнс.— Особенно когда и не подозревает, что играет с детонатором бомбы неизвестного устройства.

— Ладно,— поймал его на слове Глид.— Объясни нам, как она устроена.

— Нет, и точка.— Лицо Бэйнса снова расплылось в ухмылке. Он явно был чем-то доволен.

— Хорошая помощь.— Глид чувствовал себя обманутым, особенно из-за минутного упоения воображаемыми пятью тысячами.— Нахвастал каким-то оружием одностороннего действия, сунул кусок какого-то барахла с тремя буквами и замолк. Наболтать каждый может. А доказательства где?

— Не будет доказательств, и точка,— сказал Бэйнс, ухмыляясь еще шире. Его жирная бровь многозначительно мигнула следящему за разговором Гаррисону.

Гаррисона вдруг осенило. Раскрыв в изумлении рот, он вынул плашку из кармана и уставился на нее, как будто до этого вообще не видел.

— Отдай мне ее обратно,— потребовал Бэйнс, наблюдая за ним.

Засунув плашку обратно в карман, Гаррисон твердо ответил:

— Нет, и точка.

Бэйнс прищелкнул языком:

— Одни соображают быстрее, чем другие.

Глиду это замечание явно не понравилось. Он протянул руку к Гаррисону.

— Дай-ка мне еще раз взглянуть.

— Нет, и точка,— ответил Гаррисон, глядя ему прямо в глаза.

— Слушай, так не...— Внезапно негодующие нотки исчезли из его голоса. Он замер на месте, по слегка остекленевшим гла-

зам было видно, что голова у него идет кругом. Потом он прошептал: — Черт возьми.

— Вот именно,— одобрительно буркнул Бэйнс.— Долго ты раскачивался.

Ошеломленный потоком обрушившихся на него вольнодумных мыслей, Глид хрипло сказал Гаррисону:

— Уйдем отсюда. Мне надо подумать. Давай найдем какое-нибудь спокойное местечко.

Неподалеку они нашли скверик со скамейками и ухоженными газончиками, в котором у фонтана играли ребятишки. Сев напротив лужайки с непривычно яркими для земного глаза цветами, оба погрузились в раздумья.

Через некоторое время Глид сказал:

— Если один человек будет так вести себя, ему обеспечен мученический венец, но если всем миром...— Голос его дрогнул, но он продолжал говорить: — Когда я думаю, к чему это может привести, у меня сердце екает.

Гаррисон хранил молчание.

— Вот тебе пример,— продолжал Глид.— Предположим, я возвращаюсь на корабль, и этот рыкающий носорог Бидворси отдает мне приказ. А я ему отвечаю, не моргнув глазом: «Нет, и точка». Тут либо его кондрашка хватит, либо он меня бросит в карцер.

— То-то тебе будет здорово!

— Да подожди, я же не кончил еще. Так вот, я сижу в карцере, но работа-то остается несделанной. Значит, Бидворси приказывает кому-то другому. А другой, будучи со мной заодно, смотрит на него ледяным взглядом и отвечает: «Нет, и точка». Его тоже бросают в карцер, и у меня появляется компания. Бидворси отдает приказ следующему. Повторяется та же история. В карцер влезает только двадцать человек. Значит, им придется теперь сажать арестованных в инженерскую столовую.

— При чем здесь наша столовая? — запротестовал Гаррисон.

— Именно в столовую,— стоял на своем Глид, преисполненный решимости покарать инженеров.— Скоро и она будет битком набита отказчиками. А Бидворси продолжает их сажать одного за другим, если только у него к этому времени сосуды не полопаются. Следующую партию придется запирать в инженерский кубрик.

— Да чего ты привязался к инженерам?

— Их там придется штабелями укладывать до самого потолка,— сказал не без садистского удовольствия Глид.— А кончится все это тем, что придется Бидворси самому взять ведро и швабру

и драить медяшки, пока Грейдер, Шелтон и вся остальная братия будут караулить карцеры. А его пузатое превосходительство и его блюдолизы попрутся на камбуз стряпать арестантам обед.— Глид перевел дух и добавил: — Вот это да!

К ногам его подкатился цветастый мяч. Глид наклонился и подобрал его. Тут же подбежал мальчишка лет семи.

— Отдайте, пожалуйста, мой мяч.

— Нет, и точка,— ответил Глид.

Никакого протеста, никакого гнева, никаких слез. Мальчик просто разочарованно отвернулся и пошел прочь.

— Эй, сынок, держи.— Глид бросил ему мяч.

— Спасибо.— Схватив мяч, мальчишка убежал.

Гаррисон сказал:

— Что произойдет, если каждый гражданин Империи на всей ее территории от Прометея до Кальдора, на всех ее 1800 световых годах космического пространства разорвет полученное им извещение об уплате подоходного налога и скажет: «Нет, и точка»? Что случится тогда?

— Тогда правительству потребуется еще одна Вселенная для карцера и другая для караульных.

— Начнется хаос,— продолжал Гаррисон. Он кивнул на фонтан и на играющих около него детей.— Но непохоже, чтобы здесь у них был хаос. Я, во всяком случае, этого не замечаю. Отсюда можно сделать вывод, что они не перебарщивают с этим бескомпромиссным отказом. Они применяют его рассудительно, на основании какого-то общепринятого соглашения. Но что это за соглашение — не пойму, хоть убей.

— И я тоже.

Пожилой человек остановился у их скамейки, посмотрел на них, колеблясь, потом решил обратиться к проходившему мимо юноше:

— Не скажете, где остановка роллера на Мартин-стаун?

— В конце Восьмой улицы. Отходит каждый час. Перед отъездом вам прикуют конечности.

— Конечности? — Старик поднял недоуменно брови.— Это еще зачем?

— Этот маршрут проходит мимо корабля антигандов. Они могут попытаться вытащить вас из машин.

— Да-да, конечно.— Проходя мимо Глида и Гаррисона, он окинул их взглядом и сказал: — Эти антиганды такие зануды!

— Это уж точно,— поддержал его Глид.— Им говорят: «Убирайтесь», а они отвечают: «Нет, и точка».

Пожилой джентльмен сбился с ноги, странно посмотрел на него и скрылся за углом.

— Они все-таки замечают наш акцент,— сказал Гаррисон.— Хотя, когда я обедал в тот раз у Сета, никто на это внимания не обратил.

— Где удалось поесть один раз,— неожиданно оживился Глид,— можно попробовать и другой. Что мы теряем?

— Ничего, кроме терпения,— ответил Гаррисон и поднялся со скамейки.— Попытаем счастья у Сета. Не получится, пойдем куда-нибудь еще. А если нигде не получится, то успеем похудеть, прежде чем помрем голодной смертью.

— Похоже, что именно до этого они нас и хотят довести,— ответил Глид. Потом проворчал: — Но они добьются своего только через мой труп.

— Именно так,— согласился Гаррисон,— только через твой труп.

С салфеткой через руку подошел Мэтт.

— Антигандов я не обслуживаю.

— Но в прошлый раз ты меня обслужил,— сказал Гаррисон.

— Тогда я не знал, что ты с того корабля. Зато теперь знаю! — Он смахнул салфеткой крошки со стола.— Антигандов я не обслуживаю.

— А нет другого места, где мы бы могли пообедать?

— Если вам удастся обязать кого-нибудь. Никто, конечно, этого не сделает, если поймет, кто вы, разве что ошибется, как я ошибся в прошлый раз. Но я два раза подряд ошибок не делаю.

— Как раз сейчас и делаешь,— сказал жестким командным голосом Глид. Он толкнул Гаррисона локтем.— Смотри.— И выхватил из кармана маленький бластер. Направив его Мэтту в живот, он продолжал: — В нормальной обстановке меня отдали бы за это под суд, но сейчас начальство вряд ли расположено поднимать шум из-за этих двуногих ослов.— Он значительно повел оружием.— Ну живо, тащи нам две порции.

— Нет, и точка,— выпятив челюсть и не обращая внимания на бластер, ответил Мэтт.

Глид щелкнул предохранителем.

— Учти, он сейчас от кашля сработать может. Шевелись!

— Нет, и точка,— ответил Мэтт.

Глид с отвращением сунул бластер обратно в карман.

— Я просто тебя пугал. Он не заряжен.

— Заряжен или не заряжен, значения не имеет. Антигандов я не обслуживаю, и точка.

— А если бы я психанул и всадил в тебя полный заряд?

— А как бы я тогда мог тебя обслужить? Что с мертвеца возьмешь? Пора бы вам, антигандам, поучиться логике.

Выпустив эту последнюю стрелу, он ушел.

— Что-то в этом есть,— сказал Гаррисон уныло.— Что ты сделаешь с мертвецом? Над ним ты не властен.

— Не скажи. Вид нескольких трупов может привести остальных в чувство. Сразу забегают.

— Ты рассуждаешь по-земному,— сказал Гаррисон.— Это неправильно. Как ни крути, они давно уже не земляне. Они — ганды, хоть я и не понимаю, что они под этим имеют в виду.— Он задумался, потом добавил: — Создание Империи привело к образу мышления, согласно которому Терра неизменно права, в то время как остальные шестнадцать тысяч сорок две планеты неизменно не правы.

— От твоих разговорчиков мятежом попахивает.

Гаррисон не ответил. Глид, заметив, что внимание собеседника отвлечено чем-то другим, оглядел комнату и увидел только что вошедшую брюнетку.

— Хороша,— одобрил сержант.— Не слишком юна, не слишком стара. Не слишком толста, не слишком худа. В самый раз.

— Я с ней уже знаком.

Гаррисон помахал ей в знак приветствия. Она подошла легкой походкой и села за их стол. Гаррисон представил:

— Мой друг сержант Глид.

— Артур,— поправил его Глид, пожирая брюнетку взглядом.

— Меня зовут Илисса. А что такое «сержант»?

— Вроде шишки на ровном месте. Я только передаю парням приказы, кому что делать.

Ее глаза широко раскрылись.

— Неужели люди действительно позволяют другим людям указывать себе, что им делать и как?

— Разумеется. Как же иначе?

— Мне это кажется диким.— Девушка перевела взгляд на Гаррисона.— А твоего имени я так и не узнаю?

— Джим.

— Мэтт подходил к вам?

— Да. И отказался нас обслуживать.

Она передернула полными плечиками.

— Это его право. Каждый человек имеет право отказаться. На то и свобода.

— У нас такая свобода называется бунтом.

— Не будь ребенком,— упрекнула девушка инженера и поднялась со стула.— Подождите здесь. Я пойду поговорю с Сетом.

— Ничего не понимаю,— сказал Глид, когда Илисса отошла.— Судя по тому, что говорил толстяк в лавке, нас все должны игнорировать, пока мы не дадим деру с тоски. Но эта дамочка ведет себя дружелюбно. Она не ганд.

— Ошибаешься,— возразил Гаррисон.— Она просто пользуется своим правом сказать: «Нет, и точка».

— Верно! Я об этом и не подумал. Они могут его применить, как им нравится.

— Конечно.— Инженер снизил голос.— Тихо, она идет обратно.

Сев снова за столик, девушка поправила прическу и сказала:

— Сет лично вас обслужит.

— Еще один предатель,— усмехнулся Глид.

— Но с условием,— продолжала она,— что вы оба поговорите с ним перед уходом.

— Цена подходящая,— решил Гаррисон.— Но это значит, что тебе придется погашать обед за нас троих своими обами?

— Нет, только за себя.

— Как так?

— У Сета свои соображения. Он такого же мнения об антигандах, как и все остальные, но обладает склонностью к миссионерству. Он не согласен с тем, что всех антигандов нужно игнорировать. По его мнению, так можно относиться только к слишком глупым и упрямым, кого не перевоспитаешь. Сет уверен, что каждый разумный антиганд является потенциальным гандом.

— Да что это такое «ганд»? — вопросил Гаррисон.

— Обитатель нашего мира.

— Но от чего происходит это слово?

— От имени Ганди.

Гаррисон наморщил лоб.

— Это еще кто?

— Человек, который изобрел оружие.

— Никогда о нем и не слышал.

— Меня это не удивляет,— заметила Илисса.

— Не удивляет? — Гаррисон почувствовал раздражение.— Позволь тебе заметить, что в наше время на Терре все получают такое образование...

— Успокойся, Джим. Я просто хотела сказать, что это имя наверняка вычеркнуто из ваших учебников истории. Оно могло вызвать у вас нежелательные настроения. Поэтому меня и не удивляет, что ты о нем не слышал. Не можешь же ты знать того, чему тебя никогда не учили.

— Если ты подразумеваешь, что на Терре история подвергается цензуре, то я в это не верю.

— Это твое право, верить или нет. На то и свобода.

— До известной степени. У человека есть обязанности, отказываться от которых он не имеет права.

— Да? А кто определяет ему эти обязанности — он сам или другие?

— По большей части люди, стоящие выше его.

— Ни один человек не может стоять выше другого. Ни один человек не имеет права указывать другому, в чем состоят его обязанности. Если на Терре кто-то обладает подобной идиотской властью, то только потому, что идиоты это ему позволяют. Они боятся свободы. Они предпочитают получить указания. Они любят выполнять приказы. Ну и люди!

— Мне бы не следовало тебя слушать,— вмешался в разговор Глид. Его дубленое лицо горело.— Ты настолько вредная, насколько хорошенькая.

— Боишься своих собственных мыслей,— уколола она, подчеркнуто игнорируя комплимент.

Глид покраснел еще больше.

— Никогда в жизни. Но я...

Он не договорил, потому что появился Сет и поставил на стол три полные тарелки.

— После обеда поговорим,— напомнил Сет.— Мне вам надо кое-что сказать.

Сет подсел к их столику, как только они кончили есть.

— Что вы уже знаете?

— Они уже знают достаточно, чтобы поспорить,— вставила Илисса.— Они беспокоятся об обязанностях, о том, кто их определяет и кто выполняет.

— И не без оснований,— парировал Гаррисон.— Вы ведь тоже не можете этого избежать.

— То есть? — спросил Сет.

— Ваш мир держится на какой-то странной системе обмена обязательствами. Но что заставит человека гасить об, если он не будет это считать своим долгом?

— Долг здесь ни при чем,— ответил Сет.— А если и возникает вопрос о долге, то каждый определяет его для себя сам. Было бы в высшей степени возмутительной наглостью со стороны одного человека напоминать об этом другому, а одному приказывать другому — просто неслыханно.

— Так можно очень хорошо устроиться,— перебил его Глид.— Как вы справитесь с гражданином, у которого совсем нет совести?

— Проще пареной репы.

— Расскажи им сказочку о Ленивом Джеке,— предложила Илисса.

— Это детская сказочка,— пояснил Сет.— Ее все детишки наизусть знают. Классика вроде как... как...— Он сморщил лоб.— Совсем забыл сказки, которые привезли пионеры.

— Красная Шапочка,— подсказал Гаррисон.

— Вот-вот,— благодарно кивнул Сет.

Он провел языком по губам и начал рассказ:

— Этого Ленивого Джека привезли сюда с Терры ребенком, он вырос в нашем новом мире, изучил нашу экономическую систему и решил, что он всех перехитрит. Он решил стать хапугой. Мы так называем тех, кто хватает обы и пальцем не шевелит, чтобы их погасить или дать другим иметь об на себя. Человек, который брать берет, а давать не хочет. Ну так вот, до шестнадцати лет это ему сходило с рук. Он ведь был ребенком. А у детей всегда есть к этому склонность. Мы это понимаем и делаем определенные скидки. Но после шестнадцати он влип.

— Каким образом? — спросил Гаррисон, которого сказочка заинтересовала больше, чем он хотел показать.

— Он хапал все, что попадалось под руку. Еду, одежду. А городки у нас небольшие, в них все друг друга знают. Месяца через три Джек стал известен как самый настоящий хапуга. И куда бы он ни пришел, везде получал отказ. Ни еды, ни крова, ни друзей. Проголодавшись, он вломился ночью в чью-то кладовую и в первый раз за неделю поел по-человечески.

— И как его наказали за это?

— А никак. Ничего ему не сделали.

— Но безнаказанность наверняка только поощрила его.

— Да нет,— усмехнулся Сет.— Люди просто стали все запирать. В конце концов ему пришлось перебраться в другой город.

— Чтобы там начать все сначала,— сказал Гаррисон.

— На некоторое время... А потом пришлось перебираться в третий город, в четвертый, в двадцатый. Он был слишком упрям, чтобы делать выводы.

— Но ведь он устроился,— сказал Гаррисон.— Брал все, что надо, и передвигался с места на место.

— Не совсем. Городки у нас, как я говорил, маленькие. Люди часто ездят друг к другу в гости. Все всё знают.— Сет перегнулся через стол и сказал выразительно: — До двадцати лет Джек кое-как протянул, а затем...

— Затем?

— Он пытался прожить некоторое время в лесу на подножном корму. А потом его нашли висящим на дереве. Одиноче-

ство и презрение к самому себе погубили его. Вот что случилось с Ленивым Джеком, хапугой.

— У нас на Терре людей за лень не вешают,— сказал Глид.

— У нас тоже. Им предоставляют свободу сделать это самим.— Сет обвел собеседников проницательным взглядом и продолжал: — Но пусть вас это не беспокоит. За всю мою жизнь я не припомню, чтобы случалось что-либо подобное. Люди уважают свои обязательства в силу экономической необходимости, а не из чувства долга. Никто никому не приказывает, никто никого не заставляет, но сам по себе образ жизни на нашей планете содержит в себе определенное принуждение. Либо будешь играть по правилам, либо пострадаешь. А страдать никому не хочется, даже дуракам.

— Похоже, что ты прав,— вставил Гаррисон, ум которого в эту минуту напряженно упражнял свои способности.

— Не похоже, а наверняка,— заверил его Сет.— Но я хотел с вами поговорить о более важном. Скажите, чего вы хотите больше всего в жизни?

Не задумываясь, Глид ответил:

— Путешествовать по космосу, оставаясь целым и невредимым.

— И я тоже,— сказал Гаррисон.

— Так я и думал. Но вы не можете остаться во флоте на веки вечные. Все рано или поздно приходит к концу. Что потом?

Гаррисон заерзал обеспокоенно.

— Я не люблю об этом думать.

— Но ведь рано или поздно придется,— сказал Сет.— Сколько тебе осталось летать?

— Четыре с половиной года.

Сет перевел взгляд на Глида.

— А мне три.

— Немного,— заметил Сет.— Значит, когда вы доберетесь обратно до Терры, для вас это будет концом пути?

— Для меня — да,— признался Глид, которому эта мысль никакой радости не доставляла.

— Чем старше становишься, тем быстрее бежит время. Однако ты будешь еще относительно молод, когда уйдешь в отставку. Ты, наверное, приобретешь собственный корабль и будешь продолжать путешествовать по космосу?

— Откуда? Даже самые богатые не смогут себе позволить больше, чем лунный катер. Но болтаться между Землей и спутником скучно для того, кто привык к глубокому космосу. А двигатель Блидера по карману только правительству.

— И что же ты будешь делать после увольнения?

— Я не такой, как Большие Уши,— ткнул пальцем в Гаррисона Глид,— я солдат, а не специалист. У меня выбор ограничен. Но я родился и вырос на ферме. Я еще помню фермерскую работу. Хорошо бы осесть и обзавестись маленьким хозяйством.

— Это возможно? — спросил Сет, внимательно глядя на него.

— На какой-нибудь из развивающихся планет, но не на Терре. Для Терры мне и половины суммы не наскрести.

— Вот, значит, как Терра вознаграждает за годы верной службы! Либо забудь о своей сокровенной мечте, либо выметайся?

— Заткнись.

— Не заткнусь, и точка. Как ты думаешь, почему ганды эмигрировали на эту планету, духоборы на Хайгею, а квакеры на Центавр Б? Потому что Терра так награждала своих верноподданных — либо гни шею, либо выметайся. Вот мы и вымелись.

— Оно и к лучшему,— вставила Илисса.— Избавили Терру от перенаселения.

— Это к делу не относится,— ответил Сет и вернулся к Глиду.— Ты хочешь ферму. Хочешь ее на Терре, но получить ее там не можешь. Терра говорит тебе: «Выметайся». Значит, тебе нужно искать ферму где-то в другом месте. А здесь ты можешь получить ферму просто за так.— Он выразительно щелкнул пальцами.

— Меня не обманешь,— ответил Глид, хотя по лицу его было видно, что ему очень хочется быть обманутым.— За так не бывает.

— На нашей планете земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Пока человек продолжает на ней работать, никто не оспаривает его права на этот участок. Все, что тебе нужно,— найти свободный участок, а их здесь сколько хочешь, и начать работать на нем. С этой минуты он твой. Как только ты перестанешь на нем работать и покинешь его, он принадлежит кому угодно.

— Святые метеоры! — Глид уставился на него неверящим взглядом.

— Более того, если тебе повезет, можешь наткнуться на брошенную ферму, которую оставили из-за болезни, смерти или желания перебраться куда-нибудь, где подвернулось что-то поинтереснее. В таком случае тебе достанется готовая ферма с сараями, коровниками и всем хозяйством.

— А что я буду должен предыдущему владельцу?

— Ничего. Ни единого оба. С какой стати? Если он ушел оттуда, то он рассчитывает на что-то лучшее. Не может же он пользоваться выгодами и от одного и от другого.

— Бессмыслица какая-то. Где-то здесь ловушка. Кому-то мне придется выкладывать на бочку либо деньги, либо кучу обов.

— Несомненно. Ты заводишь ферму. Соседи помогают тебе построить дом. Это накладывает на тебя солидные обы. Будешь, к примеру, два года снабжать плотника и его семью продуктами с фермы и погасишь об. А потом будешь поставлять ему продукты еще два года и тем самым будешь иметь об на него. И так со всеми остальными.

— Но не всем же нужны сельскохозяйственные продукты.

— Ну и что? Вот, к примеру, жестянщик сделал для тебя маслобойку. Продукты ему не нужны. Его жена и трое дочерей на диете, и одна только мысль о еде приводит их в ужас. Но у него есть портной или сапожник, которые имеют на него обы. Он переводит эти обы на тебя. Поставляя продукты портному или сапожнику, ты погасишь об жестянщику. И все довольны.

Насупившись, Глид разжевывал услышанное.

— Ты меня подстрекаешь. Не следовало бы делать этого. Попытка подстрекательства к дезертирству является на Терре уголовным преступлением и сурово наказывается.

— Так то на Терре,— сказал Сет презрительно.

— Все, что вам надо сделать,— мило и убедительно вставила Илисса,— это объяснить себе, что пора возвращаться на корабль, что это ваш долг, что ни на корабле, ни на Терре без вас не обойдутся.— Она поправила кудряшку.— А потом стать свободной личностью и сказать: «Нет, и точка!»

— С меня за это с живого шкуру спустят. Под личным руководством Бидворси.

— Вряд ли,— усомнился Сет.— Этот Бидворси, который мне кажется человеком отнюдь не жизнерадостным, находится в таком же положении, как и ты, и все остальные: на распутье. Рано или поздно он либо во всю прыть уберется отсюда, либо будет в своем грузовичке доставлять тебе на ферму молоко, потому что в глубине души ему всегда хотелось заниматься именно этим.

— Ты его не знаешь,— хмуро буркнул Глид.— У него вместо сердца кусок ржавого железа.

— Занятно,— взглянул на него Гаррисон,— я всегда думал то же самое о тебе, вплоть до сегодняшнего дня.

— Я сейчас не на службе,— ответил Глид, как будто такой ответ все объяснял.

Он встал и сжал челюсти.

— Но я возвращаюсь на корабль. Прямо сейчас.

— У тебя увольнение до завтрашнего вечера,— запротестовал Гаррисон.

— Возможно. Но я вернусь сейчас.

Илисса открыла рот, но тут же закрыла, потому что Сет толкнул ее. Они сидели молча и смотрели, как Глид выходил за дверь решительной походкой.

— Это хороший знак,— сказал Сет со странной уверенностью в голосе.— Задели его за живое.— Потом повернулся к Гаррисону.— А у тебя какое главное желание в жизни?

— Спасибо за еду.— Гаррисон, явно обеспокоенный, поднялся со стула.— Постараюсь догнать его. Если он пошел на корабль, мне, пожалуй, тоже лучше вернуться.

Опять Сет остановил Илиссу. Оба хранили молчание, пока Гаррисон выходил на улицу, аккуратно затворяя за собой дверь.

— Бараны,— сказала непонятно чем опечаленная Илисса.— Один за другим, ну прямо стадо баранов.

— Нет,— возразил Сет,— это люди, движимые теми же мыслями и чувствами, что и наши предки, которые баранами отнюдь не были.— Повернувшись в кресле, он крикнул Мэтту: — Принеси нам два шемака! — Потом сказал Илиссе: — Сдается мне, что этому кораблю не поздоровится, если он здесь задержится.

Динамик внутренней сигнализации рявкнул:

— Гаррисон, Глид, Грегори...— и так далее в алфавитном порядке.

В коридорах и на палубах разговаривали между собой вернувшиеся из увольнения.

— Ни единого слова ни от кого не добьешься, кроме «засед». Просто осточертело!

— Надо было разделиться, как мы. Там, в цирке, на окраине никто про нас и знать не знал. Я просто вошел и сел.

— Слышал про Майка? Он починил крышу, взял в уплату бутылку двойного диса и нажрался. Был в полной отключке, когда его нашли. Пришлось тащить его обратно на себе.

— Везет же некоторым. А нас отовсюду гнали.

— Так я ж и говорю, что надо было разделиться.

— Половина увольнения, наверное, все еще валяется по канавам.

— Грейдер психанет, когда узнает, что столько народа опоздало.

Каждую минуту старпом Морган выходил в коридор и выкрикивал одну из фамилий, только что объявленных по радио. По большей части никто не отзывался.

— Гаррисон! — завопил он.

Гаррисон вошел в навигаторскую с недоуменным выражением на лице.

Его превосходительство расхаживал взад и вперед, бормоча в свои подбородки: «Всего пять дней, а разложение уже началось». Резко повернувшись к вошедшему Гаррисону, он выпалил:

— А, это вы, сударь! Давно вернулись из увольнения?

— Позапрошлым вечером, сэр.

— Досрочно, не так ли? Это интересно. Прокололи шину?

— Никак нет, сэр. Я велосипед не брал.

— Тоже неплохо. Если бы вы его взяли, вы были бы уже за тысячу миль отсюда.

— Почему, сэр?

— Почему? Он меня спрашивает, почему? Да я именно это и хочу знать — почему? Вы в городе были один или с кем-нибудь?

— С сержантом Глидом, сэр.

— Вызвать его,— приказал посол.

Морган послушно открыл дверь и позвал:

— Глид! Глид!

Ответа не последовало. Он попробовал еще раз, но безрезультатно. Потом опять вызвал Глида по радио. Сержант Глид исчез.

— Он отметился, когда возвращался?

Капитан Грейдер сверился с лежащим перед ним списком.

— Вернулся на двадцать четыре часа раньше срока. Видимо, выскользнул со второй группой, не отметившись. Это двойное преступление.

Морган вернулся в навигаторскую.

— Ваше превосходительство, один из десантников видел сержанта Глида в городе совсем недавно.

— Вызвать этого солдата.— Его превосходительство повернулся к Гаррисону.— А вы стойте, где стоите, и постарайтесь не хлопать своими чертовыми ушами. Я с вами еще не кончил.

Вошел испуганный таким обилием начальства солдат и вытянулся по стойке «смирно».

— Что вам известно о сержанте Глиде? — потребовал посол.

Солдат облизал губы, явно сожалея, что вообще ляпнул о встрече с Глидом.

— В общем, ваше благородие, я...

— Называйте меня «сэр».

— Есть, сэр. Я пошел в увольнение со второй группой рано утром, но через пару часов решил вернуться, потому что брюхо схватило. На обратном пути я встретил сержанта Глида, с ним разговаривал.

— Где? Когда?

— В городе, сэр. Он сидел в одной из этих ихних междугородных колымаг. Мне это сразу показалось странным.

— Он вам что-нибудь говорил?

— Немного, сэр. Он был в возбужденном состоянии. Кто-то ему что-то сказал о молодой вдове, которой трудно управиться с участком в двести акров. Он решил поехать посмотреть.

— Ваш человек,— сказал посол полковнику Шелтону.— Вроде бы дисциплинированный, с выслугой лет, тремя нашивками, с пенсией на носу.— Он снова повернулся к солдату.— Глид сказал, куда именно он едет?

— Никак нет, сэр. Я спрашивал, но он только усмехнулся и сказал: «Засед».

— Хорошо, можете идти.— Его превосходительство возобновил разговор с Гаррисоном: — Вы были в первой группе?

— Так точно, сэр.

— Позвольте вам сообщить кое-что, сударь. Из четырехсот двадцати человек вернулись только двести. Сорок из них в различных стадиях алкогольного опьянения. Десять сидят в карцере и вопят: «Нет, и точка!» Без сомнения, они будут орать, пока не протрезвеют.

Он уставился на Гаррисона так, как будто эта достойная личность была виновата в происходящем, затем продолжал:

— В этом есть что-то парадоксальное. Пьяных я могу понять. Всегда найдутся несколько человек, которые, сойдя с корабля, первым делом налижутся в стельку. Но из двух сотен, соизволивших вернуться, почти половина вернулась раньше времени, как и вы. И все давали примерно одинаковые объяснения: местные относились к ним недружелюбно, игнорировали их.

Гаррисон ничего не сказал.

— Итак, налицо две крайности. Одни с отвращением возвращаются на корабль, а другие находят туземный городок настолько гостеприимным, что набираются до бровей какой-то дрянью, именуемой двойным дисом, или дезертируют совершенно трезвыми. Есть же какое-то объяснение всему этому? Вот вы были в городе два раза. Что вы можете сказать?

Гаррисон осторожно ответил:

— Все зависит от того, признают они нас или нет. А также от того, на какого ганда вы наткнетесь: есть такие, которые попытаются обратить вас в свою веру вместо того, чтобы игнорировать. Многих наших выдает униформа.

— У них что, аллергия к униформам?

— Более или менее, сэр.

— А почему?

— Не могу сказать точно, сэр. Я о них не так уж много знаю. Думаю, потому, что униформа у них ассоциируется с тем режимом на Терре, от которого бежали их предки.

— А у них никто униформы не носит?

— Не замечал. Им, по-моему, доставляет удовольствие выражать свое «я», одеваясь и украшаясь на любой лад — от косичек до розовых сапог. Странности во внешнем виде у гандов — норма. А униформа им кажется ненормальной, они ее считают проявлением угнетения.

— Вы их все время именуете гандами. Откуда взялось это слово?

Гаррисон объяснил, возвращаясь при этом мыслями к Илиссе и к ресторанчику Сета с накрытыми столами, с баром за стойкой, с вкусными запахами из кухни. Сейчас, вспоминая это место, он понимал, что там было что-то неуловимое, но очень важное, чего никогда не было на корабле.

— И этот человек,— закончил он,— изобрел то, что они называют «оружием».

— И они утверждают, что он был землянином? А как он выглядит? Вы видели его портреты или памятники ему?

— Они не воздвигают памятников, сэр. Они говорят, что ни один человек не может быть выше другого.

— Чушь собачья,— отрубил посол.— Вам не пришло в голову осведомиться, в какой период истории проводились испытания этого чудо-оружия?

— Никак нет, сэр,— сознался Гаррисон.— Я не придал этому значения.

— Конечно, куда вам. Я не ставлю под сомнение ваши качества космонавта, но как разведчик вы ни к черту не годитесь.

— Прошу извинить, сэр,— ответил Гаррисон.

«Извинить? Ты ничтожество,— прошептал голос в его душе.— За что ты просишь прощения? И у кого? Это всего лишь помпезный толстяк, которому в жизни не погасить ни одного оба, как бы он ни старался. Чем он тебя лучше? Тем, что у него бочкообразное брюхо? И перед этой бочкой ты вытягиваешься и лепечешь: "Простите, сэр, извините, сэр!" Да попробуй он прокатиться на твоем велосипеде, он свалится, не проехав и десяти ярдов. Плюнь ему в рожу и скажи: "Нет, и точка!" Что же ты, струсил?»

— Нет! — громко выпалил Гаррисон.

Капитан Грейдер оторвал глаза от своих бумаг.

— Если вы решили сначала отвечать, а потом выслушивать вопросы, то вам лучше зайти к врачу. Или у нас на борту появился телепат?

— Я думал...— пояснил Гаррисон.

— Это я одобряю,— сказал посол.— Думайте, и побольше. Может быть, это постепенно войдет в привычку. Когда-нибудь вы даже добьетесь того, что этот процесс будет проходить безболезненно.

Он снял с полки толстую книгу.

— Вот он, на этой странице. Жил четыреста семьдесят лет тому назад. Ганди, именуемый Отцом. Основатель системы гражданского неповиновения. Последователи этого учения покинули Терру во время Великого Взрыва.

— Гражданское неповиновение,— повторил посол, закатывая глаза.— Но нельзя же использовать его как социальный базис! Такая система просто не сработает!

— Сработала, да еще как,— утверждающе сказал Гаррисон, забыв добавить «сэр».

— Вы возражаете мне?

— Просто констатирую факт.

Посол свирепо впился в него глазами.

— Вы отнюдь не специалист по социально-экономическим проблемам. И зарубите это себе на носу. Любого такого, как вы, ничего не стоит обвести вокруг пальца.

— Система работает,— стоял на своем Гаррисон, удивляясь собственному упрямству.

— Как и ваш идиотский велосипед. У вас образ мышления на уровне велосипеда.

Что-то щелкнуло, и голос, очень похожий на голос Гаррисона, сказал: «Чушь».

— Что?!

— Чушь,— повторил Гаррисон.

Посол потерял дар речи. Встав из-за стола, капитан Грейдер применил свои полномочия:

— Вам запрещается покидать корабль. Убирайтесь отсюда и ждите дальнейших распоряжений.

Гаррисон вышел. Мысли его были в смятении, но в душе он испытывал странное удовлетворение.

Прошло еще четыре долгих, томительных дня. Всего девять со времени посадки на этой планете.

На борту назревали неприятности. Увольнения третьей и четвертой групп постоянно откладывались, что вызывало нарастающее недовольство и раздражение.

— Морган опять представил третий список, но капитан снова отложил увольнение, хотя и признал, что этот мир нельзя классифицировать как враждебный и что нам положено увольнение.

— Так какого же черта нас не выпускают?

— Предлог все тот же. Он не отменяет увольнение, он только откладывает его. Здорово придумал, а? Говорит, что даст увольнение немедленно, как только вернутся все, кто не пришел из первых двух групп. А они никогда не вернутся.

Претензии были законными и обоснованными. Недели, месяцы, годы заключения в непрерывно дрожащей бутылке неважно какого размера требуют полного расслабления хотя бы на короткое время. Люди нуждаются в свежем воздухе, в твердой земле под ногами, в широких горизонтах, в обильной еде, в женщинах, в новых лицах.

— Только мы сообразили, как здесь надо себя вести, а он уже хочет навострить лыжи. Одевайся в штатское и веди себя как ганд, и все дела. Даже ребята из первого увольнения не прочь попробовать еще раз.

— Грейдер побоится рисковать. Он уже и так многих потерял. Если не вернется еще хотя бы половина следующей группы, у него не хватит людей довести корабль обратно. Застрянем тогда здесь. Что ты на это скажешь?

— А я бы не возражал.

— Пусть обучит чиновников. Хоть раз в жизни займутся честным трудом.

Подошел Гаррисон с маленьким конвертом в руках.

— Смотри, это он уел его превосходительство и остался без берега, прямо как мы.

— Мне так больше нравится,— заметил Гаррисон.— Лучше быть наказанным за что-то, чем ни за что!

— Это ненадолго, вот увидишь. Мы терпеть не намерены. Скоро мы им покажем.

— Как именно?

— Подумать надо,— уклонился его собеседник, не желая раскрывать раньше времени свои карты. Он заметил конверт.— Это что, дневная почта?

— Вот именно.

— Как знаешь, я вовсе не хотел совать нос в чужие дела. Думал, просто что-нибудь еще случилось. Вам, инженерам, все письменные распоряжения обычно поступают в первую очередь.

— Да нет, это действительно почта,— сказал Гаррисон.

— Откуда же это ты получаешь письма?

— Воррал принес из города час назад. Мой приятель угостил его обедом и передал письмо для меня, чтобы он погасил об за обед.

— А как это Ворралу удалось уйти с корабля? Что он, привилегированный?

— Вроде. У него жена и трое детей.

— Так что с того?

— Посол считает, что одним можно доверять больше, чем другим. Когда у человека есть, что терять, он вряд ли уйдет. Поэтому он кое-кого отобрал и послал их в город собрать информацию о дезертирах.

— Они что-нибудь выяснили?

— Не очень много. Воррал говорит, что это пустая трата времени. Он нашел там нескольких наших, пытался уговорить их вернуться, но они на все отвечают: «Нет, и точка». А от местных, кроме «зассд», ничего не услышишь.

— Что-то в этом есть,— заметил один из присутствующих.— Хотел бы я сам на это взглянуть.

— Вот этого-то Грейдер и боится.

— Ему скоро многого придется бояться, если он не образумится. Наше терпение иссякает.

— Мятежные речи,— упрекнул его Гаррисон.— Вы меня шокируете.

Он прошел в свою каюту и вскрыл конверт. Почерк мог бы быть и женским, во всяком случае, он надеялся на это. Но письмо было от Глида: «Где я и чем занимаюсь — значения не имеет: письмо может попасть в чужие руки. Скажу тебе одно — все вырисовывается по первому классу, надо только выждать, нужно время для укрепления знакомства. Остальное в этом письме касается тебя. Я тут наткнулся на одного толстячка. Он представитель фабрики, выпускающей эти двухколески с вентилятором. Им нужен постоянный торговый агент фабрики и мастер станции обслуживания. Толстячку уже подали четыре заявления, но ни у одного из желающих нет требуемых технических данных. По условиям тот, кто получит место, имеет на город функциональный об, что бы это ни значило. Так или этак — место это для тебя. Не будь дураком. Прыгай — вода хорошая».

— Святые метеоры! — сказал себе Гаррисон и увидел приписку:

«Адрес получишь у Сета. Этот городишко — родина твоей брюнетки. Она собирается обратно сюда, чтобы жить поближе к своей сестре, и я тоже. Упомянутая сестра — просто душечка».

Гаррисон прочитал письмо еще раз, встал и начал расхаживать по каюте. Потом вышел и, не привлекая к себе внимания, прошел в склад инженеров, где целый час смазывал и чистил свой велосипед. Вернувшись в каюту, он вынул из кармана тонкую плашку и повесил ее на стенку. Потом лег на койку и уставился на нее.

«С — Н. Т.».

Динамик системы оповещения кашлянул и сообщил: «Всему личному составу корабля быть готовым к общему инструктажу завтра в восемь ноль-ноль».

— Нет, и точка,— ответил Гаррисон.

Грейдер, Шелтон, Хейм и, разумеется, его превосходительство собрались в рубке.

— Никогда не думал,— мрачно заметил последний,— что настанет день, когда мне придется признать себя побежденным.

— Со всем должным уважением позволю себе не согласиться, ваше превосходительство,— ответил Грейдер.— Потерпеть поражение можно от руки врага, но ведь эти люди не враги. Именно на этом мы и попались. Их нельзя классифицировать как врагов.

— И тем не менее это поражение. Как еще назвать?

Грейдер пожал плечами.

— Нас перехитрили родственнички. Не драться же дяде с племянниками только потому, что они не желают с ним разговаривать.

— Вы рассуждаете со своей точки зрения. Для вас данная ситуация исчерпывается тем, что вы вернетесь на базу и представите отчет. У меня же положение иное — мое поражение дипломатическое.

— Я не могу брать на себя смелость и рекомендовать наилучший образ действий. На борту моего корабля находятся войска и вооружение для проведения любых полицейских и превентивных операций, которые представятся необходимыми. Но я не могу их применять против гандов, поскольку у меня нет никаких оснований для этого. Более того, одному кораблю не справиться с двенадцатимиллионным населением планеты, для этого потребуется целая эскадра.

— Я это все уже пережевывал, пока меня не затошнило.

— Ваше превосходительство, прошу вас сообщить свое решение по возможности скорее. Морган дал мне понять, что, если к десяти часам я не дам третьей группе увольнения, экипаж уйдет в самоволку.

— Это ведь грозит им суровым наказанием?

— Не таким уж суровым. Они заявят в Дисциплинарной комиссии, что я умышленно игнорировал устав. Поскольку формально увольнений я не запрещал, а только лишь откладывал, им это может сойти с рук, если члены комиссии будут в соответствующем настроении.

— Эту комиссию не мешало бы послать пару раз в длительный полет. Они бы узнали кое-что такое, о чем и не слыхивали за своими канцелярскими столами.

Грейдер подошел к иллюминатору.

— У меня не хватает четырехсот человек. Некоторые из них, возможно, вернутся, но ждать их мы не можем. Задержка приведет к тому, что у меня не хватит людей, чтобы вести корабль. Выход один — отдать приказ о подготовке к взлету. С этого момента корабль будет подчиняться полетному уставу.

— Полагаю, что так,— сказал посол.

Грейдер взял микрофон.

— Личному составу приготовиться к взлету немедленно! Старший сержант Бидворси! Кто это там стоит у люка? Немедленно прикажите им подняться на борт.

Носовой и кормовой трапы были давно уже убраны. Кто-то из офицеров позаботился быстренько убрать и центральный трап, отрезая путь вниз и тем, кто хотел бы в последний момент уйти. Бидворси, желая выполнить приказ, высунулся из люка. Пятеро, стоящие внизу, были дезертиры из первой группы увольнения. Шестой был Гаррисон со своим начищенным до блеска велосипедом.

— Немедленно на борт! — зарычал Бидворси.

— Ты это слышал? — сказал один из стоявших внизу, подталкивая другого.— Дуй обратно на борт. Если не можешь прыгнуть на тридцать футов вверх, то взмахни крылышками и лети.

— У меня приказ! — продолжал вопить Бидворси.

— Надо же, в таком возрасте, а еще позволяет кому-то собой командовать,— заметил бывший солдат его роты.

— Да, удивительно,— ответил другой, сокрушенно качая головой.

Бидворси царапал рукой гладкую стенку, пытаясь найти что-нибудь, чем можно было бы швырнуть в стоявших внизу людей.

— Не кипятись, Бидди! — крикнул его бывший солдат.— Я теперь ганд.

С этими словами он повернулся и пошел по дороге. Остальные четверо последовали за ним. Гаррисон поставил ногу на педаль велосипеда. Задняя шина осела с протяжным звуком. Побагровевший Бидворси наблюдал, как Гаррисон затягивал клапан и качал воздух ручным насосом. Завыла сирена, Бидворси отпрянул назад, и герметическая дверь люка закрылась. Гаррисон опять поставил ногу на педаль, но не двигался с места, а стоял и наблюдал за кораблем. Металлическое чудовище задрожало, величественно взмыло вверх, превратилось в еле видимую точку и исчезло совсем.

На секунду Гаррисон почувствовал сожаление. Но оно очень быстро прошло. Он посмотрел на дорогу.

Пять самозваных гандов голосовали на шоссе. Первый же экипаж остановился, чтобы их подобрать, что было очевидным результатом отлета корабля. Быстро они соображают.

«Твоя брюнетка»,— написал ему Глид. И с чего он взял?

Может быть, она сказала что-нибудь такое, из чего можно было это предположить?

Он еще раз оглянулся на вмятину, оставленную кораблем. Здесь были две тысячи землян.

Потом тысяча восемьсот.

Потом тысяча шестьсот.

Потом еще на пять меньше.

«Остался один я»,— подумал Гаррисон.

Пожав плечами, он заработал педалями и поехал по направлению к городу.

И не осталось никого.

И послышался голос

Они выбрались из маленькой обшарпанной космошлюпки кто как сумел: одни выползли, другие вышли, а некоторые даже выпрыгнули. Их было девять. Космошлюпка была рассчитана на двадцать мест, но покинули ее только девять пассажиров, и еще двое остались внутри.

Стеной, уходящей в небо, со всех сторон их окружали непроходимые джунгли чужой и, скорее всего, враждебной человеку планеты. В вышине пылало пронзительно-голубое солнце; в его свете лица людей казались мертвенно-бледными, и оно вынуждало их смотреть на мир сквозь щелки между почти сомкнутыми веками. Плотный воздух был насыщен запахами растений с легкой примесью какого-то смрада. Погрузившись в зловещее раздумье, джунгли безмолвно ждали, ждали, ждали...

Как само собой разумеющееся, обязанности командира взял на себя старший помощник капитана космолета Эликс Саймс. Никто не стал оспаривать его право на руководство отрядом. Высокий, седой, немногословный, он был старшим по рангу. Впрочем, едва ли ранг чего-то стоил при таких критических обстоятельствах, а если б и стоил, то быстро бы обесценился.

Повернувшись лицом к остальным, он сказал:

— Насколько я могу судить, мы с вами находимся на Вальмии, шестой планете системы ЗМ17.— Прищурившись, он быстро взглянул на пламенеющее в небе светило.— Однако не думайте, что нам повезло. В космосе есть множество планет получше этой.

— Мы живы,— подал голос Макс Кесслер, командир третьей вахты.— А это уже кое-что.

— Главное сейчас — выжить,— возразил Саймс.— А это уже нечто иное.— Он внимательно оглядел каждого, изучая, оценивая.— На Вальмии есть спасательная станция под защитным купо-

лом. На сороковой параллели. Доберемся до нее — уцелеем. Это наша единственная надежда.— Он подождал, пока его слова дойдут до остальных, и добавил: — Полагаю, что идти нам до нее тысяча семьсот — две тысячи миль.

— Если, скажем, делать сорок миль в день,— рискнул высказаться Кесслер,— то получается пятьдесят дней. Справимся.

— Зорок милев! — эхом отозвалась миссис Михалич, и ее широкое пухлое лицо покраснело от волнения. Она ощупью нашла руку мужа и вцепилась в нее.— Григор, в наз не ездь зила деладь зорок милев.

Коренастый и пухлолицый, как она, Григор ласково похлопал ее по руке.

— Лучше взего шдадь и змодредь, как будед.

Разглядывая эту пару, Билл Молит пришел к выводу, что судьба могла бы, да и должна была распорядиться поумнее. По его убеждению, в выборе тех, кому удалось спастись после катастрофы, случай сыграл неизмеримо большую роль, чем справедливость. Слишком уж много погибло настоящих людей, когда метеорит вмазал в «Стар Куин», расколов корабль, как орех. Адский грохот, раздирающий уши свист улетучившегося воздуха — и их вмиг не стало: Эйнсворта, Олкока, Бэнкаса, Балмера, Блэндела, Касартелли, Кейза, Корригэна; замечательные люди отправились к праотцам.

А взгляните-ка на этот сброд, который уцелел. Из всех спасшихся чего-то стоили только трое. Или четверо, если считать Фини, ирландского терьера покойного капитана Риджуэя. Он, Билл Молит, помощник инженера первой вахты, двести фунтов мускулов, покрытых густой вязью татуировки, оказался в числе тех, кто выжил. И еще Саймс и Кесслер, оба отличные парни, настоящие люди, белые, грамотные, отменные специалисты.

Что касается остальных, то в космосе сейчас плыли раздувшиеся безжизненные тела людей, в тысячу раз более достойных, чем эта шушера. Взять, к примеру, Михаличей. Приземистые, близорукие, бестолковые. Всего-навсего простые земледельцы. Старые, уродливые, с какого боку ни глянь — полные ничтожества. Даже не умеют по-английски правильно говорить.

Еще в первый день полета он повстречался в коридоре с миссис Михалич, и она, испуганная раздавшимся вдруг жужжанием и глухим постукиванием, обеспокоенно спросила:

— Эда шдо дакой?

— Эда,— ответил ей Молит с презрением, которого она по своей тупости не заметила,— водяные назозы, кодорый кашаед вода.

— Ах, вод шдо,— с каким-то идиотским облегчением сказала она.— Ошен благодарю.

— Не здоид благодарнозд,— фыркнул он.

Парочка избранных, выхваченных из пучины смерти, ни за что ни про что получивших право на жизнь, в котором было отказано другим. Уж как-нибудь Вселенная обошлась бы без них. А теперь они станут немалым бременем в предстоящем долгом путешествии — о них ведь придется заботиться, нести за них ответственность, тогда как любые два члена погибшего экипажа космолета стали бы теперь подспорьем.

А вот еще один, кому посчастливилось остаться в живых: рабочий машинного отделения Гэннибэл Пейтон, долговязый негр с удивительно мягким голосом. Единственный черномазый на борту космолета. Он-то спасся, а более достойные люди навсегда вычеркнуты из жизни. И в этом Молиту тоже виделась какая-то необъяснимая несправедливость.

Такое же чувство вызывала желтолицая обезьяна по прозвищу Малыш Ку. Худое, как дистрофик, существо с поразительно тощими конечностями — до катастрофы он выполнял разного рода черную работу в офицерской столовой. Неизменно вежливый субъект, большезубый, с раскосыми глазами-щелочками, молчаливый как пень, открывавший рот только тогда, когда к нему обращались. Невозмутимый и скрытный. Никто не знал его настоящего имени. Возможно, его звали Квок Синг или как-нибудь похоже. Но для всех он всегда был Малыщом Ку.

И последний — пассажир с Земли Сэмми Файнстоун, моложавый, смуглый, черноволосый, крикливо одетый, по слухам — преуспевающий торговец редкими драгоценными камнями. В представлении Билла Молита — один из тех, кто не марает себе руки честным трудом. Когда произошла эта катастрофа, уж Сэмми, надо думать, первым оказался в спасательной шлюпке и занял самое безопасное место, жадно стиснув в своих загребущих лапах мешок с бриллиантами.

Тем временем Саймс продолжал говорить:

— О Вальмии у меня очень смутное представление, и едва ли мне удастся вспомнить что-нибудь существенное. А сведения о ней почерпнуть нам неоткуда.— В его взгляде, устремленном на них, не было ни тени надежды.— Может, волею случая среди вас найдется человек, знающий об этой планете больше, чем я?

Все угрюмо молчали, один Молит пробурчал:

— Только слышал, что такая существует.

— Ну что ж.— Саймс нахмурился.— Мне лично помнится, что здесь, как я говорил вам, есть спасательная станция, да еще то, что эта планета никогда не предназначалась для заселения людьми. Отсюда следует, что условия на ней признаны непригодными для жизни человека.

— Вы не помните, почему? — спросил Кесслер.

— К сожалению, нет. Полагаю, причины тут обычные: опасные для человека формы жизни, несъедобные или даже ядовитые плоды, ягоды, коренья, состав атмосферы, которая быстро или постепенно убивает человека, солнечное излучение, воздействующее на него таким же образом.

— А вы не знаете, на Вальмии действует один из перечисленных вами факторов или все скопом?

— Нет, не знаю,— помрачнев, ответил Саймс.— Впрочем, если не ошибаюсь, над спасательной станцией возведен воздухонепроницаемый купол, а это уже говорит само за себя. Ведь на трудности и расходы, связанные с сооружением защитного купола, идут лишь в том случае, если без этого человек жить не может.

— Вы пытаетесь дать нам понять,— произнес Кесслер, поймав взгляд Саймса,— что времени в нашем распоряжении немного, так?

— Да.

— И неизвестно, сколько нам осталось жить — недели, дни или часы?

— Да.— Саймс наморщил лоб, отыскивая в дальних закоулках памяти необходимую сейчас информацию: он раньше и не предполагал, что она ему когда-нибудь понадобится.— Здесь вроде бы что-то неладно с атмосферой, но так ли это — не уверен.

— На запах и на вкус — воздух как воздух,— сделав глубокий вдох, заметил Билл Молит.— Вот только густоват, душно здесь, но это же чепуха, не повод для беспокойства.

— Так не определяют состав воздуха,— сказал Саймс.— То, чем мы дышим, может убить через полгода, а то и раньше.

— Стало быть, чем скорей мы выберемся отсюда, тем лучше,— сказал Сэмми Файнстоун.

— Это относится ко всем! — взвился Молит, метнув в сторону Сэмми взгляд, полный глубокой неприязни.

— Он сказаль «мы», а не «я»,— уточнила миссис Михалич.

— Ну и щдо? — Молит и ее одарил таким же взглядом.

— Замолчите! — раздраженно потребовал Саймс.— Вот окажемся в безопасном месте, тогда ссорьтесь. А до тех пор у нас есть к чему приложить свою энергию — и с большей пользой.— Он указал на космошлюпку.— Прежде всего мы должны вынести оттуда двух покойников и похоронить их честь по чести.

Все умолкли. Макс Кесслер и Гэннибэл Пейтон вошли в шлюпку, вынесли тела погибших и положили на ковер фиолетового мха. Когда за пять секунд до того, как шлюпка оторвалась

от обломка корпуса корабля и ушла в космос, Кесслер втащил их в тамбур. Им уже ничем нельзя было помочь. Теперь они лежали на мху чужой планеты, и с неба на них злобно пялилось огромное голубое солнце, придавая их коже жуткий зеленоватый оттенок.

В числе немногих имевшихся на космошлюпке аварийных инструментов была лопата. Сменяя друг друга, они вырыли две могилы в темно-красной почве, которая пахла старым проржавевшим железом. Потом опустили тела в эти ямы, ставшие местом их последнего упокоения; Малыш Ку с непроницаемым лицом наблюдал за происходящим, а миссис Михалич громко сморкалась.

Держа в руке фуражку с глянцевым козырьком, Саймс поднял взгляд к пламенеющему небу и произнес:

— Флеерти был католик. Когда он скончался, рядом с ним не было священника. Господь, ведь ты не осудишь его за это, правда? Тут нет его вины.

Он умолк, смущенный своей ролью и громкими неудержимыми всхлипываниями миссис Михалич. Однако взгляд его по-прежнему был обращен к небу.

— Что касается Мадоча, то он был неверующий и не скрывал этого. Но человек он был хороший, такой же, как Флеерти. Они оба были честные, порядочные люди. Господь, прости им те незначительные прегрешения, которые могут умалить их достоинства, и даруй им отдохновение в последней гавани добрых моряков.

Мистер Михалич пытался успокоить жену, похлопывая ее по плечу и приговаривая:

— Ну, мамушка, ну, полно дебе.

Помолчав немного, Саймс произнес:

— Аминь! — и надел фуражку.

— Аминь! — тихо повторили остальные.

— Аминь! — пролепетал Малыш Ку с видом человека, который изо всех сил старается вести себя уместно и пристойно.

Фини обнюхал могилы, по очереди подошел к каждому из безмолвно стоявших вокруг них людей и тоскливо завыл.

Снаряжение космошлюпки было непоправимо скудным. Впрочем, винить в этом было некого. В момент катастрофы суденышко как раз проходило еженедельную ревизию. Когда корпус «Стар Куин» раскололся от удара, большая часть инвентаря, входившего в обязательное снаряжение космошлюпки, лежала в коридоре корабля. Даже контейнеры с топливом не успели дозаправить.

Ни масок. Ни баллонов с кислородом. Ни портативного лучевого оружия. Один карманный компас, да и тот с разбитой шкалой. Радиопередатчик, не работавший из-за какой-то загадочной неисправности, которую в два счета ликвидировал бы Томсон, не плыви его труп вместе с остальными в космосе. Три автоматических пистолета, коробка с зарядами, солидный аварийный запас продовольствия, несколько металлических инструментов — среди них полдюжины тяжелых, острых как бритва мачете. И ничего больше.

Саймс надел пояс с пристегнутым к нему пистолетом и сказал:

— Себе я беру это оружие и компас. Мы пойдем цепочкой — я впереди, а вы, по одному, следом за мной.— Его взгляд остановился на Кесслере.— Если в пути нас подстерегает какая-нибудь опасность, первый удар я возьму на себя. И не исключено, что при этом погибну. Тогда, Макс, руководство нашим отрядом перейдет к тебе.— Он бросил ему автомат.— Держи. А пока пойдешь последним и будешь охранять нас с тыла.

Саймс внимательно оглядел остальных, прикидывая, кому отдать третий пистолет. Молит, с его на редкость могучим телосложением, нуждался в нем меньше всех — и мачете могло стать в его руках грозным оружием. На ту же мысль наводило черное тело Пейтона с великолепно развитой мускулатурой. Что до Михаличей, то если они и умеют стрелять из пистолета, едва ли в острой ситуации возьмут точный прицел. А Фини, даже если б захотел, не мог пустить в ход оружие.

Оставались Сэмми Файнстоун и Малыш Ку. Последний был ростом поменьше и, как член экипажа, наверняка обучен обращению с огнестрельным оружием. Малыш Ку при случае смекнет, куда нацелить дуло перед тем, как спустить курок. Третий автомат Саймс отдал Малышу Ку.

— Остальным — взять эти палаши,— приказал он, кивнув в сторону мачете.— Поделите между собой провиант с таким расчетом, чтобы на долю каждого пришлось столько, сколько по силам нести. Наполните фляги водой из резервуара космошлюпки. И в путь.

Они сделали все, что им было велено, каждый вскинул на спину свою ношу, с тревогой посматривая на поджидавшие их джунгли и в душе протестуя против необходимости покинуть убежище, которым стала для них космошлюпка. Всю эту ужасную неделю небольшой металлический цилиндр был для них домом, созданной человеком крепостью, которая защищала их от космоса, столь внезапно обрушившего на них свой гнев.

Им казалось черной неблагодарностью покинуть ее, обречь на медленную гибель.

Поняв их чувства, поскольку сам он в какой-то степени разделял их, Саймс сказал:

— Если мы доберемся до спасательной станции, они пошлют сюда геликоптер с запасом горючего и приведут суденышко в порядок. Оно слишком дорого стоит, чтобы бросить его здесь на съедение ржавчине.

Это их немного успокоило. Они тронулись с места и, держа путь на север, зашагали по неизвестно кем или чем проложенной тропинке шириной в ярд. Саймс с автоматом в руке возглавлял шествие. За ним следовали Гэннибэл Пейтон и Фини. Потом один за другим шли Малыш Ку, чета Михаличей, Сэмми Файнстоун, Билл Молит и Макс Кесслер.

Со всех сторон их теперь окружали джунгли — безудержный разгул красок с преобладанием темно-зеленого цвета, местами почти черного. Растительность защищала их от свирепого голубого солнца, однако кое-где оно проникало сквозь редкие просветы между ветвями, разрезая гущу листвы сверкающими столбами света, как лучами прожекторов.

Они прошли милю, спотыкаясь о корни деревьев и путаясь в стеблях ползучих растений, сворачивая вместе с тропинкой то вправо, то влево, рассекая мачете перекинутые через нее плети лиан, похожие на толстые веревки. Иногда куски их, извиваясь, уползали прочь, как обрубки червей.

Цепочка людей вдруг остановилась, и Саймс, обернувшись назад, крикнул:

— Берегитесь этой цветущей орхидеи — она чуть было не укусила меня!

Они побрели дальше. Тропинка резко сворачивала влево, и на самом ее изгибе стояло гигантское растение, все в малиновых раструбах огромных цветов. Молит видел, с каким ужасом, стараясь держаться от него подальше, обходит куст миссис Михалич. Глаза ее были широко раскрыты, очки в металлической оправе сползли на нос. Муж подбадривал ее, хоть и волновался не меньше.

— Уше взе, мамушка. Не нушна зебя безбокоидь. Ды уше броходидь.

— Я безбокойзя за дебя, Григор. Иди быздро!

Григор, как и она, бочком обошел куст, ни на секунду не спуская с него глаз и двигаясь на возможно большем от него расстоянии, но с таким расчетом, чтобы не подставить себя под удар сзади.

Сэмми Файнстоун осторожно приблизился к повороту, замедлил шаг и, рванувшись, одним отчаянным скачком обогнул куст.

Презрительно фыркнув, Молит поднял руку с готовым к удару мачете и пружинистой походкой направился к кусту. Теперь он видел, что несколько малиновых раструбов, напрягая стебли, с жадностью тянутся к тропинке. Один цветок, срубленный ножом Пейтона в тот миг, когда он попытался напасть на Саймса, лежал на земле.

Молит поравнялся с кустом, остановился почти в пределах досягаемости и тем самым побудил растение к действию. К нему тотчас же рванулся один из цветов-раструбов. Глазам Молита на мгновение открылась обширная малиновая утроба, усеянная несметным количеством тонких игл, а в следующую секунду сверкнуло его мачете и снесло цветок со стебля. Падая, он как-то жутко всхлипнул.

Кесслер, который шел следом за Молитом, сухо сказал:

— На твоем месте я б не стал этого делать.

— Но почему? Я же не разбазариваю патроны.

— Зато ты разбазариваешь свои силы и энергию нервных клеток.

— Скажи это Сэмми. Видел, как он шпарил мимо куста? Точно струсивший заяц, ей-богу! — Молит захохотал и разрубил на части кусок стебля, который извивался на тропинке, то свертываясь в кольца, то распрямляясь.— У Сэмми одна забота — благополучие сыночка миссис Файнстоун, да еще его мешок с бриллиантами.

Ускорив шаг, Молит увидел впереди того, о ком они только что говорили. Сэмми поджидал их у следующего поворота тропинки, в его темных глазах была тревога.

— Мне вдруг показалось, будто что-то случилось.

— И ты развил бешеную деятельность,— ехидно заметил Молит.

— Я как раз собирался вернуться и посмотреть, в чем дело, но тут услышал ваши голоса.

— У тебя часом не горели уши? — осклабясь, спросил Молит.

— Нет.— На лице Сэмми отразилось недоумение.— А должны были?

— Вообще-то могли. Мы тут животики надорвали, вспоминая, как ты шустро проколесил мимо этого...

Где-то впереди, довольно далеко от них, прозвучал сердитый голос Саймса:

— Вы что там?

— Идем! — крикнул Кесслер.

И они молча пошли дальше.

Смерть посетила их ночью, когда голубое солнце уступило место трем карликовым лунам, за одной из которых тянулся обрывок тумана, точно крадущийся во мраке бледный призрак, закутанный в тончайшую полупрозрачную ткань. Звезды казались болезненно искаженными на небе, которое не желало чернеть и упрямо хранило слабые следы опустившегося за горизонт пылающего шара.

Девять путников разожгли костер на небольшой поляне. Семеро уселись вокруг него, а двое остались стоять, бдительно следя в полумраке за тем, что происходит вокруг. Фини безуспешно пытался заснуть, клал голову на лапы, часто моргая, смотрел на пламя костра, задремывал, но не проходило и минуты, как он вскакивал, настороженно навострив уши. Беспокойство собаки передавалось людям, у которых и без того было тревожно на душе.

Настроение у всех было подавленное. По приблизительному подсчету за день они прошли миль восемь—десять. А с учетом многочисленных поворотов тропинки, которая редко шла по прямой свыше ста ярдов, они продвинулись к северу не более чем на пять-шесть миль. При такой скорости им понадобится около года, чтобы добраться до сороковой параллели.

К тому же у них не было уверенности, что с помощью карманного компаса и полагаясь на память одного-единственного человека они окажутся тогда вблизи спасательной станции. В противном случае им еще долго придется мерить шагами саму параллель, при том условии, естественно, что, выйдя на нее, они будут знать, где находятся.

Вот если б в космошлюпке было чуть больше горючего, ну, скажем, чтобы его хватило на один орбитальный облет планеты. Или если б радиопередатчик продолжал работать после посадки и посылал в эфир сигнал бедствия до тех пор, пока по этому сигналу их местоположение не запеленгует спасательная станция. Если б только вместе с ними спасся Томсон или один из младших радистов, который сумел бы починить передатчик, что дало бы им возможность остаться возле космошлюпки, пока за ними не прилетят со станции...

Из этих «если бы» складывался длинный, наводящий тоску перечень. В романах иногда пишут о людях, которые знают все. На самом же деле таких людей не больно-то много, а то и совсем нет. Первоклассный инженер мало что знает об астронавигации или не знает ровным счетом ничего; опытный офицер космофлота слабо разбирается в радиотехнике либо вообще в

ней не смыслит. Каждый должен выжать все возможности из того, чем располагает. На большее человек не способен.

А чем, спрашивается, располагает Гэннибэл Пейтон, кроме большого толстогубого рта для пожирания драгоценных продуктов? Чем располагают эти Михаличи, кроме усталых натруженных ног, из-за которых все они вынуждены идти медленнее? Какая польза от Сэмми и Малыша Ку? Да ведь у них нет ни крупицы знаний, которые помогли бы найти выход из положения, ничего, кроме желания, чтобы их заботливо привели за ручку в безопасное место, если такое вообще возможно.

Билл Молит, лежа на боку, прокручивал в мозгу эти невеселые мысли и ждал, когда наконец заснет, а сон все не приходил. В свете костра видна была полуголая танцовщица, вытатуированная на его волосатой руке. Поиграв мускулами, он заставил ее разок-другой соблазнительно вильнуть бедрами. Пальцы его вытянутой руки почти касались лежащего рядом острого блестящего мачете.

Справа от него иногда вспыхивали два маленьких красных шарика — это то открывал, то закрывал глаза Фини. А по ту сторону костра Молит видел развалившихся на земле в нелепых позах Михаличей: веки сомкнуты, рты разинуты. Если б не потрескивание и шипение огня, он наверняка услышал бы, как они храпят. «Точно свиньи,— подумал он,— которые вперевалку топают по двору в надежде набрести на корыто с отбросами».

Из полумрака вынырнул Кесслер, неслышно ступая, подошел к костру и подбросил в него хворост и две гнилые ветки. Сырое дерево зашипело, затрещало, и во все стороны полетели искры. А Кесслер вернулся на свой сторожевой пост в тени деревьев. Время все ползло да ползло, и две луны теперь стояли низко над горизонтом, а третья лениво тянула полупрозрачный шлейф через зенит.

Из чащи доносился непонятный шорох и шелест. Слабый, но едкий запах, просачивающийся из джунглей на поляну, усилился, когда едва слышные звуки приблизились. Этот запах чем-то напоминал тяжелый дух, который исходит от коз, распарившихся на летнем солнцепеке. Похрустывание и шуршание слышались совсем близко, те же звуки, удаляясь, доносились со значительного расстояния, и это наводило на мысль, что производит их нечто невероятно длинное.

Ненадолго все стихло, только потрескивали, выплевывая искры, горящие ветки да иногда, словно чуя недоброе, скулил Фини.

Из полумрака украдкой нацелились на поляну органы внезрительного восприятия, обследовали ее, костер, спящих и тех,

кто бодрствовал на сторожевой вахте. Существо, затаившееся в тени, приняло решение.

Стремительный бросок вперед, треск попавшейся на пути ветки и примятого к земле кустарника, отчаянный вопль Кесслера и резкий щелчок выстрела. Начиная от края поляны на протяжении трехсот ярдов в глубь чащи закачались деревья и полег измолоченный подлесок.

Только обнаружив, что он, ошеломленный, уже стоит и держит в руке мачете, Молит понял, что ему в конце концов удалось заснуть. Он вспомнил, как, вздрогнув, внезапно проснулся от того, что кто-то криком подал сигнал тревоги и выстрелил. А мгновение спустя над ним пролетело гибкое черное тело со стиснутым в кулаке ножом. Это бросился в бой Пейтон.

Молит прыгнул вслед за ним туда, где в джунглях шла борьба, даже не посмотрев, что делают другие. Пистолет продолжал стрелять, озаряя тьму неяркими бледно-желтыми вспышками света. Вдруг в ночи раздался какой-то хриплый кашель, треск ломаемых веток и шелест осыпающихся листьев.

И тут, словно в кошмарном сне, Молит заметил стоящего рядом Саймса, который держал факел из пылающего хвороста. В зыбком свете они увидели свернувшееся кольцами чудовище толщиной фута в четыре, которое быстро скользило назад, в темноту. Омерзительно извиваясь, эта живая спираль тащила за собой массивную безглазую голову, отдаленно напоминавшую усеянную бородавками тыкву. Из небольших отверстий и резаных ран на голове сочилась молочно-белая жидкость.

В нескольких шагах от них, нагнувшись над неподвижным телом Пейтона и изрыгая проклятия, стоял Кесслер. Он подхватил тело под мышки. Молит взял его за ноги, они отнесли Пейтона на поляну и положили около костра, Саймс опустился рядом с ним на колени и принялся его осматривать.

— Эта тварь потихоньку подкралась и схватила меня,— размахивая автоматом, рассказывал Кесслер, еще не оправившийся от потрясения.— Когда она потащила меня в джунгли, я закричал и выстрелил в упор в ее отвратительную голову. Гэнни перепрыгнул через костер и спящих и, как безумный, набросился на чудовище. Он попытался отсечь ему голову. Тогда оно отпустило меня, обвилось вокруг Гэнни, проволокло его ярдов двадцать и бросило. Я выстрелил еще два раза, прямо в его морду, но, видно, это мало что дало...— Он вытер лоб, но на нем тут же выступили свежие бусинки пота.— Если б не Гэнни, я сейчас был бы уже у него в брюхе и в миле отсюда.

Миссис Михалич начала перевязывать глубокую рваную рану на правой руке Пейтона. Где она раздобыла бинт, осталось загадкой. Во всяком случае не в походной аптечке. Вероятно, она оторвала полоску ткани от своего нижнего белья. Миссис Михалич раскачивалась взад-вперед и что-то тихонько напевала распростертому перед ней черному телу, без чьей-либо просьбы делая то, что посчитала нужным.

Саймс осторожно тронул ее за плечо и сказал:

— Очень сожалею, но вы тратите время впустую. Он мертв. Насколько могу судить, у него перелом шейных позвонков.

Она медленно поднялась на ноги, посмотрела на него, потом перевела взгляд на тело Пейтона. В ее глазах за толстыми стеклами очков сперва отразилось недоверие, потом из них вдруг хлынули слезы. Она попыталась совладать с собой, но не смогла. Тогда она сняла очки и стала молча вытирать глаза. Саймс взял ее за руку и отвел от мертвого. Наблюдавший за ними Молит повернулся к Кесслеру.

— Удачно же ты вывернулся, а?

— Удача тут ни при чем,— буркнул Кесслер.

Он достал лопату и принялся рыть яму под высоким деревом.

Они обыскали Гэннибэла Пейтона, чтобы узнать имя и место жительства ближайших родственников, потом похоронили его. Кесслер сделал грубый деревянный крест и установил на могиле. Саймс, стоя навытяжку, с фуражкой в руке, попросил небо принять душу одного из своих сыновей.

— Аминь! — гаркнул Молит.

— Аминь,— эхом повторил за ним Малыш Ку.

И все остальные.

Миссис Михалич снова заплакала.

На следующий день их тропинка начала отклоняться к западу. Они вынуждены были свернуть на другую, которая вела севернее. Немного погодя тропинка стала пошире, и они зашагали быстрей. Подавленные трагедией минувшей ночи, все держались ближе друг к другу и шли в том же порядке, что и накануне, только Фини бежал сегодня впереди, рядом с Саймсом.

Тропа медленно, но упрямо поднималась в гору. Джунгли вокруг были такие же непроходимые и грозные, но уменьшилось количество раскидистых деревьев. Просветы в листве стали шире и попадались все чаще, и на освещенных участках тропы жгучие лучи голубого солнца обдавали людей нестерпимым жаром. От пота у них слиплись волосы, взмокли спины. Становилось душно; казалось, будто с подъемом воздух уплотняется, а не разрежается, как того следовало бы ожидать.

Незадолго до полудня миссис Михалич отказалась идти дальше. Она опустилась на ствол упавшего дерева, лицо ее выражало тупую покорность судьбе, стекла очков запотели.

— Мои ноги.

— Болеть двои ноги, мамушка? — обеспокоенно спросил Григор.

— Мои ноги конец.— Она сбросила туфли и глубоко вздохнула.— Ходить больше не можно.

Тут подошел замыкавший шествие Кесслер и вернулся назад Саймс. Все столпились вокруг миссис Михалич.

— Что случилось? — спросил Саймс.

— Говорит, что у нее разболелись ноги,— ответил Молит.

— Тогда немного отдохнем,— твердо сказал Саймс, не показывая виду, насколько его огорчает эта вынужденная задержка.— Быть может, мы даже выгадаем, если будем почаще останавливаться.

— Много лудше без меня,— твердо произнесла миссис Михалич.— Вы пойдед дальше. Я оздавайзя.

— Что? Бросить вас здесь одну?

— Не одну,— заявил Григор и решительно уселся рядом с женой.— Я оздавайзя доже.

— Чтобы обречь себя на верную смерть,— с сарказмом заметил Саймс.

— Умирадь вмезде,— резко возразил Григор, точно это раз и навсегда решало вопрос.

Ее толстые пальцы с нежностью погладили его руку.

— Не нушна оздавадзя для меня, Григор. Ды иди дальше.

— Я оздавайзя,— упрямо повторил Григор.

— Мы останемся все,— заявил Саймс тоном, не терпящим возражения. Он глянул на часы.— Посмотрим, в какой мы будем форме через час. А пока можно и перекусить.— Его взгляд скользнул по спутникам и остановился на Молите. Немного поколебавшись, он раздраженно спросил: — А ты-то из-за чего маешься? Брось-ка, приятель, эти штучки! Нечего стоять с таким видом, будто вот-вот с головой да в омут!

— Я... Я...

— Послушай, Билл,— промолвил Саймс.— Если хочешь сказать что-нибудь дельное — выкладывай. А жалобы можешь оставить при себе.

Молит, вконец смутившись, выпалил:

— Давно, еще в спортивной школе, меня считали хорошим массажистом.

— Ну и что?

Стараясь не встретиться взглядом с миссис Михалич, он быстро проговорил:

— Я умею снимать усталость ног.

— Правда? — Лицо Саймса засветилось надеждой.— Клянусь Всевышним, это же для нас спасение. Как по-твоему, ты сумел бы помочь миссис Михалич?

— Если она разрешит мне попробовать.

— Конечно разрешит.— Саймс взглянул на нее.— Ведь вы согласны?

— Мамушка, ды ведь зоглазная? — умоляюще спросил Григор, подтолкнув ее локтем.

— Я доздавлядь много дрдуднозди,— запротестовала она.

— Этих трудностей, будь они прокляты, станет куда больше, если сидеть сложа руки, вместо того чтобы двигаться к цели,— отрезал Саймс и повернулся к Молиту: — Билл, постарайся помочь ей.

— Перво-наперво мне нужна чуть теплая вода,— сказал Молит.— Пожалуй, мы...

Тут его перебил Сэмми Файнстоун.

— Воды предостаточно в том ручье, что остался позади, ярдах в трехстах отсюда.— Он порылся в куче беспорядочно сваленных мешков с поклажей и нашел брезентовое ведерко.— Пойду принесу.

— Ну нет, один вы не пойдете! — с неожиданной жесткостью остановил его Саймс.— Ведро воды не стоит человеческой жизни.— Он быстро повернулся к Кесслеру.— Пойдешь с ним, Макс. На всякий случай.

Они ушли и вскоре вернулись с двумя галлонами воды, уже согретой дневным пеклом. Миссис Михалич робко опустила в ведерко свои распухшие ноги и минут двадцать они отмокали. Потом она кое-как вытерла их, и Молит зажал одну ее ногу между коленями, точно ногу лошади, которую собираются подковать.

Молит взялся за дело с профессиональной ловкостью: он сгибал и разгибал ногу, разминал суставы, массировал пальцами связки и мышцы. Прошло немало времени, пока, довольный достигнутым результатом, он принялся за другую ногу и проделал с ней то же самое.

— У кого походная аптечка?

— У меня.

Сэмми передал ему сумку.

Молит расстегнул молнию водонепроницаемого чехла, быстро перебрал какие-то пакетики, свертки, банки и запечатанные пузырьки, нашел эфир и плеснул немного жидкости на обе ноги.

— Ах! — У миссис Михалич перехватило дыхание.— Она холодный, как лед.

— Быстро испаряется,— объяснил Молит.

Он открыл банку с вазелином, обильно смазал им изнутри ее туфли на толстой подошве, хорошенько отбил деревянной палкой пропитавшуюся жиром кожу, еще раз смазал туфли изнутри вазелином и стал сгибать и разгибать то одну, то другую подошву, пока ему не удалось при сгибании легко свести носы туфель с каблуками. Тогда он отдал их миссис Михалич.

— Примерьте. Только туго не зашнуровывайте. Пусть они сидят посвободнее.

Она обулась, как он велел, встала и немного прошлась. Ее глаза засияли от восторженного удивления, и впервые Молит заметил, что они у нее ясные и голубые, как у куклы.

— Зами-ша-дильна! — сообщила она. Она сделала еще несколько шагов, радуясь, как ребенок, словно каким-то чудом ей достались новые ноги.— Мой большой зпазиба!

— Мой доше,— с огромным облегчением проговорил Григор.

— Да будет вам,— сказал Молит.— Не за что.

Дня два назад он бы рявкнул: «Нишиво ездь за шиво зпазиба». А сейчас у него почему-то язык не повернулся сказать что-нибудь эдакое. Широкое крестьянское лицо Григора выражало такую трогательную благодарность. А в мозгу Молита снова и снова, сменяя друг друга, звучали услышанные им недавно фразы:

«Удача тут ни при чем».

«Ведро воды не стоит человеческой жизни».

«Много лудше без меня».

«Я оздавайзя».

И они действительно собирались остаться одни в этих страшных джунглях, чтобы бок о бок ждать неминуемой гибели.

Да, век живи, век учись...

День четвертый, пятый, шестой, седьмой. Длина всего пройденного пути неизвестна. Продвинулись к северу миль на пятьдесят. Они брели так неделю, но им казалось, что прошел уже месяц, а то и больше. В их представлении покинутая ими космошлюпка находилась все равно что на другой планете.

А на рассвете восьмого дня Саймс заставил их пуститься в путь пораньше, пребывая в милосердном неведении, что пробил его час. Он опять свернул на боковую тропинку: если верить компасу, идти по ней было для них удобнее, чем по той, по которой они шли накануне. Они двигались довольно быстро, чтобы успеть пройти возможно большее расстояние до того вре-

мени, когда солнце достигнет зенита и вновь примется жечь их беспощадными лучами.

Во время дневного привала Малыш Ку вдруг оставил еду, вылез из-под дерева, в тени которого они сидели, и попытался взглянуть на невыносимо сверкающее небо.

Зашевелился и Фини: сел, навострил уши и жалобно заскулил.

— Что-нибудь неладно? — спросил Саймс, хватаясь за свой пистолет.

— Мало-мало слышно звук, высоко-высоко.— Малыш Ку вернулся в тень, сел и с бесстрастным лицом снова принялся есть.— Вроде моя его слышать вчера или позавчера. Моя не уверена.

— А какой он, этот звук?

— *Уйоум-уйоум-уйоум!*— продемонстрировал Малыш Ку.

— Что? А ну-ка еще раз.

— *Уйоум-уйоум!*— послушно повторил тот.

— А я ничего такого не слышал,— сказал Саймс.

— Я тоже,— поддержал его Кесслер.— Впрочем, слух у него наверняка получше, чем у нас.

— Очень-очень хорошая слух,— заверил Малыш Ку.

Билл Молит вышел из тени дерева, посмотрел из-под руки на небо и, разочарованный, вернулся назад.

— Мне показалось, что он подражает звуку летящего геликоптера.

— И мне.

Саймс пристально вгляделся в слепящее небо.

— Нам только галлюцинаций не хватало,— сказал Кесслер.— С чего бы здесь взяться геликоптеру? Спасательная станция не получила от нас сигналов с просьбой о помощи. У нас ведь не было возможности послать их.

— А не мог ли Томсон послать сигнал бедствия со «Стар Куин» до того, как его передатчик разлетелся вдребезги?

— Нет. Метеорит отправил его на тот свет мгновенно.

— Едва ли это был геликоптер,— решительно сказал Саймс и вернулся к прерванной еде.

— Я тоже так думаю.

— Моя слышать звук,— упорствовал Малыш Ку.— *Уйоум, уйоум.*

Больше они об этом не говорили. Звук не повторился, а если и повторился, они его не услышали. Билл Молит провел с миссис Михалич очередной сеанс лечения, который стал теперь ежедневным ритуалом. У Сэмми всегда наготове была вода, вазелин, эфир. Григор благодарил Молита взглядом. Миссис Михалич всякий раз неизменно произносила:

— Зами-ша-диль-на! Мой большой збазиба!

К вечеру цепочка людей неожиданно остановилась, да в таком месте, где особенно густо переплелись ветви и стебли окаймлявшей тропинку растительности. Фини надрывался от лая. Саймс с собакой уже скрылись за крутым изгибом тропинки, а Малыш Ку задержался у самого поворота.

— В чем дело, Эликс? — крикнул Кесслер, который шел позади всех.

В голосе Саймса, когда он ответил ему, звучали сомнение и настороженность.

— Да вот Фини разошелся. Так передо мной и выплясывает.— И тоном повыше: — Уймись ты, кобель безмозглый, чего доброго порвешь мне штанину!

— Ты там поосторожнее, Эликс. Этот пес не дурак.

— Знаю. Только понять не могу, почему он так бесится.

— Нет ли чего подозрительного впереди?

— Ровным счетом ничего. Мне отсюда виден весь путь до следующего поворота. Тропа свободна.

— Нам нельзя возвращаться! — крикнул Кесслер.— Мы должны идти только вперед. Не трогайся с места. Мы подтянемся к тебе и, что бы там нас ни ожидало, встретим это вместе.

— Ничего не получится,— донесся голос Саймса.— Мы все на тропе не поместимся. Придется мне действовать одному.

— Может, опасность миновала? — с надеждой предположил Кесслер.— Ведь Фини вроде бы успокоился.

Его слова тут же опроверг яростный захлебывающийся лай.

Саймс упавшим голосом произнес:

— Слышали? Это я попытался шагнуть вперед.

— Мне не нравидзя,— заявила миссис Михалич, проявив неожиданное чутье.— Лудше бы...

Она умолкла, потому что снова заговорил Саймс, на этот раз обращаясь к Малышу Ку, единственному, кто его сейчас видел.

— Подстраховывай меня. Понравится это Фини или нет, а я все-таки двинусь вперед.

В тот же миг Фини залился таким бешеным лаем, как никогда прежде, но чуть погодя лай этот перешел в жуткий вой убитого горем пса. Одновременно раздался страшный треск, шум точно от обвала и короткий приглушенный вскрик Саймса. Потом наступила тишина, нарушаемая только жалобным повизгиванием собаки.

Малыш Ку оглянулся назад и сказал:

— Упала в яма.

Сунув Сэмми свой пистолет, Кесслер прохрипел:

— Стой здесь и охраняй нас с тыла.

Он, а следом за ним Молит обогнали остальных и выскочили за поворот. Впереди, в четырех-пяти ярдах от них во всю ширину тропинки, пересекая ее, зияла черная яма. По эту сторону ямы вдоль ее края метался Фини, издавая горлом какие-то непривычные звуки: стоны вперемежку с рычанием. Веки его покраснели, шерсть на загривке вздыбилась.

Бросив на землю мачете, Молит лег на живот и осторожно пополз к неровному краю обвала.

— Держи меня за ноги, слышишь?

Он потихоньку, дюйм за дюймом, продвигался вперед, попутно сильным шлепком отбросил в сторону Фини, наконец подполз к яме, и под его тяжестью земля на ее краю осела и начала осыпаться. Глянув вниз, он увидел лишь беспросветный мрак.

— Эликс!

Никакого ответа.

— Эликс!!!

Молчание.

Еще громче:

— Эликс, ты жив?!

Снова ничего, только с большой глубины доносилось слабое непонятное постукивание. Молит ощупью нашел рядом с собой камень, бросил его в яму и начал медленно считать. Ему показалось, что время тянется бесконечно долго, пока он наконец не услышал, как камень упал на дно. Постукивание и шуршание снизу сразу же стали громче. Эти звуки навели его на мысль о чем-то огромном, одетом в хитиновый панцирь. О гигантском крабе.

— А может, упав, Эликс потерял сознание,— нарушил молчание Кесслер, который, вцепившись в ботинки Молита, находился в двух ярдах от ямы.

— Боюсь, дело тут похуже.

— Он мертв?

— Надеюсь.

— Ты что, спятил? Как это понимать: ты надеешься, что он мертв?

— Яма очень глубокая,— ответил Молит.— Это ловушка. А на дне какое-то чудовище поджидает добычу.

— Ты в этом уверен? — Кесслер дышал с трудом.

— Я слышу, как оно там шевелится.

— Моя тоже слышит,— подтвердил Малыш Ку с невозмутимым выражением на плоском смуглом лице.— Она делает «стук-стук».

Кесслер оттащил Молита назад. Тот встал и стряхнул с себя землю.

— Чтобы спуститься в эту яму, нам понадобится большой моток веревки.

Кесслер лег животом на тропинку и сказал:

— А теперь ты меня держи.— Он пополз вперед и, когда его голова оказалась над ямой, во весь голос крикнул вниз:

— Эликс! Эликс! Ты меня слышишь?

Из зловещей черноты не последовало никакого ответа — оттуда слышались только звуки, которые издает при движении существо, одетое в панцирь. Кесслер ползком вернулся назад, встал на ноги и вытер с лица пот. У него был вид человека, которому наяву снится кошмарный сон.

— Мы не можем уйти, не попытавшись сделать хоть что-нибудь.

— Связать стебли и получайся длинный-длинный веревка,— предложил Малыш Ку.— Моя пойдет вниз.

— Тебе даже из бумажного кулька не выбраться,— зарычал на него Молит.— Если уж кто спустится в эту яму, так только я.

— Много вес,— решительно возразил Малыш Ку, бесстрашно взирая на широкую волосатую грудь Молита.— Слишком много.

— Он прав,— сказал Кесслер.— Ты тяжелей его вдвое. Спуститься в эту преисподнюю должен самый из нас легкий.

— Значит, моя,— заявил Малыш Ку, рассматривая такую возможность с вежливым безразличием.

Потрясенный Кесслер был на грани отчаяния.

— Если Эликс действительно погиб, командую теперь я,— продолжал он.— А у меня нет полной уверенности, что Малышу Ку следует спускаться в эту яму.

— Почему? — спросил Молит.

— Это может привести к еще одному несчастному случаю. Кроме того, если на дне засела какая-то тварь, ясно, что для обороны ему недостаточно иметь при себе только мачете. Он должен будет прихватить и пистолет. Один мы уже потеряли. Он внизу, с Эликсом. А если мы потеряем и второй...

— Останется один-единственный,— подсказал Молит.— Тот, который ты пока отдал Сэмми.

Кесслер удрученно кивнул.

— С одним пистолетом и без компаса наши и без того ничтожные шансы добраться до станции практически сведутся к нулю.

— Есть компас,— сообщил Малыш Ку, показывая прибор, о котором шла речь.— Она падать возле яма. Моя поднимать.

Вид компаса несколько успокоил Кесслера, и он наконец принял решение.

— Риск — благородное дело. Спустим его в яму с горящим факелом, но лишь до той глубины, с которой удастся разглядеть,

что делается на дне. А потом прикинем, можно ли тут что-нибудь предпринять.

Обливаясь потом, трое начали поспешно рубить и затем вытягивать из окружающей их чащи тонкие, но крепкие стебли лиан.

Опоясанный петлей из стебля лианы, с пистолетом в правой руке и тугим пучком длинных горящих прутьев в левой Малыш Ку перешагнул через край ямы. Какие бы чувства он при этом ни испытывал, на его лице ничего нельзя было прочесть. И вообще, глядя на него, можно было поручиться, что это ежедневное его занятие.

Веревка из плетей лианы медленно поползла через край ямы вниз, потрескивая и начиная угрожающе расслаиваться в местах, где были узлы. Дрожащий свет факела растворился во мраке. Фини осторожно бродил вокруг ямы, а когда его чуткие уши улавливали шум, который производило двигающееся внизу неведомое существо, он рычал и злобно скалил зубы.

Посоветовавшись, они приостановили спуск и крикнули вниз:

— Уже что-нибудь видно?

— Очень-очень темно,— приглушенным эхом прозвучал из ямы ровный, без всякого выражения голос Малыша Ку.— Должна спускаться еще.

Они осторожно отмотали еще кусок самодельной веревки, и с каждым ее ярдом, который, потрескивая и натягиваясь, скользил через край ямы, их все сильней охватывало недоброе предчувствие.

— Быстро-быстро! — поторопил их голос из ямы.— Огонь почти погаснуть. Уже рядом пальцы.

Еще шесть-семь ярдов веревки скрылось в яме. Мучительно стегнув по нервам, из глубины ямы вдруг грянула очередь выстрелов, следовавших один за другим с невероятной быстротой. Всего их было шестнадцать — столько, сколько зарядов в магазине.

Молит и Кесслер изо всех сил рванули на себя веревку, Михаличи схватились за ее конец и принялись тянуть вместе с ними. От усилий, которые они прилагали, чтобы как можно быстрее вытащить Малыша Ку на поверхность, с лица Кесслера ручьями стекал пот, могучие мускулы Молита вздулись буграми. Натянутые до предела куски лианы расслаивались от трения о край ямы. Волокнистые пряди с треском лопались, отделяясь от основного стебля. А люди все тянули эту импровизированную веревку и, затаив дыхание, молились, чтобы она выдержала, чтобы не оборвалась в последний момент.

Внезапно, как чертик из шкатулки, из ямы выскочил Малыш Ку. Он сбросил опоясывавшую его петлю, быстро выта-

щил из автомата пустой магазин и вставил на его место другой, с зарядами. Излишне говорить, что держался он с непостижимым спокойствием, ибо он держался так почти всегда.

— Что с Эликсом? — выдохнул Кесслер.

— Нет голова,— без всяких эмоций ответил Малыш Ку.— Откусила животный, которая сидеть внизу.

Кесслер, которому стало дурно, спросил:

— А ты разглядел, что там на дне?

Малыш Ку кивнул.

— Большой животный. Вся красный. Толстый панцирь. Много-много ног, как паук. Два глаза — вот такие! — Разведя руками, он показал, что они были дюймов восемнадцать в диаметре.— Плохой глаза. Смотреть на меня как на еще одна кусок мяса.— Он с благодарностью взглянул на свой автомат.— Моя их вышибать.

— Ты убил его?

— Нет, только вышибать глаза.— Он указал на яму.— Сейчас она двигаться туда-сюда. Вы слушать!

Они прислушались, и их уши уловили постукивание, глухие удары и какие-то царапающие звуки, словно нечто громоздкое и неуклюжее пытается выкарабкаться из ямы и каждый раз обратно падает на дно.

— Какой страшный конец! — воскликнул глубоко потрясенный Кесслер.— Какой страшный конец! — В бешенстве он ударом ноги зашвырнул в яму кусок гнилого высохшего дерева. И тут его осенило.— А мы ведь можем отомстить за Эликса, хоть это в нашей власти.

— Уже отомстила,— негромко произнес Малыш Ку.— Вышибать глаза.

— Этого мало. Слепое или зрячее, чудовище живо, сидит в яме и может сожрать Эликса. Мы должны его убить.

— Каким же образом?

— Накидаем в яму побольше сухой травы, потом бросим вязанку хвороста и факел. И поджарим его заживо.

— Есть способ получше.— Молит указал на большой валун, полускрытый густой растительностью.— Если б нам удалось сдвинуть его и перевалить через край ямы, мы бы эту тварь расплющили.

С бешеной энергией они стали рубить преграждавшие им путь растения, зашли за камень и дружно навалились на него. Камень дрогнул, приподнялся и перевернулся вверх основанием. На обнажившейся земле извивались толстые ярко-желтые личинки.

Еще одно усилие, и камень, покатившись, оказался в футе от ямы. Люди прислушались, желая убедиться, что намеченная

жертва все еще там. Из глубины по-прежнему доносились скребущие звуки и возня. Камень перевалился через край ямы, увлекая за собой комья сухой земли. Казалось, он летел вниз невероятно долго, но в конце концов они услышали звук его падения, сопровождавшийся громким хрустом и всплеском, точно камень раздавил нечто мягкое и водянистое, заключенное в твердую оболочку. Потом наступила тишина.

Кесслер торжественно отряхнул руки, как бы говоря: «Вот так-то». Он взглянул на компас и скрылся за поворотом тропинки, чтобы позвать остальных.

Теперь их отряд возглавил Кесслер, рядом с которым бежал Фини. За ними следовал Малыш Ку, потом шли Михаличи и Сэмми Файнстоун. В арьергарде шествовал вооруженный мачете Билл Молит.

К вечеру десятого дня упала миссис Михалич. Упала как подкошенная, не издав ни звука, не подав никакого знака,— только что она ковыляла своей тяжелой неуклюжей походкой, а в следующий миг лежала на тропинке, точно выброшенный кем-то узел тряпья.

Отчаянный крик Григора: «Мамушка!» остановил движущуюся цепочку людей.

Они окружили ее, подняли, отнесли на небольшую поляну и стали поспешно рыться в походной аптечке. Глаза ее были закрыты, а широкое лицо крестьянки приобрело багровый оттенок. По внешним признакам невозможно было определить, дышит она или нет. Кесслер взял ее за запястье, но не смог нащупать пульс. Помрачнев, они обменялись беспомощными взглядами: врача среди них не было.

Кто-то положил ей на лоб мокрую тряпицу. Еще кто-то поднес к ее носу бутылочку с ароматическими солями. Третий похлопал ее по щекам и принялся растирать ее короткопалые, загрубевшие от черной работы руки. Отчаянными усилиями они пытались вернуть ее в этот полный трудностей суматошный мир, который она так внезапно покинула, но все их старания были тщетны.

Наконец Кесслер снял фуражку и произнес, обращаясь к белому как мел, потерявшему дар речи Григору:

— Сочувствую вам! Глубоко сочувствую!

— Мамушка! — душераздирающим тоном вымолвил Григор.— О, моя бедная замученная...— Дальше он пробормотал что-то на непонятном для остальных и изобиловавшем гортанными звуками языке, упал на колени, обнял жену за плечи и изо всех сил прижал к себе. Рядом на земле лежали ее растоптанные очки, до которых теперь никому не было дела, а Гри-

гор все сжимал ее в объятиях, словно никогда не собирался выпустить ее из рук. Никогда.

— Моя маленькая Герда! О, моя...

Пока Григор, сломленный горем, навсегда прощался с половиной своей жизни, своей души, с половиной самого своего существа, остальные отошли на несколько шагов и, держа наготове оружие, повернулись лицом к джунглям. Потом они бережно отвели Григора в сторону, а ее похоронили под тенистым деревом и поставили на могиле крест.

Часа через два, пройдя еще семь миль, они расположились на ночлег. За все это время Григор не проронил ни слова. Он шагал по тропе, как автомат, ничего не слыша, ничего не видя, безразличный к тому, куда он идет и дойдет ли когда-нибудь до цели.

При ярком свете костра Сэмми Файнстоун наклонился к нему и сказал:

— Не надо так убиваться. Ей бы это не понравилось.

Григор ничего не ответил. Он пристально глядел на пламя, но перед глазами его была тьма.

— Она ушла быстро, с незамутненной душой, самым легким путем,— утешал его Сэмми.— У нее ведь было больное сердце, верно? — Не получив ответа, он продолжал: — Идя следом за ней, я не раз замечал, как она вдруг начинала задыхаться и прижимала руку к левому боку. Я-то думал, что, может, ее беспокоит невралгия. А оказывается, это было сердце. Почему она нам об этом не сказала?

— Не ходела деладь друдноздь,— без всякого выражения произнес Григор.

Это он в первый раз заговорил после ее погребения.

И в последний.

Никогда больше он не вымолвил ни слова.

К четырем часам утра в лагере его уже не было. Когда две луны стояли еще высоко, а третья склонилась к горизонту, Кесслеру надоело неподвижно стоять на посту, и он, тихо ступая, обошел вокруг лагеря и увидел, что место, где до этого спал Григор, пустует. Кесслер не поднял тревогу сразу: для людей отдых и сон были настолько необходимы, что нельзя было будить их, предварительно все не обдумав. Поэтому он, осторожно перешагивая через спящих вповалку людей, вначале обыскал лагерь и прилегающую к нему местность.

Григора нигде не было.

Со всех сторон их грозно обступали джунгли. Какое-то фосфоресцирующее существо, широко раскинув крылья, бесшумным призраком пронеслось между верхушками деревьев. Кесс-

лер поразмыслил над создавшимся положением. Как и когда удалось Григору скрыться, установить было невозможно. Он мог уйти и час назад, и раньше. А теперь он, возможно, находился в нескольких милях от лагеря, если, конечно, еще был жив.

Зато угадать, *куда* он ушел, было несложно. Так что же делать? Если он, Кесслер, отправится в погоню один, ему следует разбудить кого-нибудь из спящих, чтобы тот сменил его на вахте. И тогда их маленький отряд на время разделится, а это вдвое увеличит вероятность нападения какого-нибудь существа, а то и нескольких, которые, вполне возможно, все эти одиннадцать дней незаметно следят за людьми в ожидании такого благоприятного случая; это снизит их обороноспособность. При таких плачевных обстоятельствах их сила в единстве. Разобщенность может привести к катастрофе.

С большой неохотой Кесслер вынужден был принять единственное приемлемое решение: он разбудил всех.

— Григор ушел.

— Когда?

— Не знаю. Либо он бесшумно уполз с поляны, когда я стоял спиной к лагерю, либо его уже не было здесь, когда я заступил на вахту, а я этого не заметил.— Он угрюмо уставился на костер.— Мы не можем бросить его на произвол судьбы в этом страшном лабиринте.

— Я схожу и приведу его,— вызвался Сэмми, подняв с земли свое мачете.

— Для нас слишком большая роскошь по очереди в одиночку рисковать жизнью,— заявил Кесслер, отвергая его предложение.— Вперед ли, назад ли, но пойдем мы все вместе.

Билл Молит поднялся на ноги, взвалил на спину свой тяжелый мешок, широко зевнул и схватил мачете.

— Тогда это вопрос решенный. Мы все пойдем обратно. Идти нам всего-навсего миль семь. А что такое семь миль? — Он снова зевнул и сам ответил на свой вопрос: — Ночью это все семьдесят. Ну и что? Пошли.

Каждый вскинул за плечи свою ношу, и они отправились в путь, держа наготове пистолеты и мачете. Пламя покинутого ими костра померкло вдали. Фини бежал впереди, то и дело к чему-то недоверчиво принюхиваясь и утробно рыча.

Григор лежал на поляне, тело его было сведено судорогой, ноги подтянуты к подбородку, в левой руке зажат наполовину пустой пузырек из походной аптечки. Его откинутая правая рука покоилась на свежем могильном холмике, словно оберегая его. Головой он уткнулся в землю у основания деревянного креста.

Они достали лопату и, выполняя желание Григора, опустили его во тьму рядом с «маленькой Гердой». Ведь именно за этим он шел сюда сквозь ночь чужой планеты.

Кесслер записал в своем дневнике: «День тринадцатый. К северу продвинулись миль на сто с небольшим. Последние два дня идем быстрее».

Около ста миль за тринадцать дней. Не густо. Неужели эти проклятые джунгли никогда не кончатся?

Кесслер разорвал пакет с пищевым концентратом, бросил его Фини, вскрыл еще один для себя и принялся медленно есть.

— Одно утешительно — если, конечно, это можно счесть утешением: после каждой еды наш груз становится чуть легче.

— А вокруг тьма-тьмущая всяких плодов и корений,— заметил Молит.— Я знаю правило номер один: не ешь того, о чем доподлинно неизвестно, что это съедобно. Кара за непослушание может оказаться такой ужасной, что захочешь — не придумаешь... Однако рано или поздно нам придется рискнуть.

— Не кушать — умирать медленно,— изрек Малыш Ку.— Кушать что нельзя — умирать быстро.

— Да ты, приятель, еще мечтать будешь, как бы быстрей подохнуть,— не уступал Молит.— Вот на кое-каких планетах есть плоды с виду сочные, вкусные, а съешь, и тебя так скрутит, что пятки под мышками застрянут.

— Покойнику в такой позе нужна могила покороче,— включился в разговор Сэмми Файнстоун.— Работы почти вдвое меньше. Такую смерть можно считать экономически выгодной.

Молит внимательно посмотрел на него.

— А я готов был об заклад побиться, что шутки от тебя сейчас не услышишь, хоть мрачной, хоть какой.

— Почему?

— Да мне думалось, что к этому времени ты или превратишься в комок нервов, или уже давно помрешь.

— А я и вправду один сплошной комок нервов,— сказал Сэмми.— Сил хватает только на то, чтобы за жизнь цепляться.

— Молодец! — похвалил его Молит.— Продолжай за нее цепляться — глядишь, и выкарабкаешься.

Кесслер раздраженно подергал свою успевшую отрасти густую бороду и сказал, обращаясь к Сэмми:

— Не думайте, что вам одному приходится постоянно тащить самого себя за волосы. Каждый из нас занимается тем же.— Он, не глядя, нашел рукой голову пса и потрепал его за уши.— Разве что за исключением Фини.

Услышав свое имя, Фини завилял обрубком хвоста.

— Ума не приложу, как ему удается вовремя обнаруживать эти ямы-ловушки, ну, вроде той, в которую упал Саймс. Он уже четыре раза предупреждал нас об опасности. Если б не он, еще кто-нибудь мог провалиться в такой колодец и стать пищей для этого красного... уж не знаю, как его и назвать.

Кесслер молча почесал Фини за ушами, погладил его по лохматой спине. И погрузился в раздумье. К этому дню число людей в отряде уменьшилось вдвое. Оставшиеся в живых глубоко переживали смерть каждого, как поистине невосполнимую утрату. Чуть погодя он встал, сознавая, что бесполезно усугублять вчерашнее горе размышлениями о бедах грядущих. Чему быть, того не миновать, хотят они этого или нет.

— Нам пора.

И они тронулись дальше: Кесслер и Фини шли впереди, Молит замыкал шествие. Оба они — и тот, что шел первым, и тот, что последним,— размышляли об одном. Об одном, но поразному, ибо мысли Молита все еще были заняты переоценкой ценностей.

Как идущий последним он, насколько позволяли частые повороты тропинки, временами видел перед собой всех остальных сразу. Поэтому он особенно четко представлял, сколько людей идет сейчас впереди него. Эта живая цепочка была вдвое длинней в тот день, когда они начали свое трагическое паломничество. Потому длинней, что с ними тогда еще шли и другие. Например, Саймс. Человек деятельный, образованный, достойный уважения. Первоклассный космонавт. Не из-за Саймса ли принимает он так близко к сердцу то, что их стало меньше?

Нет.

Ему не хватало и черномазого.

И двух тугодумов с Балкан.

А если судьба ударит их снова, ему наверняка будет не хватать и этого иудея.

И тощего китаезы.

И остроухого лохматого пса.

Его скрутит тоска по людям, по всем без исключения.

— Запомни это, Молит! — рявкнул он на себя.— Навсегда запомни!

Сэмми оглянулся через плечо.

— Ты что-то сказал?

— Это я отделываю собственную задницу — в переносном смысле, конечно,— объяснил Молит.

— И ты тоже? — удивился Сэмми.— На моей уже не осталось живого места.

В мозгу Молита это признание заняло место рядом с другой недавно полученной информацией. Значит, не только у него находятся причины давать самому себе по заднице. И другие могут заблуждаться, а потом сожалеть о допущенных ошибках.

Просто диву даешься, как много у людей между собой общего.

Самое правильное — это при жизни проявлять терпимость, а смерть встретить с достоинством. Сейчас он учится первому. А как он справится со вторым, покажет будущее.

Тропа вывела их на голую вершину холма, и в первый раз с той минуты, когда они пустились в путь, перед их взорами открылись уходящие вдаль мили поверхности планеты. В какую сторону ни глянь, повсюду она выглядела одинаково — густой однородный растительный массив, только на востоке вздымалась горная цепь, чернея на фоне пылающего неба.

Обтирая тряпкой залитое потом лицо, Кесслер проворчал:

— Когда мы были внизу, в джунглях, я мечтал выбраться оттуда хоть к черту в зубы. А теперь мне бы назад вернуться. По крайней мере там хоть есть какая-то тень.

— Звук,— объявил Малыш Ку, протянув руку к северо-западу.— Вон там, высоко-высоко. *«Уйоум, уйоум!»*

— Ничего не слышу.— Прикрыв ладонью глаза, Кесслер посмотрел в указанном направлении.— И ничего не вижу.— Он взглянул на остальных.— А вы?

— Я тоже,— сказал Сэмми.

— Этак на секунду мне было показалось, что я вижу там, вверху, черную точку,— неуверенно произнес Молит.— Но ручаться не стану. Должно быть, померещилось.

— А сейчас ты ее больше не видишь?

— Нет. Эта точка словно бы откуда-то вынырнула, а потом как слиняла, исчезла из виду.

— Я не намерен из-за этого трепать себе нервы,— заявил Кесслер. Он снова обтер себе лицо.— Еще час под этим распроклятым солнцем, и у нас начнутся галлюцинации почище.— Он двинулся вперед.— Давайте-ка спустимся отсюда в тень.

Фини залаял на торчавшую неподалеку скалу, шерсть у него на загривке стала дыбом. Кесслер замедлил шаг и, крадучись, направился к скале, держа наготове пистолет. Фини стремительно обогнул ее и зарычал как лев. Какое-то существо, похожее на десятиногую ящерицу, волнообразно изгибая тело, умчалось длинными прыжками прочь и исчезло за гребнем холма. Разочарованно ворча, Фини приплелся обратно.

— Оно же восемь футов длиной, из них половина — зубастая пасть.— Кесслер презрительно фыркнул.— И удирает от лая собаки.

— А может, оно органически не переносит резких звуков,— предположил Сэмми.— И если б Фини так не разлаялся, оно б его вмиг проглотило.

— Меня просто из себя выводит зловещая тишина на этой чертовой планете,— сказал Кесслер.— На Земле в таких джунглях ад кромешный, оглохнуть можно. Стрекочут цикады, без умолку тарабарят обезьяны, кричат попугаи — всего не перечесть. А здесь все живое не производит никакого шума. Огромные змееподобные существа ползают совершенно беззвучно. Гигантские красные пауки сидят в ямах-ловушках и не шелохнутся. Во время моих ночных дежурств я видел множество каких-то тварей, а иной раз только ощущал их присутствие, и все они крались по лесу с такой осторожностью, что ветка не треснет и листва не зашуршит. Это же противоестественно. Меня это угнетает.

— Давайте запоем,— предложил Сэмми.— Это поднимет нам настроение и заодно распугает всякую здешнюю нечисть.

— А что будем петь? — спросил Кесслер.

Сэмми со всей серьезностью поразмыслил над его вопросом и предложил:

— «Вьется тропка, вьется длинная». Подойдет?

Горланя эту песню, они зашагали вперед. Один Малыш Ку молчал: он не знал слов. «Тропку» сменила «Уложи меня среди клевера», за которой последовали «Песня легионеров» и еще с полдюжины других. Пение помогло им быстрей спуститься с холма в джунгли и ускорило продвижение сквозь заросли. Молит хриплым, режущим слух басом исполнил соло старинную австралийскую песенку «Как погнал наш Клэнси коров на водопой». Допев последний куплет, Молит взялся за Малыша Ку.

— А от тебя мы даже жалкого писка не услышали. Может, споешь нам что-нибудь свое, а?

Малыш Ку застеснялся.

— Да ты смелей,— нетерпеливо настаивал Молит.— Все равно хуже меня тебе не спеть.

Преодолевая смущение, Малыш Ку неохотно повиновался, и из его рта полились какие-то резкие немелодичные сочетания звуковых полутонов. Под эти жуткие вопли в воображении остальных возникла кошка, ополоумевшая от невыносимых резей в желудке. Эта кошачья агония продолжалась несколько минут и вдруг оборвалась — как им показалось — на середине такта.

— Что все это значит? — подступил к нему Молит, играя бровями.

— Лепестки цветов, точно снежинки, медленно падают с неба и нежно приникают к светлой руке моей любимой,— с удивившей остальных беглостью бойко объяснил Малыш Ку.

— Это надо же! — воскликнул Молит.— Очень милая песенка.

Подумать только — Малышу Ку есть о ком петь песни! Такое Молиту раньше и в голову бы не пришло. Он попытался представить себе эту женщину. Вероятно, лицо у нее оливкового цвета, миндалевидные глаза, она смешливая, пухленькая, вкусно готовит; мать семерых упитанных детей. Не исключено, что телом она вдвое крупнее Малыша Ку, управляет им и хозяйством твердой уверенной рукой и зовут ее, возможно, Тончайший Аромат или как-нибудь еще в том же роде.

— Очень, очень мило! — повторил Молит к вящему удовольствию смущенного Малыша Ку.

— Может, споем теперь «Мы идем по Джорджии»? — предложил Сэмми, которому не терпелось еще подрать глотку.

— Я уже задыхаюсь.— Кесслер яростно рубанул мачете по живой изгороди из лиан высотой в половину человеческого роста, которая перекрыла перед ними тропу.— Идущему впереди достается вся работа.

— И он берет на себя весь риск,— добавил Сэмми.— А не идти ли нам во главе отряда по очереди?

— Неплохая идея.— Кесслер прошел через отверстие в изгороди, по краям которого извивались свежие обрубки лиан.— Я обдумаю ее. Напомните мне об этом месяца через два.

Напоминать не пришлось.

Он так долго не прожил.

Тремя днями позже им вдруг повстречались таинственные животные, которые проложили в джунглях тропы. Частенько они задумывались над тем, кто мог проделать в непроходимых зарослях эти коридоры. Уж конечно, не огромные змееподобные твари вроде той, которую пытался обезглавить Гэннибэл Пейтон. С того времени они не раз мельком видели этих животных, но те никогда не выползали на тропу и ни одно на них не напало.

К появлению в джунглях этих троп не имели отношения и похожие на ящериц существа поменьше. Их было слишком мало, да и корпус у них для этого чересчур легок. Людям давно стало ясно, что извилистые коридоры в зарослях протоптаны животными более редкими и очень тяжелыми. Местами эти тропы уже зарастали: вступая в свои права, их постепенно отвоевывали назад джунгли. Однако длинные отрезки пути, за исключением уголков, где затаились алые цветы-хищники, были начисто вытоптаны, словно почву здесь утрамбовали чьи-то чудовищные конечности.

Кесслер уже собрался было свернуть по тропе в сторону, но тут до его слуха издалека донесся какой-то грохот. Другие тоже

это услышали и, приблизившись, остановились за его спиной. Фини задергал ушами, всем своим видом выражая крайнее беспокойство.

Звук казался особенно странным в этом мире мертвой тишины. Он вмиг словно бы отменил извечный закон природы. Гул ударов! Тяжелых, сотрясающих землю, как топот пятидесятитысячного стада взбесившихся буйволов.

Фини возбужденно взвизгнул, быстро забегал кругами, и Кесслер сказал:

— Чувствую, что нам лучше с этой тропы убраться.— Он внимательно оглядел ближайший к ним участок джунглей. Звук становился все громче.— Вон туда!

Указав место, где заросли с виду были чуть реже и ветки не так тесно переплетены, он начал прорубать проход.

Все вместе они яростно рубили ветки и рассекали стебли, а когда им удалось продвинуться в глубь зарослей ярдов на тридцать, оглушительный грохот вырвался из-за поворота тропинки. Молит схватил Фини и своей потной волосатой рукой стиснул ему челюсти, чтобы тот не залаял. В прилипших к спинам рубашках они стояли в глубине чужого ада и наблюдали за происходящим.

По тропе, точно потерявшие управление локомотивы, одно за другим мчались громадные животные. У них была толстая темная кожа, омерзительно уродливые трехрогие головы с маленькими свиными глазками. Казалось, вес их совершенно не соответствует размеру — создавалось впечатление, будто пятьдесят тонн костей и мускулов втиснуто в емкость, рассчитанную тонн на двадцать. Четыре пары массивных, как у слона, ног расплющивали и вбивали в почву стебли лиан и все, что попадалось на их пути.

Их конечности обрушивались на землю с такой неимоверной силой, что это ощущалось даже на расстоянии в тридцать ярдов. Ударная волна, распространившись в верхних слоях почвы, поднялась по стволам деревьев, и верхушки их затрепетали. Животные бежали без единого звука, если не считать топота и пофыркивания, и Кесслеру на миг представилось, будто это какие-то неведомые гигантские трехрогие носороги.

Их было шестьдесят или семьдесят. Неуклюжим галопом, для которого не существовало преград, они промчались мимо, растаптывая все, что попадало им под ноги, проламывая замаскированные покрытия ям-ловушек, на дне которых затаились паукообразные хищники,— теперь тем придется вылезть из своих нор на поверхность и заделать дыры кашицей из слюны с землей.

Выбираясь из укрытия в зеленом сумраке джунглей, люди напрягали слух, чтобы определить, не грозит ли с севера еще

одно такое нашествие, но услышали лишь приглушенный расстоянием удаляющийся топот.

Следуя изгибу тропы, Кесслер вышел к развилке, сверился с компасом и указал налево.

— Нам сюда.

Этот путь привел их к реке. Тропа упиралась в берег, а по обе ее стороны он был начисто вытоптан: этак ярдов на сто по течению и на столько же — против. Сюда приходили на водопой трехрогие чудовища.

Вода в реке была мутная, желтая, течение быстрое. Преграда шириной в тридцать ярдов и неизвестной глубины. Согласно показанию компаса противоположный берег лежал по прямой к северу.

Кесслер хмуро взглянул на быстрый речной поток и решительно заявил:

— Я б и пытаться не стал переплыть эту реку. В ней могут быть сильные подводные течения.— Он вытер с лица пот и какое-то время без особого восторга смотрел на желтую воду, отливавшую зеленоватым блеском под лучами голубого солнца. От реки несло гнилыми яблоками и еще каким-то незнакомым едким запахом.— Это слишком рискованно.

— Тогда остается одно — тащиться назад до той развилки и пойти по другой тропе,— сказал Молит.— Она, правда, вела на запад, но вполне возможно, что потом она снова повернет к северу.

— Я предпочел бы не возвращаться, если можно этого избежать. Частые отклонения от курса нас угробят.— Кесслер внимательно оглядел оба берега, росшие поблизости деревья и после недолгого раздумья промолвил: — Жители земных джунглей плетут мосты из лиан, и на сооружение такого моста уходит совсем немного времени. Кто-нибудь из вас знает, как это делается?

Ни один не имел об этом ни малейшего представления.

Молит решил высказать свои соображения:

— Сдается мне, что люди, которые там занимаются этой работой, должны находиться по обе стороны реки. Если это так, то нам, чтобы построить мост, по которому мы перейдем реку, нужно сначала перебраться на тот берег.

— Перелететь на та сторона, как обезьяна,— сказал Малыш Ку.

— Да ты, верно, телепат! — воскликнул Кесслер.— В моем котелке доваривалась та же идея.— Он еще раз внимательно оглядел деревья.— Только бы найти подходящую лиану...

Они прошлись вдоль берега и вскоре обнаружили то, что искали. Среди множества деревьев, полушатром раскинувших ветви над прибрежной частью потока, нашлось одно, с которого, почти касаясь воды, свисало несколько толстых стеблей лианы.

Подтянуть один из них к берегу не составило особого труда. Они срезали в джунглях длинную лиану, привязали к ее концу овальный камень и, раскручивая его в воздухе, стали забрасывать в сторону болтавшихся над водой стеблей, вокруг одного из которых тонкая лиана и обмоталась с десятой попытки. Они потянули стебель на себя, но его конец взметнулся над берегом и зацепился за дерево так высоко, что дотянуться до него было невозможно, и, чтобы снять его, Молиту пришлось взобраться вверх по стволу.

— Я переправлюсь первым,— сказал Кесслер.

Он привязал уже обмотанный лианой камень к концу свисавшего с дерева стебля, швырнул его через реку и с помощью тонкой лианы вернул назад. Камень пролетел в каких-нибудь двух футах над противоположным, более высоким берегом. Довольный результатом, Кесслер подтянул лямки своего вещевого мешка, проверил, надежно ли пистолет и коробка с патронами приклеплены к поясу, и отдал Молиту компас.

— Слишком уж ценный прибор, чтобы им рисковать.

Не сознавая зловеще-пророческого смысла этих своих слов, Кесслер с помощью остальных поднялся на несколько футов вверх по стволу, схватил толстую лиану и потянул к себе изо всех сил, испытывая на прочность и желая удостовериться, насколько крепко она сцеплена с ветвью.

— Камень был брошен с большой силой,— обеспокоенно сказал Сэмми.— А вы такой мощный толчок не получите. Что, если вы не долетите до того берега?

— Долечу. Эта лиана свисает с ветви по крайней мере футов на пять дальше середины потока, а значит, ближе к противоположному берегу, который к тому же значительно выше этого. Справлюсь — дело нехитрое.

Он покрепче ухватился за стебель, оттолкнулся обеими ногами от ствола и ринулся вперед. Под тяжестью его тела лиана протестующе затрещала, но не лопнула. Однако она сорвалась с ветви, за которую держалась. Кесслер упал в реку. И сразу же вода вблизи места падения всколыхнулась и пошла кругами, словно под поверхностью что-то быстро задвигалось.

Когда Кесслер, подняв фонтан желтых брызг, рухнул в реку и рядом возник этот странный водоворот, Сэмми Файнстоун, стоявший ближе всех к кромке воды, громко вскрикнул. Сбросив мешок с поклажей, он поднял над головой руки.

— Стой, дурак! — заорал Молит и рванулся от подножия дерева к Сэмми, чтобы удержать его.— Ты же не знаешь, что это...

Он опоздал. Пропустив мимо ушей его предостерегающий крик, Сэмми бросился в воду.

На середине реки бесновался водоворот. Среди хлопьев пены из взбаламученной воды выскочила голова Кесслера и сразу же вновь скрылась под поверхностью. Вода пошла волнами, еще больше вспенилась и приобрела розоватый оттенок. Взметнулся невысокий смерч. Из пены на миг показалась рука, вся в крови, судорожно вытянутая, страшная — и Кесслер навсегда исчез.

Тут вынырнул Сэмми, которого мощной подводной волной отбросило назад к берегу. Он отчаянно боролся с течением, но вдруг громко охнул. Молит бросился в ту сторону, куда относило Сэмми, прыгнул в реку, погрузившись в воду по грудь, и за волосы потащил Сэмми к берегу. Потом он нагнулся, подхватил его под мышки и выволок из воды.

Но не всего Сэмми, а лишь его часть — тело без голеней. Ниже колен была только кровь, толчками извергавшаяся из перерезанных сосудов.

— О господи! — выдохнул Молит, чувствуя, как ему сводит внутренности.

Он бережно опустил тело Сэмми на землю, бросился к походной аптечке и с ощущением полной беспомощности окинул взглядом ее содержимое. В ней не было никаких хирургических инструментов, а если бы и были, он все равно не знал, как ими пользоваться. Там был шприц, иглы к нему. Пузырьки с какими-то лекарствами, жидкими и в виде затвердевшей массы. А каким образом наполняют шприц, как и в какую часть тела делают укол? Какое лучше применить лекарство?

Сэмми зашевелился и попытался сесть, лицо у него было белое и сонное, как у человека, еще не вернувшегося к действительности.

— А Макси? — прошептал он.— Что с?..

— Она погибать,— сказал Малыш Ку, пристально глядя на Сэмми своими глазами-щелочками.— Вы лежать тихо-тихо.

Сэмми снова напрягся, стараясь подчинить своей воле нижние конечности, потом глянул вниз.

Вернулся Молит, и Малыш Ку сказал ему:

— Она терять сознание.

— Не имеет значения. Эти вот средства в аптечке — единственное, что у нас есть для оказания ему помощи. Подними-ка его правую культю, да поживей.

Тонкими пластиковыми трубочками он быстро соединил самые большие кровеносные сосуды, потом их и обнаженные мышцы на срезе культи залепил густой клейкой массой. Накладывать эту массу было довольно-таки трудно, ибо стоило нанести ее на какой-нибудь участок раны, как за считанные секунды она становилась твердой, как стекло. Первый ее слой прикрыл рассеченную плоть и закрепил трубочки. На него один поверх другого наложилось еще несколько быстро затвердевших слоев этой массы, и рана оказалась под прочным защитным колпаком. Так же он обработал вторую культю.

В экстренных случаях допускался и такой грубый, зато быстрый способ оказания срочной помощи при тяжелом ранении. Но эта мера с натяжкой годилась только для того, чтобы раненый продержался, пока его не доставят в операционную с новейшим оборудованием, где им займутся руки профессиональных хирургов.

Молит потянулся к аптечке за бинтами и мягкими прокладками. Не потому, что они нужны были для ухода за ранами — ими можно было обернуть обрубки ног Сэмми, чтобы уложить их поудобнее. Его протянутая рука замерла в воздухе, так как в этот миг Малыш Ку выхватил пистолет — единственное оставшееся у них оружие — и ровным голосом произнес:

— Речная дьявол!

Оглянувшись через плечо, Молит увидел торчащую из воды огромную, размером с небольшую лодку, плоскую голову в форме сердца, а на ней — два белых, похожих на блюдца, немигающих глаза, которые смотрели на них пристально и холодно. С рогоподобных выступов этой невообразимой морды свисали тонкие нити водорослей. Челюсти чудовища совершали медленные жевательные движения, словно оно еще не до конца насладилось вкусом редкостного изысканного блюда.

Бешено застрочил автомат. Одно блюдце лопнуло, и из глазницы потекла густая зеленая жидкость. Голова скрылась под водой, и, судя по тому, как в этом месте разбушевалась река, животное заметалось по дну.

Сэмми, которого громкий стрекот автоматной очереди вывел из обморока, шевельнулся и поднял глаза на Молита и Малыша Ку.

— Мои ноги! Что-то оттяпало мне ноги.— И по-детски изумленно добавил: — А я ведь почти ничего не почувствовал. Только слегка резануло болью, как при судороге. Но из-за этого я лишился ног!

— Поправишься.— Молит продолжал бинтовать культю.

— Нет. На этой планете мне не поправиться.— По телу Сэмми прошла дрожь, словно из жарких джунглей на него вдруг повеяло каким-то странным холодом.— Со мной покончено. Вам лучше меня здесь оставить.

— То, что ты временно вышел из строя, не дает тебе права молоть всякую ерунду. Так что заткнись! — резко оборвал его Молит.

Слабо улыбнувшись ему, Сэмми промолвил:

— Груби сколько хочешь — меня ты этим не проведешь. Я же знаю, что настал мой черед дать работу лопате.

— Мы понесем тебя,— отрезал Молит.— Для разнообразия. Рытьем могил я сыт по горло. Выбрось-ка из твоей дурацкой башки, что ты можешь заставить меня выкопать еще одну!

Молит, который теперь был за старшего, пришел к выводу, что река в этом месте — препятствие для них непреодолимое. Будь их только двое, он и Малыш Ку, он пошел бы на риск и попробовал перелететь на тот берег, держась за какую-нибудь другую лиану.

Но переправить туда Фини и Сэмми было невероятно трудно. Проще вернуться к тропе, что вела на запад, и там же поискать какую-нибудь другую, которая, может, потом повернет к северу.

Они срубили и обтесали две прямые ветки, и Малыш Ку натянул между ними мягкую циновку, которую он сплел из похожей на камыш травы. Ловкость, с которой при этом двигались его худые длинные пальцы, поразила наблюдавшего за ним Молита. Очевидно, Малыш Ку обладал особым талантом к подобным поделкам — работа была выполнена с такой быстротой и сноровкой, что Молит и мечтать не мог когда-нибудь сравняться с ним в этом мастерстве.

На таких самодельных, но удобных носилках Сэмми отправился в путь. Рядом с ним лежало его мачете. Как бы ни сложились обстоятельства, не было ни малейшего шанса на то, что он сможет применить его, но им не хотелось расставаться с этим оружием. К тому же само его присутствие немного подбадривало человека, которого несли на носилках: это как бы означало, что те двое по-прежнему считают его полноценным членом их маленького отряда. Но никто лучше его не знал, насколько это далеко от истины.

Итак, он беспомощно лежал на носилках, ловил взглядом успокаивающие отблески солнечного света на лезвии мачете, смотрел, как над ним проплывают ветви деревьев, безмолвно кусал нижнюю губу, чтобы не выдать, насколько ему тяжело, и старался как-то отвлечься от жгучей боли в обрубках ног. Благодаря стекловидным оболочкам, покрывавшим раны, он не

терял крови. Эти оболочки были непроницаемы и для микробов. Другое дело — бактерии, которыми кишмя кишела желтая река. Они проникли в его организм, когда доступ к ранам был еще открыт, и теперь, запертые под этой изолирующей массой, вступили в борьбу с его белыми кровяными тельцами.

К середине второй ночи нестерпимое жжение распространилось на поясницу. Не в силах заснуть от боли, Сэмми лежал между костром и телом спящего Малыша Ку. А неподалеку взад-вперед вышагивал Билл Молит, который нес свою очередную вахту. Поскуливал во сне Фини, растянувшийся на мешках с поклажей. Сэмми вздохнул и, пытаясь сесть, с усилием приподнял над землей верхнюю часть туловища. В его темных глазах замерцали отблески пламени. Подошел Молит, опустился рядом с ним на колени и шепотом, чтобы не разбудить Малыша Ку, спросил:

— Ну, как ты?

— Плоховато. Я...

— Погоди-ка.— Молит направился к сложенным в кучу мешкам, осторожно вытащил из-под Фини свой, порылся в нем и вернулся к Сэмми.— Я прихватил их со спасательной шлюпки. Хотел приберечь...

— Какой шлюпки? — спросил Сэмми.

— Той, которая нас сюда доставила.

Сэмми прищурил глаза, собрался с мыслями и проговорил:

— Ах да, та шлюпка. Господи, как же это было давно.

— Хотел приберечь их до той знаменательной минуты, когда мы увидим перед собой купол спасательной станции.— Молит показал небольшую запечатанную жестянку с сигаретами.— Но теперь такое количество нам не понадобится.

— Убери их,— выдохнул Сэмми. Он безуспешно старался не показать виду, что задыхается.— Жаль сейчас открывать банку. Ведь сигареты не смогут храниться месяцами, если в банку попадет воздух.

— Малыш Ку не курит. Остаемся ты да я.— Молит разгерметизировал банку и щелчком откинул крышку. Он дал Сэмми сигарету, поднес ему огонек, а другую закурил сам.— Как насчет укола морфия?

— Умеешь делать уколы?

— Нет.

Опершись на руку, Сэмми с трудом приблизил свое лицо к лицу Молита и заговорил, понизив голос:

— Вы тащили меня на руках два дня. Сколько вы прошли за это время?

— Миль семь,— наугад ответил Молит.

— Получается три с половиной мили в день. Маловато, верно? И всякий раз, когда тропу преграждают лианы, вам приходится опускать меня на землю, чтобы прорубить проход. Потом вы снова беретесь за носилки. У вас только по две руки, а не по шесть. И ноги у вас тоже не железные. Вы не можете все время идти с такой ношей.

— Ну и что из того? — внимательно глядя на него, спросил Молит.

— У Малыша Ку есть пистолет.

— Ну и что из того? — с тем же выражением в голосе повторил Молит.

— Сам знаешь.

Молит выпустил тонкую струйку дыма и понаблюдал, как она рассеивается в воздухе.

— Со стороны я, наверное, человек дрянной. Быть может, ты меня таким и считаешь. И не исключено, что ты прав. Но при всем при том я не убийца.

— Да взгляни ты на это иначе,— взмолился Сэмми. Он опять сморщился от боли. На его лбу поблескивали капельки пота.— Ты же знаешь, что я все равно скоро умру, чуть раньше или чуть позже. Это лишь вопрос времени. И я прошу тебя сделать так, чтобы мне было легче. Я б очень хотел...

— На самом же деле ты хочешь, чтобы мы облегчили себе существование,— прервал его Молит.— Еще пискни, и я оторву твою безмозглую башку!

Приподнявшись на локте, Сэмми слабо улыбнулся.

— Тебе, Билл, нет равных в умении успокоить человека с помощью угроз.

— Схожу за морфием.

Тяжело ступая, Молит обогнул костер и стал рыться в их запасах. «Билл».— думал он. Пожалуй, впервые Сэмми назвал его по имени. Возможно, что так обращались бы к нему сейчас и другие, доживи они до этого дня.

К примеру, Пейтон. Может, сегодня они уже не обменивались бы такими фразами, как: «Эй, Пейтон, подними-ка вот это» и «Слушаюсь, мистер Молит», а разговаривали бы между собой совсем по-другому: «Прихвати эту штуку, Гэнни»,— «Хорошо, Билл».

И, вполне вероятно, миссис Михалич сейчас звала бы его «Билл», а он, обращаясь к ней, говорил бы «Герда» или «Матушка» или придумал бы какое-нибудь глупое ласковое прозвище вроде «Тутси». Когда-то, давным-давно, он оторопел бы от одной мысли, что такое возможно. Более того, от злости бы

лопнул. Так было раньше, но не теперь, теперь — нет. Времена меняются. А вместе с ними и люди.

Сэмми, не раздумывая, бросился в реку на помощь Кесслеру, а теперь просит их, чтобы выстрелом из пистолета они сняли с себя бремя, которое он на них возложил. Пейтон без оглядки ринулся навстречу неведомой опасности с единственной целью — отвести ее от других. Герда и Григор хотели умереть в одиночестве, чтобы не быть обузой для остальных. Даже Фини, и тот напал бы на одну из тех пятидесятитонных галопирующих махин, пытаясь спасти людей, не дать их растоптать. Словом, каждый по-своему, в зависимости от характера, проявил мужество: кто действовал сгоряча, кто — холодно, одни — под влиянием импульса, другие — рассудочно.

А что в багаже у него, у Молита? Танцовщица, вытатуированная на руке, и фейерверк метеоритов, разлетевшихся по всей его широкой спине. Клок волос на груди. Могучее, как у быка, тело и выносливость, при которой он может брести до последнего, пока не упадет замертво.

Все остальное — невежество. Его профессиональные знания в области реактивной техники сейчас, в этих обстоятельствах, не более чем бесполезный хлам. Он ничего не смыслит в хирургии, мало что знает о применении лекарств. Не обладает острым, как у Фини, слухом и его на редкость тонким обонянием. У него нет таких проворных пальцев, как у Малыша Ку, нет его флегматичного склада ума и невозмутимого спокойствия, с которым тот приемлет будущее. Даже плавать, как Сэмми, он и то не может. Выходит, он вообще толком ни черта не умеет.

Если не считать умения успокаивать людей с помощью угроз. Да, хоть эта мелочь в его пользу, крошечный плюс против его имени.

Как у большинства людей, глубоко переживающих свои заблуждения, самооценка у него была до нелепости заниженная. Его психика сейчас напоминала маятник, который, пока не выравнится его качание, переносится из одной крайней точки амплитуды в другую. И на это была причина. Из глубины его существа... а может, извне, из немыслимой дали?.. ему слышался голос.

Со шприцем в руке он вернулся к Сэмми.

— Я рассудил так: один полный шприц морфия — это самая большая допустимая доза. Надеюсь, что угадал. Ну как, рискнешь?

— Да.— Лицо Сэмми перекосилось от боли. Он выронил недокуренную сигарету.— Делай что угодно, что угодно, только б мне стало полегче.

— По-моему, лучше всего колоть в бедра. Поближе к ранам. Хочешь, вкачу по полшприца в каждое?

Сэмми согласился. Опустившись рядом с ним на колени, Молит впрыснул ему морфий. В жизни он не чувствовал себя так неуверенно, но огромным усилием воли он заставил свои большие волосатые пальцы проделать это четко и осторожно.

Он поднялся с колен.

— Тебе лучше?

— Пока еще нет. Должно быть, надо одну-две минуты подождать.— Сэмми, обливаясь потом, откинулся на спину. Спустя какое-то время, показавшееся вечностью, он проговорил: — Боль стихает. Уже намного легче.— Он закрыл глаза.— Спасибо, Билл.

В бледном свете второй луны, который просачивался между деревьями, его лицо испускало странное призрачное сияние. Молит подождал немного, потом наклонился к Сэмми и прислушался к его дыханию. Довольный, что тот уснул, он вернулся на свой сторожевой пост.

Поздним утром, когда они поднимались на небольшую возвышенность, Молит почувствовал, что носилки тянут его назад, и оглянулся. Малыш Ку остановился и уже опускал свои концы палок на землю. Молит опустил и свои тоже.

— Что случилось?

— Она не смотреть. Не двигаться. Чуть-чуть не падать с носилки. Моя думает, она умирать,— неуверенно сказал Малыш Ку.

Фини на негнущихся лапах подошел к неподвижному телу, обнюхал его и тонким голосом пронзительно завыл. Молит взглянул на Сэмми, пощупал его запястье, приложил ухо к груди. И достал лопату...

Они прихватили поклажу и оружие и пошли дальше.

Их было трое — двое людей и собака.

День тридцать второй, а может, тридцать шестой или пятьдесят шестой? Никто не знал, и никому до этого не было дела. Они потеряли счет дням, ибо считать их не было смысла. Единственным ничтожно малым утешением было то, что они перебрались на другой берег реки — в месте, где она сужалась и из воды торчали большие камни, по которым и удалось ее перейти. Теперь они снова шли на север.

Количество пройденных миль было неразрешимой загадкой. Может, триста, а может, четыреста. В лучшем случае они прошли четверть пути до спасательной станции, если допустить, что Саймс не ошибся в своих расчетах. Им нужно было преодолеть расстояние, в несколько раз превышающее то, которое они уже прошли.

Как-то в полдень, когда они позавтракали, Молит случайно взял в руку вещевой мешок Малыша Ку. Их мешки выглядели одинаково, но стоило ему поднять этот, и он сразу понял, что мешок не его. Он молча опустил его на землю, взял другой мешок, забросил его за спину и, подтянув на плечи ремни, сжал в кулаке рукоятку своего мачете.

С этой минуты Молит стал исподтишка наблюдать за Малышом Ку. И довольно быстро уяснил себе, что тот замыслил. Действовал Малыш Ку спокойно и очень ловко; если б случай с мешком не заставил Молита заподозрить неладное, он так ничего б и не заметил.

За каждой едой один из них — тот, чья очередь,— вскрывал для Фини пакет с пищевым концентратом из своего запаса. Это Малыш Ку проделывал честно, однако картина менялась, когда ему нужно было открыть другой пакет для себя. У него наготове был один уже вскрытый, который он каждый раз доставал, делая вид, что вскрывает и ест его содержимое. Однако он никогда не выбрасывал упаковку, которой полагалось после еды опустеть. Плоский пакет возвращался в его мешок с тем же содержимым, готовый к использованию в следующей пантомиме. Его мешок казался процентов на двадцать тяжелее мешка Молита, следовательно, по приблизительному подсчету, Малыш Ку проделывал этот фокус уже дней шесть-семь.

Однако Малыш Ку не умирал от голода. Он ел по ночам, во время своих очередных дежурств. Лежа у костра, Молит незаметно, одним глазом проследил за ним и увидел, как тот с жадностью поглощает фрукты, ягоды и коренья, собранные им в джунглях, наедается до отвала, готовясь к голодовке следующего дня. Было ясно, почему он так ведет себя, и душа Молита заклокотала от возмущения.

— У нас недостаточно продовольствия, да? — спросил он Малыша Ку.— Оно кончится раньше, чем мы одолеем половину пути до станции, так?

— Моя не знает.

— Отлично знаешь, черт тебя дери! Ты мне не виляй. Ты же все рассчитал своим подлым умишком. Прикинул, что нам никогда не добраться до станции, если мы не начнем есть то, что растет в джунглях. А кто-то же должен стать подопытной морской свинкой, вот тебе и втемяшилось в голову, что такой свинкой станешь ты.

— Моя не понимать,— запротестовал Малыш Ку, глядя на Молита с непроницаемым выражением в черных глазах.

— Не придуривайся! — Молит вперил в Малыша Ку такой взгляд, словно уличил его в каком-то тяжком преступлении.—

Незнакомые пищевые продукты очень опасны. Никогда не предскажешь, как они могут подействовать на человеческий организм. Вот ты и рассудил: если с тобой ничего не случится, это решит для нас вопрос питания на остаток пути... Но если это не пройдет тебе даром, если ты убьешь себя (он в ярости стукнул кулаком по своему мешку), тогда останется намного больше еды для меня и Фини.

— Моя все равно, если моя умирать,— возразил Малыш Ку с истинно восточной логикой.

— А мне не все равно! — взревел Молит.— С твоим проклятым мешком не побеседуешь, если ты сдохнешь. Он мне не компания. Да и по ночам он не сможет дежурить со мной по очереди. Кто будет охранять меня, когда я сплю?

— Хороший собака,— сказал Малыш Ку, взглянув на Фини.

— Собаки мне недостаточно.— Молит говорил жестко и властно. Он толкнул Малыша Ку в грудь и, совершенно не соображая, какую городит чушь, заявил: — Если ты из-за этого умрешь, я убью тебя! Теперь я хозяин всего, что осталось от нашей экспедиции, и я запрещаю тебе затруднять меня своей смертью, понял?

— Моя пока не умирать,— пообещал Малыш Ку и десять дней честно держал слово.

Первым знаком того, что он собирается нарушить свое обещание, было его падение: он рухнул как подкошенный, головой вперед, судорожно поскреб ногтями землю, потом заставил себя подняться на ноги и, спотыкаясь, побрел дальше. Пройдя так ярдов десять, он нагнал поджидавшего его Молита и на этот раз запретил себе упасть. Со стороны это выглядело очень странно.

Он стоял перед Молитом, раскачиваясь, как травинка на ветру, и лицо у него было цвета старой слоновой кости. Его колени медленно сгибались, так медленно, словно что-то тянуло их вниз, преодолевая его отчаянное сопротивление.

Таким вот образом, мало-помалу уступая, он все-таки опустился на колени, извиняющимся тоном пробормотал:

— Моя больше не может.— И упал на руки подхватившего его Молита.

Быстро сняв с него пояс с пистолетом и зарядами и вещевой мешок, Молит положил его на заросший мхом пригорок, а Фини бегал вокруг них, взволнованно скуля. Когда Молит нагнулся над Малышом Ку и попытался привести его в чувство, голубое солнце плеснуло жаром в просвет между листьями и опалило ему шею.

— Не вздумай смыться, слышишь? — Молит настойчиво встряхнул его.— Не смей уйти, как все остальные. Я не стану

рыть для тебя могилу. Не надейся! — Он схватил лопату и зашвырнул ее в джунгли. На лбу его пульсировала вздувшаяся вена.— Видишь, я выбросил эту штуку, будь она трижды проклята. Ею никто больше не выроет ни одной могилы. Никогда, никогда, никогда! Ни для тебя, ни для меня.— Он похлопал по щекам цвета слоновой кости.— А ты проснись, ладно? Ну, давай, просыпайся!

И Малыш Ку послушно проснулся, повернулся на бок, и его вырвало. Когда рвота прекратилась, Молит подхватил его под мышки и насильно поставил на ноги, поддерживая, чтобы тот не упал.

— Теперь порядок?

— Много-много больная.

Малыш Ку повис у него на руках.

— Тогда чуток посидим.

Опустив его обратно на пригорок, Молит присел рядом и положил голову Малыша Ку себе на колени. Фини тревожно залаял — ярдах в сорока от них в зарослях мелькнули огромные кольца змееподобного существа. Молит схватил пистолет и послал в ту сторону очередь из пяти выстрелов. Свитое в кольцо чудовище быстро заскользило назад. Молит снова занялся Малышом Ку, проклиная собственное бессилие и взывая к лежащей у него на коленях голове:

— Ну, перебори себя, малыш. Нам еще идти да идти, но мы это осилим, если будем держаться друг друга. Мы уже прошли с тобой много-много миль. Ты же не сдашься сейчас, правда? Говорю тебе, возьми себя в руки!

Солнце скрылось за горизонтом, жалобно заскулил Фини; сгустилась тьма, пока ее немного не рассеял слабый тусклый свет появившихся на небе трех лун. А Молит все сидел, держа на руках Малыша Ку, и время от времени обращался к нему с какими-то словами, но уши того оставались глухи. Молиту показалось, что громадное голубое солнце разметало и спутало его мысли, и он потерял над ними власть.

У него возникло ощущение, будто он ограждает своими руками от неведомой опасности не только Малыша Ку, но и всех остальных, кто некогда брел с ним по этим чужим тропам: Саймса и Пейтона, Сэмми и Кесслера, обоих Михаличей. Да и тех, с кем он жил и общался в те давние времена, когда еще существовал большой серебристый цилиндр, называвшийся «Стар Куин».

И еще ему казалось, будто он слышит голос, который звучал сейчас намного громче и настойчивей, чем прежде. Но хоть убей, он не мог разобрать, какие слова пытался сказать ему этот голос.

Он просидел так до самого рассвета, одежда его стала влажной от росы, веки вспухли и покраснели. Малыш Ку был еще жив, но без сознания и ни на что не реагировал. Он был в состоянии полного оцепенения, как после приема большой дозы наркотика.

Это напомнило Молиту, что, если верить слухам, такие как Малыш Ку, подвержены наркомании. А вдруг у Малыша Ку имелся тщательно запрятанный запас опиума — либо в его мешке, либо при нем, в одежде? Молит обыскал все, и, надо сказать, очень тщательно. И не нашел никакого опиума. Сколько-то дней назад он точно так же обыскал Сэмми. И не нашел никаких бриллиантов. Ни у одного не оказалось тех вещей, которые, по сложившимся о них представлениям, эти люди должны были всегда иметь при себе.

Он пришел к выводу, что жизнь в некотором смысле — это огромная ложь, черт ее дери. А правда — тоже в каком-то смысле — открывается со смертью. Среди вещей Малыша Ку не оказалось ничего заслуживающего внимания, кроме выцветшей потрескавшейся фотографии, на которой была запечатлена деревушка с домиками под покосившимися крышами, а на заднем плане виднелись какие-то горы. Только и всего. И ничего больше. Его рай, его царство небесное на земле.

— Я привезу тебя туда,— поклялся Молит.— Даже если на это уйдет десять лет.

Надев пояс с зарядами и пристегнув к нему пистолет, он набил до отказа один из мешков, закрепил ремни так, что теперь, когда он продел в них руки, мешок висел у него на груди, а не за спиной. Часть содержимого походной аптечки он рассовал по карманам, а что не поместилось, оставил на пригорке. Воткнул мачете заостренным концом в землю, чтобы можно было взяться за рукоятку не нагибаясь, взвалил на спину Малыша Ку, сжав в своей волосатой лапе оба его тощих запястья, другой рукой выдернул из земли мачете и пустился в путь.

Когда они двинулись дальше, Фини очень оживился: он прыжками понесся вперед, то и дело к чему-то принюхиваясь и часто оглядываясь, чтобы убедиться, следует ли за ним Молит. Полчаса ходьбы, пять минут отдыха; полчаса ходьбы, пять минут отдыха. Еще хорошо, что судьба наградила его таким сильным телом, одновременно распорядившись, чтобы Малыш Ку был маленьким, ссохшимся — кожа да кости — подобием человека.

И вот, тащась по тропе, Молит начал разговаривать вслух. Иногда с Малышом Ку, безмолвное тело которого было перекинуто через его широкое плечо. Иногда — с Фини, удивительно

терпимо воспринимавшим любое его чудачество как самое что ни на есть обычное явление. А бывало, что он, ни к кому не обращаясь, выкрикивал гневные фразы, порожденные жаром голубого солнца и чужой атмосферой. Его тело пока функционировало, а разум уже помутился, но сам он об этом не подозревал.

Во время восьмой остановки Малыш Ку издал горлом тихий прерывистый хрип, впервые со вчерашнего дня открыл свои черные глаза и прошептал:

— Моя много извиняйся.

И с присущим ему спокойствием тихо ускользнул туда, куда уходят Малыши Ку. А Молит не заметил, что его уже нет. Он поднял его тело и понес дальше сквозь зеленый ад, потом опустил его на землю, снова поднял, снова понес: одна изнуряющая миля за другой, один час пекла за другим. Молит иногда разговаривал с ним, и почти всегда Малыш Ку отвечал ему, любезно и без запинки.

— Мы все ближе к цели, малыш. Хорошо продвигаемся вперед. Сегодня прошли пятьдесят миль. Что ты на это скажешь?

— Чудесно,— ободряюще отвечало мертвое лицо.

— А может, завтра мы пройдем сто. Под этим голубым солнцем. Оно все хочет меня сжечь, но я ему не дамся. Вонзается мне прямо в мозг и требует: «Падай, ну, падай же, будь ты проклят!» — но я не упаду, слышишь? Ты имеешь дело с Биллом Молитом. А я плюю на голубое солнце.— И он плевал для вящей убедительности, а Малыш Ку лежал, замерев от восхищения.— На следующей неделе в среду мы дойдем до купола. Они там организуют для Сэмми новые ноги. А через месяц во вторник будем уже лететь к Земле.— Он торжествующе фыркал.— И к Рождеству мы дома, а?

— Разумеется! — с положенным восторгом отвечал Малыш Ку.

— А Фини угостим говяжьими костями,— добавлял Молит, обращаясь к собаке.— Как ты на это смотришь?

— Сгораю от нетерпения,— отвечал Фини и со всех ног бежал вперед.

Как же хорошо иметь настоящих друзей там, где без них было бы ужасающе одиноко.

Слышать, как они с тобой разговаривают — они и тот голос, который все звал, звал...

В среду он свернул на восток. Компас лежал там, где он обронил его два дня назад,— под необычайной красоты орхидеей, которая издавала зловоние. Он не отличал востока от запада,

севера от юга, но его могучее тело продолжало идти, точно взбесившийся механизм, который упрямо не желает остановиться. И все это время Фини бежал впереди него на расстоянии прыжка; днем помогал обходить замаскированные ямы-ловушки, по ночам — стерег его.

Его обожженное лицо стало кирпично-красным и было изборождено глубокими морщинами, черными от пыли и пота. Нечесаная свалявшаяся борода клочьями свисала на грудь. Глаза его были налиты кровью, зрачки расширены, но тело продолжало шагать вперед с бездумным упорством робота.

Время от времени он втыкал мачете в землю, выхватывал пистолет и стрелял, кое-как прицелившись, примерно в том направлении, где появлялись какие-то животные, которые напали бы на него, стреляй пистолет бесшумно. Но они убегали от громкого треска пальбы, не перенося этих звуков. Раза два он стрелял в драконов, которые существовали только в его больном воображении. Останавливаясь передохнуть, он всякий раз беседовал с Малышом Ку и Фини, и они на его блестящие остроты неизменно отвечали наизабавнейшими шутками.

Как это ни странно, он никогда не забывал покормить собаку. Иногда он так увлекался разговором со своими двумя собеседниками, что пренебрегал необходимостью поесть самому, но не было случая, чтобы он не вскрыл пакета с пищевым концентратом для Фини.

Когда Молит вышел к крайнему отрогу горной цепи, он оказался на возвышенности. Джунгли поредели и постепенно уступили место голым скалам, и пришло время, когда он уже тащился там, где не было ни тропы, ни деревьев, и ничто больше не защищало его от жгучих лучей висевшего в небе огненного шара.

«Выше, еще выше»,— настойчиво твердило то, что заменило ему разум. Он взбирался по пологим склонам, оступившись, скользил вниз, хватаясь за предательские выступы скал, чтобы удержаться, но продолжал ковылять дальше. «Попробуй-ка выбраться из ущелья, старик сказал, "Стар Куин" уходит в небо, кто говорит, что Билл Молит в числе погибших? Выше, выше!»

Миля, ярд, дюйм или сколько там — вверх. Потом отдых и беседа. Еще миля, ярд или дюйм вверх. Дыхание его стало затрудненным, прерывистым. Зрение почему-то не фокусировалось, и бывало, что поверхность, по которой он шел, то неожиданно вздымалась перед его глазами, то становилась совершенно плоской, и он спотыкался, застигнутый врасплох.

Две костлявые руки с нечеловеческой силой оттягивали книзу его левое плечо, и что-то темное, издавая назойливые звуки, вертелось у его спотыкающихся ног, обутых в грубые башмаки.

Звуки теперь слышались со всех сторон: они неслись с высоты небес, они пробивались из глубин его существа, разрушая незыблемую тишину этого мира, которая теперь сменилась адской какофонией.

О, этот лай и визг непонятного создания, что металось перед его глазами, это пульсирующее *«уйоум-уйоум»*, которое доносилось с какой-то неведомой точки вблизи огнедышащего, как раскаленная печь, солнца. И голос, сейчас уже гремевший в его душе подобно грому, так что ему наконец удалось разобрать слова.

«Придите ко мне все труждающиеся и обремененные...»

Плевать он хотел на этот голос. Он и прежде никогда к нему не прислушивался. Может, он существует, может, нет. Но голос произнес одно слово, которое заинтересовало его. Одно-единственное слово.

«Все»,— сказал голос.

Он никого не отметил особо.

Никому не отдал предпочтения.

Он сказал: *«Все»*.

«Точно!» — мысленно согласился Молит и рухнул головой вперед, как сраженный ударом бык, вытянувшись среди раскаленных скал, и маленькое коричневое существо, скуля, принялось лизать его лицо, а голубое солнце продолжало выжигать почву чужой планеты.

«Уйоум-уйоум» покинул свое место возле солнца, снизился и выбросил тонкую нить, на конце которой висело нечто, похожее на толстого черного паука. Паук коснулся поверхности планеты, разделился пополам и стал двумя людьми, одетыми в тускло-коричневого цвета униформу. В их ноздри были вставлены миниатюрные фильтры.

Бешено крутя обрубком хвоста, Фини прыгнул на первого из них с явным намерением слизнуть с его лица кожу. Жертва взяла Фини на руки, потрепала за уши и ласково шлепнула по спине.

Второй наклонился над телами, потом пошел назад к нити и заговорил в болтавшийся на ее конце аппаратик:

— Честь и хвала твоему зрению, Эл. Ты ведь был прав. Их действительно двое — один парень тащил на себе другого.— Молчание, затем: — Им неоткуда здесь взяться, кроме как с той спасательной космошлюпки. Жаль, что они не остались в ней, ведь мы засекли ее, когда она опускалась на поверхность планеты.

— Однако же на ее поиски у нас ушло десять дней,— донесся сверху голос пилота.— За такой срок у них лопнуло бы терпе-

ние. и они все равно ушли бы в джунгли.— Немного подумав, он заговорил снова: — Я по коротковолновику свяжусь с куполом — пусть они пришлют патруль, чтобы прочесать весь путь отсюда до космошлюпки. Если выжил кто-нибудь еще, то наверняка прячется в зарослях именно по этому маршруту.

— Что значит «кто-нибудь еще?» Эти двое мертвей мертвых. Жива только собака.

— Все-таки не мешает проверить.

— Дело твое.

Отойдя от аппарата, говоривший вернулся к своему напарнику.

— Этот громила скончался совсем недавно,— сказал тот.— Просто диву даешься, как ему удалось сюда добраться. Мы опоздали всего на несколько минут. А другой умер дней пять назад.

— Какого же черта он тащил на себе труп?

— Откуда мне знать? Может, он был его лучшим другом.

— Кто? Этот недомерок-китаеза? Не будь идиотом!

Никогда в жизни ничто не заставило его услышать тот голос.

«Все»,— говорит он.

Игра на выживание

Его вели под клацанье ножных кандалов и дребезжание цепей, стягивающих запястья. Скованные лодыжки заставляли его нелепо семенить, что лишь забавляло охранников. Они понукали пленника двигаться быстрее, чем он мог. Кто-то из конвоиров указал ему на стул, стоящий возле длинного стола. Другой конвоир пихнул его с такой силой, что он с размаху рухнул на сиденье.

Дрогнувшая черная шевелюра да сморщенный от боли лоб — это все, что увидели захватившие его в плен. Потом он поднял свои светло-серые глаза и обвел взглядом стол. Глаза его были настолько бледными, что зрачки казались ледяными. Взгляд его глаз не был ни дружественным, ни враждебным; в нем не читалось ни покорности, ни злобы. Глаза оставались бесстрастными и совершенно холодными.

По другую сторону стола восседало семеро гомбарцев, и каждый глядел на пленника по-разному. Он без труда прочитал владевшие ими чувства: торжество, отвращение, удовлетворение, скука, любопытство, ликование и презрение. Расу, захватившую его в плен, можно было бы назвать человекообразной, но в том же смысле, в какой горилл именуют человекообразными обезьянами. На этом сходство гомбарцев и землян кончалось.

— Начнем,— сказал сидевший в середине гомбарец. Каждый третий из произносимых им слогов приходился на странный хрюкающий звук.— Тебя зовут Уэйн Тейлор?

Пленник молчал.

— Ты явился с планеты, называемой Землей?

Ответа не было.

— Давай не будем понапрасну тратить время, Паламин,— предложил гомбарец, что сидел слева.— Если он не хочет говорить добровольно, мы его заставим.

— Ты прав, Экстер.

Сунув руку под стол, Паламин извлек молоток. Боек молотка имел грушевидную форму; широкий его конец был сплюснут.

— Тебе понравится, если мы сейчас начнем ломать тебе пальцы и суставы?

— Нет,— признался Уэйн Тейлор.

— Весьма разумный ответ,— одобрил Паламин.

Он положил молоток на середину стола, так чтобы орудие пытки было видно пленнику целиком.

— Мы потратили немало времени на обучение тебя нашему языку. К этому дню даже ребенок смог бы в достаточной мере овладеть нашим языком, чтобы понимать вопросы и отвечать на них.

Паламин свирепо поглядел на Тейлора.

— Ты долго дурачил нас, симулируя необычайную тупость и медлительность в обучении. Но больше тебе не удастся нас обманывать. Теперь ты выложишь нам все.

— Добровольно или принудительно, но ты обязательно заговоришь,— добавил Экстер, облизывая тонкие губы.

— Верно,— согласился Паламин.— Начнем еще раз и посмотрим, сумеем ли мы обойтись без излишних жестокостей. Итак, тебя зовут Уэйн Тейлор и ты прилетел с планеты Земля?

— Я же сообщил об этом, еще когда меня брали в плен.

— Знаю. Но в то время ты плохо говорил на нашем языке, а нам надо, чтобы все наши вопросы были тебе понятны до последнего слова. Зачем ты совершил посадку на Гомбаре?

— Я уже двадцать раз объяснял вашему преподавателю, что это была вынужденная посадка. Мой корабль получил повреждения.

— В таком случае почему ты взорвал свой корабль? Почему не пошел с нами на открытый контакт и не попросил у нас помощи в ремонте?

— Любой земной корабль, совершивший посадку на враждебной планете, должен быть уничтожен его экипажем.

— Враждебной? — Паламин попытался изобразить на лице неподдельное удивление, но его лицо было слишком грубым инструментом.— Вы, земляне, ничего не знаете о нас. Так кто вам дал право считать нас враждебными?

— По прибытии сюда я оказался не в дружеских объятиях, а под обстрелом,— ответил Тейлор.— Вы охотились за мной целых двадцать миль, пока не схватили.

— Наши солдаты выполняли свой долг,— патетически заявил Паламин.

— Не окажись они самыми вшивыми стрелками по эту сторону Лебедя, вам сейчас было бы некого допрашивать.

— Что такое Лебедь?

— Созвездие*.

— Кто ты такой, чтобы судить о наших солдатах?

— Землянин,— ответил Тейлор, словно этих слов было более чем достаточно.

— Мне это ничего не говорит,— с нескрываемым презрением бросил Экстер.

— Ничего, скажет.

Паламин продолжил допрос:

— Если бы власти Земли пожелали установить с нами дружественные отношения, они должны были бы послать к нам большой корабль с официальными представителями на борту. Что, разве не так?

— Я так не думаю.

— Это почему?

— Мы не рискуем большими кораблями и официальными представителями, не зная, как их встретят.

— А откуда вообще вам это знать?

— От космических разведчиков.

— Ага! — Паламин уставился на него с гордостью пигмея, поймавшего в западню слона.— Значит, ты все-таки признаешь, что являешься шпионом?

— Я являюсь шпионом только в отношении враждебных рас.

— Ошибаешься! — прорычал тип с квадратной челюстью, сидевший справа.— Здесь определения даем мы. Кем мы тебя назовем, тем ты и будешь.

— Это ваше право,— согласился Тейлор.

— И мы намерены им воспользоваться.

— Ты обязательно им воспользуешься, дорогой Боркор,— поспешил успокоить его Паламин. Он вновь повернулся к пленнику: — Какова численность твоей расы?

— Около двенадцати миллиардов.

— Он лжет! — воскликнул Боркор, хищно поглядывая на молоток.

— Одной планете не выдержать такой массы землян,— заметил Экстер.

— Мы населяем не одну, а более сотни планет,— сказал Тейлор.

---

* Лебедь — большое красивое созвездие, состоящее из 16 звезд, самая яркая из которых — звезда Денеб. На карте звездного неба это созвездие располагается в северо-восточной части.— *Прим. перев.*

— Опять вранье! — стоял на своем Боркор.

Махнув ему, чтобы успокоился, Паламин спросил:

— А сколько у вас космических кораблей?

— Вынужден вас огорчить: рядовых космических разведчиков не снабжают данными о численности нашего космического флота,— равнодушным тоном ответил Тейлор.— Поэтому я не имею ни малейшего представления.

— Какое-то представление ты все-таки должен иметь.

— Если вам нужны предположения, то ценность моих предположений невысока.

— Выкладывай их, а мы решим.

— Один миллион.

— Чепуха! — заявил Паламин.— Полный абсурд.

— Ладно. Одна тысяча. Любое число, которое покажется вам правдоподобным.

— Это никуда нас не приведет,— пожаловался Боркор.

— А чего вы ожидали? — удивился соплеменникам Паламин.— Если бы мы послали шпиона на Землю, неужели мы снабдили бы его сверхсекретными сведениями, чтобы он выложил их, попав в плен? Или мы сообщили бы ему ровно столько, сколько необходимо для выполнения задания? Идеальный шпион — это сметливый невежда, способный все выведать, но не знающий ничего, что можно было бы выдать.

— Прежде всего идеальный шпион ни за что не попал бы в плен,— язвительно заметил Экстер.

— Благодарю за эти добрые слова,— вмешался Тейлор.— Если бы я прилетел к вам как шпион, вы бы не увидели ни моего корабля, ни тем более меня.

— Лучше скажи, куда ты направлялся перед тем, как сесть на Гомбаре? — спросил Паламин.

— К звездной системе, расположенной за вами.

— А наша звездная система, стало быть, тебя не интересовала?

— Нет.

— Почему?

— Я летел туда, куда мне приказали.

— Ты плохо сочинил свою историю. Она неубедительна.— Паламин откинулся на спинку стула и язвительно поглядел на пленника.— Трудно поверить, чтобы космический разведчик оставил без внимания одну звездную систему ради другой, которая находится гораздо дальше.

— Я направлялся к системе из двух звезд, вокруг которых обращается не менее сорока планет,— сказал Тейлор.— В вашей

звездной системе только три планеты. Естественно, что пославшие меня сочли ее малоинтересной.

— И нас — население этих трех планет — тоже?

— Откуда нам было знать о вас? До меня здесь никого из землян не было.

— Зато теперь твои соплеменники узнают о нашем существовании,— произнес Экстер, сумев придать своим словам угрожающий оттенок.

— О нас знает он один,— поправил Экстера Паламин.— Остальные его соплеменники не знают. И чем дольше они не узнают, тем лучше для нас. Когда чужая раса начинает совать свою морду в нашу звездную систему, нам требуется время, чтобы собраться с силами.

Все семеро одобрительно забормотали и захрюкали.

— Это соответствует вашему уровню мышления,— сказал им Тейлор.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы считаете вполне нормальным, что встреча двух рас должна привести к столкновению и перерасти в войну.

— Только законченные идиоты предполагают нечто другое и позволяют застичь себя врасплох,— возразил ему Паламин.

Тейлор вздохнул.

— К настоящему моменту мы сумели поселиться на сотне планет без единого сражения. Как нам это удалось? А очень просто: мы не остаемся там, где нас не хотят видеть.

— Невообразимое зрелище,— язвительно проговорил Паламин.— Стоит кому-то на какой-то планете сказать вам: «Пошли прочь», и вы покорно убираетесь прочь. Подобное противоречит инстинкту.

— Вашему инстинкту,— сказал Тейлор.— Мы не видим смысла в том, чтобы понапрасну тратить время и средства на войну, когда и то и другое можно направить на исследования и разработку исследованного.

— И что же, в вашем космическом флоте нет военных кораблей?

— Разумеется, есть.

— Много?

— Столько, сколько нам требуется.

— Полюбуйтесь: раса миролюбцев, вооруженных до зубов,— обращаясь к соплеменникам, сказал Паламин. Он понимающе ухмыльнулся.

— Лжецы всегда отличаются непоследовательностью,— с видом мудреца провозгласил Экстер. Он задержал свой тяжелый

взгляд на пленнике.— Если вы такие миролюбивые, зачем вам тогда военные корабли?

— У нас нет гарантий, что во всех уголках космоса разделяют принцип, на котором строится наша политика: «Живи и давай жить другим».

— Поясни.

— Мы никому не угрожаем и не мешаем жить. Но где-то у кого-то может возникнуть желание угрожать и мешать нам.

— И тогда вы начинаете с ними войну?

— Нет. Войну начинает угрожающая нам сторона. А нам приходится эту войну заканчивать.

— Сплошные уловки,— презрительно поморщился Экстер, обращаясь к Паламину и остальным.— Тактика, очевидная для всех, кроме законченных идиотов. Они расселились на сотне планет, если, конечно, это достоверное число, чему лично я не верю! На большинстве из них земляне не встречали противостояния, поскольку противостоять было некому. На обитаемых планетах местное население оказывалось слабым и отсталым. Там понимали, что борьба с пришельцами окончится для них крахом, и потому покорялись судьбе. Но на любой планете, жители которой сильны и полны решимости дать отпор — например, на такой планете, как наш Гомбар,— земляне стремились быстро подавить сопротивление под предлогом того, что это угрожает их безопасности. Они заявляли, что им, видите ли, угрожают. Вот их моральные доводы в оправдание войны.

Паламин взглянул на Тейлора.

— Что ты на это скажешь?

Выразительно пожав плечами, Тейлор ответил:

— Там, откуда я родом, политический цинизм давным-давно вышел из употребления. Мне все равно не убедить вас, поскольку в своем развитии вы отстали от нас не меньше чем на десять тысяч земных лет.

— Мы так и будем сидеть и сносить оскорбления от этого пленника в цепях? — сердито набросился на Паламина Экстер.— Вынесем наше решение о его казни и разойдемся по домам. Я достаточно наслушался его пустых разглагольствований.

— Я тоже,— сказал один из гомбарцев. Судя по виду, он всегда поддерживал мнение сильного.

— Терпение,— возразил Паламин. Он обратился к Тейлору: — Ты утверждаешь, что тебя послали исследовать систему звезд, которые мы называем Халор и Риди?

— Если речь идет о ближайшей к вам системе, то да. Я летел в том направлении.

— А если, предположим, вместо этого тебе бы приказали обследовать систему Гомбара? Ты бы так и сделал?

— Я подчиняюсь приказам.

— Значит, ты бы постарался, действуя тихо и незаметно, как можно больше разнюхать про нас?

— Не совсем так. Если бы ваша планета показалась мне дружественной, я бы не стал таиться.

— Он увиливает от ответа на твой вопрос,— крикнул все еще сердитый Экстер.

— А что бы ты сделал, если бы у тебя не было уверенности в том, как мы тебя встретим? — продолжал допытываться Паламин.

— То, что на моем месте сделал бы любой разведчик,— ответил Тейлор.— Я бы начал облет вашей планеты и летал над ней до тех пор, пока бы не пришел к однозначному выводу.

— И при этом старался бы не попасть к нам в плен?

— Конечно.

— А если бы тебе не понравилось, как мы тебя встретили, ты бы в докладе своему начальству назвал нас враждебной расой?

— Скорее всего, да.

— Это все, что нам требовалось,— подвел итог Паламин.— Твои признания наглядно свидетельствуют о том, что ты шпион. И не имеет значения, получил ли ты приказ сунуть свой любопытный нос в нашу звездную систему, или ты сделал это по собственной инициативе. В любом случае ты действовал как шпион.

Паламин обвел глазами шестерых соплеменников.

— Вы согласны?

— Согласны,— хором отозвались они.

— Для таких, как ты, существует лишь одна участь,— закончил Паламин.— Тебя отведут обратно в камеру, где ты будешь находиться вплоть до момента официальной казни.

Он махнул охранникам.

— Увести.

Из-под Тейлора выбили стул и пинком заставили встать. Охранники вновь пытались заставить его двигаться быстрее, чем было в его силах. Тейлор зацепился за свои кандалы и чуть не упал. Однако он все же сумел задержаться на пороге, обернуться и бросить взгляд на вершителей правосудия. Ничего не изменилось в его бледных глазах. Они по-прежнему оставались ледяными.

Когда пожилой надзиратель принес ему ужин, Тейлор спросил:

— А как у вас здесь казнят?

— А как казнят там, откуда ты прилетел? — вопросом ответил тюремщик.

— У нас не казнят.

— Не казнят?

Надзиратель даже заморгал от удивления. Поставив поднос на пол, он уселся на скамью рядом с Тейлором, оставив массивную зарешеченную дверь открытой. Рукоятка револьвера торчала из кобуры совсем близко от Тейлора — пленнику не составило бы труда до нее дотянуться.

— Тогда как же вы расправляетесь с опасными преступниками? — спросил надзиратель.

— Тех, кто поддается лечению, мы лечим, применяя любые действенные способы, вплоть до операций на мозге. Это жестоко, но справедливо. Неизлечимых мы отправляем на далекую планету, откуда им не сбежать и где они могут сражаться насмерть с подобными себе.

— Чудной у вас мир, если не врешь,— высказал свое мнение тюремщик.

Он как бы невзначай вытащил револьвер, направил на стену и нажал курок. Выстрела не последовало.

— Не заряжен,— сказал надзиратель.

Тейлор не ответил.

— Видишь, захватывать мое оружие бесполезно. И пытаться бежать отсюда бесполезно. Бронированные двери, куча замков, а дальше — охрана. Вот у нее револьверы заряжены до отказа.

— Прежде чем думать о побеге, надо избавиться от кандалов,— возразил Тейлор.— Ты бы согласился их снять за взятку?

— А что с тебя взять? У тебя нет ничего, кроме этой одежды. Да и ее сожгут после твоей казни.

— Ладно, я пошутил.— Тейлор звякнул кандалами и поморщился.— Ты так и не рассказал мне, как я буду умирать.

— Очень просто: публичная казнь через удушение,— сообщил надзиратель. Он почему-то причмокнул губами.— У нас все казни происходят публично. Власти считают: недостаточно, чтобы правосудие свершилось. Народ должен видеть, как он вершится. У нас все это видят. Казни оказывают превосходное воспитательное действие. А зрелище какое!

Он снова причмокнул губами.

— Не сомневаюсь,— коротко ответил Тейлор.

— Тебя поставят на колени, спиной к столбу, и привяжут за руки и за ноги,— тоном университетского преподавателя про-

должал надзиратель.— В столбе, на уровне твоей шеи, просверлено отверстие. Тебе на шею накинут веревочную петлю, концы веревки пропустят сквозь это отверстие и прикрепят с другой стороны к палке. Палач возьмется обеими руками за палку и начнет ее поворачивать, стягивая петлю. Он может делать это быстро или медленно — все зависит от его настроения.

— Наверное, когда палача охватывает вдохновение, он продлевает мучения жертвы, то ослабляя, то усиливая натяжение. Я угадал?

— Нет, такое у нас запрещено,— успокоил Тейлора тюремщик, не поняв издевки.— Способ, о которым ты говоришь, применяется лишь к особо упрямым преступникам, чтобы добиться от них признаний, но только не во время казни. Гомбарцы — справедливый и добросердечный народ, понимаешь?

— Ты меня здорово утешил,— сказал Тейлор.

— Не волнуйся, тебя умертвят быстро и умело. Я видел множество казней, и все они были исполнены профессионально. Когда палач вращает палку, тело казнимого вытягивается и напрягается так, что цепи врезаются ему в руки и ноги. Потом глаза вылезают из орбит, язык высовывается наружу, чернеет, и... все кончено. Палачи у нас искусные, свое дело знают. Так что можешь не беспокоиться.

— Как видишь, я и не волнуюсь,— сухо бросил ему Тейлор.— Я просто на седьмом небе от радости, поскольку мне нечего терять, кроме последнего вздоха.— Немного подумав, он спросил: — Осталось выяснить, когда я смогу доставить всем вам это удовольствие?

— Сразу же, как только закончишь игру,— ответил надзиратель.

Тейлор решил, что ослышался.

— Игру? Я что-то не понимаю. О какой еще игре ты говоришь?

— По нашим законам осужденному дается право сыграть последний раз в жизни в какую-нибудь игру. Мы подбираем ему в противники хорошего, опытного игрока. Когда игра заканчивается, осужденного уводят и казнят.

— Казнят, если выиграет, и казнят, если проиграет?

— Исход игры не имеет значения. Осужденный должен быть казнен. Поэтому выиграет он или проиграет — его все равно казнят.

— По-моему, это полнейшее безумие,— нахмурился Тейлор.

— Для чужеземца — возможно,— ответил надзиратель.— Но, думаю, даже ты согласишься, что осужденному на смерть нужно

дать немножко уверенности... я бы даже сказал — привилегию побороться за свою жизнь.

— Борьба-то бессмысленная, если от ее исхода ничего не зависит.

— С одной стороны, да. Но приговоренному дорога каждая минута отсрочки.

Надзиратель потер руки, предвкушая зрелище.

— Скажу тебе: нет ничего более волнующего и захватывающего, чем смотреть, как обреченный на смерть ведет игру против опытного игрока.

— Неужели?

— Можешь мне верить. Вся штука в том, что приговоренный к смерти играет в особом состоянии. Его разум полон мыслей о неминуемом прощании с жизнью, а его противник ничего подобного не испытывает. Это одна особенность. Другая: осужденный изо всех сил стремится сделать так, чтобы не дать своему противнику ни выиграть, ни проиграть. Все свое умение, все способности он прилагает к тому, чтобы игра длилась как можно дольше. И при этом он ни на минуту не забывает о неизбежном конце.

— На вас это действует как скипидар, впрыснутый в задницу,— сказал Тейлор.

Прежде чем причмокнуть губами, надзиратель их облизал.

— Многие из виденных мною преступников играли в холодном поту, и отчаяние делало их изобретательными. Но рано или поздно их ход все равно оказывался последним. Я не раз видел, как осужденные теряли сознание и падали со стула. Их приходилось волоком тащить к столбу, обмякших, будто пустой мешок. И только у столба, когда на шею уже была накинута петля и палач готовился первый раз повернуть палку, к ним возвращалось сознание. Но зрелище было испорчено.

— Похоже, не стоит особо и дергаться,— заключил Тейлор.— Никакому игроку все равно не продержаться долго.

— Обычно все кончается быстро, но я видел и исключения. Среди осужденных попадались крепкие и опытные игроки, способные отодвинуть казнь на четыре-пять дней. Был один парень — профессиональный игрок в *алгизик*. Естественно, он выбрал эту игру и умудрился продержаться шестнадцать дней. Я даже пожалел, когда игра прекратилась: он так здорово играл. А как сильно опечалились телезрители!

— Значит, у вас эти игры показывают по телевидению?

— Конечно. Более захватывающих передач ты не найдешь. Все сидят как приклеенные и смотрят.

— М-да.— Тейлор снова немного задумался.— А если бы такому телегерою удалось продолжать игру в течение года или больше, ему бы позволили играть?

— Обязательно. Я же говорил: осужденного нельзя казнить до тех пор, пока игра не закончится. Тебе это, верно, покажется глупостью, но таков наш закон. Скажу тебе больше: закон требует, чтобы в продолжение всей игры осужденного хорошо кормили. Если он захочет, то может пировать как король. Но все равно, они редко едят много.

— Разве впроголодь играть лучше?

— Нет, конечно, но осужденные так нервничают, что их желудки отказываются воспринимать пищу. Как-то одного из приговоренных вывернуло прямо посреди игры. Тут я сразу понял, что парню не дожить до следующего дня.

— Хорошая у тебя работа. Сколько развлечений в служебное время,— усмехнулся Тейлор.

— Да уж, на работу не жалуюсь,— согласился тюремщик.— Но бывает такое — глаза бы не глядели. Попадаются скверные игроки. Эти на меня лишь тоску нагоняют. И от телезрителей потом одни жалобы. Только начнут игру и успеют сделать несколько ходов — как все уже кончено. Словно им не терпится, чтобы их задушили. Нет, мы любим настоящее зрелище, когда приговоренный борется до последнего.

— Ну и положеньице у меня,— протянул Тейлор.— Ведь я не знаю гомбарских игр, а у вас не знают наших.

— Это не беда. Любой игре можно быстро научиться. К тому же тебе предоставляется право выбрать игру. Разумеется, не такую, чтобы с тебя сняли кандалы и выпустили играть на улицу. Выбирать придется из настольных игр, поскольку играть ты будешь в закрытом и охраняемом помещении. Хочешь добрый совет?

— Хочу.

— Вечером сюда явится чиновник, узнать, какую игру ты выбрал. Ему нужно будет найти тебе стоящего противника. Не проси, чтобы тебя научили играть в нашу игру. Будь ты умницей из умниц, у твоего противника все равно останется преимущество: ему-то игра хорошо знакома, а у тебя — никакого опыта. Выбери одну из ваших настольных игр. Тогда преимущество будет за тобой.

— Спасибо за предложение. Но что толку в преимуществах? Вот если бы проигрыш означал смерть, а выигрыш — жизнь.

— Я уже говорил: исход игры не имеет значения.

— В чем тогда преимущество выбора?

— Ты выбираешь, умереть ли тебе этим утром либо умереть завтра или даже послезавтра.

Надзиратель поднялся со скамьи, закрыл дверь и сказал уже через прутья решетки:

— Я все равно принесу тебе книжку с описанием наших игр. У тебя вполне хватит времени прочитать ее до прихода чиновника.

— Очень любезно с твоей стороны,— сказал ему Тейлор.— Но, думаю, мне она ничего не даст.

Оставшись один, Уэйн Тейлор растянулся на скамье и задумался. Мысли были отнюдь не из приятных. Профессия космического разведчика отличалась повышенным риском, и никто не знал этого лучше самих космических разведчиков. Теоретически каждый из них охотно соглашался на эти опасности, руководствуясь древней как мир мудростью: беды всегда случаются с кем-то, но не со мной. А на практике... Тейлор засунул указательный палец за воротник рубашки, немного сдавливающий ему шею.

Когда он спускался, продираясь сквозь пелену облаков, и два военных самолета гомбарцев вели по нему прицельный огонь, он успел нажать кнопку «D» и подать сигнал тревоги. Бортовой передатчик тут же послал в эфир короткое, но емкое сообщение с координатами планеты, идентифицирующее ее как враждебную территорию.

Ранее, находясь за несколько тысяч миль от Гомбара, Тейлор сообщил о намерении совершить вынужденную посадку и передал координаты планеты. Следовательно, второе сообщение подтверждало первое и показывало, что его жизни может угрожать опасность. По подсчетам Тейлора, со времени нажатия кнопки «D» и до момента посадки сигнал тревоги успел повториться не менее сорока раз.

Едва опустившись на поверхность планеты, Тейлор включил часовой механизм взрывного устройства и спешно покинул корабль. Самолеты гомбарцев жужжали где-то рядом. В момент взрыва один из них как раз пролетал на бреющем полете над кораблем. Самолет разнесло на кусочки. Второй самолет сразу же набрал высоту и стал кружить, выслеживая Тейлора. Вскоре он понял, что его угораздило сесть в военной зоне, где было полно болванов в форме, жаждущих крови. И все же Тейлору удалось шесть часов подряд играть с ними в кошки-мышки и пройти не менее двадцати миль. Зато потом взбешенные вояки отыгрались на нем и руками, и ногами.

Он не знал, сумела хотя бы одна из приемных станций землян услышать поданный им сигнал тревоги. Хотелось бы думать, что да, поскольку такие сообщения передавались по спецканалу, который прослушивался круглосуточно. Тейлор ни на секунду не сомневался в том, что свои обязательно придут ему на выручку. Вот только каким образом?

Был и второй вопрос, беспокоивший его: когда? Не оказалась бы помощь запоздалой. Этот сектор патрулировал «Маклин» — самый крупный и грозный боевой звездолет землян. Если сейчас он выполнял штатное патрулирование и, по счастью, находился в ближайшей к Гомбару точке, тогда на путь сюда (при максимальной скорости) ему понадобится не менее десяти месяцев. Но если «Маклин» вернулся на базу и его временно заменяет какой-нибудь устаревший и тихоходный корабль, срок может растянуться до двух лет.

Два года. Это безумно долго. Десять месяцев — и то слишком долго. Ему вряд ли удастся продержаться десять недель. Да что там недель, даже десять дней казались весьма проблематичными. Время, неумолимое время. Человеку его не растянуть, а кораблю не сжать.

Вернувшийся надзиратель пропихнул между решетками двери обещанную книгу.

— Вот, держи. Ты уже достаточно знаешь наш язык и поймешь, что в ней написано.

— Спасибо,— сухо поблагодарил его Тейлор.

Он снова лег и быстро одолел принесенную книгу. Некоторые страницы он пролистывал, едва прочитав начальные строчки: там описывались слишком короткие и примитивные игры, годные разве что для детей. Тейлор не удивился, встретив описание гомбарских разновидностей игр, широко известных на Земле. Например, гомбарцы тоже играли в карты, но вместо четырех мастей у них было десять, а число карт в колоде насчитывало восемьдесят.

Так и *ализик*, о котором он слышал от надзирателя, оказался более громоздкой и усложненной версией земных шахмат. Доска состояла из четырехсот клеток, и у каждого игрока было по сорока фигур. Неудивительно, что какой-то ушлый гомбарец сумел растянуть эту игру на шестнадцать дней. Похоже, *ализик* был самой длинной игрой из описываемых в книжке. Может, выбрать эту игру? Но выдержат ли власти (не говоря уже о телезрителях) его черепаший темп, когда он по десять часов будет обдумывать каждый ход? Сомнительно. Впрочем, даже такое ухищрение не помешает его опытному противнику тратить на ответный ход считанные секунды.

Нет, ему нужна игра, сами условия которой вынуждали бы его противника играть медленно и где никакие ухищрения последнего не могли бы ускорить ход игры. Но именно игра, а не видимость игры, иначе и последний дурак моментально разгадает его замысел. Причем такая игра, которую противнику ни за что не удастся закончить ни с победой, ни с поражением.

Однако подобной игры не существовало ни на трех планетах Гомбара, ни на сотне планет, населенных землянами, ни в миллионах других миров Вселенной. Ее не могло быть по одной простой причине: появись такая игра, в нее никто не стал бы играть. Что землянам, что другим разумным расам нужны результаты. Едва ли сыщутся чокнутые, согласные дни напролет терпеливо корпеть над доской или еще чем-нибудь, зная, что это никогда не кончится. А кому из зрителей понравится эта тягомотина?

Неужели таких чокнутых нет и никогда не было?

Никогда?

Тейлору вдруг вспомнились строчки, вычитанные когда-то. Название книги давно стерлось из памяти, а они остались: «Последний ход будет означать исполнение Божьего Замысла. И в этот день, в этот час, в это самое мгновение с громом разверзнется бездна и поглотит Вселенную».

Тейлор вскочил на ноги и, словно тигр, заметался по тесной камере. Глаза его оставались холодными и бесстрастными.

У чиновника были необъятное брюхо, маленькие поросячьи глазки и приклеенная елейная улыбка. Манерами своими он походил на распорядителя циркового манежа, готовящегося объявить какой-нибудь коронный номер.

— А-а,— протянул он, заметив у Тейлора книжку.— Изучаешь наши игры?

— Да.

— Надеюсь, ни одна из них тебе не подошла.

— Ты надеешься? — удивился Тейлор, не чувствуя ни малейшей необходимости говорить гомбарцу «вы».— А почему?

— Зрителям давно хочется увидеть что-нибудь новенькое, какую-нибудь игру, совершенно неизвестную у нас. Новая, оригинальная игра была бы настоящим удовольствием для всех. Разумеется, при условии,— поспешил добавить чиновник,— что она проста для понимания и что твой выигрыш не будет слишком быстрым.

— Ну что ж,— сказал Тейлор,— признаюсь, я и сам предпочел бы играть в привычную мне игру.

— Просто великолепно! — расцвел толстый чиновник.— Значит, ты хочешь сыграть в земную игру?

— Да, хочу.

— Правда, мы вынуждены внести ограничения в твой выбор.

— Какие именно? — поинтересовался Тейлор.

— Один преступник, осужденный за убийство, выбрал такую игру: кто быстрее поймает солнечный луч и запихнет в бутылку. Конечно, мы не позволили ему эту бессмыслицу. Ты должен выбрать игру, в которую действительно можно играть.

— Понимаю.

— Далее, ты не имеешь права выбирать игру, требующую сложных и дорогостоящих приспособлений, которые нам пришлось бы долго изготавливать. Все необходимые приспособления должны быть недорогими и простыми, чтобы мы смогли сделать их как можно быстрее.

— И это все ограничения?

— Почти. Ты еще должен собственноручно, аккуратным почерком, написать правила игры. Пиши коротко и ясно, никаких двусмысленных толкований. Учти, что с самого начала игры и ты, и твой партнер будете обязаны строго соблюдать эти правила. Любые их изменения в процессе игры запрещены.

— А кто одобрит мой выбор, когда я все это объясню и напишу?

— Я сам.

— Прекрасно. Тогда смотри, какую игру я хочу предложить.

Попросив у чиновника ручку и бумагу, Тейлор нарисовал необходимые для игры приспособления и написал ее условия. Когда он закончил, гомбарец сложил листки и убрал к себе в карман.

— Странная игра, однако на удивление простая,— высказал свое мнение чиновник.— Ты и впрямь считаешь, что сможешь продержаться целый день?

— Надеюсь.

— И даже два дня?

— Если повезет.

— Везение тебе определенно понадобится!

Чиновник призадумался, потом неуверенно покачал головой.

— Жаль, конечно, что у вас нет игры, подобной нашему *ализику*, только посложнее. Зрители были бы очень довольны, да и ты смог бы подольше продлить себе жизнь. Представляешь, как радовался бы наш народ, если бы ты побил существующие рекорды и заработал самую длинную отсрочку от казни?

— А им-то чего радоваться?

— Надо понимать чувства наших зрителей. Им кажется: если ты — из другой расы, то покажешь им что-то сверхнеобычное.

— Думаю, я не обману их ожиданий.

— Я тоже на это надеюсь,— сказал чиновник.

В его голосе Тейлор все же уловил какое-то недовольство.

— В конце концов, это твоя жизнь, и тебе бороться за то, чтобы хоть ненадолго ее продлить.

— Я это знаю, и, если конец будет скорым, я никого не стану винить, кроме себя.

— Ты прав. Игра начнется завтра в полдень. Остальное будет зависеть от тебя.

Чиновник протопал к двери и покинул камеру. Его тяжелые шаги по тюремному коридору становились все тише, затем и вовсе смолкли. Через несколько минут появился надзиратель.

— Как называется игра, которую ты выбрал?

— Абракадабра.

— Ну и ну! Я что-то про такую не слыхал.

— Это земная игра.

— Тогда это просто здорово.— Надзиратель радостно потер руки.— Чиновник согласился?

— Согласился.

— Теперь, парень, держи ухо востро, чтобы тебя не удушили раньше времени. Самое главное — не попадись в ловушку.

— В какую еще ловушку? — спросил Тейлор.

— Твой противник будет пытаться как можно быстрее выиграть. Он знает: для этого его и посадили с тобой играть. Но едва только он почувствует, что не может тебя победить, он сразу же начнет стремиться к проигрышу. И ты ни за что не угадаешь, в какой момент он переменил тактику. Многие попадались в эту ловушку, а когда соображали, что к чему, было уже поздно. Игра кончалась, и жизнь — тоже.

— Но ведь мой противник должен соблюдать правила.

— Естественно. Вы оба должны их соблюдать, иначе это уже будет не игра, а подделка.

— Тогда все в порядке.

Откуда-то извне донесся пронзительный крик, напоминающий истошное кошачье мяуканье. Тейлор представил себе рысь, наскочившую на кактус. Затем послышались шарканье ног, глухой удар. Что-то куда-то поволокли. Скрипнула далекая дверь и тут же с шумом захлопнулась.

— Что у вас там? — спросил Тейлор.

— Должно быть, Лагартин отыграл свое.

— Кто он такой?

— Лагартин-то? А, политический преступник. Наемный убийца.— Тюремщик взглянул на часы.— Лагартин избрал *рамсид* — карточную игру. Продержался всего четыре часа. Хватит с него. Мне эту мразь ни капельки не жалко.

— И теперь палач закручивает веревку на его шее?

— Конечно.— Надзиратель посмотрел на Тейлора.— Что, пробрало?

Тейлор пожал плечами и усмехнулся, хотя ему было не до смеха.

Тейлор ожидал, что игра будет происходить в его камере, но ошибся. Состязание с осужденным на смерть преступником из далекой звездной системы, решившим играть в свою игру, гомбарцы сочли слишком важным событием. Тейлора привели в большое помещение со столом и тремя стульями. Вдоль стены располагалось еще шесть стульев. На каждом из них восседало по вооруженному мордовороту в форме. «Сногсшибательная и волочильная команда»,— подумал Тейлор, вспомнив вчерашние звуки. Его «эскорт», готовый приступить к своим обязанностям, как только игра закончится.

В другом конце помещения стоял большой черный шкаф с двумя окошками, за которыми поблескивали линзы. Внутри шкафа что-то пощелкивало и слышались приглушенные голоса.

«Телекамера»,— сразу понял Тейлор.

Отодвинув один из стульев, он сел и безучастно обвел глазами охрану. Напротив него уселся гомбарец с узким лицом и крысиными глазками-бусинками. «Крысоглаз»,— тут же мысленно окрестил его Тейлор. Оставшийся стул занял уже знакомый Тейлору толстый гомбарский чиновник. Некоторое время противники разглядывали друг друга: землянин — с холодной уверенностью, а гомбарец — с нескрываемой издевкой.

На столе стояла доска с вделанными в нее тремя длинными деревянными штырями. На левом штыре была нанизана пирамида, состоящая из шестидесяти четырех дисков. Как и полагалось пирамиде, самый большой диск находился у ее основания, а самый маленький — наверху. В раннем детстве у Тейлора была такая же пирамида, только с меньшим числом дисков.

Чувствовалось, что толстому чиновнику (Тейлор про себя называл его Брюхоносцем) не терпелось объявить начало игры. Но сперва он должен был еще раз напомнить игрокам ее правила.

— Вы будете играть в земную игру под названием *абракадабра*. Перемещая диски с левого штыря на два других, вы должны

заново собрать на одном из них всю пирамиду. В процессе перемещения диски должны сохранять прежний порядок, то есть любой верхний диск должен быть меньше находящегося под ним. Игрок, завершивший полное построение пирамиды на одном из штырей, считается победителем. Условия игры вам понятны?

— Да,— сказал Тейлор.

Крысоглаз в ответ лишь хмыкнул.

— В этой игре есть три правила, которые вы обязаны строго соблюдать,— продолжал Брюхоносец.— Свои ходы вы делаете попеременно. За один раз вы можете переместить только один диск. Нельзя нанизывать перемещаемый диск поверх диска меньшего диаметра. Вам понятны эти правила?

— Да,— сказал Тейлор.

Крысоглаз вновь ответил хмыканьем.

Брюхоносец извлек из кармана белый шарик и, не глядя, бросил на стол. Шарик пару раз подпрыгнул, закружился и покатился на сторону Крысоглаза.

— Тебе начинать,— сказал ему чиновник.

Крысоглаз уверенным движением снял верхний диск пирамиды и переместил его на правый штырь.

«Никудышный ход»,— подумал Тейлор, сохраняя на лице полнейшее равнодушие. Сам он взял с пирамиды следующий диск и насадил на центральный штырь.

Ухмыляясь (непонятно только, по какому поводу), Крысоглаз перенес самый маленький диск с правого штыря на центральный. Тейлор поспешно снял с пирамиды очередной диск и насадил на опустевший правый штырь.

Где-то через час Крысоглаз сообразил, что в игре используются не два, а все три штыря. Ухмылка сползла с его лица, сменившись нарастающим раздражением. Еще бы: шел час за часом, но конца игре не было видно. Наоборот, ситуация на доске все более усложнялась.

Время двигалось к полуночи, а игроки, как безумные, продолжали без какого бы то ни было успеха перемещать диски. Крысоглаз теперь с ненавистью взирал на левый штырь, особенно когда ему приходилось возвращать туда очередной диск. Наконец Брюхоносец, сохраняя на лице все ту же приклеенную улыбку, объявил, что игра прерывается до завтрашнего утра.

Следующий день был долгим и утомительным: игра продолжалась с утра до вечера, не считая двух коротких перерывов на еду. Игроки не давали друг другу времени для раздумий. Со стороны могло показаться, будто каждый из них стремится по-

скорее закончить игру; так что телезрители вряд ли скучали и жаловались на вялость состязания. Крысоглаз допустил четыре ошибки, попытавшись нанизать свой диск поверх диска меньшего диаметра. Брюхоносец, выступавший в роли судьи, сразу же указывал ему на нарушение правил.

За вторым днем прошел третий, потом четвертый, пятый, шестой. Самонадеянность давно оставила Крысоглаза; теперь он играл со смешанным чувством глубокого отчаяния и угрюмой подозрительности. Тейлор вполне понимал его состояние: все диски, снимаемые им с левого штыря, с завидной регулярностью туда возвращались. Если отбросить владевшие Крысоглазом чувства, этот гомбарец был далеко не глуп. Он прекрасно понимал, что какой-то прогресс в их игре все-таки есть. Крысоглаза бесила черепашья скорость и масса времени, уходившая на исправление каждого непродуманного хода. Что еще хуже, даже такая скорость с каждым днем становилась все меньше. Теперь Крысоглаз уже не видел возможности ни проиграть, ни тем более выиграть.

К четырнадцатому дню Крысоглаз превратился в живой автомат, устало и без какого-либо интереса перемещавший диски. Он был похож на раба, обреченного выполнять ужасающе монотонную повинность. Играющий Тейлор напоминал бронзового Будду, что тоже не могло не злить Крысоглаза.

Шестнадцатый день таил в себе опасность, хотя Тейлор и не знал об этом. Едва войдя в помещение, где они играли, он сразу же ощутил непривычное волнение гомбарцев. Все смотрели на него с особым интересом, словно чего-то ждали. Крысоглаз был мрачнее всех туч Гомбара. Брюхоносец важничал сильнее прежнего. Даже на тупых лицах охранников отражались признаки зачаточной умственной деятельности. Число присутствующих пополнилось за счет четверых свободных от дежурства надзирателей. Из черного ящика с телевизионной аппаратурой доносились беспрестанные щелчки и прорывались какие-то восклицания.

Не обращая внимания на происходящее вокруг, Тейлор занял свое место. Игра возобновилась. Паршиво, конечно, тратить жизнь на перетаскивание дисков со штыря на штырь, но столб, петля и палка были еще паршивее. Он знал, что иного выхода у него нет. И Тейлор продолжал играть, перемещая диски. Его бледно-серые глаза все так же следили за противником.

Ближе к вечеру Крысоглаз вдруг вскочил с места, подбежал к стене и со всей силой ударил по ней кулаком. Одновременно он выкрикнул что-то об удивительном сходстве землян с дерьмом. Разрядившись, Крысоглаз вернулся к столу и сделал оче-

редной ход. Из черного ящика послышалось громкое верещание. Брюхоносец слегка пожурил соплеменника, хотя и заявил, что понимает его патриотические чувства. Под конец Крысоглаз совсем скис. Его лицо скорчилось в плаксивой гримасе, как у капризного ребенка, которого мамочка забыла поцеловать.

Поздним вечером Брюхоносец остановил игру, подошел к телекамере и торжественно объявил:

— Завтра — в семнадцатый день со времени начала игры — вас ждет ее продолжение.

Тейлор так и не понял, почему Брюхоносец сделал особый упор на словах «семнадцатый день».

Утром надзиратель принес завтрак позднее обычного.

— Что-то ты сегодня не торопишься,— заметил Тейлор, принимая от него еду.— Меня вот-вот поведут играть.

— Мне сказали, что раньше второй половины дня ты им не понадобишься.

— Как так? С чем это связано?

— Вчера ты побил рекорд,— сообщил надзиратель, всеми силами стараясь не показывать своего восхищения.— У нас еще никому не удавалось продержаться до семнадцатого дня.

— Ты хочешь сказать, что в награду власти подарили мне это утро? Очень любезно с их стороны.

— Этого я не знаю,— сказал тюремщик.— На моей памяти не было случая, чтобы прервали игру.

— А ты не думаешь, что ее вообще прекратят? — спросил Тейлор, чувствуя, как ему сдавливает шею.

— Нет, такого они не сделают.— Должно быть, надзиратель мысленно представил себе подобное кощунство, поскольку его передернуло от ужаса.— Только еще нам не хватает проклятия предков! Осужденные сами должны выбирать время своей казни.

— Почему?

— Потому что так было всегда, от начала времен.

Надзиратель отправился разносить завтраки другим заключенным, оставив Тейлора жевать и пережевывать смысл объяснения. «Потому что так было всегда». Неплохая причина, а для него — даже очень хорошая. В этом гомбарцы практически были схожи с землянами. Тейлору вспомнились нелепые, лишенные всякой логики земные обычаи, сохраняемые до сих пор. Опять-таки — «потому что так было всегда».

Слова надзирателя немного успокоили его, но вскоре тревога вернулась. Свободное время не радовало, а все больше и больше настораживало. После шестнадцати дней беспрерывного перемещения дисков со штыря на штырь Тейлор продолжал зани-

маться этим даже во сне... Нет, что-то здесь не так. Перерыв в игре казался Тейлору предвестником зловещих событий.

Вновь и вновь он возвращался к свербящему его подозрению, что гомбарские власти лихорадочно ищут способ прекратить игру, не нарушив своих законов. Как только они найдут такой способ (если, конечно, найдут), они тут же расправятся с пленником. Игру объявят законченной, а его поволокут к столбу, где палач постарается побыстрее и потуже затянуть у него на шее веревочный «галстук».

Плавая в своих мрачных мыслях, Тейлор не заметил, как прошло время. Явившиеся в камеру охранники повели его в знакомое помещение. Игра возобновилась, словно и не было никакого перерыва. Однако длилась она всего полчаса. Потом из черного ящика дважды раздался какой-то сигнал, и Брюхоносец сразу же остановил игру. Тейлор вернулся в камеру, не зная, что и думать.

Поздним вечером за ним снова пришли. Тейлор чувствовал себя совершенно измотанным. Внезапно начинающиеся и столь же внезапно кончающиеся сеансы утомляли и били по нервам куда сильнее, чем рутинная игра на протяжении целого дня. Раньше, выходя из камеры, он был уверен, что идет играть с Крысоглазом в абракадабру. Теперь выход из камеры вполне мог оказаться последними шагами в его жизни.

В помещении Тейлору сразу бросились в глаза произошедшие перемены. Игровая доска с ее штырями и дисками по-прежнему находилась в центре стола, однако Крысоглаза за столом не было. Не было и вооруженных охранников. За столом сидели Брюхоносец, Паламин и еще один коротконогий, крепко сбитый гомбарец. Лицо последнего не вязалось с его внешностью. Этот гомбарец показался Тейлору несколько не от мира сего.

Брюхоносец был хмур и озабочен, словно ему продали пакет акций несуществующего нефтяного месторождения. Паламин выглядел не лучше. Он пофыркивал, как беспокойная лошадь. Третий был и здесь и не здесь. Казалось, он одновременно созерцает нечто, находящееся на другом краю галактики.

— Садись,— отрывисто приказал Паламин.

Тейлор сел.

— Давай, Марникот, скажи ему.

Коротышка прервал созерцание, спешно вернулся с небес на Гомбар и педантичным голосом обратился к Тейлору:

— Я редко смотрю телевидение. Оно годится лишь для толпы, которая не знает, куда девать время.

— Ближе к делу,— потребовал Паламин.

— Но услышав, что ты вот-вот побьешь давнишний рекорд, я вчера вечером смотрел вашу игру,— невозмутимо продолжал Марникот.

Он слегка махнул рукой, словно желая показать, что способен сразу проникнуть в суть любого явления.

— Я тут же понял: количество ходов, минимально необходимых для окончания этой игры, выражается числом два в степени шестьдесят четыре минус один.

Марникот вновь скрылся в неведомых далях, но быстро вернулся и приглушенно добавил:

— Это огромное число.

— Огромное! — повторил Паламин и фыркнул так, что закачались штыри на доске.

— А теперь предположим,— продолжал Марникот,— что вы оба станете перемещать диски с максимально возможной скоростью и будете делать это круглосуточно, не прерываясь на еду и сон... Сколько, по-твоему, понадобится времени, чтобы закончить игру?

— Почти шесть миллиардов земных веков,— ответил Тейлор таким тоном, будто речь шла о будущей неделе.

— Мне неизвестны ваши меры времени. Зато я знаю, что не только ты, но и тысяча поколений твоих последователей не увидят конца этой игры. Верно?

— Верно,— согласился Тейлор.

— Однако ты утверждаешь, что предложил играть в известную на Земле игру.

— Утверждаю.

Марникот беспомощно развел руками, всем своим видом показывая, что больше ему нечего сказать.

Инициатива перешла к зловеще нахмурившемуся Паламину.

— Игра только тогда считается игрой, если в нее действительно играют. Рискнешь ли ты утверждать, что на Земле играют в эту так называемую игру?

— Рискну.

— И кто в нее играет?

— Жрецы одного из храмов в Бенаресе*.

— И как давно они играют? — спросил Паламин.

— Около двух тысяч лет.

---

* Бенарес (современное название Варанаси) — город с более чем миллионным населением, раскинувшийся на берегу Ганга (штат Уттар-Прадеш). Один из древнейших городов мира, почитаемый как святыня. Известен своими многочисленными храмами.— *Прим. перев.*

— Поколение за поколением?

— Именно так.

— Это что же, каждый игрок играет до конца жизни без всякой надежды увидеть результат?

— Да.

— Тогда зачем они играют? — запыхтел Паламин.

— Игра является частью их религиозных верований. Они верят, что когда последний диск займет свое место наверху пирамиды, Вселенная перестанет существовать.

— Они что, сумасшедшие?

— Они не безумнее гомбарцев, которые играют в свой *ализик* примерно столько же времени и ради пустяковых целей.

— Наш *ализик* состоит из отдельных партий, а не из одной нескончаемой игры. Подобное действие, которому конца не видно, даже при самом смелом воображении нельзя назвать игрой.

— Абракадабра не является нескончаемой. Она имеет вполне очевидный конец. Что ты скажешь? — обратился Тейлор к Марникоту, считавшемуся у гомбарцев непререкаемым авторитетом.

— Да, эта игра имеет конец, хотя он и бесконечно удален от нас,— провозгласил Марникот, не смея отрицать очевидный факт.

— Ага! — визгливо воскликнул Паламин.— Думаешь, ты очень умен?

— До сих пор не жаловался,— ответил Тейлор, хотя его одолевали сомнения по поводу своих умственных способностей.

— Но мы умнее,— ринулся в атаку Паламин.— Ты приготовил нам свою западню, не думая, что попадешь в нашу. Твоя игра имеет конец, и Марникот это подтверждает. Значит, она будет продолжаться до своего естественного конца. Ты будешь играть дальше: дни, недели, месяцы, годы, пока не умрешь от старости и хронического отчаяния. Ты начнешь сходить с ума от одного вида этих дисков и станешь умолять нас о смерти. Но не жди от нас такого милосердия. Ты выбрал эту игру и будешь играть в нее до конца.

Паламин торжествующе махнул рукой.

— Увести его! — громко крикнул он, чтобы услышали охранники.

Тейлор вернулся к себе камеру.

Надзиратель, принесший ему ужин, сказал:

— Я узнал, что с завтрашнего утра игра полностью возобновляется. Не понимаю, зачем сегодня понадобилось ее прерывать.

— Ваши власти решали мою судьбу,— объяснил ему Тейлор.— И решили, что я достоин наказания худшего, чем смерть.

Надзиратель хлопал глазами.

— Мне сказали, что я плохо себя веду,— еще более запутал беднягу Тейлор.

Крысоглазу явно велели сменить тактику, поскольку теперь он пытался отгородиться от монотонности игры, относясь к ней философски. Он играл ровно, но без интереса. И все равно длинные дни, заполненные повторяющимися движениями, подтачивали стены его выдержки, и однажды Крысоглаз сорвался.

Это случилось на пятьдесят второй день игры, где-то сразу после полудня. Крысоглаз увидел, что большинство перемещенных дисков ему придется, один за другим, вернуть на левый штырь. Тогда он нагнулся и молча снял свои тяжелые, грохочущие башмаки. Затем Крысоглаз босиком четырежды обежал вокруг помещения, издавая странные звуки, похожие на овечье блеяние. Брюхоносец едва не свернул шею, следя за ним. Подоспевшие охранники увели Крысоглаза, не переставшего блеять. Прихватить башмаки они позабыли.

Тейлор оставался за столом. Он продолжал разглядывать ситуацию на доске, стремясь подавить нараставшее беспокойство. Что теперь? Если Крысоглаз угодил в психушку, гомбарцы могут объявить его проигравшим. Дальше понятно: игра в абракадабру сменится игрой «вздох — и сдох», и ходы будет делать один палач. Но можно истолковать случившееся и по-иному: незаконченная игра остается незаконченной даже в том случае, если один из игроков ныне пребывает в сумасшедшем доме и поливает себе голову сахарным сиропом.

Если гомбарские власти изберут первую точку зрения, его единственной защитой будет настаивать на второй. Ему придется собрать в кулак все свои силы и упрямо твердить: раз он не выиграл и не проиграл, игра не может считаться оконченной. Только хватит ли у него сил протестовать, когда его поволокут по полу? Главное, на что надеялся Тейлор,— это нежелание гомбарцев нарушать свой древний обычай. Властям придется задуматься, *как* они будут выглядеть в глазах миллионов телезрителей, если посягнут на священный предрассудок. Что ни говори, а в некоторых случаях «ящик для идиотов» — весьма полезная штука.

Тейлор напрасно беспокоился. Раз гомбарцы решили устроить ему ад при жизни, они позаботились о замене Крысоглаза. Более того, они подобрали не одного, а целую группу игроков из заключенных, осужденных за мелкие преступления. Тем это обещало хоть какое-то разнообразие, а Тейлору — партнеров. Вскоре один из новой плеяды уже сидел напротив него.

У новичка были бегающие, вороватые глаза, вытянутое лицо и обвислый двойной подбородок. Он чем-то напоминал исключительно тупого пса, а весь его лексикон состоял из трех гомбарских жаргонных слов, непонятных Тейлору. Должно быть, ему целый месяц вдалбливали в голову правила игры. Как ни странно, правила он усвоил. Игра возобновилась.

Обалдуй (Тейлор и ему придумал имя) продержался неделю. Он играл медленно и боязливо, словно опасался, что его накажут за ошибку. Его раздражали щелчки, через равные промежутки времени доносившиеся из телевизионного шкафа. Тейлор догадался: игра стала менее захватывающей, и телезрителям показывали только фрагменты состязания.

Неизвестно почему, но Обалдую было невыносимо, что его физиономию видят по всей планете. К концу седьмого дня он решил, что с него хватит. Без всякого предупреждения он выскочил из-за стола, подбежал к черному шкафу и несколько раз быстро взмахнул руками. Тейлору его жесты не сказали ничего, зато Брюхоносец едва не упал со стула. Охранники подхватили Обалдуя под руки и выволокли в коридор.

Очередным противником Тейлора стал свирепый тип с квадратной челюстью. Он плюхнулся на стул, кольнул землянина таким же свирепым взглядом и пошевелил волосатыми ушами. Тейлор, всегда гордившийся тем, что он умеет шевелить ушами, не остался в долгу и продемонстрировал свое умение. После этого гомбарец побагровел и, похоже, был готов вцепиться ему в шею.

— Этот паршивый землянин бросается в меня грязью! — зарычал он, обращаясь к Брюхоносцу.— Я что, должен терпеть?

— Прекрати бросаться грязью,— велел Тейлору Брюхоносец.

— Я всего лишь пошевелил ушами,— возразил Тейлор.

— Это равнозначно бросанию грязью,— загадочно проговорил Брюхоносец.— Перестань оскорблять противника. А ты,— сказал он гомбарцу,— внимательно следи за игрой.

Игра продолжалась. Диски покидали штыри и возвращались снова. Проходили дни и недели. Тейлор привык к частой смене противников. На двухсотый день он лишился общества Брюхоносца. Тот вдруг стал крушить свой стул, намереваясь сложить на полу костер из обломков. Его увели. В тот же день появился новый судья. Он был еще толще прежнего, и Тейлор, не задумываясь, назвал его Брюхоносец-два.

Тейлор и сам не знал, что помогает ему день за днем невозмутимо перемещать диски. Противники не выдерживали и лома-

лись, а он продолжал играть. Умом он понимал, что его ставка слишком высока и он не имеет права сломаться. Но бывали ночи, когда он просыпался от жуткого сна. Он погружался в черные глубины гомбарского моря с огромным, точно жернов, диском на шее. Тейлор потерял счет дням. У него появилась дрожь в руках. Мало кошмарных снов — несколько раз по ночам его будили крики и шум, доносившиеся из тюремного коридора. В очередной раз он не выдержал, позвал надзирателя и спросил, что там происходит.

— Да это Яско упирался. Не хотел идти. Пришлось его немного вразумить.

— Его игра закончилась?

— Да. Представляешь, этот дурак выставил пять якорей против пяти звезд, а когда увидел, что натворил, набросился на партнера и попытался его убить.

Надзиратель неодобрительно покачал головой.

— Ну, спрашивается, кому он сделал хуже? Только себе. Теперь будет стоять у столба весь в синяках и царапинах. А если он разозлил охранников, те нарочно попросят палача, чтобы крутил палку помедленнее.

— Б-рр! — вырвалось у Тейлора, представившего себе картину медленного удушения.— Странно, почему никто из осужденных не выбрал мою игру? Сейчас, наверное, уже все ее знают.

— Это запрещено,— ответил надзиратель.— Власти издали новый закон. Теперь можно выбирать лишь известные гомбарские игры.

Тюремщик ушел. Тейлор вытянулся на скамье в надежде, что сумеет заснуть и проспать остаток ночи. Интересно, какой сейчас день и месяц по земному календарю? Сколько времени он уже сидит в этой клетке? И сколько еще сидеть? Неужели до конца жизни? Когда, на какой день самообладание изменит ему и он свихнется? И что станут делать гомбарцы, если он сойдет с катушек и не сможет играть?

Прежде чем заснуть, Тейлор часто прокручивал в мозгу самые фантастические планы побега. Все они оставались плодами его воображения и не имели ничего общего с действительностью. Допустим, невзирая на все решетки, бронированные двери, замки, запоры, засовы и вооруженную охрану, он все же сумел бы выбраться из тюрьмы. Шанс — один из десяти тысяч. Хорошо, предположим, судьба улыбнулась бы ему. Но что дальше? Куда скроешься? Он оказался бы не в лучшем положении, чем кенгуру на нью-йоркских улицах. Вот если бы он хотя бы отдаленно напоминал гомбарца. Но он уже определил уровень

сходства между землянами и гомбарцами. Тейлору не оставалось ничего иного, как продолжать играть, покупая себе дни жизни.

И он продолжал. Ежедневно, с утра до позднего вечера, с перерывами на еду и сон. К трехсотому дню игры Тейлор чувствовал себя тряпкой, порядком изъеденной молью. К четырехсотому дню он был почти уверен, что играет уже пять лет подряд и обречен играть вечно. Четыреста двадцатый день для него ничем не отличался от остальных. Тейлор провел этот день как обычно, даже не догадываясь, что сегодня играл в последний раз.

Утром четыреста двадцать первого дня охранники не пришли за ним. Тейлор провел в напряженном ожидании два долгих часа. Никого. Может, гомбарцы решили доконать его и изменили тактику? Решили измотать его непредсказуемостью своих действий? Чем не психологическая пытка? И действует не хуже древней земной пытки каплями воды. Заслышав в коридоре шаги надзирателя, Тейлор подбежал к решетке двери и спросил, почему за ним не приходят. Надзиратель ничего не знал и был озадачен не меньше самого Тейлора.

К полудню ему принесли еду. Тейлор едва успел проглотить последний кусок, как в камеру явились охранники во главе с офицером. Охранники молча сняли с Тейлора все кандалы и цепи. Тейлор вспоминал почти забытую свободу движений. Он вращал руками и ногами и с наслаждением потягивался. Потом он забросал гомбарцев вопросами. Офицер молчал, а громилы в форме так же молча выволокли Тейлора из камеры и повели по коридору. Вот и знакомая дверь помещения, где он играл. Но охранники не остановились возле нее, а подтолкнули его, чтобы шел дальше.

Наконец, пройдя массивную и напичканную замками дверь, они очутились в тюремном дворе. Там посередине стояли шесть коротких стальных столбов. В верхней части каждого столба виднелось отверстие, а у основания лежали грубые подстилки под колени. Охранники равнодушно направились в сторону столбов. Тейлор похолодел. Внутри у него все сжалось. Миновав столбы, его подвели к воротам. Желудок Тейлора благодарно заурчал.

За воротами тюрьмы стоял военный транспорт. Землянина втолкнули внутрь и повезли к космопорту, находившемуся на окраине города. Там ему велели выйти. Пройдя через контрольно-пропускной пункт, Тейлор и гомбарцы вышли на залитое бетоном поле космопорта.

Впереди, в полумиле отсюда, Тейлор увидел земной корабль, опиравшийся на стабилизаторы. По своим очертаниям и размерам корабль этот не мог быть ни боевым звездолетом, ни разведывательным судном. Вдоволь насмотревшись на этот кусочек родного мира, Тейлор вспомнил, что так выглядит спасательная шлюпка боевого звездолета. Ему захотелось неистово плясать и выкрикивать разные глупости, а потом со всех ног броситься к своим. Но охранники тут же окружили его плотным кольцом, не позволяя сделать ни шагу.

Ожидание растянулось на четыре долгих, изнурительных часа. Наконец из облаков вынырнула еще одна спасательная шлюпка землян и опустилась рядом с первой. Из открывшегося люка почему-то стали выпрыгивать гомбарцы. Тейлор хотел было спросить, что все это значит, но охранники толкнули его вперед.

Обмен пленными произошел где-то на полпути. Навстречу Тейлору двигалась цепь угрюмых гомбарцев. В основном это были шишки из высшего офицерства. Тейлор глядел на их сердитые физиономии; ни дать ни взять свора полковников, которым только что объявили о переводе из столицы в захолустье. Среди военных он заприметил одного штатского и узнал в нем Боркора. Когда они поравнялись, Тейлор выразительно шевельнул ушами.

Чьи-то руки с готовностью подхватили его и помогли забраться в переходной шлюз. Тейлор оказался в кабине спасательной шлюпки, набиравшей высоту. Молодой, энергичный лейтенант объяснял ему, как все происходило, однако Тейлор слышал лишь половину.

— ...Опустились, захватили в плен двадцать гомбарцев и повезли проветриться в космосе. Там устроили им перекрестный допрос, насколько это позволяло общение знаками... немного удивило, что вы до сих пор живы... освободили одного с предложением обменять остальных на вас. Девятнадцать гомбарских придурков за одного землянина. По-моему, неплохая сделка?

— Да,— рассеянно отозвался Тейлор, разглядывая стены и впитывая глазами каждую мелочь.

— Вскоре мы доставим вас на борт «Громовержца»... «Маклин» не мог сюда лететь; он получил повреждение вблизи Лебедя... отправились сразу же, как поймали сигнал...

Лейтенант с восторгом и восхищением глядел на Тейлора.

— Еще несколько часов, и вы отправитесь домой... Я же совсем забыл. Вы, наверное, проголодались.

— Ничуть. Что-что, а голодом меня там не морили.

— Хотите чего-нибудь выпить?

— Спасибо, я не пью.

Лейтенант изо всех сил стремился быть гостеприимным.

— А не желаете ли сыграть в шашки, чтобы скоротать время? — предложил он.

Тейлор вдруг почувствовал, что ему трудно дышать, и оттянул пальцем воротник рубашки.

— Извините, лейтенант, я не умею играть в шашки и не хочу учиться. Сказать по правде, у меня отвращение к настольным играм.

— Ничего, потом вы измените свое отношение к ним.

— Если это произойдет, я повешусь. Честное слово,— ответил Тейлор.

Кнопка устрашения

— Закон судьбы гласит: никто не может пребывать в состоянии хронического невезения,— задумчиво изрек Лагаста.

Он обладал внешностью типичного антареанца*: рыхловатый, с лоснящейся кожей, точно она была смазана густым слоем масла. Таким же ленивым и маслянистым был и его голос.

— Рано или поздно, но в нашей жизни обязательно должен наступить момент, когда в груде дерьма блеснет драгоценный камень.

— Говори за себя,— буркнул Казниц, которого ничуть не вдохновил нарисованный Лагастой образ.

— Могут сказать больше: этот момент уже наступил. Давай порадуемся.

— Вот я и радуюсь,— с прежним равнодушием ответил Казниц.

— Оглянись вокруг,— предложил Лагаста. Он сорвал травинку и стал ее жевать, не опасаясь проглотить чужеродные бактерии.— Мы нашли девственную планету, идеально подходящую для нашей жизни. Правда, ученые головы утверждают, что во Вселенной таких планет не меньше сотни миллионов, однако поисковым экспедициям они почему-то попадаются крайне редко. Сам знаешь, как велик и обширен космос.

Лагаста дожевал травинку, сорвал новую и продолжал:

— Но нам повезло. Эта планета будет принадлежать нашей расе. Мы — первооткрыватели, герои, труд которых должен быть

---

* Вероятно, автор поселил своих героев на планете (или планетах), вращающейся вокруг звезды Антарес — ярчайшей звезды зодиакального созвездия Скорпиона. В переводе с греческого ее название означает «соперник Марса», поскольку звезда имеет красноватый цвет. Антарес в 300 раз больше нашего Солнца и удален от нас на 230 световых лет.— *Прим. перев.*

достойно вознагражден. Вспомни, что мы видели, кружа над планетой? Ничего, кроме нетронутой природы! Ни города, ни селения, никаких дорог, мостов и возделанных полей. Я же говорю: девственная планета!

— Не забывай, пока мы облетели лишь освещенную часть планеты,— возразил Казниц.— Необходимо произвести более тщательную проверку и обследовать обе стороны.

Из корабля к ним спустился Хаварр.

— Я приказал экипажу сделать новую серию разведывательных полетов. Они вылетят немедленно, как только пообедают.

— Прекрасно! — заулыбался Лагаста.— Это должно успокоить нашего Казница. А то он до сих пор отказывается верить, что на планете отсутствует разумная жизнь.

— Я могу верить или не верить во что угодно,— парировал Казниц.— Но мне, да и вам, думаю, тоже нужны факты.

— Вскоре у нас будут факты,— пообещал Хаварр.— Однако я и без них совершенно спокоен. По всем признакам эта планета не имеет разумной жизни.

— Нельзя строить умозаключения на основе одного облета, каким бы длительным и тщательным он ни был,— не сдавался Казниц.— Отсутствие крупных городов и поселений еще не означает, что на планете вообще нет разумных обитателей. Их могут быть единицы, но и этого будет достаточно.

— Ты имеешь в виду землян? — спросил Хаварр, подергивая своими лошадиными ушами.

— Да.

— Земляне стали его навязчивой идеей с тех самых пор, как Плакстед обнаружил их поселение на В-417,— усмехнулся Лагаста.

— Ты напрасно ухмыляешься! Плакстед очень долго летел к той планете. Я вполне понимаю его досаду. Но земляне высадились там первыми. Мы узнали, что они тоже занимаются аналогичными поисками, отправляют свои экспедиции и спешно захватывают ничейные планеты. Как вы помните, нас предупредили, чтобы мы ни при каких обстоятельствах не вступали с ними в конфликты. Существует право первооткрывателей, и нам было строжайше приказано его уважать. У землян, кстати, есть даже изречение: «Кто первым сел, тот первым съел».

— Это не лишено смысла,— поддержал сказанное Хаварр.— Невзирая на годы наших случайных контактов с землянами, мы по-настоящему не знаем друг друга. Каждая сторона сообщает другой лишь минимум необходимой информации. Они не знают, каковы результаты наших поисков, а мы — что удалось найти им. И это неизбежно. Завоевание космоса — дело нелег-

кое, и никакая разумная раса не станет раскрывать другим расам все стороны своей жизни. Зачем же себя ослаблять? Точно так же разумная раса не станет затевать войну с потенциальным противником, не зная его сил и возможностей. Как, по-твоему, мы должны поступить с землянами? Оторвать им головы?

— Нет, конечно,— ответил Казниц.— Но я был бы куда счастливее, если б знал наверняка, что на противоположной стороне планеты мы не наткнемся на внушительный поисковый отряд землян. До этого времени я поостерегусь называть планету нашей.

— Неизлечимый пессимист,— вздохнул Лагаста.

— Тому, кто не тешит себя надеждами, не приходится разочаровываться,— ответил ему Казниц.

— Это не образ жизни, а образ медленного умирания,— воскликнул Лагаста.— Извращенное удовольствие от негативных результатов.

— Не вижу ничего негативного в признании факта, что кто-то должен первым ступить на эту планету.

— Вот здесь ты совершенно прав. И на сей раз первыми оказались мы. Мне не терпится увидеть угрюмые физиономии землян, которые прилетят сюда завтра, через месяц или через год и обнаружат, что мы уже здесь. А твое мнение, Хаварр?

— Не думаю, что эта тема вообще заслуживает спора,— дипломатично ответил Хаварр, не желая принимать ничью сторону.— Разведывательные полеты так и так скоро внесут сюда необходимую ясность.— Хаварр поднялся и побрел в сторону корабля.— Пойду потороплю экипаж.

Лагаста проводил его хмурым взглядом.

— Ну и окружение у меня! У одного нет собственного мнения, другой упивается пораженческими мыслями.

— А ты радостно виляешь хвостом перед дверью, которая неизвестно когда откроется,— парировал Казниц.

Не обращая внимания на его слова, Лагаста сорвал новую травинку и принялся ее жевать. Оба сидели молча, пока в воздух не поднялся первый самолет-разведчик. Раздался обычный стартовый грохот, перешедший затем в пронзительный визг реактивных двигателей. Вскоре в небо взмыл второй самолет, а затем — через равные промежутки — и остальные восемь.

— Напрасная трата времени, топлива и такое же напрасное испытание терпения,— заявил Лагаста.— Кого они найдут, если мы — первооткрыватели?

Казниц не стал ловиться на его наживку. Он глядел вдаль, где за ломаной линией горизонта медленно опускалось красное солнце.

— Очень скоро на другой стороне планеты наступит день. Наши самолеты вернутся только на рассвете. Ты как хочешь, а я сейчас пойду и с удовольствием залягу спать. Давно пора хорошенько выспаться.

— Удивительно, что при всех твоих треволнениях ты еще способен в чем-то находить удовольствие,— язвительно заметил ему Лагаста.

— Фаталисты, кстати, всегда спят спокойно. Я не буду торчать здесь всю ночь, жевать траву и разрываться между желанием подтвердить свою правоту и страхом оказаться неправым.

Произнеся эти слова, Казниц двинулся к кораблю, чувствуя у себя за спиной хмурый взгляд Лагасты. Переутомление последних дней действовало лучше любого снотворного, и Казниц быстро захрапел. Вскоре после наступления темноты его разбудил включившийся радиомаяк. В каюте послышалось слабое, но вполне различимое *бип-бип-бииби-бип*. Через несколько часов его снова разбудили: это Хаварр заваливался спать. Потом явился и оптимист Лагаста.

К рассвету все трое так крепко спали, что даже не услышали десятикратно повторившегося рева вернувшихся самолетов. Они лишь храпели и сопели, когда внутри корабля появились девять пилотов. Всем своим видом они показывали, что напрасно проболтались в воздухе. Десятый не сразу выбрался из кабины своего самолета, а когда вышел, все увидели, что он изрядно рассержен. Он шел, резко дергая ушами. Ботинки пилота яростно подминали под себя траву.

Один из девяти, увидев товарища, попробовал пошутить:

— Что, Яксид, падаль оказалась невкусной?

— Земляне! — зло сплюнул Яксид.— Эти *дерьможранцы* уже здесь!

Слово это было очень вульгарным и вообще-то несвойственным для лексикона Яксида.

— А теперь рассказывай все по порядку,— потребовал Лагаста, оптимизм которого сменился нескрываемым раздражением.

— Он видел землян. Тебе этого мало? — спросил Казниц.

— А ты не вмешивайся? — рявкнул на него Лагаста.— Сядь задом на колючку, если нечем заняться.

Он повернулся к Яксиду и повторил:

— Подробно расскажи обо всем, что ты видел.

— Пролетая над одной долиной, я заметил строение. Тогда я снизился и несколько раз облетел его. Это был домик, совсем небольшой, квадратный. Его выстроили из местного камня, скре-

пив куски цементом. Из домика вышел землянин. Скорее всего, он услышал звук моего самолета. Он стоял и смотрел, как я кружу, а когда я пролетел над ним, он помахал мне рукой.

— И ты, разумеется, не удержался и тоже ему помахал,— самым издевательским тоном, на какой только был способен, произнес Лагаста.

— Я скорчил ему рожу,— зло ответил Яксид.— Правда, едва ли он меня видел. Самолет летел очень быстро.

— В той долине только один дом?

— Да.

— Ты назвал его домиком. Он что, действительно маленький?

— Да.

— А поточнее?

— Я не знаю, как точнее. Говорю вам: небольшая каменная хижина.

— И изнутри вышел только один землянин?

— Я же говорил, что один. Если внутри были другие, они не захотели показываться.

— Если ты называешь домик хижиной, их там может быть раз, два и обчелся,— предположил Лагаста.

— Вы правы. Самое большее — шестеро.

— Ты заметил поблизости корабль или самолет?

— Нет, ничего подобного. Только этот домишко и больше ничего,— сказал Яксид.

— И каковы были твои дальнейшие действия?

— Я подумал, что одинокий домишко может являться форпостом землян, а где-то поблизости должно находиться их поселение. Я повел тщательное наблюдение, постоянно увеличивая круги облета. Наконец обследуемая территория достигла двадцати горизонтов. Но я больше ничего не обнаружил.

— Ты в этом уверен?

— Полностью. Я шел на малой высоте и смог бы засечь любое поселение землян, как бы они его ни маскировали. Повторяю, больше мне ничего не попалось.

Лагаста молча и с явным недоверием смотрел на Яксида.

— Тут что-то не так. Не может гарнизон землян уместиться в каком-то жалком домишке.

— Вот и я так подумал,— согласился Яксид.

— А если он не может уместиться в одном домишке, то должен находиться где-то в другом месте.

— Вы правы. Однако там, где я пролетал, не было никаких признаков землян. Может, кто-то из остальных пилотов пролетал над поселением землян, но просто не заметил.

— Это возможно лишь в двух случаях: либо пилот абсолютно слеп, либо он заснул за штурвалом. Оба случая, как понимаешь, полностью исключаются.

— Ну почему же полностью? — вмешался Казниц.— Мы сели на планету под вечер, и у пилотов не было времени выспаться. В таком состоянии трудно всесторонне контролировать свои действия.

— Мы должны были, не мешкая, провести проверку,— защищаясь, сказал Лагаста.

— Это для меня новость.

— Ты о чем?

— По-моему, не так давно ты убеждал меня, что проверка — это напрасная трата времени, топлива и напрасное испытание терпения.

— Не приписывай мне то, чего я не говорил,— взвился Лагаста.

— Какой теперь смысл выяснять, кто что говорил или не говорил? — вклинился в их перепалку Хаварр.— Мы имеем дело с конкретной ситуацией. Мы сели на эту планету, намереваясь объявить ее своей. Яксид обнаружил землян. Следовательно, земляне оказались здесь раньше нас. Весь вопрос — *что* нам теперь делать.

— Нет неразрешимых сложностей,— сказал Казниц, прежде чем Лагаста успел раскрыть рот.— Нам дали настолько простые и ясные приказы, что их понял бы и круглый дурак. Если мы садимся куда-то первыми, мы объявляем планету своей, обосновываемся на ней, и если вслед за нами там появляются земляне, им остается лишь целовать собственные зады. Но если мы прилетаем и видим, что земляне оказались первыми, нам приказано без всякого шума убираться с такой планеты и лететь искать другую.

— И где же находится эта другая планета? — вкрадчиво спросил Лагаста.— И сколько времени мы потратим на ее поиски? Необитаемые планеты не висят в космосе гроздьями, будто спелые плоды. Разве не так?

— Успокойся, так. Но что ты предлагаешь взамен немедленного старта с планеты?

— Думаю, нам стоит получше поискать гарнизон землян и оценить его силу.

— Это было бы допустимо, находись мы с землянами в состоянии войны или имей разрешение начать боевые действия,— сказал Казниц.— Но такого нам никто не разрешал и не разрешит. Нам строжайше предписано избегать столкновений.

— Я придерживаюсь такого же мнения,— вмешался Хаварр.— И потом, прежде чем начинать войну, надо знать, каковы силы противника.

— Но нам не давали инструкций, запрещающих сбор полезной информации,— стоял на своем Лагаста.

— Ты же знаешь, нам бесполезно накапливать сведения военного характера. Пока мы вернемся домой, пройдет не один год, и все они безнадежно устареют.

— Значит, по-твоему, мы должны отказаться от этой планеты? Забыть, сколько времени ухлопали на поиски, сколько сил? И все потому, что увидели какого-то жалкого землянина и его поганую хижину?

— Ты ведь прекрасно знаешь, он здесь не один.

— Не знаю. Я знаю лишь то, что мне рассказали. Яксид обнаружил один дом и одного землянина. Ни он, ни остальные ребята больше нигде не видели следов землян. Необходимо провести новую серию тщательных поисков и уже по их результатам делать выводы.

— Почему?

— Возможно, кроме него, здесь никого нет.

— Возможно, но очень маловероятно,— скептически поморщился Казниц.— Не могу поверить, чтобы земляне на каждой найденной ими планете оставляли только по одному человеку.

— Может, все было совсем не так. Представьте, что он попал сюда случайно. Допустим, на его корабле что-то произошло, и ему единственному удалось на спасательной шлюпке добраться до этой планеты. Аварийная посадка — это вам не целенаправленный поиск. Мы легко смогли бы бесследно стереть с лица планеты и землянина, и его убогое жилище. Попробуй, докажи, что они здесь когда-то были. И наши действия отнюдь не назовешь столкновением. Один землянин против экипажа в шестьсот антареанцев?

— Теоретически это возможно, но...

— Если мы предпримем новую серию облетов и все-таки обнаружим других землян, мы незамедлительно уберемся с планеты и больше не будем вспоминать о ней. Но если окажется, что других землян здесь попросту нет...

Лагаста многозначительно умолк.

— Подумайте: один живой кусок мяса. Это все, что преграждает нам путь к владению планетой,— заговорщически докончил он.

Казниц немного подумал и сказал:

— Мне тоже не улыбается отказываться от этой планеты. Приказы приказами, но мы же не автоматы. Однако мне еще

больше не улыбается, если потом вся вина падет на нас. Окажется, что мы устроили заваруху, из которой наши власти не знают, как выпутаться. Сами знаете, чем это попахивает.

— Вина падет тогда, когда есть кому обвинять, а мертвые не говорят. Даже мертвые земляне,— заметил Лагаста.— Ты, мой дорогой Казниц, слишком много беспокоишься. Если тебе решительно нечем занять свои мозги, начни терзаться по поводу несовершенства собственных ног.

Он повернулся к Хаварру.

— Ты что-то отмалчиваешься. Разве у тебя нет своего мнения на этот счет?

Хаварр встрепенулся:

— Пока мы здесь, надо вести себя поосторожнее,— сказал он.

— А с чего ты взял, что я намерен действовать очертя голову? — спросил Лагаста.

— У меня об этом даже мысли не было.

— Тогда к чему твои советы?

— Ты спрашивал мое мнение. Я тебе его высказал. Могу повторить: я не доверяю землянам.

— А кто доверяет? — Лагаста махнул рукой, показывая, что тема исчерпана.— Ладно. Сейчас дадим нашим пилотам хорошенько выспаться, а потом еще раз пошлем их на облеты. Пусть на свежую голову посмотрят и поищут. Сейчас нам важно знать наверняка: есть ли на планете другие земляне и, если есть, каковы их силы.

— Силы — слишком широкое понятие. Нельзя ли поточнее? — спросил Казниц.

— Пожалуйста. Я имею в виду космические корабли, передатчики дальнего радиуса действия и прежде всего — количество землян. Если их слишком много, бесследного уничтожения не получится.

— Действуй, как знаешь,— сказал Казниц.

— Знаю,— заверил его Лагаста.

Первый из вернувшихся пилотов вновь сообщил о полном отсутствии землян и вообще каких-либо признаков разумной жизни. Аналогичными были и доклады остальных восьми. Один из них заявил, что решил проверить слова Яксида, посчитав его рассказ о землянине обманом зрения. На обратном пути этот пилот специально изменил курс и пролетел над указанным сектором. Да, и он тоже собственными глазами увидел небольшую каменную хижину. Но вокруг не было никаких признаков жизни.

Последним вернулся Яксид.

— Я направился прямо туда и вновь облетел дом. И снова оттуда вышел землянин. Он помахал мне рукой.

— Это был тот же самый землянин? — строго спросил Лагаста.

— Трудно сказать. Может быть, и он. Утверждать не могу. Трудно различить черты лица, когда летишь на такой высоте. К тому же для меня все земляне на одно лицо.

— Хорошо. Что было потом?

— Я снизился и начал систематический облет территории, увеличив ее площадь в десять раз. Я даже частично перекрыл секторы, определенные седьмому и восьмому самолетам. И нигде — никаких других домов. Я не заметил даже палатки, не говоря уже о крупном поселении.

Лагаста несколько минут переваривал услышанное.

— Меня настораживает странное поведение обитателя, или обитателей, этого дома. Если он там один, то ему должно было бы осточертеть ненавистное одиночество, и он бы запрыгал от радости, заметив наш самолет. Если в эту хижину напихано шесть, десять или двенадцать землян, они бы обязательно высыпали наружу, чтобы поглазеть на самолет Яксида. Но что мы имеем? В первый раз показывается только один землянин и во второй раз — тоже. Это означает, что, кроме него, там больше никого нет.

— Я тоже так считаю,— согласился Яксид.

— Он и тогда, и сейчас махал тебе рукой,— сказал Казниц.— Как ты думаешь, он просил о помощи?

— Нет.

— А так ли уж это важно? — спросил Лагаста.

— Поставьте себя на место этого землянина. Предположим, он один уцелел после какой-то катастрофы. Устал от одиночества, отчаялся, начал дичать. Чем для него был бы самолет Яксида? Шансом на спасение. Так разве он не стал бы руками, ногами, всем телом показывать Яксиду, чтобы тот спустился и забрал его оттуда?

— Вовсе не обязательно. Землянин сразу заметил, что самолет принадлежит не его расе, и решил не соприкасаться неведомо с кем.

— Тогда зачем он вылез? Почему не спрятался в хижине?

— Да потому, что он не мог спрятать от нас и хижину,— теряя терпение, ответил Лагаста.

— Я не согласен с твоим доводом,— уперся Казниц.— Когда пытаешься укрыться от потенциального врага, думаешь не о доме, а о том, как самому унести ноги.

— Казниц, иногда ты начинаешь раздражать меня сверх всякой меры. Какие еще мысли забрели в твою неуемную голову?

— Смотри, ты считаешь, что в этой хижине живет только один землянин. И не только в хижине. Он один на всей планете. Так?

— Так.

— Он мог попасть сюда одним из двух способов: либо случайно, либо намеренно. Согласен?

— Согласен.

— Если он не просит о помощи, его случайное появление на планете исключается. Выходит, он появился здесь намеренно. С этим ты тоже согласен?

Лагаста уклонился от прямого ответа.

— Мне все равно, как он здесь появился. Мне нужно точно знать другое: один он здесь или нет. И если этот гнусный землянин здесь один, ничто не заставит меня покорно убраться с планеты.

— Я думаю, тут не все так просто. Тут обязательно кроется что-то еще,— добавил Казниц.

— Очень может быть. Я ведь не дурак, Казниц, и моя подозрительность к землянам ничуть не меньше твоей. Но я не желаю улепетывать, едва увидев одного из них.

— И что же, по-твоему, нам делать?

— У нас на борту восемь антареанцев, достаточно владеющих земной тарабарщиной. Мы должны поговорить с этим типом. Если он оказался здесь не просто так, нужно попытаться незаметно выведать у него причину.

— А потом?

— Возможно, мы убедимся в целесообразности прекратить его существование. Печальная необходимость. Но ты же без конца твердишь мне, Казниц, что жизнь полна печальных событий и действий. И этот землянин, если у него есть мозги, должен ожидать, что рано или поздно и в его жизни наступит черный день. Когда он и его убогое жилище исчезнут с лица планеты, пусть кто-нибудь попробует оспорить наше право первооткрывателей.

— Не знаю почему, но мне кажется, что нам будет не так-то просто избавиться от этого землянина,— сказал Казниц.

— Я уже говорил: мы должны вести себя с предельной осторожностью,— напомнил им Хаварр.— Но я не вижу ничего опасного, если мы побеседуем с землянином. Это не вызовет возражения ни у его, ни у наших властей. Мы не получали приказов, запрещающих нам говорить с землянами.

— Хвала звездам небесным хотя бы за малую частицу чистосердечной поддержки,— благочестиво произнес Лагаста.— Мы переместим корабль и опустимся вблизи его дома. Незачем грузить на борт самолеты. Пусть сопровождают нас в качестве эскорта. Так мы будем выглядеть внушительнее.

— Мне что, приказать экипажу готовиться к перемещению? — спросил Хаварр.

— Да. Не будем терять время. Мы пригласим нашу потенциальную жертву на обед. Как известно, многие из его соплеменников обожают крепкие напитки. Мы попробуем его напоить, чтобы у него развязался язык. Если он выложит достаточно сведений, то, возможно, спасет себе шкуру. Если разболтает излишне много, это может стоить ему жизни. Все будет ясно при встрече. Пока не стоит загадывать.

— Ставлю свое десятидневное жалованье на то, что вы только напрасно потеряете время,— сказал Казниц.

— Согласен,— моментально ухватился за предложение Лагаста.— С удовольствием взгляну на твою мрачную физиономию, когда твои денежки перекочуют ко мне в карман.

Корабль кружил над хижиной землянина, выбирая место для посадки. Лагаста стоял возле иллюминатора и смотрел на каменное строение.

— М-да, построено прочно и даже с каким-то изяществом. Допускаю, что землянин все это выстроил сам. Предположим, дверь и окна снял со спасательной шлюпки. Камни, разумеется,— это местный материал, а то, что Яксид принял за цемент, вероятнее всего,— просто глина.

— Ты все еще цепляешься за версию о том, что он оказался здесь после катастрофы в космосе? — спросил Казниц.— Все погибли, а он один уцелел?

— Она дает вразумительный ответ на вопрос, почему на этой планете обитает один и только один землянин.— Лагаста повернулся к Казницу.— У тебя есть более убедительное объяснение?

— Да. Земляне изолировали на планете переносчика какой-нибудь заразы. Например, чумы.

— Что-о?

— А почему нет? Много ли мы знаем об их болезнях?

— Казниц, ну почему в твоей голове всегда рождаются какие-нибудь жуткие образы?

— Просто кому-то надо принимать в расчет и такое. Когда почти ничего не знаешь о другой расе, остается лишь пускаться

в умозрительные рассуждения. Единственный доступный уму заменитель фактов.

— Они не должны быть столь отталкивающими.

— И ложно успокоительными они тоже не должны быть. Наша главная цель — не рисковать понапрасну.

— Но послушай, если этот тип нашпигован чужеродными бактериями, против которых у нас нет иммунитета, ему ничего не стоит уложить нас всех. И никакого оружия не надо.

— Такое вполне может быть,— с воодушевлением согласился Казниц.

— Вот что, Казниц, ты со своей болезненной подозрительностью завел нас в тупик. Теперь изволь сам искать выход.

— Каким образом?

— Я официально приказываю тебе отправиться в этот милый домик и побольше разузнать о землянине. Прежде чем допустить его на борт, ты должен убедиться в его здоровье и вменяемости.

— Но он может отказаться идти к нам. Почувствует, что мы заманиваем его в ловушку, и не пойдет.

— Если он откажется, мы сами его навестим. Твоя основная задача, Казниц,— проверить, насколько с ним безопасно общаться. Я не горю желанием помереть от какой-нибудь земной болезни.

Корабль опустился. Под хвостовыми стабилизаторами громко захрустел песок. Десять самолетов-разведчиков сделали еще один круг и тоже сели, образовав ровную цепь. Лагаста еще раз посмотрел на дом, до которого теперь было не более двухсот ярдов. Землянин стоял на пороге и глазел на их прибытие, но разглядеть его лицо мешала густая тень.

— Счастливого пути, Казниц.

Казниц вздохнул, обреченно пожал плечами и направился к выходному шлюзу. Сотни пар глаз следили, как он медленно спустился по трапу, добрался на хижины и остановился у порога. Казниц что-то сказал землянину, тот ответил, после чего они оба скрылись внутри. Минут через двадцать Казниц и землянин вышли и двинулись к кораблю. Лагаста встретил их в дверях шлюза.

— Нашего гостя зовут Леонард Нэш,— представил землянина Казниц.— Он хочет, чтобы мы называли его просто Лен.

— Очень рад с вами познакомиться,— с напускной искренностью произнес Лагаста.— Нам редко доводится встречать землян.

Произнося эти слова, он внимательно разглядывал землянина. Невысокого роста, смуглый, плотный. Особенно Лагасту по-

разили глаза гостя. Беспокойные, бегающие, они как будто стремились разом увидеть все, что происходило вокруг. От этого землянина исходило что-то неуловимо странное. Что именно — Лагаста не понимал. И все-таки этот... Лен чем-то отличался от своих соплеменников.

Лагаста решил разобраться в этом после и продолжал:

— Знаете ли, за всю жизнь я встретил не более двадцати землян, и то видел их лишь мельком.

— Неужели? — удивился Лен.

— Представьте себе,— сказал Лагаста.

— Плохо дело,— резюмировал Лен и опять скользнул глазами по сторонам.— Есть мы где будем?

Вопрос слегка обескуражил Лагасту, но он не подал виду.

— Прошу за мной. Я провожу вас в офицерскую кают-компанию. Для нас большая честь принимать вас у себя.

— Приятно слышать,— ответил Лен, идя вслед за ним.

За столом Лагаста усадил гостя по правую руку от себя и шепнул Хаварре:

— Твоих знаний языка землян хватит, чтобы поддерживать беседу. Садись рядом с ним. А ты,— обратился он к Хаварру,— садись от меня слева. Мне нужно будет переговорить с тобой.

Офицеры экипажа расселись по местам. Лагаста представил гостю каждого их них. Лен равнодушно смотрел на их лица, ограничиваясь короткими кивками. Подали обед. К первому блюду землянин отнесся настороженно. Он поморщился и бесцеремонно отодвинул от себя тарелку. Следующее кушанье понравилось ему намного больше, и он начал усердно наполнять свою тарелку. Лен оказался беззастенчивым обжорой, которому было наплевать, как на него посмотрят другие.

Лагаста воспользовался представившей возможностью и нагнулся к Казницу.

— Ты уверен, что его не высадили здесь из-за какой-то опасной болезни?

— Да.

— Откуда ты это знаешь?

— Он ждет, что вскоре за ним прилетят и увезут домой. У него даже записана дата возвращения, и он отмечает каждый прошедший день.

— Ага! Так земляне знают, что он здесь? — Лагаста удержался, чтобы не нахмуриться.

— Конечно. Они же сами приволокли его сюда.

— Одного?

— Представь себе.

— С какой целью?

— Он не знает.

Переварив слова Казница, Лагаста почти прорычал:

— Это же бессмыслица какая-то. По-моему, землянин врет.

— Возможно,— коротко ответил Казниц.

Слуги принесли бутылки. К выпивке Лен отнесся так же, как и к пище: он с явным подозрением сделал первый глоток, затем одобрительно причмокнул губами и залпом осушил бокал. Он с жадностью оглядывал каждое новое блюдо, подаваемое к столу, и внимательно следил за тарелками других — не превосходят ли их порции его собственную. Он исправно подставлял свой бокал, жадно проглатывая вино. Судя по манерам землянина, он стремился взять от дармового угощения все, что только мог. Такое поведение не понравилось Лагасте, однако не особо его удивило. Жизнь в одиночестве, возможно впроголодь. Чему ж тут удивляться? И все равно Лагасте было не по себе от этого зрелища. Он вообще не любил землян, а Лен вызывал у него чувство, близкое к отвращению.

Когда продолжительный обед закончился и офицеры покинули кают-компанию, гость остался в обществе Лагасты, Казница и Хаварры. Все трое, рассчитывая на более содержательную беседу, распорядились подать еще вина. К этому времени Лен вполне освоился на корабле антареанцев. Он развалился в кресле, держа наполненный до краев бокал. Лицо землянина стало красным от обильных возлияний и оказанного ему внимания. Землянин явно успокоился и был настроен поболтать.

— Когда приходится вести столь уединенную жизнь, как ваша, должно быть, приятно оказаться в обществе,— вежливо начал Лагаста и добавил: — Даже в обществе тех, кто очень отличается от ваших соплеменников.

— Это уж точно,— согласился Лен.— Бывало, такая тоска зажрет, что часами болтаешь сам с собой. Так и свихнуться можно, если перебрать.

Он приложился к бокалу.

— Но слава богу, у меня на стенке написано, когда все это кончится.

— Значит, время вашего пребывания здесь ограничено?

— Меня запихнули сюда на четыре года. Осталось всего ничего. Еще семь месяцев — и каюк. Полечу домой.

Чувствуя, что обходные пути не дают желаемого результата, Лагаста решил действовать напрямую.

— А как вообще вы оказались на этой планете?

— Да дело нехитрое. Мотал я, значит, свой третий срок, ну и...

— Простите, что вы мотали?

— У меня уже были две отсидки в тюряге, но тут вляпался в третью. Мне светило двадцать лет, но судья попался хороший: дал только пятнадцать. Зато их пришлось бы мотать от звонка до звонка. Что такое камера, думаю, объяснять не надо.

Лен умолк и задумчиво потягивал вино.

— Так вот, не проторчал я в камере и недели, как меня вызывают в тюремную канцелярию. Там уже сидели двое парней, меня дожидались. Кто такие? Они не представились. Начали гнать свою телегу. Дескать, смотрим мы на вас; вы в хорошем состоянии и еще достаточно молоды. И всякая такая музыка. Спрашивают, не жалко ли мне губить лучшие годы. Я сначала подумал, может, проповедники. Будут опять охмурять: покайся да раскайся. А они вдруг спрашивают: как мне понравится четыре года уединенной жизни?

— Очень интересно. И что же было потом? — спросил Лагаста, ухитрявшийся понимать три четверти слов землянина.

— Естественно, я у них спросил: не чокнутые ли они? Мне и так впаяли пятнадцать из двадцати возможных. Или они еще чего-то нарыли и хотят мне срок добавить? Они даже руками замахали. Нет, говорят, не добавить, а четыре года вместо пятнадцати. Если я соглашусь, то они меня из тюряги заберут. И еще: после четырех лет моя судимость полностью гасится, и я буду чист, как стеклышко.

— И вы согласились?

— Я ж не вша последняя, верить им с первого слова. Пополз ал и вдоль и поперек, все искал, какой же им привар меня освобождать. А привар определенно должен быть, раз закон пошел им на уступку.

— Так что они вам сказали?

— Сказали, что хотят прокатить меня на космическом корабле, а потом высадить на пустой планете. Они толком не знали, пустая она или нет. Как они говорили? А, предположительно пустая. Еще они сказали: все, что от меня надо,— это торчать здесь четыре года и быть паинькой. А когда я тут свой срок отмотаю, они отвезут меня обратно на Землю, и гуляй себе свободным человеком.

— Значит, вы — преступник?

— Был когда-то. Теперь нет. Официально я — уважаемый человек. Точнее, скоро буду.

— Надеюсь, вы и после возвращения намерены оставаться уважаемым человеком? — осторожно спросил Казниц.

— Поживем — увидим,— засмеялся Лен.

Лагаста посмотрел на него так, будто видел впервые.

— Если бы изоляция от общества являлась действенной мерой для исправления преступника, это можно было бы сделать и в тюрьме. Для этого не надо было бы отправлять его на необитаемую планету, тратя громадные средства. Следовательно, ваше перевоспитание не являлось главной целью. Обязательно должна существовать некая скрытая и важная причина, заставившая этих людей поместить вас сюда.

— А мне-то что до этого? — равнодушно спросил Лен.— Пока все играет в мою пользу, с какой печали я буду ломать голову?

— Значит, вы находитесь здесь уже три с половиной земных года?

— Ага, правильно сосчитали.

— И за все это время никто вас не навестил?

— Ни одна душа,— подтвердил Лен.— Вы первые.

— Так как вам удается здесь жить? — допытывался Лагаста.

— А чего тут хитрого? Когда корабль сел, парни из экипажа сразу стали искать воду. Нашли, пробурили скважину и на этом месте построили дом. В подвал впихнули небольшой атомный двигатель — вот вам свет, отопление, водичка для душа. Ну, само собой, жратвы мне оставили, книг, игр, магнитофонных записей и прочей дребедени. Жизнь почти как на курорте.

— И что же, они оставили вас здесь четыре года жить в свое удовольствие?

— Вот-вот. Лопай, спи, развлекайся.— Немного подумав, Лен добавил: — Ну и еще наблюдай.

— А-а! — воскликнул Лагаста, дергая своими длинными ушами.— За кем наблюдать?

— За тем, кто здесь появится.

Откинувшись на спинку кресла, Лагаста с плохо скрываемым самодовольством оглядел соплеменников. Умело заданные вопросы плюс влияние выпивки — и этот ничтожный землянин выложил свой секрет. Чем больше наворочено лжи, тем больше вероятность проболтаться.

— Трудная у вас работа,— опасливо елейным голосом произнес Лагаста.— Одному следить за целой планетой.

— Как видите, я не поседел от забот,— ухмыльнулся Лен.

Он протянул руку с пустым бокалом, который Хаварр сразу же наполнил.

— Если вдуматься,— продолжал Лагаста,— у вас здесь не такая уж беззаботная жизнь. Вы ведь не можете вести наблюдения круглосуточно, забывая о еде и сне. Даже сравнительно небольшой участок планеты, ограниченный прямой видимостью, и тот требует от вас немало сил.

— И не говорите,— согласился Лен.

— Но вам-то поручено наблюдать за всей планетой. Я не представляю, как это можно сделать. У вас нет ни самолета, ни разведывательного космического корабля.

— Вы прямо в точку попали,— осклабился землянин.— Я тех парней тоже спрашивал. Я им сказал: я же не этот... дальновидец какой-нибудь, чтобы сечь за всей планетой.

— И что они вам ответили?

— Они сказали: «Не бери в голову, парень. Если кто-то высадится хоть на северном, хоть на южном полюсе, на твоей стороне или на другой, днем или ночью — не надо их искать. *Они сами тебя найдут*».

Лен криво усмехнулся. Лагасте стало откровенно тошно от этой ухмылки.

— Вроде те парни оказались правы, а?

Ощущение скорого торжества исчезло, и внутри Лагасты зашевелилась тревога. Он быстро взглянул на Казница и Хаварру. Вид у обоих был растерянный и ошеломленный.

— В таком случае едва ли можно вашу работу назвать наблюдением. Вы просто сидите и ждете, пока кто-то постучит вам в дверь,— сказал Лагаста.

— Не-а,— уверил его порядком захмелевший Лен.— Когда мне постучат в дверь, я должен нажать кнопку.

— Какую кнопку?

— На стене. Над кнопкой есть такой синий стеклянный колпак, а внутри — лампочка. Если кто появится, я должен давить на кнопку, пока лампочка не загорится. Если свет не горит, значит, я плохо давил на кнопку. Но я так впечатал эту кнопку, что лампочка сразу загорелась.

— Я предполагаю, что вы, увидев нашу посадку, поспешили нажать кнопку? — спросил Лагаста.

— Я ее нажал дня два назад. Я услышал шум над крышей. Высунулся в окно, смотрю — самолет чешет. Самолет чужой и пилот тоже не наш. Ну, я сразу сделал, как они велели: нажал кнопку. Потом я вышел и помахал ему. Он чего-то сразу затрепыхался. Может, подумал, я в беду попал и прошу меня спасти?

Оставив вопрос гостя без ответа, Лагаста задал свой:

— А что происходит после нажатия кнопки?

— Хоть убей, не знаю. Они мне не сказали, а я забыл спросить. У меня все равно голова не варит в технике.

— У вас на крыше нет даже антенны,— продолжал подталкивать землянина Лагаста.

— А на кой она там сдалась?

Лен посмотрел содержимое бокала на свет и одобрительно чмокнул губами.

— Совсем другой вкус. Эта бутылка куда лучше, чем прежняя.

— Кнопка, насколько понимаю, включает передатчик. Но для передачи сигнала нужна еще и антенна.

— Вы, наверное, в таких вещах волокете, поэтому я вам верю.

— Скорее всего, нажатием кнопки вы не передаете сигнал. У нее какое-то другое назначение,— закинул новую наживку Лагаста.

— Я же вам говорил: она зажигает лампочку внутри синего колпака.

— А что толку от зажженной лампочки?

— Мне очень много толку. Эта лампочка зарабатывает мне свободу. Я освобожусь, отмотав всего четыре года, а не пятнадцать, которые мне впаял судья.

Ударив по невидимым струнам воображаемого музыкального инструмента, Лен гнусаво пропел несколько слов о серой и тесной камере. Потом он, слегка шатаясь, встал с кресла.

— Хорошая выпивка у вас, ребята. Понюхаешь — так воняет, как лак для ногтей. Но забористая. И не сразу берет, а постепенно. Знаете, потопаю-ка я домой, пока ноги ходят. А то через час вам самим придется меня тащить.

Антареанцы тоже встали. Лагаста сказал:

— Возьмите бутылочку с собой. Когда мы улетим, вы поднимете тост за отсутствующих друзей.

Лен благодарственно прижал к груди бутылку.

— Правильно вы сказали: за друзей. Был очень рад познакомиться с вами. Даже не представляете, как мне осточертело одному. По мне, так оставайтесь здесь навсегда.

Нетвердыми шагами Леонард Нэш последовал за Казницем в коридор, но на пороге обернулся и добавил:

— Забыл сказать. Я спрашивал тогда у тех парней: что мне делать, если сюда прилетит другая раса и попытается смухлевать со мной? Они мне сказали: «Не волнуйся. Им в этом нет никакой выгоды».

Землянин попытался изобразить улыбку, но количество выпитого превратило ее в гримасу.

— Чес-слово, а те парни — настоящие пророки. Что ни удар, то в цель.

Осторожно прижимая к груди бутылку, гость удалился. Лагаста повалился в кресло и уставился в стену. Хаварр — тоже. Никто из них не шевельнулся до самого возвращения Казница.

— Если бы не кнопка, я бы без колебаний размозжил этому идиоту его пьяную голову,— прошипел Лагаста.

— Возможно, про кнопку он наврал,— предположил Хаварр.

— Не наврал,— возразил Казниц.— Он сказал правду. Я собственными глазами видел и кнопку, и синий стеклянный колпак. И атомный двигатель — тоже не выдумка. Я слышал легкое гудение откуда-то снизу.

Казниц замолчал, будто что-то припоминая.

— Почему нас должно удивлять отсутствие антенны? Да, для нашего передатчика она была бы нужна. А если земляне научились обходиться без антенн? Мы же не станем утверждать, что их путь научно-технического развития во всем совпадает с нашим.

— Зато логика везде одинакова,— отрезал Лагаста.— Давайте логически оценим все, что мы узнали. Интеллектуальным развитием этот Лен не обременен. Он и не пытался никого из себя разыгрывать. Преступник, асоциальный, ограниченно развитый тип. С этим, думаю, вы оба согласны. Тут возникают три вопроса. Первый: почему земляне высадили на планету всего-навсего одного человека, а не гарнизон достаточной численности? Второй: почему они выбрали столь заурядную личность? И третий: зачем им понадобилось отправлять сюда преступника?

— По первому вопросу мне нечего сказать, а вот по остальным есть кое-какие соображения,— сказал Казниц.

— Давай, выкладывай.

— Они отправили сюда заурядную личность, поскольку в пустой голове этой личности нет никаких ценных и важных сведений. Ему бесполезно подстраивать интеллектуальные ловушки. Никакие «пилюли правды», никакой гипноз и даже пытки не дадут результатов. Земляне не знают, каким арсеналом средств мы располагаем, но одно они знают наверняка: никакая сила во Вселенной не сумеет извлечь из черепной коробки то, что туда не было вложено.

— Здесь я с тобой согласен,— сказал Лагаста.

— Рассуждаем дальше. Почему земляне предпочли послать сюда преступника, а не просто тупицу? У того, кто торчит здесь несколько лет и день за днем еще больше тупеет от такой жизни, обязательно должен быть какой-то сильный стимул, чтобы в нужный момент не забыть нажать кнопку. Лен правильно сказал: этой кнопкой он зарабатывает себе свободу. Сильнее стимула не придумаешь.

— Хорошо,— согласился Лагаста, без возражений принимая доводы Казница.— Теперь давайте поговорим о самой кнопке. Мы почти ничего о ней не знаем, кроме одного существенного

момента: кнопку земляне установили не просто так. Они сделали это с какой-то целью. Чуждый нам разум тоже имеет свои цели. Ставить кнопку, просто зажигающую лампочку, было бы абсурдным. Значит, нажатие кнопки обязательно дает и другие результаты. Что ты думаешь об этом?

Казница опередил Хаварр:

— Подача сигнала тревоги — вот единственно возможный результат. Где и в какой форме принимают этот сигнал — уже не столь важно.

— Я тоже так думаю,— поддержал его Хаварр.

— И я тоже,— сказал Лагаста.— Но сигнал — не только оповещение о противнике. Каков его скрытый подтекст? Сигнал подтверждает, что в момент нашего появления на планете земной наблюдатель Лен был жив и находился в здравом уме. А если мы запихнем этого Лена в какую-нибудь дыру или просто лишим жизни, то выдадим себя с головой. Земляне будут знать, что их наблюдатель исчез вскоре после нашего появления на этой планете. И в случае необходимости они докажут факт незаконного захвата планеты.

Лагаста глотнул воздуха и раздраженно закончил:

— Весьма вероятно, что экспедиционный корпус землян уже мчится сюда. Все зависит от того, где находится их ближайшая база.

— Даже если они и появятся, чего нам опасаться? — вдруг спросил Казниц.— В чем мы перед ними провинились? Гостеприимно встретили их наблюдателя и ни единым словом не заикнулись о своих правах на планету.

— А я очень хочу заикнуться о своих правах на планету! — закричал Лагаста.— Только как теперь я это сделаю?

— Никак,— ответил Казниц.— Узнать о существовании кнопки и рисковать?

— Мы можем вляпаться в крупный космический скандал с непредсказуемыми последствиями. Если бы решение зависело от меня одного, я бы знал, как поступить,— сказал Хаварр.

— И как же?

— Незамедлительно убрался бы отсюда. Возможно, нам повезет, и мы найдем другую планету, где высадимся первыми. Потом мы будем только радоваться, что не задержались здесь и лишнего часа.

— Мне ненавистно думать, что придется уступить наше открытие другим,— заявил Лагаста.

— А мне ненавистно думать, что придется уступить другим два открытия подряд,— с непривычной твердостью ответил ему Хаварр.

— Ваша взяла,— взревел Лагаста.— Прикажи пилотам, чтобы заводили самолеты в ангар. Экипажу подготовиться к старту.

Хаварр ушел. Лагаста повернулся к Казницу и прошипел:

— Будь они прокляты!

— Кто? Экипаж?

— Не экипаж. Земляне.

Он несколько раз тяжело прошелся по кают-компании.

— *Дерьможранцы!*— процедил сквозь зубы Лагаста.

Описывая над каменной хижиной плавную кривую, корабль землян шел на посадку. Он не отличался внушительными размерами военного корабля, поскольку не был таковым. Спускающийся корабль представлял собой быстроходное курьерское судно с небольшим экипажем. Опустившись легко и бесшумно, корабль открыл шлюз и выставил трап.

Первыми вниз сбежали двое техников, которые сразу же поспешили в дом, чтобы проверить состояние атомного двигателя и электрических сетей. За ними вразвалку сошел сменщик, прибывший сюда на четыре года. Он прошаркал по траве и остановился, с любопытством озираясь вокруг. Обликом своим человек этот напоминал медведя. У него была тяжелая, отвисшая челюсть и небольшие впалые глаза. Крупные волосатые руки были щедро разукрашены татуировкой.

Экипаж проворно выносил из грузового отсека корабля ящики и картонки и перетаскивал их в дом. Самым внушительным грузом был запас сигарет: сорок тысяч штук в специальной герметичной упаковке. Вся эта пропасть сигарет предназначалась для нового сменщика — головореза, с трудом умеющего писать простые слова. Этот верзила, осужденный за убийство, был заядлым курильщиком.

Леонард Нэш быстро зашагал к трапу корабля. Поравнявшись со своим преемником, он язвительно улыбнулся, не произнеся ни слова. Экипаж управился с разгрузкой. Техники тоже закончили осмотр. Стоя в дверях шлюза, офицер давал верзиле последние наставления:

— Запомни, ты должен давить на кнопку до тех пор, пока не зажжется синий свет. Постарайся держаться подальше от местных баров и увеселительных заведений с девочками, а не то здоровье подорвешь. До встречи через четыре года!

Тяжелая дверь шлюза наглухо закрылась. Корабль резко оторвался от поверхности и взмыл в небо. Человек, оставленный наедине с целой планетой, быстро уменьшился до размеров карлика, потом точки и наконец совсем исчез из виду.

Штурман Рис сидел в переднем отсеке и рассеянно глядел на тьму, усыпанную звездами. Дверь открылась, и в отсек вошел второй пилот Маккечни, решивший составить ему компанию. Погрузившись в пневматическое кресло, Маккечни с наслаждением вытянул свои длинные ноги.

— Я немного потрепался с этим типом, которого мы взяли с собой. Не скажу, чтобы он был безумно счастлив. Эмоций у него — как у валуна. И мозгов не больше. Держу пари: он не знает, куда девать свою свободу. Не пройдет и года, как он опять угодит в объятия копов.

— Не жаловался на трудности одинокой жизни?

— Об этом вообще ни слова. Да, рассказал, что месяцев шесть или семь назад туда прилетали какие-то инопланетяне. Зазвали его на обед, щедро напоили и вообще излили на него лавину братской любви. А вскоре по непонятной причине свалили. Говорит, они очень спешили.

— Возможно, торопились куда-нибудь, предполагая натолкнуться на необитаемую планету.

— А может, это мы их подстегнули. Наверное, доперли-таки, что мы находим в семь раз больше необитаемых планет, чем они. Думаю, нашего парня навещали антареанцы. Они до сих пор действуют по старинке. Корабль находит планету, шлет радостное сообщение домой и сидит на этой планете, как клуша, пока не прибудет армейский контингент. Ожидание растягивается на пять, десять, а то и двадцать лет. И на все это время корабль выведен из активных поисков. Мы действуем по-иному. Скажем, обнаруживает наш корабль планету А. Высаживает там человечка, потом быстро летит к планете В, высаживает там другого человечка, а сам продолжает поиски новых планет. К тому времени, когда ему удается найти планеты С и D, на планету А уже прибывает гарнизон. Самая большая проблема — время, и решается она все тем же древним способом: не терять время понапрасну.

— Ты прав на сто пятьдесят процентов,— согласился Рис.— Однако рано или поздно они должны разгадать нашу стратегию. Удивительно, что они не кокнули этого парня и не объявили планету своим открытием.

— Они видели, как он нажимал кнопку, и потому не осмелились,— сказал Маккечни.

— Кнопку? Какую еще кнопку?

— В том домишке есть кнопка. Когда ее нажимаешь, под синим стеклянным колпаком загорается лампочка.

— Ну и что? Загорается, а дальше?

— А дальше ничего. Просто от нажатия кнопки вспыхивает синий свет.

Рис наморщил лоб, пытаясь уловить смысл в словах второго пилота.

— Слушай, я что-то тебя не понимаю,— наконец откровенно признался он.

— Не ты один. Незваные гости тоже не поняли, потому и поспешили убраться.

— Все равно не понимаю.

— Смотри, для освоения космического пространства любая раса должна обладать достаточно высоким уровнем интеллекта. Согласен?

— Да.

— В отличие от разного рода свихнутых и повернутых разумные существа предсказуемы. Не во всем, но в главном: они всегда действуют разумным образом. Никогда, ни при каких обстоятельствах они не сделают ничего заведомо бессмысленного. А значит, кнопка и синий свет должны обязательно иметь какую-то цель, причем разумную цель.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мы обвели антареанцев вокруг пальца с помощью бутафорской штучки и они на нее всерьез клюнули?

— Нет, парень, одной штучкой тут не обойдешься. Знаешь, чем мы их обдурили? Мы подыграли их стереотипу мышления. Тому самому, что ты демонстрируешь мне сейчас.

— Я? — вспыхнул Рис.

— Только не сходи с ума и не относись к этому чересчур серьезно. Такой стереотип мышления вполне естествен. Ты — штурман, человек космической профессии, живущий в эпоху освоения космоса. Поэтому ты с большим уважением относишься к физике, астронавтике и прочим наукам космической эры. Ты так благоговеешь перед точными науками, что забыл о другой, не менее важной науке.

— Интересно, о какой же?

— О психологии. Она ведь тоже наука,— сказал Маккечни.

Коллекционер

Корабль дугой пробил золотое небо и приземлился с громом и воем, прорезав в буйной растительности угольно-черный шрам в добрую милю длиной. Финальный выхлоп его хвостовых дюз испепелил еще полмили местной флоры. Любой бульварный листок уделил бы четыре колонки столь эффектному прибытию. *Однако от ближайшего репортера* этот уголок космоса отделяли десятки, а то и сотни световых лет, и красочный эпизод остался незамеченным. Корабль послушно замер в конце выжженной полосы, по сторонам которой по-прежнему вздымалась сочная зелень, а низкое небо все так же безмятежно лучилось золотым светом.

Стив Эндер сидел в пилотском кресле под прозрачным колпаком из транспекса и усиленно размышлял. У него была застарелая привычка тщательно обдумывать ситуацию. Лишние пять минут раздумий предотвратили немало разрывов легких, шоковых остановок сердца и тому подобных неприятностей. В особенности это касалось переломов костей, а Стив чрезвычайно ценил свой скелет. Не то чтобы он чересчур им гордился, полагая наилучшим из возможных, но за истекшие годы изрядно к нему привык и имел твердое намерение уберечь его от любых поломок.

Поэтому, пока хвостовые дюзы корабля остывали с резким характерным потрескиванием, Стив сидел перед контрольной панелью, разглядывая пейзаж за прозрачным куполом, и старательно размышлял. Во время посадки он успел получить примерное представление о планете. Раз в десять больше Земли, судя по всему, однако его собственное тело не кажется ему слишком тяжелым.

Конечно, довольно трудно судить о весе, если тебя три недели мотает от невесомости к многократным перегрузкам, но все-

таки можно положиться на мускульную реакцию. Если чувствуешь себя слабым и вялым, как сатурнианский слизень, твой вес заметно выше земной нормы. А если кажешься себе всесильным суперменом, то наоборот.

Нормальный вес свидетельствует о том, что у данной планеты примерно земная масса, невзирая на вдесятеро больший объем. Что, в свою очередь, означает отсутствие массивного металлического ядра и легкую плазму. Иными словами, здесь недостает тяжелых элементов. Нет тория. И никеля тоже нет. А следовательно, не будет никакого никель-ториевого сплава.

Однако атомарные двигатели Кингстон-Кейна не могут работать без никель-ториевого сплава. Они потребляют его в виде ниторовой проволоки десятого калибра, которая подается непосредственно в распылители. На худой конец, сгодился бы и чистый плутоний, но в природе самородный плутоний не встречается.

На подающей шпуле Кингстон-Кейнов осталось ровно три ярда и девять с четвертью дюймов нитора. Почти ничего. Назад на таком огрызке не вернешься.

Интересная все-таки штука — логика, заключил он. Начинаешь с невинного предположения, что твои ягодицы расплющены при сидении не больше, чем обычно, и к какому же выводу приходишь в конце? Что тебе придется заделаться туземцем!

— Черт меня побери,— мрачно буркнул Стив и скорчил ужасную гримасу.

Особо напрягаться ему не пришлось, поскольку природа одарила его некрасивой физиономией, а теперь еще и красноватой от космического загара. Длинное, сухое, унылое лицо, укомплектованное острыми скулами, впалыми щеками и тонким крючковатым носом. Волосы и глаза у него были темные, и благодаря перечисленным особенностям Стив Эндер ужасно походил на ястреба. Когда ему случалось бывать в гостях, хозяева заводили речь о типи и томагавках, чтобы он почувствовал себя как дома.

Но Стив вовсе не собирался чувствовать себя как дома в чужепланетных джунглях. Разве что здесь обнаружится какая-то форма разумной жизни, достаточно глупая для того, чтобы обменять несколько сотен ярдов новенького блестящего нитора на пару старых грязных башмаков. А может быть, какая-то поисковая группа, составленная из идиотов, которая изберет именно эту планету из всей звездной пыли и грязи галактики.

Он прикинул, что шанс на спасение у него примерно один на миллион. С таким же успехом можно плюнуть в Эмпайр Стейт

Билдинг, рассчитывая с первого раза угодить в пятнышко размером с цент.

Стив вздохнул, включил портативный бортовой журнал и рассеянно проглядел последние записи.

ДЕНЬ 18-й. Пространственный катаклизм отшвырнул корабль за Ригель. Меня уносит в неисследованные регионы галактики.

ДЕНЬ 24-й. Корабль по-прежнему несет в неизвестность. Не могу выбраться из вихря гравитационных искажений. Поперечник его, по моим прикидкам, никак не менее семи парсеков. Навигационный компьютер отказал. Измерительные приборы показывают чушь. Направление движения сегодня менялось семь раз.

ДЕНЬ 29-й. Вырвался из зоны катаклизма и частично восстановил контроль над электроникой. Скорость корабля за пределами шкалы астрометра. Осторожно провожу торможение носовыми дюзами. Резерв горючего: 1400 ярдов.

ДЕНЬ 37-й. Направляю корабль к ближайшей планетарной системе.

Нахмурившись, он взял электростило и принялся медленно и разборчиво выводить на контактном дисплее:

ДЕНЬ 39-й. Совершил посадку на неизвестной планете. Основные параметры и химический состав неизвестны. Стандартное наименование галактического региона и номер пространственного сектора неизвестны. Наблюдение звездного неба непосредственно перед посадкой: ни одной знакомой космической формации. Состояние корабля: рабочее. Резерв горючего: 3 и $^1/_4$ ярда.

Он выключил бортовой журнал, убрал на место стило и с мрачной ухмылкой пробормотал:

— Ну что ж, теперь пора проверить помещение.

Согласно регистратору Рэнсона, в наружной атмосфере содержалось около 20 процентов кислорода, а ее давление на уровне поверхности составляло 730 миллиметров ртутного столба. Стив воспринял эту информацию с чувством глубочайшего удовлетворения. На простой двухцветной шкале — половинка белая, половинка красная — стрелка остановилась в центре белого диапазона.

— Можно дышать,— заключил он, вынимая из стенного шкафчика легкий защитный комбинезон. Натянув его, он за два шага пересек тесную кабину, сдвинул металлическую панель на стене и заглянул в маленькое уютное купе с мягкой обивкой.

— Ну-ка выходи, красотка!

— Стив любит Лору? — спросил капризный женский голос.

— Еще как! — откликнулся он с искренним чувством, сунул руки в купе и извлек оттуда огромного, аляповато окрашенного в ослепительно красное и голубое попугая макао.— А Лора любит Стива?

— Ха! Ха! — хрипло крикнула птица, проворно взбираясь по его левой руке на плечо. Когти у нее были мощные, но хватка деликатная. Утвердившись на любимом месте, попугаиха искоса обозрела Стива круглым блестящим глазом и нежно потыкалась головой в его левое ухо.— Эгей, тор-р-ропись! Вр-р-ремя не ждет!

— Не надо,— сказал он с укором, поднимая руку, чтобы взъерошить красные перышки на макушке Лоры.— Мне и без тебя все об этом напоминает.

Стив обожал Лору. Она была не просто ручным попугаем. Она была самым настоящим астронавтом и законно получала свое денежное и продуктовое довольствие. Каждый корабль-разведчик имел на борту двух членов экипажа: человека и макао. Впервые узнав об этой традиции, Стив насмешливо расхохотался, но получил весьма разумное объяснение.

«У косморазведчиков, которые летают в полном одиночестве, очень быстро возникают тяжелые психологические проблемы,— сказал ему профессор Хаггарти.— Психика человека нуждается в своеобразном якоре, привязывающем его к Земле, и попугай макао превосходно исполняет эту роль. Из всей земной фауны макао наилучшим образом переносит космический полет; вес птицы невелик, она способна сама позаботиться о себе. В качестве компаньона макао превыше всех похвал: и поговорит, и развеселит, и почует опасность прежде человека. Фрукты и любую другую пищу, которой соблазнился твой попугай, можешь употреблять без всякой опаски. Эти птицы спасли множество жизней, мой мальчик! Береги свою красотку, как зеницу ока, а уж она убережет тебя».

И они с Лорой беззаветно берегли друг друга, как землянин землянина. Это был почти классический симбиоз. До начала эры астронавигации никому не приходило в голову ничего подобного, но в старину, по слухам, практиковались сходные союзы: шахтеры и канарейки.

Стив не позаботился включить помпу, отпирая миниатюрный воздушный шлюз: при столь малой разнице внутреннего и внешнего давления в том не было смысла. Он просто открыл оба люка разом, промедлил на пороге ровно столько, сколько понадобилось корабельному воздуху, чтобы вырваться наружу, и

спокойно спрыгнул вниз. Лора слетела с его плеча, суматошно хлопая крыльями, и снова вцепилась в специальную наплечную накладку в тот самый миг, когда подошвы Стива коснулись грунта.

Неразлучная пара обошла вокруг корабля, молча оценивая его состояние. Передние тормозные дюзы — нормально, боковые управляющие — в норме, хвостовые дюзы вспомогательной и главной тяги — порядок. Вид неприглядный, повсюду вмятины, но работать будут. Обшивка корабля вся исцарапана, однако цела.

С трехмесячным запасом пищи и тысячей ярдов нитора этот корабль мог долететь до Земли. Но только теоретически, на сей счет у Стива не было никаких иллюзий... Как проложить курс неизвестно откуда неизвестно куда? Разве что помолясь...

— Ну что же,— заключил он, возвращаясь к входному люку.— По крайней мере, у нас есть где жить, цыпленок. На Земле с нас бы содрали сотню кусков за шикарное цельнометаллическое бунгало с обтекаемыми обводами. А тут мы отхватили его бесплатно! Здесь я разобью клумбу, там повешу качели, а на заднем дворе устрою бассейн. А ты, красотка, наденешь миленький фартучек и возьмешь на себя все завтраки, обеды и ужины.

— Мр-р-рак! — презрительно сказала Лора.

Стив остановился и оглядел ближайшие заросли, состоявшие из растений разной высоты, разнообразных форм и всех мыслимых оттенков зеленого цвета. Кое-где темная зелень явно ударяла в синеву. В этих растениях было что-то странное, как ему показалось, но Стив не мог с определенностью сказать, что именно. Конечно, все они выглядели совершенно чужими и незнакомыми, как и полагается в каждом новом мире, но их объединяло нечто общее, неуловимое. Какая-то *неправильность*, которую он был не состоянии определить.

Зеленая травка торчала у самых его ног. Однодольная, с виду совершенно нормальная. Неподалеку произрастал темно-зеленый куст с иголками и бледно-восковыми ягодами. Рядом с ним — почти такой же, только иглы длиннее и ягоды пунцовые. Подальше — кактусоподобный уродец и нечто вроде каркаса от зонтика, пустившего бледно-салатовые ростки. Каждый представитель здешней флоры сам по себе выглядел вполне приемлемым, но все вместе они составляли мучительную головоломку.

Пожав плечами, Стив выбросил из головы эту проблему. Что бы там ни было, есть вещи и поважней. Скажем, местоположение и чистота ближайшего источника воды.

Примерно в миле отсюда, как он знал, находилось озерцо жидкости, которая могла быть водой. Стив заметил его при сни-

жении и постарался посадить корабль как можно ближе. Если это не вода... Значит, не повезло, и придется поискать где-нибудь еще.

На самый худой случай последнего куска проволоки хватит на один виток вокруг планеты. Потом корабль встанет навеки, но воду так или иначе необходимо найти. Если, конечно, он не желает закончить жизнь жалкой подделкой под мумию какого-нибудь Рамзеса.

Подпрыгнув, Стив ухватился за верхний ободок люка и подтянулся на руках. Повозившись с минуту внутри, он появился на пороге с четырехгаллонной термоканистрой и сбросил ее вниз. Потом он пристегнул к поясу кобуру с заряженным разрывными пулями пистолетом-пулеметом, сунул в набедренный карман запасную обойму и спустил из люка лесенку.

На сей раз она ему понадобится. Крайне неосторожно подтягиваться на семифутовую высоту с помощью одной руки, держа в другой канистру с водой весом в пятьдесят фунтов.

Аккуратно задраив оба люка, он спустился по лесенке и поднял канистру. Озеро должно быть впереди, прямо по ходу посадки — похоже, за теми дальними деревьями. Лора покрепче ухватилась за его плечо, когда Стив отправился в путь. Канистру он нес в левой руке, а правая покоилась на рукояти пистолета. Это была самая нервная из его рук.

Путь к озеру оказался нелегким. Местность не была чересчур пересеченной, это правда, но джунгли покрывали ее настолько густо, что Стиву постоянно приходилось переступать через одни растения, продираться через другие, обходить третьи и проползать на карачках под четвертыми.

Проделывая все это, Стив мрачно размышлял о том, что предусмотрительный человек перед посадкой развернул бы корабль кормой к озеру. Или, по крайней мере, дал пару выхлопов из носовых дюз после нее. И прошагал бы полпути по выжженной полосе, начисто лишенной потенциально опасной флоры и фауны!

Не успел он подумать об опасности, как узрел перед собой раскачивающиеся лианы. Косморазведчики не раз встречались с такими, что не хуже боа-констриктора обвивают и душат живые существа. Бдительные макао обычно разражаются душераздирающими воплями ярдов за пятьдесят до подобных сюрпризов природы, но Лора продолжала хранить спокойствие. Весьма утешительно, однако он на всякий случай сжал пальцы на рукояти пистолета.

Продравшись сквозь заросли на крошечную полянку, он присел на камень отдохнуть. Странность местной фауны, не под-

дающаяся определению, беспокоила его все больше. Испытывая отвращение к собственной тупости, Стив хмуро уставился на канистру, стоящую у ног, и внезапно заметил неподалеку что-то блестящее.

Это был жук, да такой огромный, какого еще не видали глаза человека. Встречаются, конечно, твари и покрупнее, но только не данного типа. Крабы, к примеру, бывают здоровенными, но при виде этого жука, деловито пересекающего поляну, любой из них приобрел бы тяжкий комплекс неполноценности.

Стив не питал отвращения к насекомым, хотя и не приветствовал назойливую мошкару. В детстве он был счастливым обладателем трехдюймового жука-оленя, по имени Эдгар, и вынес из этого знакомства убеждение, что все крупные жуки довольно дружелюбны. Поэтому он без раздумий опустился на колени перед ползущим гигантом и протянул ему руку ладонью вверх. Тот деликатно обследовал ее трепещущими усиками, заполз на ладонь и остановился.

Блестящий хитиновый панцирь отливал голубовато-синим металлом, а весило это великолепное создание никак не менее трех фунтов. Насмотревшись, Стив аккуратно поставил жука на траву, и тот отправился по своим делам. Лора проводила аборигена внимательным, но равнодушным взглядом.

— Scarabaeus Anderii,— с мрачным удовлетворением произнес Стив.— Я нарекаю тебя собственным именем, пусть даже никто об этом не узнает.

— Нибирисьбе фхолаву! — хрипло завопила Лора с ужасающим акцентом, импортированным прямиком из Абердина*.— Нибири! Нидрибизди, жэншшына! Фушах свирбыт! Нидриби...

— Заткнись! — гаркнул Стив и дернул левым плечом так, что попугаиха на миг потеряла равновесие.— И от кого ты только подцепила этот варварский диалект?!

— Мак-Джилликади! — радостно заверещала Лора над самым его ухом.— Мак-Джилли-Джилли-Джилликади! Здор-р-овенный волосатый...— И она закончила таким словцом, что брови Стива взлетели на лоб, а птица, казалось, и сама обалдела. Прикрыв глаза мигательной перепонкой, она задумчиво потопталась на его плече, снова открыла глаза и издала пару неопределенных звуков. Помолчав, она покрепче ухватилась когтями и, откинув голову, вдохновенно завела:

— Здор-р-овенный...

Но ей не удалось ввернуть чудесное новое словечко. Стив резко дернул плечом, и Лора с протестующим кудахтаньем свали-

---

* Графство в Шотландии.— *Прим. перев.*

лась под зеленый куст. Из-за куста появился блистательный Scarabaeus Anderii и укоризненно уставился на попугая макао.

И вдруг неподалеку раздался грубный глас, и нечто неведомое свершило шаг, потрясший землю. Scarabaeus Anderii мигом нырнул под куст, а Лора в панике взлетела. Она еще не успела вцепиться в левое плечо Стива, а его правая рука с пистолетом уже указывала на север, откуда донеслись эти звуки. Еще один шаг непонятно чего, и почва опять содрогнулась. А потом настала тишина.

Стив продолжал стоять, как статуя.

Последовал оглушительный свист, словно гигантский архаичный локомотив поспешно выпустил пары. Нечто полускрытое густой растительностью — приземистое, широкое и совершенно невероятной длины — стремительно пронеслось сквозь джунгли, своей тяжестью сотрясая твердь планеты. Оно бежало по прямой, не разбирая пути, и проскочило, как скорый поезд, ярдах в двадцати от Стива.

Его пистолет ни на секунду не выпустил чудище из прицела, но так и не выстрелил. Стив сумел разглядеть лишь синевато-серое туловище с зазубренным гребнем на спине. Вырванные с корнем кусты и деревья разлетелись в стороны, и позади монстра осталась вытоптанная полоса шириной с первоклассную скоростную магистраль.

Когда колебания почвы наконец сошли на нет, он левой рукой достал носовой платок и вытер пот с лица и шеи. В правой он по-прежнему держал пистолет, заряженный разрывными пулями. Это были очень специальные пули, каждая из них могла вырвать из носорога кусок мяса в двести фунтов весом, а угодив в человека, полностью рассеивала того по ландшафту. Вероятно, дюжина таких пуль способна причинить галопирующему монстру некоторое неудобство, заключил Стив, но базука калибром семьдесят пять миллиметров все-таки не в пример эффективнее. К сожалению, в разведывательном корабле совсем нет места для артиллерии. Он убрал платок в карман и поднял с земли канистру.

— Хочу к маме,— жалобно проговорила Лора, но он не отозвался и зашагал дальше. Взъерошенная птица покрепче вцепилась в его плечо и погрузилась в мрачное молчание.

В озере оказалась вода. Холодная, чуть зеленоватая, с небольшой горчинкой, но кофе прекрасно замаскирует этот привкус. На самом деле вкус его только улучшится, ведь Стив предпочитал кофе черным, крепким и совсем без сахара. Но, разумеется, сперва надо проверить эту местную жидкость, и в особенности на кумулятивные яды.

Наполнив канистру, он доставил ее к кораблю гораздо быстрее, чем рассчитывал, и все благодаря чудовищу, проложившему свою магистраль неподалеку от кормы. И тем не менее, добравшись до лесенки, Стив тяжело дышал и весь обливался потом.

Поднявшись наверх, он снова задраил оба люка, включил вентиляцию и вскипятил воду из остатков в резервуаре. Золотое небо потускнело до оранжевого, кое-где над горизонтом появились лиловые разводы. Глядя на эту картину через транспекс, Стив обнаружил, что флюоресцирующая атмосферная дымка успешно скрывает заходящее солнце и запад можно определить лишь по более яркому свечению над горизонтом.

Он разложил откидной столик и установил подле него официальный насест. Лора немедленно заняла свое законное место, ревниво следя за тем, как Стив наливает воду в одну миску, сыплет семечки арбуза и подсолнуха в другую, а изюм, кусочки вяленой дыни и очищенные грецкие орехи — в третью. Великосветскими манерами попугаиха не отличалась и принялась жадно есть, не дожидаясь своего визави.

Для себя Стив разогрел стандартный рацион, заварил большую кружку растворимого кофе и приступил к еде, размышляя обо всем, что увидел.

— Я обнаружил самого большого в своей жизни жука,— сообщил он вслух, покончив с едой и наливая себе кофе.— И несколько мелких. Один жук продолговатый и коричневый, второй — округлый и черный в красную крапинку, третий... В общем, все разные... А также пурпурный паук и крошечный зеленый, они совсем друг на друга не похожи. И еще я видел букашку, смахивающую на тлю. Но я не встретил ни одного муравья.

— Мур-р-равей, мур-р-равей! — подхватила Лора, выронив кусок ореха. Спрыгнув на пол, она поспешно склевала потерю.— Чер-р-рт!

— Ни одной пчелы тоже не было.

— Пчш-шела! — Попугаиха вспорхнула на насест и с энтузиазмом повторила: — Пчш-шела! Мур-р-равей! Лора любит Стива!

— Да заткнись ты, обжора,— грубо сказал Стив.— Дай подумать! Так о чем я?.. Ах да. Что-то здесь неладно с растениями. И с жуками! Но что именно, никак не могу понять. Может, я уже немного чокнулся?

— Чокнемся, чокнемся! — радостно заорала Лора.— Твое здор-р-ровье!

И тут внезапно пала ночь. Оранжевое, золотистое, лиловое смыла с небес непроглядная беззвездная тьма без единого случайного проблеска. Стив не видел ни зги, за исключением огоньков на контрольной панели.

— Мр-р-рак! — жалобно вскрикнула Лора из-под стола.

Стив нашарил выключатель и зажег настенную лампу. Лора немедленно вернулась на насест и деловито занялась семечками, предоставив компаньона собственным мыслям.

— Scarabaeus Anderii, и мелкие жуки, и парочка пауков — но все разные. А на другом конце шкалы? Гигантозавр! Однако нет муравья и нет пчелы. Вернее, нет ни муравьев, ни пчел.— У Стива возникла странная уверенность, что он каким-то образом прикоснулся к корню загадки, но...

Он решил подумать над этим позже и занялся делами. Убрал со стола, помыл посуду, взял образчик воды из канистры и отправил его в анализатор. Горьковатый привкус, как оказалось, объяснялся крайне незначительным присутствием сульфата магния. Можно пить!

Да, это уже кое-что: еда, вода и убежище — три столпа выживания. Запасов пищи должно хватить на шесть или семь недель, а после останутся лишь озеро и корабль.

Включив бортовой журнал, Стив начал подробно излагать события дня, в манере сухой, четкой и лишенной всяческих эмоций. Дойдя до середины отчета, он задумался, как бы назвать планету.

Эндера? М-да... Если он все же вернется, использовав единственный шанс на миллион, то надолго станет всеобщим посмешищем косморазведки. Жук — это одно, а планета — совсем другое! Не назвать ли ее именем Лоры? Гм. Не слишком удачная мысль... Особенно для тех, кто хорошо знает Лору. Но тут он вспомнил о золотой дымке в небесах и решительно начертал: ОРА*.

Когда он закончил писать, Лора уже спала, спрятав голову под крыло. Стив поглядел на нее с глубокой нежностью. Если бы только не эти ее словечки, в особенности последняя новинка... Нет уж, когда он вернется, жуткий трепач Мендес и его вулканический дружок Мак-Джилликади горько поплатятся за свою деятельность на ниве просвещения!

Вздохнув, он убрал журнал, разложил складную койку, выключил свет и отправился на покой. Лет десять назад, очутившись на новой планете, он не смог бы уснуть от волнения, но за прошедшие годы у Стива выработался стойкий иммунитет. Он закрыл глаза, предвкушая сладкий здоровый сон, и немедленно отключился... Ровно на два часа.

Что именно пробудило Стива, так и осталось загадкой, но он внезапно пришел в себя и обнаружил, что сидит в темноте на краю койки. Нервы его были напряжены до предела, руки

---

* Or *(англ.)*: геральдический термин, обозначающий цвет золота.

дрожали, уши тревожно вслушивались в тишину. Он испытывал ту странную смесь возбуждения и тупого шока, которая обычно приходит вслед за избавлением от смертельной опасности.

Ни разу в жизни со Стивом не случалось ничего подобного. Его правая рука нашла верный пистолет, в то время как разум, блуждая, пытался припомнить бессвязные сонные видения. А между тем он прекрасно знал, что не подвержен ночным кошмарам! Лора тоже беспокойно топталась на насесте, не вполне бодрствуя, но уже не во сне, и это было совсем на нее не похоже.

Отвергнув гипотезу кошмара, он встал и посмотрел наружу через транспекс: глубочайшая чернота, настолько непроницаемая, насколько это можно себе представить. И невероятная тишина! Он начал медленно поворачиваться, чтобы полностью обозреть невидимый пейзаж... И замер на месте: где-то там, за кормой корабля, двигалось сияние, мерцающее, высокое и величественное. Расстояние до него Стив определить не мог, но сердце его сжалось, а душа затосковала.

Он подавил эмоции усилием воли, разглядывая странное сияние прищуренными глазами. Какова же природа этого феномена, если он воздействует на тело и душу человека?.. Теперь уже левая рука Стива поискала в темноте и вернулась с мощными бинокулярами для ночного видения. Сияние продолжало двигаться справа налево, медленно и целеустремленно. Стив надел бинокуляры и отрегулировал, наводя линзы на фокус.

Огромная мерцающая колонна словно прыгнула ему навстречу. Почти как полуденное небо, не сверкай в этой колонне маленькие, но ослепительные серебряные вспышки. Это был золотой смерч, закрутивший серебряные звезды... Стройный золотой ствол с туманной листвой и серебряными плодами... Нет, это было ни на что не похоже. Ни одно разумное существо доселе не видело подобного зрелища!

Неужели оно живое?..

Возможно, это действительно одна из форм жизни, хотя и невероятная с земной точки зрения, сказал себе Стив. И все же гораздо логичней рассматривать его как локальное явление. Что-то вроде «песчаных дьяволов» Сахары?..

Когда гигант удалился настолько, что сияние растаяло во тьме, он снял бинокуляры и сел на койку, сотрясаясь от нервного озноба. Лора совсем проснулась и разразилась жалобными криками, но у Стива не было ни малейшего желания включать свет и делать свой корабль маяком. Поэтому он просто коснулся ее рукой, и Лора поспешно перебралась к нему на койку. Бедняжка была сильно напугана и жаждала утешения. Остаток ночи они проспали вдвоем, и больше их ничто не побеспокоило.

Когда Стив проснулся, небо над куполом снова лучилось золотом. Встав на койку, он внимательно обозрел окрестности: со вчерашнего дня ровным счетом ничего не изменилось. За завтраком в голове Стива крутились разнообразные мысли, но более всего он задавался вопросом о том, что же, собственно, заставило его вскочить глубокой ночью.

Лора выглядела на редкость вялой и подавленной. Он только раз видел ее в таком настроении, а было это после совместного визита в интерпланетарный зоопарк. Тогда он показал Лоре крестового орла из системы Вега, и орел окинул ее взглядом, исполненным презрительного достоинства.

Странным образом Стив ощущал настоятельную необходимость поторопиться, хотя, если подумать, у него вся жизнь была впереди. Вооружившись пистолетом и канистрой, он совершил полную дюжину ходок до озера и обратно, не теряя ни единой лишней минуты и не глазея на загадочные деревья и жуков. Чтобы наполнить пятидесятигаллонный резервуар, потребовалась добрая половина дня, зато теперь запасы воды и пищи на корабле примерно соответствовали друг другу.

Гигантозавра он больше не видел, равно как и любых других животных. Один раз он заметил нечто крылатое, летящее в небесах, но существо было слишком далеко, и Стив не смог определить, похоже ли оно на птицу, или на летучую мышь, или на птеродактиля. Лора проводила загадочного летуна острым, но спокойным взглядом.

В данный момент попугаиху более всего занимали незнакомые фрукты. Стив уселся в проеме внешнего люка, свесив ноги наружу, и внимательно наблюдал, как Лора исследует небольшие деревца ярдах в тридцати от корабля. Пистолет-пулемет лежал у него под рукой и был готов в любой момент пришибить каждое местное существо, буде оно проявит нечестивое намерение покуситься на его драгоценную Лору.

На одном из деревьев висели плоды, напоминающие сильно уменьшенные кокосы в синей скорлупе. Лора распробовала один, с явным удовольствием съела и схватила другой. Стив опрокинулся на спину, закинул назад руку и выудил из кабины пластиковый мешок. Потом спрыгнул вниз, подошел к дереву и сорвал орех. Мякоть его оказалась сочной, очень сладкой и приятно отдавала лимоном. Не теряя времени даром, он наполнил мешок орехами и зашвырнул его в люк.

Рядом стояло другое деревце, не вполне такое же, но очень похожее, и орехи на нем были крупнее. Стив сорвал один орех и предложил Лоре: та с недоверием попробовала его и тут же с отвращением выплюнула. Сорвав второй орех, он расколол его

и осторожно лизнул мякоть. На человеческий вкус этот плод ничем не отличался от плодов первого дерева, но Лора думала иначе. Стив выбросил неправильный орех, вернулся на свой насест и принялся размышлять.

Эта пара ореховых деревьев, как он чувствовал, в компактном виде отражала загадку местной флоры и фауны. И если удастся сообразить, почему — с точки зрения попугая — на одном плоды съедобные, а на другом никуда не годятся... Стиву казалось, что главный секрет Оры уже у него в кулаке, но он не может понять его, поскольку не в силах разжать пальцы.

Нахмурившись, он вернулся к ореховым деревьям и подверг их скрупулезному визуальному обследованию. Зрение говорило, что перед ним два экземпляра одного вида, в то время как шестое чувство Лоры уверенно утверждало, что каждое дерево представляет отдельный вид. Следовательно: не верь глазам своим? Но эта истина давно известна косморазведке, и та справедливо требует, чтобы разведчик объяснил, почему не стоит полагаться на зрение. А он не может выяснить даже этого!

У Стива окончательно испортилось настроение. Он запер оба люка корабельного шлюза, призвал на плечо Лору и снова пустился в путь, но теперь в противоположном направлении.

Правила, регламентирующие первое исследование незнакомой планеты, чрезвычайно просты и разумны. Продвигайся вперед медленно, возвращайся быстро и помни, что от тебя требуется лишь предварительное заключение о потенциальной пригодности (или полной непригодности) для человеческой жизни. Лучше тщательно обследовать небольшой участок, чем поверхностно — обширную территорию, поскольку это дело картографов и ученых, которые приходят вслед за разведкой. Используй корабль в качестве стационарной базы и не перелетай на другое место без настоятельной нужды. Не отходи от базы дальше чем на половину дневного перехода и запирайся в корабле с наступлением темноты.

Пригодна ли Ора для человеческой жизни? Очень большой вопрос. Не говоря обо всем прочем, странная штуковина, что бродит тут по ночам... Стив интуитивно ощущал в этом феномене нечеловеческое, пугающее могущество. Может ли обычный человек бороться, к примеру, с колоссальным водоворотом? А если здешний сияющий Ороворот еще и разумен?.. Что ж, тем хуже для долговременных планов Земли! Так или иначе, решил он, но оценить опасность — служебный долг разведчика. Даже если ему придется бегать за этой штукой в кромешной тьме!

Привычка — вторая натура, поэтому Стив совершенно забыл, что его службе на благо человечества пришел конец и вряд ли

еще что-нибудь земное долетит до Оры в ближайшую тысячу лет. Устало шагая с пистолетом в правой руке, он поднял левую и взглянул на хронометр: ровно час в пути, а когда он уходил, оставалось чуть больше пяти часов до темноты. Два с половиной часа туда и столько же обратно. Только десять миль вперед и десять назад. Да, слишком уж много времени заняла доставка воды! Если завтра отправиться с утра...

Все мысли мигом вылетели у Стива из головы, потому что он дошел до места, где закончились зеленые джунгли. Кончались они не так, как положено,— чахлыми кустиками и ростками, прозябающими на каменистой почве, а совсем иначе: изумительно ровной линией, словно прорубленной мачете, и сразу за этой границей начиналась другая поросль, мелкая и кристаллическая.

На каждой планете всегда найдутся свои сюрпризы. Земные стандарты неприложимы к космосу, ибо в природе нет ничего ненормального, если только явление не вступает в противоречие с локальными условиями. Кроме того, Стиву уже случалось видеть нечто подобное на Марсе.

Нелепым был сам переход от зеленых растений к кристаллическим. Стив отступил на несколько шагов и заново обозрел границу между двумя типами флоры: она была слишком явной. Плантация?.. В природе можно найти что угодно, но только не такие прямые линии! Присев на корточки, он рассмотрел ближайшие кристаллы и доверительно поведал Лоре:

— Сдается мне, цыпленок, что эти штучки были здесь посажены. Или посеяны? Интересно, кто бы мог это сделать?

— Мак-Джилликади! — немедленно предположила она.

Стив вытянул указательный палец левой руки и постучал ногтем по игольчатому зеленоватому объекту примерно в дюйм высотой. Кристалл завибрировал и тонким приятным голоском пропел: ДЗИИИННННЬ!

Стив постучал по соседнему кристаллу, и тот откликнулся пониже: ДЗАААННГ!

Стив постучал по третьему... и эта штука рассыпалась на тысячу крошечных осколков.

Он встал, не отрывая взгляда от кристаллов, и почесал в затылке левой рукой. Один ДЗИНЬ. Один ДЗАНГ. И одна кучка кристаллической пыли. Два ореха, съедобный и ядовитый.

Если бы он только смог разжать пальцы и взглянуть на то, что уже лежит у него на ладони!..

Потом он поднял глаза и увидел, довольно высоко, нечто беспорядочно порхающее над кристаллической плантацией. Лора

сорвалась с его плеча с хриплым кудахтаньем и устремилась к неизвестному летуну, мощно взмахивая широкими ало-голубыми крыльями. Взлетев повыше, она спикировала, прижимая существо к земле, и в конце концов летун пронесся всего лишь в нескольких футах над головою Стива. Это оказалась бабочка, почти такая же большая и яркая, как сама Лора.

Попугаиха снова изобразила атаку, пугая гигантское насекомое, но Стив велел ей вернуться и двинулся вперед. Кристаллы с тихим попискиванием и хрустом крошились под его тяжелыми башмаками.

Через полчаса, когда он с натугой взбирался по заросшему кристаллами склону, его наконец озарило. Стив остановился так резко, что Лора, не удержавшись, была вынуждена взлететь. Совершив нечто вроде круга почета, птица вернулась на свой насест и высказала несколько едких замечаний на неизвестном языке, но Стив не обратил на них никакого внимания.

— Один такой, один сякой,— пробормотал он.— Не пара, не тройка и не дюжина... Ну конечно! Абсолютно все, что я здесь видел, существует в одном-единственном экземпляре. Выходит, на всей планете лишь один гигантозавр, один Scarabaeus Anderii... И всяких прочих тварей тоже по штуке. Каждая особь совершенно уникальна, оригинальна, индивидуальна. И что же за этим кроется?!

— Мак-Джилликади! — радостно подсказала Лора.

— Ради всего святого, забудь о Мак-Джилликади!

— Р-р-ради всего святого! Р-р-ради всего святого! — вскричала птица в восторге от новой фразы.

Стив свирепо дернул левым плечом, и Лора снова отправилась в полет.

— Мутации,— сказал он себе.— Постоянный, непрерывный, всеохватывающий мутационный процесс. И крайне интенсивный, поскольку каждый вид производит нечто новое. То есть не существует никаких доминирующих признаков, которые обязательно передаются по наследству! — Стив нахмурился, обнаружив очевидную нестыковку в своей теории.— Да, но как же тогда они размножаются? Что способствует оплодотворению?

— Мак-Джилли...— начала было Лора, но передумала и благонравно умолкла.

— Более того,— задумчиво сказал Стив.— Если ни один организм не копирует себя в потомках, возникает серьезная пищевая проблема. То, что съедобно в одном растении, легко может стать ядовитым у его отпрысков. Сегодня пища — завтра отрава. Черт побери, если я правильно понял, эта планета не в силах прокормить и пару ежей!

— Нет, сэр-р-р! Никаких ежей, сэр-р-р! Лора не любит ежей!

— Тихо! — раздраженно рявкнул Стив.— И что же у нас получается? Планета, которая не может прокормить двух ежей, способна содержать гигантозавра?.. Нет, что-то здесь не так. Что-то не сходится. Гора живого мяса способна процветать где угодно, была бы еда, но только не на Оре. По всем законам этому монстру давно уже следовало отдать концы!

В раздумьях он добрался до гребня пологой гряды... и обнаружил упомянутого монстра лежащим на ее противоположном склоне. Чудовище со всей очевидностью уже отдало концы.

Стив удостоверился в этом факте самым быстрым, простым и эффективным способом: вогнал разрывную пулю в одну из огромных, тусклых, желтоватых плошек, которыми глазела на него драконоподобная башка размером со спасательный бот. Из дырки в черепе вылетели обрывки и осколки, но невероятное туловище, растянувшееся поперек всего склона, даже не вздрогнуло.

Башмаки Стива продолжали с хрустом крушить кристаллы, пока он спускался вниз, сделав солидный крюк, чтобы обогнуть чудовищный труп. Времени оставалось в обрез, и в данный момент гигантозавр не слишком интересовал Стива. Он может вернуться сюда завтра с голографической камерой и запечатлеть ящера в лучших традициях косморазведки, а покамест зверюга подождет.

Следующий подъем оказался гораздо выше и круче, и взбираться по нему было значительно труднее. Но Стив наметил гребень второй гряды конечной точкой маршрута, поскольку ему страшно хотелось взглянуть на то, что находится за ним. С одной стороны, чисто человеческое любопытство, унаследованное от полудиких предков, с другой...

Во-первых, с высоты открывается прекрасный вид на окрестности. Во-вторых, эта штука, что бродит по ночам, скрылась примерно за этой грядой. Конечно, колонна золотистой дымки, позаимствованной у здешних небес, может двигаться совершенно бесцельно, однако инстинкт продолжал нашептывать ему, что это был не просто смерч и что он явно куда-то направлялся.

Интересно, куда?..

Совсем запыхавшись, Стив вскарабкался наверх и бросил взгляд вниз, в широкую долину.

И наконец он увидел.

По ту сторону гребня кристаллическую поросль ограничивала та же идеальная прямая, будто вычерченная по линейке. Ниже начиналась чистая, без единого камешка суглинистая почва,

которая плавно опускалась в долину и вновь поднималась вверх по противоположному склону. На склонах там и сям сидели какие-то странные желеобразные комки, трепещущие под золотистым светом неба.

Своим окончанием долина упиралась в высокий холм, а из холма выступало обширное блестящее строение с плоской кровлей и плоским фасадом, в середине которого зияла огромная квадратная дыра. Издали это выглядело так, словно в кучу песка воткнули продолговатый брусок из полированного молочно-белого пластика.

Ни единого окна, ни единого рельефа на гладких стенах. Ни дороги, ни даже тропинки, ведущей к зияющей дыре. У Стива по спине поползли мурашки — это здание, как ему вдруг показалось, старательно прикидывается пустым, потому что на самом деле его населяют духи.

Впрочем, одно было совершенно ясно: на Оре существует разумная жизнь. Другое вполне возможно: ее представителем является золотая колонна, гуляющая по ночам. Третье весьма вероятно: у массивных землян и туманных обитателей Оры слишком мало общего, чтобы найти основу взаимопонимания... В то время как для вражды не требуется ни базиса, ни веских причин!

Жгучее любопытство и осторожность раздирали его на части. Одно чувство властно тянуло в долину, другое понукало убраться отсюда, пока не поздно. Стив взглянул на хронометр: до темноты осталось меньше трех часов. За это время он должен дойти до корабля, составить отчет и приготовить ужин. До белой постройки на глазок не менее двух миль, примерно час ходьбы туда и обратно... Нет уж, пускай подождет, никуда не денется.

Разумная осторожность восторжествовала, и Стив напоследок обратил внимание на ближайший комок желе в виде сплющенного пузыря около ярда в диаметре. В зеленоватой полупрозрачной массе виднелись голубые прожилки и множество миниатюрных пузырьков. Желе неторопливо пульсировало, резко вздулось горбом от прикосновений башмака, но вскоре опять расслабилось. Не амеба, решил он; тоже низшая форма жизни, но устроена посложнее.

Лоре эта форма жизни явно не понравилась. Когда Стив наклонился, чтобы рассмотреть пузырь поближе, она раздраженно соскочила с его плеча и размолотила мощным клювом несколько невинных кристаллов.

Насколько он мог судить, зеленоватый пузырь отличался от своих соседей, а те, как и следовало ожидать, не походили друг

на друга. Все тот же принцип — каждой твари по штуке! Бросив прощальный взгляд на загадочное здание в долине, он кликнул Лору и отправился в обратный путь.

При виде корабля Стив заторопился к нему с пылким нетерпением блудного сына. За время их отсутствия неподалеку от шлюза появились крупные, глубоко вдавленные в почву следы. Три крючковатых пальца и нечто вроде шпоры. Что-то большое, тяжелое и двуногое. Наверное, животное — ни одно разумное существо не приблизится к огромному незнакомому предмету; сперва покружит в стороне, дабы хорошенько рассмотреть. Кто бы тут ни топтался, это единственный на планете экземпляр...

Поднявшись на корабль, Стив задраил шлюз, разогрел ужин и накормил Лору. Поел, записал в журнале события дня и поглядел на небо: фиолетовые струйки поднимались над горизонтом, образуя легкие облачка. Он задумчиво обозрел уже знакомый пейзаж. Интересно, какие растения были предками нынешних? И какими станут их потомки? И как же размножается вся эта флора, черт бы ее побрал?!

Массовый радикальный мутагенез предполагает изменение генов в результате постоянного воздействия жесткой радиации значительного уровня. Однако на планетах с малой плотностью, где нет тяжелых элементов, подобной радиации нет и быть не может, если только гамма-лучи не падают прямо с неба. Однако здесь, на Оре, лучи не падали с неба и не поступали из какого-либо другого источника. На самом деле на Оре практически не было радиации.

В этом Стив был совершенно уверен, потому что специально проверял, имея особый интерес: проникающая радиация указывает на наличие радиоактивных элементов, которыми, в случае крайней нужды, можно заменить стандартное топливо. На корабле среди прочего добра имелось соответствующее оборудование, но все эти счетчики и датчики после посадки не издали ни единого обнадеживающего щелчка. Даже ионизация атмосферы оказалась невероятно низкой!

— Кажется, с теорией у меня полный швах,— пожаловался он Лоре.— Тупая башка! Совсем не желает работать.

— Не желает р-работать! — подхватила попугаиха и с хрустом разгрызла земляной орех.— Говор-рю тебе, на этом корабле пр-ро-клятие! Вуду, вуду! Не полечу, и не пр-роси! Дело дрянь. Др-рянь! Др-рянь! Кто пьян? Кто пьян? Здор-ровенный...

— Лора!!!

— Мак-Джилликади,— упрямо закончила птица и защелкала клювом.— Кольца кр-руче, чем у Сатур-рна,— подумав, сообщила она.— Кто вр-рет? Я не вру. Крепкий ор-решек!

Стив в упор посмотрел на свою напарницу и сказал:

— Помолчи, Лора.

— Ор-решек,— нежно проворковала она.— Хочешь орешек? Лора любит орехи.

— Ладно, давай,— со вздохом согласился он, протягивая руку.

Попугаиха склонила голову в одну сторону, потом в другую, разглядывая миску с арахисом, потом порылась в ней с серьезным видом и, выбрав орех, положила ему на ладонь. Стив разломил его и принялся жевать ядрышки, старательно изображая удовольствие. Он машинально включил свет, и ночь, словно того и ждала, немедленно упала на джунгли.

И вместе с ней явилось острое беспокойство.

Стив не очень понимал, что мог сотворить гравитационный флаттер с электрохимической системой затемнения транспекса. Так или иначе, но система отказала, а чтобы разобраться, в чем дело, пришлось бы, скорее всего, демонтировать весь купол.

Поэтому прозрачный транспекс сиял, как маяк в ночи, а маяки для того и существуют, чтобы привлекать внимание. При нынешних обстоятельствах Стиву совсем не хотелось быть центром внимания. И уж тем более ночью.

Профессиональный опыт выработал у него снисходительное отношение к инопланетным животным, сколь бы ужасными те ни выглядели, но инопланетный разум... Это совсем другое! Голос инстинкта столь настойчиво твердил ему об интеллектуальной мощи ночного гостя, что Стиву даже не пришло в голову спросить себя, есть ли у колонны светящегося тумана глаза или иной орган, позволяющий видеть.

Но если бы такая мысль его посетила, то не принесла бы успокоения. Чуждый могущественный разум, холодно взвешивающий и оценивающий тебя каким-то невероятным способом? Это гораздо хуже, чем есть, спать и беседовать с Лорой под пристальным взглядом чужака.

Что же делать? Как поступить? В голове была какая-то каша. Он выключил свет, разложил свою койку и улегся спать.

Этой ночью ничто его не разбудило, но утром Стив проснулся в холодном поту и обнаружил Лору у себя под боком. За приготовлением завтрака он постарался привести свои вчерашние мысли в порядок. Позавтракав и опустошив две кружки крепчайшего кофе, он заговорил с Лорой.

— Я еще недостаточно спятил, цыпленок, чтобы установить трехсменное дежурство. А именно это, согласно инструкции, мне и надлежит сделать при столкновении с неизвестной силой, которой я не могу противостоять. Нашим отважным воякам в

мягких креслах недурно бы хоть раз побывать в ситуации, не предусмотренной их правилами.

— Др-рянь! — сочувственно сказала Лора.

— Самое главное в профессии разведчика — это вовремя смыться,— продолжил Стив.— Весьма разумное правило, когда есть такая возможность... Но у нас с тобой, цыпленок, подобной возможности нет.

— Р-разрази меня гр-ром! — гаркнула Лора.

— Для дамы твои манеры просто ужасны,— меланхолически заметил Стив.— Знаешь, красотка, что-то у меня нет желания провести остаток жизни, постоянно оглядываясь через плечо. Каков наилучший способ отделаться от неизвестной силы? О, это очень просто, надо всего лишь узнать ее! Чем раньше мы покончим с этим маленьким дельцем, тем лучше, как молвил дядюшка Джонатан, впихивая оболтуса Вилли в кабинет дантиста.

— Нибирисьбе фхолаву,— хрипло посоветовала Лора.— Нибири!

Стив с неодобрением посмотрел на нее.

— А значит, придется помахать красной тряпкой перед носом быка... Иногда эта тактика неплохо срабатывает.— Поднявшись, он решительно сграбастал Лору, сунул ее в походное купе и аккуратно задвинул панель.— Сейчас мы с тобой немного полетаем, детка!

Усевшись в пилотское кресло, он пристегнулся, включил подачу энергии и разогрел хвостовые дюзы на вспомогательном горючем, а когда неритмичные выхлопы перешли в равномерный рев, положил руку на рычаг бустера главной тяги. Корабль завибрировал всем корпусом и медленно оторвался от земли. И тогда он резко двинул рычаг вперед и назад.

Полумильный огненный выхлоп выбросил корабль в небеса. За считанные секунды он пронесся над джунглями, кристаллическими плантациями, холмами и долиной, в то время как Стив лихорадочно отрабатывал тормозными дюзами. Это была ювелирная работа, но Стив, как и большинство его товарищей, освоил немало головоломных трюков, которые был способен выполнить маленький разведывательный корабль.

Единственное, чего недоставало косморазведчику, так это толпы восторженных зрителей, когда он усадил свое суденышко точнехонько в центр молочно-белой крыши загадочного здания, выступающего из холма. Крыша оказалась чересчур гладкой, и корабль заскользил, но у самого края наконец-то остановился.

— Порядок,— выдохнул Стив.— Ну разве я не молодец? — И, подумав, счел нужным добавить: — Разве я не слишком молод и хорош собой, чтобы умереть так бездарно?!

Он продолжал сидеть, поглядывая то на крышу, то на корабельный хронометр, в томительном ожидании неизвестно чего. Громовые эффекты, сопутствовавшие прибытию корабля, могли бы пробудить и мертвеца, и если кто-то из хозяев дома... Будь Стив на их месте, он непременно выскочил бы посмотреть, какой негодяй швырнул ему на крышу стотонную бутылку.

Никто не появился, но он дал им еще полчаса. Лицо его обострилось, глаза смотрели холодно и цепко, и сейчас Стив действительно походил на ястреба. Назначенное время истекло, но ничего не случилось.

— Ну и ладно,— сказал он, вставая, и первым делом освободил Лору.

Вид у нее был крайне раздраженный, словно у вдовствующей герцогини, которой предложили в отеле трехместный номер вместо люкса. Но Стив проигнорировал эти женские штучки, поспешно экипировался, проверил пистолет, открыл входной люк и спрыгнул на крышу здания. Лора неохотно последовала за ним и уселась ему на плечо с выражением величайшего неодобрения.

Стив дошел до края крыши над фасадом и поглядел вниз. Да уж, ничего себе... Голая, отвесная, абсолютно гладкая стена высотой не менее пятисот футов. Прямо под его ногами футов на четыреста вздымалась огромная дыра, а сам он стоял на перекрывающей ее стофутовой притолоке. Единственная возможность спуститься вниз состояла в том, чтобы дойти до холма, к которому примыкала противоположная часть постройки, и на склоне его немножко заняться альпинизмом.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, он отшагал четверть мили, разглядывая молочно-белую поверхность, по которой ступали его башмаки, и не обнаружил в ней ни трещинки, ни выбоины. Похоже, все колоссальное здание было сделано из цельного куска, что только усилило его дурные предчувствия. Какие бы существа ни возвели в долине эту невероятную конструкцию, их никак нельзя было назвать примитивными — уж это точно.

Снизу вход выглядел еще грандиознее, чем с крыши. Будь в противоположной стене здания такая же дыра, он мог бы спокойно влететь на корабле с одной стороны и вылететь с другой. При том условии, конечно, что внутри здания не обнаружится никаких препятствий.

При этаких размерах портала отсутствие дверей уже не казалось Стиву странным. Трудно вообразить, какова должна быть дверь, которая полностью закрывает гигантский проем и при этом обладает идеальнейшим балансом, чтобы кто-то — или что-

то? — мог открыть и закрыть ее без всякого труда. Лично он вообразить такого не мог.

Окинув напоследок внимательным взглядом долину, которая казалась совершенно безжизненной, Стив храбро вступил в портал и тут же остановился, моргая глазами. Когда зрение адаптировалось, он обнаружил, что внутри здания вовсе не так темно. Бледное, призрачное зеленоватое свечение исходило от пола, стен, потолка, и весь колоссальный внутренний холл был освещен хотя и слабо, но четко и без теней. Очень сильно пахло озоном... И еще там витали другие, едва заметные запахи, которые ему не удалось определить.

Стив стоял в центральном проходе, а по правую и левую руку от него высились грандиозные штабеля, составленные из прозрачных ящиков. Он подошел к тому, что справа, и внимательно осмотрел: правильные кубы с ребром примерно в ярд, сделанные из чего-то наподобие транспекса. В каждом кубе — слой суглинистой почвы, из которой торчит кристалл. Мелкий или крупный, округлый или продолговатый, игольчатый или ветвистый... И разумеется, ни один из них не походит на другой!

Не зная, что и думать, он обошел этот штабель и обнаружил за ним второй. И третий, и четвертый, и пятый, и так далее — все с кристаллической порослью. Стив попытался определить количество кристаллов и оценить их разновидности, но эта задача оказалась выше его сил. В каждом штабеле он мог исследовать лишь два нижних ряда, а контейнеры громоздились друг на друга почти до самого потолка.

Слева от прохода было то же самое: тысячи и тысячи прозрачных кубов с кристаллами, составленные в штабели. Решив рассмотреть поближе особо затейливый экземпляр, Стив заметил на передней стенке куба несколько небольших пятнышек. Проверка показала, что на каждом контейнере с наружной стороны есть похожие метки, которые различаются лишь числом и расположением пятен. Вне всякого сомнения, какой-то классификационный код.

— Музей естественной истории Оры? — шепотом спросил он у себя.

— Ты вр-р-решь! Вр-р-решь! — громко заверещала доселе хранившая молчание Лора.— Говор-р-рю тебе, это вуду!..— Она осеклась, оглушенная собственным криком, который многократно прокатился по холлу, приобретая глубокие органные тона.

— Ты можешь чуть-чуть помолчать? — зашипел на нее Стив, пытаясь наблюдать за всеми направлениями разом. Никто, однако, не появился, чтобы обвинить их в незаконном вторжении, а громогласное эхо затихло и растворилось вдали.

Обогнув последний штабель кристаллов, Стив устремился к следующей секции. Пузыри из желе! Тысячи и тысячи — мелкие, крупные, средней величины и совсем крохотные.

Но ни один не пульсировал.

Третья, четвертая и пятая секции увели его на целую милю в глубь здания. Мхи. Лишайники. Грибы или нечто очень на них похожее. Все экземпляры в превосходной, изумительной сохранности. Стив предположил, что в шестой окажутся растения, но ошибся.

Там были насекомые — жуки, бабочки, мелкая мошкара и какие-то странные хитиновые создания, немного смахивающие на колибри. Он не обнаружил законсервированного двойника Scarabaeus Anderii, но, возможно, тот находился где-нибудь под потолком. А может, для пока еще живого Scarabaeus Anderii уже приготовлен пустой контейнер?

Интересно знать, кто делает эти прозрачные ящики.

Интересно знать, не изготовлен ли один из них для Стива Эндера? И еще один для Лоры?

Стив ярко вообразил самого себя, навеки застывшего, но совсем как живого, в семидесятом контейнере двадцать пятого ряда десятого штабеля черт знает какой секции... И скривился, словно раскусил большой лимон. Эта картина ему очень сильно не понравилась.

Честно говоря, Стив даже не представлял, что ищет, но упрямо шагал вперед, все дальше и дальше углубляясь в загадочную коллекцию. Ни звука, ни души. Ни малейшего следа чьего-нибудь присутствия. Только всепроникающий запах озона и тусклый, ровный зеленоватый свет. И все-таки у него создалось впечатление, что это место посещается часто, хотя и ненадолго.

Теперь он шагал мимо контейнеров с животными. В одном из них пребывало нечто вроде носорога с бизоньей головой, другие ящики, аккуратно помеченные пятнышками, содержали еще более химерические создания. Стив удостоил беглого взгляда диковинные экспонаты.

В конце концов он уперся в гигантский, перегораживающий весь холл контейнер, который пришлось обходить. В нем содержался, похоже, праотец всех деревьев. Или праматерь всех змей. Но позади контейнера, ради разнообразия, возвышались металлические стеллажи с выдвижными ящиками; назвать комодом конструкцию пятисотфутовой высоты у Стива просто не повернулся язык. Полированную поверхность каждого ящика

украшали несколько групп расставленных в загадочном порядке пятнышек и весьма заманчивая кнопка.

Подумав, он с большой осторожностью нажал на кнопку ближайшего ящика, и тот выдвинулся с резким щелчком. Внутри не оказалось ничего интересного: стопка тонких стекловидных пластин, испещренных все теми же непонятными пятнышками.

— Каталог,— сказал Стив, возвращая ящик на место.— Картотека. Этот старый чудак, профессор Хаггарти, отдал бы свою правую руку, чтобы в ней порыться.

— Хаггарти,— повторила Лора дрожащим голоском.— Ради всего святого!

Стив внимательно посмотрел на нее. Птица была взъерошена, суетливо вертела головой и выказывала все признаки возрастающего возбуждения.

— В чем дело, цыпленок?

Лора быстро взглянула на него и тут же устремила взволнованный взгляд туда, откуда они явились. Перышки на ее шее встали дыбом. Попугаиха нервно переступила лапами, резко щелкнула клювом и внезапно попыталась прижаться к его груди.

— Черт!!!

Резко развернувшись на каблуках, Стив бросился бежать вдоль металлических стеллажей картотеки и укрылся в свободном пространстве между ее крайней секцией и боковой стеной. Его правая рука с пистолетом автоматически приняла боевую позицию, левая успокаивающе похлопывала Лору, которая норовила спрятать голову под его подбородком.

— Тише, тише, детка,— прошептал он.— Сиди спокойно, слушайся Стива, и все будет в порядке.

Лора сидела очень тихо, дрожа всем телом. Сердце его забилось учащенно, хотя он по-прежнему не видел и не слышал ничего подозрительного. Потом, в абсолютной тишине, зеленоватое сияние просветлело, стало наливаться золотом — и Стив внезапно понял, что сейчас произойдет.

В попытке сделаться как можно меньше и незначительней он инстинктивно припал на одно колено. Сердце Стива бешено трепыхалось в груди, и никаким сверхусилием воли он не смог бы замедлить его до нормального ритма. Что было самым невыносимым, так это тишина, ужасная тишина. Тяжелые шаги или грозный стук копыт показались бы ему истинным облегчением... Колоссы просто не имеют права подкрадываться, как духи!

И вот наконец явилось золотое сияние и разгорелось, как золотое небо. Ярче неба! Невыносимое, всепроникающее, оно не оставило ни единого клочка темноты, ни единого уголка,

где можно укрыться... Даже самому маленькому, незначительному существу.

Он отчаянно сражался за свой рассудок — и потерпел поражение. Что-то взорвалось в его мозгу, и Стив упал вперед, утопая в облаке крошечных блестящих пузырьков.

Он тонул, он уходил в неведомую глубину, а мириады разноцветных пузырьков бешено вращались вокруг, убегая к поверхности. Но мало-помалу их вращение замедлилось, потом совсем остановилось... и радужный вихрь изменил направление. Теперь уже пузырьки заторопились вниз, а он неспешно всплывал к поверхности. В странном трансе, оцепеневший, он снова возвращался к жизни.

Стив обнаружил, что лежит на полу, вытянувшись во весь рост, а Лора притулилась у него под боком. Глаза его были воспалены, коленки дрожали, сердце колотилось неровно. Он чувствовал себя измочаленным, словно его хорошенько побили, и продолжал лежать, собираясь с мыслями.

Никакого золотого сияния. Снова тусклый, зеленоватый свет. Подняв руку, он взглянул на хронометр и вздрогнул: прошло два часа!

Измученный, он поднялся на ноги — не без труда. Выглянул из-за стеллажа и увидел, что поблизости ничто не изменилось. Жуткий золотой гость ушел, Стив был уверен в этом, и они с Лорой опять остались одни.

Хотелось бы знать, заметила ли золотая громада его присутствие? И не она ли раздавила его сознание? А если нет, то в чем тогда причина? И не случилось ли чего дурного с кораблем на крыше?..

Стив поднял с пола бесполезное оружие, задумчиво покрутил в руках и сунул в кобуру. Погладил вялую птицу, помог ей взобраться на плечо. Вернулся в центральный проход и упрямо зашагал в глубь здания.

— Думаю, все в порядке, цыпленок,— сказал он Лоре.— Мы слишком маленькие, как мышки, чтобы обращать на нас внимание. Кто будет гоняться за мышами, когда его ждут великие дела? (Не слишком-то лестное сравнение, сказал себе Стив и скорчил гримасу, но лучшего ему в голову не пришло.) Ну а мы с тобой, как маленькие мышки, поищем свой кусочек сыра. Ведь мы же не станем сдаваться лишь потому, что какой-то великан пытался нас напугать?

— Нет,— сказала Лора без всякого энтузиазма.— Я не боюсь, не боюсь. Пр-росто не полечу. Говорю тебе, это вуду! Дур-рак! Дур-р-рак!

— Не смей обзывать меня дураком!
— Дур-р-рак! Мак-Джилликади, здор-р-ро...
— Цыц!!!

Лора немедленно заткнулась, а Стив постарался ускорить шаг. Даже самому себе он не желал признаться, что испытывает слабость от нервного шока. Но он сказал себе, честно и откровенно, что очень, очень не хочет снова встретиться с сияющим гигантом. Один раз еще туда-сюда. Более чем достаточно. Не то чтобы Стив особенно боялся; тут крылось нечто иное, чему он затруднился дать определение.

Обогнув последний ряд стеллажей, он узрел перед собой машину.

Это было сложное, причудливое сооружение, и оно работало, изготовляя кристаллический росток. Рядом с ней другая машина, совершенно иной конфигурации, фабриковала небольшую рогатую ящерку. Ошибиться было невозможно: оба объекта находились в состоянии полуготовности, потихоньку обретая форму прямо на его глазах.

Часа через два, пожалуй, а то и меньше, прикинул он, эти изделия будут полностью завершены. И тогда все, что им еще понадобится... понадобится...

Волосы зашевелились у него на голове, и Стив устремился вперед. Машины. Бесконечные машины, ряд за рядом. И все они изготовляют насекомых, птиц, растения, животных. Принцип работы неясен, но Стив был готов поклясться, что происходит не синтез, а сборка: атом за атомом, молекула за молекулой, плюс подключение биологического роста. В каждую машину заложена программа (или шифр, или код), определяющая образец, по которому изготовляется продукция. И параметры такого образца, очевидно, обладают неисчерпаемой вариативностью!

Кое-где ему попадались на глаза пассивные аппараты, по-видимому, полностью завершившие свое задание. Кое-где причудливые устройства стояли в частично разобранном виде, то ли в процессе ремонта, то ли в ожидании модификации.

Стив задержался у одной машины, которая только что закончила работу. В прозрачной ванночке сидел изысканно расцвеченный мотылек, словно крошечная филигранная статуэтка, украшенная драгоценной инкрустацией. На его взгляд, создание было безупречно, а если чего-то и не хватает, так это... это... Крупные капли пота выступили у него на лбу.

Мотыльку не хватало лишь искры жизни!

Усилием воли он подавил смятение и приказал себе не думать об этом. Чтобы взять себя в руки, надо переключить внимание,

и Стив поспешно перешел к соседней машине. Это была огромная полуразобранная конструкция, являвшая взору все свои потроха. И среди прочего какие-то массивные катушки, типа трасформаторных, с тускло-серой проволочной обмоткой. Куски той же проволоки валялись кругом на полу.

Стив поднял короткий кусок и удивился его тяжести. Озаренный догадкой, он поднес его к хронометру и нажал на шпенек браслета: индикатор радиации энергично замигал. Непростительное упущение! Он должен был взглянуть на корабельные индикаторы, как только очутился на крыше!

Неизвестный металл, несомненно, был потенциальным горючим. Сердце Стива радостно подпрыгнуло при одной этой мысли.

Что делать? Демонтировать катушку и доставить ее на корабль? Но она чересчур тяжела, и к тому же, если проволока подойдет, ее понадобится гораздо больше. А если исчезновение катушки будет замечено? Тогда он запросто может угодить в ловушку, вернувшись за второй порцией!

Если у тебя есть время остановиться и подумать — остановись и подумай, и тебе воздастся сторицей. Это базисный постулат философии космопроходцев. Прихватив с собой образчик серой проволоки, Стив отправился на поиски других разобранных машин.

Поиски завели его еще глубже в здание, которое казалось бесконечным, и чем дальше, тем труднее Стиву было удержать внимание на конкретной задаче. Ему все время что-то мешало, например собака, застывшая в напряженной позе. Это был земной пес! Стив просто не мог его не заметить, как старого знакомого в толпе чужих лиц.

Он обзавелся уже семью образцами разной проволоки, когда поиски пришлось прекратить. Все дело было в какаду. Тот браво стоял в своей ванночке, как стойкий оловянный солдатик: яркий хохолок, алая грудь, блестящие глаза устремлены туда, где не существует ни жизни, ни смерти. Увидев попугая, Лора зашлась в истерике, и гигантский холл ответил ей многократным эхом.

На сегодня вполне достаточно, решил Стив: на месте Лоры он, вероятно, отреагировал бы точно так же.

Обратный путь по холлу он проделал рысью, не глядя ни направо, ни налево, и вскарабкался на холм почти так же быстро, как спускался с него. Стив совсем запыхался, когда забрался в корабль, но первым делом тщательно его обследовал на предмет возможного вторжения.

К счастью, никаких признаков вторжения не обнаружилось. Стив убедился также, что корабельные индикаторы фиксируют заметный уровень радиации. Впрочем, эта информация все равно не подсказала бы ему, где и что необходимо искать.

Лору Стив накормил до отвала, но сам ограничился легкой закуской и тут же приступил к исследованию радиоактивных образцов. Все куски проволоки были разного калибра, а один из семи даже на глазок выглядел слишком толстым, чтобы протиснуться в фидеры Кингстон-Кейнов. Стив растягивал его полчаса, чтобы добиться приемлемого диаметра.

Сперва он опробовал темно-серую проволоку, которую нашел первой. Скормил ее фидеру, установил минимальную интенсивность подогрева, включил энергопитание... Никакой реакции, кроме крепкого словца, слетевшего с его уст. Эти проклятые Кингстон-Кейны чересчур разборчивы, пожаловался Стив: мало, что ли, радиоактивности и высокой плотности, так им еще подавай специфический материал!

Вернувшись к фидеру, он извлек из него образец и увидел, что конец проволоки расплавился. Дохлый номер! Он вставил другой кусок проволоки, тоже серой, но не такой тусклой, вернулся к контрольной панели и снова включил питание: двигатель негромко, но ровно засвиристел. Шестьдесят процентов от нормы!

Кто угодно сошел бы с ума от радости, но только не Стив, который с бесстрастным выражением ястребиного лица методично продолжил эксперимент.

Третий образец. Пустышка. Четвертый. Тоже пустышка. Пятый дал неожиданную реакцию: корабль задергался от неравномерных выхлопов из дюз, а показатели мощности заплясали в интервале от нуля до 120 процентов. Извлекая проволоку из фидера, Стив усмехнулся, представив корабли косморазведки скачушими в космосе на манер кенгуру. С шестым образцом Кингстон-Кейны радостно взревели — сто семьдесят процентов нормальной мощности! Седьмой опять оказался пустышкой.

Он выбросил все образцы, кроме шестого. Эта проволока была примерно двенадцатого калибра, то есть в пределах допуска. Металл глубокого медного цвета, но не такой мягкий и тяжелый, как медь. Если внизу найдется хотя бы тысяча ярдов... если он сумеет дотащить проволоку до корабля... если золотой гигант не захочет или не успеет вмешаться... Тогда ему, вполне вероятно, удастся стартовать и долететь до более цивилизованной планеты. Если, конечно, он сможет ее отыскать!

Если... Если... Слишком много «если», и от каждого из них зависело будущее Стива Эндера.

Как доставить моток проволоки из холла на корабль? Самый простой и очевидный способ заключается в том, чтобы пробить в крыше дыру, спустить вниз веревку, привязать к ней конец проволоки и спокойно смотать ее на приемную катушку маленькой корабельной лебедки.

Как пробить крышу монолитного здания, не имея под рукой подходящей взрывчатки? Сперва просверли небольшое отверстие, опорожни в него парочку пистолетных патронов, а после помолись и воспламени порошок электрической искрой.

Сверло ручной дрели мгновенно затупилось, как при контакте с алмазом. Тогда он вытащил пистолет и выстрелил: пуля взорвалась с резким треском, осколки с визгом улетели в небеса, а на молочно-белом материале появилось темное пятно и крошечная царапинка.

Ничего не оставалось, кроме как спуститься вниз и взвалить на плечи столько проволоки, сколько можно унести. И сделать это надо прямо сейчас, пока еще не стемнело! Встретиться с золотым гигантом в призрачном свечении холла довольно жутко, но если сияющая колонна бесшумно нагонит его в ночи... Стиву даже думать об этом не хотелось.

Он запер корабль, оставив Лору в ее купе, и вернулся назад. Мимо прозрачных контейнеров, мимо металлических стоек, прямо к машинной секции. Глаза бы его на все это не глядели. Проволока, только проволока. Много проволоки. От мыслей о банальной проволоке человеческие мозги не съезжают набекрень.

Приступив к методичным поискам, он через десять минут нашел то, что искал: огромный проволочный моток, сплетенный в форме овоида, на полу рядом с одной из разобранных машин. Слишком большой. Слишком тяжелый, чтобы справиться с ним в одиночку.

Придется разрезать моток на куски и затащить это богатство на крышу по частям. Четыре ходки, если не пять, до темноты никак не успеешь... Стив буркнул себе под нос одно из непристойных Лориных словечек. И достал из кармана кусачки.

Прежде чем приступить к делу, остановись и подумай! Подумав, он решил продолжить поиски, и это было мудрое решение, поскольку через сотню шагов обнаружился второй моток псевдомеди, поменьше и незатейливо скрученный кольцом. Тоже слишком тяжелый, но невероятным усилием — все мышцы Стива протестующе взвыли — он ухитрился поставить его на ребро и покатил, как огромное колесо.

Несколько раз он останавливался на минутку передохнуть, прислонив драгоценный моток к ближайшему контейнеру. В по-

следний раз прозрачный ящик дрогнул под навалившейся тяжестью, а его блестящий паукообразный обитатель шевельнулся в жутковатой пародии на жизнь. Стив не любил пауков — он немедленно продолжил путь и без остановки дошагал до самого выхода.

Фиолетовые облака уже сгустились на горизонте, когда он выкатил свою добычу из гигантского портала и добрался до подножия холма. Там он опустил моток на землю, нашел свободный конец проволоки и вскарабкался с ним наверх. Моток продолжал раскручиваться без всякого сопротивления, пока он шагал к кораблю. Включив лебедку, Стив благополучно смотал всю проволоку на приемную катушку и тут же перемотал ее на подающую шпулю Кингстон-Кейнов.

Как только он покончил с этим делом, пришла ночь. Пальцы Стива слегка дрожали, когда он с флегматичным выражением лица тщательно заправлял проволоку в автоматический инжектор. Потом Стив открыл дверцу Лориного купе и дал ей свежих фруктов, которые они насобирали на Оре. Попугаиха взглянула на миску с отвращением. Она по-прежнему была удивительно вялой и не выказывала желания разговаривать.

— Потерпи еще немного, дорогая,— сказал он ей.— Сейчас мы улетим отсюда и вернемся домой.

Он снова запер купе, устроился в пилотском кресле и включил носовой прожектор: белый луч пронзил темноту и упал на вершину холма. Потом он подал энергию на двигатели и начал прогревать дюзы на вспомогательном горючем. Их ровный, могучий рокот звучал успокаивающе. Но Стив напомнил себе, что при стасемидесятипроцентной главной тяге надо быть очень, очень осторожным, дабы не расплавить ненароком хвост у собственного корабля.

И все же его снедало лихорадочное нетерпение, словно на счету была каждая минута и даже секунда. Стив постарался подавить тревогу и дал короткий, очень осмотрительный импульс боковыми дюзами: корабль вздрогнул и слегка повернулся. Еще выхлоп, еще, и нос корабля наконец развернулся на сто восемьдесят градусов. Теперь перед ним был уже не холм, а крыша здания, обрывающаяся над фасадом, а за ней — совершенно свободное пространство.

Что-то светлое почудилось ему в непроглядном мраке. Словно какая-то дымка, и Стив выключил прожектор, чтобы ее рассмотреть. Слабое желтоватое свечение! Очевидно, на дальней гряде, замыкающей долину... Пока он напрягал глаза, свечение усилилось и плавно соскользнуло вниз.

Руки Стива закостенели на пульте управления, по спине поползли обильные струйки пота. Лора перестала возиться в своих апартаментах, и наступила мертвая тишина. Наверное, съежилась в углу, мельком подумал он, невероятным усилием воли приказывая рукам подчиниться.

Мозг Стива оцепенел от ужаса, но руки уже думали за него: из кормовых дюз вылетел язык пламени, корабль завибрировал и скользнул по крыше вперед, и почти сразу же на полную мощность громовым ударом врубился бустер главной тяги. С оглушительным ревом, чудовищным эхом прогремевшим в холмах, крошечное суденышко устремилось в небо на верхушке огромной огненной стрелы.

За какую-то долю секунды он успел увидеть искаженный, приплюснутый, летящий навстречу образ невероятной сияющей колонны, но уже через мгновение его корабль пробил атмосферу и устремился в бескрайний звездный простор.

Стив чуть было снова не сомлел, но на сей раз от невероятного облегчения. Он не мог рационально объяснить свой панический ужас перед золотым гигантом, и все же облегчение было настолько велико, что сейчас ему было совершенно наплевать, куда направляется корабль и долго ли продлится это безумное путешествие.

Впрочем, в глубине души Стив уже догадался: если лететь по гигантской, слабо изогнутой дуге, ориентируясь на центр галактики, то рано или поздно он услышит позывные одного из маяков косморазведки. Любой маяк, где бы тот ни находился, выведет корабль из галактического лабиринта и укажет путь к Земле.

Он по-прежнему находился неизвестно где, среди вовсе незнакомых созвездий, когда слабенькая пульсация, исходящая от Гидры-3, долетела до его корабля. Это произошло на двадцать седьмой день свободного полета.

Услышав жалобное попискивание, Стив издал громогласный, торжествующий вопль. Потом он закрыл лицо руками и разрыдался. Непростительная слабость, но все равно его могла услышать только Лора.

Но Стив ошибался, его услышал кое-кто еще.

Далеко-далеко в глубинах галактики, на планете по имени Ора, в причудливой мастерской в огромном здании, уходящем в глубь холма, таинственный золотой гигант внезапно замер, словно прислушиваясь. Потом сияющая колонна легко и бесшумно скользнула мимо бесконечных рядов машин и остано-

вилась у одного из стеллажей картотеки. С громким щелчком открылся ящик, выдвинулись две прозрачные пластинки.

Странная искрящаяся субстанция прикоснулась к ним, оставив после себя созвездия мелких пятнышек. Потом пластинки вернулись на место, ящик закрылся, а золотое сияние, украшенное серебряными звездами, спокойно поплыло назад в мастерскую.

Если бы кто-то смог перевести эти заметки гиганта на человеческий язык, то выглядели бы они примерно так:

ДВУНОГИЙ ПРЯМОХОДЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ, ТИП Р-739. РАСЦВЕТКА: РОЗОВАТЫЙ. ВНЕДРЕН НА СОЛ-3 ГАЛАКТИЧЕСКОГО РУКАВА БДБ. КОНТРОЛЬНАЯ ОЦЕНКА: ВПОЛНЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО.

ДВУКРЫЛЫЙ КРУПНЫЙ КРЮЧКОВАТОКЛЮВЫЙ ПОПУГАЙ АРА МАКАО. ТИП К-8. РАСЦВЕТКА: КРАСНО-ГОЛУБОЙ, ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ. ВНЕДРЕН НА СОЛ-3 ГАЛАКТИЧЕСКОГО РУКАВА БДБ. КОНТРОЛЬНАЯ ОЦЕНКА: ВПОЛНЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО.

Но галактический конструктор уже позабыл про Стива с Лорой. Он был ужасно занят, вдувая искру жизни в изысканного многоцветного мотылька.

Конец радуги

Ловушка была незаметна и выглядела совершенно невинно. Жертвы уверенно, даже с охотой и рвением входили в нее — и так и не успевали понять, что нанесло им удар.

Что касается уверенности, охоты и рвения, то все это в полной мере относилось к четырем членам экипажа разведывательного судна 87D, о чем свидетельствовало хотя бы то, как они приземлялись. Они возникли в ясном голубом небе и понеслись вниз в своем золотистом судне с малиновыми узорами на бортах и номером, крупно выведенном на остром носу. Грохот регулярно повторяющихся взрывов топлива в хвосте судна был настолько силен, что на мили вокруг на деревьях задрожали листья и смолкли испуганные птицы.

С агрессивной самоуверенностью они посадили корабль на травянистую равнину и выбрались наружу; шум, вызванный их появлением, медленно затихал, снова и снова отдаваясь эхом среди холмов и долин. В космосе они сжились и сейчас стояли тесной группой, радуясь свежему воздуху и твердой земле под ногами — всему тому, чего так долго были лишены.

— Вот здорово! — жизнерадостно воскликнул Рид Винграув, навигатор.— До чего же симпатичный сгусточек плазмы! Не иначе как нас повысят до капитанов первого ранга за то, что мы его нашли.

Рид был молод, высок, полон сил и лелеял надежду со временем стать большой «шишкой».

— Более похоже, что мы окажемся в тюрьме,— задумчиво произнес Джаскью Дройллард, шаря взглядом по сторонам.— Что ни говори, мы вышли за официально дозволенные пределы, пусть и не намного. Мы не имели права залетать так далеко. К тому времени, когда мы вернемся, нас спишут как погибших.

— Или как дезертиров,— добавил Билл Мегвайр.

— Я несу всю ответственность за то, куда мы летим или не летим,— напомнил остальным капитан Вальтер Сиэл.

Этот крупный человек произносил слова медленно, предпочитая не говорить, а думать.

— Джаскью уже наверняка слышит, как с ужасным шумом уносятся в прошлое год за годом.— Билл Мегвайр устремил на Дройлларда взгляд темных глаз, и на его веснушчатом ирландском лице заиграла добродушная усмешка.— Он никогда в жизни не забудет то золотое время и прекрасных девушек, так и не дождавшихся космического бродягу.

— Может, ему повезет, и он найдет тут что-нибудь другое,— уже более серьезно откликнулся Рид Винграув и указал на юг.— Под этими холмами есть уран. И немало, судя по тому, как щелкали счетчики, когда мы проносились над ними. Может, это месторождение столетия, обнаруженное, когда в нем больше всего нужды, за пределами той области, где ведутся изыскания. Такое богатство нельзя тут оставлять, чего бы это ни стоило.— Он пробежал взглядам по лицам и добавил: — Пусть даже на это уйдут лучшие годы нашей жизни.

Мегвайр встретился с ним взглядом.

— Мы долгие месяцы тряслись в тесной, жаркой грохочущей консервной банке. И то же самое нам предстоит на обратном пути. Разве этого недостаточно, чтобы чувствовать себя здесь счастливыми? — Приглаживая рыжие волосы, он с удовольствием втянул носом воздух и двинулся вперед по высокой, мягкой траве.— Пошли. Давайте избавимся от раздражения, вызванного долгим пребыванием в космосе, и будем радоваться жизни в перерыве между мучениями.

— Скажите, пожалуйста, они страдают! — Капитан Сиэл по очереди обвел всех взглядом.— А кто вас заставлял? Вы подписали контракт на десять лет, с обязательством держать глаза широко открытыми.

— Лично меня обманул весь этот вздор насчет великолепия Каллисто,— проворчал Дройллард.— Хотя я предпочел бы штук двадцать увеселительных поездок туда и обратно. Тридцать месяцев, чтобы добраться сюда, тридцать на возвращение, плюс двенадцать на ожидание подходящего планетарного транспорта. Получается шесть лет на одну «прогулку». Шесть лет в аду — это долго.— Он поскреб голубоватый от щетины подбородок.— Слишком долго ради какого-то ломтя урана, все равно, большого или маленького.

— *Если* нам удастся заполучить его,— сказал Мегвайр.— Может, у этого урана есть хозяин, который не желает его продавать.— Он махнул рукой в сторону.— Гляньте-ка, мы тут, оказывается, не одиноки!

Прислонившись к краю теплого двигателя, он расстегнул кобуру и, пожевывая стебелек сочной травы, следил взглядом за приближающимся незнакомцем.

Остальные повели себя точно так же; все были наготове, но не испытывали серьезных опасений. Во внешнем облике представителя высокоразвитой жизненной формы этого мира не было ничего пугающего. Кроме того, их не покидала уверенность в собственной силе — уверенность, порожденная тем, что люди уже сумели закрепиться на множестве миров, из которых одни были враждебны, а другие просто недоступны пониманию. И конечно, они находились в блаженном неведении по поводу ловушки.

К ним приближался маленький гуманоид, но это никого не удивило. Человек, систематически грабящий космос, пресыщен всяческими сюрпризами и теряет способность удивляться. Он знает, что ожидать можно чего угодно, хоть даже встречи с крошечной копией самого себя, и остается равнодушным ко всему. Вот почему никто не вскинул удивленно брови при виде первого представителя этого мира.

Он двигался прямо в их сторону, не выказывая ни малейшего страха, просто изучая с детским простодушием. Маленький, не выше трех футов, с лицом, чем-то напоминающим птичье, и пронзительным бегающим взглядом. Голову украшала конусообразная фетровая шляпа малинового цвета, натянутая так низко, что остроконечные уши торчали из-под нее. На длинных, узких зеленых ботинках поблескивали серебряные пуговицы. Единственным его оружием была сучковатая палка, на которую он опирался, внимательно разглядывая пришельцев блестящими, похожими на бусинки глазами.

— Ну и малыши,— пробормотал Винграув.— Можно было догадаться об этом — судя по игрушечному городу, который мы заметили прямо перед приземлением.— Стараясь завоевать доверие карлика, он с улыбкой ткнул себя пальцем в грудь: — Рид Винграув.

Продолжая бросать на него быстрые пронзительные взгляды, чужеземец не отвечал. Прервав неловкое молчание, представились и все остальные. Опираясь на посох и сохраняя полную неподвижность, если не считать постоянного движения глаз, карлик, казалось, размышлял.

— Рифкин,— произнес он спустя некоторое время негромким, писклявым голосом.

— Ну, по крайней мере, он может говорить,— прокомментировал это событие Дройллард.— Уже хорошо. Нам не придется объясняться на пальцах. Теперь только и требуется, что выучить его язык или научить его нашему.

— Не вижу в этом никакой необходимости,— на превосходном английском заявил Рифкин.

Эффект был потрясающий. От флегмы космических волков, которых уже ничто на свете удивить не способно, не осталось и следа. Дройллард подскочил на фут. Капитан Сиэл выхватил пистолет, но тут же засунул его обратно, с сердитым видом оглядываясь в поисках чревовещателя. Мегвайр заерзал, нечаянно прикоснулся рукой к более горячей части двигателя, обжегся и вскрикнул.

Взяв себя в руки, Винграув спросил:

— Вы знаете наш язык?

— Конечно,— ответил Рифкин с обезоруживающей небрежностью.

Используя свою крючковатую палку, он сбил головку похожего на маргаритку цветка.

— Какого черта?..— пробормотал капитан Сиэл, по-прежнему озираясь.

— Медленно соображаешь,— заметил Рифкин.

Ни у кого не нашлось остроумной ответной реплики: что тут можно было возразить? Медленно — это еще мягко сказано.

— Откуда ты знаешь наш язык? — спросил наконец Винграув.

— Я могу фахнать его,— сообщил Рифкин таким тоном, словно объяснял очевидные вещи ребенку.— Неужели непонятно? Как людям общаться между собой, если они не в состоянии фахнать речь друг друга?

— Morbleau!* — воскликнул Дройллард, подозрительно оглядываясь, в подражание Сиэлу.— A chaque saint sa chandelle!**

— Si chacun tire de son cote***,— с обезоруживающей беспристрастностью согласился Рифкин.

Дройллард вскинул голову, отбросив назад волосы, сел на корточки и начал есть траву — словно пытался таким образом дать разрядку обуревавшим его чувствам. Капитан Сиэл некоторое время наблюдал за ним со все возрастающим раздражением, но потом не выдержал.

— Прекрати! — рявкнул он. Дройллард замер, выпрямившись.— Что за чушь ты сейчас молол?

— Это по-французски,— точно во сне ответил Дройллард.— Я родом из Канады.— Он перевел затуманенный взор на карлика.— *Он* знает и этот язык!

---

* Черт возьми! *(фр., устар.)*

** Каждому святому своя свеча! *(фр.)*

*** Если каждый занимается своим делом *(фр.)*

— Как я могу его знать? — возразил Рифкин.— Нельзя знать то, чему никогда не учился! Я фахнал его.

— Ладно, допустим! — рявкнул Сиэл.— Как ты фахнаешь его?

— Прекрасный вопрос.— Рифкин задвигал остроконечными ушами.— О многом говорит мне. Если ты не знаешь ответа, очевидно, что ты не в состоянии фахнать сам.

— Что, нельзя вопрос задать? — взорвался Сиэл.

— А если ты не можешь фахнать сам,— продолжал Рифкин,— то не существует способа объяснить тебе, как это делается.— Пронзительный взгляд его маленьких глаз встретился со взглядом Сиэла.— Может лишенный ушей камень воспринять игру на флейте?

— Не может,— признал Сиэл.

— Ну, вот тебе и ответ! — Рифкин навалился на посох.— Сомневаюсь, что даже сама Мэб сможет объяснить тебе это. Или сама Моргана, если уж на то пошло. Твое желание невыполнимо.

— Давай оставим эту тему и подумаем лучше, как нам повезло,— предложил Винграув явно неудовлетворенному Сиэлу.— Мы здесь, приземлились без всяких происшествий, и не прошло и часа, как уже общаемся с туземцами. Спорю, это рекорд.

— Оставь это мне,— приказал Сиэл и посмотрел на Рифкина.— Нам хотелось бы как можно больше узнать о вашем мире и...

— Зачем? — спросил Рифкин.

Неужели капитану не почудилось, что в этих пронзительных глазках мелькнул проблеск понимания? Искорка цинизма и хитрости? Трудно сказать.

— Взаимопонимание — основа дружбы,— терпеливо продолжал Сиэл,— которая чрезвычайно важна, чтобы мы могли ко взаимной выгоде развивать отношения.— Он замолчал, но если его слова и возымели действие, это ни в чем не проявилось.— Если бы один из моих людей мог нанести визит вежливости в ближайший город...

— Ему будут рады,— заверил капитана Рифкин и добавил после недолгого раздумья: — В Баллигулоне.

— Где?! — воскликнул Мегвайр; рыжие волосы у него на голове встали дыбом.

— В Баллигулоне,— повторил Рифкин.

— Что тебе не нравится? — спросил Сиэл, сердито глядя на Мегвайра.

Вытаращив глаза, тот ответил:

— Бог мой, я же там родился!

— Естественно,— заметил Рифкин, ничуть не удивившись непониманию столь очевидных вещей.

Капитан сжал кулаки, так что побелели суставы.

— Почему естественно? — спросил он Рифкина.— Как такое возможно — чтобы он родился здесь? До нашего прибытия никто и не знал о существовании этой планеты.— Его недоумевающий, настороженный взгляд заскользил по сторонам.— Тут определенно творится что-то странное.

— Город называется, как кому вздумается,— объяснил Рифкин, снова тоном воспитателя в детском саду.— Одни зовут его так, другие эдак. Сегодня у него одно название, завтра другое. Редкий случай, когда на протяжении одной недели трое называли бы его одинаково. И то из-за лености ума.

— Ущипни меня, чтобы я проснулся.— Дройллард протянул руку Винграуву.

— Какое это имеет значение? — спросил Рифкин.— В любой момент всякий может фахнуть название, данное городу другим.

— Выходит сегодня, в среду, он называется Баллигулон? — слабым голосом спросил Мегвайр.

— Если тебе нравится это название. А оно тебе нравится. Поглядев на тебя, я фахнул и понял, что оно будет тебе приятно.

— С этим разобрались! — рявкнул Сиэл, вперив в Мегвайра холодный, властный взгляд.— Кто-то же должен быть первым. Легче всего это сделать туземцу по рождению. Можешь отправляться.

— Кто? — изумленно спросил Мегвайр.— *Я?*

— Ты! — хором ответили все.

Мерцая глазами, Рифкин повел его прочь.

Прошло десять дней, прежде чем Билл Мегвайр вернулся. Экипаж уже готовился к решительным действиям. Тяжело дыша, Мегвайр просунул голову в люк и спросил, глядя на трап, по которому только что поднялся:

— Кто растянул ступени?

Оторвавшись от чистки пистолета, капитан вперил в Мегвайра сердитый взгляд.

— Вовремя ты появился. Еще бы чуть-чуть, и мы бы разнесли бы этот карликовый город на части, чтобы найти тебя живым или мертвым.

— Не знал, что меня так высоко ценят,— ответил Мегвайр.

— Один человек — это четверть моего экипажа,— по-прежнему очень серьезно продолжал Сиэл.— За потерю придется отвечать. Что тебя задержало?

— Вино, женщины и песни,— с блаженным видом ответил Мегвайр.

— Вот как!

Дройллард встал и щелкнул пальцами; опять манна сыпалась с небес, и опять не надо мной — вот какое было у него выражение лица.

— Сидеть! — прикрикнул на него Сиэл, снова повернулся к явно ни в чем не раскаивающемуся блудному сыну и язвительно спросил: — Надо полагать, мысль об истинной цели нашей миссии ни разу не посетила твой ум?

— Не-а. С какой стати? — продемонстрировал Мегвайр полное нежелание каяться.— Как можно думать о новых пограничных фортах, расширении территории или залежах минералов, проводя время с Мэб? — Он восторженно присвистнул.— Она высокая, темноглазая, грациозная — аж мурашки бегут по коже. Мне хочется остаться здесь. Ну, чтобы не потерять ее.

— Чем тебя опоили? — спросил капитан Сиэл, пристально вглядываясь в его лицо.

— Они называют это наливкой. Изготавливается из меда, трав и утренней росы. Это самая замечательная...

— Не бывает меда без пчел,— вклинился в разговор Винграув.— Хочешь заморочить нам головы, убеждая, что здесь есть пчелы, такие же, как на Земле?

— Миллионы,— заявил Мегвайр.— Большие, толстые, трудолюбивые — и ручные, как деревенские кошки. Местные жители разговаривают с ними, и пчелы отвечают им. Они фахнают друг друга, понимаете?

— Нет, не понимаю.— Сиэл сделал Винграуву знак молчать.— Но, по правде говоря, это меня не волнует.— Он по-прежнему сверлил Мегвайра взглядом.— Кто такая Мэб? Похоже, она смыла напрочь кашу, которая у тебя была вместо мозгов.

— Одна из дочерей-близнецов Рифкина,— нисколько не обиделся Мегвайр.— Лучшая в этой паре. Другую зовут Пег, и она тоже нечто! Если бы не мое воспитание, я мог бы...

— Нет, не мог бы. С тебя и одной за глаза хватило.— Сиэл говорил, глядя в сторону и ни к кому конкретно не обращаясь.— Похоже, встреча с этим рыжеволосым чудом ничего хорошего нам не принесла. Ну и что теперь?

— Отпустите теперь меня,— горячо произнес Дройллард.

Его темные глаза пылали, как у человека, боящегося упустить последнюю возможность.

Мегвайр попытался охладить его пыл:

— Уймись, Казанова. С *тобой* девочки не пойдут.— Он вдруг пригляделся к письменному столу, удивленно нахмурился и согнулся, рассматривая пол.— Кому вздумалось поднимать мебель? Больше нечем было заняться?

— Никто не прикасался к письменному столу,— ответил Винграув.— Он кажется больше, потому что ты стал ниже рос-

том. Как только ты вернулся, я сразу же заметил, что ноги у тебя будто слегка укоротились. Гоняясь за чем угодно, только не за тем, ради чего мы сюда прилетели, ты потерял не меньше двух дюймов.

— С моими ногами все в порядке.— Мегвайр поднял ногу и внимательно осмотрел ее.— Это стол поднялся на дюйм-другой.

— Тебе надо протрезветь, вот что,— возразил Винграув.— Ты перебрал медового пойла. Нехорошо быть таким жадным.

— Хватит спорить! — нетерпеливо вмешался в перепалку Сиэл, неодобрительно глядя на Мегвайра.— Что ты там сболтнул? О том, что с ним женщины не пойдут?

— Они пришли со мной, просто прогуляться захотелось. Я оставил их снаружи. Сказал, что не задержусь.

— Черт возьми! — Дройллард рванулся к двери, отталкивая остальных, чтобы выбраться наружу, прежде чем Сиэл попытается остановить его.

Было слышно, как он торопливо сбегает по лестнице. Потом стало ясно, что идет разговор — звучали низкий мужской голос и два других, мелодичных, похожих на звон колокольчика. Снова шаги на лестнице, и тут же появился Дройллард, в сопровождении двух гостий, которых ему никто не разрешал приводить.

— Вот они, кэп! — У него был возбужденный вид человека, внезапно ощутившего новый интерес к жизни.

Сиэл оглядел их — медленно, тщательно, с подозрительностью слона, исследующего волчью яму. Обе были маленькие, с пепельными волосами, пышными формами и похожи как две капли воды. Ростом не выше тридцати дюймов. На обеих малиновые шляпки и ярко-зеленые, отделанные серебром мантии. Глаза со слегка опущенными уголками, большие, голубые и простодушные. И было еще что-то в этих глазах — что-то такое, для чего капитан не сразу нашел подходящее слово. Да, вот оно: волшебные.

— Которая из вас Мэб? — спросил он.

— Я,— ответила та, что слева.

Капитан откинулся в кресле и вздохнул.

— Это она-то высокая и темноглазая? — спросил он Мегвайра.

— А разве нет? — Чувствовалось, что Мегвайр не видит тут никакого противоречия.

Все снова уставились на Мэб и разглядывали ее долго. Не вызывало сомнений, что она маленькая и голубоглазая. Ямочки у нее на щеках стали заметно глубже.

Спустя некоторое время Сиэл произнес:

— Нет!

Мэб засмеялась — словно колокольчик зазвенел.

— У него поехала крыша,— высказал предположение Дройллард.— Слишком долго пробыл в космосе.— Сам он не отрывал взгляда от Пег.— Однако я его не осуждаю. Я и сам готов сойти с ума из-за этой вот зеленоглазой, с длинными каштановыми локонами.— Его взгляд затуманился.— Она похожа на девушку, о которой я всегда мечтал.

Рид Винграув слегка толкнул его локтем и спросил:

— Это *кто* тут с длинными каштановыми локонами?

— Раскрой пошире гляделки,— ответил Дройллард, продолжая пожирать глазами объект своего внимания.

— Мои, во всяком случае, раскрыты достаточно широко,— вклинился в разговор Мегвайр.— Пег — блондинка с голубыми глазами.

— Ну, ты даешь,— усмехнулся Дройллард.— Не видишь даже того, что прямо у тебя под носом.

Капитан Сиэл сделал глубокий вдох, потом молниеносно собрал пистолет и покачал его на ладони, чтобы почувствовать тяжесть оружия. Потом он заговорил, медленно, обдумывая каждое слово и обращаясь только к тем, чей разум был пока не затуманен.

— Рид, покажи девушкам выход. Запри за ними дверь и не открывай ни на какие просьбы.— Мегвайр и Дройллард заметно напряглись, и дуло пистолета поднялось.— Стоять, идиоты! Ни с места! Это приказ.— Мегвайр попятился от капитана в сторону двери. В голосе Сиэла зазвучали жесткие нотки.— Поостерегись, Билл. Не заставляй меня прибегать к оружию, а я буду вынужден сделать это, если ты ослушаешься.

— Ты не сможешь,— возразила Мэб нежным, мелодичным голоском.— Я фахнаю, что даже в самом крайнем случае ты не решишься сделать это.

Держась за руки, малютки вышли. Зазвучали легкие, быстрые шаги. Мегвайр последовал за ними, точно лунатик. И Дройллард тоже.

Рид Винграув молча запер за ними дверь и, тяжело ступая, вернулся на свое место. В воздухе ощущался слабый нежный запах, аромат женственности; он манил, звал за собой. Капитан Сиэл сидел у стола, по-прежнему сжимая бесполезное оружие и мрачно уставившись в стену.

Прошло несколько минут, прежде чем Винграув заговорил:

— Вы не заметили, какой любопытный рисунок на их серебряных пуговицах? В точности как у Рифкина. Вроде как четыре сердца, а их кончики сходятся в центре круга, в который они

заключены. В этом есть что-то знакомое, но вот что? Никак не могу вспомнить.

Сиэл не отвечал. Продолжая обдумывать ситуацию, он все так же смотрел в стену, ничего не видя перед собой.

Прошло три недели, а об ушедших не было никаких вестей. Винграув вернулся с одной из своих коротких прогулок, в последнее время вошедших у него в привычку, и опустился на траву рядом с угрюмым капитаном, радуясь тому, что тень корабля защищает от солнечного света.

— Как насчет того, чтобы отпустить меня в город, капитан? Может, я там что-нибудь обнаружу.

— Нет.

— Ну, тогда сходи сам.

— Нет.

— Ну, и ладно.— Винграув лег на спину и прищурился, вглядываясь в сияющее небо.— Все никак не успокоишься?

— Да.— Сиэл пожевал нижнюю губу.— Я рассматриваю то, что произошло, под всеми возможными углами и каждый раз упираюсь в одну и ту же точку. Минимальный штат для управления этим кораблем — четыре человека; в крайнем случае, можно справиться втроем. Но вернуться домой вдвоем... Нет, это невозможно.

— Ну да.

— Выходит, мы застряли на этой планете до тех пор, пока хоть один из этих придурков не надумает вернуться.

— Могло быть и хуже.— Винграув кивнул на лазурное небо, на буйную растительность вокруг.— Чем дольше я здесь, тем больше чувствую себя как дома.— Он повернулся на бок, сорвал цветок и принялся разглядывать его.— Похоже на... колокольчик.

— Ну и что с того? — Сиэл скользнул взглядом по цветку.

— На Земле тоже растут колокольчики.

— Не трави душу,— с сожалением сказал Сиэл.

— И здесь есть маргаритки, и лютики, и мята. Я нашел их, бродя среди холмов.— Винграув удивленно хохотнул.— Это просто фантастика — чтобы огрубевший космический волк вдруг проявил интерес к маргариткам и лютикам. Наверное, дело в том, что нам очень многого недостает.

— Чего нам недостает? — хмуро глядя на Винграува, спросил Сиэл.

— Я слышал птичьи трели у водопада,— продолжал Винграув, игнорируя вопрос.— Замечательная песенка. Я поискал

и нашел птицу. Похожа на дрозда. Дрозды тоже есть на Земле. Странно, не правда ли?

— Схожие условия дают схожие результаты.

— Может быть,— не стал возражать Винграув.— Но у меня такое чувство, что это еще не все. Слишком большое сходство, и этому существует другое, лучшее объяснение.— Он помолчал, жуя травинку.— Я снова видел сегодня тот узор с четырьмя сердцами, в самых разных местах, на стенах, деревьях и скалах. По-моему, это какой-то племенной тотем. Каждый раз при виде него я испытываю чувство узнавания. Жаль, что не могу вспомнить, откуда знаю о нем.

— Ты не приближался к городу?

— Нет, кэп. Я держусь от него подальше, как ты велел.

— И никого не встречал?

— Прямо головоломка какая-то — этот узор с четырьмя сердцами.— Винграув перекусил стебелек.— Он не дает мне покоя.

— Ты никого не встречал? — допытывался Сиэл.

— Я видел эти четыре сердца на Земле, и не раз, но вот где...

Сиэл встал, широко расставил ноги и посмотрел на Винграува из-под тяжелых бровей.

— Хватит! Хватит увертюк. Ты больше недели шлялся тут и днем, и утром. Уходил с ясным взглядом, а по возвращении выглядел точно зомби. *С кем ты встречался?*

— С Мелузиной,— неохотно признался Винграув, сел и отшвырнул стебелек.

— Ага! — Сиэл впечатал правый кулак в ладонь левой руки.— Еще одна очаровательная лилипутка?

— Она очаровательна, да, но она не лилипутка.

— Это *ты* так думаешь! — с горечью сказал Сиэл и принялся расхаживать туда и обратно.— А ведь я тебя предупреждал! Снова и снова повторял, какими способностями они обладают. Способностями, которых мы лишены и которые даже понять не в состоянии.

Винграув не произнес ни слова.

Сиэл остановился перед ним.

— Ты ведь понимаешь, что эта Мелузина делает с тобой. Ее облик — идеал, извлеченный из твоего сознания. Она заморочила тебе голову, представляясь созданием из плоти и крови, но в точности таким, о каком ты давно мечтал. Комбинация телепатии и гипноза или что-то в этом роде. Психологическое оружие, и весьма грозное, поскольку оно находит самые незаметные трещинки в чужой броне. Под его воздействием человек обманывается по одной-единственной причине — потому что желает быть обманутым. Это отвратительно!

— Это чудесно,— глядя в небо, ответил Винграув.

— Ты собираешься бросить меня, как остальные?

— Пока нет.— Винграув выпрямился, сорвал колокольчик и принялся вертеть его в пальцах.— Я разрываюсь, не зная, что делать. Почему? Может, я более упрям, или более дисциплинирован, или более восприимчив, чем Билл и Джаскью. А может, сама Мелузина мягче и не торопится увести меня отсюда.— Его взгляд на мгновение остановился на Сиэле.— Думаю, ей не нравится мысль, что ты останешься тут совсем один.

— Очень благородно с ее стороны,— с иронией сказал Сиэл.— В особенности если учесть, что она не знает точно, смогу я улететь отсюда самостоятельно или нет.

— Ничего у тебя не получится.

— Мы оба понимаем это. Но она — нет. Здешний народ хочет, чтобы о его мире никто ничего не знал. И для достижения этой цели расставляет ловушки для всякого, кто забредает сюда. Никаких бомб, никаких пуль, никакой крови. Достаточно лишь предложить парню то, о чем он всю жизнь мечтал. Женские губы закроют ему рот и заставят молчать.

— Ах! — вздохнул Винграув.— Что за прекрасная судьба.

— Это не смешно! — рявкнул Сиэл, выходя из себя.— Это очень, очень серьезно. Это диверсия против Земли. Ты знаешь, что происходит и почему это происходит. Понимаешь, что самым вульгарным образом обманут, и, однако, эта Мелузина по-прежнему влечет тебя!

— И еще как!

— Хотя ты все время сознаешь: она не такая, какой выглядит.

— А какая разница? Мне важно, какой она выглядит. В точности такой, как мне всегда хотелось, включая самые мелкие привычки, незначительные жесты и манеру вести себя. Она не подходила бы для меня лучше, даже если бы была собрана по моему собственному замыслу.

— Тупица! Она и собрана по твоему замыслу! — взорвался Сиэл.

— Знаю.— Неожиданно Винграув перешел в контратаку: — Стал бы *ты* желать чего-то еще, если бы имел самое лучшее?

— Меня только во все это не втягивай,— сказал Сиэл.— Судя по тебе, они даже сильнее, чем я думал. Сильнее, хитрее, коварнее, искуснее.

— Ты и половины их способностей не знаешь,— отозвался Винграув.— Нет, тебе определенно нужно попробовать самому. У Мелузины есть подруга по имени Ниветта. Мелузина готова ее привести...

— Ага, вот почему она не торопится! — прохрипел Сиэл.— Вот почему она позволяет тебе возвращаться сюда! Она хочет поймать сразу двух птичек! Не только тебя, но и меня. Успокоится только тогда, когда здесь останется лишь пустой корабль. Будет себе лежать и разлагаться под солнцем, словно скелет.

— Ох, прямо не знаю, кэп. Мы долгие годы заселяли другие миры. В конце концов, можно сделать по-другому — привезти их...

— Никогда в жизни вы не привезете их на Землю,— категорически объявил Сиэл.— Да и сами ее не увидите. Никогда в жизни.— Надвигаясь на Винграува, он с жаром продолжал: — Послушай, Рид, мы нашли тут золотое дно — залежи урана. Отыскивать такие вещи — работа, за которую нам платят. Сообщить о находке на Землю — наш святой долг. Если мы не вернемся, пройдет от пятидесяти до пятисот лет, прежде чем другой земной корабль обнаружит планету. Ты отдаешь себе в этом отчет?

— Спорим, что отдаю.

— Тогда осознай и вот что. Если эти недомерки в состоянии фахнать нашу речь — что бы это слово ни означало — и вытаскивать картинки из нашего сознания, им наверняка все известно о наших целях и мотивах. Если они не одобряют их, а так, по-видимому, и обстоит дело, для них лучше всего было бы уничтожить нас или, по крайней мере, помешать нам вернуться. Для этого нужно только завладеть экипажем — и корабль превратится в груду железа. Он сгниет и рухнет, а вместе с ним рухнут и планы Земли.

— Лучше пусть сгниет корабль, чем экипаж,— возразил чей-то голос.

Сиэл резко повернулся.

Это был Мегвайр, в красной шляпе, зеленом одеянии и ростом не выше четырех футов.

Рядом с ним теснились дюжина коротышек, как мужчин, так и женщин. Сиэл узнал Рифкина и Мэб, которая держала Мегвайра за руку. Все они ростом были по плечо Мегвайру, хотя прежде едва доходили ему до пояса.

Две красавицы с влажными глазами вышли вперед, двигаясь с грацией балерин. Одна вложила крошечную руку в огромную лапу Винграува.

— Мелузина,— сказал он, глядя на капитана.

Капитан медленно отступал к корабельному люку.

— Ты уменьшился и все еще уменьшаешься,— сказал он, обращаясь к Мегвайру.— Скоро провалишься в собственные сапоги.

— Знаю,— ответил Мегвайр.— Здесь такое происходит со всеми, если не жить почти безвылазно под прикрытием металла.— Он с равнодушным видом пожал плечами.— Думаешь, меня это волнует? Нисколько! Так гораздо лучше, чем быть большим и безобразным. То же происходит с Джаскью. И Ридом. И с тобой — пока ты за пределами корабля.

Капитан поставил ногу на нижнюю ступеньку трапа, собираясь рвануть наверх.

— Я хочу получать удовольствие от жизни, пока молод,— продолжал Мегвайр.— И мне хорошо, и другим никакого вреда. Значит, пусть все идет как идет. Между прочим, я обручился с Мэб.

— Мои поздравления,— с иронией сказал Сиэл, лихорадочно думая, сможет ли он быстро схватить Мегвайра и забросить его в корабль. И сможет ли проделать то же самое с Винграувом. Троих вполне хватит, чтобы вернуться домой. Дройлларда можно будет забрать позже. Готовясь к броску, он вцепился в перила трапа.

— Он хочет захватить вас! — закричал Рифкин.

Мегвайр с усмешкой спросил Сиэла:

— Какой толк строить козни, если мы в состоянии фахнать тебя?

Расслабившись, Сиэл проворчал, обращаясь исключительно к Мегвайру:

— На кой черт вы пришли?

— Джаскью тоже обручился, и теперь у нас праздник. Здешние праздники — на редкость забавное зрелище. Мы хотим, чтобы ты пошел с нами.

— Зачем?

— А почему бы и нет? Какой смысл торчать тут в одиночестве, когда все остальные предаются веселью? Что хорошего это тебе даст? Пошли, кэп. Мы хотим, чтобы ты был с нами...

— Лучше убирайтесь отсюда! — прервал Мегвайра Сиэл.— И делайте это побыстрее. Пока еще я не занес в бортовой журнал ничего такого, за что вас уволят со службы. Но мое терпение на исходе.

— Ой, как страшно! — фыркнул Мегвайр.— Меня с позором выгонят из армии. Ха! Джаскью тоже не сильно опечалится, когда узнает. Он собирается жениться на Пег и открыть забегаловку под названием «Всякая вкуснятина». Мы будем есть свежие продукты, а не эти опостылевшие протеины в тюбиках и витаминные таблетки. Мы будем пить медовую наливку, а не дистиллированную воду. Мы будем петь песни и напрочь выки-

нем из головы наш корабль-разведчик.— Он перевел взгляд на Мегвайра.— Точно так же поведет себя и Рид, если поймет, что для него хорошо.— Он снова посмотрел на Сиэла.— Хватит сопротивляться, кэп. Поверь, лучше уступить по доброй воле.

— Убирайтесь к черту! — воскликнул Сиэл.

Крошечные сияющие глаза мгновение разглядывали его, а потом коротышки и впрямь скрылись. Он сел на нижнюю ступеньку трапа, упер локти в колени, обхватил голову руками и уставился на зеленую траву между подошвами и склонивший голову колокольчик.

Ушли Мегвайр, и Мэб, и Рифкин. И Винграув со своей Мелузиной и ее подругой. Он остался один. Ужасно! Один — с бесполезным кораблем за спиной. Капитан просидел в такой позе долго, очень долго.

Следующие двадцать два дня прошли в компании с сушеными продуктами и дистиллированной водой. И в полном молчании. Капитан делал записи в корабельном журнале, бродил вокруг, не отходя далеко от корабля, размышлял и играл с дружелюбно настроенным бронзовым жуком, который, однако, не мог ни слышать, ни говорить.

На двадцать второй день он почувствовал, что сыт по горло. Он сидел на нижней ступеньке трапа в той же самой позе, в какой его оставили много дней назад,— локти упираются в колени, голова зажата между ладонями. Даже жук уполз по каким-то своим делам.

Легкий шорох травы. Он приподнял взгляд и увидел зеленые туфельки с серебряными пуговичками. Очень маленькие, очень изящные.

— Прочь отсюда! — хрипло сказал он.

— Посмотри на меня.

— Убирайся!

— Посмотри на меня.

В ее голосе не слышался звон колокольчика, как в голосах остальных. Он звучал мягко, нежно; где-то капитан уже слышал такой голос...

— Говорю же, уходи.

— Ты боишься меня... Вальтер?

Воспоминания нахлынули на него, он вздрогнул. И против воли поднял взгляд. Однако он увидел ее не такой, какой она была на самом деле. Перед ним стояла блондинка с волосами, отливающими бронзой, черноглазая, с полными губами. Он медленно встал, не отрывая от нее взгляда. На лбу выступил пот, руки сами сжались в кулаки.

— Бетти погибла, когда корабль разбился на Луне. Да, ты выглядишь, как она... в точности как она... проклятая ведьма! — Он с трудом проглотил ком в горле, пытаясь не потерять контроля над собой. Это было нелегко.— Но я знаю, что ты не Бетти. Это просто невозможно.

— Конечно.— Она подошла поближе, легкой подпрыгивающей походкой, которую он так хорошо помнил.— Я Ниветта — сегодня. Но завтра мое имя может измениться.— Она заправила за ухо золотистый локон, тоже очень хорошо знакомым жестом.— Если я — образ, который ты хранишь, воспоминание, которым дорожишь, разве не могу я на самом деле стать этим образом и этим воспоминанием? Навсегда? Разве я не стану тогда... Бетти?

Сиэл приложил руку к глазам, чтобы не видеть ее. Но все равно чувствовал знакомый аромат. Слова хлынули из него потоком.

— Я не рассказывал Винграуву, надеясь, что он сам найдет это и подтвердит мою догадку. Пока он уходил на прогулки, я тоже бродил тут, неподалеку. И однажды нашел дольмен*, похожий на сказочный стол. На нем выгравированы четыре сердца, с отходящим из центра стебельком. Едва увидев изображение, я понял, что это четырехлистный клевер.

Сейчас ее аромат ощущался сильнее, она подошла еще ближе. Он продолжал говорить, словно человек, для которого дорога каждая минута.

— Потом мне припомнилось, что Мэб и Пег — любимые имена у вашего народа, так же как и Моргана, или, точнее говоря, фея Моргана. Существует легенда, что в далекие, почти забытые времена ваш народ ушел, потому что чувствовал себя обиженным, нежеланным. Уйдя, вы унесли с собой семена трав, плодовых растений и цветов, ну и, конечно, свое непостижимое искусство, которое многие называют магией. Вы ушли на поиски дружественного мира, похожего на родной; ушли на поиски того, что скрывается за концом радуги.

Когда Сиэл закончил, она не произнесла ни слова. Однако он почувствовал прикосновение ее руки, легкое, как прикосновение бабочки. Указательным пальчиком она обхватила его большой. Это был исключительно интимный жест, известный только им двоим. Выходит, она и впрямь... Бетти!

На него нахлынули чувства, и он не стал сопротивляться ностальгии, потому что так было легче и приятнее. Его одино-

---

* Древнее погребальное сооружение в виде огромных камней, поставленных на ребро и сверху накрытых каменной плитой.

чество закончилось. Он посмотрел ей в глаза — в те глаза, которые так хорошо помнил.

Рука об руку они шли по цветущим лугам, все дальше и дальше от корабля, все дальше от уже почти забытого мира.

Самоуверенность и нахальство четырех членов разведывательного судна 114К не знали границ. Выскочив из корабля, они отпускали грубые шутки и тыкали друг друга под ребра, с наслаждением вдыхая свежий воздух, радуясь красивым пейзажам и своему успешному приземлению.

В нескольких сотнях ярдов к северу двое обнаружили груду истлевшего металла, имеющую смутно цилиндрическую форму. Не придав никакого значения находке, они попинали ногами бесформенные, рассыпающиеся в порошок куски и, опережая друг друга, помчались к кораблю.

— Парни, вот повезло! — воскликнул Густав Бернерс, крупный швед, обращаясь к капитану Джеймсу Хейварду. Тот похохатывал низким грудным смехом, гляля, как два других члена экипажа устроили шутливый боксерский поединок.— Когда космический шторм на долгие месяцы забросил нас за пределы исследованного пространства, я было решил, что все, мы конченные люди. Кто же мог предположить, что мы попадем в такое роскошное местечко? Ну прямо как дома.

— Дом,— эхом повторил Хейвард.— В ушах любого космического бродяги это слово звучит музыкой.

— Урана здесь хватит на миллион лет,— продолжал Бернерс.— Стоит перебраться через вон тот холм, и, считай, каждый из нас уже на миллион кредитов богаче. Протяни руку и бери. И никаких тебе тупоголовых аборигенов, с которыми нужно сражаться за эти сокровища.

— Не суди сгоряча,— ответил Хейвард.

— Вот именно,— сообщил один из боксирующих, перестав лупить противника по животу.— Гляньте-ка туда.

Все взволнованно обступили появившегося карлика. Это был человек в малиновой шляпе и зеленой мантии с серебристой окантовкой.

— Мелкота,— прокомментировал появление чужака Хейвард.— Пигмеи-полуварвары. Я сужу по игрушечному городу, который мы заметили прямо перед приземлением.— Одарив гнома сердечной улыбкой, он ткнул себя пальцем в грудь и сказал: — Джеймс Хейвард.

Вперив в него пронзительный взгляд, чужак не отвечал. Заполняя паузу, остальные космонавты тоже представились, как и их капитан. Чужак не двигался, опираясь на сучковатый по-

сох, поблескивая глазами и размышляя. Спустя некоторое время он сказал тонким, пронзительным голосом:

— Вальтскин.

— Ха! — воскликнул один из космонавтов.— Давайте звать его Вальтером! — Понятия не имея, насколько пророчески это звучит, он запел: — «Вальтер, Вальтер, веди меня к алтарю!»

— По крайней мере, он умеет говорить,— заметил Хейвард.— Нам не придется выворачивать пальцы, объясняя на них то, что мы хотим довести до его понимания. Нужно только выучить его язык или научить его нашему.

— Ни в том ни в другом нет нужды,— заявил чужак; произношение у него было прекрасное.

Все ошарашенно воззрились на него. Когда вдоволь нагляделись, Бернерс прошептал на ухо Хейварду:

— Это облегчает дело. Так же просто, как утащить конфету с кухни.

— Ты все перепутал,— ответил Хейвард.— Ты имел в виду — так же просто, как забрать у ребенка испорченную рыбу.— Он усмехнулся и перевел взгляд на карлика.— Откуда ты знаешь наш язык?

— Я не знаю его. Я его фахнаю. Как людям общаться между собой, если они не в состоянии фахнать речь друг друга?

Для Хейварда это было слишком сложно.

— Не понимаю, о чем ты. Я много чего повидал, но это что-то новенькое.— Он устремил взгляд на далекий город, спрашивая себя, есть ли шанс слегка расслабиться.— Да, нам будет о чем рассказать, когда вернемся.

— Когда вы вернетесь куда? — спросил Вальтскин.

В солнечном свете блестел узор из четырех сердец на его серебряных пуговицах.

— Когда мы вернемся *домой*,— ответил Хейвард.

— О да,— сказал чужак и повторил фразу капитана, слегка сменив ударение.— *Когда* вы вернетесь домой.

Сбив концом посоха головку похожего на маргаритку цветка, он замер в ожидании, пока беседа свернет на тропу, ведущую к неизбежному концу. И когда это время пришло, он, мерцая глазами, увел свою первую жертву.

Копуши

Очередной вызов в Отдел заданий он воспринял спокойно и сейчас шел туда неторопливой, уверенной походкой. Это спокойствие и уверенность объяснялись долгими годами службы, большим опытом и высоким чином. Когда-то срочный вызов сюда заставлял его волноваться и краснеть. Теперь точно так же краснели и волновались другие мальчишки, недавно пришедшие в Военно-космический флот. Небеса милосердные, как давно это было. Очень давно. Он поседел, в уголках глаз поселились морщинки, а погоны украшали серебряные дубовые листья. Он многое повидал, многого наслышался и многое узнал, чтобы чему-то удивляться.

И все же Маркхэм приготовил ему сюрприз. Такая уж была у Маркхэма работа: рыться в куче обрывочных, запутанных, искаженных или экстравагантных донесений, выуживать наиболее проблемные и спускать их на того, кто оказывался под рукой и обладал необходимыми качествами для решения космических головоломок. Практика эта была довольно варварской. Жертвы Маркхэма могли возмущаться, приходить в ярость, топать ногами и стучать кулаками — словом, испытывать любые состояния, кроме скуки. Нестандартные проблемы подчас требовали фантастических решений.

Когда он поравнялся с дверью, она бесшумно распахнулась. В этом не было ничего волшебного: просто дверной анализатор уловил тепло его тела и подал сигнал запорному механизму. Вошедший сделал несколько шагов в глубь кабинета, сел на один из стульев и флегматично посмотрел на грузного человека, вызвавшего его сюда.

— А-а, коммодор Лей,— любезным тоном произнес Маркхэм.

Он пошелестел бумагами, сложил их стопкой и внимательно пробежал глазами самый верхний лист.

— Мне сообщили, что ремонт «Громовержца» закончен. Экипаж уже на борту, и корабль, надо полагать, готов к новым полетам.

— Совершенно верно.

— Вот и отлично. У меня есть для вас задание.

Эти слова он сопроводил своей обычной зловещей улыбкой. За годы копания в сообщениях разведчиков он утвердился во мнении, что все задания бывают интересными и увлекательными, если дело обходится без сражений, стрельбы и жертв.

— Итак, вы готовы к новому полету и, думаю, преисполнены энтузиазма.

— Я всегда готов,— ответил коммодор Лей.

Что касалось энтузиазма, с ним он расстался лет двадцать назад.

— У меня тут собраны самые последние донесения пилотов-разведчиков,— продолжал Маркхэм, недовольно морща лоб.— Вы знаете, что это за парни. Немногословные и малость повернутые. Могу по пальцам пересчитать те счастливые дни, когда мы получаем по-настоящему толковый и скрупулезный отчет.

— Чтобы составлять такие отчеты, надо быть ученым,— заметил коммодор Лей.— А разведчикам так же далеко до ученых, как их кораблям — до вашей базы. Согласен, странный они народ. Бродят себе по космическим дебрям. Месяцами словом перекинуться не с кем. Но им нравится бродяжничать. Такие люди полезны и необходимы. Попробуйте загнать ученого в одиночный разведывательный полет. А эти летят, смотрят и, как умеют, сообщают об увиденном. Скудость сведений — штука поправимая. Достаточно направить экспедицию.

— Именно так,— с подозрительной быстротой согласился Маркхэм.— В одну из таких экспедиций вы и полетите.

— Что на этот раз?

— Мы получили последнее сообщение от Бойделла. Он забрался в жуткую глушь, потому что его сообщение прошло через несколько промежуточных станций.— Маркхэм раздраженно забарабанил пальцами по бумаге.— Не знаю, почему за этим Бойделлом закрепилось прозвище Болтунишка. На самом деле из него слова не вытянешь. Он так экономит слова, будто каждое стоит ему не менее пятидесяти долларов.

— Надо понимать, его отчет недостаточно подробен? — улыбаясь, спросил Лей.

— Недостаточно? Да он вообще почти ничего не написал! — Маркхэм сердито фыркнул.— Представляете, побывал на восемнадцати планетах, и о каждой — по нескольку скупых слов. Эти планеты находятся в семи звездных системах, куда мы еще ни

разу не залетали, а этому скупердяю хватило меньше полстраницы, чтобы рассказать о них!

— При таком темпе у него, наверное, просто не было времени на подробности,— предположил Лей.— Вас же интересуют факты, а не домыслы и предположения. Для этого нужно пробыть на планете какое-то время, познакомиться с ее обитателями, если они там есть.

— Возможно и так. Но все равно пора напомнить этим бродягам, что их посылают не на прогулку.— Маркхэм ткнул пальцем в нижнюю часть листа.— А как вам понравится это? С позволения сказать, отчет об одиннадцатой планете. Бойделл назвал ее Пулок, никак не объяснив свой выбор имени. В отчете всего четыре слова: «Берите ее и наслаждайтесь». Может, вы мне объясните, как это понимать?

Лей задумался.

— Он хотел сказать, что до него земляне не высаживались на эту планету. Туземное население, скорее всего, настроено дружественно. Нам ничто не мешает завладеть планетой. Однако, по мнению Бойделла, она того не стоит.

— Почему, коммодор? Почему?

— Не знаю. Я там не был.

— Но Бойделл-то знал причину,— вскипел Маркхэм.— И должен был бы написать о ней простым и понятным языком. Недопустимо, чтобы после разведчика оставались подобные тайны. Уж больно они, простите за грубость, зловонны.

— А почему бы не расспросить самого Бойделла, когда он вернется на базу своего сектора?

— Его можно дожидаться месяцами. Возможно, что и годами, если на какой-нибудь отдаленной базе он сумел разжиться топливом и запасными частями. У разведчиков нет жесткого графика. Это вам не боевые корабли. Улетают и прилетают когда вздумается. Галактические кочевники — так они себя называют.

— Они выбрали свободу,— пожал плечами Лей.

Не обращая внимания на его слова, Маркхэм продолжал:

— Вопрос с Пулоком — мелочь. С ним вполне справится кто-нибудь из младших офицеров. Пусть набираются опыта. А загадки посложнее и, возможно, поопаснее придется решать людям с вашим опытом и знаниями.

— Давайте без обиняков, Маркхэм.

— Четырнадцатая планета в списке Бойделла. Он дал ей имя Этерна, но не спрашивайте меня почему. Код планеты красноречивее: O-1.1-D.7. Это значит: там можно жить без скафандров. Планета земного типа, на одну десятую превосходящая Землю по массе. Населена разумными существами, менталитет

которых отличен от человеческого, но теоретически равнозначен. Обитателей планеты он назвал... *копушами*. Понимаю ваше удивление. Этот парень не утруждает себя поиском названий. Лепит первое, что взбредет ему в голову.

— Он что-нибудь сообщает об обитателях?

— Б-рр! — скорчил гримасу Маркхэм.— Одно слово. Только одно.— Маркхэм выждал, будто не хотел произносить это слово, затем все же произнес: — Непобедимые.

— Что?

— Непобедимые,— повторил Маркхэм.— Такого слова вообще не должно существовать в языке разведчика.

Маркхэм раздраженно выдвинул ящик письменного стола, достал записную книжку и перелистал страницы.

— На сегодняшний день нами открыта, нанесена на звездные карты и помещена в каталог... четыреста двадцать одна планета. Сто тридцать семь из них оказались пригодными для жизни людей, и туда отправились поселенцы. Мы подчинили своему влиянию шестьдесят две расы.

Маркхэм швырнул книжку на стол.

— И теперь этот косноязычный бродяга, видите ли, находит планету с непобедимыми обитателями!

— Мне на ум приходит лишь единственная причина, почему Бойделл выбрал такое слово.

— Интересно, почему?

— Возможно, они и в самом деле непобедимы.

Маркхэм не верил своим ушам.

— Если это шутка, коммодор, то крайне неудачная. Кому-то она даже может показаться подрывной.

— Может, у вас есть свои соображения на этот счет?

— Я не собираюсь забивать себе голову догадками. Потому-то я поручаю это задание вам. Большой совет специально просил, чтобы его не давали никому другому. Там считают: если чужая раса столь зацепила нашего разведчика, что он окрестил их непобедимыми, мы должны побольше узнать об этой расе. И чем раньше, тем лучше.

— Сомневаюсь, чтобы туземцы всерьез испугали Бойделла. Тогда бы он не поскупился на слова. Настоящая угроза заставляет говорить самых завзятых молчунов.

— Вы строите гипотезы,— сказал Маркхэм.— Но они нам не нужны. Нам нужны факты.

— Не спорю.

— Смотрите, что получается. До сих пор ни одна инопланетная раса не могла противостоять нам. И потом, я не вижу причин для противостояния. Любое существо с зачатком здравого

смысла довольно скоро должно понять, *кто* намазывает маслом их хлеб. Разумеется, если они едят хлеб и любят масло. Мы — не рабовладельцы. Мы покупаем их труд к взаимной выгоде обеих сторон. Только сумасшедший может жаловаться, что его жизнь стала значительно лучше. Взять хотя бы планеты в системе Сириуса. Да, местные жители целый день работают на наших шахтах. Зато под вечер они улетают домой на собственных вертолетах, которые их предкам даже не снились. Так на что им жаловаться?

— Я не понимаю, зачем вы перечисляете общеизвестные вещи? — сухо спросил Лей.

— Я хочу подчеркнуть: с помощью силы, принуждения, доводов, уговоров, наглядных примеров, обращения к здравому смыслу или любой другой тактики, приемлемой в конкретных условиях, мы можем подчинить своему влиянию любую инопланетную расу. Справедливость этой теории подтверждается тысячью лет практики. Мы *заставили* эту теорию быть жизнеспособной. Стоит нам один раз отступить и признать свое поражение, как начнется наш закат. Мы сойдем на нет и исчезнем, как исчезали другие цивилизации.

Маркхэм сдвинул бумаги в сторону.

— Бойделл признал поражение. Возможно, он сошел с ума. Однако сумасшедшие умеют сеять панику. Большой совет не на шутку встревожен.

— Итак, от меня требуется, чтобы я нашел успокоительное? Опроверг бы пораженческий вывод Бойделла?

— Да. Зайдите к Пэрришу в картографический отдел. Он даст вам координаты этой чертовой Этерны.

Маркхэм встал и протянул коммодору пухлую руку.

— Легкого вам пути и мягкой посадки, коммодор.

— Благодарю вас,— коротко ответил Лей.

«Громовержец» висел на стационарной орбите. Корабельные офицеры разглядывали незнакомый мир, расстилавшийся внизу. То была Этерна — вторая планета в системе, чья звезда очень напоминала Солнце. Судя по наблюдениям, из четырех планет системы жизнь существовала только на Этерне.

Зрелище было впечатляющим: большой зелено-голубой шар, залитый ярким полуденным светом. В отличие от Земли здесь было больше суши и меньше океанских просторов. Отсутствовали высокие горы с заснеженными вершинами, зато Этерна изобиловала реками и озерами. И те и другие располагались преимущественно среди холмов, густо поросших лесом. Низменностей было не так уж много. Над планетой, словно пухлые клочья ваты, плавали облака.

Мощная корабельная оптика позволяла разглядеть города и деревни. В основном они находились на открытых пространствах, окаймленных рядами деревьев, которые неизменно тянулись до ближайших рек. Среди зелени змеились ниточки дорог, мелькали тонкие, будто сотканные из паутины, мосты. Похоже, между крупными городами существовало и железнодорожное сообщение, но, поскольку корабль находился на значительном расстоянии от поверхности планеты, говорить об этом наверняка было рано.

Социолог Паскоу оторвался от окуляров стереотрубы и сказал:

— Скорее всего, эта планета достаточно однородна, и ночная сторона почти не отличается от дневной. Я прикинул, что население Этерны не должно превышать ста миллионов. Я говорю это по опыту аналогичных подсчетов на других планетах. Когда знаешь, сколько горошин помещается в той или иной бутылке, предположения становятся достаточно точными. Сто миллионов — это максимум.

— Маловато для планеты с такой обширной территорией и плодородными почвами,— заметил коммодор Лей.

— Почему маловато? В давние времена население Земли едва ли было больше. Это теперь мы расселились по всему космосу.

— Вы считаете копуш сравнительно молодой расой?

— Возможно. А может быть, совсем наоборот: это старая и быстро вымирающая раса. Или у них невелика рождаемость и потому прирост населения незначителен.

— Я не согласен, что они — вымирающая раса,— возразил геофизик Уолтерсон.— Тогда бы мы видели признаки их былого величия. Наследие прошлого оставляет свои следы на многие века. Помните развалины древнего города, который мы нашли на Геркулесе? Местные жители и не догадывались о его существовании. Разумеется, для этого нам понадобилось высотное сканирование.

Коммодор и специалисты вновь прильнули к окулярам, пытаясь что-нибудь разглядеть среди лесов. Поиски не дали результатов.

— Либо молодая раса, либо низкая рождаемость,— заключил Паскоу.— Другого мнения у меня нет.

Бросив еще один хмурый взгляд на Этерну, Лей довольно мрачным тоном сказал:

— Мы не первый год летаем и знаем, что расу численностью в сто миллионов сильной не назовешь. Тут даже рядовой чиновник не задергается, не говоря уже о Совете.

Заметив дежурного связного, коммодор повернулся к нему:

— Что там у тебя?

— Сообщение из девятого сектора, сэр.

Развернув сложенный листок и увидев, что сообщение уже расшифровано, Лей прочел его вслух:

— Отправлено в девятнадцать двадцать по космическому времени. Главный штаб военно-космических сил — командованию боевого корабля «Громовержец». Для дальнейшего обследования планеты Пулок в ваш сектор направлен легкий крейсер «Пламя» под командованием лейтенанта Меллори. Двадцатый эскадрон тяжелых крейсеров следует на базу Арлингтон в девятом секторе. При чрезвычайных обстоятельствах вам разрешается вызвать упомянутый эскадрон себе на подмогу и командовать им по своему усмотрению. Командующий оперативным отделом ГШ ВКС Рэтбоун. Земля.

Лей убрал послание и пожал плечами.

— Похоже, высокое начальство готово пойти на риск,— сказал он.

— Да,— с оттенком иронии согласился Паскоу.— Неплохое подкрепление, только не слишком-то близко от нас. Кораблю Меллори — и то добираться до нас почти два месяца. А эскадрон даже на максимальной скорости будет лететь все пять. За это время нас успеют сварить, съесть, выплюнуть косточки и забыть.

— Не понимаю, почему мы обязательно должны ожидать каких-то неприятностей? — удивился Уолтерсон.— Не съели же они Бойделла. Кто знает, а вдруг они искренне обрадуются нашему появлению?

Паскоу одарил геофизика сочувственным взглядом.

— Чужак-одиночка едва ли кого-нибудь испугает. Здесь разведчики обладают неоспоримым преимуществом. Вспомните, что случилось на Реми II. Такой же бродяга, как и Бойделл, но только его фамилия была Джеймс, совершил там посадку, подружился с местными жителями, прошел ритуал кровного братания. Когда он улетал, его провожали чуть ли не с королевскими почестями. А через некоторое время туда прилетели три наших корабля, полные солдат и оружия. Им почему-то не стали устраивать радушный прием. Ремианцы сочли, что земляне злоупотребили гостеприимством. Результаты общеизвестны: мы вляпались в затяжную войну, стоившую нам немало сил и средств.

— Я достаточно хорошо знаю историю освоения космоса,— ответил Уолтерсон.— Мы тогда сами были не лучше дикарей. Бесцеремонные космические пехотинцы повсюду вели себя как хозяева, а о специалистах по налаживанию контактов с инопланетянами никто даже не задумывался.

— История имеет тенденцию повторяться.

— Это-то меня и заботит,— сказал Лей.— Как туземцы воспримут чужой корабль длиной в целую милю? Вдруг это спровоцирует какую-нибудь заваруху и жертвы с обеих сторон? Не разумнее ли послать на поверхность спасательный корабль, чтобы не шокировать жителей? Чертовски жаль, что Бойделл был так скуп на слова.

Коммодор взял трубку интеркома и вызвал отсек связи.

— Не было ли вестей от Бойделла?

— Нет, коммодор. В девятом секторе и не рассчитывают их получить. Они недавно уведомили нас, что Бойделл не отвечает на их запросы. Возможно, он вне досягаемости. Его последнее сообщение дает все основания так думать.

— Понятно.— Лей бросил трубку и опять прильнул к иллюминатору.— Семь часов мы висим на их орбите, и до сих пор никто не сделал попыток подлететь к нам и познакомиться поближе. Да и на поверхности — никаких признаков того, что наше появление их взбудоражило. По-моему, у их цивилизации нет космических кораблей. Возможно, нет даже примитивных самолетов. Противовоздушных сил в нашем понимании у них тоже нет. Получается, мы столкнулись с довольно отсталой цивилизацией.

— Возможно, их цивилизация прошла по иному пути развития,— предположил Паскоу.

— Именно это я и хотел сказать.— Лей нетерпеливо махнул рукой.— Мы торчим у них на виду. Думаю, в телескопы или подзорные трубы нас вполне можно заметить. Отреагируй копуши на наше появление, мы бы сразу это почувствовали. Я не склонен проверять особенности их цивилизации, посылая на поверхность безоружный спасательный корабль. Я принял решение совершить посадку. Надеюсь, наше появление не сведет их с ума.

Коммодор поспешил в командный отсек, чтобы отдать необходимые распоряжения.

Местом посадки избрали вершину каменистого отвесного холма, где не росли деревья. В девяти милях к северу от него раскинулся довольно большой город. Вряд ли можно было бы найти более удачное место. Посадить тяжеленную махину длиной более мили, не помяв посевов и не повредив ничьих владений,— это ли не демонстрация добрых намерений землян? Ну, а если без пафоса, просто в рыхлой почве «Громовержец» мог увязнуть. К тому же вершина холма обеспечивала орудиям корабля чисто стратегическое преимущество.

Хотя город копуш находился не так уж далеко, увидеть его мешали холмы. Через долину пролегала узкая дорога, по кото-

рой не наблюдалось никакого движения. Дорога эта не была единственной; ближе к подножью холма земляне заметили двухколейную железную дорогу с плоскими рельсами, отливавшими серебристым блеском. Ширина каждой колеи не превышала двадцати дюймов. Рельсы не имели ни стыков, ни шпал и, скорее всего, были просто вделаны в основание из бетона или схожего прочного материала.

Длинный черный силуэт «Громовержца» был истинным воплощением грозной мощи землян. Все его люки были плотно задраены, а орудийные щели — полностью открыты. Лей задумчиво поглядывал на железную дорогу и ждал результатов от корабельных метеорологов. Вскоре поступили данные анализов. Лей взял трубку интеркома и услышал голос Шеллома.

— Коммодор, воздух вполне пригоден для дыхания.

— Ну, это для нас не новость. Раз Бойделл остался жив, значит, все в порядке.

— Да, коммодор,— терпеливо согласился Шеллом.— Но вы ведь просили результаты анализа.

— Естественно. Мы же не знаем, сколько Бойделл пробыл здесь. Может, всего день или неделю. Срок явно недостаточный. Возможно, подыши он этим воздухом месяц-другой, его легкие забили бы тревогу. Во всяком случае, нам нельзя основываться только на предположениях. Нам важно знать, могут ли земляне постоянно дышать здешним воздухом.

— Могут, коммодор. Правда, воздух отличается несколько повышенным содержанием озона и аргона, но в остальном почти схож с земным.

— Прекрасно. Тогда мы откроем люки и дадим экипажу поразмяться.

— Хочу обратить ваше внимание на интересную деталь,— продолжал Шеллом.— Орбитальные наблюдения за планетой продолжались семь часов двадцать две минуты. За это время долготное смещение произвольно выбранной экваториальной точки составило примерно три десятых градуса. Это значит, что время обращения Этерны вокруг оси, грубо говоря, равно земному году. Их дни и ночи длятся по шесть месяцев.

— Спасибо, Шеллом.

Не проявив никакого удивления, Лей отключился, затем связался с главным машинным отсеком и приказал Бентли открыть входные люки. Следующим коммодор вызвал лейтенанта Хардинга, командующего космическими пехотинцами, и дал разрешение отпустить четвертую часть контингента на прогулку, поставив обязательным условием, чтобы пехотинцы были вооружены и держались в радиусе дальности корабельных орудий.

Покончив с распоряжениями, коммодор повернул пневматическое кресло к иллюминатору, уперся вытянутыми ногами в его кромку и стал неторопливо рассматривать пейзаж чужой планеты. Уолтерсон и Паскоу нервозно расхаживали по каюте, чувствуя себя словно на пороховом складе, куда в любую минуту мог влететь зажигательный снаряд.

Шеллом позвонил еще раз, сообщив гравитационные и магнитометрические данные. Спустя несколько минут он вновь нарушил созерцание Лея, доложив о влажности воздуха, колебаниях атмосферного давления и радиационном фоне. Шеллом был устроен так, что его волновали лишь показания стрелок на шкалах и зубцы экранных кривых. Он был свято убежден: никакая опасность не может вторгнуться незамеченной, предварительно не заявив о себе пляской стрелок или вспышками на экране.

Тем временем двести человек шумно спустились с холма и вступили на природный газон, поросший не травой, а чем-то вроде густого клевера. Пехотинцы гоняли футбольный мяч, боролись или просто тихо наслаждались, лежа на зеленом покрове и глядя на небеса и солнце. Немногочисленная группа, пройдя около полумили, занялась исследованием пустой железной дороги. Люди осторожно трогали рельсы, потом стали по ним ходить, балансируя руками на манер цирковых канатоходцев.

С корабля сошли и четверо офицеров из команды Шеллома. Двое из них несли ведерки и лопаты, точно детишки, решившие поиграть на пляже. Третий размахивал ящиком для ловли насекомых, а у четвертого в руках был сцинтиллоскоп*. Первые двое, наполнив ведерки почвой Этерны, понесли их на корабль для почвенного и бактериологического анализа. Ловец насекомых поставил ящик и улегся рядом спать. Офицер со сцинтиллоскопом, двигаясь зигзагами, стал медленно огибать подножье холма.

Через два часа резкий свисток Хардинга позвал первую партию счастливчиков назад. Те неохотно вернулись внутрь металлической бутылки. На волю вырвались еще двести пехотинцев, которые повели себя аналогичным образом, включая и разгуливание по блестящим рельсам.

К тому времени, когда и эта партия исчерпала свой лимит свободы, корабельные сирены возвестили об обеде. После него часть пехотинцев, которых ожидала скорая вахта, улеглась на

---

* Сцинтиллоскоп — прибор для получения *сцинтиграммы* (особой диаграммы, отражающей распределение радиоактивного индикатора в исследуемой среде).— *Прим. перев.*

койки и погрузилась в глубочайший сон. На волю выпустили еще двести жаждущих. Неутомимый Шеллом сообщил, что поймано девять видов крошечных, размером с блоху, насекомых, ожидающих аудиенции у энтомолога Гарсайда, когда тот соблаговолит проснуться.

Наконец последние двести пехотинцев, нагулявшись по окрестностям, поднялись по трапам «Громовержца». Паскоу шатало от усталости. Он тер воспаленные глаза, отчаянно борясь со сном, и жаловался Лею:

— Более семи часов мы висели на орбите. Еще восемь прошло после посадки. И каковы результаты? Что мы успели за это время узнать?

— Не забывайте, люди устали от монотонности полета. Их обязательно нужно было выпустить наружу,— укоризненно заметил ему Лей.— Первое правило командира корабля: сначала люди, потом — внешние заботы. Без подходящих средств нам не решить никаких загадок. А главные средства — люди. Да, люди, но никак не корабль, целиком или по частям. Люди строят корабли, однако ни один, даже самый совершенный корабль не в состоянии создать самого захудаленького человечка.

— Согласен. Экипаж нагулялся, конечно, в пределах разумного. Люди отдохнули, у них повысилось настроение и так далее. Все, как требуют психологи. Что дальше?

— Если не произойдет ничего из ряда вон выходящего, я дам экипажу как следует выспаться. Первая вахта уже храпит. Затем наступит черед второй и третьей.

— Это значит, что мы еще просидим без дела восемнадцать часов,— возмутился Паскоу.

— Вовсе нет. Копуши могут появиться в любое время, в любом количестве, с неизвестными нам намерениями и неизвестными способами осуществления этих намерений. Тогда уже будет не до сна. Дел хватит всем.

Лей махнул рукой в сторону двери.

— Идите-ка вздремнуть, пока условия позволяют. А то, если вдруг у нас начнется жаркое времечко, придется спать урывками. Утомленные солдаты — уязвимые солдаты.

— А вы?

— Как только Хардинг загонит на корабль последнего гуляку, я с удовольствием грохнусь спать.

Паскоу хмыкнул и взглянул на Уолтерсона, ища у него поддержки. Однако геофизик и так почти спал стоя. Паскоу хмыкнул еще раз, уже громче, и отправился к себе в каюту. Уолтерсон поплелся следом.

Вернувшись через десять часов, оба увидели отдохнувшего и свежевыбритого Лея. Коммодор благоухал одеколоном. Пейзаж за стеклом иллюминатора ничуть не изменился. Около двадцати космических пехотинцев бродили вокруг корабля. Солнце находилось практически в той же точке небосвода, что и десять часов назад. Шоссе оставалось совершенно пустым, железная дорога — тоже.

— Вот отличный пример того, как можно сделать безосновательные выводы,— задумчиво протянул Паскоу.

— Это вы о чем? — с интересом спросил Лей.

— Город находится всего в девяти милях от нашего корабля. Мы могли бы добраться туда пешком за каких-нибудь три часа. У жителей было более чем достаточно времени, чтобы поднять по тревоге войска и явиться сюда.

Социолог обвел рукой мирный пейзаж.

— Где они?

— Это уже по вашей части,— напомнил ему Уолтерсон.

— Любая раса, способная строить шоссейные и железные дороги, непременно должна иметь не только глаза и руки, но и мозги. Они наверняка видели нас либо в воздухе, либо во время посадки. И тем не менее они намеренно не показываются. Значит, они нас боятся. Какой из этого следует вывод? Они считают себя намного слабее. Либо они это поняли, увидев наш корабль, либо еще раньше, соприкоснувшись с Бойделлом.

— Здесь я с вами решительно не согласен,— заявил Лей.

— Почему?

— Если копуши видели нас на орбите или при спуске, *что* они могли увидеть? Какой-то корабль и не более. У них не было оснований посчитать нас соплеменниками Бойделла, хотя было бы разумно это предположить. Но разумно с нашей точки зрения. У них она своя. И мы для них — просто куча пришельцев, свалившихся с небес.

— Ваши слова не противоречат моим,— сказал Паскоу.

— У меня есть два контрдовода,— не сдавался Лей.— Первый. Не увидев и не оценив нас, почему они должны считать себя слабее? И второй. Бойделл сам назвал их непобедимыми. Значит, они сильны. И очень сильны.

— Послушайте. Не так уж и важно, считают *ли* они себя сильнее или слабее нас. Если они и могли бы справиться с нами, то вся человеческая раса их просто подомнет. Сейчас нас должен прежде всего интересовать один вопрос: дружественно они к нам настроены или враждебно?

— И что дальше?

— Если дружественно, мы бы давным-давно сидели и болтали с ними. Тем не менее окрестности холма пусты. Следовательно, мы им не по нраву. Они затаились, ибо им не хватает сил на решительные действия. Они ждут, надеясь, что мы покинем корабль. Тогда они попытаются на нас напасть.

— Я придерживаюсь альтернативной теории,— сказал Уолтерсон.— Как и утверждает Бойделл, они сильны и могущественны. Они достаточно мудры, чтобы выбрать наиболее выгодные для них условия сражения. Если они не показываются, значит, выжидают. Либо мы выберемся из своей крепости, либо так и будем сидеть. Они рассчитывают, что нам надоест торчать внутри, мы выйдем и окажемся у них в ловушке. Тогда *жжик* — и готово дело.

Геофизик выразительно чиркнул пальцем себе по горлу.

— Чушь! — крикнул Паскоу.

— Вскоре сама жизнь подтвердит, какая из теорий верна,— примирительно сказал Лей.— Я приказал Уильямсу подготовить вертолет к вылету. Уж его-то копуши обязательно заметят. Если они его не собьют, мы узнаем массу интересного.

— А если собьют? — спросил Паскоу.

— Тогда и будем отвечать на этот вопрос,— убежденно произнес Лей.— Вы не хуже моего знаете: чтобы говорить о враждебности, нужно сначала увидеть ее проявление.

Коммодор подошел к иллюминатору, в который уже раз оглядел поросшие деревьями холмы. Потом вдруг схватился за бинокль и стал быстро вертеть окуляры, наводя его на резкость.

— Небеса милосердные! — прошептал Лей.

— Что случилось? — спросил подбежавший к нему Паскоу.

— Сюда что-то движется. Честное слово, это поезд.— Лей передал бинокль социологу.— Полюбуйтесь сами.

Десяток землян вовсю орудовали напильниками, собирая с рельсов блестящий порошок для последующего анализа. Заслышав странные звуки, все распрямились, прикрыли ладонями глаза и... застыли как вкопанные.

С востока к ним приближался поезд. Он находился в двух милях от места рельсовредительства, двигаясь со скоростью... полторы мили в час. Космические пехотинцы, разинув рты, десять минут недоуменно глазели на диковинный состав, который за это время успел проехать целую четверть мили.

В воздухе надрывно завыла сирена «Громовержца», и все десять, уже без жалоб на строгое начальство, понеслись к кораблю, хотя такое спешное карабканье по склону не стоило того.

Опасность была сильно преувеличена. Хорошо, что кто-то из десятерых все же догадался захватить с собой порошок. Позднее Шеллом проанализировал его и объявил, что рельсы сделаны из титанового сплава.

Внушительный и грозный, «Громовержец» замер в ожидании первого официального контакта с копушами. К каждому иллюминатору прилепилось не менее трех землян. На корабле не сомневались, что у подножья холма поезд обязательно остановится и делегация копуш направится к кораблю для переговоров. Никто не допускал и мысли, что поезд может проехать мимо.

Тем не менее поезд проехал мимо.

Поезд состоял из четырех вагонов и не имел локомотива. Трудно сказать, какая сила заставляла крутиться его колеса. Вагончики были почти игрушечными, по высоте они уступали человеческому росту. В каждом сидело два десятка пассажиров — существ с ярко-малиновыми лицами и совиными глазами. Кто-то из них рассеянно смотрел в пол, кто-то — друг на друга, но почему-то никто даже головы не повернул в сторону грозного пришельца из далекого мира, черневшего на вершине холма.

С момента, когда земляне впервые заметили поезд, прошло почти полтора часа. За это время состав сумел поравняться с подножьем холма и поползти дальше.

Коммодор Лей опустил бинокль.

— Вы хорошо их рассмотрели? — ошеломленным тоном спросил он у Паскоу.

— Да. Краснолицые, носы как птичьи клювы и немигающие глаза. У одного рука была слегка высунута из окна. Я заметил, что у копуш тоже пять пальцев, но тоньше наших.

— Поезд ползет медленнее пешехода,— сказал Лей.— Представляете? Даже с мозолями на обеих ногах я смог бы идти быстрее.

Он опять прильнул к биноклю, разглядывая диковинный поезд. Пока коммодор смотрел, поезд успел проехать сорок ярдов.

— Если Бойделл был в здравом уме, называя копуш непобедимыми, вероятнее всего, он имел в виду их особую хитрость и смекалку.

— То есть как?

— А так. Если они не в состоянии взять наш корабль силой, они будут пытаться выманить нас наружу.

— С какой стати нам покидать корабль? — возразил Паскоу.— По-моему, ни у кого еще не появилось безумного желания догнать поезд. Сделать это можно в любую минуту и без малейшего напряжения сил. Честно говоря, я не понимаю скры-

того смысла их затеи. Ну, ползут себе с черепашьей скоростью. Так что, мы выскочим из корабля и побежим окружать поезд?

— Тактика отвечает их логике, а не нашей,— заметил Лей.— Возможно, в мире копуш такое ползанье провоцирует атаку. Я сейчас скажу странную вещь, но мне в голову пришла такая мысль. Может, копуши считают нас кем-то вроде волков или бродячих собак? Если тем встречается еле плетущееся животное, они нападают и разрывают его на куски. Знаете, меня насторожил один эпизод. Уж больно нарочито копуши старались не смотреть на наш корабль. Это выглядело очень неестественно и подозрительно.

— Вам показалось! — отмахнулся Паскоу, приготовившись возражать.

Лей оборвал его на полуслове.

— Знаю: глупо судить о неизвестной расе по своим меркам. Но, наверное, у всех разумных рас есть в поведении что-то общее. Странно, когда разумное существо имеет глаза и не пользуется ими.

— На Земле,— внес свою лепту Уолтерсон,— у некоторых людей есть руки, ноги, глаза и даже мозги, однако они не пользуются этим богатством. Почему? Потому что они неизлечимо больны.

Ободряемый молчанием Лея и Паскоу, геофизик продолжал:

— Что, если этот поезд курсирует между городом и каким-то санаторием или больницей? Вдруг это специальный поезд, перевозящий только больных?

— Вскоре мы об этом узнаем.— Лей взял трубку интеркома.— Уильямс, как вертолет? Готов?

— Он уже собран, коммодор. Сейчас его заправляют. Через десять минут поднимется в воздух.

— Кто полетит?

— Огилви.

— Скажите ему, пусть полетит впереди поезда и разведает, куда ведут рельсы. Это он должен сделать до облета города.

Повернувшись к собеседникам, Лей сказал:

— Пока мы находились на орбите, Шеллом сделал несколько аэроснимков. Наблюдения Огилви дополнят их.

— Что может быть медленнее медленного? — вдруг спросил стоящий у иллюминатора Паскоу.

— Мне сейчас не до ребусов.

— Если нечто ползет даже не с черепашьей скоростью, а со скоростью улитки, как узнать, что это нечто собирается тормозить? Возможно, у меня разыгралось воображение, однако я

заметил, что поезд каждый час снижает скорость. Надеюсь, столь «резкое» торможение не сбросит никого из пассажиров на пол.

Лей пригляделся. За это время поезд проехал менее полумили. Умопомрачительно низкая скорость поезда и легкая близорукость коммодора не позволяли ему проверить, прав Паскоу или нет. Лею пришлось потратить еще четверть часа, прежде чем он согласился с мнением социолога.

Послышалось знакомое тарахтенье вертолетных винтов. Огилви быстро догнал поезд и устремился вперед. Вскоре пластиковая яйцевидная кабина вертолета казалась не более чем росинкой на дереве.

Лей позвонил в отсек связи и приказал:

— Подключите прямую трансляцию. Я должен слышать все донесения Огилви.

Потом он вернулся к иллюминатору и продолжил наблюдение за поездом. Все, кто не спал и не находился на вахте, делали то же самое.

— В шести милях от корабля есть деревня,— раздался в динамике голос Огилви.— Стоит по обе стороны от железной дороги. Еще в четырех милях — вторая деревня, за нею, в пяти милях — третья. Лечу на высоте восемь тысяч футов. Продолжаю подниматься.

Через пять минут пилот вертолета доложил:

— Вижу поезд из шести вагонов. Движется на восток. Правда, с такой высоты он кажется неподвижным, но, возможно, он все-таки движется.

— Встречный поезд, который тоже ползет еле-еле,— сказал Паскоу, уставившись на Уолтерсона.— Интересно, он тоже везет больных? Что-то мне не верится.

— Высота двенадцать тысяч футов,— сообщил Огилви.— За холмами вижу город, к которому ведет эта железная дорога. Там она заканчивается. Расстояние до корабля — двадцать семь миль. Если не последует приказаний вернуться, буду продолжать полет.

Лей и не подумал возвращать Огилви. Динамик надолго замолчал. Поезд успел отъехать менее чем на милю и теперь двигался со скоростью одного ярда в минуту. Наконец он полностью остановился, простоял пятнадцать минут и покатился в обратную сторону. Ему пришлось проехать целых двадцать ярдов, пока на корабле заметили, что поезд изменил направление. Лей следил за ним в свой сильный бинокль. Поезд действительно возвращался к подножью холма.

— Ну и странности я вижу,— гремел из динамика голос Огилви.— На улицах полно копуш, но все они как будто заморожен-

ные. То же самое я наблюдал в деревнях, над которыми пролетал. Конечно, может, для них я летел слишком быстро и они не успели меня заметить.

— Тут уж наш пилот хватил,— буркнул Паскоу.— С двенадцати тысяч футов не разглядишь таких подробностей.

— Сейчас я завис над центральной улицей этого города. Трехрядная дорога. На тротуарах буквально толпа,— продолжал Огилви.— Если кто-нибудь или что-нибудь движется, я просто этого не вижу. Прошу разрешения снизиться до пятисот футов.

Включив дополнительный микрофон, Лей спросил:

— Ты видел хоть какие-то оборонительные сооружения? Самолет? Огневую точку? Пусковую ракетную площадку?

— Нет, коммодор. Ничего подобного.

— Тогда можешь спускаться, но не сбрасывай скорость слишком быстро. В случае обстрела немедленно уходи.

В отсеке снова стало тихо. Лей в очередной раз взглянул на поезд. Тот со скоростью паралитика неустанно двигался к подножью холма. Коммодор прикинул время: бесконечное приближение продлится еще не меньше часа.

— Нахожусь на высоте пятисот футов,— докладывал Огилви.— Старина Юпитер и все его спутники! Такого я никогда не видел. Копуши и в самом деле двигаются, но чтобы это заметить, нужно хорошенько приглядеться... Верьте или нет, но в этом городе есть нечто вроде трамвая. Скорость такая, что любой младенец запросто мог бы догнать их трамвайчики.

— Возвращайся назад,— решительным тоном приказал Лей.— Разведай обстановку в ближайшем от нас городе.

— Как прикажете, коммодор.

Чувствовалось, что пилот не горел особым желанием выполнять приказ.

— Какой смысл заставлять его возвращаться? — спросил Паскоу. Социолог был похож на расстроенного мальчишку, которому не дали дослушать приключенческую радиопостановку.— Ему там ничто не угрожает. Какая разница, в каком месте добывать сведения?

— Я хочу знать, характерна ли подобная картина для всей планеты, или мы попали в какое-то диковинное место. Сейчас это самое главное, что мы должны выяснить, и как можно скорее. Когда Огилви обрисует обстановку в ближайшем к нам городе, я отправлю его за тысячу миль от корабля. Это будет третья и окончательная проверка... Представьте, если бы в древности на Землю залетел марсианин и приземлился в какой-нибудь резервации для прокаженных. Не удосужившись взглянуть на другие места, он бы удивился, ужаснулся и поспешил

прочь от этих жутких землян. Мы не имеем права делать поверхностные выводы. Мы ведь ничего не знаем об устройстве здешней жизни. Что, если мы оказались в своеобразном заповеднике для местных паралитиков?

— Что угодно, только не это,— с видимым беспокойством возразил Уолтерсон.— Если мы угодили в карантинную зону для больных, лучше поскорее убраться отсюда. Меня не привлекает перспектива подцепить какую-нибудь местную заразу и отдать концы. Шесть лет назад я едва унес ноги с Гермеса. Помните эту историю? За три дня погибли все, кто покинул корабль, а на их телах поселился какой-то вонючий и прожорливый местный гриб.

— Дождемся сообщений Огилви,— решил коммодор.— Если он обнаружит иные, более привычные для нас условия, мы переместимся туда. Если картина везде окажется одинаковой,— задержимся здесь.

— Задержимся,— повторил Паскоу, морщась от недовольства.— Наверное, вы выбрали самое подходящее слово — задержимся.

Он махнул в сторону ползущего поезда.

— Если все, что мы видели и слышали, вообще имеет какой-то смысл, то мы по уши вляпались в неразрешимую головоломку.

— Именно головоломку,— подхватил Уолтерсон.— Мы можем проторчать здесь миллион лет или вернуться домой, но факт останется фактом: впервые за всю свою победоносную историю мы основательно сели в лужу. Мы ничего не узнаем об этом мире по одной простой причине. Наша жизнь слишком коротка, чтобы разобраться в здешней жизни.

— Я не собираюсь делать поспешных выводов,— сказал Лей.— Подождем вестей от Огилви.

Вскоре динамик снова ожил. Чувствовалось, что пилот не верил своим глазам:

— Этот город тоже полон «ползунков». И здесь их транспорт движется еле-еле. У меня язык не поворачивается назвать это скоростью. Прикажете совершить посадку и собрать дополнительные сведения?

— Нет,— сжимая в руке микрофон, ответил Лей.— Теперь лети по плавной кривой на восток. Дальность рассчитывай так, чтобы хватило горючего на обратный путь. Удели особое внимание любым разительным переменам в ландшафте или в постройках копуш и особенно — в их поведении. Обо всем необычном сразу же сообщай.

Лей отложил микрофон и сказал:

— Нам остается лишь немного подождать.

— Вот-вот! — подхватил Паскоу.— Никак не могу поверить, чтобы Бойделл просто сидел на одном месте и ковырял в зубах, пока это ему не осточертело.

Уолтерсон вдруг залился смехом.

— Что тебя рассмешило? — спросил Паскоу, недоуменно глядя на сослуживца.

— Прошу прощения, иногда мне в голову забредают идиотские мысли. Сейчас я подумал: если бы лошади были улитками, им не понадобилась бы упряжь. Интуитивно я чувствую: мысль эта пришла мне не напрасно, но мне никак не извлечь ее суть.

— В сорока двух милях к востоку от корабля вижу город,— сообщил Огилви.— И здесь прежняя картина. Два вида скорости: мертвецки медленная и та, что еще медленнее.

Паскоу посмотрел в иллюминатор.

— Поезд опять ползет еле-еле. Похоже, они решили остановиться напротив нашего корабля.— Немного подумав, он добавил: — Если так, один важный момент ясен уже сейчас: они нас не боятся.

Лей взялся за интерком и вызвал Шеллома.

— Мы выходим наружу. Записывайте на пленку все донесения Огилви. Если он где-нибудь заметит какое-либо быстрое перемещение, просигнальте нам сиреной.

После Шеллома коммодор отдал распоряжение Нолану, Хоффнаглу и Ромеро — корабельным специалистам по контактам с инопланетными расами:

— Возьмите с собой карты Кина и приготовьтесь к возможному контакту с копушами.

— Вообще-то устав требует, чтобы коммодор оставался на корабле до тех пор, пока контакты не выявят дружественные намерения инопланетной расы или, по крайней мере, отсутствие враждебности,— напомнил ему Паскоу.

— Бывают ситуации, не предусмотренные ни в каком уставе,— резко ответил Лей.— Сейчас — одна из таких ситуаций. Я хочу сам навестить этот поезд. Давно пора сдвинуться с мертвой точки. Решайте оба, идете ли вы со мной или останетесь здесь.

— Пролетел над четырнадцатью деревнями,— донесся далекий голос Огилви.— Как только они не помрут со скуки от своего ползанья? Лечу к городу, который вижу на горизонте.

Специалисты по контактам уже стояли возле трапа, вооруженные толстыми пачками карт. Это было их единственное оружие. Считалось, что бросающаяся в глаза незащищенность контактеров должна вызывать к ним доверие со стороны инопланетян.

Практика многократно подтверждала эту теорию. Правда, на одной планете туземцы все же сожгли контактеров вместе с картами Кина.

— А как быть нам? — спросил у коммодора Уолтерс.— Брать оружие или не брать?

— Рискнем явиться к ним безоружными,— решил Лей.— Раса, у которой хватает мозгов, чтобы строить железные дороги и ездить в поездах, должна сообразить, чем может для них кончиться попытка захватить нас в плен. И потом, пока длятся наши переговоры, копуши будут находиться под прицелом корабельных орудий.

— Что-то я не верю в их способность мыслить в нашем ключе,— сказал социолог.— Цивилизованность — не больше чем оболочка, и за ней может скрываться отъявленное коварство. Достаточно вспомнить планеты в системе Сириуса.— Он усмехнулся: — Зато я верю в быстроту собственных ног. Пока эти краснолицые начнут меня окружать, я уже буду далеко от их поезда.

Лей тоже улыбнулся, и они начали спускаться по трапу. И снова экипаж «Громовержца» приник к иллюминаторам.

Орудийные расчеты замерли возле пушек, понимая, что дула орудий сейчас годятся лишь для устрашения копуш. Стрелять по поезду было опасно: можно было ненароком задеть кого-то из своих. Вот развороти рельсы впереди и позади поезда — другое дело. Тогда уже точно поезд никуда не двинется, и копуши испытают на себе могущество землян. Хотя видимые признаки опасности и отсутствовали, среди старших офицеров корабля все равно сохранялось какое-то нервозное возбуждение. Те по собственному опыту знали, насколько обманчивой бывает мирная обстановка на чужих планетах.

Когда шестерка землян достигла железной дороги, поезд находился от них в двухстах ярдах. Лей решил идти навстречу составу. Поскольку поезд не имел локомотива, кабина машиниста находилась в головном вагоне. За ее широким стеклом (или прозрачным пластиком) виднелась фигура машиниста. Обе его руки лежали на кнопках управления. Машинист, конечно же, видел стоящих на рельсах шестерых землян, однако его руки не сдвинулись ни на дюйм.

Лей первым достиг дверцы кабины и потянулся к ручке. Неужели у копуш и машинисты набирались из числа неизлечимо больных? Открыв дверь, коммодор приветливо улыбнулся и столь же приветливо произнес:

— Привет!

Машинист не ответил. Его глаза смотрели куда-то в сторону, а поезд продолжал ползти, увлекая за собой руку Лея. Коммо-

дору пришлось пойти в ногу с поездом. Все это время он не сводил глаз с машиниста.

Затем голова машиниста стала поворачиваться. Лей сделал очередной шаг. Машинист еще немного повернул голову. Новый шаг. Пятерым спутникам коммодора не оставалось ничего иного, как присоединиться и пойти рядом. Это было не так-то просто: любой шаг сразу же выводил их вперед. Так что их перемещение скорее напоминало короткие прыжки с долгим топтанием на месте.

Когда голова машиниста повернулась наполовину, длинные пальцы его правой руки стали отрываться от кнопки, которую нажимали. Наконец кнопка полностью поднялась из углубления. Машинист явно предпринимал какие-то действия. Возможно, это у копуш называлось экстренным торможением.

Лей продолжал идти вровень с кабиной. Остальные пятеро двигались следом. У Паскоу на лице красовалась скорбно-разочарованная гримаса, будто он явился на похороны богатого дядюшки и только тут узнал, что покойный изменил завещание и лишил его наследства. Лей представил себе, какие издевательские и откровенно грубые шуточки отпускает сейчас в их адрес экипаж корабля.

Вопрос сохранения собственного достоинства коммодор решил довольно просто: он забрался в кабину. Правда, его телу лучше от этого не стало. Вместо шажков и подпрыгиваний Лею пришлось стоять, согнувшись в три погибели, либо становиться на колени. Последнее и вовсе никуда не годилось.

Лей не знал, сколько времени понадобилось машинисту, чтобы полностью повернуться в его сторону. Кнопка теперь поднялась окончательно. Шипение под полом прекратилось. Поезд двигался только по инерции, вероятно, уменьшенной силой тормозов. Скорость упала до дюймов, потом до долей дюйма.

— Привет! — повторил Лей, чувствуя, насколько глупо это слово звучит здесь, в кабине инопланетного поезда.

Машинист раскрыл розовый овал рта, обнажив узкие зубы. Языка внутри не было. За это время землянин успел бы выкурить половину сигареты. Лей напряг слух, ожидая услышать ответное приветствие. Изо рта машиниста не донеслось ни одного звука, членораздельного или нечленораздельного. Коммодор все же решил немного подождать, надеясь, что ответное слово не придется ждать целую неделю. Губы копуши чуть дрогнули, искривившись наподобие полудохлых червяков. И это все.

— Коммодор, поезд остановился,— окликнул Лея Уолтерсон.

Лей выпрыгнул из кабины, встал, засунул руки в карманы и стал удрученно следить за машинистом. Безучастное лицо ко-

пуши наконец-то стало приобретать признаки удивления и даже интереса. Однако интерес был апатичным, как у ленивого хамелеона, постепенно меняющего окраску.

— Тут есть еще на что посмотреть, коммодор,— толкнул Лея Паскоу, указав головой на ручки вагонных дверей. Все они утратили горизонтальное положение и со скоростью одного градуса в минуту поднимались вверх.

— Сейчас пассажиры попадают из вагонов,— сказал Паскоу.

— Помогите им открыть двери,— попросил Лей.

Хоффнагл, стоявший возле одной из дверей, услужливо повернул ручку и дернул дверь на себя. Она распахнулась вместе с пассажиром, который держался за ручку с внутренней стороны. Было ясно, что копуша вот-вот рухнет вниз. Бросив свои контактные карты, Хоффнагл проворно подхватил беднягу и поставил на ноги. Потом Ромеро, наблюдавший за этой сценой, сообщил, что через сорок восемь секунд на лице копуши начало появляться удивление.

Остальные двери земляне открывали с осторожностью проводника, которому сообщили, что в вагоне находится подозрительно тикающий предмет. Вечно нетерпеливый Паскоу решил ускорить процесс и стал попросту вытаскивать копуш из вагона и опускать вниз. Самый проворный из них через двадцать восемь секунд заметил, что каким-то образом оказался вне вагона. Возможно, еще через два часа он сумел бы разгадать эту загадку.

Вокруг опустевших вагонов стояли двадцать три пассажира. Никто из них не был выше четырех футов и никто не весил больше шестидесяти фунтов. Все копуши были нарядно одеты, но их одежда не позволяла угадать пол. Судя по почти одинаковому росту, в поезде ехали одни взрослые. Ни у кого из них земляне не заметили предметов, хотя бы отдаленно похожих на оружие.

Теперь, когда Лей сумел внимательно разглядеть копуш, он понял: при всей своей непостижимой медлительности они не были умственно отсталой расой. Их странные ярко-красные лица свидетельствовали о весьма развитом интеллекте. Косвенные доказательства земляне получили еще на орбите планеты. Настало время прямых доказательств. Время знакомства с теми, кто построил цивилизацию Этерны.

«Большой совет,— подумал коммодор,— имел все основания для беспокойства, но не в привычном для землян плане». Если все копуши похожи на тех, кто сейчас стоял возле поезда, тогда их можно счесть вполне безобидной расой. Их цивилизация никоим образом не угрожала космическим интересам землян.

И в то же время от них исходила угроза совсем иного свойства, о которой Лею очень не хотелось думать.

Разложив свои простые и понятные карты, контактеры приготовились объяснить копушам, кто, откуда и зачем пожаловал к ним в гости. Как и на любой другой планете, объяснение происходило на языке картинок и жестов, апробированном при контактах со многими инопланетными расами. Торопливый Паскоу и тут решил ускорить процесс, расставив копуш, точно сонных кукол, вокруг карт.

Тем временем Лей и Уолтерсон решили осмотреть поезд. Если пассажиры и были против подобного осмотра, им бы просто не хватило времени на какие-либо действия.

Крыши всех вагонов были из прозрачного бледно-желтого пластика. Они плавно изгибались, доходя до уровня дверей. Под пластиком находились многочисленные силиконовые ячейки, похожие на вафли. Внутри вагонов, под пластинами центральных проходов, располагались ряды цилиндриков. Скорее всего, это были элементы на основе какого-то никелевого сплава. Двигателей земляне не увидели; они скрывались под полом кабины машиниста. Такая кабина была в каждом вагоне.

— Солнечные батареи,— сказал Лей.— Недаром у них все крыши вагонов нашпигованы этими батареями.

Пройдя по всей длине вагона, коммодор сообщил Уолтерсону результаты своих подсчетов.

— Длина вагона двадцать футов, ширина — четыре. Прибавим еще элементы на боковых изгибах крыш. Получается шестьсот сорок квадратных футов приемной поверхности.

— Ничего тут нет удивительного,— равнодушно ответил геофизик.— В земных тропиках у нас есть штучки помощнее, да и на Драмонии и Уэрте тоже.

— Знаю. Однако здешняя ночь длится полгода. Какие аккумуляторы способны сохранять заряд в течение шести месяцев? Как копушам удается передвигаться на ночной стороне Этерны? Или они дружно погружаются в спячку и весь транспорт останавливается?

— Над этим пусть ломает голову наш Паскоу. Мне думается, для них шесть месяцев — что для нас одна ночь. Какой смысл гадать? Рано или поздно мы доберемся до ночной стороны и все узнаем.

— Конечно. И все же мне интересно: сумели ли копуши превзойти нас по части сохранения энергии.

— Для этого пришлось бы повредить один из вагонов,— сказал Уолтерсон.— Возможно, Шеллом и его ребята с удовольствием включились бы в эту гнусную работенку. Но тогда получит-

ся, что мы сами провоцируем враждебность копуш. Даже если они и не смогут нам помешать, им это очень не понравится.

— Я не говорил, что мы должны вести себя как взломщики,— упрекнул геофизика Лей.— За повреждение собственности, принадлежащей инопланетной расе, которая не проявила к нам никакой враждебности, я могу загреметь под военно-космический трибунал. Зачем мне эти беды? Мы могли бы устроить взаимовыгодный обмен информацией. Вы когда-нибудь слышали, чтобы разумные существа отказывались обмениваться знаниями?

— Нет,— признался Уолтерсон.— Но я не слышал, чтобы кто-то пять лет расплачивался за то, что получил за пять минут.

Геофизик злорадно ухмыльнулся и добавил:

— Сначала мы попробуем узнать, какие открытия сделал здесь Бойделл. Тогда хоть будет понятно, какие научно-технические секреты мы можем выторговать у копуш. Но для этого опять надо немножко подождать.

— Не хочу с вами спорить. Чутьем понимаю, что вы правы на сто пятьдесят процентов,— примирительно сказал Лей.— Но в целом это уже будем определять не мы, а Совет. Пока же нам с вами лучше всего вернуться на корабль. Зачем мешать контактерам? Опять-таки, без их первичных сведений мы все равно никуда не продвинемся.

Они зашагали к кораблю. Вскоре к ним присоединился и Паскоу, оставив контактеров наедине с копушами, картами Кина и языком жестов.

— Какие успехи у наших толмачей? — спросил Лей.

— Не ахти какие,— ответил Паскоу.— Вы бы попробовали ради интереса. Свихнуться можно.

— А в чем основная сложность?

— В несовпадении ритмов. Попробуйте растянуть на долгие минуты то, что должно происходить в считанные секунды. Хоффнагл попытался объяснить им вращение Земли. При обычной скорости копуши никак не отреагировали. Они даже не поняли его действий. Тогда он стал показывать медленнее — опять безрезультатно. Он еще сбросил скорость.

Паскоу сердито фыркнул.

— Думаю, трое наших бедняг провозятся весь день, а то и неделю, пока отработают жесты, понятные копушам. Получается, они никого ничему не учат, поскольку вынуждены учиться сами. Постижение особенностей пространственно-временного восприятия у копуш. Материала для изучения — хоть отбавляй.

— Тем не менее это необходимо сделать,— твердо сказал Лей.— Даже если придется потратить всю жизнь.

— *Чью* жизнь, коммодор? — ехидно спросил Паскоу.

Лей вздрогнул. Он попытался найти подходящий ответ, но не сумел.

В углу коридора им встретился энтомолог Гарсайд. Это был невысокий, шумноватый человечек, чьи глаза за толстыми стеклами очков казались вдвое крупнее. Насекомые составляли главную страсть его жизни. Их размеры, внешний облик, цвет, происхождение — все это будоражило его сильнее загадок Вселенной.

— А я вас везде искал, коммодор,— воскликнул Гарсайд, весь лучась энтузиазмом.— Удивительное открытие, просто потрясающее! Девять видов различных местных насекомых. Внешне — просто букашки, ничего особенного. Но у всех наблюдается какая-то странная апатичность. Если это свойственно всем насекомым Этерны, поневоле напрашивается вывод, что обмен веществ в здешних условиях...

Лей потрепал энтомолога по плечу.

— Замечательно, Гарсайд. Запишите это в свой отчет, и как можно подробнее.

Оторвав Гарсайда от себя, коммодор поспешил в отсек связи.

— Огилви сообщал о чем-нибудь необычном?

— Нет, коммодор. Все его донесения повторяют самые первые. Сейчас он возвращается на корабль. Должен прилететь где-то через час.

— Сразу же пошлите его ко мне.

— Будет исполнено, сэр.

В обещанное время появился Огилви — долговязый, скуластый парень с вечной раздражающей ухмылкой на лице. Он вошел в каюту, держа руки за спиной и склонив голову. С притворным отчаянием пилот произнес:

— Коммодор, я должен покаяться в страшном грехе.

— Это я уже понял по твоей клоунаде. Что ты натворил?

— Я совершил самовольную посадку на площади самого крупного из городов, какие мне встретились.

Лей вскинул брови.

— И что же?

— Копуши собрались вокруг и стали на меня глазеть.

— И только?

— Видите ли, сэр, им понадобилось минут двадцать, чтобы заметить меня и собраться. За это время подходили все новые и новые зеваки. Мне и самому хотелось увидеть их дальнейшие действия, но тогда бы я застрял там на неделю. Я прикинул: если бы копушам взбрело в голову взять веревку, заарканить мой

вертолет и оттащить его в другое место, то где-то через год они бы с этим справились.

— Ну и ну! И так везде?

— Да, сэр. Я пролетел над парой сотен их городов и деревень, сделав никак не меньше тысячи двухсот миль. И везде история повторялась без малейших изменений.

Выдав раздражающую ухмылку, Огилви добавил:

— Была еще парочка деталей. Возможно, они вас заинтересуют.

— Давай, выкладывай.

— Копуши разговаривают при помощи ртов, но беззвучно. Точнее, наше ухо их звуков не слышит. Вертолет оснащен сверхзвуковым конвертером «Летучая мышь» для полетов вслепую. Да вы и сами знаете. Когда я оказался в самой гуще их толпы, то настроил приемник на весь диапазон. Ни звука, ни шороха, ни писка. Следовательно, версия с ультразвуком отпадает. Не думаю, чтобы их речь была инфразвуковой. Должно быть, они общаются каким-то иным способом.

— У меня самого был односторонний разговор с машинистом поезда,— сообщил пилоту Лей.— Возможно, мы стремимся найти нечто скрытое и потому упускаем очевидное.

Огилви заморгал, будто мальчишка у доски.

— Поясните, сэр,— попросил он.

— Копушам совсем не обязательно использовать какие-то невообразимые способы общения. Очень может быть, что они переговариваются зрительно. Смотрят собеседнику в рот и по движению его десен читают. Допустим, ты бы мог разговаривать, двигая своими желваками. Ладно, довольно об этом. Что еще тебя удивило?

— Отсутствие птиц,— ответил Огилви.— Казалось бы, если на планете есть насекомые, то должны водиться и птицы или хотя бы какие-то летающие существа, напоминающие птиц. Единственное летающее существо, встреченное мной, была перепончатокрылая ящерица. И то она не летала, а спрыгивала с дерева и парила в воздухе. На Земле она не смогла бы поймать и дохлого комара.

— Ты это заснял?

— Нет, сэр. В аппарате оставалась последняя пленка, и я не захотел тратить ее на ящериц. Мало ли, попадется что-нибудь более важное.

— Хорошо. Иди отдыхай.

Лей проводил пилота глазами, затем поднял трубку интеркома и вызвал Шеллома.

— Если изображение на пленках окажется достаточно резким, сделайте копию для отсека связи. Пусть отправят ее по видеолучу в девятый сектор с просьбой срочно переслать на Землю.

Не успел он положить трубку, как в каюту влетел опечаленный Ромеро.

— Коммодор, можно ли из имеющихся на корабле средств соорудить гибрид фенакистоскопа* со счетчиком оборотов?

— Можно соорудить что угодно,— сладкозвучно ответил стоявший возле иллюминатора Паскоу.— Всего несколько столетий — и вы получите желаемый гибрид.

Не обращая внимания на колкость социолога, Лей спросил:

— Зачем вам понадобилась такая штука?

— Хоффнагл и Нолан считают, что тогда мы смогли бы точно определить, на какой скорости копуши воспринимают изображения. Нам было бы легче устанавливать с ними контакты.

— А разве корабельные кинопроекторы не годятся?

— Там нет регулировки скорости в широких пределах,— возразил Ромеро.— К тому же они стационарные, а не переносные. Их не заставишь работать от батарей. Фенакистоскоп не требует электричества. Крути себе ручку, и все. Вдобавок он гораздо меньше весит.

— Нет, чем дальше, тем больше сюрпризов,— вмешался Паскоу.— Обрисуйте поподробнее свою штуку, тогда я попробую представить, как это выглядит.

Вновь пропустив его слова мимо ушей, Лей связался с Шеллом и изложил ему просьбу Ромеро.

— Моисей-праведник! — воскликнул Шеллом.— Каких только чудес от нас не требуют. Какому умнику понадобился фенакистоскоп с прицепом?.. Ладно, дня через два сварганим.

— Через два дня,— повторил Лей, обращаясь к Ромеро.

Контактер был на грани отчаяния.

— Чего нос повесил? — усмехнулся Паскоу.— Два дня на подготовку к измерению зрительной реакции — это чертовски быстро для здешнего мира. Ты же на Этерне. Привыкай, мой мальчик, приспосабливайся!

Лей неодобрительно взглянул на социолога.

---

* Фенакистоскоп — созданное в 1832 г. французом Жозефом Плато устройство для показа движущихся изображений. Состояло из двух дисков, располагавшихся на одной оси. На первом диске по кругу были изображены картинки, каждая из которых представляла какую-то одну фазу движения. Второй диск имел окошки точно по размеру картинок. Диск с картинками вращался, и в окошках второго, жестко закрепленного диска возникало движущееся изображение.— *Прим. перев.*

— Что с вами, Паскоу? За последние два часа вы как будто утратили всякое терпение и сдержанность.

— Еще не совсем. Несколько кусочков терпения у меня осталось. Когда они испарятся, можете сажать меня в изолятор, потому что я свихнусь.

— Не надо так трагично. К тому времени мы начнем действовать.

— Не надо сказок, коммодор,— дерзко возразил Паскоу.

— Мы вытащим патрульный вездеход, поедем в город и посмотрим, что к чему.

— Давно пора,— согласился социолог, идя на попятную.

Бронированный восьмиместный вездеход скатился по пандусу и замер. Тяжелые гусеницы утонули в зеленом покрове. Только короткий раструб на капоте и еще один в задней части машины указывали на то, что она вооружена пулеметами с кнопочным управлением. На крыше, за пуленепробиваемым стеклом, скрывалась автоматическая кинокамера. Рядом торчал штырь антенны.

Можно было бы отправиться в город и на вертолете, однако в его кабину помещалось только четверо человек плюс необходимое оборудование. К тому же для путешествия по городским улицам вертолет не годился.

Места рядом с водителем заняли сам коммодор и лейтенант Хардинг. За ними сидели двое солдат и Паскоу. В задней части вездехода помещались стрелок и радист. Уолтерсону, Гарсайду и остальным специалистам пришлось остаться на корабле.

Вездеход проехал мимо копуш с поезда. Теперь они сидели, скрестив ноги, и внимательно смотрели на карту Кина, которую им показывал Нолан. Сам контактер находился в полном отчаянии. Невдалеке от него сидел Хоффнагл. Тот кусал ногти, пытаясь определить, какую часть урока копуши смогли усвоить и сколько осталось за пределами их понимания. На перемещение вездехода туземцы просто не обратили внимания.

Дергаясь и подпрыгивая, вездеход перевалил через рельсы позади замершего поезда и выбрался на шоссе. Дорога оказалась превосходной; машину не трясло. Шоссе копуш вполне могло соперничать с любой скоростной магистралью на Земле. Проехав чуть больше половины пути до города, земляне наконец-то увидели первую туземную машину, двигавшуюся им навстречу.

Машина была рассчитана на одного пассажира. Продолговатая, с низкой посадкой, она являла собой пародию на гоночный автомобиль. Управлявший ею водитель полулежал. Вероятно, он двигался на предельной скорости; лицо копуши было напряжено, глаза выпучены, руки мертвой хваткой вцепились в руле-

вое колесо. Фотоэлектрический датчик засек, с какой скоростью ехал копуша. Две с четвертью мили в час!

Паскоу обернулся назад и еще некоторое время следил за туземной машиной.

— Как социолог скажу вам: часть копуш на редкость беспечны. Он же рискует жизнью, мчась на такой скорости. Этот малый так торопится, что свои тридцать миль до соседнего города одолеет всего за двенадцать часов.— Потом уже более серьезным голосом он добавил: — Если у них повсюду такие скорости, наверное, и им знакомы свои заторы и пробки на дорогах.

Прежде чем кто-то из семерых успел согласиться или возразить Паскоу, водитель резко затормозил, потом поехал намного медленнее. Вездеход достиг окраин города. Тротуары были полны пешеходов, а улицы — местного транспорта. Водитель нехотя переключил двигатель на первую передачу. Новый (и весьма нелегкий) способ вождения ему в прямом смысле пришлось осваивать на ходу.

Краснолицые копуши неопределенного пола и возраста переходили улицу, где им вздумается. В противоположность земным нарушителям правил уличного движения от здешних можно было ожидать, что они, того и гляди, улягутся посреди проезжей части и заснут. Некоторые пешеходы отличались зачатками проворства, но они, пожалуй, создавали еще больше трудностей для водителя вездехода. Никто не поворачивался и не вытягивал шею, чтобы разглядеть незнакомую машину. Большинство копуш удивленно замирало лишь тогда, когда вездеход успевал отъехать на целую милю.

Лея и его спутников так и подмывало соотнести медлительность с умственной отсталостью копуш. Всем восьмерым приходилось подавлять это искушение: то, что они видели, свидетельствовало как раз об обратном.

Улицы города были ровными, прямыми, с добротным покрытием, дренажной системой и решетками ливнестоков. По обе стороны тянулись широкие тротуары. Высота зданий не превышала шестидесяти футов, но все они были построены прочно, надежно и без малейших намеков на примитивность. Машин (по земным меркам) было не слишком много, однако их конструкция говорила о весьма высоком уровне техники. Городские трамвайчики работали на солнечных батареях и двигались медленнее, нежели поезд. В вагон помещалось около дюжины пассажиров.

Вездеход задержался на несколько минут возле строящегося дома. Земляне с интересом наблюдали за каменщиком, кладу-

щим кирпичи. В среднем на укладку каждого кирпича у него уходило двадцать минут. Три кирпича в час.

Сделав мысленные подсчеты, Лей сказал:

— Если учесть, что их день и ночь длятся по шесть месяцев, и предположить, что их рабочий день эквивалентен нашим восьми часам, получается интересная вещь. В пересчете на нашу скорость этот парень укладывает больше тысячи кирпичей в час!

Коммодор даже присвистнул.

— Я не знаю ни одну расу, способную строить хотя бы с половиной их скорости. Даже на Земле подобные темпы по силам только роботам.

Спутники Лея молча выслушали его слова, и вездеход покатил дальше. Впереди показалась автостоянка, на которой находилось около сорока машин. Зрелище было впечатляющее. Вездеход проехал мимо двух служащих, облаченных в форму, и занял свободное место в конце ряда. Через несколько минут у служащих начали округляться глаза.

— Водитель, стрелок и радист остаются в машине,— сказал Лей.— Если кто-то из копуш попытается проникнуть в кабину, отгоните его на сотню ярдов, и пусть начинает все сначала. Если вы заметите, что они собираются нанести удар сверху, передвиньте вездеход на другой конец стоянки. Когда они начнут повторять свои маневры, возвращайтесь на прежнее место.

— Куда вы собрались, коммодор? — спросил Хардинг.

— Хочу нанести визит вон туда.— Лей указал на здание, отличавшееся от жилых домов.— Ради экономии времени я предлагаю вам, вашим солдатам и Паскоу отправиться в другие места. Пусть каждый выберет себе какое-нибудь здание, зайдет внутрь и посмотрит, есть ли там что-нибудь, достойное нашего внимания.

Коммодор посмотрел на часы.

— Всем вернуться к вездеходу ровно в три. Никаких задержек. Опоздавшим придется топать девять миль пешком.

Отойдя от вездехода, Лей увидел в двадцати ярдах одного из служащих автостоянки. Тот приближался, выпучив круглые, как у совы, глаза. Коммодор подошел к нему, взял талонную книжку (служащий и не подумал сопротивляться), оторвал один талон, вернул книжку вместе с земной серебряной монетой и пошел дальше. Эпизод этот позабавил и развеселил Лея. К тому времени, когда он пересек площадь и оказался у дверей здания, копуша сосредоточенно разглядывал монету.

В три часа все пятеро землян вернулись к стоянке. Площадь была запружена копушами. Вездеход исчез. По коротким сигна-

лам, подаваемым водителем, машину обнаружили на одной из соседних улиц, где она стояла возле тротуара.

— При всей их медлительности они здорово умеют заполнять собой пространство,— сказал водитель.— Их столько набилось вокруг вездехода, что еще немного, и мне было бы не выехать. Да и то нам пришлось силой оттащить более полсотни этих малюток, чтобы освободить проезд. Надо двигать отсюда, пока они не перекрыли дорогу.— Он махнул в сторону площади.— Посмотрите, теперь ползут сюда. Прямо как та черепаха, догоняющая зайца.

Один из солдат Хардинга, полуседой ветеран нескольких космических войн, поморщился.

— По мне, так уж лучше сражаться с какой-нибудь враждебной расой, умеющей воевать. Там пробиваешься к цели, и все понятно. А здесь,— он опять поморщился,— успеешь сдохнуть, пока они додумаются тебя окружить. Не нравится мне этот цирк. Ад какой-то, а не планета. Умника, который ее выискал, надо бы сослать сюда навечно.

— Ты хоть что-нибудь нашел? — спросил у солдата Лей.

— Ага. Дюжину копов.

— Кого?

— Копов,— повторил солдат.— Там у них полицейский участок. Я это понял, потому что все были в одинаковой форме и с дюралюминиевыми дубинками. Еще на стенке я увидел... не знаю, как назвать. В общем, снимки нескольких физиономий, а под ними — какая-то чертовщина вместо нормальных букв. Не скажу чтобы один отличался от другого, для меня все копуши выглядят одинаково. Но почему-то я решил, что этих парней пришпилили на стену не в награду за их примерное поведение.

— Эти полицейские — они проявили к тебе хоть какую-то враждебность?

— Куда им! — пренебрежительно усмехнулся ветеран космических войн.— Я там проболтался минут двадцать, ходил из угла в угол, а они только потом меня заметили. Да если бы какого-то копушу угораздило на меня напасть, я бы спустил ему штаны раньше, чем он поднял руку.

— Зато я попал просто в сказочное место,— сообщил Паскоу.— На местный переговорный пункт.

Лей обернулся к социологу.

— Выходит, они все-таки умеют переговариваться. Ультразвук?

— Нет. У них визуальное общение. Камеры и трехдюймовые экранчики. Я не ограничился одним копушей. Я, образно говоря, заглянул в пасть двум десяткам его соплеменников. Добав-

лю, что иногда они отрывают руки от экрана и делают жесты, похожие на нашу азбуку глухонемых, только все намного медленнее. Мне почему-то показалось, что некоторые из их пальцевых вывертов используются для особо сильных выражений и неприличных ругательств.

— Коммодор, если мы проторчим здесь еще несколько минут, нам точно будет не выехать,— встревоженно сказал водитель.

— Тогда заводи мотор.

— Возвращаемся на корабль, сэр?

— Пока еще нет. Давайте-ка поищем какой-нибудь местный завод. Мне интересно, как у них устроена промышленность.

Вездеход медленно двинулся, объезжая пешеходов. Избегая плотно забитой копушами площади, решили свернуть на другую улицу, параллельную главной магистрали.

Устроившись поудобнее, Паскоу скрестил руки на животе и без тени ехидства спросил:

— Никто из вас часом не набрел на местное пожарное депо?

Увы, в этом судьба никому не улыбнулась.

— Я бы не пожалел никаких денег, чтобы увидеть, как они выезжают на пожар. Представляете? Машина с парочкой насосов, пожарные с крюками и лестницами спешат к дому, который полыхает в миле от них. Думаю, скорость горения в их мире ничем не отличается от нашей. Удивительно, как еще ни один их город не сгорел дотла.

— Возможно, у них и такое бывало,— предположил Хардинг.— И они привыкли к пожарам. В конце концов ко всему привыкаешь.

— Верно сказано: в конце концов,— согласился Паскоу.— Казалось бы, их цивилизация давно могла бы сгинуть во тьме времен. А она уцелела.

Он взглянул на коммодора.

— А вас куда занесло?

— В публичную библиотеку.

— Так это ж кладезь информации. Много вам удалось зачерпнуть?

— Почти ничего,— неохотно признался коммодор.— Единственное, я узнал, что у них иероглифическая письменность, и состоит она, по самым грубым подсчетам, где-то из трех тысяч значков.

— Ободряющая новость,— сказал Паскоу, возводя глаза к небу.— Любой опытный лингвист и даже толковый контактер быстро смогут усвоить основные иероглифы. Пусть Хоффнагл

и займется. Он у нас самый молодой. За каких-нибудь две тысячи лет он освоит эту премудрость.

Дальнейший разговор был прерван вызовом с корабля. Рация замигала красным огоньком. Радист щелкнул тумблером, и в динамике послышался голос Шеллома.

— Коммодор, к нам только что прибыл копуша. По внешнему виду — важная шишка. Похоже, он очень торопился и ехал на гоночной машине. Возможно, его уполномочили вести переговоры с нами. Пока это лишь наше предположение, но мы пытаемся каким-нибудь способом добыть подтверждение. Я счел необходимым поставить вас в известность.

— Как идут эти... переговоры?

— Ничуть не лучше, чем с пассажирами поезда. Возможно, копуши прислали сюда самого смышленого парня. Нолан полагает, что где-то через месяц он сумеет убедить этого копушу, что «у девочки Мери ягненочек был»*.

— Хорошо, пусть продолжает. Мы скоро вернемся.

Связь прекратилась.

— Мы не угадали. Оказывается, этот парень ехал в своей сардельке, чтобы нанести нам визит вежливости,— сказал Лей.

Он слегка толкнул водителя.

— Притормози. Вроде мы наткнулись на большую фабрику. Пойду взгляну, что они там производят.

Лей беспрепятственно проник на фабрику и спустя несколько минут вернулся.

— У них здесь нечто вроде мукомольно-упаковочного комбината. Только они размалывают не зерно, а целые горы орехов. Вероятно, в лесу у них богатейшие заросли орешника. В подвале я видел пару больших двигателей. Странные машины. Таких я еще не встречал. Пошлю сюда Бентли. Моторы — это по его части. Пусть посмотрит.

— Не слишком ли большое предприятие для мукомольни? — спросил Хардинг.

---

* «У девочки Мери ягненочек был» (Mary Had a Little Lamb) — известное детское стихотворение, написанное в 1830 г. американской писательницей, издательницей и феминисткой Сарой Джозефой Хейл (Sarah Josepha Hale) (1788–1879). Хейл знаменита своей неустанной борьбой за право женщин на высшее образование, а также тем, что по ее инициативе президент Линкольн сделал День благодарения (отмечается в последний четверг ноября) общенациональным праздником. Что касается стихотворения, оно в виде душещипательной песенки вошло в радиопостановку о Томе Сойере. Но это было давно — в 50-е годы прошлого века.— *Прим. перев.*

— Она не совсем обычная. Копуши из этой муки делают не менее двадцати разных видов продуктов. Один я даже попробовал.

— И как на вкус?

— Напоминает сырое тесто.

Коммодор снова толкнул водителя в бок.

— Вот и еще какой-то завод. Остановись. Хардинг, идемте со мной.

Через пять минут они оба вернулись.

— Обувная фабрика. Делает сапоги, туфли и шлепанцы. Причем быстро.

— Что значит быстро? — встрепенулся Паскоу.

— Быстрее, чем они это делали бы руками. Фабрика полностью автоматизирована. В случае каких-то неполадок линии сами останавливаются. Конечно, она не настолько совершенна, как наши предприятия на Земле, но уровень очень приличный.

Лей прищурился, глядя сквозь ветровое стекло вездехода.

— Мне пора на корабль. Желающие погулять по городу могут остаться и добираться своим ходом.

Желающих не нашлось.

В каюте Лея ожидало расшифрованное и аккуратно отпечатанное сообщение.

«От командира легкого крейсера "Пламя" — командиру боевого корабля "Громовержец".

Согласно приборному анализу, атмосфера планеты Пулок вполне пригодна для дыхания. Согласно нашим носам — в воздухе стоит неистребимая вонь. Экипаж считает, что было бы правильнее назвать эту планету Вонючкой. Если в нашем присутствии на Этерне нет необходимости, возвращаемся на базу в Арлингтоне, подсектор 88.137.

Меллори».

Паскоу, стоя позади Лея, тоже прочел сообщение.

— Удивительный тип этот Бойделл,— сказал социолог.— Обязательно найдет самую дрянь и еще гоняет других на проверку. И почему никто его не придушит?

— Мы открыли четыреста двадцать одну планету,— напомнил ему Лей, постукивая пальцами по массивному звездному атласу.— Но две трети иначе как «дрянь» не назовешь.

— Можно было бы сэкономить немало времени и сил, если бы разведчики сообщали лишь о тех планетах, которые действительно достойны нашего внимания.

— За прогресс надо платить. Сами знаете.

Снаружи послышалось тарахтенье вертолетного двигателя. Коммодор бросился к иллюминатору, после чего схватился за интерком.

— Куда направляется наш вертолет?

— Гарсайд и Уолтерсон настаивали, что им нужен дополнительный материал для исследований. Одному букашки, а другому — камешки.

— Хорошо. Пусть летят. Пленки уже проявлены?

— Да, коммодор. Все замечательно вышло, с приличной резкостью. Хотите посмотреть прямо сейчас?

— Пожалуй. Я скоро буду в просмотровом зале. И пусть займутся пленкой из нашего вездехода. Мы накрутили больше половины.

— Будет исполнено, сэр.

Позвав остальных корабельных специалистов, которых на «Громовержце» было свыше шестидесяти, Лей вместе с ними направился в просмотровый зал. Когда на экране промелькнули последние кадры хроники, отснятой Огилви, и вспыхнул свет, зрители сидели в тягостном молчании. Комментировать увиденное было бессмысленно.

— Забавное кино,— криво усмехнулся Паскоу, когда они вернулись в главный отсек.— За последнюю тысячу лет род человеческий стал полностью технизированным. Даже какой-нибудь зеленый мальчишка, пришедший служить на задрипанный корабль, и тот обязан иметь технические знания. Причем в прежние времена объем его знаний считался бы чуть ли не капитанским.

— И что дальше? — вздохнул Лей, которому сейчас было не до рассуждений социолога.

— Мы превратились в мозги,— продолжал сыпать соль на раны Паскоу.— И поскольку мы превратились в мозги, мы с презрением стали поглядывать на простой физический труд. Мы ведь выше того, чтобы вручную обтесывать доски или черпать ведром воду из колодца.

— Я что-то не понимаю, в чем суть ваших рассуждений.

Это ничуть не обескуражило Паскоу.

— Мы отправили поселенцев на сотни планет. Но *каких* поселенцев? Разного рода начальников, инспекторов, консультантов, советников. И только малый процент людей занимается настоящей работой.

Лей молчал.

— Представьте, что Уолтерсон и другие найдут на этой чертовой планете обширнейшие залежи нужных нам полезных ис-

копаемых. Но кто будет управлять экскаваторами, грузовиками и прочей техникой? Копуши наверняка согласились бы на нас работать. Только на что нам их помощь, если на простейшую работу они будут тратить десять, двадцать, а то и пятьдесят лет? Везти сюда за тридевять земель рабочих? Но кто из людей согласится поселиться здесь и быть рабочей скотиной технической эры?

— Огилви пролетал над большой дамбой, похожей на плотину гидростанции,— задумчиво проговорил Лей.— На Земле такое сооружение можно было бы построить за пару лет, если не быстрее. А здесь? За двести? За четыреста? Или понадобилось бы еще больше времени?

Он нервно забарабанил пальцами по столу.

— Это-то меня и тревожит.

— Вы неверно выразились, коммодор. Мы все испытываем не тревогу, а подавленность. Это разные вещи.

— Говорю вам, я встревожен. Этерна похожа на горящий фитиль, который долгое время не замечали и вдруг заметили. Я не знаю, куда он тянется и какой силы взрыв может последовать, когда он догорит.

— Это подавленность,— гнул свое Паскоу, совершенно упуская из виду то, до чего успел додуматься коммодор.— Нам прижали хвост, и нам это не понравилось. Неодолимая сила наткнулась на нечто неподвижное и непознаваемое. Взрыв, о котором вы говорите, раздастся у нас в мозгу. Этот мир не в силах физически уничтожить нас. Копуши слишком медлительны даже для того, чтобы простудиться.

— Меня не волнует угроза с их стороны. Они волнуют меня своим существованием.

— Копуши существовали везде и всегда, даже в нашем мире. Иначе у нас в языке не было бы такого слова.

— Верно! — горячо подхватил Лей.— Это-то и заставляет меня настораживаться.

Из динамика донеслось вежливое покашливание.

— Сэр, говорит Огилви. Мы взяли образцы гранита, кварца и других камней. В настоящее время вертолет находится на высоте шестнадцати тысяч футов. Отсюда нам виден и корабль, и то что вокруг. Так вот, сэр, то, что вокруг, мне очень не нравится.

— Что там еще?

— Из города, куда вы ездили, наблюдается массовый исход копуш. Из близлежащих деревень — тоже. Копуши заполонили все дороги и направляются в сторону корабля. Первые волны достигнут вас где-то через три часа... Ничто не говорит об их

враждебных намерениях или о каких-то организованных акциях. Насколько мне кажется, все эти толпы подстегивает обыкновенное любопытство. Но если позволить копушам окружить корабль плотным кольцом, вы не сможете стартовать без того, чтобы не сжечь несколько тысяч заживо.

Лей задумался над словами пилота. Длина корабля превышала милю. При старте волны раскаленного воздуха тянулись на полмили в обе стороны и еще на такое же расстояние отлетали выбросы из хвостовой части. Следовательно, для безопасного старта кораблю требовалось пространство площадью в две квадратных мили.

На борту «Громовержца» находилось тысяча сто человек. Шестьсот из них были нужны для обеспечения старта. Значит, из оставшихся пятисот придется устроить оцепление и расставить по периметру тех самых двух квадратных миль, а затем... перебрасывать их вертолетом на место новой посадки. Технически это возможно. Но какую напрасную трату времени и горючего вызовут многочисленные полеты туда и обратно.

— Прежде чем они сюда доберутся, мы стартуем и перелетим на новое место,— сообщил Лей пилоту.— Не очень далеко, миль сто. На пару дней это оттянет визиты вежливости!

— Прикажете возвращаться, сэр?

— Да, и побыстрее.

— Мои пассажиры против. Говорят, что хотят собрать дополнительные образцы. Так что я повременю с возвращением. Если я не увижу, куда вы переместились, я легко вас найду по радиомаяку.

— Хорошо.

Лей включил интерком.

— Дайте сигнал общего возвращения на борт. Проверить численность экипажа. Подготовиться к старту.

— Правило седьмое гласит,— назидательным тоном произнес Паскоу,— что любое действие, повлекшее за собой причинение вреда расе, не являющейся враждебной, рассматривается как серьезное нарушение Кодекса контактов. Что же получается? К нам ползут несметные полчища любопытных ленивцев, а мы показываем им хвост и скрываемся.

— Вы можете предложить более удачное решение? — раздраженно спросил коммодор.

— Хуже всего, что не могу.

Раздался оглушительный вой корабельной сирены. Вскоре начался прогрев двигателей, сопровождавшийся слабой, но все же ощутимой вибрацией. В главный отсек вбежал растрепан-

ный Хоффнагл. В кулаке он сжимал пачку мятых карт Кина. Глаза яростно блестели.

— Кто придумал стартовать? — закричал контактер, забыв про всякую субординацию.— Мы провозились с копушами две вахты подряд, забыв про отдых. Наконец-то один сумел правильно повторить круговое движение, обозначающее орбиту. И вдруг — все насмарку.

Тяжело сопя, Хоффнагл ждал ответа.

— Мы перемещаемся.

— Перемещаемся? — Контактер будто впервые слышал подобное слово.— Куда?

— На сто миль отсюда.

Хоффнагл, не веря своим ушам, проглотил слюну, открыл рот, закрыл, после чего открыл снова.

— Но тогда нам придется все начинать заново.

— Боюсь, что так.— подтвердил Лей.— Мы могли бы забрать ваших подопечных на новое место. Однако нам пришлось бы очень долго втолковывать им, зачем и почему мы их перемещаем. Куда проще начать заново.

— Нет! — отрезал Хоффнагл, приходя в ярость.— Ни за что! Только не это!

— Что вообще происходит? — спросил подошедший Ромеро.

Как и Хоффнагл, он тяжело дышал и, судя по ввалившимся щекам, изрядно устал.

Хоффнагл попытался сообщить ему трагическую новость, но сумел издать лишь несколько слабых и нечленораздельных звуков.

— Контактер, оказавшийся не в состоянии вступить в контакт с другим контактером,— резюмировал Паскоу с бесстрастием кабинетного ученого.

— Они перемещают корабль,— с усилием выдавил Хоффнагл.

После риторического «что?» лицо Ромеро сделалось еще краснее, чем у копуш. Во всем остальном он походил на настоящего пучеглазого и оцепенелого копушу.

— Шли бы вы отсюда оба,— не сдержался Лей.— Не ждите, когда явится Нолан и вытащит вас за шкирку. Идите к себе и успокойтесь. Кстати, вы не единственные, кому внезапный старт спутал все планы.

— Может, и не единственные,— горестно промямлил Хоффнагл.— Но только на нас лежало бремя...

— Каждый несет свое бремя,— возразил Лей.— Поверьте, вряд ли кто-нибудь хлопает в ладоши и подпрыгивает от радости. Идите к себе. Не ждите, когда у меня лопнет терпение и я просто прикажу вас выдворить.

Контактеры удалились, со злости едва не хлопнув дверью. Лей уселся за стол, закусил нижнюю губу и стал просматривать официальные бумаги. Прошло двадцать минут. Взглянув на стенной хронометр, коммодор вызвал по интеркому Бентли.

— Почему мы не стартуем?

— Нет сигнала из штурманского отсека.

Лей переключился на штурманский отсек.

— Чего вы ждете?

— Коммодор, пассажиры из поезда до сих пор находятся на опасном расстоянии. Либо им никто не сказал, чтобы возвращались и уезжали, либо они переваривают новость и готовятся к отъезду.

Лей редко позволял себе ругаться, но сейчас не выдержал и вслух произнес некое заковыристое словцо. После этого он вызвал Хардинга.

— Лейтенант, отрядите два взвода ваших пехотинцев. Пусть дотащат пассажиров до поезда, рассадят по вагонам и поскорее возвращаются на корабль.

Лей снова углубился в бумаги. Паскоу сидел в углу, грыз ногти и тихо посмеивался. Спустя полчаса коммодор вторично произнес то самое словцо, после чего схватил трубку интеркома.

— Что теперь?

— Штурманский отсек по-прежнему не дает сигнала,— ответил Бентли тоном человека, примирившегося с неизбежным.

— Штурманский отсек, я же приказывал стартовать немедленно, как только всех копуш перетащат в поезд. Почему медлите?

— Один копуша по-прежнему остается в опасной зоне, сэр.

— Хардинг, разве я не приказывал убрать в вагоны всех копуш? Всех, понимаете?

— Так точно, сэр, приказывали. Еще пятнадцать минут назад все пассажиры были возвращены на свои места в вагонах.

— Что вы мне городите? Один из них до сих пор болтается возле корабля и задерживает старт.

— Этот не из поезда, сэр,— терпеливо объяснил Хардинг.— Он прибыл на машине. Относительно него вы не дали никаких распоряжений.

Лей вцепился обеими руками в стол и зарычал:

— Уберите его прочь. Посадите его в эту гоночную сардельку и разгоните ее, как следует. Выполняйте!

Откинувшись на спинку кресла, коммодор пробормотал что-то себе под нос.

— Коммодор, как вы насчет того, чтобы уйти в отставку и купить домик в глуши? — невинным тоном спросил Паскоу.

Новым местом посадки избрали единственный голый холм, который удалось обнаружить на многие мили вокруг. Обгоревшие пни свидетельствовали о лесном пожаре. Скорее всего, он выжег лес на вершине, после чего пополз вниз по склонам, пока что-то его не погасило. Наверное, то были обильные дожди.

Куда ни глянь — везде поднимались поросшие лесом холмы. Железных дорог поблизости не было. Правда, по долине проходило шоссе, за которым змеилась река. В четырех милях от новой гавани «Громовержца» находилась пара деревень, в одиннадцати милях к северу — город.

Некоторый опыт, приобретенный землянами, позволил им куда быстрее освоиться на новом месте. Эршоу, второй пилот вертолета, отправился в полет вместе с Уолтерсоном и четырьмя другими специалистами. С корабля вновь спустили вездеход, на котором Паскоу и несколько его коллег поехали в город. Трое ботаников и дендролог углубились в лес. Хардинг выделил им десяток своих пехотинцев для охраны и переноски собранных образцов.

Хоффнагл, Ромеро и Нолан пешком двинулись в ближайшую деревню. Там на маленькой деревенской площади они разложили многострадальные карты Кина, моля небеса о том, чтобы среди местных копуш отыскался какой-нибудь гений, способный менее чем за неделю усвоить смысл основных жестов. Несколько корабельных инженеров решили обследовать линии электропередач, чьи ажурные мачты тянулись на юг и запад. Ихтиолог, докучавший всем рассказом о том, что рождение под знаком Рыб определило его профессию, часами просиживал на берегу реки, закинув удочки. Он постоянно менял виды наживки, так и не зная, какую рыбу сможет поймать и хватит ли ему на это жизни.

Все это недолгое время, пока собирались данные, Лей оставался на корабле. Его мучили недобрые предчувствия, и они (увы!) подтвердились. За последние тридцать часов Эршоу, чередуясь с Огилви, совершил два вылета и сейчас опять находился в воздухе. Лей получил его вызов, когда пилот находился на высоте пятнадцати тысяч футов.

— Коммодор, у меня скверные новости. Копуши вновь приближаются к кораблю. Похоже, на этот раз быстрее. Возможно, соплеменники их сумели предупредить.

— Как по-твоему, сколько им добираться до корабля?

— Деревенские жители достигнут его примерно через два часа. Городской толпе понадобится от пяти до шести. Я вижу, как спешно возвращается наш вездеход.

— Тогда побыстрее доставь на корабль тех, кто у тебя сейчас на борту, и слетай в деревню за тремя контактерами.— распоря-

дился Лей.— После этого подбирай всех наших, кто бродит в окрестностях.

— Будет исполнено, сэр.

Окрестные холмы и долина огласились ревом главной корабельной сирены. В ближайшей деревне Хоффнагл оборвал на полужесте свою пантомиму и произнес страстную тираду, повергшую копуш в изумление. Правда, это случилось два дня спустя. В лесу дендролог, услышав сирену, свалился с дерева прямо на голову пехотинцу, который тоже взревел.

Известие о скором появлении копуш было подобно брошенному в пруд камню, только вместо кругов по воде к небесам устремлялись мощные волны междометий и прилагательных.

Итак, копуши поперли снова, и на этот раз их отделяло от корабля куда меньшее расстояние. А солнце продолжало упорно торчать высоко в небе, перемещаясь за двадцать четыре земных часа всего на один градус.

Измотанная третья вахта улеглась спать. Корабельные специалисты торопились собрать последние данные, ощущая, как ни парадоксально, жуткую спрессованность времени на планете, где никто никуда не спешил. Лей впервые послал Огилви на ночную сторону Этерны. Оказалось, что там все погружено в сон, а улицы городов и дороги абсолютно пусты.

Прошло еще двадцать часов. Море копуш, растянувшееся на мили, ползло к кораблю, предвкушая зрелище. Сирена «Громовержца» взвыла еще раз, после чего последовал новый взрыв эмоций и сопутствующих им выражений. Корабль взмыл в воздух и пролетел четыреста миль, опустившись на ночной стороне планеты.

Лей полагал, что этот хитроумный маневр должен принести желаемые результаты. Если снедаемые любопытством копуши с дневной стороны захотят добраться сюда, им понадобится целых двенадцать дней. Но сначала на ночной стороне должен найтись какой-нибудь страдающий бессонницей соплеменник, который бы заметил спуск корабля и сообщил о его новом местонахождении. Впрочем, пришельцы с Земли сами выдавали свое присутствие. Все иллюминаторы «Громовержца» были ярко освещены, а в небе разливалось непривычное сияние.

Вскоре коммодор убедился, что некоторая опасность раскрытия тайны внезапного исчезновения корабля все же существует. В его каюте появился Нолан. Пальцы контактера извивались так, будто он собирался кого-то задушить, но чрезвычайно медленно, как это сделал бы копуша. На лице Нолана отражалась целая гамма чувств: гнев, подавленность, обида и желание отомстить. Ни дать ни взять — классический злодей из балаганного представления на ярмарке.

— Коммодор, вы должны сознавать,— начал он, с трудом выдавливая из себя каждое слово,— как тяжело налаживать контакты с существами, у которых мыслительный процесс вместо долей секунды растянут на долгие часы.

— Да, я это сознаю и искренне сочувствую вам,— сказал Лей, пристально глядя на контактера.— С чем вы ко мне пришли?

— Я пришел,— повышая голос, ответил Нолан,— сообщить вам об успехе, достигнутом нами в деревне.— Он опять задергал пальцами.— Нам хотя бы удалось пробудить тамошних копуш.

— Потому нам и пришлось спасаться бегством,— напомнил ему Лей.— В сонном состоянии они для нас не помеха.

— Тогда каким образом, уважаемый коммодор, вы намерены устанавливать контакты с туземцами? — выпалил Нолан.

— Никаким. Я отказался от этой затеи. Если вы желаете продолжать, это ваше дело. Но принуждать ни вас, ни Хоффнагла с Ромеро я не буду.— Коммодор прошелся по каюте и мягко, словно говорил с обиженным малышом, добавил: — Я отправил подробное донесение на Землю, описав ситуацию, в которой мы оказались. Теперь уже не я, а высокое командование будет решать наши дальнейшие шаги. Ответ придет через несколько дней. А пока нам придется сидеть тихо, добывать те сведения, что мы в состоянии добыть, и не замахиваться на недосягаемое.

— Мы с Хоффнаглом сходили тут в одну деревушку,— с болью в голосе сообщил Нолан.— Местные жители не просто крепко спят. Их не добудиться. С ними можно играть как с куклами, сгибать им руки и ноги, сажать, ставить, и это ничуть не нарушит их сна. Потом мы позвали с собой врачей. Они осмотрели копуш и сказали, что те находятся в состоянии полной каталепсии.

— Что еще говорили врачи?

— По их мнению, копуши активны... естественно, по-своему... только пока светит солнце. Когда оно заходит, они впадают в спячку.

Нолан поморщился, переживая момент внутренней борьбы, потом с надеждой в голосе сказал:

— Если бы вы согласились протянуть туда с корабля электрический кабель и дали бы нам пару мощных ламп типа «искусственное солнце», мы сумели бы разбудить нескольких копуш и начать с ними работать.

— Это нецелесообразно,— сказал Лей.

— Но почему?

— Прежде чем вы добьетесь хоть какого-нибудь успеха, мы, скорее всего, получим приказ возвращаться домой.

— Сэр, выслушайте меня,— сказал Нолан, делая последнюю, отчаянную попытку.— Все остальные специалисты добились каких-то результатов. Они улетят не с пустыми руками. Они повезут на Землю результаты измерений и анализов, образцы букашек, орехов, плодов, трав, деревьев, почвы и камней, снимки и рулоны кинопленки. Словом, все, кроме туземных скальпов. И только мы, трое контактеров, повезем собственный провал, случившийся, однако, не по нашей вине, а потому, что нам не дали по-настоящему заняться делом.

— Ладно.— Лей поднял брошенную ему перчатку.— Поскольку никто лучше вас троих не разбирается в вашей работе, давайте прикинем. Скажите честно: сколько времени вам нужно, чтобы *по-настоящему* заняться делом?

Такого удара Нолан не ожидал. От переминался с ноги на ногу, бросал сердитые взгляды на стены, после чего погрузился в созерцание собственных пальцев.

— Так сколько? Пять лет? — спросил Лей.

Нолан молчал.

— Может, десять?

Ответа не было.

— Или двадцать?

— Ваша взяла,— буркнул Нолан и медленно вышел.

Чувствовалось, что он по-прежнему жаждал смерти коммодора.

«Ваша взяла»,— подумал Лей и усмехнулся. Черта с два. Настоящими победителями оказались копуши. Это они неопровержимо доказали землянам со всей земной чудо-техникой ужасающую кратковременность человеческой жизни. Они владели грозным оружием — временем.

Спустя четыре дня девятый сектор переслал Лею ответ Земли.

«Главный штаб военно-космических сил — командованию боевого корабля "Громовержец".

Возвращайтесь по маршруту D-9 в распоряжение штаба четвертого сектора. Если найдется доброволец, согласный остаться представителем Земли на Этерне, пусть остается. Однако предупредите его, что его пребывание будет бессрочным.

Командующий оперативным отделом
ГШ ВКС Рэтбоун. Земля».

В просторной каюте, находящейся в центральной части корабля, Лей собрал всех старших офицеров и корабельных специалистов. Значительная часть времени ушла на выслушивание сообщений о собранных данных, начиная с пространного

доклада Уолтерсона о радиоактивных формах жизни до путаных замечаний «господина Рыболова» (так за глаза именовали корабельного ихтиолога) о местных видах креветок. Пора было подводить итоги.

Все сошлись во мнении, что цивилизация Этерны несравненно старше земной. Продолжительность жизни копуш также значительно превышала человеческую и в эквивалентном пересчете составляла от восьмисот до тысячи двухсот лет. Невзирая на свою чудовищную медлительность, раса была вполне разумной, развивающейся и находилась примерно на том же уровне, на каком находилось человечество за сто лет до выхода в космос.

Здесь начались ожесточенные споры о том, способны ли копуши совершить хотя бы кратковременный космический полет, если у них появятся корабли с быстродействующей автоматикой. Большинство собравшихся высказывалось отрицательно, хотя все соглашались, что никому из присутствующих не дожить до этого события.

— Наше высокое земное начальство предложило оставить на Этерне... посла,— сообщил Лей.— Разумеется, если найдется доброволец.

Коммодор обвел глазами сослуживцев, ожидая увидеть признаки интереса.

— Оставлять здесь нашего поселенца почти бессмысленно,— заявил кто-то.

— Копуши, как и большинство инопланетных рас, развивались совсем иным путем, сильно отличающимся от нашего,— объяснил Лей.— Мы значительно их опередили. Мы знаем много такого, чего они еще не знают или вообще не узнают. Но и у них есть свои секреты, которые нам не мешало бы выведать. Например, принцип работы их двигателей и удивительно емкие аккумуляторы. Возможно, у них есть еще немало полезных изобретений, ускользнувших от нас при первом и поверхностном знакомстве. К тому же нам ничего не известно об их теоретических разработках. Если мы и усвоили хотя бы один из уроков, что преподносит нам космос, то это урок уважительного отношения к чужим цивилизациям. Раса, считающая себя слишком большой и могущественной, чтобы учиться, очень скоро становится малочисленной и слабой.

— И потому?

— И потому кому-то приходится решать многотрудную задачу по... систематическому выдаиванию из чужих рас любых мало-мальски важных сведений. Мы месяцами и годами странствуем по космическим далям. Мы охотимся за знаниями, перенимаем их и учимся применять.

— Никто не будет в этом с вами спорить, коммодор,— сказал Лею один из специалистов.— Но Этерна — совершенно особый мир, где обитатели, по нашим представлениям, спят на ходу. Здесь часы идут с такой скоростью, что между «тик» и «так» проходит целый час. Земной поселенец, если он сыщется, просто не успел бы ничего толком узнать, даже если бы прожил здесь сто лет.

— Вы правы,— согласился Лей.— Если уж говорить про посла, правильнее было бы послать его сюда с семьей либо с невестой, чтобы завести детей и кому-то из них передать по наследству свой пост. Представляете, шесть или больше поколений послов! Только так можно чему-то научиться от копуш. Возможно, наше начальство тоже это поймет.

Лей замолчал, дав собравшимся обдумать его слова.

— Есть желающие? — спросил коммодор.

Ответом ему была тишина.

— А пока тому, кто согласится, придется жить в одиночестве, за исключением редких и нерегулярных визитов кораблей. Но посол может быть уверен: его не бросят на произвол судьбы. Он будет чувствовать за своей спиной всю силу и могущество Земли. Давайте смелее! Первый, кто объявит о своем желании, станет нашим послом на Этерне.

Собравшиеся молчали.

Лей взглянул на часы.

— Даю вам два часа на размышления. Затем мы улетаем. Любой кандидат в послы может зайти ко мне в каюту.

В установленный час «Громовержец» запустил двигатели и покинул Этерну, не оставив на ней никого из землян. Не все сразу. Когда-нибудь такой человек появится, обязательно появится. Найдется чудак-отшельник, согласившийся навсегда переселиться в этот замедленный мир. Кого-кого, а разных чудаков, свихнутых и мучеников на Земле хватало всегда.

Просто еще не настало время.

На Этерне оно всегда бесконечно запаздывает.

Планета, на которой находился штаб четвертого сектора Военно-космических сил, из бледно-розовой точки выросла до размеров крупного диска. Социолог Паскоу не выдержал и решил нарушить затянувшиеся раздумья коммодора Лея.

— Почти два месяца, как мы улетели с Этерны, а вас все гложут какие-то мысли. Можно подумать, что вы с громадной неохотой покинули это сонно-ползающее царство. Что с вами, коммодор?

— Я уже объяснял вам. Цивилизация копуш меня сильно встревожила.

— Но это же абсурд,— заявил Паскоу.— Ну, не получилось у нас контакта с самыми медлительными из разумных существ. И почему мы должны впадать в отчаяние? Оставьте их в покое и забудьте об этом курьезе.

— Оставить их в покое проще простого. А вот забыть — тут уже сложнее. Их цивилизация несет в себе некий смысл, которому противится мой разум.

— Прошу вас, коммодор, не говорите загадками.

— Хорошо. Попробую объяснить. В далеком прошлом на Земле происходили десятки крупных войн. Большинство их было вызвано алчностью, амбициозностью, страхом, завистью, желанием спасти репутацию или непроходимой глупостью. Но некоторые войны вспыхивали по вполне благородным, альтруистическим причинам.

— Неужели?

— Представьте себе. Были войны, спровоцированные теми самыми добрыми намерениями, которыми вымощена дорога в ад. Большие, стремительно развивающееся народы пытались насильно заставить тех, кто двигался медленнее, приноровиться к их скорости. И иногда земным «копушам» становилось невмоготу. Им были ненавистны попытки насильственного развития, и они начинали стрелять, отстаивая свое право плестись нога за ногу. Теперь понятно?

— Мне понятно, что мы получили урок, но не ясна ваша аналогия,— признался Паскоу.— Копуши не смогли бы убить даже хромого пса. Вдобавок мы никому из них не причинили зла.

— У меня не возникало даже мысли об агрессивности копуш.

— Вы можете внятно объяснить, что же тогда вас волнует?

— В прошлом Земля упорно не замечала одной особенности. Если бы люди учли эту особенность, из-за нее перестали бы вспыхивать войны.

— И что это за особенность?

— Скорость развития,— ответил Лей.— До сих пор мы никогда особо не задумывались об этом. Разница между быстрым и медленным ускользала от нас. Вернее, все быстрое мы привыкли считать хорошим и прогрессивным, а все медленное — плохим и отсталым.

Коммодор кивнул в сторону иллюминатора. Среди космической темноты перемигивались крохотные искорки далеких звезд.

— Отсюда они едва заметны, но мы-то знаем, что каждая из них — громадный раскаленный шар. Так и с разницей в скорости развития рас и цивилизаций. Раньше мы не видели в этом проблемы, а если и видели, то считали ее такой же маленькой точкой. И вдруг проблема разрослась до размеров звезды, и мы

уже не можем обманывать себя, будто не знаем ее истинной величины. А сколько их в космосе — бесчисленных и нескончаемых проблем?

Паскоу задумался над его словами.

— Что тут сказать? Не могу с вами спорить; все это самоочевидно. Рано или поздно мы опять столкнемся с чем-нибудь подобным. Когда-то это должно было случиться.

— Отсюда и мои тревоги,— сказал Лей.

— Если вам нравится себя пугать, пугайте на всю катушку,— посоветовал ему социолог.— Меня это не волнует. С моей головы не упало ни волоска. Почему я должен волноваться, если завтра какой-нибудь свихнутый разведчик обнаружит расу, которая еще медленнее копуш? В моей молодой жизни ничего не изменится.

— А почему обязательно медленнее? — спросил Лей.

Паскоу оторвался от иллюминатора.

— Куда вы клоните, коммодор?

— Вы согласились, что проблема скорости развития действительно существует. А теперь переверните ее вверх тормашками и взгляните на нее по-другому. Что, если нам встретится цивилизация, чей темп жизни в двадцать раз быстрее нашего? Цивилизация, которой мы покажемся такими же копушами?

Подумав пару минут, Паскоу почесал затылок и не особо уверенным тоном ответил:

— Такое невозможно!

— Невозможно? Почему?

— Потому что до сих пор мы не встречали таких рас. И потом, если они быстрее, они первыми должны были бы наткнуться на нас.

— Но их планетная система может находиться в сто раз дальше доступного нам космоса. Или это совсем молодая раса, в десять раз моложе нашей, но уже почти достигшая нашего уровня.

— Знаете, коммодор,— сказал Паскоу, на лице которого появилось такое же задумчиво-меланхоличное выражение, какое он неделями наблюдал у Лея,— в космосе и так довольно разных бед, чтобы изобретать дополнительные.

Тем не менее когда корабль совершил посадку, социолог продолжал раздумывать над словами коммодора, и возможность встречи с такой цивилизацией начинала все сильнее его раздражать.

Но пока что им предстояла встреча с посланцем командования четвертого сектора. Тот явился на борт с толстой пачкой разных документов. Сам он был таким же толстым и пропитанным показной сердечностью.

— Коммодор, лейтенант Воген к вашим услугам,— заученно-бодрым голосом представился посланец.— Уверен, что ваша экспедиция была приятной и полезной.

— Бывает и хуже,— коротко ответил Лей.

Излучая казенную доброжелательность, Воген продолжал:

— Мы получили предписание с Земли, от Маркхэма из Отдела заданий. Он приказывает вам проверить оборудование корабля, пополнить запасы топлива и лететь на Милашку. Я захватил с собой координаты планеты.

— Как вы сказали? — встрепенулся Паскоу.

— Милашка.

— Храни нас небо! Милашка!

Социолог плюхнулся на стул и уставился в стену.

— Милашка! — в третий раз произнес он, нервно перебирая пальцами.

Чувствовалось, что странное название чем-то загипнотизировало его.

— А кто сообщил о ее обнаружении? — с глубоким подозрением спросил Паскоу.

— Вообще-то я не смотрел, но в записях есть имя этого парня.

Воген услужливо зашелестел бумагами.

— Вот. Нашел. Этого парня зовут Арчибальд Бойделл.

— Так я и знал! — взвыл Паскоу.— Всё. С меня хватит. Я ухожу в отставку — и немедленно.

— За восемь лет вы уходили в отставку не менее двадцати раз и всегда немедленно,— напомнил ему Лей.— Это начинает превращаться в какой-то дурной ритуал.

— На этот раз я сдержу слово.

— И это вы тоже изволили утверждать,— сказал Лей и со вздохом добавил: — Если вы строго придерживаетесь своего ритуала, то вскоре вы предложите мне убираться ко всем чертям.

Паскоу решительно замахал руками.

— Ладно, коммодор, давайте успокоимся и посмотрим на вещи здраво. Скажите, какой экипаж, не потерявший рассудка, полетит на встречу с планетой, которую назвали Милашкой?

— Этим экипажем будет наш,— сказал Лей. Дождавшись, когда успокоится подскочившее давление, он спросил: — А разве у нас есть другой выбор?

Социолог распластался на стуле и минут пять молчал. Глаза его метали молнии. Потом он сказал:

— Нет у нас другого выбора. Как говорится, укрепи меня, Господи, в немощи моей.

Он перевел несколько остекленевшие глаза на Вогена.

— Назовите мне еще раз имя планеты на тот случай, если я его не расслышал.

Воген был сама любезность.

— Милашка,— елейным голосом произнес лейтенант.— Код планеты — О-0.9-Е.5. Это значит, планету населяет разумная, но отсталая раса.

— Бойделл что-нибудь сообщил по поводу этой планеты?

— Всего одно слово.— Воген опять зашелестел бумагами.— Правда, какое-то странное... Ух!

Паскоу пробрала дрожь.

Космобюрократия

— Представляешь, если нам позарез необходимо какое-то оборудование или материалы, мы не можем честно написать об этом! — не выдержал Перселл.— Наши нужды — для них еще не основание. Как же, с Земли виднее, что и когда нам отправлять.

— Угу,— резюмировал Хенкок, не отрываясь от своей писанины.

— Если мы вообще что-то получаем, это граничит с чудом,— продолжал распаляться Перселл.— Только идиот может думать, будто на Земле вдруг прониклись нашими заботами. Черта с два! Мы получаем заказанное всего-навсего потому, что надлежащим образом заполнили надлежащие бланки, которые попали к нужным шишкам и те снабдили их нужным количеством подписей и резолюций. Но и это еще не все. Наши бумаги должны пройти по нужным каналам и в нужное время попасть к другим нужным шишкам.

— Угу,— снова отозвался Хенкок, с детства сохранивший привычку от усердия высовывать кончик языка.

Бланк, который он заполнял, не допускал помарок, и Хенкоку очень не хотелось еще раз заполнять десятки граф.

— Ну что ты заладил: угу да угу? — взвился Перселл.— Тебе больше нечего сказать?

Хенкок вздохнул, отложил ручку и мокрым носовым платком обтер потный лоб.

— Слушай, а не лучше ли перестать разглагольствовать и заняться тем, за что нам платят? Твоя риторика все равно никуда нас не приведет.

— Хотел бы я знать, за что нам платят.

— Лично я считаю, что пилотам, списанным по состоянию здоровья, нужно искать работу где-нибудь в другом месте. Бумажная волокита — не для них.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Как ты знаешь, мы с тобой торчим на Алипане — одной из планет активно заселяемой планетной системы В-417 — для координации потока доставляемых из космоса грузов,— занудно, точно прирожденный бюрократ, начал объяснять Хенкок.— Помимо этого, мы занимаемся сбором заявок и определяем их приоритетность.

— Приоритетность? — вскричал Перселл. Он схватил со стола один из бланков и помахал перед носом Хенкока.— Какой приоритетностью, по-твоему, должен обладать заказ на двадцать четыре ящика джина?

— Потрудись взглянуть, и сам увидишь,— невозмутимо ответил Хенкок.— Импорт класса В. Я сам ставил печать, а ты, между прочим, подписал. Или скажешь, что это не твоя подпись?

— Должно быть, у меня случился приступ временной слепоты. Ну кто сказал, что джин важнее, допустим, кислородных баллонов высокого давления?

— Летрен.— Хенкок нахмурился и принялся рассматривать ручку, словно видел ее впервые.— Если хочешь знать, я тоже не в восторге от этого заказа. Противозаконный трюк — вот что это такое. Но Летрен здесь старший. Когда ты был пилотом, ты бы просто скорчил ему рожу, хлопнул дверью и ушел. Только ты теперь не пилот, а одна из бумажных крыс. И пора бы тебе усвоить: начальство очень не любит дотошных подчиненных. К тому же у нашего начальства есть свое начальство и так далее. Начальству свойственно стареть и умирать от ожирения и тупости, после чего начинаются перемещения. Пройдет каких-нибудь пять или пятнадцать лет — и Летрен доберется до самого верха. Я буду двигаться за ним по пятам, и мне совсем не хочется, чтобы он обернулся и въехал мне по зубам.

— Боишься, как бы он не припомнил тебе проваленный заказ на джин? Неужели Летрен настолько злопамятен?

— Меня это не волнует. Он получит свой заказ, так что ему будет не к чему придраться.

— Ну и мир! — проворчал Перселл, сердито глядя в окно на зеленоватый свет здешнего солнца. Свет этот почему-то вызывал в нем легкую тошноту.— Как ты думаешь, кто медленно, но уверенно завоевывает космос? Кто раздвигает границы обитаемой Вселенной? Раньше я лишь догадывался, а теперь убежден: кучка отчаянных ребят. Они носятся на своих кораблях-разведчиках, открывают новые миры. И все это — не благодаря помощи Земли, а вопреки нескончаемым инструкциям и предписаниям. Мы опутываем каждый их шаг кучей ненужных требований. Это просто чудо, что они еще чего-то добиваются.

— Послушать тебя — так можно вообще обойтись без нашей службы,— вступился за космических чиновников Хенкок.— Не всем бороздить межзвездные просторы. Кому-то приходится заниматься и писаниной.

— Если бы в ней был хоть какой-то толк.

— По крайней мере, эта писанина дает нам работу.

— Не было бы ее, мы нашли бы себе что-то другое. Таких бумажных крыс здесь уже около двух тысяч. Сидят, протирают штаны и загружают друг друга работой. Не успеешь оглянуться, как их уже будет пять тысяч, потом десять.

— А я жду не дождусь этого времени,— заулыбался Хенкок.— Нас наверняка повысят. Сам понимаешь: чем больше у нас подчиненных, тем легче нам жить.

— Скорее всего, так оно и будет. Не скажу, что я приму это со спокойной совестью, но иного выхода у меня не останется. Как говорят, слаб человек. Лучшее определение для пилота, списанного по здоровью.

Перселл хмуро оглядел свой стол.

— Я еще не настолько стар и циничен, чтобы принимать общие правила игры и впустую тратить время. Есть моменты, когда я ощущаю в себе силы погромче хлопнуть дверью и уйти. И сейчас — один из таких моментов.

Хенкок схватил ручку, потом снова положил ее на бумаги и со вздохом спросил:

— Что еще разгневало твой реформаторский дух?

— Есть тут один парень. Он насекомшик.

— Энтомолог,— поправил Хенкок.

— Мне предпочтительнее называть его насекомщиком. Думаю, ты не откажешь мне в таком праве? — раздраженно спросил Перселл.— Так вот, этому насекомщику понадобился излучатель, работающий на кобальте-60. Вся игрушка с необходимыми причиндалами весит триста восемьдесят фунтов.

— И зачем?

— Чтобы очистить территорию Большого Леса от каких-то мух. Они разносят заразу.

— Как он намерен воевать с мухами?

— Я читал его заявку. В разделе D7, в графе «Обоснование заказа» он написал, что кобальт-60 эффективно стерилизует мух-самцов. Более того, самки, полюбезничав с такими самцами, тоже теряют способность к воспроизводству. Постепенно весь этот вид исчезает с лица планеты. Несколько веков назад на Земле почти таким же способом избавились от мухи цеце, мушки-синюшки и прочей летучей нечисти. Этот насекомшик утверждает, что уничтожение здешних мух решит сразу три задачи.

Во-первых, перестанут болеть и гибнуть люди. Во-вторых, весь Большой Лес станет пригодным для жизни, а значит — и для хозяйственной деятельности. Это третья задача. Вполне естественно, что он запросил высшую приоритетность.

— Что ж, вполне разумно,— согласился Хенкок.— И ты любезно дал его заказу высшую приоритетность. Да?

— Естественно. Импорт класса А,— ответил Перселл.— Я обрадовался, что смогу хоть кому-то помочь, а не просто ерзать задом по стулу.

— Тогда в чем дело?

Перселл швырнул бланк ему на стол.

— Какой-то четырехглазый идиот с бисерными мозгами перекинул заказ в класс L. Это значит, что насекомщик получит свою мухобойку лет через семь, не раньше.

— Я здесь ни при чем,— торопливо возразил Хенкок, разглядывая бланк.— Теперь вспоминаю: я получил этот заказ где-то четыре месяца назад и направил Ромму на согласование.

— Зачем?

— Потому что за лесное хозяйство отвечает он.

— О священная корова! — воскликнул Перселл.— Какое отношение имеют мухи к лесному хозяйству?

— За территорию Большого Леса отвечает отдел Ромма. Все, что так или иначе связано с Большим Лесом, должно направляться к нему.

— И он, даже не почесав свою безмозглую башку, поменял класс срочности на L. Уверен, он даже не вчитался в обоснование.

— Мы не вправе подозревать другие отделы в недобросовестности,— менторским тоном напомнил Хенкок.— Возможно, есть вещи, позарез необходимые Ромму. Например, медикаменты.

— Ну как же! Ему же надо лечить несчастных, покусанных теми самыми мухами,— ехидно возразил Перселл.— Если бы исследователи космоса действовали нашими темпами, они бы до сих пор готовили фотокопии своих свидетельств о рождении, брачных свидетельств и иных бумажонок, без которых им разрешили бы ступить даже на Луну.

Он еще раз пробежал глазами заказ и презрительно скривил губы.

— Джин Летрена меня просто добил. Я всегда ненавидел это пойло. Воняет дохлой собачиной. Но если он может обтяпать свой заказ на выпивку, почему бы нам не сделать то же самое с кобальтовым излучателем?

— Ты не можешь противостоять системе,— сказал осторожный Хенкок.— Во всяком случае, до тех пор, пока сам не окажешься наверху.

— С этого момента я начну ей противостоять,— объявил Перселл.

Он извлек чистый бланк и начал заполнять графы.

— Я оформляю высокоприоритетный заказ на кобальтовую мухобойку для Немо.

— Немо? — Вид у Хенкока был довольно отупелый.— Что еще за Немо?

Перселл равнодушно махнул в сторону неба за окном.

— Одна из недавно открытых планет.

Шумно отодвинув стул, Хенкок бросился к окну и долго всматривался в зеленоватые небеса. Небеса были пусты. Хенкок, пыхтя, протопал назад, снова вытер лоб и взялся за трубку местного телефона.

— Положи трубку! — потребовал Перселл.

Хенкок уронил трубку, будто она успела раскалиться докрасна, и заныл:

— Все новые планеты обязательно должны проходить через отдел Коллистера. Странно, что их никто не поставил в известность. Я не хочу узнавать об этом из сплетен в обеденный перерыв. Вся официальная информация должна распространяться в письменном виде и доходить до каждого, кого она касается.

— Коллистер и его стадо ничего не знают о Немо.

— Как такое вообще возможно?

— Очень просто. Планету Немо я только что выдумал,— спокойно ответил Перселл.

— Ты ее выдумал?

— Представь себе.

Покончив с заполнением, Перселл пришлепнул бланк печатью, и в нужном месте появился жирный красный оттиск с буквами ПВК — приоритетность высшего класса. Затем он поставил еще одну печать: *Доставка через Алипан, В-417.* Пока Хенкок взирал на него через очки, Перселл размашисто подписал заказ и бросил в щель пневмопочты. Еще каких-то четыре минуты, и факсимильная радиокопия бланка полетит к Земле.

— Ты явно спятил,— буркнул Хенкок.

— Не больше, чем лиса из сказки,— ответил Перселл.

— На Земле не примут заказ для незарегистрированной планеты. Они обязательно потребуют официальное уведомление об открытии и такое же уведомление о координатах.

— Запрос — это уже уведомление, а координаты я приложил.

— Учти, на Земле их обязательно проверят,— предостерег Хенкок.

— У кого? У отдела, занимающегося Немо?

— Такого отдела нет,— сказал Хенкок.

— Золотые слова. Им придется проверять через отдел Иегуди.

— Рано или поздно, но обман обязательно раскроется. И тогда жди беды на свою голову. Знай, Перселл, я категорически отказываюсь нести всякую ответственность за твои махинации. Разумеется, официально я ничего не знаю. Ты сам заварил эту кашу, и как ты будешь ее расхлебывать — меня не касается.

— Не волнуйся. Я рассчитываю завоевать доверие начальства за похвальное проявление инициативы. Главное, к тому времени насекомшик получит свою мухобойку и перехлопает всех мух.

Некоторое время Хенкок сидел, что-то бормоча себе под нос, затем вздрогнул и в ужасе обхватил голову.

— Слушай, если с Земли нам отправят триста восемьдесят фунтов научного оборудования, для джина попросту не останется места.

— Это больше всего греет мне душу.

— Летрен взбесится.

— Ну и пусть,— сказал Перселл.— Он считает себя большой шишкой. А по мне — так он просто куча дерьма.

— Перселл, я не желаю нести ответственность за твое самоуправство.

— Не повторяйся. И крепко запомни, Хенкок: я только внешне выгляжу нормальным. На самом деле я куда безумнее! — угрожающим тоном прибавил Перселл.

На Земле заказ на кобальтовый излучатель попал на стол Бонхуффера, начальника отдела входящей корреспонденции (первичная сортировка). Бонхуффер был идеалом женских представлений о мужчине: высокий, мускулистый, смазливый и глупый. Занимаемое им положение он объяснял исключительно опережающим ростом числа подчиненных. Если за десять лет объем входящей корреспонденции возрос лишь на двенадцать процентов, штат подчиненных вырос на целых сто сорок. Такие цифры более или менее соответствовали законам, выведенным давным-давно профессором Сирилом Норткотом Паркинсоном*.

Бонхуффер с громадной неохотой взял в руки бланк. Это была единственная бумага на его столе. Всеми остальными многочис-

---

* Сирил Норткот Паркинсон (Cyril Northcote Parkinson) (1909—1993) — английский экономист и писатель. Созданные в конце 50-х гг. прошлого века «Законы Паркинсона» — блестящая пародия на экономические законы современного общества. В частности, показывая несокрушимость бюрократии, Паркинсон утверждал, что число служащих в учреждении возрастает независимо от увеличения, уменьшения или полного отсутствия объема работы.— *Прим. перев.*

ленными бумагами занимались, как и положено, рабы-подчиненные. К Бонхуффферу было позволено обращаться лишь в том случае, если в бумаге встречалась какая-то закавыка или случалось нечто из ряда вон выходящее.

Идеал женщин заранее знал, что в заявке скрыта административная ловушка и он должен продемонстрировать свою компетентность, обнаружив эту ловушку самостоятельно, не прибегая к посторонней помощи. Бонхуффер внимательно прочитал заявку четыре раза подряд. Заявка как заявка, никаких видимых несуразиц. Это рассердило Бонхуффера. Значит, надо вызвать подчиненного, подсунувшего ему «троянского коня». Пусть-ка выложит свои соображения.

Оставалось узнать, кого удостоить чести быть вызванным «на ковер». Бонхуффер посмотрел на верхний левый угол бланка и увидел нацарапанные инициалы Ф. Й. Значит, «конь» прискакал от Феодора Йока. Ничего удивительного. Йок был умным парнем и записным хвастуном. Он чем-то напоминал древнего злодея Распутина, если бы тот стригся под «ежик». На лице Йока всегда красовалась ухмылка адвоката, привыкшего выигрывать дела, не гнушаясь никакими средствами. Бонхуффер скорее предпочел бы умереть, чем обратиться к нему с каким-либо вопросом.

Это осложняло дело. Бонхуффер еще четырежды перечитал заявку. Составлено гладко; даже такому проныре, как Йок, не подкопаться. И вдруг Бонхуффера осенило. Он нашел способ выпутаться из ловушки. Заявку можно сплавить какому-нибудь энтузиасту, лучащемуся рвением. Он уже знал, кому именно.

Бонхуффер нажал кнопку интеркома.

— Пришлите ко мне Квейла,— распорядился он.

Квейл примчался в своем обычном состоянии готовности. Своим телосложением он походил на вечно голодного истрепанного кролика, и эту неказистость стремился компенсировать типично военным подобострастием. Он ел глазами начальство и вел себя как образцовый сержант, который, даже разговаривая с офицером по телефону, всегда берет под козырек.

— Привет, Квейл,— с отеческой заботой произнес Бонхуффер.— Знаете, я уже какое-то время с интересом слежу за вашими служебными успехами.

— Неужели, сэр? — зарделся и озарился улыбкой Квейл.

— Да, не удивляйтесь. Я внимательно наблюдаю за каждым сотрудником. Правда, вряд ли они это замечают. Хотите знать, что является настоящей проверкой компетентности руководителя? Умение снимать с себя часть груза ответственности и передавать ее тем, кто обязательно справится. Чтобы не ошибиться,

руководитель должен знать и понимать особенности характера своих подчиненных. Естественно, одни сотрудники опытнее и усерднее других. Вы улавливаете нить моих рассуждений, Квейл?

— Да, сэр,— доложил Квейл, еще более озаряясь улыбкой.

— Йок счел эту заявку заслуживающей моего внимания,— сказал Бонхуффер, подавая ему бланк.— Я хотел было передать ее для дальнейшей обработки и исполнения, когда мне пришла в голову мысль. Сумеете ли вы разглядеть скрытый в заявке вопрос? Будет ли он для вас столь же очевиден, как и для нас с Йоком? И конечно же, меня интересует, сумеете ли вы быстро решить дальнейшую судьбу заявки.

Лучезарное сияние на лице Квейла мгновенно погасло, а сам он стал похож на затравленную крысу. Он несколько раз молча перечитал заявку.

— Я не нахожу здесь никаких ошибок, сэр,— наконец робко произнес Квейл.— Единственное, меня несколько озадачила планета назначения — Немо. В списке планет она отсутствует.

— Отлично, Квейл, просто замечательно,— похвалил Бонхуффер.— И как, по-вашему, следует поступить?

— Видите ли, сэр,— продолжал осмелевший, но все равно еще ощущавший дрожь в коленках Квейл,— поскольку заявка поступила с Алипана, наличествующего в нашем списке, ее можно считать имеющей законную силу. По крайней мере, в тех пределах, которые затрагивают нас. Поэтому я направил бы эту заявку в научный отдел для подтверждения содержащихся в ней обоснований и проверки правильности спецификации.

— Замечательно, Квейл. Могу сказать, что в своих ожиданиях относительно вас я не ошибся.

— Благодарю вас, сэр.

— Я твердо убежден: заслуженная похвала всегда своевременна,— сказал Бонхуффер, всеми силами пытаясь изобразить искреннюю улыбку.— Поскольку заявка у вас в руках, действуйте. Хотя сюда ее принес Йок, мне предпочтительнее передать это задание вам.

— Благодарю вас, сэр,— повторил Квейл, вновь озаряясь и предвкушая грядущую славу.

После этого он быстро покинул кабинет.

Бонхуффер откинулся на спинку стула и удовлетворенно окинул взглядом пустой стол.

В надлежащее время (то есть примерно через три недели) научный отдел клятвенно подтвердил в письменной форме, что такое устройство, как излучатель, работающий на кобальте-60, действительно существует. Более того, он сводит на нет все

сексуальные усилия мух-самцов. Получив это несколько фривольное заключение, Квейл прицепил его к бланку заказа и передал в отдел закупок для безотлагательного исполнения.

Он был полностью уверен, что поступает правильно, хотя загадочная планета Немо и отсутствовала в официальном списке планет-заказчиков. Не кто иной, как сам Бонхуффер благословил его на принятие необходимых мер. Научный отдел подтвердил обоснованность заказа, и теперь ничто не должно было мешать его выполнению. Квейл был надежно прикрыт и с фронта, и с тыла и находился сейчас в состоянии неуязвимости, весьма вожделенном для любого служащего.

Бланк вместе с заключением научного отдела перекочевал к некоему Стенайленду — вспыльчивому и раздражительному типу, которого все считали детенышем собачьей матери, а иначе — сукиным сыном. Стенайленд стал читать бумаги и по мере чтения ворчал все громче и недовольнее. Ему опять подсунули загадку. Теоретически отдел закупок знал, где раздобыть что угодно: от жареного арахиса до синтетических гормонов. Для этого в отделе имелась обширнейшая и подробнейшая справочная библиотека. Однако чтобы узнать содержимое информационных дебрей за пределами пятой буквы алфавита, понадобилась бы хорошо оснащенная экспедиция. Библиотека использовалась исключительно для показухи. Если в отдел закупок случайно забредала какая-нибудь шишка из высшего эшелона, там, среди уходящих вдаль стеллажей, ей наглядно и убедительно демонстрировали усердие сотрудников отдела, не жалеющих сил и привыкших к сверхурочной работе. Вообще же, если требовалось что-то пересидеть или просто отдохнуть, лучшего места, чем верхняя ступенька библиотечной стремянки, не существовало.

Вместо долгих поисков среди растянувшихся на добрую милю книг было куда легче и проще позвонить в нужное место и спросить там. К тому же потом всегда можно было сказать, что работаешь в обществе редкостных придурков, которым толком ничего нельзя поручить. Поэтому Стенайленд решил действовать в своей излюбленной манере. Он огляделся по сторонам и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, запихнул бумаги в карман, встал, маловразумительно уведомил коллег о необходимости навестить туалет и вышел.

Выскользнув с рабочего места, Стенайленд миновал три коридора, добрался до места, где находились телефонные кабины (потрясающе удобно, когда нужно поговорить без чужих ушей), вошел в одну из них, набрал номер научного отдела и попросил позвать Уильямса. Ему вовсе не хотелось разговаривать с этим повернутым, которого с рождения следовало бы держать в па-

лате для буйно помешанных. Стенайленд морщился, ожидая, пока тот подойдет к телефону. Наконец трубку взяли.

— Говорит Стенайленд из отдела закупок.

— Как поживает твоя желчь? Течет бурным потоком? — приветствовал его Уильямс.

Оба занимали равное положение, посему Стенайленд, пропустив очередную гадость мимо ушей, спросил:

— Это ты выдал заключение за номером D 2794018 на кобальтовый излучатель? Заявка с Алипана.

— Не тарахти так быстро,— потребовал Уильямс.— Еще раз назови мне номер, тогда я пороюсь в копиях.

Стенайленд повторил номер и стал ждать. Так прошло десять минут. Стенайленд не сомневался: Уильямс давным-давно разыскал копию и теперь просто тянул время, чтобы поиздеваться над ним. Что ж, придется проглотить и запомнить на будущее. Наконец этот пожизненный кандидат в психушку соизволил взять трубку.

— Никак ты еще ждешь? — с притворным удивлением спросил Уильямс.— Должно быть, у вас в отделе тишь да гладь.

— Если мы бы были скопищем завзятых бездельников, как в других отделах, нам не понадобилось бы усложнять себе жизнь консультациями,— закричал в трубку Стенайленд.— К сожалению, нам часто бывает не у кого спросить, и мы вынуждены тратить уйму ценного времени на выкапывание и выуживание информации.

— А-а, вот оно что,— злорадно-торжествующим тоном произнес Уильямс.— Вы не знаете, где в ваших книжных джунглях водится излучатель.

— Дело не в том, знаем мы или не знаем,— раздраженно бросил в ответ Стенайленд.— Львиная доля времени уходит на поиски по разделам. Если я начну искать на букву К, подразумевая «кобальт», нужной мне информации там не окажется. Попробую искать на И — «излучатель», ее не будет и там. Полезу в Ш — вдруг какому-нибудь умнику взбрендилось посчитать главным слово «шестьдесят». Пусто! Я целую неделю с утра до ночи проторчу в библиотеке и наконец случайно обнаружу, что нужно было искать на букву Г. Его правильное техническое название, видите ли,— «гиперчушь собачья»! Насколько бы легче было жить, если бы вы, умствующие яйцеголовые, взяли за правило называть вещи простыми и ясными именами и не менять их каждый год.

— Сгораю со стыда,— резюмировал Уильяме.

— И это еще не все,— продолжал Стенайленд, довольный, что есть куда выплеснуть злость.— Так называемая свежая ин-

формация поступает в нашу библиотеку, устарев в среднем на семь лет. А почему? Да потому что ваша шайка привыкла захапывать ее себе и держать, пока не начнет гнить.

— Мы ведь тоже должны быть в курсе новейших разработок,— возразил Уильямс.— Научный отдел не может себе позволить тащиться в хвосте научного прогресса.

— Вот и отлично,— обрадовался Стенайленд, считая, что загнал противника в угол.— Мне совершенно наплевать, кто делал примитивные излучатели в давние времена, когда телевидение еще было плоскостным. Я хочу знать, кто делает их *сейчас*. И не хочу направлять Абельсону официальную докладную по поводу устаревшей информации и явных проволочек со стороны научного отдела.

— Ты, никак, мне угрожаешь, отечный ты бочонок? — спросил Уильямс.

— Я не хочу приближаться к Абельсону даже с десятифутовой палкой,— вновь закричал Стенайленд.— Сам знаешь, что он за фрукт.

— Еще бы не знать,— вздохнул сдавшийся Уильямс.— Не вешай трубку, я сейчас.

«Сейчас» заняло двенадцать минут, после чего Уильямс продиктовал Стенайленду небольшой список имен и адресов.

Вернувшись на свое рабочее место, Стенайленд аккуратно переписал полученные от Уильямса данные, приложил листок к злополучной заявке и подозвал к себе одного из подчиненных.

Достаточно громко, чтобы слышали все, он сказал:

— Как хорошо, что эта заявка попала ко мне. К счастью, я знаю всех производителей этого редкого оборудования. Возьмите список и постарайтесь оперативно составить предварительную смету расходов. Как только она будет готова, принесете ее мне.

Сплавив работу, Стенайленд не без удовольствия посмотрел на каменные лица сотрудников. Он прекрасно знал, что втайне все они его ненавидят. Ну и пусть. Зато он наглядно показал им, кто умеет работать больше и эффективнее, нежели другие, и кто по-настоящему заслуживает повышения.

Из всех перечисленных в списке компаний Атомный концерн Формана продавал излучатели дешевле остальных и гарантировал скорейшие сроки поставки. Через месяц было решено остановиться именно на этом концерне, и у него запросили копию документов, подтверждающих его полномочия на производство излучателей. Копия была отправлена незамедлительно. Еще через три дня у концерна потребовали письменное и нотариально заверенное уведомление о том, что не менее десяти

процентов от общего числа персонала концерна составляют астронавты, списанные по состоянию здоровья. Концерн отправил и это уведомление. Затем двое агентов разведки посетили штаб-квартиру концерна и лично удостоверились, что развевающийся на мачте флаг является флагом Земли и изготовлен целиком из земных материалов.

Тем временем сотрудник отдела финансов, занимающийся расследованиями, тщательно проверил материалы, имеющиеся в отделе фирм и компаний (регистрационная статистика). Ему помогали двое служащих этого отдела, считавшегося настоящей гаванью безделья. Все трое убедились, что ни один доллар акций Атомного концерна Формана не находился в собственности и не контролировался представителем какой-либо иностранной державы, будь то лично или через доверенных лиц. Несмотря на то что такое понятие, как иностранная держава, давно перестало существовать, правила требовали тщательной проверки.

К бланку заявки на кобальтовый излучатель добавились следующие документы:

1. Заключение научного отдела.
2. Докладная записка, подписанная Квейлом, в которой он информировал Стенайленда о передаче заявки под контроль последнего.
3. Аналогичная докладная записка, подписанная Бонхуффером, о передаче под контроль Квейла заявки на кобальтовый излучатель.

4–11. Восемь смет на различные узлы излучателя, каждая со штампом концерна: «Принято к изготовлению».

12. Копия документа о полномочиях концерна на производство излучателей.
13. Уведомление о процентном соотношении бывших астронавтов к общему числу работников концерна.
14. Доклад службы разведки о том, что ничего подозрительного и недозволенного на территории и в деятельности концерна не обнаружено.
15. Доклад отдела финансов, говорящий о том же самом, но гораздо длиннее.

Двенадцатый пункт представлял собой давнюю и совершенную безнадежную попытку борьбы с системой. В незапамятные времена кто-то совершил непростительную ошибку, приняв в штат сотрудника, связанного с Институтом синергистической статистики при Колумбийском университете. Страдая заблуждением, будто кратчайшим расстоянием между двумя точками яв-

ляется прямая, новичок разработал свою систему, подробно отображавшую официальные полномочия фирм и концернов. Этот идеалист по своей наивности полагал, что благодаря его детищу полностью отпадет потребность в тринадцатом, четырнадцатом и пятнадцатом пунктах.

Предательский замысел одним ударом ликвидировать три отдела сразу же раскусили. Упомянутые отделы никто и пальцем не тронул. Мало того, появился новый отдел, специализирующийся исключительно на двенадцатом пункте. А реформатора, только добавившего всем работы, поспешно спровадили на одну из захолустных планет в созвездии Волопаса.

Стенайленд присовокупил к этому бумажному букету шестнадцатый пункт — докладную записку начальнику отдела закупок Тейлору, где сообщал, что прилагаемыми документами исчерпывается весь круг вопросов, связанных с излучателем. Иными словами — заказ с Алипана отныне становился головной болью Тейлора и других подчиненных. Тейлор, который тоже не вчера родился, по-своему отреагировал на столь возмутительную спешку. Он взял распухшую заявку, крупной «бульдожьей» скрепкой пришпилил к ней свою докладную записку и отфутболил всю кипу Стенайленду.

В записке говорилось: «Вы прекрасно знаете (или во всяком случае должны знать), что подобные заявки по своей сложности превышают возможности отдела проверок оборудования. Поэтому необходимо приложить заключение Бюро стандартов о параметрах данного излучателя и степени безопасности».

Взбешенный Стенайленд выскочил в коридор и долгое время бродил по зданию, пока более или менее не успокоился. Он крупно недолюбливал Тейлора. Тот был начальником всего отдела и имел полное право на этот трюк. Тейлор заставлял других вставать на уши просто так, ради собственного садистского наслаждения. Свободное время этот мучитель посвящал скрещиванию мышей разных пород. Глаза-бусинки и подрагивающие усы придавали самому Тейлору сходство с его любимыми грызунами.

Когда злость улеглась до терпимого состояния, Стенайленд вернулся в офис, нашел очередную жертву среди подчиненных и перекинул ей разбухшую заявку с припиской: «Поддается ли это проверке?»

Через десять дней бумаги вернулись с ответом: «Технические параметры соответствуют заявленным. Проверить функциональное использование не представляется возможным. Для проведения подобной проверки нам необходимо располагать ее предме-

том, а именно — мухами с планеты Немо. Обратитесь в отдел импорта, группа паразитарного контроля».

Стенайленду не оставалось иного, как позвонить Чейзу, нежившемуся на солнышке возле окна. Чейз, недовольный тем, что его оторвали от солнечных ванн, довольно грубо ответил:

— Импорт запрещен.

— Вы можете дать официальное заключение? — спросил Стенайленд.

— Разумеется,— буркнул Чейз.— Существует Положение о бактериологической защите, том третий — «Чужеродные насекомые». Там есть подраздел четырнадцать, озаглавленный «Явные или предполагаемые переносчики заболеваний». Могу процитировать...

— Не трудитесь,— тут же перебил его Стенайленд.— Заключение все равно необходимо мне в письменной форме.

— Пожалуйста. Назовите мне еще раз исходящие номера, и я пришлю вам документальное подтверждение запрета.

— Не представляю, как отдел проверок будет выкручиваться из этой ситуации.

— Не берите на себя чужие заботы,— посоветовал Чейз.— Вы же не зеленый юнец.

Вопрос решился сравнительно быстро — в течение трех недель, что было вполне нормальным сроком. Стенайленд получил оформленное по всем правилам, снабженное всеми необходимыми подписями и печатями официальное заключение Чейза. Заявка с Алипана еще потолстела. Но радоваться было преждевременно. Стенайленду предстояло решить очень серьезный вопрос: нужны или не нужны проверки самого излучателя и соответствуют ли они существующим правилам и положениям. Любой ответ влек за собой необходимость принятия решения. Самое скверное, что решение мог принять только единственный человек, наделенный полномочиями.

Да, снова все упиралось в Тейлора.

Проконсультироваться с Тейлором? От одной мысли об этом Стенайленду делалось худо. Ему не хотелось сознаваться даже себе, что у него не хватает смелости и выдержки разговаривать с этим любителем мышиного скрещивания. Однако альтернатива была еще хуже. Если Стенайленд прыгнет через голову и обратится к вышестоящему начальству, его все равно ткнут носом и отправят на консультацию к Тейлору. Думая об этом, Стенайленд уже не вздрагивал, а содрогался.

Два дня бумаги лежали на столе Стенайленда, а он все пытался придумать хоть какую-нибудь увертку. Бесполезно. Если улучить момент, когда Тейлора не будет в кабинете, подкинуть ему всю кипу и самому заболеть, Тейлор услужливо вернет бу-

маги назад. Если попробовать перекинуть заявку дальше по инстанции, ее также вернут со злорадной ухмылкой и запиской, объясняющей причину возврата. Куда ни кинь, а идти к Тейлору все равно придется. И бояться ему нечего, кроме самого страха.

Наконец, набравшись мужества, Стенайленд отправился в офис Тейлора вместе с заявкой и обратил внимание последнего на прибавившиеся два пункта.

— Как видите, сэр, адекватная проверка невозможна из-за ограничений на импорт.

— Да, мой дорогой Стенайленд,— с раздражающей учтивостью согласился Тейлор.— Я так и знал, что возникнут трудности.

Стенайленд промолчал.

— Меня лишь несколько удивляет, что вы этого не предвидели,— кольнул его Тейлор.

— Помимо этой заявки, сэр, у меня немало другой работы. И потом, просто невозможно все предвидеть.

— Меня более впечатляет результативность действий, чем оправдания,— приторно-сладким голосом произнес Тейлор.— Если хотите знать мое мнение, проверкой результативности сотрудника является его умение разрешить потенциально противоречивую ситуацию. Понимаете? Добиться, чтобы любой запрашиваемый отдел документально подтвердил все, что они сделали по вашему запросу. Иными словами, пока внутри нашего отдела не допущено очевидных ошибок, вас не должны заботить возможные ошибки других отделов. Вам понятны мои слова, дорогой Стенайленд?

— Да, сэр,— с ложным смирением ответил Стенайленд.

— Отлично!

Тейлор откинулся на спинку стула, засунул большие пальцы рук в проймы и поглядел на Стенайленда, как на пятнистую мышь.

— Полагаю, вы принесли мне готовые документы на подпись.

Стенайленд покраснел и проглотил комок слюны.

— Нет, сэр.

— А в чем дело?

— Я подумал, сэр, что вначале должен узнать ваше мнение по поводу того, следует ли производить проверку устройства на безопасность.

— Мое мнение? — Тейлор с деланным удивлением вскинул брови.— Вы никак выжили из ума? Я не принимаю решения за другие отделы. Уж это-то, надеюсь, вам известно?

— Да, сэр, но...

— Всякий, кто обладает моральной силой смотреть фактам в лицо,— перебил его Тейлор, постукивая по бумагам длинным

и тонким указательным пальцем,— способен увидеть следующее. Перед нами — письменное заключение соответствующего отдела, в котором говорится, что данное устройство может пройти проверку. Это все, что нам требуется. Каким образом оно будет проходить проверку и зачем вообще она нужна — подобные сантименты нас ни в малейшей степени не волнуют. Нам по горло хватает ответственности за свою работу, чтобы еще навешивать на себя чужие хлопоты.

— Да, сэр,— согласился Стенайленд, не желая затевать спор.

— История с этим заказом и так уже безумно затянулась,— продолжал Тейлор.— Заявка поступила к нам почти год назад. Безобразие!

— Уверяю вас, сэр, что это не моя...

— Прекратите оправдываться! Я хочу сообразить, как исправить положение.

— Вы хотите, сэр, чтобы я немедленно оформил документацию на закупку излучателя?

— Что это вас кидает в крайности? Сходите за ордерной книжкой, оставьте у моей секретарши и скажите ей, что с этим чертовым излучателем я буду разбираться сам.

— Благодарю вас, сэр, за советы и поддержку.

Стенайленд уходил со смешанным чувством раздражения и облегчения.

Разыскав ордерную книжку, он еще раз прогулялся по коридорам и принес ее секретарше Тейлора. Лицо этой дамы было отполированным, словно скорлупа лесного ореха, и лишенным всякой мимики. Она никогда не упускала случая поразиться неосведомленности Стенайленда по части азбучных истин. Секретаршу звали Хейзл, и Стенайленд не раз мысленно задавался вопросом: какому значению этого слова отвечает ее имя*.

Стараниями Тейлора дело сдвинулось с мертвой точки. Атомный концерн Формана получил заказ на поставку кобальтового излучателя. Предварительно этот заказ был проверен, перепроверен, одобрен и снабжен такими же проверенными и перепроверенными сметами. Концерну оставалось лишь изготовить и доставить излучатель. Затем отдел проверок должен был проверить устройство и передать его отделу доставки (внешние отправления), чтобы тот санкционировал отправку излучателя на Алипан. Последней инстанцией был экспедиционный отдел (космические маршруты), осуществляющий погрузку на космический корабль нужного направления.

---

* Здесь двойная игра слов. В оригинале стоят два слова: hazel и nut. Первое слово переводится как «лесной орех», второе имеет два значения: «орех» и «свихнутый», «повернутый», «сумасшедший».— *Прим. перев.*

Но это — в общих чертах. На самом деле заявке предстояло пройти еще не менее десятка отделов и распухнуть до размеров внушительной картонной коробки. Странствия между отделами длились битых два года, после чего внушительную кипу бумаг с большой неохотой списали в архив. Главное, что все эти отделы уже не имели прямого отношения к заявке. Они могли копаться в ней днями, неделями и месяцами, а концерн Формана вовсю трудился над излучателем. Если бы какой-нибудь высокопоставленной алипановской шишке вздумалось послать на Землю сердитый запрос, можно было ответить коротко и ясно: заявка находится в стадии реализации.

Душа Стенайленда успокоилась и вернулась в прежнее состояние желчной умиротворенности. Он был доволен, что вывернулся из заковыристого положения ценой всего лишь нескольких «фи» со стороны Тейлора (говоря более откровенно и грубо — не дав этому мышелюбу особо сильно развоняться). Эти неприятные мгновения своей жизни Стенайленд компенсировал тем, что не уставал твердить сослуживцам о своей компетентности. Еще бы, он не спасовал перед заявкой на сложное оборудование и не зарылся на несколько недель в библиотеке. Вбив эту мысль в головы всех, кто трудился с ним рядом, Стенайленд погрузился в повседневную текучку и уже начал забывать про кобальтовый излучатель. Однако он слишком рано успокоился.

Где-то через полтора месяца в офисе Стенайленда раздался телефонный звонок.

— Говорит Кейт из инспекционного отдела.

— Слушаю,— ответил Стенайленд, ощутив смутную тревогу.

Кейта он ни разу не видел и вообще не знал, что это за птица.

— Возникла одна трудность,— причмокивая губами, сообщил Кейт.— Я натолкнулся на нее в экспедиционном отделе. Там меня направили в отдел доставки, а оттуда переадресовали в отдел закупок. Судя по документам, заказ был подписан Тейлором, но всеми формальностями занимались вы.

— Что случилось? — спросил Стенайленд, чувствуя быстро надвигающуюся беду.

— В декларации грузов космического корабля «Старфайр» числится излучатель, работающий на кобальте-60. Место назначения — Алипан. Он был изготовлен и поставлен Атомным концерном Формана по заказу вашего отдела за номером BZ12–1.0127.

— И что же?

— Отдел проверок дал надлежащее заключение о степени безопасности данного устройства,— продолжал Кейт.— Вы знаете, что это означает?

Стенайленд не имел ни малейшего представления о том, что это могло означать, однако не собирался признаваться. Он обошел щекотливый вопрос и задал свой:

— А какое отношение все это имеет к нашему отделу?

— К какому-то отделу это непременно должно иметь самое прямое отношение,— ответил Кейт.— Не могут же все отделы подряд снять с себя ответственность за заказ.

Стенайленд так и не мог понять, куда клонит этот Кейт, и потому дипломатично сказал:

— Возможно, мне придется поставить в известность Тейлора или даже Абельсона. Они непременно потребуют, чтобы я четко и ясно изложил содержание вашей претензии. Скажите, существуют ли причины, мешающие вам отправить ее в письменном виде?

— Да,— ответил Кейт.— У нас нет времени. Корабль отправляется сегодня вечером.

— Понимаю. Итак, что я должен передать Тейлору?

Кейт не распознал расставленной ловушки и простодушно сообщил:

— Кобальт-60, на котором работает излучатель, является радиоактивным элементом. Поскольку устройство поставляется в комплекте с кобальтом, излучатель автоматически попадает в категорию опасных грузов. «Старфайр» может принять такой груз на борт только в том случае, если у нас будет письменное заключение о безопасности излучателя для всех остальных грузов. Там обязательно должно быть написано, что излучатель надежно экранирован.

— Д-да,— промямлил Стенайленд, внезапно ощутив себя на самой верхней ступеньке шаткой приставной лестницы.

— Вообще-то первым делом следовало бы побеспокоиться именно об этом документе,— подлил масла в огонь Кейт.— Кто-то допустил непростительную ошибку. Разговаривая с вами, я держу в руках всю документацию по заявке на излучатель. Внушительная кипа, не менее трех дюймов толщиной. Я несколько раз просматривал каждую бумагу. Здесь есть все, что угодно, а этого заключения нет.

— Я не понимаю, почему заключение о радиационной безопасности излучателя должно быть предметом заботы нашего отдела? — рявкнул рассерженный Стенайленд.

— Отдел проверок утверждает, что их просили проверить лишь уровень излучения и что вас это вполне устроило,— парировал Кейт.— Их заключение у меня сейчас перед глазами. Там все в порядке.

— Это чистой воды ухищрение,— упирался Стенайленд.— По-моему, вы хотите переложить на меня свою работу. Связы-

вайтесь с отделом проверок. Пусть забирают излучатель и проверяют его экранированность.

— Вы ошибаетесь,— отчеканил Кейт.— Я не собираюсь исправлять чужие ошибки. Это никогда не было и не будет моей работой. Повторяю: «Старфайр» отправляется сегодня, в десять часов вечера. Если не будет требуемого заключения, ваш излучатель никуда не полетит. Сами выясняйте, что к чему, и принимайте меры.

Произнеся последние слова, Кейт повесил трубку, тем самым прекратив дебаты.

Прежде чем вновь отправиться к Тейлору, Стенайленд еще некоторое время посидел за столом, размышляя о несправедливости судьбы. Потом встал и, олицетворяя собой ходячее несчастье, двинулся по знакомому маршруту. Узнав, в чем дело, Тейлор принялся рассуждать вслух о некоторых работниках, которые почему-то начинают красить в комнате пол не от угла, а от двери, после чего сами оказываются в углу. После этих назиданий Тейлор схватился за телефон и десять минут пререкался с Юргенсеном из отдела проверок. Однако Юргенсен был опытным игроком и не позволил сделать себя крайним.

Сердито проехавшись взглядом по ожидавшему Стенайленду, Тейлор попытался было свалить вину на научный отдел. Кончилось тем, что ему пришлось выслушать витиеватые рассуждения Уильямса, напоминавшие кривую лепешку с дыркой посередине. Бормоча ругательства, Тейлор позвонил Кейту, который насмешливо-угрожающим тоном быстро повторил ему уже знакомое условие: либо заключение о безопасности излучателя, либо эта игрушка никуда не полетит.

Тейлор швырнул трубку, резко отодвинул от себя телефон и сказал:

— Ну и кашу же вы заварили, мой дорогой Стенайленд.

— Я? — переспросил не ожидавший такого вероломства Стенайленд.

— Да, вы.

Это было уже чересчур, и Стенайленд вскипел:

— Но кто запросил книгу заказов и взял дальнейшее оформление на себя? Вы!

— Я действовал в полной уверенности, что все рутинные вопросы уже разрешены с той компетентностью, какую я вправе ожидать от своих подчиненных. Увы, моя уверенность оказалась иллюзорной.

— Я едва ли могу, сэр, назвать ваши слова справедливыми, потому что...

— Да помолчите вы! — Тейлор манерно взглянул на часы.— До отлета «Старфайра» остается семь часов. За такое время ни отдел проверок, ни научный отдел не произведут на свет требуемый Кейтом документ. Создать эту бумагу самим — не в нашей власти. Но заключение о безопасности все-таки должно откуда-то появиться. Вы ведь это понимаете не хуже меня, Стенайленд?

— Да, сэр.

— Поскольку вы несете прямую ответственность за эту грубую ошибку, вам отвечать и за ее исправление. А теперь идите и напрягите свое воображение, если таковое у вас есть. Когда ваш мозг высидит нечто стоящее, возвращайтесь ко мне.

— Но, сэр, я не могу подделать заключение.

— По-моему, я не предлагал вам заняться противозаконными делишками,— язвительно возразил Тейлор.— Решение, если здесь еще можно говорить о решении, должно быть абсолютно законным и не вызывать подозрений у высшего начальства. Вот и займитесь поисками этого решения. И не особо тяните. Времени у нас в обрез.

Вернувшись к себе в офис, Стенайленд принялся гонять свои мозги так, что трещала черепная коробка. Результатом было нараставшее отчаяние. Он грыз ногти, перебирал все мыслимые и немыслимые варианты и каждый раз приходил к одному и тому же неутешительному выводу: *никакой* отдел не согласится выдать документ, покрывающий ошибку другого отдела.

Дальнейшее сидение за столом было бесполезным. Стенайленд отправился туда, где помещались телефонные кабины, набрал номер научного отдела и попросил Уильямса.

— Уильямс,— елейным тоном начал он,— я находился у Тейлора, когда он час назад говорил с тобой. Мне очень не понравилась его манера.

— Мне тоже,— сказал Уильямс.

— Ты столько раз помогал нам. Без преувеличения, твоя помощь часто оказывалась просто неоценимой,— продолжал петь дифирамбы Стенайленд.— Даже если Тейлору на это наплевать, я хочу, чтобы ты знал мое мнение на этот счет.

— Очень любезно с твоей стороны,— сказал Уильямс и злорадно усмехнулся.— Однако даже твоя лесть не заставит нас выдать столь вожделенный для тебя документ. У нас нет таких прав.

— Я и не пытаюсь подбить тебя на что-нибудь подобное,— заверил Стенайленд.— Об этом я даже не мечтаю.

— Тейлор попытался. Должно быть, он посчитал нас наивными детишками.

— Знаю.— Стенайленд впился в появившуюся зацепку.— Честно говоря, меня интересует, согласен ли ты помочь мне посадить Тейлора в лужу?

— Как?

— Подсказав мне обходные пути, не требующие этого чертового заключения о радиационной безопасности.

— И почему это должно посадить Тейлора в лужу?

— Он думает, будто загнал меня в тупик и теперь размажет по стенке. Он уже давно мечтает об этом. Я хочу доказать ему обратное. Иногда не мешает преподать зарвавшимся шишкам парочку полезных уроков.

Стенайленд помолчал и заговорщически добавил:

— Например, Абельсону.

Услышав столь ненавистное для своих ушей имя, Уильямс тут же согласился.

— Идет. Я тебе кое-что подскажу.

— Что именно? — затаив дыхание, спросил Стенайленд.

— Формановский концерн — фирма с солидной репутацией. Никакая фирма такого калибра не станет выпускать излучатели без надлежащей экранировки. Возможно, семьдесят процентов веса излучателя как раз и падает на все эти защитные штучки-дрючки. Свяжись с концерном, и они дадут тебе письменное подтверждение.

— Уильямс,— пролепетал спасенный Стенайленд,— я этого никогда не забуду.

— Забудешь,— возразил Уильямс.— Но я не забуду.

Прямо из кабины Стенайленд позвонил в концерн Формана и подробно объяснил ситуацию. Там ответили быстро: в течение двух часов они подготовят письменное заключение о безопасности транспортировки излучателя и доставят его Кейту со специальным курьером. Стенайленд облегченно вздохнул. Иногда оперативность частного сектора промышленности почти равнялась оперативности бюрократии.

Несколько дней подряд Стенайленд втайне надеялся, что Тейлор позвонит ему, и предвкушал момент торжества. Однако желанный звонок так и не раздался. Стенайленд не знал, что Тейлор звонил Кейту и все узнал. Любитель мышиной генетики сразу сообразил, что Стенайленд чувствует себя победителем. Вызвать подчиненного, чтобы увидеть его ухмыляющуюся физиономию? Такое было просто немыслимо для руководителя ранга Тейлора. Нет, он вызовет Стенайленда тогда и только тогда, когда появится повод бросить этого удачливого сукина сына на растерзание крокодилам. И потому Стенайленд напрасно продолжал ждать звонка от Тейлора. Поначалу он испытывал нарастающее недовольство. Достигнув своего пика, оно сменилось

таким же нарастающим равнодушием. Наконец Стенайленд и вовсе забыл об этом.

А время шло. Исполненная заявка на кобальтовый излучатель продолжала странствовать по отделам и набирать вес. К моменту ее появления в отделе документации, осуществлявшем окончательную проверку, заявка весила пять фунтов и густо изобиловала словами, цифрами, печатями, фамилиями и подписями.

Роясь во всех этих бумажных дебрях, один усердный работник отдела зацепился за странное слово «Немо». Он было насторожился, но усердие его было не столь велико, чтобы разгребать все дебри. И тогда работник сделал два успокоительных для себя вывода. Во-первых, кто-то допустил ошибку, а во-вторых (второй вывод был намного важнее первого), этот идиот не из их отдела. Сочтя свою миссию исполненной, усердный работник передал отяжелевшую заявку в отдел статистики.

Далеко от Земли, на планете Алипан, мелкая канцелярская крыса Хенкок держал в руках список грузов, прибывших с кораблем «Старфайр». Хенкок внимательно просматривал каждый пункт. Большую часть списка составляли заявки трех-, четырехлетней давности. Однако Хенкок отличался хорошей памятью, и когда среди доставленного оборудования он увидел кобальтовый излучатель, у него в мозгу тревожно зазвучали колокола громкого боя. Хенкок немедленно передал список Перселлу.

— Разбирайся-ка ты с этим сам.

— Я? В чем дело? У тебя что, руку свело писчей судорогой? Или что-то более серьезное?

— Корабль доставил дорогой подарок для несуществующей планеты. Вымышленные миры — это по твоей части.

— Волнуешься, да? — спросил Перселл.

— Мне-то что. Волноваться придется тебе.

Просмотрев декларацию на грузы, Перселл нахмурился:

— Долго же они чесались. Конечно, стоит ли ломать себе шею из-за нужд какого-то там Алипана? Если бы пилоты-исследователи двигались такими шагами, Льюис с Кларк до сих пор гнали бы собачьи упряжки по Орегонской тропе*.

— Меня уже тошнит от разговоров о пилотах-исследователях,— заявил Хенкок.

---

* Трудно сказать, имеет ли автор в виду некий космический аналог Орегонской тропы или подразумевает реально существовавший в 30—50-х гг. XIX в. путь переселенцев на Дальний Запад. Реально существовавшая Орегонская тропа тянулась от р. Миссури до р. Колумбия. В те времена вся эта территория входила в пределы штата Орегон.— *Прим. перев.*

— А где бы ты сам был без них?

— На Земле.

— И чем бы ты там занимался?

— Честно зарабатывал бы себе на жизнь,— ответил Хенкок.

— Полагаю, бумагомарательством,— сказал Перселл.

Хенкок сделал вид, что не слышал, и уткнулся в работу.

— Наконец-то наше право самим определять приоритетность перестает быть пустой формальностью,— продолжал Перселл, размахивая поступившей декларацией как флагом свободы.— Мы заявим, что наш насекомщик гораздо больше нуждается в излучателе, чем ловцы мух на Немо. И тогда кобальтовую мухобойку беспрекословно отдадут ему, поскольку все бумажки правильно составлены, подписаны и снабжены всеми мыслимыми печатями. Этим мы верно послужим человечеству.

— Убери-ка все эти «мы» и «наши»,— велел Хенкок.— Я не имею ничего общего с твоей авантюрой.

Он опять сделал вид, будто занят работой.

— Говорил я тебе, что ты не сможешь лягнуть систему,— бросил он Перселлу через несколько минут.

— Я уже ее лягнул.

— Пока что нет,— убежденно произнес Хенкок.

Не обращая на него внимания, Перселл составил соответствующую бумагу о приоритетности, подписал ее, пробежал глазами и поставил вторую подпись.

— Я подделал твою подпись. Ты не возражаешь?

— Возражаю! — рявкнул Хенкок.

— Не надо так кричать, я тебя прекрасно слышу.

Перселл с бесстыдным удовольствием взирал на дело своих рук.

— Поздно возражать. Бумага уже составлена. Чему быть, тому не миновать.

— Знай, Перселл: если твоя стряпня вызовет подозрения, я не стану тебя покрывать и расскажу, как ты подделал мою подпись.

— Отличная мысль,— похвалил Перселл.— Я и свою объявлю фальшивой.

— Ты не осмелишься этого сделать,— взвился Хенкок.

— Им понадобится не меньше десяти лет, чтобы выявить обман, но даже тогда у них не будет полного доказательства,— самоуверенно и с пафосом продолжал Перселл.— Я подкину им мысль о том, что, возможно, каждый документ, созданный на Алипане, и половина документов с Земли имеют поддельные подписи. Подчиненные расписывались за своих начальников, желая скрыть допущенные ошибки и избавить себя от нахлобу-

чек. Возникнет такой хаос, что и десять тысяч проверяющих с ним не справится.

— Ты просто выжил из ума,— констатировал Хенкок.

— Кстати, можешь составить мне компанию,— предложил Перселл.

Он взял декларацию и, держа лист на приличном расстоянии от Хенкока, сказал:

— Тут есть новости и по твою душу.

— Какие еще там новости?

— Заказанный джин не прибыл.

Хенкок стал шумно глотать воздух, потом сказал:

— Это твоя вина.

— Чепуха! Я не отвечаю за отправку грузов с Земли.

— Но...

— Послушай, не ты ли мне все уши прожужжал, пытаясь убедить, что ни один местный отдел ни при каких обстоятельствах не отвечает за решения, принятые на Земле? Я прав?

— Прав,— согласился Хенкок с таким видом, будто это стоило ему потери коренного зуба.

— Вот и отлично. Тебе не о чем беспокоиться. Ты заказывал джин и можешь подтвердить это документально. Ты дал заказу высокую степень приоритетности, что также можешь подтвердить. У тебя и фронт и тыл надежно защищены. Все, что от тебя требуется,— это пойти к Летрену и сказать: «Мне очень жаль, но джин не прибыл». А когда он начнет рвать и метать, ты закатишь глаза к небу и произнесешь только одно слово: «Земля!» Проще не бывает. С этим справился бы даже говорящий пудель.

— Я жду не дождусь, чтобы увидеть, как ты станешь избавляться от планеты Немо,— язвительно бросил ему Хенкок.

— Заметь, никто и слова не сказал насчет Немо. Ни у кого это не вызвало ни малейшего любопытства. И потому я, Джеймс Уолтер Армитидж Перселл, тоже не собираюсь забивать себе голову планетой Немо.

— Подожди, придется,— пообещал Хенкок.

Ждать Перселлу пришлось около трех месяцев. Как-то утром из стенного динамика интеркома раздался металлический голос секретарши:

— Мистера Перселла из отдела заявок и приоритетов просят подойти к одиннадцати часам в кабинет мистера Фогеля.

Хенкок взглянул на настольные часы, усмехнулся и сказал:

— У тебя осталось ровно тридцать семь минут.

— На что?

— На подготовку к смерти.

— Неужели?

— Под началом Фогеля работают девяносто два человека. Он управляет четырьмя отделами, включая группу координации поставок с Земли.

— И что тут страшного?

— У него есть странное хобби — держать под своим контролем все, что так или иначе связано с Землей. Если Фогель затребовал кого-то к себе, считай, что вызванному конец. Случаи документального доказательства собственной невиновности очень редки.

— А он, должно быть, приятный парень,— заключил невозмутимый Перселл.

— Фогель, если желаешь знать, начинал рекламщиком. Был обычным «бутербродом» и целыми днями топал по улицам, таская на себе щиты. Но он — прирожденный бюрократ. Нырнув в эту систему, он очень быстро стал продвигаться наверх. Он всегда шел по головам своих подчиненных. И до сих пор идет. Не люблю я его,— сердито добавил Хенкок.

— Это чувствуется,— равнодушно ответил Перселл.

— Его почти никто не любит. Летрену становится плохо от одного его вида.

— Ну и что? Думаю, он тоже не в восторге от Летрена.

— Фогель любит только власть и стремится скакнуть как можно выше.

— Х-м-мм! — только и ответил Перселл.

Немного подумав, он куда-то вышел и отсутствовал минут двадцать. Вернувшись, он опять погрузился в размышления.

— Где ты был? — спросил Хенкок.

— В бухгалтерии.

— Поторопился получить жалованье, пока тебе его не урезали?

— Нет. Хотел еще раз убедиться, что сто пять равны тысяче семьсот.

— Даже если эта бессмыслица что-то значит, она тебя не спасет.

Хенкок прекратил работать и не сводил глаз с часов. Без пяти одиннадцать он сказал:

— Иди. Надеюсь, что ты получишь заслуженную кару.

— Благодарю.

Открыв тумбу своего стола, Перселл извлек оттуда внушительный бумажный сверток. Засунув сверток под мышку, он направился на свидание с Фогелем.

Фогель был темноволосым, темноглазым и смуглокожим. Он равнодушно скользнул глазами по вошедшему.

— Садитесь, Перселл.

Перселлу сразу же бросились в глаза острые зубы Фогеля. Ни дать ни взять — волк, проглотивший бабушку Красной Шапочки и напяливший старухин чепец.

— Земля обратила мое внимание на заявку, поступившую к ним с планеты под названием Немо.

— Видите ли, сэр...

Фогель властно махнул рукой.

— Помолчите, Перселл, и дайте мне закончить. У вас еще будет время высказаться.

Он опять блеснул волчьими зубами.

— Я и так потратил немало драгоценного времени на проверки. Прежде чем разговаривать с потенциальным виновником, я предпочитаю собрать все факты.

— Да, сэр,— сказал Перселл, с важным видом теребя свиток.

— Прежде всего я установил правильность запроса с Земли. К ним действительно поступала заявка, оформлением которой занимались вы. Далее я узнал, что предмет заявки — излучатель, работающий на радиоактивном кобальте,— был передан вами какому-то лицу на Алипане. И наконец, я обнаружил, что ни одной из открытых планет не было присвоено имя Немо. Такой планеты не существовало и не существует.

Фогель сложил руки, словно собирался молиться.

— Нетрудно представить, сколько бед наделала ваша заявка на Земле. А теперь, Перселл, я рассчитываю услышать ваше четкое и удовлетворительное объяснение.

— Думаю, сэр, вы его услышите,— заверил Фогеля улыбающийся Перселл.

— Буду рад. Слушаю вас.

— Причину всех этих волнений следует искать не здесь, а на Земле. Кто-то из работников почему-то решил, что Немо — название планеты. Сделав ошибочное предположение, этот человек даже не удосужился навести необходимые справки. На самом деле Немо — это кодовое слово. В нашем отделе мы пользуемся такими словами для отличия условной приоритетности от безусловной.

— Условная приоритетность? — сдвинув брови и саркастически улыбнувшись, повторил Фогель.— Что за ерунда? Разве вы не понимаете, Перселл, что все заявки должны оцениваться строго по порядку их важности или срочности? Здесь не может быть места сомнениям. Как заявка может иметь *условную* приоритетность?

— Мне довольно трудно объяснить вам это, сэр,— сказал Перселл, не теряя самоуверенности.

— Я настаиваю на объяснении,— потребовал Фогель.

Посчитав, что он привел высокопоставленного собеседника в достаточное замешательство, Перселл начал объяснять.

— Поскольку доставка грузов космическими кораблями имеет жесткие ограничения, вопрос о степени приоритетности имеет особую важность. Бывает, что кто-то из руководителей старшего звена буквально приказывает нашему отделу назначить его заявке более высокую приоритетность, чем та заслуживает. Представляете, что будет, если мы подчинимся приказу? Приоритетность какой-то другой равнозначной заявки должна будет незаслуженно понизиться. Но мы — всего лишь исполнители. Мы не имеем права самовольно понижать степень приоритетности, установленную начальством. Следовательно, я вынужден дать такой заявке условно высокую степень приоритетности. Вы спросите, зачем? Просто я уверен: если не будет промежуточных вмешательств, на Земле обязательно поймут, что важнее и что отправлять в первую очередь.

Глаза Фогеля блеснули.

— Вы хотите сказать, что на Земле правильно поняли, какой груз отправить сюда в первую очередь?

— Думаю, что так, сэр.

— Иными словами, вы утверждаете, что ваш отдел страдает от необоснованного вмешательства в его работу?

— Я бы не осмелился употребить столь сильное выражение,— сказал Перселл.

Теперь он всем своим видом показывал, что не желает быть ябедой или, упаси боже, доносчиком.

— Перселл, мы должны добраться до сути этой проблемы. Сейчас не время упражняться в дипломатии. Назовите, какую заявку вам приказали отправить с высокой степенью приоритетности?

— Заявку на джин, сэр.

— Джин?

Лицо Фогеля исказилось ужасом и недоверием, однако их место тут же заняло выражение тщательно подавляемого торжества.

— Кто приказал вам оформить заявку на джин?

— Я предпочел бы умолчать об этом, сэр.

— Это был Летрен?

Перселл ничего не сказал, но изобразил на лице искреннюю скорбь по поводу заблудшей души Летрена.

Фогель замурлыкал, как довольный кот. Он потирал руки и вообще стал необычайно дружелюбным.

— Что ж, Перселл, если вы в чем-то и виноваты, то всего лишь в незначительной оплошности. Если для облегчения своей

работы вам понадобились кодовые слова, нужно было через соответствующие каналы обязательно поставить в известность Землю. А иначе Земле поневоле придется приноравливаться к вашему жаргону. Теперь, думаю, вы и сами видите, к какой путанице это может привести. Правда, Перселл?

— Да, сэр,— смиренно-благодарным тоном ответил Перселл.

— Однако в сложившейся ситуации было бы неразумным раскрывать Земле истинное значение слова «Немо». Тем самым мы бы признались, что наша система приоритетности может меняться по чьей-то прихоти. Надеюсь, вы понимаете мою точку зрения, Перселл.

— Разумеется, сэр.

— Поэтому я предлагаю информировать Землю, что появление слова «Немо» было вызвано служебной ошибкой, вызванной чрезмерной загрузкой сотрудников и недостаточным количеством персонала.

Фогель обнажил зубы.

— Это даст им пищу для размышления.

— Несомненно даст, сэр.

— Перселл, я хочу, чтобы впредь без моего ведома и одобрения вы не использовали никаких кодовых слов. Я же, со своей стороны, приму необходимые меры, чтобы прекратить дальнейшее вмешательство в работу вашего отдела.

— Благодарю вас, сэр.

Перселл встал и замер, демонстрируя нерешительность. Его руки продолжали теребить сверток.

— У вас что-нибудь еще? — спросил Фогель.

— Да, сэр.

Перселл изобразил на лице сомнение, даже некоторую робость, потом выпалил разом:

— Я подумал, сэр, что, возможно, мне представился случай предложить вашему вниманию новый формуляр, который я сам разработал.

— Формуляр?

— Да, сэр.

Развернув лист, Перселл подал один конец Фогелю. Другой растянулся почти до самой стены.

— Это, сэр, сводный формуляр, где отражены место создания, назначение, детали, пути прохождения и завершающие этапы всех остальных бланков и формуляров. Это, так сказать, «формуляр формуляров».

— Вы это серьезно? — вскинул брови Фогель.

— С помощью сводного формуляра,— с воодушевлением продолжал Перселл,— можно будет пошагово проследить движение

всех наших документов, выявить ошибки или противоречия и узнать, чья это вина. Если какой-то документ вдруг потеряется, сводный формуляр легко покажет, на каком этапе он исчез и кто его потерял.

Перселл сделал рассчитанную паузу и продолжал:

— Насколько я знаю, многие ошибки, возникающие при прохождении документов между отделами, просто скрываются от руководителей высшего звена. По моим подсчетам, внедрение сводного формуляра позволит нам ежегодно экономить около двадцати тысяч человеко-часов.

— Так много? — проявил сдержанный интерес Фогель.

— Правда, тут есть одна особенность. Чтобы сэкономить эти человеко-часы, нам понадобится принять на работу дополнительное число сотрудников. Поскольку их работа должна быть полностью координированной, они неизменно попадут под ваше управление, а это повысит уровень вашей ответственности.

Фогель что-то хмыкнул и встрепенулся.

— Фактически для уменьшения общего объема работы нам пришлось бы создать новый отдел. Я постарался всесторонне изучить этот вопрос и могу с уверенностью сказать, что тринадцати человек нам было бы вполне достаточно.

— Тринадцати? — переспросил Фогель, пересчитывая собственные пальцы.

Он разглядывал творение Перселла и даже не собирался скрывать своей радости.

— Перселл, мне думается, в вашей разработке что-то есть. Я даже уверен в этом.

— Благодарю вас, сэр. Я и не сомневался в том, что вы сразу заметите многообещающую структуру сводного формуляра. Могу я оставить его вам для рассмотрения?

— Обязательно, Перселл.

Фогель был близок к ликованию. Он то постукивал пальцами по развернутому листу, то поглаживал бумагу.

— Вы просто обязаны оставить мне вашу разработку.

Он взглянул на Перселла и лучезарно улыбнулся.

— Если это дело завертится, мне понадобится человек, способный возглавить новый отдел. Толковый человек, знающий свою работу и пользующийся моим полным доверием. Я не могу себе представить лучшей кандидатуры, чем вы, Перселл.

— Это очень любезно с вашей стороны, сэр,— с достоинством скромного труженика ответил Перселл.

Он направился к двери, но у порога обернулся. Глаза Перселла и Фогеля встретились. Оба без слов поняли друг друга.

Вернувшись к себе, Перселл плюхнулся на стул и произнес:

— Когда два прорицателя встречаются на улице, они неизменно улыбаются друг другу.

— О чем ты болтаешь? — хмуро спросил Хенкок.

— Просто цитирую древнее изречение.

Перселл сцепил два пальца.

— Вот это мы с Фогелем.

— Нечего меня дурачить,— огрызнулся Хенкок.— Уши у тебя все еще красные.

— Фогель меня любит, а я люблю Фогеля. Я нанес удар прямо по его слабому месту.

— Разве ты не понимаешь, что у него нет слабых мест?

— Я всего-навсего обратил его внимание на одну простую вещь. Если число его подчиненных возрастет с девяносто двух до ста пяти, он из руководителя девятого класса автоматически станет руководителем восьмого класса. Это даст ему годовую прибавку в тысячу семьсот долларов плюс дополнительные привилегии, не говоря уже о более высокой пенсии.

— Какой смысл говорить Фогелю известные вещи? Он и сам все прекрасно знает.

— Ты прав. Я и не говорил. Я всего-навсего напомнил ему. В ответ он любезно напомнил мне, что мужественный пилот-исследователь, списанный по состоянию здоровья, лучше смотрится начальником отдела с двенадцатью подчиненными, чем рядовым исполнителем, сидящим в окружении других канцелярских крыс.

— Я не спрашиваю и не жду, что ты расскажешь мне, как он издевался над тобой,— сердито сказал Хенкок.— Только не надо прикрывать свой позор цветистой болтовней.

— Когда-нибудь,— усмехнулся Перселл,— ты, наверное, поймешь: с системой можно сражаться. С *любой* системой. И для этого нужно всего-навсего повернуть рукоятку в том направлении, в котором она крутится. Нужно лишь посильнее приналечь.

— Если не можешь сказать ничего дельного, лучше заткнись,— ответил ему Хенкок.

Кресло забвения

Те двое не знали, что Дженсен стоит за дверью. Приди им хоть на минуту в голову, что там, в темноте, кто-то подслушивает их, пытаясь не упустить ни единого слова, они немедленно приняли бы эффективные меры. Но они ни о чем не подозревали. Дженсен подкрался к двери неслышным шагом, скользя как тень, и лишь легкое дуновение выдыхаемого им воздуха выдавало его присутствие. Вот почему они вели разговор, вернее спор, во весь голос, в минуту несогласия переходя на крик.

В глубоком мраке коридора Дженсен прижался ухом к тонкой, не более дюйма толщиной, щели, сквозь которую пробивалась полоска света. И хотя он весь обратился в слух, пронзительный взгляд его налитых кровью глаз был устремлен туда, откуда он пришел. В доме царила полнейшая тишина, но он был начеку: а вдруг (кто знает?) в коридоре появится человек, слуга например, с такой же кошачьей походкой, как у него самого. Нельзя, чтобы его схватили, ни в коем случае нельзя позволить опять заграбастать себя. Этот псих Хаммел убил стражника, когда они бежали, и хотя сам он, Дженсен, не стрелял, все равно его сочтут соучастником. Впрочем, это не играло большой роли. Он и так получил вышку за убийство, а казнить человека можно только раз. Но он не вернется в камеру смертников — никогда! Котелок у него варит, а парни, у которых варит котелок, на виселицу не попадают.

Жестокая, холодная решимость светилась в его глазах, с угрозой сверливших темноту, в то время как он прислушивался к тому, что происходило в комнате.

Сейчас говорил тучный мужчина средних лет. Он пытался что-то втолковать похожему на дистрофика типу с седыми волосами, который никак не хотел понять самые простые вещи. Предметом спора была машина. Толстяка звали Бленкинсоп. Обра-

щаясь ко второму, он именовал его то Уэйном, то доктором. Машина, которую Дженсен с трудом разглядел сквозь дверную щель, представляла собой странного вида отполированный предмет, слегка напоминавший панель компьютера, увенчанную феном для просушки волос. Она была укреплена на высокой спинке кресла, и толстый кабель, отходивший от него, был включен в электрическую сеть.

— Хорошо, Уэйн,— лениво протянул Бленкинсоп.— Допустим, я согласен с вашим утверждением, что жизненная сила — это всепроникающая радиация, которую можно направлять и усиливать. Я готов даже принять на веру ваше заявление, что это приспособление способно излучать жизненные лучи с такой же легкостью, с какой кварцевая лампа излучает полезное человеку тепло.— Он похлопал себя по огромному животу и затянулся дымом так, что на месте его жирных щек образовались две впадины.— Ну а дальше что?

— Я который раз объясняю вам,— пожаловался Уэйн,— что огромное увеличение духовной энергии способствует высвобождению человеческой души.

— Знаю, знаю.— Одной затяжкой Бленкинсоп сжег полдюйма своей сигары и сбросил пепел на машину.— Довольно я наслышался басен, их любят рассказывать мистики: всякие там раджи, хамы, ламы, свамы и бог знает кто еще. С одним таким я был даже знаком. Называл себя Рай Свами Алажар. Утверждал, что может освободить свое астральное тело и взмыть в небо подобно реактивному самолету. Сквернословил отчаянно. Настоящее его имя было Джо О'Хэнлон.— Бленкинсоп осклабился, отчего у него сразу выросло четыре подбородка.— Впрочем, полагаю, что с прибором, изобретенным таким великим ученым, как вы, можно выкинуть фокус и похлеще.

— Я гарантирую успех,— воскликнул Уэйн.

— Не горячитесь,— посоветовал Бленкинсоп.— Я готов принять ваш прибор без всяких испытаний.— Он небрежно взмахнул жирной рукой. Огромный бриллиант на среднем пальце брызнул снопом искр, вызвавшим ответный блеск в глазах стоящего за дверью человека.— Я вам верю. Я простой честный труженик, я лишь эксплуатирую чужой мозг. Моя компания делает ставку на вашу способность создавать вещи, достойные ее финансовой поддержки. Но вы должны понимать, что могут существовать и другие точки зрения на этот вопрос.

— Меня они мало интересуют,— сказал Уэйн,— мне не раз приходилось иметь дело с вашей фирмой...

— К обоюдной выгоде,— заметил Бленкинсоп.— Что касается меня, я готов считать эту штуку очередным детищем вашего

таланта. Я принимаю ваши заверения в том, что она способна выполнить обещанное. Но я учитываю и тот факт, что она мне уже стоила кучу денег и будет стоить еще больше, если я запущу ее в производство. И я задаю себе вопрос: способна ли она принести мне прибыль, хотя бы самую скромную? — Он перевел оценивающий взгляд с Уэйна на прибор и снова на Уэйна.— Да или нет?

— Деньги, деньги, деньги! — воскликнул Уэйн с гримасой отвращения.— Неужели научный прогресс оценивается лишь с точки зрения дохода, который он способен принести?

— Да!

— Но моя машина поможет человеку высвободить свою душу — свое «я»! Какие необыкновенные возможности откроются перед людьми!

— А кому нужно освобождать свое «я»? Кто захочет платить за это и сколько? Черт побери, в наши дни, когда всякий дурак может купить билет на самолет, кому понадобится автоматический транспортер душ? Когда мне хочется навестить Мейзи на юге Франции, я отправляюсь туда лично — во плоти и крови. Какой мне смысл посылать туда мое астральное тело? Вряд ли она получит удовольствие, обнимая дух.

— Вы забываете, что при облучении происходит такой громадный рост жизненной энергии,— с горячностью запротестовал Уэйн,— что душа человека способна покинуть свою телесную оболочку и переселиться в другое тело — по своему выбору,— навсегда вытеснив прежнего владельца, при условии, конечно, что тот не прошел соответствующей обработки, которая придала бы ему равную или даже большую силу.

— В своде законов, как мне помнится, это называется похищением трупов,— уточнил Бленкинсоп, улыбнувшись одной из своих грязных улыбок.— В свое время вы изобрели несколько превосходных вещиц, мой милый, но на этот раз вы явно перемудрили. Мне не получить и двух с половиной процентов за механического похитителя трупов, так что лично меня эта штука не интересует.

— У вас какой-то иррациональный подход к делу,— запротестовал Уэйн.— Я ведь имею в виду лишь легальный обмен телами.

— Легальный? — Развеселившийся Бленкинсоп чуть не подавился сигарным дымом.— Чьи это тела могут подлежать легальной конфискации? И ради чьей выгоды? — Он ткнул жирным пальцем в грудь Уэйна.— Кто будет платить за переселение и кто будет получать эти деньги? И при чем тут буду я?

Глядя на него с нескрываемым презрением, Уэйн сдержанно пояснил:

— В прошлый четверг умер Коллистер. Это был крупнейший в мире специалист по раковым заболеваниям. В тот же день был казнен Бэт Мэлони — преступник. Мозг Коллистера оставался активным до конца, в то время как тело было изношено долгими годами служения человечеству. Душа Мэлони представляла собой неизлечимо извращенное, антисоциальное «я», заключенное в грубое, но сильное и здоровое тело.

— Понимаю,— согласился Бленкинсоп. Он протянул руку за своей шляпой.— Будь ваша воля, вы бы засунули Коллистера в каркас Мэлони. Не стану обсуждать научную сторону этого эксперимента, так как верю, что вам бы он удался. Но я неплохо разбираюсь в законах. Моя жизнь протекала не в лаборатории, в окружении приборов и машин, а в нашем грешном и жестоком мире. Примите совет жалкого реалиста: вам не найти такого закона, который дал бы вам право на подобные фокусы, даже если бы вы агитировали за их гуманность до самого Страшного Суда.

— Но...

— Пора вам и повзрослеть наконец,— нетерпеливо перебил его Бленкинсоп.— С вашим идеализмом вам место разве только в детской. Я не могу выпустить на рынок воздушный замок, мне не дадут за него и стоимости пачки сигарет.

Пухлая рука протянулась к ручке двери, и человек, стоящий по ту сторону ее, отпрянул в темноту.

— Советую вам лучше поломать голову над вашим стереоскопическим телевизором. На нем можно крупно заработать. Публика хочет этого, а кто мы такие, чтобы отказывать массе в ее желаниях. Что касается вашей бредовой машины, то если вы предложите мне еще что-нибудь в этом роде, я просто умру со смеху.

И, смеясь, он вышел из комнаты.

И умер.

Дженсен заметил Уэйну:

— Силенок у тебя — кот наплакал, но сразу видно — ты старик башковитый и котелок у тебя варит.

Он внимательно оглядел ученого и увидел, что утомленные глаза старика светились внутренним огнем и одержимостью. Этот седовласый фраер — крепкий орешек, решил Дженсен. В нем чувствуется душевная твердость, которую нельзя не уважать. Старик поймет, конечно, что сопротивление бессмысленно, он не сделает попытки применить силу. Но он будет думать, думать,

думать... Нужно быть начеку, а то, чего доброго, тебя могут и перехитрить.

— Для вашего и моего блага,— предупредил он Уэйна,— вам следует кое-что знать: во-первых, я вчера смылся из камеры смертников. И возвращаться туда не намерен.— Он ткнул Уэйна в плечо.— Никогда!

— Я так и подумал, что вы преступник,— сказал Уэйн. Он перевел взгляд с веревок, опутывавших его тело, на блестящую поверхность аппарата, а затем на стоявшего перед ним человека с жесткими чертами лица.— Ваша фотография была помещена в утренних газетах рядом с фото ваших сообщников.

— Ага, это были я, Хаммел, Жюль и Краст. Мы скрылись в разных направлениях. Я не буду скучать о них, даже если никогда их больше не увижу.

— В газетах было написано, что вас зовут Генри Мейнелл Дженсен, что вы опасный преступник, убивший двух человек.

— Сейчас уже трех — я пришил и того толстяка.

— А, Бленкинсопа — вы убили его?

— Да, заткнул ему глотку навечно. Это было совсем нетрудно.

Уэйн молча обдумывал что-то. Наконец он сказал:

— Вы понесете за это наказание.

— Ха,— вскричал Дженсен, наклоняясь вперед,— послушайте, вы, доктор или профессор, как вас там, я все слышал о вашем гениальном изобретении. Толстяк был не дурак, он готов был поверить, что оно и в самом деле работает так, как вы говорите. Я-то с самого начала знал, что вы не врете. Это просто блеск! Вы же можете стать моей крестной матерью.

— Каким образом?

— Поможете приобрести новое облачение для моей души.

— Прежде я увижу вас у черта в преисподней.

— Ну, ну, папаша, не стоит кипятиться. Положение у тебя не блестящее, так что не советую лезть в бутылку по пустякам! — Он проверил веревки, которыми ноги его жертвы были привязаны к стулу.— Легавым нужно мое тело, только тело — и ничего больше. Им хотелось бы увидеть, как оно будет болтаться на перекладине. Ну что ж, они его и получат — лицо, отпечатки пальцев и прочие предметы. Вы — единственный человек на свете, у которого хватит мозгов осчастливить всех: дать им то, о чем они мечтают, и помочь мне заполучить то, в чем нуждаюсь я. Мне ведь ничего не нужно, кроме приличного, не сильно поношенного тела, к которому полиция не проявляет никакого интереса. Как приятно делать людей счастливыми!

— Оставайтесь в том теле, которое при вас,— сказал Уэйн.— Я стар и не боюсь умереть. Можете добавить еще одно преступление к тому грузу, который лежит на вашей совести, если только она у вас осталась, но вы все равно ничего не добьетесь.

— Послушай, папаша,— процедил Дженсен; глаза у него стали ледяными.— Можешь упрямиться, сколько душе угодно, меня этим не разжалобишь. В те времена, когда я был идиотом и верил в честный труд, я закончил курсы электриков. Если я рано или поздно не разберусь в твоей машине, тогда меня действительно следует повесить.

— Что вы этим хотите сказать?

— А то, что я украду какого-нибудь ребенка у любящих родителей и попробую на нем: сработает прибор — отлично! Нет — ну что ж, мало ли подопытных кроликов играет в песочек по дворам. Мне могут понадобиться двое, трое, десять ребятишек, но рано или поздно я добьюсь своего. Так что выбирай — твоя жизнь или их?

— Вы не посмеете экспериментировать на детях.

— Не посмею? Папаша, милый, я все посмею. Мне ведь терять нечего. Они не смогут повесить меня десять раз, как им, наверное, хотелось бы. Им не удастся сделать этого ни разу — уж я об этом позабочусь. Но и в бегах прожить всю жизнь я не собираюсь. У меня найдется занятие поинтересней, чем прятаться от легавых. Можешь мне поверить — я на все пойду, чтобы избавиться от шпиков раз и навсегда.

Вперив взгляд в стоящего перед ним человека, Уэйн обдумывал услышанное. Он еще ни разу не пробовал свою машину на человеке, но знал, что она будет работать так, как он предсказал. Он был уверен в том, что определенные условия должны дать заранее предсказанный эффект. Однако при мысли, что ему придется испытать ее, подчинившись воле этого самонадеянного негодяя, мурашки буквально поползли у него по телу. Нужно вступить с ним в спор и попытаться выиграть время — прямой отказ явно не принесет никакой пользы и может стоить жизни десятку невинных людей.

— Я помогу вам в пределах моих возможностей и насколько позволяет мне моя совесть,— произнес он наконец.

— Вот теперь ты дело говоришь,— одобрил его Дженсен. Он выпрямился и с высоты своего роста взирал на связанного человека.— Веди со мной честную игру, и я буду играть честно. Мы оба от этого не останемся внакладе. Но ради бога, не пытайся перехитрить меня.— Он бросил на Уэйна холодный взгляд злодея из дешевой мелодрамы.— Твой автомобиль в гараже. Я его

приметил, когда осматривал эту халупу. Мы прихватим машину с собой и отвезем в один укромный уголок. Когда она сделает свое дело и я стану не тем, кем был раньше, я разобью ее, а тебя отпущу.— Так как его слушатель не промолвил ни слова, Дженсен продолжал: — Мне необходим костюм поприличней, эту хламиду я прихватил на какой-то ферме.— Он мерзко хихикнул.— Но чего это я беспокоюсь: я ведь получу не только каркас, но и то, что его прикрывает!

Уэйн по-прежнему не издал ни звука. Сидя на стуле со связанными и прикрученными к коленям кистями рук и спутанными веревкой ногами, он неотступно наблюдал за Дженсеном. Седые волосы старика серебрились в холодном свете ламп.

Между тем Дженсен приблизился к креслу, на спинке которого был укреплен сверкавший полировкой аппарат.

— Напоминает мне кресло, на которое сажают смертников. Янки называют его креслом забвения. Смешно, правда? Что касается меня, то, чтобы не сесть туда самому, я посажу на него сильных мира сего.

Эта шутка показалась ему столь остроумной, что он со смаком повторил ее еще и еще. Затем повернулся к Уэйну.

— Где ты хранишь свои записи?

— В верхнем ящике.— Уэйн кивком головы указал на высокое стальное бюро.

Дженсен подошел к нему и извлек хранившиеся там бумаги. Он тщательно просмотрел все черновики и объяснения: его краткие замечания подсказали Уэйну, что он недооценил техническую подготовку преступника и его удивительную способность мгновенно схватывать сущность научной теории. Наконец Дженсен засунул бумаги и карман.

— Ну что ж, пошли.

Укромный уголок оказался внушительных размеров строением, прочно сложенным, но пришедшим в упадок за долгие годы полнейшего запустения. Оно очень выгодно располагалось на перекрестке двух дорог, в самом центре когда-то густонаселенного местечка, в котором сейчас почти никто не жил. Люди торопливо проходили мимо мрачного, похожего на мавзолей здания, не удостоив его даже взглядом, и лишь иногда после захода солнца запоздалый путник стучался в дверь.

Домоправительницей в этом запустелом особняке была неряшливая женщина с огромной грудью и смышлеными глазами хрюшки, которую обучили правилам арифметики. Уэйн припомнил — когда они два дня назад впервые появились здесь, женщина ничуть не удивилась и с угрюмой покорностью выполня-

ла распоряжения Дженсена. По-видимому, укромное местечко было хорошо известно рыцарям удачи, у которых пользовалось особой популярностью за то, что было совершенно неизвестно полиции. Хрюшка умела держать язык за зубами, она неплохо зарабатывала, хотя и не любила своей профессии и боялась связанного с ней риска.

Стоя в тени у открытого окна с записями Уэйна в руках и внимательно наблюдая за дорогой, Дженсен объявил:

— Кажется, я усек, в чем тут дело. Я не должен вступать в контакт с другими особями, то есть с животными и прочими тварями. Да и какой дурак захочет стать животным? — Он еще раз пробежал записи глазами, затем снова перевел взгляд на дорогу: что-то там его заинтересовало.

— Если я хочу совершить обмен,— продолжал он,— я не должен мешкать, так как энергия начнет рассеиваться сразу же, как только я покину тело.

— Да,— вынужден был подтвердить Уэйн.

— Значит, я не могу перепрыгивать из одного каркаса в другой, для этого нужно каждый раз перезаряжаться заново. Ну что ж, не будем торопиться и подберем модель по вкусу. Уж если выбирать, то высший сорт, не брать же первое попавшееся тело.

— Прошу вас, Дженсен, подумайте хорошенько! Это опасная игра! Не лучше ли отказаться от нее, пока не поздно?!

— Да заткнись ты, ради бога. Я не откажусь от нее хотя бы только потому, что не собираюсь отказываться от самого себя. Им понадобилось мое тело? Милости просим, берите, раз уж оно мне самому больше ни к чему.

Дженсен снова обратился к запискам.

— Стало быть, от меня требуется одно — сосредоточить всю силу своего взгляда на том красавце, которому посчастливится меня приютить. Как только я вылезаю из своего каркаса, я прыгаю в новый, а его владельца выставляю вон.— Вдруг его поразила какая-то мысль, и он повернулся к Уэйну: — А почему бы ему не воспользоваться моим каркасом?

— Невозможно. Переселиться можно только в живое тело, мертвое для этой цели не годится.

Уэйн не стал объяснять, почему это так, а Дженсен не проявил интереса. Внимание преступника сосредоточилось на одном из участков дороги. Приставив бинокль к глазам, он внимательно изучал какую-то точку вдали. Поза его выдавала еле сдерживаемое возбуждение. Вдруг он выронил бинокль и бросился к стулу, на котором за несколько минут до этого они укрепили проектор Уэйна.

— Это та самая будка, которая мне нужна! — Он откинулся в кресле, обнажив в ухмылке все свои зубы.— Включай ток, и чтоб у меня без фокусов.

С трудом подавляя отвращение, Уэйн вставил вилку в розетку и повернул выключатель. Выбора у него не было: Дженсен будет оставаться в полном сознании и сохранит способность к действию до того момента, когда его душа покинет тело, после чего сделать что-либо будет слишком поздно. Ничего другого не оставалось, как подчиниться обстоятельствам и молить судьбу, чтобы аппарат не сработал.

Побледнев, с робкой надеждой на неудачу он следил за поведением своего проектора: никаких видимых лучей, никакого излучения, которое бы свидетельствовало, что аппарат находится в действии,— лишь стрелки индикатора упорно ползли вверх. Уэйн знал, что огромная жизненная сила вливается сейчас в напряженное тело зверя, развалившегося в кресле.

Дженсен сидел неподвижно, уставясь на что-то за окном. Взгляд его приобрел почти гипнотическую силу, пальцы рук конвульсивно задвигались. Внезапно лицо его застыло, словно маска, в глазах погас свет, руки бессильно свесились.

Уэйн мрачно разглядывал бездыханное тело, в душе его надежда боролась со страхом. Он не мог поверить в то, что произошло. Какой-то человек свернул на дорожку, ведущую к дому, поднялся по ступенькам и заколотил в дверь. Хрюшка, прошаркав по коридору, открыла входную дверь и бросила враждебное: «Что надо?» Послышался гул голосов, затем шаги — кто-то приближался к комнате. Уэйн трясущейся рукой провел по пушистым белым волосам — его отчаянная мольба не была услышана: аппарат сработал. Он выключил его и повернулся к незнакомцу.

Это был человек несколькими годами моложе Дженсена, шире его в плечах, с упрямым подбородком, с быстрыми и легкими движениями. На нем были хорошего покроя костюм, широкополая шляпа и ботинки, сшитые на заказ, излучавшие матовый блеск. Он выглядел человеком, достигшим цели, благодушным, но умеющим постоять за себя в случае нужды.

— Как я вам нравлюсь, папаша? — сказал незнакомец.

Он встал в позу и начал медленно поворачиваться вокруг себя, подобно манекенщице, демонстрирующей вечерний туалет.

— Вы... вы... вы — Дженсен?

— Точно, это я — Дженсен, вернее, сэр Генри.

Блаженно улыбаясь, он подошел к креслу, в котором ссутулилась человеческая фигура. Но тут же блаженная улыбка сменилась гримасой ужаса и отвращения.

— У-у-ф! Какой ужас — видеть себя мертвым! Чуть холодный пот не прошиб.

— Вам уже никогда не удастся вернуть себе прежний облик.

— Не имею ни малейшего желания. Когда посмотришь на себя со стороны, понимаешь, чего тебе не хватает. Тут явно требовались кое-какие изменения. Вот я и изменился. Нравится?

— Как прошло переселение? — спросил Уэйн, с трудом выдавливая из себя слова.

— Хуже не придумаешь. Все равно что заниматься чем-то, что никому, даже мне, не по плечу. Я как бы рос, становился все больше и больше, сильнее и сильнее. Вдруг что-то лязгнуло, и я очутился в его теле. По-настоящему внутри него. Я почувствовал, что стою на его ногах, смотрю его глазами, слышу его ушами и пытаюсь захватить его мозг. Он дрался, как одержимый, но в конце концов я его выставил.— Собственный рассказ как бы отрезвил Дженсена. Его даже передернуло.— Он вылетел из своего каркаса с жутким воплем — орал, как мартовский кот.

— Вы убили человечью душу. И рано или поздно вы ответите за это, пусть это даже будет суд Всевышнего.— Он посмотрел на щеголя, который (как ни трудно было в это поверить) оставался Дженсеном.— И я разделяю вашу вину, я ваш сообщник.

— Не морочьте мне голову своими проповедями. Я уже давно вырос. Меня тошнило от них еще тогда, когда я ходил в коротких штанишках.— Он с опаской покосился на тело, которым владел так недавно.— Вы уверены, что я никогда в него не вернусь?

— Конечно. Оно мертво. Труп оживить нельзя. Смена оболочки возможна лишь тогда, когда вы вселяетесь в тело, еще не покинутое своим прежним владельцем. Похоже на подмену водителя в автомобиле, который мчится с большой скоростью,— затея опасная, но выполнимая при условии, что руль все время находится в чьих-то руках. Либо один, либо другой — паузы быть не должно.

— Да, так оно и было. Он шатался, как пьяный, пока я его не выставил окончательно. Автомобиль немного заносило — то вправо, то влево, а? — Вдруг он о чем-то задумался.— А сам-то он куда девался?

— Не вы один — весь мир хотел бы знать куда. Ответ на этот вопрос раскрыл бы загадку жизни.

— Ну ладно, я думаю, одному человеку не под силу знать все на свете — даже такому ученому, как вы.

Дженсен вытащил из заднего кармана брюк плоские золотые часы и с удовольствием поглядел на них:

— Ценная вещица. Не меньше чем в полсотни обошлась, наверно. И бумажник у него — у меня — солидный: полным-полно башлей! Ловко я все обтяпал, правда?

Уэйн промолчал.

— А теперь за дело,— спохватился Дженсен.— Тело свое я припрячу так, чтобы оно само попалось на глаза легавым — то-то звону будет! Обрадуются — нашли убийцу толстяка. И подумать только — начну новую жизнь с того, что окажу услугу полиции! — Его внимание переключилось на Уэйна.— Игрушка останется у меня и записи тоже. Вас я выпущу, как только доберусь туда, куда я собираюсь добраться.

— Вы намерены освободить меня?

— А почему бы нет? Я ведь исправился, стал совсем другим человеком, не так ли? Можете болтать, сколько влезет, кто вам поверит? — Он удовлетворенно хохотнул.— Впрочем, даже если и поверят, то что из того? Что они смогут со мной сделать? Можете подробно описать меня, сфотографировать, передать им отпечатки моих пальцев — им все равно меня не взять. Они не будут знать, кем я стану завтра или через неделю.

— Но вы ведь обещали уничтожить проектор?

— Кто, я? Зарезать курицу, несущую золотые яйца? Поищи другого дурака!

Застегнув пиджак, он враскачку прошелся по комнате, стараясь не смотреть на обмякшее тело в кресле.

— Я ведь сейчас могу идти куда мне вздумается, делать что захочется: пусть соберут хоть всех свидетелей на свете, мне наплевать — кто меня может опознать? Да пока эти легаши раскачаются, я уже буду другой.— Он весело хлопнул себя по ляжкам, как если бы в голову ему пришла блестящая идея: — Черт возьми, да я мог бы занять место шефа полиции и руководить погоней за самим собой! Стоит мне захотеть, и я стану королем Сиама или президентом Соединенных Штатов!

Уэйн буквально похолодел от ужаса, когда осознал, сколько правды таилось в этих хвастливых заявлениях. Перед ним была сила — сила, перед которой оставались беспомощными закон и порядок. Это он, Уэйн, выпустил ее на свободу, на радость и ликование всему преступному миру. О, конечно, Дженсен будет хранить свой секрет про себя, ревниво оберегая его от других нарушителей закона. Но он сам представлял собой угрозу — как индивид, вернее один из бесконечной вереницы неуловимых индивидов.

Десять часов спустя мысль эта по-прежнему не оставляла Уэйна. Он стоял на травянистой обочине давно не езженной дороги, следя за тем, как исчезает вдали щеголеватая, самоуверенная

фигура преступника, мчавшегося навстречу абсолютной, ничем не стесненной свободе. Дженсен мог легко прикончить его — это нисколько бы не обременило его совести, но по каким-то неизвестным Уэйну причинам он этого не сделал. Быть может, негодяй испытывал злорадное удовольствие при мысли, что власти будут предупреждены о возникновении проблемы, разрешить которую не в их силах. А может, он боялся каких-либо случайных неисправностей в проекторе и оставил его автору жизнь, чтобы тот смог исправить возможные поломки.

Машина умчалась, подняв облако пыли. Уэйн следил за ней, пока она не скрылась из виду, в ушах его назойливо звучали слова: «Да я мог бы занять место шефа полиции...» Сутулясь, он зашагал к ближайшей деревне. «Он может занять чье угодно место,— бормотал Уэйн.— Чье угодно». Он повторял эти слова до тех пор, пока они ему самому не надоели. Тогда он слегка изменил их и пробормотал: «Какое захочет!» Он уставился на небо, на далекую линию горизонта, он не замечал ни того ни другого, ибо весь был захвачен новой идеей: «Какое захочет... Господи, это же мысль! Какое захочет!»

За двадцать лет своей бурной жизни вне закона Дженсен с успехом ухитрялся участвовать даже в самых рискованных предприятиях. Единственным промахом, который он допустил, было второе убийство, чуть не стоившее ему жизни. Он многому научился от своих собратьев по ремеслу, в совершенстве владел тактическими приемами и методами своей профессии и в преступном мире пользовался репутацией человека опытного и ловкого. И эти-то опыт и ловкость были сейчас заключены в молодом теле, которое почти автоматически реагировало на любую криминальную ситуацию.

Шагая по направлению к маленькому провинциальному банку, Дженсен отдавал полный отчет в своих способностях. Эти простаки хранят деньги так, как будто только и ждут, чтобы их прикарманил какой-нибудь грабитель-одиночка. Парочка угрожающих жестов, выстрел-другой в случае необходимости — и дело в шляпе. Проще и не придумать. Особую прелесть предстоящей операции придавали несколько деталей, завершавших представление. На этот раз зрители обойдутся без эффектного зрелища поспешного бегства, головокружительных гонок, в которых полицейская машина буквально висит на хвосте у преступника. Не унизится он и до такого дешевого мелодраматического приема, как черная маска. Он просто войдет, возьмет, выйдет и спрячет. И все.

Что он и сделал. Он появился в холле за двадцать секунд до закрытия, когда там не оставалось ни единого посетителя, и показал кассиру предмет, который небрежно вынул из кармана. Кассир выглянул в окошко и побледнел.

— Будешь молчать — я тебя не трону.

Чтобы слова его скорее дошли до сознания кассира, Дженсен чуть выдвинул вперед дуло револьвера и подумал, удалось ли ему состроить такое свирепое лицо, какое он умел делать раньше.

— Бумажки заверни в пакет, я возьму его с собой. Пошевеливайся и не вздумай подать голос. Если мне понравится ваше обслуживание, я загляну к вам еще разок.

Двигаясь как во сне, кассир поспешно запихивал пачки банкнот в мешок. Общая сумма была невелика. Дженсен и не рассчитывал, что в этой крохотной конторе с двумя служащими его ждет большая добыча. Но ведь деньги как бы сами лезут в руки и помогут ему продержаться, пока он не подготовится к более крупным и дерзким набегам. Пятясь, он подошел к двери, ведущей в кабинет директора, и ударом ноги распахнул ее. Достойный глава банка полез в бутылку, но, увидев направленное на него дуло пистолета, проявил сообразительность, закрыл рот и поднял руки. Две минуты спустя Дженсен покинул здание банка, тщательно притворив за собой входную дверь. Двое мужчин были заперты в директорском кабинете, но он даже не потрудился их связать. Воспользоваться телефоном им не удастся — об этом он позаботился. Чтобы выбраться наружу, им потребуется не менее пяти минут, а этого времени ему с лихвой хватит. Не спеша он сел в машину, включил среднюю скорость и через две минуты спокойно запер награбленное в багажнике другого автомобиля, который и доставил его домой, в однокомнатную квартиру. Там он уселся перед окном и стал ждать. Шлем проектора покоился у него на голове, до ручки переключателя дотянуться было нетрудно. Все его внимание, однако, сосредоточилось на окне, выходившем на улицу. Когда он протянул руку к переключателю, полицейская погоня только началась.

Он тщательно спрятал проектор. В конце концов это было важней всего. Драгоценный прибор требовал особого ухода. Его нужно было сохранить, чего бы это ни стоило. Он не мог потерять его, лишиться возможности им пользоваться. Ни за что, ни за какие деньги! Если бы ему когда-нибудь пришлось выбирать между аппаратом и добычей, он не задумываясь послал бы добычу к черту.

Рассуждая подобным образом, он небрежной походкой фланировал по улице, укрывшись за новым, несколько более скром-

ным «фасадом»: руки засунуты в карманы грубых, домашнего изготовления брюк, топорные башмаки цокают по тротуару стальными подковками, губы выпячены — вот-вот засвистит. Смешное ощущение: счастья и ужаса одновременно. Вот он здесь — вне досягаемости, но в ушах еще стоит предсмертный кошачий вопль.

Кучка возбужденных прохожих столпилась на перекрестке, извергают словесное стаккато: «Да, конечно, я помню... ничего подобного раньше не было... всегда говорил, когда-нибудь они... наглость-то какая, просто вошел и взял, сколько было, а кассир... давно пора принять меры... был бы я там, я б в него чернильницей запустил».

— В чем дело, друзья? — спросил Дженсен, проявляя деревенское простодушие.

— Банк обчистили,— сообщила расхлябанная личность.— Ты малость опоздал. Грабитель был один. Успел смыться. Сколько он взял, еще неизвестно, но, думаю, кругленькую сумму.

— А! — Дженсен уставился на парня с выражением, которое, он надеялся, являло собой смесь деревенской хитрости и простоты. Он почесал затылок, надвинул на лоб кепку и слегка нагнулся к уху парня.

— В двух кварталах отсюда, у часовни, стоит зеленый фургон.

— Ну и что?

— Он все утро простоял у банка — я видел. За рулем сидел тип, знаешь, из тех, кому палец в рот не клади. Может, он и заметил что-нибудь, что пригодится полиции. Неплохо бы разыскать его и расспросить — он, возможно, еще ничего не слышал о налете.

— Вот это было бы классно,— воскликнул парень, в душе которого пробудилось желание поиграть в частного детектива. Он глянул на стоящих вокруг зевак. Те одобрительно закивали головами.

— Ты пойдешь? — спросил он Дженсена.

— Нет, тороплюсь на автобус. Да ты его не спутаешь — зеленый фургон, стоит позади часовни.

Он лениво зашагал прочь. Пройдя сотню ярдов, он оглянулся — никого из толпы не было видно, все отправились на розыски фургона. Представить себе, как развернутся дальнейшие события, было нетрудно. Они найдут фургон и сообщат об этом полицейским. Те наведут справки, узнают адрес его хозяйки и спросят у нее, где ее постоялец. Она проведет их наверх, в однокомнатную квартиру. И там-то они обнаружат труп грабителя. Директор банка и кассир без труда опознают его. Полиция обыщет квартиру, перевернет вверх дном весь дом, вытрясет душу из хозяйки, но денег все равно не найдет.

Ухмыляясь, он вернулся ко второму автомобилю и сел за руль. На заднем сиденье машины уютно уместился тщательно запакованный проектор. Никому и в голову не придет связать ограбление с этой машиной, так что ему не о чем беспокоиться.

Да, это было идеальное ограбление. Загадка, не поддающаяся расшифровке. И ничто не помешает ему повторить его снова, и снова, и снова. Закон и порядок могут гоняться за ним до скончания века: им все равно не найти разгадки.

Досадно только, что он не знает, в чьем каркасе он очутился на этот раз. Ведь какова бы ни была его новая телесная оболочка, он по-прежнему оставался Дженсеном, с его, Дженсена, сознанием и с его памятью. Изгнанная личность оставляла новому владельцу свой мозг, но не его содержание. Память, по-видимому, являлась не материальной записью на сером веществе, а своеобразной духовной производной. Ученым этот факт показался бы весьма интересным.

Он проверил содержимое своих карманов в поисках каких-либо бумаг, позволивших бы ему определить, кем он стал на этот раз. Впрочем, он знал, что так или иначе раздобудет сведения о себе, и не позже чем заведет мотор, чтобы отправиться в места новой охоты.

— Эй, Сэм, где ты раздобыл этот лимузин?

Голос, прозвучавший совсем рядом, заставил его вздрогнуть и поднять голову. Из окна соседнего дома на него взирала флегматичная лошадиная физиономия. Челюсти ее владельца ритмично двигались, пережевывая жевательную резинку. Физиономия с тупым любопытством ждала ответа.

Итак, он был Сэм имярек. Мысль Дженсена работала стремительно. Если он отзовется, он непременно рано или поздно запутается. Отрицать все — вот самый безопасный выход из положения.

Его новое лицо не отличалось подвижностью, но Дженсен сделал все возможное, чтобы растянуть его в приличествующей случаю гримасе, прежде чем повернуться en face в сторону своего собеседника:

— Лимузин мой, да я не Сэм.

— Что-о-о? — Лошадиная челюсть отвалилась, обнажив розовые десны.— Ты не Сэм?

— Именно это я и хотел сказать. Ты ошибся, приятель. Я был бы рад познакомиться с этим Сэмом. По-видимому, мы с ним двойники — ты, кажется, десятый, принявший меня за него.

— Да уж, режьте меня на куски, но вы — точная его копия.

— Ничья я не копия, а уж что касается точности...

И, не докончив фразы, Дженсен включил мотор и укатил, оставив лошадиную физиономию в состоянии полнейшего отупения.

В этой игре с телами была одна неприятная сторона: ты мог нарваться на популярную личность, а это всегда чревато неприятностями. В дальнейшем следует выбирать свои жертвы с такой же осторожностью, как и поле своей деятельности, решил Дженсен. Чужаки — вот кто ему нужен. Люди, появившиеся в этих местах недавно. Никому не известные приезжие. Иностранцы. Впредь ему следует быть более осмотрительным.

Чтение газет всегда доставляло Дженсену удовольствие. Ему нравился налет таинственности, которым газетные писаки украшали описания нашумевших преступлений. Вот и сейчас — уж как они расписали его шестое по счету похождение! Если верить газетчикам, тип, совершивший последнее ограбление банка, пользовался репутацией чуть ли не святого с ангельски чистым прошлым. И вот он был обнаружен мертвым, награбленное же добро бесследно исчезло.

Оставалось загадкой, как человек с безупречной репутацией решился на такое преступление, почему он оказался мертвым и куда девалась его добыча. «Ха»,— хмыкнул Дженсен, пробегая глазами печатные столбцы. Кое-каким из этих писак нельзя было отказать в смекалке. Автор одной заметки, скрывшийся за инициалами А. К. Д., связал-таки это преступление с предыдущим. Он сопоставил некоторые общие черты: ограбление банка с применением одной и той же техники, грабитель — лицо безупречного поведения, которое вскоре оказывается мертвым, а похищенные суммы при этом бесследно исчезают. В заключение, однако, репортер обратил внимание читателей на тревожный факт — официально санкционированное уничтожение крупного урожая индийской конопли, из которой добывают гашиш, туманно намекнув при этом на тайное распространение наркотика в уважаемых кругах общества.

— Смех, да и только! — пробормотал Дженсен одобрительно.

И вдруг он увидел объявление — несколько слов, помещенных в отделе частных объявлений и для большей убедительности обведенных рамкой.

«Х. М. Дж. Свяжитесь со мной. Готов откупить прибор за наличные. Выгодные условия. Уэйн».

Дженсен задумался. Похоже на западню, в которой Уэйн играет роль приманки. С другой стороны, здесь говорилось о деньгах — наличными. А что, если на самом деле приготовили кругленькую сумму? Уж он сумеет извернуться — захватит деньги и

обойдет ловушку. На что даны человеку мозги, если он не в состоянии пошевелить ими хорошенько?

Он поехал в город и позвонил из автомата.

— Это я. Не хочу, чтобы меня засекли, поэтому выкладывай побыстрее.

— Послушайте,— раздался торопливый старческий голос Уэйна,— я нашел иностранца, который полагает, что мой аппарат может быть полезен его стране. Он готов купить его.

— А почему бы тебе не построить еще один такой же?

— На это уйдет не меньше двух лет, а он не даст денег, пока не увидит машину. Времени на размышление у меня немного. Дженсен, мой клиент молод и чрезвычайно богат...

— Я подумаю,— буркнул Дженсен и повесил трубку, не дав Уэйну закончить фразу.

Сутки спустя он решился пойти на сделку. Ему она сулила только выгоду. Тело, в котором он пребывал в настоящее время, для закона не представляло никакого интереса. Благодаря предыдущим операциям он собрал немалую толику денег, но был не прочь сорвать куш и с Уэйна, не расставаясь с проектором, конечно. У него на этот счет сложился недурной план — идейка первый сорт!

Он позвонил из другого города.

— Я готов принять предложение — все зависит от условий,— заявил он.

Уэйн спросил:

— Сколько вы хотите?

— А на сколько раскошелится ваш набоб?

— Не знаю. Он готов заплатить крупную сумму, но не пойдет на вымогательство. Если вы согласны продать прибор, назовите цифру. С чего-то ведь придется начинать.

Уверенность Уэйна в высокой покупательной способности иностранца подогрела любопытство Дженсена.

— Что он за тип, хотел бы я знать?

Хотя Уэйн и пытался казаться спокойным, в его голосе послышались нотки возбуждения.

— Он из Европы. Ему около тридцати, и он очень, очень, очень богат. Он обручен с самой красивой девушкой сезона, которая, насколько мне известно, сама далеко не нищая. Вы понимаете, что на этой стадии переговоров я не могу открыть вам его имя, но смею заверить, что у него больше денег, чем у кого-нибудь из тех, с кем мне приходилось иметь дело прежде.

— Хорошо. Я сам с ним переговорю.

— Но...

— И никаких фокусов,— предупредил он жестко.— Я вешаю трубку. Мы и так слишком долго разговаривали. Я позвоню тебе еще раз. Позаботься о встрече. И передай ему, что цифра будет умопомрачительной.

Когда он повесил трубку, рот его растянула широкая ухмылка. Иностранец, купающийся в деньгах и собирающийся жениться на светской львице. Вот будет здорово!

Все складывалось как нельзя лучше. Узкая улочка — не шире пятидесяти ярдов — отделяла его комнату на третьем этаже от апартаментов иностранца, находившегося на том же уровне. Глядя в окно, Дженсен мог следить за тем, что происходило напротив.

Конечно, ему могли подстроить какую-нибудь хитроумную западню, но он любую хитрость превратит в жестокий фарс. Рассказ Уэйна о богатом иностранце мог оказаться блефом, но, с другой стороны, он мог быть и правдой. Так или иначе он, Дженсен, ничего не терял, зато в случае удачи...

Что касается его, риск был невелик: либо он переселится в мускулистый каркас ловкого детектива, приготовившегося убить его, как только он войдет в комнату, либо приобретет благородный облик иностранца, у которого денег — куры не клюют.

Да уж, этот Дженсен явно не дурак. Те, у кого варит котелок, не попадают в лапы правосудия. У него хватило соображения догадаться, что Уэйн способен подстроить ему ловушку. Старик ведь может попытаться выманить Дженсена из тела, а потом подсунуть ему куклу или даже труп, зная, что без телесной оболочки сила Дженсена улетучивается, как пар. Мудрец знает, как опасно недооценивать своего противника. Он же, Дженсен,— сама мудрость!

В мощный бинокль он изучал окна напротив. Тип, находившийся в глубине комнаты, был жив — живее некуда, тут уж сомневаться не приходилось. Ему не сиделось на месте, и время от времени он выглядывал из своего окна, бросая осторожные взгляды вниз, на улицу. Дженсен мог без труда разглядеть его лицо и фигуру.

Будущая жертва довольно точно отвечала описанию Уэйна — около тридцати, плотный, одет чуть-чуть вызывающе. И во всем его облике было нечто вызывающее, а бриллиант на среднем пальце левой руки просто слепил глаза. Его гладко зализанные волосы и грубоватое лицо показались Дженсену знакомыми — наверно, он видел того типа на фотографии, скорее всего на глянцевитой странице популярного журнала, об руку с потряс-

ной дамочкой, а на переднем плане — только что подстреленный тигр.

Как бы то ни было, наружность этого человека пришлась Дженсену по вкусу. В выборе очередного тела, как и в выборе нового пальто, чем ты придирчивее, тем лучше. Предлагаемая модель отличалась прочностью и модной линией покроя, к тому же ничего не стоила! А Дженсен был не из тех, кто смотрит в зубы дареному коню.

Интересно, есть ли у его жертвы какой-нибудь высокомерный дворецкий, который умеет произносить: «Да, милорд», «Нет, милорд», «Конечно, милорд»? Он, Дженсен, предпочел бы, чтобы такой дворецкий существовал. Ах да, придется отучиваться от некоторых неблаговидных привычек, научиться произносить «нет» вместо «не». Но игра стоит свеч!

Красавчик опять появился у окна, бросив подозрительный взгляд на автомобиль, стоявший у тротуара. Затем он повернулся и сказал несколько слов кому-то, кто скрывался в глубине комнаты.

Дженсен бросил не менее подозрительный взгляд вниз и вдруг обнаружил легкую фигуру седовласого Уэйна. Достойный джентльмен торопливо направился к дому, сохраняя свой обычный сосредоточенный вид. Не оглянувшись, не проявив ни малейших признаков беспокойства или неуверенности, Уэйн вошел в дверь, ведущую в апартаменты иностранца, который по-прежнему не спускал глаз с автомобиля внизу.

Пора! Бросившись к креслу, Дженсен тяжело плюхнулся в него и включил проектор. Многократные повторения придали его движениям уверенность и автоматизм, что, однако, не лишило его ощущения важности происходящего. В аппарате с его таинственным шлемом по-прежнему было что-то зловещее, напоминавшее о том, что всем радостям на свете рано или поздно приходит конец.

Живительная сила начала вливаться в преступника. Он пожирал глазами человека, находившегося за окном противоположной комнаты. Дженсену удалось внести некоторые усовершенствования в детище Уэйна. Садясь в кресло, он слегка откидывался назад, так чтобы покинутое им тело, поникнув, надавило на кнопку и выключило проектор. Отлично придумано — вполне в стиле Дженсена! Он очень гордился собой.

Тридцать секунд — и он был свободен. И мгновенно очутился на другой стороне улицы, в другой комнате, в другом теле — чудовищная трансформация совершилась с обычной стремительностью.

Ощущение небывалого триумфа, сознание сокрушительности своей силы пронизало его «я», когда оно вступило в смертельную схватку с душой противника, упорно цеплявшегося за свою телесную оболочку. Жертва оказалась крепким орешком. Она сопротивлялась с такой яростью, злобой и беспощадностью, как ни одна другая душа, с которой Дженсену приходилось иметь дело. Чтобы сохранить свой каркас при себе, этот красавчик сражался с жестокостью и упорством доисторических ящеров.

На протяжении почти целой минуты сопротивляющееся тело пьяно вихлялось из стороны в сторону, дергалось и даже раз упало на пол, извиваясь в конвульсиях и как бы пытаясь изрыгнуть что-то, затем поднялось и в изнеможении опустилось на стул.

Физические силы почти оставили Дженсена, хотя душевная мощь его оставалась неизменной. Он понимал, что без помощи проектора ему бы ни за что не удалось сломить тигриную волю противника. Но вот он снова вышел победителем из схватки и снова услышал шипение, с которым гасла искра жизни, обращаясь в ничто.

Капли пота выступили у него на лбу, он прислонился к спинке стула, из горла его вырвались какие-то странные, похожие на всхлипывание звуки. Ноги казались ватными. Это было тяжелое, мучительное сражение, и он его выиграл. Ай да Дженсен!

Когда дверь в комнату отворилась и на пороге появился Уэйн, его встретила широкая ухмылка Дженсена.

— Жаль, жаль,— невозмутимо произнес Уэйн.

— Чего это вы разжалобились?

— Вы оставили свой револьвер в комнате напротив.

— О каком это револьвере вы говорите?

— О том, который принадлежал Дженсену.

— Значит, вы догадались?

Дженсен уселся на кончике стола. Он был счастлив. Он чувствовал себя прекрасно. В отличной форме — вот как это называется. Полон энергии и уверенности в себе!

— У вас, конечно, котелок варит, ничего не скажешь. Вы многое могли предвидеть. Но вот всех возможностей своей машины даже вы учесть не смогли, и вы поверили, что я продам ее, а?

Он загоготал и мгновение озадаченно прислушивался к хриплым, вульгарным звукам своего нового голоса. Но тут же рассмеялся снова.

— Дурак бы я был, если б добровольно отдал вам отмычку к дверям в бессмертие.

Стоя в дверном проеме, Уэйн сказал:

— Да-да, бессмертие. Нет такой суммы, за которую бы его можно было купить.— Он провел рукой по своим редеющим волосам.— Мой прибор великолепен. У меня нет причин его стыдиться. Единственный недостаток этого прибора в том, что он опередил свое время. Человечество еще не готово к тому, чтобы принять его.

Усталые глаза ученого встретились с наглым взглядом Дженсена.

— Я решил его уничтожить.

— Черта с два ты это сделаешь! — Дженсен повелительно взмахнул рукой.— Да не торчи ты тут как кукла! Входи! Я сгораю от нетерпения узнать, какая же я теперь важная шишка.

— Ах да, конечно,— мягко согласился Уэйн.

Он вошел в комнату. Четыре высоких, широкоплечих, спортивного вида человека последовали за ним.

— Вы — очень важная шишка, и вас зовут Энрико Рапалли.

В мозгу Дженсена вспыхнул дьявольский фотомонтаж — кровавая галерея жертв неслыханных по жестокости преступлений. Большинство из них были совершены в то время, когда он, Дженсен, находился в тюрьме, и ему только раз привелось увидеть лицо короля гангстеров. Ничего удивительного, что это лицо показалось ему знакомым. И совсем уже неудивительно, что душа этого человека с таким звериным упорством сражалась за свое тело.

— Я отправился в полицию и все рассказал,— продолжал Уэйн.— Выяснилось, что они засекли Рапалли и готовились его схватить. Им понравился мой план — они согласились повременить с арестом убийцы, использовав его в качестве приманки. В течение долгих десяти дней мое объявление появлялось во всех газетах, пока вы на него не клюнули. Я назначил вам свидание в логове Рапалли. Мы устроили так, что квартира напротив оказалась свободной. Как только вы сняли ее и перенесли туда проектор, я понял, что на этот раз вам не уйти.— Он снова откинул волосы со лба. У него было очень усталое лицо.— А теперь я уничтожу свой прибор.

— Пошли, Рапалли,— резко бросил один из пришедших с Уэйном мужчин. Он положил свою огромную лапу на плечо Дженсена.

— Я не Рапалли! — завизжал Дженсен.— Я... Я...

— А кто же ты тогда? — Кривая усмешка как бы приклеилась к губам вошедшего.— У тебя лицо Рапалли, его тело, отпечатки его пальцев, а ведь закону ничего больше и не требуется.

— Будьте вы прокляты! — завопил Дженсен, когда наручники защелкнулись на его запястьях.

В бешенстве, с налитыми кровью глазами он следил за направившимся к двери Уэйном, с губ его слетала грубая брань. Уэйн обернулся, посмотрел на него с чисто академическим интересом и промолвил мягко:

— Рапалли, мне вас искренне жаль. Без сомнения, вы получите то, что заслужили. Это очень печально, конечно, если считать, что смерть — полнейшее уничтожение.— Он сделал небольшую паузу, затем продолжал: — Но если это не так, если вашей душе предстоит встретиться с теми, кто ее давно поджидает, мне страшно подумать, что с вами будет.

Метаморф

Ему разрешили остановиться на мостике, чтобы он мог собственными глазами увидеть впечатляющую сцену. Он стоял посреди металлической дорожки, цепляясь левой рукой за перила, и смотрел в четырехсотфутовую пропасть. Затем он изучил громадные космические корабли у причалов, а потом его взгляд проследил за лесенками, ведущими к башенкам лифтов, за которыми высилась группа зданий. Контрольная вышка космопорта уходила за облака. Высота, на которой он находился, и огромные размеры всех окружающих сооружений превращали его самого в гнома — маленький человечек на фоне гигантских свершений его братьев по разуму.

Внимательно наблюдавшие за ним охранники заметили, что порт не произвел на него особого впечатления. Казалось, он не обращает внимания на чудовищные размеры, а пытается найти некий высший смысл, таящийся за огромными строениями. Его лицо сохраняло равнодушное выражение, когда он смотрел по сторонам, но взгляд был быстрым, умным и уверенным. Он усваивал новое со скоростью, выдававшей живой ум. И хотя его по-прежнему окружала завеса тайны, было ясно, что он совсем не прост.

Лейтенант Рока протиснулся между стоящими позади молчаливого наблюдателя двумя охранниками, встал у перил рядом с ним и объяснил:

— Это космопорт Мадистайн. На планете есть еще двадцать портов. На каждой из четырех тысяч других планет находится от двух до двадцати космопортов, причем многие из них значительно крупнее, чем этот. Империя — это самое значительное объединение миров, известное человечеству. Теперь ты видишь, против чего пытаешься бороться.

— Числа и размеры,— пожал плечами его собеседник и слабо улыбнулся.— И что с того?

— Ты скоро узнаешь! — обещал Рока и улыбнулся в ответ, сверкнув безупречно белыми зубами.— Система может вырасти до таких громадных размеров, что человек будет уже не в силах ее контролировать. И начиная с какого-то момента ее рост и развитие становятся необратимыми. Могучая сила, которую никто и ничто не может остановить. Это неумолимая сила. Или это судьба — ты сам можешь выбрать название.

— Огромные размеры,— пробормотал человек.— Как вы их любите.— Он оперся на перила и посмотрел в пропасть.— Весьма вероятно, что там прячется враг, которого вы еще не покорили.

— Приведи пример! — потребовал Рока.

— Вирус рака.— Глаза человека весело взглянули в глаза лейтенанта.— Ну, как? — Он вновь пожал плечами.— Увы нам, смертным!

— Двинулись дальше,— прорычал Рока, обращаясь к передним охранникам.

Процессия зашагала вперед: два охранника, затем пленник, Рока и еще два охранника. Подойдя к башне, шестерка уселась в лифт и спустилась на нижний уровень, где их дожидалась машина с реактивным двигателем. Это был длинный черный седан с серебряной кометой Империи, начертанной на крыльях. На двух передних сиденьях устроились двое в зеленой форме, третий стоял возле открытой двери.

— Лейтенант Рока с образчиком и соответствующими документами,— сказал Рока. Он указал на пленника и передал третьему человеку в зеленой форме кейс. Затем вынул из кармана распечатку и добавил: — Распишитесь здесь, пожалуйста.

Чиновник расписался, вернул бумагу и бросил кейс с документами на заднее сиденье машины.

— Ну, все в порядке, залезай,— сказал он пленнику.

Сохраняя полнейшее спокойствие, тот забрался в машину и сел на заднее сиденье. Рока заглянул внутрь и протянул руку.

— Ну что ж, сожалею, что мы расстаемся. Мы ведь только начали узнавать друг друга, не так ли? Но только постарайся понять правильно. Ты под арестом, но при этом являешься в некотором роде послом. Удачи!

— Благодарю.— Пленник пожал протянутую руку и подвинулся на сиденье, чтобы освободить место для чиновника.

Дверь захлопнулась, двигатель взревел, и машина помчалась вперед. Пленник слабо улыбнулся, увидев, как Рока машет вслед рукой.

— Симпатичный парень этот Рока,— заметил чиновник.

— Весьма.

— Образчик,— чиновник усмехнулся.— Они всегда употребляют это слово. И не имеет значения, человек подразумевается или другая форма жизни, обладающая интеллектом, привезенная с только что открытой планеты. Бюрократический жаргон... Так тебя и будут называть, нравится тебе это или нет. Впрочем, не следует беспокоиться. Почти все достойные образчики находили себе высокую должность, когда их планета становилась частью Империи.

— А я ни о чем не беспокоюсь,— заверил его образчик.

— В самом деле?

— Да.

Чиновник слегка смутился. Он взял кейс, покрутил в руках, прикинул вес, положил на колени. Сидевшие впереди хранили мрачное молчание, глядя сквозь ветровое стекло. Машина мчалась по широкому проспекту.

Они на высокой скорости проскочили перекресток, обогнали несколько разноцветных, с элегантными спортивными формами автомобилей и свернули налево. Перед ними возникли огромные металлические ворота в высокой каменной стене. Вновь прибывшему здание напомнило бы тюрьму — если бы он знал, что это такое.

Ворота распахнулись, открыв широкий проезд между двух ухоженных лужаек. Впереди виднелось еще одно здание: башня с часами, по бокам — низкие крылья. Перед зданием высилась вторая металлическая ограда, способная выдержать прямое попадание снаряда гаубицы. Черный седан развернулся, зашипел воздушными тормозами и замер возле здания.

— Ну, вот и приехали,— заявил чиновник, распахивая дверь.

Он вылез наружу, прихватив кейс с документами. За ним последовал пленник, который захлопнул за собой дверь. Седан тут же укатил прочь.

— Вот, взгляни.— Человек в зеленой форме указал на лужайки и далекую стену.— Стена, ворота, пространство, где тебя будут видеть патрульные. За стеной скрываются тысячи неприятностей, о которых тебе ничего не известно. Я рассказываю, поскольку это место будет твоим домом до тех пор, пока не решатся все проблемы. Рекомендую запастись терпением, как это делали многие до тебя. Какой смысл пытаться сбежать, если негде спрятаться.

— Благодарю,— кивнул образчик.— Я не убегу до тех пор, пока у меня не появятся веские причины. Или пока не узнаю, где можно спрятаться.

Чиновник пристально на него посмотрел. Вполне обычный человек, решил он. Рост ниже среднего, стройный, смуглый, немного за тридцать, довольно симпатичный. Но есть в нем что-то от самоуверенной юности. Вероятно, при более близком знакомстве окажется хвастливым и склонным к обману. Чиновник вздохнул. Как жаль, что не захватили кого-нибудь повзрослее.

Он фыркнул, ни к кому не обращаясь.

Они направились к двери. Та распахнулась по собственной воле, и оба вошли в большой зал, где их встретил еще один чиновник в зеленой форме.

— Образчик нового мира,— заявил первый чиновник,— для немедленного изучения.

Второй чиновник с любопытством посмотрел на вновь прибывшего и презрительно хмыкнул:

— Ладно, ты знаешь, куда его отвести.

Они пришли в большую лабораторию, которая находилась в конце длинного коридора. Здесь чиновник передал кейс с документами человеку в белом и удалился, не сказав ни единого слова. В помещении находились семь мужчин и одна женщина, все в белом.

Они задумчиво разглядывали образчик, а потом женщина спросила:

— Ты выучил наш язык?

— Да.

— Очень хорошо. Можешь раздеться. Сними всю одежду.

— И не подумаю! — спокойно заявил пленник.

Выражение лица женщины не изменилось. Она наклонилась над письменным столом, где лежали документы. В соответствующем параграфе было написано: «Сексуальные обычаи в пределах традиционных отклонений от нормы». Она повернулась и вышла из лаборатории.

Как только дверь за ней закрылась, одежда была снята. Семеро мужчин занялись пленником, заполняя соответствующие бланки. Они делали свое дело тщательно и методично, похоже, процедура стала для них рутинной. Рост: четыре и две десятых линейных единицы. Вес: семьдесят семь миградов. Волосы: тип С. Зубы мудрости отсутствуют. Пальцы имеют два сустава. Все сведения воспринимались с полнейшим хладнокровием и записывались в официальные документы. Эти люди давно привыкли иметь дело с отклонениями от норм, принятых в Империи.

Они сделали рентгеновские снимки его черепа, горла, груди и брюшной полости, спереди, сзади и с боков, а потом старательно записали все подробности строения его тела. Оболочка

надгортанника. Оптический астигматизм: левый глаз 0,7, правый — 0,4. Обложенные гланды в горле из-за проблем с увеличенными миндалинами. Округлые мочки ушей.

— Удовлетворены? — спросил он, когда закончился осмотр.

— Можешь одеться.

Старший из семи лаборантов задумчиво изучал почти заполненную форму. Он отметил, как аккуратно и последовательно предмет изучения надел свои вещи, одну за другой. Затем научный работник подозвал трех ассистентов и тихо посовещался с ними.

Наконец он написал в нижней части бланка: «Нет оснований считать, что мы имеем дело с исключительно умным индивидуумом, но он определенно отличается от нормы. Возможно, опасен. Следует держать под наблюдением». Раскрыв кейс, он вложил в него заполненную форму, защелкнул крышкой и передал ассистенту.

— Он готов ко второй стадии.

Следующая стадия проводилась в соседнем помещении, таких же размеров, но оно казалось более просторным, поскольку было почти пустым. Меблировка состояла из огромного ковра с таким плотным ворсом, что по нему было трудно идти, а также из большого письменного стола из блестящего пластика и двух надувных кресел. Полупрозрачные стены и потолок испускали холодное сияние.

В кресле за столом отдыхал загорелый угрюмый тип с худощавым лицом и крючковатым носом. Он был щегольски одет. Указательный палец левой руки украшало кольцо с крупным драгоценным камнем. Черные глаза задумчиво смотрели, как пленник прошел по ковру и уселся во второе кресло. Угрюмый принял кейс с документами, открыл его и погрузился в изучение документов. Наконец сказал:

— Значит, потребовалось восемь месяцев, чтобы доставить тебя сюда, и это — на субпространственных скоростях. Как же сильно мы выросли! Жизнь человеческая станет слишком коротка, если и дальше развитие Империи пойдет такими темпами. По пути тебя научили нашему языку. Были с этим трудности?

— Нет,— ответил пленник.

— Вероятно, у тебя врожденные способности к языкам?

— Понятия не имею.

Загорелый человек наклонился вперед, и его глаза заблестели. От него исходил слабый запах сафьяна. Он говорил легко и гладко.

— Из ответа следует, что у тебя на родине был только один язык.

— В самом деле? — Пленник удивленно посмотрел на человека, который его допрашивал.

Тот вновь откинулся на спинку кресла, немного подумал, а потом продолжал:

— Нетрудно заметить, что ты не склонен к сотрудничеству. Не понимаю почему. С тобой обращались корректно — во всяком случае, должны были так обращаться. Есть жалобы?

— Нет,— ответил пленник.

— Но почему? — Загорелый человек даже не пытался скрыть удивления.— Сейчас подходящий момент для возмущенной тирады о похищении. Однако у тебя нет жалоб?

— А что толку жаловаться?

— Никакого толку,— кивнул загорелый.

— Вот и ответ.— Пленник поудобнее устроился в кресле.

Его улыбка получилась мрачной.

Некоторое время загорелый человек изучал свой перстень, поворачивая так, чтобы свет отражался от граней камня. Потом он написал на бланке одно слово: «Фаталист». После чего пробормотал:

— Ну, попробуем узнать, как далеко это может зайти.— Он вновь взялся за бумаги.— Ты — Гарольд Гарольд-Майра.

— Верно.

— А я — Хелман. Запомни эту фамилию, она может тебе понадобиться в дальнейшем. Ну, а теперь скажи, Гарольд-Майра — это твоя фамилия?

— Это соединение имен моих отца и матери.

— Хм-м-м! Полагаю, это обычная практика в вашем мире?

— Да.

— А что будет, если ты женишься на девушке по имени Бетти?

— Мое имя останется Гарольд-Майра,— сообщил пленник.— А ее имя по-прежнему будет сочетанием имен ее родителей. Но наших детей будут звать Гарольд-Бетти.

— Понятно. В документах написано, что тебя сняли со спутника после того, как два наших корабля сели на твоей планете и не смогли взлететь.

— Да, меня сняли со спутника, но мне ничего не известно о ваших кораблях.

— А ты знаешь, почему они не смогли взлететь?

— Откуда? Меня ведь там не было!

Хелман нахмурился, пожевал нижнюю губу и жестким голосом заявил:

— Здесь я задаю вопросы.

— Ну что ж, я слушаю,— ответил Гарольд-Майра.

— Но ты подумал: «Много пользы тебе принесут твои вопросы»,— проницательно заметил Хелман, нахмурился и написал в документе еще одно слово: «Упрям».— Мне кажется,— продолжал он,— что мы оба ведем себя как малые дети. Противостояние не принесет нам никакой пользы. Почему бы не изменить отношение друг к другу? Давай будем откровенны.— Он улыбнулся, обнажив ряд ровных белых зубов.— Я выложу на стол свои карты, а ты — свои.

— Давай сначала посмотрим твои.

Улыбка Хелмана моментально исчезла. На бумаге появилось новое слово — «недоверчив». Потом он заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я полагаю, ты многое узнал об Империи во время своего долгого полета. Тебе известно, что она представляет собой могучее объединение различных форм разумной жизни. Так уж получилось, что в большинстве своем эти культуры напоминают твою и нашу, все происходят из той солнечной системы, где находится твой мир. Тебе рассказали — во всяком случае, должны были рассказать,— что Империя берет свое начало оттуда, что за многие-многие столетия она распространилась на четыре тысячи миров и продолжает расширять свои владения.

— Да, я это слышал,— признал Гарольд-Майра.

— Отлично! Значит, ты должен понимать, что стал жертвой нашего роста. Но, с другой стороны, тебе ужасно повезло.

— Пока мне не очень понятно, в чем состоит везение.

— Ты поймешь, обязательно поймешь,— обещал Хелман.— В свое время.— На его лице вновь появилась заученная улыбка, и он даже попытался говорить весело: — Могу тебя заверить, что наша организация настолько древняя и обширная, что мы не лишены толики мудрости. Наука дает нам невероятное могущество, мы способны полностью уничтожить целый мир, однако мы всегда осмотрительны. Опыт покорения множества планет говорит о том, что мы уязвимы. Более того, несмотря на свою силу, мы способны совершить ошибку, которая может стать роковой. Поэтому мы движемся вперед исключительно осторожно.

— Похоже, кто-то вас сильно напугал,— заметил Гарольд Гарольд-Майра.

После некоторых колебаний Хелман сказал:

— Ты прав. Я расскажу, как это было. Много десятилетий назад наш корабль совершил посадку на другую планету. И не сумел взлететь. Наши корабли-разведчики всегда летают тройками, так что на помощь первому отправился второй. Он также остался на поверхности планеты. Но третий корабль, находившийся на орбите, получил отчаянное сообщение о том, что на

планете есть высокоразвитая разумная жизнь, какие-то неуловимые паразиты.

— И они завладели телами, которые вы им предоставили,— предположил Гарольд.

— Тебе известно об этой форме жизни? — осведомился Хелман, пальцы которого скользнули к невидимой точке на поверхности стола.

— Первый раз слышу,— ответил Гарольд.— Захват тел представляется мне самым простым объяснением.

— Наверное,— неохотно согласился Хелман и продолжал, не спуская пристального взгляда с Гарольда.— Паразитам не удалось овладеть телами всех людей. Несколько человек поняли, что им грозит, и заперлись на корабле, спасаясь от паразитов и от своих зараженных товарищей. Однако их было слишком мало, чтобы управлять кораблем, поэтому они отправили предупреждение на орбиту. Третий корабль сразу понял серьезность угрозы: если немедленно не принять самых решительных мер, то получится, что мы вручили ключи от космоса неизвестной силе. Оба корабля были уничтожены одной атомной бомбой. Позднее прибыл специальный корабль, чтобы свершить суровое, но необходимое действие. На планету сбросили разрушитель. Она превратилась в пылающее газообразное облако. Мы находились на волосок от гибели. Империя, несмотря на все свое богатство, науку и военную мощь, не может существовать, если нам неизвестна истинная природа наших соседей.

— Неприятная ситуация,— признал Гарольд Гарольд-Майра.— Теперь я понял, какова моя роль,— я образец чужой жизни.

— Совершенно верно.— Хелман вновь повеселел.— Мы хотим лишь одного: выяснить, безопасен ли твой мир.

— Безопасен для чего?

— Для прямых контактов.

— А зачем нужны прямые контакты? — не унимался Гарольд.

— Как зачем! Мне казалось, что человек твоего интеллекта понимает обоюдные преимущества контакта различных культур.

— Я вижу преимущества. Но я предвижу и негативные последствия.

— О чем ты говоришь? — Доброжелательность Хелмана постепенно улетучивалась.

— О включении в состав вашей Империи.

— Фу ты! — нетерпеливо воскликнул Хелман.— Во-первых, твой мир присоединится к нам только по собственной воле. Во-вторых, что плохого в том, чтобы стать частью Империи? И в-третьих, откуда тебе знать, что твое мнение совпадает

с мнением соплеменников? Они могут думать иначе. Быть может, они с радостью вступят в нашу Империю.

— Однако два ваших корабля застряли на моей планете.

— Ага, значит, ты признаешь, что их удерживают насильственно?

— Я ничего не признаю. С тем же успехом можно предположить, что команды ваших кораблей поздравляют друг друга с тем, что им удалось сбежать из Империи,— а мой народ намерен вышвырнуть их вон.

Лицо Хелмана потемнело. Длинные изящные пальцы сжимались и разжимались, пока его дисциплинированный ум мучительно искал достойный ответ.

— Граждане Империи не бегут из нее,— наконец сказал он.— Ну а тем, кто пытается, далеко не убежать.

— Отрицание и согласие,— с интересом прокомментировал Гарольд.— И все практически одновременно. Но так не бывает. Либо убегают, либо нет.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.— Хелман говорил медленно и ровно, решив, что не позволит этому образчику спровоцировать себя.— Желание сбежать настолько же маловероятно, насколько неосуществимо.

— И первое следует из второго?

— Вовсе нет! — резко возразил Хелман.

— Ты сам, каждым словом, выносишь приговор своей обветшалой Империи,— заявил Гарольд.— Это же очевидно.

— Что ты знаешь про нашу Империю? — осведомился Хелман и скептически приподнял брови.— На каком основании судишь о ней?

— На основании истории,— ответил Гарольд.— Ваш народ настолько похож на нас, что вы и вести себя должны аналогичным образом. И если тебе не под силу понять смысл моих слов, то тут я ничего не могу поделать. Наш мир очень стар, невероятно стар, и мы многому научились у нашей истории, долгой и мрачной. У нас были десятки империй, хотя они и не разрастались до размеров вашей. И все они закончили свои дни одинаково — в выгребной яме. Все исчезли по одним и тем же фундаментальным причинам. Империи приходят и уходят, но маленький человек — вечен.

— Благодарю,— буркнул Хелман.

Он написал в документе: «Анархист», а потом, после некоторых колебаний, добавил: «Не вполне нормален».

Гарольд Гарольд-Майра улыбнулся чуть печально. Он не видел, что пишет Хелман, но точно знал, какие слова появляются

на бумаге — как если бы писал их сам. Людям его планеты не требовалось смотреть на вещи, чтобы их увидеть.

Отодвинув документы в сторону, Хелман сказал:

— Всякий раз, когда наш корабль совершает посадку на чужой планете, мы идем на огромный риск, ведь о возможности межпланетных путешествий становится известно чуждым народам, чьи способности и устремления нам неизвестны. Однако мы вынуждены рисковать. Ты понимаешь? — Гарольд коротко кивнул, и тогда Хелман продолжал: — В настоящий момент твой мир задержал два наших лучших корабля. Твой народ, насколько нам известно, способен разобраться в том, как они устроены, создать по их образу и подобию множество кораблей и даже улучшить их конструкцию. И если твой народ выйдет в космос, он может начать распространение идей, которые не совпадают с нашими. Теоретически есть выбор между миром и войной. На самом деле выбор у твоего народа будет предельно простым: сотрудничество или гибель. Мне совсем не хотелось говорить об этом, но твое агрессивное поведение вынудило меня.

— Это всего лишь нежелание общаться, агрессии тут нет и в помине,— возразил Гарольд Гарольд-Майра.

— Кто не с нами, тот против нас,— заявил Хелман.— Мы не деспоты, просто реалистично смотрим на вещи. В зависимости от того, какого рода информацию получим от тебя, мы принимаем решение относительно твоего мира. Ты должен понимать, что представляешь здесь свой народ. Мы готовы считать, что ты, до определенной степени, разделяешь взгляды своего народа, анализ твоего поведения позволит нам сделать выводы...

— Нас либо канонизируют, либо распылят,— перебил его Гарольд.

— Ну, если хочешь, можно выразиться и так.— К Хелману вернулось самообладание человека, полностью контролирующего ситуацию.— Ты сам должен решить судьбу своей планеты. Огромная ответственность возлагается на плечи одного человека, но у тебя нет выбора. И помни, у нас есть другие способы извлечения нужной информации. А теперь я спрашиваю в последний раз: готов ли ты дать ответы на мои вопросы?

— Мой ответ — нет,— спокойно сказал Гарольд.

— Ну, вот и отлично.— Хелман отнесся к его словам с полнейшим равнодушием и нажал на одну из невидимых точек на своем столе.— Ты вынудил меня перейти от дружеской беседы к насильственным мерам. Сожалею, но ты сам это выбрал.— В комнату вошли двое служителей, и он сказал им: — Переходим к третьей стадии.

Служители отвели Гарольда в третье помещение, значительно меньших размеров. Ему предоставили достаточно времени, чтобы осмотреться, прежде чем трое находившихся в комнате людей снизошли до того, чтобы обратить на него внимание. Все были одеты в белое, но они выглядели более внимательными и сосредоточенными, чем персонал лаборатории, куда Гарольд попал в самом начале. Двое были молодыми, высокими и мускулистыми. Третий — в возрасте, поплотнее, с аккуратно подстриженной бородкой.

Они деловито включили устройство, полностью занимавшее одну из стен. Множество пластиковых панелей, циферблатов, кнопок, рубильников, розеток и проводов. От устройства исходило ровное гудение. Перед ним стояло кресло.

Убедившись, что все готово к работе, бородатый сказал Гарольду:

— Садись.

Он жестом подозвал ассистентов, которые тут же шагнули вперед, чтобы заняться образчиком, если он окажет сопротивление.

Гарольд улыбнулся, махнул рукой и уселся в кресло. Все трое принялись за работу. Не прошло и нескольких минут, как Гарольд был опутан множеством проводов с металлическими плоскими наконечниками, подсоединенными к щиколоткам, икрам, бедрам, груди, шее и голове. Провода соединяли наконечники на теле Гарольда с устройством на стене, а один шел от его головы к тонкому разноцветному кабелю.

Ученые настроили свою машину, после чего бородатый нацепил на нос очки, вытащил документы из кейса и близоруко посмотрел на них. И обратился к образчику, сидящему в кресле.

— Я намерен задать тебе серию вопросов. Они будут сформулированы так, что для ответа достаточно сказать «да» или «нет». Ты можешь отвечать или хранить молчание — мне безразлично.

Он посмотрел на Гарольда, и глаза, искаженные сильными линзами очков, были холодными и пустыми. Нажал на кнопку; заработала камера, которая должна была фиксировать показания различных приборов.

Затем бородач полностью сосредоточился на сидевшем в кресле человеке.

— Тебя нашли на спутнике: да или нет? — спросил он.

Гарольд задумчиво улыбнулся, но ничего не ответил.

— Из чего следует, что ваш народ способен совершать космические полеты?

Никакого ответа.

— Более того, вы способны перемещаться и дальше спутника. Можете даже долететь до соседних планет. Да или нет?

Никакого ответа.

— Вы уже изучили соседние планеты?

Молчание.

— Вы способны на большее. Вам удалось исследовать другие звезды. Да или нет?

Гарольд вновь таинственно улыбнулся.

— Ваш мир состоит только из вашей планеты?

Молчание.

— Он принадлежит к сообществу разных планет?

Молчание.

— Это аванпост другой империи?

Молчание.

— Эта империя меньше, чем наша?

Никакого ответа.

— Больше нашей?

— Меня убеждали, что ваша Империя самая великая из всех,— с иронией заметил Гарольд.

— Молчать! — Один из ассистентов раздраженно ткнул Гарольда в плечо.

— А что будет, если я не стану молчать?

— Я оборву тебе уши!

Бородач, который молчал во время этого обмена репликами, невозмутимо продолжал:

— Твой вид является высшей формой жизни на планете? На ней нет других форм разумной жизни? Тебе было что-нибудь известно о других формах разумной жизни до появления эмиссаров Империи?

Бородач никак не реагировал на молчание Гарольда. Он изредка заглядывал в бумаги, которые держал в руке, но большую часть времени изучал образчик холодным совиным взором. Вопрос следовал за вопросом. Сто вопросов. Двести... Потом Гарольд перестал считать. Некоторые являлись измененными версиями уже заданных, другие — очевидными ловушками. Все укладывается во вполне логичную схему. И на все вопросы Гарольд отвечал упрямым молчанием.

Наконец они закончили, бородач отложил бумаги и ворчливо заметил:

— Потребуется вся ночь, чтобы расшифровать полученную информацию.— Он с укором посмотрел на Гарольда.— Зря ты не стал отвечать сразу. Мы бы сэкономили много времени, а ты бы получил кредит доверия.

— Неужели? — удивился Гарольд.

— Уведите его! — бросил бородач.

Один из молодых ассистентов вопросительно посмотрел на старшего, который сразу же все понял и ответил:

— Нет, не здесь. И не сейчас. Возможно, этого не потребуется. Сначала посмотрим, что у нас получилось.— Он снял очки и поскреб подбородок.— Отведите его в квартиру и накормите.— Он визгливо рассмеялся.— Пусть приговоренный сытно поест.

Квартира оказалась небольшой, но удобной. Три комнаты: ванная, спальня и гостиная. Полка с книгами, электрический обогреватель и телевизор с большим экраном.

Гарольд устроился в удобном мягком кресле. Почти сразу же дородный служитель с коротко подстриженными волосами вкатил столик с роскошным угощением. Несмотря на то что Гарольд испытывал голод, он не обратил на еду внимания. Он не сводил глаз со служителя, который методично раскладывал на столе мясо, хлеб, фрукты, пирожные и кофе. У него были маленькие, близко сидящие глаза и низкий лоб.

Когда служитель закончил накрывать на стол, Гарольд небрежно спросил:

— А что это за типы, похожие на ящериц, в черной форме с серебряными галунами?

— Дрейны.— Служитель повернулся и тупо посмотрел на пленника.— Мы называем их дрейнами.

— Да, но кто они такие?

— Ну, наверное, другая форма жизни. С какой-то планеты — может быть, она называется Дрейн. Я не знаю. Раньше знал, но теперь забыл.

— Тебе они не нравятся? — поинтересовался Гарольд.

— А кому они нравятся? — Служитель нахмурился, непривычная мысль заставила его напрячься, глазки сощурились.— Я предпочитаю думать сам, понятно? Кто захочет, чтобы ящерицы прочитали его мысли, а потом рассказали всем то, что он хотел бы сохранить при себе? Человеку необходимо уединение, хотя бы иногда.

— Значит, они телепаты! — Гарольд нахмурился.— Хм-м-м!

Служитель положил освободившийся поднос на тележку и направился к двери. Гарольд торопливо спросил у него:

— А здесь есть эти ящерицы?

— Нет, сейчас уже слишком поздно. К счастью, их довольно мало на планете! Всего горстка. Они работают на правительство, но что именно они делают, я не знаю. Две служат здесь, но сейчас они отправились по домам. Тем лучше, вот что я тебе скажу! — Служитель нахмурился, показывая, как ненавидит

таинственных дрейнов.— Ты можешь думать все, что пожелаешь, когда их нет поблизости.— Он вытолкнул тележку наружу, вышел в коридор и захлопнул за собой дверь.

Замок зловеще щелкнул.

Гарольд решил поесть, дожидаясь, когда за ним придут. Бородач и два ассистента дали ему понять, что до утра с ним ничего не будут делать, но разговор со служителем заставил усомниться в этом. Поэтому он ел медленно, надеясь, что ему дадут спокойно закончить трапезу. А за это время он попробует разработать план.

Квартира ему совсем не понравилась. Он уже успел ее осмотреть, отметив, что стены и двери сделаны из тяжелого металла. В окнах — прочнейшие рамы с армированными стеклами, снаружи — решетки. Не квартира — настоящий склеп.

Он заметил линзы камер в верхней части стены, у самого потолка. Менее наблюдательный человек не сумел бы их разглядеть. Еще одно устройство Гарольд отыскал в стрелке настенных часов. Оно походило на драгоценный камень. Он знал, что это камера, и подозревал, что в квартире находится еще несколько таких же. Если здесь есть камеры, значит, должны быть и крошечные микрофоны, которые удастся обнаружить с большим трудом. О да, враги уже знают о его беседе со служителем — и очень скоро появятся.

Он не ошибся. Замок щелкнул как раз в тот момент, когда он закончил есть. В гостиную вошел Хелман в сопровождении верзилы в форме. Последний закрыл дверь, прислонился к ней спиной и обвел комнату скучающим взглядом. Хелман подошел к креслу и уселся, скрестив ноги, после чего бросил внимательный взгляд на пленника. Гарольд заметил, что у него на лбу пульсирует вена. Смотрелось это неприятно.

— Я отправил телевокс Роке. Он клянется, что ни разу не упоминал дрейнов в твоем присутствии. Он совершенно уверен, что никогда о них не рассказывал и не слышал, чтобы кто-то говорил о них в твоем присутствии на корабле. Охранники, которые привели тебя сюда, также о них не упоминали. Ты не мог видеть их в здании. Как ты о них узнал?

— Загадка, не правда ли? — радостно прокомментировал Гарольд.

— У тебя была только одна возможность узнать о дрейнах,— продолжал Хелман.— Когда третья стадия подошла к концу, ассистент размышлял о том, не следует ли передать тебя на четвертую стадию, но тогда от этой мысли отказались. Четвертая стадия проводится дрейнами.

— В самом деле? — вежливо удивился Гарольд.

— О дрейнах ни разу никто не говорил,— настаивал Хелман, не спуская глаз со своего собеседника,— но о них думали. И ты прочитал мысли. Ты телепат!

— А тебя удивляют элементарные вещи?

— Это было вовсе не элементарно, поскольку мы не могли предвидеть такого поворота событий,— резко ответил Хелман.— Среди четырех тысяч миров лишь одиннадцать жизненных форм обладают телепатическими способностями, и ни одна из них не имеет ничего общего с человеком. Ты первый гуманоид-телепат.

— Тем не менее,— не сдавался Гарольд,— это было очевидным. Мой отказ сотрудничать — или мое упрямство, как утверждаете вы,— имеет серьезные причины. Я улавливаю все ваши мысли, связанные с вопросами, которые вы задаете. И мне они не понравились. Мне они и сейчас не нравятся.

— Тогда те мысли, которые пришли мне в голову в данный момент, тебе *совсем* не понравятся,— злобно бросил Хелман.

— Верно,— согласился Гарольд.— Ты послал за дрейнами, приказал им немедленно прибыть сюда. И ты предполагаешь, что они моментально меня расколют. Ты уверен в их способностях, хотя не в состоянии оценить мои возможности.— Он встал и улыбнулся, когда в черных глазах Хелмана промелькнула тревога. В зрачках у Гарольда заплясали диковинные искорки.— Пожалуй,— продолжал он,— пришло время покататься на машине?

— Да,— пробормотал Хелман и неуверенно поднялся на ноги; на его лице появилось выражение смутной тревоги.— Да, конечно!

Стоявший у двери охранник выпрямился, его длинные руки вытянулись по швам. Он вопросительно посмотрел в пустое лицо Хелмана. Увидев, что Хелман никак не реагирует, он перевел взгляд на пленника, и его глаза тут же потеряли осмысленное выражение.

А потом, хотя к нему никто не обращался, он хрипло произнес:

— Ладно, мы пойдем с тобой.— Он распахнул дверь.

Они вышли в коридор. Первым шел охранник, Хелман замыкал процессию. Они быстро шагали по коридорам, проходя мимо других людей в зеленой форме, которые не обращали на них никакого внимания. Шли, пока не оказались в главном зале. Здесь находился пост, охранник в зеленом, сидевший за столиком, контролировал автоматические двери.

— Вы не можете вывести его наружу, не подписав пропуск,— решительно заявил он.

— Под мою ответственность,— сказал Хелман.

Его голос прозвучал неестественно, словно говорил чревовещатель, но охранник не обратил на это внимания.

— Ну, тогда проходите,— проворчал он и положил на край стола толстый журнал.— Распишитесь здесь. Имя в этой колонке, а тут цель выхода, а третьей колонке — время возвращения.— Он бросил взгляд на здоровенного охранника, равнодушно глядящего в пустоту, потом вздохнул и спросил: — Вам потребуется машина?

— Да,— машинально ответил Хелман.

Охранник нажал на кнопку, где-то в глубине здания зазвучал гонг. Затем он нажал на едва заметный рычаг, огромные створки двери разъехались в стороны. Все трое спокойно вышли наружу и подождали, пока двери за ними закроются. Уже смеркалось, но на ясном небе появились звезды, освещавшие город.

Из-за угла выехала машина и остановилась перед ними. Все трое сели в нее. Гарольд расположился между Хелманом и охранником, оба молчали — казалось, они погрузились в размышления. Водитель обернулся и вопросительно взглянул на Хелмана.

— В центр,— коротко проговорил Хелман.

Шофер кивнул и отвернулся. Машина покатила к далеким воротам и остановилась перед ними. Ворота оставались закрытыми. Двое мужчин в зеленом появились из темноты и направили фонарики в машину.

Один из них сказал:

— Дознаватель Хелман, один образчик. Да, все в порядке.— Он махнул рукой с фонариком в сторону ворот, и они медленно открылись. Взревел двигатель, и машина выехала на улицу.

Они выпустили Гарольда Гарольд-Майра в южной части города, где здания были самыми высокими, а толпа самой густой. Хелман и охранник вышли из машины, чтобы водитель не услышал их разговора.

— Вы оба отправитесь домой,— приказал Гарольд.— Забудете обо всем, что с вами происходило, и будете вести себя как обычно. И так до восхода солнца. До этих пор вы ничего не сможете вспомнить о тех событиях, которые происходили после того, как вы вошли в мою комнату. Вы все поняли?

— Мы поняли.

Оба послушно вернулись в машину. Они превратились в автоматы. Он постоял на тротуаре, пока машина не исчезла из виду. Небо совсем потемнело, но разноцветные огни витрин озаряли все вокруг.

Несколько минут он молча стоял, глядя на колеблющиеся тени, и размышлял. Он был один — один против целого мира. Это не слишком его тревожило. Положение Гарольда мало отличалось от ситуации, в которой находился весь его народ, обитавший на одиноком мире. Мире, находившемся на окраине огромной Империи. Он обладал одним преимуществом, которое сослужило ему неплохую службу: он правильно оценивал свои возможности. Противники же ничего о нем не знали. С другой стороны, он смутно представлял себе Империю, хотя успел многое узнать о ее населении. Не приходилось сомневаться: у него серьезный противник. Союз разных жизненных форм, обладающих различными талантами, способен на многое. Предстояло сражение между человеком, наделенным сверхспособностями, и людьми обычными, но заручившимися помощью дрейнов и других существ, способности которых оставались неизвестными. У союза явно больше шансов.

Теперь, когда удалось получить свободу, он сумел оценить довод охранника: воспользоваться свободой трудно, если не знаешь, куда бежать. Однако охранник сделал один намек и кое-что упустил из виду. Он имел в виду, что существуют места, где свободу можно сохранить. И он не знал, что у беглеца есть дар отыскивать подобные убежища. Гарольд уже собрался уходить, когда к нему обратился высокий худой человек в черной форме с серебряными пуговицами и галунами. Черты его лица были изможденными и жесткими. Мерцающие рядом огни рекламы меняли цвет его лица от золотого до кроваво-красного.

Гарольд слышал, как размышляет этот человек: *«Странная чужеземная одежда. Очевидно, он недавно прилетел. Возможно, это образчик в бегах».*

— Покажите свою идентификационную карточку! — резко приказал человек в черном.

— Зачем? — спросил Гарольд, стараясь выиграть время.

Проклятье, он не успел поменять одежду.

— Таковы правила,— раздраженно ответил человек в черном.— Вам бы следовало знать, что каждый гражданин должен показывать свою карточку, когда его останавливает полиция.

«Ага, он колеблется. Должно быть, у него нет карточки».— Он шагнул вперед.

Глаза Гарольда вспыхнули диковинным огнем.

— Ты ведь на самом деле не хочешь взглянуть на мою карточку? — мягко спросил он.— Не так ли?

После короткой борьбы с самим собой полицейский пробормотал:

— Нет... нет... конечно нет!

— Ты просто совершил ошибку?

— Да, я ошибся! — признался полицейский.

В его сознании промелькнула мысль: *«Он опасен!»*

Однако она тут же исчезла, и ей на смену пришла другая, навязанная: *«Глупая ошибка. Конечно. У него есть карточка. Я лезу не в свое дело».*

С шокирующей неожиданностью в сознание Гарольда прорвалась другая мысль, ей даже не помешал телепатический шепот сотен разумов окружающих его людей. *«Клянусь Синим Солнцем, ты уловила это, Гаэта? Фрагмент гипнотического внушения! Что-то насчет карточки. Разворачивай машину!»*

Холодный пот потек по спине Гарольда; он полностью закрыл свой разум и быстро осмотрелся. Поток машин был слишком плотным, чтобы Гарольд мог определить, какая из них только что развернулась. Но он узнает эту машину, если она остановится рядом. Водитель — человек, а пассажиры — ящерицы.

Странный голос неожиданно возник вновь, прозвучал громко, а потом постепенно стал затихать.

«Конечно, я мог ошибиться. Но я уверен, что амплитуда была достаточной для гипноза. Нет, сейчас он исчез — я больше ничего не улавливаю. Эти люди так шумят на обычных волнах».

Гарольд поймал нетерпеливую мысль, явно принадлежавшую другому существу: *«Да, брось, забудь, ты не на дежурстве. Если мы не...»*

Больше Гарольд ничего не сумел уловить. Между тем к полицейскому вернулась способность соображать, и он сказал себе: *«Ну и что я здесь стою, словно манекен? Зачем пристал к этому парню? Но должна же быть какая-то причина! Я не остановил бы его ради развлечения — если только я не спятил!»*

— Ты меня не останавливал,— поспешил сказать Гарольд.— Это я тебя остановил. Я из разведки, вспомнил?

— Что? — Полицейский разинул рот, потом смущенно закрыл и с сомнением посмотрел на Гарольда.

— Подожди минутку,— добавил Гарольд, стараясь говорить твердо и уверенно.

Потоки мыслей окружающих людей текли через его сознание, ни один не обладал мощью и ясностью невидимой Гаэты и ее спутника. Быть может, они так же способны закрывать свой разум? Он вновь сосредоточил внимание на полицейском и сказал:

— Разведывательная служба. Я показывал свои документы. Неужели ты забыл?

— Нет.— Человек в черном смутился перед таким напором. Упоминание о неизвестной ему спецслужбе окончательно сбило с толку. Все же он сделал попытку оправдаться: — Но вы начали что-то говорить и не закончили.

Гарольд улыбнулся и взял его под руку.

— У меня есть полномочия, чтобы обратиться к тебе за помощью. Ведь ты в курсе, не так ли?

— Да, конечно, но...

— У тебя будет очень простое задание. Я поменялся одеждой с одним подозрительным типом — сегодня его необходимо изолировать. Когда он будет проходить мимо, я укажу на него. Ты задержишь его, затем отведешь нас в спокойное место — лучше всего в твою квартиру, где мы сможем обменяться одеждой. После чего ты получишь дальнейшие инструкции.

— Хорошо,— согласился полицейский.

Он моргал, пытаясь осмыслить происходящее. Мысли кружили в его сознании.

«Тебе не нужно знать причины. Выполняй свой долг и не задавай вопросов. Пусть ответственность ляжет на тех, у кого выше чин. Этот парень ведет себя так, словно имеет право делать все, что угодно... Надо подчиниться ему, так будет проще всего».

Мысли казались не совсем правильными. Они теснились в голове, не пытаясь выбраться наружу, но были достаточно сильными и разумными, не позволяя возникнуть другим идеям.

— Хорошо,— повторил он.

Наблюдая за проходящими мимо людьми, Гарольд выбрал человека своего роста и сложения и решил, что его одежда будет впору. Он слегка толкнул полицейского в плечо.

— Вот этот человек.

Полицейский решительно шагнул вперед, остановил намеченную жертву и сказал:

— Полиция! Я должен задержать вас.

— Меня? — Прохожий был поражен.— Но я же ничего не сделал!

— Тогда вам не о чем беспокоиться.

— Верно,— торопливо согласился задержанный и нахмурился.— Я должен пойти с вами. Но жаль терять время на ерунду.

— Ты хочешь сказать, что интересы Империи — это ерунда? — осведомился Гарольд, присоединяясь к полицейскому.

Жертва недовольно посмотрела на него и проворчала:

— Ну, давайте, попробуйте выдвинуть против меня обвинение. Посмотрим, что у вас получится!

— Что ж, посмотрим!

Свернув на боковую улицу, они вышли по ней на широкий проспект. Здесь совсем не было машин — настоящее царство пешеходов. Вся проезжая часть была разделена на шесть движущихся полос — по три в каждом направлении. Люди держались порознь и небольшими группами, одни стояли и болтали между собой, другие куда-то спешили по своим делам. От движущегося полотна исходил ровный гул.

Трое ступили на внешнюю, медленную полосу, затем перешли на среднюю и, наконец, на центральную, самую быструю. Так они проехали с десяток кварталов.

Квартира полицейского оказалась современным трехкомнатным жилищем холостяка, расположенным на втором этаже высокого здания из серого камня. Оказавшись внутри, задержанный возобновил свои протесты, но затем посмотрел на Гарольда, и его мнение относительно происходящего быстро изменилось. Он не стал возражать, когда ему предложили поменяться одеждой. Выложив содержимое карманов на стол, он разделся.

Теперь, когда Гарольд был одет в полном соответствии с местной модой, он сказал полицейскому:

— Ты можешь снять куртку и отдохнуть. Сейчас нет никакой необходимости соблюдать формальности. Возможно, мы пробудем здесь некоторое время. Приготовь нам выпить, а я разберусь с этим парнем.— Он подождал, пока полицейский выйдет в соседнюю комнату, а потом его глаза, обращенные к задержанному, сверкнули.

— Спи! — приказал Гарольд.— Спи!

Человек тут же закрыл глаза, его голова упала на грудь, и через мгновение он уже крепко спал, сидя в кресле. Быстро перебрав разложенные на столе предметы, Гарольд нашел идентификационную карточку. Хотя ему никогда не приходилось видеть подобных документов, он не стал тратить время на ее изучение. Он ловко извлек бумажник из куртки полицейского и сунул в него идентификационную карточку задержанного. Карточку полицейского он забрал, а бумажник положил на место. На его родной планете ходила старинная поговорка: запас карман не оттягивает. Он едва успел. Полицейский вернулся с бутылкой розовой маслянистой жидкости, поставил ее на стол и тупо посмотрел на спящего.

— Ха! — пробормотал он и перевел тусклый взгляд на Гарольда.

Затем он заморгал, причем его веки двигались все медленнее, словно он отчаянно боролся со сном. И проиграл. Он неловко опустился на пол и через несколько мгновений захрапел.

— Спи,— нараспев проговорил Гарольд,— спи до самого утра. Ты проснешься только после наступления рассвета, но не раньше!

Наклонившись, он вытащил маленький блестящий инструмент из кожаного футляра, находившегося под мышкой у полицейского. Какое-то оружие. Направив его на окно, нажал кнопку на рукояти. Раздался резкий хлопок, но Гарольд не почувствовал ни малейшей отдачи. В центре гласситового окна образовалось идеально круглое отверстие. В помещение проник холодный воздух, который принес с собой запахи разогретой смолы. Бросив на оружие мрачный взгляд, Гарольд засунул его обратно в футляр и презрительно покачал головой.

— Итак,— пробормотал он,— здесь порядок опирается на страх смерти. Поистине я попал в средневековье!

Не обращая внимания на спящих, он быстро обыскал комнату. Чем больше он сумеет узнать о жизни обычного гражданина Империи, тем лучше. Знание — истинное знание — уже само по себе будет мощным оружием. Его народ знал цену нематериальному.

Закончив обыск, он уже собрался уходить, когда раздался негромкий звонок. Гарольд быстро сообразил, что звук идет из-за стенной панели. Опасность. Однако Гарольд решил рискнуть. Он отодвинул панель в сторону и увидел крошечный микрофон, камеру и маленький круглый монитор.

На цветном экране появилось изображение сурового лица. Человек быстро обвел комнату взглядом и сразу же переключил внимание на Гарольда.

— Значит, исчезнувший страж *нездоров,*— проворчал он.— Он спит рядом с бутылкой. Его ждут сразу три обвинения: прогул, ношение штатского платья в служебное время и пьянство! Мы разберемся с ним без промедления.— Он сурово насупил брови: — Назовите ваше имя и номер идентификационной карточки, гражданин!

— Выяснишь сам,— буркнул Гарольд.

Он вернул панель на место, прежде чем прибор успел записать его изображение — по крайней мере, Гарольд на это надеялся.

Его постигла неудача: он сократил выигранное время от нескольких часов до минут. Представители властей уже на пути сюда, нужно срочно уносить ноги.

Через несколько мгновений он покинул здание. Проходившая мимо машина остановилась и подбросила Гарольда до центра. Водитель так и не узнал, что он сделал это не по своей воле.

Здесь город был освещен еще ярче. Впрочем, Гарольд разглядел несколько звезд, а также сияющие шары над городом — какие-то летательные аппараты.

Он смешался с толпой на тротуаре. Среди множества людей он мог чувствовать себя в относительной безопасности. Трудно найти человека в толпе, если он движется вместе с ней. Некоторое время он шел куда глаза глядят, но времени зря не терял. Он прислушивался к мыслям. Искал того, кто способен помочь. Мимо проходил толстяк, размышлявший о роскошной трапезе в кругу друзей. Гарольд последовал за толстяком, они вместе миновали три квартала, а потом оказались на другой улице с движущимися полосами. Толстяк вошел в огромный ресторан, Гарольд отставал всего на несколько шагов. Они уселись за свободный столик.

На Гарольда обрушилось множество различных мыслей. Беда в том, что их было слишком много. Они создавали непрерывный шум в телепатическом диапазоне. Гарольд с трудом отделял одну мысль от другой, едва разбирая, кому они принадлежат. Тем не менее он сумел сосредоточиться на отдельных потоках. Ел не торопясь, стараясь максимально продлить время своего пребывания в ресторане. Толстяк уже давно ушел, Гарольд сидел и слушал, слушал. Многие мысли показались ему интересными, даже разоблачительными, некоторые были близки к тому, что он искал, но полного совпадения найти никак не удавалось.

В конце концов он сдался и попросил у официанта счет. Он понимал, чего ждет официант — денег. Рока много рассказывал о деньгах, даже показывал образцы этого мусора. Он был поражен, когда оказалось, что Гарольд не имеет ни малейшего представления о том, что такое деньги. Смешно было смотреть, как заважничал лейтенант, решив, что земляне еще не «доросли» до того, что они в действительности давно позабыли.

В карманах костюма нашлись деньги — Гарольд не знал, сколько именно,— но он их оставил рядом со спящими. Какой смысл забирать чужие символы благополучия? К тому же он прекрасно обходился без денег всю жизнь и не собирался становиться их рабом теперь.

Он расплатился с официантом кусочком пустоты, с важным видом положив ее на ладонь, словно это была значительная сумма. Официант с благодарностью принял пустоту вместе со счетом и низко поклонился. Потом он потер лоб, чувствуя необъяснимое смущение, но ничего не сказал. Гарольд вышел на улицу.

Он шагал по тротуару, когда наконец удалось найти то, что он искал, хотя это произошло несколько неожиданно. Ему был нужен человек с мятежным образом мыслей, который мог бы привести его к подпольщикам. Вместо этого он нашел друга.

Существо находилось в двадцати футах от него и шагало навстречу странной свободной походкой. Это был гуманоид во всех отношениях, кроме одного — у него была кожа рептилии. Гладкая и чешуйчатая, серебристо-серого цвета с синеватым металлическим отливом. Большие серые глаза были внимательными, умными.

Вот глаза незнакомца посмотрели в глаза Гарольда, и на него накатила волна дружелюбия. Незнакомец улыбнулся и негромко сказал:

— Пойдем со мной.— И, не останавливаясь, двинулся дальше.

Он даже не оглянулся, чтобы проверить, следует ли Гарольд за ним.

Гарольд не стал раздумывать. Пришло время быстрых решений. Развернувшись, он последовал за незнакомцем. На ходу он размышлял, но теперь его разум окружала защитная оболочка, которую ничто не могло пробить.

Судя по коже, чешуйчатый человек был родом не с этой планеты. Но было и кое-что еще. Он не мог читать мысли Гарольда и все же каким-то непостижимым образом распознал духовную близость с Гарольдом и принял ее без малейших колебаний. Более того, он шагал вперед, не пытаясь закрыть свой разум, но Гарольду не удавалось проанализировать его мысли. Он не сомневался, что мысли чужака вполне логичны, но они передавались на другой волне, недоступной восприятию Гарольда. Поймать их было так же трудно, как уловить частотную модуляцию при помощи приемника, рассчитанного на амплитудную модуляцию. Короче говоря, эта жизненная форма мыслила совершенно нормально — только на других волнах.

Так ни разу и не обернувшись, чужак вошел в какое-то здание и на лифте поднялся на десятый этаж. Здесь он в первый раз оглянулся, увидел, что Гарольд стоит рядом, улыбнулся и жестом *предложил войти*.

Гарольд принял безмолвное приглашение. Чужак закрыл за ним дверь. В квартире находилось еще два таких же существа. Одно сидело за столом, лениво помахивая ногами; второе устроилось на диване и читало журнал.

— О, Мелор...— начал тот, что сидел на диване. Он поднял взгляд, увидел гостя и дружелюбно улыбнулся. Потом выражение его лица изменилось — он явно удивился.— Клянусь вечным светом, это *он!* Где ты его разыскал, Мелор?

Разум второго чужака оказался таким же непонятным для Гарольда, как и разум Мелора. То же самое он мог сказать и про третьего — его мысли теснились где-то на границе восприятия.

— Нашел на улице,— ответил тот, кого назвали Мелором,— и привел к нам. От него привлекательно пахнет.— Он сел и предложил присесть Гарольду. Посмотрев на того, что был на диване, Мелор продолжал: — А что ты имел в виду, когда сказал: «Это *он*»? Ты его знаешь?

— Нет.— Чужак включил телевизор.— Но знаю приметы. Его разыскивают.— Он повозился с переключателем.— Вот запись. Смотрите!

Загорелся большой экран. Человек с кислым выражением лица и в роскошной форме появился на экране и заговорил с официальной напыщенностью.

— Все граждане должны сохранять бдительность и, если удастся, задержать образчик, недавно привезенный с Рубежа. Его имя: Гарольд Гарольд-Майра. Описание...— Он пустился в подробный рассказ о внешности, а напоследок добавил: — Он одет весьма необычно. И у него пока нет идентификационной карточки. Граждане должны иметь в виду, что он обладает свойствами, которыми не владеют расы Империи, и что его нужно взять живым. В случае необходимости вызывайте полицию. Вот его изображение.

Экран потемнел, а потом загорелся вновь — на нем появился цветной портрет Гарольда. Он узнал свою тюремную камеру. Значит, уже тогда его снимали!

— Тьфу! — усмехнулся сидевший на диване, выключил запись и повернулся к Гарольду.— Тебе повезло — ты попал в хорошие руки. А это уже кое-что. Мы даже ремня для штанов не отдадим местным властям. Меня зовут Тор. Тот, кто так старательно бездельничает за столом, носит имя Верн. Ну, а тип, который привел тебя сюда, зовется Мелор. Наши остальные имена не имеют особого значения. Как ты, наверное, и сам догадался, мы не принадлежим к этому паршивому заорганизованному миру. Мы с Линги, планеты, которая находится очень далеко отсюда — слишком далеко, к моему сожалению. И чем больше я о ней думаю, тем более далекой она мне кажется.

— Она не дальше, чем мой родной мир,— возразил Гарольд и наклонился вперед.— Вы можете читать мои мысли?

— Никоим образом,— сказал Тор.— В этом отношении ты похож на местную расу — мыслишь в каком-то пульсирующем режиме, далеком от нашей полосы. А ты можешь читать наши?

— Нет. Они на границе моего восприятия.— Гарольд нахмурился.— Но я не могу понять, как Мелор выделил меня из толпы, если не прочитал мысли.

— Я тебя унюхал,— вступил в разговор Мелор.

— Что?

— Ну, это не совсем так, но едва ли я смогу объяснить лучше. Большинство граждан Империи обладают диковинной способностью, которую они называют чувством запаха. Мы этим не владеем. Они говорят о приятных и неприятных запахах, что для нас полнейшая ерунда. Но мы способны ощущать духовные родство и противоположность, иными словами, ощущаем «запах» друзей и врагов, мгновенно и безошибочно. Только не спрашивай, как мы это делаем, потому что я не сумею растолковать.

— Да, я понимаю,— кивнул Гарольд.

— В нашем мире,— продолжал Мелор,— большинство жизненных форм обладают этим чувством. У нас нет домашних и диких животных — они ручные, если нравятся тебе,— и они же дикие, если ты испытываешь к ним негативные чувства. Ни одно из наших животных не подойдет к охотнику из любопытства, и ни одно не убежит, если ты захочешь его погладить. Инстинкт подсказывает им, кто друг, а кто враг. Они отличают друзей от врагов с той же уверенностью, с какой ты отличаешь белое от черного или день от ночи.

— Еще одна причина, по которой мы не слишком популярны,— добавил Тор.— Ну, а главная причина — зеленый цвет кожи, ты уже, наверное, понял? Поэтому, находясь в окружении враждебных «запахов», мы всегда рады тем, кто проявляет дружеское расположение — например, как ты.

— А как пахнут дрейны?

Тор состроил гримасу.

— Они воняют! — с чувством ответил он. Задумчиво посмотрев на темный экран, он продолжал: — Местные власти хотят заполучить тебя, и я боюсь, что им это удастся. Мы постараемся сделать все, что в наших силах, но за последние десять или двенадцать лет от них сбежало не более двадцати образчиков. Все до поры тщательно скрывали свои способности, благодаря чему и удавалось застать сторожей врасплох. Но никому не посчастливилось остаться на свободе. Их ловили одного за другим — кого-то раньше, кого-то позже. Невозможно использовать силу, не раскрыв ее сущность. Когда же сущность раскрыта, власти легко находят способ борьбы. Рано или поздно беглец пытается вернуться на родную планету — и попадает в ловушку.

— Им придется ждать очень долго,— сказал Гарольд,— поскольку я не собираюсь домой. По крайней мере пока. Какой смысл было прилетать сюда, чтобы возвращаться ни с чем?

— Мы полагали, у тебя не было выбора,— заметил Тор.

— Тут вы совершенно правы. Обстоятельства сложились так, что я должен был прибыть сюда. Теперь обстоятельства вынуждают меня задержаться здесь.

Трое его собеседников были несколько удивлены таким флегматичным отношением к жизни.

— Здесь я смогу доставить Империи гораздо больше неприятностей,— заявил Гарольд.— Это ее ключевая планета. Тот, кто ею управляет, управляет и Империей. Один это человек или группа — разница небольшая, но именно тут находится мозг, который приводит в движение все механизмы.

— Похоже, у тебя есть план,— мрачно заметил Тор.— Этот мозг носит имя Буркиншоу Третий, Властитель Террора. Тебе потребуется получить сорок два разрешения, подписанных множеством разных людей, плюс вооруженный эскорт, чтобы его увидеть. Он слишком хорошо защищен!

— Да, задача непростая, но наше положение и того хуже.— Гарольд удобно устроился в кресле, продолжая размышлять вслух.— На каждой планете есть свой Властитель Террора. Какой нелепый титул для хозяев имперской свободы!

— Террор означает величие, высшую мудрость, божественный разум,— объяснил Тор.

— Неужели? А на нашей планете это слово означает «страх».— На лице Гарольда вдруг появилось странное выражение, и он воскликнул: — Буркиншоу! Буркиншоу! О боги!

— В чем дело? — спросил Мелор.

— Ничего особенного. Еще одно доказательство в пользу моей теории. Должно помочь. Да, пожалуй, это поможет.— Встав, он принялся нетерпеливо расхаживать по комнате.— На Линге есть оппозиция?

Тор с довольным видом ухмыльнулся.

— Я не слишком погрешу против правды, если скажу, что оппозиция существует на всех планетах, кроме этой. С точки зрения Империи мы все находимся в возрасте взросления: еще не вполне готовы для создания собственного правительства. Мы получим независимость завтра или послезавтра, но только не сегодня.— Он тяжело вздохнул.— Линга ждет наступления этого «завтра» вот уже семьсот лет.

— Так я и думал,— заметил Гарольд.— Все та же схема. Все те же сомнения и прирожденная слабость. Все те же слепота и

бесконечные промедления. Нам хорошо знакомо все это — только для нас оно уже превратилось в миф.

— О чем ты? — осведомился любопытный Мелор.

— У нас есть древняя поговорка,— продолжал Гарольд,— чем выше возносишься, тем неприятнее падать. Чем более громоздкой становится система управления, тем больше у нее уязвимых мест.— Он почесал подбородок и обвел своих слушателей веселым взглядом.— Вопрос стоит так: сумеем ли мы толкнуть систему достаточно сильно, чтобы она начала раскачиваться?

— Никогда! — воскликнул Тор.— Уже было столько неудачных попыток. И народу погибло великое множество — даже негде было хоронить!

— Из чего следует, что они толкали не в то место или выбрали неподходящее время.

— И какое же время подходящее?

— Не знаю. Я могу лишь выбрать момент, учтя все факторы, а дальше можно будет уповать только на везение.— Он немного подумал, а потом продолжал: — Самое подходящее время наступит через девять дней. Если вы поможете мне до тех пор не попасться, обещаю, что вам не придется больше рисковать. Я могу провести здесь девять дней?

— Конечно.— Тор внимательно посмотрел на Гарольда.— Но на что мы сможем рассчитывать, кроме как на преждевременные похороны?

— Ни на что, кроме гордости за то, что вы приложили к этому руку.

— И все? — спросил Тор.

— И все,— твердо ответил Гарольд.— Вы, обитатели Линги, сражаетесь по-своему, а у нас есть свои приемы. И если мой народ когда-нибудь поможет вашему, то только ради общей выгоды. И никто не должен рассчитывать на личную награду.

— Меня это устраивает,— спокойно ответил Тор.— Я люблю прямой и честный разговор. Мы устали от бесполезных обещаний. Считай, что мы с тобой — но только до лестницы на эшафот, а там мы хорошенько подумаем, прежде чем сделаем последний шаг!

— Большое спасибо,— кивнул Гарольд.— А теперь я хочу поделиться с вами кое-какими соображениями...

Он замолчал, поскольку телевизор издал громкий мелодичный звук. Тор протянул руку и включил его. Экран засветился, и они увидели все того же мрачного ворчуна в форме.

— Срочное сообщение! — забубнил он.— Новые сведения о сбежавшем образчике по имени Гарольд Гарольд-Майра, о котором сообщалось полчаса назад. Теперь мы знаем, что он телепат

и гипнотизер, провидец и эйдетик. Возможно, он также обладает способностью к телекинезу неизвестной силы. У нас появились основания считать его шпионом, а посему он вдвойне опасен. Запомните его облик. Гарольда-Майру необходимо задержать как можно быстрее.

Экран погас, но тут же загорелся вновь. Теперь он показывал лицо Гарольда почти целую минуту.

— Что значит провидец и эйдетик? — заинтересовался Гарольд.

— Провидец — этот тот, кто способен предсказать несколько ходов своего противника. Шахматист высокого уровня — провидец.

— О небо! Здесь тоже играют в шахматы?

— Шахматы популярны во всей Империи, а что?

— Не имеет значения,— сказал Гарольд.— Мы просто добавим этот факт ко всем прочим. Продолжай.

— Эйдетик,— объяснил Тор,— это человек с фотографической памятью. Он ничего не записывает. Эйдетик помнит все, даже малейшие подробности.

— Хм-м! Я не вижу в этом ничего удивительного.

— Жители Линги на такое не способны. Более того, нам известны лишь четыре жизненные формы, обладающие подобными возможностями.— На зеленом лице Тора отразилось уважение.— Ты и в самом деле владеешь телекинезом?

— Нет. Они ошибаются. Для них я нечто вроде полтергейста — вот уж не знаю, с чего они это взяли.— Он задумался.— Возможно, пришли к такому выводу во время третьей стадии допроса. Я могу контролировать работу сердца, кровяное давление и мысли, из-за чего их детекторы становятся абсолютно бесполезны. На выходе — лишь противоречивая чепуха. Очевидно, они решили, что я испортил машину при помощи телекинеза.

— Ах, вот оно что! — Тор был явно разочарован.

Тут телевизор вновь привлек их внимание — мрачный ворчун появился в третий раз.

— Для всех граждан, не принадлежащих к коренной национальности, объявляется комендантский час, от полуночи до часа ночи,— монотонно бормотал он.— В этот период полиция может посетить некоторые квартиры. Всякий гражданин, не принадлежащий к коренной национальности, который не окажется в своей квартире и не сможет дать удовлетворительных объяснений этому или станет чинить препятствия полиции, будет привлечен к ответственности.— Он немного помолчал, глядя в камеру. На его лице появилось агрессивное выражение.— Беглец Гарольд Гарольд-Майра обладает идентификационной карточ-

кой А-Эм-Бэ. триста семь тире сорок тысяч семьсот восемьдесят один, на имя Робертаса Брона. Это все.

— Брон,— эхом повторил Гарольд.— Брон... Буркиншоу... шахматисты. Боже мой!

Трое лингиан с тревогой смотрели на него.

— Ты видишь их ходы. Первый: они поняли, что ты нашел убежище,— заговорил Мелор.— Второй: узнали, что ты прячешься среди некоренных граждан. Поскольку на планете не более шестидесяти тысяч таких существ, занимающих около двадцати тысяч квартир, они могут одним махом решить свою проблему.— Он наморщил лоб.— И не перебраться никуда, ведь по всей планете — комендантский час. По-моему, самый простой выход — загипнотизировать коренного гражданина и провести ночь в его квартире. Если ты и в самом деле гипнотизер, то тебе это не составит труда.

— За одним исключением.

— То есть?

— Они ждут от меня именно этого.

— Но как они рассчитывают тебя остановить? — спросил Мелор.

— Главенствующая раса всегда имеет заранее разработанную схему действий. И эта схема внедрена в сознание граждан. Узнав о побеге опасного образчика, они примут соответствующие меры предосторожности.— Он ободряюще улыбнулся, но лингиане сидели с удрученными лицами.— Я могу только догадываться, как работает ловушка. Скорее всего, в каждой квартире есть устройство, которое позволяет зафиксировать появление посторонних, даже если жильцы совершенно беспомощны. Камеры напрямую соединены с управлением полиции и включаются при открывании входной двери. Если я решу рискнуть, то место и время выберу сам. Не стоит нарываться на неприятности, предоставив инициативу противнику.

— Возможно, ты прав,— не стал спорить Мелор.— Нам неизвестно, какими приборами снабжены квартиры местных жителей.

— Ну, а если пара полицейских зайдет сюда с обыском, я возьму их разум под контроль и сумею убедить, что я всего лишь один из лингиан. И тогда власть будет введена в заблуждение.

— О таком варианте я не подумал,— расстроился Тор.— Это так очевидно, что даже не пришло мне в голову.

— Так очевидно,— заметил Гарольд,— что власти не могут не предусмотреть подобного варианта.

— Тогда зачем они объявили комендантский час и предупредили о возможных обысках?

— Блефуют! — заявил Гарольд.— Власти надеются спугнуть меня или тех, кто дал мне приют. Они попросту стучат по стенам в надежде, что крыса побежит. Ничего не выйдет! С вашего разрешения я буду сидеть здесь.

— Ты можешь оставаться с нами,— заверил его Тор.— Мы найдем свободную постель, и если ты...

— Благодарю,— прервал Гарольд,— но мне не потребуется постель. Я не сплю.

— Не спишь! — Они были ошеломлены.

— Я не спал ни секунды за всю свою жизнь. Мы давно отказались от этой привычки.— Он обошел комнату, изучая мебель.— Нетерпение — вот настоящее проклятие заговорщиков. Больше всего меня раздражает необходимость ждать целых девять дней. Вы действительно готовы предоставить мне убежище на этот срок или у вас есть на примете другое безопасное место?

— Оставайся,— сказал Тор.— Ты расплатишься с нами своим обществом. Мы сможем поговорить о родных планетах, до которых нам не добраться. И о свободе для наших народов, и о других вещах, которые опасно обсуждать за стенами квартиры. Мы любим мечтать.

— Вы слишком мрачно настроены,— с укором сказал Гарольд.

На четвертый день безделье ему окончательно надоело. Он решил прогуляться по улицам города. За четыре дня по телевизору дважды говорилось, что он все еще на свободе. Однако последнее сообщение прозвучало три дня назад. С тех пор — молчание.

Гарольд рассчитывал, что все уже забыли утреннее сообщение, не говоря уже о двадцати предыдущих, и не ошибся. Люди равнодушно проходили мимо, занятые собственными проблемами. Несколько раз ему смотрели в лицо, но не узнавали. В центре города он нашел магазин, торговавший новейшей техникой. Это существенно упрощало ситуацию. Он задумался о том, как с помощью Мелора добыть все необходимое и обойтись без денег. Лингиане столь же сильно уважали деньги, сколь сильно Гарольд их презирал, поэтому он не мог просить, чтобы трое помощников ради него несли расходы. Инстинкт помог ему разобраться в этике денежных отношений.

Он смело вошел в магазин. На прилавках лежали вещи, вполне подходившие для его целей; другие требовали небольшой переделки. С помощью простейших инструментов он сумеет решить поставленную задачу. Гарольд написал список покупок и вручил его продавцу.

Тот оказался проницательным человеком и сразу же сказал:

— Это нужно для микроволнового передатчика.

— Совершенно верно,— спокойно подтвердил Гарольд.

— Для приобретения таких вещей необходимо письменное разрешение.— Он нахмурился.— Могу я взглянуть на вашу идентификационную карточку?

Гарольд показал карточку.

— Ах, вот оно что! — воскликнул продавец и сразу взял другой тон.— Полиция! — Он улыбнулся.— Вы убедились в том, что я не нарушаю правил торговли!

— Я не собирался вас проверять. Мне просто нужны эти вещи. Упакуйте побыстрее, я очень тороплюсь.

— Конечно, конечно.— Продавец, не теряя времени, принялся собирать товары, стараясь угодить полицейскому. Когда закончил, еще раз взглянул на номер карточки.— Счет прислать в полицейское управление?

— Нет,— возразил Гарольд.— Направь его в Аналитический отдел Иммиграционного департамента, персоналу Третьей стадии.

И с удовлетворенной улыбкой он вышел из магазина. Когда Хелман получит счет, он может засунуть его в свои машины и заняться анализом. Гарольд подумал, что у жителей этого мира совсем не развито чувство юмора.

Благополучно вернувшись в квартиру лингиан, он разложил на столе покупки и принялся за работу. Быстрота и ловкость, с которой он собирал прибор, поразила бы его врагов. Он проработал час, когда телевизор издал знакомый звук. Но Гарольд был слишком погружен в работу и не захотел ее прерывать. А еще через некоторое время лингиане вернулись домой.

Тщательно закрыв дверь, Мелор сказал:

— Из-за тебя вновь подняли шум.

— Неужели?

— А ты не смотрел последнюю передачу?

— Я был занят,— ответил Гарольд.

— Власти обнаружили, что у тебя есть полицейская карточка и ее номер отличается от того, который объявлен ранее. Диктор был недоволен.

— Любой бы не обрадовался на его месте,— заметил Гарольд.

Тут Мелор заметил, чем занимается Гарольд.

— Где ты это взял? — с тревогой спросил он.— Выходил из дома?

— Естественно! Мне нужно было раздобыть детали, не мог же я просто взять и сотворить из воздуха. Мы еще *так* далеко не продвинулись! — Он посмотрел на растерянного лингианина.— Не волнуйся. Я выходил всего на пару часов, и на меня

никто не обратил внимания, словно я родился и вырос в этом городе.

— Вполне возможно.— Мелор уселся в кресло и принялся массировать чешуйчатый подбородок; по коже прокатилась волна синевы.— Но рано или поздно ты натолкнешься на полицейского, астронавта или дрейна. Полицейские любят задавать вопросы. Астронавт сразу же узнает чужака, к тому же он никогда не забывает лицо, которое видел хотя бы раз. А дрейны слишком легко читают мысли. Это рискованно.— Он еще раз взглянул на аппарат.— Что ты пытаешься сделать?

— Простой контактор.

— А зачем он тебе?

— Чтобы войти кое с кем в контакт.— Гарольд ловко завел внутрь провод, умело соединил с крошечным конденсатором и зафиксировал соединение припоем.— Если двое не знают, как друг друга найти, но находятся на небольшом расстоянии, они могут воспользоваться контакторами.

— Понятно,— пробормотал Мелор, который ничего не понял.— А почему бы тебе не войти в телепатическую связь?

— Потому что такая связь возможна только на малых расстояниях. Мысли слишком быстро рассеиваются, особенно если натыкаются на материальные объекты.

Трое лингиан с интересом наблюдали за Гарольдом. Он закончил работу незадолго до полуночи, теперь у него имелось приемо-передающее устройство, снабженное тремя антеннами. Одна представляла собой короткий вертикальный прут, вторая — маленькую серебряную петлю, вращающуюся в горизонтальной плоскости, третья — слегка изогнутую серебряную трубку, также способную вращаться в горизонтальной плоскости.

— Теперь нужно его настроить,— заявил Гарольд.

Включив источник энергии, он подождал, пока прибор нагреется, после чего принялся его вращать при помощи гласситовой отвертки. Тут требовалась точность движений. Колебательный контур нужно было расположить так, чтобы точка резонанса оказалась пройденной после того, как он уберет руки. Увы, электрическая емкость этой планеты имела не те константы, что Земля. Нужную точку удалось найти методом проб и ошибок, всякий раз слегка изменяя положение контура.

Движения его пальцев были точными и уверенными, как у хирурга. Наконец он убрал руки. Контур вернулся в точку резонанса. Гарольд снова и снова повторял попытку. Ничего не получалось. Гарольд встал, потирая подбородок, в голове пульсировала тупая боль. Вздохнув, он выключил питание.

— Хватит,— проворчал Гарольд.

— Ты не собираешься начать передачу прямо сейчас? — осведомился Мелор.

— Какой смысл? Никто не ждет моего сигнала.

— Да?! — Трое лингиан смутились еще больше.

Им ничего не оставалось, как отправиться спать.

У лингиан была небольшая, но очень хорошая библиотека; убрав свой прибор, Гарольд взял книгу по древней истории. Началась четвертая ночь, которую он решил потратить на самообразование. В книгах таилась опаснейшая для Империи информация. Но ее нужно было еще отыскать. Ни один Властитель Террора не читал эти книги так, как Гарольд!

Наступило утро девятого дня, которое ничем не отличалось от всех предыдущих. Взошло солнце, и в столице Империи вновь закипела жизнь.

Когда появился Мелор, Гарольд ему сказал:

— Кажется, сегодня выходной. У тебя есть какие-нибудь планы?

— Ничего существенного. А почему ты спрашиваешь?

— Нас ждет много интересного, если я только не ошибся в расчетах. Мне бы не помешала помощь.

— Что я должен делать?

— Ты мне очень поможешь, если я наткнусь на существо, способное полностью контролировать свои мысли или экранировать их. Но ненависть или враждебность не являются мыслями — это эмоции, из которых рождаются соответствующие мысли. Вы, лингиане, способны воспринимать такие эмоции. Даже если разум существа останется для меня закрытым, вы легко прочитаете его сердце.

— Я тебя понял, но мне не ясна цель,— сказал Мелор.

— Объясняю,— терпеливо проговорил Гарольд,— когда я сказал, что сегодня нас ждет много интересного, я вовсе не имел в виду сражения и убийства. Мы не прибегаем к насилию. К примеру, нам часто удается решить проблему мирно, если мы говорим нужные слова нужному человеку в нужное время. Размахивать клинком куда менее выгодно, чем языком.— Он мрачно улыбнулся.— Мой народ не любит проливать кровь — у нас было слишком много войн. Теперь мы не воюем. Мы стали взрослыми.

— И поэтому?..— не унимался Мелор.

— Поэтому мне нужна твоя помощь. Я должен выяснить, можно ли убедить в чем-то существо, чей разум останется для меня закрытым.

— Ну, это совсем нетрудно. Я смогу сказать тебе, когда ненависть, страх или дружеские чувства будут усиливаться или слабеть.

— Как раз то, что мне нужно,— обрадовался Гарольд.— Мы стараемся помнить, что наша форма жизни имеет не только преимущества, но и недостатки. Некоторые из нас об этом забывали и воображали себя богами. За подобные заблуждения приходится расплачиваться жизнью!

До полудня ничего не происходило. Гарольд и Мелор терпеливо ждали, хотя хозяин квартиры уже начал проявлять нетерпение. В полдень телевизор загудел, и Мелор его включил.

На экране появился Хелман. Он смотрел на Гарольда и Мелора так, словно прекрасно их видел. На загорелом лице застыло недовольное выражение.

— Это заявление предназначено для образчика по имени Гарольд Гарольд-Майра,— начал Хелман,— и для того гражданина, который поддерживает с ним противозаконный контакт. Да будет тебе известно, Гарольд Гарольд-Майра, что вся информация о твоем мире передана Совету Действия. Совет пришел к выводу, что в интересах Империи тебя следует немедленно уничтожить. К завтрашнему полудню наши боевые корабли получат приказ уничтожить твою планету — если ты не сдашься властям и не предоставишь новую информацию, которая убедит Совет Действия отменить свое решение.

Хелман замолчал и облизал губы. Он вел себя так, будто только что получил суровый выговор.

— Сообщение будет повторено через час. Тем, кто связан с беглецом, рекомендуется проинформировать его о нашем требовании. Это последнее предупреждение.— Он заговорил еще более сурово: — В случае немедленной сдачи властям Совет Действия может проявить милосердие к тем, кто скрывал беглеца.

Экран потемнел.

— Мат в один ход,— печально заметил Мелор.— Мы же говорили, что бесполезно интриговать. Рано или поздно вылавливают всех.

— Нет, это всего лишь шах. Теперь наш ход.

— Ладно... И каким же будет ответный ход?

— Пока не знаю. Нужно подождать. Если долго сидеть у камина, обязательно прилетит Санта-Клаус.

— Кто такой Санта-Клаус? — раздраженно спросил Мелор.

— Человек с миллионом леденцов.

— Леденцов?

— Ну, сладкие такие, их можно лизать.

— О, космос! — вскричал Мелор.— Какому безумцу нужен миллион сластей, которые можно лизать? Это имеет какое-то отношение к твоим проповедям о пользе языка? Если да, то нам конец!

— Забудь,— посоветовал Гарольд.— Я говорю загадками, чтобы как-то скоротать время.

Тут вдруг у него сильно заболела челюсть. Он вскрикнул, чем сильно напугал нервничавшего Мелора. Засунув два пальца в рот, Гарольд снял коронку с заднего коренного зуба и положил ее на стол. В коронке сверкнул маленький кристалл. Мелор удивленно смотрел на него.

Гарольд включил приемник и подождал, пока нагреется. Из микрофона послышался слабый свист. Гарольд принялся осторожно поворачивать контур — и свист усилился, а затем ослабел и стих совсем. Шевельнув контуром, Гарольд вернул сигнал и нажал кнопку. Звук вырос.

— В эту сторону,— пробормотал он, поворачиваясь к Мелору.

Затем он перешел на передачу, направив трубчатую антенну вдоль плоскости контура. Вновь сместив контур, он получил ответный сигнал. Вскоре послышались три коротких свистка, затем возобновилось слабое гудение. Гарольд трижды нажал на ключ передатчика.

Так продолжалось полчаса: через постоянные промежутки времени повторялся тройной свист. Наконец раздался один долгий свисток.

Гарольд тщательно повторил свои манипуляции с антенной, но теперь все действия производил в обратном порядке. В результате послышались три свистка, и вновь он нажал на ключ передатчика. Потом наступила еще одна долгая пауза. И только после этого в сознании Гарольда прозвучал слабый далекий голос.

«Синяя машина. Синяя машина».

Подойдя к окну, он выглянул на улицу. С высоты десятого этажа открывался прекрасный вид сразу на несколько кварталов. Мимо проезжали десятки машин, из них полдюжины — синего цвета.

«Стоп. Выходи»,— подумал он с максимальным напряжением.

Машина остановилась, из нее вышел человек, огляделся по сторонам и вернулся на сиденье. Машина была синей.

Гарольд пересек комнату, выключил передатчик и вернулся к окну. Посмотрев вниз, он подумал, напрягаясь изо всех сил:

«Кажется, я тебя вижу. Продвинься немного вперед... медленно... вот так... остановись! Здание находится прямо перед тобой. Поднимись на десятый этаж».

Он продолжал наблюдать за машиной, которая припарковалась возле тротуара у дома напротив. Из нее вышли двое мужчин, перешли дорогу и скрылись в доме. Гарольд не заметил, чтобы рядом остановилась машина и за ними кто-то последовал. Теперь мысль прозвучала в его сознании громче:

«За нами есть хвост?»

«Я ничего не вижу».

«Хорошо!»

— Я знаю, что ты вошел с кем-то в контакт,— печально проговорил Мелор.— Наверное, это Санта-Клаус? Я не понимаю, как ты можешь воспринимать чужую зубную боль.

— Наща боль ничуть не хуже, чем ваш «нюх».

Гарольд надел коронку. Открыв дверь, он выглянул наружу как раз в тот момент, когда пара из машины оказалась перед квартирой лингиан. Он жестом предложил войти и познакомил с хозяином.

— Это Мелор, друг с Линги. Мелор, познакомься с Джорджем Ричардом-Евой и Бертом Кен-Клодом.

Мелор с подозрением посмотрел на форму с серебристыми кометами на эполетах.

— Они пахнут настолько же хорошо, насколько плохо выглядят! — прокомментировал он.— Скоро окажется, что у тебя в друзьях есть и дрейны!

— Это вряд ли! — усмехнулся Гарольд.

Берт сел и сказал Гарольду:

— Ты хорошо знаешь местных жителей. Достаточно ли они развиты, чтобы засечь наши переговоры? Если да, то сколько у нас времени? Можно ведь спуститься в машину и выиграть несколько часов.

— Они знают, как я заполучил необходимое оборудование и зачем оно мне нужно. И они не настолько глупы, чтобы не попытаться засечь сигнал,— ответил Гарольд.— Полагаю, им потребуется полчаса.

— Этого хватит.

— Вы можете общаться телепатически, я не против,— вмешался Мелор.

— Ты с нами,— сказал ему Гарольд,— поэтому мы будем говорить вслух. Ты должен знать, что нас ждет.— Он повернулся к Берту.— Ну, каковы наши планы?

— Четверо из пяти в игре. Пятый оказался бесполезным: там несколько бюрократов-приспособленцев, которые получают хорошие деньги. Но четырех нам должно хватить.

— Продолжай.

— Все выбранные нами уже отправлены, первый из них прибыл на место. До ближайшей звезды шесть дней пути, поэтому у них был хороший запас.— Берт провел ладонью по черным волосам, и на его лице появилось задумчивое выражение.— Немо* готов в любой момент сделать публичное заявление. Вот это было непросто! Мы взяли оттуда сорок человек, но пришлось приложить немало усилий, чтобы отыскать последнюю пару. Однако мы их поймали. Сейчас они в безопасном месте.

— Хорошо!

— Мы многое узнали,— продолжал Берт.— Это даже лучше, чем побывать в зоопарке. К примеру, у них есть система передачи подпольных сообщений — ее надо видеть! Под «подпольем» они понимают высоту в десять тысяч футов! И как, ты думаешь, они проделывают свои штучки?

— Понятия не имею,— ответил Гарольд.

— При помощи птиц! Среди низших жизненных форм есть одна — с клювом и перьями. Они говорят с птицами. Птицы каркают и чирикают в ответ — и каждая понимает, что ей говорят.

— Орниты,— вмешался Мелор.— Они происходят с планеты Гронат, восьмисотой по счету жертвы Империи. Теперь они разбросаны по разным мирам, полагаю, здесь их не больше десятка. Когда у вас появится возможность путешествовать по Империи, вы обнаружите еще более странных существ. И даже не ко всем из них гуманоиды относятся отрицательно.

— Создается впечатление, что гуманоиды даже себе подобных не слишком жалуют,— заметил Берт.— Для большинства из них брат с соседней планеты — уже иностранец.

— Все они находятся на уровне развития школьника,— ответил Гарольд.— Полны легкомыслия.

Берт кивнул и продолжал:

— Как ты знаешь, нам пришлось действовать очень быстро, не было времени для радикальных мер, но даже то, что мы сделали, должно показать им, как следует поступить,— а остальное значения не имеет.— В его глазах появилось задумчивое выражение.— Когда мы щедро пускаем хлеба по водам, то не думаем о том, что они вернутся насквозь мокрыми.

— Значит, вы нашли подтверждение?

— Множество,— кивнул Берт.— А ты?

— Сколько пожелаешь.— Гарольд подошел к книжной полке и взял толстый том с красивым названием «Императорские выборы». Он полистал страницы, нашел иллюстрацию.— Смотри!

— Ну и ну! — пробормотал Берт.

---

* Nemo — никто *(лат.)*.

— Расцветающий крест!* — воскликнул Джордж, заглянув через плечо Берта.— И Круг Бесконечности!

— На этой полке много такого,— сказал Гарольд, поставив книгу на место.— Я как будто попал в диковинный сон.— Он вернулся к своему креслу и сел.— Что вы еще можете рассказать?

— Почти ничего. Джон остался на третьем номере. Ему повезло, он добрался до Властителя, толстяка по имени Амилкар. Его превосходительство на данном этапе не отличает правую ногу от левой.

Гарольд открыл рот, чтобы прокомментировать его слова, но закрыл, так ничего и не сказав. Он включил свои телепатические способности. Берт и Джордж поступили так же. Мелор начал волноваться. Гарольд только теперь заметил бахрому тонких волос вокруг ушей лингианина, сейчас они встали дыбом и слегка подрагивали.

— Я ощущаю запах враждебности,— с тревогой сообщил Мелор и быстро подошел к окну.

В эфире царила ужасная суматоха, метались разрозненные мысли, было трудно извлечь что-то осмысленное.

«Окружаем их с...»

Шум.

«Да, занимайте нижний этаж...»

Шум.

«Поднимаемся вверх...»

Шум.

«Десяток человек... ищите...»

Шум.

«Они могут быть...»

— Я жду посетителей,— непринужденно заметил Джордж, подходя к стоящему у окна Мелору.

Все четверо выглянули на улицу. Там царило необычное оживление. Дюжина машин полностью перегородила движение. Еще дюжина блокировала перекрестки справа и слева. Что-то невидимое гудело в небе, казалось, подлетает целая эскадрилья вертолетов. Более двухсот человек в черной форме небольшими группами стояли на тротуаре.

— У них очень грубые приборы.— Берт скорчил гримасу, глядя на собравшееся внизу войско.— Они сумели определить лишь улицу, но не здание.

— Тем не менее они нас нашли,— заметил Гарольд, который выделил поток мыслей, принадлежащих обычному человеку.— Мы можем спуститься, чтобы избавить их от лишней работы,

---

* Христианский крест в виде расцветающего бутона.

но среди них есть необычные разумы, а это уже риск. Не может такого быть, чтобы власти не приготовили нам сюрприз.

— Ну так давай проверим,— предложил Берт.

И все трое дружно послали потоки мыслей с указанием своего точного местонахождения. В тот же миг неразбериху перекрыл чуждый разум, появившийся в эфире. Он был чистым, острым, проницательным и обладал немалой силой.

«Они в этом здании! На десятом этаже! Их трое, и с ними один лингианин. Они не намерены оказывать сопротивление!»

— Дрейн! — сказал Гарольд.

Им не удалось найти это существо среди массы людей и автомобилей, они не смогли определить даже направление, поскольку дрейн закрыл свой разум, как только закончил телепатическую передачу.

— Судя по всему, среди них есть дрейн,— с некоторым опозданием сообщил Мелор.— Вы его слышите? Я не понял, что он сказал.

— Он понял, где мы находимся, и сказал, что с нами лингианин.

— И что вы теперь намерены делать? Неужели мы будем как овцы ждать своей участи?

— Да,— ответил Гарольд.

На лице Мелора появилось выражение мученика, но он ничего не сказал.

К их удивлению, никакой реакции на заявление дрейна не последовало. Наступила томительная пауза. Однако вскоре на улице появилась машина с серебристыми знаками на бортах, которой все уступали дорогу. И тут же люди в черной форме бросились к зданию.

Дверь открыл Мелор и впустил в квартиру капитана полиции, которого сопровождали шесть человек. На лицах всех семерых читалась тревога — ведь им приходилось иметь дело с неведомым. Все были вооружены маленькими бластерами, такими же, как тот, который Гарольд нашел у загипнотизированного полицейского.

Капитан, крупный, дородный, бледный, вошел в комнату, не опуская бластер, и сразу же произнес заготовленную речь:

— Выслушайте меня, прежде чем пустите в ход свои трюки. Наши бластеры не стреляют, пока мы сжимаем их в руках. Но как только мышцы расслабятся — а гипноз обязательно к этому приведет,— бластеры начнут стрелять! — Он сглотнул.— Любые попытки сопротивления приведут к тому, что все здесь будет

уничтожено. Кроме того, на других этажах и на улице полно наших. Вам не справиться со всеми!

Дружелюбно улыбнувшись, Гарольд сказал:

— Вы провоцируете нас. Ничего не стоит заставить вас выбросить игрушки в окно, кстати, вместе с вашими штанами. Но мы хотим поговорить с Советом Действия, и нам некогда развлекаться. Пойдем.

Капитан не знал, хмуриться ему или изображать облегчение. Он осторожно посторонился, не опуская бластера, и четверка задержанных двинулась к двери. Полицейские не сдержали довольных ухмылок. Они окружали пленников, но старались не приближаться к ним. С такой же осторожностью двигается человек, у которого на груди пригрелась змея. По пути к лифтам Берт обратился к одному из полицейских:

— Как тебя зовут?

Долговязый субъект с тараканьим лбом опасливо посмотрел на Берта:

— Уолт Брон.

— *Фу ты!* — сказал Берт.

Полицейскому это не понравилось. Он опустил брови, в глазках полыхнула злоба, и он сказал себе: *«Зачем ему знать мое имя? Я не сделал ему ничего плохого. Что он задумал?»*

Берт широко улыбнулся и послал мысль Джорджу и Гарольду:

«Они чем-то встревожены, хотя высокие чины им почти ничего не рассказывают».

«Да, — пришел ответ,— *такое впечатление, что во влиятельных кругах возникло недовольство и во всем обвинили полицейских. Очевидно, какие-то новости просачиваются.* — Пауза.— *Ты ощущаешь внешнее воздействие?»*

«Нет».

«И мы тоже. Должно быть, дрейн ушел. — Пауза.— *Жаль, что мы не можем говорить таким же способом с Мелором. Он идет, как фаталист, навстречу смерти.* — Пауза.— *Мужественный парень, он полностью нам доверился».*

«Да, но мы за ним присмотрим!»

Они подошли к лифту. Вокруг толпились вооруженные полицейские, большая группа ворвалась в квартиру, чтобы произвести тщательный обыск.

Четверка арестованных и семеро полицейских полностью заняли лифт. Закрылись гласситовые двери. Дородный капитан нажал на кнопку, и кабина двинулась вверх. Все с интересом наблюдали за сменой цифр на пульте. Они остановились на двадцать седьмом этаже.

Однако капитан не стал открывать двери. Он стоял, не сводя взгляда с пульта; лицо медленно краснело. Затем он вдруг ткнул пальцем в кнопку нижнего этажа. И лифт поехал вниз.

«Кто это сделал?» — поинтересовался Гарольд.

«Я, — отозвался Берт.— *Не справился с искушением»*.

Вслух он добавил:

— Я не заметил, чтобы кто-то начал стрелять. А вы?

Его товарищи ухмыльнулись. Капитан угрюмо смотрел на пульт и молчал. Остальные полицейские нервно переминались с ноги на ногу.

Их ждал даже не конвой, а настоящий почетный караул. Две плотные шеренги полицейских выстроились от дома до машины. Они держали никак не меньше шестидесяти бластеров — не подумав о том, что если откроют огонь, то попросту перестреляют друг друга.

Четверка пленников села в машину, и мрачный водитель насупился еще сильнее, когда увидел арестованных. Рядом с ним сидел полицейский. Заработали двигатели, колонна тронулась — впереди ехало полдюжины автомобилей, сзади еще дюжина. Процессия вполне сошла бы за похоронную, да и скорость соответствовала. Гарольд довольно скоро понял, что их вывозят из города. На высоте в тысячу футов летело несколько вертолетов сопровождения.

Оказалось, что кортеж направляется к изящному зданию, которое величественно вздымалось, окруженное мощной стеной с разветвленной системой сигнализации. Когда машина с арестованными проезжала сквозь огромные ворота, они заметили регистрирующее устройство, а рядом большой отряд вооруженной до зубов охраны.

— Дворец Совета,— сообщил Мелор.— Здесь создаются и уничтожаются миры... Во всяком случае, так говорят.

— Молчать! — скомандовал сидящий впереди полицейский. А затем писклявым голосом добавил: — В моем саду живут феечки!

— Неужели? — спросил Берт, демонстрируя вежливый интерес.

Полицейский побледнел и еще крепче вцепился в свой бластер, позабыв, что это ему не поможет.

«Оставь его в покое, Берт!» — подумал Гарольд.

«Он мне не нравится, — заявил Берт.— *У него слишком торчат уши»*.

— От него пахнет яростью! — открыто заметил Мелор.

Колонна остановилась у роскошно украшенного входа в небоскреб, и все разговоры прекратились. Четверка выбралась из

машины и в сопровождении нового конвоя вошла в здание. Здесь поджидал еще один отряд людей в черной форме, которые проводили их на третий этаж. Арестованных ввели в помещение с решеткой из бериллиевой стали вместо двери. Затем ключ в замке повернулся, они оказались взаперти.

Но прежде чем они успели осмотреть помещение, появился служитель и сквозь решетку просунул им пакеты с едой.

— У меня нет ключа,— сразу же сказал он,— я не знаю, у кого он есть. И никак не могу узнать. Если вам что-нибудь понадобится, позовите меня, но вы не заставите меня открыть решетку.

— Не надо обманывать,— сказал Берт.— Это очень некрасиво с вашей стороны.— Подойдя к решетке, он распахнул ее и посмотрел на потерявшего дар речи служителя: — Передайте Совету, что здесь очень удобно и мы ценим оказанное нам внимание. Мы с радостью нанесем Совету визит.

Служитель наконец немного пришел в себя и бросился бежать так, словно за ним гнались черти.

— Как ты это сделал? — широко раскрыв глаза, спросил Мелор.

Он взялся за прутья и слегка покачал — решетка легко поворачивалась на петлях.

— Джентльмен с ключом запер замок, а потом его открыл, после чего удалился, уверенный, что выполнил свой долг.— Берт вздохнул.— Жизнь полна иллюзий.— Он заглянул в пакет.— Сухой паек! — Скорчив презрительную гримасу, он бросил пакет на стол.

— Идут,— объявил Джордж.

Явилась целая толпа. Полицейские заперли решетку, пропустили сквозь прутья две тяжелые цепи, а их звенья нанизали на дужку висячего замка. Четверка пленников молча наблюдала за их манипуляциями. Важный коротышка с серебряными украшениями на груди изо всех сил потряс решетку. Удовлетворенно вздохнув, бросил на арестантов хмурый взгляд и удалился в сопровождении толпы.

Брент принялся слоняться по камере.

— За нами наблюдают камеры, микрофоны подслушивают каждое наше слово, есть и другие приспособления для слежки. Я сыт всем этим по горло. Давайте навестим Совет.

— Да, пожалуй, время пришло,— согласился Джордж.

— Откладывать нельзя,— добавил Гарольд.

Мелор промолчал. Беседы друзей казались ему бессвязными и лишенными смысла. У них была странная привычка обмениваться ехидными замечаниями. Поэтому он молча смотрел на

решетку, сквозь которую могла проникнуть лишь текучая форма жизни. Интересно, подумал он, задержали уже Тора и Верна? Он надеялся, что они на свободе. Пусть уж лучше казнят одного лингианина, чем троих.

Через минуту вернулся человек с ключами, в сопровождении двух охранников и высокого седовласого чиновника в зеленой форме. На плечах чиновника поблескивали серебристые кометы. Он не сводил внимательного взгляда с надзирателя, пока сей достойный джентльмен отпирал висячий замок, снимал цепи и открывал решетку.

После чего чиновник обратился к четверке арестованных:

— Впечатляет! — Он подождал ответа, но все молчали, и тогда он продолжал: — Надзиратель сам не понимает, что делает. Как Совет и предполагал, вы заставили его вернуться и открыть дверь. Мы следили за ним. Очень любопытно, каких результатов вы способны достичь при помощи гипноза.— Он дружелюбно улыбнулся.— Но вы не ожидали, что он вернется не один?

— А какое это имеет значение? — невинно спросил Гарольд.— Ваш разум сообщает, что Совет готов нас принять.

— Я вижу, что попусту трачу время.— Чиновник махнул рукой.— Ладно, идите за мной.

Совет оказался небольшим. Он состоял из восьми членов, и лишь двое из них не были людьми. Они сидели за длинным столом: шесть человек в центре, негуманоиды по краям. Справа расположилось существо с головой, напоминающей пурпурный шар, гладкой, блестящей, лишенной волос, но с парой глаз на стебельках, способных втягиваться. Бесформенное тело скрывал плащ. Создавалось впечатление, что у этого создания нет ни плеч, ни рук. Оно было настолько же отвратительным, насколько сидящее слева от него — красивым. Плоское круглое золотое лицо, окруженное крупными и гладкими золотистыми лепестками. Голову поддерживала короткая волокнистая зеленая шея, а от средней части туловища отходили длинные изящные руки, заканчивающиеся пятью щупальцами. На лице выступали две черные шишковатые тычинки, под ними виднелся широкий подвижный рот. Существо было прелестным, как цветок.

Четверку арестованных и Совет разделяли стол и длинный проволочный барьер. Гарольд, Берт и Джордж *увидели*, что барьер заряжен, и осторожно исследовали его при помощи своих чувств. Они сделали вывод одновременно: по проволоке идет ток. *«Гипнотический экран!»* — доложил Берт. Он был удивлен.

— Но он не блокирует нейтральные лучи. Они мыслят в разных диапазонах. Ты слышишь, о чем они думают?

— Нет,— ответил Гарольд.— И я не слышу *ваших* мыслей, когда вы говорите.

— Я также потерял контакт,— признался Джордж.— Нечто, не имеющее отношения к экрану, выдает помехи на телепатических волнах.

Недовольно фыркнув, Мелор сказал:

— Я знаю, в чем дело. В помещении находится дрейн. Это его работа.

— Ты уверен?

— Я его чувствую.— Он показал на существо, похожее на цветок.— Более того, дрейны не могут говорить. У них нет голосовых связок. Флоранцы играют роль переводчиков — вот почему один из них здесь.

Широколобый, с тяжелым подбородком член Совета наклонился вперед, глядя блестящими глазами на четверку арестованных.

— Лингианин прав,— резким голосом проговорил он.— Раз уж мы собрались здесь, в наши намерения не входит выслушивать вашу ложь. Нам нужна только правда, чтобы принять справедливое и мудрое решение, поэтому мы посчитали нужным привлечь дрейна.

Он замолчал и сделал драматический жест. Флоранец опустил руку со щупальцами под стол, а затем положил дрейна на гладкую поверхность.

Гарольд сообразил, что правильно представлял себе дрейна, но ошибся в размерах. Он почему-то решил, что дрейн такого же роста, что и человек. Но диковинное существо оказалось размером с его кулак, и это поразило Гарольда.

Дрейн действительно походил на ящерицу, но не так сильно, как ему показалось в первый момент. Когда Гарольд сумел разглядеть его с близкого расстояния, он подумал, что дрейн выглядит абсурдно в идеально сидящей на нем зеленой форме. Тварь смотрела на пленников маленькими глазами, подобными огненно-алым точкам. Одновременно на их сознание обрушился поток ментальной энергии.

Однако все трое землян уже защитили свой мозг невидимой оболочкой, а четвертый арестант — лингианин — ощущал лишь пульсации, для него совершенно безвредные. Давление накатывало волнами; поразительно, как такой крошечный мозг умудрялся излучать столь мощный ментальный поток. Он неустанно повторял свои попытки, наносил все новые и новые удары.

На лбу у троих арестантов выступил пот, все они неотрывно смотрели на мундир дрейна, продолжая удерживать щиты против незримого нападения. Мелор сел, опустил голову и принялся

раскачиваться из стороны в сторону. Совет равнодушно наблюдал за происходящим. Глаза дрейна превратились в огненные самоцветы.

— Продолжаем,— прошептал Гарольд.— Он уже почти кипит.

Как и ящерицы, на которых он был так похож, дрейн застыл в неподвижности. Казалось, его тело вырезано из дерева; злобные глаза ни разу не моргнули. Он продолжал свою ментальную атаку.

Неожиданно он рванул лапой курточку, из-под одежды повалил дым. В следующее мгновение существо соскочило со стола, и ментальная атака прекратилась. Высокий слабый голосок прозвучал в сознании землян:

«Горю... горю... горю!» — Существо убежало прочь, и через несколько мгновений его голос стих.

Тот член Совета, который говорил с пленниками ранее, смотрел через барьер на арестованных. Его пальцы начали нервно постукивать по столу. Остальные сидели с каменными лицами. Он повернулся к флоранцу.

— Что произошло?

— Дрейн сказал, что он горит,— произнес рот на цветочной голове. Голос был тихим, но четким.— Он был очень взволнован. Опасность уничтожила его способность концентрироваться, и он решил, что лучше сбежать, пока не случилось худшего.

— Пиротики! — пораженно пробормотал один из членов Совета.— Я слышал о них легенды.— Его взгляд вновь обратился к арестованным.— Значит, вы способны мыслью зажигать огонь?

— Некоторые из ваших людей тоже способны, только сами об этом не подозревают,— сказал Гарольд.— Это причина большинства необъяснимых пожаров.— Он нетерпеливо махнул рукой.— Ну а теперь, когда мы избавились от дрейна, почему бы не поговорить о том, что у вас на уме? Мы можем легко прочитать все, что вы думаете, и нам известен следующий ход: вы позовете Буркиншоу, Хелмана и Року, после чего начнутся переговоры.

Член Совета нахмурился, но не стал спорить и нажал красную кнопку. Он явно чего-то ждал.

Вскоре появились Хелман и Рока. Первый выглядел довольно мрачным. Второй сконфуженно улыбнулся четверке арестованных и даже кивнул Гарольду.

Через минуту появился Буркиншоу Третий, Верховный Властитель, и занял место во главе стола. Грозные имя и титул шли ему как корове седло — перед землянами и лингианином предстал субтильный коротышка с впалой грудью и бледным мор-

щинистым лицом. Обширную лысину окружали клочки седых волос, близорукие глаза смотрели на мир сквозь пенсне. Он производил впечатление кроткого и чрезвычайно занятого профессора — но его разум оставался холодным, как лед.

Сейчас этот разум был полностью открыт для троицы землян. Педантичный и проницательный, действующий весьма расчетливо, он опирался на разум шестерых членов Совета, собравшихся за столом.

Разложив перед собой бумаги и уткнувшись в них взглядом, Буркиншоу заговорил спокойно и неторопливо:

— Я не сомневаюсь, что вы способны читать мои мысли — чем вы, вероятно, сейчас и заняты,— но ради лингианина, которому это не дано, а также для моих соратников, также не обладающих телепатическими способностями, я воспользуюсь обычной речью.

Он поправил пенсне и перевернул лист бумаги:

— Мы, члены Имперского Совета Действия, решили, что безопасность Империи требует уничтожения планеты, известной нам под номером Ка-Икс Семьсот Двадцать Четыре, вместе с соседними планетами, спутниками и астероидами, населенными ведущей жизненной формой. Мы собрались для того, чтобы рассмотреть последнюю просьбу представителей данной жизненной формы о сохранении их родной планеты в неприкосновенности, и долг каждого из нас состоит в том, чтобы самым внимательным образом выслушать ваши доводы, взвесить их без всякой предвзятости и принять справедливое решение.

Проговорив эти слова, Верховный Властитель снял пенсне, тщательно протер, аккуратно вернул на место и устремил взгляд куда-то поверх голов арестованных. Его голубые глаза казались слабыми, но это было очень далеко от истины.

— Кто из вас будет говорить?

Земляне быстро посовещались телепатически, и Гарольд сказал:

— Говорить буду я.

— Что ж, прекрасно.— Буркиншоу поудобнее устроился в кресле.— Прежде чем ты начнешь, хочу предупредить, что трудное решение, касающееся судьбы твоей планеты, нам пришлось принять с большой неохотой. Но у нас нет выбора, поскольку мы получили сведения, которые подтверждают правильность такого исхода. Если говорить прямо, то ваша форма жизни является прямой угрозой для нашей. А теперь вся ответственность ложится на ваши плечи — лишь вы можете доказать, что дело обстоит иначе.

— А если я не сумею этого сделать? — осведомился Гарольд.

— Мы вас уничтожим.

— Если удастся,— уточнил Гарольд.

Все собравшиеся мгновенно отреагировали на его слова. Он ощущал, какой яростью и агрессией полны их разумы. Пурпурное существо ни о чем не думало, но Гарольду показалось, что происходящее его забавляет. От флоранца исходило удивление, смешанное с интересом.

Однако Буркиншоу не выглядел раздраженным.

— Если удастся,— хладнокровно согласился он, но в его сознании Гарольд не уловил ни малейших сомнений.— Ты можешь продолжать,— сказал он.— У тебя есть четырнадцать часов, за которые ты должен убедить нас, что мы приняли ошибочное или непрактичное решение.

— Вы провоцировали нас, чтобы заставить продемонстрировать наши возможности,— начал Гарольд.— С этой же целью вы пригласили сюда дрейна. Вы использовали его в качестве мерила наших ментальных способностей. С вашей точки зрения результат эксперимента лишь усилил ваши позиции и ослабил наши. Вот только ваше мерило не выдержало контакта с нами.

Однако Буркиншоу не поддался на уловку землянина. Сложив ладони вместе, словно собрался произнести молитву, он рассеянно смотрел в потолок и помалкивал. В дисциплинированном разуме появилась лишь одна новая мысль: *«Это не довод»*.

— Что ж, пока забудем об этом,— продолжал Гарольд.— Поговорим о совпадениях. В моем мире совпадение — это лишь счастливое стечение обстоятельств, единичное или повторяющееся редко. Но когда кажущееся совпадение повторяется достаточно часто, оно перестает быть совпадением, что вам хорошо известно — во всяком случае, вы должны об этом знать. Возьмем странное совпадение метеоритных дождей и землетрясений. Это происходило так часто, что одного из ваших ученых разобрало любопытство, он провел исследования и открыл динамическую энергию пространственного напряжения, которая с тех пор используется для разгона ваших космических кораблей. Урок очевиден: нельзя отбрасывать совпадения, когда их становится слишком много.

«К чему он ведет?» — размышлял флоранец.

«Пока я не услышал ничего существенного»,— подумал Буркиншоу.

«Мне не нравится этот трен,— прокомментировал про себя Хелман.— *Он старается выиграть время. Возможно, земляне пытаются уничтожить экран. Однако они ведь сумели зажечь дрейна, и экран им не помешал...*— Он заерзал в своем кресле.— *Я не*

разделяю веру Буркиншоу в экран. Да будут прокляты Рока и высоколобые помощники — эти типы нас всех прикончат!»

Внутренне улыбнувшись, Гарольд продолжал:

— Мы выяснили, что игра в шахматы очень популярна в Империи.

Член Совета, сидевший слева от Буркиншоу, презрительно фыркнул.

— Это не совпадение. Игра распространяется из центрального источника, о чем мог бы догадаться всякий, имеющий хоть немного ума.

— Помолчи, Дикстра,— одернул его Буркиншоу.

— Что за источник? — спросил у него Гарольд.

— Мы! — раздраженно бросил Дикстра.— Мы распространяем игру. И что с того?

— У нас играли в шахматы задолго до того, как вы нас нашли,— сказал ему Гарольд.

Дикстра открыл рот, посмотрел на Буркиншоу, закрыл рот и сглотнул. Буркиншоу продолжал глядеть в потолок.

— У нас точно такая же доска, фигуры, такие же ходы и правила,— продолжал Гарольд.— Если подумать, то количество совпадений будет просто огромным.

Они ничего не ответили вслух, но он услышал мысли.

«Удивительно, но возможно»,— размышлял флоранец.

«И что с того?» — задавал вопрос Дикстра.

«Пока я не услышал ни одного серьезного довода»,— спокойно отметил Буркиншоу.

Пурпурное существо хихикнуло про себя.

— Брон,— сказал Гарольд.— Уолт Брон, Робертус Брон и множество других Бронов. В списке ваших граждан полно Бронов. В моем мире их также немало. Иногда это имя произносится, как Браун. А еще у нас есть Робертсы и Уолтерсы.— Он посмотрел на Хелмана.— Я знаком с четырьмя Хиллманами.— Он перевел взгляд на Верховного Властелина.— А среди наших музыкантов есть человек, которого зовут Теодор Буркиншоу-Мей.

Буркиншоу слегка повернул голову — теперь он смотрел на стену, а не в потолок.

«Я вижу, к чему он клонит, но подождем вывода».

— Корабль, на котором нас доставили сюда, назывался «Феникс». Буквы, начертанные на его корпусе, напоминают наш алфавит. Нам с удивительной легкостью удалось изучить ваш язык. Почему? Потому что пятая часть вашего словаря совпадает с нашим. Другая пятая часть — это измененные слова нашего

языка. Остальное — переделанные до неузнаваемости наши слова, а также слова, позаимствованные из языков покоренных вами народов. Разве вам не кажется, что совпадений слишком много?

— Чепуха! — громко воскликнул Дикстра.— Это невозможно!

Буркиншоу повернулся и укоризненно посмотрел на Дикстру поверх пенсне.

— Нет ничего невозможного,— кротко возразил он.— Продолжай,— приказал он Гарольду, но его мысли начали разбегаться. *«Проситель делает неизбежный вывод: слишком поздно».*

— Итак, вы видите, куда я клоню,— заметил Гарольд.— И чтобы подчеркнуть последнее совпадение, скажу: я совершил ошибку. Я поверил, что императорский титул Властитель Террора надо понимать буквально.— Он заговорил медленнее.— На самом деле его корни уходят значительно глубже. Раньше императоры называли себя Властителями Терры!

— Ну, ничего себе,— сказал Дикстра,— просто великолепно!

Не обращая на него внимания, Гарольд обратился к Роке:

— Ты наконец проснулся. Прошлой ночью что-то щелкнуло в твоем сознании, и ты вспомнил то, о чем раньше даже не подозревал. Помнишь, как мой народ называл свою родную планету?

— Терра,— тут же отозвался Рока.— Я докладывал об этом Верховному Властителю сегодня утром. Вы называете себя выходцами с Терры, или землянами.

Мясистое лицо Дикстры потемнело от прилива крови, а на языке завертелись обвинения в святотатстве, но Буркиншоу его опередил:

— Сегодня утром уточненный отчет лейтенанта Рока и выживших членов экипажа его корабля был представлен Совету.— Он указал на лежащие на столе бумаги.— Их проанализировали полицейский комиссар, дознаватель Хелман и я. Мы считаем, что проситель говорит правду и что планета Ка-Икс Семьсот Двадцать Четыре действительно является нашей родной планетой. И хотя мы сами об этом не знали, «Феникс» возвращался домой.

Половина Совета потеряла дар речи. В отличие от пурпурного существа: оно лишь отметило, что человеческие открытия не имеют к нему никакого отношения. Флоранец думал о том же. В голове Дикстры царил хаос.

— Расстояние в три световых года разделило нас на две тысячи столетий,— спокойно продолжал Гарольд.— За это огромное время вы невероятно развились и проявили немалую предприимчивость. Мы отправили несколько кораблей с колонистами

к ближайшей звезде, которая находилась на расстоянии четырех с половиной световых лет. С тех пор мы ничего о них не знали, поскольку у нас началась атомная война, отбросившая землян на тысячелетия назад, превратив в дикие племена, скитавшиеся по пустыням. С тех пор мы постепенно возвращались к цивилизации. И наш путь развития стал иным. Радиация оказала на нас удивительное влияние. Некоторые новые свойства постепенно исчезли, но другие закрепились, превратив нас в тех, кто мы есть сейчас.

— И кем же вы стали? — поинтересовался член Совета, сидевший рядом с Рокой.

— Человечество претерпело метаморфозы,— ответил за него Буркиншоу.

— В жестокой борьбе за выживание среди новых и враждебных миров вы также начали деградировать,— продолжал Гарольд.— Но вам удалось вновь подняться и полететь к звездам. Естественно, вы изучили ближайшие системы, находившиеся в полутора световых годах от вас, поскольку успели забыть местонахождение родной планеты, о которой упоминалось лишь в древних легендах. Мы находились на три световых года дальше, чем крайняя из освоенных вами планет. Вполне логично, что вы не стали изучать нашу систему — свою родину. Вновь настали века упадка, но вы сумели его преодолеть. Так продолжалось множество раз, пока вы не сумели создать могучую Империю, на границе с которой находилась Земля, Терра. А мы все эти годы продолжали изменяться.

Теперь все завороженно смотрели на Гарольда. Даже Дикстра молчал, благоговея перед огромным хранилищем знаний, открывшимся перед ним.

— Те из вас, кто принадлежит к Братству Расцветающего Креста, знают, что это правда — вы завершили цикл и вернулись к Старому Солнцу.— Гарольд сделал быстрый и необычный жест.

Двое членов Совета машинально его повторили.

«Все это бесполезно, — услышал Гарольд мысль Берта.— *Они слишком закоснели».*

«Подожди!»

Совет довольно долго молчал, наконец заговорил флоранец:

— Очень трогательно, но что будет, если вы захватите всю Империю? — А его разум добавил: *«И флоранцы сменят одного хозяина на другого. Я против. Лучше иметь дело с известным злом».*

Положив ладони на ручки кресла, Буркиншоу Третий смущенно заморгал и обратился к землянам:

— Если население узнает то, что известно нам, многие сентиментально настроенные граждане будут против вашего унич-

тожения. Однако мы не можем строить Империю на сантиментах. Более того, блудные сыны не собирались поднести жирного тельца своим давно потерявшимся отцам. Ваше уничтожение представляется мне столь же необходимым, как и прежде,— и нас не остановит то, что это будет отцеубийство.— По выражению худого аскетичного лица казалось, он ищет у них одобрения.— Я уверен, что вы понимаете, в каком положении мы находимся. Вы можете еще что-нибудь сказать?

— Неудача,— прошептал Мелор.— Ненависть исчезла — на ее место пришел страх.

Гарольд нахмурился и сказал Верховному Властителю:

— Да, вы можете уничтожить Землю и всю солнечную систему, но это не принесет вам никакой пользы.

— Мы бы не пошли на столь жестокие меры ради обычной выгоды.— Он снял пенсне и, прищурившись, посмотрел на своих слушателей.— У нас совсем другой мотив — предотвратить вред.

— Но и этой цели вы не достигнете.

— Почему?

— Потому что уже слишком поздно.

— Я боялся, что ты это скажешь.— Буркиншоу откинулся на спинку кресла и постучал ногтем по стеклу пенсне. *«Если он сумеет убедить меня в своей правоте, я отдам приказ действовать немедленно!»*

Вслух он сказал:

— Мне нужны доказательства.

— Вы только что получили сообщение, что на четырех из пяти планет вашей системы начались неприятности. Ничего серьезного, всего лишь неявка на работу, прогулы, саботаж, демонстрации, но никакого насилия. Тем не менее у вас возникли проблемы — и положение может ухудшиться.

— У нас постоянно возникают проблемы — то на одной планете, то на другой,— мрачно заметил Хелман.— Когда приходится держать под контролем четыре тысячи миров, к таким вещам начинаешь привыкать.

— Боюсь, вы опять не придаете должного значения совпадениям. Обычно неприятности возникают в разных местах и совершенно случайно. А эти начались одновременно. Вас это не удивляет?

— Мы разберемся! — резко сказал Хелман.

— Не сомневаюсь,— спокойно ответил Гарольд.— Вы также справитесь с беспорядками в другой системе, когда оттуда придут новости. Вы разберетесь с мятежами, которые вспыхнут на четырех планетах одновременно или даже на сорока. Но если их бу-

дет четыреста одновременно? А потом четыре тысячи?! Даже самая лучшая организация обязательно даст сбой.

— Это невозможно,— настаивал на своем Хелман.— Рока рассказал нам, что в Империю проникло только две дюжины землян. Вы завладели кораблем, внедрили две дюжины своих людей вместо наших, а остальных снабдили фальшивыми воспоминаниями. Они ни о чем не подозревали до тех пор, пока не проснулась их настоящая память.— Он нахмурился, и стало видно, как на виске у него пульсирует жилка.— Умно. Очень умно. Но двадцать четыре агента — это слишком мало.

— Мы знаем. Но бывают ситуации, когда важно не количество, а качество.— Гарольд увидел, как переглянулись Хелман и Буркиншоу.— И если люди за прошедшие двести тысяч лет не изменились — а я полагаю, что выбранный вами путь развития изменениям не способствовал,— то ваше поведение вполне предсказуемо. Если корабль прекращает связь с вами, он считается пропавшим. И десять к одному, что Департамент торговли даже не знает, чем занимается Военно-морской флот.

Надо отдать должное Верховному Властителю — он соображал заметно быстрее остальных членов Совета, поскольку начал действовать еще до того, как они успели хоть что-то сказать. Буркиншоу включил висевший на стене монитор связи.

— Свяжите меня с Департаментом торговли.

На цветном экране появился толстый мужчина в гражданской одежде. На его полном лице появилось раболепие, как только он понял, с кем говорит.

— Да, ваше превосходительство?

— Военные доложили, что два корабля застряли за Рубежом. Они называются «Каллан» и «Матра». У вас есть сведения о них?

— Секунду, ваше превосходительство.— Толстяк исчез, но вскоре появился вновь. Теперь на его лице было недоумение.— Ваше превосходительство, по моим сведениям, два боевых корабля действуют в качестве грузовых. Мы пришли к такому выводу, поскольку они перевозят пассажиров и торговые грузы. «Каллан» побывал в четырех портах сектора Бэ Рубежа за последние восемь дней. «Матра» стартовала из системы Гипериона, после того как выгрузила пассажиров и запасы для них на каждой из девяти планет. Они отбыли в сектор Ка Рубежа.

— Сообщите в Военный департамент,— приказал Буркиншоу и выключил связь.

Из всех сидевших за столом он выглядел наименее обеспокоенным.

— Значит, все это время они переправляли к нам жителей Терры, или землян,— задумчиво проговорил он.— Самая естественная реакция сейчас — взорвать оба корабля. Это возможно?

— Все зависит от того, находятся корабли, которым вы отдадите приказ, под нашим контролем или нет. Есть одна небольшая проблема с боевыми кораблями, несущими атомные бомбы и разрушители планет. Они полезны лишь до тех пор, пока выполняют ваши приказы. В противном случае от них одни неприятности.— Он указал на Берта и Джорджа.— Мои друзья утверждают, что бомба, предназначавшаяся для Земли, находится на корабле «Боевой Кот», который стартовал с третьей планеты соседней системы. Запросите Амилькара.

Прошло несколько минут, прежде чем удалось связаться с Властителем третьей планеты. По экрану разбежались полосы помех.

— Где «Боевой Кот»? — резко спросил Буркиншоу.

Сквозь помехи пробилось изображение лица.

— Исчез,— весело сообщил Амилькар.— И мне неизвестно куда.

— Кто отдал приказ?

— Я,— ответил Амилькар со странным смехом.— Джон захотел его взять, и я разрешил. Я счел, что так будет лучше всего. И не тревожься о Джоне, я за ним присмотрю.

Буркиншоу отключил связь.

— Этот Джон — терранин, я полагаю?

— Землянин,— поправил Гарольд.

— Свяжитесь с властями третьей планеты,— яростно выкрикнул Дикстра.— Я не верю, что вся полиция спятила, даже если это произошло с Амилькаром.

— Я сам разберусь,— оборвал его Буркиншоу.— Что с «Боевым Котом»?

— Кто-то из землян контролирует команду. И продемонстрирует вам, какие неприятности могут причинить разрушители планет, если они попадут не в те руки.

— Значит, вы решили перейти в наступление? Значит, развязана война, и мы попусту тратим...

— Никакой войны не будет,— перебил его Гарольд.— Мы уже выросли из младенческого возраста. Кстати, до сих пор мы не пролили ни капли крови. И никто не погибнет, если этого можно будет избежать. Мы прибыли сюда, чтобы предотвратить кровопролитие. Тот факт, что мы обязательно одержим победу в любой войне, не ослепляет нас — мы прекрасно понимаем, какими большими будут потери.— Он указал на экран.— Свяжитесь со своими бюрократами. Пусть спросят у астрономов, на орбите ли находится ваш астероид-дозаправщик?

Буркиншоу в третий раз включил монитор. Все глаза обратились к экрану. Он спросил:

— Где «Немо»?

— «Немо»? Ваше превосходительство, в настоящий момент он должен приближаться к планете «Драфа», встреча произойдет через двенадцать часов.

— Я не спрашиваю о том, где он *должен* быть! Я хочу знать, где он находится на самом деле!

— Прошу прощения, ваше превосходительство.— Человек исчез с экрана и отсутствовал довольно долго. Когда он вернулся, его голос зазвучал испуганно: — Ваше превосходительство, я не могу объяснить, почему мы не видим...

— «Немо» на месте или нет? — нетерпеливо рявкнул Буркиншоу.

— Да, ваше превосходительство. Но он перешел в газообразное состояние. Такое впечатление, что на него сброшен разрушитель планет...

— Достаточно! — Не желая больше ничего слушать, Властитель выключил связь.

Буркиншоу откинулся на спинку кресла и погрузился в размышления, полностью игнорируя тот факт, что его разум был открыт для присутствующих в зале. Сейчас ему было все равно.

— Возможно, мы опоздали. Не исключено, что мы опоздали в тот самый день, когда вернулся Рока. Мы попали в ловушку, которой всегда боялись. Однажды нам удалось ее избежать — когда мы уничтожили мир паразитов. Тем не менее мы все еще способны покончить с Террой — земляне не могли захватить все наши планеты и корабли. Но что толку, если мы уничтожим? Месть сладка только в том случае, если она доходна. Будет ли она выгодной для нас? Все зависит от того, сколько землян внедрилось в наши ряды и сколько еще внедрится, прежде чем мы уничтожим их базу.

Хелман подумал: *«Вот оно! Любой дурак мог сказать, что рано или поздно этим кончится. Каждый новый мир — это потенциальная западня. Нам еще повезло, что мы успешно покорили четыре тысячи планет. Ну, все закончилось для нас не так уж плохо. Во всяком случае, земляне одной с нами крови и будут хорошо к нам относиться, по сравнению с другими формами жизни».*

— Их ненависть уменьшилась,— прошептал Мелор,— и теперь они боятся за себя. За исключением пурпурного и флоранца. Пурпурный, которого происходящее забавляло, сейчас рассердился. Флоранец, который был заинтересован и дружелюбен, испытывает страх.

— Это из-за того, что они не люди. Расовые противоречия — ничто по сравнению с противоречиями между различными формами жизни. Это и есть ахиллесова пята Империи. Любая жизненная форма хочет самостоятельно управлять своими

территориями. И мы не станем возражать, если так и будет,— заявил Гарольд.

Водрузив пенсне на нос, Буркиншоу вздохнул:

— Поскольку вы намерены захватить Империю, единственное, что нам остается,— отдать приказ о немедленном уничтожении Терры. И сколько бы кораблей ни оказалось под вашим контролем, достаточно одного верного нам крейсера.— Его рука потянулась к кнопке включения монитора.

— Мы не собираемся захватывать вашу Империю,— поспешил сказать Гарольд.— У нас нет и не было такого желания. Мы озабочены только тем, чтобы вы не захватили наш мир. Я предлагаю заключить договор о невмешательстве во внутренние дела друг друга. Кроме того, мы хотим, чтобы в качестве послов и посредников выступали лингиане. Мы намерены развиваться собственным путем, и у нас есть возможность этого добиться — что мы вам и продемонстрировали. Но не более того. Если вы все-таки уничтожите наш мир, то мы отомстим, лишив вас множества планет. Однако мы не станем тратить на это собственные силы, а воспользуемся вашими внутренними противоречиями! Оставьте нас в покое, и мы оставим в покое вас.

— А где гарантии? — цинично спросил Буркиншоу.— Откуда нам знать, что через сотню лет вы не займете все ключевые посты в нашей Империи? — Он посмотрел на четверку арестантов, и в его умных голубых глазах появилось новое выражение.— Имея дело с нами, вы сумели воспользоваться преимуществом, которым не обладают флоранцы, лингиане, ретраны и другие, поскольку вы знали нас как своих самых ближайших родственников.— Он наклонился вперед.— Но и *мы* теперь знаем *вас!* Если вы в здравом уме и памяти, то должны понимать, что постепенно сумеете переварить то, что вам не удается получить сразу! Именно так создаются Империи, именно так будет с вами.

— Мы доказали вам, что способны взять власть в свои руки,— согласился Гарольд,— и это будет служить нашей защитой. Ваше недоверие равно нашему. Вы никогда не узнаете, сколько наших людей находится внутри Империи,— и теперь уничтожение нашего мира не станет концом нашего вида. Мы сами создали себе гарантии. Неужели вы не понимаете, что в этой игре не может быть победителя? Это патовая ситуация! — Он с интересом наблюдал за указательным пальцем Буркиншоу, застывшим на кнопке.— Вы опоздали. Мы тоже.

Глаза Буркиншоу сузились:

— Я не понимаю, почему это слишком поздно для вас, ведь вы так стремились доказать, что задача вполне вам по силам.

— Мы не хотим управлять Империей. У нас другие замыслы. Мы смогли преодолеть болезни собственного становления. Мы изменились, и наши амбиции изменились вместе с нами. Зачем нам территориальные завоевания, когда впереди нечто более перспективное? Зачем нам космические корабли, которые не могут преодолеть пределов галактики, ведь наступит день, и мы сами сможем перемещаться сколь угодно далеко?

— Все это лишь слова,— заметил Буркиншоу, палец которого все еще лежал на кнопке.— Несмотря на многочисленные различия между нами, которые я готов признать, древний закон непреложен: сущность человека не меняется.

Гарольд посмотрел на Берта и Джорджа. Земляне быстро посовещались. Потом он сказал:

— Прошло много времени, и пути, выбранные нашими отцами, развели нас очень далеко друг от друга. Мир жесткого излучения заново вылепил нас, позволил воспринимать то, что остается для вас недоступным, и вы видите нас такими, какими нам удобно было выглядеть для реализации наших целей.— Без предупреждения его глаза обратились к пурпурному существу и засверкали.— Даже это существо, которое питается чужой жизненной силой и все это время силилось высосать что-нибудь из нас, было бы уже давно мертво, если бы получило хотя бы малую толику того, к чему так стремилось!

Буркиншоу даже не потрудился перевести взгляд на пурпурного соседа и скучающим тоном сказал:

— Ретран — плод неудачного эксперимента. Если бы он хоть на что-то годился, то давно бы до вас добрался.— Он левой рукой поскреб в затылке, не убирая правую с кнопки.— Мне надоело слушать ваши бессмысленные речи. Теперь вы намекаете на то, что даже внешне отличаетесь от нас. Но я предпочитаю верить своим глазам.— Он демонстративно погладил пальцем кнопку.— Если я ее нажму, возможно, это будет означать конец для всех нас, ведь вы не способны загипнотизировать механизм, который отправит сигнал, подтверждающий мой приказ уничтожить Терру. Я подозревал, что вы пытаетесь выиграть время. Мы больше не можем ждать. Даю одну минуту, докажите, что вы отличаетесь от нас не меньше, чем флоранцы, ретраны и лигниане. Если сумеете, то мы уладим дело миром, составим договор, который вас устроит. Если нет,— он выразительно посмотрел на кнопку,— начнется бойня. Мы можем проиграть, но готовы рискнуть.

Трое землян ничего на это не ответили. Их реакция была мгновенной, их разумы стали одним целым.

Дикстра прорыдал:

— Посмотрите на них! О боже!

Он упал на колени и что-то бессвязно забормотал.

Пурпурное существо втянуло глаза внутрь, чтобы ничего не видеть. Рука Буркиншоу отдернулась от кнопки, пенсне упало на пол, разбилось. Рока, Хелман и остальные люди, члены Совета, закрыли лица руками, которые стали покрываться тропическим загаром.

Лишь флоранец не склонил головы. Он даже выпрямился во весь рост, вытянув вперед золотые лепестки; его зеленые руки трепетали в экстазе.

Все цветы любят солнце.

Милый дьявол

Первый марсианский корабль спустился на Землю медленно и величественно, словно воздушный шар. Он и в самом деле напоминал монгольфьер, поскольку имел сферическую форму и обладал громадной подъемной силой, несмотря на свою металлическую конструкцию. Но больше у него не было ничего общего с земными кораблями.

Ни ракетных двигателей, ни алых трубок Вентури. Никаких надстроек, если не считать нескольких решетчатых рам с панелями — преломляя солнечную радиацию, они позволяли кораблю идти любым курсом. Не было даже иллюминаторов. Наблюдение велось через прозрачную полосу, идущую по толстому брюху корабля. Синекожая жутковатая команда, собравшись около нее, молча смотрела наружу огромными фасетчатыми глазами.

Сквозь прозрачную полосу они видели планету, носившую название Земля. Даже если они и были способны к речи, никто ничего не говорил. Однако в нашем понимании никто из них не обладал даром речи. Впрочем, сейчас этого и не требовалось.

Их встретило полное опустошение. Чахлая сине-зеленая трава устало никла к земле, и так — до самого горизонта, где вздымались зазубренные вершины гор. Унылые кусты кое-где боролись за жизнь, самые упрямые еще предпринимали жалкие попытки стать деревьями. Справа травяное поле прорезал длинный прямой шрам. Слишком неровная и узкая, чтобы быть дорогой, полоса являлась остатками давно исчезнувшей стены. И на все это равнодушно взирало мертвенно-бледное небо.

Капитан Скива посмотрел на свою команду и обратился к ней на языке жестов при помощи щупальцев. Альтернативой была телепатия, но для нее требовался физический контакт.

— Очевидно, удача от нас отвернулась. С тем же успехом мы могли приземлиться на безжизненном спутнике. Впрочем, вы-

ход наружу безопасен. Всякий, кто захочет исследовать планету, может ненадолго отлучиться.

Один из марсиан спросил — тоже знаками:

— Капитан, вы желаете первым сойти на грунт нового мира?

— Это не имеет значения. Если для кого-то важно первенство, я готов уступить.— Скива нажал рычаг, открывающий люки шлюза. Непривычно плотный воздух наполнил корабль.— Старайтесь не переутомляться,— предупредил он.

Поэт Фандер подошел к нему, и их щупальца соприкоснулись, мысли пошли через нервы конечностей.

— Мы получили подтверждение тому, что увидели, подлетая к этому миру. Планета умерла. Как ты думаешь, что послужило причиной?

— Не имею ни малейшего представления. Я бы многое отдал, чтобы найти ответ на твой вопрос. А вдруг на землян обрушились природные силы, которые могут добраться до Марса? — Тревога капитана передалась Фандеру через щупальце.— Жаль, что эта планета находится слишком близко от нас; будь она подальше, мы могли бы наблюдать за происходящими здесь процессами с поверхности нашего мира. А так нам мешало слишком яркое солнце.

— То же самое относится и к другой планете, затянутой туманами,— заметил поэт Фандер.

— Да, ты прав, и я боюсь того, что мы можем там найти. Если выяснится, что и она мертва, мы окажемся в тупике — до тех пор, пока не сделаем огромный рывок и не вылетим из нашей системы.

— Ну, это уж точно случится не при нашей жизни.

— Да уж,— согласился с ним капитан Скива.— Но мы могли бы двигаться быстрее при помощи надежных друзей. А теперь придется идти вперед в одиночку.— Он повернулся, чтобы посмотреть на команду — марсиане рассыпались по мрачной равнине.— Они рады, что могут вновь погулять по твердой земле. Но что это за мир, лишенный жизни и красоты? Очень скоро им надоест, и они с радостью покинут Землю.

— Тем не менее,— задумчиво сказал Фандер,— я бы хотел получше ее изучить. Можно я возьму катер?

— Ты певчая птица, а не пилот,— возразил Скива.— Твоя задача — поддерживать нашу мораль, развлекая команду, а не носиться над незнакомым миром на катере.

— Но я умею им управлять. Нас всех этому учили. Разреши взять катер, я хочу посмотреть на новый мир.

— Разве ты видел недостаточно во время посадки? На что здесь смотреть? Потрескавшиеся старые дороги. Города, почти

обратившиеся в прах. Расколотые горы, почерневшие от гари леса и кратеры, лишь немногим уступающие кратерам Луны. И никаких следов оставшихся в живых разумных существ. Лишь трава, кустарник и мелкие животные, двуногие или четвероногие, убегающие при нашем приближении. Что тут может быть интересного?

— Даже в смерти есть своя поэзия,— ответил Фандер.

— Возможно, но останки вызывают отвращение.— Скива содрогнулся.— Хорошо, пусть будет по-твоему. Возьми катер. Кто я такой, чтобы препятствовать поэту?

— Спасибо, капитан.

— Ладно. Постарайся вернуться до наступления темноты.

Разорвав телепатический контакт, Скива подошел к шлюзу, улегся у самого края и погрузился в размышления. У него так и не возникло желания прикоснуться к новому миру. Столько затрачено усилий — и какой жалкий результат.

Он все еще размышлял о тщете их попыток, когда катер взмыл в небо. Фасетчатые глаза наблюдали, как энергетические решетки меняют угол наклона — катер поднимался ввысь по изящной кривой. Вскоре он уже плавал в воздухе, точно мыльный пузырь. Скива вновь подумал о зря потраченных силах и несбывшихся надеждах.

Команда вернулась на корабль задолго до наступления темноты. Нескольких часов оказалось вполне достаточно. Вокруг, сколько хватало глаз, виднелись лишь трава, кустарник и жалкие деревца. Одному марсианину удалось обнаружить прямоугольный участок голой земли. Возможно, раньше здесь находилось жилище. Он принес на корабль маленький кусочек фундамента, осколок гранита, который Скива отложил, чтобы изучить на досуге. Другой нашел крошечное коричневое насекомое с шестью лапками, но его нервные окончания уловили такой отчаянный крик, что он тут же отпустил добычу на свободу. Маленькие, неуклюжие животные бродили в отдалении, но прятались в норы, как только к ним приближался кто-то из марсиан. Все сошлись на том, что зловещая тишина планеты просто невыносима.

Фандер опередил закат всего на половину единицы времени. Его катер пролетел под огромной черной тучей и приземлился. Через мгновение начался дождь. Марсиане стояли и с восхищением смотрели, как огромные массы воды обрушиваются на землю.

Спустя некоторое время капитан Скива сказал:

— Мы должны смириться с жалкими результатами нашей экспедиции. Мы так и не выяснили причину катастрофы, которая произошла на этой планете. Возможно, следующие экспе-

диции, оснащенные специальной аппаратурой, сумеют дать ответ на многие вопросы. Мы лишь первопроходцы, а не исследователи. Наша миссия состоит в том, чтобы оставить этот пустынный мир и отправиться на туманную планету. Мы стартуем рано утром.

Никакого ответа. Фандер последовал за капитаном в его каюту и вошел с ним в телепатический контакт.

— Здесь можно жить, капитан.

— Я не уверен.— Скива свернулся в кольцо на диване, положив щупальца на специальные подставки. От его кожи исходило голубоватое сияние, отражавшееся от стены.— Во многих местах камни испускают альфа-искры. Они опасны.

— Я знаю, капитан. Но я их ощущаю и могу избегать.

— Ты? — Скива удивленно посмотрел на него.

— Да, капитан. Я хочу пожить здесь.

— Неужели ты хочешь остаться в этом ужасном месте?

— Да, здесь повсюду царят отчаяние и безнадежность,— проговорил поэт Фандер.— Разрушение всегда уродливо. Но мне случайно удалось отыскать маленький осколок красоты. Он радует меня. И я хочу найти его источник.

— О какой красоте ты говоришь?

Фандер попытался объяснить, пользуясь новыми, чуждыми понятиями. Оказалось, что это невозможно.

— Нарисуй мне картинку,— приказал Скива.

Фандер долго и старательно рисовал, а потом протянул картинку капитану:

— Вот, пожалуйста!

Скива внимательно изучил рисунок, а потом вернул его Фандеру.

— Мы — личности, обладающие всеми правами, присущими личностям. Мне твоя картинка не представляется достаточно красивой, чтобы стоить хотя бы кусочка хвоста домашнего аралана. Однако я должен признать, что она не кажется уродливой, в ней даже есть нечто приятное.

— Но, капитан...

— Как личность,— продолжал Скива,— ты имеешь равное право на собственное мнение, каким бы странным оно ни казалось остальным. Если действительно хочешь остаться, я не могу отказать. Но мне это кажется безумием.— Он вновь посмотрел на Фандера.— Когда, по твоим расчетам, тебя заберут?

— В этом году... через год... никогда.

— Возможно, за тобой никто не прилетит,— подтвердил Скива.— Ты готов к такому исходу?

— Каждый должен быть готов к ответу за свои действия,— заметил Фандер.

— Верно.— Однако Скива не хотел сдаваться.— Ты все серьезно обдумал?

— Я не являюсь технической частью команды. Мною не движет мысль.

— А что движет тобой?

— Мои желания, эмоции, инстинкты. Мои чувства.

— Да хранят нас двойные луны,— нервно проговорил Скива.

— Капитан, спой мне песню о доме и сыграй на звенящей арфе.

— Не говори глупости. Я не умею.

— Капитан, а если бы для этого потребовалось лишь хорошенько подумать, ты бы сумел?

— Несомненно,— согласился Скива, чувствуя, что его заманивают в ловушку, но не в силах ее избежать.

— Вот именно,— со значением сказал Фандер.

— Сдаюсь. Я не могу спорить с тем, кто отбрасывает принятые нормы логики и изобретает свои собственные. Тобой руководят недоступные мне понятия.

— Тут дело не в логике или ее отсутствии,— сказал ему Фандер.— Все зависит от точки зрения. Ты видишь одни аспекты. А я — другие.

— Например?

— Ну, так легко ты меня не поймаешь. Я могу привести примеры. Помнишь формулу, определяющую фазу колебаний цепи?

— Конечно помню.

— Я так и думал. Ты ведь техник. Ты зафиксировал ее в своем мозгу как некую техническую деталь.— Фандер немного помолчал, задумчиво глядя на Скиву.— Мне также известна эта формула. Много лет назад кто-то произнес ее в моем присутствии. Мне она не нужна. Однако я ее не забыл.

— Почему?

— Потому что формула обладает красотой ритма. Это поэзия.

Скива вздохнул и сказал:

— Для меня это новость.

Фандер с усмешкой произнес формулу:

— *Один на Эр, делить на омега Эл, минус один на омега Эс.* Идеальный ритмический строй.

Через некоторое время Скива согласился.

— Да, формулу можно пропеть. Можно даже танцевать под нее.

— А теперь я увидел это.— Фандер показал на свой рисунок.— Красоту, диковинную и чуждую. А там, где есть красота,

обязательно должен присутствовать талант — быть может, он все еще существует. Там, где обитает талант, можно отыскать зерна величия. В царстве величия всегда найдутся могущественные друзья. Нам нужны такие друзья.

— Ты победил.— Скива жестом показал, что сдается.— Утром оставим тебя здесь, наедине с твоей судьбой.

— Спасибо, капитан.

Упрямство, которое делало Скиву достойным капитанского чина, заставило его предпринять перед самым отлетом последнюю попытку. Вызвав поэта в свою каюту, Скива пристально посмотрел на него.

— Ты не изменил своих намерений?

— Не изменил, капитан.

— А тебе не кажется странным, что я готов покинуть эту планету, даже допуская, что в ней осталось былое величие?

— Нет.

— Но почему? — слегка напрягся Скива.

— Капитан, я полагаю, что вы немного боитесь, поскольку испытываете такие же подозрения, как и я.

— А что ты подозреваешь?

— Что не было никакого природного катаклизма. И что жители Земли сами сделали с собой то, что они сделали.

— Но у нас нет никаких доказательств,— растерялся Скива.

— Да, капитан.— Фандер больше ничего не захотел говорить.

— Если все это печальный результат их собственной деятельности,— после долгой паузы продолжал Скива,— то как можно рассчитывать на дружбу с существами, которые вызывают страх?

— Да, ты прав, у нас мало шансов,— согласился Фандер.— Но это результат холодных рассуждений. А для меня они мало что значат. Я живу надеждами.

— Ну вот, опять ты отрицаешь очевидные истины ради пустой мечты. Надежды, надежды, надежды — на достижение невозможного.

— Трудное можно совершить, для невозможного требуется больше времени,— ответил Фандер.

— Твои мысли сбивают с толку мой привыкший к логике разум. Каждая твоя фраза есть полное отрицание всего, что имеет смысл.— Скива сделал жест, равнозначный грустному смешку.— Ну, ладно, так тому и быть! — Он приблизился к Фандеру.— Все необходимые припасы собраны внизу. Остается лишь попрощаться.

Они обнялись, как это принято у марсиан. Выйдя из шлюза, поэт Фандер еще долго смотрел вслед летящей по широкой дуге сфере. Корабль беззвучно поднимался ввысь и очень скоро пре-

вратился в едва заметную точку на фоне тучи. Через мгновение он исчез.

Фандер еще некоторое время постоял, глядя в небо. Потом он повернулся к саням, на которых лежали его припасы. Забравшись на переднее сиденье, он включил энергетические решетки и взлетел на несколько футов. Чем выше поднимаешь сани, тем больше расход энергии. Он решил экономить: поди угадай, сколько придется прожить на этой планете. Фандер медленно полетел туда, где видел прекрасную вещь.

Позднее он нашел маленькую сухую пещеру в холме, возле которого находилась цель его путешествия. Он потратил два дня на то, чтобы расширить пещеру при помощи энергетического луча, выровнять стены, потолок и пол, и еще полдня очищал ее от кварцевой пыли. После этого он сложил свои запасы в дальнем конце подземелья, поставил сани у входа и загородил его силовым полем. Теперь у него был дом.

В первую ночь он долго не мог заснуть, молча лежал в пещере — жилистое, узловатое существо, испускающее синее свечение, с огромными глазами пчелы,— лежал и прислушивался к арфам, играющим в шестидесяти миллионах миль. Кончики его щупальцев, предназначенные для телепатического контакта, тщетно искали партнера для песни.

Темнота была почти полной, весь мир погрузился в чудовищную тишину. Слуховые органы Фандера пытались различать привычные голоса песчаных лягушек, но здесь их не было. Ему хотелось уловить монотонное гудение ночных жуков, но они также тут не водились. Лишь однажды какое-то существо завыло на больной лик Луны, а потом вновь воцарилась тишина.

Утром он помылся, поел, уселся на сани и исследовал развалины небольшого городка. Однако не нашел ничего, что могло бы удовлетворить его любопытство, лишь груды бесформенного мусора среди прямоугольных фундаментов домов. Он попал на кладбище давно разрушенных, уже почти превратившихся в ничто строений. Вид с высоты пятисот футов дал ему лишь одну полезную информацию — судя по планировке города, когда-то здесь жили существа методичные и аккуратные.

Но аккуратность, сама по себе, еще не является красотой. Он вернулся в пещеру и нашел утешение в созерцании той вещи, которая красотой обладала.

Исследования продолжались, не так систематически, как если бы их проводил Скива, но в соответствии с меняющимися прихотями Фандера. Иногда ему попадались животные, поодиночке или группами, но ни одно из них не напоминало обитателей Марса. Некоторые бросались бежать, когда сани пролетали над

ними. Другие прятались в норы, сверкнув абсурдно белым хвостом. Третьи, обладатели четырех ног, вытянутой морды и острых зубов, охотились стаями и встречали его злым хриплым лаем.

На седьмой день, в глубокой прогалине, ближе к северу, он заметил несколько существ, крадущихся друг за другом. Он узнал их с первого взгляда, ведь именно их он искал,— узнал и восторженно затаил дыхание. Они были оборванными, грязными, мелкими, но красивая вещь подсказала ему, что это те, кто его интересовал.

Прижимаясь к земле, он заставил сани описать дугу, которая привела его к дальнему концу прогалины. Теперь он смог лучше их разглядеть, даже покрытые грязью розовые худые ноги. Сани скользнули вниз, и он оказался на прогалине. Существа удалялись от него, внимательно и настороженно глядя вперед, будто высматривая врага. Его беззвучное приближение сзади прошло незамеченным.

Но тот, кто шел последним, обманул Фандера. Когда тот свесился с саней, готовясь схватить существо с гривой желтых волос, и длинные щупальца уже потянулись вперед, намеченная Фандером жертва, повинуясь шестому чувству, бросилась на землю. Щупальца не достали совсем немного, но он успел заметить испуганный взгляд серых глаз. Миг спустя ловкий маневр саней позволил марсианину подхватить следующего в цепочке, не сумевшего проявить такую же ловкость.

Это существо оказалось темноволосым, более крупным и сильным. Оно отчаянно сопротивлялось, но сани быстро набирали высоту. Затем существо сумело обернуться и посмотрело прямо на Фандера. Результат получился совершенно неожиданным для него: лицо существа побелело, оно закрыло глаза и безвольно упало на дно саней.

Оно все еще не шевелилось, когда Фандер принес его в пещеру, но сердце продолжало биться, а легкие — поглощать воздух. Осторожно положив добычу на свою постель, Фандер отошел к выходу из пещеры, чтобы дать существу возможность немного прийти в себя. Вскоре оно пошевелилось, село и бессмысленно уставилось в противоположную стену. Потом его черные глаза стали осматривать пещеру. Наконец существо заметило Фандера, освещенного льющимся снаружи светом. Глаза существа округлились, и оно принялось издавать громкие звуки, пытаясь покинуть пещеру сквозь каменную стену. Звуки были такими ужасными, что Фандер выскочил из пещеры и оставался снаружи на холодном ветру до тех пор, пока шум не стих.

Через пару часов он осторожно вернулся в пещеру, чтобы покормить пленника, но реакция того была такой истерической и произвела на Фандера столь тяжелое впечатление, что он бросил пищу и убежал, сам охваченный страхом. Пища оставалась нетронутой в течение следующих двух дней. На третий, когда существо осмелилось немного поесть, Фандер вошел в пещеру.

Хотя марсианин не приближался к мальчику, тот забился в дальний угол, бормоча: «Дьявол! Дьявол!» Его глаза заметно покраснели.

«Дьявол! — подумал Фандер, который не мог повторить слово вслух.— Интересно, что это означает».

Щупальцем, предназначенным для беседы, он попытался изобразить нечто успокаивающее. Напрасно. Мальчик смотрел на него со страхом и отвращением, он явно ничего не понимал. Тогда Фандер решил дотронуться до своего пленника щупальцем, чтобы войти в телепатический контакт. Тот отскочил, как от ядовитой змеи.

«Терпение,— напомнил себе Фандер.— Невозможное требует больше времени».

Периодически он появлялся в пещере, принося еду и воду. Теперь он ночевал на жесткой влажной траве у входа, под низкими небесами, пока его пленник — или гость? — спал на удобной кровати, в теплой пещере, под защитой надежного силового экрана.

Наконец наступил момент, когда Фандер проявил несвойственную поэтам проницательность. На восьмой день Фандер заметил, что пленник регулярно забирает пищу, и сам расположился, чтобы поесть, у входа в пещеру, откуда мог видеть мальчика. Поэт быстро убедился в том, что аппетит туземца не пострадал. Эту ночь Фандер провел в пещере, возле силового экрана, на максимальном расстоянии от мальчика. Тот долго не смыкал глаз, внимательно наблюдая за марсианином, но ближе к рассвету не выдержал и погрузился в сон.

Новая попытка объясниться при помощи жестов опять не принесла успеха, пленник по-прежнему отказывался прикоснуться к протянутому щупальцу. Тем не менее Фандер кое-чего достиг. Медленно, но верно пленник привыкал к внешности марсианина, она уже не вызывала прежнего отвращения.

На следующий день Фандер добился успеха. У мальчика случилось несколько приступов эмоциональной болезни, во время которых он лежал на животе и производил тихие звуки, а из глаз текла вода. В такие моменты марсианин чувствовал себя совершенно беспомощным. Во время очередного приступа он

незаметно подобрался к постели и открыл ящик, стоявший рядом с ней.

Из ящика он вынул маленькую электроарфу, включил ее и с любовью коснулся струн. Потом начал наигрывать, подпевая себе мысленно, поскольку вслух прилично петь не умел.

Мальчик перестал вздрагивать и сел, обратив все свое внимание на искусные движения щупальцев, извлекавших из арфы музыку. Когда Фандер решил, что пленник окончательно успокоился, он взял последние аккорды и протянул арфу туземцу. Мальчик не знал, как поступить. Фандер не приближался к нему, а держал арфу длинным щупальцем. Мальчику пришлось сделать четыре шага, чтобы забрать музыкальный инструмент.

Дальше все пошло быстрее. День за днем они играли вместе, а иногда музицирование продолжалось и после заката солнца. Постепенно расстояние между ними стало уменьшаться. Наконец они уже могли сидеть рядом, мальчик все еще не научился смеяться, но вел себя гораздо спокойнее. Он теперь умел извлекать простые мелодии из инструмента и даже гордился своими достижениями.

Однажды вечером, когда уже стемнело и неизвестные существа вновь завыли на луну, Фандер в сотый раз предложил свое щупальце. Мальчик всегда отвергал любые прикосновения, хотя и не понимал, зачем они нужны. Но сейчас пять пальцев сжали щупальце, чтобы доставить хозяину пещеры радость.

И в отчаянной надежде, что человеческая нервная система устроена так же, как марсианская. Фандер тут же излил свои мысли, опасаясь, что его гость отдернет руку.

— Не бойся меня. Я не властен над своей внешностью, как ты не властен над своей. Я твой друг, твой отец и твоя мать. Ты нужен мне не меньше, чем я тебе.

Мальчик отпустил его и начал тихонько всхлипывать. Фандер положил щупальце на мальчишеское плечо и принялся поглаживать — эти движения он почему-то считал типично марсианскими. По какой-то необъяснимой причине всхлипывания усилились. И тогда, безуспешно пытаясь понять, что необходимо сделать, Фандер покорился инстинктам, обнял мальчика длинным щупальцем и прижал к себе. Постепенно всхлипывания смолкли, и ребенок заснул. Только после этого Фандер понял, что мальчик совсем маленький, и всю ночь не выпускал его из своих объятий.

Первый шаг был сделан, но прошло еще немало времени, прежде чем они начали разговаривать. Мальчику пришлось научиться управлять своими мыслями, поскольку сам Фандер не мог разобраться в их мешанине.

— Как тебя зовут?

Фандер увидел картину быстро бегущих ножек.

— Бегун?

Он получил подтверждение.

— А какое имя ты дашь мне?

Перед мысленным взором марсианского поэта появились чудовища.

— Дьявол?

Картина исчезла, Фандер почувствовал, что мальчик смущен.

— Пусть будет Дьявол,— решил Фандер, который был начисто лишен предрассудков.

— А где твои родители? — продолжал он.

И вновь какая-то путаница.

— У тебя обязательно должны быть родители. У каждого есть отец и мать, ведь так? Ты помнишь своих родителей?

Нечеткие, сумбурные картины. Взрослые оставляют детей. Взрослые избегают детей, словно боятся их.

— Каковы твои первые воспоминания?

— Большой мужчина идет рядом со мной. Потом несет. Потом мы снова идем.

— Что с ним случилось?

— Ушел. Сказал, что заболел. Сказал, что я тоже могу заболеть.

— Давно?

Смущение.

Фандер решил изменить подход.

— А остальные дети? У них тоже нет родителей?

— Тоже.

— Но теперь у тебя есть я, не так ли, Бегун?

— Да,— ответил мальчик с сомнением.

Фандер продолжал:

— С кем ты хотел бы жить: со мной или с теми детьми? — Он дал мальчику подумать, а потом уточнил: — Или со мной и с ними?

— Да, вместе,— без колебаний ответил Бегун. Его пальцы перебирали струны арфы.

— Ты поможешь мне завтра найти их и привести сюда?

— Да.

— И если они будут бояться, ты скажешь им, что я не опасен?

— Конечно! — ответил Бегун, облизнув губы и выпятив грудь.

— Может быть, ты хочешь пойти прогуляться со мной? Ты слишком долго пробыл в пещере. Тебе будет полезно немного размяться.

— Да.

И они вместе вышли из пещеры, один шел, быстро переставляя ноги, другой полз. Как только ребенок оказался под открытым небом, его настроение сразу же улучшилось; как будто вид облаков, прикосновение ветра к коже и запах травы открыли ему, что он больше не пленник. Его прежде грустное лицо оживилось, он восклицал что-то непонятное, а один раз даже рассмеялся без всякой причины. Дважды он брал Фандера за щупальце и говорил ему что-нибудь, и делал это естественно, словно так было всегда.

На следующее утро они уселись в сани. Фандер устроился на переднем сиденье и взялся за рычаги управления, Бегун расположился у него за спиной, держась руками за пристяжной ремень. На небольшой высоте они полетели к прогалине. По пути они часто видели животных с белыми хвостами, которые тут же прятались в норах.

— Они вкусные,— заметил Бегун, коснувшись чуткого кончика щупальца Фандера.

Фандеру стало не по себе. Туземцы едят мясо! И только после того, как он ощутил чужой стыд и извинения, он понял, что Бегун прочитал его мысль. Однако тут была и положительная сторона: Фандер понял, что Бегуну небезразлично его мнение.

Через пятнадцать минут им повезло. Они находились немного южнее прогалины, когда Бегун радостно закричал и показал вниз. Маленькая золотоволосая фигурка стояла на вершине небольшого холма и зачарованно смотрела в небо. Вторая фигурка с такими же длинными, но рыжими волосами поднималась вверх по склону, тоже с удивлением глядя вверх. Однако дети быстро пришли в себя и побежали прочь, как только сани развернулись и полетели к ним.

Не обращая внимания на вопли и отчаянные рывки у себя за спиной, Фандер спикировал и поймал сначала одного ребенка, а потом другого. Удерживать обоих и управлять санями, набирающими высоту, оказалось очень непростой задачей. Если бы дети сопротивлялись, то у него ничего бы не получилось. Однако они сразу же затихли. Сначала они кричали, но как только Фандер их схватил, расслабились и закрыли глаза.

Они поднялись на высоту в милю и пятьсот футов, когда раздался оглушительный гром, сани содрогнулись, кусок металла отвалился от обшивки, что-то просвистело мимо и скрылось в облаках.

— Седая Башка! — закричал Бегун, подпрыгивая за спиной у Фандера, но стараясь держаться подальше от края саней.— Он в нас стреляет!

Произнесенные им слова не имели для марсианина ни малейшего смысла, к тому же все щупальца были заняты, а мальчик забыл восстановить контакт. Выровняв сани, Фандер максимально увеличил скорость. Несмотря на полученные повреждения, летательный аппарат отлично держался в воздухе. Он нес своих седоков прочь, рыжие и золотые волосы детей развевались на ветру.

И все же приземление возле пещеры получилось не слишком удачным. Сани ударились о землю и футов сорок промчались по траве.

Сначала Фандер позаботился о детях. Отвел их в пещеру, посадил на постель и только после этого вернулся, чтобы осмотреть сани. Он обнаружил дюжину глубоких вмятин на днище и две глубокие борозды на боку. Затем он вошел в контакт с Бегуном.

— Что ты пытался мне сказать?

— Седая Башка в нас стрелял.

Перед мысленным взором Фандера возник высокий беловолосый старик с трубчатым оружием на плече, которое извергало пламя в небо. Беловолосый старик. Взрослый!

Он крепко сжал пальцы Бегуна.

— А кто тебе этот взрослый человек?

— Никто. Он живет в убежище, неподалеку от нас.

Возникло изображение сильно поврежденного длинного бетонного сооружения со следами давно пришедшей в негодность осветительной системы на потолке. Старик жил на одной половине убежища, дети — на другой Он был всегда мрачен и неохотно общался с детьми. Однако всегда приходил на помощь, если им угрожала опасность. У него были ружья. Однажды он убил много диких собак, которые съели двух детей.

— Люди оставили нас рядом с убежищем, потому что у Седой Башки есть ружья,— сообщил Бегун.

— Но почему он не живет вместе с детьми? Они ему не нравятся?

— Не знаю.— Бегун задумался.— Однажды он нам сказал, что старые люди могут сильно заболеть и заразить молодых — и тогда мы все умрем. Возможно, он боится, что мы умрем из-за него.— Тут у Бегуна уверенности не было.

Получалось, что люди болеют какой-то очень опасной болезнью, которой особенно подвержены взрослые. Они без колебаний оставили своих детей после вспышки этой болезни, рассчитывая, что дети сумеют выжить. Взрослые выбирали смерть в одиночестве, жертвуя всем ради потомства.

Однако Седая Башка считается совсем старым. Быть может, ребенок преувеличивает?

— Я должен поговорить с Седой Башкой.

— Он будет стрелять,— уверенно заявил Бегун.— Теперь он точно знает, что ты меня забрал. Он будет ждать и подстрелит тебя, как только появится возможность.

— Мы должны найти способ этого избежать.

— Как?

— Когда эти двое детишек станут моими друзьями, я отвезу вас обратно в убежище. Вы найдете Седую Башку и скажете ему, что я не такой гадкий, как кажется.

— Я не считаю, что ты гадкий,— заявил Бегун.

И перед мысленным взором Фандера возникло странное существо с нечеткими очертаниями тела и ясным человеческим лицом.

Новые пленники оказались девочками. Фандер сразу это понял, поскольку они были миниатюрнее, чем Бегун, и от них исходил нежный и сладкий запах. Это усложняло ситуацию. Пускай это всего лишь дети, пускай живут в убежище вместе, пока они на его попечении, он не может допустить подобного непорядка. В определенных аспектах Фандер был существом очень строгим. Вот почему он сразу же сделал для себя и Бегуна еще одну пещеру, совсем маленькую.

Девочки не видели его четверо суток. Он держался в стороне, а Бегун носил им пищу, утешал и готовил к встрече с необычным существом. На пятый день Фандер появился, чтобы они могли издали его рассмотреть. Проделанная Бегуном подготовка лишь отчасти помогла — девочки не стали плакать, но побледнели и прижались друг к другу. Фандер немного поиграл на арфе и ушел. Потом вернулся и поиграл еще.

На следующей день благодаря постоянным уговорам Бегуна одна из девочек решилась взять марсианина за щупальце. Он ощутил смесь боли, желания и детской тоски. Фандер вышел из пещеры, отыскал дерево и вырезал человеческую фигурку. Фандер не был скульптором, но обладал природной ловкостью и точностью движений, а его поэтическая сущность через щупальца передалась статуэтке. Закончив работу, он одел фигурку как землянина и нарисовал лицо — довольное, с губами, растянутыми и изогнутыми в так называемой улыбке.

Он отдал куклу девочке, как только она проснулась ранним утром. Она схватила подарок, и в широко раскрытых глазах промелькнула радость. Прижав куклу к худенькой груди, маленькая

землянка принялась ее укачивать — и Фандер понял, что отношения чуточку улучшились.

Хотя Бегун ясно дал понять, что осуждает напрасную трату сил, Фандер сделал второго человечка. Это не заняло много времени. Теперь он действовал гораздо увереннее. К середине дня он вручил куклу второй девочке. Она приняла игрушку со смущением и благодарностью. И с такой силой прижала к груди, словно кукла значила для нее больше, чем весь остальной мир. Она даже не обратила внимания на то, что Фандер находится совсем рядом, и, когда он протянул к ней щупальце, рассеянно его взяла.

— Я люблю тебя,— просто сказал он.

Ее разум еще не умел вести телепатические разговоры, но огромные глаза потеплели.

Фандер сидел на санях — они приземлились в миле к востоку от убежища. Он смотрел вслед трем детям, которые, держась за руки, шагали к длинному строению. Бегун был явным лидером, он шел первым, всячески показывая, что знает, как надо действовать. Тем не менее девочки часто останавливались, чтобы помахать рукой странному существу с удивительными глазами, которое осталось ждать у них за спиной. И Фандер махал в ответ, всякий раз используя знаковое щупальце, поскольку ему даже в голову не приходило, что можно помахать и другим.

Вскоре дети скрылись за холмиком. Он, не покидая саней, смотрел по сторонам фасетчатыми глазами, изредка поглядывая на небо, готовое разразиться дождем. До самого горизонта земля сохраняла серо-зеленый цвет. Фандера окружали тусклые, скучные цвета, и нигде ни пятнышка белого, золотого или алого, как на лугах Марса. Повсюду бесконечные, безжизненные поля — и сияющая синева неба.

Вскоре появилось существо на четырех ногах, с длинной узкой мордой и завыло. Жуткий звук эхом прокатился по открытой местности. И тут же примчались сородичи — два, десять, двадцать. Их наглость росла пропорционально числу. Вскоре собралась огромная стая, и они начали подбираться к Фандеру, подбадривая друг друга рычанием и демонстрируя острые клыки. Затем последовала неожиданная и незаметная групповая команда, и вся стая со злобным лаем бросилась вперед. В красных глазах виднелась безумная жажда крови.

И хотя вид существ, алчущих мяса — пусть даже необычного синего мяса,— вызвал отвращение, Фандер не испугался. Он передвинул рычаг на одно деление, решетки переместились, и сани поднялись на двадцать футов. Добыча ускользнула с такой

легкостью, что стая диких собак совершенно рассвирепела. Они прыгали вверх, стремясь добраться до врага, падали одна на другую и вновь повторяли свои бессмысленные попытки. При этом они оглушительно лаяли. От них исходил едкий запах сухих волос и животного пота.

Сидя в презрительной позе, Фандер не мешал собакам бесноваться внизу. Они бегали по кругу, негодующе лаяли и злобно кусали друг друга. Так продолжалось до тех пор, пока со стороны прогалины не донеслись выстрелы. Восемь собак упали замертво. Две поползли на брюхе, десяток завизжали и бросились наутек на трех ногах. Остальные помчались вдогонку за своими ранеными сородичами, чтобы прикончить их. Фандер опустил сани.

На холме вместе с Седой Башкой стоял Бегун. Старик опустил оружие, задумчиво потер подбородок и неторопливо зашагал к саням.

Остановившись в пяти ярдах от марсианина, старый землянин вновь почесал в бороде и сказал:

— Ужасно выглядит твой знакомец. Ни дать ни взять из кошмарного сна явился.

— С ним бесполезно разговаривать,— сообщил мальчик.— Нужно взять его конечность, я ведь рассказывал тебе.

— Знаю, знаю.— Седая Башка нетерпеливо отмахнулся от Бегуна.— Всему свое время. Я прикоснусь к нему, когда буду готов.— Он стоял, не сводя с Фандера светло-серых проницательных глаз. Потом что-то пробормотал себе под нос. Наконец он сказал: — Ладно, пора.— И протянул руку.

Фандер вложил в ладонь старика кончик щупальца.

— Он холодный,— заметил Седая Башка, сжав щупальце.— Холоднее, чем змея.

— Он не змея,— сердито возразил Бегун.

— Успокойся, я этого не говорил.

— И он не похож на змею,— настаивал на своем Бегун, который никогда не держал в руках змею и не испытывал желания попробовать.

Фандер направил старику такую мысль:

— Я пришел с четвертой планеты. Ты понимаешь, что это означает.

— Я не невежда,— вслух ответил Седая Башка.

— Нет необходимости отвечать вслух. Я воспринимаю твои мысли так же, как вы воспринимаете мои. Твой ответ звучит гораздо четче, чем у мальчика, и я хорошо тебя понимаю.

Старик в ответ только фыркнул.

— Я хотел встретиться и поговорить со взрослым, поскольку дети не могли мне многого рассказать. У меня есть вопросы. Ты ответишь на них?

— Посмотрим,— сказал Седая Башка с хитрой усмешкой.

— Хорошо. Ты можешь отвечать только на те вопросы, на которые пожелаешь. Я хочу только одного: помочь жителям Земли.

— Почему? — спросил Седая Башка, пытаясь понять, в чем выгода марсианина.

— Нам нужны умные друзья.

— Зачем?

— Нас мало на корабле, и нам не хватает ресурсов. Посетив ваш мир и туманную планету, мы их практически исчерпаем. Но с вашей помощью мы сможем добраться до более далеких планет. Я полагаю, что если мы поможем вам сейчас, вы окажете нам помощь завтра.

Седая Башка погрузился в раздумья, позабыв, что его мысли открыты для марсианина. Подозрительность лежала в основе всех его размышлений; подозрительность, основанная на жизненном опыте и недавней истории человечества. Но он не мог не ощутить искренности марсианина — ведь их разумы общались напрямую.

— Что ж, звучит неплохо,— сказал старик.— Продолжай.

— Что привело к такому запустению? — спросил Фандер, поведя щупальцем вокруг.

— Война,— угрюмо ответил Седая Башка.— Наша последняя война. Вся планета сошла с ума.

— Но как такое могло произойти?

— Хороший вопрос.— Седая Башка надолго задумался.— Наверное, тут разные причины. Накопилось слишком много противоречий.

— И в чем они состояли?

— Люди были разными. Отличались друг от друга цветом кожи и своими убеждениями — и не могли договориться. Некоторые народы увеличивались намного быстрее, чем другие, им требовалось все больше места и пищи. А лишнего места и еды не осталось. Поэтому развиваться можно было только за счет соседей. Мой старик успел многое рассказать перед смертью, он постоянно повторял, что если бы у людей хватило ума контролировать свою численность, то...

— Твой старик? — перебил его Фандер.— Ты имеешь в виду своего родителя, отца? Разве все это произошло не при твоей жизни?

— Нет. Я ничего этого не видел. Лишь отец отца моего отца был свидетелем тех событий.

— Давайте вернемся в пещеру,— вмешался Бегун, которому надоел этот безмолвный разговор.— Я хочу показать нашу арфу.

Взрослые не обратили на мальчика внимания, и Фандер продолжал:

— Как ты думаешь, много людей уцелело?

— Трудно сказать.— Седая Башка заметно помрачнел.— Никто не знает, сколько осталось на другом полушарии. Быть может, они продолжают убивать друг друга или умирают от голода и болезни.

— О какой болезни ты говоришь?

— Я не помню, как она называется.— Седая Башка смущенно почесал в затылке.— Мой старик говорил несколько раз, но я давно забыл. Да и что толку, если бы я помнил ее название? Болезнь — оружие войны, ее создали, чтобы поражать врага, и она до сих пор с нами.

— А какие у нее симптомы?

— Сильно повышается температура, начинает кружиться голова. Потом под мышками появляется черная опухоль. И через сорок восемь часов наступает смерть. Обычно первыми заболевают старики. Потом заражаются дети — если их сразу же не удалить от больного.

— Я не знаю такой болезни,— сказал Фандер, да и откуда он мог знать выведенную лабораторным способом новую бубонную чуму.— И вообще я не медик.— Он посмотрел на Седую Башку.— Но тебе удалось избежать болезни.

— Мне просто повезло,— ответил Седая Башка.— Или я просто не способен заболеть. Ходит легенда о людях, обладавших иммунитетом к болезни — будь я проклят, если знаю, откуда он брался. Быть может, я один из них — впрочем, я не слишком на это рассчитываю.

— Поэтому ты стараешься поменьше контактировать с детьми?

— Именно.— Седая Башка посмотрел на Бегуна.— Мне не следовало приходить с мальчишкой. У него и так не слишком много шансов выжить.

— Ты очень заботлив,— мягко заметил Фандер.— В особенности если учесть, что тебе, должно быть, одиноко.

Седая Башка ощетинился, и поток его мыслей стал агрессивным.

— Мне не нужна компания. Я всегда мог о себе позаботиться — с тех самых пор, как мой старик ушел умирать. Я в состоянии передвигаться сам, как и все вокруг.

— Я тебе верю,— сказал Фандер.— Извини. Я здесь чужой и сужу по себе. Мне иногда бывает одиноко.

— Как же так? — удивился Седая Башка.— Ты хочешь сказать, что тебя здесь бросили одного?

— Совершенно верно.

— Вот дьявол! — воскликнул Седая Башка.

Дьявол! Опять это слово! Но сейчас оно имело совсем не то значение, что в давешнем разговоре с Бегуном. Старик не понял, что Фандер остался на Земле по своей воле, и посочувствовал марсианину.

Фандер тут же этим воспользовался.

— Ты видишь, в каком трудном положении я оказался. Не могу же я общаться с дикими животными. Мне нужны разумные существа, которые полюбили бы мою музыку и забыли о моей внешности...

— Не уверен, что мы настолько умны,— прервал его Седая Башка, и его взгляд скользнул по мрачному пейзажу.— Во всяком случае, когда я смотрю на это кладбище и вспоминаю рассказы о том, как все здесь выглядело раньше, во времена прадедушки, я начинаю сомневаться в наших умственных способностях.

— Первый цветок вырастает из праха погибших,— сказал Фандер.

— А что такое цветок?

Последняя мысль старика потрясла Фандера. И он показал изображение алой лилии, но Седая Башка не смог ничего понять — он не знал, что это: рыба, животное или овощ.

— Цветы растут на похожих стеблях,— Фандер сорвал несколько зеленых травинок,— и бывают всех окрасок, а еще они чудесно пахнут.— И он показал огромное поле прекрасных алых лилий.

— Какое великолепие! — воскликнул Седая Башка.— У нас нет ничего похожего.

— Здесь — нет,— согласился Фандер и показал на горизонт.— Но в другом месте их может быть превеликое множество. Если мы будем жить вместе, то сможем многое узнать. Мы объединим наши усилия и найдем цветы — пусть даже очень далеко — и других людей.

— Теперь люди неохотно живут большими группами. Предпочитают держаться семьями, которые рано или поздно разрушает болезнь. И тогда они бросают своих детей. Чем больше группа, тем выше вероятность, что один заразит многих.— Седая Башка оперся на ружье, внимательно посмотрел на марсианина, и его мысли стали серьезными и грустными.— Когда кто-то заболевает, он уползает прочь и умирает в одиночестве. Так начинается его личный разговор с Богом, без свидетелей. Смерть в наши дни стала частным делом каждого.

— После стольких лет? Тебе не кажется, что болезнь должна была уйти?

— Никто не знает. И никто не хочет рисковать.

— Я готов рискнуть.

— Ты можешь это себе позволить. Ты не такой, как мы. Возможно, ты не заболеешь.

— Или заражусь и буду умирать долго и мучительно.

Седая Башка вздрогнул как от удара.

— Ну да, ты ставишь на карту жизнь. Выше ставки не бывает. Хорошо, я согласен. Ты можешь жить с нами.— Он так крепко сжал ружье, что костяшки его пальцев побелели.— Но мы должны договориться: как только тебя одолеет болезнь, ты уйдешь сразу же и навсегда. В противном случае я тебя оглушу и утащу прочь, даже если при этом заражусь сам. Дети — прежде всего, понятно?

Убежище оказалось гораздо более просторным, чем пещера. В нем жило восемнадцать детей. Все они были ужасно худыми, поскольку питались корнями, съедобными растениями и изредка — кроликами, которых удавалось с превеликим трудом поймать. Самые юные и чувствительные перестали бояться Фандера через десять дней. Через четыре месяца его невероятное синее тело больше не вызывало удивления у обитателей этого маленького замкнутого мира.

Шестеро мальчиков были старше Бегуна, один из них — значительно. Но он еще не стал взрослым. Фандер почти сразу начал учить детей играть на арфе, а также катал их на своих санях в качестве особого поощрения. Для девочек он делал куклы и необычные конические домики для кукол. Еще он с удивительной ловкостью сплетал из травы игрушечные стульчики. Ни одна из игрушек не казалась земной или марсианской.

Продолжая заниматься с младшими детьми, Фандер, стараясь это не особенно афишировать, уделял максимум внимания шестерым старшим мальчикам и Бегуну. Он чувствовал, что именно в них заключена надежда этого мира. Он никогда не задумывался о том, что его не склонный к технике разум обладает своими достоинствами, как, впрочем, и не заглядывал в далекое будущее.

Итак, свои главные усилия Фандер сосредоточил на семерых старших мальчиках и взялся за обучение, стимулируя их разум, поощряя любопытство, постоянно внушая, что страх перед болезнью и смертью стал препятствием для воссоединения людей. Страх, который необходимо преодолеть, прежде всего в собственной душе.

Он учил их, что смерть есть смерть, естественный процесс, к которому нужно относиться философски и встречать с достоинством. Но иногда Фандеру казалось, что он ничему их не учит, а лишь помогает вспомнить, поскольку в глубинах их развивающегося разума просыпался унаследованный опыт землян, накопленный десять или двадцать тысяч лет назад. Но он продолжал ломать плотину страха перед болезнью, стараясь побыстрее сделать детскую логику взрослой. Прогресс был заметным. Пришло время, и они начали устраивать общие концерты, напевая под аккомпанемент арфы, придумывая слова, ложащиеся на мелодии Фандера. Дети долго спорили относительно достоинств той или иной строки, пока не складывалась песня. По мере того как их репертуар рос, а пение становилось более искусным, Седая Башка заинтересовался их музыкой, стал приходить на представления и вскоре превратился в постоянного и пока единственного зрителя.

Однажды старший мальчик, которого звали Рыжик, подошел к Фандеру и взял его за щупальце.

— Дьявол, можно мне управлять твоей машиной, которая делает еду?

— Ты хочешь, чтобы я показал, как она работает?

— Нет, Дьявол, я знаю, как она работает.— Мальчик уверенно смотрел в огромные глаза марсианина.

— Ну и как?

— Ты наполняешь контейнер самой нежной зеленью, тщательно отрезав все корни. И никогда не включаешь машину прежде, чем контейнер будет полностью заполнен, а дверца закрыта. Потом ты устанавливаешь красный переключатель на отметку триста, переворачиваешь контейнер и устанавливаешь зеленый переключатель на счет шестьдесят. Затем возвращаешь в исходное положение красный и зеленый переключатели, вытряхиваешь из контейнера массу в нагретые формы и прессуешь ее, пока не получится твердое, сухое печенье.

— И как ты это узнал?

— Я много раз наблюдал, как ты готовишь для нас печенье. А сегодня утром, пока ты был занят, я попробовал проделать все сам.— Он протянул руку.

Взяв печенье, Фандер внимательно осмотрел его. Твердое, подрумяненное. Хорошей формы. Он попробовал. Превосходно.

Рыжик стал первым земным механиком, научившимся управлять марсианским катером и разобравшимся с принципом работы премастикатора. Семь лет спустя Рыжик нашел источник энергии уже давно бездействовавших саней — он додумался использовать песок, испускающий альфа-искры. Еще через пять лет

он сумел усовершенствовать катер, увеличив его скорость. Когда прошло двадцать лет, Рыжик создал дубликат. К этому времени он уже знал все, что необходимо для массового производства премастикаторов.

Фандер никогда бы не справился с этой задачей, поскольку имел лишь самые общие представления о механике, кроме того, он мало знал о пищеварении и усвоении протеинов. Фандер мог лишь стимулировать ум Рыжика и остальных, давая возможность развиваться в тех направлениях, которые им нравились. Оказалось, что каждый мальчик наделен прекрасными наследственными способностями.

Бегун и двое его приятелей, которых звали Черныш и Ушастик, взяли на себя обслуживание саней. Изредка, в качестве особого поощрения, Фандер разрешал им брать сани для часовой прогулки. Однажды они отсутствовали от рассвета до заката. Седая Башка слонялся по убежищу с заряженным ружьем под мышкой и пистолетом за поясом. Периодически он поднимался на холм и смотрел в небо. Провинившиеся мальчишки прилетели перед самым закатом и привезли с собой чужого ребенка.

Фандер позвал их к себе. Ребята взялись за руки, чтобы он мог общаться со всеми тремя.

— Я обеспокоен. У саней ограниченный запас. Когда он будет израсходован, мы не сможем его восполнить.

Они с ужасом переглянулись.

— К сожалению, я не обладаю необходимыми знаниями, чтобы вновь зарядить сани. Я всего лишь поэт, а техники, мои друзья, улетели.— Он помолчал, печально глядя на мальчишек.— Мне лишь известно, что энергия не уходит сама по себе. Если расходовать ее экономно, сани прослужат очень долго.— Вновь помолчав, он добавил: — А через несколько лет вы станете взрослыми мужчинами.

— Но, Дьявол,— сказал Черныш,— к тому времени мы станем намного тяжелее, и сани будут тратить больше энергии.

— Откуда ты об этом знаешь? — осведомился Фандер.

— Чем больше масса, тем больше необходимо энергии,— заявил Черныш с таким видом, словно изрекал очевидную истину.— Тут и думать нечего.

— Ты подойдешь,— медленно и едва слышно сказал Фандер.

— Для чего, Дьявол?

— Ты построишь сотню таких же саней или даже получше и исследуешь всю планету.

С этого времени они летали не больше часа и делали это редко, но тратили много времени на изучение внутреннего устройства саней.

Характер Седой Башки менялся очень медленно — он был пожилым человеком. Тем не менее через три года он начал все чаще вылезать из своей скорлупы, стал больше разговаривать с подрастающими детьми. Не до конца осознавая, что происходит, Седая Башка при помощи Фандера старался передать детям те крохи земной мудрости, которые достались ему от деда и отца. Он учил мальчишек пользоваться разными ружьями — у него их осталось одиннадцать штук, причем некоторые годились только на запчасти. Он водил ребят на поиски патронов, которые приходилось откапывать под развалинами домов.

— Ружья бесполезны без патронов, а патроны постепенно приходят в негодность.

Еще реже удавалось найти снаряды.

Лишь один секрет Седая Башка долго отказывался сообщить детям, пока Бегун, Рыжик и Черныш не сумели вытянуть из него ответ.

Он не стал приводить в пример пчел, поскольку пчел не осталось, или сравнивать людей с цветами — дети никогда не видели цветов. Нельзя провести аналогию с тем, чего не существует. Тем не менее он сумел ответить на вопросы, после чего вытер вспотевший лоб и отправился к Фандеру.

— Мальчишки становятся слишком любопытными, и это вызывает у меня тревогу. Они спросили, откуда берутся дети.

— И ты рассказал?

— Рассказал, конечно! — Седая Башка сел и с тревогой посмотрел на марсианина.— Я уступил мальчишкам, но никто не заставит меня рассказать об этом девочкам. Никогда.

— Мне уже несколько раз задавали этот вопрос,— проговорил Фандер.— Я мало что мог им рассказать, поскольку я не знаком с процессом вашего размножения. Однако я поведал им, как это происходит у нас.

— И девочкам тоже?

— Конечно.

— Господи! — Седая Башка вновь вытер лоб.— И как они к этому отнеслись?

— Примерно так же, как если бы я заявил, что небо голубое, а вода мокрая.

— Наверное, все дело в том, какими словами ты объяснял,— предположил Седая Башка.

— Я сказал, что это поэзия, которая возникает между двумя существами.

В истории Марса, Венеры и Земли одни годы оставили более значительный след, чем другие. Двенадцатый год пребывания Фандера на Земле оказался чрезвычайно богат такими собы-

тиями, каждое из которых было незначительным по космическим стандартам, но заметно повлияло на жизнь небольшой общины.

Сначала благодаря тому, что Рыжику удалось улучшить премастикатор, семеро старших мальчиков — теперь ставших бородатыми мужчинами — смогли восстановить батареи саней. Они вновь поднялись в воздух после сорока месяцев простоя. Эксперименты показали, что марсианское устройство потеряло в скорости и грузоподъемности, но выиграло в дальности. С помощью саней они посещали руины далеких городов в поисках металлов, необходимых для создания других, более крупных саней, и к лету сумели построить второе транспортное средство, которое управлялось не так хорошо и было не так безопасно, но летало!

Иногда им не удавалось отыскать металл, но они находили людей: отдельные семьи жили в подземных убежищах, сохраняя крупицы прежних знаний. Поскольку очень скоро люди переставали бояться неземного существа с длинными щупальцами, а страх перед болезнью потускнел перед страхом одиночества, многие семьи объединялись с исследователями, перебираясь к ним, постепенно привыкали к Фандеру, добавляя свои умения и знания в общий котел.

Так население выросло до семидесяти взрослых и четырехсот детей, многие из которых остались без родителей. Уступая страху перед болезнью, дети отселились и образовали двадцать с лишним небольших коммун, каждая из которых могла разорвать все связи с соседями в случае эпидемии.

Объединенными усилиями были созданы еще четыре пары саней — таких же больших и неудобных в управлении, но более надежных. Вскоре на земле возник первый каменный дом, который смело бросил вызов небесам. Человечество вновь хотело доказать, что оно выше в своем развитии, чем крысы и кролики. Община подарила дом Чернышу и Нежноголоске, которые объявили о своем желании жить вместе. Один из самых старых мужчин заявил, что он помнит свадебный обряд, и произнес торжественные слова для счастливой пары перед множеством свидетелей, а Фандер выступил в качестве марсианского крестного отца.

Ближе к концу лета Бегун вернулся из длительного путешествия и привез на санях старика, юношу и четырех девушек, совсем не похожих на людей из его общины. У них была желтая кожа, черные волосы, миндалевидные глаза, и они говорили на языке, которого никто не понимал. Пока они не овладели местной речью, Фандеру пришлось выступать в качестве переводчика, поскольку его мысленные картины не нуждались в словах. Девочки были тихими, скромными и очень красивыми. Через

месяц Бегун женился на той, чье имя в переводе означало Драгоценный Камень Линг.

После их свадьбы Фандер разыскал Седую Башку и вложил щупальце в его правую руку.

— Я вижу большие различия между юношей и девушкой — на Марсе такого нет. Явились ли эти различия причиной войны?

— Я не знаю. Никогда раньше мне не доводилось видеть желтых людей. Наверное, они жили очень далеко от нас.— Седая Башка почесал бороду и задумался.— Мне известно лишь то, что рассказывал моему старику его старик — и так далее. На Земле жило слишком много разных людей.

— Ну, не такие они и разные, если между ними возможна любовь.

— Может быть,— согласился Седая Башка.

— Предположим, что большинство людей этой планеты могут собраться здесь, жить и рожать детей, которые уже не будут так сильно отличаться друг от друга, и постепенно различия исчезнут, и они станут просто народом Земли?

— Вполне возможно.

— И все будут говорить на одном языке и обладать общей культурой. Если они будут развиваться из общего источника, постоянно поддерживая связь при помощи саней, обмениваться знаниями, возникнет ли тогда причина для разногласий?

— Я не знаю,— уклончиво ответил Седая Башка.— Я уже не так молод и не могу мечтать о далеком будущем.

— Важно, чтобы эту способность сохранили молодые.— Фандер погрузился в размышления.— Если ты начинаешь чувствовать, что отстал от жизни, то становишься для меня самой подходящей компанией. Ситуация выходит из-под моего контроля. Тот, кто наблюдает за игрой со стороны, видит больше участников, вот почему меня посещает одно странное чувство.

— Какое чувство? — с любопытством спросил Седая Башка.

— Ваша планета вновь встала на путь прогресса. Людей теперь значительно больше. Мы построили дом, и очень скоро таких домов будет шесть. Потом люди заговорят о шестидесяти, шестистах... затем их станет столько, сколько песчинок. Кое-кто поговаривает о том, чтобы поднять затонувший трубопровод и качать воду из северного озера. У нас уже много новых саней. Скоро будут созданы премастикаторы и защитные силовые поля. Дети учатся. Люди все реже и реже вспоминают о страшной болезни — ведь никто не болел ею уже много лет. Мощный поток с каждым днем набирает силу. И я чувствую, что отстал от жизни.

— Вздор! — проворчал Седая Башка и сплюнул.— Если слишком много спать, обязательно приснится дурной сон.

— Быть может, все дело в том, что большинство моих обязанностей теперь исполняют другие — и справляются намного лучше. А я не сумел найти себе новое занятие. Если бы я был техником, то открыл бы дюжину профессий. К сожалению, у меня нет специальной подготовки. Кажется, настал подходящий момент для того, чтобы заняться одним личным делом — и тут ты можешь мне помочь.

— Что ты имеешь в виду?

— Много-много лет назад я написал стихотворение. Оно посвящено одной прекрасной вещи, из-за которой я здесь остался. Я точно не знаю, что имел в виду ее создатель. Более того, я даже не уверен, что вижу ее так, как он видел, но я написал стихи, попытался рассказать в них, что я чувствую, когда смотрю на его произведение.

— Хм-м-м! — сказал Седая Башка, которого не слишком заинтересовали слова Фандера.

— Я нашел выход скальной породы, его можно срезать так, чтобы получить плоскость, на которой я намерен вырезать свое стихотворение. Я бы хотел написать его дважды, на языках Марса и Земли.— После некоторых колебаний Фандер продолжал: — Надеюсь, никто не посчитает меня слишком самонадеянным. Прошло уже много лет с тех пор, как я писал стихи для всех,— возможно, это мой последний шанс.

— Я тебя понял,— ответил Седая Башка.— Ты хочешь, чтобы я написал твои слова на нашем языке, а ты их потом скопируешь?

— Да.

— Дай мне перо и блокнот.— Седая Башка с трудом опустился на камень, сказывались прожитые годы. Положив блокнот на колени, он взял в одну руку перо, а другой продолжал сжимать щупальце Фандера.— Я готов.

И он начал медленно писать, по мере того как образы Фандера появлялись в его сознании. Он намеренно выводил буквы покрупнее и не лепил их друг к другу. Закончив, протянул блокнот Фандеру.

— Асимметрично,— решил тот, посмотрев на диковинные угловатые буквы и впервые пожалев, что так и не научился писать на земном языке.— А ты не можешь поправить вот здесь, здесь и здесь?

— Но я записал то, что ты сказал.

— Нет, это лишь перевод того, что я сказал. Я бы хотел достичь видимой гармонии. Ты не мог бы попытаться еще раз?

И они начали все сначала. Лишь после четырнадцатой попытки Фандер остался доволен видом слов, смысла которых не понимал.

Он взял блокнот, нашел свой лучевой пистолет и направился к красивой вещи, поразившей когда-то его воображение. Затем при помощи пистолета он выровнял поверхность скалы. Далее запечатлел в камне свое стихотворение при помощи длинных причудливых завитков марсианского алфавита. Гораздо менее уверенно, но с величайшей тщательностью он выписал рядом земные буквы. Работа заняла много времени, и когда он заканчивал, за ним наблюдало более пятидесяти человек. Они ничего не сказали. В полнейшей тишине люди читали стихотворение и смотрели на красивую вещь. Они еще долго стояли, когда Фандер ушел.

На следующий день вся община пришла посмотреть на стихотворение Фандера. Люди появлялись по одному, и парами, и целыми группами — словно паломники тянулись к древнему храму. Они стояли и долго смотрели, просто смотрели, а потом молча уходили. Никто не восхвалял работу Фандера, никто не ругал его за то, что он начертал чуждые символы на земной скале. И единственный результат, который сначала было совсем непросто заметить, состоял в том, что люди с еще большей энергией и упрямством работали, возрождая цивилизацию.

И в этом смысле Фандер добился гораздо большего, чем сам предполагал.

На четырнадцатый год возродился страх перед чумой. Сани привезли издалека две семьи, и через неделю заболел ребенок.

Люди сразу же забили в набат, все работы прекратились, ту часть поселка, где жил больной, мигом объявили запретной зоной. Многие собрались все бросить и уйти. Корни возрождавшейся цивилизации были еще слишком непрочными.

Фандер разыскал вооруженных до зубов Седую Башку, Бегуна и Черныша, которые стояли напротив мрачной толпы.

— На изолированном участке около сотни человек,— говорил Седая Башка толпе.— Далеко не все они больны. Возможно, они не заболеют. В таком случае весьма вероятно, что и вы не заразитесь. Мы должны подождать и посмотреть, что произойдет. Давайте не будем принимать поспешных решений.

— Вы только послушайте его! — раздался голос из толпы.— Если бы у тебя не было иммунитета, тебе бы пришел конец пятьдесят лет назад.

— То же самое можно сказать про большинство собравшихся здесь,— парировал Седая Башка и огляделся по сторонам, держа наготове ружье, а его светлые глаза воинственно сверкали.— Да, я знаю, о чем говорю, поэтому никто не уйдет отсюда, пока мы не убедимся, что это и впрямь чума.— Он поудобнее перехватил ружье.— Кто-нибудь хочет поспорить с пулей?

Возражавший ему человек протиснулся в первый ряд. Это был загорелый мужчина крепкого сложения. Его темные глаза дерзко смотрели на Седую Башку.

— Пока есть жизнь, есть надежда. Если мы уйдем сейчас, то сможем вернуться, когда это будет безопасно,— да ты и сам знаешь. Так что ты меня не остановишь! — И, расправив широкие плечи, он пошел прочь.

Седая Башка уже навел на него ружье, когда почувствовал, как его коснулось щупальце Фандера. Несколько мгновений Седая Башка молча стоял, как будто слушал. Потом опустил ружье и крикнул вслед уходящему:

— Мы вместе с Дьяволом отправляемся к заболевшим. Мы идем навстречу проблемам, а не бежим от них. Если будем убегать, то никогда не сможем победить.— Толпа одобрительно загудела.— Поэтому мы постараемся выяснить, что произошло. Возможно, мы не сумеем ничего изменить, но хотя бы узнаем, какова ситуация.

Мужчина остановился, посмотрел на него и Фандера и сказал:

— Вы этого не сделаете.

— Почему?

— Вы можете заразиться. И какой будет от вас прок, если умрете?

— Но у меня же иммунитет! — напомнил Седая Башка.

— Дьявол может заболеть,— встрял кто-то еще.

— А кого это интересует? — поинтересовался Седая Башка.

Эта реплика вывела его противника из равновесия. Он немного подумал и неуверенно ответил:

— Я не вижу причин рисковать.

— Он рискует потому, что ему не наплевать,— резко ответил Седая Башка.— Да и я не герой — просто я уже слишком старый и бесполезный, чтобы бояться.

С этими словами он сошел с возвышения и решительно направился к охраняемой части поселка. Фандер скользил рядом. Мускулистый мужчина стоял, потрясенно глядя им вслед. Люди переминались с ноги на ногу, не зная, на что решиться. Некоторым хотелось броситься за Седой Башкой и Фандером и притащить их обратно. Бегун и Черныш попытались за ними последовать, но им запретили.

Никто из взрослых так и не заболел, никто не умер. Дети прошли через несколько стадий болезни, у них поднималась температура, их лихорадило, некоторые даже бредили, но в конце концов недуг отступил. И только через месяц после того, как поправился последний ребенок, Седая Башка и Фандер вышли из карантинной зоны.

Болезнь оказалась вполне безобидной, и после того, как она исчезла, настроение у людей улучшилось. Они с новой энергией взялись за работу. Были построены новые сани, появлялось все больше пилотов и механиков для их обслуживания. Теперь в огромный лагерь все чаще прибывали люди с других континентов, по крупицам восстанавливались утраченные знания.

Человечество стартовало вновь, людям удалось многое спасти, и теперь они стремительно развивались. Это были уже не жалкие стаи дикарей, озабоченных лишь тем, чтобы набить живот, а народ, много знающий и умеющий.

Когда на двадцатый год Рыжик сумел сделать новый премастикатор, вокруг холма выстроилось восемь тысяч каменных домов. Гигантское центральное здание, способное вместить в себя семьдесят обычных, венчал великолепный зеленый купол из меди. На севере построили дамбу. На западе расположился госпиталь. Энергия и таланты пятидесяти наций обратились на строительство города. В городе было даже десять полинезийцев, четверо исландцев и последний семинол.

Вокруг многочисленных ферм раскинулись обширные поля. В Андах удалось добыть тысячу початков кукурузы, и теперь ее поля занимали десять тысяч акров. Издалека привезли буйволов и коз, которыми пришлось заменить лошадей и овец, полностью исчезнувших с лица Земли. Никто не знал, почему одни виды выжили, а другие — нет. Лошади вымерли, а буйволы спокойно паслись на лугах. Собаки охотились огромными стаями, зато никто уже много лет не видел ни одной кошки. Некоторые овощи и злаки сохранились, и теперь их успешно культивировали. Но цветов найти не удалось. Человечество прогрессировало, пользуясь тем, что у него осталось. Каждый делал, что мог.

Фандер чувствовал, что отстает от жизни. У него не осталось цели — только песни и любовь остальных. Во всем, за исключением игры на арфе и сочинения песен, земляне намного его опережали. И он мог лишь платить им любовью за любовь и ждать с фаталистическим упорством, свойственным тому, чьи труды завершены.

В конце того года они похоронили Седую Башку. Он умер во сне, и никто так и не узнал, сколько ему было лет. Старик ушел из жизни тихо, не привлекая к себе внимания, как и положено человеку, который всегда говорил мало, но много делал.

Его похоронили на холме за городской стеной, и Фандер сыграл для него погребальную песню, а Драгоценный Камень, жена Бегуна, посадила на могиле красивые растения.

Весной следующего года Фандер позвал Бегуна, Черныша и Рыжика. Он сидел на своей постели и дрожал. Люди взялись за руки, чтобы иметь возможность говорить с ним одновременно.

— Скоро для меня наступит *амафа*.

Ему было очень трудно облечь это совершенно новое для землян понятие в мысленные образы.

— Это неизбежное изменение, которому подвержены все существа моей расы. Мы впадаем в состояние сна на очень длительное время.— Люди с удивлением восприняли упоминание о существах его народа, словно давно забыли, откуда к ним прилетел Фандер. Он продолжал: — Вы не должны меня трогать до тех пор, пока спячка не закончится.

— Как долго она может продолжаться, Дьявол? — с тревогой спросил Бегун.

— От четырех ваших месяцев до года, или...

— Или что? — Бегун не стал ждать утешительного ответа. Его быстрый ум сразу же уловил предвидение беды в скрытых размышлениях Фандера.— Или она никогда не закончится?

— Да, она может не закончиться никогда,— неохотно признал Фандер, вновь задрожал и обнял себя щупальцами. Блеск его синего тела заметно померк.— Вероятность невелика, но она существует.

Глаза Бегуна округлились, он никак не мог осознать того, что Фандера не будет рядом с ними вечно. Черныш и Рыжик также обмерли от страха.

— Мы, марсиане, не живем вечно,— мягко напомнил Фандер.— Все существа смертны. И на Земле и на Марсе. Того, кто переживет *амафу*, ждут долгие счастливые годы — но некоторые так и не просыпаются. Это испытание, через которое проходят все марсиане.

— Но...

— Марсиан немного,— продолжал Фандер.— У нас редко появляется потомство, и некоторые умирают, не прожив и половины отведенного им срока. По меркам Вселенной мы слабый и глупый народ, нуждающийся в поддержке умных и сильных рас. Вы умные и сильные. Всегда помните об этом. Если мой народ посетит вас или если к вам прибудут другие диковинные существа, вы должны встретить их с уверенностью умных и сильных.

— Мы так и сделаем,— обещал Бегун. Его взгляд скользнул по тысячам крыш, медному куполу и красивой вещи на холме.— Мы сильные.

И вновь по телу лежащего на постели марсианина пробежала дрожь.

— Мне не хочется оставаться здесь, посреди кипящей жизни, бесполезный соня будет плохим примером для молодых. Я бы предпочел отдыхать в пещере, где мы научились понимать друг друга. Отнеси меня туда и поставь прочную дверь. И запрети всем входить или открывать дверь до тех пор, пока я сам не выйду к свету дня.— Фандер пошевелился, но его щупальца уже утратили былую ловкость.— Я сожалею, что должен просить вас об этом. Пожалуйста, простите меня. Я откладывал до последнего момента и теперь... теперь... не могу добраться туда сам.

На лицах его друзей застыла тревога, а в сердцах били колокола скорби. Они принесли длинные шесты и сделали носилки. Положив на них Фандера, отправились к пещере. К тому моменту, когда они поднялись на холм, за ними следовала огромная молчаливая процессия. Когда друзья удобно устроили его и принялись закрывать вход, толпа молча смотрела на них — точно так же люди смотрели на высеченные на скале письмена.

Фандер превратился в тусклый синий шар, глаза подернулись пленкой. А потом дверь закрылась, он остался один в темноте и погрузился в сон. Сон, который мог стать вечным. На следующий день к двери подошел низкорослый смуглый мужчина с восемью детьми, прижимавшими к груди кукол. Дети молча смотрели, как он закрепляет на двери блестящие металлические буквы, из которых сложилось два слова. Мужчина трудился долго, а когда закончил работу, оказалось, что она выполнена на славу.

Марсианский корабль спустился из стратосферы по изящной дуге. Жуткий на вид синекожий экипаж глядел наружу фасетчатыми глазами сквозь прозрачный материал смотровой палубы. Солнце окрашивало плотные белоснежные облака во все оттенки красного и золотого, планета пока скрывалась от их взоров.

Капитан Рдина волновался, хотя он не был первооткрывателем Земли. Много лет назад капитан Скива, давно ушедший на покой, высаживался здесь. Тем не менее все члены команды были возбуждены.

Кто-то из марсиан, находившихся значительно выше капитана, вдруг привлек его внимание энергичными взмахами сигнального щупальца.

— Капитан, мы только что видели летающий объект над горизонтом.

— Что за объект?

— Он выглядит как гигантские грузовые сани.

— Этого не может быть.

— Да, капитан, конечно! Но он выглядит именно так.

— И где он сейчас? — спросил Рдина, глядя в ту сторону, куда показал сородич.

— Скрылся внизу, в тумане.

— Наверное, ты ошибся. Когда долго чего-то ждешь, возникают странные иллюзии.

Корабль попал в облако. Рдина в задумчивости ждал, когда видимость снова прояснится.

— В отчете наших предшественников говорилось, что здесь сплошные пустоши, населенные дикими животными. Нет разумных существ, за исключением одного малоизвестного поэта, который по глупости пожелал остаться. Должно быть, дикие животные давно его съели.

— Съели?! Они едят *мясо?!* — с отвращением воскликнул другой марсианин.

— Все возможно,— сказал Рдина, который ужасно гордился своим воображением.— Все, кроме существования грузовых саней на этой планете. Это просто чепуха.

Но ему пришлось замолчать, по той простой причине, что корабль вышел из облаков и все увидели парящие рядом сани. Он даже смог разглядеть детали, к тому же бортовые приборы показывали, что рядом работают мощные энергетические решетки.

Двадцать марсиан смотрели на огромный летательный аппарат, который был лишь вдвое меньше их собственного корабля. Сорок человек с саней разглядывали пришельцев с не меньшим интересом. Марсианский корабль и сани продолжали спускаться вниз, и обе команды безмолвно наблюдали друг за другом, пока одновременно не коснулись земли.

Только после того, как корабль замер, капитан Рдина пришел в себя настолько, что сумел отвести взгляд. Он увидел множество домов, огромное здание с зеленым куполом, красивую вещь, стоящую на вершине холма, и множество землян, устремившихся из города навстречу его кораблю.

Он отметил, что ни одно из странных двуногих созданий не выказывает отвращения или страха. Они спешили к месту встречи с удивительной самоуверенностью, которой он никак не ждал от землян, так не похожих на пришельцев с другой планеты.

Это настолько его потрясло, что он сказал себе: «Если они совсем не напуганы, то чего должен бояться ты?

Он лично вышел, чтобы встретить первого из землян, стараясь избавиться от неприятных предчувствий и не думать о том, что у некоторых двуногих было оружие. К нему подошел широ-

коплечий землянин с окладистой бородой и взял за щупальце с такой уверенностью, словно делал это множество раз.

Перед мысленным взором Рдины возникли быстро перемещающиеся конечности.

— Меня зовут Бегун.

Через несколько минут корабль опустел. Всем марсианам хотелось подышать свежим воздухом. Первым делом они побывали возле красивой вещи. Рдина стоял и молча смотрел на нее, рядом теснилась его команда, а земляне держались чуть в стороне.

В скале была высечена статуя земной женщины. У нее была крепкая фигура с высокой грудью и широкими бедрами, пышная юбка почти полностью скрывала ноги. Она стояла, слегка подавшись вперед и наклонив голову, лицо спрятано в изнуренных тяжелым крестьянским трудом руках. Рдина тщетно пытался понять выражение усталого лица. Он долго разглядывал ее, а потом его глаза обратились к написанным ниже строкам. Рдина пропустил буквы земного алфавита, и его взгляд легко заскользил по знакомым символам родного языка:

Рыдай, моя страна, по уснувшим сынам,
По праху твоих домов и растерзанных башен.
Рыдай, моя страна. О, моя страна, рыдай!
По птицам, которые не могут петь,
По исчезнувшим цветам,
По концу всего,
По молчанию часов.
Рыдай, моя страна.

Подписи не было. Рдина несколько минут размышлял. Остальные ждали. Наконец он повернулся к Бегуну и указал на марсианские строки:

— Кто это написал?

— Твой соотечественник. Он умер.

— Ага! — воскликнул Рдина.— Тот вития из экипажа Скивы. Я забыл имя. Сомневаюсь, что его помнят многие. Он был не слишком известным поэтом. Как он умер?

— Велел нам закрыть его здесь — для долгого сна...

— *Амафа,*— вставил Рдина.— А потом?

— Мы так и сделали. Он предупредил, что может никогда не выйти обратно.— Бегун посмотрел на небо, забыв, что Рдина воспринимает его скорбные мысли.— Прошло больше двух лет, но он так и не вышел. Я не знаю, поймешь ли ты то, что я имею в виду, но он был одним из нас.

— Кажется, понимаю.— Рдина немного подумал и спросил: — Два ваших года — это сколько марсианского времени?

Через некоторое время они сумели установить соответствие между земными и марсианскими мерами времени.

— Это очень большой срок,— заявил Рдина.— Гораздо больше, чем обычная *амафа*. Но этот случай не является уникальным. Иногда, без всяких причин, некоторые из нас спят даже дольше. К тому же,— добавил он,— мы не на Марсе.

Далее Рдина безотлагательно обратился к одному из членов своей команды:

— Целитель Трайт, мы столкнулись со случаем затяжной *амафы*. Принеси свои масла и эссенции.

Когда Трайт вернулся, Рдина сказал Бегуну:

— Отведи нас туда, где он спит.

Когда они подошли к пещере, Рдина остановился перед дверью и посмотрел на имя, состоящее из двух аккуратно выписанных, но непонятных слов:

МИЛЫЙ ДЬЯВОЛ

— Интересно, что это значит? — сказал целитель Трайт.

— Не беспокоить? — предположил Рдина.

Он распахнул дверь, пропустил вперед целителя и вошел следом. Сопровождающие остались снаружи.

Марсиане вышли через час. Казалось, около пещеры собралось все население города. Рдину поразило, что толпа не выказала особого любопытства, увидев корабль и экипаж. Неужели их привлек только интерес к судьбе не слишком знаменитого поэта? Тысячи глаз были устремлены на них, когда они вышли из темноты пещеры под яркий солнечный свет, тщательно закрыв за собой дверь.

Вытянувшись и поднявшись на цыпочки, словно стараясь достать солнце, Бегун закричал так, что его услышали даже стоявшие в задних рядах:

— Он жив, жив! Не пройдет и двадцати дней, как он выйдет к нам!

И в следующий миг легкое безумие овладело двуногими. На лицах появился восторг, раздались счастливые вопли, а некоторые земляне даже принялись колотить друг друга в экстазе.

И двадцати марсианам ужасно захотелось присоединиться к Фандеру. Таков уж организм марсиан — очень восприимчив к чужим эмоциям.

Миролюбивый тигр

Миролюбивый тигр жил в густом тропическом лесу. Там было очень душно и влажно, и влага крупными каплями падала вниз. Кроны деревьев заслоняли и без того тусклый свет, поэтому в лесу было сумрачно. Стволы деревьев, подобно гигантским колоннам, уходили вверх и утыкались в густой нескончаемый туман. Пространство между деревьями занимали густые разноцветные травы.

Сэм Глисон стоял на коленях. Полянка, сдавленная со всех сторон растительностью, вполне сошла бы за неф лесного храма. Но Сэму, чуть ли не по пояс утопавшему в траве, было не до молитв. Посмотрев на неподвижно лежавшую зеленокожую девочку, он влил ей в рот еще несколько капель аммонизированной хинной настойки. Поодаль стояли четверо взрослых зеленокожих и внимательно наблюдали за его действиями. Девочке было всего несколько лет от роду. По венерианским представлениям совсем малышка. Наверное, сестра кого-нибудь из этой четверки. Вряд ли она достигла возраста, когда детей начинают учить письму.

Туман оседал на листве деревьев и по пути вниз превращался в звонкую капель. Девочка облизала губы и вздрогнула. Четверо наблюдателей оперлись на свои духовые ружья, не сводя с ребенка глаз. Девочка снова вздрогнула, потом открыла блестящие, как у кошки, глаза. Ручонка расправила сплетенную из травы юбочку. Девочка попыталась сесть.

— Вскоре ей станет намного лучше,— сказал зеленокожим Сэм. Он подал им знак приблизиться.— Сядьте рядом с ней, чтобы она смогла прислониться к вашим спинам. Посидите так столько времени, сколько курится одна сигарета. Потом дайте ей выпить все, что здесь есть.

Сэм подал одному из взрослых маленький пузырек.

— Лекарство обязательно ей поможет. Когда она выпьет все, отнесите ее домой и уложите спать.

Сэм встал с легким хрустом в коленных суставах. Закрыв сумку, он прицепил ее к заплечному ремню и передвинул на спину. По его морщинистому лицу струился пот, собираясь капельками в седой козлиной бородке. Такие же капельки блестели в его седых волосах, никогда не знавших шляпы.

— За твою помощь этому ребенку, землянин, ты теперь будешь отцом отца ее отца. Поющие камыши обязательно расскажут об этом деревьям,— произнес на своем быстром певучем языке зеленокожий.

— Я привык,— улыбнулся Сэм.— Не реже чем раз в месяц я становлюсь чьим-то прадедом. А дети — везде дети. Даже по другую сторону Млечного Пути.

Зеленокожие не ответили. Иногда они без всякой видимой причины вдруг замолкали, и Сэму до сих пор становилось несколько не по себе от таких внезапных перемен в их поведении. Покинув туземцев, он дошел до конца полянки и углубился в дебри тропического венерианского леса. Тропинка, по которой он шел, была почти неразличимой. Где-то через час он доберется до своей одинокой хижины.

За спиной Сэма раздался хрипловатый свист. Свист долетел с полянки, скрытой теперь стволами могучих деревьев. Не сбавляя шага и не оглядываясь, Сэм прислушался. Вскоре сзади и по обе стороны от него слегка зашелестела трава. Незримые телохранители старались быть еще и неслышимыми. Сэм знал, что они будут сопровождать его до самого дома, и изо всех сил делал вид, будто ничего не замечает. Дипломатия, неизбежная в здешних местах. Обе стороны проявляли взаимную вежливость: землянин, стараясь не замечать свой эскорт, а туземцы — не позволяя их другу путешествовать по лесу без телохранителей.

Войдя в темную хижину, Сэм осторожно приблизился к окну, желая хотя бы мельком увидеть свой эскорт. Туземцы имели обыкновение окружать его хижину невидимым кольцом и ждать, пока он не зажжет свет. Только однажды ему удалось заметить их тени, быстро исчезнувшие за деревьями. Вздохнув, Сэм зажег керосиновую лампу, раскрыл свой полевой журнал и четким твердым почерком записал:

«Сегодня днем я вновь увидел возле своего окна зеленокожего туземца. Он стоял неподвижно, точно статуя, и терпеливо ждал. Мне так и не удалось убедить туземцев, чтобы в случае необходимости они стучались в дверь или просто заходили внутрь. Они по-прежнему считают это недопустимой дерзостью. И потому они продолжают стоять и ждать, пока я случайно их не уви-

жу. Посланец сообщил мне, что к северу от моего дома, в часе ходьбы, заболела маленькая девочка. По его словам, ее мучили сильные боли в животе. Как я и предполагал, у ребенка оказалась лихорадка Редера. К счастью, я поспел вовремя. Сильная доза хинина сделала все остальное».

Сэм перестал писать, задумчиво поглядел на стену хижины, пощипал бородку и произнес, разговаривая сам с собой:

— Вряд ли стоит писать, что это уже седьмой случай заболевания ребенка. Я уже писал об этом в официальных отчетах, а повторения раздражают земных чиновников. Но я по-прежнему считаю, что у старушки-Природы есть лекарства от всего. И где-то здесь обязательно растет хинное дерево или его полноценный местный заменитель.

Отложив журнал, Сэм встал и снова выглянул в окно. Тусклый день медленно переходил в светящиеся сумерки, называющиеся венерианской ночью. Где-то в вышине живой флейтой зазвучали птичьи трели. Сэм сделал лампу поярче, подошел к полке с книгами и в который раз скользнул глазами по корешкам. Книг было совсем немного: «Лекарственная флора» Хауэрда Сакса, «Корень всякого блага» профессора Вентворта, «Природные целительные средства» Гуннара Яльмсена, «Теория Ханнемана» доктора Рейли и еще дюжина других. Все их он успел прочесть не по одному разу. Наконец Сэм вытащил книгу Уолтера Кайзера с довольно странным названием «Как съесть каннибала» и уселся, раскрыв ее наугад.

«В общении с примитивными народами необходимо с самого начала показать им свое безусловное главенствующее положение, сделав это твердо и недвусмысленно. В дальнейшем эта позиция должна неукоснительно сохраняться, а всякий, дерзнувший оспорить ваши права хозяина, должен получать суровый отпор. Это означает: будучи честными, вы одновременно должны быть твердыми, жесткими, если того требуют обстоятельства, и даже жестокими, если иначе никак нельзя. Дикарь понимает только грубую силу и больше ничего. Возможно, это утверждение придется не по вкусу рафинированным завсегдатаям каких-нибудь гуманистических обществ в Нью-Йорке или Лондоне, но когда вы окружены дикими и враждебными племенами и на ваших плечах лежит тяжкое бремя ответственности, вам и только вам решать, как и когда...»

Сэм нахмурился. Он всегда хмурился, когда перечитывал этот абзац. Он искренне восхищался Кайзером — одним из выдающихся людей Земли. Нынче Кайзер занимал пост Верховного

инспектора по делам отсталых народов Юго-Восточной Азии. Казалось бы, недопустимо сомневаться в суждениях человека, написавшего все это на основе собственного богатого опыта. Авторитет Кайзера был очень велик, однако некоторые его мысли вызывали у Сэма явный протест.

«Что же касается миссионеров, эти прекрасные люди часто становятся жертвой собственного энтузиазма. Мне нравится встречаться и беседовать с ними, но только не в тех местах, где царит первобытное беззаконие. Достаточно бросить взгляд всего на один список этих храбрых служителей Господа, убитых и замученных даяками по обеим берегам реки Флай на Борнео**, чтобы убедиться: они поторопились. Миссионерам следовало прийти в эти края позже, когда здесь появятся первые всходы цивилизованной жизни. Прежде чем учить диких и кровожадных аборигенов любить Бога, они должны хорошенько научиться бояться Его».*

В конце концов, утешал себя Сэм, эту книгу Кайзер написал давно. Тогда он был молодым и порывистым. Возможно, сейчас он изменился, ведь с возрастом люди всегда меняются. Кто знает, может, теперь он стал гораздо терпимее и мудрее. Нынче имя Кайзера стояло в одном ряду с такими мудрыми и уважаемыми людьми, как прославленный Консул Луны Виктор Херн и не менее прославленный Хабес Андерсон, Консул Марса. Их заслуженно считали великими и талантливыми людьми, надежными столпами цивилизации, объявшей Землю и делающей уверенные шаги на других планетах.

Успокоив себя этими мыслями, Сэм Глисон лег спать.

Весь следующий день его ум и руки были плотно заняты работой. Помимо необходимости самому готовить себе еду и прочих житейских забот Сэм должен был завершить немало других дел. До отлета корабля на Землю оставалось менее трех недель. Если бы корабли летали чаще, он мог бы не так спешить.

---

* Группа народов, живущая на территории Индонезии, Малайзии и Брунея. Являются коренным населением индонезийского острова Борнео (Калимантан).— *Прим. перев.*

** Борнео (сейчас более употребительным стало его историческое название — Калимантан) — самый большой остров Малайского архипелага. Основная часть острова принадлежит Индонезии, север и северо-запад занимает островная часть Малайзии и государство Бруней. Говоря о реке Флай, автор, вероятнее всего, допустил неточность: эта река находится не на Борнео, а на острове Новая Гвинея.— *Прим. перев.*

Но корабли летали раз в восемь месяцев, и Сэм просто не имел права пропустить этот рейс, поскольку у него накопилось много материала для отправки на Землю.

Многое уже было им упаковано, но кое-что еще надлежало подготовить. Нужно обязательно сделать цветные фотографии восьми удивительных экземпляров *Odontoglossum venusii*. Помимо снимков надо будет зарисовать растения, а потом высушить и успеть упаковать, пока они не пожухли. Сэм добыл семнадцать образцов древесной коры, из отвара которой, если верить туземцам, они получали наркотик-сырец, аналогичный кокаину. Он подробно записал весь процесс приготовления. Этим возможности Сэма исчерпывались. В его незамысловатой хижине не было оборудования для подробного анализа, да и он сам не являлся квалифицированным химиком-аналитиком. Сэм был всего-навсего полевым коллектором, работавшим от Национального Ботанического института. Все лабораторные исследования производились уже в институте.

Его акварельные рисунки цветов были изумительно талантливы, однако для института они являлись не более чем иллюстративным материалом, создаваемым в целях экономии фотопленки. Вряд ли в будущем какой-нибудь ценитель искусства станет охотиться за подлинниками Глисона. Уложив рисунки вместе с хромограммами, Сэм поместил цветы в восемь чашечек из кварцевого стекла, присыпал сверху мелким серебристым песком и отправил их в свою печурку сушиться. Почувствовав, что за дверью кто-то есть, он распахнул ее. Футах в десяти от двери стоял зеленокожий с духовым ружьем в руках. Он терпеливо ждал. Даже его суровое лицо выражало бесконечное терпение.

— Что случилось? — спросил Сэм.

— Землянин, Голос моего народа желает говорить с тобой.

Сэм огляделся и обеспокоенно пощипал свою бородку. Зеленокожий пришел не один; между деревьями стояло еще несколько туземцев. Телохранители.

— Прости меня, но я не могу пойти. Я очень, очень занят.

Сэм глядел прямо в большие кошачьи глаза туземца.

— Я бы очень хотел пойти, но не могу. Прости,— как можно мягче сказал он.

Все восемь цветков *Odontoglossum venusii* успели высохнуть и не потерять вида. Сэм достал их из плиты и аккуратно поместил каждый цветок в коробочку для образцов. Дневная духота нарастала, и его опять прошиб пот. В уголках глаз заблестело множество крошечных капелек. Закончив работу, Сэм перекусил, немного отдохнул, раздумывая о том и о сем, после чего вновь

открыл дверь хижины. Прошло не менее двух часов, однако и зеленокожий, и его соплеменники продолжали неподвижно стоять и терпеливо ждать.

— Я же тебе объяснил, что не смогу пойти.

— Да, землянин.

Голова Сэма по-прежнему была занята цветами, травами и образцами древесной коры, не говоря уже о необходимости завершить всю работу в срок и не опоздать к отлету корабля. И все же он немного насторожился.

— Зачем я понадобился Голосу? — спросил он, чтобы узнать подробности.

— Ты спросил, я говорю. По ту сторону гор шестеро стали добычей смерти, убив друг друга. Трое наших и трое ваших. Узнав про это, Голос сказал, что ему нужно говорить с Седым Сказителем или с тобой. «Лети как птица и приведи мне одного из них». Так велел мне Голос.

— М-да,— пробормотал Сэм.

За четыре года, прожитых среди зеленокожих, он ни разу не встретился ни с кем из Голосов, как туземцы именовали племенных вождей. В другое время он отправился бы не задумываясь, но только не сейчас. Сейчас ему не го что каждый день — каждый час дорог. Путешествие отнимет у него целую неделю. Сэм не мог пожертвовать таким временем.

— Ты говорил с Седым Сказителем? — спросил он посланца.

— Землянин, мы уже навестили его.

— И он не смог пойти?

— Он согласился и даже прошел короткий путь. Потом он напряг свой дух и прошел еще немного. Но после этого у него ослабли ноги.

— Никак и он заболел?

Хижина пожилого миссионера отца Руни находилась в шестидесяти милях к югу. Как и Сэм, он жил совершенно один. Если старик занемог, дело дрянь.

— Седой Сказитель сказал нам: «Я стар и слаб, и мои старые ноги отказываются мне подчиняться. Идите к Сухопарому. Скажите ему, что мой дух хотел бы пойти, но тело не пускает».

— Обожди, я сейчас,— сказал Сэм.

Он спешно привел в порядок заваленный образцами и бумагами стол, взял сумку и убедился, что там есть все необходимое для дальней дороги. Шляпы у Сэма не было, как никогда не было и оружия. Наверное, они с отцом Руни — единственные из двух тысяч землян на Венере, кто не нуждался в револьверах и карабинах.

Перед уходом Сэм достал давнишнее письмо, присланное ему с Земли. Содержание этого письма он знал наизусть. «Вас

нанимали для ботанических, а отнюдь не для этнографических исследований... ожидалось, что вы будете больше времени посвящать изучению флоры и не тратить его на местную фауну... положение туземного населения входит в компетенцию соответствующего департамента... последнее предупреждение... будем вынуждены вас уволить». Сэм разорвал письмо и смахнул бумажные клочки в печь — прямо на мерцающие янтарные угли. Дерзко мотнув бородкой, он вышел из хижины.

Туземцы и не догадывались, что земляне создали специальный департамент, ведающий их жизнью. Они обращались к тем, кому доверяли. Если не смог пойти отец Руни, он, Сэм Глисон, пойдет вместо захворавшего старика. Он просто обязан пойти. Если земляне хотят жить в мире, они должны знать, что на Венере есть свои тигры.

Зеленокожий посланец неслышно двигался впереди. Сэм твердым, решительным шагом шел за ним. Телохранители замыкали шествие. Через несколько часов туман опустился ниже и сверху начали падать крупные капли росы.

До ближайшей деревушки пришлось добираться весь вечер и часть ночи. Венерианский лес не знал ни лунного, ни звездного света, зато в нем росли светящиеся травы. Иногда, словно призрак великана, впереди вырастала переливающаяся холодным светом колонна — дерево-маяк. Лишь однажды путникам пришлось ненадолго остановиться: поперек тропы лежал громадный удав.

Толщиной эта змеюка была не менее трех футов, а свою длину от головы до хвоста знала только она сама. Живая блекло-серая труба слегка вздымалась. Удав спал. Путники быстро перепрыгнули через него и бросились бежать. Пробежав милю, они решились вновь перейти на шаг. При встрече с местными удавами все зависело от того, кто кого увидит первым.

Деревушка — несколько сплетенных из веток хижин — дала путникам пищу и кров на остаток ночи. Поздний ужин (или ранний завтрак) Сэма и туземцев состоял из печеной рыбы, корней дерева *маро* и сырого хлеба, который они запивали настоящим кофе. Когда ботаники обнаружили на Венере кофейные деревья, совершенно идентичные земным, это вызвало настоящую сенсацию. Ученые заговорили о необычайном сходстве двух планет и их обитателей. Появилась тьма гипотез о параллельном развитии Земли и Венеры. Из всех землян, наверное, только Сэм скептически относился ко всем этим разговорам о сходстве двух рас. Уж он-то знал зеленокожих!

Отдых был недолгим. Не успели дикие индюшки хрипло возвестить приближение рассвета, а первые туземные рыбаки от-

правиться к быстрым и шумным лесным речкам за очередным уловом, как путники отправились дальше. Все так же, цепочкой, они пробирались сквозь дождевой лес, казавшийся бесконечным. Но к вечеру третьего дня лес расступился, и они оказались у подножья гор. Вершины скрывала плотная завеса облаков. Путники видели лишь часть плавно подымавшейся вверх равнины. Где-то на высоте тысячи футов (такой же высоты были и деревья в лесу) вершина уходила в туман.

В долине находилось селение, где жил Голос,— большое скопление приземистых каменных строений. Их крыши покрывал белесый сланец, а в окна были вставлены пластины слоистого кварца. Резиденция Голоса разительно отличалась от бедной лесной деревушки с ее убогими плетеными хижинами. Селение окружало небольшое кольцо возделанных полей, через которые текли две узкие и говорливые горные речки. Сэм никогда не видел подобных селений, хотя и слышал о них. Цивилизация зеленокожих поднялась в его глазах еще на одну ступеньку.

Дом Голоса стоял в центре поселения. Вождь встретил их в главном помещении, восседая на подобии трона, больше напоминавшем высокий табурет. Он был высоким, поджарым туземцем средних лет. По-видимому, только высокое положение помогло ему хорошо сохраниться. Жизнь туземцев была нелегкой, и в таком возрасте многие зеленокожие выглядели почти стариками. Как и все венерианцы, Голос был совершенно лысым. Его большие желтые глаза с узкими кошачьими зрачками бесстрастно глядели на Сэма.

Сэм протянул ему сигарету (для туземцев это являлось драгоценным подарком), поднес зажигалку, после чего уселся напротив на другой табурет. У зеленокожих не было принято обмениваться словами приветствия. Вождь просто смотрел на землянина, делая затяжку за затяжкой. Через некоторое время он нарушил молчание.

— Я — Голос моего народа.

Сэм, как того требовал местный этикет, замер, выражая свои искреннее удивление и восхищение. Затем, достав из сумки нераспечатанную пачку сигарет, он преподнес ее вождю. Тот величественным жестом принял подарок.

— А сам ты не куришь?

— Я ожидаю твоего позволения,— сказал Сэм.

Кошачьи зрачки расширились. Вождь долго и изучающе глядел на землянина. Взгляд был по-змеиному немигающим.

— Кури! — разрешил Голос.

Сэм закурил. Он не решался торопить вождя; у того были свои представления о времени. Зная зеленокожих, Сэм предпо-

ложил, что вначале Голос постарается прощупать его со всех сторон и только потом заговорит о делах.

— Ты и Седой Сказитель говорите на нашем языке,— продолжал вождь.— Остальные земляне ведут себя как маленькие дети, которые не научились говорить. Они объясняются с нами жестами. Почему?

Сэм заерзал на табурете, обдумывая ответ. На Венере полевому коллектору поневоле приходилось быть еще и дипломатом.

— Моя работа,— начал Сэм, старательно взвешивая каждое слово,— заставляет меня жить рядом с твоим народом. Работа Седого Сказителя — тоже. Как мы можем подружиться с соседями, если не будем говорить на их языке? Тебе бы понравилось, если бы я жил сам по себе, не замечая твоего народа?

Сэм сделал паузу, давая вождю время для ответа, однако тот молчал.

— Вот потому-то и я, и Седой Сказитель научились вашему языку.

— А почему другие из твоего народа не учатся? — спросил вождь, не сводя с него больших немигающих глаз.

— У других людей другая работа. Они работают вместе, и им не одиноко. У многих работа куда тяжелее моей. Они трудятся с утра до ночи, и у них просто нет времени учить ваш язык. Некоторым землянам учиться трудно, поскольку у них нет навыка к чужим языкам. Я легко научился говорить по-вашему, а Седому Сказителю было намного труднее. Для кого-то это совсем трудно.

Вождь не произнес ни слова. Он слегка разжал тонкие губы, выпустив поток сизого дыма, но глаза так и остались неподвижными. Этот пронизывающий взгляд не пугал Сэма. Он привык и к кошачьим глазам, и к кошачьим повадкам зеленокожих. Ничего удивительного. Прожив более четырех лет в дождевых лесах, начинаешь понимать зеленокожих. Но только начинаешь. Пока Сэм курил свою сигарету и ожидал следующего вопроса, ему вспомнилось, как написал Берроуз, впервые увидев венерианцев. «Телом они на восемьдесят процентов напоминают людей, а откуда взяты остальные двадцать процентов — одним небесам известно. Разум у них на восемьдесят процентов человеческий, а на двадцать — кошачий». Верно подмечено, думал Сэм, глядя в кошачьи глаза вождя. А эта погруженность в себя, эта тайна, скрытая в желтых глазах? А удивительное терпение и врожденное чувство собственного достоинства? Правда, Берроуз забыл добавить, что облик и повадки венерианцев имели мало общего с изнеженными домашними кошками.

— Я ничем не отличаюсь от своего народа,— вдруг нарушил молчание вождь.— Ты не найдешь отличий ни здесь, ни по дру-

гую сторону гор, ни даже на другом краю нашего мира. У землян не так. У тебя лицо коричневое, морщинистое и покрытое густым мхом, как кора старого дерева *радус*. Седой Сказитель тоже землянин, но у него лицо гладкое и бледное, как свет зари.

— Во мне есть кровь индейцев чероки,— сказал Сэм и тут же спохватился: вождю это ни о чем не говорило.— На Земле живут люди с разным цветом кожи. Есть белокожие, есть краснокожие и чернокожие. У некоторых людей кожа коричневая или желтая.

— О! — заинтересованно произнес вождь.— А зеленая тоже есть?

— Зеленокожих людей на Земле нет.

Здесь Сэм утратил бдительность и, усмехнувшись, необдуманно добавил:

— Правда, о некоторых говорят, что они зеленые.— Спохватившись, он тут же перестал улыбаться и поспешно произнес: — Но так только говорят. На самом деле они не зеленые.

И надо же допустить такой дурацкий промах! Ему ли не знать о прямолинейности разума венерианцев? Где им понять земные иносказания?

— Если они не зеленые, зачем тогда называть их зелеными? — следуя безупречной венерианской логике, спросил вождь.

Кошачьи глаза вождя снова застыли на лице Сэма, требуя ответа. Сэм лихорадочно подыскивал слова для ответа, который удовлетворил бы прямолинейно мыслящего венерианца, не оскорбив его чувств.

— У нас есть люди, которые отличаются особой честностью и прямотой. Про таких говорят, что в них живет зеленый дух. Потому их иногда и называют зелеными.

Вождь молча выслушал ответ и все так же неподвижно глядел на землянина. Привычка венерианцев надолго умолкать очень мешала разговору с ними. Что им ни говори, никогда толком не поймешь, убедили их твои слова или нет. Зеленокожие умели неожиданно задать острый вопрос, но их реакция на ответ сама становилась вопросом, зачастую совершенно непонятным. Сигарета вождя давно погасла, а он все молчал.

Наконец он заговорил:

— Я много слышал о тебе, Сухопарый. Мой ум не пропускает ничего, даже капельки росы, падающей с листа. Я знаю, что ты — хороший землянин.

Он опять помолчал.

— Есть разные земляне: хорошие и плохие. Но о тебе и о Седом Сказителе я слышал только хорошее.

От этих слов, произнесенных размеренным голосом и сопровождаемых гипнотическим взглядом, Сэм ощутил слабость во всем теле. Он неуклюже попытался отмахнуться и стал думать, как объяснить вождю, что его заслуги преувеличены. Меньше всего Сэму был нужен нимб, возводимый туземцами над его всклокоченной седой головой. Он ведь не совершал никаких подвигов — просто помогал, когда его об этом просили, и занимался своей работой. В его родном городке на реке Ниошо* такое считалось обыкновенным проявлением добрососедства. Люди хорошо отзывались о тебе, и этого было достаточно.

Сэм так и не успел найти ответных слов, поскольку вождь заговорил снова.

— Большая беда постигла оба наших народа, и по горам поползла смерть. Это плохо, очень плохо, ибо зло подобно разлившейся реке. Я не хочу, чтобы живущие в наших лесах разделились на охотников и дичь. Я не хочу, чтобы лес стал опасным местом, где убивают по подозрению.

Сэм подался вперед. Его скуластое лицо напряглось, а морщинки возле глаз стали еще гуще. Пять лет назад, когда земляне только начали расселяться по Венере, между ними и зеленокожими возникали мелкие стычки. Мудрость обеих сторон не дала разгореться вражде, однако подспудный страх все равно оставался. Чем больше землян прилетали на Венеру, тем выше становился риск конфликтов с непредсказуемыми последствиями. Сэм внутренне содрогнулся. Им еще не хватало войны с туземцами!

— Меня зовут Эльран Старший,— продолжал вождь.— По другую сторону гор живет народ Эльрана Младшего, моего брата. А за его землями лежат пастбища народа Митры Молчаливого. Моя жена — сестра Митры. Мы с ним братья по родству.

— Беда случилась на землях Митры?

— Да. Вот уже почти год, как туда пришли земляне. Они стали копать глубокие ямы и доставать оттуда какой-то нужный им камень. Митра не возражал, потому что они по-честному договорились с ним. Но потом все изменилось. Земляне стали вести себя дерзко и угрожающе. А недавно заговорило их оружие, которое выплевывает огонь. Они убили троих из племени Митры.

У Сэма перехватило дыхание.

— А что сделал Митра? — спросил он.

— Он забрал жизнь у троих землян. Терпением и ловкостью его воины загнали землян в ловушку. Землянам не помогло их

---

* Ниошо — река, протекающая по территории штатов Канзас и Оклахома. Ее длина 740 км.— *Прим. перев.*

огненное оружие. В них вонзилось столько копий, сколько бывает ветвей на дереве. Еще не успев упасть, земляне потеряли свой дух. Ночью Митра послал воинов с копьями и веревками, чтобы сорвать проволоку над крышей дома землян. Без проволоки земляне не смогут говорить по воздуху и позвать себе на помощь летающую лодку.

— Тебе известно, что было дальше? — спросил Сэм.

— Земляне заперлись в своем доме. Воины Митры окружили дом со всех сторон. Митра ждет нашего решения. Он не хочет войны и пока готов погасить зло добром. Но каждый день уменьшает эту возможность.

— Плохо дело,— сказал Сэм.

— Когда земляне только прилетели к нам из тумана, тоже была смерть. Но Вакстр Долгоживущий и землянин, которого мы назвали Долговязым, сошлись в мудрости и заключили мир. Я считаю, что ты, Сухопарый, и Митра можете сделать то же самое, пока еще не поздно. А если не сумеете — мы все поступим как Митра. У землян есть оружие, выплевывающее огонь, но нас не испугаешь. Когда поток течет среди густых трав, его не слышно. Так и мы.

— Я обязательно пойду к Митре,— пообещал Сэм.— Я тотчас же отправлюсь к нему.

Не прошло и часа, как Сэм снова был в пути. Чтобы добраться до места трагедии, ему понадобилось три дня. Один день занял переход через горы и спуск в долину, где жило племя Эльрана Младшего, и еще два дня ушло на дорогу до земель Митры. Всего — шесть дней. Шесть дней туда и столько же на обратный путь. Если Сэм хоть где-то задержится, он опоздает к отлету корабля. Материалы на себе не потащишь, а вездеход ждать не станет. Запаса времени почти не оставалось.

Сэм хмурился, вспоминая строчки сожженного письма. «Положение туземного населения входит в компетенцию соответствующего департамента». Да нет здесь никакого департамента! На Венере нет даже консула! Единственный космопорт — и тот пока не достроен. Земные поселки можно пересчитать по пальцам. Переселенцы сюда не торопятся: ждут, когда жизнь станет более цивилизованной. А этих умников, просиживающих штаны на Земле, не мешало бы свозить сюда. Пусть глотнут жизни в венерианских джунглях. Может, тогда начнут по-иному смотреть на многие вещи. «Последнее предупреждение... будем вынуждены вас уволить». Кем они его считают? Роботом, запрограммированным лишь на сбор растений?

Туземцы, идущие впереди, должно быть, уловили настроение Сэма и прибавили шагу. Ни день, тусклый и серый по

земным меркам, ни ночь не являлись для зеленокожих помехой к путешествию. Они прекрасно видели в любое время суток.

Чем выше в горы, тем ниже становилась пелена тумана. Перевалив вершину, вниз спускались почти ощупью. Облачность и туманы были сущим проклятием Венеры; если бы не радары, посадка космических кораблей была бы неимоверно опасным делом. Туман постоянно держал путников под колпаком. Лучи невидимого солнца силились пробиться сквозь его пелену, но доходили настолько тусклыми и жалкими, что окружающие предметы даже не отбрасывали тени.

Под вечер второго дня путники добрались до границы дождевого леса, составлявшего часть земель Эльрана Младшего. Их ждал сытный ужин: какая-то индюшка оказалась слишком беспечной и не затаилась в сумерках. Один из зеленокожих метнул копье, оборвав птичью жизнь. Венерианские индюшки не имели перьев, а их кожа напоминала змеиную. Однако жареное мясо по вкусу ничем не отличалось от земной индюшатины.

До деревни Митры они добрались на два часа раньше ожидаемого срока. Селение тоже было каменным, но несколько меньше, чем у Эльрана Старшего. Оно располагалось на невысоком холме, со всех сторон окруженном девственным лесом. Правда, в радиусе трех миль от селения лес был вырублен, а земли — тщательно возделаны.

Митра вначале переговорил с провожатыми, затем позвал Сэма. Этот вождь тоже был средних лет, но ниже и коренастее Эльрана Старшего. Глаза у Митры были светло-янтарного цвета.

— Я — Голос моего народа,— официальным тоном произнес Митра.

Сэм промолчал, зная, что ответ в таких случаях не требовался, однако разыграл обычную сцену, показав хозяину свое удивление и восхищение. Вождь сразу же перешел к делу. Либо он, в отличие от своего брата по родству, не любил церемоний, либо его тревожило создавшееся положение.

— Я наравне со всеми знаю о тебе. Рад принять тебя, но не знаю, сможешь ли ты мне помочь.

— Что произошло? — спросил Сэм.

— Когда в деревьях начали подниматься жизненные соки, у нас появился землянин и пробыл здесь, пока деревья не стали погружаться в спячку. Он не знал нашего языка и объяснялся жестами и рисунками. Мы приютили его и дали пищу, поскольку он был один и совсем худой. Много дней он бродил по горам, спускался в расселины и даже в пропасти. Однажды он пришел ко мне очень довольный: землянин нашел то, что давно искал. Оказалось, это всего лишь металл *рилла,* в котором нет никакого проку.

— Это для вас нет,— деликатно возразил Сэм.— Если добавить этот металл к другому металлу, из которого мы делаем летающие лодки, он становится необычайно прочным.

— Я заключил с ним договор,— продолжал вождь.— Я позволил землянину выкапывать металл и определил границу: стократ его роста во все стороны от места находки. Землянин ушел. Его долго не было. Мы решили, что он не вернется. Но он вернулся и привел с собой пятерых землян. Мой народ помог им построить каменный дом. Над домом земляне натянули проволочную паутину — ту, что позволяет говорить далеко. По этой паутине они вызвали летающую лодку. На ней прилетело еще двадцать землян. Они привезли с собой много разных орудий. Лодка улетела, а земляне с помощью своих орудий стали выкапывать и плавить металл рилла. Так они работали почти год, пока металла больше не осталось.

Вождь замолчал и прикрыл глаза. Сэм ждал продолжения рассказа.

— Потом земляне пришли ко мне и, как могли, объяснили, что под этим холмом есть еще очень много металла рилла. Я сказал, что на холме стоит мое поселение и рыть здесь нельзя. Они настаивали и требовали, чтобы я заключил с ними новый договор. Я отказался. Они разгневались и угрожали выбить из меня дух. Один из моих воинов поднял духовое ружье, а они наставили на него свои палки, плюющиеся огнем. Земляне убили моего воина. Ночью мы похоронили его. Земляне побежали к своему дому. Множество моих молодых воинов бросились за ними в погоню. Земляне убили еще двоих. Но на следующую ночь мы заманили в ловушку троих землян и успокоили духов наших убитых. Мы также порвали проволочную паутину над крышей дома землян и окружили их со всех сторон нашими воинами. С тех пор они не осмеливаются выбраться наружу, а мы не решаемся захватить их дом.

— Можно мне поговорить с этими землянами? — спросил Сэм.

— Тебя отведут к ним, как только скажешь,— без колебаний ответил вождь.

— Я пойду к ним попозже. Сначала я хочу обойти деревню, холм и осмотреть место, откуда они выкапывали металл рилла.

Дом, ставший осажденной крепостью, находился на другом невысоком холме, примерно в полутора милях от селения Митры. В неясном свете венерианского утра он выглядел мрачным и угрожающим.

Дом и в самом деле был окружен плотным кольцом зеленокожих, прятавшихся в лесных зарослях. У некоторых из них были

особые духовые ружья с шестью загубниками. Чтобы выстрелить из такого ружья, требовались одновременные усилия шестерых воинов. Зато выпущенные из него тяжелые стрелы летели более чем на двести ярдов. Помимо этих ружей Сэм заметил у воинов ладно сработанные арбалеты с массивными металлическими пружинами и нехитрым заводным механизмом. Такого оружия Сэм еще не видел. Не увидел он у осаждающих и катапульт, но слышал, что венерианцы умеют ловко метать зажигательные снаряды. Все воинство Митры расположилось у кромки леса, приготовившись ждать столько, сколько понадобится. Сэму вспомнилась старая охотничья поговорка: «Умей ждать в кустах у водопоя, и жажда выгонит дрожащую косулю прямо на тебя».

Сэм шел к осажденному дому, держа руки в карманах. Вид у него был самоуверенно-безразличный. Он рассчитывал, что такая манера удержит землян от поспешного нажатия курка. Правда, в скудном утреннем свете земные глаза вряд ли сумеют издали отличить друга от врага. Единственное отличие — голос, но вначале нужно подойти поближе, чтобы его услышали. Сэм еще раз позавидовал зрению венерианцев. Люди на Земле даже не задумываются, сколько опасных мелочей подстерегает их в неизведанном мире другой планеты. Например, недостаток света. Неизвестно почему, но опаснее всего оказываются именно мелочи. Например, пуля в живот. Тоже мелочь. От этой мысли у Сэма заныло в животе.

Правда, обошлось без выстрелов. В пятидесяти ярдах от дома Сэм увидел щит с грубо намалеванной надписью:

КОРПОРАЦИЯ «ТЕРРАЛОИД»

Сэм нахмурился. «Терралоид» был большой и могущественной корпорацией и ворочал делами отнюдь не из любви к искусству. Правда, корпорация не пользовалась дурной славой и еще ни разу не была уличена в мошенничестве, и тем не менее эти энергичные, предприимчивые дельцы очень не любили выжидать и строить далеко идущие планы. В мире бизнеса их называли спринтерами, всегда стремившимися оказаться у лакомого кусочка быстрее и раньше других. Сэм знал, что на других планетах у «Терралоида» часто возникали трения с местными консулами и с законом.

Дверь осажденного дома отворилась. На пороге появился рослый грузный человек и прорычал:

— Эй, как тебя занесло сюда? Разве ты не знаешь, что вокруг полно зеленюшников?

— Как раз поэтому я пришел, чтобы поговорить с вами. Меня послал Митра.

— Надо же, голубок мира к нам залетел,— язвительно бросил другой землянин.

Он провел Сэма во внутреннее помещение, в котором находилось не менее дюжины землян. Кто-то из них чистил и проверял оружие, остальные сосредоточенно мастерили новую антенну.

— Парни, к нам парламентер от зеленюшников.

Люди вскинули головы и без всякого интереса посмотрели на Сэма. Грузный человек опустился на стул, заскрипевший под тяжестью его тела, и пробасил:

— Меня зовут Клем Мейсон. Я — управляющий здешнего отделения корпорации. А кто ты? Почему он послал сюда именно тебя и кто вообще наделил тебя властью вести переговоры? Еще желательно знать, почему ты так радеешь за этих поганых зеленюшников?

— Я — Сэм Глисон, всего-навсего полевой коллектор, работающий по контракту с Национальным Ботаническим институтом. Думаю, мой контракт долго не протянет,— спокойно ответил Сэм.— У меня столько власти, сколько дает эта скромная должность,— то есть никакой. Причина, почему Митра послал меня к вам, тоже очень проста. Я говорю на их языке и успел в какой-то степени изучить их психологию.

Немного подумав, Сэм добавил:

— Еще одна вероятная причина моего появления здесь — болезнь миссионера отца Руни. Я пришел вместо него.

— Отец Руни? — пробурчал Клем Мейсон.— Не слыхал о таком. Мы не нуждаемся в проповедниках и не хотим, чтобы они совали нос в наши дела. Знаем мы всех этих гуманистов. Потолкаются на Венере недельку-другую, потом возвращаются на Землю и начинают красочно расписывать, какие мы грубые и жестокие по отношению к местному населению. Их вопль тут же подхватывают другие кабинетные гуманисты, и вот уже публика рвет на себе волосы и требует, чтобы мы расшаркивались с каждым вонючим аборигеном и говорили ему: «Да, сэр... нет, сэр... благодарим вас, сэр». Мы никого не просим лезть к нам с советами.

Он выразительно кивнул в сторону свежесмазанного оружия.

— Мы в состоянии сами разобраться.

Сэм широко улыбнулся и сказал:

— Похоже, нам с вами и вправду надо разобраться в случившемся, пока отец Руни не сунул сюда свой нос. Как вы считаете?

Мейсон задумался над его словами.

— Валяй. Может, хоть от тебя мы услышим что-то дельное.

— Я слышал рассказ Митры о случившемся,— сообщил Сэм.— Теперь мне хотелось бы услышать ваш. Тогда станет ясно, как нам вылезти из этого тупика.

— Тут особо нечего рассказывать. Все проще простого. У нас с Митрой был договор на разработку одного участка. Мы выбрали оттуда весь металл. Этим дело бы и кончилось, но мы установили, что копали на ответвлении от материнской жилы. Мы провели дальнейшие изыскания и обнаружили саму жилу прямехонько под тем холмом, на котором стоит деревня Митры. Там тонны металла рилла, и они позарез нам нужны. Думаю, мы подпортили дело, поскольку никто из нас не знает венерианского языка. Что делать? Нарисовали кучу картинок, все руки себе вывернули, пытаясь объяснить Митре, что нашли у него под погребом настоящую пещеру Аладдина. Мы просили его заключить новый договор. Мы предлагали ему великолепные условия, хотели все устроить так, чтобы обе стороны были довольны. Но чем больше мы лезли из кожи вон, тем сильнее он упирался.

— Пожалуйста, продолжайте,— попросил его Сэм.

— Наконец я уже начал сходить с катушек от его упрямства и крикнул ему в лицо, что он — зеленокожий придурок. Опасаться мне было нечего, Митра все равно не понимает английского. А потом пошла одна дурь за другой.

— Это как?

— Какой-то сопляк, стоявший рядом с Митрой, вскинул свое духовое ружье. Может, ему не понравился тон моего голоса. Может, он ничего и не затевал, а поднял свою дудку просто так. Но наш Фаргер занервничал и, не особо раздумывая, уложил этого щенка на месте. Потом нам пришлось спешно улепетывать сюда. Ночью рассерженные зеленюшники обложили нас со всех сторон. Пришлось их немного отогнать. Мы стреляли не целясь. Возможно, ухлопали еще кого-то.

— Вы убили двоих,— сказал Сэм.

Мейсон презрительно поморщился.

— Они тоже не овечки. Уж не знаю, как они выследили Фаргера, но когда стемнело, вместе с ним зеленюшники убили Микина и Уилса. Все было кончено в считанные секунды, мы и ахнуть не успели! Потом забросали нам крышу копьями, а к копьям у них были привязаны веревки. Сорвали нам внешнюю антенну. Мы были вынуждены запереться в доме. У нас есть второй передатчик, портативный. Мы попробовали вызвать базу, но где там! До базы далеко, а тут еще горы мешают. Но ничего, скоро мы натянем новую антенну, и тогда пусть эти вонючие

зеленюшники молятся своим богам. Только боги им не помогут. Мы вызовем корабль, и от резиденции Митры останутся пепел да кости!

— Беда порождает беду,— возразил ему Сэм.— Боюсь, вы недооцениваете серьезности случившегося. Вам кажется, что произошла всего-навсего мелкая стычка с местным племенем. Увы, положение намного сложнее. Я не собираюсь вас пугать. Я много общаюсь с венерианцами и сумел узнать о весьма странных особенностях их психологии. Хотя они живут племенами, у них нет племенных различий, а потому нет племенной обособленности и местного патриотизма. Венерианцы обладают, я бы сказал, общепланетным сознанием. У них один цвет кожи, один язык. Есть что-то еще, заставляющее их чувствовать себя частями единого целого, но до сих пор я так и не понял, что именно. Могу лишь сказать: принцип «разделяй и властвуй» на Венере не действует. Здесь горе одного сразу становится общим горем.

— Давай-ка без лекций о туземной психологии,— криво усмехнувшись, перебил его Мейсон.— Говори, что имеешь сказать, и надо что-то решать. Мы и так теряем время, а за простой нам не платят.

— Я не намерен читать вам лекции, Мейсон. Я пытаюсь вам объяснить ошибочность ваших представлений. Не тешьте себя иллюзиями, будто остальным племенам нет дела до вашей вражды с Митрой. Даже Эльран Старший, который живет в трех днях пути отсюда, по другую сторону горы, знает о происходящем и готов повторить действия Митры. Поймите: альтернативой добрососедским отношениям с зеленокожими может быть только война между землянами и венерианцами. Да, оружие землян неизмеримо превосходит копья и духовые ружья, однако нас здесь только две тысячи, а венерианцев — многие миллионы. Нам придется иметь дело с каждым из них среди необозримых джунглей — величайших во всей Солнечной системе. Понимаете, Мейсон, все наши боевые корабли, оснащенные современнейшими деструкторами, окажутся бессильными. Мы будем палить из пушек по воробьям. Что толку в нашей силе, если ее невозможно применить? — немного подумав, добавил он.

— К счастью, не все рассуждают так, как ты,— возразил Мейсон.— Ты засиделся на собственной заднице, разглядывая здешние травки-цветочки, и решил, что Земля забыла о своих посланцах.

— Как же, раз в восемь месяцев, на целых три недели Земля вспоминает о нашем существовании,— с грустной улыбкой ответил Сэм.— Мы хотим почти голыми руками заграбастать целую

планету. У нас пока что нет ни орбитальных кораблей, ни орбитальных станций. Мы не знаем, что происходит на другом краю Венеры. Мы еще не успели достроить первый и единственный космопорт. Земля так заботится о своих посланцах, что у нас с отцом Руни нет даже простеньких передатчиков. Конечно, где-то лет через пятьдесят положение изменится, если только мы сами все не испортим. Знаю, такие мысли больно задевают наше самолюбие. Но правда есть правда: Земле не удастся завоевать венерианцев силой.

— Ты со своим...— попытался перебить его Мейсон, но Сэм сердито махнул рукой:

— Позвольте мне договорить. Вам нужен металл рилла. Ради него вы здесь и оказались. Так вот: договориться с Митрой и уговорить его допустить вас к жиле будет стоить намного дешевле, чем воевать с ним. Если вы — акционер «Терралоида», вы это поймете без лишних объяснений. Если же у вас нет их акций, тогда зачем вообще вы вляпались в эту историю?

— Клем, а здесь он прав на все сто,— произнес один из слушавших.— Я приехал сюда как следует повкалывать и вернуться домой живым и с жирным наваром. Ты говорил, что все будет чисто-гладко. А теперь что, нам надо воевать с зелеными индейцами? Мы так не договаривались!

К нему присоединилось еще несколько человек.

— Не галдите, парни, мы еще не кончили.— Мейсон зацепился большими пальцами за проймы жилетки и откинулся на спинку стула.— Допустим, мы согласимся договориться с Митрой, но как?

— Вы можете добывать свой металл, не разрушая деревню?

— Чего проще. Жила залегает глубоко. Мы можем пробить штольни прямо от подножия холма. Уж это мы умеем!

— Вы пытались объяснить это Митре?

— Ты еще спрашиваешь! А чем же мы занимались? — рассердился и повысил голос Мейсон.— Но как ему втолкуешь, если никто из нас не мурлыкает по-ихнему? Он видел, как мы все развороти ли на первом участке, и подумал, что такую же чехарду мы устроим и на его холме.

— Значит, Митра испугался за судьбу деревни?

Мейсон с большой неохотой кивнул.

— Похоже, что так. Мы ему уйму картинок нарисовали. И так и эдак пробовали показать. Все как коту под хвост.

— Значит, я могу передать Митре, что от вашей работы не пострадает ни один дом в деревне, а когда вы закончите, у них появится удобное подземное хранилище?

— А это мысль! — обрадовался Мейсон, ставший вдруг очень сговорчивым.— Мы даже выровняем им стены и поставим дополнительные крепления, чтобы своды не осыпались.

— Замечательно. Тогда я сейчас же пойду к Митре и все ему объясню. Думаю, его удовлетворит такое предложение. Я даже уверен, что он согласится.

— Будем надеяться.— Мейсон шумно встал.— Но осталась еще одна закавыка.

— Какая?

— Не забывай, зеленюшники ухлопали троих моих людей. Что Митра думает по этому поводу?

Сэм тоже встал, готовясь уйти. Теперь, когда его миссия была почти выполнена, он почувствовал невероятную усталость. Устали не только его ноги; устала каждая клеточка его тела. За минувшие шесть дней он спал урывками и шел, шел, шел. Вскоре все повторится с той лишь разницей, что он пойдет в обратном направлении. А потом придется вертеться как белка в колесе, чтобы поспеть до отлета корабля. Собачья жизнь, по-иному не скажешь.

— Митра пришлет вам виновных, и вы сможете наказать их, как сочтете нужным.

— Черта с два он их пришлет,— скривился Мейсон.— Спятил он, что ли?

— Пришлет, но при одном условии.

— Что еще за условие?

— Вы отправите ему тех, кто убил его воинов, и предоставите ему право их покарать.

— Годится, если Митре нужны мертвецы.

— Те, кто убивал ваших людей, тоже мертвы,— сказал Сэм.

Митра принял предложение и снял осаду. Из прилегающего к дому землян леса исчезли живые тени, унеся арбалеты и катапульты. От внимания Сэма не ускользнуло, что Митра не послал ни одного гонца с известием о заключении мира. Перед уходом из деревни Сэм сказал Мейсону:

— Как видите, ни у одной из сторон не было злого умысла. Взаимное непонимание — вот единственная причина случившегося. Не мне кого-либо судить или винить. Я лишь рискну вам посоветовать: пусть кто-нибудь из ваших рабочих займется изучением венерианского языка. Выделите ему время для занятий. Честное слово, оно окупится. Если мы говорим на одном языке и зачастую не можем договориться, как же можно рассчитывать на успех, объясняясь с инопланетной расой жестами?

— Я что-нибудь придумаю,— пообещал Мейсон.— А вам большое спасибо за все.

Он вдруг нахмурился и добавил:

— Если вдруг встретите того отца Руни, уговорите его забрести сюда. Обещаете?

— Непременно,— ответил улыбающийся Сэм.

Он поправил свой мешок и двинулся в обратный путь.

Проводником Сэма был тот же туземец, который привел его к Митре, однако число телохранителей возросло с трех до двенадцати. Голос оказал ему большую честь, добавив в эскорт своих воинов. Правила хорошего тона требовали, чтобы Сэм следовал за проводником и по-прежнему делал вид, что не замечает остальных.

Двенадцать оберегающих теней сопровождали его до самой хижины. Они окружили жилище Сэма невидимым кольцом и еще некоторое время оберегали его покой. Потом они растворились в душном сумраке леса. Словно призраки, они двигались за ним все дни пути и теперь, словно призраки, исчезли.

Сэм был рад возвращению. Он с удовольствием глядел из окна на знакомую поляну, слушал знакомую капель, стучавшую по крыше. Он предвкушал, как сейчас растянется на койке, немного почитает и наконец-то выспится.

Едва проснувшись утром, Сэм сразу же вспомнил, что ему предстоит уйма дел. Из владений Митры он принес экземпляр нового растения, внешне похожего на вереск, но имеющего запах и вкус мяты. Трава стойко вынесла путешествие и не завяла. Сэм зарисовал растение, потом сфотографировал его и отправил сушиться в печь. Достав коробочку для образца, он вывел на этикетке: «Erica mithrii». Своей очереди дожидались четыре новых корня, которые нужно было надлежащим образом подготовить и добавить к ожидавшим отправки образцам. После этого Сэм уселся писать отчет. Отчет был готов едва наполовину, когда невдалеке послышались металлический грохот и басовое пение дизельного мотора. Сэм выбежал наружу и увидел ползущий по поляне вездеход с базы. Внутри сидело четверо. Вездеход пришел на два дня раньше, а у Сэма далеко не все еще было готово к отправке. Стоя на крыльце, он со смешанным чувством следил за приближавшейся машиной.

Окутав траву последним синеватым облаком густого дыма, вездеход замер почти у самой двери хижины. Пассажиры выпрыгнули наружу. За гусеницами тянулись две широкие колеи, скрываясь среди деревьев.

Все четверо были Сэму не знакомы. Один из приехавших молча подал ему связку почты и направился в хижину, осталь-

ные двинулись следом. Сэм вошел последним, теребя в руках пакет и ощущая нарастающее внутри раздражение.

Тот, кто вручил ему почту, уже сидел на краешке койки. Это был довольно грузный мужчина с толстой шеей, румяным лицом и какой-то едва уловимой насмешливой улыбкой, игравшей на его мясистых губах.

— Брат Глисон, вы уволены,— без обиняков произнес грузный незнакомец.

Сэм швырнул нераскрытый пакет на койку и осторожно присел на ящик с образцами.

— Я знал, что рано или поздно это случится.

— И я тоже,— с энтузиазмом сообщил толстяк.— Вы бы знали, сколько месяцев мне пришлось добиваться, чтобы вас вытурили из Ботанического института.

— Неужели? — спросил Сэм и прищурился, разглядывая вестника своего увольнения.— Чем же я помешал лично вам?

— Вы заставили меня понять, как мало я знаю и сколько всего мне еще предстоит изучить.

Незнакомец указал пальцем на своего спутника — взволнованного молодого человека в очках.

— Ему тоже предстоит многому научиться. Разрешите представить: Джад Хенкок, ваш преемник. Ему малость не по себе, как будто это он вас сковырнул.

— Не надо беспокоиться,— равнодушно ответил Сэм.— Я не буду мозолить вам глаза. Только объясню, что к чему, после чего соберу вещи и отправлюсь на Землю.

— Нет, на Землю вы не полетите! — объявил толстяк и упер руки в свои круглые колени.— Земля решила, что пришло время назначить Консула Венеры и навести кое-какой порядок в здешних делах. Это благородное дело взвалили на меня, и хоть плечи у меня не хилые, я чувствую: ноша будет тяжелой. В моем новом положении мне крайне необходим толковый советник по вопросам взаимоотношений с туземцами. И вы, Глисон,— самый подходящий для этого человек.

— Что заставляет вас так думать? — поспешно спросил Сэм.

— Ваши отчеты. Я внимательно прочел каждый из них.

— Но кто вы?

— Уолт Кайзер,— ответил толстяк.

Сэм ошеломленно замотал головой.

— И *вы* нуждаетесь в моих советах?

— Предельно нуждаюсь! От кого еще, черт побери, я могу получить дельный совет, как не от знающего человека? Кто лучше вас понимает венерианцев?

Кайзер перестал улыбаться и посмотрел на Сэма. Взгляд его был цепким и пристальным.

— Например, кто лучше вас объяснит мне, что такое «непроизвольное установление ментальной связи» между венерианцами?

— Я сам едва это понимаю,— ответил Сэм.

Он взъерошил волосы, пощипал бородку и попытался справиться с охватившим его замешательством.

— Вот то немногое, что мне удалось узнать. Пока туземцев ничто не тревожит, они по уровню индивидуальности ничем не отличаются от нас. Но стоит появиться каким-то серьезным трудностям или опасностям, как разум каждого из них превращается в частичку коллективного разума. Едва только один зеленокожий попал в беду, как об этом мгновенно узнаёт весь мир зеленокожих. Они обсуждают и анализируют случившееся, дают пострадавшему советы, а если надо — приходят на помощь.

— Так это же телепатия.

— Не совсем. Ментальная связь между зеленокожими устанавливается вне зависимости от их желания. Это происходит непроизвольно и только тогда, когда кто-то оказывается в беде или испытывает сильное затруднение умственного характера. Ни на Земле, ни на Марсе вы ничего подобного не встретите.

Сэм впервые делился тем, что его занимало и волновало. Его голос звучал все увереннее.

— Поэтому, мистер Кайзер, в своих отношениях с туземцами мы должны быть предельно осторожными. Понимаете, здесь стоит ненароком обидеть сопливого туземного мальчишку, как об этом будут знать все зеленокожие. Венера — неподходящее место для поспешных решений и скоропалительных действий. Единственный способ убедить туземцев в своих добрых намерениях — это проявлять добрые намерения всегда и во всем. Суровая необходимость диктует нам такие нормы поведения.

— И что же нам угрожает в противном случае?

— Зеленокожие способны быть жесткими и безжалостными. И тогда нам будет не просто трудно — нам будет невыносимо трудно с ними. Пройдет еще очень много времени, прежде чем мы по-настоящему познаем все их особенности.

Сэм замолчал и, казалось бы, совсем забыл, что он в хижине не один.

— Иногда я совершенно теряюсь и не могу решить: являются ли зеленокожие подлинно индивидуальными существами в нашем понимании этого слова, или же они — всего лишь части какой-то огромной, непостижимой зеленокожей сущности, объемлющей собой всю планету. Бывает, они странным образом

предстают в двух этих качествах одновременно. Временами они кажутся мне не расой, а неким гигантским зверем, кем-то вроде... миролюбивого тигра. Он вежлив и уступчив, и для нас лучше, чтобы он всегда оставался таким.

— Вот видите! — воскликнул Уолтер Кайзер.

— Я вас не понимаю.

Кайзер повернулся к троим приехавшим и с притворной беспомощностью развел руками.

— Слышали? Он не понимает! Знайте же, Сэм Глисон: человек, способный подружиться с миролюбивым тигром,— и есть нужный мне человек. Кстати, как по-вашему, что является первейшей необходимостью в установлении более широких и прочных контактов с зеленокожими?

— Изучение их языка,— горячо и убежденно ответил Сэм. Он встал.— Это единственный способ, который помог мне узнать туземцев.

— Единственный способ? — переспросил Кайзер, удивленно вскинув брови.

— Несомненно!

Не обращая внимания на людную компанию, Сэм беспокойно мерил шагами хижину. За какую-то неделю столько всего произошло, что даже его спокойный, уравновешенный разум был немного взбаламучен. Что можно сделать для лучшего взаимопонимания между землянами и венерианцами? Не переоценил ли Кайзер его дружественные отношения с туземцами? Разве это особая заслуга — научиться говорить на языке тех, кто тебя окружает? Тут не надо быть семи пядей во лбу, нужно лишь немного постараться.

Продолжая раздумывать, Сэм глянул за окно. На поляне стоял зеленокожий и терпеливо ждал, когда на него обратят внимание.

— Прошу прощения.

Сэм открыл дверь и вышел.

Туземец стоял, опираясь на свое духовое ружье. Его большие желтые глаза были печальными и задумчивыми.

— Седой Сказитель,— коротко произнес зеленокожий.

— Что с ним? Заболел?

Туземец кивнул.

— Я знаю: он не велит звать тебя. Но ему трудно биться с недугом одному. Седой Сказитель уверял нас, говорил, что ему хватает и нашей заботы. Жаль, что твой народ не умеет чувствовать, когда кому-то из вас плохо.

— Я сейчас.

Сэм вбежал в хижину, схватил сумку и перекинул ее через плечо.

— Отец Руни заболел,— сказал он своим внезапным гостям.— Он живет в шестидесяти милях отсюда. К сожалению, на вездеходе туда не добраться. Машине не одолеть овраг и не пройти по веревочному мосту. Только пешком. Ну, я пошел.

Четверо землян, сгрудившись у открытой двери, наблюдали, как фигура Сэма быстро пропала за деревьями. Негромко прошелестели ветки, листья отозвались коротким дождем, и стало тихо. И вдруг из-за деревьев вынырнула дюжина юрких фигур с духовыми ружьями и устремилась вслед за Сэмом по невидимой тропе.

— Нет, вы только посмотрите на них! — выдохнул Хенкок, хватая Кайзера за руку.

— Его телохранители,— прошептал Кайзер и пожал широкими плечами.— Лучшего эскорта я бы и не желал. Шестьдесят миль — и хоть бы что!

Кайзер о чем-то задумался. Хенкок по-прежнему стоял рядом, не решаясь нарушить молчание.

— В одном из его отчетов была фраза, вызвавшая во мне целую лавину мыслей. Знаете, что он написал? «Они добры ко мне».

Хенкок пробормотал что-то невразумительное, но почувствовал себя увереннее.

— Глисон пока еще не принял вашего предложения,— напомнил Кайзеру водитель вездехода.

— Примет, обязательно примет,— убежденно ответил Кайзер.— Не такой у него характер, чтобы отказаться.

Мы с моей тенью

Тримбл опустил дрожащую ложку, мигая водянистыми виноватыми глазами.

— Ну, Марта, Марта! Не надо так.

Положив мясистую руку на свой конец столика, за которым они завтракали, Марта, багровая и осипшая от злости, говорила медленно и ядовито:

— Пятнадцать лет я наставляла тебя, учила уму-разуму. Семьсот восемьдесят недель — по семь дней каждая — я старалась исполнить свой долг жены и сделать мужчину из тебя, тряпки.— Она хлопнула широкой мозолистой ладонью по столу так, что молоко в молочнике заплясало.— И чего я добилась?

— Марта, ну будет же!

— Ровнехонько ничего! — кричала она.— Ты все такой же: ползучий, плюгавый, бесхребетный, трусливый заяц и слизняк!

— Нет, я все-таки не такой,— слабо запротестовал Тримбл.

— Докажи! — загремела она.— Докажи это! Пойди и сделай то, на что у тебя все пятнадцать лет не хватало духу! Пойди и скажи этому своему директору, что тебе полагается прибавка.

— Сказать ему? — Тримбл в ужасе заморгал.— Ты имеешь в виду — попросить его?

— Нет, сказать! — В ее голосе прозвучал жгучий сарказм. Она по-прежнему кричала.

— Он меня уволит.

— Так я и знала! — И ладонь снова хлопнула об стол. Молоко выпрыгнуло из молочника и расплескалось по столу.— Пусть увольняет. Тем лучше. Скажи ему, что ты этого пятнадцать лет ждал, и плюнь ему в брюхо. Найдешь другое место.

— А вдруг нет? — спросил он чуть ли не со слезами.

— Ну, мест повсюду полно! Десятки! — Марта встала, и при виде ее могучей фигуры он ощутил обычный боязливый трепет,

хотя, казалось бы, за пятнадцать лет мог привыкнуть к ее внушительным пропорциям.— Но, к несчастью, они для мужчин!

Тримбл поежился и взял шляпу.

— Ну, я посмотрю,— пробормотал он.

— Ты посмотришь! Ты уже год назад собирался посмотреть. И два года назад...

Он вышел, но ее голос продолжал преследовать его и на улице.

— ...и три года назад, и четыре... Тьфу!

Он увидел свое отражение в витрине: низенький человечек с брюшком, робко горбящийся. Пожалуй, все они правы: сморчок — и ничего больше.

Подошел автобус. Тримбл занес ногу на ступеньку, но его тут же втолкнул внутрь подошедший сзади мускулистый детина, а когда он робко протянул шоферу бумажку, детина оттолкнул его, чтобы пройти к свободному сиденью.

Тяжелый жесткий локоть нанес ему чувствительный удар по ребрам, но Тримбл смолчал. Он уже давно свыкся с такими толчками.

Шофер презрительно ссыпал мелочь ему на ладонь, насупился и включил скорость. Тримбл бросил пятицентовик в кассу и побрел по проходу. У окна было свободное место, отгороженное плотной тушей сизощекого толстяка. Толстяк смерил Тримбла пренебрежительным взглядом и не подумал подвинуться.

Привстав на цыпочки, Тримбл вдел пухлые пальцы в ременную петлю и повис на ней, так ничего и не сказав.

Через десять остановок он слез, перешел улицу, привычно описав крутую петлю, чтобы пройти подальше от крупа полицейского коня, затрусил по тротуару и благополучно добрался до конторы.

Уотсон уже сидел за своим столом и на «доброе утро» Тримбла проворчал «хрр». Это повторялось каждый божий день — «доброе утро» и «хрр».

Потом начали подходить остальные. Кто-то буркнул Тримблу в ответ на его «здравствуйте» что-то вроде «приветик», прочие же хмыкали, фыркали или ехидно усмехались.

В десять прибыл директор. Он никогда не приезжал и не являлся, а только прибывал. И на этот раз тоже. Директор прошествовал к себе в кабинет, точно там ему предстояло заложить первый камень памятника, окрестить линейный корабль или совершить еще какой-нибудь высокоторжественный ритуал. Никто не смел с ним здороваться. Все старались придать себе чрезвычайно почтительный и одновременно чрезвычайно занятый

вид. Но Тримбл, как ни тщился, выглядел только ухмыляющимся бездельником.

Подождав около часа, чтобы директор успел справиться с утренней почтой, Тримбл судорожно сглотнул, постучался и вошел.

— Прошу прощения, сэр...

— Э? — Бычья голова вскинулась, свирепые глазки парализовали просителя.— Что вам еще надо?

— Ничего, сэр, ничего,— робко заверил Тримбл, похолодев.— Какой-то пустяк, и я уже забыл...

— Ну так убирайтесь вон!

Тримбл убрался. В двенадцать он попробовал пробудить в себе стальную решимость, но стали явно не хватило, и он со вздохом вновь опустился на стул.

Без десяти час он рискнул сделать еще одну попытку: встал перед директорской дверью, поднес к филенке согнутый указательный палец — и передумал. Лучше попробовать после обеденного перерыва. На сытый желудок он станет смелее.

По дороге в кафетерий ему предстояло пройти мимо бара. Он проходил мимо этого бара тысячи раз, но внутри не бывал никогда. Однако теперь ему пришло в голову, что глоток виски мог бы его подбодрить. Он настороженно огляделся. Если Марта увидит его на пороге этого злачного места, ему придется плохо. Однако Марты в окрестностях не наблюдалось, и, дивясь собственной храбрости, Тримбл вошел в бар.

Клиенты, или завсегдатаи, или как они там называются, проводили его откровенно подозрительными взглядами. Вдоль длинной стойки их сидело шестеро, и все шестеро, несомненно, сразу распознали в нем любителя минеральной воды. Он хотел ретироваться, но было уже поздно.

— Что угодно? — спросил бармен.

— Выпить.

Чей-то хриплый смешок подсказал Тримблу, что его ответ был излишне общим. Требовалось назвать конкретный напиток. Но, кроме пива, он ничего вспомнить не сумел. А пиво ему ничем помочь не могло.

— А что лучше? — находчиво спросил он.

— Смотря для чего.

— Это как же?

— Ну, с радости вы пьете, с горя или просто так.

— С горя! — пылко объявил Тримбл.— Только с горя!

— Один момент.— И, взмахнув салфеткой, бармен отвернулся. Несколько секунд он жонглировал бутылками, а потом поставил перед Тримблом бокал с мутноватой желтой жидкостью.— С вас сорок центов.

Тримбл заплатил и завороженно уставился на бокал. Бокал манил его. И пугал. Он чаровал и внушал ужас, как вставшая на хвост кобра. Тримбл все еще смотрел на желтую жидкость, когда пять минут спустя его сосед, широкоплечий верзила, небрежно протянул волосатую лапу, взял бокал и одним махом осушил его. Только Тримбл мог стать жертвой подобного нарушения кабацкой этики.

— Всегда рад услужить другу,— сладким голосом сказал верзила, а глаза его добавили: «Только пикни у меня!»

Не возразив, не запротестовав, Тримбл понуро вышел из бара. Презрительный взгляд бармена жег ему спину. Хриплый хохот завсегдатаев огнем опалял его затылок и уши.

Благополучно выбравшись на улицу, он предался тоскливым размышлениям. Почему, ну почему все пинки и тычки выпадают на его долю? Разве он виноват, что не родился дюжим хулиганом? Он уж такой, какой есть. И главное, что ему теперь делать?

Конечно, он мог бы обратиться к этим... к психологам. Но ведь они же — доктора. А он смертельно боялся докторов, которые в его сознании ассоциировались с больницами и операциями. К тому же они, наверное, просто его высмеют. Над ним всегда смеялись с тех пор, как он себя помнил. Есть ли хоть что-нибудь в мире, чего он не боялся бы? Хоть что-нибудь?

Рядом кто-то сказал:

— Только не пугайтесь. Я думаю, что смогу вам помочь.

Обернувшись, Тримбл увидел невысокого иссохшего старичка с белоснежными волосами и пергаментным морщинистым лицом. Старик смотрел на него удивительно ясными синими глазами. Одет он был старомодно и чудаковато, но от этого казался только более ласковым и доброжелательным.

— Я видел, что произошло там.— Старичок кивнул в сторону бара.— Я вполне понимаю ваше состояние.

— Почему это я вас заинтересовал? — настороженно спросил Тримбл.

— Меня всегда интересуют люди.— Он дружески взял Тримбла под руку, и они пошли по улице.— Люди ведь куда интереснее неодушевленных предметов.— Синие глаза ласково посмеивались.— Существует непреложное правило, что у каждого есть какой-то выдающийся недостаток, или, если вам угодно, какая-то главная слабость. И чаще всего это — страх. Человек, не боящийся других людей, может испытывать смертельный ужас перед раком. Многие люди страшатся смерти, а другие, наоборот, пугаются жизни.

— Это верно,— согласился Тримбл, невольно оттаивая.

— Вы — раб собственных страхов,— продолжал старик.— Положение усугубляется еще и тем, что вы отдаете себе в этом полный отчет. Вы слишком ясно сознаете свою слабость.

— Еще как!

— Об этом я и говорю. Вы знаете о ней. Она постоянно присутствует в вашем сознании. Вы неспособны забыть про нее хотя бы на минуту.

— Да, к сожалению.— сказал Тримбл.— Но, возможно, когда-нибудь я сумею ее преодолеть. Может быть, я обрету смелость. Бог свидетель, я сотни раз пробовал...

— Ну разумеется.— Морщинистое лицо расплылось в веселой улыбке.— И вам недоставало только одного — постоянной поддержки верного друга, который никогда не покидал бы вас. Человек нуждается в ободрении, а иной раз и в прямом содействии. И ведь у каждого человека есть такой друг.

— А мой где же? — мрачно осведомился Тримбл.— Сам себе я друг — хуже некуда.

— Вы обретете поддержку, которая дается лишь немногим избранным,— пообещал старец.

Он опасливо оглянулся по сторонам и опустил руку в карман.

— Вам будет дано испить из источника, скрытого в самых недрах земли.

Он достал узкий длинный флакон, в котором искрилась зеленая жидкость.

— Благодаря вот этому вы обретете уши, способные слышать голос тьмы, и язык, способный говорить с ее порождениями.

— Что-что?

— Возьмите,— настойчиво сказал старец.— Я даю вам этот напиток, ибо высший закон гласит, что милость порождает милость, а из силы родится сила.— Он вновь ласково улыбнулся.— Вам теперь остается победить только один страх. Страх, который мешает вам осушить этот фиал.

Старец исчез. Тримбл никак не мог сообразить, что, собственно, произошло: только секунду назад его странный собеседник стоял перед ним, и вот уже сгорбленная фигура исчезла среди пешеходов в дальнем конце улицы. Тримбл постоял, посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на свои пухлые пальцы, на зажатый в них флакон. И спрятал его в карман.

Тримбл вышел из кафетерия на десять минут раньше, чем требовалось для того, чтобы вернуться в контору вовремя. Его желудок не был ублаготворен, а душу грызла тоска. Ему предстояло выдержать либо объяснение с директором, либо объясне-

ние с Мартой. Он находился между молотом и наковальней, и это обстоятельство совсем лишило его аппетита.

Он свернул с улицы в проулок, заканчивавшийся пустырем, где не было снующих взад-вперед прохожих. Отойдя в дальний конец пустыря, он достал сверкающий флакон и принялся его разглядывать.

Содержимое флакона было ярко-зеленым и на вид маслянистым. Какой-нибудь наркотик, а то и яд. Гангстеры перед тем, как грабить банк, накачиваются наркотиками, так как же подействует такое снадобье на него? А если это яд, то смерть его, быть может, будет тихой и безболезненной? Будет ли плакать Марта, увидев его застывший труп с благостной улыбкой на восковом лице?

Откупорив флакон, он поднес его к носу и ощутил сладостный, почти неуловимый аромат. Лизнув пробку, он провел кончиком языка по небу. Жидкость оказалась крепкой, душистой и удивительно приятной. Тримбл поднес флакон к губам и выпил его содержимое до последней капли. Впервые в жизни он решился рискнуть, добровольно сделать шаг в неизвестное.

— Мог бы и не тянуть так! — заметил нечеловеческий голос.

Тримбл оглянулся. На пустыре никого не было. Он бросил флакон, не сомневаясь, что голос ему почудился.

— Смотри вниз! — подсказал голос.

Тримбл оглядел пустырь. Никого. Ну и зелье! У него уже начинаются галлюцинации.

— Смотри вниз! — повторил голос с раздражением — Себе под ноги, дурак ты круглый! — и после паузы обиженно добавил: — Я же твоя тень!

— О господи! — простонал Тримбл, пряча лицо в ладонях.— Я разговариваю с собственной тенью! С одного раза допился до розовых слонов!

— Пошевели, пошевели мозгами! — негодующе посоветовала тень.— Черный призрак есть у каждого человека, только не каждый олух говорит на языке тьмы.— Несколько секунд тень размышляла, а потом скомандовала: — Ну ладно, пошли!

— Куда?

— Начнем с того, что вздуем ту мокрицу в баре.

— Что?! — возопил Тримбл.

Двое прохожих на тротуаре остановились и стали с удивлением оглядывать пустырь. Но Тримбл этого даже не заметил. Мысли у него мешались, он ничего не сознавал, кроме дикого страха: вот-вот на него наденут смирительную рубашку и запрут в отделение для буйнопомешанных!

— Да перестань ты драть глотку!

Тень поблекла, потому что небольшое облачко заслонило солнце, но вскоре обрела прежнюю черноту.

— Ну, раз уж мы начали разговаривать, я, пожалуй, обзаведусь именем. Можешь звать меня Кларенсом.

— Кл... Кл... Кл...

— А что? Разве плохое имечко? — воинственно осведомилась тень.— А ну, заткнись. Подойди-ка к стене. Вот так. Видишь, как я поднялся? Видишь, насколько я тебя больше? Согни правую руку. Чудненько. А теперь погляди на мою руку. Хороша, а? Да чемпион мира в тяжелом весе полжизни за нее отдал бы!

— Господи! — простонал Тримбл, напрягая бицепс и умоляюще возводя глаза к небу.

— Мы с тобой можем теперь работать заодно,— продолжал Кларенс.— Ты только прицелься, а уж удар я беру на себя. Только становись против света, так, чтобы я был большим и сильным, а дальше все пойдет как по маслу. Бей в точку и помни, что я с тобой. Только ткни его кулаком, а уж я так ему врежу, что он об потолок треснется. Понял?

— Д-д-да,— еле слышно пробормотал Тримбл. Пугливо покосившись через плечо, он обнаружил, что число зрителей увеличилось до десяти.

— Повернись так, чтобы я был позади,— скомандовала тень.— Сначала сам размахнись, а второй раз я тебя поддержу. Вот увидишь, какая будет разница.

Тримбл покорно повернулся к ухмыляющимся зевакам и взмахнул пухлым кулаком. Как он и ожидал, никакого удара не получилось. Он отступил на шаг и снова замахнулся, напрягая все силы. Его рука рванулась вперед, как поршень, увлекая за собой тело, и он еле удержался на ногах. Зрители захохотали.

— Видал? Что я тебе говорил? Не найдется и одного человека на десять, чтобы он знал свою настоящую силу.— Кларенс испустил призрачный смешок.— Ну, вот мы и готовы. Может, посшибаем с ног этих типчиков, чтобы набить руку?

— Нет! — крикнул Тримбл и утер пот с багрового полубезумного лица. К зрителям присоединилось еще пять человек.

— Ладно, как хочешь. А теперь пошли в бар, и помни, что я всегда рядом с тобой.

Все больше и больше замедляя шаг, Тримбл наконец добрался до бара. Он остановился перед входом, чувствуя, как трясутся у него поджилки, а его драчливая тень торопливо давала ему последние наставления:

— Меня никто не слышит, кроме тебя. Ты принадлежишь к немногим счастливцам, которым открылся язык тьмы. Мы войдем вместе, и ты будешь говорить и делать то, что я тебе скажу.

И что бы ни случилось, не дрейфь — я с тобой, а я могу свалить с ног бешеного слона.

— По-понятно,— согласился Тримбл без всякого восторга.

— Ну и чудненько. Так какого же черта ты топчешься на месте?

Тримбл открыл дверь и вошел в бар походкой преступника, поднимающегося на эшафот. Там сидела все та же компания во главе с дюжим верзилой.

Бармен взглянул на вошедшего, гаденько ухмыльнулся и многозначительно ткнул в его сторону большим пальцем. Верзила выпрямился и нахмурил брови. Продолжая ухмыляться, бармен осведомился:

— Чем могу служить?

— Зажги-ка свет,— потусторонним голосом прошипел Тримбл,— и я тебе кое-что покажу.

Ну вот! Он отрезал себе пути к отступлению. И теперь придется претерпеть все до конца, пока санитары не вынесут его отсюда на носилках.

Бармен прикинул. В любом случае шутка обещала выйти занимательной, и он решил исполнить просьбу этого коротышки.

— Будьте любезны! — сказал он и щелкнул выключателем.

Тримбл оглянулся и несколько воспрянул духом. Рядом с ним высился Кларенс, уходя под потолок, точно сказочный джинн.

— Валяй,— скомандовала гигантская тень.— Приступай к делу.

Тримбл шагнул вперед, схватил рюмку верзилы и выплеснул содержимое ему в физиономию.

Верзила встал, точно во сне, крякнул, утер лицо и снова крякнул. Потом снял пиджак, аккуратно сложил его и бережно опустил на стойку. Медленно, внятно и очень вежливо он сказал своему противнику:

— Богатым меня не назовешь, но сердце у меня на редкость доброе. Уж я позабочусь, чтобы тебя схоронили поприличнее.

И могучий кулак описал в воздухе стремительную дугу.

— Пригнись! — рявкнул Кларенс.

Тримбл втянул голову в ботинки и почувствовал, как по его волосам промчался экспресс.

— Давай! — исступленно скомандовал Кларенс.

Подпрыгнув, Тримбл выбросил кулак вперед. Он вложил в это движение весь свой вес и всю свою силу, целясь в кадык верзилы. На мгновение ему показалось, что его рука пробила шею противника насквозь. Он снова ударил по шестидесятому этажу небоскреба, и результат получился не менее эффектив-

ный. Верзила рухнул, как бык под обухом. Ого! И мы кое-что можем!

— Еще раз! — неистовствовал Кларенс.— Дай я ему еще врежу, пусть только встанет!

Верзила пытался подняться на ноги. На его лице было написано недоумение. Он почти выпрямился, неуверенно поводя руками и стараясь разогнуть подгибающиеся ноги.

Тримбл завел правый кулак как мог дальше, так что у него хрустнул сустав. А потом дал волю руке, целясь противнику по сопатке. Раздался чмокающий удар, точно лопнул слишком сильно надутый мяч. Голова верзилы мотнулась, грозя вот-вот отделиться от плеч, он зашатался, упал и прокатился по полу.

Кто-то благоговейно охнул.

Дрожа от возбуждения, Тримбл повернулся спиной к поверженному противнику и направился к стойке. Бармен тотчас подскочил к нему с самым почтительным видом. Тримбл послюнил палец и нарисовал на стойке круглую рожицу.

— Ну-ка, подрисуй к ней кудряшки!

Бармен заколебался, поглядел по сторонам с умоляющим видом и судорожно сглотнул. Потом покорно облизал палец и подрисовал кудряшки.

Тримбл выхватил у него салфетку.

— Попробуй еще раз состроить мне гримасу, и с тобой вот что будет! — Энергичным движением он стер рожицу.

— Да ладно вам, мистер,— умоляюще пробормотал бармен.

— А пошел ты...— Тримбл впервые в жизни употребил крепкое выражение. Он швырнул салфетку бармену, оглянулся на свою хрипящую жертву и вышел.

Когда его короткая округлая фигура исчезла за дверью, кто-то из завсегдатаев сказал:

— Это надо же! Набрался наркотиков и теперь, того и гляди, пристукнет кого-нибудь.

— Не скажи.— Бармен был напуган и смущен.— По виду разве разберешь? Возьми Улитку Маккифа — он в своем весе мировой чемпион, а с виду мозгляк мозгляком. Мне этот типчик сразу не понравился. Может, он брат Улитки?

— Не исключено,— задумчиво согласился его собеседник.

Верзила на полу перестал хрипеть, икнул, охнул и выругался. Перекатившись на живот, он попробовал встать.

— А теперь к директору! — со смаком сказал Кларенс.

— Нет, нет, нет, только не это! — Кроткое лицо Тримбла еще багровело от недавнего напряжения. Он то и дело опасливо косился через плечо в ожидании грозной и, как он полагал, неизбежной погони. Ему не верилось, что он действительно

сделал то, что сделал, и он не понимал, как ему удалось выйти из такой передряги живым.

— Я сказал — к директору, тыква ты ходячая! — раздраженно повторила тень.

— Но не могу же я бить директора! — пронзительно запротестовал Тримбл.— Эдак я за решетку попаду.

— За что бы это? — поинтересовался прохожий, останавливаясь и с любопытством разглядывая толстячка, который рассуждал вслух.

— Ни за что. Я разговаривал сам с собой...— Тримбл умолк, так как его тени очень не понравилось, что их перебили. Ему вовсе не хотелось следовать ее совету, но другого выхода не оставалось.

— Э-эй! — крикнул он вслед отошедшему прохожему. Тот вернулся.

— Не суй нос в чужие дела, ясно? — грубо сказал Тримбл.

— Ладно, ладно, не лезьте в бутылку,— испуганно отозвался прохожий и торопливо зашагал прочь.

— Видал? — буркнул Кларенс.— Ну, а теперь к директору. Зря мы задираться не станем, будь спок.

— Будь спокоен,— поправил Тримбл.

— Будь спок,— не отступал Кларенс.— Сначала мы поговорим. А если он не пойдет нам навстречу, ну, тогда мы прибегнем к силе.— Немного помолчав, он добавил: — Только не забудь включить свет.

— Ладно, не забуду.— Тримбл смирился с тем, что еще до вечера угодит в тюрьму, если не в морг. С мученическим видом он вошел в подъезд и поднялся в контору.

— Добрый день!

— Хрр,— отозвался Уотсон.

Тримбл зажег свет, повернулся, поглядел, где находится его темный союзник, подошел вплотную к Уотсону и сказал очень громко:

— От свиньи я ничего, кроме хрюканья, и не жду. Разрешите привлечь ваше внимание к тому обстоятельству, что я сказал вам «добрый день».

— А? Что? Э-э...— Уотсон растерялся от неожиданности и испуга.— А-а! Ну конечно. Добрый день!

— То-то! И учтите на будущее.

С трудом волоча непослушные ноги, ничего не соображая, Тримбл направился к директорской двери. Он поднял согнутый палец, готовясь постучать.

— И не думай,— заявил Кларенс.

Тримбл содрогнулся, схватил дверную ручку и деликатно ее повернул. Глубоко вздохнув, он так ударил по двери, что

она с оглушительным треском распахнулась, едва не слетев с петель. Директор взвился над своим столом. Тримбл вошел.

— Вы! — взревел директор, трясясь от ярости.— Вы уволены!

Тримбл повернулся и вышел, аккуратно прикрыв за собой злополучную дверь. Он не произнес ни слова.

— Тримбл! — закричал директор, и голос его громом прокатился по кабинету.— Идите сюда!

Тримбл снова вошел в кабинет. Плотно прикрыв дверь, за которой остались настороженные уши всей конторы, он смерил директора свирепым взглядом, подошел к стене и щелкнул выключателем. Затем описал несколько зигзагов, пока не обнаружил, в каком именно месте Кларенс вырастает до потолка. Директор следил за его маневрами, упершись ладонями в стол. Глаза на его полиловевшем лице совсем вылезли из орбит.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, и тишину нарушало только тяжелое астматическое дыхание директора. Наконец директор просипел:

— Вы напились, Тримбл?

— Мой вкус в отношении освежающих напитков обсуждению не подлежит,— категорическим тоном сказал Тримбл.— Я пришел сообщить, что ухожу от вас.

— Уходите? — Директор выговорил это слово так, словно оно было ему незнакомо.

— Вот именно. Я вашей лавочкой сыт по горло. Я намерен предложить свои услуги Робинсону и Флэнагану.— Директор вскинулся, как испуганная лошадь, а Тримбл продолжал очертя голову: — Они мне хорошо заплатят за те знания, которыми я располагаю. Мне надоело жить на эти нищенские крохи.

— Послушайте, Тримбл,— сказал директор, с трудом переводя дух.— Мне не хотелось бы терять вас, вы ведь столько лет служите здесь. Мне не хотелось бы, чтобы ваши бесспорно незаурядные способности пропадали зря, а что вам могут предложить такие мелкие мошенники, как Робинсон и Флэнаган? Я прибавлю вам два доллара в неделю.

— Дай я ему съезжу в рыло! — упоенно предложил Кларенс.

— Нет! — крикнул Тримбл.

— Три доллара,— сказал директор.

— Ну чего тебе стоит! Один разочек! — не отступал Кларенс.

— Нет! — возопил Тримбл, обливаясь потом.

— Ну хорошо, я дам вам пять.— Лицо директора перекосилось.— Но это мое последнее слово.

Тримбл вытер вспотевший лоб. Пот струйками стекал по его спине, ноги подгибались...

— Мне самым наглым образом недоплачивали целых десять лет, и я не соглашусь остаться у вас меньше чем за дополнительных двенадцать долларов в неделю. Вы наживали на мне чистых двадцать, но так уж и быть — я оставлю вам восемь долларов на сигары и обойдусь двенадцатью.

— С-с-сигары?!

— Робинсон и Флэнаган дадут мне на двенадцать больше. Ну а вы — как хотите. Но без этого я не останусь.

— Двенадцать! — Директор растерялся, потом разъярился, потом задумался. В конце концов он принял решение.

— По-видимому, Тримбл, я действительно недооценивал ваши способности. Я вам дам прибавку, которую вы просите...— он перегнулся через стол и свирепо уставился на Тримбла,— но вы подпишете обязательство не уходить от нас.

— Идет. Я, так и быть, останусь.— Уже в дверях он добавил: — Весьма обязан.

— Видал? — сказал Кларенс.

Ничего не ответив назойливой тени, Тримбл сел за свой стол. И, повернувшись к Уотсону, сказал голосом, который разнесся по всей комнате:

— А приятная стоит погодка.

— Хрр.

— Что? — рявкнул Тримбл.

— Очень, очень приятная,— кротко согласился Уотсон.

До самого конца рабочего дня сердце Тримбла пело, как соловьиная роща. Каким-то образом вся контора узнала подробности его объяснения с директором. И теперь в тоне тех, кто с ним заговаривал, звучало нечто новое. Впервые в жизни — ему даже не верилось! — он чувствовал, что его уважают.

Когда он убрал счетные книги и вышел из конторы, накрапывал дождь. Но это его нисколько не смутило. Холодные капли приятно освежали его разгоряченное сияющее лицо, влажный воздух пьянил, как старое вино. Презрев автобус, он бодро зашагал по мокрому тротуару. Ему рисовалось ошеломленное лицо Марты, и он принялся насвистывать веселый мотивчик.

Из-за угла впереди донесся резкий звук, словно лопнула шина. И еще, и еще, и еще. Раздался топот бегущих ног, и, завернув за угол, Тримбл увидел, что навстречу ему бегут два человека. Один опережал другого шагов на шесть, и оба держали в руках пистолеты. Когда до бегущего впереди оставалось шагов тридцать, Тримбл узнал в нем верзилу из бара!

Он похолодел. Дальше по улице слышались крики, и он сообразил, что эти двое спасаются бегством. Если верзила его узна-

ет, он прикончит его на месте, не замедлив бега. И негде спрятаться. Негде укрыться за остающиеся считанные секунды! Хуже того — небо затягивали черные тучи, и его бесценной тени нигде не было видно.

— Кларенс! — в испуге пискнул он.

Ответа не последовало. Но его вопль привлек внимание верзилы, который, тотчас узнав его, оскалил зубы в мертвящей усмешке и поднял пистолет. От дрожащей жертвы его отделяло не более трех шагов — промахнуться на таком расстоянии было невозможно.

Тримбл ударил верзилу носком ботинка в коленную чашечку.

Он сделал это не под влиянием отчаяния, как загнанная в угол крыса. Нет, его поступок был продиктован логичным выводом, что спастись он может, только если будет действовать так, словно его исчезнувшая тень все еще рядом. И он выбросил вперед ногу, целясь в колено, вкладывая в этот пинок всю свою силу.

Верзила ввинтился головой в тротуар, словно намереваясь поглядеть, что делается в метро. При виде этого приятного зрелища Тримбл заподозрил, что его тень, возможно, все-таки находится где-то поблизости, хотя и остается невидимой. Эта мысль его ободрила.

Тем временем перед ним вырос второй беглец, глядевший на него с таким изумлением, словно он только что видел, как муравей преобразился в льва. Это был высокий долговязый субъект, и Тримблу нечего было и думать дотянуться до его кадыка. Он наклонил голову и боднул его в живот. Субъект ойкнул и услужливо согнулся пополам, а Тримбл ударил его по кадыку. Однако тот не принял ожидаемого горизонтального положения. Его зеленовато-бледное лицо покраснело от боли и злости, и он замахнулся на Тримбла рукояткой пистолета.

Но Тримбл не стал дожидаться удара. Используя прежний опыт, он втянул голову в плечи, снова выбросил ее вперед и боднул противника в солнечное сплетение. Тот снова согнулся пополам, и Тримбл что было силы ударил его в нос.

Позади него что-то треснуло, и раскаленный вихрь царапнул мочку его левого уха. Но Тримбл не обратил на это внимания, думая только о лице, которое продолжал видеть перед собой. Там, где послышался треск, теперь раздавались грязные ругательства, кругом кричали люди, приближался топот тяжелых ног.

Тримбл ничего не слышал. Он не осознал, что его первый противник очнулся. Для него сейчас существовала только злобно оскаленная рожа перед ним. И он бил по ней что есть мочи, запрокидывал ее, пригибал книзу. Что-то жесткое и шишкова-

тое обрушилось из пустоты на его собственную левую скулу, а затем, казалось, принялось ломать ему ребра. Но Тримбл продолжал молотить по роже, только по роже.

Его сердце плясало в груди, он уже не дышал, а хрипел, но тут между ним и ненавистной рожей мелькнуло что-то черное и продолговатое, опустилось на нее, опрокинуло вниз. Тримбл нанес еще два удара по воздуху и опустил руки, дрожа всем телом и растерянно моргая.

Постепенно у него в глазах прояснилось. Полицейский сказал:

— Мистер, хоть вы ростом и не вышли, но деретесь прямо насмерть.

Осмотревшись, Тримбл увидел, что его недавних противников со всех сторон окружили полицейские.

— Первый — это Хэм Карлотти,— продолжал его собеседник.— Мы за ним давно уже охотились.— Он окинул Тримбла восхищенным взглядом.— Тут мы у вас в долгу. Если вам понадобится от нас помощь, так не стесняйтесь.

Тримбл вытащил платок, прижал его к уху, потом поднес к глазам. Платок покраснел от крови. Господи, да из него кровь фонтаном хлещет! И тут Тримбл почувствовал, что его левый глаз заплыл, скула отчаянно болит, а ребра как будто все переломаны. Ну и вид у него, наверное!

— Вы можете оказать мне услугу теперь же,— сказал он.— Я еще мальчишкой мечтал прокатиться домой в полицейской машине. Так может, сейчас...

— О чем речь! — весело воскликнул полицейский.— С удовольствием.— Он крикнул шоферу подъехавшей машины: — Надо бы подвезти этого джентльмена. Он нам здорово помог.

— Куда вам?

Тримбл удобно откинулся на спинку сиденья. Они рванулись с места, завыла сирена, машины на улицах шарахнулись в стороны. Вот это жизнь!

Солнце вырвалось из-за облаков и засияло во всю мочь. Тримбл вдруг увидел, что рядом с ним едет его тень.

— Кларенс!

— Слушаю, господин,— смиренно отозвалась тень.

— В будущем можешь все предоставлять мне.

— Хорошо, господин. Но...

— Заткнись! — скомандовал Тримбл.

— Это вы кому? — спросил шофер, удивленно поглядев на него.

— Жене,— находчиво ответил Тримбл.— Готовлюсь к бою.

Улыбаясь до ушей, шофер лихо остановил машину и проводил своего пассажира до дверей. Когда Марта открыла, он приложил руку к фуражке и сказал:

— Сударыня, ваш муж — герой!

И удалился.

— Герой! — фыркнула Марта.

Скрестив могучие руки на пышной груди, она приготовилась разразиться назидательной речью, но тут ее взгляд упал на разбитую физиономию спутника ее жизни. Она выпучила глаза.

— Где это тебя так разукрасили?

Не снизойдя до ответа, Тримбл оттолкнул ее и вошел в переднюю. Он подождал, чтобы она закрыла дверь, а потом упер разбитые костяшки пальцев в бока, набычился и уставился на нее. Он был добрым человеком и не хотел причинять ей боли, но она должна была понять, что имеет дело с мужчиной.

— Марта, я уложил пару гангстеров и вышиб из директора еще двенадцать долларов в неделю.— Он замигал, а она бессильно оперлась о стену.— Много лет я терпеливо сносил твои выходки, но теперь с меня довольно: больше и не пытайся меня пилить.

— Пилить...— тупо повторила она, не веря своим ушам.

— Иначе я так тебе врежу, что ты пожалеешь, что не обзавелась парашютом.

— Гораций! — Она, пошатываясь, сделала шаг к нему, вне себя от изумления.— Неужели ты способен ударить женщину?

— Еще как! — ответил он, поплевывая на ноющий кулак.

— Ах, Гораций! — Она стремительно обвила руками его шею и запечатлела на его губах звонкий поцелуй.

Черт, ну кто их разберет, женщин? Одни ценят нежность, а другие — вот как Марта — предпочитают что-нибудь погрубее. Ну, он пойдет ей навстречу!

Ухватив жену за волосы, Тримбл запрокинул ее голову, точно выбрал цель, рассчитал вес и силу и чмокнул ее так, что вокруг все зазвенело.

С торжествующей усмешкой он взглянул через плечо на свою смирившуюся тень — что она теперь скажет? Но Кларенсу было не до него. Ведь у Марты тоже была тень.

Мыслитель

Высокий крутой холм, вершина которого поросла лесом, возвышался над равниной в лучах палящего солнца, отбрасывая густую тень на полоску земли, за которой начинались джунгли.

На почти отвесном его склоне, как раз посередине, прилепился огромный серый утес, напоминавший фигуру великана, погруженного в размышления. Этот утес, неровный, шербатый, изъеденный водой и ветром, так разительно походил на гигантскую статую человека, занятого решением мировых загадок, что еще со времен исчезнувших чиапасеков назывался «Мыслитель» и внушал суеверный страх.

Медно-красное небо Чиапаса заливало раскаленными лучами горы, долину и джунгли. В нескольких милях к югу расположился городок Паленке, вблизи которого покоятся оплетенные вьющимися растениями руины — остатки позабытой цивилизации. Там, в Паленке,— ближайший кабачок, где бедный пеон мог утолить жажду, а также стряхнуть с себя мистический страх, внушаемый этим колоссом, погруженным в вековечные думы.

Неуклюже развернув мула в конце борозды и перенеся вслед за ним соху, Хосе Фелипе Эгуерола остановился и отер платком пот с худого, дочерна загорелого лица, облизнул потрескавшиеся губы и отогнал тучу москитов. Слева, в зарослях джунглей, насмешливо тявкали, пищали и выли невидимые твари. Справа вздымался крутой холм с выступающим каменным чудовищем. Тень огромной головы падала наискось, доставая самые дальние борозды,— так высоко в небо возносилась голова гиганта.

Хосе Фелипе Эгуерола старался не смотреть на мрачную фигуру Мыслителя. Ни разу еще он не взглянул ей прямо в лицо. Это считалось опасным. Он не имел ни малейшего поня-

тия почему, но испытывать судьбу не решался. И так уже, по мнению многих, он вел себя слишком неосторожно.

Только брат Бенедиктус со святой водой да несколько сумасшедших янки могли следовать пословице, что и кошке дозволено глядеть на царя. И, насколько ему было известно, ничего плохого с ними не случилось. Но у него, Хосе Фелипе, не было сандалий из сыромятной кожи, никогда в жизни не удавалось ему пленить пухленькую сеньориту и никогда не выигрывал он в лотерею ни единого песо. Вся его собственность состояла из семи акров болотистой, нагоняющей лихорадку земли, соломенной хижины, расположенной по соседству с кабачком, сохи, мула и пары драных штанов. Но вопреки всему он был одержим стремлением во что бы то ни стало жить.

В двадцатый раз в тот день перекатил он языком во рту от щеки к щеке кусочек смолы, отогнал москитов и, сойдя с борозды, уголком черного влажного глаза искоса взглянул на каменного гиганта. Несмотря на палящий зной, по спине его пробежал холодок — так громаден был гигант, так величав, так царственно равнодушен к возне крошечных существ, копошащихся внизу у его исполинских ног.

Сдвинув вперед соломенное, плетенное вручную сомбреро, чтобы солнце не било в глаза, Хосе Фелипе хлестнул крепкие грязно-серые ягодицы мула и громко закричал: «Н-но, мул, но, но!» Мул послушно поплелся. Налегши всей тяжестью тела на соху, Хосе Фелипе пошел за ним, неуклюже ступая по свежевспаханной земле босыми ногами.

Высоко в небе Мыслитель продолжал думать свою думу, не замечая крошечных букашек внизу — двуногую и четвероногую,— медленно приближавшихся к его тени. Он восседал на этой скале так давно и был так сильно изъеден временем, ливнями и ветром, что никто не мог с уверенностью сказать, вытесала его в стародавние времена рука искусного мастера или он был всего-навсего причудливым порождением стихий.

Но истина заключалась в том, что он не был ни игрой природы, ни древним идолом. Те немногие, кто видел его и пытался научно объяснить факт его существования, совершали ошибку, отбрасывая очевидное в угоду собственным фантазиям. Он был именно тем, чем казался: мыслителем. В этом отношении шестое чувство Хосе Фелипе, внушавшее ему безотчетный страх, явилось более верным судьей, чем эрудиция его образованных соплеменников.

Человек и скотина с замиранием сердца вступили в полосу тени, отбрасываемой каменным изваянием. Снова выйдя на

свет, Хосе Фелипе, прокашлявшись от пыли, с облегчением вздохнул. В любом другом месте тень радовала его, как всякого пеона: в тени — спасение от жгучего солнца, в тени можно предаться безделью, поваляться на земле, блаженно вытянув голые до колен ноги, и слушать умные речи жирного, ленивого сеньора Антонио Мигеля Гаутисоло-и-Ласареса, который умел не только читать, но и писать. Любимым его изречением было: «Пусть работают янки, они более развитый народ».

Но сейчас тень не радовала его. Не вообще тень, а именно эта, короткая, густая тень колосса, который гнал отсюда прочь индейцев и пеонов, охраняя этот клочок земли от всех, кроме самых храбрых, таких как Хосе Фелипе. Он даже частенько жалел, что храбрость его так велика. Им восхищались в Паленке. О нем говорили даже в далеком Вилье-Эрмосе. Очень приятно, когда тобой восхищаются, особенно в родном Паленке, за стойкой в шумном веселом кабачке. Но платить за похвалы приходилось дьяволу на этом поле, осененном зловещей тенью, и цена с каждым днем становилась выше. Здесь не было восхищенных зрителей, здесь только он сам, его бессловесный мул и каменный истукан, к подножию которого не смеют выбегать даже голодные обитатели джунглей.

Дойдя до конца поля, он развернул мула, перенес соху, вытер платком лицо, отогнал москитов, поправил сомбреро и с опаской взглянул на скалу. «Н-но, мул, но!» Его голос уносился к каменной крепости, эхом завывал в ней, проваливаясь в расщелины, прыгая с одного отрога на другой. «Н-но, мул, но!» В непроницаемой гуще джунглей верещали попугаи, кто-то тяжело ухал в самых недрах зеленого ада. Где-то в отдалении треснула ветка. «Н-но, мул, но!»

Мыслитель очнулся.

Неторопливым, титаническим усилием, как в кошмарном сне, Мыслитель приподнял руку, подпиравшую голову, и снял локоть с бутра, изображавшего округлость колена. Весь его огромный торс пришел в движение, гора ожила, подножие содрогнулось, и две тысячи тонн камня обрушились вниз, разлетевшись на милю кругом. Грохот стоял такой, точно раскололись одновременно земля и небо. В джунглях залаяли, запищали, завыли, зарычали тысячи приглушенных голосов, выражая несказанное удивление.

Мул остановился, в испуге прядая ушами. Хосе Фелипе точно прирос к земле; он глядел не вверх, а вниз, себе под ноги, на борозды, которые затемняла гигантская тень. Он видел, как локоть оторвался от колена и начал подниматься вверх. Ладони

Хосе Фелипе взмокли, пальцы, державшие соху, бессильно разжались. Медленно, против воли он обернулся.

Сердце его в мгновение ока обратилось в речного угря, бьющегося на крючке. По носу, за ушами, по икрам побежали тоненькие струйки пота. Мышцы челюсти, живота и бедер вдруг стали точно ватные. Голова закружилась, как будто он долго стоял нагнувшись под палящим солнцем. Он не мог сдвинуться с места, не мог шевельнуть ни единым мускулом. Он остолбенел, точно его на веки вечные установили здесь, подобно каменному изваянию, на которое он сейчас смотрел.

Оглашая воздух душераздирающим скрежетом, Мыслитель постепенно, могучим усилием отъединился от горы. Лавина камней, гальки, земли сыпалась по его бокам, густая пыль окутала ноги. Огромные валуны неслись вниз, подпрыгивая, катились по полю, иные падали в трех шагах от пригвожденного к земле свидетеля чуда. Загремев суставами, Мыслитель выпрямился и неподвижно замер, его выросшая тень упала на джунгли, и тревожный гомон в чаще стих. Умолкли птицы. Только медно-красное небо по-прежнему изливало на землю раскаленные лучи. Весь мир оцепенел, объятый изумлением и ужасом.

Мыслитель вздохнул. Точно взвыл ветер — искатель приключений, заблудившийся в незнакомых горах. Затем вдруг Мыслитель, ничем не обнаружив своего намерения, огромными пальцами осторожно взял мула. Сбруя натянулась и лопнула, и несчастное животное, перевернутое вниз головой и в мгновение ока вознесенное на стометровую высоту, задергало в воздухе всеми четырьмя конечностями. Какое-то время исполин изучал его со спокойным, чуть насмешливым интересом. Потом, презрительно хмыкнув, опустил на землю. Мул лежал на боку, тяжело дыша, глаза у него безумно вращались, из оскаленного рта вывалился язык.

Огромная ручища приблизилась к Хосе Фелипе. В отчаянии силился тот отодрать от земли ноги, ставшие непослушными. Но тщетно, ступни его точно приклеились. Рука сомкнулась вокруг него: огромная, жесткая, сильная — не рука, а каменная западня. Раскрыв рот, Хосе Фелипе издал вопль на такой высокой ноте, что сам не услыхал себя. И с леденящей душу быстротой стал возноситься вверх, замурованный в камень, издавая беззвучные вопли широко разинутым ртом.

Точно в кошмарном сне приблизился он как на качелях к гигантскому лицу. Оно изучающе глядело на него двумя каменными шарами. И Хосе Фелипе каким-то необъяснимым образом понял, что изваяние видит или, вернее, впитывает в себя его облик с помощью чувства, аналогичного зрению.

— Санта-Мария! — сорвалось с уст Хосе Фелипе. Ноги его, висящие над пропастью, судорожно задергались.

— Спокойно,— услышал Хосе Фелипе.

У Мыслителя не было рта, на каменном лице только явственно обозначались толстые губы, но вещал он внятно и членораздельно, как говорящий колосс Мемнон.

— Спокойно, букашка, жалкое мое подобие.— Исполин повертел Хосе Фелипе, чтобы лучше его рассмотреть. У Хосе затрещали кости. Он опять завопил, обезумев от страха. Каменные пальцы чуть ослабили хватку.

— Ясно,— сказал Мыслитель,— эта тварь — хозяин той. Эта умеет думать. Так, так,— усмехнулся он.— Забавно. Значит, козявка, ты действительно умеешь думать? Это уже нечто. И я умею. Скажи, есть ли на свете более достойное, более сладостное занятие, чем глубокое, непрерывное размышление?

— Санта-Мария! — взвизгнул опять Хосе Фелипе.

Взгляд его оторвался от огромного лица и скользнул в бездну, разверзшуюся за краем ладони. С такой высоты мул показался ему не больше мыши. Стараясь держаться поближе к пальцам, Хосе Фелипе заполз в ямочку в центре ладони. Его драные, мокрые от пота штаны плотно облепили ноги.

— Только размышление спасает от нестерпимой пытки бесконечной вереницы лет,— продолжал Мыслитель.— Постоянная, напряженная работа мысли, решение сложнейших проблем — вот единственный источник истинного наслаждения.— Колосс согнул палец, оглушив Хосе Фелипе скрежетом, и легонько толкнул его в бок.— Верно, а?

— Нет! — завопил Хосе Фелипе, не понимая, что говорит, и не слыша слов ужасного собеседника.— Да-да,— поспешил он поправиться на всякий случай, зажмурившись, чтобы не видеть ни чудовищного лица, ни бездонной пропасти.

— Увы,— продолжал мрачно Мыслитель,— я только что решил увлекательнейшую проблему: задачу попарно вращающихся девяти тел, одно из которых вращается в противоположном направлении. Решение этой задачи доставило мне ни с чем не сравнимое блаженство — мыслить семьдесят тысяч лет.— Чудовище на секунду задумалось.— Или, может, семь тысяч? Не знаю. Не стоит и голову ломать над этой пустяковой задачей.— Мыслитель резко качнул ладонь.— Но для тебя, козявка, мне думается, даже такая задача была бы неразрешимой.

От толчка язык у несчастного Хосе отлип от гортани, он поспешил воспользоваться вновь обретенным даром речи.

— Опусти меня на землю! Опусти! Я оставлю твою тень в покое! Клянусь, я больше никогда не буду...

— Молчи! — Ладонь опять закачалась.— И вот я безумно страдаю. Мне нужна новая проблема, чтобы я опять замолчал на тысячелетие. Силикоид без пищи для размышления — самое жалкое на свете существо!

Большой палец огромной руки успел задержать Хосе Фелипе, который, беспомощно барахтаясь, покатился было к краю бездны.

— Ты крохотная козявка, жизнь твоя короче промежутка между двумя ударами моего пульса, и, по всей вероятности, любая придуманная тобой задача будет столь же ничтожна и столь же незамысловата. А я ищу проблему, для решения которой потребовалась бы вечность.

— Клянусь моим отцом и моей матерью, я никогда больше и близко не подойду к твоему подножию, не наступлю на твою тень, если только...

— Тише, козявка, не мешай мне. Я думаю, нельзя ли обратить тебя в хорошенькую задачку.

Каменная голова приблизилась к Хосе Фелипе и долго глядела на него пустыми каменными шарами.

— Допустим, я раздавлю тебя. Ты, конечно, умрешь. И конечно, рано или поздно твои сородичи придут сюда на поиски. Я их тоже раздавлю. И чем выше вырастет гора трупов, тем загадочнее будет их гибель. Молва об этом разойдется, как расходятся по воде круги от брошенного камня. В конце концов другие козявки, посообразительнее, чем ты, придут сюда и займутся расследованием. И если я вовремя не остановлюсь, то отыщется умник, который разгадает тайну, и уж тогда найдут способ стереть меня в порошок.

— Я не хочу умирать,— завывал Хосе Фелипе,— я ничем не заслужил безвременной смерти.

В джунглях между тем возобновилась жизнь, где-то в отдалении, точно сочувствуя ему, защебетали попугаи.

— А впрочем, это тоже проблема,— размышлял вслух колосс, пропуская мимо ушей мольбы пленника.— Она не потребует долгих размышлений, но зато сдобрена риском. И это придает ей особую прелесть. Пусть я брошу камень, тогда я должен высчитать скорость распространения волн, их частоту и расстояние, на котором они затухнут. Интересно, смогу ли я вовремя проснуться с готовым решением, чтобы отвратить собственную гибель? — Колосс опять усмехнулся.— В этом, несомненно, есть что-то оригинальное, что-то совсем новое. Ничего себе задача, от решения которой зависит вся моя жизнь! Она всерьез увлекает меня. Да-да, увлекает!

Каменные пальцы, хрустнув, стали сгибаться, приближаясь к Хосе Фелипе.

— Сжалься надо мной,— закричал человечек, едва дыша в каменных объятиях.

— Сжалиться? — Пальцы немного ослабили хватку.— Жалость? Что за туманное понятие! Заключена ли в нем имманентно какая-нибудь проблема? — Мыслитель помолчал.— Нет, ничего не вырисовывается.— Опять молчание.— Но я понимаю тебя, козявка. Допустим, я подарю тебе крупицу жалости, тогда, пожалуй, можно будет немного развлечься. Хорошо, я пойду на это. Так и быть, пожалею тебя. Сыграю с тобой в одну маленькую игру.

— Опусти меня на землю! Освободи меня!

— Погоди. Еще не время. Сначала поиграем.— Гранитные шары глядели на него, но взгляд их был пуст, безнадежно пуст.— Игра заключается в следующем: я пощажу тебя, если ты докажешь, что твой ум не уступает моему. Сумей обратить меня снова в камень, и ты получишь свободу. Так что думай, козявка, напряги свои жалкие мозги. Итак, начинаем: ты против силикоида!

— Обратить тебя в камень?

Для Хосе Фелипе эти слова были лишены всякого смысла. Страх все еще не покидал его, но в нем вдруг стала закипать злость, разъедающая страх.

— Да, придумай что-нибудь. Не какую-то пустяковую проблему, решить которую ничего не стоит в промежутке между ударами моего пульса. Мне нужна проблема одних со мной временных масштабов.— Каменная рука чуть наклонилась.— Ну, думай, изобретай, как погрузить меня в каменный сон и спасти себе жизнь.

Хосе Фелипе в отчаянии прижался к каменному пальцу, соскользнул вниз, уцепился, снова соскользнул. Стиснув зубы, тщетно заставлял мозг работать. Он не умел думать, и это ему было известно лучше других. Он был человеком храбрым, при обычных обстоятельствах, разумеется. Но мыслителем не был. Еще никто никогда не хвалил его за оригинальную мысль. Даже кроткий, безобидный брат Бенедиктус, и тот однажды сказал, что Хосе Фелипе так глуп, что ему и жить-то незачем. По-видимому, преподобный отец был прав, ибо конец его близок.

Брат Бенедиктус...

Сказал, что он глуп.

Почему?

Брат...

— Скорее! — Рука еще сильнее наклонилась.— Только безмозглые идиоты так медленно думают!

Съехав на самый край, Хосе Фелипе невероятным усилием воли заставил себя не разжать рук, обхвативших каменный палец. Ноги его уже болтались в воздухе. Мысленным взором увидел он внизу мула величиной с мышь, а рядом исковерканный труп — начало длинной цепи убийств, первое звено адской затеи. Руки у него побелели от напряжения. Только бы не сорваться, только бы...

— Скорее!

Ладонь наклонилась еще.

Вдруг безумная ярость захлестнула все существо Хосе Фелипе, подавив страх, умножив стократ силы. Ловко изогнувшись, он одним махом перебросил тело на огромный палец, выпрямился во весь рост. Его яркие черные глаза горели от гнева, он потрясал перед каменной физиономией до смешного крошечным кулаком, первый раз открыто глядя в лицо врагу.

Сильным, звенящим от волнения голосом он крикнул, бросая истукану вызов:

— Ответь, кому сказал Бог: «Да будет свет!»

Кому?

И не заботясь о том, было ли это для человека проблемой, каменный монстр принял посылку, почуяв в ней возможность тысячелетней работы мысли. Его огромная длань медленно выпрямилась и стала опускаться. Она опускалась все ниже и ниже, странно подрагивая. В полутора метрах от земли Хосе Фелипе сорвался с нее. Он упал на колени, тяжело поднялся на ноги, пробежал шагов двадцать и потерял сознание. Откуда-то сверху, глухо, как сквозь сон, послышался скрежещущий голос:

— Кому?!

Небесный купол над Чиапасом по-прежнему пылал зноем, когда к Хосе Фелипе вернулось сознание, и он, шатаясь, поднялся на ноги. Мул, целый и невредимый, стоял, как обычно, на четырех ногах, глядя на него большими печальными глазами. Хосе Фелипе припал щекой к его теплой шее, радуясь присутствию живого существа. Он не хотел смотреть назад. Но взгляд его, как магнитом, притягивало туда, где высился колосс. Он не выдержал и обернулся. Привычная, знакомая во всех подробностях картина открылась ему: высокий крутой холм с вершиной, одетой лесом, утес причудливых очертаний, разительно похожий на гиганта, погруженного в вековечное размышление.

Какое-то время он ошеломленно смотрел на скалу, чувствуя, что страх отпускает его. Потом принялся ругать себя на

чем свет стоит. Где же твоя хваленая храбрость, о которой известно даже в Вилье-Эрмосе? Горький ты пьяница и больше никто. Протираешь штаны в кабачке. Безмозглый чурбан, такому и жить-то незачем. Сколько было мозгов, и те проквасил вечером в кувшине с текилой. Неудивительно, что наутро упал за плугом и в беспамятстве сражался с ожившей горой.

Задумавшись, он взял в руки сбрую и вдруг увидел, что она порвана. Поискал глазами обрывки. Они были разбросаны по полю на расстоянии мили к северу от того места, где он стоял. Повсюду тут и там торчали валуны, которых утром не было, по обе стороны от Мыслителя выросли свежие бугры камней, а у подножия белело его, Хосе Фелипе, сомбреро. Он вскинул глаза вверх — большой обломок скалы сорвался с кручи, полетел вниз и с грохотом исчез в расщелине. Эхо дважды повторило грохот, и Хосе Фелипе различил в нем мощное приглушенное бормотание:

— Кому сказал? Кому?

— О боже,— прошептал Хосе Фелипе.

Трясясь всем телом, он кое-как сел на мула и, понукая, погнал его в сторону Паленке. Пот лил с него ручьями; москиты тучей вились над головой, он не замечал ничего, колотя пятками бока своего мула, пока тот наконец не затрусил ровной легкой рысцой.

— Н-но, мул, но, но!

На мой счет

Лавчонка была крошечная и грязная, да еще и притаилась в глубине затрапезной улочки не шире переулка. Хоть тысячу раз пройди мимо — не заметишь. Но над зелеными занавесками в ее витрине красовалась небольшая вывеска: «Мутанты на продажу».

Йенсен оторопело уставился на нее, а потом вошел.

— Я возьму шестерых,— сказал он.

— Это уже жадность,— пожурил его стоявший за прилавком человечек с белой гривой, слезящимися глазами и багровым носом, которым он беспрестанно шмыгал. Будь у него братья, они вместе составили бы отличную свиту для Белоснежки.

— Вот что,— попросил Йенсен, оглядываясь вокруг,— давайте разговаривать серьезно. Спустимся с небес на землю.

— Я и так на земле.— Человечек топнул ногой в подтверждение своих слов.

— Надеюсь,— хмыкнул Йенсен. Он оперся о прилавок и пригвоздил гнома взглядом.— Эти мутанты, они какими получаются?

— По-разному,— сообщил гном.— Кто толстый, кто тонкий. Кто высокий, кто маленький. Кто полоумный, кто нормальный. Если и существуют какие-то пределы, я их пока не обнаружил.

— Я знаю, кто здесь полоумный,— решил Йенсен.

— Еще бы вам не знать,— согласился гном.

— Я в газете работаю, обозревателем,— намекнул Йенсен.

— Вот вам еще одно доказательство,— сказал гном.

— Доказательство чего?

— Кто здесь ненормальный.

— Остроумно,— признал Йенсен.— Люблю людей, которые не лезут за словом в карман. Даже если они немного чокнутые.

— Даже для газетчика вы слишком неучтивы,— заметил коротышка.

Он протер глаза, шумно высморкался и, прищурившись, взглянул на посетителя.

— У меня особый статус, ничего не поделаешь. В настоящий момент я — потенциальный покупатель. А покупатель всегда прав, не так ли?

— Не обязательно.

— Вам еще предстоит это понять, если, конечно, хотите преуспеть в бизнесе,— заверил его Йенсен. Он обвел взглядом полки за прилавком. Они были заставлены всевозможными склянками, иные — довольно странного вида.— Вернемся к нашим мутантам.

— Да?

— И в чем же здесь подвох?

— Я их продаю. Это, по-вашему, подвох?

— Как пить дать,— отозвался Йенсен.— Знаете, что такое мутант?

— Мне ли не знать?

— Это не ответ! Так знаете?

— В точности.

— Тогда что это такое?

— Ха! — Коротышка подергал себя за кончик носа, отчего тот мгновенно стал на два тона темнее.— Значит, вы сами этого не знаете?

— Да я выращиваю их десятками! Я — ведущий производитель.

— В самом деле? — Гном изобразил на лице вежливое недоверие.— И как же вас зовут?

— Йенсен. Альберт Эдвард Малаки Йенсен из «Монинг Колл».

— Никогда не слыхал.

— Еще бы — для этого надо уметь читать! — Йенсен набрал побольше воздуху и отбарабанил: — Мутант — это ошибка природы, появляющаяся на свет в одном случае из миллиона. Массивная частица — например, космический луч — поражает ген, и в положенный срок мамаша получает на руки циркового уродца. Поэтому позвольте мне...

— А вот и нет! — запротестовал коротышка.— Мутант — это радикальное изменение души или тела, которое не лишает своего обладателя способности к размножению, вне зависимости от того, получено ли оно естественным или искусственным путем. Все мои товары передают свою форму по наследству, следовательно, они являются мутантами.

— Значит, вы можете изменять форму живых существ и гарантировать, что они увековечат себя в потомстве?

— Верно.

— Да вы, должно быть, Господь Бог собственной персоной,— ухмыльнулся Йенсен.

— Никто не давал вам права богохульствовать,— ядовито сообщил коротышка.

Йенсен пропустил его слова мимо ушей и снова принялся разглядывать пузыречки и скляночки.

— Что это такое?

— Сосуды.

— Это я и без вас вижу. Что в них — растворенные мутанты?

— Не говорите глупостей.

— Я никогда не говорю глупостей,— отрезал Йенсен.— Вы продаете мутантов. Должны же вы их где-то хранить.

— Я и храню.

— И на витрине так написано. Так в чем же подвох?

— Говорю вам, нет никакого подвоха.

— Ладно. Я — покупатель. Покажите мне пару модных мутантов. Что-нибудь сногсшибательное, на выход.

— Это вам не магазин одежды,— заявил коротышка.— Вы просите платье с декольте. А я говорю, что в нем вы будете выглядеть по-дурацки.

— Неважно. Давайте сюда мутанта, больше я ни о чем не прошу.

— У вас есть какие-то предпочтения? — осведомился гном.

Йенсен задумался.

— Да. Хочу голубого носорога в семнадцать дюймов длиной и не более девяти фунтов весом.

— Это не ходовой товар. Придется делать на заказ.

— У меня было предчувствие, что это необычная зверушка.

— На изготовление может уйти пара недель,— предупредил коротышка.— Или даже целых три.

— Не сомневаюсь. А также месяцы и годы. И вообще вся жизнь.

— Могу предложить розового слона,— предложил коротышка.— Примерно того же размера.

— Кому нужны розовые слоны? Если бы мне захотелось розового слона, я отправился бы в любой бар — их там навалом.

— Да, розовым слоном нынче никого не удивишь.— Гном пригладил белые волосы, испустил вздох.— Похоже, я ничем не смогу вам помочь.

— Покажите мне мутанта,— очень громко сказал Йенсен.— Какого угодно. Самого дешевого из всех, что у вас есть.

— Непременно.

Вытерев глаза и дважды шмыгнув носом, коротышка вышел в заднюю дверь.

Йенсен перегнулся через прилавок и схватил с полки маленькую, странной формы склянку. Она была прозрачная и до половины наполнена оранжевой жидкостью. Он открыл крышку и понюхал содержимое. Судя по запаху, внутри находился превосходный шотландский виски, сгущенный до четверти первоначального объема. Он вернул склянку на полку и облизнулся.

Вернулся коротышка, неся в руках белого щенка с черным пятном вокруг глаза. Щенка он опустил на прилавок.

— Вот.

— Понятно,— протянул Йенсен.— Следовало бы подать на вас в суд.

— За что?

— Это никакой не мутант.

— Прекрасно,— с видом оскорбленного достоинства обронил коротышка.— Вам виднее.

Он понес щенка обратно.

— Умник! — насмешливо тявкнул щенок на Йенсена за миг до того, как исчез из виду.

Когда владелец магазина вернулся, Йенсен сказал:

— Я слышал, как он говорил. Подумаешь! Чарли Маккарти и другие деревянные куклы тоже умеют разговаривать.

— Весьма вероятно.— Гном чихнул и с грохотом сдвинул стеллаж с места.

— Любой чревовещатель справился бы с этим куда лучше вас,— не унимался Йенсен.— У них побольше опыта и изобретательности.

— Весьма вероятно,— ответствовал коротышка.

— Я — человек упорный,— продолжал Йенсен.— Если нахожу что-то такое, о чем стоит написать, от меня так просто не отделаешься. Не уймусь, пока не получу сенсацию. Такой у меня характер.

— Не сомневаюсь в этом.

— Ну ладно. Взгляните на это так: у вас есть мутанты на продажу, как вы утверждаете. Это новость. О ней можно написать несколько строк. Несколько строк о том, несколько строк о сем — вот вам и колонка.

— Неужели? — Коротышка вскинул белесую бровь. Слова Йенсена, похоже, сбили его с толку.

— Так вот,— продолжал Йенсен, и тон его не предвещал ничего хорошего,— хорошая колонка, которую ведет компетентный обозреватель, рассказывает о всяких интересных вещах.

Иногда — о хороших вещах, иногда — о дурных. Полицейские читают о дурных вещах и благодарят меня за то, что я привлек их внимание. Однако обычно уже бывает слишком поздно, потому что герой заметки тоже успел прочитать и быстренько смыться из города, улавливаете?

— Пока нет.

Йенсен хлопнул по прилавку ладонью:

— Вы только что попытались всучить мне щенка. Он сказал: «Умник!» Я слышал это собственными ушами. Это попытка ввести меня в заблуждение. Выманить деньги мошенническим путем.

— Но я не получил никаких денег.— Коротышка пренебрежительно махнул рукой.— Что проку в деньгах? Я никогда их не беру.

— Что, правда? И чего же вы хотите за своего болтливого щенка?

Коротышка опасливо оглянулся по сторонам, склонился к Йенсену и прошептал несколько слов.

Йенсен захлопал глазами:

— Теперь я уверен, что вы чокнутый.

— У меня катастрофическая нехватка некоторых веществ,— сконфуженно пояснил гном.— Неорганические материалы имеются в изобилии, а с животной протоплазмой — просто беда. А самому производить долго и хлопотно.

— Могу себе представить.— Йенсен бросил взгляд на часы.— Покажите мне хотя бы одного настоящего первосортного мутанта, и тогда я прославлю вас в воскресном выпуске. В противном случае...

— Да я и сам мутант,— скромно сообщил коротышка.

— Да? И что же вы умеете делать такого удивительного?

— Да что угодно.— Гном подумал и уточнил: — Ну, почти что угодно. Не тяжелее того, что могу поднять без посторонней помощи.

Йенсен оскорбительно хихикнул:

— И вы делаете других мутантов?

— Да.

— Ну так давайте, сделайте одного для меня. Я хочу голубого носорога длиной семнадцать дюймов. И чтобы не тяжелее девяти фунтов.

— Но я не могу вот так, сразу. Процесс требует времени.

— Это я уже слышал. Хорошую отговорку и дважды не грех использовать.— Йенсен нахмурился.— А вы могли бы сделать чистейшей воды розовый бриллиант размером с ведро?

— Мог бы, если бы от него был толк.— Гном оглушительно чихнул и поставил склянку обратно на полку.— Драгоценный камень такой величины не будет иметь цены. И делать его долго.

— Вы опять за свое? — Йенсен бросил многозначительный взгляд на заставленные бутылочками полки.— Сколько вам платят?

— Кто?

— Ребята из наркосиндиката.

— Не понимаю, о чем вы.

— Ну еще бы.— Йенсен придвинулся вплотную к гному и с циничным выражением человека, повидавшего жизнь с самых неприглядных ее сторон, процедил: — А то, что написано на витрине, просто пустые слова. И означают они совсем не то, что кажется. Мутант — это кодовое слово для обозначения наркоты, о чем отлично известно вашим торчкам-клиентам.

— Эти склянки содержат уменьшающую жидкость.

— Ну конечно, что же еще,— согласился с ним Йенсен.— Думаю, она изрядно уменьшила вес кошелька не одного наркомана.— Он ткнул пальцем в склянку, которую нюхал.— Сколько стоит вот эта бутылочка?

— Можете забрать даром,— сказал коротышка, вручая склянку Йенсену.— Только верните потом пустую.

Йенсен взял склянку, снова открыл и понюхал. Потом макнул палец и с опаской облизал. Лицо его приняло блаженное выражение.

— Забираю обратно все, что наговорил о наркотиках. Теперь я все понял.— Он взмахнул бутылочкой, но очень осторожно, чтобы не выплеснуть ни капли.— Нелегальная торговля алкоголем, девяносто шесть градусов и никаких налогов.— Он снова облизал палец.— Да уж, кое-кто знает в этом толк. Кое-кто — настоящий эксперт в укрывании доходов. Можете считать меня своим клиентом. Буду регулярно сюда наведываться.

С этими словами он сделал глоток. Ощущение было такое, как будто по пищеводу торжественно прошествовала факельная процессия.

— Иэх! — Он перевел дух и взглянул на склянку с нескрываемым уважением. Она была совсем маленькой, не больше четверти пинты. Этот факт Йенсен отметил с сожалением. Он поднес ее ко рту.— Запишите на мой счет. Ну, за преступность!

— Вы вели себя очень неучтиво,— заметил гном.— Запомните мои слова.

Йенсен ухмыльнулся, опрокинул склянку и выпил все до капли. В животе что-то взорвалось. Стены лавки словно бы

унеслись куда-то в невообразимую даль и тут же вернулись обратно. Он секунд пять шатался, потом ноги стали ватными и пол ударил ему в лицо.

Мимо проносились эпохи, одна за другой — долгие, туманные, наполненные приглушенным шумом. Потом все закончилось. Йенсен приходил в себя медленно и трудно, как после ночного кошмара.

Он стоял на четвереньках на льду или на чем-то вроде льда. Чувствовал себя прескверно: все тело затекло, голова болела, перед глазами все плавало. Он потряс головой, чтобы привести мысли в порядок.

Мало-помалу воспоминания кое-как просочились в его одурманенный мозг. Наркопритон. Он наткнулся на наркопритон и был не в меру любопытен. Кто-то подобрался к нему сзади и треснул по башке. Вот что бывает, когда чересчур громко говоришь и задаешь слишком много вопросов.

«Вы вели себя очень неучтиво. Запомните мои слова!»

Неучтиво? Ха! Очень скоро он придет в себя и покажет этому недоростку, что такое настоящая неучтивость. Да он разорвет плюгавого коротышку на мелкие кусочки и разбросает их во все стороны!

Глаза уже более-менее пришли в порядок, хотя скорее менее, чем более. Он по-прежнему видел только то, что находилось совсем близко, и это было очень странно. Нос действовал превосходно: Йенсен чуял уйму всяких вещей сразу, включая перегретый двигатель автомобиля ярдах в пятидесяти от магазинчика. Но глаза определенно оставляли желать лучшего.

Однако он все-таки понял, что лед, на котором он стоял, на самом деле вовсе не был льдом. Больше похоже на лист стекла, холодный и толстый. Справа виднелся еще один такой же лист, и еще один — слева. Со всех сторон Йенсена окружало стекло!

Он попытался распрямиться, но спина одеревенела напрочь. И ноги тоже не слушались. Да, похоже, ему изрядно досталось! Все так же на четвереньках он двинулся к отгораживающему его от остального мира стеклу и обнаружил, что перемещается с поистине летаргической медлительностью. Где-то поблизости послышались голоса, но их обладатели оставались невидимыми.

— Она требует салюки*-телепата, ни на какую замену не согласна.

— На это уйдет десять дней,— ответил голос коротышки.

---

* Салюки — персидская борзая.— *Прим. перев.*

— В следующую субботу у нее день рождения. Вы точно успеете до субботы?

— Успею.

— Прекрасно. Тогда начинайте прямо сейчас. Когда приду за товаром, заплачу щедро, не сомневайтесь.

Йенсен близоруко уставился на стекло. За ним что-то смутно маячило. Что-то похожее на далекое окно с надписью. Слова были перевернуты, поэтому разобрать их он сумел не сразу.

«Мутанты на продажу».

Опустив взгляд, он различил в стекле расплывчатый силуэт. Йенсен сдвинулся в сторону. Силуэт последовал его примеру. Он тряхнул головой. Тот, в стекле, поступил так же. Йенсен раскрыл рот, и отражение послушно раскрыло свой.

Тогда он завопил что было мочи — но из пасти вылетел приглушенный рев, а не крик.

Отражение было голубое, семнадцати дюймов в длину, а на уродливом носу торчал рог.

Необходимый вклад

Он вытащил из такси свои вещи и расплатился с водителем. Потом повернулся к дверям, за которыми ему предстояло провести четыре долгих года.

Высокие, массивные дубовые двери. Их вполне можно было бы принять за тюремные, если бы не одна деталь. Центр каждой створки украшала скромная резьба: круг с четырехконечной звездой внутри. Чуть ниже круга аккуратными резными буквами было выведено: «Да благословит тебя Бог».

Для подобного места девиз был довольно странным, если не сказать — глупым. Звезда — еще куда ни шло. Правда, силуэт ракеты смотрелся бы здесь намного лучше. А под ней — что-нибудь вроде «Вперед, всегда вперед!» или «Все выше и выше!» Или нечто похожее.

Приехавший позвонил в дверной звонок. Одна из створок открылась, и на пороге появился служитель. Он молча внес вещи в просторный, богато украшенный вестибюль и попросил немного подождать. Приехавший вдруг почувствовал себя карликом, попавшим под своды дворца, и беспокойно зашагал взад-вперед. Глаза скользнули по длинному списку фамилий, выбитых на одной из стен, но читать их он не стал. Из коридора вышли четверо человек в форме. Они четким шагом пересекли вестибюль, ни разу не сбив строй. Бесстрастно взглянув на приехавшего, они скрылись за входной дверью. В их глазах он уловил тщательно скрываемое презрение к его гражданской одежде. Во всяком случае, так ему показалось.

Вернувшийся служитель провел его в комнатку, где за столом сидел щуплый лысый человек.

— Позвольте ваши документы.

Взяв бумаги, лысый стал их внимательно рассматривать, бормоча себе под нос:

— Так, так... Уорнер Макшейн... Направлен для обучения специальности «пилот-астронавигатор» и подготовки в объеме младшего командного состава.

Он встал и протянул сухощавую мягкую руку.

— Рад приветствовать вас, мистер Макшейн. Добро пожаловать в Колледж Астронавтики.

— Благодарю вас,— ответил оторопевший Макшейн.

— Да благословит вас Бог,— сказал лысый и обратился к ожидавшему служителю: — Проводите мистера Макшейна в отведенное ему помещение номер двадцать в доме Мерсера.

Они миновали большую лужайку с ровно подстриженной травой. Вокруг лужайки стояло более десятка жилых корпусов. За ними, насколько видел глаз, тянулись здания лабораторий, мастерские с испытательными стендами, учебные корпуса и постройки пока неизвестного Макшейну назначения. Еще дальше, где-то на расстоянии мили, располагался учебный космопорт с четырьмя космическими кораблями, укрепленными на бетонных фундаментах.

Подойдя к жилому зданию с табличкой «дом Мерсера», они поднялись лифтом на второй этаж и вскоре оказались у двери помещения номер двадцать. Оно состояло из небольшой, скромно меблированной, но уютной гостиной, из которой одна дверь вела в спальню, а другая — в ванную.

Составив вещи Макшейна у стены, служитель сказал:

— Начальником этого дома является коммодор Мерсер. Вашим ординарцем назначен мистер Биллингс. Вскоре он прибудет.

— Благодарю вас,— рассеянно произнес Макшейн.

После ухода служителя Макшейн уселся на спинку кресла и стал анализировать полученные впечатления. Не слишком-то они совпадали с его ожиданиями. При своем скромном названии Колледж Астронавтики пользовался совершенно особой репутацией. Его слава гремела везде: от Земли до непрестанно расширяющихся границ познанной Вселенной. Слова: «Я прошел полный курс обучения в Колледже Астронавтики» убеждали лучше любых рекомендательных писем и послужных списков. Принятых сюда считали счастливчиками, а выпускникам откровенно завидовали.

Достаточно сказать, что выпускником Колледжа Астронавтики был звездный адмирал Кеннеди — главнокомандующий всеми военно-космическими силами землян. И не только он, а еще

добрая сотня выпускников занимали теперь самые важные и ответственные посты в военно-космических силах. Однако с того времени многое изменилось. Наверное, в те давние времена, когда здесь учился будущий звездный адмирал, обстановка была куда скромнее, а дисциплина — намного строже. Теперь все стало гораздо либеральнее. Наверное, преподавательский состав отработал в колледже не один десяток лет и сейчас вступил в пору старческой дряхлости. Так думал Макшейн.

В дверь вежливо постучали.

— Входите, не заперто,— небрежно бросил Макшейн.

Вошедший мог служить зримым подтверждением его предположений. По возрасту — далеко за шестьдесят, сгорбленный, с густой сетью морщинок в уголках глаз и седыми, расширяющими книзу бакенбардами. Макшейну показалось, что бакенбарды приклеены к щекам старика.

— Моя фамилия Биллингс, сэр. На время вашего обучения я буду исполнять обязанности вашего ординарца.— Старческие глаза переместились на личные вещи Макшейна.— Вы не будете возражать, сэр, если я начну распаковывать ваш багаж?

— Спасибо, я и сам с этим справлюсь,— заставил себя улыбнуться Макшейн.

Судя по настроению Биллингса, тот твердо вознамерился ему помочь.

— Тогда, быть может, вы мне позволите помочь...

— Когда я не смогу справиться со своим багажом, это будет означать одно из двух: либо я мертв, либо парализован,— сказал Макшейн.— Не тратьте понапрасну свои силы.

— Как вам угодно, сэр, но...

— Довольно об этом, Биллингс.

— Позвольте, сэр, вам заметить, что...

— Нет, Биллингс, не позволю,— решительно отрезал Макшейн.

— Воля ваша.

Биллингс тихо и с достоинством удалился.

«Ну до чего настырный старикан,— подумал Макшейн.— Поди сам нуждается в помощи, а туда же».

Пододвинув чемодан к окну, он щелкнул замками, поднял крышку и начал вытаскивать содержимое. В дверь снова постучали.

На этот раз к нему вошел рослый, сурового вида человек в форме коммодора. Макшейн инстинктивно выпрямился и встал по стойке «смирно».

— А, мистер Макшейн. Очень рад познакомиться с вами. Я — Мерсер, ваш домохозяин, выражаясь гражданским языком.

Его колючие глаза оглядели новичка с головы до пят.

— Уверен, что мы с вами прекрасно найдем общий язык.

— Я тоже так надеюсь, сэр,— почтительно ответил Макшейн.

— Все, что от вас требуется,— это с полным вниманием слушать ваших преподавателей, усердно работать, усердно учиться, подчиняться правилам внутреннего распорядка и хранить верность колледжу.

— Да, сэр.

— Если не ошибаюсь, вашим ординарцем назначен Биллингс?

— Да, сэр.

— Он займется распаковыванием ваших вещей.

— Я сказал ему, что вполне справлюсь с этим сам.

— Значит, он уже заходил к вам.— Мерсер вновь окинул Макшейна изучающим взглядом, только теперь его глаза смотрели чуть жестче.— И вы сказали ему, чтобы он не волновался из-за пустяков. Он согласился?

— Видите ли, сэр, он попытался спорить, но я настоял на своем.

— Так.

Коммодор Мерсер поджал губы. Подойдя к гардеробу, он распахнул дверцы.

— Полагаю, вы привезли с собой полный набор обмундирования, в который входят три комплекта форменной одежды, а также рабочая одежда. Первый и второй парадный комплекты формы размещаются соответственно с правой и левой сторон внутреннего пространства гардероба, мундиры вешаются поверх брюк пуговицами наружу.

Он мельком посмотрел на Макшейна, которому нечего было сказать.

— Форма для строевой подготовки должна лежать вот в этом ящике и больше нигде, причем брюки помещаются вниз, а мундир — сверху. Рукава мундира складываются на уровне груди, а сам он должен лежать пуговицами кверху, с отогнутым влево воротником.

Мерсер с шумом задвинул ящик.

— Вы знаете весь этот порядок? И где должны лежать остальные вещи, вы тоже знаете?

— Нет, сэр,— сознался покрасневший Макшейн.

— Тогда зачем вы отослали своего ординарца?

— Я подумал...

— Мистер Макшейн, я бы посоветовал вам отложить ваши раздумья до тех пор, пока вы наберетесь необходимых практиче-

ских знаний и у вас появится прочная основа. Это самый разумный способ, не правда ли?

— Да, сэр.

Коммодор Мерсер ушел, тихо закрыв за собой дверь. Макшейн дал волю своим чувствам и с силой хватил кулаком по стене, бормоча ругательства. Его занятия прервал очередной стук в дверь.

— Войдите.

— Сэр, теперь вы позволите мне вам помочь?

— Да, Биллингс. Буду вам очень признателен, если вы распакуете мои вещи.

— С удовольствием, сэр.

Ординарец принялся за дело, с профессиональной точностью раскладывая привезенное Макшейном имущество. Он не торопился: бережно брал каждую вещь, и она ложилась или вставала на свое место так, что поправлять ее уже не требовалось. Биллингс знал, куда поставить две пары ботинок, домашние тапочки и гимнастические туфли. Все это выстроилось на специальной обувной стойке и в той последовательности, в какой требовали правила внутреннего распорядка. В самом центре гардероба он повесил форменный плащ с малиновой подкладкой. Как и мундиры, плащ должен был висеть пуговицами наружу.

Макшейн наблюдал за его действиями, потом не выдержал и спросил:

— Биллингс, а если бы я, допустим, ботинки взгромоздил на подоконник, плащ бросил на кровать, что бы мне за это было?

— Ничего, сэр.

— Ничего? — удивленно вскинул брови Макшейн.

— Да, сэр. Вам никто не сказал бы ни слова, но я получил бы серьезное порицание.

— Теперь понимаю.

Макшейн плюхнулся в кресло и продолжал наблюдать за действиями Биллингса. Одновременно его мозг оценивал первый из полученных практических уроков. А он-то решил, что руководство колледжа соскользнуло в либерализм. Нет, они — большие хитрецы, и их механизм работает безотказно. Одно дело, когда отвечать за свои выходки приходится самому. В этом даже есть какая-то мужская доблесть. Но только вшивая дрянь согласится куролесить, зная, что попадет престарелому ординарцу.

Вдобавок вшивая дрянь никогда не станет офицером, и в колледже это знают. Похоже, они все здесь устроили так, что хорошие и дурные стороны курсантов начинают проявляться буквально сразу. Макшейн вдруг понял: ему придется постоянно

держать ушки на макушке и следить за каждым своим шагом. Целых четыре года. А что такое четыре года в ту пору жизни, когда в жилах бурлит горячая кровь и избыток сил рвется наружу, неистово требуя выхода?

— Скажите, Биллингс, когда здесь едят?

— Ланч, сэр, у нас бывает в половине первого. Вы без труда услышите звуки столовского гонга. Осмелюсь заметить, сэр, с вашей стороны будет весьма благоразумно являться туда с минимальным опозданием.

— Это еще почему? Или, если я немного запоздаю, мою еду слопают крысы?

— Нет, сэр, но своевременность — это проявление вежливости. Офицер и джентльмен всегда вежливы.

— Благодарю вас, Биллингс. Простите мое любопытство, но скажите, сколько лет вы прослужили офицером?

— Мне, сэр, такого счастья никогда не выпадало.

Макшейн внимательно посмотрел на ординарца.

— Наверное, меня следовало бы отчитать за то, что лезу не в свои дела.

— В самом деле, сэр, я и не мечтал о...

— Не надо меня оправдывать, я повел себя грубо,— перебил его Макшейн, не сводя со старика глаз.— Я не хотел вас обидеть, Биллингс. Просто у меня иногда слова опережают мысли. У новичков такое бывает часто. Я прошу вас, Биллингс, в такие моменты не обращайте на меня внимания.

— Не могу, сэр. Присматривать за вами — моя работа. К тому же я привык к шуткам молодых джентльменов.

Рука Биллингса извлекла из чемодана фотографию некоей красотки по имени Сильвия Лафонтен. Фотография была большой, восемь дюймов на двенадцать. Весь наряд Сильвии состоял из страусового пера, прикрывавшего то, что пониже пупка. Держа снимок на расстоянии вытянутой руки, Биллингс равнодушно смотрел на красотку. Ни один мускул его лица не дрогнул.

— Нравится? — спросил Макшейн.

— Она на редкость очаровательна, сэр. Однако было бы неразумно помещать эту фотографию на стену.

— Но почему? Ведь это моя комната, правда?

— Несомненно, сэр. Просто я опасаюсь, что коммодору это может не понравиться.

— Причем тут коммодор? Мои вкусы по части женщин — это мое личное дело.

— Вы абсолютно правы, сэр. Но ваша комната в первую очередь — жилище офицера. Офицер обязан быть джентльменом. А джентльмен общается только с леди.

— Вы хотите сказать, что Сильвия — не леди?

— Леди никогда не станет выставлять свою обнаженную грудь на всеобщее обозрение,— с неожиданной твердостью отчеканил Биллингс.

— Ну, монастырь! — обхватив голову руками, взвыл Макшейн.

— Если я уберу этот снимок обратно в чемодан, сэр, я бы посоветовал вам держать его закрытым. Может, вы не захотите компрометировать себя, и я отнесу фотографию в котельную и сожгу в топке?

— Тогда лучше заберите ее домой и глазейте в свое удовольствие!

— Это было бы на редкость непристойным поступком, сэр. Изображенная здесь особа годится мне едва ли не во внучки.

— Простите меня за эти слова, Биллингс.

Макшейн встал, несколько раз смущенно прошелся по комнате и остановился у окна. Все четыре года ему предстоит глядеть на эту лужайку. Не ахти какая отрада для глаз.

— Черт бы меня побрал, сколько всего такого, чему мне еще придется учиться.

— Вы обязательно этому научитесь, сэр. У всех наших лучших выпускников поначалу бывали трудности. Я служу здесь много лет и знаю, о чем говорю. Я видел, какими они сюда приходили и какими покидали стены колледжа. А иногда они возвращались, и я видел, какими они стали.

— Возвращались?

— Да, сэр. Один из них любезно выбрал время и почтил нас своим посещением. Это было около двух месяцев назад. Во время учебы он жил здесь, этажом выше, в помещении номер тридцать два. В юности с ним просто сладу не было, но мы общими усилиями сняли с него стружку и добились успеха.

Биллингс горделиво тряхнул бакенбардами.

— Сегодня, сэр, его знают повсюду. Это — звездный адмирал Кеннеди.

Первые занятия начались на следующее же утро, хотя они и не значились в выданном Макшейну буклетике с расписанием. Правильнее было бы их назвать ознакомительными беседами. Первым перед курсантами предстал коммодор Мерсер. Облаченный в идеально отглаженную форму, он стоял на невысоком подиуме, внимательно глядя на сорок юнцов нового набора. Под опытным взглядом коммодора каждому из них казалось, что внимание Мерсера обращено именно на него.

— Вы пришли сюда с определенной целью. Так постарайтесь ее достичь. Тот, кто пытался, но потерпел неудачу, намного ценнее неудачника, не сделавшего ни единой попытки чего-либо добиться... Мы считаем отчисление крайней мерой и неохотно идем на нее, однако мы без колебаний отчислим каждого, кто запятнает честь нашего колледжа... Крепко запомните: быть командиром военно-космического флота — занятие не из легких и не из приятных. Это тяжелое, ответственное дело, которому вам предстоит здесь учиться.

В той же суровой манере была выдержана вся речь Мерсера. Чувствовалось, он произносил ее далеко не впервые. Трудно сказать, сколько курсантских потоков вот так же стояли и слушали слова коммодора. В речи было немало тягомотины насчет необходимости упорно преодолевать трудности, чтобы уверенно и до конца пройти избранный путь. Не забыл Мерсер упомянуть и о том, что пьяный курсант — позор для колледжа. Вообще он много распространялся о чести военно-космического флота, о престиже колледжа, о звездах на небесах, звездах на погонах и о неувядаемой славе.

Где-то через час Мерсер стал закругляться:

— Научно-технические знания очень важны для вас. Однако не впадите в ошибку, думая, будто вам достаточно иметь высокие оценки по техническим дисциплинам. Наравне с безупречным управлением приборами и механизмами офицеры должны уметь безупречно управлять людьми. Что касается последнего — у нас есть свои, надежные способы проверки.

Он замолчал и обвел глазами собравшихся.

— У меня все, джентльмены. Сейчас вы строем проследуете в главный лекционный зал, где с вами будет заниматься капитан Сондерс.

Капитан Сондерс оказался крепышом с жестким, обветренным лицом и приплюснутым носом. Вместо левой руки у него был протез, скрывавший за черной перчаткой искусственные пальцы. Он поглядел на сорок новичков так, словно сравнивал их с предшественниками, и что-то пробурчал.

В течение получаса Сондерс по большей части повторял сказанное Мерсером, подавая это еще резче и бескомпромисснее, чем коммодор. Конец своего выступления он уделил практическим вещам:

— Далее я поведу вас на ознакомительную экскурсию, чтобы вы увидели и запомнили местонахождение основных строений колледжа. Каждый из вас получит сборник, содержащий все уставы, наставления и правила. Если вы внимательно не изучите их и не будете неукоснительно выполнять, пеняйте только

на себя. Занятия начнутся завтра, в девять тридцать утра. Построение в рабочей форме непосредственно возле дома. Вопросы есть?

Спрашивать его никто не рискнул. Знакомство с колледжем заняло весь остаток дня. Сознавая свое положение новичков и самых младших, все сорок слушали пояснения в полной тишине и извинительно поглядывали на старшекурсников, которым они мешали своим появлением.

Получив упомянутые Сондерсом книжицы, новички проследовали на ужин, после чего вернулись в дом Мерсера. К этому времени у Макшейна начали складываться приятельские отношения с двоими такими же, как он, страдальцами — Симкоксом и Фейном. Зажав под мышкой свой сборник, Симкокс брел по коридору и делился с друзьями сведениями, полученными из неофициальных источников.

— Первый месяц нас продержат взаперти, а потом будут три раза в неделю пускать в увольнение.

— Ну вот, не успели приехать, как на целый месяц заработали карцер,— прорычал Фейн.— И это когда нам так хочется пошататься по городу в курсантской форме и завести веселенькие знакомства.

Понизив голос до шепота, Макшейн сказал им:

— Валите ко мне, мальчики. Там вдоволь поболтаем и позубоскалим. Причем не всухую. Я предусмотрительно захватил с собой бутылку виски.

— Приятно слышать,— просиял Фейн.

Им удалось проскользнуть к Макшейну, не попавшись на глаза другим курсантам. Хозяин направился к шкафу. Симкокс довольно потирал руки, а Фейн облизывал губы, предвкушая выпивку.

— Хотел бы я знать, чем мы заменим бокалы? — спросил Фейн, оглядывая жилище Макшейна.

— А я хотел бы знать, чем мы заменим виски? — отозвался Макшейн, отойдя от шкафа. Вид у него был рассерженный.— Бутылки там нет.

— Слушай, может, ты ее куда-нибудь переложил и забыл? — выдвинул догадку Симкокс.— Или твой ординарец запихнул ее в укромное местечко, где она не попадется на глаза Мерсеру.

— С какой это стати ординарцу лапать чужие бутылки? — удивился Фейн, потрясая сборником уставов и правил.— Здесь ничего не сказано, что нам запрещается хранить у себя выпивку.

— Прежде чем поднимать шум, я обшарю все углы,— объявил Макшейн. Лицо его по-прежнему оставалось хмурым.

Он перерыл все в гостиной и спальне.

— Будто испарилась. Знать бы, какая грязная скотина на нее позарилась.

— Получается, в доме завелся вор,— уныло подытожил Симкокс.— Об этом надо заявить, и немедленно.

Фейн вновь зашелестел листами сборника.

— Вот, нашел... Все просьбы и жалобы нужно подавать проктору*. Им является четверокурсник, занимающий помещение номер один на первом этаже.

— Вы посидите здесь, а я слетаю к нему. Пусть разберется.

Выскочив за дверь, Макшейн прогрохотал по лестнице на первый этаж, подбежал к нужной двери и забарабанил в нее.

— Войдите.

Макшейн вошел. Проктор, высокий темноволосый парень лет двадцати трех, сидел в кресле, закинув ногу на ногу. В руках он держал какую-то толстую книгу. Темные глаза холодно смотрели на Макшейна.

— Как вас зовут?

— Уорнер Макшейн.

— А теперь, мистер Макшейн, я попрошу вас выйти за дверь, постучаться так, как стучат в двери людей с нормальным слухом, и войти надлежащим образом.

Макшейн густо покраснел.

— Прошу прощения, но мне непонятно, что считается войти надлежащим образом.

— Это значит, что вы войдете строевым шагом, встанете по стойке «смирно» и доложите мне свое имя.

Выйдя за дверь, Макшейн проделал все, что ему велели. Внешне его лицо оставалось спокойным, но внутри у него все кипело от негодования.

— Теперь уже лучше,— сказал проктор, оглядывая Макшейна.— Возможно, вы решили, что это доставляет мне извращенное наслаждение.

Макшейн молчал.

— Если так, вы ошибаетесь. Вы учитесь так же, как учился я,— набивая шишки. Офицер должен добиваться послушания не только имеющейся у него властью, но и личным примером. Вскоре вы поймете: чтобы уметь командовать, надо уметь подчиняться.

Проктор сделал вторую паузу, ожидая ответных слов. Макшейн продолжал молчать.

---

* Надзиратель в колледжах и университетах, следящий за поведением и успеваемостью студентов.— *Прим. перев.*

— Так что же у вас случилось?

— Из моей комнаты украли бутылку виски.

— А откуда вы знаете, что ее украли?

— Утром бутылка находилась там, куда я ее поставил. Сейчас ее там нет. Кто бы ни взял ее, это было сделано без моего ведома и разрешения. Короче говоря, бутылку украли.

— Вряд ли. Возможно, ее взял ваш ординарец.

— Все равно это называется кражей.

— Хорошо. Если вы настаиваете, это будет квалифицировано как кража. Так вы настаиваете? — с особым упором на последнем слове спросил проктор.

Мозг Макшейна лихорадило от мыслей. Опять он угодил в хитроумную ловушку. Весь их хваленый колледж так и кишел ловушками. Даже внешне невинный вопрос таил в себе западню.

«Не дай этому парню себя поймать! — твердил ему внутренний голос.— Выбирайся, пока не увяз!»

— Если не возражаете, я все-таки вначале спрошу у своего ординарца, не брал ли он бутылку, а если брал — то с какой целью.

Лицо проктора переменилось, как по волшебству. Он широко и дружески улыбнулся.

— Я очень рад, что услышал от вас эти слова.

Макшейн уходил со смешанным, но приятным чувством. Каким-то неведомым образом ему удалось одержать маленькую победу. Наверняка в его личном деле появится положительная оценка, которая, возможно, аннулирует отрицательную оценку, полученную им по недомыслию. Добравшись до своей двери, Макшейн громко позвал Биллингса и толкнул дверь.

Биллингс не заставил себя ждать.

— Вы меня звали, сэр?

— Да. У меня в шкафу стояла бутылка виски. Она исчезла. Вы можете что-нибудь сказать по этому поводу?

— Могу, сэр. Я сам ее оттуда убрал.

— Убрали? — Макшейн посмотрел на Фейна и Симкокса и почувствовал, как в нем опять поднимается бешенство.— Какого черта она вам помешала?

— Я получил для вас первый комплект учебников и положил их вон на ту полку. Позволю вам заметить, сэр, что вам стоило бы безотлагательно приняться за учебу.

— Зачем такая гонка?

— В конце первого месяца вас, сэр, и всех ваших товарищей ожидает экзамен с целью проверки ваших способностей. Случается, что результаты этого экзамена не всегда удовлетворяют

требованиям колледжа. Тогда курсанта приходится отчислять как непригодного к обучению.

Старческие глаза с отчаянием поглядели на Макшейна.

— Вам необходимо сдать этот экзамен, сэр. Он чрезвычайно важен для вас. Простите мою дерзость, но офицер, сознавая важность обстоятельств, всегда сумеет обойтись без выпивки.

Макшейн глубоко вздохнул и спросил:

— Прежде всего я хочу знать, что вы сделали с моей бутылкой?

— Я перенес ее в место, отведенное руководством колледжа для подобных надобностей.

— И мне больше ее не видать?

Вопрос ошеломил Биллингса.

— Прошу вас понять, сэр, что я лишь убрал, а не конфисковал ваше виски. Я буду искренне рад вернуть вам бутылку, когда вы захотите отпраздновать успешную сдачу экзамена.

— Скройтесь с моих глаз,— сказал Макшейн.

— Как прикажете, сэр.

Когда Биллингс ушел, Макшейн сказал друзьям:

— Представляете, как мы вляпались? Это еще хуже, чем жить под присмотром какой-нибудь тетушки из числа хронических старых дев.

— Думаешь, мой ординарец лучше? Как бы не так,— мрачно протянул Фейн.

— Да и мой не подарок,— подтвердил Симкокс.

— Ну и что нам теперь делать, если тут вообще возможны какие-то действия? — не унимался Макшейн.

Друзья задумчиво почесали затылки, после чего Симкокс сказал:

— Я избираю линию наименьшего сопротивления.— Подражая тоненькому голоску мальчишки-школяра, он добавил: — Пойду домой учить таблицу умножения, иначе няня будет браниться.

— Я тоже,— решил Фейн.— «Офицер и джентльмен, сэр, не позволяет себе шумно сморкаться»,— произнес он, подражая интонации своего ординарца.— Иногда этот тип просто меня пугает. Знаете, что он изрек? Достаточно одного плевка на пол, чтобы тебя с позором выперли из колледжа.

Мрачно усмехаясь, новые друзья ушли. Макшейн плюхнулся в кресло и минут двадцать угрюмо созерцал стенку. Потом это занятие ему наскучило. Он протянул руку к принесенным Биллингсом учебникам и взял тот, что лежал наверху стопки. От названия у него свело челюсть: «Астроматематические осно-

вы космической навигации». Такой скукотищи он еще не встречал, однако других развлечений на оставшиеся до сна часы не предвиделось. Он принялся за чтение и, сам того не ожидая, увлекся содержанием. Наступила полночь, а Макшейн все еще читал, мысленно ведя свой корабль сквозь звездные вихри и наблюдая отсветы далеких туманностей.

— Я обнаружил, что вы еще не спите, сэр,— извиняющимся тоном произнес заглянувший в дверь Биллингс,— и решил узнать причину. Возможно, вы не обратили внимание на то, сколько сейчас времени. Уже полночь, сэр. Простите мою дерзость...

Биллингс успел пригнуться, ибо захватывающая книга полетела прямо в него.

Одиннадцатый вопрос. Девизом Колледжа Астронавтики являются слова «Да хранит тебя Бог». Объясните как можно более кратко происхождение и смысл этих слов.

Макшейн стал быстро записывать: «Этот девиз основан на трех неопровержимых положениях. Во-первых, в любой теории главным является не четкость ее формулировок и даже не логическая обоснованность, а проверка на практическую работоспособность. Во-вторых, любая форма жизни, определяемая как разумная, должна обладать воображением и любознательностью. И в-третьих, любая форма жизни, обладающая воображением и любознательностью, не может не задумываться о первопричинах».

Немного собравшись с мыслями, он продолжал: «Четыреста лет назад некто капитан Андерсон, проводя на Земле свой краткий отдых, остановился, чтобы послушать уличного проповедника. Несколько человек из числа слушавших, казалось, намеренно мешали проповеднику говорить, без конца перебивая его вопросами и едкими замечаниями. Андерсон заметил, что проповедника это ничуть не смущало. На каждую колкость и оскорбление он неизменно отвечал: "Да благословит тебя Бог, брат!" Возразить против этих слов его оппонентам было нечем. Постепенно все, кто мешал проповеднику, оставили свои попытки, и он беспрепятственно продолжал проповедь».

Что дальше? Макшейн задумчиво погрыз ручку, затем начал новый абзац: «Капитан Андерсон, будучи человеком эксцентричным, но умным и проницательным, немало удивился успеху тактики, избранной проповедником, и решил попробовать аналогичную тактику во взаимоотношениях с враждебно настроенными к землянам расами. В девяти случаях из десяти она дала положительные результаты. С тех пор эта простая, легко осуществимая и понятная для всех тактика стала общепринятой формой космической дипломатии».

Макшейн перечитал написанное. Кажется, он все правильно написал, но этого было мало. Хотя от него и требовался краткий ответ, Макшейн чувствовал: если отвечать на этот вопрос, то надо отвечать развернуто.

«Разумеется, принятая на вооружение тактика не решала всех противоречий и не предотвращала все космические войны, однако благодаря ей число межзвездных конфликтов снизилось до десяти процентов от потенциально возможного. Слова "Да благословит тебя Бог" невозможно выразить и истолковать привычными земными понятиями. С космической точки зрения они означают следующее: "Да будет первопричина всего сущего благосклонна к тебе!"»

Вот теперь он дал исчерпывающий ответ. Макшейн еще раз внимательно перечитал написанное, почувствовал удовлетворение и уже собирался перейти к следующему вопросу. И тут из глубины его подсознания прорвалась какая-то смутная догадка, заставившая его насторожиться.

Десять предыдущих вопросов, а также те, что шли дальше, касались вещей, которые он, по мнению экзаменаторов, должен был знать. Одиннадцатый вопрос выпадал из общего ряда. На занятиях о девизе колледжа вообще не было сказано ни слова. Экзаменаторы не имели права требовать от курсантов ответа на этот вопрос.

Тогда почему вопрос оказался в списке? Ну конечно же, новичкам продолжали расставлять ловушки.

Макшейн знал ответ, поскольку любопытство погнало его в библиотеку колледжа. С самой первой минуты, едва он увидел слова девиза, они никак не вязались у него в сознании с космическими полетами. Тогда Макшейн решил самостоятельно докопаться до истины. Если бы не его настойчивость, ему было бы нечего ответить на одиннадцатый вопрос.

Выходит, каждого, кто не справится с ответом на этот вопрос, экзаменаторы посчитают человеком нелюбознательным и лишенным интереса к истории колледжа? Или (если интерес есть) ленивым и недостаточно инициативным?

Макшейн украдкой оглянулся по сторонам. Все экзаменуемые сидели за отдельными столами. Человек десять писали или делали вид, что пишут. Один парень сосредоточенно пытался дотянуться левым ухом до плеча. Четверо задумчиво жевали собственные пальцы. Большинство остальных курсантов ощупывали себе лбы, словно хотели удостовериться в наличии или отсутствии у них мозгов.

Обнаруженная ловушка сразу же пробудила в Макшейне осмотрительность. Он перестал торопиться и внимательно просмотрел все предыдущие вопросы — не скрыты ли и там какие-

нибудь сюрпризы. Потом начал вчитываться в вопросы, на которые ему еще предстояло дать ответ.

Весьма подозрительным Макшейну показался тридцать четвертый вопрос. Экзаменаторы спрятали его среди обычных вопросов технического характера, однако каверзный вопрос выпирал наружу подобно хоботообразному носу обитателей планетной системы Сириуса. С виду совсем простенький, безыскусный вопрос. Экзаменуемому всего-навсего предлагалось дать определение такому понятию, как мужество, затратив на это не более шести слов. Подумав, Макшейн себе во благо (или на погибель) написал: «Мужество есть страх, встречаемый с решимостью».

Покончив с пятидесятым и последним вопросом, Макшейн облегченно вздохнул, покинул аудиторию и отправился бродить по территории колледжа.

Вскоре его нагнал Симкокс.

— Ну, как у тебя прошло?

— Могло быть и хуже,— коротко ответил Макшейн.

— Вот и у меня такое же чувство. Если не наберешь как минимум семьдесят пять процентов правильных ответов, выгонят в шею. Думаю, я проскочил.

Они дождались, пока придет Фейн. Тот появился спустя полчаса. Вид у него был понурый, а глаза — печальные, как у спаниеля.

— На четырех вопросах я точно завис,— сообщил он.— Странное дело: когда я шел на экзамен, в голове было полно знаний. Но стоило сесть за стол, как все они мигом испарились.

Через два дня на информационном стенде вывесили результаты экзамена. Протолкнувшись сквозь толпу сокурсников, Макшейн стал искать себя.

«Макшейн, Уорнер. 91%. Экзамен выдержан с честью».

Он со всех ног бросился в дом Мерсера и взбежал на второй этаж. Следом бежали Симкокс и Фейн.

— Биллингс! Куда вы запропастились?

— Вы меня звали, сэр?

— Мы сдали экзамен. Все трое.

Переполнявшие Макшейна чувства заставили его пуститься в пляс.

— Помните, что вы говорили месяц назад? Забыли? Гоните назад мою бутылку виски.

— Я необычайно рад узнать о вашем успехе, сэр,— сказал Биллингс, краснея от волнения.

— Благодарю вас, Биллингс. А теперь — самое время отпраздновать наш успех. Тащите бутылку и бокалы.

— В половине девятого я все вам принесу, сэр.

Макшейн посмотрел на часы.

— Это же целый час ждать. Что еще вы придумали, Биллингс?

— Сэр, на столе вас ждут конверт и бумага. Полагаю, вам непременно захочется сообщить вашим родителям о первом успехе. Представляю, как обрадуется ваша мать.

— Говорите, моя мать? — с удивлением посмотрел на ординарца Макшейн.— А почему не мой отец?

— Несомненно, вашего отца это тоже очень обрадует,— заверил его Биллингс.— Но, как правило, сэр, матери бывают меньше уверены в успехе, зато гораздо больше волнуются за своих сыновей.

— Так может говорить только тот, кто знает,— заметил Макшейн, посмотрев на друзей. Потом он вновь повернулся к Биллингсу: — И каков же ваш материнский стаж?

— Сорок лет, сэр.

Эти слова заставили всех троих умолкнуть. Макшейн улыбнулся и непривычно кротким голосом сказал:

— Я понимаю ваши слова, Биллингс. Мы отложим празднование до половины девятого.

— Я не запоздаю ни на минуту, сэр,— пообещал ординарец.— Я принесу вам бокалы и содовую.

Биллингс ушел, Фейн и Симкокс — тоже. Макшейн немного постоял у окна, затем сел за стол, взял ручку и вывел на листе: «Дорогая мама!..»

Четыре долгих, нелегких, до предела насыщенных года. Того, что было пройдено, узнано, испытано и пережито, пожалуй, с лихвой хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Лекции, консультации, шум станков в учебных мастерских, оглушающий рев испытательных стендов, уходящие до потолка стойки с аппаратурой, мигание разноцветных лампочек и подрагивание стрелок измерительных приборов, космические просторы, воссозданные на киноэкранах, уравнения на шесть страниц, игры с мячом, торжественные линейки со знаменами и оркестром, медицинские обследования с анализом крови, испытания на центрифуге, когда весь мир летит вверх тормашками, вопросы на сообразительность, экзамены.

Сколько их было, этих экзаменов, и каждый последующий оказывался труднее предыдущего. И в каждом находились свои каверзные вопросы, свои ловушки. А потом снова лекции, консультации, семинары.

«У нас вы получаете фундаментальное и всестороннее образование, которое позволит вам чувствовать себя уверенно в

космосе и справляться с любыми возникающими проблемами. Иными словами, мы выковываем вам надежную броню, доспехи космического воина. Чтобы эти доспехи получились прочными, над их созданием трудится весь персонал нашего колледжа. И работа всех в одинаковой степени важна. Даже ваш ординарец вносит в нее скромный, но необходимый вклад...»

«С того момента, как вы начнете свою офицерскую службу, вы убедитесь в том, что подчиненные склонны идеализировать любое ваше достоинство и драматизировать любой ваш недостаток. Секундное самолюбование, невинное хвастовство вырастают в их глазах до высокомерия и презрения к простым людям...»

«Вторая половина четвертого года всегда бывает особенно утомительной, сэр. Я бы осмелился посоветовать вам поменьше времени тратить на шумные развлечения в городе и побольше спать...»

«Покрепче вбейте себе в головы, ребята: дело не в том, сколько раз вы отрабатывали свои действия в аварийной ситуации — пятьдесят или пятьсот. Они должны стать инстинктивными. Иначе, пока вы будете раздумывать, корабль и пара сотен душ могут отправиться ко всем чертям...»

«Даже ваш ординарец вносит скромный, но необходимый вклад...»

«Позвольте мне заметить, сэр, что сила офицера — в поддержке его подчиненных...»

В течение последних шести месяцев Макшейну пришлось исполнять в доме Мерсера обязанности проктора. Ершистые первокурсники, готовые спорить по любому поводу, быстро проникались уважением к нему: их подкупало его знание людей и умение держаться с достоинством.

До финишной прямой сумели дойти лишь двадцать шесть из сорока, в их числе Симкокс и Фейн.

Выпускные экзамены были настоящим адом, где хватало своих пылающих очагов и раскаленных сковородок. Они длились целых восемь дней.

«Макшейн, Уорнер. 82%. Выпускные экзамены сданы успешно».

После экзаменов наступила неделя полнейшего замешательства. Недавние строгости исчезли, и все вокруг говорило о приближающемся дне прощания с колледжем... Вручение дипломов, прощальные речи. В последний раз они прошли парадным шагом, под гром оркестра и восторженные возгласы принарядившихся родных... Чемоданы, коробки, пакеты. Рукопожатия. Вереница лиц, какие-то слова, тонущие в общем шуме. И потом — пронзительная тишина, нарушаемая лишь негромким тарахтеньем мотора такси.

Макшейн едва дождался, когда закончатся две недели отпуска в родном доме. Прощаясь с семьей, он испытывал смешанное чувство грусти и облегчения. В предписанный день он явился на борт разведывательного фрегата «Манаска». Он стал четвертым офицером на судне. Отныне ему предстояло находиться под командой троих и командовать тридцатью.

Вскоре они покинули Землю, и «Манаска» быстро превратилась в крошечную точку, несущуюся среди звезд. В сравнении с громадными боевыми звездолетами и вместительными крейсерами, бороздящими космические просторы, разведывательный корабль казался крошечным суденышком. Но и это суденышко ходило в такие дали, где связь с Землей терялась, а будни военно-космической службы почти не оставляли времени для воспоминаний о родной планете.

На таких длинных, солидного вида автомобилях обычно ездили лишь высокопоставленные лица. В кабине находилось трое: двое спереди и один на заднем сиденье. Машина почти бесшумно подъехала к зданию и остановилась. Человек, сидевший рядом с водителем, проворно выскочил наружу, открыл заднюю дверцу и замер по стойке «смирно».

Приехавший неторопливо выбрался из кабины и подошел к массивным входным дверям, на каждой из которых был вырезан круг со звездой внутри. Человек этот был рослым, широкоплечим, с седыми волосами и морщинками вокруг глаз, достаточно повидавших на своем веку. Серебряный коленный сустав на правой ноге вынуждал его двигаться с легкой хромотой.

Увидев, что двери не заперты, приехавший открыл их пошире и вошел в большой вестибюль. Сейчас там было пусто. Несколько минут он скользил глазами по длинному списку имен и фамилий, выбитых на одной из стен.

Из коридора вышли шестеро человек в форме. Они двигались строем, в две шеренги. При виде посетителя их глаза восхищенно округлились, а руки взметнулись в приветствии, на которое он инстинктивно ответил.

Миновав вестибюль, приехавший вышел с другой стороны здания, прошел, хромая, через лужайку и остановился перед домом, когда-то называвшимся домом Мерсера. Теперь на табличке значилась другая фамилия: Лайзет. Войдя внутрь, приехавший поднялся на второй этаж и остановился в коридоре, словно не зная, куда идти дальше.

Из другого конца коридора появился человек средних лет в гражданской одежде. Удивленно взглянув на неожиданного посетителя, он поспешил к нему навстречу.

— Моя фамилия Джексон. Чем могу быть полезен?

Пришедший, несколько смутившись, ответил:

— У меня есть сентиментальное желание зайти в помещение номер двадцать и поглядеть оттуда из окна.

Судя по лицу Джексона, он сразу все понял и извлек из кармана универсальный ключ.

— Сейчас там живет мистер Кейн, сэр. Думаю, он был бы очень рад оказанной вами чести. Если не ошибаюсь, сэр, когда-то и вы там жили?

— Да, Джексон, около тридцати лет назад.

Дверь с легким щелчком открылась, и он вошел внутрь. Минут пять он молча глядел на знакомые стены и знакомый вид из окна.

— Тридцать лет назад,— произнес стоявший на пороге Джексон.— Это было во времена коммодора Мерсера.

— Совершенно верно. Вы его знали?

— Еще бы не знать, сэр,— улыбнулся Джексон.— Я в ту пору был мальчишкой-посыльным. Возможно, я не раз пробегал и мимо вас.

— Тогда вы, вероятно, помните и Биллингса?

— Да, конечно.— Лицо Джексона просветлело.— На редкость достойный человек, сэр. Увы, он давно умер.

Увидев, как помрачнел его собеседник, Джексон добавил:

— Для всех нас это было большой утратой, сэр.

— Для меня тоже.— Приехавший помолчал.— Я ведь даже не простился с ним.

— Вам незачем себя корить, сэр. Когда молодой джентльмен, сдав выпускные экзамены, покидает нас, мы вполне понимаем владеющие им чувства и прощаем ему эту маленькую забывчивость. Это так естественно, что мы уже привыкли.— Джексон ободряюще улыбнулся.— К тому же, сэр, вскоре на место уехавшего выпускника приезжает новичок-первокурсник. Так что забот у нас хватает.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Если вы располагаете достаточным временем, сэр, не угодно ли вам будет посетить штабной корпус?

— Насколько помню, он всегда был недосягаемым местом.

— Только не для вас, сэр. Там у нас собрана скромная коллекция фотографий прошлых лет. Часть из них, я уверен, будет вам небезынтересна.

— С удовольствием взгляну на них.

Они спустились вниз, направились к штабному зданию и вошли в одну из комнат. Джексон принес увесистый альбом и почтительно подвинул к столу стул.

— Не будете ли вы возражать, сэр, если я приготовлю вам кофе, пока вы смотрите снимки?

— Спасибо, Джексон. Это очень любезно с вашей стороны.

Джексон ушел, а он открыл альбом. Большая фотография на первой странице запечатлела шесть сотен курсантов, марширующих повзводно. Он шли мимо трибуны. Слева блестели трубы военного оркестра.

Он перевернул страниц двадцать, не встретив ни одного знакомого лица. Далее шел групповой снимок начальников домов, среди которых он увидел и коммодора Мерсера. Новые страницы: групповые снимки преподавателей и руководства колледжа. Здесь знакомых лиц было уже больше.

Потом пошли снимки из жизни курсантов. В одном из парней, бегущих по траве, он узнал Фейна. Последний раз он видел Фейна лет двенадцать назад, и было это далеко за пределами звездной системы Альдебарана*. Фейн тогда лежал в госпитале, весь распухший. Его кожа имела непривычный бледно-зеленый оттенок, но держался он бодро и шел на поправку... Это была их единственная встреча с Фейном. Что касается Симкокса, их пути после колледжа так ни разу и не пересеклись. За все это время он слышал о Симкоксе только дважды.

Он просмотрел половину альбома. Снимок на очередной странице заставил его остановиться. На него смотрело лицо с густой сетью морщинок в уголках немного суровых, все понимающих и чувствующих глаз. По щекам спускались бакенбарды, расширяясь книзу. Он долго глядел на это лицо, и ему казалось, что оно явилось к нему из-за завесы далекого прошлого.

«Осмелюсь заметить, что офицер и джентльмен не способен умышленно причинить зло другим».

Он еще продолжал вглядываться в знакомые черты, когда звук отдаленных шагов и позвякивание кофейного подноса вернули его к действительности.

Расправив плечи с золотыми погонами, адмирал военно-космического флота Макшейн тихо проговорил:

— Да благословит тебя Бог!

И перевернул страницу.

---

* Альдебаран — самая яркая звезда в зодиакальном созвездии Тельца. Имеет красно-оранжевый цвет. Диаметр звезды в 36 раз больше диаметра нашего Солнца, а удалена она от нас на расстояние 55 световых лет.— *Прим. перев.*

Непревзойденные миротворцы

1

Корабль был небольшим и изрядно потрепанным в космических странствиях и передрягах. Он опустился на равнине и теперь охлаждал сопла двигателей, полностью игнорируя вооруженную охрану. Правда, охрана предпочитала держаться на безопасном расстоянии. Над равниной полыхало большое голубоватое солнце. Оно подцвечивало края вялых, чем-то похожих на бесформенные вафли, облаков, делая их ярко-пурпурными. На восточной оконечности неба, почти над самым горизонтом, маленькими призраками торчали две здешние луны. С другой стороны небосвода болталась третья.

К северу от равнины находился крупный, окаймленный стенами город, откуда и прибыла взбудораженная охрана. Город представлял собой безликий конгломерат приземистых строений из серого гранита. Ни высотных зданий, ни площадей. Серое, предельно утилитарное место, предназначенное для жизни таких же серых и непритязательных обитателей, чья единственная функция — служить и подчиняться.

Над гранитной серятиной высоко в небе кружил воздушный патруль — несколько едва различимых точек, оставлявших белесые струйки. Своим движением точки напоминали беспокойно снующих комаров, ибо пилоты военных самолетов знали о появлении чужого корабля и его посадке на равнине. Знали и потому чувствовали себя весьма неуютно. Конечно, они обязательно перехватили бы его еще на подлете, если бы смогли. То-то и оно: если бы смогли. Только как преградить путь незваному гостю, если он двигался с такой умопомрачительной скоростью, что след на экране радара появился с запозданием, когда след самого корабля успел простыть?

Тем временем вооруженные силы, окружившие корабль, вели тщательное наблюдение и с нетерпением ожидали появления хоть какого-то начальства, которому по должности и чину позволялось брать на себя инициативу. В зависимости от обстоятельств каждый солдат мог быть двуруким и четвероногим или же четвероруким и двуногим. Все это объяснялось весьма просто: вторая пара телесных конечностей напоминала конечности земной обезьяны-бабуина и могла служить либо руками, либо ногами. Отличительной чертой высшей формы жизни являлось не только развитие мозга, но и надлежащее развитие конечностей. Судя по всему, эволюция здешних псевдочетвероногих разумных обитателей происходила главным образом в этом направлении. Развитие мозга было вторичным процессом.

Если принятие самостоятельных решений лежало вне ментальной досягаемости многоруких и многоногих солдат, то никто не запрещал им проявлять немалое любопытство по отношению к задрипанному чужеземному кораблю и испытывать столь же немалое беспокойство. Любопытство в значительной степени обусловливалось тем, что корабль не был похож ни на один из семидесяти знакомых им типов кораблей. Беспокойство вызывало откровенно наплевательское поведение тех, кто находился в корабле. Он, словно сверхбыстрая пуля, миновал общепланетарную систему слежения, затем, можно сказать, растолкал патрульные самолеты в нижних слоях стратосферы и сел себе едва ли не на окраине города.

Подобная дерзость требовала немедленных и решительных ответных действий, что единогласно поддерживали все солдаты. Однако каких именно действий — предстояло решать начальству, а не подчиненным. Даже размышления на эту тему требовали чрезмерного умственного напряжения. Нет, их дело маленькое. И потому солдаты прятались меж камней и в ложбинках, нервозно почесывались, сжимали приклады винтовок и желали только одного: чтобы из города поскорее прибыло начальство и прекратило их мучительное ожидание, заставив бежать, окружать, стрелять и так далее.

Само присутствие чужого корабля говорило об уязвимости обороны планеты. А он все так же стоял на равнине, будоража солдат и заставляя их мозги приспосабливаться к событию, не предусмотренному никакими уставами и положениями. Они даже не успели отвести ему хоть какое-то место в своем сонном сознании, как корабельный люк открылся и оттуда появилось прилетевшее существо.

Представитель неведомой расы не был ни большим, ни страшным. Всего-навсего двуногий с одной парой рук и розоватым лицом. На чужаке была облегающая одежда. Ростом он едва ли превосходил любого из солдат, зато чуть ли не втрое уступал им в весе. Во всяком случае, ничего устрашающего в его облике солдаты не обнаружили. Наоборот, он даже показался им слабаком. Каждый из них спокойно прыгнул бы на него всеми четырьмя ногами и подмял под себя.

Однако что-то мешало бравым воякам утвердиться в своем презрительном отношении к пришельцу. Тут было над чем поразмыслить. Прежде всего, у прилетевшего не было в руках никакого оружия. Более того, что-то в его манере держаться неуловимо подсказывало обитателям планеты: он не нуждается в оружии. Пришелец расхаживал вокруг корабля, засунув руки в карманы, словно прилетел в гости к докучливым родственникам и теперь ждал, когда же те соизволят появиться. Он предпочитал стоять спиной к солдатам. Какое поразительное безразличие к тем, кто мог бы одним залпом разнести его на куски!

Вдоволь насмотревшись на свой корабль, пришелец неожиданно повернулся и зашагал в направлении притаившихся солдат. Входной люк остался распахнутым настежь. Что это, преступная рассеянность или необычайная самонадеянность? Скорее всего, он не понимал, куда залетел. Пришелец держал себя так, будто очутился на необитаемой планете, где кроме него не было ни души. Он неторопливо приближался к отделению солдат, а вместе с ним приближалась необходимость проявить инициативу. Солдаты потели от напряжения; их охватила такая паника, что они даже прекратили чесаться.

Завернув за валун, пришелец нос к носу столкнулся с рядовым по имени Ядиз. Тот мгновенно оторопел. Нет, не от страха. Ядиза парализовало отсутствие какого бы то ни было приказа. Он не знал, *как* действовать: броситься на пришельца, отступить, застрелить незваного гостя или застрелиться самому. Самое ужасное — он *ничего* не знал. Пришелец равнодушно скользнул глазами по Ядизу, будто четверорукие (или четвероногие) разумные существа попадались ему еще чаще, нежели камни. Неспособность что-либо сделать вконец сломила Ядиза; он стоял и тупо перекладывал винтовку из одной руки в другую.

— Какая хорошая игрушка и совсем не тяжелая,— на превосходном местном языке сказал ему пришелец, после чего остановил взгляд на винтовке и принюхался.

Ядиз уронил винтовку. Падая, она оглушительно выстрелила. Пуля угодила в камень, отколупнув от него множество мелких осколков. Покалеченный камень издал жалобный, скулящий

звук. Пришелец повернулся в сторону звука и вслушивался в него, пока тот не растаял в воздухе.

— Ну не глупо ли так палить? — обратился он к Ядизу.

Ответа не требовалось: пришелец не спрашивал, а подытоживал поступок солдата. Ядиз и сам это понял, но было поздно. Он подхватил винтовку руконогой, перекинул в настоящую руку, увидел, что держит оружие дулом вниз, перевернул, потом... Потом ремень запутался у него в зажатом кулаке, и пришлось вновь переворачивать винтовку дулом вниз, чтобы высвободить кулак. Только после всего этого Ядиз смог наконец переместить винтовку в предписанное уставом положение.

Если бы сейчас перед ним возник кто-нибудь из начальства и потребовал ответа, Ядизу едва ли хватило бы целой жизни, чтобы придумать более или менее удовлетворительное объяснение цепочке своих глупостей. Он тупо стоял, держа винтовку за дуло на расстоянии вытянутой руки, словно это была ядовитейшая из змей, которая в любое мгновение могла извернуться и ужалить его. А ведь Ядиз считался опытным солдатом, каких мало. За всего годы службы он не помнил, чтобы хоть когда-то обращение с оружием доставляло ему столько трудностей. Чтобы окончательно не утратить уважение к себе, Ядиз мучительно изобретал объяснение случившемуся. В это время подошел другой солдат и грубо оборвал его размышления.

Второй солдат искоса посмотрел на странного двуногого.

— Кто приказывал тебе стрелять? — набросился он на Ядиза.

— А тебе какое дело? — недовольно спросил его странный двуногий.— Разве это не его винтовка?

Вопрос застиг второго солдата врасплох. Он никак не ожидал, что это существо умеет бегло и правильно говорить на их языке. Но еще больше его удивили слова о принадлежности винтовки. Оказывается, солдат может быть владельцем винтовки! Такая мысль ни разу не забредала ему в голову. Однако мысль требовала еще и усвоения; она сама превратилась в непонятный предмет, с которым он не знал, как обращаться. Второй солдат уставился на свою винтовку, будто та волшебным образом только что возникла у него в руке. Затем, желая проверить принадлежность винтовки к материальному миру, он перебросил ее в другую руку.

— Будь осторожен,— посоветовал ему странный двуногий и кивнул в сторону Ядиза.— У него это тоже так начиналось, а потом сам знаешь, чем кончилось.

Затем пришелец повернулся к Ядизу и спокойно, даже где-то равнодушно потребовал:

— Отведи меня к Маркхамвиту.

Ядиз не знал: бросил ли он винтовку или просто выронил. К счастью, на этот раз обошлось без выстрела.

2

Высокое начальство встретилось им, когда до города оставалось еще две трети пути. Начальства было много: целый гусеничный вездеход, заполненный чинами, на чьих погонах красовалось от двух до пяти комет. Машина катилась на юрких гусеницах и остановилась почти вровень с солдатом и странным двуногим, которые направлялись в город. На пришельца уставилось более двух десятков лиц. Пузатый чин, восседавший рядом с водителем, не без труда выбрался из вездехода и встал напротив пришельца и Ядиза. Скорее всего, чин занимал очень высокое положение: на его погонах сияло красное солнце и четыре серебристых кометы.

— Кто позволил тебе оставить цепь охранения и пойти в город? — рявкнул он, обращаясь к Ядизу.

— Я,— беспечно улыбаясь, ответил за солдата пришелец.

Офицер вздрогнул, точно его жирное тело кольнули булавкой, затем оглядел пришельца с ног до головы.

— Не ожидал, что ты говоришь на нашем языке.

— Говорю, причем свободно,— заявил странный двуногий.— Читать тоже умею. Не хотелось бы выглядеть хвастуном, но не стану скрывать: я могу и писать на вашем языке.

— Что ж, вполне вероятно,— согласился высокий чин. Соглашаясь в мелочах, он ничем не рисковал. Он еще раз внимательно оглядел незнакомца.— Мне не доводилось встречаться с твоей расой.

— Меня это не удивляет,— сказал пришелец.— Есть немало рас, которые нас и в глаза не видывали.

Офицерские щеки стали зримо пунцовыми.

— Я не знаю, кто ты и откуда явился, но в данный момент ты находишься под арестом,— с нескрываемым раздражением бросил он.

— Господин,— робко вставил Ядиз,— он желает...

— Тебе кто-нибудь разрешал разевать рот? — поморщился высокий чин, испепеляя Ядиза взглядом.

— Нет, господин, но дело...

— Молчать!

Ядиз проглотил комок в горле и встревоженно посмотрел на офицера. Солдату не позволялось судить о действиях начальства, однако во взгляде Ядиза читалось полное недоумение. Чин

с красным солнцем и серебристыми кометами даже не подозревает, что находится рядом с пороховой бочкой и огонь уже с треском бежит по фитилю!

— И почему же я нахожусь под арестом? — равнодушно поинтересовался пришелец.

— Потому что я так сказал,— ответил высокий чин.

— Неужели? Это проявление вашего гостеприимства?

— Можешь считать, что да. Известно тебе или нет, но в настоящее время наша планетная система воюет с планетной системой Нилеи. Мы не собираемся рисковать.

— Мы тоже,— загадочно ответил пришелец.

— Что ты этим хочешь сказать?

— То же, что и вы. Мы предпочитаем вести безопасную игру.

— Ага! — Пузатый чин торжествующе облизал губы.— Так я и думал с самого начала. Мои подозрения подтвердились: ты — союзник нилеанцев. Они наткнулись на вашу цивилизацию в каком-нибудь захолустье и втянули в войну. А вам все равно, на чьей стороне сражаться. Если бы первыми появились мы, вы сейчас воевали бы на нашей стороне.

— У вас ложные подозрения,— ответил пришелец.— Но я готов дать необходимые объяснения вашему начальству.

— Эту возможность мы тебе предоставим,— пообещал офицер.— Я бы посоветовал тебе говорить правду.

Офицер даже не заметил легкой улыбки, появившейся на губах странного незнакомца. Он предвидел реакцию своего начальства: кто-то упрется, а кто-то будет разыгрывать из себя проницательного. Офицер давно знал это распределение ролей. Однако его почему-то задевало спокойствие, разыгрываемое пришельцем, задевало сильнее, чем он хотел показать. Противно, что из вездехода на них пялились любопытные физиономии подчиненных. И еще этот тупица-солдат.

Заманчиво было бы объяснить беспечное поведение этого странного двуногого умственной отсталостью его расы. Он просто не сознает, какой опасности подвергается. Мало ли во Вселенной таких рас, которым нужно свернуть себе шею, прежде чем они начнут хоть что-то соображать? Да что говорить об отсталых расах: среди солдат и младших офицеров тоже полно таких храбрецов. И все же офицеру было никак не избавиться от свербящего ощущения, что здесь все не так просто. Слишком он живой и подвижный, этот пришелец, чтобы затолкать его в категорию беспросветных идиотов. И в глазах у него нет сонного безразличия. Спокойствие есть, но только не безразличие.

На дороге показался другой вездеход, поменьше. Высокий чин велел ему остановиться. Потом он выбрал четверых млад-

ших офицеров и приказал им вместе с арестованным садиться туда. Пришелец молча залез внутрь, не оказывая никакого сопротивления.

Сунув голову в боковое окошко, высокий чин дал последнее напутствие.

— Вы все лично отвечаете за его доставку в центр дознания. Если спросят, где я, скажете, что отправился осматривать севший корабль. Возможно, внутри есть еще кто-нибудь.

Вездеход послушно развернулся и быстро покатил в сторону города. Высокий чин с красным солнцем на погонах проводил его взглядом, после чего забрался в свою машину и направился туда, откуда появились все нынешние беды.

В спешке офицеры забыли про Ядиза. Он не знал: двигаться ли ему в сторону города или возвращаться к кораблю. Уж лучше бы ему отдали самый невообразимый приказ, чем вообще никакого. Опершись о свою винтовку, Ядиз стоял и терпеливо ждал, не появится ли кто-то, в чьей власти что-либо ему приказать.

В центре дознания к пришельцу отнеслись довольно равнодушно; во всяком случае он вызвал гораздо меньший интерес, чем джоппеланский пятиухий манак, недавно привезенный в местный зоопарк. Многочисленный штат центра располагал обширными данными о четырехстах различных жизненных формах, обитавших в разных уголках галактики. Некоторые из них были настолько фантастичными, что наглядный материал приходилось подкреплять солидным логическим обоснованием. Что ж, было четыреста форм, теперь будет четыреста одна. Возможно, в следующем веке их станет четыреста двадцать одна или четыреста пятьдесят одна. Аналогичным образом обстояло дело с малочисленными и отсталыми формами жизни.

Процедура допроса была давным-давно обкатана до мелочей. Служащие центра разработали стандартную методику, включавшую обязательные вопросы, ответы на которые обязательно заносились в специальные анкеты, после чего следовали обязательные выводы. Естественно, к бунтарям и упрямцам применялся более гибкий подход, требовавший иных методов и доли воображения. Одни расы хорошо поддавались на увещевания, зато другие были к этому совершенно глухи. В любом случае все сводилось к подбору или придумыванию способа воздействия.

Прибывшего провели к одному из столов и указали на неудобное кресло с четырьмя подлокотниками. Напротив сидел скучающий военный чиновник. Того не удивило, что незнакомец говорит на местном языке. Все, попадавшие в центр дознания, оказывались здесь не раньше, чем сносно овладеют языком.

Дознаватель включил портативный магнитофон и задал первый вопрос:

— Назови ваш номер, имя, код, шифр или иную форму вербальной идентификации.

— Джеймс Лоусон.

— Твой пол, если он у вас есть?

— Мужской.

— Возраст?

— Отсутствует.

— Послушай,— сказал дознаватель, почуяв, что с этим ему придется поднапрячься,— у тебя обязательно должен быть возраст.

— Вы в этом уверены?

— Возраст есть у всех.

— Неужели?

— Пойми, категория возраста присуща всем существам,— с предельным терпением произнес дознаватель.

— Они вам об этом рассказали?

— Ладно, возраст от меня никуда не уйдет,— пробормотал себе под нос дознаватель.— Пока мы не узнаем, откуда он, его единицы измерения времени нам ни о чем не скажут.

Дознаватель заглянул в вопросник и продолжал:

— Цель твоего визита?

Он поднял глаза, ожидая чего-нибудь вроде «исследовательская» или «познавательная».

Пришелец молчал.

— Цель твоего визита? — повторил дознаватель.

— Встретиться с Маркхамвитом,— ответил Джеймс Лоусон.

— Что-о? — завопил дознаватель.

Он резко выключил магнитофон и некоторое время глотал ртом воздух. Кое-как справившись с собой, он спросил:

— Я не ослышался? Ты действительно явился к нам для аудиенции у Великого Правителя Маркхамвита?

— Да.

— По предварительной договоренности? — неуверенно спросил дознаватель.

— Нет.

Вот оно что! Этот ответ мгновенно привел дознавателя в чувство, и он ледяным официальным тоном отчеканил:

— Великий Правитель Маркхамвит никого не принимает без предварительной договоренности.

— Тогда прошу вас, постарайтесь договориться о моей встрече.

— Я узнаю, насколько это возможно,— ответил дознаватель, которому вовсе не хотелось встревать в столь опасное дело.

Он снова включил магнитофон и перешел к следующему вопросу:

— Твое звание?

— У меня нет звания.

— Послушай...

— Я же вам сказал, что у меня нет звания! — уже громче повторил Лоусон.

— Хорошо, я слышал ваш ответ. Не будем на нем задерживаться. Это все второстепенные вопросы, к которым можно вернуться потом.— Произнеся последние слова с несколько угрожающим оттенком, дознаватель попытался получить ответ на дальнейший вопрос:

— Место твоего происхождения?

— Солярианское Содружество.

Раздался громкий щелчок — дознаватель кулаком выключил магнитофон. Откинувшись на спинку стула, он принялся растирать собственный лоб. Проходивший мимо сослуживец, увидев его в таком состоянии, остановился.

— Что, Дильмур, трудный денек?

— Трудный? — с горечью переспросил Дильмур.— Я вообще не знаю подходящего слова для такого паршивого дня! С утра одно за другим. Теперь еще и этот субъект!

— Чем он тебе не угодил?

Дознаватель сердито ткнул пальцем в сторону Лоусона.

— Представляешь, сначала он пытался меня уверить, будто не имеет возраста. Затем, когда я спросил его о цели визита, этот тип ответил, что намеревался встретиться с Великим Правителем Маркхамвитом без всякой предварительной договоренности.

Дознаватель глубоко вздохнул.

— И в довершение ко всему он утверждает, что родом из Солнечного Содружества.

— А-а! Еще один помешавшийся на религиозной почве,— быстро поставил диагноз сослуживец.— Не возись с ним понапрасну. Отправь его к психиатру, это по их части.

Хмуро взглянув на Лоусона, коллега Дильмура направился дальше.

— Ты слышал?

Дознаватель потянулся к магнитофону, готовясь вновь его включить.

— Так как, будем беседовать спокойно и разумно? Или нам придется прибегнуть к иным, менее приятным способам извлечения правды?

— Судя по вашим словам, вы подозреваете меня во лжи,— без тени раздражения сказал Лоусон.

— Не совсем так. Возможно, ты действительно лжешь, но у тебя это выходит настолько неуклюже, что своими выходками ты ничего не добьешься. Не удивлюсь, если все упирается в твое извращенное чувство юмора. Либо наоборот, ты все это говоришь вполне искренне, поскольку являешься жертвой заблуждения. Нам не раз приходилось здесь встречаться с разными пророками и провидцами. Кого только не встретишь во Вселенной!

— В том числе и солярианцев,— сказал Лоусон.

— Солярианцы — это миф,— заявил дознаватель тоном взрослого, вынужденного объяснять ребенку азбучные истины.

— Мифов не существует. Есть лишь колоссально искаженные полузабытые истины.

— Значит, ты по-прежнему утверждаешь, что являешься солярианцем?

— Именно это я и утверждаю.

Дознаватель отпихнул магнитофон и встал.

— Больше мне с тобой не о чем говорить.

Подозвав нескольких охранников, он указал им на Лоусона.

— Отведите его к Казину.

3

Местный индивид, которого звали Казин, страдал нарушением деятельности желез внутренней секреции и потому был невероятно тучен. Он походил на огромный кусок жира. О принадлежности Казина к разумной расе говорили лишь его глубоко посаженные, но ярко блестевшие глазки.

Эти глазки рассматривали Лоусона примерно так же, как кот смотрит на загнанную в угол мышь. Оглядев пришельца, Казин включил свой магнитофон и прослушал все, что имело место во время беседы с дознавателем.

Затем эта живая груда жира разразилась негромким хихиканьем, исходившим, похоже, прямо из брюха.

— Солярианец, значит? Ха-ха. И только с одной парой рук? Где же ты спрятал вторую? — Казин не без усилий подался вперед, после чего облизал пухлые губы и добавил: — Представляю, в какую же передрягу ты попал, если тебе оттяпали их обе!

Лоусон презрительно хмыкнул.

— Вы, кажется, считаетесь психиатром? Но по-моему, вам бы давно пора полечиться самому.

Лоусон ожидал, что подобное замечание разъярит Казина. Ни капельки, тот лишь довольно заурчал.

— Ты, наверное, решил, что мне нравится издеваться над такими, как ты.

— Если судить по вашим недавним словам, да. Когда я услышу что-то еще, я сделаю дополнительные выводы.

— Ага! — заулыбался Казин.— Всякий раз, когда ты раскрываешь свой ротик, ты сообщаешь мне что-нибудь полезное.

— А это смотря как вы к этому отнесетесь,— сказал Лоусон.

Казин разглядел наживку и не пожелал клюнуть на нее.

— Сдается мне, что ты далеко не идиот.

— С какой стати мне быть идиотом?

— Иначе невозможно. Каждый, называющий себя солярианцем,— ненормальный.

Казин ненадолго приумолк, затем доверительно сообщил:

— Последний так называемый солярианец, побывавший у нас, был осьминогом с планеты Квамис. Власти его родной планеты разыскивали этого типа, считая его виновным в устройстве крупных беспорядков. Слышал бы ты, как убедительно он говорил. Кто-нибудь другой, быть может, и поверил в его россказни и посчитал его настоящим солярианцем. Но мы — не стадо глупых осьминогов. В конце концов мы его вылечили.

— Как?

Казин задумался, будто решал, стоит ли рассказывать эту историю, потом сказал:

— Если мне не изменяет память, мы дали ему крупинку натрия, покрытую оболочкой, после чего принесли кувшин воды. Вот тогда-то все его завирания кончились. Правда, шума и крику от него было предостаточно. Он таки сознался в своем истинном происхождении. Да, успел сознаться. Вскоре ему разворотило все внутренности.

Казин сокрушенно покачал головой, точно благопристойный папаша, которого огорчают проказы своих детей.

— К сожалению, осьминог этот умер. И тоже весьма шумно.

— Не удивлюсь, если вы наслаждались каждым мгновением этого зрелища,— сказал Лоусон.

— Меня там не было. Я — не любитель таких зрелищ.

— Когда придет ваш черед, будет еще хуже,— сообщил Лоусон, внимательно глядя на тушу психиатра.

— Ты в этом уверен? Тогда вот что я тебе...

Он не договорил: где-то внутри его стола зазвенел негромкий звонок. Казин вытащил тонкий провод с маленьким наушником, запихнул наушник в ухо и стал слушать. Через некоторое время он убрал странный телефон на место и сощурился.

— Двое наших офицеров попытались войти в твой корабль.

— Неразумный шаг с их стороны.

— Теперь они лежат рядом с кораблем, не в силах шевельнуть даже пальцем. Полная парализация.

— Ну, что я вам говорил? — подытожил Лоусон, добавляя масла в огонь.

Казин смачно хватил жирным кулаком по столу и прорычал:

— Что с ними случилось?

— Как и вся ваша раса, эти офицеры не переносят муравьиной кислоты,— тоном кабинетного ученого сообщил Лоусон.— Я заранее предвидел такой исход.— Он безразлично пожал плечами.— Лекарство очень простое. Им надо дать понюхать разведенный нашатырный спирт. Это приведет ваших вояк в чувство. Зато они до конца жизни не будут страдать от ревматизма.

— Я не желаю слушать твои заумные рассуждения,— запыхтел Казин.— Я хочу знать, кто или что лишило их подвижности?

— Вероятно, то был Фредди,— зевнув, ответил Лоусон.— Или Лу. А может, Жужжалка.

— Жужжалка? — Глазки Казина наполовину вылезли из своих жирных пещер.— Мне сообщили, что обоих офицеров атаковало в затылок какое-то маленькое крылатое существо оранжевого цвета. Что это за существо?

— Солярианец.

Самообладание начало изменять Казину, и его голос зазвучал громче.

— Поскольку ты сам не являешься солярианцем, это существо и подавно не может им быть.

— Почему?

— Потому что совершенно не похоже на тебя. Ни в чем.

— Боюсь, вы делаете неправильный вывод.

— Это почему?

— Крылатое существо, как и я, обладает разумом.— Лоусон глядел на психиатра так, будто тот был слоном, у которого сзади вместо хвоста болтался второй хобот.— Разрешите вам напомнить, что разумность существа не зависит от внешнего вида и размеров.

— Ужалить в затылок — ты это называешь проявлением разумности?

— При сложившихся обстоятельствах — да. К тому же офицеры не пострадали, и их легко излечить, чего не скажешь о развороченных натрием кишках.

— Мы этого так не оставим.— с нескрываемым раздражением пообещал Казин.

— Вам будет трудно. Например, с тем же Жужжалкой. Хотя для шмеля с Каллисто он мелковат, но его запаса муравьиной кислоты вполне хватит, чтобы опрокинуть шесть лошадей подряд.

— Что такое шмель? — спросил Казин, попытавшись сдвинуть брови. Попытка не удалась из-за бугров жира.— И что такое лошади?

— Долго объяснять,— отмахнулся Лоусон.— Вы их все равно не видели.

— А мне и не надо видеть. Одно я знаю наверняка: когда мы заполним корабль ядовитым газом, твоим дружкам не поздоровится.

— Вы правы: они надорвут животы от смеха. Но самое главное — вы ничего этим не добьетесь.

— Не волнуйся, добьемся.

— Нет. Те, кого вы называете моими дружками, либо уже покинули корабль, либо им придется его покинуть. Как бы вы ни старались их поймать, этого вам не удастся. Хотите знать, что вас всех ждет потом? Соляриапцам придется остаться и жить здесь. На вашем месте я бы задумался, пока не поздно. Дальше будет хуже.

— У меня есть своя голова на плечах.

— Разумеется. Я же сказал «на вашем месте». К счастью, я — не вы и никогда не буду. Но ваш мир вскоре станет очень и очень неуютным. Вы будете вынуждены делить его с практически неуловимыми врагами. Постепенно их численность существенно превзойдет вашу.

Казин заерзал на стуле и с явной тревогой в голосе спросил:

— Ты утверждаешь, что они останутся у нас и начнут быстро плодиться?

— А каких еще действий от них ожидать, раз вы лишите их любимого жилища? Они же не станут дружно прыгать в ближайшее озеро, великодушно простив вас перед своей кончиной. Повторяю, они обладают разумом. Они выживут в любом случае. Даже если для этого им придется навсегда парализовать каждого из вас.

Странный телефон снова зазвонил. Казин всунул наушник, послушал, затем резко выдернул провод и швырнул в стол. Глаза толстяка злобно сверкнули на Лоусона.

— Еще двое,— сердито буркнул Казин.— В таком же состоянии.

Слегка улыбнувшись, Лоусон предложил:

— Почему бы вам не оставить в покое мой корабль и не устроить мне встречу с Маркхамвитом?

— По одной простой причине,— ответил Казин.— Если бы каждый свихнутый, прилетевший на нашу планету, получал бы свободный доступ к Великому Правителю Маркхамвиту, наш вождь давным-давно был бы убит.

— Должно быть, он очень популярен?

— Ты слишком дерзок. Наверное, потому, что не понимаешь всей опасности своего положения.— Не без труда подавшись вперед, Казин почти шепотом добавил, благоговея от собственной значимости: — Там, за дверью моего кабинета, лишь задают вопросы и не более того. Но здесь все не так. Здесь принимаются решения, и принимаю их я.

— Похоже, у вас это отнимает много времени,— заметил Лоусон, не проникшись ответным благоговением.

Казин предпочел не услышать его слов.

— Пойми, что это мне решать, обладаешь ли ты ценными сведениями или просто несешь чушь. Если я сочту тебя лжецом, опять-таки мне решать, не отправить ли тебя туда, где правду не выслушивают, а выбивают. Если я решу, что твои показания не представляют никакого интереса, мне останется принять последнее решение: где, когда и как мы избавимся от тебя. Мне достаточно распорядиться, и вскоре ты будешь мертв.

Последние слова Казин произнес нарочито медленно.

— Значит, у вас все решает личное пристрастие? Проще сказать, прихоть? И вы еще этим хвастаетесь? — спросил Лоусон.

— Не думаю, что, разделавшись с тобой, мы совершим большую ошибку,— возразил Казин.— Всем этим существам с твоего корабля сюда ни за что не проникнуть. Так скажи, что мне мешает тебя уничтожить?

— Ничего.

— Ага! — воскликнул четверорукий психиатр, несколько удивленный такой сговорчивостью.— Ты согласен, что тебе себя не спасти?

— С одной стороны, да. С другой — нет.

— Как это понимать?

— Не буду отрицать, вы в силах меня убить. Какое-то время, правда, очень недолгое, вы будете торжествовать и упиваться своей победой.— Лоусон поднял глаза и выразительно посмотрел на Казина.— Но торопитесь. Берите от вашей победы все, поскольку, как я уже говорил, она будет очень недолгой.

— Это опять-таки нам решать.

— Нет, не вам. Сегодня — смех, завтра — слезы. А платить за развлечение обязательно придется.

— Да ну? И кто же нам выставит счет?

— Солярианское Содружество.

— Опять ты за свое! — досадливо почесал лоб Казин.— Солярианское Содружество! Я по горло сыт этими сказками. У меня перебывало около полусотни там называемых солярианцев. И что же? Все они оказывались либо сумасшедшими, либо преступниками, бежавшими или изгнанными с какой-нибудь близлежащей планеты. Но должен отдать тебе должное: ты — самый спокойный и сдержанный из них.

Всемогущий психиатр снова почесал лоб.

— Думаю, нам будет довольно трудно вылечить тебя от твоих иллюзий. Придется разрабатывать совершенно новый подход.

— Очень вам сочувствую.

— Поэтому я...

Казин не договорил: дверь распахнулась. На пороге стоял запыхавшийся офицер с пятью кометами на погонах.

— Послание от Великого Правителя,— объявил вошедший. Прежде чем продолжить, он довольно опасливо взглянул на Лоусона.— Независимо от ваших выводов, Казин, пришелец должен остаться цел и невредим.

— Значит, вы забираете его от меня? — ворчливым тоном спросил Казин.— И мне даже не сообщают причин?

Офицер немного смешался.

— В общем-то, мне не приказывали держать их от вас в секрете.

— Тогда назовите их.

— Он должен нам многое рассказать, но сам, а не в результате пыток. Мы завалены донесениями. Они поступают из управления обороны и вообще отовсюду. Нам необходимо узнать, каким образом его корабль прорвался сквозь общепланетарную систему слежения и как миновал воздушный патруль. Мы также хотим выяснить, почему этот корабль отличается от всех известных нам типов кораблей, откуда он прилетел и почему способен двигаться с такой громадной скоростью. И прежде всего мы должны как можно больше разузнать о возможностях и военном потенциале тех, кто построил этот корабль.

Казин моргал, слушая офицера. Вопросы и в самом деле были серьезные, каждый из них. Мозг психиатра, скрытый глубоко внутри жировых наслоений, лихорадочно работал. Надо отметить, что при своей телесной неповоротливости Казин отличался достаточно быстрой сообразительностью. Вдобавок он обладал одним замечательным качеством: он всегда заранее чуял опасность.

Казин быстро оценил услышанное: место постройки корабля, необычная конструкция, громадная скорость. Попутно он вспомнил про оранжевое существо по имени «шмель» и еще раз отметил про себя удивительное спокойствие и уверенность, с какой держался пришелец. Глазки психиатра вновь уставились на Лоусона. После того что он услышал от офицера, внутреннее беспокойство Казина возросло. В нем шевельнулась уверенность, противная, будоражащая уверенность в правдивости слов этого странного двуногого.

Надо рискнуть. Если все окажется пустым шумом, он ничего не теряет.

А если не окажется... его проницательность не останется незамеченной.

Медленно выговаривая каждое слово, Казин сказал:

— Частично я могу ответить на эти вопросы прямо сейчас. Пришелец утверждает, что является солярианцем. В какой-то, пусть незначительной, степени я готов допустить, что так оно и есть.

— Что вы сказали? Солярианцем? — Офицер попятился к двери.— Об этом надо доложить Великому Правителю. Я немедленно сообщу ему о вашем выводе.

— Это не вывод,— тут же возразил Казин, желая застраховаться от возможной вспышки высочайшего гнева.— Это не более чем мое скромное мнение.

Казин проводил офицера глазами. В мозгу уже шевелились вопросы: правильную ли тактику он избрал? Быть может, есть какой-то иной, более безопасный путь?

Он посмотрел на виновника своих раздумий.

— Поздравляю, вы спасли свою жирную шею,— ласково-успокоительным голосом ободрил его Лоусон.

4

Маркхамвит в четвертый раз просмотрел донесения, после чего отодвинул бумаги в сторону, встал и начал беспокойно расхаживать по кабинету.

— Не нравится мне эта история. У меня она вызывает сильнейшее подозрение. Не стать бы нам жертвами какого-нибудь нилеанского трюка.

— Это вполне может оказаться трюком, мой повелитель,— согласился первый министр Ганн.

— Допустим, они изобрели принципиально новый тип корабля, который, по их мнению, неуязвим. Естественно, нилеанцам захотелось сразу же испытать его на нас. Они обязательно

должны провести испытания, прежде чем начинать производство этих кораблей. Если он способен прорвать нашу линию обороны и улизнуть обратно, значит, в Нилее добились успеха.

— Несомненно, мой повелитель.

Первый министр Ганн выстроил свою карьеру на прочном фундаменте непрекращающихся поддакиваний тем, кому он служил. Теперь он служил самому Маркхамвиту.

— Тем не менее они не послали корабль с нилеанской командой,— с кислой физиономией продолжал Маркхамвит.— Они поискали и нашли себе союзников — расу, совершенно не похожую на нилеанцев. И послали сюда представителя этой расы, скрыв его истинное происхождение за мифом.

Маркхамвит хлопнул в ладоши сначала одной, затем другой парой рук.

— Можно, конечно, отмахнуться от этого мифа. Однако Казин не исключает и правдивости того, что рассказывает о себе пришелец.

Ганн в этом сомневался, но счел за благо промолчать. Иногда ничтожнейшая случайность опрокидывает незыблемые, казалось бы, представления. И потом, повелитель не спрашивал его мнения.

— Соедини меня с Зигстромом,— неожиданно распорядился Маркхамвит.

Когда связь была установлена, Маркхамвит засунул в ухо наушник и сказал в тонкую трубку:

— Зигстром, у нас достаточно авторитетных специалистов по Солярианскому мифу. Насколько я слышал, один или двое из них считают, что у мифа есть реальная основа. Кто из них более компетентен?

Послушав ответ, Маркхамвит прорычал:

— Мне надоело слушать общие фразы! Я хочу знать, кто. И пусть не путается: ему ничего не грозит... Как ты сказал? Алемф? Разыщи его. Мне он нужен немедленно.

Вскоре требуемый специалист предстал перед Маркхамвитом: потный от спешки, растрепанный и несколько испуганный. Он робко вошел в кабинет, кланяясь почти на каждом шагу.

— Мой повелитель, если слова Зигстрома создали у вас впечатление, будто я возглавляю один из этих дурацких культов, то смею вас заверить, что я...

— Да перестань ты дергаться,— оборвал его словопрения Маркхамвит.— Мне нужны твои знания, а не твои кишки.

Выдвинув кресло, правитель водрузил все четыре руки на подлокотники и вперился глазами в Алемфа.

— Ты считаешь, что Солярианский миф — не просто легенда, родившаяся в космической глуши. Я хочу знать, почему ты так считаешь.

— Там есть повторяющиеся моменты, которые никак не отнесешь к простому совпадению,— сказал Алемф.— Есть и другие, более поздние свидетельства, которые представляются мне заслуживающими внимания.

— У меня лишь самые общие представления о Солярианском мифе,— сообщил ученому правитель.— При моем положении у меня нет ни времени, ни желания углубляться в разного рода сказания окраин нашей галактики. Сейчас я хочу, чтобы ты рассказал мне об этом мифе поподробнее. И перестань трястись. Повторяю, никто тебя здесь не собирается пытать.

Алемф собрался с духом и начал:

— На краю нашей галактики находятся восемь обитаемых звездных систем. Они достаточно близко отстоят друг от друга, располагаясь полукругом. Всего там тридцать девять планет. А в центре этого полукруга есть еще одна звездная система, девятая. В ней семь планет, и на всех из них разумная жизнь отсутствует. Только животные.

— Это мне известно,— нетерпеливо заметил Маркхамвит.— Продолжай.

— Цивилизации, что существуют на планетах восьми упомянутых систем, до сих пор не имеют космических кораблей. Однако когда мы впервые там побывали, оказалось, что тамошние обитатели имеют друг о друге такие сведения, которые никак не получить обыкновенными астрономическими наблюдениями. У них есть странная легенда насчет того, каким образом они получили эти знания. Они утверждают, что в незапамятные времена к ним часто прилетали корабли эльмонитов. Так они называют расу, жившую на планетах девятой звездной системы. Похоже, эльмониты, обладая техническим превосходством, намеревались довольно безжалостно подчинить себе все эти отсталые цивилизации. Тем не оставалось иного, как подчиниться, ибо они не могли противостоять более сильному и развитому противнику.

— Однако эльмониты их не завоевали, ты это хочешь сказать?

— Да, мой повелитель. Вот здесь-то и начинается их легенда. На всех планетах она звучит практически одинаково. Я покорнейше прошу вас обратить внимание на этот факт. Потому-то ранее я и сказал, что здесь вряд ли может идти речь о простом совпадении.

— Давай, переходи к сути,— нетерпеливо приказал Великий Правитель.

Алемф застрекотал испуганной скороговоркой:

— Как раз в то время прилетел неведомый корабль. Он пересек бездну, что лежит между нашей и соседней галактиками, и совершил посадку у эльмонитов, поскольку они были наиболее развитой цивилизацией. Команда корабля состояла из двух небольших двуногих существ. Они утверждали, что якобы перелетели через бездну. Себя они называли солярианцами. Было лишь одно свидетельство в пользу их более чем странного утверждения. Корабль обладал невероятной скоростью; когда он находился в полете, его было невозможно ни увидеть, ни засечь с помощью приборов.

— И что было потом?

— Эльмониты отличались врожденной жестокостью и непомерным честолюбием. Они убили солярианцев, а корабль разобрали по кусочкам в надежде узнать секрет его устройства. Они потерпели полную неудачу. Через много-много лет к эльмонитам прилетел второй солярианский корабль, отправленный на поиски первого. Как вы понимаете, он тоже сумел преодолеть межгалактическую бездну. Его постигла аналогичная участь, но тайна устройства корабля так и не была разгадана.

— Что ж, в это я еще могу поверить,— сказал Маркхамвит.— Как можно надеяться узнать тайну корабля, если ничего не знаешь о разуме тех, кто его делал? Но нилеанцы пытаются...— Он резко оборвал фразу и потребовал: — Продолжай!

— Судя по дальнейшим событиям, второй корабль сумел послать сигнал тревоги, поскольку спустя еще много лет с того края бездны прилетел третий корабль. Но он нигде не садился, а облетел каждую эльмонитскую планету, разбрасывая тысячи посланий. В них содержались какие-то туманные слова. Смысл их был примерно таким: в том, что касается смерти, лучше отдать, чем получить. Возможно, помимо посланий, корабль подверг каждую из планет или ее силовое поле воздействию какого-то облучения. Возможно, он распылял какие-то бактерии. Никто не знает. Потом корабль скрылся в темной бездне. А что случилось вскоре после его исчезновения — тут можно строить разные догадки и домыслы.

— И что же случилось?

— Вначале ничего. Эльмониты придумали множество грубых шуток по поводу этих посланий. Их шутки стали известны на всех планетах восьми систем. Эльмониты по-прежнему готовились к порабощению своих соседей. Удар последовал через год после визита солярианского корабля. Правильнее будет сказать, первый удар. Эльмониты вдруг обнаружили, что их женщины

лишились способности к деторождению. Через десять лет они не на шутку перепугались, а через пятьдесят превратились в малочисленную и сломленную духом расу. Спустя сотню лет от эльмонитов остались лишь воспоминания. Раса полностью исчезла с лица Вселенной. Солярианцы никого не убили, не ранили и вообще не пролили ни капли крови. Они просто лишили эльмонитов способности размножаться. Можно сказать, эльмониты были уничтожены со схожей безжалостностью, но без присущей им жестокости. Раса полностью вымерла. Полагаю, что ни в нашей галактике, ни за ее пределами мы уже никогда не встретим эльмонитов.

— Страшная сказочка и очень выгодная для многочисленных шарлатанов, пытавшихся ею воспользоваться,— сказал Маркхамвит.— Легковерных всегда хватало. Но меня не так-то просто заставить поверить в легенду седой древности. Так это и есть твое «более позднее свидетельство»?

— Осмелюсь заметить, мой повелитель, что семь планет, на которых когда-то жили эльмониты, до сих пор существуют. Легенду чуть ли не слово в слово нам повторили на всех планетах, а они не сообщаются между собой. Добавьте к этому постоянно циркулирующие слухи.

— Какие слухи?

— О небольших кораблях, управляемых странными двуногими, у которых только две руки. Эти корабли наведываются в самые глухие уголки нашей галактики. Всякие попытки перехватить такой корабль оканчивались ничем.

— Тьфу ты! — поморщился Маркхамвит.— Подобные сообщения приходят к нам раз в сто дней. Мы отправляем патрульные корабли, они прочесывают космос и ничего не находят. А объяснение тому очень простое: обитатели заброшенных планет выдумают любые небылицы, только бы кто-нибудь прилетел к ним в гости. К тому же вполне возможно, что слухи распускают нилеанцы, стремясь оттянуть наши боевые корабли. Мы решили испробовать их уловку на них самих. Мы тоже пустили слух, и когда их боевой корабль «Нарсан» двигался в направлении Дурга, чтобы проверить выдуманную нами историю, уничтожили его.

— Быть может, это все так, мой повелитель,— сказал Алемф. Он чувствовал, что зашел слишком далеко, и теперь поздно отступать.— Однако позвольте мне напомнить вам: мы располагаем обширными знаниями о нашей галактике, зато ничего не знаем о других.

Маркхамвит вперился взглядом в Ганна.

— Как по-твоему, можно ли пересечь межгалактическую бездну?

— Это звучит невероятно, мой повелитель.

Боясь себя скомпрометировать, первый министр тут же добавил:

— Но я не являюсь специалистом в области космоплавания и не могу дать квалифицированного ответа.

— И потому юлишь, как всегда,— огрызнулся Маркхамвит.

Он взял телефон и потребовал командующего Йельма.

— Допускаешь ли ты теоретическую возможность появления у нас корабля из другой галактики?

Выслушав ответ, он спросил:

— А почему нет?

Выслушав и этот ответ, Маркхамвит отключился и повернулся к присутствующим.

— Вот что сказал Йельм: никто не способен прожить десять тысяч лет.

— А откуда он это знает, мой повелитель? — спросил Алемф.

Около десятка охранников препроводили Джеймса Лоусона в святая святых. Не смея переступить порог высочайшего кабинета, они, точно манекены, застыли у дверей. Лоусон вошел один.

Он невозмутимо добрался до середины кабинета. Он держал себя так, будто находился не в другой галактике, среди чужой расы четвероруких существ, а в родном городишке. Ни дать ни взять — мальчишка, которого послали на угол за крекерами.

Маркхамвит указал ему на стул и долго вглядывался в диковинного визитера.

— Так значит, ты — солярианец?

— Да.

— Ты явился к нам из другой галактики?

— Совершенно верно.

Маркхамвит выразительно посмотрел на Ганна и спросил:

— Не странно ли, что ты говоришь на нашем языке?

— Ничего странного. Именно потому меня и выбрали.

— Выбрали? Кто?

— Солярианское Содружество, кто же еще?

— Для какой цели?

— Прилететь сюда и поговорить с вами.

— О чем?

— О войне, которую вы ведете с Нилеей.

— Я так и знал! — Маркхамвит всплеснул верхней парой рук и довольно ухмыльнулся.— Я знал, что нилеанцы обязательно

придумают такой трюк.— Он хрипло засмеялся.— До чего же у них неуклюжие попытки. Нечего и говорить, хорошее прикрытие они для тебя придумали. Должно быть, они решили, что мы поймаемся на давнишний миф?

— Меня мало интересуют прикрытия и мифы,— равнодушно ответил Лоусон.— И их, и ваши.

— Почему? — нахмурился Маркхамвит.

— Я — солярианец.

— Неужели? — Маркхамвит обнажил свои мелкие и острые белые зубы.— В таком случае наша война с Нилеей тебя совершенно не касается.

— Согласен. Нам абсолютно безразличен ее ход.

— О чем же тогда ты явился говорить?

— Мы возражаем против одного из последствий этой войны.

— Против какого? — с малой долей интереса спросил Великий Правитель.

— Космические просторы свободны,— сказал Лоусон.— Они не являются ничьей собственностью. Отдельная планета или планетная система могут устанавливать правила на своей поверхности, но не далее. Межпланетное и межзвездное пространство принадлежит всем.

— Кто это сказал? — вновь начиная хмуриться, спросил Маркхамвит.

— Это говорим мы.

— Надо же!

Дерзость пришельца застигла Маркхамвита врасплох, и он не удержался от нового вопроса:

— А почему солярианцы считают себя вправе устанавливать законы?

— Я уже объяснил причину,— ответил ему Лоусон. Его взгляд посуровел.— У нас достаточно силы, чтобы обеспечить выполнение этого закона.

Великий Правитель несколько опешил. Он взглянул на первого министра Ганна. Тот сосредоточенно изучал потолок.

— Если вы меня недостаточно поняли, я еще раз сформулирую закон, который мы установили и за выполнением которого намерены следить. Каждый космический корабль должен обладать правом беспрепятственного перемещения в межпланетном и межзвездном пространстве. Нам абсолютно все равно, что произойдет после спуска корабля на поверхность планеты, если только это не какая-то из наших планет.

Лоусон поочередно посмотрел на Маркхамвита и Ганна.

— Вот тогда нам будет не все равно.

Маркхамвиту очень не понравилось услышанное. Ему было противно каждое слово, не говоря уже об общем содержании. Пришелец открыто угрожал. Маркхамвит инстинктивно почувствовал необходимость ответной угрозы. Но он до сих пор находился под впечатлением разговора с Алемфом. Некоторые фразы этого ученого чудака прочно засели в мозгу Великого Правителя.

«Через десять лет они не на шутку перепугались, а через пятьдесят превратились в малочисленную и сломленную духом расу. Спустя сотню лет от эльмонитов остались лишь воспоминания».

Маркхамвит невольно задумался: а что, если корабль и этого двуногого беспрепятственно способен подвергнуть их планету облучению или распылению, которое приведет к аналогичным результатам? Мысль ужаснула его. Конечно, это был восхитительный и совершенный способ борьбы с враждебными расами, позволяющий покончить с ними раз и навсегда. По сути, он был сродни безжалостности самой Природы, без колебаний уничтожавшей любую свою ошибку.

Маркхамвит попытался уверить себя, что этот двуногий и двурукий храбрец не понимает, чем кончатся его разглагольствования. Великому Правителю очень хотелось надеяться, что все эти слова — не более чем наглая бравада, достойная сурового наказания. Стоит лишь приказать, и пришельца обезглавят, а его корабль разнесут в пыль.

Эльмониты дважды так и поступили.

При чем тут эльмониты? Не было никаких эльмонитов!

А если его слова — вовсе не бравада?

5

Ситуация с прилетом странного корабля становилась все более запутанной. Маркхамвит не желал сознаваться в этом даже самому себе. Если они все же имеют дело с уловкой нилеанцев, то врагов не упрекнешь в тупости. Слишком много сил и возможностей надо, чтобы быть таким «тупым».

Итак, корабль (в конце концов, не так уж важно, чей он и откуда прилетел) сел в непосредственной близости от правительственного центра могущественной империи, ведущей войну. Пилот отличается бойким и дерзким языком и подстраивается под древний миф о том, как неведомые пришельцы якобы стерилизовали целую планетную систему. И все-таки, что же это на самом деле: учебный снаряд или настоящая бомба? Есть лишь один способ узнать правду. Нужно, образно говоря, взять молоток и ударить по детонатору.

Решится ли он, Великий Правитель Маркхамвит, на такой шаг?

Пока что Маркхамвит пытался выиграть время.

— В войне всегда участвуют две стороны,— сказал он.— И в космическом пространстве находятся не только наши патрульные боевые корабли.

— Мы это знаем,— равнодушно сообщил Лоусон.— Нилеанцев мы тоже не оставили без внимания.

— Вы и к ним послали корабль?

— Да,— с едва заметной улыбкой ответил Лоусон.— Нилеанцы сейчас находятся в том же положении, что и вы, и считают прилетевший к ним корабль одной из ваших уловок.

Маркхамвит воспрянул духом. Ему было приятно узнать, что и врагам тоже приходится не сладко. Он представил, какие проклятия они посылают в его адрес. Неожиданно разум подсказал Маркхамвиту простую возможность хотя бы отчасти проверить правдивость заявлений самоуверенного пришельца.

— Планета Вайле соблюдает нейтралитет и поддерживает контакты с обеими воюющими сторонами,— обратился он к Ганну.— Отправь им срочный запрос. Узнай, не прилетал ли к нилеанцам корабль якобы солярианского происхождения.

Ганн ушел. Ответ мог поступить лишь к ночи, однако первый министр вернулся на удивление скоро. Дрожа от возбуждения, он сообщил:

— Совсем недавно с Вайле пришел такой же запрос. Нилеанцы интересовались, не прилетал ли к нам солярианский корабль.

Маркхамвит стиснул зубы. Обстоятельства заставляли его становиться на точку зрения Алемфа. Допустим, решил он, легенда имеет под собой реальную основу. Хорошо, пусть так оно и было. Возможно, они теперь столкнулись с запоздалыми следствиями, причины которых лежат в далеком прошлом.

Маркхамвит неумолимо приближался к выводу о реальности солярианцев, и вдруг его пронзила простая мысль. Если появление корабля — уловка нилеанцев, успех их замысла непременно должен зависеть от всесторонней поддержки своего посланца. Тогда их запрос, отправленный на Вайле,— не что иное, как тщательно спланированный дополнительный маневр. Нилеанцы рассчитывают сделать свою уловку еще правдоподобнее. В таком случае самое первое его предположение совершенно правильно, и Солярианский миф — заурядная легенда.

Так правда или ловкий вымысел? Однозначного ответа у Маркхамвита не было, и это бесило его больше всего. Он привык принимать быстрые и окончательные решения и вовсе не

желал качаться на рогах дилеммы. А эти рога меж тем ощутимо придавливали его.

Проще всего было сорвать злость на Лоусоне.

— Наши корабли тоже имеют право на беспрепятственное перемещение в космосе,— рявкнул он Лоусону.

— Это право не относится к боевым кораблям, которые вы наделяете другими правами: перехватывать, обыскивать и задерживать любые корабли, показавшиеся подозрительными. Добавлю к этому допрос экипажа захваченных кораблей. Нарушители закона не вправе требовать, чтобы тот же закон их защищал.

— Быть может, ты знаешь какой-нибудь иной способ ведения космической войны, когда можно обойтись без вооруженных боевых кораблей? — язвительно спросил Маркхамвит.

Лоусон равнодушно махнул рукой.

— Такие вопросы нас вообще не занимают. Это ваши беды.

— Но вы понимаете, что с этим вашим законом война становится невозможной? — выкрикнул Маркхамвит.

— Какая жалость,— с притворным сочувствием ответил Лоусон.— Получается жуткая ситуация: прямо-таки мир по принуждению.

— Ты намерен шутить?

— А разве мир — это шутка?

— Война — тоже дело серьезное,— скрежетал зубами Маркхамвит, отчаянно пытаясь не давать волю своему характеру.— Ее не прекратишь, щелкнув пальцами.

— Об этом стоило бы заранее подумать тем, кто безрассудно начинает войны,— предложил Лоусон, по-прежнему оставаясь безучастным к гневу Великого Правителя.

— Войну начали нилеанцы.

— А они утверждают, что вы.

— Нилеанцы — неисправимые вруны.

— Между прочим, они такого же мнения о вашей империи.

У Маркхамвита перекосилось лицо.

— И ты им веришь?

— Мы никогда не верим ничьим мнениям.

— Ты уклоняешься от ответа на мой вопрос. Кто-то должен быть лжецом. Кто, по-твоему?

— Мы не углублялись в главные причины ваших недоразумений с нилеанцами. Я же говорил, нам нет дела до ваших споров. Тем более, не располагая достоверными данными, мы можешь лишь строить догадки.

— Давай, строй догадки. Строй их прямо здесь,— вдруг предложил Маркхамвит, облизывая пересохшие губы.

— Скорее всего, обе стороны не слишком-то уважают правду,— сказал Лоусон, которому вовсе не хотелось выступать в роли пророка.— Это обычная завязка войны. Чем сильнее разгорается война, тем все более наглой становится ложь. С обеих сторон, учтите. Весь вопрос в том, кто победит, поскольку лжецы-победители расправляются со лжецами-побежденными.

Если бы Лоусон оправдывал нилеанцев, можно было бы обрушить на него всю лавину накопившегося гнева. Но он не оправдывал никого, и Маркхамвиту было не за что уцепиться. В глазах пришельца и они, и нилеанцы выглядели одинаково.

Маркхамвит решил избрать иную тактику.

— А теперь представь, что я отвергну твой закон и прикажу тебя немедленно расстрелять. Что будет дальше?

— Вы об этом пожалеете.

— С какой стати я должен верить твоим словам?

— Если вам нужны доказательства, вы знаете, где и как их получить,— сказал Лоусон.

Воцарилось тягостное молчание. Великий Правитель размышлял, ненавидя собственные мысли. Он впервые осознал: неслыханная дерзость — тоже оружие, способное поражать врагов. В ней таились такие возможности, о которых он никогда не задумывался прежде. А ведь из такой стратегии можно извлечь немалую пользу и добавить неприятностей врагу... если, конечно, враг не додумается до этого первым и не применит новую стратегию против него.

Вот в чем проблема проблем! Ему обязательно нужно любым мыслимым или немыслимым способом узнать, не является ли все это действо уловкой нилеанцев. Если да, они будут всячески стремиться скрыть свою причастность. Если нилеанцы ни при чем, они все равно с большим удовольствием поводят его за нос, попытавшись убедить, что и у них те же беды.

Тогда другой вопрос: как глубоко простирается их военная хитрость? Сумеет ли он разгадать их замысел целиком? И не постараются ли они скрыть свои истинные цели за дымовой завесой разговоров о мире и сотрудничестве?

Если корабль, на котором прилетел этот двурукий, и впрямь является секретной нилеанской разработкой, понятно, что построившие один корабль легко смогут построить второй и десятый. К тому же неведомая раса двуногих, которую нилеанцы заманили себе в союзники, плюс какие-то крылатые жалящие существа — чем тебе не возрождение старого мифа о солярианцах?

Очень может статься, что на какой-нибудь нилеанской планете уже стоит второй «межгалактический корабль», и его охот-

но продемонстрируют представителям нейтральных сил, а то и его посланцам. Нилеанцы пойдут даже на такой шаг. Они тщательнейшим образом подготовятся и постараются убедить его, что выдумка — это правда, а потому он должен очистить космическое пространство от всех боевых кораблей своей империи. Что будет дальше — легко предугадать: врагу не понадобится много времени, чтобы одержать победу. Когда обман раскроется, будет слишком поздно.

От этой, пусть мысленной, перспективы Маркхамвиту стало тошно. Ему требовались хотя бы крохи утешения. А что, если солярианцы — вовсе не бессовестная выдумка и правитель Нилеи сейчас терзается аналогичными раздумьями? Вдруг нилеанцев обуревают те же страхи, только в зеркальном отображении? Вдруг они спрашивают себя: не является ли прилетевший к ним корабль внушительным подтверждением безграничной дальновидности Верховного Правителя Маркхамвита?

Маркхамвит представил себе мрачные лица нилеанцев, и эта картина сумела унять желчь, разлившуюся по всему его телу.

— А каких шагов, хотелось бы знать, ты ждешь от меня в качестве признания этого вашего закона?

— Приказа о немедленном возвращении всех боевых вооруженных кораблей на свои планетарные базы,— ответил Лоусон.

— А какой нам от них толк, если они будут торчать на поверхности планет?

— Я же не говорю о необходимости разоружить ваши корабли. Они по-прежнему будут находиться в боевой готовности на случай отражения любого нападения. Мы не отрицаем ничье право на самозащиту.

— Именно этим мы и занимаемся,— заявил Маркхамвит.— Защищаем себя от нападения.

— Нилеанцы тоже утверждают, что защищаются от нападения.

— Я тебе уже говорил: нилеанцы — отъявленные и неисправимые лгуны.

— Да, помню, говорили,— отмахнулся Лоусон, не желая вторично выслушивать доводы, шитые белыми нитками.— Вы имеете полное право густо покрыть каждую из своих планет боевыми кораблями, готовыми уничтожить всякого, кто на вас нападет. Но сражение не должно выходить за пределы планет. Недопустимо, чтобы ваши корабли летали куда им вздумается и разносили войну по галактике.

— Но...

— Я еще не договорил,— перебил его Лоусон.— У вас может быть миллион кораблей, летающих куда угодно. Их численность,

маршруты и конечные точки никого не касаются, даже нас. Мы ничего не имеем против торговых, исследовательских и пассажирских кораблей, чьи экипажи занимаются достойным делом и не нападают на корабли других рас.

— Вы ничего не имеете против? — переспросил Маркхамвит. Он чувствовал, как в нем опять нарастает злоба. Какой самоуверенный наглец! — Как это великодушно с вашей стороны!

— Сильные могут позволить себе быть великодушными,— с прежним спокойствием ответил Лоусон.

— По-твоему, мы не сильны?

— Разумность — сила. Неразумность — слабость.

Маркхамвит хватил кулаком по одному из четырех подлокотников.

— Меня можно упрекнуть во многом,— с пафосом изрек он.— Но в одном меня не упрекнет никто: я никогда не был неразумным.

— Что ж, нам осталось лишь убедиться в этом,— без тени улыбки сказал Лоусон.

— И вы в этом убедитесь! Все! Безмозглый дурак не смог бы управлять громадной империей. Мои подданные не стали бы служить правителю, единственное качество которого — слабоумие. При достаточном времени на размышления и благодаря искренней лояльности моих подданных я сумею справиться с этой ситуацией, как всегда справлялся с остальными.

— Я очень надеюсь,— смиренно ответил Лоусон.— Это в ваших же интересах.

Маркхамвит наклонился, еще раз обнажил свои зубы и неспешно произнес:

— Вне зависимости от принятого мной решения и его последствий, одно я знаю наверняка: опасность грозит не мне. Она грозит тебе!

Великий Правитель выпрямился, давая понять, что аудиенция окончена.

— Утром я дам свой ответ. Советую подумать над своей дальнейшей судьбой. Она у тебя, прямо скажем, незавидная.

Лоусон подошел к массивным дверям кабинета.

— Солярианец, озабоченный своей судьбой,— что волосок, которому не хочется падать с головы,— сказал он. Открыв дверь, он выразительно посмотрел на Великого Правителя и добавил: — Волосок может упасть и превратиться в пыль, но голова останется.

— Как это понимать?

— Вы имеете дело не лично со мной. Вы имеете дело со всеми солярианцами.

6

Увидев вышедшего Лоусона, охранники мгновенно оживились и отвели его в центр дознания, остановившись у дверей помещения, откуда они его забирали. Лоусон вошел внутрь и спокойно закрыл двери, показывая охранникам, что они свое дело выполнили. Столь же спокойно он прошел мимо многочисленных столов, за которыми восседали погруженные в бумаги дознаватели. Прежде чем кто-нибудь из них попытался его остановить, Лоусон достиг выхода из здания.

Путь ему преградил какой-то офицер с тремя кометами на погонах.

— Куда ты направляешься?

— Назад, на свой корабль.

Офицер немного удивился.

— Так ты виделся с Великим Правителем?

— Конечно. Я только что от него.— Лоусон сделал серьезное лицо и добавил: — У нас состоялась в высшей степени интересная беседа. Маркхамвит сказал, что обязательно встретится со мной завтра утром.

— Ого!

Отношение трехкометного офицера к Лоусону сразу же изменилось. Офицер отличался сообразительностью и быстро понял: угодить гостю Маркхамвита — значит угодить самому Великому Правителю. Поэтому он тут же предложил:

— Я возьму вездеход или грузовик и сам отвезу тебя.

— Очень любезно с вашей стороны,— ответил Лоусон и одарил офицера таким взглядом, словно у него на погонах было не три, а целых шесть комет.

Взгляд возымел свое действие. На дворе тут же нашелся свободный вездеход, который отъехал прежде, чем Ганн, Казин или кто-нибудь могли спросить, кто это позволил двурукому пришельцу покинуть центр дознания. Вездеход катился на приличной скорости. Водитель болтал, не закрывая рта.

— Великий Правитель — личность, исключительная во всех отношениях,— вещал офицер, надеясь, что завтра эти слова достигнут нужных ушей. Вообще-то про себя он называл Маркхамвита «напыщенным вонючкой».— Нам здорово повезло, что в нынешние тяжелые времена у нас такой мудрый и дальновидный вождь.

— Да, все могло быть значительно хуже,— отозвался Лоусон, дипломатично завернув свое мнение о Маркхамвите в подобие похвалы.

— Я помню, как однажды...

Офицер вдруг замолчал и резко остановил вездеход. Его внимание переместилось на понурую фигуру, стоявшую на обочине дороги.

— Кто приказал тебе здесь стоять?

— Никто,— честно признался Ядиз.

— Тогда почему ты здесь торчишь?

— Потому что он не может находиться в другом месте,— вместо Ядиза ответил Лоусон.

Офицер недоуменно заморгал, потом изучающе вперился в ветровое стекло, после чего обернулся к пассажиру.

— Почему не может?

— Потому что в данный момент он находится здесь и, естественно, не может быть там, где его нет. Я прав? — спросил Лоусон у Ядиза, словно нуждался в его подтверждении.

Его слова каким-то образом подействовали на офицера, ибо тот резко распахнул дверцу и скомандовал Ядизу:

— А ну, лупоглазый идиот, марш в кабину!

Ядиз забрался в кабину. Свою винтовку он держал так, словно у нее кусались и дуло, и приклад. Вездеход покатился дальше. Весь остаток пути офицер сосредоточенно крутил руль и не произнес ни слова. Он покусывал нижнюю губу и морщил лоб. Вероятно, он пытался управиться с мыслями и разложить по полочкам то, что никак не желало туда укладываться.

Молча они подъехали к оцеплению. Толстый офицер, который первым сообщил в центр дознания о появлении странного корабля, увидел, как из вездехода вышло не менее странное трио. На всякий случай он нахмурился.

— Никак его отпустили?

— Да,— ответил ни о чем не подозревавший водитель.

— С кем он встречался?

— С самим Великим Правителем!

Толстый офицер так и подскочил. Тон его стал менее властным, а уважение к Лоусону заметно возросло.

— В центре дали какие-нибудь распоряжения насчет четырех пострадавших? — спросил он.

— Я ничего не слышал,— ответил офицер с тремя кометами.— Может, они...

— Я быстро поставлю их на ноги,— вмешался Лоусон.— Где они?

— Вот там.— Толстый офицер указал на ложбинку слева от него.— Мы не перемещали их, потому что не было приказа.

— С ними ничего серьезного. Через сутки они и так бы очнулись.

— Так этот укус... он не смертелен?

— Ни в коем случае,— заверил толстяка Лоусон.— Сейчас я дам лекарство, и они быстро придут в себя.

Он направился к кораблю. Офицер с тремя кометами на погонах поехал обратно. Его голову все еще одолевали разные мысли.

Существо, восседавшее на ободе иллюминатора в тесной кабине корабля, было величиной с кулак Лоусона. Давно вымершим земным шмелям оно показалось бы великаном. Порода шмелей, обитавших на нынешнем Каллисто, посчитала бы своих далеких земных собратьев чем-то вроде отсталых пигмеев. Однако и на Земле, и на Каллисто сознание давно освободилось от планетарной ограниченности.

Предкам такое даже не снилось, а их потомки, далеко ушедшие в своем развитии, давно перестали обращать повышенное внимание на место происхождения того или иного разумного существа, его облик и видовую принадлежность. Все это, столь важное когда-то, теперь просто не принималось в расчет. Имея две руки и две ноги, человек и не думал объявлять себя высшим существом, равно как и насекомое не испытывало ущербности по поводу своего облика. И тот и другой знали, кто они: солярианцы. Две грани в тысячегранном кристалле Солярианского Содружества.

Это взаимопереплетение форм жизни, столь несхожих внешне, но обладающих колоссальным духовным единством, достигло такого уровня развития, когда стал возможен постоянный ментальный контакт. Чем-то он был сродни телепатическому контакту, хотя на самом деле он отличался от телепатии. Правильнее было бы назвать его «взаимомыслием» или «общемыслием». Нынешних солярианцев это удивляло не больше, чем, скажем, неразрывное единство всех частей человеческого организма. Просто солярианский «организм» был неизмеримо крупнее.

Поэтому Лоусон легко разговаривал с существом, не имеющим ни ушей, ни рта в их человеческом понимании. Однако это не препятствовало их беседе. Наоборот, бессловесный диалог был легче и точнее: ему не мешали ни языковые, ни понятийные барьеры. Ни у Лоусона, ни у оранжевого шмеля не возникало необходимости объяснять «смысл смысла».

Лоусон уселся в кресло пилота, задумчиво взглянул в иллюминатор и мысленно сказал:

— Что-то плохо мне верится в их разумность.

— Не волнуйся,— мысленно ответил оранжевый шмель.— В конце концов они все равно будут вынуждены согласиться.

— Верно, Жужжалка, только их упрямство обернется для нас потерей времени и дополнительными бедами.

— Время бесконечно, а беда — всего лишь синоним слова «развлечение»,— глубокомысленно заявил Жужжалка.

Задними лапками шмель принялся чистить свою бархатную курточку.

Лоусон промолчал. Его внимание переместилось на любопытный объемный снимок, прикрепленный к боковой стене. Снимок запечатлел четырех людей разного роста, один из которых был совсем карликом. Рядом с ними восседал пес в темных очках, шесть крупных шмелей, птица, похожая на ястреба, и некое чудовище с бивнями, напоминающее остроухого слона. Компанию дополняли крупный рак с длиннопалыми руками вместо клешней, три разноцветных призрачных существа неопределенной формы и, наконец, паукообразное создание, голову которого украшала шляпа с пером.

Все это разношерстное общество солярианцев держалось чинно и смотрело в объектив аппарата с предельной серьезностью, свойственной минувшей эпохе. Они наверняка ожидали, что вместе с щелчком затвора из объектива обязательно вылетит птичка. Лоусон очень дорожил этим старинным снимком. По многим причинам. До чего же схожими были позы всех участников съемки. И это — при такой внешней их несхожести, которую они даже не осознавали. От снимка веяло силой, рожденной их единством — единством обитателей горстки планет и горстки спутников, вращающихся вокруг общего солнца.

В мозгу Лоусона зазвучал вопрос, пришедший от другого разума, не менее дерзкого и находчивого, чем его собственный:

— Нам не пора возвращаться?

— Не торопитесь.

— Мы пролетели город и решили посмотреть, нет ли у них еще чего-нибудь интересного. Заодно проверили, как к нам относятся местные обитатели. Представляешь, они попытались уничтожить нас, едва только заметили... У них инстинктивный страх перед всем неизвестным. Время их реакции — десятая доля секунды. Для них главное — быстрота реакции, а не ее действенность. Ментальность восьмого уровня развития. Добровольного единства у них не существует, только принудительное подчинение вышестоящим.

— Знаю. Сам с этим столкнулся.

Заслышав тяжелые шаги вблизи входного люка, Лоусон вылез из кресла.

— Особо далеко не залетайте,— передал он странствующим шмелям.— Возможно, вы мне скоро понадобитесь.

Подойдя к люку, Лоусон увидел внизу толстого офицера с пятью кометами на погонах. Тот выглядел рассерженным и обеспокоенным. Глаза обшаривали пространство над головой Лоусона: не появится ли еще какое-нибудь опасное существо.

— Тебе нельзя здесь находиться,— заявил он Лоусону.

— Впервые слышу, что мне нельзя находиться на своем корабле.

— Тебе никто не давал разрешения вернуться.

— А я и не нуждаюсь в разрешении,— сказал Лоусон.

— Ты не имел права возвращаться на корабль без разрешения,— гнул свое офицер.

— Тогда каким же образом я здесь очутился? — с притворным удивлением спросил Лоусон.

— Не знаю. Кто-то допустил ошибку. Меня это не касается.

— Тогда почему вы так волнуетесь? — поинтересовался Лоусон.

— Я получил сообщение из города. Мне приказали проверить, где ты находишься. Если на корабле, это незаконно. Ты сейчас должен находиться в центре дознания.

— И что мне там делать?

— Ждать их окончательного решения.

— Но решение зависит не от них,— с непрошибаемой уверенностью объявил Лоусон.— Окончательное решение принимаем мы.

Офицеру очень не понравились эти слова. Он нахмурился, зачем-то взглянул на небо, после чего опасливо покосился на то немногое, что сумел увидеть за спиной Лоусона.

— Мне велели немедленно доставить тебя в город.

— Кто велел?

— Военное командование.

— Передайте им, что раньше завтрашнего утра я никуда не поеду.

— Ты должен ехать сейчас же,— упорствовал офицер.

— Отлично. Позовите свое начальство, пусть приедут и вытащат меня отсюда.

— Они не могут.

— Еще бы! Где им! — довольно ухмыльнулся Лоусон.

Офицер рассердился еще пуще.

— Если ты не поедешь добровольно, тебя заставят силой.

— Попробуйте.

— Солдаты ждут лишь приказа.

— Приказы не по моей части. Идите и поднимите их в атаку. Приказ есть приказ, правда?

— Да, но...

— И всегда вина падает на тех, кто отдает приказы, а не на исполнителей,— твердо произнес Лоусон.

— Вина за что? — с крайней осторожностью спросил офицер.

— Скоро узнаете!

Офицер пожевал губы. Он не очень представлял, чем обернется это знание, но скорее всего — чем-то очень неприятным.

— Свяжусь-ка я с городом, доложу, что ты отказываешься покидать корабль, и попрошу дальнейших распоряжений,— сбивчиво пробормотал толстяк.

— Вот и умница,— искренне похвалил Лоусон.— Сам о себе не позаботишься, никто о тебе не позаботится.

7

Великий Правитель Маркхамвит мерил кабинет беспокойными шагами. На его плечах лежал груз неразрешимого вопроса. Он то и дело сердито похлопывал себя по эполетам. Жест этот безошибочно свидетельствовал о том, что разум вождя, а также его печень испытывают сильнейшее напряжение.

— Так ты сумел найти подходящее решение? — мимоходом бросил он первому министру Ганну.

— Нет, мой повелитель,— с горестной миной сознался Ганн.

— Что и следовало ожидать. Ты просто завалился спать и проспал всю ночь. Это же не твоя забота.

— Вовсе нет. Я...

— Только не ври. Я прекрасно понимаю, что все вы свалили решение на меня.

Маркхамвит подошел к столу, извлек телефонные принадлежности и спросил в трубку:

— Этот двурукий вылез из своего корабля?

Выслушав ответ, он возобновил хождение по кабинету.

— Наконец-то он соизволил выбраться и поехать сюда. Будет у нас через половину единицы времени.

— Вчера он наотрез отказался вернуться,— сказал Ганн, в мозгу которого совершенно не укладывалась сама возможность непослушания.— Он открыто насмехался над всеми нашими угрозами и буквально подстрекал нас напасть на его корабль.

— Знаю. Наслышан,— раздраженно отмахнулся Маркхамвит.— Если он — просто отъявленный лжец и обманщик, то, надо признаться, роль свою он играет превосходно. Здесь-то и кроются все наши беды.

— О чем вы, мой повелитель?

— Мы — могущественная раса. После нашей окончательной победы над Нилеей мы станем полновластными хозяевами во

всей галактике. Мы обладаем громадными ресурсами и не меньшей изобретательностью. У нас — высокоразвитая наука. У нас — космические корабли и совершенное оружие. Мы почти полностью подчинили себе природу и заставили ее служить нашей воле. Разве все перечисленное не делает нас сильными?

— Делает, мой повелитель. Мы необычайно сильны.

— И необычайно слабы,— рявкнул Маркхамвит.— Эта задачка, свалившаяся нам на голову, указывает на одну нашу непростительную слабость. Мы настолько привыкли иметь дело с конкретными и осязаемыми вещами, что пасуем перед неосязаемым. Мы ставили себя и врагов в сравнимые категории, сопоставляли свои корабли с их кораблями, наше оружие — с их оружием. И вдруг перед нами появляется враг, начисто отвергающий все признанные методы ведения войны. Чем он угрожает нам? Дерзостью и бравадой!

— Мой повелитель, ведь есть же надежные способы узнать правду и...

— Я сам назову тебе не менее полусотни таких способов.

Маркхамвит остановился и гневно сверкнул глазами на Ганна, словно первый министр был лично повинен в нынешней ситуации.

— И вся прелесть в том, что ни один из этих способов здесь не годится.

— Неужели не годится, мой повелитель?

— Нет. Проще простого было бы проверить реальность существования солярианцев, послав корабли через межгалактическую бездну. Но корабли не способны преодолеть такое безумное расстояние. Согласно Йельму, это принципиально невозможно. Мы могли бы войти в контакт с нилеанцами, заключить мир и уже вместе с ними повести войну против солярианских проныр. Но если все это — трюк самих нилеанцев, они будут и дальше ловко обманывать нас, толкая к полному поражению. У нас есть еще один способ: схватить этого наглеца, разложить на операционном столе и добыть правду с помощью скальпеля.

— Наверное, нам так и следовало бы поступить,— осторожно заметил Ганн, не видевший в этом ничего предосудительного.

— Разумеется, если вся его история — сплошное вранье. А если нет?

В ответ первый министр слегка ойкнул и принялся скрести зачесавшуюся спину.

— Ничего подобного у нас еще не бывало,— продолжал Маркхамвит.— Этот двурукий прилетел к нам вообще без оружия. Ни винтовки, ни бомбы, ни излучателя. В его корабле нет даже лука со стрелами. Его раса никого не убила, не покалечила и не

пролила ни капли нашей крови ни сейчас, ни в прошлом. И смотри, что получается: он заявляет о громадной силе своей расы, а мы не решаемся проверить, так ли это.

— Вы считаете, что наша раса уже стерилизована и обречена на вымирание, как эльмониты? — с видимым трепетом спросил Ганн.

— Ни в коем случае. Иначе он улетел бы прошлой ночью. Какой был бы смысл ему здесь оставаться?

— Да, конечно,— пробормотал Ганн, испытывая непонятное облегчение.

— Между прочим, он ни разу даже не заикнулся о возможности стерилизовать нас,— продолжал Маркхамвит.— Но пока мы не знаем, правда это или выдумка. У нас нет полной ясности и с самим Солярианским мифом. Ты помнишь его угрозы? Если мы его уничтожим, говорил он, нам придется иметь дело с крылатыми существами. Они быстро расплодятся и превзойдут нас по численности. Но если мы сумеем уничтожить и их, тогда Содружество обязательно нанесет ответный удар. Какой именно — он не сказал. Что-нибудь совершенно непривычное и немыслимое для нас.

— Для нас — а в их галактике это является обычным способом ведения войны,— заметил Ганн.— Возможно, их цивилизация не знала ни огнестрельного оружия, ни взрывчатых веществ.

— А может, они отказались от всего этого еще миллион лет назад, изобретя новые и более эффективные виды оружия.

Маркхамвит нетерпеливо оглянулся на устройство отсчета времени. Висевшая на стене коробочка негромко пощелкивала.

— Уловка это или нет, но из случившегося я извлек полезный урок. Я понял, что тактика важнее оружия, а сообразительность бьет в цель точнее снарядов. Если бы мы почаще пользовались мозгами, мы бы давно разгромили нилеанцев. Совершенно новый подход — вот что нам было нужно для победы. Только и всего.

— Да, мой повелитель,— согласился Ганн, мысленно вознося молитву, чтобы вождь не потребовал от него заняться поиском новых подходов.

— Сейчас я хочу знать... нет, я просто обязан знать, не додумались ли нилеанцы до этого первыми и не плетут ли они уже сети, чтобы нас туда заманить. Когда этот самозваный солярианец явится, я намерен...

Маркхамвит не договорил. Раздался стук в дверь. На пороге появился начальник охраны. Он низко поклонился.

— Мой повелитель, пришелец доставлен.

— Пусть заходит.

Маркхамвит тяжело опустился в кресло и забарабанил пальцами по всем четырем подлокотникам, поглядывая на дверь.

Как и в прошлый раз, Лоусон вошел без всякого почтения. Он не стал дожидаться, пока ему позволят сесть, а выдвинул стул, уселся, улыбнулся находившимся в кабинете и спросил:

— Так как, дошла цивилизация до вашей части Вселенной или нет?

Слова неприятно задели Великого Правителя, однако он заставил себя пропустить их мимо ушей и, сдерживая гнев, сказал:

— Вчера ты вопреки моему желанию вернулся на свой корабль.

— Сегодня ваши корабли вопреки нашим желаниям продолжают свои опасные полеты в свободном космосе.

Лоусон пожал плечами.

— Как у нас говорят: из желаний муки не смелешь.

— Ты, кажется, забыл, что в этой части Вселенной выполняются мои, а не твои желания! — не выдержал Маркхамвит.

— Но вы только что пожаловались на их неисполнение,— простодушно напомнил ему Лоусон.

Маркхамвит провел языком по острым зубам.

— Больше такого не случится. Кое-кто допустил вчера грубую ошибку, позволив тебе беспрепятственно уйти. Они за это заплатят. Мы знаем, как учить глупцов.

— Мы тоже,— сообщил Лоусон.

— Все это просто слова. Я требую доказательств. И ты мне их представишь.— Голос Маркхамвита зазвучал громко и властно.— Более того, представишь в том виде, в каком это угодно мне, и вообще сделаешь все, чтобы я был доволен.

— И как я это должен сделать? — спросил Лоусон.

— Ты сделаешь так, чтобы сюда прибыло высшее командование Нилеи. Говорить я буду только с ними.

— Они сюда не полетят.

— Так я и знал! Ты буквально повторил мои слова.— Маркхамвит обрадовался собственной проницательности.— Конечно, зачем им сюда лететь? Они так усердно трудились над своей уловкой. И вдруг теперь их лично зовут сюда для подкрепления, так сказать, ее истинности. Но это уже слишком. Уловка тоже имеет свои пределы. Естественно, нилеанцы откажутся.

Великий Правитель подмигнул первому министру.

— Ну, что я тебе говорил?

— Не понимаю. зачем нилеанцам или кому бы то ни было поддерживать несуществующую уловку? — спокойно спросил Лоусон.

— Тогда они могли бы прилететь сюда и заявить, что это уловка. Меня бы их слова убедили.

— Разумеется.

— Что ты хочешь сказать этим своим «разумеется»? — насупил брови Маркхамвит.

— Конечно, если это их трюк, почему бы им не поддержать его до конца и не рискнуть несколькими жизнями? Война продолжается и каждый день приносит новые потери. Если у них находятся добровольцы для одной опасной миссии, почему бы таковым не найтись и для другой?

— Тогда в чем же дело?

— Они не пожертвуют ни одной жизнью ради уловки, которую считают вашей. Им в этом нет никакой выгоды.

— Но ты-то знаешь, что это — не моя уловка.

— Зато нилеанцы не знают,— сказал Лоусон.

— Ты говорил, что второй ваш корабль полетел к ним. Полетел, чтобы их убедить. Иначе зачем ему туда лететь?

— Вы путаете одно с другим.

— Я путаю? — Маркхамвит вцепился в подлокотники кресла. Терпение вождя находилось на пределе.— Изволь объяснить.

— Наш корабль находится там с единственной целью: заставить нилеанцев убрать из космоса боевые корабли, иначе будет хуже. Нас не интересуют ваши встречи, дискуссии и войны. Вы можете обниматься с нилеанцами и называть их лучшими друзьями либо биться с ними насмерть — нам это безразлично. Нас заботит лишь одно: космическое пространство должно оставаться свободным. Предпочтительнее решить этот вопрос путем переговоров и обоюдного согласия. Иначе его придется решать путем принуждения.

— Принуждения? — дернулся Маркхамвит.— Я бы много дал, чтобы узнать, какой силой обладает твоя раса и обладает ли. Возможно, почти никакой, если не считать железных нервов и хорошо подвешенного языка.

— Возможно,— с раздражающим безразличием согласился Лоусон.

— Должен сообщить тебе нечто такое, чего ты не знаешь.— Маркхамвит подался вперед.— Наша первая, вторая, третья и четвертая боевые флотилии рассредоточены. Временно я вывел их из войны. Это риск, но я решил рискнуть.

— Если корабли, пусть и рассредоточенные, продолжают оставаться в космосе, ваш риск никак не меняет общего положения.

— Наоборот, в случае успеха он способен коренным образом изменить положение,— возразил Маркхамвит, внимательно глядя на Лоусона.— Все эти корабли отправлены на большую охоту.

Семнадцать тысяч кораблей прочесывают каждый уголок космоса, недавно открытый или заселенный нилеанцами. И знаешь, что они ищут?

— Могу догадаться.

— Они ищут небольшую, захудалую планету, обойденную нашим вниманием. Там живут странные существа с одной парой рук, розоватой кожей, обветренными лицами и бойкими языками. И если они ее найдут,— Маркхамвит широким жестом обвел пространство кабинета, словно оно и было космосом,— мы разнесем ее в пыль, и Солярианский миф перестанет существовать.

— Приятно слышать.

— С тобой мы тоже разберемся, как сочтем нужным. А потом мы одержим полную и окончательную победу над нилеанцами.

— Замечательная перспектива,— задумчиво проговорил Лоусон.— Неужели вы думаете, что мы будем веками сидеть и ждать, пока вы вдоволь не наиграетесь в свою дурацкую игру?

Маркхамвит никак не мог заставить себя привыкнуть к дерзко-снисходительной манере пришельца. Он молча откинулся на спинку кресла. У него даже мелькнула отчаянная мысль: должно быть, он недооценивал изобретательность нилеанцев. Что, если они обманули его, как малого ребенка, отправив корабль с роботами, управляемыми на расстоянии? Это как нельзя лучше объясняло странную невозмутимость пришельца. Если он представлял собой всего лишь хитроумный электронный инструмент, подвластный командам нилеанских ученых, тогда нечего удивляться его поведению. У говорящей машины не бывает эмоций.

Мысль была очень соблазнительной, однако ее пришлось отбросить. До войны, когда они еще обменивались сообщениями с нилеанцами, связь была медленной. Радиолуч долго путешествовал от планеты к планете, от станции к станции, пока не достигал дальних границ маленькой нилеанской империи. Даже если предположить, что в чем-то нилеанцы опередили их на целую голову, все равно враги не могли создать связь, мгновенно преодолевающую множество световых лет. Вот тебе и контроль на расстоянии.

Тогда Маркхамвит уцепился за другую мысль. Этот Лоусон не робот, но имеет роботоподобные черты. Его раса отличается резко выраженной индивидуальностью и... еще чем-то, что невозможно описать. А может, его раса — результат каких-то мутаций? Вот откуда эти странности в поведении и все остальное.

Вынырнув из размышлений, Маркхамвит буркнул:

— Что касается тебя, тебе придется сидеть и ждать. У тебя просто не будет иного выбора. Я приказал тебя арестовать и держать в тюрьме, пока я не решу, как поступить с тобой.

— Вы не ответили на мой вопрос,— сказал Лоусон.

— Ты получил вполне исчерпывающий ответ.

— Я спрашивал не о себе, а о *нас*. То, что вы сделаете лично со мной, никак не повлияет на всех остальных.

— После тебя я доберусь и до всех остальных.

Маркхамвит нажал кнопку на своем столе.

Увидев вошедших охранников, Лоусон встал и, слегка улыбнувшись, сказал:

— Могу рассказать вам притчу о будущем. Жил-был дурак. Однажды он отколупнул от горы крошечную песчинку, зажал эту песчинку в кулаке и стал хвастаться: «Смотрите, у меня здесь целая гора!»

— Уведите его! — приказал Маркхамвит.— Держать взаперти, пока он мне не понадобится снова.

После того как Лоусона увели, Великий Правитель дал выход своему гневу.

— Игра на двоих: один пытается заморочить голову, другой распутывает его ходы. Такое умственное напряжение под силу только мне.

— Несомненно, мой повелитель,— заверил его первый министр Ганн, искренне восхищаясь своим правителем.

8

Джеймс Лоусон со всей дотошностью обследовал камеру, куда его поместили. Помещение было просторным и по тюремным меркам вполне комфортабельным: необычного вида кровать с толстым соломенным матрасом, стул с непременными четырьмя подлокотниками и длинный узкий стол. Посередине стола стояла внушительная корзина с фруктами и еще какой-то коричневатой снедью, похожей на лепешки из непросеянной муки.

Угощение удивило Лоусона, равно как и грубоватая обходительность охраны, приведшей его сюда. Разумеется, они выполняли распоряжения Маркхамвита: держать взаперти, не причинять вреда, не морить голодом. Но держать взаперти.

Похоже, Маркхамвит хотел застраховаться на все случаи жизни. С одной стороны, Великий Правитель решил продемонстрировать свое доброе отношение к Лоусону (мало ли, пригодится). С другой — он держал пришельца взаперти, радуясь, что теперь-то ничего непредвиденного уже не может случиться.

В камере имелось небольшое зарешеченное оконце. Оно находилось на высоте двадцати футов и служило скорее для вентиляции, нежели для освещения. Дверь также была решетчатой. За ее прутьями на табурете сидел скучающий надзиратель. Он

лениво читал странного вида книгу. Книга представляла собой свиток, который он медленно поворачивал, скользя глазами по строчкам.

Лоусон сел на стул, уткнулся пятками в остов кровати и решил взглянуть на свой корабль. Сделать это было не сложнее, чем посмотреть на стены камеры. Правда, для этого ему пришлось настроить разум и воспользоваться другим зрением. Но для Лоусона это было врожденной способностью, его второй природой. Разум тех, с кем он прилетел на эту планету, являлся частью его собственного, а их глаза — его глазами. То, что их органы зрения отличались от человеческих глаз, не имело ровным счетом никакого значения.

Картин было несколько, и они накладывались друг на друга, но Лоусон привык к этому. Общаясь с различными формами жизни, привыкаешь ко многому... Корабль находился на прежнем месте. Входной люк так и остался распахнутым нараспашку, однако никто не пытался проникнуть внутрь. Солдаты по-прежнему держали кольцо оцепления и поглядывали на корабль. Чувствовалось, зрелище давно стало для них тошнотворным.

Пока Лоусон разглядывал солдат, изображение поползло вниз и переместилось на одного из офицеров. Шмель, передававший картину, подлетел совсем близко. Офицер взмахнул странным оружием, похожим на двойной серп. Лоусон невольно моргнул. Он услышал свист рассекаемого воздуха, но услышал не ушами, а мозгом. Стой он сейчас там, сверкающее лезвие распороло бы ему глотку.

— Когда-нибудь, Лу, я покажу тебе что-нибудь похожее,— подумал Лоусон.— Ты у меня насладишься изысканным кошмарным зрелищем.

— Я таких зрелищ навидался вдоволь,— мысленно ответил шмель.— Когда кто-то удирает от опасности на ногах, а не на крыльях. Ну не кошмар ли?

Шмелиные глаза показали Лоусону небесный простор.

— Не пора ли нам убираться отсюда?

— Не торопитесь,— ответил Лоусон.

Он отключился от сознания Лу и отправился далеко, невероятно далеко. Путешествие не было обременительным. По сравнению с мгновенным контактом разумов, являющихся частями единого целого, скорость света выглядела ползущей черепахой. По совершенству энергетической формы мысль не имела себе равных, оставляя позади свет и тем более — материю.

Энергия, свет и материя — порождения сверхмысли. Пока это лишь гипотеза, но когда-нибудь объединенный разум соляриан найдет ей подтверждение. Они и так уже очень близки

к этому. Еще один или два шага, и они обретут могущество богов. Они установят господство разума над материей и начнут сами создавать необходимые им виды материи.

Разум Лоусона почти мгновенно достиг центра империи нилеанцев. Если бы понадобилось, он с такой же легкостью мог бы преодолеть межгалактическую бездну и оказаться в пределах своей родной галактики. Лоусону достаточно было мысленно представить конечную точку, и его разум увидел кабину корабля, как две капли воды похожего на его собственный. Правда, на борту отсутствовали гигантские шмели, зато сейчас Лоусон видел мир человеческими глазами.

Экипаж этого корабля состоял из человека по имени Эдвард Ридер и четверых бесформенных существ вроде тех, что красовались на дорогом сердцу Лоусона снимке. Они были родом с Реи — одной из лун Сатурна. Впрочем, реанцы — не более чем историческое название, достояние прошлого. Они были солярианцами и иначе себя не мыслили.

Наверное, шмели с Каллисто больше понравились бы нилеанцам. В отличие от подданных Маркхамвита нилеанцы радовались бы каждому укусу, ибо он вызывал бы у них приятное опьянение. Они не брезговали никакой кислотой, за исключением плавиковой, но даже она считалась у некоторых отчаянных храбрецов пригодным жидким заменителем «спотыкающихся ягод».

Зрение нилеанцев частично захватывало и ультрафиолетовую часть спектра. Чтобы увидеть «призраков», прилетевших вместе с Ридером, требовалось как раз противоположное, инфракрасное зрение. Поскольку нилеанцы таким зрением не обладали, они были не на шутку встревожены появлением странного двурукого существа в окружении непонятных и жутковатых фигур.

Надо сказать, что и человеческое зрение воспринимало уроженцев Реи в виде туманных пятен. Но солярианцам было легче: умственное восприятие дополняло то, чего не видели глаза, а разум «призраков» с Реи давно стал частью общесолярианского разума. Просто у людей и шмелей были не совсем видимые братья, вот и все.

Лоусон мысленно слушал слова Ридера:

— Я только что вернулся с заседания Военного совета. Это моя третья встреча с ними. Главным у них некий волосатый забияка по имени Гластром. Ему не дает покоя навязчивая мысль, будто твой Маркхамвит строит ему козни и пытается заманить в ловушку.

— Здесь такая же комедия. Маркхамвит засадил меня в камеру и теперь решает, как быть дальше. Ждет знака судьбы или чего-то подобного.

— Меня бы здесь тоже с удовольствием упрятали подальше,— сообщил разум Ридера, даже не спросив, как Лоусон переносит тяготы заключения.— Думаю, их удерживает только одно: они не знают, что делать с остальными.— Взгляд Ридера переместился на призрачную четверку.— Ребята немного показали нилеанцам, какие чудеса умеют вытворять рассерженные духи. Они отключили свет во всем городе. Охранники едва не свихнулись и принялись палить по своей малой луне. Было очень смешно, но нилеанцы почему-то не смеялись.

— Мои спутники здесь тоже не вызывают бурю восторга.— Лоусон помолчал.— Хуже всего, что обе стороны постоянно подозревают друг друга в обмане, считая солярианцев уловкой врага. Им не до наших требований. Самое скверное — все это может продолжаться до бесконечности. Маркхамвит в полнейшем замешательстве. Его единственная тактика — тянуть время.

— Гластром и Военный совет делают то же самое.

— Ограничьте их время,— коротко, но настойчиво потребовали мысли четверых «призраков».

— Ограничьте их время,— эхом отозвались мысли нескольких шмелей.

— Дайте им всего лишь одну единицу времени,— подтвердили мысли немногочисленных солярианцев, разбросанных по здешней галактике.

— Дайте им всего лишь одну единицу времени,— согласился мощный коллективный разум солярианцев по ту сторону межгалактической бездны.

— Думаю, лучше предупредить их немедленно.

Лоусон увидел глазами Ридера, как тот встал и направился к открытому люку. Ридер не опасался, что, выдвигая ультиматум, он рискует своей жизнью. Он не имел возраста, поскольку был частью громадной общности. Будучи ее частицей, он мог не опасаться смерти — ведь он принадлежал к бессмертному целому. Как и Лоусон, Ридер воспринимал себя так: я плюс все остальные люди и плюс все остальные существа и сущности. Индивидуальное «я» может бесследно сгинуть, но Солярианское Содружество вечно и неуничтожимо.

Пора от слов переходить к делу. Лоусон оборвал мысленный поток и вернулся в камеру. Он встал, зевнул, потянулся и подошел к решетке.

— Мне нужно немедленно поговорить с Маркхамвитом.

Надзиратель опустил свиток на пол и обреченно вздохнул. Только размечтался о покое, как на тебе!

— Когда будет нужно, Великий Правитель сам пошлет за тобой,— сказал надзиратель.— А пока можешь отдыхать. Ложись и спи.

— Я не сплю.

— Спать нужно всем,— поучающим тоном произнес надзиратель.— Бессонница ни к чему хорошему не приводит.

— Говори за себя,— посоветовал ему Лоусон.— Я никогда в жизни не спал и, как видишь, жив и здоров.

— Даже Великий Правитель спит,— торжественно объявил надзиратель.

Но и эта, казалось бы, неопровержимая истина не убедила Лоусона.

— Ты видел это собственными глазами? — спросил он.

Надзиратель недоуменно глядел на него, будто искал в словах Лоусона замаскированное оскорбление в адрес вождя.

— Мне приказано следить за тобой, пока Великий Правитель не пожелает снова тебя увидеть,— не найдя ничего лучшего, сказал надзиратель.

— Прекрасно. Тогда сходи к нему и узнай, не желает ли он меня видеть.

— Я не смею.

— В таком случае позови сюда кого-нибудь, кто посмелее тебя.

— Я позову начальника охраны,— быстро сообразил надзиратель.

Он скрылся в коридоре и вскоре вернулся с начальником охраны — более рослым, толстым и угрюмым типом. Он сердито посмотрел на узника и пробасил:

— Из-за какой еще ерунды ты меня беспокоишь?

Лоусон мастерски изобразил нарастающее изумление.

— Вы что, в самом деле осмеливаетесь называть личные дела Великого Правителя ерундой?

Куда только девалась напыщенность начальника охраны! Он стал похож на проколотый воздушный шар, из которого с шипением выходил воздух. Он съежился и заметно побледнел. Надзиратель поспешил ретироваться, боясь, как бы и его не заподозрили в чем-нибудь недозволенном.

— Я не имел в виду личные дела вождя.

— Я искренне надеюсь, что нет,— заявил Лоусон, мастерски изображая почтение к Великому Правителю.

Кое-как уняв волнение, начальник охраны спросил:

— О чем ты хотел говорить с Великим Правителем?

— Я готов вам сообщить, но только после того, как вы предъявите документ.

— Документ? — переспросил вконец сбитый с толку офицер.— Какой документ?

— Документ, подтверждающий ваше право быть цензором всех разговоров, которые ведет Великий Правитель.

— Я пойду и посоветуюсь с начальником гарнизона,— выпалил бедняга.

Вид у него был просто жалкий. Он как будто вляпался в навозную кучу и теперь спешно искал укромный уголок, чтобы поскорее счистить все это со своих сапог. Вернувшийся надзиратель снова уселся на табурет, опасливо поглядывая на Лоусона. Заметив на рукаве мундира притаившуюся вошь, надзиратель безжалостно оборвал ей жизнь.

— Я дал твоему начальнику сотню тысячных отрезков времени,— сообщил ему Лоусон.— Если он не вернется, я отсюда ухожу.

Надзиратель вскочил, сжал в руке винтовку и тревожно посмотрел на странного двурукого.

— Ты не можешь выйти.

— Почему?

— Ты заперт.

В ответ Лоусон рассмеялся.

— И я здесь,— привел новый довод надзиратель.

— Жаль, что ты здесь оказался,— пожалел его Лоусон.— Ты ведь должен действовать по уставу. Одно из двух: ты либо застрелишь меня, либо нет. Если ты меня не застрелишь, я уйду, и Маркхамвит рассердится. Но если ты меня убьешь, он будет вне себя от гнева.— Лоусон медленно покачал головой.— Ох, не хотел бы я сейчас оказаться на твоем месте.

Надзирателю становилось все тошнее. Он старался одновременно следить за решетчатой дверью и коридором. Появление начальника охраны стало для него подлинным спасением. Подойдя, начальник коротко приказал открыть дверь. Лоусону он сказал:

— Начальник гарнизона передал твою просьбу. Тебе разрешили переговорить с первым министром Ганном. Дальнейшее решение зависит от него.

Начальник охраны двинулся первым. За ним шел Лоусон, а надзиратель плелся в хвосте. Узника привели в тесную комнату. Начальник охраны подал ему телефонные принадлежности. Лоусон взял наушник, но его ухо было крупнее, и он притиснул наушник пальцем. Потом он взял микрофонную трубку и одно-

временно послал на корабль мысленный сигнал, приглашая спутников послушать беседу.

— Сейчас увидите, как они подергаются,— мысленно добавил Лоусон.

В наушнике раздался голос Ганна:

— Все, что ты желаешь сказать Великому Правителю, можешь сказать мне.

— Прошу передать ему новость: в его распоряжении осталось семь восьмых единицы времени,— сказал Лоусон.— Одну восьмую его подданные попусту растратили на препирательства со мной.

Краешком глаза Лоусон заметил, как помрачнел начальник охраны. Они даже не приняли меры предосторожности, оставив дверь открытой. Оба окна также были полуоткрыты. Замечательно. Жужжалка, Лу и все остальные смогут беспрепятственно сюда проникнуть.

— Семь восьмых единицы времени? — запоздало переспросил Ганн. Голос его чуть дрогнул.— Для чего?

— Чтобы послать приказ к возвращению.

— К возвращению?

— Как жаль, что и вы тратите бесценное время, повторяя куски моих фраз,— вздохнул Лоусон.— Вы отлично знаете, о чем я говорю. Вы же постоянно присутствовали при моих разговорах с Маркхамвитом. И тугоухостью, по-моему, вы тоже не страдаете.

— Прекрати мне дерзить! — не выдержал Ганн.— Твоя наглость переходит все пределы. Я хочу знать точно: почему у Великого Правителя есть лишь семь восьмых единицы времени?

— Теперь из-за вас времени стало еще меньше: тринадцать шестнадцатых. За это время он должен сделать то, о чем я сказал.

— Ты вздумал нас пугать? — взвизгнул Ганн.— А если он ничего не сделает?

— Тогда мы начнем действовать сами.

— Ты все врешь! У тебя нет...

Голос первого министра резко оборвался, поскольку в трубке, тише и глуше, зазвучал еще один, властный голос. Лоусону было слышно, как Ганн торопливо повторял: «Да, мой повелитель. Опять этот наглый пришелец, мой повелитель».

В комнатке, где находился Лоусон, тоже кое-что изменилось. В воздухе послышалось басовитое жужжание. Оно приближалось с двух сторон: от двери и от окна. Начальник охраны и надзиратель почти одновременно задвигали ногами, подпрыгнули, сдавленно вскрикнули. Потом их одеревеневшие тела с глухим стуком упали на пол и стало тихо.

Из наушника донесся резкий голос Маркхамвита.

— Если ты хочешь добиться желаемого за счет новой порции наглой лжи, ты очень сильно ошибаешься. Я уже начал получать донесения с боевых кораблей,— угрожающим тоном продолжал Маркхамвит.— Рано или поздно придет то, которого я так жду. Когда я его получу, пощады от меня не жди.

— У вас остается приблизительно три четверти единицы времени,— ответил Лоусон.— После этого мы возьмем инициативу в свои руки и начнем действовать так, как сочтем нужным. Не волнуйтесь, наши действия будут решительными, но не жестокими. Мы не прольем ничьей крови, никого не убьем, однако последствия для вас будут весьма серьезными.

— Ты, я вижу, все еще надеешься испугать меня своими угрозами,— язвительно засмеялся Маркхамвит.— В таком случае я сделаю то, что ты от меня требуешь. По истечении указанного тобой времени я начну действовать. И мои действия вполне будут отвечать сложившейся ситуации.

— А время продолжает тратиться попусту,— равнодушно произнес Лоусон.

Шмели улетели; теперь их жужжание доносилось откуда-то со двора. Рядом с Лоусоном торчали подошвы грубых армейских сапог.

— Один раз мы допустили оплошность, но только один. Теперь ты ни за что не попадешь на корабль. И с дружками своими тебе не связаться,— торжествовал Маркхамвит.— А через три четверти единицы времени и от твоего корабля ничего не останется. Воздушный патруль подвергнет его массированной бомбардировке. Цель заметная, они не промахнутся.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Если на твоем корабле есть устройство для стерилизации, оно тоже превратится в пыль. Все твои крылатые сообщники, если они уцелеют, будут уничтожены при первой же возможности. Поскольку ты решил поскорее закончить спектакль, я подготовился к любым ответным действиям твоего Солярианского Содружества. *Если*, конечно, Солярианское Содружество действительно существует и *если* твои соплеменники умеют перемещаться быстрее света.

Последние слова Маркхамвит произнес с особой издевкой.

Скорее всего, Великий Правитель бросил телефон, забыв его отключить. Лоусон слышал, как Маркхамвит приказал Ганну: «Йельма ко мне. Я покажу нилеанцам, что все их уловки — плохая замена пулям и бомбам».

Говорить было больше не о чем. Лоусон бросил телефон, перешагнул через два распластанных тела (начальник охраны и

надзиратель могли лишь метать на него полные ненависти взгляды) и вышел, прикрыв за собой дверь.

Очутившись на просторном дворе, Лоусон пересек его по диагонали, шагая на виду у нескольких караульных, которые стояли на парапете стены. Те с любопытством разглядывали его, поскольку впервые видели такое странное существо. Если они и не были зачарованы зрелищем, то их надежно одурачила уверенная манера Лоусона. Каждым своим движением он демонстрировал безусловное право идти туда, куда ему нужно. Никто даже не догадался его окликнуть. Ни у кого не мелькнуло и мысли о побеге.

Один из охранников услужливо нажал рычаг, открывавший наружные ворота (потом он проклинал день, когда позволил себе так обмануться и забыть о бдительности). Другой охранник, тоже желая показать рвение, услужливо остановил для беглеца проезжавший грузовик.

— Можешь довезти меня до корабля, что стоит на равнине за городом? — спросил у водителя Лоусон.

— Вообще-то мне в другую сторону.

— Дело государственной важности. Я только что говорил об этом с первым министром Ганном.

— И что он сказал?

— Он тут же соединил меня с Великим Правителем, который потребовал, чтобы я поторапливался. У меня остается немногим более половины единицы времени.

— Великий Правитель,— почтительно прошептал водитель.

Он развернул грузовик и открыл дверцу.

— Поехали. Я тебя мигом довезу.

Им не понадобилось прорываться сквозь оцепление — оно было снято. Солдат отвели на безопасное расстояние. Сгрудившись, они стояли, опираясь на винтовки и предвкушая редкое зрелище. Двое офицеров, заметив грузовик, стали махать руками и что-то кричать, но они находились далеко, и водитель ничего не услышал. Самих офицеров он, к счастью, не заметил.

— Спасибо тебе,— сказал Лоусон, выпрыгивая из кабины.— За добро надо платить добром, а потому разворачивайся и уезжай отсюда еще быстрее, чем мы ехали.

— Почему? — тупо моргая, спросил водитель.

— Потому что через одну пятую единицы времени сюда градом посыплются бомбы. Конечно, ты можешь остаться и глазеть, но потом будет поздно.

Водитель не отличался быстрой сообразительностью, но инстинкт самосохранения подсказал ему, что лучше не испытывать судьбу. Грузовик на полной скорости понесся в город.

Лоусон поднялся по лесенке, убрал ее и задраил шлюз. Ему не требовалось выяснять, все ли шмели успели добраться до корабля. Он и так знал, что все, как и они знали о его возвращении и спешном старте.

Усевшись в кресло пилота, Лоусон прошелся пальцами по приборной доске и задумчиво посмотрел на корабельный хронометр. До обещанной Маркхамвитом бомбардировки оставалось семьдесят две тысячных доли времени. Лоусон повернул еще один рычажок и стартовал.

От места старта понеслись воздушные волны, отчего почти у всех солдат сорвало с голов фуражки. А высоко в небе кружили самолеты воздушного патруля. Их бомбовые отсеки были загружены до предела. Не было только неподвижной цели, которую им приказали бомбить.

9

Планета была бродячей. Когда-то очень давно неведомая катастрофа вырвала ее из родной звездной системы. С тех пор она странствовала по космосу, не зная своего будущего. Если повезет, она притянется к новому солнцу и начнет вращаться вокруг него. Если нет, космическая сирота так и будет скитаться, пока неумолимые законы Вселенной не разрушат ее.

Планета не была покрыта ледяной коркой: раскаленные недра еще согревали ее поверхность. Звезды дарили ей свой бледный, рассеянный свет. Его хватало на жизнь блеклых цветов и чахлых деревьев, растущих на этой планете. На планете была даже разумная жизнь. Правда, чужая.

Давно эта странница не получала столько внимания. На ее поверхности гостили четырнадцать космических кораблей. Одиннадцать из них были солярианскими. Два принадлежали империи Великого Правителя Маркхамвита, и один прилетел с Нилеи. Солярианские корабли облюбовали себе уютную долину. Нилеанцы и посланцы Маркхамвита находились на другом конце планеты. Враги, разделенные парой сотен миль, даже не подозревали о присутствии друг друга, не говоря уже о солярианцах.

Непримиримые враги оказались в довольно забавном положении. Каждая из воюющих сторон обнаружила эту планету самостоятельно, с разницей в несколько дней. И нилеанцы, и посланцы Маркхамвита опустились на поверхность в надежде найти здесь расу двуруких или хотя бы какие-то следы их присутствия. По непонятным причинам экипаж каждого из трех кораблей стал жертвой временного помешательства. Безумие застлало им

глаза, и они, не отдавая отчета своим действиям, взорвали все боеприпасы, причинив непоправимый вред кораблям. Так они стали пленниками бродячей планеты. Кое-как оправившись от безумия, все три экипажа тупо взирали на дела рук своих и были полностью убеждены, что на миллиарды миль вокруг нет ни проблеска разумной жизни.

Хорошо, что они не знали, кто являлся истинной причиной их помешательства. Истинные виновники находились на борту двух солярианских кораблей и назывались пауколюди. Родом они были из той галактики, что лежала по другую сторону бездны; точнее — с влажной и жаркой планеты Венера, вращающейся вокруг неизвестной здесь звезды, именуемой Солнцем. Иными словами, пауколюди были солярианцами и входили в одно содружество с двурукими, шмелями и призраками.

С чисто военной точки зрения пауколюди не представляли никакой опасности. Они не умели ходить строем, не разбирались и не желали разбираться в оружии. Пауколюди отличались почти полной невосприимчивостью к технике. Даже обыкновенная отвертка лишала их душевного равновесия. Зато они обожали украшать свои головы неподражаемыми шляпами с перьями. Шляпные мастера Венеры неустанно выдумывали все новые и новые фасоны шляп. Пауколюди были самыми ребячливыми из всех солярианцев, но одно их качество было отнюдь не детским. Кое у кого это качество вызвало бы неподдельный страх: пауколюди умели искривлять чужое сознание.

То была врожденная способность пауколюдей, и потому они не придавали ей особого значения. Они могли концентрировать общую ментальную энергию солярианцев в узкий пучок и направлять ее туда, куда потребуется. Несолярианский разум, становящийся точкой приложения направленного разума пауколюдей, напоминал (правда, очень отдаленно) поверхность, на которую упали солнечные лучи, собранные мощным увеличительным стеклом. Результатом было временное, но абсолютное ментальное подчинение.

Только *временное*. Солярианская этика не допускала постоянного подчинения одного разума другим, ибо это приводило к порабощению души. Если бы не этические запреты, двое пауколюдей в считанные секунды заставили бы главарей обеих воюющих сторон «увидеть причину» для прекращения войны. Но что толку в соглашении, навязанном чужим разумом? Исчезнет контроль чужого разума, и оно мгновенно рассыплется. Нет, главная цель — побудить Маркхамвита и Гластрома к добровольному, осознанному сотрудничеству, и не временно, а навсегда.

Та же солярианская этика требовала обойтись, если возможно, без кровопролития либо ценою крови истинных виновников войны.

Солярианцы, как никто другой, знали: войны всегда нужны лишь правящей верхушке. Это подтверждала история любой разумной расы. Солярианцам за всю их многовековую историю не встретилось ни одной планеты или планетной системы, население которых само мечтало бы о войне. Как раз наоборот: население мечтало о спокойной жизни. Истинными виновниками всегда являлись полубезумные, одурманенные военным угаром политики, генералы, маршалы. Это они замышляли и развязывали войны. Но не будешь же воевать жалкой кучкой против другой жалкой кучки. И тогда в ход пускались всевозможнейшие методы: от утонченной игры на патриотических чувствах до грязной лжи и откровенного принуждения. К этим маньякам и преступникам у солярианцев не было жалости: если кровопролития не избежать, пусть их настигнет заслуженное возмездие.

Нынешней операцией руководил коллективный солярианский разум. Лоусон, Ридер и все остальные знали ее до мельчайших подробностей, ибо сами являлись частями этого разума. Они владели богатством, которому позавидовал бы любой гениальный стратег прошлого. Для отдачи приказов и распоряжений им не требовались доверенные лица или секретные каналы связи. Не было необходимости в военных советах и координации действий. Решения коллективного солярианского разума мгновенно доходили до каждого из них.

Если военачальники прошлого были вынуждены дорого платить за опыт ведения сражений, солярианцы и здесь обладали необычайным преимуществом. Более того, они могли виртуозно управлять любым сражением, не опасаясь, что враг перехватит секретные сведения. Вместе с громоздкой системой управления боем исчезли неизбежные случайности и ошибки. Нынче даже горстка солярианцев была надежно застрахована от ошибок.

Корабль Лоусона был одним из одиннадцати солярианских кораблей. Вторым был корабль Ридера. Еще семь кораблей прибыли на бродячую планету, чтобы пополнить экипажи Лоусона и Ридера несколькими пауколюдьми. Если бы враг имел другой облик, экипаж пополнился бы другими солярианцами. Возможно, ими стали бы слоноподобные существа с астероида Европа или смуглые карлики с Марса. Что касается нынешней ситуации, паукообразные любители шляп подходили для нее как нельзя лучше.

Двое шестиногих венерианцев, серокожих и поросших густой щетиной, поднялись на корабль Лоусона. Они беспокойно вращали своими фасеточными глазами и подозрительно принюхивались, хотя носов как таковых у них не было. Потом они вопросительно переглянулись.

— Я чую букашек,— объявил один из пауколюдей, голову которого украшал пурпурный колпак с причудливыми завитками пушистых перьев.

— Да, надо хорошенько проверить эту железку на предмет насекомых,— согласился второй, поправляя ярко-красную феску с длинной малиновой лентой.

— Если желаете, можете перебраться на корабль Ридера,— предложил им Лоусон.

— Что? Лететь вместе с шайкой привидений? — Паукочеловек сдвинул свой колпак на бок.— Уж лучше терпеть общество букашек.

— По мне так тоже — лучше букашки,— согласился обладатель красной фески.

— Очень любезно с вашей стороны,— мысленно похвалил их Жужжалка, включаясь в беседу.

Шмель оранжевым шариком выпорхнул из рубки.

— Думаю, мы сумеем поладить и...

Увидев новых членов экипажа, шмель испустил неслышимый вопль и заметался взад-вперед.

— Вы только посмотрите на них! Только посмотрите!

— В чем дело? — сердито спросил паукочеловек в пурпурном колпаке.

В этом году его звали Нфам. Через год его имя должно было измениться на Нфим, а еще через год — на Нфем.

— Какие отвратительные штуки у них на голове,— не унимался Жужжалка. Он весь дрожал.— Особенно красная.

Обладатель красной фески, которого в этом году звали Джлат, вспыхнул от гнева.

— Знай, что перед тобой — шедевр великого Орони, чье мастерство...

— Может быть, хватит обмениваться комплиментами? — не выдержал Лоусон.— Нам пора стартовать. И очень прошу не продолжать перепалку во время полета.

Лоусон закрыл и задраил входной люк, уселся в кресло пилота и повернул стартовый рычажок.

На планете остались десять солярианских кораблей. Через некоторое время улетел Ридер, а после него — и все остальные. Из гостей остались лишь три экипажа. Они задумчиво взирали

на искореженные цилиндры своих кораблей и проклинали необъяснимый приступ безумия, приковавший их к бродячей планете.

10

Первый контакт произошел с одним из тяжелых боевых крейсеров Великого Правителя — длинным черным кораблем цилиндрической формы. Он был вооружен крупнокалиберными пушками и управляемыми ракетами. Крейсер на приличной скорости двигался в сторону Каламбара — бело-голубой звезды с несколькими планетами. Эта система находилась в непосредственной близости от галактического сектора, который нилеанцы относили к своей сфере интересов. О планетах вокруг Каламбара было известно очень немногое. Знали лишь, что они обитаемы. Близость к нилеанским границам позволяла считать эту систему возможным пристанищем нилеанских союзников — двуруких и крылатых.

Лоусон узнал о существовании крейсера и целях экипажа задолго до того, как черный цилиндр заслонил в иллюминаторах изрядный кусок звездного неба. Он узнал об этом корабле даже раньше, чем чувствительная аппаратура отметила присутствие быстроходного металлического объекта, излучающего тепловые волны. Просто пауколюди в экзотических головных уборах, став двойным каналом солярианского суперразума, проникли в мысли экипажа крейсера и узнали, куда он движется, с какой скоростью и на каком расстоянии от корабля Лоусона он сейчас находится. Лоусону оставалось лишь добраться до места встречи, точно зная, что крейсер будет там.

Однако даже солярианскому кораблю, умевшему развивать скорости, немыслимые в этой галактике, все-таки понадобилось некоторое время, чтобы догнать крейсер. Лоусон поспел в срок. Его корабль вылетел словно из ниоткуда. Это произошло столь внезапно для экипажа крейсера, что корабли шли чуть ли не борт в борт, а система оповещения на крейсере молчала.

Сигнал тревоги все-таки раздался, но было уже слишком поздно. Экипаж вел себя совсем не так, как должен был бы вести в подобной ситуации. Впрочем, этого никто не заметил, поскольку все, кто находился на борту, вдруг начали мыслить совершенно одинаково. Во-первых, сигнал означал необходимость действий. Во-вторых, всем разом надоело тратить драгоценную жизнь на болтание в пустом космосе и захотелось ощутить твердую почву под ногами. В-третьих, справа по борту, всего в четырех пунктах, приветливо светилась звездочка, и до нее

было намного ближе, чем до Каламбара. И в-четвертых, экипаж не совершал ничего предосудительного. Как-никак они заслужили право вдоволь отдохнуть и насладиться покоем.

Разумеется, эти мысли были недопустимы для экипажа военного корабля. Они противоречили приказу и подрывали дисциплину, но у них были надежные союзники: врожденные инстинкты и тайные желания. К тому же эти мысли внушались с непреодолимой силой.

Экипаж отключил систему оповещения и взял курс на приветливо светящуюся звездочку. Соляринский корабль устремился следом. Крейсер опустился на планете, населенной отсталой расой диркинцев. Те никакого участия в войне, естественно, не принимали и немало удивились непрошеным гостям. Диркинцы недолюбливали технику и потому облегченно вздохнули, когда громыхнувший взрыв превратил черный крейсер в груду негодного металла. Экипаж безмятежно разгуливал поодаль, наслаждаясь пением птиц и шелестом волн. Диркинцы заметили и второй корабль, опустившийся на их планету, но приближаться к нему не стали. Правда, тот корабль долго не задержался и исчез в небе. После его отлета у экипажа крейсера сразу пропало желание отдыхать и наслаждаться красотами природы, и они стали больше похожи на потерпевших кораблекрушение. Отсталые диркинцы не усмотрели связи между этими событиями и посчитали их случайным совпадением.

Вслед за черным крейсером аналогичная участь вскоре постигла еще двадцать семь боевых кораблей. Все они сходили с предписанного курса, садились на какой-нибудь обитаемой планете, где экипаж первым делом уничтожал свой корабль, выводя его и самих себя из войны. Семнадцать кораблей принадлежали Великому Правителю Маркхамвиту, десять — нилеанцам. Никто из них не сумел воспротивиться мысленным приказам пауколюдей. Ни один из кораблей не выстрелил из орудий, не выпустил ракету и даже не попытался произвести какой-либо обманный маневр. Как ни жаль, но чудеса военной науки и техники оказались бессильными противостоять другому чуду — коллективному разуму солярианцев. Разум одержал внушительную победу над материей.

И все же когда Лоусон и его экипаж собрались проделать тот же трюк с двадцать девятым по счету кораблем, материальный мир ответил неожиданным ударом. С самого начала этот корабль вел себя довольно странно. Приборы уже засекли его присутствие, а Джлат и Нфам ничего не ощущали. Лоусон потом догадался, в чем тут дело: пауколюди настроились на чужие мыслеформы, а на корабле их не было. Ни одной мысли.

Дело происходило вблизи планеты, имеющей несколько спутников. Странный корабль облетал вокруг меньшего спутника. В отраженном свете Лоусон разглядел противника: то был нилеанский грузовой корабль. Вернее, его превратили в грузовой корабль. Если бы не война, этот старый, давно отслуживший свое легкий крейсер ржавел бы на какой-нибудь свалке. Корабль тем не менее не был безоружным. В носовой части торчал ствол пушки среднего калибра, а по бортам располагались пусковые ракетные установки. Правда, чтобы выпустить ракеты, этой развалине пришлось бы поюлить, занимая наиболее удобную позицию по отношению к цели. И как его сюда занесло? Такие корабли еще могли летать на короткие расстояния где-нибудь в спокойных секторах, но только не здесь. Возможно, не стоило тратить время, пытаясь заставить его сесть.

Однако Лоусона и его экипаж заело любопытство. Старый, но еще вполне боеспособный корабль, на борту которого, похоже, не было мыслящих существ. Такое они видели впервые. У Лоусона возникло несколько предположений. Возможно, экипаж корабля умел ставить ментальное заграждение, непроницаемое для разума пауколюдей. Мысль казалась абсурдной, но и ее нельзя было сбрасывать со счетов. Никогда нельзя успокаивать себя тем, что имеешь дело с отсталым противником.

Существовала и другая, пусть совершенно ничтожная вероятность: корабль управлялся какой-нибудь роботоподобной расой, которую нилеанцы сделали своей союзницей в войне. Лоусону пришла в голову и такая мысль: что, если у Маркхамвита появилось новое оружие, способное уничтожить вражеский экипаж, не повредив самого корабля? Возможно, они столкнулись с жертвой этого оружия... Лоусон перебрал еще несколько предположений и остановился на наиболее вероятном: экипаж покинул этот корабль, но зачем-то оставил его на тщательно выверенной орбите.

Пока корабль Лоусона двигался к указанной детекторами точке, Джлат и Нфам тщательно прощупывали ближайшую луну — не скрывается ли там экипаж, покинувший нилеанскую развалину. Никого. Лоусон прошел над покинутым кораблем. Бортовые приборы автоматически определили его назначение, тип, опознавательные знаки. Вскоре нилеанский корабль остался далеко позади. Корабль Лоусона описывал широкую кривую, которая должна была бы вновь провести его над кораблем нилеанцев. Но этого не случилось.

Нилеанский корабль действительно был пуст, однако его приборы не дремали. Единственно, они умели реагировать на объекты, движущиеся не с такой скоростью, как корабль Лоусона.

Их реакция запоздала, но корабль свое предназначение выполнил. Из помятых сопел вырвалось пламя, и боевое судно взорвалось. Зрелище было впечатляющим и жутким. Такой взрыв мог бы уничтожить любую боевую единицу, находись она поблизости. Лоусона и его экипаж спасло то, что их корабль двигался намного быстрее многочисленных осколков, летевших вслед.

— Мина-ловушка,— сказал Лоусон.— Хорошенькое месиво получилось бы из нас, если бы мы ползли со скоростью их кораблей.

— Да,— мысленно отозвался один из шмелей, скрывавшийся где-то в хвосте.— И чем тебе помогли эти хваленые шляпоносцы? Может, ты слышал их предостерегающие крики: «Не приближайся! Опасно!»? Или они схватили тебя за руку?

— Кажется, я слышу чей-то противный завистливый голос,— обратился Нфам к Джлату.— Букашка, ничего не понимающая в шляпах, осмеливается нас упрекать.

— Нам они просто не нужны,— возразил шмель.— Это только блеклые, ничтожные личности имеют склонность искусственно себя украшать. У нас...

— Нет для этого рук,— быстро договорил за шмеля Нфам.

— Поэтому им приходится сражаться с помощью собственных задов,— добавил Джлат.

— А ну-ка, взгляни сюда, деликатес для лягушек! Мы...

— Всем замолчать! — с необычной для него свирепостью потребовал Лоусон.

Экипаж умолк. Корабль полетел дальше, на поиски цели номер тридцать.

Пока Лоусон разыскивал очередную цель, в другом секторе галактики едва не началось грандиозное побоище. Солярианцы поспели вовремя, еще раз показав превосходство действий, направляемых коллективным разумом, над традиционными способами ведения войны.

Все началось с того, что пауколюди, находившиеся на борту корабля Эллиса, ощутили мощный поток воинственных мыслеформ. Эллис двинулся по следу и наткнулся на две флотилии боевых кораблей, выстроившихся для сражения. Его корабль прибыл туда одновременно с тяжелым дредноутом, спешившим занять свое место в боевом строю.

Новость о грядущем сражении мгновенно стала достоянием всего Солярианского Содружества. Лоусон немедленно изменил курс, увеличил скорость и поспешил на подмогу Эллису. Путь был неблизким. Боевым кораблям воюющих сторон пришлось бы лететь не один месяц, но у солярианцев были иные скорос-

ти. Невидимый и нежданный, корабль Лоусона понесся мимо звезд и планет, в основном пустынных и безжизненных.

В какой-то момент недремлющий разум Нфама обнаружил караван из десяти кораблей. Они шли вплотную друг к другу, направляясь к планетной системе, раскинувшейся вокруг двойной звезды. Корабли эти, как выяснил Нфам, были мирными торговыми судами нейтрального государства и надеялись достичь места назначения, не попавшись на глаза ни одной из воюющих сторон. Однако экипажи кораблей не знали, что вблизи двойной звезды их уже дожидалась пара легких истребителей Маркхамвита, готовых остановить караван и начать досмотр груза. «Досмотр» ничем не отличался от разбоя на большой дороге: при желании можно было любой груз объявить стратегическим и обвинить экипажи кораблей в пособничестве врагу. Но на этот раз истребителям не удалось поживиться. Лоусон резко сбросил скорость. Пауколюди загнали космических волков в подходящую клетку. Теперь можно было двигаться дальше. Торговый караван преспокойно шел к месту назначения, даже не догадываясь о хищниках, которых вовремя убрали с его пути.

Когда Лоусон добрался до места готовящегося сражения, оно еще не началось, но боевой порядок был нарушен и превращался в неминуемый хаос. Несколько сотен нилеанских кораблей образовали гигантское полукружье, намереваясь оборонять семь совершенно ненужных им звездных систем. Естественно, стратеги противоборствующей стороны сразу же решили, что в этой части пространства у нилеанцев находятся жизненно важные объекты и потому семерку звездных систем нужно захватить любой ценой. Именно этого и добивались нилеанцы. Уступая империи Маркхамвита в военной мощи, они превосходили врагов в военной хитрости. Нилеанцы не раз мастерски отвлекали вражеское внимание от настоящих целей, подсовывая им блестящую пустышку. Сейчас обе стороны наводняли эфир потоками разнообразных приказов. Ради безжизненных каменных шаров, вращающихся вокруг семи звезд, они были готовы пойти на любые жертвы. Только в этот раз подготовка к сражению начала выпадать из привычного сценария.

Укоренившаяся тактика ведения космической войны расползалась по швам. Вместо многократно опробованной схемы расстановки сил получалось какое-то месиво. Казалось бы, давным-давно известно, куда направить легкие ударные силы, а куда — тяжелые, где атаковать, а где выставить заграждение, где будут находиться корабли первого резерва, а где — второго. Недоумение командиров обеих сторон перерастало в откровенное заме-

шательство. Сотни раз сражения разыгрывались как по нотам. И вдруг...

Постепенно становилось ясно: в подготовку сражения вмешалась какая-то третья сила, но какая? Линии дальней космической связи работали медленно. Шифрованные сообщения путешествовали от одной промежуточной станции к другой. Участники будущего сражения еще ничего не знали о событиях у себя дома и не подозревали, что солярианцы перешли от слов к делу. Правда, обе стороны недосчитывались кораблей, которым давно надлежало быть здесь, но это не особо волновало командиров. Космос обширен; корабли могли сбиться с курса или даже пропасть. Война — время неизбежных потерь, и бесполезно тратить время на поиски пропавших или пытаться выяснять причину их исчезновения.

Шаблонные представления крепко засели в командирских мозгах, и какое-то время обе стороны не замечали того, что творилось у них под самым носом. Командиры были крайне раздражены, но не встревожены. Чужая воля, внедрившаяся в их разум и замаскированная под логику, твердила им, что подготовка к сражению все равно продолжается, что никакой третьей силы нет и быть не может, поскольку любое сражение происходит только между двумя сторонами, не считая случайных очевидцев. Эта убаюкивающая «логика» мешала им осознать вмешательство третьей стороны. Разве кто-нибудь когда-нибудь слышал о трехстороннем сражении?

Подготовка затягивалась, сражение откладывалось. Воюющие стороны теперь напоминали двух боксеров, которые должны были вот-вот сойтись на ринге, но вдруг обнаружили у себя в трусах муравьев.

Пожалуй, сравнение с муравьями было вполне уместным. Кораблю Лоусона удалось незаметно для глаз и приборов проникнуть в самую середину нилеанского полукружья. Экипажи трех патрульных кораблей, отправленных на облет какой-то планеты, внезапно испытали жгучее желание опуститься на ее поверхность, уничтожить свои корабли и остаться там навсегда. Поначалу нилеанский командир, пославший их, регулярно получал донесения. И вдруг связь оборвалась. Ни один из трех кораблей не отвечал на запросы. Для выяснения причин непонятного молчания в тот сектор был послан корабль-разведчик. Он также исправно посылал донесения, но на подлете к планете замолчал. Командир послал еще одного разведчика, который тоже исчез. Корабли и их экипаж как будто куда-то проваливались. Командир решил больше не экспериментировать. Он на-

правил рапорт на штабной корабль и попытался успокоить себя, объяснив все «превратностями войны».

Трудно сказать, какой была бы реакция нилеанского командования, если хотя бы одному экипажу удалось передать сообщение о пленении их разума другим разумом. Но никто из пленников и не подозревал, что подчиняется чужой воле. Никто не догадывался, что играет в чужую игру,— ни когда играл, ни потом, стоя на каменистой почве необитаемой планеты и глядя на обломки собственноручно уничтоженного корабля.

Действия солярианцев чем-то напоминали проказы маленьких мальчишек, ворующих леденцы из-под носа у сверстников. Только уровень опасности в игре взрослых был иным, а сама опасность — не всегда предсказуемой. Эллис и его экипаж собирались разогнать скопление нилеанских кораблей, медленно ползущих в сторону полукружья... Они исчезли в яркой вспышке света. Пауколюдям не хватило ничтожных долей времени, чтобы блокировать разум экипажа нилеанского крейсера, и одна из минловушек, которыми нилеанцы управляли на расстоянии, взорвалась.

Каждый солярианец мгновенно узнал о гибели корабля Эллиса. Каждый почувствовал, что лишился частички жизни, как будто из разума ушла давнишняя и любимая мысль. Но никто из солярианцев не горевал. Никто не скорбел о потере. Подобные чувства не были свойственны солярианцам, поскольку слезы и скорбь не могли восполнить потерю. С могучей головы упало несколько волосков, но голова продолжала жить.

Спустя половину единицы времени Джеймс Лоусон и его экипаж взяли реванш за гибель собратьев. Нет, это не являлось преднамеренной местью, а было вызвано чисто тактическими соображениями. Вражеская военная структура, как и любой подобный источник силы, имела и свои уязвимые стороны. Чтобы погубить ее, иногда достаточно было отвернуть крошечную гайку.

Внушительная эскадра нилеанцев, в которую входило сто сорок лучших кораблей, оторвалась от общего полукружья, намереваясь совершить обходной маневр. Их целью было, обогнув вражеские позиции по кривой, оказаться неподалеку от переднего фланга в боевом порядке Маркхамвита. Маневр не отличался оригинальностью и был направлен на укрепление собственных флангов, что затрудняло возможный удар по центру. Если разведчики Маркхамвита заметят угрозу, вражеской флотилии придется оттянуть сюда часть сил и подготовиться к контратаке. В штабных кораблях обеих сторон легко управлялись с подобными маневрами, перемещая тяжелые боевые корабли, словно фигуры на гигантской шахматной доске.

Поскольку воюющие стороны полагались на силу оружия и техники, а не на силу разума, Лоусон довольно легко «отвернул гайку». Он завис над эскадрой. Тем временем Нфам и Джлат взяли под свой контроль разум командующего эскадрой и офицеров из его окружения. Достаточно было подчинить один корабль! Остальные безропотно подчинились приказу командующего эскадрой и бросились прочь, будто стадо испуганных овец.

Эскадра взяла новый курс и на предельной скорости покинула сектор боевых действий. Так приказал командующий, а адмиральские приказы не обсуждаются. Никто не обращал внимания на солярианский корабль, летящий рядом с ними. Если он здесь, то не иначе, как по приказу командующего. Корабли неслись к далекой родине. Таков был приказ их адмирала.

Лоусон сопровождал эскадру до половины пути, но даже после того, как он отстал, сто сорок нилеанских кораблей еще долго летели по заданному им курсу, не пытаясь повернуть обратно. Командующий эскадрой ни в коем случае не желал признаваться своим подчиненным, что у него случилось помрачение рассудка и он не помнит, отдавал ли приказ о возвращении домой. На всех кораблях не сомневались, что это вышестоящее начальство приказало адмиралу вернуть эскадру домой, иначе зачем они туда летят? Адмиралу в его положении ничего не оставалось, как продолжать полет, тщательно скрывая от всех собственную промашку. И сто сорок боевых крейсеров продолжали полет, так и не успев сразиться с противником.

Вскоре корабль Ридера оказал аналогичную услугу Верховному Правителю. Он повел на родину Маркхамвита восемьдесят восемь тяжелых крейсеров из резерва. Согласно приказу их командующего, все каналы связи были отключены. Узнав о самовольном отлете, на штабном корабле метали громы и молнии. Напрасно высшее командование щелкало переключателями, крутило ручки и нажимало кнопки всех имевшихся у них передатчиков. Напрасно в эфир неслись приказы о немедленном возвращении назад вперемешку с угрозами и обещаниями неминуемой расправы за дезертирство. Восемьдесят восемь кораблей продолжали лететь домой, послушно опечатав передатчики.

Без направляющей силы разума бомбы и пули мало на что годились. Достаточно хотя бы на время лишить направляющий их разум возможности самостоятельно мыслить, как грозная военная сила превращалась в груды никчемного металла, а стратегические построения рассыпались в прах. Флотилиям Маркхамвита и Гластрома противостояли всего лишь два солярианских корабля, но их грандиозный, впечатляющий успех был обусловлен тем, что солярианцы сосредоточились на первопричине, ле-

жащей в основе всех действий воюющих сторон, на движущей силе, управляющей всеми большими и малыми частями военной машины. Логика солярианцев впечатляюще доказала: бомбы, пули и штабные карты сами по себе воевать не могут.

Исключением не были и нилеанские мины-ловушки и подобные им устройства. По сути, все они являлись минами замедленного действия. Разум, создавший и установивший их, поспешил укрыться, как бы изъяв себя из пространства и времени. Было сложно найти тех, кто ставил эти смертоносные игрушки, одна из которых стоила жизни Эллису и его экипажу. Но в конечном итоге возмездие солярианцев настигло и их, когда корабли начали опускаться на безжизненные планеты, когда эскадры и ударные группы уносились прочь, а общий хаос неумолимо разрастался. В подтверждение этих слов взвинченное верховное командование нилеанцев дважды допустило серьезные просчеты, изменив курс нескольких кораблей и направив их на ими же расставленные мины.

К концу пятидесятой единицы времени солярианцы подвели впечатляющие итоги. Четырнадцать кораблей были уничтожены в результате несчастных случаев, в том числе и корабль Эллиса. Восемьсот пятьдесят один корабль совершил посадку на необитаемых планетах и спутниках и стараниями экипажа превратился в металлолом. Тысяча двести шестьдесят шесть кораблей, повинуясь приказу своего командования (точнее, тому, что приказали командованию пауколюди), улетели прочь, в основном в родные края. Штабы обеих воюющих сторон были почти полностью деморализованы. За все долгие мучения, выпавшие на долю более слабых государств, сохранявших нейтралитет, было наконец-то заплачено с лихвой. Похоже, самые неисправимые упрямцы убедились, что древние мифы способны оживать и превращаться в реальность сегодняшнего дня.

Корабли Лоусона и Ридера продолжали делать свое дело, а Солярианское Содружество по обе стороны межгалактической бездны оживленно обсуждало, как быть дальше. Если установить контроль над разумом верховного командования, сосредоточенного на двух штабных кораблях, остатки боевых флотилий мигом сдуло бы отсюда. Однако солярианцам не хотелось идти на такой шаг, ибо за ним кончалось необходимое вмешательство и начиналось нечто вроде диктатуры богоподобных.

Солярианцы прежде всего стремились вызвать у обеих империй уважение к непреложному закону жизни во Вселенной, заставив считаться с теми, кто стоял на страже этого закона. Стоило лишь немного переусердствовать, и солярианцев начали бы бояться по всей галактике. Конечно, имея дело с малоразвитым сознани-

ем, склонным к суеверию и предрассудкам, приходится применять кое-какие «воспитательные меры». Однако солярианцам очень не хотелось, чтобы вместо терпимости в отношениях между расами, основанной на разуме, у этих рас появилась терпимость, основанная на повсеместном страхе перед Солярианским Содружеством. Поскольку солярианцам приходилось иметь дело сразу с двумя доминирующими расами, непохожими друг на друга, нужно было тщательно обдумывать и взвешивать каждый шаг, чтобы не зайти слишком далеко. Все это напоминало старинный богословский анекдот о том, сколько раз надлежит окунать младенца в воду при крещении, чтобы он обрел спасение, но не получил воспаление легких.

По всеобщему согласию действия кораблей Лоусона и Ридера продолжались еще одну единицу времени. К концу этого срока стало очевидно, что оставшиеся нилеанские корабли перестраивают свой порядок, готовясь покинуть место несостоявшегося сражения. Было решено оставить нилеанцев в покое и сосредоточиться исключительно на поредевшей, но более упрямой флотилии Маркхамвита. Военачальники Великого Правителя были не столь быстры в принятии решений, однако принятые решения выполняли быстрее нилеанцев. Они сочли произошедшее дурным знамением, а потому не стали приписывать себе победу и спешно отправились восвояси.

— Достаточно!

Это слово эхом отозвалось в сознании всех солярианцев.

— Хорошо поработали, ребята,— похвалил пауколюдей Лоусон.

— Мы всегда работаем на высшем уровне,— заявил Нфам.

Сняв свой колпак, он смахнул воображаемую пыль, расправил перья и щегольски нахлобучил снова.

— Я заработал себе новую шляпу,— сказал Нфам.

— Хорошо бы тебе обзавестись еще и новой головой,— мысленно посоветовал Жужжалка, по-прежнему скрывавшийся в потаенном месте.

— Расам с детским сознанием всегда свойственна мелкая зависть,— произнес Джлат, покачивая головой, отчего малиновая лента кокетливо вздрагивала.— Мне давно не дает покоя один феномен, который обязательно нужно исследовать.

— Какой? — поинтересовался Нфам.

— Чем ближе к Солнцу, тем индивиды умнее, а чем дальше — тем глупее.

— Знаешь что, хвастливый паучина, за Поясом астероидов таких, как ты...

— Вы замолчите? — заорал Лоусон, весьма негуманным образом заявляя о своем превосходстве.

Остальные члены экипажа умолкли, и вовсе не потому, что благоговели перед Лоусоном или считали его лучше или хуже себя. Просто они знали, что только двуногие и двурукие способны спорить до хрипоты, доказывая существование бесхвостых крокодилов, размножающихся почкованием. Если коллективный разум солярианцев нуждался в заповеднике для голосовых упражнений, приправленных язвительностью, то лучшим местом для хранилища такого хлама, конечно же, была планета Земля.

Экипаж молчал, а Лоусон, увеличив скорость, двигался к бродячей планете. Там уже стояли два корабля, готовые взять на борт всех пауколюдей и доставить в родную галактику. Лоусону не требовались звездные карты. Он мог с закрытыми глазами пролететь половину здешней галактики и опуститься прямо на экваторе космической странницы. Для этого ему нужно было всего-навсего настроиться на поток мыслеформ, идущий от тех двух солярианских кораблей. Всего-навсего.

11

После стремительного развития событий наступило их замедление. Вполне предсказуемое замедление, обусловленное уровнем сознания воюющих сторон, во всем видевших злой умысел противника. Несовершенная система дальней космической связи была только на руку солярианцам. Теперь они терпеливо ждали, когда весть о несостоявшемся сражении и его последствиях достигнет Маркхамвита и Гластрома. Бесполезно было посылать к ним Лоусона и Ридера. Оба воинственных вождя не поверят до тех пор, пока доказательства не свалятся им на голову.

Когда Маркхамвит и Гластром получили детальные сведения о недавних событиях, обоим понадобилось еще какое-то время, чтобы полностью переварить случившееся. Поскольку нилеанцы отличались большей импульсивностью и меньшим упрямством, нежели их противники, можно было ожидать, что они первыми сообразят, насколько невыгодно и опасно претендовать на роль хозяев межзвездного пространства, являющегося достоянием всех рас.

Маркхамвит, скорее всего, будет упираться до последнего. Вначале он истерзает себе душу, балансируя между опасностью потерять лицо и непрерывно растущей горой нелицеприятных фактов. Он далеко не сразу придет к выводу, что лучше расстаться с диктаторскими амбициями, чем расстаться с жизнью на висе-

лице. Уж кто-кто, а он знал своих соплеменников и не тешил себя иллюзиями, что ему простят полный развал империи.

За пару дней до того, как разум нилеанского диктатора созрел для принятия решения, Ридер на своем корабле прорвался сквозь воздушный патруль, сбросил во внутреннем дворе резиденции Гластрома объемистый пакет и снова взмыл в небо, не дав опомниться ни охране, ни пилотам патрульных самолетов.

Спустя десять единиц времени (необходимая поправка на упрямый характер Маркхамвита) Лоусон сбросил аналогичный пакет вблизи центра дознания. Пакет шлепнулся прямо на голову толстого психиатра Казина, который прогуливался в том месте. Нет, Лоусон вовсе не собирался мстить Казину за прошлое. К тому же он двигался на приличной скорости, исключавшей прицельное метание. Все произошло абсолютно случайно, хотя Казин до конца своих дней был уверен в обратном.

Пыхтя, Казин поднялся на ноги и произнес несколько не самых лучших слов в адрес неба. Он взял пакет и отдал начальнику охраны, который сразу же отнес послание начальнику гарнизона, а тот поспешно переправил пакет начальнику разведки. Начальник разведки сразу вспомнил судьбу своего предшественника, разорванного бомбой, замаскированной под пакет. Не тратя времени понапрасну, он передал пакет первому министру Ганну. Наконец пакет попал к адресату — Верховному Правителю Маркхамвиту. Вручив вождю подозрительный груз, Ганн под благовидным предлогом покинул кабинет.

Маркхамвит не обрадовался посланию. Он поморщился, выхватил телефон и вызвал к себе начальника разведки. Когда тот явился, Маркхамвит приказал ему найти солдата поздоровее, который высунется из окна и на весу вскроет пакет. Начальник разведки, в свою очередь, приказал начальнику гарнизона, начальник гарнизона — начальнику охраны, и вскоре в кабинет явился здоровенный туповатый детина, жизнью которого, в случае чего, можно было пожертвовать.

Однако ничего страшного не произошло. Солдат вскрыл пакет и подал Маркхамвиту. Внутри оказалась толстая пачка звездных карт. Великий Правитель разложил их на столе и раздраженно начал разглядывать. Все карты пестрили пояснениями, а некоторые планеты и их спутники были пронумерованы. На обратной стороне каждой карты был список кораблей, нашедших последнее пристанище на той или иной планете, примерная численность экипажей и примерный срок, который они способны продержаться без помощи извне.

Чем дольше Маркхамвит изучал эту подборку карт, тем злее становился. Примерно одна пятая всех его сил была рассеяна

по необитаемым планетам. Одна пятая его кораблей превратилась в металлические обломки. Посылать за ними боевые корабли означало навлечь на себя новые беды. Значит, придется мобилизовать весь имеющийся у него торговый флот и отправить эти безоружные корабли к более чем двумстам большим и малым планетам. Если он не сумеет спасти своих подданных, оставшихся на далеких мирах, ему придется бежать самому.

Маркхамвит не знал, что на раздумья ему отпущено двадцать единиц времени.

В конце этого срока вернулся Лоусон.

Его вторая посадка на планету Маркхамвита была точной копией первой. Пустынная равнина, унылый серый город в нескольких милях к северу, жгучее голубоватое солнце и самая маленькая из трех лун, висящая над восточной оконечностью горизонта. Корабль сел, взметнув вокруг себя облако песчаной пыли. Нет, не может быть, чтобы они меня не ждали, подумал Лоусон. Он чувствовал какое-то скрытое движение, происходящее вокруг.

Как и тогда, над ним кружили самолеты воздушного патруля. Но в этот раз они вполне могли сбросить бомбы, не дожидаясь приказа. Дерзкая выходка, повторенная дважды, вызывает уже большую ярость, а иногда и невыносимую ярость, требующую действий.

Древние говорили: «Впервые с тобой поступают так по своей вине, вторично — уже по твоей».

И тем не менее солярианец всем своим поведением показывал, что либо не подозревает о грозящих ему опасностях, либо совершенно равнодушен к ним. Корабль неподвижно стоял на равнине — идеальная цель. Однако воздушный патруль вместо бомбометания немедленно доложил начальству о прибытии солярианца.

Не успел Лоусон выйти из люка, как к месту посадки подкатили два вездехода с солдатами. Лоусон сошел вниз, глубоко вздохнул, наслаждаясь свежим воздухом и твердой почвой под ногами. Следом за ним из люка выпорхнуло несколько шмелей, которые тут же принялись гоняться друг за другом. Все это смахивало на шмелиный вариант матросов, оказавшихся после долгого плавания в порту.

Не обращая внимания на местное население, шмели оживленно обменивались мыслями по поводу достоинств и недостатков рождения в человеческом теле. Отсутствие крыльев вызывало у них искреннее сожаление и заставляло усомниться в мудрости природы, давшей человеку взамен две жалкие ноги.

С Лоусона шмели переключились на обсуждение подъехавших вояк. Судя по разуму, это были маленькие и глупенькие детишки, только сильно перекормленные. Хорошо, что Маркхамвит не умел подслушивать шмелиные мысли. Можно представить, как бы он разъярился, узнав, что является заурядным драчуном, у которого крепкие кулаки, но слабые мозги.

Разумеется, Лоусон не знал, что повторял историю некоего Кейси, жившего на заре цивилизации. В фуражке и со значком полицейского Кейси стоял на углу возле школы и следил, чтобы ребятня правильно переходила дорогу. Тех, кто не желал соблюдать никаких правил, он умел научить уважать и правила, и себя.

Подданные Маркхамвита хорошо усвоили уроки Лоусона; это было видно по их поведению. Они уже не бросали косых, настороженных взглядов в сторону корабля, готовые стрелять по первому приказу. Вместо этого солдаты построились в две шеренги, образовав подобие почетного караула. Офицер с тремя кометами на погонах подошел к Лоусону и отдал подчеркнуто вежливое воинское приветствие.

— Господин командующий, вы вернулись для встречи с Великим Правителем?

— В общем-то, да,— недоуменно моргая, ответил Лоусон.— Но почему вы называете меня командующим? У меня нет никакого воинского звания.

— Вы командуете этим кораблем.

— Я всего-навсего пилот этого корабля. Никто им не командует.

Офицер, не зная, как выпутаться из щекотливого положения, просто махнул рукой в сторону вездехода.

— Прошу вас, господин.

Слегка усмехнувшись, Лоусон забрался в вездеход. Пока ехали в город, он молчал. Молчал и офицер, интуитивно чувствуя, что в такие дни можно, сам того не желая, наговорить много лишнего.

Великий Правитель Маркхамвит сидел в кресле. Все четыре его руки небрежно лежали на подлокотниках. Лицо вождя было спокойным и даже бесстрастным. Много дней назад он, обуреваемый кипучей деятельностью, метался по кабинету, замышляя войну, которой не суждено было состояться. Несколько дней назад Маркхамвит в слепой ярости мерил шагами кабинет, ударяя кулаками по столу и исторгая из себя угрозы и проклятия, как разбуженный вулкан исторгает лаву. Несколько отрезков времени назад он изменил свое поведение, подавленный впечатляющими сведениями на обороте звездных карт, упавших на

голову несчастному Казину. И наконец он со смирением фаталиста покорился судьбе. После бурь и штормов установился штиль. Маркхамвит был почти готов к восприятию разумных доводов.

Этого и следовало ожидать. В достижении поставленных целей солярианцы никогда не делали особый упор на том, *что* необходимо сделать. Для них гораздо важнее было решить, *когда* действия начнутся, *сколько* будут продолжаться и *когда* окончатся. В солярианском мышлении слова *что* и *как* не довлели над словом *когда*.

Это было третьим появлением Лоусона в кабинете Маркхамвита. Он сразу же ощутил разительную перемену. Его собственное поведение ничуть не изменилось, однако теперь Маркхамвит и Ганн глядели на него не с раздражением и нетерпимостью, а с осторожным любопытством.

Лоусон сел, скрестив ноги, и улыбнулся Маркхамвиту, как улыбаются упрямому ребенку, недавно получившему хорошую трепку.

— Что нового? — спросил Маркхамвит.

— Я нахожусь в постоянном контакте с Гластромом,— медленно выговаривая каждое слово, ответил Великий Правитель.— Мы возвращаем все корабли на базы.

— Отрадно слышать. Жаль, что для этого экипажам других кораблей пришлось заплатить прозябанием на далеких планетах.

— Мы договорились о сотрудничестве в поиске и возвращении их домой. Нилеанцы передадут всех наших подданных, которых обнаружат в результате поисков, а мы вернем всех их подданных.

— Не правда ли, это намного лучше, чем резать друг другу глотки?

— В прошлый раз вы говорили, что наши дела вас не волнуют,— возразил Маркхамвит.

— Они нас и сейчас не волнуют. Но мы не хотим губить ничьи жизни, в особенности жизни тех, кто ни в чем не виноват.

Лоусон встал, намереваясь уйти. Цели, поставленные солярианцами, были выполнены. Его миссия окончена. Неожиданно Великий Правитель нарушил молчание.

— Прежде чем вы покинете нас, я бы хотел задать вам три вопроса.

— И что же вас интересует?

— Скажите честно: вы действительно прилетели из другой галактики?

— Отвечаю совершенно честно: да.

Хмурясь своим мыслям, Маркхамвит задал второй вопрос:

— За время вашего пребывания вы стерилизовали какие-либо планеты, принадлежащие нам или нилеанцам?

— Стерилизовали? — удивленно переспросил Лоусон.

— Рассказывают, что в далеком прошлом вы поступили так с цивилизацией эльмонитов.

— Вот оно что! — Лоусон даже поморщился, настолько абсурдной для него была сама мысль об этом.— Вы имеете в виду события далекого, очень далекого прошлого. Тогда мы еще применяли оружие. Но мы давно переросли эту стадию. Теперь мы никому не причиняем вреда.

— Позвольте вам возразить.— Маркхамвит указал на звездные карты, которыми был устлан его стол.— По вашим же данным, вы полностью уничтожили восемь наших кораблей.

— Добавьте к ним пять нилеанских и один наш,— сказал Лоусон.— Все это были несчастные случаи, которые мы, к сожалению, не смогли предотвратить. Например, два ваших крейсера погибли в результате лобового столкновения. Мы не имеем к их гибели никакого отношения.

Маркхамвит не стал продолжать спор и задал свой последний вопрос:

— Вы установили закон, согласно которому межпланетное и межзвездное пространство должно быть доступно всем. Мы согласились с этим законом. Мы приняли его. Думаю, это позволяет нам узнать, почему вы так озабочены соблюдением этических норм в чужой галактике?

Лоусон встал и внимательно посмотрел ему в глаза.

— За этим вопросом проглядывает соглашение, которое вы заключили с Гластромом. Суть его такова: вы готовы забыть обо всех своих разногласиях перед лицом общей опасности, исходящей из другой галактики. Вы тайно договорились с ним, что будете соблюдать упомянутый закон до тех пор, пока у вас не появятся корабли, сравнимые с нашими или превосходящие их. Затем, когда мы почувствуете себя достаточно сильными, вы вторгнетесь в нашу галактику и расквитаетесь с нами за прошлое. Так?

— Вы не ответили на мой вопрос,— напомнил Маркхамвит, не отрицая и не подтверждая прозвучавший упрек.

— Ответ лежит на поверхности. Вы просто не сумели его увидеть.

— Позвольте мне судить о том, что я вижу или не вижу.

— Хорошо, я вам отвечу. Солярианцы — это не раса. Это — сплав рас, заменивших свою ограниченную индивидуальность более широкой и многогранной общностью. Мы находимся в

самом начале роста объединенного разума, цель которого — овладеть материей в масштабах Вселенной. Поэтому космическое пространство, свободное от чьих-либо притязаний, является основным условием для этого роста.

— Почему?

— Потому что в будущем слияние разума нашей и вашей галактик неминуемо. Так что не будьте посмешищем.

— Это вы обо мне? — оторопел Маркхамвит.

— Нет, о всей вашей расе. Вы упустили из виду такой фактор, как время. Самый важный фактор.

— Как вас понимать?

— К тому времени, когда у вас или у нилеанцев появятся технические возможности, чтобы пересечь межгалактическую бездну и вторгнуться в нашу галактику, обе ваши расы будут более чем готовы к объединению.

— Не понимаю вас.

Лоусон подошел к дверям кабинета.

— Когда-нибудь вы и нилеанцы станете неразделыными частями единого целого. Пусть с запозданием, но вы обязательно повторите путь, который прошли мы. Но учтите, что и мы все это время не будем стоять на месте. Разумеется, каждый развивается со свойственной ему скоростью, однако никто не обязан приостанавливать развитие, чтобы дождаться своих медлительных и несговорчивых соседей.

Лоусон улыбнулся и покинул кабинет.

— Мой повелитель, вы поняли, о чем он говорил? — спросил первый министр Ганн.

— У меня мелькнула мысль, что он говорил о событиях, которые могут произойти через пять, десять, а то и двадцать тысяч лет после нашей с тобой смерти.

— Интересно, откуда он узнал о наших переговорах с Гластромом?

— Никто не мог ему это выболтать. Он просто догадался. Надо признать, в проницательности ему не откажешь: он попал в самую точку.— Маркхамвит немного подумал и добавил: —Знать бы, насколько верны его отдаленные прогнозы.

— Вы о чем, мой повелитель?

— О том, что ко времени, когда мы станем достаточно сильными для нападения на его содружество, будет уже поздно нападать, поскольку мы сами станем частью этого содружества.

— Я не могу в это поверить,— признался Ганн.

— Я тоже не могу поверить, что можно преодолеть межгалактическую бездну. Никто не верит: ни Йельм, ни другие ученые.

Мне не верится, что можно вести крупную войну без какого-либо оружия.

Тон Маркхамвита стал несколько капризным, как у ребенка, которому трудно понять слова взрослых.

— А все эти мои «не верится» лишь подкрепляют его утверждение, которое мне более всего ненавистно. Он говорил, что наш мозг еще недостаточно развит и мы страдаем ограниченностью воображения.

— Так оно и есть, мой повелитель,— согласился Ганн.

— Говори за себя,— огрызнулся Маркхамвит.— Я не страдаю ограниченностью воображения. Я намерен лично встретиться с Гластромом. Возможно, мы сумеем договориться и вместо взаимных притязаний займемся переустройством галактики. Мы сделаем ее единой и сильной, чтобы никаким пришельцам извне не удалось нас поглотить. Это стоящая затея... В чем дело? Почему ты с таким сарказмом смотришь на меня? — не выдержал Маркхамвит.

— Вы сейчас повторили то, о чем он здесь говорил,— тяжело вздохнув, ответил Ганн.— Он сказал: «Когда-нибудь вы и нилеанцы станете нераздельными частями единого целого. Пусть с запозданием, но вы обязательно повторите путь, который прошли мы». Если вы решили встретиться с Гластромом, значит... мы уже начали двигаться в этом направлении!

Маркхамвит рухнул в кресло и принялся грызть ногти на всех четырех руках. Ему очень не хотелось сознаваться, что Ганн прав. Единственным действенным способом угнаться за солярианцами было начало сотрудничества в общегалактических масштабах. Но тогда все неизбежно кончится тем, что предрекал этот тип: их объединенный разум не сможет вечно оставаться запертым в рамках одной галактики. Отвергнуть этот путь — значит признать свое поражение, обособиться, замкнуться на себе и... в конце концов сгинуть, как эльмониты, от которых остались лишь название и туманные легенды.

Существовало только два пути: вперед или назад. Путь вперед вел к неизбежному. Путь назад тоже вел к неизбежному, но иного свойства. И Маркхамвит знал, что ему придется пойти вперед.

Лоусон вернулся на корабль, зная, что экипаж уже ждет его и готов поскорее улететь отсюда. Выйдя из грузовика, он поблагодарил водителя и направился к корабельному люку. Только сейчас он заметил стоявшего поодаль часового.

— Кажется, мы уже встречались,— улыбаясь, сказал Лоусон.

Ядиз не клюнул на эту приманку. Он стоял, точно столб, крепко сжимая в руке винтовку, не обращая внимания ни на

голос пришельца, ни на отчаянный зуд в спине. Каждый учится на своих ошибках. Ядиз еще в прошлый раз убедился: в присутствии солярианца намного безопаснее прикинуться бревном.

— Ну что ж, если тебе так спокойнее, можешь молчать,— пожал плечами Лоусон.

Он поднялся на корабль и посоветовал Ядизу:

— Мы сейчас взлетаем. Здесь будет жарко и ветрено. Если не хочешь, чтобы и тебя подняло в воздух, лучше спрячься за теми камнями.

Подумав, Ядиз решил последовать этому совету. Он быстро пошел в сторону камней, так и не проронив ни слова.

Лоусон сел в кресло пилота и взялся за стартовый рычажок. Далеко от этой планеты, на самом краю галактики, за облаками звездной пыли обитали две разумные расы, во многом схожие друг с другом. Рядом с ними располагалась империя третьей расы, более дерзкой и многочисленной. Маркхамвит и Гластром уже наигрались в борьбу за галактическое господство, а там, похоже, игра была в самом разгаре. Опять придется вмешиваться. И опять не обойдется без разбитых носов и содранных коленок, пока игроки не одумаются, подумал Лоусон, поворачивая стартовый рычажок.

Нерешительные

Посадка была не просто вынужденной. Она была предельно аварийной. Пилот Питер совершил ее с мастерством, достойным аплодисментов, приветственных криков и прочих атрибутов восторга, которых, впрочем, он не получил. Вы бы сами попробовали посадить корабль, когда после столкновения с летающим кирпичом в несколько сот тонн вся система антигравитации оказалась разбитой всмятку и пришлось полагаться на примитивный аварийный двигатель.

Уму непостижимо, какие чудеса вытворял Питер с этой игрушкой. Двигатель ревел, брыкался, упирался, выплевывал огонь из сопел, но корабль опустился-таки на поверхность планеты. Толчок средней силы был единственной неприятностью, сопровождавшей посадку. Удалось обойтись без новых поломок. Восемь членов экипажа были в безопасности: семь лиц мужского пола и одно женского. Правильнее сказать, они остались живы. А о том, насколько безопасен этот неизвестный мир, можно будет говорить только после некоторого знакомства с ним.

Пока остальные члены экипажа телепатировали пилоту свои поздравления, от которых он скромно отмахивался, Питер продолжал сидеть в рубке управления и разглядывать мир, открывавшийся за армированным стеклом иллюминаторов. Попутно в стекле отражались задумчивые синие глаза пилота и его лицо без признаков возраста. Такие лица способны до глубокой старости сохранять юношескую свежесть. Даже его волосы с серебристой проседью оставались густыми и сильными. Питер не торопился выходить. Он погрузился в раздумья. Думать было его обязанностью. Подсознание сообщило ему, что трое членов экипажа уже покинули корабль, а остальные четверо поддерживали с ними телепатический контакт.

Итак, они потерпели крушение. Вдалеке от Земли, вдалеке от оживленных космических трасс. Случившееся не слишком

угнетало Питера: корабль поддавался починке, и у них было достаточно топлива на обратный путь. А если трое его спутников поспешили выбраться из корабля, значит, окружающий мир вполне пригоден для их временного пребывания. Здешняя природа чем-то напоминала земную. И на том спасибо. Правда, внешность бывает обманчива. Ремонт займет не день и не два. Придется повозиться. Опыт подсказывал Питеру: если неприятности не начались с первой минуты посадки, это еще не значит, что они не появятся завтра или через неделю. Это-то и занимало сейчас его мысли.

Оказавшись здесь, они не были застрахованы от столкновения с другой расой, обитавшей в близлежащей звездной системе. Раса не являлась человекоподобной, и этим сведения о ней исчерпывались. Оценки ее силы и возможностей не шли дальше догадок и предположений. У этой расы имелись космические корабли: медленные, неуклюжие, значительно уступавшие земным по дальности полета, но все-таки корабли. Следовательно, земляне имели дело с достаточно развитым потенциальным противником.

Вот уже двенадцать веков подряд эта раса безуспешно пыталась догнать каждый земной корабль, залетавший в здешний сектор галактики. Погоня всегда кончалась одинаково — сомнительным удовольствием наблюдать быстро удалявшийся хвост корабля. Кому понравится век за веком терзаться неудовлетворенным любопытством? А чья гордость вынесет неизменное равнодушие со стороны землян? Любопытство и в самом деле не было взаимным. Пилот Питер не представлял, как выглядят эти горделиво-любопытные существа, однако мог побиться об заклад, что у них нет зубов. Потеряли в процессе своей эволюции.

И теперь судьба сделала им неожиданный подарок. Планета явно находится в зоне их влияния, корабль заносчивых пришельцев вынужденно привязан к поверхности. Редкий шанс незаметно подкрасться и дать выход накопившемуся за долгие века гневу. Да, сейчас земной корабль был похож на утку с подбитыми крыльями. Тут бы даже трусливый *вуз-вуз*, обитающий в окрестностях Сириуса, осмелел и попытался напасть. Питер вздохнул, сокрушенно пожал плечами (поневоле станешь фаталистом!) и включился в телепатический обмен новостями.

— А я нашел ручей! — радостно сообщил Разведчик Риппи.— Воду можно пить.

— *Ты* нашел? — накинулся на него Сверхзоркий Сэмми.— Я тебя буквально ткнул носом в этот ручей. Смешно было бы его не найти.

— Я пошел туда, куда ты мне показал, и нашел ручей,— не сдавался Риппи.— Теперь ты доволен? Не надо так волно-

ваться. Почисти ноготки, это помогает. Или прими успокоительное.

— Что ты видишь, Сэмми? — мысленно спросил Питер.

— Куда ни глянь — сплошные деревья. Хорошее местечко ты выбрал для игры в прятки, только вот надолго ли?.. А теперь я вижу странное и препротивное существо, затаившееся возле ручья. Оно жадно лакает воду, поскольку ему больше нечем заняться. Еще и скалится на меня, рожи корчит и...

— Оставь Риппи в покое,— велел Питер.— А где Ким?

— Не знаю,— равнодушно отозвался Сверхзоркий Сэмми.— Он сразу же выскочил, только его и видели. Зато скоро ты услышишь воркотню Гектора.

— Не бойся, не услышит,— вклинился в разговор Гурман Гектор. Его импульсы были сильнее, поскольку он не покидал корабля.— Довожу до всеобщего сведения: я запер камбуз на десять замков. У меня это не первая аварийная посадка, и я не хочу, чтобы оголодавшие головорезы слопали все, что попадется под руку.

— Ким! — позвал Питер.

Молчание.

— Когда этот парень научится не закрывать разум и отвечать, если его зовут?

— Когда проголодается,— угрюмо ответил Гектор.

В разговор вклинился еще один голос, хриплый и раздраженный:

— Вы мне... дадите... спать, изверги? Только уснула... Совесть надо иметь!

— А еще называется Недремлющая Нильда,— вздохнул Гектор.— Несносная Нильда — вот ее настоящее имя. И откуда у нее такие ужасные манеры?

Спустя несколько секунд Гектор нашел новый источник для недовольства:

— Клобо, ты уберешь свою пасть от этой банки? Честное слово...

Питер отключился от привычного обмена любезностями, поднялся с кресла и вновь обвел глазами мир за иллюминатором. Разумеется, то была лишь маленькая частичка чужого мира, который и сам являлся маленькой частичкой в большой и неизведанной системе планет. Мир, откуда прилетели Питер и его спутники, строился на быстроте и уверенности индивидуальных решений. И потому пилот был исполнен решимости встретиться лицом к лицу с любыми сюрпризами, ожидавшими его здесь. Он не испытывал ни волнения, ни страха. Только трезвая оценка, точный расчет, готовность принимать решения и действовать.

После миллиона лет развития земной цивилизации (и всех последствий этого развития) земляне просто не понимали, как можно быть нерешительными.

Сектор-маршал Бвандт, точно гусеница, перемещал свое желеобразное тело по полу. Его псевдоподии дрожали от волнения, а два из восьми глаз, расположенных вокруг зубчатой макушки, были прикрыты. Все это, а также некоторые другие жесты свидетельствовали, что он необычайно рад, доволен и чувствует себя победителем.

— Один таки свалился,— причмокивая губами, сообщил Бвандт.— Наконец-то. Как давно мы этого ждали.

— Вы о ком? — спросил командующий Втейш.

— О таинственном корабле. Об одном из тех сверхбыстрых цилиндров, которые нам никак не удается догнать.

— Быть того не может! — воскликнул Втейш.

— Может! С ним случилась какая-то авария. Я только что получил донесение. Увы, там упомянут лишь факт и никаких деталей о причинах вынужденной посадки. Сначала Звильтер преследовал его на своем СХ-66, но, как обычно, стал отставать. И вдруг этот цилиндр резко изменил курс. Он немного порыскал туда-сюда, и тоже на большой скорости, а потом полетел прямо к Ланте.

— Ланта,— повторил командующий Втейш.— Так это же не в нашем секторе. Тут какое-то недоразумение.

— Знаменательное недоразумение,— язвительно заметил Бвандт.— Особенно если учесть, что любое донесение о чрезвычайном происшествии автоматически направляется маршалу того сектора, где оно произошло.

— Вне всякого сомнения, маршал,— поспешно согласился Втейш.— Я был так взволнован известием, что как-то упустил это из виду.

Он подобострастно заерзал, завибрировал псевдоподиями, закрыл часть глаз, показывая начальнику свою беспредельную преданность.

— И что вы намерены предпринять? — осторожно спросил Втейш.

— Ланту населяет малочисленная отсталая раса. Я уже отправил туда строжайший приказ держаться от чужеродного цилиндра подальше. Нельзя допустить, чтобы орава любопытных олухов погубила нам исключительно важный замысел. Второй такой возможности у нас может не быть. Очень многое зависит от того, как мы распорядимся этим подарком судьбы. Мы должны распорядиться им исключительно разумно.

— Полностью с вами согласен,— завибрировал Втейш.— Вне всякого сомнения.

— Поэтому я намерен лично возглавить операцию,— объявил Бвандт.

— А-а! — произнес через рот для речи Втейш.

Как и все нормальные представители своей расы, он имел два рта, по одному с каждого бока. Делать жующие движения ртом для речи считалось серьезным оскорблением, но пытаться издавать булькающие звуки ртом для еды — это уже было крайне серьезным оскорблением. Только усилием воли Втейш поборол искушение что-нибудь булькнуть ртом для еды.

— Ты отправишься вместе со мной,— продолжал Бвандт.— С нами также полетят капитан Гордд и капитан Хиксл. В нашем распоряжении будут два корабля. Лучше бы, конечно, полсотни, но где их взять? Зато оба корабля — из последних наших достижений, мощные и надежные.

— Разве нельзя вызвать дополнительные корабли из других секторов?

— Я уже послал запросы, но кораблям понадобится время, чтобы добраться до Ланты. А нам нельзя медлить. Я бы сказал, мы не имеем права медлить. В любое мгновение чужой цилиндр может взмыть в небо, и тогда все пропало. Мы должны захватить его, пока не поздно.

— Да, маршал,— согласился Втейш.

— Но какая удача! Какой редкий подарок!

Будь у Бвандта руки, он захлопал бы в ладоши от радости. Поскольку рук у него не имелось, он тряс псевдоподиями.

— Теперь наш черед познакомиться с неизвестной жизнью, не раскрываясь перед ней самим. После предварительного знакомства мы их слегка атакуем и тем самым проверим, насколько прочна у них оборона. И наконец, мы захватим их корабль и выпытаем секрет его необычайной скорости и маневренности. Все это, мой дорогой командующий, позволит нашей цивилизации совершить необычайный прорыв. О нашем подвиге будут помнить на протяжении жизни двадцати поколений.

— Мне бы хватило и одного поколения,— с бесстыдным цинизмом сказал Втейш.— Пока я не вылупился, я и знать не знал об этой жизни. И меня совсем не занимает, что будет с нею потом, когда меня сожгут.

Он уполз в прохладу, растекся по стене и спросил:

— Вы считаете, что раса, строящая эти цилиндры... похожа на нас?

— Не вижу причин сомневаться в этом,— после недолгого размышления ответил Бвандт.— В освоенном нами космосе мы

являемся высшей формой разумной жизни, следовательно, любая другая раса, достигшая высокого уровня развития, должна быть похожей на нашу.

— Ваше утверждение не подкрепляется доказательствами. А что, если они выглядят, допустим, вот так?

Втейш изменил привычную форму, показав, какой вид могут иметь пришельцы.

— Что за глупость? С какой стати им так дико выглядеть?

— А почему бы нет?

— Ты слишком увлекаешься этими фантастическими «пьесами сновидений» и начинаешь путать их с реальностью. Ты склонен к пустому умствованию, к никчемным умозрительным забавам. По-моему, так ты просто стонешь от безделья.

Задней парой глаз Бвандт взглянул на устройство времени.

— Но у меня есть хорошее лекарство. Отныне у тебя не будет ни минуты на праздные мысли. Через час мы улетаем на Ланту, и я не потерплю никаких проволочек. Так что, поторопись со сборами.

— Да, маршал. Слушаюсь, маршал,— пообещал Втейш, тщательно следя, чтобы не перепутать рты.

С восточного холма, густо поросшего деревьями, земной корабль казался лежащим во впадине.

Бвандт, точно крупный, жирный слизень, прилепился к стволу дерева. К одному глазу он приладил мощную зрительную трубу, а оставшиеся семь закрыл. Изображение в трубе не смещалось и не дрожало, поскольку псевдоподии служили более надежной опорой, нежели руки.

Наведя трубу на резкость, Бвандт отчетливо увидел пилота Питера. Тот сидел на ступеньке трапа и покуривал трубку. Маршал едва не свалился с дерева.

— Клянусь яйцом, из которого я вылупился!

Оторвавшись от окуляра, Бвандт заморгал всеми глазами сразу и оглянулся по сторонам.

— Ты это видел? — спросил у Втейша.

— Да,— спокойно ответил Втейш.— У этого существа только две ноги, которые тоньше и длиннее наших. Только два глаза и очень странные верхние конечности. Они не меняют своих размеров и движутся так, будто скреплены шарнирами.

— Я его тоже вижу,— сообщил с соседнего дерева капитан Гордд. Только вынужденные меры предосторожности заставляли его говорить шепотом.— Это существо не похоже ни на одну нашу расу на всех двадцати четырех планетах.

— Главное, мы должны узнать, сколько всего этих существ прилетело на корабле,— сказал Бвандт.

— От десяти до двадцати,— немного подумав, предположил Гордд.— Возможно, тридцать, хотя вряд ли.

Бвандт снова припал к окуляру зрительной трубы, затем убрал свой инструмент и спустился вниз.

— Срочно включайте пиктограф,— велел он.

Один из офицеров спустился со своего наблюдательного пункта, нажал несколько кнопок на громоздком, напоминающем ящик аппарате, который держал в руках, и вскоре вытащил из щели большой снимок Питера с трубкой в зубах.

— Наконец-то мы узнали, как они выглядят,— проворчал Бвандт, изучая снимок.— Ни за что бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами. Подумать только: тысячи странных существ!

— Миллионы,— поправил приблизившийся Втейш.

— Да, миллионы, и все они такие.— Бвандт вернул снимок.— Подготовьте копии для рассылки по штабам всех секторов.

Втейшу он сказал:

— А теперь проверим, чего они стоят.

Маршал подозвал ближайшего солдата.

— Подкрадись к нему как можно ближе и стреляй.

— На поражение? — спросил солдат.

— На поражение,— подтвердил Бвандт.

— А есть ли в этом необходимость? — вмешался Втейш, проявив не свойственную ему смелость.

— Мы обязательно должны увидеть, как они ведут себя при чрезвычайных обстоятельствах,— уже жестче сказал Бвандт и сердито зыркнул глазами на солдата.— Чего ты ждешь? Выполняй приказ!

Солдат миновал деревья и скрылся в густом подлеске. Вскоре хруст ветвей затих; дальше солдат двигался ползком. Остальные замерли под деревьями, ожидая, что вот-вот раздастся выстрел и на корабле начнется паника. На деревьях находилось двенадцать наблюдателей с инструментами, готовые заснять все приемы обороны, свойственные странной расе.

Пилот Питер сидел, прикрыв глаза, и внимательно слушал, но не ушами, а мозгом. Мысли Сверхзоркого Сэмми были ровными и бесстрастными.

— Они затаились в деревьях, примерно в миле от тебя. Я был совсем близко от них. Могу сказать: они по-прежнему там. Ты бы видел этих слизней! Ходить они не умеют, а только ползают и при этом противно чавкают. У них по восемь глаз, и каждый

вращается самостоятельно. Меня они просто не замечали, и я уже начал подумывать: может, я для них прозрачный?

— Как же, прозрачный! — вклинился Риппи.— Особенно с тем, что у тебя в брюхе.

— Заткнись! — приказал ему Питер.— Сейчас не время для ваших перепалок.

— Деревья мешают,— продолжал Сэмми.— Сквозь листву не видно. Тут Клобо рассказал бы тебе больше.

— Наконец-то я услышал, что Клобо на что-то годен,— донеслась до Питера мысль Клобо.— Мне и так хватает моих сновидений. Знали бы вы, какой это кошмар! — Он испустил глубокий мысленный вздох.— Самое скверное, что наутро все забывается.

— Что ты видишь, Клобо? — серьезно и одобряюще спросил Питер.

— Они о чем-то совещаются на своем отвратительном языке. Сразу чувствуется, что телепатия им недоступна.

— Иначе они давно бы нас подслушали,— резонно заметил Сэмми.

— Кажется, они пришли к какому-то решению и отправили одного из своих в направлении корабля. Предмет, который он тащит с собой, подозрительно напоминает оружие,— продолжал Клобо.— Я не ошибся: это существо осторожно продвигается к кораблю... Ага, теперь он пополз. У меня странное чувство.

— Какое? — спросил Сэмми.

— Он ползет к кораблю вовсе не для дружеских объятий и поцелуев.

— М-да,— хмыкнул Питер, вытряхивая из трубки пепел.— Думаю, мне не стоит идти на контакт, пока я не удостоверюсь в дружественных намерениях этого типа.

— Если хочешь знать мое мнение, я бы не доверил этому разине даже консервооткрывашку Гектора, не говоря уже о винтовке,— заявил Клобо.

— Что я слышу! — удивился Гектор.

— Теперь он замер... там ямка... Ага, залег и выставил свою стрелялку. По-моему, я залез к нему в мозг. Ну и мысли! Питер, он собирается в тебя стрелять. Риппи, наверное, сейчас уже совсем рядом, где-нибудь футах в десяти.

— Мне пора включаться в дело,— сказал Риппи.

— Только будь осторожнее. Неизвестно, каких фокусов можно ждать от этого слизня,— предостерег Питер.

Питер знал: Риппи и слизень находятся в полумиле от корабля. Он прищурил глаза и попытался отыскать Риппи среди густой растительности. Бесполезно. Зелень скрывала все.

В мозгу Питера застрекотали мысли Клобо. Сейчас он тарахтел, словно комментатор на финальном матче. Питеру показалось, будто Клобо, ведя свой репортаж, то взмывает вверх, то опускается вниз.

— Риппи вскочил на ноги и смотрит прямо на этого типа. Стрелок удивленно шипит и роняет винтовку. Риппи замер на месте. Стрелок немного очухался. Не спуская все свои восемь глаз с Риппи, он ощупью находит винтовку, подбирает и поднимает. Спрашивается, зачем тогда ему восемь глаз, если он ими не пользуется?.. Ага, он наводит винтовку на Риппи, но в это время с другой стороны незаметно появляется Ким и прыгает слизню на спину... Да, зрелище не для слабонервных! Ким отдирает от него куски и бросает лягушкам. Горе-стрелок повалился на спину, он отчаянно сучит ножками и издает какие-то дикие звуки обоими ртами сразу. Ким быстро избавил его от необходимости кричать. Распоров ему брюхо, Ким украшает кусты вокруг внутренностями бывшего стрелка. Кусты приобретают забавную синеватую окраску. Живопись слизью — это новое...

Питер отключился от трескотни Клобо и прислушался. В траве действительно происходила какая-то возня и слышались нечленораздельные звуки. Питер задрал голову и вгляделся в небо. В небе не было ничего, кроме облаков. Питер достал кисет, снова набил трубку, умял табак и, не зажигая ее, пососал черенок.

— ...оставив на месте лишь зловоние и крайне неприглядное месиво,— устало закончил Клобо.

— Суп готов,— сообщил Гектор, не подозревая, что выбрал не самое лучшее время для приглашения к столу.

Трое солдат, крадучись, вернулись из разведки. Они беспокойно озирались, и чаще всего — назад. Двое рассказывали о случившемся, а третий, повозившись с пиктографом, достал снимок и подал Бвандту.

— Разорвали на куски? — не веря своим ушам, переспросил маршал.

Солдаты нервозно закивали. Некоторое время Бвандт рассматривал зажатый в псевдоподиях снимок. Маршал был в ужасе.

— О солнце красное, под которым мы вылупились!

— Разрешите взглянуть.

Втейш наклонился к снимку. Все его три желудка свело судорогой.

— Исполосовать беднягу на мелкие кусочки! — тихо прошептал командующий.

— Должно быть, нападавшие скрывались в засаде,— решил Бвандт, даже не удосужившись подумать, откуда те узнали, в каком именно месте устроить засаду.— Их было несколько. Они набросились разом, с неописуемой жестокостью. Все произошло так быстро, что наш солдат даже не успел выстрелить.

Маршал повернулся к угрюмым, молчаливым солдатам.

— Это мне напоминает... Кстати, а где винтовка погибшего? Вы нашли ее?

— Винтовки там не было. Она исчезла.

— Так! — налился желчью Бвандт.— Теперь они заполучили нашу винтовку и знают, чем мы вооружены.

— Стоит ли волноваться? — попытался успокоить его Втейш.— Обыкновенная винтовка. У нас есть более крупное и серьезное оружие, о котором они не знают.

— Ты уверен, что они не знают? — сорвал на подчиненном раздражение Бвандт.— Что вообще нам о них известно? Пока только одно: они вооружены ножами.

— Сверхскоростные корабли и обыкновенные ножи,— стал рассуждать вслух Втейш.— Одно как-то не вяжется с другим. Я усматриваю в этом несоответствие.

— Иди ты в космическую дыру со своим несоответствием! — выругался Бвандт.— Их острые ножи оказались сильнее нашего оружия. Они убили нашего солдата, а сами не получили ни царапины. Я этого не потерплю!

— Что вы предлагаете?

— Мы дождемся темноты и повторим атаку,— раздраженно елозя на месте, объявил Бвандт.— Я не рассчитываю захватить их спящими. Мы не знаем, спят ли они вообще. Узнав о нашем присутствии, они наверняка выставят часовых. Но если они не слишком привычны к темноте, это даст нам некоторое...

Маршал замолчал, услышав лязг металла, донесшийся со стороны корабля. Один из наблюдателей сообщил с дерева, что видит очень странную картину. Бвандт вполз по стволу и достал зрительную трубу.

Из корабля появился еще один член экипажа, не имеющий ни малейшего сходства с первым.

У этого были ромбовидные бока и блестящее тело. Ног Бвандт не заметил; похоже, это существо вообще не имело ног и двигалось либо на невидимых гусеницах, либо на скрытых колесиках. Из тела под разными углами отходило множество конечностей. Одни состояли из нескольких скрепленных шарнирами фрагментов, другие напоминали щупальца. За существом волочился толстый черный кабель, уходивший внутрь корабля. Этот стран-

ный субъект явно направлялся к хвостовой части. В двух конечностях он сжимал изогнутую металлическую пластину.

Пока Бвандт смотрел, что называется, во весь глаз, субъект повернулся к нему спиной, приложил пластину к корпусу корабля. В том месте вспыхнула россыпь искр, медленно скатывающихся по пластине вниз.

— Сварка! — воскликнул Втейш, будто он один знал, как называется этот процесс.

Бвандт нахмурился, задрал голову вверх, где сидел оператор пиктографа, и спросил:

— Ты это снимаешь?

— Да, маршал.

— Сделай побольше снимков.

Бвандт посмотрел вниз. У основания дерева стояло шестеро солдат. Чувствовалось, им очень не по себе.

— Вам я приказываю отправиться к кораблю и остановиться на расстоянии винтовочного выстрела. Займете позицию, образовав четверть круга. Держаться вместе. Слышите? Чтобы ни случилось, не разбегаться. Найдите удобное место, но в пределах попадания, и угостите-ка это безногое чудовище хорошей порцией пуль. Постарайтесь не промахнуться. Шкуру спущу с того, кто промажет!

Солдаты послушно, но без особого энтузиазма, двинулись выполнять приказ. Бвандт перебрался повыше, нашел удобное разветвление и снова навел зрительную трубу на странного типа с блестящей кожей. Тот был поглощен своей работой. Втейш, Гордд и Хиксл тоже достали зрительные трубы и прильнули к окулярам. Оператор пиктографа не отрывался от экрана, делая снимок за снимком.

Медленно, с тяжелым сердцем, солдаты приблизились к кораблю на расстояние винтовочного выстрела и заняли указанную позицию. Они беспокойно озирались. Их чувства были натянуты до предела. Однако никто из шестерых не догадывался, что сейчас за ними наблюдают другие глаза и идет оживленный обмен мыслями.

Ждущему Бвандту казалось, что прошла целая вечность. Карательный отряд не подавал никаких признаков жизни. В мозгу маршала засела жуткая мысль, и ему было никак ее оттуда не выгнать. Что, если все шестеро уже нашли свой беззвучный и страшный конец? И как раз в это мгновение послышались громкие винтовочные выстрелы. До слуховых отверстий Бвандта отчетливо долетал свист пуль. Еще слышнее были удары, когда пули соприкасались с целью.

Россыпь искр мгновенно потухла. Странный субъект подался вперед и застыл. Потекли напряженные секунды. Потом он вдруг

приставил конечность к другому концу металлической пластины, и искры посыпались опять.

В языке существуют слова, употребляемые столь редко, что их услышишь один раз за всю жизнь. Бвандт не только произнес такое слово, он произнес его ртом для еды. Втейш не мог поверить своим слуховым отверстиям. Гордд оцепенел. Хикел на всякий случай запомнил слово и обстоятельства, при которых оно было произнесено.

Вскоре из корабля появился уже знакомый им двуногий и двуглазый с трубкой во рту. В верхней конечности он держал какой-то предмет. Зрительные трубы позволили им разглядеть этот предмет. Он имел рукоятку, поверх которой находилась небольшая площадка, а на площадке — небольшая трубка, торчащая почти под прямым углом. Двуногий стиснул рукоятку. Из трубки вырвалось пламя, разлилось по площадке и мгновенно куда-то исчезло. Только белая струйка пара змеилась в небе, отмечая след улетевшего огня.

Бвандт уже собирался съязвить по поводу техники чужой расы, когда окрестности сотряслись от грома. Справа, где залег карательный отряд, с корнем вырвало могучее дерево. Оно поднялось на несколько футов в воздух, таща за собой мутный шлейф взбаламученной почвы. Остальные деревья согнулись и переломились, словно освобождая место для падения этого гиганта.

От шестерых солдат не осталось даже синеватой слизи.

Пилот Питер устало ввалился к себе в каюту, завел стенной хронометр, глянул через трехдюймовый иллюминатор на спустившуюся тьму, потом растянулся на койке и закрыл глаза. Ему хотелось спать, и потому он не обращал внимания на шум и лязг, доносившиеся из коридора.

В мозгу назойливо зудели мысли раздраженного Гектора:

— Каким бы совершенным он ни был, я все равно утверждаю, его можно усовершенствовать. Почему его нельзя научить телепатическому общению? У меня есть миленькие замечания насчет разного железа, разгуливающего по кораблю, когда мы спим.

— А по-моему, такая дотошность и усердие в рутинных делах — просто чудо,— возразил ему Питер.— Будь благодарен, что он обладает ограниченным и прямолинейным разумом и спит лишь тогда, когда нечем заняться.

— Ему всегда приспичит работать, когда *я* хочу спать,— пожаловался Гектор.— В редкие часы, когда меня не донимают разные голодные личности, требуя еды.

Откуда-то из хвостового отсека послышался отнюдь не нежный звук, напоминающий «пение» отбойного молотка. Гектор завопил:

— Слышишь? Как будто нарочно. Неужели я не заслужил права на сон?

— Не припомню, чтобы ты когда-нибудь признал мое право на сон,— влез Клобо.— Ты делаешь все, чтобы помешать мне спать.

— Право на сон! — взвыл Гектор.— Днем у него, видите ли, право на сон. Только завзятые бездельники могут спать днем.

— Главная беда корабля — большое количество неисправимых идиотов на его борту,— вмешался Сэмми.— Мое терпение на исходе. Очень скоро я оставлю всякие попытки выспаться и перережу кое-кому глотки.

— Фу, как грубо! — вяло отреагировал на обещание Гектор.

Металлический «концерт» в хвостовом отсеке продолжался, но больше не вызывал ничьих комментариев. Питер снова закрыл глаза и медленно погрузился в сон. Его астральное тело, как всегда, отправилось на Землю. Там (в среднем раз в неделю) оно бродило по городу сновидений, а иногда (примерно раз в месяц) встречалось с прелестной блондинкой.

Эта ночь подарила ему одну из таких встреч. Блондинка сидела напротив него. Их разделяли стол и большая ваза цветов.

— Дорогой, если мы купим эту планетку только для себя, тебе придется оставить службу. Ты же не будешь...

Неожиданно блондинка резко изменила тему разговора.

— Питер, не спи! Просыпайся!

Он сел на койке, мотая головой и чувствуя себя так, словно его окатили ведром холодной воды.

— Поднимайся, соня,— послышался в мозгу голос Недремлющей Нильды.— Нам готовят большую забаву.

— Это еще слабо сказано,— пробурчал Клобо.

— Что ты видишь, Нильда? — спросил Питер.

— Большую пушку. Они выгрузили ее со своего корабля и теперь волокут по другому склону холма. Думаю, подъем займет у них не меньше часа.

— Как по-твоему, она может повредить нашу обшивку?

— По-моему, она способна размазать нас по поверхности. Это уже не игрушки. Ее тащат около шестидесяти их солдат. Их главная преграда — деревья.

Нильда что-то пробурчала себе под нос, потом включилась снова:

— Ты у нас главный. Какие будут распоряжения?

— Я мог бы одолжить им лебедку,— невесело пошутил Питер.— Но тогда они сразу же узнают о нашем тяжелом вооружении. Легкое не в счет. Хотелось бы, конечно, обойтись без крайних мер. Ведь наш корабль тоже может пострадать. Мы еще не можем поднять его в воздух.

— Тогда что ты предлагаешь? — не отставала Нильда.

— Я оставлю тебе у основания трапа дезинтегратор средней мощности. Ты бросишь его туда, где он может сильнее всего досадить нашим назойливым соседям.

— Идет,— согласилась Нильда, не проявив никаких эмоций, что вообще-то было странно для женщины.

— Послушай, пучеглазая истребительница,— закричал Клобо.— Дай мне время выбраться оттуда. А то я уже в гуще деревьев, почти над ними!

— Это ты назвал меня пучеглазой? — сердито спросила Нильда.— На себя лучше посмотри: коротышка с лицом призрака. Мой разум, если хочешь знать, наполовину...

— Золотые слова. Я всегда знал, что ты полуразумная,— подхватил Клобо.— Оставшейся части разума тебе должно хватить, чтобы дать мне выбраться.

— Нильда, дай ему выбраться,— приказал ей Питер.— Я сейчас проверю, нет ли у нас еще любителей ночных прогулок.

Взяв фонарик, Питер вышел в коридор и навестил каждую каюту. Оставшаяся часть его экипажа находилась на борту и спала, за исключением Риппи, всегда спавшего вполглаза. Обойдя ромбовидного субъекта, продолжавшего над чем-то трудиться в коридоре, Питер зашел в арсенальную каюту, выбрал небольшой дезинтегратор и отнес его на нижнюю ступеньку трапа. Сделав обещанное, пилот вернулся к себе, лег на койку и сообщил:

— Все в порядке, Нильда.

Он закрыл глаза и попытался вернуться в комнату, где оставил блондинку.

Сон не возвращался: ни с блондинкой, ни без. Питер поймал себя на том, что прислушивается и ждет, когда появится Нильда и заберет взрывное устройство. Тоже бесполезное занятие: Нильда умела двигаться бесшумно. Его каюта находилась с другой стороны, и в иллюминатор он так и так не увидел бы никакой пушки, однако Питер все равно вглядывался в круглое окошечко. Нильда и Клобо перестали обмениваться любезностями. Остальные члены экипажа спали. Вокруг корабля было тихо. Внутри — почти тихо, если не считать клацанья и лязганья, периодически раздававшихся из хвостовой части.

Через полчаса деревья за иллюминатором на несколько секунд стали ярко-малиновыми. Корабль содрогнулся, и тут же послышался ужасающий грохот. Экипаж пробудился и стал оживленно делиться своими мнениями.

— Неплохо поиграли,— сказала Нильда.— Правда, мне пришлось улепетывать оттуда быстрее, чем падал наш подарочек.

— Иначе ты бы попортила себе прическу,— чуть ли не хором подхватили четыре голоса.

— Да,— невозмутимо ответила Нильда.— Кто-то ведь должен выглядеть пристойно.

Гектор отреагировал на эти слова невообразимым шумом. Из всех только он один умел шуметь телепатически.

Над воронкой, оставленной взрывом, светило раннее утреннее солнце. На краю воронки стоял угрюмый сектор-маршал Бвандт. Он не показывал виду, что поражен размерами катастрофы; все его удивление было внутренним и тайным. Рядом стоял капитан наземных войск.

— Докладывай, я слушаю,— бросил ему Бвандт.

— Мы поставили круговое оцепление, причем плотное. Солдат от солдата отстоял на два корпуса. Это оцепление мы держали всю ночь. Пространство находилось под нашим пристальным наблюдением. Никто не мог пробраться незамеченным.

— Значит, пробрался. Иначе откуда бы все это?

Тремя ногами Бвандт спихнул несколько комьев глины, быстро упавших на дно воронки.

— Никто не мог,— продолжал твердить капитан.— Мы вели пристальное наблюдение буквально за каждым клочком. Мы продолжали наблюдать даже после взрыва, до самого рассвета.

— Но факт остается фактом. Взрыв произошел. Незаряженная пушка не могла взорваться сама по себе. Кто-то ее взорвал. Или что-то.

— Я не в состоянии этого объяснить. Могу лишь сказать, что никого из чужого корабля поблизости не было.

Уверенность капитана оставалась непоколебимой.

— Гм! — Не скрывая своего недовольства, Бвандт повернулся к раненому солдату, терпеливо дожидавшемуся, когда высокое начальство обратит на него внимание.— Ты что видел?

— Они уничтожили пушку и тягач с боеприпасами, который шел следом.— Четыре солдатских глаза из восьми не могли оторваться от воронки.— Я шел совсем рядом. Было темно и тихо. Я ничего такого не видел и не слышал. Никаких подозрительных звуков. И вдруг потом этот взрыв.— Дрожащими псевдоподиями

солдат указал в сторону громадной дыры.— Меня подняло в воздух и ударило о дерево.

— Удивительно! Никто ничего не знает! — Бвандт сплюнул от досады и отправил на дно воронки еще несколько комьев глины.— Пушка, тягач, двое капитанов и шестьдесят солдат — все это разом исчезает, превращается в пыль, и никто ничего не знает.

Он хмуро покосился на капитана.

— Что с чужим кораблем? По-прежнему молчит? Они-то сами пострадали от взрыва?

— Нет,— выдавил капитан.

— Давай, идиот, выкладывай все остальное! Говори, я пока еще в состоянии понимать речь!

— Сразу после того, как стемнело, мы услышали, что дверь в корабле открылась и вскоре закрылась. Мы решили, что кто-то вышел наружу. Но никакого стука шагов по лестнице не услышали. Из-за темноты мы не видели, выходил ли кто или нет. Могу поклясться: никто из них не пытался прорваться сквозь оцепление и даже приблизиться к нему. Вскоре после взрыва... он случился около полуночи... дверь снова открылась и закрылась. С лестницы донеслись слабые шаги. Похоже, кто-то вышел и сразу же вернулся обратно.

— Какой впечатляющий рассказ,— сердито запыхтел Бвандт.— Я узнал буквально все, что хотел.

— Я очень рад, мой маршал,— подобострастно ответил туповатый капитан.

— Прочь с моих глаз! — потребовал Бвандт, сердито взмахнув псевдоподиями.

— У нас ведь есть аппараты слежения,— напомнил ему Втейш.— С их помощью можно вести круглосуточное наблюдение. Досадно, что мы не пользуемся ими.

— Думаешь, ты меня опередил? — перекинулся на него Бвандт.— Ты опоздал на несколько дней. Я обдумывал такую возможность, когда мы еще только летели сюда. Аппаратуру слежения нельзя снимать с кораблей. Но даже если пойти на такой шаг, она все равно останется зависимой от источника питания, то есть от корабля. А мы не можем рисковать кораблями, перемещая их поближе к вражескому цилиндру.

— Кажется, я где-то слышал об автономных передвижных моделях аппаратов слежения,— продолжал Втейш.— Они меньше и снабжены генераторами.

— Я уже вдоволь наслушался идиотских речей. А теперь еще ты. Во-первых, у нас этих аппаратов нет, и никакими заклинаниями я не могу их создать из воздуха. Насколько мне известно,

два таких аппарата должны доставить наши корабли, однако это произойдет только через несколько дней. Я не могу приказать кораблям лететь быстрее.

— Разумеется, мой маршал.

— А во-вторых,— Бвандта захлестнула новая волна раздражения,— я сомневаюсь, что нам от этих аппаратов будет много пользы. Те, кто сумел уничтожить крупнокалиберную пушку, взорвут и передвижной аппарат слежения. И в-третьих, вражеский цилиндр располагает собственной аппаратурой слежения, превосходящей нашу.

— В каком смысле?

— В каком смысле? — повторил Бвандт, устремляя все свои глаза к небесам, которым явно не было дела до его забот.— И ты еще меня спрашиваешь: «В каком смысле?» Если тебе угодно заметить, командующий Втейш, мы находимся на склоне холма. Вражеский корабль залег с другой стороны, в низине. Нам его отсюда не видно. Он скрыт от наших глаз, поскольку мы не способны видеть сквозь толщу песка и глины, из которых состоит этот холм. Ни один наш аппарат слежения не возьмет эту толщу. Мне трудно даже вообразить себе подобное устройство.

Бвандт с силой ткнул командующего в бок.

— Но *они* определенно умеют это делать. Они способны видеть... сквозь холм! Иначе как бы они узнали, что мы подтягиваем пушку, и нанесли прицельный удар?

— Возможно, у них есть устройства, которые работают на принципе отражения волн от определенных слоев атмосферы. Нечто аналогичное нашей радиосвязи,— предположил Втейш, стараясь говорить убедительно.— В таком случае ни холмы, ни даже горы не являются для них препятствиями.

— Чепуха! *Каминниф!* Не путай свои фантастические пьесы с реальным противником. Если бы даже у них и были такие устройства, чему я не верю, они все равно не увидели бы ничего, кроме верхушек деревьев. Или ты считаешь, что их аппараты вдобавок умеют видеть сквозь листву и различать то, что скрыто под ней?

— Я не стану спорить о том, что они могут и чего не могут,— ответил Втейш.— Мне достаточно того, что я вижу собственными глазами.— Он указал на воронку.— Вот неопровержимое доказательство их умения видеть и сквозь холмы, и сквозь листву. Они видят, причем ночная тьма тоже не является для них препятствием.

— Именно об этом я тебе и твержу! — взорвался Бвандт.— Тебе нравится ходить по кругу? Или ты споришь, чтобы насладиться звуком своего голоса?

Бвандт все еще кипел от раздражения, когда появился посыльный и подал ему цилиндр с сообщением. Маршал торопливо отвинтил крышку цилиндра, извлек сообщение и прочитал вслух:

— «Получили ваши пиктограммы с изображением представителя расы двуногих. Благодарим за хорошую работу!»

Скомкав лист, Бвандт швырнул его в воронку.

— В штабе это называют хорошей работой. Без их поддержки мы можем делать только скверную работу.

— Вот еще одно послание.— Посыльный подал Бвандту второй цилиндр.

Маршал снова стал читать вслух:

— «Получили пиктограммы, на которых представлено странное существо, лишенное ног, но имеющее множество конечностей. Оно ничем не напоминает первое. Какая между ними связь? Ждем ваших незамедлительных объяснений».

Бвандт уставился на посыльного, который смущенно топтался на месте.

— «Ждем ваших незамедлительных объяснений». Они что, считают меня всемогущим?

— Вам это лучше знать, мой маршал. Я — всего лишь посыльный.

Скорее всего, посыльный тоже получил бы свою порцию маршальского раздражения, если бы в это время к Бвандту не подошел оператор пиктографа. Одна часть его псевдоподий держала аппарат, в другой блестели глянцевитые снимки. Вид у оператора был несколько ошалелый.

— Что еще? — сердито спросил у него маршал.

— Вчера вечером мы по приказу капитана Хиксла установили пиктографы на деревьях. Каждый аппарат был снабжен вспышкой и несколькими сигнальными веревками. Стоило слегка коснуться хотя бы одной из них — пиктограф сразу же срабатывал. Мы получили несколько снимков древесных ящериц, что не было для нас неожиданностью.— Оператор подал Бвандту снимки.— Но это не все. Пиктографы сумели заснять вот это. Если бы взрыв не уничтожил часть пиктографов, снимков могло быть еще больше.

Схватив снимки, Бвандт уставился на них всеми восемью глазами. Оба его рта беззвучно шевелились. Он даже сгорбился, потрясенный увиденным.

Три снимка запечатлели одно и то же диковинное существо. Оно восседало на ветке, словно наслаждаясь свежим воздухом. Отдаленно оно напоминало первое существо, поскольку тоже имело две пары конечностей и схожее строение тела. Но это

существо было куда мельче первого. Еще более разительным отличием было его длинное заднее щупальце, обвившееся вокруг ветки. На его шаловливом личике сияли огромные, словно луны-близнецы, глаза.

— Космос милосердный! — вырвалось у Втейша.— Это еще что такое?

У командующего и вовсе перехватило дыхание, когда Бвандт показал ему другие снимки. С них смотрело еще одно существо, абсолютно не похожее ни на предыдущее, ни на два остальных. Оно тоже восседало на ветке и имело весьма кошмарный вид. Вместо ног у него были две трехпалые руки и никаких дополнительных конечностей или щупалец. Его тело состояло как бы из двух плавно и симметрично изогнутых частей и было покрыто странным пухом.

Но сильнее всего Бвандта и Втейша поразило жуткое лицо этого существа. Верхняя часть лица была совсем плоской и оканчивалась отвратительными рожками. Посередине выдавался горбатый, угрожающего вида нос, по обе стороны от которого сверкали громадные глаза. Они были еще больше, чем у существа с задним щупальцем. Даже на снимке от этих глаз исходило что-то завораживающее. Казалось, от их холодного, надменного, всепроникающего взгляда никому и ничему не укрыться.

— Итак, у нас есть изображения четырех разных существ с вражеского корабля,— угрюмо заключил Бвандт, продолжая разглядывать снимок.— Несложно догадаться, что будет дальше. Я отошлю оба новых изображения в штаб. Меня опять похвалят за хорошую работу.— Подражая излюбленной манере штабных бюрократов, он произнес повелительным официальным тоном: — Получили ваши пиктограммы еще двух существ. Ждем ваших незамедлительных объяснений относительно того, какое из них принадлежит к главенствующей расе и каковы взаимоотношения между нею и остальными расами.

— Даже не знаю, какой ответ я бы дал,— признался Втейш.

— Пока никакого.— Бвандт рассеянно махнул в сторону вражеского корабля.— Космос безбрежный, ну почему они без конца меняют обличье? Именем красного солнца, голубого солнца и всех прочих солнц спрашиваю: почему они не могут выбрать какой-то один облик и всегда оставаться в нем?

— Возможно, природные условия их родины или что-то еще не позволяет им принять окончательное решение,— пустился в теоретические рассуждения Втейш.— Я вполне допускаю, что они все принадлежат к одному виду, но, попадая в незнакомую, чужеродную среду, вынуждены время от времени менять свой облик.

Возможно, это их инстинктивная реакция на определенные внешние раздражители.

— Ты вполне допускаешь! — Раздражение маршала мгновенно перекинулось на командующего.— Иногда я думаю: зачем ты избрал карьеру военного? Писал бы себе фантастические пьесы и разыгрывал бы их в театрах сновидений.

Бвандт в очередной раз посмотрел на большие глаза Клобо, потом на глаза Нильды, которые были еще больше.

— Мы должны, не мешкая, разгадать эту загадку.

— Как?

— У нас две возможности. Во-первых, мы могли бы напасть на вражеский корабль, окружив его со всех сторон и направив на захват всех наших солдат и экипажи обоих кораблей.

— Эта атака оставит нас почти без солдат,— заметил Втейш.— Если нам не повезет, пополнение появится здесь дня через четыре, не раньше. Нам придется согнать себе на подмогу местных жителей и рассчитывать только на них, пока не прилетят корабли.

— Я это предусмотрел,— сказал Бвандт.— Для меня предпочтительнее другой план, хотя он и рискованный. Мы можем своим кораблем протаранить вражеский корабль или хотя бы повредить его так, чтобы они уже не сумели его починить.

— Космос милосердный! — воскликнул Втейш.— Я бы не стал рисковать. Минимальная скорость, при которой корабль поддается управлению... получается, у нас будут считанные мгновения, чтобы ударить и поскорее убраться. Иначе мы и сами ковырнемся.

— Без тебя знаю.

— Прицельная бомбардировка на малой высоте... космический корабль не годится для этого. Не та скорость. Она все равно слишком велика.

— Когда обстоятельства вынуждают, приходится достигать недостижимого,— заявил Бвандт.

— Обычный самолет лучше справился бы с такой задачей,— заметил Втейш.

— Согласен. Замечательная мысль, мой уважаемый командующий. Поздравляю тебя с остроумным решением. Итак, где твой самолет?

— Может... у местных жителей?

— У этих замарашек нет и никогда не было самолетов. Ты забыл, что здесь — задворки цивилизации? — Маршал не скрывал своего презрения.— Пока на планете не будет основного ядра наших сил, не будет и самолетов. А это еще несколько недель.

Бвандт еще раз презрительно фыркнул.

— Мы вынуждены довольствоваться тем, что имеем. Здесь мы в одинаковом положении с этими чужаками. Придется задействовать корабль и рассчитывать на лучший исход. Если мы все-таки потерпим неудачу... не хочется думать заранее, но я — не мечтатель... так вот, если мы потерпим неудачу, нам останется лишь лобовая атака с учетом любых возможных потерь.

— А если запустить воздушный змей с бомбой и снабдить его автоматическим механизмом сброса? — предложил Втейш, живо представивший себя одной из жертв атаки.

Бвандт был сама любезность.

— Я с удовольствием предоставлю тебе бомбу, когда увижу змей, автоматический механизм сброса и когда ты объяснишь мне, каким образом ты собираешься убрать десять тысяч деревьев, мешающих нам наблюдать и корректировать полет змея.

Маршал задрал голову вверх и уже без всякой иронии добавил:

— Я вдруг подумал: а что, если это жуткое существо и сейчас прячется где-нибудь в листьях, смотрит на нас своими выпученными глазами и подслушивает наши разговоры?

— Неужели?

Втейш и несколько солдат обеспокоенно задрали головы и принялись изучать лабиринты листвы, не обращая внимания на просветы. Никто из них почему-то не удосужился взглянуть еще выше — в самое небо. Непростительная ошибка, но они об этом не знали.

— Один из их кораблей начал прогрев двигателей,— мысленно доложил Сверхзоркий Сэмми.

— Я так и подумал,— ответил Питер.— Их гул слышен и здесь, правда слабо. Скажи, эти восьминогие уроды еще продолжают следить за нашим кораблем?

— Зевак с избытком,— ответил ему Риппи.— Правда, держатся на приличном расстоянии. Они засели на деревьях и, кажется, чем-то взбудоражены.

— Как ты думаешь, они вас засекли?

— Возможно. Но по прыжку из норы в кусты многого не скажешь. Ну, видели что-то, но что именно? Знают: им не померещилось, а от этого на душе у них еще поганее. Остается лишь прилипнуть к стволу и молиться, если умеют. Во всяком случае, ни меня, ни Кима они не видели.

— Ким! — позвал Питер.

Ответа не было.

— Что с Кимом?

— Неразговорчивый он у нас, вот что,— ответил Риппи.— Я прав, Ким?

— Все намного проще,— включился в разговор Гектор.— Стащил у меня лакомый кусочек и лопает себе втихаря.

— Нет, когда-нибудь я не удержусь и все-таки сменю свой рацион,— послышался сердитый мысленный голос, прозвучавший впервые за все эти дни.— Кстати, Риппи. Один из слизней ползет в твою сторону. Тянет с собой ящик. Сам справишься или мне поговорить с ним?

— Они задраивают все люки и готовят корабль к старту,— сообщил Сэмми.— Солдаты остаются на поверхности... Ага, выдвинули носовые орудия. Похоже, они собираются влепить кому-то соли в зад.

— Сейчас проверим,— спокойно отреагировал Питер.

Войдя в рубку, он включил передатчик космической связи, послал запрос и стал прислушиваться. Тихо. Питер еще несколько раз повторил запрос, но ответа не получил.

— В этом секторе нет ни одного земного корабля,— сказал он.— Значит, Сэмми, заряд соли предназначен нам. Да, придется показать нашим друзьям, что они выбрали неподходящую мишень. Вообще-то приятного мало, даже с таким тихоходом, как их посудина.

— Они всерьез собрались ударить по нам, не считаясь с потерями,— ответил Сэмми.— Я готов повторить трюк Нильды, только бомбочкой в один фунт тут не обойтись. Для их корабля нам понадобится гостинец посолиднее.

— Хорошо, не будем скупиться,— решил Питер.— Дай-ка мне их координаты. Дальность и все остальное.

Зная, что Сэмми понадобится не менее двух минут, Питер не стал тратить время понапрасну, а отдал мысленное распоряжение существу, которое вторым попало в поле зрения пиктографов. Существо, бросив свои дела, помогло Питеру снарядить и загрузить управляемую бомбу в пусковую камеру. После этого существо вернулось к прерванной работе.

— Относительно долготы нашего корабля склонение сорок семь градусов влево, со стороны входного люка,— сообщил Сэмми.— Дальность — чуть больше шести миль. Точнее, шесть и две десятых.

— Не хотелось бы устраивать им этот урок,— признался Питер.— Но пока мы торчим здесь, они не оставят нас в покое. Жаль, они не понимают, на что сами же нарываются.

— У тебя есть около двух минут, чтобы отказаться от этой затеи и придумать другую. Но торопись: их сопла уже раскаляются. Корабль вот-вот стартует.

— Не хотелось бы... но сами напросились.

Сокрушенно пожав плечами, он привел в действие пусковой механизм.

Парная ракета взметнулась вверх, унося с собой управляемый снаряд. Где-то на высоте двух тысяч футов жизнь ракеты оборвалась, и ее обломки скрылись в листве деревьев. Теперь включился вспомогательный реактивный двигатель снаряда и понес его дальше. Двигатель был импульсного действия, а потому его удалявшийся звук чем-то напоминал «чихающий» мотоцикл.

Питер сидел на опустевшей пусковой камере и рассеянно болтал ногами. Пальцы замерли на кнопке небольшого передатчика, находящегося рядом. «Чиханий» снаряда уже не было слышно. Все замерло. Казалось, даже деревья застыли в ожидании.

— Пора! — хрипло скомандовал Сэмми.

Питер вдавил кнопку и не отпускал несколько секунд... Звук взрыва донесся не сразу; расстояние и листва существенно уменьшили его громкость, и Питер услышал лишь глухой стук. Еще через какое-то время вдалеке потянулась к небу тонкая струйка дыма.

— Докладываю.— Сэмми не скрывал своего злорадства.— Ты угостил их, что называется, по первое число. «Пирога» хватило на всех. Ну их и тряхануло! Даже меня зацепило взрывной волной.

— Вы дадите мне хоть немного выспаться? — вклинилась раздраженная Нильда.

— Успеешь! — отмахнулся Сэмми.— Слушайте дальше. Корабли находились в четырехстах ярдах друг от друга. Тому, который разогревал двигатели, собираясь взлетать, разогревать больше нечего. Изнутри не выползло ни одного слизня. Кораблю точно уже не взлетит.

— Что со вторым кораблем? — спросил Питер.

— У второго вырвало солидный кусок из носовой части. Починить можно, но на ремонт уйдет месяц, если не два.

— То есть взлететь он не сможет?

— Сейчас? Исключено,— заверил Сэмми.

— Спа-а-ть! — взвыл Клобо.— Мы с Нильдой вообще имеем право на сон?

— Тот же вопрос возникает и у меня, когда вы оба шляетесь по ночам,— ответил Сэмми.

— Отцепись от них! — потребовал Питер.— Пусть и в самом деле выспятся. И меня тоже не беспокойте. Только если что-то очень серьезное.

Питер прислушался. Сэмми и остальные послушно замолчали. Он решил пока не убирать пусковую камеру, ибо неизбежные при этом шум и лязг были весьма далеки от убаюкивающей

колыбельной. Правда, тогда придется оставить открытым входной люк. Ладно.

Существо номер два, поймав мысль Питера, протопало по коридору и втащило пусковую камеру внутрь. Не обращая внимания на Питера, существо проявило максимум усердия, сопроводив свои действия максимумом шума и полным безразличием к шквалу мыслей остальных членов экипажа.

А шквал был, и еще какой!

Все самые острые и язвительные фразы своей речи сектор-маршал Бвандт произнес ртом для еды. Мало того что он комкал и искажал слова, одновременно маршал делал жевательные движения ртом для речи. Разумеется, все это было верхом откровенной непристойности (или низшей точкой падения). Единственное, что оправдывало поведение Бвандта,— это крайняя степень отчаяния, владевшего им.

Исчерпав свой обширный словарь крепких слов и выражений, посвященных низости, коварству и прочим отталкивающим качествам «космических ублюдков», Бвандт прорычал, обращаясь к Втейшу:

— А теперь подсчитывай, что у нас осталось.

Втейш отправился выполнять приказ. Вернувшись, он доложил:

— Экипаж одного корабля не пострадал. Со второго уцелело трое. Помимо них, пять капитанов наземных сил и четыреста шесть солдат.

— Так! — резюмировал Бвандт. Он потрясал в воздухе псевдоподиями, хлестал себя по бокам, еще больше распаляясь гневом.— Так!

— Как понимать ваши «так»? — спросил Втейш, допустив грубую ошибку.

Опрометчивый вопрос командующего вызвал новый поток отборной брани. На сей раз мишенью маршала стали окружавшие его офицеры и в особенности — командующий Втейш, которому досталось за уход в фантастические миры и полный отрыв от реальности.

— Да, мой маршал,— согласился Втейш. Вид у него был крайне сконфуженный.

— Итак,— продолжал Бвандт, кое-как заставив себя успокоиться.— Я заметил во вражеской тактике одну странную особенность.— Три сердитых маршальских глаза были устремлены на Втейша, остальные пять созерцали деревья.— Вряд ли ты обратил на нее внимание.

— Какую особенность, мой маршал? — осторожно спросил Втейш, не желая нового всплеска маршальских эмоций.

— Враг придерживается тактики одиночных ударов.— К этому времени маршал уже достаточно остыл, чтобы удостоить подчиненных объяснением.— Сначала удар по нашему снайперу, потом удар по шести стрелкам, удар по пушке и, наконец, удар по кораблю. И каждый удар достигал своей цели, поскольку был точным и выверенным. Но всегда — только один удар. Мы еще не видели, чтобы враги нанесли сразу два, три или шесть ударов.

Маршал выразительно посмотрел на подчиненных.

— Возможно, враги не в состоянии этого сделать.

— Как? — вырвалось у Втейша.

— У них совершенно иной, чужеродный разум. Я допускаю даже, что они просто не могут одновременно сосредоточиваться более чем на одной цели. Вполне вероятно, несколько очагов угрозы будут им уже не по силам.

— Вполне вероятно,— с нескрываемым сомнением повторил Втейш.

— Или ты считаешь, что мы должны отступить, вернуться домой и уже там заниматься анализом? — спросил Бвандт, которому очень не понравилось скептическое настроение командующего.

— Что вы, мой маршал! Ни в коем случае,— поспешил возразить Втейш.

— Тогда будь любезен, вытащи наружу свой боевой дух и готовность участвовать в моих планах. Помни: ты — офицер, а потому должен служить вдохновляющим примером. Как я!

Для большей убедительности Бвандт топнул ногами.

— Да, мой маршал.

— Для начала займешься боковыми орудиями кораблей. Проследи, чтобы их сняли, погрузили на тягачи для боеприпасов и доставили к вражескому кораблю на расстояние уверенного выстрела. По прибытии на место орудия установить полукругом.

— Почему полукругом?

— А как же еще, идиот? Если мы поставим их вкруговую, они перестреляют друг друга.

— Насколько я понимаю, центром круга будет вражеский корабль,— упорствовал Втейш.— В таком случае...

— В таком случае я не хочу рисковать понапрасну и тратить время на оценку возможного перелета снарядов,— огрызнулся Бвандт.— У нас и так достаточно потерь.

Маршалу пришлось сделать паузу и унять подступившее раздражение.

— Важно сразу же рассредоточить орудия и следить, чтобы в пути между ними тоже сохранялось бы значительное расстояние. Тогда враг, если и нанесет направленный удар, не сумеет уничтожить их все. Ответственность целиком лежит на тебе.

Восемь сердитых маршальских глаз уставились на Втейша.

— Что стоишь? Выполняй приказ!

— Слушаюсь.

Бвандт повернулся к капитану Хикслу.

— Ты вместе с экипажем останешься здесь. Будешь выполнять приказы командующего Втейша. Проследи, чтобы орудия с кораблей сняли как можно быстрее.

Далее внимание маршала переместилось на капитана Гордда.

— Ты будешь командовать наземными силами. Продвигаться на позиции организованно и тихо. Быть особо осторожными в непосредственной близости от вражеского корабля. Ни в коем случае не сбиваться в одну кучу. Помни, что враг наносит направленные удары. Поэтому держи отряды на расстоянии, достаточном для контакта. Но не ближе! Подберешь наиболее толковых солдат для охраны мест установки орудий. Удерживать эти плацдармы до прибытия командующего Втейша. Отражать все возможные нападения врага и вести тщательное наблюдение за деревьями.

Бвандт покосился на окружающие деревья и повторил:

— Обязательно следить за деревьями!

— Как прикажете, маршал.

Не скрывая тягостных предчувствий, Гордд удалился, уводя свою заметно поредевшую армию. Бвандт раздраженно ходил взад-вперед, вглядывался в верхушки деревьев, по-прежнему игнорируя просветы. При этом он не забывал понукать и подгонять экипаж, корпевший над снятием орудий.

Маршальский энтузиазм возымел свое действие: орудия были сняты и уложены среди деревьев. Все двенадцать. Бвандт предпочел бы видеть на их месте более мощные носовые и кормовые орудия, однако те требовали подъемных кранов. Маршалу не оставалось иного, как довольствоваться двумя мобильными батареями.

К сумеркам подготовка завершилась. За это время ничего из ряда вон выходящего не произошло, если не считать гибели капитана Гордда. Солдат, специально посланный сообщить печальную новость, рассказал, как было дело. Побуждаемый кажущимся безразличием врагов, Гордд попытался приблизиться к кораблю. Он осторожно пополз вперед, взяв с собою двух солдат для при-

крытия. Те словно чуяли беду, поэтому все время озирались по сторонам. Вдруг из кустарников выскочило черное существо — настоящее порождение мира зла. Оно разорвало Гордда на куски, сопровождая свое злодеяние странными нечленораздельными звуками.

— А что в это время делали солдаты, которых Гордд взял с собой? — спросил Бвандт, сверля рассказчика всеми восемью глазами.— Я спрашиваю, что они делали? Сидели и жевали листья?

— Черное существо появилось слишком неожиданно,— объяснил солдат.— Прежде чем они успели опомниться, оно подмяло капитана Гордда. Оба сплелись в один клубок. Солдаты не решались стрелять, боясь задеть капитана. А потом и они подверглись нападению.

— Кто на них напал?

— Другое существо. Оно было похоже на первое, но отдаленно. Оно было более худощавым, более быстрым, и его тело имело желтый цвет. Да, желтое тело со странными пятнами. А лицо... не хотел бы снова увидеть это лицо.— Солдат вздрогнул.— Желтое существо двигалось намного быстрее черного и совсем беззвучно. Оно расправилось с обоими солдатами из прикрытия капитана Гордда и исчезло в кустах. Операторы пиктографов не успели сделать ни одного снимка.

— Значит, эти два существа — черное и желтое — отличаются от тех пришельцев, которых мы засняли ранее?

— Да.

— Получается, у них там шесть разных видов,— подытожил Бвандт.

В это время к нему подошел Втейш.

— Только что обнаружили еще два вида пришельцев. Они растерзали Гордда и двух солдат из его прикрытия.

Маршал раздраженно махал псевдоподиями.

— Сколько же обличий они принимают? Тысяча голубых комет, ну почему они не могут остановиться на каком-то одном облике?

— А что, если это особенность их расы? — все-таки не удержался от очередной гипотезы Втейш.

— Как понимать твои слова?

— У нас периодически вылупляются индивиды с пороками развития,— сказал Втейш.— Иногда это незначительный порок, но иногда он превосходит все допустимые пределы, и такого детеныша приходится уничтожать. Мы считаем его дефектным, однако он-то себя таким не считает. Если нарушения развития становятся слишком частыми, их начинают считать нормой. Мно-

гообразие обличий уже принимается как должное. Процесс делается неуправляемым, появляются все новые и новые формы. Родители не знают, какое потомство проклюнется у них и будет ли оно хотя бы отдаленно на них похоже.

— *Каминниф!* — отрезал Бвандт.— Естественно, и на наших планетах есть другие формы жизни: древесные яшерицы, водяные рептилии, насекомые. Я могу напрячь воображение и представить себе живых существ, способных летать по воздуху без помощи двигателей. Скажем, какое-нибудь сверхлегкое существо с необычайно длинными рыбьими плавниками. Но я решительно отказываюсь даже гипотетически признавать, будто различные существа способны рождать потомство, еще более отличающееся от них. Я не желаю верить в хаотичный мир, где нет ни законов, ни порядка.

— Тогда чем вы объясните разнообразие пришельцев, прилетевших на этом корабле? — спросил Втейш.— До сих пор мы не видели даже двух одинаковых.

— Здесь только одно объяснение: они — выходцы из разных миров, и каждая раса является господствующей на своей планете.

— В таком случае нам противостоит не одна планета, а целая империя,— возразил Втейш.

— И чему ты удивляешься? Мы — тоже империя, состоящая из двадцати четырех миров. Не вижу причин, почему бы и этим отвратительным нифтам не создать свою империю. Мы же не знаем, каким по их меркам считается прилетевший корабль: большим или маленьким. Если маленьким, что тогда у них называется большим кораблем? Мы не можем ручаться, что видели всех существ с этого корабля. Сколько их еще на борту? И сколько планет входит в их империю? Вдруг — целая тысяча?

— Ну уж только не тысяча! — Разум Втейша категорически отказывался соглашаться с такой цифрой.

— Мы этого не знаем.— Бвандт нервозно перебирал ногами, чувствуя, как гнев отступает под натиском глубокой досады.— Мы не получили никаких по-настоящему важных сведений. Такие потери, и всё понапрасну. Одни вопросы и никаких ответов. Что делает их корабли столь быстрыми? Какова дальность полета? Насколько могущественна их империя по сравнению с нашей? Наконец, сколько всего существ на их корабле и какой у них облик?

Бвандт причмокнул губами, будто собирался плюнуть.

— Наши знания о них по-прежнему остаются нулевыми.

— Вскоре мы многое узнаем! — с воодушевлением пообещал Втейш.

— Мы просто обязаны узнать, иначе даже не представляю, чем это для нас обернется. Орудия уже установлены на позициях?

— Почти.

— Тогда почему ты околачиваешься здесь? Отправляйся в зону развертывания и проследи, чтобы поторопились с установкой. Огонь открывать сразу же, как только все будет готово. Обстрел вести до тех пор, пока не убедишься, что цель надежно поражена. Только не разбивайте корабль в щепки. Он нам пригодится для подробного изучения.

— Слушаюсь, мой маршал.

С необычным для себя проворством Втейш направился на боевые позиции.

— А ты что стоишь? — издевательски-любезным тоном спросил маршал у солдата, принесшего известие о гибели Гордда. — Никак, ты превратился в овощ и у тебя выросли корни? Или кто-нибудь дал тебе увольнительную?

— Нет, мой маршал.

Солдат угрюмо поплелся вслед за Втейшем.

Стемнело. Сквозь листву просвечивали звезды. Прохладный вечерний ветер шелестел в кронах деревьев. Что-то медленно и беззвучно двигалось над ними, загораживая звезды. Что-то, похожее на большеглазого призрака. Бвандт его не заметил.

Маршал поднялся на второй, менее пострадавший корабль и расположился в проеме люка. Он ждал, когда заговорят орудия. Рядом с ним застыл в ожидании капитан Хиксл. Оба предавались своим невеселым мыслям и вглядывались в едва различимые силуэты деревьев.

Наконец раздался прерывистый говор орудий. Засвистели снаряды. От звуковых волн задрожали ветки на деревьях. Потом все смолкло. Пауза была довольно продолжительной. Второй залп оказался более согласованным и мощным. Снаряды с визгом неслись в направлении главной и единственной цели. Небо расцветилось малиновыми вспышками.

— Думаю, теперь-то они его накрыли! — произнес довольный Бвандт.

Хиксл промолчал.

— Слушай, что еще они придумали! — ворвался в мысли Питера Сэмми.— Они решили снять с кораблей боковые орудия среднего калибра, чтобы подтащить поближе к нам и ударить залпом. Они бы не прочь снять и носовые, но у них явно не хватает силенок.

— Они что, в самом деле намерены лупить по нам? — спросил Питер.

Он сидел в рубке, почесывая подбородок и прислушиваясь к лесным звукам.

— Представь себе.

— И сколько орудий?

— Я насчитал десять... Погоди-ка... Ага, еще два. Значит, всего двенадцать. Может, кинуть им новый гостинец?

— Слишком поздно,— заметил Питер.

Он вцепился в подлокотники кресла, поскольку корабль вдруг поднялся на несколько футов и с грохотом опустился снова.

— Что это за фокусы? — спросил Сэмми.

— Проверяем результаты ремонта. Удалось подняться на целый ярд.

— Пора,— мысленно одобрил Риппи.— Меня уже воротит от этих слизней.— Через пару минут его мысли зазвучали снова: — Фу ты, дрянь какая! Один из них ползет мне прямо в рот. Сзади еще два, с винтовками. Трусят, солдатики. Ким, ты как?

— Беру обоих,— ответил Ким.

— Жадина ты,— сказал Риппи.— Ладно, бери.

Оба замолчали. В мозгу Питера снова зазвучал голос Сэмми:

— Теперь развлечения хватит надолго. Только бы не заигрались.

— Мальчишки есть мальчишки,— напомнил ему Питер.— Что ты видишь сейчас?

— Они волокут орудия в нашу сторону. Снарядов прихватили с запасом. Листья мешают смотреть, но, похоже, процессия растянулась на пару миль. Очень быстро темнеет. Пора бы Нильде меня сменить.

— Подожди, я сейчас,— отозвалась Нильда.

— Их армия уменьшилась еще на три слизня,— весело сообщил Риппи.— Б-рр! Опять эта голубая дрянь из них полезла... Чисто сработано, Ким.

Ким не ответил.

Корабль снова взмыл в воздух и остался висеть в десяти футах над поверхностью. Из хвостовой части донесся резкий, дребезжащий звук, напоминающий завывания точильного круга. Он был недолгим и вскоре оборвался. Его сменила целая гамма столь же немузыкальных звуков. Казалось, кто-то катал подшипники по пустым консервным банкам. Корабль оставался висеть в воздухе.

— Висим над поверхностью,— информировал Питер свой экипаж.

— Знаю,— ответил Гектор.— У меня как раз четыре сковородки полны до краев, пара сдвоенных бойлеров и кофейный агрегат ждут не дождутся, когда корабль шмякнется вниз.

Корабль послушно шмякнулся вниз. Удар был не слишком сильным, но весьма ощутимым.

— Ну, что я вам говорил? — взвыл Гектор.

Питер покинул рубку и вышел в коридор. Мимоходом заглянул в антигравитационный отсек. Там было тихо и пусто. Никаких следов ромбовидного существа.

Обрадованный Питер бросился к двери четвертой каюты и распахнул ее настежь. Существо, имевшее честь быть запечатленным на пиктографе сразу после Питера, тихо стояло в углу. Все его многочисленные конечности были сложены или убраны внутрь. Существо обладало бесконечным терпением и могло стоять в такой позе до скончания веков.

— Механо закончил ремонт! — мысленно закричал Питер. Не удержавшись, он пустился в пляс.— Всем на корабль, слышите? Поторапливайтесь!

— Вот так всегда,— пожаловался Клобо.— Только собрался прогуляться...

Вернувшись в рубку, Питер пристегнул ремни и начал готовиться к старту. Руки почти ощупью поворачивали рычажки и нажимали кнопки, а сам он с беспокойством вглядывался во тьму. Его не особо волновали устанавливаемые вокруг корабля орудия. Теперь, когда их не защищало ни расстояние, ни естественная преграда в виде холма, он мог легко избавиться от непрошеных и назойливых гостей. Способов было несколько, и самый простой — вызвать колебания в молекулярной структуре боеприпасов. Совсем слабые и тем не менее... Питер мог бы это сделать прямо сейчас, но он сомневался в необходимости столь жестокого шага. Незачем воевать с глупцами.

Куда сильнее Питера волновало отсутствие на борту кое-кого из экипажа. Никто из них не обладал механическим послушанием ромбовидного предмета. Питер и не требовал железной дисциплины, однако каждая минута задержки грозила не слишком приятными последствиями.

— Риппи на борту,— мысленно доложил один из самых своевольных.

— Сэмми на борту,— раздалось следом.

— Они расставляют орудия и нацеливают на корабль. Скоро начнут заряжать,— сообщила Нильда, как будто приказ возвращаться ее не касался.— По-моему, нам самое время трогаться.

— Ким! — тревожно позвал Питер.

Склонившись в кресле, он всматривался в темноту. Но что там увидишь, кроме слабого мерцания далеких звезд в просветах между деревьями?

— Возвращаюсь,— буркнул самый своевольный член экипажа.

Прошло еще полминуты.

— Ким на борту.

— Они зарядили орудия,— проскрипел голос невидимой Нильды.— Немедленно поднимай корабль! Оставь открытым люк, я скоро.

Питер инстинктивно передвинул рукоятку антигравитатора. Корабль резко взмыл на пятьсот футов и повис в воздухе. Спустя мгновение на поверхности вспыхнуло огненное полукружье. Противно заскулили невидимые снаряды. Фейерверк внизу продолжался.

— Нильда!

— Не дергайся. Я на подходе.

Питер поднял корабль еще на двести футов и стал ждать. Пальцы застыли на кнопках, глаза смотрели сквозь армированное стекло иллюминатора рубки. Он не видел, как она появилась.

— Нильда на борту.

Поверхность озарилась новыми вспышками залпов. По звуку снарядов и их разрывам было понятно, что стволы орудий успели приподнять и нацелить в небо. Питер перевел антигравитаторы на полную мощность. Еще через час он выключил их и запустил корабельные двигатели.

Отлетев от негостеприимной планеты на полмиллиона миль, корабль Питера повстречал четыре передовых корабля из флотилии, направлявшейся на подмогу Бвандту. Те сразу же изменили курс и пустились в погоню. Свой курс Питер менять не собирался. Он максимально увеличил скорость и стал ждать. Постепенно четверка преследователей переместилась на боковой экран, затем на хвостовой, где они продолжали уменьшаться в размерах. Когда корабли превратились в едва различимые точки, они оставили бесплодную затею и повернули назад.

Питер откорректировал курс, включил автопилот, проверил его работу, после чего встал с кресла, зевнул и с наслаждением потянулся.

— Десять раз тебе твержу: еда готова,— прозвучал в мозгу недовольный голос Гектора.— Или ты есть не хочешь?

— Слушаюсь, сэр! Сейчас иду.

Прежде чем уйти из рубки, Питер еще раз проверил автопилот. Из хвостовой части, где находилась столовая, она же — кают-компания, шли импульсы нескончаемого хохота. Скорее всего, опять Клобо. Сидит себе, выпучив глаза, и изображает адмирала Диксона на торжественном обеде. Излюбленный номер. Хороший он малый, этот Клобо. Кто еще умеет так развлечь, разогнать монотонность и скуку долгих перелетов и поднять настроение?

Закрывая дверь рубки, Питер испытал знакомое чувство удивления. Миллион лет. Каким странным образом безграничность пространства переплетается с бесконечностью времени!

Сколько эонов длится это чудо, называемое жизнью? Одни ее виды ушли далеко вперед, другие отстали. Но некоторые отстающие, будто не желая смириться со своей участью, вдруг рванулись догонять. Отчасти это можно объяснить действием законов эволюции, а отчасти — результатом давнего соседства с человеком.

Питер знал, что так было далеко не всегда, но плохо представлял себе это. Неужели когда-то человек и впрямь считал себя венцом творения, свысока взирая на своих соседей? Ведь насколько легче и приятнее идти так, как идут они: бок о бок.

По пути в столовую Питер в который уже раз задержался возле скромной доски, приделанной к стене, и перечитал то, что было на ней написано:

ПАТРУЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ «ЛЕТИЦИЯ РИД»

СОСТАВ ОБЪЕДИНЕННОГО ЭКИПАЖА

(исполнено и подарено
объединенному экипажу Уолдо Ридом)

Член экипажа	*Кто есть кто*
Пилот Питер	Земной человек
Сэмми Сверхзоркий	Белогривый орел
Гектор Гурман	Венерианская обезьяна
Риппи Разведчик	Земная собака
Коварный Ким	Охотничий гепард
Механо Многоумелый	Робот
Клобо Клоун	Спектральный долгопят
Нильда Недремлющая	Большая рогатая сова

Улыбнувшись, Питер мысленно произнес:

— Ну и диковинная же мы семейка! — Потом, закрыв разум, чтобы не слышали другие, добавил: — Но я скорее согласился бы расстаться со своей ногой, чем с кем-нибудь из них!

— Слушай, пилот, в одиннадцатый раз тебе говорю...— взвыл Гектор.

— Иду!

Питер оторвался от доски и поспешил в столовую.

Ниточка к сердцу

Стрелка измерителя выхода прыгнула, замерла на миг, дрожа, и упала. Через тридцать секунд снова скачок, снова остановка в середине шкалы, падение... Еще тридцать секунд — и опять все сначала... И так недели, месяцы, годы.

Вершина легкой металлической мачты возле здания, сложенного из каменных глыб, уходила высоко в небо, подымая к звездам плоскую металлическую чашу. Из этой чаши два раза в минуту выплескивался беззвучный, пронизывающий пространство крик:

— Бунда-1! Бип-бип-боп!.. Бунда-1! Бип-бип-боп!..

Его повторяли восемь синхронизированных репитеров на пустынных островках залитой водой планеты — восемь спиц гигантского колеса — мира, медленно поворачивающегося вокруг своей оси.

В черной пустоте бессолнечных миров, среди мертвых, погасших звезд одинокий корабль ловил голос Бунды, корректировал свой вертикальный и горизонтальный курс и уверенно летел дальше. Сколько этих кораблей прошло мимо! А он по-прежнему один, по-прежнему указывает путь людям, от которых никогда не слышит в ответ: «Спасибо, друг!» Далекие, неразличимые глазом ракеты прочерчивали темноту провалов между завитками Галактик мгновенными вспышками выброшенного пламени и исчезали. «Корабли, проходящие ночью...»*

Бунда-1... Маяк в глубине Вселенной, мирок с почти земной атмосферой и почти лишенный почвы, планета бесконечных океанов, с крошечными скалистыми островками, на которых нет

* Строка из стихотворения «Легенды придорожной гостиницы» американского поэта Г. Лонгфелло (1807–1882) — *Прим. перев.*

ни одного живого существа, с кем мог бы подружиться человек, но сущий рай для рыб и прочих водных тварей.

Этот островок был самым большим клочком суши среди бесконечной водной пустыни: двадцать две мили в длину, семь миль в ширину для планеты Бунда-1 — настоящий континент. Континент, на котором нет ни животных, ни птиц, ни деревьев, ни цветов, только низкие, карабкающиеся по камням кустики с узловатыми скрюченными ветками, лишайники и грибы да с полсотни видов насекомых, которые пожирают друг друга и потому не могут расплодиться в слишком большом количестве. И все — больше ничего здесь нет.

Над планетой застыла тишина, и это было самое страшное — тишина, в которой нет никаких звуков. Легкий ветерок никогда не вздыхал, затихая, никогда не ревела, негодуя, буря. Море во время прилива нехотя наползало на скалы и потом бессильно опадало — десять дюймов вверх, десять дюймов вниз, точное, как часы, без единого всплеска, без шума, без шипения лопающейся пены. Насекомые были немы; из пятидесяти видов ни одно не умело ни жужжать, ни стрекотать, ни щелкать. Бледные тела лишайников и корявые руки кустов никогда не шевелились. Казалось, это не растения, а причудливые живые существа, коченеющие в вечном безмолвии.

За домом был огород. Строители маяка превратили в подобие почвы пол-акра скалистой поверхности острова на три фута в глубину и посадили земные растения. Из цветочных семян не взошло ни одно, а вот некоторые сорта овощей оказались более неприхотливыми. У него было пятьдесят грядок свеклы, шпината, капусты и лука. Луковицы вырастали с футбольный мяч. Он не ел лука, потому что терпеть не мог эту вонючую гадость, но все равно постоянно сажал его и ухаживал за ним так же заботливо, как за другими овощами,— все-таки занятие, и потом ведь приятно же слышать знакомый звук лопаты, входящей в грунт...

Стрелка дернулась, замерла и упала. Если смотреть на нее часто и подолгу, то словно попадаешь под гипноз. Иногда у него появлялось сумасшедшее желание изменить привычный ход стрелки, нарушить код передачи и услыхать что-то новое, отрадно-бессмысленное — пусть чаша выплеснет в изумленные звезды тарабарщину: «Дандас троп шентермпф. Бим-бам-бом! Дандас троп шентермпф. Бим-бам-бом!»

Так бывало уже не раз. Возможно, это повторится снова. Совсем недавно легкий крейсер чуть не врезался в одну из планет системы Волка, потому что тамошний маяк стал передавать что-то невразумительное. Безумие одного человека едва не стоило

жизни двум тысячам пассажиров межпланетного лайнера. Если задуешь свечу, трудно не сбиться с пути во мраке.

Работа на маяке означала десять лет полного одиночества, очень высокое жалованье и гордое сознание, что делаешь важное для общества дело. Все это очень заманчиво, когда ты молод, легок на подъем и под ногами у тебя надежная твердь планеты Земля. Действительность оказывается жестокой, беспощадной и для многих невыносимой. Человек не может быть один.

— Вы с Гебридских островов? Превосходно! Нам требуется смотритель маяка на станцию Бунда-1, и вы — как раз тот человек, который нам нужен. Вам будет там гораздо легче, чем другим. Представьте, что вы очутились в полном одиночестве на острове Бенбекула: примерно то же самое ждет вас на Бунде. А городских жителей посылать туда бессмысленно: со всей своей технической подготовкой они там рано или поздно сходят с ума из-за одного только отсутствия фонарей. Уроженец Гебридских островов просто создан для Бунды. Человек ведь не тоскует о том, чего у него никогда не было, а на Бунде-1 вы увидите то, что вас всю жизнь окружало,— скалистые острова, морские просторы. Совсем как у вас на родине!

Совсем как на родине!

На родине...

Здесь — берег, который никогда не лижут волны, галька, пестрые ракушки, крошечные существа, похожие на крабов. Под водой сонно колышутся поля водорослей, стайками проплывают рыбы, совсем такие, как на Земле. Он не раз закидывал с берега удочку и ловил их, а потом снимал с крючка и кидал в море, на свободу, которой у него самого нет.

Здесь не встают из зеленой воды старые плиты каменного мола, не снуют по заливу озабоченно пыхтящие буксиры, никто не смолит баркасы на берегу, не чинит сети. Не катятся с грохотом бочки по булыжникам мостовой, краны не поднимают в воздух сверкающие глыбы льда, не выскакивает из полного трюма на палубу серебряная бьющаяся рыбина. И в воскресный вечер никто не думает о тех, кто в море.

Ученые Земли творят чудеса, когда перед ними ставят какую-нибудь техническую задачу. Например, главная станция Бунды-1 полуавтоматическая, ее восемь репитеров полностью автоматизированы, их питают атомные генераторы, рассчитанные на сто лет работы без подзарядки. Могучий голос станции летит в астральную бездну, к звездной пыли бесчисленных миров. Единственное, чего не хватало Бунде-1 для обеспечения стопроцентной надежности, было контрольное устройство, умное, энергичное и решительное, аварийный механизм, который превратил

бы станцию в абсолютно самоуправляемую систему. Иными словами, нужен был человек.

Вот здесь-то ученые мужи и дали осечку. Нужен человек. Но ведь человек — не деталь, его нельзя рассчитать, обработать и соединить с другими деталями — пусть функционирует! Они поняли это с некоторым опозданием, после того как сошел с ума третий смотритель маяка и его пришлось увезти на Землю. Три случая психического расстройства на организацию, ведающую четырьмястами станциями на необитаемых планетах,— сравнительно немного, меньше одного процента. Но три — на три единицы больше нуля, и никто не может дать гарантии, что число это не увеличится: кого-то безумие настигает скорее, кто-то противится ему дольше. И тогда ученые переменили тактику. Кандидатов стали подвергать беспощадным экспериментам, пропуская через жесточайшие испытания, в которых должны были сломиться слабые и закалиться сильные — те, кто годен для работы на маяках. Но скоро от проверки пришлось отказаться. Слишком нужны были люди, слишком немногих соблазняла должность смотрителя маяка, слишком многие выходили из игры во время проверки.

Ученые предлагали то один выход, то другой, но все их теории терпели крах.

Последним их изобретением была так называемая «ниточка к сердцу».

Человек, рассуждали они, дитя Земли, от его сердца к сердцу Земли должна тянуться ниточка. Пока эта ниточка существует, его разум ясен. Он проживет десять лет в одиночестве и ни разу не ощутит приступа тоски.

Но как найти эту ниточку к сердцу?

— Cherchez la femme,— заявил один из них, торжествующе глядя на своих коллег поверх очков.

Стали обсуждать этот вариант и отклонили: воображению ученых представились самые ужасные последствия такого шага — от убийства до рождения младенцев. Кроме того, ради неслужебной единицы потребовалось бы удвоить запас продуктов, которые приходится доставлять на такое огромное расстояние.

Исключено!

Может быть, собака? Для многих планет, где собака сама сумеет найти себе пищу, это, пожалуй, хорошо. Но как быть с Бундой и другими планетами, подобными Бунде? Груз космических кораблей рассчитывается до грамма, и не пришло еще время развозить по просторам Вселенной корм для псов.

Первая «ниточка к сердцу» оказалась жалким механическим эрзацем, хотя и обладала одним бесспорным достоинством: она

нарушила безмолвие, проклятием тяготеющее над Бундой. Корабль, привозящий раз в год запас продуктов, сбросил ему магнитофон и пятьдесят катушек с пленками. Два месяца он слушал звуки — не только музыку и человеческую речь, но и родные голоса Земли: рев пригородного шоссе у заставы в субботний вечер, грохот поездов, колокольный перезвон церквей, веселый шум школьного двора в перемену — слабое эхо жизни, которая идет где-то недостижимо далеко. Когда он в первый раз включил магнитофон, он был счастлив. Десятый раз навел на него скуку, двадцатый привел в отчаяние. Тридцатого раза не было.

Стрелка прибора прыгнула, задрожала и успокоилась.

— Бунда-1. Бип-бип-боп!..

Магнитофон пылится в углу. Где-то там, за звездными туманностями, живут его братья, такие же одинокие, как и он. Они не слышат его, и он не слышит их. Они недосягаемы, их миры движутся, вращаясь по своим орбитам, проходя назначенный им путь. А он сидит, глядя на стрелку, оглушенный противоестественной тишиной.

Восемь месяцев назад, если мерить мерой земного времени, ракета принесла ему доказательство того, что ученые мужи на Земле все еще порываются протянуть к его сердцу ниточку. В грузе, который сбросил на поверхность Бунды корабль, прежде чем кануть в пустоту, оказался небольшой ящичек и книжка. Освободив ящичек от маленького парашюта, он открыл крышку и увидел чудовище с выпученными глазами. Оно повернуло треугольную головку и впилось в него холодным неподвижным взглядом. Потом зашевелило длинными, нелепыми конечностями — хотело вылезти. Он поспешно захлопнул крышку и взял руководство.

Там говорилось, что его нового друга зовут Джейсон, это прирученный богомол, на редкость смирное существо, которое само будет находить себе пищу: когда ему на Земле в виде проверки предложили нескольких насекомых из фауны Бунды, он их с удовольствием съел. В заключение авторы руководства радостно сообщали, что во многих странах на Земле дети очень любят богомолов и играют с ними.

Значит, вот куда завели ученых упорные поиски: они решили, что ниточкой к сердцу должно быть живое существо, рожденное на Земле и способное жить в чужом мире. Но при этом они не учли одного: на чужбине человек тоскует о том, к чему он привык. Уж лучше бы они прислали ему кота! Правда, на Бунде нет молока, зато моря полны рыбой. Не то чтобы он любил кошек, но ведь коты умеют мяукать. Они мурлыкают и воют. А это ужасное существо в коробке не издает ни звука. Господи,

ну кто из жителей Гебридских островов хоть раз в жизни видел богомола, это похожее на крошечного марсианина чудовище, какие преследуют тебя в кошмарном сне! Ему, во всяком случае, не приходилось, и он об этом ничуть не жалеет.

Он ни разу не взял Джейсона в руки, ни разу не выпустил его из ящика. Богомол стоял на своих длинных тонких ножках, следил за ним ледяным взглядом, зловеще поворачивал голову и молчал. В первый день он дал богомолу кузнечика, которого поймал среди лишайников. Когда Джейсон оторвал своей жертве голову и стал ее пожирать, к его горлу подкатила тошнота. По ночам ему стал сниться гигантских размеров богомол, раскрывающий над ним хищную голодную пасть.

Через две недели он почувствовал, что больше не выдержит. Он отнес коробку за несколько миль от дома, открыл ее и выбросил богомола. Джейсон поглядел на него взглядом василиска и исчез в кустах. Теперь на Бунде было двое землян, но помочь друг другу они не могли.

— Бунда-1! Бип-бип-боп!..

Скачок, остановка в середине шкалы, падение... И ни слова привета от летящего в темноте корабля, ни звука вокруг, только пятьдесят молчащих механических записей в углу. Чуждая, призрачная жизнь в чуждом, призрачном мире, который с каждым днем становится все более неправдоподобным.

Может, привести станцию в негодность и заняться починкой, чтобы создать хоть видимость работы, оправдывающей человеческое существование? Нет, за это заплатят жизнью тысячи людей там, среди звезд,— слишком дорогая цена за лекарство от скуки.

А можно, когда он отсидит возле приборов положенное время, пойти на север искать крошечного уродца и звать, звать его, надеясь, что он никогда не прибежит на крик:

— Джейсон! Джейсо-о-он!..

Где-нибудь в расщелине, среди камней, повернется острая треугольная головка, с огромными завораживающими глазами. Если бы Джейсон хоть умел трещать, как цикада, он, может быть, смирился бы с ним, даже привязался к нему, зная, что это смешное стрекотание — богомолий язык. Но Джейсон молчал так же враждебно и непроницаемо, как замкнутый, настороженный мир Бунды.

Он проверил передатчик и автоматы восьми рявкающих в пустоту репитеров, лег в постель и в тысячный раз стал думать, выдержит он эти десять лет или сойдет с ума.

Если он сойдет с ума, врачи вцепятся в него и станут мудрить, пытаясь найти причину болезни и лекарство от нее. Они

хитрые, ох какие хитрые! Но где-то их хваленая хитрость оказывается бессильной...

Он заснул тяжелым, мучительным сном.

То, что сначала принимаешь за глупость, иной раз оборачивается неторопливой мудростью. Самую сложную проблему можно решить, если раздумывать над ней неделю, месяц, год, десять лет, хотя ответ нам, может быть, нужен сегодня, сейчас, немедленно. Настал черед и того, что называли «ниточкой к сердцу».

Грузовой корабль «Хендерсон» вынырнул из звездных россыпей, стал расти, увеличиваться, загудели включившиеся антигравитаторы, и он повис над главным передатчиком на высоте двух тысяч футов. На посадку и взлет ему не хватило бы горючего, поэтому он просто остановился на минуту, сбросил то, что было результатом последнего достижения ученых, протягивающих ниточку к сердцу, и снова взмыл в черный провал. Груз полетел в окутывающую Бунду темноту вихрем больших серых снежинок...

Он проснулся на рассвете, не зная о ночном госте. Ракету, завозящую ему раз в год продукты, он ждал только через четыре месяца. Он взглянул ослепшими со сна глазами на часы у кровати, наморщил лоб, пытаясь понять, что разбудило его так рано. Какая-то смутная тень вползла в его сон.

Что это было?

Звук... Звук!

Он сел, прислушался. Снова звук, приглушенный расстоянием и толщей стен, похожий на крик бездомного котенка... на горький детский плач...

Нет, послышалось. Видно, он уже начал сходить с ума. Четыре года он продержался, остальные шесть придется коротать здесь тому добровольному узнику, который займет его место. Он слышит звуки, которых нет,— это верный признак душевного расстройства.

Но звук прилетел снова.

Он встал, оделся, подошел к зеркалу. Нет, лицо, которое глянуло на него оттуда, нельзя назвать лицом маньяка: оно взволнованное, осунувшееся, но не тупое, не искажено безумием.

Опять заплакал ребенок.

Он пошел в аппаратную, поглядел на пульт. Стрелка все так же методично дергалась, застывала на секунду и падала.

— Бунда-1! Бип-бип-боп!..

Здесь все в порядке. Он вернулся в спальню и стал напряженно слушать. Что-то... кто-то рыдал в рассветных сумерках над беззвучно подымающейся водой. Что это, что?

Отомкнув запор непослушными пальцами, он толкнул дверь и встал на пороге, дрожа. Звук кинулся к нему, налетел, прильнул, хлынул в сердце. Он задохнулся. С трудом оторвавшись наконец от косяка, он бросился в кладовую и принялся совать в карманы печенье.

В дверях он упал, но не почувствовал боли, вскочил и побежал не разбирая дороги, не замечая, что всхлипывает от счастья, туда, где белела галька прибрежной полосы. У самой кромки воды, лениво наползающей на камни, он остановился, широко раскинув руки, с сияющими глазами, и чайки, сотни чаек закружились, заметались над ним. Они выхватывали протянутое им печенье, суетились у его ног на песке, шумели крыльями, пронзительно кричали...

В их крике он слышал песню пустынных островов, гимн вечного моря, дикую ликующую мелодию — голос родной Земли.

Перемещенное лицо

Он вынырнул из сгущающихся сумерек, присел на противоположный край скамейки и принялся рассеянно глядеть на озеро. Заходящее солнце оставило на небе кровавый след. Утки-мандаринки рассекали расцвеченную багрянцем воду. В парке стояла обычная предвечерняя тишь; безмолвие нарушали только шелест листвы и трав, тихие голоса ищущих уединения любовников да приглушенные гудки машин где-то вдалеке.

Когда скрип скамейки возвестил о чьем-то появлении, я оглянулся, ожидая увидеть какого-нибудь попрошайку в поисках подачки на ночлег. Контраст между моими ожиданиями и увиденным был столь разителен, что я посмотрел на него снова — пристально, но осторожно, искоса, чтобы он не заметил.

Серая пелена сумрака не помешала увидеть этюд в черно-белых тонах. У незнакомца были тонкие нервные черты лица, столь же белого, как его перчатки и манишка. Туфли и костюм не могли соперничать чернотой с изящно изогнутыми бровями и аккуратно подстриженными волосами. Но чернее всего были глаза: колодцы непроницаемой, кромешной тьмы, которую уже нельзя сделать ни темнее, ни гуще. И все же они казались живыми, как будто в глубине их тлел огонь.

Он был без шляпы. Небрежно прислоненная тонкая тросточка черного дерева покоилась у его ног. На плечи был накинут черный плащ на шелковой подкладке. Если бы он снимался в кино, то как нельзя лучше подошел бы на роль чудаковатого иностранца.

Мои мысли крутились вокруг него, как это иногда бывает с мыслями, когда их больше нечем занять. Наверное, эмигрант из Европы, решил я. Быть может, какой-нибудь выдающийся хирург или скульптор. А может, писатель или художник. Впрочем, скорее последнее.

Я бросил еще один взгляд исподтишка. В скудеющем свете его бледный профиль напоминал ястребиный. Чем сильнее смеркалось, чем ярче горели его глаза. Плащ придавал его облику странное величие. Деревья тянули к нему руки-сучья, как будто хотели поддержать и утешить его в эту долгую-долгую ночь.

Однако в чертах его не угадывалось и намека на страдание. Ничего общего с морщинистыми, изнуренными лицами, которых я немало повидал за последнее время и на которых лежала неизгладимая печать воспоминаний о кандалах, кнуте и концентрационном лагере. Напротив, его лицо излучало бесстрашие и безмятежность — и неколебимую уверенность в том, что в один прекрасный день все переменится. Я вдруг решил, что он музыкант. Мне так и представилось, как он дирижирует огромным хором в пятьдесят тысяч голосов.

— Я люблю музыку,— произнес он звучным низким голосом.

Он повернулся ко мне, продемонстрировав выдающийся мысок блестящих черных волос на бледном лбу.

— Правда?

Его неожиданное замечание застигло меня врасплох. Должно быть, я, сам того не замечая, высказал мысли вслух.

— Какую же? — промямлил я.

— Вот такую.— Он обвел вокруг себя тростью.— Вздох уходящего дня.

— Да, это очень успокаивает,— согласился я.

— Это мое время,— продолжал он.— Время, когда заканчивается день — как должно закончиться все на свете.

— Да уж,— сказал я за неимением ничего лучшего.

Мы помолчали. Кровь с неба медленно стекала за горизонт. Город зажигал огни, и над его небоскребами уже плавала бледная луна.

— Вы нездешний? — подсказал я.

— Да.— Он сложил изящные узкие кисти поверх рукояти трости и устремил перед собой задумчивый взгляд.— У меня нет родины. Я — перемещенное лицо.

— Сочувствую.

— Спасибо.

Я не мог просто сидеть и смотреть, как он варится в собственном соку. Надо было или продолжать разговор, или уходить. Спешить мне было некуда. Поэтому я продолжил:

— Не хотите рассказать о себе?

Его голова вновь повернулась, и он оглядел меня с таким видом, как будто до него только сейчас окончательно дошел факт моего присутствия. Странное свечение его глаз казалось почти

ощутимым. Мало-помалу губы раздвинулись в снисходительной улыбке, обнажив безупречные зубы:

— А нужно?

— Нет-нет, я вас не заставляю. Но иногда полезно бывает выговориться.

— Сомневаюсь. Кроме того, это было бы пустой тратой вашего времени.

— Свое я и так впустую трачу.

Он снова улыбнулся и принялся тростью чертить на земле у носков черных туфель какие-то незримые узоры.

— В теперешние времена это обычная история,— сказал он.— Правителя так ослепило собственное величие, что он возомнил себя непогрешимым. Он не слушал ничьих советов и обижался на любую критику. Его обуяла мания величия, он вообразил себя главным вершителем всего, начиная от рождения и заканчивая смертью, и тем самым привел в действие силы, жаждущие его низвержения. Он сам посеял семена собственной гибели. В таких обстоятельствах это было неизбежно.

— И поделом,— поддержал его я.— К дьяволу всех диктаторов!

Трость выпала у него из пальцев. Он поднял ее, лениво покрутил и снова стал чертить круги.

— Восстание провалилось? — предположил я.

— Да.— Он поглядел на свои круги и перечеркнул их.— Оно оказалось преждевременным и слишком слабым. И было подавлено самым беспощадным образом. Потом наступила расплата.— Его горящие глаза обвели замершие как по стойке «смирно» деревья.— Эту оппозицию создал я. И до сих пор считаю, что поступил правильно. Но назад вернуться не решаюсь. Пока не решаюсь.

— Да и наплюйте. Теперь вы в хорошей стране и можете жить здесь в свое удовольствие.

— Не думаю. Мне здесь не слишком рады.— Его голос стал совсем низким.— Я никому не нужен. Нигде.

— Чепуха! — возразил я.— Каждый где-нибудь да нужен, хоть кому-то. Взбодритесь. Не гневите судьбу. В конце концов, вы же свободны, а это многого стоит.

— Ни один человек не может считать себя свободным, пока враг способен настигнуть его.— Он взглянул на меня как-то раздражающе свысока, как будто полагал, что мне еще только предстоит усвоить простейшие жизненные истины.— Когда твой противник захватил контроль над всеми источниками информации и пропаганды и использует их, чтобы защищать свою позицию и полностью замалчивать твою, когда он выдает заведомую ложь

за правду и бесчестит правду, называя ее ложью, тебе надеяться не на что.

— Ну, вы слишком мрачно смотрите на вещи. Я понимаю, что пережитое вспоминается с горечью. Но я бы посоветовал как можно скорее забыть прошлое. Теперь вы совсем в другом мире. У нас свобода слова. Любой человек может говорить что хочет, писать что хочет.

— Если бы так...

— Но это так,— уверил его я, слегка задетый.— Здесь вы можете называть раджу Бама спесивым зажравшимся кровопийцей, если вам того хочется. Никто не помешает делать это, даже полиция. Мы свободны, как я уже сказал.

Он поднялся, оказавшись вдруг очень высоким на фоне подступающих деревьев. Мне снизу его рост показался просто великанским. Бледная луна заливала его лицо мертвенным светом.

— Ваша вера обнадеживает, но она не имеет под собой никакого основания.

— Да нет же! — возразил я.

Он отвернулся. Плащ у него за плечами всколыхнулся и захлопал на ночном ветру, как пара могучих крыльев.

— Меня,— пробормотал он,— зовут Люцифер.

После этого я слышал только шепот ветра.

Плюс неизвестное

Одно он знал наверняка: отвоевался. Возможно, надолго, а может, и навсегда, если его убьют, тяжело ранят или возьмут в плен. Все решат ближайшие секунды.

Его маленький разведывательный корабль вновь бешено завертело по продольной оси. Серо-зеленая поверхность планеты качнулась в противоположную сторону. Похоже, вместе с кораблем завертелись и мозги самого Джона Лиминга, на время лишив его возможности соображать. За кораблем тянулась длинная приплюснутая огненная спираль.

Поверхность планеты стремительно приближалась. Складки и изгибы расправлялись, превращаясь в холмы и долины, зеленые пятна становились древесными зарослями. В иллюминаторе мелькнули опрокинутые вверх тормашками крыши домов. Вскоре они заняли правильное положение.

Выбор всегда требует времени, пусть даже минимального, а когда времени совсем нет, не может быть и выбора. Единственное, что заботило сейчас Лиминга,— это посадка. Он должен посадить корабль где угодно. Пусть даже перед носом у врагов. Это надо сделать как можно раньше, пока болтанка не разнесла корабль на куски.

И Лиминг посадил корабль. Неизвестно, что ему помогло: редкостное везение или отсутствие противодействующих факторов. Пологий склон холма был просто подарком судьбы. Одни небеса знали, *как* Лимингу еще удается маневрировать. Он сумел отшвырнуть поврежденную хвостовую часть и выключить двигатель. Корабль зарылся носом в рыхлую почву и скользнул вверх по склону. Недолгий подъем сопровождался отчаянным скрежетом и облаками пыли вперемешку с вылетающими из корабля снопами искр.

Первые тридцать секунд Лиминг просидел неподвижно, обливаясь потом, хотя ему было холодно. Потом он взглянул на атмосферный анализатор. Местный воздух оказался вполне пригодным для дыхания.

Выскочив из люка, Лиминг бросился осматривать искореженную хвостовую часть. Ничего утешительного. У пяти сопел двигателя выгорел защитный слой, и от высокой температуры их скрутило в жгуты. Еще четыре скривило до неузнаваемости. Он дотянул до поверхности на оставшихся семи, что граничило с чудом.

Перед отлетом Лиминга предупредили: корабль может не выдержать условий полета.

— Вы полетите на разведывательном корабле особой конструкции,— сказали ему.— Мы установили на нем сопла с военного корабля. Они прочнее и надежнее. Мы постарались сделать ваш корабль как можно более легким. На нем не будет бортового оружия. Главные его отличия — быстроходность и исключительная дальность полета. Как поведет себя корабль в полете и выдержит ли полет — это мы надеемся узнать от вас. Пока что лучшего корабля, чем этот, у нас нет. Возможно, года через четыре или пять у нас появится другая модель, в пятьдесят раз совершеннее. Однако мы не можем ждать так долго.

— Я понимаю,— ответил тогда командованию Лиминг.

— Ваша миссия сопряжена с риском, причем с громадным риском. Вы можете не вернуться обратно. Но и в таком случае мы получим ценные сведения. Мы узнаем, что творится в тылу врага, до каких пределов простирается его власть и насколько велики его скрытые резервы. Кто-то должен проникнуть во вражеский тыл и добыть эти сведения.

— Я готов.

Командование дружески похлопало его по плечу и пожелало удачи. Для пересечения линии фронта кораблю Лиминга дали солидный боевой эскорт. Дальше ему предстояло лететь самостоятельно. И он полетел — крошечная светящаяся точка, упрямо несущаяся сквозь необозримые глубины космоса.

Вскоре Лиминг потерял счет неделям. За это время он успел передать на базу множество самых разнообразных сведений о противнике. Корабль продолжал углубляться во вражеский тыл, когда не выдержало первое сопло двигателя. Слой внутренней изоляции выгорел полностью, превратившись в облачко пара. Лиминг не сразу повернул обратно, надеясь, что все обойдется. Но тут отказало второе сопло, а за ним и третье. Лиминг понял: нужно срочно садиться на ближайшей пригодной к жизни планете. Желательно свободной от разумных двуногих.

Этого условия выполнить не удалось: у подножья холма, в какой-то тысяче ярдов, находился крупный населенный пункт. Грохот и аварийная посадка неизвестного корабля явно всполошили его жителей. Весь небольшой тамошний гарнизон с оружием в руках бросился к кораблю.

Лиминг вбежал в тесную кабину, повернул на приборной доске нужный рычажок и опрометью кинулся вверх по склону, ведя мысленный отсчет времени. Вражеские солдаты приближались. Они что-то хрипло выкрикивали, но пока не стреляли.

«Шестьдесят девять, семьдесят!» Лиминг упал и всем телом вдавился в рыхлую почву.

Корабль взорвался, еще раз заставив содрогнуться окрестные холмы. Взрывная волна породила сильный ветер, подувший сразу во всех направлениях. Вскоре с неба посыпался металлический дождь. Почти у самой головы Лиминга плюхнулся обезображенный кусок металла весом не менее семи фунтов. Он даже не стал гадать, чем был этот кусок еще совсем недавно, когда его корабль летел мимо чужих звезд и планет.

Лиминг встал и увидел, что враги успели окружить его с обеих сторон. Небольшой отряд перебрался через вершину холма и двигался к нему сверху. Их оружие было нацелено на Лиминга. Солдаты с опаской поглядывали на большую воронку, возникшую посреди склона. Основная часть вражеских сил оставалась у подножья. Взрывная волна или инстинкт бойца опрокинули их наземь, и теперь они поднимались, мотали головами и отряхивали форму. Насколько Лиминг мог судить, никто из них не пострадал. Впрочем, радости его появление у них тоже не вызвало.

Лиминг поднял руки — универсальный жест сдачи в плен, понятный во всей Вселенной. На душе у него было прескверно. Удача, так долго сопровождавшая его, дезертировала. Если бы только он сел на десять миль в стороне от этого проклятого поселка! В таких лесах можно прятаться неделями, месяцами. Если понадобится, годами.

Что теперь об этом говорить?

Враги окружили его. Раса была двуногой, не отличалась высоким ростом, но облик этих коренастых существ говорил об их большой физической силе. Под стать облику была и их тяжелая, топающая походка. У обитателей планеты оказалась чешуйчатая кожа, а глаза, лишенные век, прикрывал роговой нарост. Лимингу пришло в голову странное сравнение: наверное, так выглядела бы гремучая змея, если бы вдруг превратилась в обезьяну.

Вынужденная посадка и взрыв корабля изрядно взвинтили им нервы, но в поведении этих «змеевидных обезьян» Лиминг не заметил открытой враждебности. Оно скорее было насторожен-

но-подозрительным. Немного подумав, он догадался о причине такого поведения. Просто они еще никогда не видели людей. Не зная, кто к ним явился — друг или враг, они пока воздерживались от активных действий.

Все это было вполне объяснимым. Космическая федерация, в которую входили земляне, состояла из восемнадцати разумных рас, четыре из которых были человекоподобными, а еще пять очень близки к ним. Федерации противостоял довольно противоречивый и шаткий альянс, куда входило не менее двадцати рас, включая и две человекоподобные. У этих псевдорептилий не было критериев, позволяющих им отличить врага от союзника. Что касалось столь впечатлившего их взрыва корабля, опять-таки они не знали, случайный он или намеренный.

Тем не менее они хотели застраховаться от неожиданностей. Несколько солдат держали Лиминга на прицеле, пока офицер осматривал место взрыва. Потом он подошел к Лимингу, уставился на землянина немигающими глазами и что-то произнес. В ответ Лиминг пожал плечами и беспомощно развел руками.

Незнание Лимингом местного языка еще ничего не доказывало и не говорило о его принадлежности к дружественному или враждебному лагерю. Поэтому офицер приказал солдатам построиться и вести пленного в поселок. Пока они шли, солдаты с нескрываемым подозрением поглядывали на Лиминга.

Лиминга привели в каменное строение и втолкнули в комнатенку, напоминающую тюремную камеру. Двое солдат уселись напротив него и еще двое остались сторожить у двери. Время еле тянулось. Пару часов Лиминг сидел на низкой жесткой скамейке, тупо уставившись в стену. Охранники тоже сидели и бесстрастно, точно змеи, глядели на него. За все это время они не произнесли ни слова.

Потом дверь открылась, и вошел солдат, принесший пищу и воду. Вкус у здешней пищи был странный, но она оказалась вполне съедобной. Лиминг поел, утолил жажду, после чего еще два часа подряд созерцал стену.

Он догадывался, как и в каком направлении развиваются события, пока он сидит взаперти. Здешний офицер связался со своим непосредственным начальством в ближайшем штабе, гарнизоне или как это у них называется. Там ответственность за принятие решений быстро перекинули более высокому начальству. Возможно, таких переброс было несколько. Наконец какой-нибудь высокий военный чин с десятью звездами на погонах приказал направить по дальней космической связи запрос, и теперь оператор выясняет у тех двух человекоподобных рас, не их ли разведывательный корабль оказался в этой части Вселенной.

Если ответ будет отрицательным, местные умницы сообразят, что поймали редкую птицу, и не где-нибудь, а в своем глубоком тылу, в самом центре их империи. Есть от чего содрогнуться: до линии фронта — недели пути. Лиминг почти не сомневался, что ответ будет именно таким, из чего военные шишки сделают глубокомысленное заключение: свалившийся к ним с небес — враг. Не важно, что прежде ни один враг не забирался так далеко в их тыл. Главное — они схватили врага.

Когда они узнают правду, она им явно не понравится. Сидение в глубоком тылу имеет свои неоспоримые преимущества: почести те же, а забот почти никаких. И все — от десятизвездного генерала до последнего солдата — заинтересованы в сохранении такого положения. Неожиданное появление вражеского разведчика там, где он не должен был бы появляться даже в страшных снах, разом нарушит спокойное течение жизни. Вряд ли кто-то закричит «ура», предвкушая настоящие сражения. А мысль о возможных сражениях обязательно промелькнет в чешуйчатых головах. Сегодня пробрался один, завтра по его следам вторгнутся целые армии. Кому понравится перспектива удара в спину, да еще из собственного тыла?

Что будет с ним, когда эти чешуйчатые установят его принадлежность к Федерации? Полная неизвестность. Он никогда не сталкивался с этой расой и даже не слышал о ее существовании. Хочется думать, что просто так его не убьют. Если раса более или менее цивилизованная, он, скорее всего, угодит в тюрьму и проторчит там до конца войны. Считай — всю оставшуюся жизнь. Если цивилизованность расы оставляет желать лучшего, они найдут кого-нибудь из числа союзников, знающих язык землян, и попытаются выбить из пленного все, что ему известно. В таком случае жестокость и кровопускание ему обеспечены.

В давние времена, когда земляне еще не летали в космос и все войны велись лишь на территории планеты, существовало важное международное соглашение — Женевские конвенции*. Они предусматривали проверки тюрем и лагерей для военнопленных представителями нейтральных стран. Пленные получали письма из дома и посылки по линии Красного Креста**. Все это спасло жизнь многим пленным.

---

* Подписанные в 1949 г. международные соглашения о защите жертв войны. В числе прочего устанавливали нормы гуманного обращения с военнопленными. Везде ли и всегда ли эти нормы соблюдались — уже другой вопрос.— *Прим. перев.*

** Вообще-то, письма и посылки через Красный Крест военнопленные получали и до подписания Женевских конвенций, в частности во время Второй мировой войны.— *Прим. перев.*

Теперь ничего подобного нет. У военнопленного есть лишь два вида защиты: собственные силы и ответный удар его соратников и союзников по тем, кто взял его в плен. Последнее, по большей части, существует лишь теоретически. Ну кто знает о его судьбе? А если командование и догадывается, там все равно толком не знают, где он и что с ним.

Размышления Лиминга прервала очередная смена часовых. Вот и еще шесть часов прошло. За единственным окошком камеры спускались сумерки. Лиминг украдкой осмотрел окошко и понял: выпрыгнуть и убежать не удастся. На глазах у двоих солдат это было бы равносильно самоубийству. К тому же маленькое окошко находилось достаточно высоко от пола.

Побег — это первейшая обязанность военнопленного. Чтобы его совершить, нужно терпеливо и хладнокровно ждать благоприятного случая, а когда он подвернется — выжать из него все, что можно. Или создать благоприятный случай самому, используя силу мышц и мозгов. Прежде всего мозгов.

Положение, в котором очутился Лиминг, уже нельзя было назвать благоприятным. Дальше, скорее всего, оно станет только хуже. Наибольшие шансы для побега были у него сразу после посадки. Знай он местный язык, он попытался бы внушить чешуйчатым, что черное — это белое. Гладкая, убедительная речь, непрошибаемая уверенность в жестах и манере держаться и некоторая доля высокомерия, возможно, сделали бы свое дело. Местные жители отремонтировали бы его корабль да еще пожелали бы счастливого пути, так и не узнав, что собственными руками помогли врагу.

Мало ли что могло бы произойти, но не произошло? Лиминг отогнал эти мысли. Он не знает местного языка, а слова не заменишь никакими жестами. Теперь нужно дожидаться другой благоприятной ситуации и хватать ее обеими руками. Но это при условии, если чешуйчатые по своей глупости позволят ей возникнуть.

Только едва ли они настолько глупы.

Его продержали в камере три дня, принося через равные промежутки времени невкусную пищу и воду. Когда за окошком темнело, Лиминг ложился спать. Он много думал, думал часами напролет, изредка поглядывая на бесстрастных часовых.

Однажды он попробовал взглядом загипнотизировать чешуйчатых. Лиминг, не отрываясь, смотрел на них до рези в глазах. На солдат его усилия не оказали ни малейшего влияния. Они, словно ящерицы, умели застывать неподвижно и сидеть так сколь-

ко угодно. Если понадобится — хоть до скончания времен. И в этом Лимингу было их не переиграть.

Утром четвертого дня, ближе к полудню, в камеру ворвался офицер.

— *Амаш! Амаш!* — заорал он, показывая на дверь.

Тон и облик офицера были враждебными. Значит, чешуйчатые получили ответ на запрос и убедились, что захватили в плен шпиона Федерации.

Лиминг встал и двинулся к выходу. Офицер шел впереди, за ним двое часовых, потом пленник. Вторая пара часовых замыкала шествие. На дороге стоял бронированный автомобиль. Солдаты впихнули Лиминга внутрь и защелкнули двери. Двое охранников встали на задней площадке, один уселся рядом с водителем. Поездка длилась тринадцать часов, и все это время пленный трясся и подпрыгивал, находясь в полной темноте бронированного пространства.

К концу путешествия Лиминг придумал новое слово. Слово было крайне неблагозвучным и даже у самого Лиминга вызывало отвращение. Свое изобретение он испробовал сразу же, как только открылись двери.

— *Амаш!* — прорычал охранник, равнодушный к лингвистическим упражнениям врага.

Уставший от темноты и тряски, Лиминг кое-как «амашился». Снаружи тоже было темно. Перед тем как его втолкнули в металлическую дверь, он успел заметить высоченные стены, над которыми сияло яркое зарево. Лиминг оказался в просторном помещении, представ перед чем-то вроде приемной комиссии. Она состояла из шестерых чешуйчатых, похожих на громил. Его уже ждали. Один «приемщик» подписал какие-то бумаги и передал охранникам. Те удалились. Дверь закрылась. Шестерка разглядывала Лиминга. В застывших глазах не было ни проблеска симпатии.

Кто-то из шестерых властно произнес несколько слов и жестом велел Лимингу раздеться.

Лиминг произнес придуманное им слово.

Бесполезно. Чешуйчатые схватили его, раздели догола и тщательно обыскали всю одежду, уделив особое внимание швам и подкладкам. Телосложение землянина, наоборот, оставило их абсолютно равнодушными.

На стол чешуйчатые выложили все личные вещи Лиминга: авторучку, компас, перочинный нож, зажигалку, талисман и так далее. Одежду они швырнули ему назад. Пока он одевался, шестерка вертела в руках трофеи и оживленно переговаривалась. Набор вещей несколько озадачил их. Вероятно, их удивило от-

сутствие у Лиминга оружия или какой-нибудь ампулы, чтобы покончить с собой и не достаться врагу живым.

В числе изъятых у него вещей была и миниатюрная фотокамера размером не более спичечного коробка. У любого тупицы она непременно вызвала бы подозрение. Но этим чешуйчатым понадобилось не более двух минут, чтобы разобраться в назначении и принципе действия незнакомого предмета. Да, глупыми их никак не назовешь, отметил про себя Лиминг.

Довольные тем, что у пленника не осталось ничего опаснее измятой и испачканной одежды, шестеро чешуйчатых вывели его через другую дверь. Там оказалась лестница с тяжелыми каменными ступенями. Поднявшись по ней, Лиминг увидел каменные стены коридора. Путь по коридору был недолгим. Вскоре пленника привели в камеру. Дверь шумно захлопнулась, и звук этот был чем-то похож на приговор судьбы.

Лиминг огляделся. На противоположной стене, почти под потолком, он заметил небольшое крепко зарешеченное окошко. В ночном небе мигали четыре звездочки. Нижний край окошка был залит бледно-желтым светом искусственного освещения.

Осторожно двигаясь впотьмах, Лиминг наткнулся на стоявшую у стены деревянную скамейку. К счастью, она не была намертво приделана к полу. Лиминг подтащил скамейку к окошку и встал на нее. Для обзора ему не хватало двух футов. Тогда Лиминг перевернул скамейку вверх ногами и кое-как сумел вскарабкаться на ее торец. Теперь можно было заняться наблюдением.

От двора, покрытого каменными плитами, его отделяло сорок футов. Сам двор имел в ширину футов сорок пять и из окошка просматривался в обе стороны. Длину двора Лиминг определить не сумел. Двор со всех сторон окаймляла ровная каменная стена, высота которой тоже была где-то около сорока футов. Верхняя кромка стены была остроконечной. Над нею, на расстоянии десяти дюймов, поблескивала туго натянутая проволока. Проволока была гладкой, без шипов и колючек.

Пространство между камерой Лиминга и стеной было ярко освещено лучами невидимых прожекторов. Таким же образом освещалось и пространство по внешнюю сторону стены. И нигде — никакого движения, никаких признаков жизни. Только стена, зарево прожекторов, гнетущая ночь и четыре далекие звезды.

— Они запихнули меня в настоящий каменный мешок,— произнес вслух Лиминг.— Теперь всему конец!

Он спрыгнул на невидимый пол. Прыгая, Лиминг слегка задел ногами скамейку, и та упала с оглушительным грохотом.

В коридоре послышался топот бегущих ног. В тяжелой двери открылся глазок, и оттуда полился свет. Затем в круглом отверстии показался немигающий глаз надзирателя.

— *Сэч инвигия, фаплап!* — закричал охранник.

Лиминг ответил изобретенным словом, добавив к нему еще шесть древних, но не потерявших своей силы. Глазок захлопнулся. Пленный землянин улегся на скамью и попытался заснуть.

Проворочавшись около часа, Лиминг вскочил и начал дубасить в дверь. Когда глазок открылся, он крикнул:

— Сам ты фаплап!

После этого Лиминг заснул.

Тюремный завтрак состоял из миски теплого разварного зерна, напоминающего просо, и кружки воды. И то и другое было подано Лимингу с нескрываемым презрением. Вскоре в сопровождении двух охранников появился какой-то чешуйчатый с тонкими губами. С помощью множества хитроумных жестов пришедший объяснил, что пленный должен изучать местный язык, причем как можно быстрее, ибо так приказало начальство. Сразу после этой пантомимы начался урок.

Преподаватель извлек пачку детских книжек с картинками и начал объяснять произношение разных звуков. Охранники подпирали стенку. Даже по их непроницаемым лицам было видно, что им скучно. Лиминг проявлял редкостное усердие, достойное врагов. Он ничего не понимал, добросовестно перевирал произношение и вообще всячески старался заслужить репутацию полного тупицы, не способного к языкам.

К полудню урок закончился, после чего Лимингу принесли еще одну миску каши, в которой торчал кусок чего-то жилистого и резиноподобного, по виду похожего на заднюю лапу крысы. Лиминг съел жидкую кашу, пожевал так называемое мясо и отставил миску.

Почему чешуйчатые так спешат научить его своему языку? Причин могло быть как минимум три. Во-первых, у них нет устройств, аналогичных земным сканерам мозга, поэтому они вынуждены пользоваться традиционными методами допроса, добавляя какие-то свои формы убеждения и принуждения. Во-вторых, чешуйчатые нуждаются в сведениях и будут пытаться вызнать у него все, что только можно. В-третьих, чем медленнее он будет осваивать язык, тем дольше отсрочит свою гибель, если таково конечное намерение его пленителей.

Размышления Лиминга были прерваны. Дверь открылась, и ему велели выходить. Охранники провели его тем же путем, что и вчера, и вывели во двор, залитый тусклым солнцем. Двор был полон пленных, вяло переставлявших ноги.

Лиминг удивленно замер. Ригелианцы*! Их было не менее двух тысяч. Ригелианцы тоже входили в Федерацию и являлись союзниками землян. Лиминг с нарастающим волнением вглядывался в толпу гуляющих: вдруг среди них мелькнут фигуры землян или человекоподобных центурианцев.

Увы, никого. Только пучеглазые ригелианцы с необычайно гибкими, словно лишенными костей, руками и ногами. Они бесцельно семенили по двору. Похоже, они смирились со своей участью и время потеряло для них всякую ценность. Монотонная череда впустую прожитых лет и никаких надежд на будущее.

Лиминга поразила одна странность. Ригелианцы наверняка видели его. Среди пленных он был единственным землянином, а значит — их другом и союзником. Казалось бы, они должны окружить его со всех сторон, забросать вопросами о последних новостях с фронта и рассказать о себе.

Но пленные словно не замечали его. Лиминг специально шел медленными шагами, по самому центру двора. Ригелианцы молча отходили в сторону. Редкие смельчаки поглядывали на него украдкой, остальные делали вид, будто его не существует. Никто не сказал ему ни слова. Пленные подчеркнуто не обращали на него внимания.

Подойдя к группке ригелианцев, стоявших в углу у стены, Лиминг спросил:

— Кто-нибудь из вас говорит на языке землян?

Они глядели куда угодно: в небо, на стену, вниз, друг на друга — и молчали.

— Кто-нибудь знает центурианский?

Никакого ответа.

— Ну а как насчет *космоглотты* — нашего общего языка?

Снова никакого ответа.

Чувствуя нараставшее раздражение, Лиминг подошел к другой группке и повторил свои расспросы. То же самое. Он двинулся дальше, нашел третью группку, однако и там ничего не добился. За час он пробовал заговорить с несколькими сотнями ригелианцев, не услышав ни слова в ответ.

Оставив это занятие, Лиминг уселся на каменную ступеньку и сердито глядел на живых безгласных кукол. Неужели чешуйчатые держат их в таком страхе, что те даже не осмеливаются заго-

---

* Вероятно, эта раса населяла планеты, вращающиеся вокруг Ригеля — гигантской бело-голубой звезды в созвездии Ориона, которое находится к югу от эклиптики. Своими размерами Ригель в 33 раза превосходит наше Солнце и в 20 000 раз ярче его. От этой звезды нас отделяют 500 световых лет.— *Прим. перев.*

ворить с ним? В это время раздался протяжный вой сирены, означавший конец прогулки. Ригелианцы выстроились в длинные шеренги, готовые разойтись по камерам. Охранники пнули Лиминга под зад и увели.

Ломать голову над странной необщительностью союзников он будет потом. Для этого есть темное время суток, когда все равно нечем заняться, кроме размышлений. А светлые часы надо использовать для изучения местного языка. Пусть преподаватель считает его тупицей. У Лиминга были свои соображения. Когда-нибудь умение бегло говорить на этом языке ему очень пригодится. Жаль, что в свое время он не удосужился изучить ригелианский.

Лиминг целиком ушел в учебу и штудировал новый язык, пока сумерки не сделали текст и картинки неразличимыми. Вскоре ему принесли вечернюю порцию бурды. Поужинав, Лиминг лег на скамью, закрыл глаза и принялся думать.

За всю жизнь он встречал не более двух десятков ригелианцев и ни разу не был на их планетах. Его знания об этой расе строились на чужих рассказах и мнениях. Ригелианцев считали смышлеными, развитыми в техническом отношении. С самых первых контактов они отнеслись к землянам по-дружески. Не менее половины ригелианцев владели *космоглоттой*, а примерно один процент знал язык землян. Из гулявших в тюремном дворе ригелианцев многие, если не все, наверняка поняли его вопросы. Тогда почему они не захотели ответить? И почему с таким упорством пытались его не замечать?

Лиминг нашел добрый десяток возможных объяснений, которые после обдумывания был вынужден отбросить. Он бился несколько часов и, похоже, нашел причину.

Эти ригелианцы были пленными, обреченными на годы заточения. Должно быть, кто-то из них когда-то и видел землян. Однако все они знали, что среди союзников врага есть две достаточно похожие на людей расы. Следовательно, ригелианцы заподозрили в нем подсадную утку, тайного осведомителя, которого внедрили в их ряды, чтобы вынюхивать и доносить.

Тут наверняка было что-то еще. Если сотни заключенных боятся, как бы среди них не затесался шпион, значит, им есть что скрывать. Вот она, причина! Лиминг радостно ударил себя по коленке. Ригелианцы готовят побег и не хотят рисковать.

Но как доказать им, что он не является осведомителем чешуйчатых?

На следующий день, когда кончилось время прогулки, охранник вновь пинком заставил Лиминга подняться. Лиминг встал и со всей силой ударил его в челюсть. К нему сразу же подбежали

четверо охранников. Они знали свое дело и били весьма профессионально. Помимо наказания Лиминга, это был наглядный урок, предназначенный всем ригелианцам. Закончив урок, бездыханное тело землянина поволокли в камеру. Лицо Лиминга превратилось в кровавое месиво.

Только через неделю Лиминг вновь смог выйти во двор. Лицо его и сейчас еще было в синяках. Ригелианцы по-прежнему старались не замечать землянина. Лиминг отыскал себе освещенный солнцем уголок и сел.

Вскоре в двух ярдах от него на каменный пол устало опустился ригелианец. Косясь на стоявших вдали охранников, пленный едва слышно спросил:

— Как ты здесь оказался?

Лиминг рассказал.

— А каковы наши успехи на войне?

— Мы медленно, но неотвратимо оттесняем их обратно. Но победа требует времени. Долгого времени.

— И сколько, по-твоему?

— Не знаю. Просто так считают.

Лиминг с любопытством поглядел на ригелианца.

— А как здесь оказалась такая пропасть твоих соплеменников?

— Мы — колонисты. Входили в передовые отряды, поэтому среди нас не было женщин. Нам предстояло заселить четыре новые планеты. Наша раса их открыла, и потому они на законных основаниях принадлежали нам. Нас было двенадцать тысяч.

Ригелианец умолк и вновь огляделся по сторонам.

— Они взяли нас силой. Это было два года назад. Они застигли нас врасплох. Мы даже не знали, что идет война.

— Чешуйчатые захватили все эти планеты?

— Кто ж откажется от легкой добычи? И потом еще смеялись нам в лицо.

Лиминг понимающе кивал. Причиной вспыхнувшей войны как раз и был спор из-за новых планет. Все началось с того, что на одной планете колонисты оказали героическое сопротивление захватчикам и сражались до последнего. Их гибель вызвала вполне понятный всплеск ярости. Федерация нанесла по захватчикам ответный удар. Конфликт быстро разросся, и обширная часть галактики превратилась в театр военных действий.

— Говоришь, двенадцать тысяч? Где же остальные?

— Разбросаны по таким же тюрьмам, как эта. Хорошее местечко ты выбрал для своей аварийной посадки. Теперь долго просидишь. Враги всю эту планету превратили в одну большую

тюрьму. До линии фронта отсюда далеко. Вряд ли Федерация вообще знает об этой дыре.

— Значит, вы здесь уже почти два года?

— Да.

— И просто сидите сложа руки?

— Представь себе,— ответил ригелианец.— Хватит того, что попытки бунтовать стоили жизни сорока моим товарищам.

— Прости, я этого не знал.

— Ты и не мог знать. Ты ничем меня не оскорбил. Я вполне понимаю, каково тебе сейчас. Первые недели — самые тяжелые.

Ригелианец украдкой посмотрел на здоровенного охранника, развалившегося у дальней стены.

— Два дня назад эта гнусная тварь хвасталась, что в здешних тюрьмах уже собрано двести тысяч пленных Федерации. А через год, добавил он, их будет два миллиона. Надеюсь, он сдохнет раньше, чем такое случится.

— Я все равно выберусь из этого каменного мешка.

— Как?

— Пока не знаю. Но выберусь. Я не намерен тут гнить.

Лиминг рассчитывал услышать хоть какой-то намек, что и ригелианцы не превратились в покорное стадо. Вдруг, убедившись, что он — не доносчик чешуйчатых, ему дадут понять: ты тоже можешь примкнуть к нам.

Вместо этого ригелианец встал и торопливо прошептал:

— Что ж, я искренне желаю тебе удачи. Особого везения.

Ригелианец ушел. Вскоре завыла сирена, и охранники закричали:

— *Мерсе, фаплапан! Амаш!*

Назад, в камеру, к своим мыслям.

За прошедший месяц Лиминг часто перебрасывался словами и с этим ригелианцем, и с парой десятков других. Обрывочные сведения были, конечно, лучше, чем ничего, но о главном пленные предпочитали молчать. Едва он заводил разговор о побеге, ригелианцы либо молчали, либо отделывались общими фразами.

Лиминг не выдержал и как-то без обиняков спросил у одного из них:

— Почему вы все говорите со мной шепотом и всегда путливо озираетесь? По-моему, охранникам наплевать на разговоры пленных.

— Ты еще не прошел перекрестный допрос. Если охрана вдруг заметит, что мы охотно беседуем с тобой, она попытается выбить из тебя все, что ты от нас узнал. Тюремные власти, как

и ты, решат, будто мы готовим побег и делимся с тобой своими планами.

Хоть одно стоящее слово! Лиминг ухватился за него и сказал:

— Побег — единственное, ради чего еще можно жить. Если кто-то из ваших действительно всерьез думает о побеге, мы могли бы взаимно помочь друг другу. Я — опытный пилот и штурман, и это не стоит сбрасывать со счетов.

Ригелианец сразу сник.

— Ни о чем таком мы не думаем.

— Почему?

— Мы уже давно заперты в этих стенах. Разного насмотрелись и на собственном горьком опыте убедились, насколько опасно, когда о побеге знают многие. Враги могут внедрить предателя, или у какого-то самонадеянного дурака не хватит терпения и выдержки.

— Понимаю.

— В неволе вырабатываются свои правила,— продолжал ригелианец.— И вот одно из них: все замыслы и планы побегов касаются исключительно тех, кто их обдумывает, готовит и пытается осуществить. Другим об этом не рассказывают. Все становится известным после, по результатам.

— Значит, я должен рассчитывать только на себя?

— Думаю, что да. Ты так и так изолирован от остальных. Нас в каждой камере по пятьдесят, а тебя держат в одиночке. Кому и как ты поможешь?

— Не волнуйтесь, я прекрасно обойдусь и без вас! — сердито ответил Лиминг.

Теперь настал его черед повернуться и уйти.

На четырнадцатой неделе заточения преподаватель, что называется, вставил ему петарду в зад. Закончив очередной урок, чешуйчатый поджал губы и сурово поглядел на Лиминга.

— Тебе нравится разыгрывать из себя полного идиота. Но со мной этот номер не пройдет. Я давно разгадал твои фокусы. Ты хорошо усвоил наш язык, только не хочешь этого показывать. Я доложу коменданту, что через неделю тебя вполне можно допрашивать.

— Не понимать. Повторить снова,— наморщил лоб Лиминг.

— Ты прекрасно понял все мои слова.

Преподаватель удалился. Следом пришел надзиратель и принес в миске кусок какой-то жесткой гадости. Затем наступило время прогулки.

— Мне пообещали, что на следующей неделе они пропустят меня через свои жернова,— сообщил знакомому ригелианцу Лиминг.

— Только не позволяй им себя запугать,— посоветовал ригелианец.— Им ничего не стоило бы убить тебя, причем уже давно. Но кое-что их удерживает.

— Что именно?

— У Федерации тоже есть пленные, в том числе и из их расы.

— Но Федерация ничего не знает об этой тюремной планете. Чешуйчатым ничего не грозит.

— Будет грозить, и еще как, когда победитель вдруг обнаружит, что обменивает живых пленных на трупы.

— Здесь ты совершенно прав,— согласился Лиминг.— Мне бы сейчас футов девять хорошей веревки, чтобы помахать ею перед носом коменданта.

— А я бы сейчас предпочел большую бутылку *вица* и хорошую порцию женских ласк,— вздохнул ригелианец.

И снова сирена. И снова усердные (теперь еще более усердные) занятия местным языком, пока позволяет дневной свет. Вечерняя миска тюремного варева. Темнота и четыре звездочки, мигающие сквозь зарешеченное окошко.

Лиминг лежал на скамье. Мыслей было много, но все они напоминали пузыри на воде. Он заставил себя думать упорядоченно. Нет таких тюрем, откуда нельзя сбежать. Имея достаточно сноровки, мозгов и времени, обязательно найдешь оптимальный способ побега. Беглецы гибнут в основном потому, что неправильно выбирают время и место или правильно выбирают что-то одно и ошибаются в другом. Бывает, они полагаются лишь на разум, забывая про силу. Такое свойственно порывистым, нетерпеливым натурам. Случается и наоборот: беглецы уповают лишь на силу мускулов, забывая как следует все продумать. Этим страдают беспечные и излишне самоуверенные.

Он закрыл глаза и стал беспристрастно оценивать свое нынешнее положение. Его держат в одиночке с прочными каменными стенами толщиной не менее четырех футов. Единственное окошко находится почти под самым потолком. Оно совсем узкое и вдобавок закрыто пятью толстыми стальными прутьями. Мало того, надзиратель может в любую секунду открыть глазок в массивной бронированной двери и увидеть, чем занят пленный.

Лиминг рассуждал дальше. У него ведь нет ни пилки, ни отмычки и вообще никаких инструментов. Единственное его имущество — одежда. Если даже он ухитрится, не поднимая особого шума, разломать скамью, что это ему даст? Несколько деревяшек, дюжину шестидюймовых гвоздей и пару стальных болтов? С такими «инструментами» дверь не откроешь и оконные прутья за ночь не перепилишь.

Но даже если допустить, что он выбрался из камеры,— куда теперь? Внизу — залитое ярким светом пространство двора, упирающегося в высокую гладкую стену. Сорок футов — и никаких скоб, никаких выступов и выбоин, чтобы зацепиться рукой или ногой. А ведь еще нужно преодолеть остроконечную верхушку с натянутой проволокой. Стоит задеть или перерезать проволоку, как отовсюду завоют сирены.

Стена окружала тюремные строения со всех сторон. В каждом углу ее правильного восьмиугольника торчала сторожевая вышка с охранниками, пулеметами и прожекторами. Чтобы выбраться наружу, нужно ухитриться перелезть через стену под носом у бдительной охраны, не задев проволоки и оказавшись незамеченным в зареве прожекторов.

Нет, здесь нужны не только воля и решимость. Здесь нужны профессиональные знания, знание обстановки и предельно точный расчет. Побег через стену почти невозможен. Почти. Если бы какой-нибудь пленный сумел выбраться из камеры, имея полсотни футов прочной веревки с крючьями и сообщника, который, в свою очередь, сумел бы проникнуть в тюремную щитовую и в нужный момент отключить электричество, побег через стену вполне удался бы. Но только в полной темноте и при молчащих сиренах.

Только вот где в одиночной камере раздобыть пятьдесят футов веревки с крючком-тройчаткой? И где найти такого сообщника?

Значит, надо отбросить почти несбыточные варианты и сосредоточиться на обдумывании более реалистичных. Лиминг едва ли не в сотый раз начал перебирать в мозгу более реалистичные варианты. К двум часам ночи он перебрал и пересмотрел все, что только приходило ему в голову, в том числе и весьма безумные затеи.

Например, можно оторвать от куртки пластиковую пуговицу и проглотить в расчете, что его отправят в тюремную больницу. Больница тоже находилась внутри восьмиугольника, но вдруг оттуда легче сбежать? Лиминг еще раз оценил этот вариант и отбросил за несостоятельностью. С чего он решил, что его обязательно отправят в больницу? Скорее всего, ему дадут какое-нибудь сильнодействующее слабительное, которое вывернет ему все кишки наизнанку и только добавит страданий.

На рассвете Лиминг подвел итоги своих ночных размышлений. Тридцать, сорок или пятьдесят ригелианцев, действуя тихо и сплоченно, могли бы, скажем, прорыть туннель под двором и стеной и устроить побег. Но у него есть одно и только одно средство: *хитрость*. Больше ему рассчитывать не на что.

— Можно подумать, что у меня две головы! — простонал Лиминг, жалуясь сумеречному пространству камеры.

Однако через пару минут он вдруг вскочил, взглянул на клочок светлеющего неба и воскликнул:

— Да, так оно и есть! *Две* головы!

Ко времени прогулки Лиминг решил, что ему необходимо обзавестись какой-нибудь вещицей. Идеально, если бы у него было миниатюрное распятие или хрустальный шарик — это дало бы ему психологическое преимущество. Но чего нет, того нет, будем думать о реальном. Итак, ему нужна некая штучка. По виду, величине и конструкции она может быть любой. Материал, из которого она сделана, тоже не имеет значения. Для его замысла сгодится все. Еще лучше, если штучка будет изготовлена не из лоскутков его одежды и не из скамеечных щепок. Предпочтительнее сделать ее из чего-то такого, чего в камере нет и быть никак не может.

Вряд ли здесь ему помогут ригелианцы. По шесть часов в день они гнули спину в тюремных мастерских. После допроса, когда чешуйчатые решат, на что он годен, такая же участь ждет и его. Ригелианцы шили военную форму и обувь, делали ремни и кое-какие мелкие детали и электронные компоненты для военной техники. Им был ненавистен труд на врага, но от этой работы зависело их существование. Отказывающихся работать не били и не принуждали насильно. Их просто переставали кормить.

Из разговоров с ригелианцами Лиминг узнал, что шанс вынести из мастерских нож, зубило, молоток или пилку почти равен нулю. В конце смены пленных выстраивали и заставляли стоять до тех пор, пока охранники не проверят каждый станок и не уберут все инструменты, пересчитав их количество.

Первые пятнадцать минут прогулочного времени Лиминг тщательно обшаривал глазами тюремный двор — не найдется ли под ногами чего-нибудь годного для его замысла. Он был похож на маленького мальчишку, сосредоточенно ищущего оброненную монету. Единственной находкой Лиминга стали две четырехдюймовые квадратные палочки. Толщина их была не более дюйма. Лиминг торопливо сунул палочки в карман, даже отдаленно не представляя, на что их употребить.

После этого он присел на корточки у стены и шепотом повел разговор с двумя ригелианцами. Правда, сейчас он не был настроен говорить и даже обрадовался, когда ригелианцы, завидев дежурного надзирателя, растворились в толпе. Через какое-то время к нему подошел еще один ригелианец.

— Слушай, землянин, ты всерьез решил выбраться отсюда?

— Да, и своего решения не меняю.

Ригелианец усмехнулся и почесал себе ухо. Это было вежливым выражением сомнения.

— По-моему, у нас больше возможностей, чем у тебя.

— Это почему? — спросил Лиминг, полоснув по нему взглядом.

— Да потому, что нас самих больше,— уклончиво ответил ригелианец, будто испугавшись своей излишней болтливости.— Ну чего можно добиться в одиночку?

— Удрать, едва подвернется случай.

Лиминг вдруг заметил на пальце ригелианца простенькое кольцо. Он уже видел десятки таких колец на пальцах не только пленных, но и охранников. Все они были сделаны из четырехпяти витков проволоки. Концы проволоки были изогнуты в форме букв, означавших инициалы владельца.

— Откуда вы достаете эти драгоценности?

Ригелианец не понял иронии и вопросительно уставился на Лиминга.

— Я спрашиваю про кольцо.

— А-а.— Ригелианец с нескрываемым удовлетворением посмотрел на свое кольцо.— Мы делаем их сами. В мастерских. Надо же чем-то разнообразить отупляющую работу.

— И что же, охранники позволяют вам этим заниматься?

— Они не вмешиваются. Считают это безобидным развлечением. К тому же мы сделали немало колец и для самих охранников. А еще мы сделали им автоматические зажигалки. Могли бы сделать несколько сотен и себе, но нам эти игрушки ни к чему.

Он немного помолчал.

— Мы подозреваем, что эти кольца и зажигалки охранники продают.

— Зачем им это нужно?

— Жалованье жалованьем, а лишние деньги не помешают. Когда они наладят сбыт, мы возьмем и перестанем снабжать их товаром, после чего потребуем свою долю в виде дополнительных пайков и кое-каких негласных привилегий.

— Это вы здорово придумали,— похвалил Лиминг.— Вам бы не помешал торговый представитель, разъезжающий по планете в поисках новых рынков сбыта. Предлагаю свою кандидатуру.

Ригелианец едва заметно улыбнулся.

— Поделки у охранников подозрения не вызывают. Но стоит им обнаружить пропажу плохонькой отвертки — тут такой шум

поднимется. Всех разденут догола и обыщут, а виновному достанется так, что в другой раз подумает, стоит ли рисковать.

— А если стащить небольшой моток такой проволоки, они тоже хватятся?

— Сомневаюсь. Не припомню, чтобы когда-нибудь охранники пересчитывали мотки проволоки. А зачем она тебе?

— Сам не знаю,— честно ответил Лиминг.— Но нужна.

— Ты и за миллион ночей не откроешь ею замок,— предупредил ригелианец.— Проволока слишком тонкая и мягкая.

— Стащи для меня такую проволоку,— попросил Лиминг.— Я хочу сделать парочку зулусских браслетов. Обожаю зулусские браслеты.

— Скоро ты и сам сумеешь ее украсть. После допроса тебя, скорее всего, отправят в мастерские.

— Но я не хочу ждать. Чем раньше проволока окажется у меня, тем лучше.

Ригелианец задумался над его словами и наконец сказал:

— Если ты что-то задумал, держи свой план при себе. Не выдай себя даже легким намеком. Малейшая неосторожность может тебе дорого стоить.

— Спасибо за дельный совет, приятель,— сказал Лиминг.— Так как насчет проволоки?

— Встретимся завтра.

Ригелианец отошел и смешался с толпой.

Назавтра Лиминг получил моточек тонкой луженой проволоки. Вечером в темноте камеры Лиминг размотал проволоку и измерил ее длину. Оказалось, шесть футов, как и его рост. Он сложил проволоку пополам. Отломив одну половину, Лиминг спрятал ее под скамью. Затем больше часа провозился, вытаскивая шатающийся гвоздь возле торца скамьи.

Достав из кармана квадратную палочку, Лиминг на ощупь отмерил ее середину, вставил туда острие гвоздя и стал давить каблуком на шляпку. В коридоре послышались шаги. Прежде чем охранник подошел к его камере и открыл глазок, Лиминг успел все спрятать под скамью и лечь. Из глазка брызнул свет, сменившийся немигающим глазом караульного. Тот что-то пробубнил. Вскоре глазок закрылся и свет погас.

Лиминг возобновил работу. Он крутил гвоздь ладонями и периодически давил на него ногой. Гвоздь и дерево упрямились, но Лиминг все же добился желаемого: он просверлил в палочке аккуратную дырку.

После этого он взял оставленную проволоку и разломил ее на две неравные части. Меньшую ее часть Лиминг превратил в петлю с двумя ножками, длина которых была примерно четыре

дюйма. Он тщательно изгибал петлю, стремясь придать ей форму безупречной окружности. Больший кусок проволоки он плотно навил на петлю, а концы тоже изогнул в виде ножек, равных по длине ножкам петли.

Чтобы лучше разглядеть свою поделку, Лиминг вскарабкался на опрокинутую скамью к окошку. Повертев ее в отблеске прожекторов, он кое-что подправил и остался вполне доволен. Потом Лиминг вернул скамейку на место, приложил петлю к торцу и гвоздем прочертил две бороздки, отметив ее диаметр. Он пересчитал число витков на петле. Их было двадцать семь.

Все это требовалось Лимингу отнюдь не для развлечений. Велика вероятность, что ему придется мастерить вторую безделушку, которая обязательно должна стать точной копией первой. Враги обязательно заметят их сходство и, скорее всего, насторожатся. Если пленный делает две совершенно одинаковые вещицы, за этим явно что-то кроется.

Гвоздь Лиминг вернул на место: возможно, тот еще пригодится. Оставался суший пустяк. Он взял палочку, соединил все четыре проволочные ножки и воткнул их в дырку. Теперь его проволочная конструкция обрела нечто вроде подставки. Итак, у него появилась некая вещица, некая безделушка, она же — средство для достижения цели. Лиминг был изобретателем, создателем и единоличным владельцем странного предмета под названием «нитонисей Лиминга».

Спать не хотелось. Чтобы скоротать время, Лиминг растянулся на скамье и стал размышлять... Есть химические реакции, протекающие только в присутствии катализатора. Есть действия, приобретающие законную силу только при определенных условиях: например, заключение брака. Для подтверждения его законности обязательно нужен мировой судья. В математике почти любое уравнение решается с помощью неизвестной величины, именуемой *иксом*. В жизни для достижения цели иногда тоже требуется свой катализатор. Если тебе нужна помощь извне, а ее нет, значит, нужно сделать так, чтобы она появилась.

В незапамятные времена, продолжал свои рассуждения Лиминг, человек убедился: голыми руками окружающий мир не завоюешь. Для этого человеку понадобилось, что называется, «ввести неизвестное». Иными словами, приобрести дополнительные возможности и стать сильнее. Так было испокон веков: человек плюс еще что-то. Когда — орудие труда, когда — оружие. Правда, чаще — и то и другое одновременно.

Но это «что-то» вовсе не обязательно должно иметь зримую форму или убойную силу. Оно может быть невидимым и неосязаемым, как, например, мечта, идея, иллюзия, ошеломляющая ложь. «Что-то» — понятие необычайно широкое.

Лимингу оставалось лишь проверить свой нитонисей на практике.

Если его замысел удастся, это будет иметь далеко идущие последствия.

До первого испытания оставалось совсем немного времени.

Вначале Лиминг решил обращаться к нитонисею на родном языке, но быстро понял свою ошибку. Родной язык подойдет лишь для произнесения «заклинаний», иначе на его затею не обратят внимания. К тому же пора перестать разыгрывать из себя тупицу, неспособного к языкам. Чешуйчатые раскусили его тактику и убедились, что он вполне овладел их языком.

Держа подставку с нитонисеем в левой руке, Лиминг подошел к двери и приложил ухо к закрытому глазку. Ему не терпелось услышать шаги охранника, однако тот будто намеренно запаздывал. Прошло минут двадцать. Наконец Лиминг услышал тяжелый топот армейских ботинок.

— Ты здесь? — спросил Лиминг, обращаясь к нитонисею. Он говорил достаточно громко, чтобы услышал охранник.— Ты здесь?

Отпрянув от двери, Лиминг распластался на каменном полу, поставив нитонисей вблизи лица.

— Ты здесь?

Глазок распахнулся. В камеру упал луч света, тут же заслоненный заспанным глазом охранника.

Всем своим видом показывая, что окружающий мир для него не существует, Лиминг говорил в обвитую проволокой петлю:

— Ты здесь?

— Чем это ты там занят? — сердито спросил охранник.

Лиминг узнал по голосу, кто это, и решил, что удача поворачивается в его сторону. Сейчас дежурил тип по имени Марсин. У этого чешуйчатого хватало мозгов лишь на то, чтобы целиться, стрелять и, если понадобится, позвать на помощь. В остальном он являл собой пример редкостного тупицы. Лиминг удивлялся, почему Марсина не уволят из армии за слабоумие.

— Я спрашиваю, чем ты занимаешься? — уже громче повторил Марсин.

Лиминг ответил не сразу, как и должен вести себя погруженный в транс.

— Я?.. Разговариваю.

— С кем разговариваешь?

— Отстань и не мешай мне,— с неподдельным раздражением потребовал Лиминг. Он чуть повернул подставку с нитонисеем и опять спросил: — Ты здесь?

— Запрещено! — прорычал Марсин.

Лиминг громко вздохнул, показывая охраннику, до чего тяжело объясняться с дураками.

— Что запрещено?

— Разговаривать.

— Ну разве можно быть таким непроходимым невеждой? — осуждающе спросил Лиминг.— Моему народу всегда разрешено говорить. Где бы мы тогда были, если бы нам этого не разрешалось?

Сказанное сильно озадачило Марсина. Он ничего не знал ни о землянах, ни о каких-то вольностях, которые они называли жизненно важными. И уж тем более он не знал, где бы они оказались без этих вольностей.

Более того, Марсин не осмеливался ворваться в камеру и положить конец странному поведению пленного. Вооруженному охраннику запрещалось входить в камеру по собственному усмотрению, и это правило строго соблюдалось. В особенности после того, как однажды ригелианец напал на вошедшего охранника, завладел его оружием и попытался бежать, застрелив при этом шестерых чешуйчатых.

Если Марсин хотел вмешаться, он должен был действовать по предписанию: пойти к дежурному сержанту и доложить о том, что землянин ведет недозволенные разговоры с какой-то проволочной петлей. Но как раз с этим сержантом Марсин предпочитал не связываться, зная его скверный характер и непредсказуемость. Особенно в четыре утра. Сержант и так часто награждал Марсина всевозможными эпитетами, и «незаконнорожденный фаплап» был еще не самым сильным из них.

— Давай прекращай свои разговоры и ложись спать,— с некоторой долей отчаяния произнес Марсин.— Будешь еще шуметь — завтра доложу о тебе дежурному офицеру.

— Иди покатайся на верблюде,— предложил ему Лиминг.

Он еще немного повернул подставку, как будто добивался точной настройки.

— Ты здесь?

— Я тебя предупредил,— крикнул Марсин, пялясь в глазок.

— Исчезни! — рявкнул в ответ Лиминг.

Марсин шумно захлопнул глазок и исчез.

Сон все же сморил Лиминга, и он проспал дольше обычного. Однако проснулся он не сам. Его грубо разбудили. Дверь широко распахнулась, и в камеру ворвались трое охранников. За ними проследовал офицер.

Пленного бесцеремонно столкнули со скамьи, раздели догола и голым вытолкнули в коридор. Охранники принялись рыться в его одежде. Офицер переминался с ноги на ногу, ожидая результатов.

Не найдя ничего в одежде, чешуйчатые стали обыскивать камеру. Один из них сразу же обнаружил нитонисея и передал офицеру. Тот с опаской взял проволочную конструкцию, точно в ней была спрятана бомба.

Другой охранник поддел носком ботинка вторую палочку, но даже не обратил на нее внимания. Охранники простукивали пол и стены, ища несуществующие пустоты. Потом они отодвинули скамью и наклонились, оглядывая ее кромку. Охранники уже собирались перевернуть скамью, когда Лиминг решил, что теперь самое время прогуляться. Он шагнул за порог и двинулся по коридору, совершенно равнодушный к своей наготе.

Офицер что-то прорычал, указывая на дерзкого землянина. Охранники выбежали из камеры и стали кричать Лимингу, требуя остановиться. Из-за поворота показался четвертый охранник. Он ничего не сказал, лишь нахмурился и навел на Лиминга револьвер. Лиминг повернулся и не спеша пошел обратно.

Подойдя к рассерженному офицеру, он остановился. Встав и изобразив на лице полнейшее смирение, Лиминг произнес:

— Посмотри на сентябрьское утро.

Офицер не пожелал этого сделать. Он поднес нитонисей к самому носу Лиминга и завопил:

— Это что?

— Мое имущество,— ответил Лиминг с достоинством голого землянина.

— У тебя не должно быть никакого имущества. Военнопленным запрещено иметь личные вещи.

— Кто это сказал?

— Я! — свирепо ответил офицер.

— А ты кто? — спросил Лиминг.

— Клянусь мечом Ламиссима, ты узнаешь, кто я! — пообещал офицер.— Эй, охрана, тащите его в камеру и...

— Ты здесь не главный,— с непоколебимой уверенностью произнес Лиминг.— Главным здесь является комендант. Я так считаю, и он тоже. Если ты в этом сомневаешься, пойдем и спросим у него.

Охранники смешались, впав в свое привычное состояние хронической нерешительности. Офицер тоже опешил.

— Ты утверждаешь, что комендант дал тебе разрешение держать в камере этот предмет?

— Я утверждаю, что он не отказал мне в разрешении. И ты не вправе мне что-то разрешать или запрещать.

— Я обязательно спрошу об этом у коменданта,— сказал сникший и заметно растерянный офицер.— Отведите пленного обратно в камеру и принесите ему завтрак,— велел он охранникам.

— Верни мне мое имущество,— потребовал Лиминг.

— Не раньше чем я переговорю с комендантом.

Лиминга вернули в камеру. Он оделся. Принесли завтрак — обычное утреннее пойло. Лиминг отчитал охранников и спросил, почему ему не подали яичницу с беконом. Это было частью его стратегии. Чтобы игра набрала обороты, он должен держаться самоуверенно и даже вызывающе.

Преподаватель сегодня не пришел. Лиминг не стал тратить время попусту и взялся за совершенствование своих познаний в местном языке. В полдень его вывели на прогулку. Лиминг приглядывался к охранникам — после стычки с офицером он вполне мог ожидать, что его возьмут под особое наблюдение. Но нет, он интересовал охранников не больше, чем любой из пленных.

Из толпы к Лимингу подошел знакомый ригелианец.

— Мне удалось стащить для тебя еще немного проволоки,— прошептал он.— Вот, держи.

Лиминг молча опустил проволоку в карман.

— Это все, что было в моих силах,— добавил ригелианец.— Больше не проси.

— А в чем дело? Чешуйчатые забеспокоились? Они тебя подозревают?

— Пока все обстоит нормально,— ответил ригелианец, бросая по сторонам осторожные взгляды.— Но если пленные увидят, что я краду проволоку, они начнут делать то же самое. Они будут воровать проволоку, надеясь узнать, зачем она мне понадобилась.

— И что это им даст?

— Они решат, что я что-то задумал. А раз так, попытаются последовать моему примеру. Понимаешь, в тюрьме каждый держит уши торчком. Все стараются подсмотреть чужие хитрости, чтобы применить самим.

— И подсматривают? — спросил Лиминг.

— Бывает, подсматривают. А иногда выдумывают то, чего на самом деле нет. Тюремная жизнь — она каждого пленного выворачивает наизнанку. Вылезает все: и лучшее, и худшее.

— Понимаю.

— Двух моточков проволоки никто не хватится,— продолжал ригелианец.— Но если все дружно примутся красть проволоку,

ее запасы моментально исчезнут. Тогда тюремные власти устроят здесь такое, что лучше и не думать. Сам понимаешь, я не хочу, чтобы по моей вине охранники начали перетрясать каждую камеру.

— Иными словами, ты и твои товарищи опасаетесь повальных обысков. Особенно сейчас,— предположил Лиминг, сделав упор на последнем слове.

Ригелианец дернулся, будто испуганная лошадь.

— Я такого не говорил.

— Я тоже умею улавливать то, о чем не говорят,— подмигнул ему Лиминг и ободряюще добавил: — А еще я умею держать язык за зубами.

Лиминг обошел весь двор — не найдется ли где еще каких-нибудь деревяшек. На этот раз ему не повезло, но он не слишком огорчился. Можно обойтись и без деревяшек. Главное, он начал игру. Возможно, дальше ему вообще не понадобится проволока.

Вторую половину дня, вплоть до сумерек, Лиминг снова потратил на занятия местным языком. Когда достаточно стемнело и в окошке камеры робко блеснули знакомые звезды, Лиминг принялся что есть силы колотить ногами в дверь. Грохот стоял на весь коридор, если не на весь тюремный блок.

Вскоре он добился желаемого: по коридору бежал охранник. Лязгнула заглушка глазка. Это опять был Марсин.

— А, это ты,— приветствовал его Лиминг и презрительно хмыкнул.— Я так и знал, что ты проболтаешься офицеру. Подлизываешься к нему, рассчитываешь на повышение?

Лиминг выпрямился в полный рост.

— Жаль мне тебя, Марсин. Тебе в пятьдесят раз хуже, чем мне.

— Тебе меня жаль? — оторопело переспросил охранник.— С чего?

— Тебя ждут большие мучения. Нет, не сразу. Нужно, чтобы ты свыкся с этой жуткой мыслью, чтобы терзался ожиданием. А потом тебе станет невыносимо тошно.

— Я был обязан доложить,— почти извиняющимся тоном объяснил Марсин.

— Знаю, и это немного смягчит твою вину,— пообещал Лиминг.— Тебе будут сделаны некоторые послабления, но не надейся на полное освобождение от наказания.

В мозгу, слабо изборожденном извилинами, зашевелилась тревога.

— Я чего-то не пойму тебя,— признался Марсин.

— Подожди, наступит страшный день, и ты все поймешь. И не только ты, но и те четверо вонючих фаплапов, которые имели наглость разбудить меня и устроить обыск. Так и передай им. Пусть знают заранее о том, что их ждет.

Что-то внутри Марсина подсказывало ему: дальнейший разговор с землянином ни к чему хорошему не приведет.

— Некогда мне тут болтать с тобой,— буркнул надзиратель, собираясь опустить заглушку глазка.

— Я тебя не держу. Но мне кое-что от тебя нужно.

— Чего еще?

— Я хочу, чтобы мне вернули нитонисей. Тот предмет, что у меня забрал ваш офицер.

— Тебе его отдадут только с разрешения коменданта. А коменданта сейчас нет. Он уехал и вернется завтра утром.

— Я не собираюсь ждать до утра. Нитонисей нужен мне сейчас.

Лиминг наморщил лоб, имитируя глубокое раздумье, потом равнодушно махнул рукой.

— Ладно, Марсин. Не трудись. Я позову себе нового нитонисея.

— Запрещено,— вяло напомнил ему надзиратель.

В ответ Лиминг громко расхохотался.

Дождавшись, пока совсем стемнеет, он достал из-под койки припрятанную проволоку и стал мастерить второго нитонисея, стремясь придать тому полное сходство с первым.

Марсин дважды заглядывал в глазок, но Лиминг успевал его опередить и притвориться спящим.

Закончив работу, Лиминг перевернул скамью и влез к окошку. Достав из кармана полученный от ригелианца моток проволоки, он плотно привязал один конец к основанию среднего прута решетки, а сам моток пропихнул наружу.

Блестящую проволоку легко могли заметить со двора. С помощью скопившейся на оконной кромке пыли и собственной слюны Лиминг погасил этот блеск. Потом он спустился вниз и вернул скамью на прежнее место. Окошко находилось на такой высоте, что снизу было невозможно увидеть ни его кромку, ни основание прутьев.

Подойдя к двери, Лиминг дождался шагов охранника и произнес:

— Ты здесь?

Заглушка глазка не замедлила подняться. Лиминг инстинктивно почувствовал, что сейчас за ним наблюдает не один Марсин. Их там наверняка было несколько.

Не обращая внимания на открытый глазок, Лиминг медленно и осторожно поворачивал своего нитонисея, повторяя снова и снова:

— Ты здесь?

Повернув подставку градусов на сорок, Лиминг остановился и с явным удовлетворением сказал:

— Ну наконец-то ты здесь! Где тебя носило до сих пор? Неужели ты не мог быть где-нибудь поближе? А то мне пришлось вызывать тебя через петлю.

Лиминг умолк, делая вид, что внимательно слушает. Глаз охранника округлился от любопытства. За дверью послышалась возня, и место у глазка занял новый наблюдатель.

— Так вот,— проговорил Лиминг, поудобнее устраиваясь на полу,— я при первом же удобном случае покажу тебе их всех, и ты сам решишь, как с ними поступить. А теперь давай перейдем на наш язык. Вокруг хватает любопытных ушей, и мне это очень не нравится.

Лиминг глубоко вздохнул, задержал воздух и единым духом выпалил:

— Когда ж прорвался я сквозь паутину, увидел жуткую картину: большое зеркало. Оно все трещинами изборождено. Следы давнишнего проклятья...

Трудно сказать, какую картину ожидали увидеть в камере чешуйчатые, но едва дверь распахнулась, сквозь нее одновременно прорвались два охранника. Им не терпелось схватить нитонисея. Еще двое вместе с офицером остались на пороге. За их головами Лиминг увидел опасливо съежившегося Марсина.

Один из охранников быстро нагнулся и зажал в руке изобретение Лиминга.

— Вот он! — крикнул охранник и выбежал наружу.

Его напарник тоже не стал задерживаться в камере. Чувствовалось, что оба взвинчены до предела. Однако дверь закрылась не сразу. Лиминг тут же воспользовался этим. Он сжал руки в кулаки, выставил средние пальцы и начал тыкать ими в невидимую преграду. Отправить к черту на рога — так это называлось в его детстве. Мальчишкой он верил, что этот жест насылает разные беды на того, кому хочешь отомстить.

— Вот они,— с пафосом объявил Лиминг, обращаясь к невидимому собеседнику.— Взгляни на это стадо идиотов, покрытых чешуйчатой кожей. Они сами напросились на беду. Позаботься, чтобы каждый из них получил сполна.

Прежде чем дверь поспешно захлопнулась, Лиминг успел заметить не на шутку встревоженные лица охранников. Потом

он услышал, как они уходят, не переставая взволнованно шептаться.

Лимингу хватило десяти минут, чтобы забраться к окну, отломить еще один кусок проволоки и восстановить маскировку оставшегося мотка. Еще через полчаса он смастерил себе нового нитонисея. Этот получился даже удачнее первых двух.

Поскольку палочек у него больше не было, Лиминг гвоздем проделал лунку между каменными плитами пола. Вставив туда все четыре ножки нитонисея, он добился свободного вращения проволочной петли.

Дождавшись нужного момента, Лиминг лег на живот и стал повторять вызубренный намертво третий параграф правила № 27, подраздела В Устава Военно-космических сил. Он намеренно выбрал этот шедевр бюрократической фразеологии, где одно предложение состояло из тысячи слов, а общий смысл был ведом только Богу.

«Там, где заправка топливом должна осуществляться в качестве чрезвычайной меры на базе, не являющейся официальной базой приписки или определенной как официальная база приписки для особых надобностей, что явствует из Раздела А (5), поправка А (5) В, такую базу следует считать как бы являющейся официальной базой приписки, определенной Разделом А (5), поправкой А (5) В, при условии, что чрезвычайные обстоятельства, повлекшие за собой необходимость заправки, обозначены в официальном списке технически необходимых мероприятий, перечисленном в Разделе J (29.33) с соответствующими приложениями, имеющими непосредственное отношение к базам приписки там, где таковые имеются, и включающими в себя...»

Заглушка глазка поднялась и тут же с шумом опустилась. Кто-то стремглав понесся по коридору. Еще через минуту тюремный коридор наполнился таким грохотом, словно по нему шел кавалерийский полк. Заглушка еще раз взлетела и опустилась. Дверь камеры настежь распахнулась.

На этот раз охранники не ограничились изъятием нитонисея. Лиминга, как и утром, раздели догола, тщательно осмотрев и едва ли не обнюхав его одежду. Тщательному обыску подверглась и сама камера. Наверное, если бы им позволили, они с удовольствием разорвали бы Лиминга на куски. Пока что досталось лишь его скамье, которую перевернули вверх дном, простучали и с досады начали пинать ногами. Для полного идиотизма не хватало лишь ползать по ней с лупой в руках.

Наблюдая за бесчинством чешуйчатых, Лиминг подбадривал их, злорадно посмеиваясь. Он вспоминал себя в прошлом. Робкий мальчишка, неспособный даже на спор повести себя нагло

и самоуверенно. Теперь он мог, поскольку и ставки, и обстоятельства были совсем иными.

Бросив на Лиминга уничтожающий взгляд, один из охранников вышел и вернулся с лестницей. Приставив ее к стене, он полез осматривать окошко. У Лиминга замерло сердце. К счастью, охраннику вовсе не улыбалось балансировать на шаткой лестнице. Его главной заботой было проверить, целы ли прутья решетки. За каждый из них он хватался обеими руками и пытался трясти. Удостоверившись в целости прутьев, охранник быстро слез и унес лестницу.

Наконец они убрались. Лиминг оделся, приложил ухо к двери вблизи глазка и прислушался. Охранников выдавал пусть слабый, но все же уловимый звук их дыхания и шуршание одежды. Лиминг сел на скамью и стал ждать. Он не ошибся: вскоре глазок открылся и в нем появился чей-то глаз. Лиминг незамедлительно выставил средние пальцы и отправил смотрящего «к черту на рога».

Звякнула опущенная заглушка. Топот удаляющихся ног показался Лимингу подозрительно громким. Они решили обмануть его? Нет, ребята, это вам не скамейки переворачивать. Лиминг продолжал терпеливо ждать. Где-то через полчаса заглушка поднялась снова и смотряший получил очередную порцию «рогов». Через пять минут все повторилось. Если это был один и тот же охранник, похоже, он упорно зарабатывал себе полный набор адских мучений.

Игра длилась три часа, после чего заглушка перестала звякать. Наелся, подумал Лиминг и принялся сооружать четвертого по счету нитонисея. Укрепив его в лунке между плитами, повторив всю процедуру, Лиминг спровоцировал новое вторжение охранников. Они больше не раздевали пленного и не рыскали по камере, а ограничились изъятием опасной штучки. Судя по их лицам, эти чешуйчатые тупицы давно так не уставали.

Из оставшейся проволоки можно было бы смастерить еще одного нитонисея, однако Лиминг решил не передергивать в игре и лечь спать. Если к скверной пище добавится недосыпание, его внутренние резервы быстро сойдут на нет.

Лиминг повалился на скамью, закрыл воспаленные глаза и вскоре заснул. Его храп удивительно напоминал звук пилки, вгрызающейся в прутья решетки, и охранники не выдержали. Они в очередной раз ворвались к нему в камеру. Разбуженный Лиминг пообещал им вечные муки в аду и повернулся на другой бок. Он был измотан до предела, но зато и охранники находились не в лучшем состоянии.

Лиминг проспал до самого полудня, если не считать короткого пробуждения на завтрак. Есть утреннее пойло не хотелось, однако он заставил себя проглотить это варево и снова уснул. К полудню Лиминг почувствовал, что спать больше не хочет. Вскоре принесли еще одну порцию пойла, называемую обедом. Наступило время прогулки, но охранники и не подумали открыть дверь камеры. Лиминг стучал ногами по полу и требовал объяснить, почему его не выпускают во двор. Охранники никак не реагировали.

Лиминг уселся на скамью с ногами и занялся анализом событий. Итак, его не пустили гулять, лишив единственного жалкого глотка свободы. Одно из двух: либо это месть за то, что ночью он гонял их, как блох. Хуже, если чешуйчатые в чем-то заподозрили ригелианца и решили оборвать его контакты с землянином.

Как бы там ни было, но он уже лишил врагов спокойной жизни. Он внес достаточно сумятицы в их рутинное существование. Один, далеко от своих, не имея ничего, кроме тонкой луженой проволоки. Пусть маленькая, но победа. Если воин находится в плену, это еще не значит, что он не может сражаться. Даже за внешне неприступными стенами тюрьмы можно теснить врага, оттягивая на себя его время и силы и подрывая его боевой дух.

Затея удалась. Следующий шаг — придать ей дополнительную силу. Нужно до такой степени убедить чешуйчатых, чтобы они ждали грядущих бед и страданий с обреченностью приговоренного к смертной казни. Чем более туманными и запутанными будут его объяснения, тем легче враги поверят в неотвратимость расплаты. Пусть сживутся с мыслью, что кара их обязательно настигнет. Неделей раньше или позже, но настигнет.

Тактика Лиминга, по сути, ничем не отличалась от цыганских предсказаний. Он знал, насколько сильна в людях склонность придавать особое значение всякого рода расплывчатым заявлениям или предостережениям. Стоило в их жизни произойти какому-то событию, как оно тут же подгонялось под то или иное «предупреждение». И дело здесь не в чьей-то легковерности или излишней доверчивости. Людей настраивали на ожидание, и это срабатывало. Потом оставалось лишь хлопать себя по лбу и восклицать: «Надо же, все так и случилось!» Предположим, цыганка говорила какую-нибудь совершенно банальную фразу вроде: «В скором будущем на твоем пути окажется высокий смуглый мужчина». И попадала пальцем в небо, поскольку под такое описание подходил любой мужчина выше среднего роста, отличавшийся цветом волос от блондина. А слова «скорое будущее» позволяли толковать их в очень широких временных

рамках. И ближайшие пять минут, и ближайший год — все годилось. Неудивительно, что потом какая-нибудь девчонка-подросток сообщала матери:

— Мама, представляешь, страховой агент, который к нам приходил, и в самом деле мне улыбнулся. Разве ты не помнишь, что сказала цыганка?

Лиминг улыбнулся сам себе. Сейчас ему требовалось все, что он знал и помнил, поскольку нельзя упускать ни одной возможности. Должно быть, где-то неподалеку группка ригелианцев рыла подземный ход. Возможно, таких группок несколько. О лопатах нечего и мечтать: роют голыми руками. В лучшем случае — ложками. Много ли так нароешь? Наверное, пара жалких дюймов за ночь упорной работы. А ведь еще надо куда-то девать вырытую почву. Вероятнее всего, ригелианцы выносят ее в карманах и незаметно рассыпают по двору. Нескончаемый риск, постоянная опасность попасть в ловушку и быть застреленным на месте. Малейшая случайность, и год кропотливый работы пойдет насмарку.

Это их путь. Но чтобы выбраться из каменного мешка, совсем не обязательно устраивать побег. Если быть достаточно терпеливым, решительным, хитрым и не терять присутствия духа, враги сами откроют двери тюрьмы и вытолкнут тебя на свободу. Не зря же Бог наделил его, Лиминга, мозгами.

Тюрьма — часть мира чешуйчатых. В ней и за ее пределами происходят разные события, в том числе неприятные или даже трагические (вряд ли теория вероятностей сделала исключение для этой цивилизации). Допустим, у какого-то офицера может прихватить живот. Или часовой, спускаясь с вышки, поскользнется и сломает ногу. Кто-то потеряет деньги, штаны или разум. Да мало ли что еще может произойти? Где-то поблизости обрушится мост. Поезд сойдет с рельсов. Космический корабль при старте распадется на куски. Особо важный военный завод вдруг взлетит на воздух. Или скоропостижно умрет кто-нибудь из правящей военной верхушки.

Вот тут-то и нужно разыграть свою козырную карту, убеждая чешуйчатых, что они сами накликали все эти беды на свою голову, о чем он предупреждал их с самого начала. Тут главное — не переиграть, иначе блестящий замысел вместе с автором могут оказаться в пыточной камере.

Идеальная стратегия — заставить чешуйчатых поверить, что он вовсе не желает им зла. Он бы и рад остановить все эти бедствия, но такое выше его сил. Вторая часть стратегии — убедить чешуйчатых в их собственном бессилии, внушить им, что даже если они его убьют, это их не спасет. Враги должны сами сде-

лать вывод: единственный способ избавиться от дальнейших неприятностей — это избавиться от самого Лиминга, но живого и невредимого.

Легко сказать — «заставить поверить». Только как? Год назад эта задача показалась бы ему чудовищно неразрешимой. Но три месяца он только тем и занимается, что ищет решение неразрешимой задачи. И жестокая необходимость подхлестывает мозг лучше любого стимулятора.

Когда Лиминг нащупал решение, он не знал, что уже через десять минут ему придется проверять свою идею на прочность. Дверь распахнулась. На пороге стояли трое охранников.

— Комендант немедленно требует тебя к себе. *Амаш!*

Комендант восседал за столом. Справа и слева от него сидело по офицеру чином помладше. Это был дородный, крепко сбитый чешуйчатый. Из-под роговых наростов на пленного смотрели абсолютно неподвижные глаза.

Лиминг спокойно уселся на ближайший стул. Офицер справа сразу же рявкнул:

— Ублюдок Федерации! В присутствии коменданта ты обязан стоять!

— Пусть сидит,— возразил комендант.

Ага, уже с самого начала они делают мне уступку, мысленно отметил Лиминг. Он перевел глаза на заваленный бумагами стол. Десять против одного, что коменданту успели донести обо всех проделках землянина, но тюремный повелитель решил не выносить поспешных решений, а докопаться до сути происходящего.

Что ж, похвально. Федерация ничего не знала о расе, захватившей Лиминга в плен, как и чешуйчатые не знали о некоторых расах, входящих в состав Федерации. В частности, о землянах. Вот и решили познакомиться поближе, раз представилась возможность.

Правильно, чешуйчатые! Только учтите: вы видите не одного человека, а человека плюс *икс*. Плюс неизвестное.

— Насколько я понимаю, ты научился говорить на нашем языке,— начал комендант.

— Не стану отрицать,— признался Лиминг.

— Отлично. Сначала ты расскажешь нам о себе.

Комендант вытащил из-под бумаг какой-то официальный бланк и взял ручку.

— Название планеты твоего рождения.

— Земля.

Комендант записал так, как услышал, и задал новый вопрос:

— Название твоей расы?

— Земляне.

— Наименование вида?

— *Homo nosipaca,*— не моргнув глазом, ответил Лиминг.

Комендант записал оба слова, поморщился и спросил:

— А что это значит?

— Человек межзвездный,— пояснил Лиминг.

— Хм-мм,— с невольным удивлением пробормотал комендант.— А как твое личное имя?

— Джон Лиминг.

— Джон Лиминг,— повторил комендант, по слуху записывая незнакомые слова.

— И Юстас Фенакертибан,— небрежно добавил Лиминг.

Комендант записал и это, хотя ему не сразу удалось составить из крючков и завитушек местного алфавита фамилию Фенакертибан. Дважды ему пришлось просить Лиминга повторить трудное слово.

Разглядывая запись, похожую на китайский рецепт супа из тухлых яиц, комендант спросил:

— У вас принято иметь два имени?

— Да, господин комендант,— заверил Лиминг.— Иначе и быть не может, поскольку нас двое.

Комендант шевельнул роговыми наростами. Лиминг уловил его удивление.

— Ты хочешь сказать, что вашей расе свойственно двойное зачатие и двойное рождение? То есть у вас каждый раз рождаются две совершенно одинаковые мужские или женские особи?

— Совсем не так,— возразил Лиминг, всем видом показывая, до чего ему скучно говорить об очевидных вещах.— Когда человек рождается, он немедленно получает своего Юстаса.

— Юстаса?

— Да.

Комендант нахмурился, поковырял в зубах и посмотрел на своих офицеров. Оба сидели так, будто происходящее их не касалось и они просто пришли сюда составить компанию начальству.

— Что такое Юстас? — после долгой паузы спросил комендант.

— Нечто невидимое, являющееся частью личности,— ответил Лиминг, зримо раздосадованный столь вопиющим невежеством.

Кажется, до коменданта дошло.

— А, так ты говорил о душе? У вас душа получает отдельное имя. Я правильно понял?

— Нет, господин комендант, вы совсем ничего не поняли. У меня своя душа, а у Юстаса — своя. По крайней мере, я надеюсь, что это так,— добавил Лиминг.

Комендант откинулся на спинку стула. Вторая пауза была длиннее первой.

— Я не понимаю,— наконец выдавил из себя хозяин тюрьмы.

— Просто у вашей расы нет своих Юстасов,— внутренне торжествуя, объявил Лиминг.— Вы, как бы поточнее выразиться на вашем языке... одноживущие. Тут вам не позавидуешь.

Комендант вдруг ударил кулаком по столу и уже иным, командирским тоном спросил:

— Кто такой или что такое этот Юстас? Я требую простого и понятного объяснения.

— В ваших силах заставить меня говорить,— сказал Лиминг, притворяясь, будто ему не хочется трогать тему Юстаса.— Но дело не в этом. Даже если вы и получите полное представление о Юстасе, оно будет для вас бесполезным.

— Там посмотрим,— пообещал комендант.— А теперь давай рассказывай про своих Юстасов.

— Каждый землянин с самого рождения и до смерти живет не один,— начал Лиминг.— Его жизнь протекает в союзе с сущностью, которую неизменно зовут Юстасом. Например, мой Юстас — Фенакертибан. Юстасы других людей называются другими дополнительными именами.

— И ты видишь эту сущность?

— Нет, никогда. Юстаса невозможно ни увидеть, ни услышать, ни даже унюхать.

— Так откуда ты знаешь, что твой Юстас — не просто предрассудок твоей расы?

— Во-первых, каждый человек способен слышать своего Юстаса. Когда мой Юстас находится в пределах досягаемости, я могу подолгу беседовать с ним. Его речь поступает мне прямо в мозг, и она не менее последовательна и логична, чем ваша.

— Стало быть, ушами ты ее не слышишь?

— Нет, только мозгом.

Лиминг намеренно замолчал, потом продолжил объяснения.

— Я назвал первое доказательство реальности Юстаса. Теперь второе. Юстас обладает силой совершать определенные поступки, результаты которых налицо.

Кивком головы Лиминг указал на офицера, что сидел слева от коменданта и внимательно слушал.

— Например, если мой Юстас затаит злобу на этого офицера, он сообщит мне о своем намерении сделать так, чтобы офицер упал с лестницы. И если вскоре этот офицер действительно упадет с лестницы и сломает шею...

— Но бывают и совпадения,— перебил его комендант.

— Бывают,— согласился Лиминг.— Но когда их становится слишком много, поневоле задумаешься. Предположим, Юстас говорит, что хочет совершить двадцать или пятьдесят разнообразных поступков, и они действительно совершаются в той последовательности, в какой он их перечислил. Что прикажете после этого думать? Одно из двух: либо Юстас совершил их сам, либо он — непревзойденный пророк. Однако Юстасы себя пророками не считают, да и я в это не верю. Никто, видимый он или невидимый, не в состоянии точно предугадать будущее.

— Справедливо,— согласился комендант.

— Скажите, господин комендант, вы признаете тот факт, что родились от отца и матери?

— Разумеется.

— И вы не считаете это странным или ненормальным?

— Ни в коей мере. Я даже представить не могу, как можно родиться без участия родителей.

— Вот и земляне считают наличие Юстасов очевидным фактом и тоже не могут представить, как можно жить без них.

Комендант долго обдумывал услышанное, затем сказал сидящему справа офицеру:

— Смахивает на обоюдный паразитизм. Интересно знать, какую пользу извлекает из него каждая сторона.

Хотя эти слова не были обращены к Лимингу, он посчитал необходимым вмешаться.

— Я не могу сказать, какую пользу получает от меня мой Юстас. Я этого попросту не знаю.

— Думаешь, я в это поверю? — недоверчиво усмехнулся комендант. Он приоткрыл рот, обнажив зубы.— Ты сам недавно утверждал, что можешь переговариваться со своим Юстасом. Так что же ты не спросишь его, какая ему от тебя польза?

— Мы, земляне, еще очень давно устали от подобных вопросов и перестали их задавать. Мы вообще прекратили говорить на эту тему и признали существующее положение вещей.

— Почему?

— Потому что всегда получали один и тот же ответ. Юстасы охотно признавали, что мы жизненно необходимы для их существования, но как и почему — этого они объяснить не могли, поскольку мы не обладаем их пониманием.

— А тебе не кажется, что Юстасы водят вас за нос? — подсказал комендант.— Они ничего не говорят вам об этом, поскольку не хотят, чтобы вы знали.

— Даже если это и так, что нам, по-вашему, делать?

Пропустив вопрос пленного мимо ушей, комендант задал свой:

— А какая тебе польза от Юстаса?

— Юстас дает мне общение, помогает сохранить душевное равновесие, рассказывает много интересного, советует и еще...

— Что еще?

Сложив руки на коленях, Лиминг привстал со стула, наклонился в сторону коменданта и произнес, едва не забрызгав того слюной:

— Если надо, Юстас способен отомстить за меня.

Эти слова потрясли чешуйчатых. Комендант отпрянул. Офицеры были хорошо вымуштрованы, но чувствовалось, что и им стало не по себе. Вот он, идиотизм войны: призрак страшнее оружия.

Комендант совладал с собой и мрачно улыбнулся.

— Ты у нас в плену, причем уже достаточно давно. Что же твой Юстас не поспешил тебе на помощь? Похоже, ему наплевать на тебя.

— Это вы так думаете. Он много делает для меня. И сделает еще больше. Он сам выберет время и способы действия.

— Например?

— Дождитесь и сами увидите,— предложил Лиминг, демонстрируя непоколебимую уверенность.

Сказанное, естественно, не прибавило им оптимизма.

— Невозможно взять в плен больше половины землянина,— продолжал Лиминг.— Да-да, вы взяли в плен лишь мою телесную, осязаемую половину. Вторую половину пленить невозможно, как бы вы ни старались. Она — вне вашего контроля. Юстас свободно разгуливает, где ему вздумается, собирает ценные сведения военного характера, устраивает мелкий саботаж и вообще делает все, что хочет. Вы создали эту ситуацию, взяв меня в плен, а теперь она берет в плен вас.

— Ошибаешься. Мы убьем тебя — вот и весь плен кончится,— угрюмо пообещал комендант.

Лиминг громко расхохотался.

— Это вы ошибаетесь. Все станет в пятьдесят раз хуже.

— Чем нам опасен мертвый землянин и мертвый Юстас?

— Дело в том, что Юстасы живут дольше землян. Обычно Юстас умирает лишь через пять—десять лет после смерти человека, с которым был связан. У нас даже есть древняя песня о Юстасах. Там говорится, что старые Юстасы не умирают, а по-

степенно растворяются в космических просторах. В нашем мире есть тысячи одиноких, разъединившихся Юстасов, которые мало-помалу угасают.

— Ты не ответил. Чем нам опасен твой Юстас?

— Убейте меня, и мой Юстас останется совершенно один в чужом мире. Вокруг — ни людей, ни других Юстасов, чтобы скрашивать его одинокие дни. Причем он знает, что его дни сочтены. До сих пор моего Юстаса сдерживала забота о моей безопасности. Но тогда это ограничение исчезнет. Подумайте сами: я перестану входить в его планы.

Лиминг глядел чешуйчатым прямо в глаза, стараясь не мигать.

— Юстас обезумеет и все свои силы обратит на разрушение и уничтожение окружающей жизни. Не забывайте: вы для него — враждебная форма жизни. Он не испытывает к вам ни жалости, ни сострадания.

Лиминг замолчал. Комендант тоже сидел молча, раздумывая над словами пленного землянина. Все, что он услышал, казалось невероятным. Но ведь когда-то и возможность космических полетов казалась еще более невероятной. Комендант не мог себе позволить просто отмахнуться от слов пленного. Глупые верят всему, поскольку доверчивы. Умные не торопятся верить, но и не спешат отрицать то, о чем ничего не знают. Пока комендант тюрьмы мог сказать с уверенностью лишь одно: ему ничего не известно о расе землян.

— Не буду утверждать, что все это невозможно,— наконец прервал молчание комендант,— но сомнения у меня все равно остаются. В наш альянс входит двадцать семь рас. Я не слышал, чтобы хоть одна из них отличалась таким вот... сосуществованием с невидимой формой жизни.

— Тогда странно, что вы не знаете об особенностях латианцев. В этом они схожи с землянами,— безапелляционно заявил Лиминг.

Латианцы были ведущей расой вражеского альянса и главным противником сил Федерации.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что у латианцев тоже есть Юстасы? — оторопело спросил комендант.

— Нет. Каждый латианец управляется сущностью, которая называет себя Дрожалкой с добавлением еще какого-нибудь имени. Просто латианцы об этом не знают. Мы бы тоже не знали, если бы не наши Юстасы. Они-то нам и рассказали.

— А они сами как узнали?

— Думаю, вам известно, что наиболее крупные сражения до сих происходили в латианской части Вселенной. Обе стороны брали пленных. После этого мы и узнали от Юстасов, что каж-

дый пленный латианец управляется своей Дрожалкой и даже не подозревает об этом.

Лиминг усмехнулся.

— Правда, Юстасы невысокого мнения о Дрожалках. Скорее всего, Дрожалки являются более низкой формой невидимой жизни.

Комендант нахмурился.

— По крайней мере, это что-то определенное, что теоретически поддается проверке. Только как проверить, если сами латианцы не подозревают о том, что у них есть невидимые двойники?

— Проще простого,— подсказал Лиминг.— Латианцы держат в плену землян. Пусть кто-нибудь спросит этих землян, есть ли у латианцев Дрожалки.

— Так мы и сделаем,— согласился комендант, всем своим видом показывая, что скоро он выведет Лиминга на чистую воду.

Комендант обратился к офицеру, сидевшему справа:

— Бамашим, отправь по дальней связи запрос нашему старшему представителю при верховном командовании латианцев. Пусть допросит пленных землян.

— Вы можете еще доскональнее проверить мои слова,— вмешался Лиминг.— У нас каждый, кто связан с невидимой сущностью, называется чокнутым. Чокнутым, запомните это слово. Спросите у пленных землян: правда ли, что все латианцы чокнутые?

— Узнай и об этом,— приказал офицеру комендант и снова сосредоточил внимание на Лиминге.— Рассуждаем так. Ты ведь не знал, что совершишь вынужденную посадку и попадешь в плен. Так? Дальше. Ты сидишь в нашей тюрьме, а те пленные земляне — в латианской. Поэтому ты никак не мог заранее с ними сговориться.

— Все правильно,— подтвердил Лиминг.

— Когда придет ответ на запрос, тогда и увидим, правдивы ли твои показания.

Комендант свирепо взглянул на пленного землянина.

— Если ответ не подтвердит твоих слов, я сразу пойму, что здесь ты мне наврал. Возможно, ты вообще все наврал, от начала до конца. Так и знай: у нас есть особые и весьма эффективные способы обращения с врунами.

— Не сомневаюсь, что есть. Но если полученные ответы подтвердят мои слова, вы убедитесь, что я говорил правду. Вы согласны?

— Нет! — огрызнулся комендант.

Впервые за время допроса Лимингу стало не по себе.

— Почему?

Комендант поджал губы.

— Я прекрасно знаю: прямые контакты между тобой и другими пленными землянами невозможны. Но это еще ничего не значит. Твой Юстас вполне мог сговориться с их Юстасами.

Лиминг попытался улыбнуться.

— Такое просто невозможно.

Вместо ответа комендант нагнулся, выдвинул ящик и один за другим бросил на стол всех нитонисеев Лиминга.

— Как видишь, возможно,— торжествующе произнес он.— Выкладывай, что ты им говорил?

А комендант не дурак, и рассуждения у него вполне логичные. Лиминг общался со своим Юстасом, тот вступил в контакты с Юстасами пленных землян... дальше понятно. Давай теперь, выпутывайся из комендантской ловушки. Времени — не больше двух минут.

Выпутывайся, Лиминг, твердил он себе, иначе сейчас ты погубишь все, что так тщательно строил.

Комендант и офицеры ждали ответа и следили за лицом пленного, подсчитывая время. Чем позже Лиминг даст ответ, тем менее убедительным он будет. Нужно отвечать. Сказать им первое, что придет в голову, но только не молчать.

Отчаяние внутри наползало, разрасталось. Спасительная мысль, как часто бывает, явилась в самый последний момент.

— В своих рассуждениях вы допустили две ошибки,— сказал Лиминг.

— Назови, какие.

— Во-первых, моего Юстаса от тех Юстасов отделяет громадное расстояние, что исключает возможность их непосредственного общения. Чтобы войти в сговор, Юстасу понадобилась бы моя помощь, а мне — мощный передатчик. И вначале я должен был бы войти в контакт с кем-то из землян, которые затем передали бы сведения своим Юстасам.

— Это ты так утверждаешь,— заметил ему комендант.— А в действительности все может обстоять наоборот. Юстасы способны общаться между собой вне зависимости от расстояний, и ты по понятным причинам стараешься скрыть это от нас. Мы что, должны верить тебе на слово?

— Другого я сказать не могу. Верить или не верить мне на слово — это уж вам решать.

— Я не верю. Давай называй вторую ошибку. Может, здесь ты скажешь что-то более убедительное.

— Конечно,— пообещал Лиминг,— поскольку здесь вам уже придется поверить не моим словам, а своим собственным.

— Чепуха! — загремел комендант.— Я не пытался убедить тебя в существовании Юстасов.

— Разрешите вам напомнить, господин комендант, что это вы сказали мне о возможности сговора между Юстасами.

— Ну и что?

— Сговор возможен лишь в том случае, если Юстасы действительно существуют, что доказывает правдивость моих слов. Но если мои утверждения — сплошное вранье и никаких Юстасов нет, как же будут сговариваться те, кого не существует?

Комендант сидел, не шелохнувшись. Его лицо слегка побагровело. Он был похож на охотника, попавшего в свой же капкан. Лиминг представлял, какая буря бушевала внутри у этого бедняги. Офицер, сидевший слева, изо всех сил старался подавить оскорбительный смешок.

Вдоволь насладившись этим зрелищем, Лиминг как ни в чем не бывало продолжал:

— Если вы не верите в существование Юстасов, то вы никак не можете верить в какой-либо сговор между ними. Однако если вы все-таки верите в возможность сговора, значит, тем самым вы признаете существование Юстасов. Разумеется, если сейчас вы находитесь в добром здравии и ясном уме.

— Охрана! — заорал комендант и сердито ткнул пальцем в сторону Лиминга.— Увести его!

Охранники поспешили исполнить приказ и погнали Лиминга к двери, когда последовало новое распоряжение:

— Стойте!

Комендант размахивал проволочным нитонисеем.

— Где ты достал проволоку, чтобы наделать столько своих поганых штучек?

— Мне ее принес Юстас. Кто же еще?

— Прочь с моих глаз!

— *Мерсе, фаплап,*— повторяли охранники, тыкая Лимингу в спину прикладами.— *Амаш! Амаш!*

Остаток этого дня и весь следующий Лиминг провел в камере. Он то сидел, то лежал на скамье, мысленно прокручивая разговор с комендантом и намечая свои дальнейшие шаги. Иногда Лиминг ненадолго разрешал себе повосхищаться собственным наглым и на удивление складным враньем. И какой врун до сих пор пропадал во мне, думал Лиминг.

Проще ли пробиваться к свободе языком, а не голыми руками, как ригелианцы? Кто продвигается успешнее? И вопрос вопросов: кто, вырвавшись из этой тюрьмы, никогда уже в нее не попадет? Его способ менее утомителен для тела, зато требует не-

сравненно большего нервного напряжения, чем рытье подземного хода. И это пока все, что знал Лиминг.

Он отметил еще одно преимущество своей линии поведения: на какое-то время чешуйчатые оставили свои попытки выжать из него сведения военного характера. Но надолго ли? Возможно, с их точки зрения сейчас куда важнее узнать о двойственной природе землян, чем получить данные о противнике. К тому же эти данные вполне могут оказаться ложными. После Юстасов коменданту стало не до того, иначе Лиминга ожидал бы допрос с пристрастием и рукоприкладством.

Устав выстраивать ходы и думать над возможными ответными ходами чешуйчатых, Лиминг решил немного поразвлечься. Заслышав в коридоре шаги охранника, он приготовился к маленькому спектаклю. Как только поднялась заглушка глазка, Лиминг опустился на колени и нарочито громко произнес:

— Благодарю, тебя, Юстас! Еще и еще раз спасибо тебе!

Марсин и так уже изрядно перетрусил. Лишняя доза страха не помешает. Пусть знает, что Юстас не дремлет, и помнит, какие беды ждут его в будущем.

Ближе к полуночи, перед тем как уснуть, Лиминг едва не хлопнул себя по лбу. Мысль была предельно простой. Странно, что он не додумался до этого раньше. Мелкие пакости, устраиваемые врагам, приятно щекочут нервы. Можно понимающе улыбаться и всем своим видом показывать: ну вот, что я вам говорил? Но чтобы не выпустить инициативу из рук, этого мало. Теперь его действиям нужна масштабность.

Как бы чешуйчатые ни отпирались, они поверили в существование Юстаса. Пора разворачиваться. Ни одна разумная форма жизни не застрахована от превратностей судьбы. Судьба преподносит как приятные, так и неприятные сюрпризы. Так почему бы и то и другое не связать с действиями Юстаса? Разве есть причины, мешающие Лимингу наделить себя воображаемой властью награждать и наказывать?

Здесь у него нет и не может быть никаких ограничений. По сути, удача и неудача — это позитивная и негативная стороны единого жизненного процесса. Присвоив себе подобное могущество, Лиминг сможет пересекать «нейтральную полосу» и «изымать» те или иные негативные проявления. Таким образом, влияние Юстаса станет причиной не только *уже* произошедших событий (дурных или хороших — не имеет значения), но и тех, что *могли бы* произойти, однако *не* произошли. Тогда любые события в мире чешуйчатых будут играть Лимингу на руку.

Ему не терпелось поскорее превратить теорию в практику. Лиминг не стал дожидаться утра. Спрыгнув со скамьи, он при-

нялся изо всех сил колотить в дверь камеры. Марсин успел смениться с дежурства, и теперь, подняв заглушку, на Лиминга уставился охранник по имени Колум. Не так давно он наградил землянина ударом под ребра. Колум был смышленее Марсина и при должном сосредоточении мог пересчитать все двенадцать пальцев на руках.

— Так это ты,— с деланным облегчением произнес Лиминг.— Я просил его не трогать тебя. Оставить тебя в покое, хотя бы на время. Понимаешь, он слишком скор на решения и любит применять, так сказать, сильнодействующие средства. Но я-то вижу, что ты умнее других и потому способен измениться в лучшую сторону. У кого есть мозги, тот не безнадежен.

— Ну и?.. — спросил наполовину испуганный, наполовину польщенный Колум.

— Он оставил тебя в покое,— сообщил Лиминг.— Тебе ничего не угрожает. Во всяком случае пока.

Лиминг решил еще немного подсластить пилюлю.

— Думаю, я смогу и дальше сдерживать его. Это ведь только неисправимые злодеи и глупцы заслуживают медленной смерти.

— Правильно сказано,— согласился Колум.— И теперь, значит...

— А теперь,— уже жестче продолжал Лиминг,— сам решай, как и чем ты оправдаешь мое доверие к тебе. Пока что я прошу тебя передать коменданту мое послание.

— Я не осмелюсь беспокоить коменданта в такое время. Меня не пропустят. У коменданта есть своя охрана, и сержант...

— Тогда пусть ему передадут мое послание сразу же, как только он проснется.

— Это другое дело,— обрадовался малость вспотевший Колум.— Но если коменданту не понравится твое послание, он накажет нас обоих.

— Пиши,— приказал Лиминг.

Колум прислонил винтовку к противоположной стене, достал из кармана блокнот и карандаш.

— Его всевшивейшему раздолбайству,— начал диктовать Лиминг.

— Что такое «всевшивейшее раздолбайство»? — спросил Колум, пытаясь записать по слуху два странных земных слова.

— Титул. Примерный перевод — «ваше высочество», но еще более уважительнее, поскольку ваш комендант достоин самого высочайшего уважения.

Лиминг ущипнул себя за нос, чтобы не прыснуть со смеху, и продолжал диктовать корпевшему над блокнотом Колуму.

— Меня кормят мало и плохо. Я с трудом могу назвать пищей то, что наливают или накладывают мне в миску. Я значительно потерял в весе и превращаюсь в живой скелет. Моему Юстасу это очень не нравится. Как вы понимаете, я не в состоянии нести ответственность за его действия. Поэтому я прошу ваше всевшивейшее раздолбайство обратить на это самое серьезное внимание.

— Как много слов,— пожаловался взмокший от умственной натуги Колум.— Когда я сменюсь с дежурства, надо будет переписать поразборчивее.

— Знаю и потому ценю твои усилия,— тоном щедрого и заботливого отца ответил Лиминг.— Я уверен, ты доживешь до того, чтобы передать мое послание.

— Я... я должен жить и потом,— выпучив глаза, стал торговаться Колум.— Разве у меня нет права жить?

— В этом-то я и пытался его убедить,— устало проговорил Лиминг, будто он ночь напролет взывал к милосердию неумолимого Юстаса, но все еще не был уверен в успехе.

Лиминг вернулся на скамью. Тяжело опустилась заглушка, и в камере стало темно. В окошке перемигивались четыре звезды, уже не казавшиеся пленному недосягаемыми.

Завтрак ему принесли на полчаса позже, зато вместо обычного варева Лиминг получил миску какого-то теплого пюре, два толстых ломтя черного хлеба, обильно намазанных чем-то вроде топленого масла, и большую кружку жидкости, отдаленно напоминавшей кофе. Он ел, не столько наслаждаясь пищей, сколько торжествуя очередную победу.

День прошел без вызова на допрос. Следующий день — тоже. Целую неделю Лиминг был предоставлен самому себе. Значит, его всевшивейшее раздолбайство все еще ждал ответа от латианцев и пока не предпринимал никаких шагов. Но Лиминга теперь кормили больше и лучше, и это убедительно доказывало действенность его стратегии. Если бы комендант раскусил уловку, разве он стал бы церемониться с дерзким пленным?

А потом ригелианцы устроили нечто вроде бунта. Каждое утро, едва рассветет, Лиминг слышал, как две тысячи пар ног шаркали по двору. Постепенно звук слабел и совсем исчезал в дальнем конце двора, где находились мастерские.

В то утро ригелианцы, выйдя во двор, вдруг запели, и голоса их звучали громко и вызывающе. Они пели про какого-то Асту Зангасту — грязного блохастого старикашку, у которого вся морда в коросте. Послышались крики охранников: те требовали прекратить пение. В ответ ригелианцы запели еще громче, от-

кровенно не желая подчиняться. Стоя под окном, Лиминг вслушивался в слова оскорбительных куплетов. Кто же он, столь ненавистный ригелианцам Аста Зангаста? Наверное, какая-то очень крупная шишка в цивилизации чешуйчатых. Возможно даже, их верховный правитель.

От двух тысяч непокорных голосов гудел весь двор. Пение заглушало выкрики охрипших охранников. Потом раздались предупредительные выстрелы с вышек. Лиминг замер: неужели они будут стрелять по ригелианцам из пулеметов?

Снизу доносились звуки ударов, одиночные выстрелы, шарканье ног, чьи-то неистовые крики. Где-то под окнами раздался топот кованых сапог. Бегущих было не менее двух десятков. Охранники. Побежали на подмогу, догадался Лиминг. Бунт длился около двадцати минут. Потом все стихло. Тишина была пронзительной и физически ощутимой.

Сегодня Лиминг гулял по двору в полном одиночестве. Никого, ни единой души. Лиминг угрюмо побродил взад-вперед и, заметив среди дворовой охраны Марсина, направился к нему.

— Что случилось?

— Ригелианцы взбесились. Нарушили распорядок. Себе же хуже сделали. Раз позже начали работать, будем держать их в мастерских, пока не выполнят всю норму. Мы сегодня даже не сумели их пересчитать.

Лиминг многозначительно усмехнулся.

— Кто-то из охранников пострадал. Я прав? Пока не слишком серьезно. Но теперь они понимают, чего ждать дальше. Подумай об этом, Марсин.

— Чего?

— Подумай о том, что я сейчас сказал. Ты, как вижу, не пострадал. И об этом тоже хорошенько подумай.

Лиминг отошел, оставив Марсина озадаченно пускать слюни. Не успев пройти и нескольких шагов, он вдруг вспомнил произнесенную охранником фразу: *Мы сегодня даже не сумели их пересчитать.* Лиминг тут же вернулся и объявил Марсину:

— Завтра кое-кто пожалеет, что появился на свет.

— Ты нам угрожаешь?

— Нет. Я предостерегаю. Передай своему офицеру. И обязательно поставь в известность коменданта. Это поможет тебе не вляпаться самому.

— Я обязательно им скажу,— пообещал обрадованный Марсин.

На сей раз Лиминг не тыкал пальцем в небо. Ригелианцы — отнюдь не стадо баранов. Не будь у них серьезной причины, они ни за что не устроили бы эту заваруху. Чтобы прийти к аналогичному выводу, чешуйчатым понадобился целый день.

Вечером ригелианцев вывели во двор и велели строиться не общей массой, а покамерно. Чешуйчатые решили облегчить себе подсчет, считая полусотнями. Все шло гладко, пока в одной группе не оказалось двенадцать пленных вместо пятидесяти. Причем эти двенадцать были как на подбор слабыми, больными, ранеными или имели еще какой-то дефект.

Разъяренные охранники бросились в камеру, чтобы выволочь оттуда остальных тридцать восемь упрямцев. Но пленных внутри не оказалось. На двери камеры не было никаких следов взлома, на прутья оконной решетки тоже никто не покушался. Охранники, суетясь и мешая друг другу, стали просматривать, простукивать и прощупывать каждый клочок пространства камеры. Далеко не сразу они обнаружили под одной из каменных плит пола узкий лаз. Лаз вел в туннель. Туннель был пуст.

Над двором истошно завыли сирены, забегали очумевшие охранники, не зная, чьи команды слушать, ибо каждый офицер орал и требовал выполнения его приказа. Тюрьма превратилась в громадный сумасшедший дом. Больше всего чешуйчатых бесило упущенное время. Ригелианцы своим продуманным утренним бунтом сбили пересчет, дав беглецам почти целый день форы. Теперь охранники спешили отыграться на пленных. Их беспощадно били сапогами и прикладами. Ригелианцы едва успевали оттаскивать тела покалеченных соплеменников.

Но этого чешуйчатым было мало. Из оставшихся пленных мятежной камеры они выбрали самого старшего по званию — хромого ригелианского лейтенанта — и поставили его к тюремной стене. Самого расстрела Лиминг не видел, а слышал лишь отрывистые слова команды:

— На караул!.. Цельсь!.. Огонь!

Вслед за ними раздался винтовочный залп.

Лиминг мерил шагами камеру, то стискивая кулаки до побеления, то разжимая пальцы. Он громко ругался последними словами. Дверной глазок приоткрылся, однако сразу же закрылся, и Лиминг не успел туда плюнуть.

Безумие во дворе продолжилось в камерах ригелианцев. Взбешенные охранники осматривали двери камер, проверяли целость решеток, простукивали полы и стены. Стоило кому-то из пленных недостаточно быстро выполнить приказ, как офицеры разражались потоком брани и угроз.

Когда совсем стемнело, поисковый отряд приволок в тюрьму семерых уставших и измученных беглецов. И снова во дворе зазвучало:

— На караул!.. Цельсь!.. Огонь!

Лиминг молотил кулаками в дверь, но заглушка глазка не шевелилась. Коридор напротив его камеры был пуст. Проведя

еще пару часов в тупом оцепенении, Лиминг слазал за последним куском проволоки и сделал нового нитонисея. Половину ночи он «беседовал» с Юстасом, говоря нарочито громким, угрожающим голосом. Все было напрасно.

Ночь сменилась утром, а воинственность Лиминга — подавленностью. Он лежал на скамье. Даже думать не хотелось. Наверное, ригелианцы готовили свой побег не меньше года, если не больше. А результат? Восемь убитых. Тридцать один беглец пока еще на свободе, но сколько она продлится? Они бежали из тюрьмы, а как сбежишь с планеты? Скорее всего, беглецов схватят и расстреляют. Участь большинства остальных пленных станет еще тяжелее. Побег серьезно угрожал и его замыслам. Нет, Лиминг ничуть не злился на беглецов и искренне желал им удачи. И все-таки... ну что бы им устроить этот побег двумя месяцами раньше или позже?

Сразу после обеда за ним пришли четверо охранников.

— Комендант требует к себе. Шевелись!

Чувствовалось, что все четверо еще не остыли после вчерашнего. Чешуйчатую голову одного из них украшала тонкая повязка, у второго заплыл подбитый глаз.

Выбрал же времечко его всевшивейшее раздолбайство, угрюмо подумал Лиминг. Сорваться на мне хочет, что ли? Он сейчас в таком настроении: чуть что, и пошли сопла гореть. Какая там логика рассуждений! Какие доводы, если его распирает от гнева? Когда эмоции хлещут через край, слова пропускаются мимо ушей, а аргументы попросту отбрасываются. Не исключено, что его «контраргументы» останутся на моем теле.

Как и в прошлый раз, комендант сидел за столом, но офицеров по бокам не было. Рядом с ним сидел пожилой чешуйчатый в гражданской одежде. Едва увидев землянина, незнакомец с нескрываемым любопытством принялся его разглядывать.

— Это Паллам,— представил гостя комендант.— Его прислал сюда сам Зангаста.

Комендант был сама любезность и дружелюбие. Лиминг ожидал чего угодно, только не такого приема. Быстро оправившись, он внутренне собрался. Неизвестно, чем вызвана учтивость коменданта. Скорее всего, хочет произвести впечатление на важного гостя.

— Вы специалист в области работы мозга? — хмурясь, предположил Лиминг.

Он не знал местного эквивалента слова «психоаналитик».

— Ничего подобного,— тихо возразил Паллам.— Меня чрезвычайно интересует все, что связано с симбиозом.

Лиминг насторожился. Значит, комендант его перехитрил и притащил сюда довольно опасного для Лиминга специалиста.

С этим говорить будет куда труднее. Гражданские лишены прямолинейного мышления военных, зато здорово умеют выкапывать противоречия.

— Паллам хочет задать тебе несколько вопросов,— объявил комендант.— Но вопросы немного обождут.

Он откинулся на спинку стула и самодовольно улыбнулся.

— А пока что хочу искренне тебя поблагодарить за сведения, которые ты сообщил нам в прошлый раз.

— Так значит, они оказались для вас полезными? — спросил Лиминг, не веря своим ушам.

— На редкость полезными. Охранники, отвечавшие за порядок в четырнадцатой камере ригелианцев, отправлены в зону боевых действий за преступную невнимательность при выполнении своих обязанностей. Теперь им придется служить в космопортах, подвергающихся вражеским атакам.

Комендант задумчиво посмотрел на Лиминга.

— Этот массовый побег отозвался бы и на моей судьбе, если бы не великодушие Зангасты. Важность того, что я узнал от тебя, перевесила степень моей виновности. Так решил Зангаста.

— Я не вижу в этом ничего удивительного. Вы же приняли меры, когда я написал вам о плохом питании. Разве странно, что ваше доброе участие было вознаграждено?

— Что? — Комендант удивился и хоть не сразу, но понял.— Я даже и не думал об этом.

— Тем лучше,— расплылся в улыбке Лиминг.— Добрый поступок становится добрым вдвойне, когда его совершают бескорыстно. Юстас обязательно это учтет.

— Ты хочешь сказать, что его этические принципы идентичны твоим? — включился в разговор Паллам.

Зачем этот чешуйчатый старикан вдруг встрял со своим вопросом? — внутренне насторожился Лиминг. Надо держать с ним ухо востро.

— Они достаточно схожи, но не идентичны.

— И в чем же их существенное различие?

— Видите ли, мне в двух словах не ответить на ваш вопрос,— сказал Лиминг, стремясь выиграть время. Его мозг вновь разогнался до бешеных оборотов.— Прежде всего, мы по-разному относимся к возмездию.

— Постарайся быть более точным в своих определениях,— попросил Паллам.

Он чем-то напоминал принюхивающуюся гончую, готовую вот-вот взять след.

— С моей точки зрения,— медленно произнес Лиминг, думая над каждым словом,— Юстасу свойствен чрезмерный садизм.

Так, вроде он выбрал надежное прикрытие для любых туманных и расплывчатых заявлений, которые ему понадобится сделать по ходу этой игры интеллектов.

— Я просил точнее,— напирал Паллам.

— Я привык действовать быстро, добиваться нужного результата, после чего считать действие законченным и больше о нем не думать. Поясню на примере. Можно застрелить врага из огнестрельного оружия. А можно убивать его постепенно, наслаждаясь мучениями жертвы.

— Продолжай,— потребовал Паллам.

Неисправимый зануда!

— Я просто сражаюсь с врагами. Юстас превращает сражение в медленную подготовку жертвы к смерти.

— Опиши способы, которыми действует твой Юстас.

— Прежде всего он сообщает жертве, что она им избрана. Потом словно отступает и выжидает, пока жертва успокоится и решит, что ей просто показалось. Затем Юстас наносит малый предупреждающий удар. Жертва настораживается. Юстас снова ждет. Когда острота тревоги у жертвы сглаживается, он наносит следующий, уже более сильный удар. Юстасу свойственны терпение и постепенность. Сила его ударов постоянно возрастает. Это может длиться месяцами, а если понадобится — то и годами. Так продолжается до тех пор, пока жертва не поймет свою обреченность и жизнь не станет для нее невыносимой.

Лиминг наморщил лоб, будто подыскивая слова, и добавил:

— Прошу отметить, что ни один Юстас не в состоянии сам убить свою жертву. Если кто-то погибает, то не от руки Юстаса. Ведь у него и рук нет.

— Иными словами, он доводит свою жертву до самоубийства?

— Да.

— И жертва уже ничего не в силах изменить?

— Самое удивительное, что жертва вовсе не так беспомощна, как могло бы вам показаться,— сделал новый зигзаг Лиминг.— Жертва в любое время может освободиться от страха, компенсировав все зло, которое она причинила осязаемой половине данного Юстаса. То есть — человеку.

— И подобная компенсация немедленно прекращает процесс возмездия? — спросил Паллам.

— Именно так.

— И твоему Юстасу при этом все равно, согласен ли ты с его решением прекратить возмездие или нет?

— Да. Тут я должен сделать одно важное пояснение. Я не случайно говорил о врагах. Юстас сам никогда не выбирает себе

врагов. Его выбор ограничен кругом тех, кто причинил мне зло или доставил неприятность. Поэтому, если кто-то компенсировал причиненное мне зло, Юстасу все равно, продолжаю я обижаться или нет. Для него обида перестает быть реальной и превращается в плод моего воображения. И тогда Юстас перестает обращать внимание на мою обиду и больше не преследует обидчика.

— Подытоживая твои слова, делаем вывод: действия Юстаса имеют мотивировку и оставляют возможность для покаяния, а твои действия — нет. Я правильно понял?

— Полагаю, что да.

— Можно ли считать, что Юстас обладает более зрелым чувством справедливости?

— Иногда он бывает предельно беспощадным,— резко свернул в сторону Лиминг.

— Твое замечание не по существу,— отрезал Паллам, затем обратился к коменданту: — Насколько могу судить, это взаимосуществование нельзя назвать союзом равных. Невидимая часть по своему развитию превосходит видимую.

Хитрый старый лис, подумал Лиминг. Ну ничего, чешуйчатый гений. Если ты хочешь заставить меня броситься отрицать твои слова и запутаться, тебя ждет разочарование.

Лиминг не торопился продолжать разговор. Он заглатывал наживку того, кто занимал в обществе чешуйчатых определенное положение и считался большим авторитетом. Ты начал стряпать теорию? Хорошо, сейчас подыграем твоей теории. Побудем менее развитой видимой частью.

Паллам внешне преобразился и довольно резким, назидательным тоном продолжал:

— Я предполагаю следующее. Когда твой Юстас решается наказать твоего обидчика, он поступает так лишь потому, что ты или общество не в состоянии сделать это сами. Я прав?

— Вы совершенно правы, господин Паллам,— осторожно подтвердил Лиминг, не зная, куда клонит хитрый старый лис.

— Иными словами, он включается в действие только в том случае, когда и ты, и закон вашего общества бессильны. Ты согласен?

— Юстас включается в действие, когда возникает необходимость его вмешательства,— сказал Лиминг, стремясь скрыться за расплывчатыми словами.

— О чем я и говорил,— довольно холодно напомнил Паллам.

Он подался вперед и устремил на землянина свои змеиные, немигающие глаза. Лимингу стало не по себе.

— А теперь предположим, что твой Юстас нашел вескую причину наказать какого-нибудь другого землянина. Но у того земля-

нина есть свой Юстас. Как *этот* Юстас отнесется к перспективе наказания?

— Да никак,— выпалил Лиминг, не успев даже подумать над ответом.

Ему вдруг показалось, будто Юстас и впрямь незримо присоединился к их разговору. Только мне еще не хватает свихнуться, мысленно одернул себя Лиминг.

— Почему никак? — упорствовал Паллам.

— Я уже говорил вам и могу повторить: если кому-то только кажется, что его обидели, Юстас не станет вмешиваться. Но если землянин виновен, он не вправе жаловаться. Он сам навлек на себя беду, и избавление от нее тоже находится в его руках. Если он не желает страдать, нужно поскорее исправить все, что случилось по его вине.

— Так это Юстас виновного заставляет его исправить дело, пока оно не зашло далеко и есть возможность предотвратить наказание?

— Вот об этом я не могу вам ничего сказать,— скромно, как и подобает кладезю добродетели, ответил Лиминг.— Мне ни разу не доводилось быть в положении жертвы. Думаю, я не слишком ошибусь, если скажу так: поведение людей и каждого человека в отдельности определяется взаимоотношениями между человеком и его Юстасом. И здесь наш выбор невелик.

— Что ж, вполне приемлемое объяснение,— признал Паллам.— Во всяком случае последовательное. Точнее, пока последовательное.

— Как вас понимать, господин Паллам? — спросил Лиминг.

— Возьмем наихудшее развитие событий. Я не вижу никакой разумной причины, заставляющей Юстаса жертвы допустить самоубийство своего партнера. Это противоречит основному закону выживания.

— Самоубийство совершается уже после того, как человек свихнулся, но никак не раньше.

— Не понимаю.

— А что тут не понимать? Сумасшедшие Юстасам не нужны. Для Юстасов они — все равно что мертвые, которых бесполезно оберегать. Юстасы имеют дело лишь с теми, у кого здравый рассудок.

— Выходит, для Юстасов выгода их, так сказать, симбиоза с людьми обусловлена разумом последних! — воскликнул Паллам, охотно уцепившись за слова Лиминга.

— Не знаю,— только и ответил Лиминг.

— А Юстас способен тебя утомить, вызвать оцепенение или что-то в этом роде?

— Да.

Еще как способен, чешуйчатая ты задница! — мысленно прибавил Лиминг. Ему сейчас хотелось задушить свое детище.

— Какая интересная и содержательная беседа,— восхищенно сказал Паллам, обращаясь к коменданту.— Я мог бы продолжать ее не один месяц. Это крайне увлекательный и совершенно неисследованный вопрос. До сих пор нам было известно о симбиотическом существовании лишь у низших форм жизни — растений, а также у шести низших видов *элмов*. И вдруг — симбиоз у разумных существ! Мало того — один из партнеров абсолютно невидим. Вы представляете, комендант? Это же величайшее научное открытие!

Комендант благоговейно молчал.

— Ознакомьте его с содержанием беседы,— потребовал Паллам, как будто главным здесь был он.

— Мы получили ответ из латианского сектора от полковника Шомута — нашего старшего офицера связи,— пояснил Лимингу комендант.— Он хорошо владеет *космоглоттой*, так что для него не составило труда опросить множество пленных землян. Мы послали ему кое-какие дополнительные сведения и получили великолепный результат.

— А разве вы ожидали чего-то иного? — спросил Лиминг.

Комендант не почувствовал издевки и воодушевленно продолжал:

— По данным Шомута, большинство пленных отказывалось говорить с ним на эту тему и что-либо признавать. Их можно понять. Ваши пленные решили, что из них обманным путем хотят вытянуть секретные сведения. Повторяю, большинство предпочли молчать. Однако некоторые оказались весьма словоохотливыми.

Комендант подмигнул Лимингу.

— Желающие потрепаться есть везде,— пожал плечами Лиминг.

— Шомуту удалось побеседовать с несколькими пленными офицерами, в том числе с капитаном Томпассом... Нет, вроде... Томусом?

— Может, Томасом?

— Правильно, Шомут говорил с капитаном Томасом.

Комендант повернулся к стене и нажал какую-то кнопку.

— Мы получили по дальней связи полную запись этого разговора.

Над кнопкой находился вделанный в стену динамик, скрытый за дырчатой решеткой. Оттуда послышался щелчок, потом шипение. Постепенно шипение стихло, и из динамика зазвучали голоса.

Шомут: Капитан Томас, мне приказано проверить ряд сведений, которыми мы располагаем. Наш разговор с вами — это беседа, а не допрос. Ваше право — согласиться говорить со мной или отказаться. В любом случае это никак не скажется на вашем положении пленного. Как видите, мы с вами беседуем с глазу на глаз. Можете говорить свободно. Я не собираюсь разглашать латианцам содержание нашей беседы.

Томас: Что вас интересует?

Шомут: Скажите, правда ли, что наши союзники-латианцы — все чокнутые?

Томас *(после некоторого молчания):* Хотите знать голую правду?

Шомут: Да, хотим.

Томас: Ваши сведения правильны. Они все — чокнутые.

Шомут: И у них есть Дрожалки?

Томас: Откуда вы об этом узнали?

Шомут: Это уже наше дело. Я прошу вас ответить на вопрос.

Томас *(сердито):* Есть. Но это еще не все Дрожалки*. В ближайшее время прибавится много новых.

Шомут *(с нескрываемым удивлением):* Как такое возможно? Мы знаем, что каждый латианец бессознательно управляется одной Дрожалкой. Следовательно, число Дрожалок ограничено и может увеличиваться лишь с рождением новых латианцев.

Томас *(перебивая его):* У вас ошибочные данные. Стоит только хорошенько ударить по латианцам — как мигом новые дрожалки повылезают. Могу вам сказать: скоро каждый оставшийся в живых латианец будет весь в дрожалках.

Шомут: Понимаю. И здесь возникает довольно серьезная психологическая проблема. *(Пауза.)* Капитан Томас, есть ли у вас веские основания предполагать, что возросшее число Дрожалок способно распространить свое воздействие на другие разумные расы? Например, на мою?

Томас *(с оттенком злорадства):* Я бы этому не удивился.

Молодец, капитан! — мысленно похвалил пленного Лиминг. Была бы моя воля, наградил бы тебя медалью «За храбрость в космических войнах».

---

* В оригинале все построено на игре слов. Там невидимый двойник латианцев назван Willy, а множественное число от этого имени — Willies — совпадает со словом willies, которое переводится как «нервная дрожь».— *Прим. перев.*

Шомут: То есть полной уверенности у вас нет?

Томас: Нет.

Шомут: А правда ли, что вы узнали об истинной природе латианцев только благодаря своему Юстасу?

Томас: Кому-кому?

Шомут: Вашему Юстасу. Что вас тут удивило?

Томас: Да ничего. Просто мне показалось, что вы произнесли другое слово. Сам виноват, надо внимательно слушать. А насчет Юстаса вы правы. Это он мне рассказал про латианцев. Я и не догадывался.

Умница, капитан Томас. Вовремя загладил свою оплошность.

Шомут *(понизив голос)*: На этой планете находится четыреста двадцать пленных землян. Следовательно, четыреста двадцать Юстасов разгуливают, где им вздумается. Вы согласны?

Томас: Не стану отрицать.

Шомут: Думаю, вы слышали о катастрофе латианского тяжелого космического крейсера «Ведер». Он разбился при посадке. Весь экипаж погиб. Латианцы считают, что причиной гибели стали ошибочные действия части экипажа. Однако катастрофа произошла всего через три дня после появления на планете пленных землян. Считаете ли вы, что это — просто совпадение?

Томас: А это уж вам решать.

Замечательно, капитан! — подумал Лиминг, стремясь внешне никак не показывать своего торжества.

Шомут: Хорошо. Тогда еще такой вопрос. В шестидесяти милях отсюда находится крупнейшая в этой части галактики заправочная база. Неделю назад она была полностью уничтожена. Ущерб настолько велик, что в течение какого-то времени он будет сказываться на боеспособности кораблей наших союзников. По мнению специалистов, причиной взрыва могла послужить искра статического электричества. От нее мог взорваться один из резервуаров, после чего пожар охватил и уничтожил все остальные. У нас нет оснований сомневаться в правдоподобности их версии.

Томас: В таком случае зачем вы меня спрашиваете?

Шомут: База построена более четырех лет назад. За все это время там не было ни одного взрыва, вызванного статическим электричеством.

Т о м а с: Куда вы клоните?

Ш о м у т: Вы совсем недавно подтвердили, что на планете находится четыреста двадцать Юстасов, способных на любые поступки.

Т о м а с *(сурово, как и надлежит настоящему патриоту):* Не надо переиначивать мои слова! Ничего такого я не утверждал и не подтверждал. Я отказываюсь отвечать на дальнейшие вопросы.

Ш о м у т: Эти слова вам подсказал ваш Юстас?

Капитан Томас не произнес больше ни слова. Комендант выключил запись.

— Полковник Шомут говорил еще с восьмерыми пленными землянами. В целом их показания совпадают. Зангаста лично прослушивал все записи. Он глубоко озабочен сложившейся ситуацией.

— Передайте вашему Зангасте, пусть не ломает голову,— небрежно бросил коменданту Лиминг.— К чему строить догадки, если все здесь и так ясно? Мой Юстас вступил в сговор с их Юстасами.

Комендант чуть не поперхнулся. Лицо его, как и тогда, приобрело красноватый оттенок. Каким-то образом комендант все же догадался, что Лиминг пошутил.

— Ты сам утверждал, что без участия Юстасов никакой сговор невозможен.

— Я рад, что вы наконец-то это поняли.

— Давайте оставим это латианцам,— вклинился нетерпеливый Паллам.— Причастность Юстасов все равно недоказуема. Тем более что у латианцев есть свои, вполне устраивающие их объяснения обеих этих катастроф.

По-видимому, коменданту тоже не было особого дела до бед союзников, и он быстро согласился.

— Я решил провести свое расследование,— сообщил он Лимингу.— Я знаю, что восемь наших охранников грубо обращались с тобой, и ты на них сильно разозлился. Четверо из них серьезно пострадали во вчерашних беспорядках и находятся в больнице. Еще двоих я приказал отправить на фронт как проштрафившихся.

— И еще двое получили прощение,— досказал за него Лиминг.— С ними не случилось никаких неприятностей. Так?

— Да. Никаких неприятностей.

— Но я не могу гарантировать того же охранникам, расстреливавшим пленных, офицеру, который командовал расстрелом, и его начальнику, отдавшему приказ уничтожить безоружных ригелианцев. Все зависит от моего Юстаса.

— А с чего ему волноваться? — удивился Паллам.— Это же были не земляне. Всего-навсего ригелианцы.

— Ригелианцы — наши союзники, а союзников мы считаем друзьями. Мне стало очень не по себе от этой жестокой и бессмысленной бойни. А Юстас восприимчив к моим чувствам.

— Но ведь он не обязан им подчиняться? — спросил Паллам.

— Нет.

— Уж если говорить о том, кто кому подчиняется, так это ты подчиняешься своему Юстасу,— напомнил чешуйчатый специалист по симбиозу.

— В большинстве случаев, да.

— Это подтверждает все, что мы от тебя услышали,— жидко улыбнувшись, заключил Паллам.— Главное различие между землянами и латианцами состоит в том, что вы знаете о своей управляемости, а они даже не подозревают.

— Здесь вы меня опять не поняли. Мы не являемся управляемыми, будь то на сознательном или бессознательном уровне,— возразил Лиминг.— Я называю отношения с Юстасом взаимным партнерством. Где-то это похоже на отношения между мужем и женой в хорошей семье. Никто не стремится управлять своим партнером.

— Не знаю. Я никогда не был женат,— сказал Паллам.— Продолжайте, комендант.

— Могу тебе сообщить, что наше командование решило сделать эту планету тюремной.— Комендант выразительно посмотрел на Лиминга.— На территории планеты уже содержится большое число пленных. В основном это ригелианцы.

— Ну и что? — спросил Лиминг, не совсем понимая, зачем ему это рассказывают.

— Вскоре сюда прибудут новые партии пленных. На следующей неделе мы ожидаем две тысячи центурианцев и шестьсот тетанцев. Они заполнят новую тюрьму. Как только у наших союзников освободятся транспортные корабли, на планету начнут доставлять и пленных других рас, входящих в вашу Федерацию.

Комендант сощурился.

— Появление здесь пленных землян — это тоже лишь вопрос времени.

— Вы довольны? — спросил коменданта Лиминг.

— Дело в том, что Зангаста решил не принимать землян.

— Ему виднее,— с полнейшим равнодушием ответил Лиминг.

— Зангаста — крупный стратег,— начал петь дифирамбы начальству комендант.— По его мнению, если на планете, где уже собрано достаточно пленных из других рас, появится несколько

тысяч землян, может возникнуть опасная ситуация. Нам остается лишь завидовать способности Зангасты смотреть далеко вперед. Он раньше нас понял: разместив на планете пленных землян, мы можем ее потерять. Лишиться стратегически важной точки в глубоком тылу и подвергнуться яростным атакам наших же союзников.

— Как я понимаю, обо всем этом Зангаста объявил во всеуслышание. Однако в его стратегии есть еще один, секретный пункт,— усмехнувшись, объявил Лиминг.

Комендант и Паллам вытаращили глаза. Лиминг нахмурился.

— Сначала Зангаста приказал расстрелять бежавших пленных сразу же после их поимки. Это мог быть только его приказ и больше ничей, потому что в ином случае их просто бы избили, посадили в карцер, но оставили в живых. Теперь ваш Зангаста дергается, опасаясь возмездия одного Юстаса. Он думает, что несколько тысяч Юстасов увеличат угрозу в несколько тысяч раз. Но он ошибается.

— Почему ты так думаешь? — спросил комендант.

— Потому что только у тех, кто раскаивается в своих злодеяниях, нет причин для страха. И еще у мертвых. Если Зангаста хочет жить, пусть лучше поскорее отменит свой приказ.

— Я передам ему твои слова. Но очень может быть, что отмены приказа и не понадобится. Как я уже говорил, Зангаста — мудрый стратег. Он разработал очень тонкую стратегию. Она позволит окончательно проверить правдивость всех твоих показаний и в то же время позволит Зангасте разобраться с его сложностями.

Внутри Лиминга шевельнулась тревога.

— Можно мне узнать, в чем заключается стратегия Зангасты?

— Он даже велел тебе рассказать. Более того, Зангаста уже начал осуществлять свою стратегию.

Здесь комендант для большего эффекта приумолк.

— Зангаста предложил Федерации обмен пленными.

Лиминг заерзал на сиденье. Ну и ну! Похоже, его желание отомстить чешуйчатым становится реальностью. Самое большее, на что он рассчитывал с первых минут плена,— это вырваться самому. А получается, его история разрослась до галактических масштабов. Ну и кашу он заварил, делая первые шаги в искусстве вранья.

— Я тебе еще не все сказал. Федерация приняла предложение, но при условии равноценного обмена. То есть капитанов на капитанов, штурманов на штурманов и так далее.

— Вполне разумно.

Комендант посмотрел на Лиминга и оскалился. Ни дать ни взять волчище. Только чешуйчатый.

— Зангаста согласился и выдвинул встречное условие: вначале Федерация принимает всех пленных землян, после чего производит обмен из расчета два к одному. Сейчас Зангаста ждет ответа Федерации.

— Два к одному? — повторил Лиминг.— Вы хотите получить за каждого землянина по двое своих пленных?

— Ни в коем случае.

Наверное, волчий оскал означал у чешуйчатых особо благоприятное расположение духа. Комендант оскалился еще сильнее.

— Двое наших пленных на одного землянина и его Юстаса. Это ведь по-честному, как ты считаешь?

— Не мне об этом судить. Здесь решает Федерация,— с трудом ворочая языком, ответил Лиминг.

— Зангаста желает, чтобы на все то время, пока идет ответ и улаживаются процедурные формальности, ты бы жил в достойных условиях. Я могу переселить тебя в офицерскую казарму. Она находится за пределами тюрьмы. Там ты будешь жить и питаться вместе с нашими офицерами. Временно ты получишь статус нестроевого офицера и фактически будешь предоставлен сам себе. Единственно, ты должен дать мне честное слово, что не убежишь.

Только еще этого не хватало — поменять убогую камеру на более комфортабельную. Судьба подстроила ему новое искушение. Или новую ловушку? Да, он только и мечтал о побеге, и все его действия до сих пор были нацелены только на побег. И все же Лимингу не хотелось давать честное слово, чтобы потом цинично его нарушить.

— Я не могу дать вам честное слово,— отчеканил Лиминг.

Комендант опешил. Он явно ожидал услышать что угодно, только не это.

— Ты серьезно?

— Да. У меня нет выбора. Наш боевой устав запрещает пленным давать подобные обещания.

— Но почему?

— Потому что ни один землянин не может взять на себя ответственность за действия своего Юстаса. Как я могу давать честное слово не совершать побег, если я и так наполовину нахожусь в побеге?

— Эй, охрана! — крикнул явно раздосадованный комендант.

Всю следующую неделю Лиминг мерил шагами камеру. Иногда по ночам он вел беседы с Юстасом, чтобы дать пищу глазам и ушам охранников. Кормить его стали намного лучше. Охранники держались с ним неуверенно, однако прежняя грубость

исчезла. За это время чешуйчатые схватили еще четверых беглых ригелианцев, но их не расстреляли. Все явные и тайные знаки свидетельствовали о том, что Лиминг по-прежнему держал судьбу в своих руках.

Тем не менее его не покидала тревога. Ни Федерация, ни Земля абсолютно ничего не знали о его эпопее с Юстасами. Предложение Зангасты они явно встретят в штыки. Если Федерация откажется, для Лиминга начнется новая череда вопросов, на которые он вряд ли сумеет ответить.

Дальнейший разворот событий предугадать нетрудно. Рано или поздно чешуйчатые и их союзники поймут, что имеют дело с первостатейным космическим лгуном, каких еще не знала Вселенная. Тогда его начнут не расспрашивать, а допрашивать, и, скорее всего, очень изощренно. Трудно сказать, сколько удастся ему продержаться. Но из таких передряг ему уже не выйти победителем.

Лиминг не переоценивал своих способностей обманщика. Надолго его не хватит. Из местных книг он узнал, что религия чешуйчатых строилась на почитании духов предков. Здесь тоже были семьи, связанные с местной разновидностью полтергейста. Поэтому почва для россказней о Юстасах была солидно подготовлена. Лиминг лишь вспахал ее, разбросал семена и снял урожай. Когда жертва верит в два вида незримых сущностей, не слишком трудно заставить ее поверить и в третий.

Но когда Федерация пришлет ответ и надо будет пошевеливаться, чешуйчатые могут зло и остервенело вырвать из своего сознания веру в этот третий тип. Исторгнуть, как полупереваренную пищу. Единственный выход — запутать их сознание в нужную ему сторону. Наплести им такого, что ответ Федерации не покажется им громом среди ясного неба. Это надо делать быстро, невероятно быстро. Весь вопрос — что именно делать?

Лиминг опять гонял мозг на бешеных скоростях, когда в его камеру вдруг явились охранники и повели к коменданту. Комендант был не один, но вместо Паллама в его кабинете сидела дюжина чешуйчатых в гражданском. Они с любопытством разглядывали Лиминга. Двенадцать. Вместе с комендантом получается чертова дюжина. Весьма подходящее число, чтобы отправить его под расстрел.

Ощущая себя центром внимания, словно шестихвостый вомбат* в зоопарке, Лиминг сел. И сейчас же четверо гражданских

---

* Вомбаты — млекопитающие семейства сумчатых. Длина их тела около 1 м. Считаются самыми крупными грызунами. Водятся в Австралии и на о. Тасмания. Из трех видов вомбатов один занесен в Красную книгу.— *Прим. перев.*

чешуйчатых накинулись на него с расспросами, передавая друг другу эстафету. Всех их интересовало только одно — нитонисеи. Похоже, эти спецы часами забавлялись с его проволочными штучками и не достигли ничего, кроме прогулки по лабиринтам идиотизма.

У Лиминга голова гудела от их вопросов. Каков принцип действия нитонисея? Собирают ли нитонисеи «волны» сознания в узкий пучок, чтобы передавать их Юстасам? На каком расстоянии находился его Юстас, если для вызова понадобился нитонисей? Почему нитонисей требует пространственной ориентации? Означает ли это обстоятельство, что петля подобна антенне направленного действия? В каком возрасте Лиминг впервые научился делать нитонисеев?

— Я не в состоянии объяснить,— разводил руками Лиминг.— А кто и в каком возрасте учит птицу вить гнездо? Я считаю эти знания инстинктивными. Я научился вызывать Юстаса с тех самых пор, когда мои руки научились сгибать проволоку в петлю.

— Для петли подходит любая проволока?

— Главное условие — она должна быть из цветного металла.

— Имеют ли все нитонисеи одинаковые размеры и конструкцию?

— Нет. И то и другое зависит от личности и характера каждого человека.

Лимингу каким-то образом удалось отбить все их вопросы. Его лоб пылал, а в желудке ощущался ледяной холод. Затем в разговор включился комендант.

— Федерация отказалась принимать пленных землян раньше остальных рас. Федерация также отказалась производить обмен из расчета два к одному и вообще больше не намерена обсуждать эту тему. Они обвинили Зангасту в недобросовестности. Что ты скажешь по этому поводу?

Призвав на помощь все свое самообладание, Лиминг заставил себя улыбнуться и сказал:

— Увы, в чем-то все разумные расы удивительно похожи. В ваш альянс входит двадцать семь рас, и самые могущественные из них сегодня — латианцы и зэбы. Если бы Федерация сама предложила обмен пленными и назвала расу, чьи пленные будут обменены первыми, как это восприняли бы остальные расы? Думаете, охотно согласились? Сомневаюсь. Допустим, Федерация предложила бы первыми обменивать пленных танзитов. Неужели латианцы и зэбы с готовностью проголосовали бы за такой обмен?

Лиминга перебил высокий, властного вида чешуйчатый.

— Меня зовут Даверд. Я — личный помощник Зангасты. Он придерживается такого же мнения, что и ты. Он считает, что при

голосовании земляне остались в меньшинстве. Зангаста направил меня сюда, чтобы задать тебе один вопрос.

— Я слушаю.

— Союзники землян по Федерации знают о Юстасах?

— Нет.

— Вам удается скрывать такие факты от них?

— Речь вовсе не о сокрытии фактов. Мы бы и рады им рассказать, но относительно наших друзей Юстасы себя никак не проявляют. Какую репутацию мы заработали бы среди союзников, не имеющих своих Юстасов, если бы начали рассказывать им о подобных вещах? С врагами дело обстоит иначе. Там действия Юстасов становятся очевидными, и их уже не скроешь.

— Убедительно.— Даверд встал и приблизился к Лимингу. Остальные сидели и внимательно наблюдали.— Эту войну начали латианцы. Потом к ним в качестве союзников примкнули зэбы. Все остальные расы по тем или иным причинам были просто втянуты в войну. Не спорю, латианцы — могущественная раса. Однако они не желают отвечать за свои действия.

— А мне-то что от этого? — с напускным равнодушием спросил Лиминг.

— Каждая из остальных двадцати пяти рас уступает латианцам и зэбам по численности и могуществу. Однако все вместе мы достаточно сильны, чтобы выйти из войны и заявить о своем нейтралитете. Зангаста уже совещался с представителями других рас.

Вот тебе и безделушка из нескольких футов луженой проволоки!

— Сегодня Зангаста получил их ответы,— продолжал Даверд.— Остальные расы, как и наша, полны решимости выйти из войны при условии, что Федерация признает их нейтралитет и согласится на обмен пленными.

— Такое внезапное единодушие говорит мне кое о каких приятных событиях,— сказал довольный Лиминг.

— О каких же?

— Скорее всего, силы Федерации недавно одержали крупную победу. И кому-то здорово влепили.

Даверд не стал ни подтверждать, ни отрицать слова Лиминга.

— В настоящее время ты — единственный землянин, находящийся в плену на этой планете. Зангаста считает, что ты заслуживаешь пощады.

— Как это понимать?

— Зангаста решил отпустить тебя с посланием к Федерации. Твоя задача — убедить Федерацию принять наши планы. Если не сумеешь — двести тысяч пленных будут обречены на дальнейшие страдания.

— За что Федерация может вам отомстить,— напомнил Лиминг.

— Они не узнают. Здесь больше нет ни землян, ни Юстасов, чтобы тайно предупредить силы Федерации. Землян мы держим в другом месте. Чтобы действовать, надо знать, куда направлять свои действия. А Федерация об этом даже не догадывается.

— Вы правы,— согласился Лиминг.— Чтобы действовать, надо знать, куда направлять свои действия.

Лиминг вылетел на легком истребителе, экипаж которого состоял из десяти лучших воинов личного батальона Зангасты. Их путь лежал к одной из небольших планет вблизи зоны боевых действий. Планета являлась латианским форпостом, но могущественных и самоуверенных латианцев ничуть не интересовали дела и планы их более слабых союзников. Экипаж Зангасты заявил, что им необходимо поменять изоляцию сопел. Пока длился этот вымышленный ремонт, Лиминга посадили в одноместный латианский корабль-разведчик. Воины Зангасты пожелали ему удачи и...

Сбылось то, о чем он мечтал в каменном мешке камеры. Он был свободен, он летел к своим. Однако теперь Лиминга подстерегали трудности иного свойства. Никогда еще ему не было так худо при старте. Кресло пилота, сделанное в расчете на латианца, совершенно не годилось землянину. Вскоре у Лиминга заломило спину. Все приборы и рычаги управления размещались совсем не так и совсем не там, где он привык. Корабль был мощным и быстроходным, но кардинально отличался от кораблей, на которых ему доводилось летать. Лиминг сам толком не знал, как ему удалось приноровиться к управлению.

Но на этом его страхи не кончились. Корабль Лиминга все еще находился в том секторе Вселенной, где Федерация имела достаточно густую сеть станций слежения. Можно было нарваться и на патрульный отряд.

Лиминг летел прямо к Земле. Он спал урывками, ненадолго проваливаясь в забытье и тут же снова просыпаясь. Он не доверял соплам двигателя, хотя они были в три раза прочнее тех, с которыми он залетел в гости к чешуйчатым. Лиминг не доверял автопилоту, поскольку так и не разобрался в чужой конструкции. По тем же причинам он не доверял всему кораблю. Вдобавок он не доверял союзническим силам, поскольку они имели обыкновение сначала стрелять и только потом задавать вопросы.

Когда он опустился, на этой стороне Земли была ночь. Лимингу удалось сесть в паре миль к западу от основного космопорта.

Городок, куда он вскоре добрался пешком, назывался Уобаш*. Ярко светила луна. Лиминг подошел к знакомым воротам и услышал окрик часового:

— Стой! Кто идет?

— Лейтенант Лиминг и Юстас Фенакертибан.

— Проходите. Сейчас вы будете идентифицированы.

Лиминг шагнул вперед. Будете идентифицированы, подумал он и усмехнулся. Какой идиотизм. Этот часовой ни разу его не видел и вряд ли сумеет отличить Джона Лиминга от Микки Мауса.

Лиминг ступил в круг яркого света, распространяемого прожектором. Из ближайшего здания появился некто с тремя нашивками на рукаве. В руках у заспанного сержанта был сканер, от которого тянулся черный кабель. Сержант провел сканером по всем частям тела Лиминга, с особым усердием идентифицируя лицо.

— Отведи его в штаб разведки,— послышался голос из невидимого динамика.

Лиминг двинулся вслед за сержантом.

— Эй, а где второй парень? — крикнул вдогонку насторожившийся часовой.

— Какой еще парень? — спросил, оборачиваясь, сержант.

— Да он просто чокнулся на посту,— подмигнул сержанту Лиминг.

— Вы называли мне два имени,— упирался воинственно настроенный часовой.

— Если ты вежливо попросишь сержанта, он назовет тебе еще два,— пообещал Лиминг.— Правда, сержант?

— Отстань. Нам некогда,— равнодушно бросил часовому сержант.

Вскоре Лиминг переступил порог штаба разведки. Дежурным офицером в ту ночь был полковник Фармер. Лимингу уже не раз доводилось встречаться с этим напыщенным, любящим покрасоваться типом. Фармер недоверчиво уставился на прибывшего.

— Ну?

Свое «ну» он повторил раз семь, не меньше.

— Чем вызван отказ обменивать пленных землян из расчета два к одному? — без обиняков выпалил Лиминг.

— Вы уже знаете? — оторопел Фармер.

---

* Уобаш — городок с населением менее 20 тыс. жителей. Расположен в центральной части штата Индиана. Знаменит тем, что здесь впервые в мире появилось электрическое освещение на улицах.— *Прим. перев.*

— А стал бы я спрашивать, если бы не знал?

— Разумеется. Но почему мы должны соглашаться? Они что, издеваются над нами или считают полными кретинами?

Лиминг уперся руками в стол и сказал:

— Нам обязательно нужно согласиться, но при одном условии.

— Что это за условие?

— Они должны заключить такое же соглашение с латианцами. Два пленных Федерации в обмен на одного латианца и его Дрожалку.

— Как вы сказали?

— Дрожалку. Латианцы охотно согласятся. Они ведь орут по всей Вселенной, что один латианец стоит двух воинов любой другой расы. Они настолько горды собой, что не посмеют отказаться. Наоборот, примутся трезвонить: смотрите, даже враги признали наше превосходство!

— Но...— начал ошеломленный Фармер.

— Никаких «но». Их союзники тоже согласятся на такой обмен. У тех свои причины, однако нас это не касается. Вас устраивает соотношение? Два пленных Федерации в обмен на одного латианца и его Дрожалку.

— Потрудитесь наконец объяснить, что такое дрожалка! — выпятив брюхо, рявкнул Фармер.

— Нет ничего проще,— заверил его Лиминг.— Спросите у своего Юстаса. Он вам все объяснит.

Обеспокоенный Фармер моментально сменил тон и со всей мягкостью, на какую только был способен, сказал:

— Вы числились в списке пропавших без вести. По правде сказать, мы считали вас погибшим.

— Я чуть не погиб при вынужденной посадке, но пронесло. Зато прямиком угодил в тюрьму. У них там целая планета отведена под тюрьмы.

— Понимаю, понимаю,— сладким голосом твердил Фармер, делая успокаивающие жесты.— И как вам удалось оттуда выбраться?

— Фармер, я никогда не был вруном. Но меня спасла наглая ложь. И еще — нитонисей.

— Простите, я что-то не понял.

— Тут нечего понимать. Главное, они выпустили меня. И не просто выпустили. Когда я улетал, десять *фаплапов* стояли, взяв под козырек.

После такого заявления полковник Фармер мог только тупо моргать, глядя на явившегося с того света лейтенанта. Некоторое время Лиминг смотрел на него, потом вдруг хватил обеими

кулаками по столу. Чернильница боязливо подпрыгнула, усеяв пресс-папье блестящими капельками чернил.

— А теперь посмотрим, хватит ли у нашей разведки мозгов, чтобы называться разведкой*. Немедленно отправьте по лальней связи сообщение. Предложите обмен: два пленных Федерации на одного латианца и его пупырчатую Дрожалку.

Весь всклокоченный, Лиминг несколько раз обвел глазами кабинет.

— И еще, Фармер. Найдите мне кровать. Я безумно хочу спать.

— Лейтенант. вы отдаете себе отчет в том, что разговариваете с полковником? — едва сдерживаясь, процедил Фармер.

И тогда Лиминг произнес слово, придуманное им по дороге в тюрьму.

---

* Здесь опять фраза строится на игре слов intelligence и Intelligence. В первом случае это означает ум, сообразительность, смышленость, а во втором — службу разведки.— *Прим. перев.*

Поворот на 180°

Он медленно брел по пандусу космопорта, а в мозгу назойливо повторялась одна и та же мысль: «Мы достигли высот в науке и в развитии цивилизации, поэтому я и решил умереть».

Служащие космопорта обращали на него не больше внимания, чем на остальных пассажиров, идущих вместе с ним от полосы приземления к выходу. Через какое-то время он очутился на тротуаре городской улицы. Он едва видел то, что находилось вокруг; глаза были наполовину ослеплены потоком мыслей.

«Мы достигли высот в науке и в развитии цивилизации, поэтому я и решил умереть.— Он слегка прикусил зубами кончик языка.— Это будет легко. Они постараются, чтобы мне было легко. Что будет потом — этого я уже не узнаю, да и не все ли равно? Пока я не родился, меня не существовало. Можно сказать, мне тогда было все равно, живу я или нет».

Он поднял глаза вверх, где тускло серело забитое плотной облачностью земное небо. Да, на Марсе оно совсем не такое. Шел монотонный дождь, однако на прилетевшего не упало ни капли. Над улицей раскинулась просторная пластиковая крыша. Она собирала капли, направляя их в воронки водостоков. А улица оставалась теплой, сухой, безукоризненно чистой и свободной от микробов. Это была улица эпохи высокоразвитой гигиены: чистота, комфорт и полная независимость от природных стихий.

По дороге с легким жужжанием неслось электрическое такси. Серебристые шарики его антенны быстро вращались, принимая невидимый энергетический поток со станции подзарядки. Прилетевший махнул рукой; его упрямая решимость все же победила нежелание, коренившееся глубоко внутри. Такси остановилось со звуком, похожим на негромкий вздох. Водитель равнодушно уставился на возможного пассажира.

— Куда желаете ехать, мистер?

— К зданию Терминала Жизни,— ответил прилетевший, залезая в кабину.

Губы водителя разошлись; наверное, он собирался повторить адрес, как того требовала инструкция, но передумал. Он стиснул губы, включил двигатель и поехал нарочито медленно. Водительскую голову наполняли не самые радостные мысли. Он не любил пассажиров, ехавших в Терминал Жизни. Они зримо напоминали ему о сравнительно недолгом жизненном пути и о том, что даже для этого движения человеку отпущено не так-то много времени.

Пассажир ни разу не пожаловался на черепашью скорость. Он воспринимал происходящее с терпением фаталиста, чей разум привык, принимая решение, больше его не менять. Мимо пронеслось несколько спортивных электромобилей. Такси окатило несколькими упругими воздушными волнами, но и они не развеяли мрачного настроения водителя.

Высадив пассажира у мраморных входных ступеней Терминала Жизни, машина быстро поехала прочь. Пассажир это заметил. Он еще раз оглядел небо, улицу и безукоризненные архитектурные очертания высоких крыш. От хрустальных дверей Терминала его отделяло сорок ступеней. Он двинулся вверх, преодолевая упрямство сначала правой ноги, затем левой. С каждым шагом ноги все больше подчинялись его воле, и потому к дверям он добрался почти бегом.

За хрустальными дверями располагался круглый зал с мозаичным полом. В центре зала, прямо из пола, поднималась сверкающая гранитная рука. Ее размеры в пять или даже шесть раз превышали человеческий рост. Гигантский указательный палец был предостерегающе поднят вверх. Внутри гранитной руки находился генератор ментальных волн. В мозгу вошедшего их колебания отдавались громким телепатическим криком:

«Остановись и подумай: не осталось ли в твоей жизни незаконченных дел?»

Он спокойно обогнул руку и направился к столу в дальнем конце зала. Каучуковые подошвы ботинок делали шаги практически бесшумными. За столом сидела миловидная девушка в белой униформе. Завидев посетителя, она сразу же выпрямилась. На пухлых губах появилась улыбка.

— Могу ли я чем-нибудь вам помочь, сэр?

Он криво усмехнулся.

— Думаю, что да.

— Ой! — Ясные голубые глаза понимающе вспыхнули.— Значит, вы пришли сюда не ради получения информации? Вы желаете... желаете...

— Да,— ответил он.

Звук его голоса облетел пространство зала и торжественным эхом отразился под куполом.

— Да.

Гранитная рука продолжала вопрошать: «Остановись и подумай: не осталось ли в твоей жизни незаконченных дел?»

— Третья дверь направо,— прошептала девушка.

— Спасибо!

Служащая провожала его глазами, пока он не толкнул дверь и не скрылся. И даже потом девушка еще долго глядела на дверь, словно чувствовала свою вину.

Человек, занимавший кабинет за третьей дверью, ничем не напоминал мрачного палача из старинных книг. Это был жизнерадостный крепыш, быстро вставший из-за стола и шагнувший навстречу посетителю. Пожав вошедшему руку и предложив сесть, крепыш вернулся на свое место, пододвинул к себе стопку бланков и взял ручку. После этого он вопросительно посмотрел на посетителя.

— Ваше имя?

— Дуглас Мейсон.

Крепыш записал это в соответствующую графу бланка и спросил:

— Житель Земли?

— Марса.

— Марса? Так. Сколько вам лет?

— Двести восемьдесят семь.

— Значит, вы уже прошли свое третье омоложение?

— Да.— Мейсон дернулся.— Неужели даже для *этого* нужно заполнять кучу бумажек?

— Вовсе нет.

Крепыш изучающе посмотрел на Мейсона. Высокий, худошавый, в сером костюме, глаза усталые.

— Цивилизованное государство не лишает никого из граждан права распоряжаться собственной жизнью. Каждый имеет неотъемлемое право уйти из жизни по любой причине, которую сочтет убедительной, или вовсе без причины, просто по минутному капризу, но при условии, что способ ухода из жизни не представляет опасности для других граждан, не причиняет им никаких неудобств и не нарушает их душевного равновесия.

— Я знаю свои права,— заверил его Мейсон.

— В таком случае вам известно,— заученно продолжал крепыш,— что мы должны признать ваш выбор вне зависимости от вашего желания или нежелания помочь нам в заполнении этих бланков. Ваше нежелание отвечать ничем не помешает вам осуществить задуманный шаг, однако сведения, о которых мы спра-

шиваем, очень важны и ценны для нас. Мы были бы очень признательны вам за оказанную помощь. Вопросов совсем немного.

— Помощь? — переспросил Мейсон, почесывая подбородок. Он снова улыбнулся той же улыбкой, какой несколько минут назад одарил голубоглазую девушку в круглом зале.— Мне думается, что я уже давно не в состоянии кому-либо помочь.

— Подобное ощущение возникает у многих, но, как правило, они ошибаются. Должен вам сказать,— сообщил крепыш, усилив подачу жизнерадостности,— я работаю здесь уже двадцать лет, и за все это время не встретил ни одного абсолютно бесполезного человека.

— Сдается мне, что вы просто пытаетесь отговорить меня от принятого решения,— сказал Мейсон. Голос его стал жестким.— Я принял решение и не собираюсь его менять!

— Ответьте, если, конечно, сочтете нужным, а что послужило причиной вашего решения?

— Какое это имеет значение? Если человек решает умереть, такое решение уже само по себе является достаточной и обоснованной причиной. Но чтобы удовлетворить ваше любопытство, я отвечу: я не боюсь смерти. Вот моя главная причина.

— И жизни вы тоже не боитесь? — поспешно спросил крепыш. Его лицо вдруг показалось Мейсону не таким уже и толстым. Человек, занимавший этот кабинет, был достаточно проницателен.

— И жизни я тоже не боюсь,— не колеблясь, подтвердил Мейсон.— Когда ты исполняешь все свои замыслы и достигаешь всех целей, к которым стремился, когда ты вдоволь натешился амбициями, а твои друзья давно умерли, сначала ты просто удаляешься от дел, поскольку больше нечего делать. Потом жизнь перестает быть жизнью. Она превращается в обыкновенное существование, во времяпрепровождение. Я по горло сыт такой жизнью.

Крепыш, утративший недавнюю жизнерадостность, как-то сокрушенно пожал плечами.

— Я не вправе оспаривать то, что побуждает вас расстаться с жизнью, даже если бы мне этого и очень хотелось.— Он кивнул в сторону бланков.— Могу я все же получить от вас кое-какие сведения или вы категорически отказываетесь отвечать?

— Ладно, начинайте вашу рутину,— сказал Мейсон.

Крепыш снова взял ручку.

— Вы женаты?

— У меня на это никогда не было времени.

— Неужели? — В глазах крепыша мелькнуло недоверие.— Стало быть, и детей у вас нет. Никаких.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего предосудительного. Просто я хотел спросить: вы никогда не были донором?

— Я терпеть не могу такие штучки, даже если они признаны и одобрены нашей цивилизацией,— сердито ответил Мейсон.

— Эти, как вы их называете, штучки необходимы, поскольку кому-то они приносят немало пользы,— ответил хозяин кабинета.— Движущей силой современной науки является необходимость помогать людям. Неужели вам больше нравятся те варварские времена, когда наука была в положении продажной женщины, а знаниями сплошь и рядом злоупотребляли?

— Честно сказать, не знаю. Жизнь тогда была намного тяжелее, но зато она была более настоящей. Более живой, что ли.

— Вы предпочли бы такую жизнь?

— В своем нынешнем положении, да.— Мейсон говорил так, словно не с крепышом вел беседу, а размышлял вслух.— На Марсе у меня есть вилла из алебастра и кактусовый сад в сорок акров. Вилла набита всем, к чему можно прилепить эпитет «лучший из лучших» или «непревзойденный». Во многих отношениях она превратилась в мавзолей. За ее стенами я с абсолютным комфортом влачу свое существование, отбиваясь от наскоков безжалостной скуки, которая все равно находит способ вонзить в меня ядовитые шипы. Те крохи настоящей работы, что еще осталась в мире, отданы более молодым, прошедшим лишь первое или второе омоложение. Земля цивилизована. Венера цивилизована. Марс — не исключение, равно как и Луна. Города с искусственной атмосферой, райские уголки. Что говорить? Вы и сами знаете. Все вокруг цивилизовано, упорядочено, отрегулировано и находится под постоянным контролем.

— Все ли? — удивленно вскинул брови крепыш.

— Даже джунгли — и те стали искусственными и вполне безопасными для жизни любопытствующих неженок,— с нескрываемым пренебрежением говорил Мейсон.— Джунгли превратились в парк, где за каждым деревом тщательно следят, а за животными следят еще тщательнее, потому все они добренькие и не кусаются. Наконец-то лев пасется рядом с ягненком. Тьфу!

— Вам это не нравится? — спросил крепыш.

— Когда-то у китайцев было в ходу древнее проклятие: «Чтоб тебе жить во времена перемен!» Теперь оно перестало быть проклятием и превратилось в благопожелание. Мы в полной мере пользуемся благами науки и цивилизации. У нас столько прав, привилегий и свобод, что приходится ждать годами, когда подвернется случай против чего-нибудь побороться или что-нибудь разрушить. По сути, людям уже не за что бороться. Им не дают

упасть и расшибить себе нос, поскольку цивилизация заботливо окружает место возможного падения мягкими подушками.

— Сомневаюсь, чтобы многие разделяли ваши представления,— сказал крепыш.— Люди не хотят потрясений и очень довольны своей жизнью. Только потом кому-то из них становится тошно от собственной праздности. Но большинству требуются десятки, если не сотни лет, пока они пресытятся жизнью.

Кончиком пера крепыш указал на бланк Мейсона.

— Вам, например, понадобилось почти триста лет, чтобы достичь этой стадии.

— Да,— согласился Мейсон.— Раньше меня привлекали якобы безграничные возможности попробовать себя в разных видах деятельности. Сейчас я понимаю: это не виды, а видимость деятельности. Это тупик. Если я останусь жить, рано или поздно я пройду очередное омоложение. И зачем? Какой смысл? Ради чего это комфортабельное прозябание?

Мейсон подался вперед. Его руки лежали на коленях, лицо стало суровым и жестким.

— Знаете, что я думаю? Я думаю: наука перестаралась с продлением жизни.

— Я бы не стал делать таких безапелляционных выводов.

— Перестаралась,— упрямо повторил Мейсон.— Говорю вам: наука заперла нас в ловушку своих достижений и провалов. Ее возможностей хватило, чтобы распространить земную цивилизацию на Венеру и Марс. Но не дальше. Дальние планеты недостижимы. У нашей цивилизации нет таких космических кораблей. Я уже не говорю о полетах к другим звездным системам. Ученые будут оправдываться, что не существует ни таких двигателей, ни такого топлива, чтобы преодолеть межзвездные пропасти. Нам постоянно твердят об этом. Наука довела нас до границ нашей цивилизации. Я как раз жил на границе — в вилле из алебастра, нашпигованной всеми мыслимыми автоматическими устройствами для моего ублажения. Наука побоялась идти дальше. И тогда она обратилась внутрь и стала цивилизировать то, что находится в пределах обжитого мира. В результате мы надежно прикованы и заперты в тюрьме абсолютной свободы и так чертовски счастливы, что остается только плакать от счастья.

Лицо коротышки выражало вежливое и молчаливое несогласие. Мейсону он лишь заметил:

— Не кажется ли вам странным, что вы, так яростно выступая против науки, вынуждены прибегать к ее достижениям, чтобы осуществить принятое вами решение?

— К чему устраивать ненужный балаган? — вопросом ответил Мейсон.— Я не говорил, что наука абсолютно бесполезна.

У нее есть свои достижения. Но они не мешают мне видеть коренные недостатки науки.

— Возможно, в чем-то вы и правы,— изменившимся голосом произнес крепыш.— Я часто спрашиваю себя: до каких еще пределов дойдет наука?

— Она уже дошла до всех пределов. Ей больше некуда стремиться, и она остановилась. Все, что прекращает развиваться, останавливается.

— Как и любой гражданин, вы полностью имеете право на такое мнение.— Тон хозяина кабинета ясно показывал, что он уже составил свое мнение о Мейсоне. Пошелестев бланками, крепыш вытащил один из них.— Поскольку вы самым очевидным образом продемонстрировали мне окончательность своего решения, мне не остается иного, как подписать ваш ордер.

— Боги, вы слышите? Неужели еще одна бумажка?

Мейсон потянулся за подписанным ордером и взмахнул им, точно белым флагом.

— И что мне делать с этим вашим ордером?

Крепыш кивнул в сторону двери.

— Вы возьмете его и отдадите дежурному администратору. Он проконсультирует вас относительно процедуры вашего... ухода.

— По-моему, вы и так мне многое рассказали.— Мейсон снова взмахнул прощальным «флагом».— Спасибо вам за все. До встречи на том свете.

— Это случится не раньше, чем мой организм перестанет выдерживать омоложения,— пообещал ему крепыш.

Дежурный администратор оказался долговязым, тощим, лысым и довольно неразговорчивым субъектом. Взяв ордер, он внимательно уставился в бумагу.

— Вы предпочитаете быстрый или медленный уход?

— Ну и вопрос! Кому захочется умирать медленно?

Заупокойным тоном дежурный администратор провозгласил:

— Я говорю не о процессе дезинтеграции, а об особенностях смерти. Желаете ли вы, чтобы она наступила вскоре или через некоторое время?

— Лучше вскоре, без лишних проволочек. А то чего доброго я дам слабину и изменю свое решение,— с мрачным юмором добавил Мейсон.

— Такое случается.

— Да ну?

— Часто,— сообщил дежурный администратор.

— Это для меня новость,— признался Мейсон.— Я еще ни разу не слышал, чтобы кто-то выбрался отсюда и потом рассказывал о своих ощущениях.

— Никто и не рассказывает. Молчание — цена свободы.

— Значит, я могу в самую последнюю минуту вдруг передумать и преспокойно покинуть ваше заведение, если поклянусь молчать?

— Вам незачем клясться.

— Почему?

— Вам вряд ли захочется рассказывать о своей нравственной трусости.

— Черт побери, здесь вы абсолютно правы! — согласился Мейсон.

Дежурный администратор смерил его взглядом.

— Не думаю, что вы перементе свое решение. Вы отличаетесь особой быстротой реакции. У многих она замедленная, и они спохватываются, когда уже слишком поздно что-либо менять.

— Я понимаю, о чем вы. Не стану скрывать: за последние два года я шесть раз уступал своей слабости. Я не хочу поддаваться ей в седьмой раз.

Мейсон оглядел комнатку дежурного администратора. Кроме стола и настенного календаря, в ней больше ничего не было.

— Не скажете ли мне, *как* это произойдет?

— Неожиданно.

— Это-то я знаю. Но как?

— Способ выбирается с учетом индивидуальных особенностей.

— Любопытно.

— Потом вам уже не будет любопытно,— пообещал дежурный администратор.— Вы выйдете через ту дверь и поднимитесь в автоматическом лифте в отель Терминала Жизни. Там вы сможете выбрать номер по своему вкусу. Они все комфортабельны и...

— Простите, куда я поднимусь? — громко переспросил Мейсон.

— В отель,— повторил дежурный администратор.— Там вы пробудете некоторое время, наслаждаясь превосходным обслуживанием, развлечениями и обществом таких же, как вы. Ваш уход из жизни произойдет, когда вы меньше всего будете этого ожидать. В зависимости от индивидуальных психологических особенностей, пребывание в отеле может продлиться от нескольких часов до нескольких дней. Но, согласитесь, это гуманный способ.

— Значит, мне придется просто сидеть и ждать, пока меня не лишат жизни?

— Там полно всевозможных развлечений, избавляющих от мрачных мыслей и хандры. Впрочем, у вас не должно быть при-

чин для беспокойства. Если до подъема в отель вы не поддадитесь слабости и не передумаете, вы обязательно осуществите свое решение.

— Вы можете сообщить мне еще какие-нибудь подробности?

— Насколько могу судить, они не очень-то вас интересуют.

— Истинная правда,— согласился Мейсон.— Мне на них просто наплевать. Так как, могу я, что называется, отправляться в последний путь или вы тоже станете разводить бюрократию?

Дежурный администратор передернул плечами.

— Вообще-то мне нужно заполнить пару бланков. Но если вы так торопитесь, обойдемся и без этого.

Он указал на две одинаковые двери у себя за спиной.

— Выбирайте. И та и другая являются выходом.

Мейсон решительно направился к ближайшей двери, открыл ее и выглянул наружу. Он увидел знакомый круглый зал с мозаичным полом и гранитной рукой.

«Остановись и подумай: не осталось ли в твоей жизни незаконченных дел?»

Он закрыл эту дверь и открыл другую... Узкое пространство. Распахнутые дверцы встроенного лифта. Кабина с голыми металлическими стенками, на одной из которых помещалась единственная красная кнопка.

Мейсон закрыл за собой дверь, вошел в кабину и спросил, разговаривая сам с собой:

— Ну что, поедем в преисподнюю?

Ему стало не по себе, но он все же закрыл дверцы кабины и коснулся большим пальцем красной кнопки. И только сейчас он понял, куда его повезет этот «лифт»!

Кнопка медленно двигалась под его пальцем. Мейсон завороженно и оцепенело следил за ней, не имея силы отдернуть палец. Ему казалось, что кнопка еле ползет. Или только казалось? Грядущий конец перечеркнул все его представления о времени. В приближении смерти самообладание изменило Мейсону. Все поры его тела широко раскрылись, само тело напряглось, сердце бешено колотилось, а мозг захлестывал вихрь неуловимых мыслей. В это мгновение кнопка замкнула контакты, и «лифт» исполнил свое истинное предназначение.

Пространство залил бледно-голубой мерцающий свет. На какую-то долю секунды Мейсон ощутил непередаваемую боль, потом его тело распалось на миллионы кусочков, которые распылились до последней молекулы.

Где-то далеко, за блеклой, бесцветной дымкой, слышались голоса. Они неторопливо переговаривались, приближаясь к нему. Затем голоса стихли, после чего зазвучали снова. Они что-то

шептали ему в уши, исчезая в бесконечности и возвращаясь. В их появлении и исчезновении был какой-то странный ритм. Они напоминали... звуковую волну с неимоверно растянутой во времени амплитудой положительных и отрицательных периодов. Постепенно он стал различать смысл слов.

— Трое подряд. Никак шансы поворачиваются в нашу сторону?

— Не знаю. По-моему, рано говорить о шансах. Ты вечно цепляешься за сиюминутности.

— Слушай, а может, на той стороне они добились кое-каких успехов?

— Хотелось бы в это верить, но пока у меня нет оснований.

Мейсон сел и обхватил руками голову. Голоса в который уж раз исчезли, потом вернулись.

— Взбодри-ка его немного... да, в эту точку.

Его кольнули булавкой.

Мейсон открыл глаза и увидел седобородого человека.

— Ну-ну, не робей, парень. А орешек-то целехоньким дошел.

— Тебе повезло,— произнес другой человек, стоявший сбоку. Он был сильным и мускулистым.— Иногда от орешка доходит лишь половина ядрышка, а то и пустая скорлупа.

— Кому-то и половины ядрышка бывает много,— сказал Мейсон, не совсем понимая, что говорит.

Он перестал баюкать свою голову, уперся руками в пол и встал. Окружающее пространство бешено вертелось, сопротивляясь его вставанию.

Седобородый человек задумчиво посмотрел на Мейсона, потом поправил висевшую у себя на боку длинноствольную винтовку, отливавшую стальной синевой, и подошел к неказистому деревянному столу. Усевшись, он подтянул к себе какие-то бумаги, послюнявил кончик простого карандаша и опять посмотрел на Мейсона.

— Как тебя зовут?

Мейсон дернулся и тут же почувствовал у себя на плече мускулистую руку второго человека.

— Что за чертовщина? Неужели и здесь существуют бумажки?

— Нам от тебя много не надо,— успокоил его седобородый.— Всего три вопроса: имя, количество лет, оставшихся до очередного омоложения, и твоя профессия.

— Дуглас Мейсон, двадцать четыре, самоубийца,— лаконично ответил Мейсон.

Мускулистый человек захохотал. Когда Мейсон обернулся к нему, тот добавил:

— Тебя обманули, приятель.

— Помолчи, Корлетт,— с долей раздражения осадил его седобородый.— Я без конца тебе твержу: прибывающие испытывают психологический шок, который мы должны смягчать.

Он обнажил белые зубы и укоризненно покачал головой.

— Ты же имеешь дело с людьми, а не с бревнами.

— Не волнуйтесь. Я — не тепличный цветок,— сказал Мейсон.— Можете не опасаться: я не забьюсь в истерике.

Корлетт снова расхохотался.

— Слыхал, Декстер? Он не нуждается в смягчении!

Тот, кого звали Декстером, упер лицо в ладони и требовательно спросил:

— Как понимать твои слова?

— Так, как ты их слышал,— ответил Мейсон.— В той жизни у меня оставалось единственное занятие: сидеть и думать. Я думал обо всем, что только забредало в голову, но по большей части туда забредала всякая чушь. Я стал бесполезным винтиком в большой и сложной машине и был вынужден терпеливо дожидаться, пока меня не выкинут за полной ненадобностью.

— Знаю,— кивнул головой Декстер.— Сам через это проходил.

— Однажды по телевидению шла лекция, и лектор подкинул мне новую пищу для размышления. Он распинался, восхваляя нашу цивилизацию, ее совершенство и научную мощь. Совершенство цивилизации, вещал лектор, заключается в том, что каждый человек занимает свое определенное место, и каждое место соответствует определенному человеку. Он нарисовал впечатляющую картину громадной машины, где все винтики и шестеренки, большие и маленькие, взаимосвязаны и взаимозависимы. Знакомая песня. Впрыскивание гордости, чтобы воодушевить винтиков и заставить их поверить, будто вся наша цивилизация держится на каждом из них.

— И где тут новая пища для размышления? — удивился Декстер.

— Потом лектор допустил грубую ошибку. Он заявил, что наша неспособность достичь далеких планет является скрытым благом. Наша цивилизация, видите ли, настолько сложна и высокоорганизованна, что любое незапланированное перемещение винтиков и шестеренок угрожает ее развалом. Хаосом. Механизм суперцивилизации не сможет эффективно работать, если винтики и шестеренки станут выпадать из него быстрее, чем их успеют заменить.

— Вообще-то, здравая мысль,— высказал свое мнение Декстер.— И что было потом?

— Я жевал и пережевывал эту мысль, сидя на своей марсианской вилле с белыми стенами из алебастра.

Мейсон вопросительно взглянул на седобородого.

— Ты знаешь, что на Марсе нет алебастра?

— Нет, не знал.

— Можешь мне верить. Его там нет. Ни унции, ни даже крошки. Более века назад мне пришлось потратить небольшое состояние, чтобы доставить его с Земли. И не на грузовом корабле. Его мне отправляли методом вибротранспортировки. Две тысячи фунтов. Тогда это был предел для переброски на столь дальнее расстояние. Но компании, поставляющей алебастр, пришлось отправить его в значительно большем количестве из-за громадных потерь. Они достигали семидесяти пяти процентов. То есть на выходе лишь одна четверть правильно реинтегрировалась и превращалась в алебастр. Остальное можно было сразу выбрасывать на помойку. В этом-то и состоит главная сложность вибротранспортировки. Умопомрачительная скорость и не менее умопомрачительные потери.

— Продолжай! — велел Декстер, не сводя с него глаз.

— Люди наладили космическое сообщение между Землей и Марсом. Корабли летят медленно, но надежно. Пассажиры прибывают к месту назначения живыми, сохраняя свою целостность и человеческий облик.

Мейсон потер затылок. Шум в голове ослаб, но не исчез окончательно.

— Я четыре года подряд изучал возможности надежного и безопасного перемещения людей на далекие планеты способом вибротранспортировки. Заманчиво, правда? Входишь в камеру — и через мгновение оказываешься на другой планете. Я установил, что весовой предел не может превышать трехсот фунтов.

— Двухсот восьмидесяти четырех,— поправил его Декстер.

— Я также рассчитал шансы на успех. Меня ужаснуло, насколько они низки. Не больше трех на тысячу.

— Семь,— сказал Декстер.

— Уже семь? Значит, эффективность повысилась?

— Да. Она повышается постоянно, хотя и медленно.

— Все равно риск остается очень велик,— продолжал Мейсон.— Пока что путешествовать таким способом согласятся лишь сумасшедшие или потенциальные самоубийцы. Иными словами, *те немногие винтики, которые давно поняли, что являются лишними в машине цивилизации.*

— Одним из которых был ты? — спросил Декстер.

Он почесал в бороде, бросил задумчивый взгляд на Корлетта, потом опять повернулся к Мейсону.

Мейсон кивнул.

— Если бы люди узнали, что далекие планеты вполне достижимы, это здорово взбаламутило бы нашу цивилизацию. Но никто не торопится в Терминал Жизни, чтобы попытать счастья. Этот способ — для лишних винтиков, а не для искателей приключений. Таких винтиков слишком мало, и потому цивилизации ничто не угрожает.

— Значит, ты догадался, что к чему?

— Да. И сделал выводы. Я думал об основных правах людей, вернее, о том, что закон предписывает людям считать их основными правами. Я вспомнил, как время от времени начинают восхвалять Терминал Жизни, именуя его завоеванием цивилизации. Еще я думал о том, что ученые не очень-то пытаются создавать более совершенные космические корабли. Это меня удивило. Если ученых что-то захватывает, они не могут остановиться даже во сне. В чем же тогда дело? Единственный ответ: они чего-то достигли, но помалкивают!

Декстер негромко засмеялся.

— В твоих рассуждениях о скрытности ученых есть одно упущение. Если ты самостоятельно до многого додумался, почему бы миллионам других людей не прийти к тем же выводам и не устремиться за пределы опостылевшей цивилизации?

— Потому что пока я не получил убедительных доказательств, мои выводы были не более чем смутной догадкой.— Мейсон помрачнел.— Я боялся обмануться. С того момента, как я покинул Марс и ступил на Землю, я считал, что совершаю лучший в своей жизни поступок. Я поставил свою жизнь на эти семь случаев из тысячи... и я попал сюда целым и невредимым. Я родился счастливчиком: я получил эти доказательства.

— Ну так и держись за них,— вмешался Корлетт.— Нас здесь восемьсот человек. Учитывая скорость появления новичков — я имею в виду успешные случаи,— пройдет еще очень и очень много времени, когда нас станет восемьдесят тысяч, не говоря уже о восьми миллионах. Условия здешней жизни — более чем скромные. Никаких космических кораблей и самолетов, телевидения, центров омоложения, фантастических садов, вилл из алебастра и вибротранспортировки. Пути назад нет. Ты не можешь вернуться из загробного мира, победоносно размахивая доказательствами его существования.

— Знаю.— Мейсон причмокнул губами. Он, словно загипнотизированный, смотрел на синеватый блеск винтовки Декстера.— Большие мозги придумали хитроумную уловку. Чисто сработано. Вот вам жизнь после смерти, но никто не может вернуться и заявить, что ее нет. Трюк этот будет оставаться тайным до

тех пор, пока у нас не хватит сил на собственную цивилизацию. И не только сил. Нас здесь должно стать значительно больше.

— Отлично сказано! — с воодушевлением согласился Корлетт.

— Но меня не волнует отдаленное будущее. Я искал доказательств для самого себя. Я сделал поворот на сто восемьдесят градусов. Решил вернуться к тому, с чего когда-то начинал. Котлован, лопата в руках. Я еще не забыл это ремесло.

— Тебе здесь понадобится не только лопата,— сказал Декстер. Он постучал по прикладу винтовки, завладевшей вниманием Мейсона.— Планета далеко не так дружелюбна, как хотелось бы.

— Тем лучше. Цепи на то и существуют, чтобы их разбивать. Меня здесь не ждет центр омоложения, а без него мне осталось не так уж много. Поэтому дайте мне лопату, винтовку и скажите, что надо делать.

Ему дали и то и другое, после чего вывели из хижины. Мейсон оперся на рукоятку лопаты, втянул в себя густой воздух и посмотрел на грубые каменные домишки близлежащего поселка. Его взгляд переместился выше — туда, где в небесах висело огромное красное пятно. Под ногами шелестела трава непривычного пурпурного цвета.

— Какой потрясающий вид. Говорю это как новый житель Каллисто. Или вам он уже примелькался? — спросил Мейсон.

Последний взрыв

Удар был нанесен по законам логики и без малейшей жалости, иными словами, неожиданно, без предупреждения. Он был в сто, если не в тысячу раз более ужасным, чем взрыв последней адской бомбы, но потребовалось больше времени, чтобы зафиксировать факт нападения. Никто не пытался предупредить удар или нанести ответный, по той простой причине, что никто не предвидел акта агрессии.

А когда все стало понятно, оказалось, что уже слишком поздно — так и было рассчитано.

Ужасающая простота — вот что отличало действия неизвестного врага. В небе появилась одинокая длинная серебристая сигара, она сбросила семь бомб в намеченных точках и исчезла. Никто ничего не заметил. На минимальной высоте в двадцать миль и скорости четыре тысячи восемьсот миль в час сигару невозможно было заметить невооруженным глазом. Не сумели зарегистрировать ее появления и радары. Они просто не работали, поскольку никто не ждал подобной атаки. Вся планета жила в мире, без страха — и так продолжалось уже более полувека.

Бомбы падали и взрывались без ослепительных вспышек, оглушительного грохота и ощутимых толчков. Внешнего эффекта — не больше чем от нескольких бутылок прокисшего пива, сброшенных за борт безответственным астронавтом. Бомбы представляли собой маленькие хрупкие сферы, содержащие мутную жидкость. Сферы разбивались о землю, жидкость растекалась. И это было началом конца, и это порождало уверенность, что человечество уйдет без шума, разве что тихонько постанывая.

Репортеру, сумевшему понять замысел врага, досталась бы величайшая сенсация. Но ни одна газета не упомянула о случившемся. Ни один взволнованный ведущий не выпустил эту но-

вость в эфир. Никто ничего не знал. Никто ни о чем не подозревал. Бомбы убивали медленно.

Человечество пребывало в неведении еще некоторое время, когда каждая секунда имела значение, даже каждая доля секунды промедления способствовала маршу смерти. Одни беспокоились о здоровье, детях, налогах, капиталах и акциях, другие — о спасении в ином мире. Но никого не тревожил яд, проливший-ся с небес.

Первым начал ворчать Бартон Магийр, фермер из Айовы. А последними отреагировали семь человек на Луне. Мрачные жалобы Магийра послужили первым предупреждением. Один из людей на Луне сделал последний ход.

Пребывание людей на Луне уже давно не было новостью. Двадцать удачных посадок привели к тому, что двадцать первая не стала сенсацией. Страшно было только в первый раз. Во второй — уже не так интересно. В третий все относятся к событию как к должному.

Лишь успешный полет на Марс или Венеру мог вызвать такой же дикий восторг, как тот, что охватил Землю шестнадцать лет назад. Однако предстояло еще долгое ожидание. Преодолеть тридцать миллионов миль — это вам не фунт изюму съесть.

А пока людям пришлось обходиться теми развлечениями, которые давал спутник Земли. Небольшой отряд астронавтов высадился на Луне, его задача была не слишком трудной, но экспедиция стала передавать на родную планету важные данные. Короче говоря, новая игрушка начала приносить первые дивиденды.

Для этих целей на Луну в четыре приема доставили самое разнообразное оборудование. Экспедиция работала на дне безымянного кратера, внутри герметически закрытой базы, имеющей форму перевернутого конуса. Люди обслуживали атомный реактор и буровую установку, доставлявшую наверх все новые образцы пород, каждый из которых рассказывал отрывок истории Луны. Эксперту было достаточно осмотреть цилиндрические куски внеземного керна, чтобы сделать вывод о минералогическом составе лунной толщи. Позднее будет проделан тщательный химанализ и определено содержание углеводорода и металлических руд.

Семь человек работали бок о бок внутри огромного дурацкого колпака, отделенные от всего остального человечества четвертью миллионов миль. Иногда они начинали раздражать друг друга. Но воли чувствам не давали. Реактор работал, бур вращался почти круглосуточно, хотя график этого и не требовал — люди предпочитали борьбу с породой спорам между собой.

Уилкин, металлург, был наименее общительным из всех. Худощавый, с бледными глазами, прятавшимися за очками в стальной оправе, он оказался ужасным пессимистом, словно страдал болезнью печени; к тому же он ненавидел свою работу, больше подходящую молодому. Уилкину оставалось совсем немного до ухода на пенсию. Его угораздило наговорить резких слов кому-то из начальства — и в наказание он был отправлен на Луну.

Самым жизнеобильным был радист Ярбридж, коренастый, с густыми и жесткими, как пакля, волосами. В прошлом он был радиолюбителем и теперь ужасно гордился: ему доверили великолепную радиостанцию там, откуда еще никто не вел передач. Маленький, но очень мощный передатчик стал его личным божеством. И Ярбридж был в более выгодном положении, чем остальные,— он всегда мог найти утешение у своего бога, а также у тысяч невидимых друзей. Даже в кромешной темноте он не остался бы без компании голосов. Единственное, чего ему недоставало, так это утренней почты с отчетами общества радиолюбителей.

Самым занятым, а значит, и наименее обидчивым был Джеймс Холланд, высокий, нескладный и веснушчатый. Хоть и был он самым молодым членом экспедиции, но отличался спокойствием, аккуратностью и старательностью. Иначе и быть не могло. Он четыре года изучал атомные реакторы и надеялся еще на сорок лет работы с новейшими достижениями человеческого гения.

Холланду пришлось немало усилий приложить, чтобы разобраться со штуковиной, работавшей на лунной базе, поскольку она была куда хитрей тех реакторов, с которыми он имел дело в Международном институте энергии,— в четыре раза меньше и в восемь раз легче, а в качестве топлива использовался торий. Нельзя было исключать, что уже через год-другой это чудо техники устареет. Холланд старался идти в ногу со временем и следить за последними разработками.

Оставшиеся четверо были на удивление похожи друг на друга — широкоплечие, с мужественными лицами, не слишком аккуратные, настоящие спецы по самым разным карточным играм и витиеватой ругани. Все четверо сделали карьеру на Земле, занимаясь бурением для нефтяных компаний. Они хорошо знали свое дело и справлялись с ним неплохо.

В тот день, когда были сброшены бомбы, возле купола базы находилось сорок шесть проб. Их сложили аккуратными рядами в том порядке, в котором удалось добыть, и каждая была упакована в пластиковый пакет с номером. Их число показывало, что

люди забурились уже на девятьсот двадцать футов. Электромотор рычал, бур вращался и медленно продвигался вниз.

Нетронутый ящик с виски на запечатанном контейнере с продуктами терпеливо дожидался первого торжества. Когда будет достигнута глубина в тысячу футов, члены лунной экспедиции устроят себе маленький праздник и разопьют бутылку. В ящике было двенадцать бутылок, но это вовсе не означало, что необходимо пробурить двенадцать тысяч футов. Работа установки будет продолжаться до тех пор, пока не выйдет из строя мотор, а на корабле не закончатся металлические трубы для бурения скважины. Все остальное — в том числе и виски — могут доставить на другом корабле.

Ярбридж, не торопясь, прошел в центр базы, наблюдая за белым меловым кольцом — меткой на трубе. Труба вращалась, метка опускалась.

— Как дела? — спросил Ярбридж, хотя его это не слишком занимало.

— Потихоньку продвигаемся.— Бурильщик откусил кусочек сломавшегося на большом пальце ногтя.— А какие новости с Земли?

— Штормовое предупреждение в Атлантике. Началось извержение Везувия, итальянцы эвакуируют близлежащие населенные пункты. Разбился чешский стратоплан, семьдесят жертв, все сгорели заживо.

— Хм-м! Ничего из ряда вон...— Бурильщик поплевал на палец, чтобы оставить на трубе влажный след, и объяснил: — На удачу.

— Что за удачу ты ждешь? На золотую жилу выйти надеешься?

— Надеюсь, что в ближайшее время нам не придется менять сверло.

Ярбридж кивнул. Он понимал, что это значит. Трудная работа — поднимать наверх трубу, свинчивая одну секцию за другой, пока они не доберутся до стершегося бура. А потом — все повторить в обратном порядке, загнав трубу до дна скважины. Придется это делать не раз и не два, однако никто не мечтает о такой каторге.

Довольно скоро ему надоело смотреть на трубу, и он начал «прогулку в Синг-Синге»* — так здесь называлось скучное, бессмысленное хождение под куполом вокруг буровой установки. День и ночь кто-нибудь из членов экспедиции разгуливал по кругу. Когда этим занимались сразу двое и встречались в десятый раз, каждый подумывал о рукоприкладстве.

---

* Тюрьма в штате Нью-Йорк.

Ярбридж не стал бы слоняться без дела, но сейчас Земля повернулась к ним азиатской стороной. Огромная полусферическая антенна на вершине купола не ловила ничего интересного над Китаем, Малайзией и Монголией. Так, всякая ерунда — кошачий концерт в Шанхае, цены на олово в Сингапуре и бугивуги в Токио. Тысячи людей, с которыми он переговаривался, сейчас не могли связаться с ним. Для электронного бога наступили часы сиесты.

Наконец Ярбридж уселся на ящик возле буровой установки, наблюдая, как Холланд занимается проверкой генератора, обеспечивающего обогрев, работу механизмов и освещение.

— Джеймс,— сказал он,— почему мне не нравится на Луне?

Холланд обратил к нему веснушчатое лицо.

— А ты сам не знаешь?

— Может, все дело в том, что мне скучно.— Ярбридж немного подумал и спросил: — А тебе нет?

— Нет.

— Почему?

Теперь Холланд ненадолго погрузился в размышления.

— Как и у тебя, у меня есть свой интерес. Но мой не связан с внешними условиями. Он каким был, таким и остался.

— Наверное, ты прав. Быть может, я стал слишком зависим от своего хитрого ящика. Пожалуй, нужно научиться играть в покер.

— Когда все закончится, ты получишь много денег,— заметил Холланд.— Их придется отдать этим четверым.

— Или я заполучу их денежки.

— Очень сомневаюсь.

— Да, если вспомнить, как часто они предлагали составить им компанию.— Ярбридж огляделся.— А где старый ворчун? Слоняется по кратеру?

Кивнув в сторону люка в стене купола, Холланд сообщил:

— Надел шлем и вышел наружу, чтобы еще раз взглянуть на последние керны. Он что-то бормотал относительно бурой полосы в дюйм шириной — будто бы это окись железа.

— И что это означает?

— Ничего существенного. Нет никакого смысла добывать здесь гематит. Слишком мало и слишком глубоко.

— Мне кажется, ему наплевать на породу,— предположил Ярбридж.— Просто он старается держаться от нас подальше, поскольку мы ему смертельно надоели. Запас кислорода позволяет ему хотя бы на два часа от нас избавиться. И почему этот человеконенавистник не завербовался в Иностранный легион?

— Старому псу уже не выучить новые трюки,— серьезно ответил Холланд.— Я, молодой пес, оказавшийся в таком же положении, ему сочувствую.

— Ему должны были разрешить возвращение домой,— заметил Ярбридж.— А вместо него прислали бы гитариста. Или, того лучше, полдюжины хорошеньких брюнеток. По слухам, ученые выбрали еще двадцать мест для бурения. Если это правда, то нам здесь еще очень долго куковать.

— А меня вполне устраивает. Я занят серьезным делом, никто не подбивает на всякие шалости, я тут учусь и зарабатываю деньги.— Холланд хитро ухмыльнулся.— Поскольку у меня нет жены и я умею обходиться без брюнеток, то могу и подождать.

Ярбридж встал, потянулся и сделал гримасу:

— Ну, скоро мы окажемся над солнечной стороной.

Холланд прекрасно понял, что имел в виду собеседник. Они перемещались над темным полушарием Земли к светлому. А это означало, что приближался особо ценный момент. Какой-то добрый чиновник оставил в списке экспедиционного оборудования небольшой телескоп, с двухсоткратным увеличением и линзами диаметром четыре дюйма. Оказалось, что он удивительным образом поднимает настроение. Человек мог часами смотреть в телескоп на Землю, после чего рассказывал коллегам о том, что ему якобы удалось разглядеть на собственном заднем дворе.

Лунные бурильщики холили и лелеяли свой телескоп и нежно любили его за то, что он приближал далекую Землю, дарил иллюзорное утешение. Очень скоро все изменится и начнет вызывать настоящую боль. Если прежде телескоп безучастно дарил картины мира и красоты, то теперь он будет с тем же равнодушием умножать трагедии и страдания.

А пока ни семеро обитателей Луны, ни огромные массы людей на Земле не подозревали о приближении катастрофы. Даже привлеченные к расследованию ученые пока испытывали лишь легкое беспокойство, а не тревогу. Известие, которое удалось получить из города Дубьюк, штат Айова, было таково:

«Эксперты из Департамента сельского хозяйства в Вашингтоне прилетели на ферму Бартона Магийра, расположенную возле Дубьюка. В своем интервью Магийр заявил, что трава у него на ферме начала гнить».

Об этом сообщении забыли еще до того, как радиостанция Дубьюка вышла из зоны приема. Ярбридж поискал что-нибудь интересное на соседних частотах, наткнулся на веселую «Ла Кумпарситу» из Рио-де-Жанейро и принялся напевать себе под нос знакомую мелодию. Рядом на надувном матрасе лежал

Уилкин и хмуро смотрел на него сквозь очки. Два свободных от смены бурильщика с исключительно серьезным видом играли в карты.

Два дня спустя Балтиморская станция сообщила:

«...Знаменитые ботаники и биологи из Продовольственной комиссии ООН слетаются на ферму Бартона Магийра в Айове».

Джеймс Холланд, который смотрел в телескоп, поскольку подошла его очередь, оторвался от окуляра и спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— А кто такой Магийр? Кажется, я недавно слышал это имя.

— Да их миллион,— ухмыльнулся один из бурильщиков и побил дамой девятку противника.— Они вылезают из земли в День святого Патрика.

Холланд пропустил шутку мимо ушей и вновь посмотрел на Землю. В солнечных лучах это было зрелище, от которого он никогда не уставал. С таким удовольствием не могло сравниться созерцание звезд и других планет. Да к тому же изображение не дрожало — благодаря отсутствию атмосферы на Луне. Более того, если долго и пристально смотреть в одну и ту же точку, то начинают мерещиться самые разные вещи. Мозг берет контроль над зрением, и вдруг различаешь несуществующую точку посреди Атлантики и называешь ее пассажирским лайнером. Или превращаешь черточки на дороге в движущиеся автомобили.

На следующий день, когда он вновь смотрел в телескоп, Ярбридж поймал голос, который уже давно бубнил:

— Ярбридж! Ответь, Ярбридж!

В течение нескольких минут Ярбридж обменивался репликами со своим приятелем, передавал приветы Маргарет и Джинни. Затем внимание Холланда привлек голос далекого радиолюбителя, который говорил совершенно серьезно:

— У нас происходят очень подозрительные вещи. Распространяются самые разнообразные слухи. Говорят, что войска с огнеметами направились на север. Один приятель рассказал мне, что ему позвонил из окрестностей Дубьюка национальный гвардеец. Он считает, что приземлилась летающая тарелка, но власти держат случившееся в секрете. Можно ли этому верить? Вот ты, Ярбридж, сколько тарелок у себя на Луне видел?

— Ни одной,— ответил Ярбридж.

— Рано или поздно что-нибудь похожее должно было случиться,— отважился предположить радиолюбитель.— Но мне что-то не очень верится в козни пришельцев. История с летающей тарелкой — дымовая завеса, не иначе. Но все-таки у многих подозрения возникли: происходит нечто такое, о чем не хотят рассказывать широкой публике. Попробуй связаться с кем-нибудь из тамошних ребят.

— Но ты и сам можешь это сделать.— Вынув блокнот из нагрудного кармана, Ярбридж пробежал глазами свои записи.— В Дубьюке и его окрестностях десятка полтора радиолюбителей.

— Ха! И это ты мне говоришь! Карточки с их частотами и позывными висят у меня на стене. Попробуй с ними связаться!

— Хочешь сказать, что не отвечают?

— В том-то и дело! — После небольшой паузы собеседник продолжал: — И это мне совсем не нравится. Случись там что-нибудь такое, что затрагивало бы национальные или международные интересы, они бы кричали на всех диапазонах. Но они молчат. Ты понимаешь, что это значит?

— Им запретили работать в эфире.

— Наконец-то дошло!

— Да, мне тоже это не нравится.— Ярбридж посмотрел на земной хронометр, тикавший на приборной панели.— Ты будешь на связи в восемнадцать ноль-ноль?

— Да, если за решетку не засадят.

— Хорошо. Я расскажу, что удалось выяснить.

Они обменялись еще парой фраз, и Ярбридж отключился. Повернувшись на своем вращающемся кресле, он сказал Холланду:

— Я знаю этого парня десять лет. Он склонен к панике не больше, чем фарфоровый Будда, и никогда не пересказывает слухи просто так. Более того, не могли все радиолюбители Дубьюка умереть в один день.

Проходивший мимо лохматый бурильщик услышал последнюю фразу Ярбриджа и сообщил:

— Такой вариант возможен, если они собрались на очередную конференцию, а какой-нибудь маньяк бросил в них бомбу. Несколько лет назад в одной африканской стране вдруг началась революция, и все тамошние буровики погибли в один день.

Не обратив на эти слова внимания, Ярбридж продолжал:

— Ты не заметил ничего необычного в Айове?

— При помощи этой трубы? — Холланд пренебрежительно махнул рукой.— Нужен настоящий телескоп.

— Пожалуй.— Ярбридж включил приемник и принялся бродить по эфиру.— Если не можем воспользоваться глазами, значит, приходится рассчитывать на уши. Я попытаюсь связаться с Джерри. Который живет в...

Он смолк, когда из приемника раздался голос с канадским акцентом:

— ...В Оттаве сегодняшним утром. После короткого завтрака русская делегация улетела в Айову, отказавшись от встречи с прессой. Круги, близкие к правительству Соединенных Шта-

тов, сообщают, что состоялась встреча специалистов по сельскому хозяйству, после чего американская делегация улетела в Омск.

Холланд отошел от телескопа, упер ладони в узкие бедра и сказал:

— И опять Айова.

— Ты прав,— хмуро отозвался Ярбридж.— Не будешь возражать, если я включу обогрев посильнее? Мне что-то холодно.

— Тебе станет еще холоднее, если там начнутся серьезные неприятности,— заметил Уилкин с болезненным удовлетворением.— В хорошеньком мы окажемся положении, отрезанные от всех.

— С чего ты взял, что следует ждать неприятностей? — с вызовом спросил Ярбридж.— Мы переросли мировые войны. Уже полвека не возникало никаких дипломатических скандалов. Все живут в покое и согласии.

— В самом деле? — приподнял бровь Уилкин.

— Черт возьми, должны! — возразил Ярбридж.

— *Должны* и действительно живут — это совсем не одно и то же.

— Уж ты-то знаешь! — буркнул Ярбридж.

— Интересно, что ты имеешь в виду? — Бледные глаза Уилкина сузились за линзами очков.

Холланд торопливо вклинился в их обмен репликами.

— Если бы у людей хватало терпения дождаться, пока воздух нагреется, им бы не пришлось кипятиться самим.— Он посмотрел на приборную панель и добавил: — Я понял намек. Включаю все обогреватели.

Его слова не дали разразиться пикировке. Так часто бывало — в разговор вступал третий, когда становилось ясно, что назревает серьезная ссора между двумя. Необычные условия жизни породили нетипичные нормы поведения; в частности, здесь воспринимали чужие ссоры как свои собственные.

Волей-неволей приходилось решать проблему совместного существования, действуя жестко, но вполне результативно. На Земле вскоре это окажется невозможным. Неведомый враг сделает задачу нахождения компромисса нерешаемой. Все будет подчинено диктату пустого желудка.

Обладание властью создает диковинную пустоту в той части мозга, которая принимает разумные решения. Есть один урок, который власти нипочем не смогут усвоить,— что тайное рано или поздно станет явным. Чем настойчивее запихивают правду в колодец, тем с большим шумом она вырвется наружу.

К концу недели власти продолжали хранить молчание, но семерка обитателей Луны благодаря Ярбриджу и сотне других радиолюбителей знала, что Айова находится на военном положении и на территорию штата можно проникнуть только по специальным пропускам. Также стало известно, что по согласованию с ООН частично мобилизованы бразильская и немецкая армии. Австралийское правительство проголосовало за предоставление военным неслыханных прав — Австралия оказалась на грани введения военного положения. На юге Китая происходили какие-то серьезные события, и туда стягивались войска.

Прошло еще два дня, и власти были вынуждены нарушить заговор молчания. Начался второй этап развития событий, все шло по плану тех, кто стоял за бомбардировкой Земли.

Ярбридж мог бы принять официальное сообщение от любой радиостанции, на любом известном языке. Но волею случая он поймал репортаж из Уилкс-Барре.

Прежде незнакомый феномен, возникший во владениях фермера Бартона Магийра, проживавшего в окрестностях Дубьюка, штат Айова, стал причиной появления фильтрующегося вируса, который необычайно ускорил разложение хлорофилла. Тот же вирус появился в Бразилии, Германии, центральной России, Пакистане и Родезии. Происхождение его было неизвестно.

— Ну, это утешает,— прокомментировал Ярбридж, когда диктор сделал небольшую паузу.— Я ожидал худшего.

— Да что ты говоришь! — фыркнул Уилкин.

Голос в наушниках продолжал:

— Инфекция распространяется контактным образом, ее переносят животные и птицы. Поэтому правительство запрещает любые перемещения домашнего скота на всех территориях. Собаки, кошки и другие домашние животные должны находиться под присмотром. Всякое домашнее животное, найденное без хозяев, будет уничтожено на месте без компенсации для его владельцев.

— Власти пошли на крутые меры,— задумчиво проговорил бурильщик.— Значит, есть веские причины — иначе люди не стали бы терпеть такие ограничения.— Он почесал подбородок и закончил: — Похоже, это очень серьезно.

— Заткнись и слушай,— приказал Ярбридж.

— В соответствии с законом от тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года о чрезвычайном положении правительство имеет право конфисковать любые владения в том случае, если они окажутся зараженными, и принять все необходимые меры для уничтожения вируса. Все граждане обязаны немедленно сообщать о появлении очагов инфекции через ближайшие почто-

вые отделения, полицейские участки и военные лагеря. Невыполнение данного распоряжения влечет штраф в размере одной тысячи американских долларов или один год лишения свободы.

— Ничего себе! — воскликнул бурильщик.— Да там, похоже, паника.

— *Ш-ш-ш!*

— Сообщаем для всеобщего сведения, как действует вирус,— продолжал голос.— Сначала обесцвечиваются зеленые листья, приобретая серый цвет. В течение сорока восьми часов они становятся сухими, хрупкими и рассыпаются в руках. Процесс распространяется от эпицентра по быстро расширяющемуся кругу, уничтожая растительную жизнь на огромных площадях. Внутренняя часть такой области перестает представлять опасность, поскольку вирус сохраняет активность только при наличии хлорофилла. Таким образом, опасной является граница распространения вируса. В ожидании прибытия экспертов следует сжигать растения всеми доступными средствами во всех местах, где происходит наступление инфекции. Департамент сельского хозяйства заверяет слушателей, что нет оснований для беспокойства и что предпринимаются все меры для ликвидации новой угрозы.

Уилкин, протирая очки, сказал:

— Из последней колыбельной песенки следуют две вещи. Во-первых, власти считают, что угроза достаточно серьезна. Во-вторых, они еще не нашли способа эффективной борьбы с ней.

— Обязательно найдут.— заверил всех Ярбридж.

— Ты так думаешь? — осведомился Уилкин.

— А тебе нравится считать, что у властей ничего не выйдет? — вмешался бурильщик, бросив на Уилкина свирепый взгляд.

— Я вижу мир таким, каков он есть, а не таким, каким я хочу его видеть,— холодно заявил Уилкин.— Мир моей мечты давно умер.

— Но настоящий мир еще жив. И будет жить.

— Первое утверждение является истинным, второе — гипотетическим.

Бурильщик сжал кулаки:

— Ну, когда собеседник начинает говорить десятидолларовые слова, я сдаюсь.

Он отошел в сторону, качая головой так, словно показывал: с идиотом разговаривать бесполезно. Уилкин закончил протирать очки, аккуратно водрузил их на нос и посмотрел на Холланда, словно приглашая к дискуссии. Холланд был и сам не прочь поговорить.

— Но об одном они ничего не сказали.

— О чем же?

— О скорости распространения.

— Да,— согласился Уилкин и переплел пальцы.— Об этом они умолчали.

— Может, забыли? — предположил Ярбридж.— Или посчитали, что это не так важно.

— Возможно, скорость — пять дюймов в месяц,— предположил Холланд.— Или двадцать миль в день.

— Только не надо меня пугать,— запротестовал Ярбридж.

— Если хочешь получить настоящую головную боль,— вмешался Уилкин,— перед сном обдумай все как следует. Убери хлорофилл и представь, что останется.

— А по мне, это все ерунда. Не собираюсь верить во всякие глупости.

— Счастливчик,— ухмыльнулся Уилкин.— Все умрут — ты один останешься. Последний человек в мире.

Ярбридж нахмурился и повернулся к Холланду:

— К чему он клонит?

— К тому, чего, я надеюсь, никогда не произойдет.

— Я мог бы и сам догадаться,— презрительно фыркнул Ярбридж.

— А может, и произойдет,— не сдавался Уилкин.

— Остаются еще океаны, полные рыбы,— напомнил Холланд.

— Какое счастье! — проворчал Уилкин, лег и закрыл глаза.

Ярбридж, который одним ухом продолжал слушать радио, с трудом вникал в перепалку Холланда и Уилкина, поэтому потребовал разъяснений:

— Слушайте, а при чем тут рыба? И вообще, о чем разговор?

Уилкин не потрудился ответить.

— Забудь,— сказал Холланд и направился к своей установке.

— Нет, еще пару лет это продлиться не сможет,— заговорил Ярбридж, ни к кому конкретно не обращаясь.— Человек сходит с ума за четыре месяца.

Он взял микрофон и без особого энтузиазма попытался связаться с приятелем по имени Джерри — безрезультатно.

Когда бур достиг отметки в тысячу футов, они устроили праздник. Но виски не произвело обычного действия. С тем же успехом можно было пировать возле покойника. Во-первых, им пришлось менять сверло. Во-вторых, события на Земле произвели на всех удручающее впечатление.

Они допили бутылку. Потом четверо трезвых и унылых бурильщиков пропели непристойную песню. Остальные выслу-

шали с фальшивыми улыбками, в свою очередь рассказали по паре несмешных анекдотов. Праздник закончился, так по-настоящему и не начавшись — все разбрелись: кто работать, кто спать.

После этого они почти не разговаривали, но старались почаще оказываться возле передатчика или телескопа. Улыбки уже не появлялись на лицах. Атомный мотор негромко гудел, бур вращался. Опять настало время менять сверло, и опять бур вгрызся в нутро Луны. Возле базы накапливались образцы пород, но никто не интересовался, нет ли там бриллиантов. Решение сложной задачи превратилось в рутину, смысл которой никого больше не интересовал.

День проходил за днем. По радио объявили, что правительства Великобритании, Дании и Бельгии ввели сложную систему нормирования продуктов питания. Власти Соединенных Штатов взяли под контроль все запасы зерна и цены на хлеб. Канада последовала примеру США. В Аргентине миллион человек включился в адскую работу по созданию Огненного Занавеса. Украинская Республика протестовала по поводу нарушения ее суверенных прав, но причина не объяснялась.

Постепенно стало понятно, что повсюду вводится цензура. Однако островки правды продолжали возникать тут и там. Обитатели Луны сочли важным появление новых слов, придуманных под влиянием момента и попавших в новостные бюллетени.

«Сегодня утром в Милане произошла перестрелка, когда силами итальянской полиции был окружен склад и арестована банда живоглотов. Восемнадцать человек убиты, сорок сдались властям. Полиция потеряла шестерых».

«В Нью-Йорке муниципальные войска обезвредили отряд мясолеггеров. Англичане посадили в тюрьму предприимчивого джентльмена, получившего прозвище Рыгающий Барон. Немцы не пожелали отставать и совершили грандиозную облаву на Черный Лес, где возникла фабрика по производству пёсбургеров».

— Вы слышали? — воскликнул Ярбридж.— Интересно, как только этим ребятам сходят с рук такие дела?

— А им и не сходят,— ответил кто-то.

— Я хотел спросить, как они на этом делали деньги.

— В подходящее время, в подходящем месте деньги можно сделать даже на дохлых крысах,— высказался Уилкин.

— А я то ли слышал, то ли читал,— серьезно проговорил Холланд,— что во время осады Парижа вовсю ели крыс.

— Да угомонитесь вы! — сердито воскликнул Ярбридж.— Меня уже тошнит.

— Скажи спасибо, что ты не в Азии, где на площади в квадратную милю ютятся две-три тысячи человек,— посоветовал Уилкин.— Там бы тебе пришлось куда хуже. Или лучше — тут все зависит от твоих гастрономических пристрастий.

— О чем ты?

— О том, что мертвые питают живых.

Ярбридж стиснул челюсти. Свободный от работы бурильщик, как будто спавший до сего момента, открыл темный глаз и посмотрел на Уилкина. Обдумав услышанное, скатился со своего надувного матраса, неуклюже сел и заговорил низким раскатистым голосом:

— С меня хватит, четырехглазый коротышка! — Он ткнул большим пальцем в небо.— У меня там жена и трое детей. И без твоих шуток не сладко. Так что заткни свою поганую пасть.

— Я вовсе не шутил,— возразил Уилкин, протер очки и без страха посмотрел на здоровяка бурильщика.— Моя единственная дочь живет в Айове.

— Тогда ты и подавно не должен так себя вести. Не разжимай зубов, если хочешь сохранить их в целости и сохранности.

Подошел второй бурильщик и спросил, переводя взгляд с одного на другого:

— Что-то не так, Хэнк?

— Ничего особенного, Джо. Просто я собираюсь свернуть шею одному болтуну.

— И что это тебе даст?

— Удовлетворение,— сообщил Хэнк.

Джеймс Холланд успокаивающе сказал:

— У всех людей тревога проявляется по-разному. Кто-то переживает молча. Некоторые выпускают пары; другие надеются на лучшее; третьи всегда ожидают худшего.

— Ладно,— согласился Хэнк,— тогда переходи из четвертой группы в первую.

— Иными словами, я должен изменить себя по твоему образу и подобию.— Уилкин, продемонстрировав неожиданное мужество, поднялся на ноги и посмотрел в глаза Хэнку.— Но зачем это мне?

— Затем, дедуля, что у меня есть вот это.— Его противник показал бугристый кулак размером с половину окорока.— И я не люблю...

Уилкин разжал кулак и показал автоматический пистолет длиной в три дюйма.

— А у меня вот что есть — и мне тоже непросто угодить.— Он помолчал немного, спокойно глядя бледными глазами на

Хэнка, а потом закончил: — У нас здесь каждый говорит, что хочет. И ты не отнимешь это право. Ты меня понял, волосатый бездельник?!

Бурильщик оценивающе оглядел его с головы до ног, сплюнул, повернулся и зашагал к центральной части базы. Джо последовал за ним. Уилкин присел на баллон с кислородом.

— Ты был не прав,— сказал ему Холланд.— Он тревожится за свою семью, и это совершенно естественно. В подобной ситуации многие начинают нервничать.

— И я тоже,— ответил Уилкин.

— Послушайте,— насмешливо проговорил Ярбридж.— По-моему...

Он замолчал, когда Холланд ткнул его в бок.

— В любом случае здесь не стоит размахивать пистолетом,— проворчал Ярбридж.

— Теперь уже стоит! — заявил Уилкин.

Третий неизбежный этап начался, когда представитель Индии в ООН произнес длинную страстную речь, больше подходящую для конца тридцатых годов двадцатого века. И посвящена она была той же теме: иметь свою армию и чудовищное оружие или не иметь. Да и закончилась она аналогично — скрытой угрозой. Реакция была соответствующей: умиротворяющие речи и тайные приготовления.

Доктор Франциско, председатель ассамблеи, ловко переключил ее работу на обсуждение процедурных вопросов, чтобы избежать голосования по главной проблеме: перераспределения запасов пищи. Он не спускал глаз с тех представителей, у кого на родине ощущался серьезный дефицит продовольствия,— все они были готовы голосовать, как один человек. Его стараниями опасность полного раскола была предотвращена — на двадцать четыре часа. К концу этого срока Индия вышла из Организации Объединенных Наций. Китай последовал за Индией. Так же поступили страны, у которых не хватало продуктов питания для обеспечения собственных нужд.

Джо увидел первые вспышки на темной стороне Земли. Маленьким телескопом пользовались уже неохотно, но все-таки в него посматривали, когда приближался терминатор. Джо, наблюдая за приближением рассвета, заметил в темноте вспышку. А потом еще и еще.

Он тихо отошел от телескопа, растолкал Ярбриджа и прошептал:

— Я только что видел там свет.

— И что с того? Зачем разбудил?

— Раньше никто ничего подобного не видел на темной стороне Земли.

— Возможно, просто не обращали внимания. Постоянное наблюдение не велось, и тебе это известно.

— У меня плохие предчувствия. Вспышки были очень большими.

Ярбридж демонстративно захрапел.

Рядом зашевелился Холланд, проснулся, приподнялся на локте и спросил:

— Ну, что произошло?

— Я не знаю,— ответил Джо.— Хочу, чтобы наш лентяй послушал радио.

— А почему ты встревожился?

— Я только что видел три большие вспышки на темной стороне Земли.

— Метеоры,— предположил Холланд.

— Ты и правда так думаешь?

— Почему нет? — Он посмотрел на Джо.— Какие варианты?

— Атомные бомбы,— сказал Джо.

— Чепуха!

— Почему нет?

— Они не *настолько* спятили.

— Откуда тебе знать? — спросил Джо.— Нам известно только то, что передают по радио, а этого недостаточно.

— У тебя болезненное воображение.

— Вполне возможно,— упрямо покачал головой Джо,— но я видел то, что видел. Разве тебе не интересно?

— Нет.

Джо нахмурился:

— Почему?

— Потому что я проглотил пилюлю, которую тебе еще только предстоит проглотить. Рано или поздно это случится, хочется тебе этого или нет.

— Ты о чем?

— О том, что я уже понял: мы ничего не можем сделать. Совершенно ничего!

Джо немного подумал и со вздохом согласился:

— Да, ты прав. Пока не прилетит корабль, мы в ловушке. Остается только сидеть и наблюдать. И грызть ногти...

Уилкин поднял голову и раздраженно сказал:

— Тогда грызи их в другом месте. Меня все это не касается. Может быть, тебе спать не нужно, а мне сон необходим.

— Земля умирает,— проигнорировал Джо слова Уилкина.— Буровые вышки законсервированы, поля горят — и тебя это не касается. Технари! Яйцеголовые! Вас это не касается!

— Поспи и ты, Джо,— посоветовал Холланд.— Несколько вспышек в телескопе еще не означают конец света.

— Ладно.— Джо повернулся, чтобы уйти, но потом добавил со странной убежденностью: — Но пусть этот сонный болван послушает свой ящик до завтрака — и тогда узнаем, кто прав, а кто ошибается.

Ярбридж между тем уже храпел по-настоящему.

Лежа на спине, Джеймс Холланд смотрел на звезды, которые были хорошо видны сквозь прозрачный конический колпак базы. Голубая подмигивала ему, расположившись у края антенны. Через некоторое время он закрыл глаза, но сон не шел. В голове без конца повторялась одна и та же фраза: «Мы ничего не можем сделать, мы ничего не можем сделать».

Он решил, что все равно не заснуть, скатился с матраса, осторожно прошел между спящими к телескопу и долго смотрел на Землю.

А эфир был полон голосов, мелодичных и гортанных, упрямых и истерических. Не обращая внимания на крики людей на незнакомых языках, Ярбридж нашел анонимную англоязычную радиостанцию.

— Лица, относящиеся к первой из вышеперечисленных категорий, должны явиться на призывные пункты сегодня до в шести часов вечера, вторая категория — завтра, третья — послезавтра. Каждый зрячий гражданин, не имеющей справки об умственной неполноценности, будет арестован, если не явится на призывной пункт вовремя. Говорит Федеральная служба информации. Передача ведется на всех волнах...

— Ничего себе! — воскликнул Ярбридж.— Похоже, они работают на всей территории страны, от побережья до побережья!..

Он смолк, а далекий голос продолжал:

— Крупные соединения вооруженных сил Индии и Китая вчера в полдень пересекли границы своих государств, пытаясь завладеть рисовыми плантациями Бирмы, а также пшеничными полями центральной России, куда еще не добрался вирус. Слухи о том, что Германия намерена аннексировать украинское Черноземье, в Берлине всячески опровергают. Итальянцы с негодованием отвергли обвинения французов в том, что якобы войска Италии собираются оккупировать незараженные территории на юго-востоке Франции. Учитывая серьезность ситуа-

ции, президент объявил о введении чрезвычайного положения и взял на себя соответствующие полномочия. В полночь он выступил с речью, в которой подчеркнул, что пришло время...

Диктор замолчал. С минуту члены лунной экспедиции ждали возобновления передачи, но приемник молчал. Исчез даже шум помех.

Ярбридж повернулся к остальным и заявил:

— Война без объявления.

— Я мог это сказать несколько часов назад,— заметил Джо.

— А я мог бы поставить на такой исход пару недель назад,— перещеголял его Уилкин.

— Сколько прошло времени с того момента, как замечен вирус? — поинтересовался бурильщик.

Полистав свой журнал, Ярбридж ответил:

— Сорок семь дней.

— А сколько осталось до прибытия корабля?

— Тридцать два.

— Как думаете, он прилетит?

Этот вопрос потряс всех.

Ярбридж нервно провел рукой по растрепанным волосам.

— Почему нет?

— Корабль — это вам не мыслящая машина из фантастических рассказов,— объяснил бурильщик.— Кто-то должен отдать приказ, а кто-то его должен исполнить.

— Ну и что мешает?

— А если власти слишком заняты и им не до нас?

— Это исключено...

— Или корабль уничтожен?

— На Земле два корабля для снабжения лунной экспедиции,— напомнил Ярбридж.

— Ну и что? Идет война. Корабли стоят бок о бок — если взорвать один, то и второму конец.

— Ну, их не так просто взорвать,— возразил Холланд.— Стартовая площадка очень хорошо охраняется.

— Ну да — после полувека мирной жизни? Даже в те времена, когда велись войны, защита была недостаточной.

— Почему бы нам не запросить космопорт, чтобы подтвердили время прибытия? — вмешался Джо.

Ярбридж, который мрачно смотрел на приемник, ничего не ответил.

— Да что на тебя нашло? — У Джо на лице появилось подозрительное выражение.— Твоя работа — поддерживать связь с Землей. Как насчет того, чтобы связаться с космопортом?

— Я могу попытаться,— ответил Ярбридж.

— Попытаться? Что ты хочешь сказать? — Джо оглядел остальных, а потом добавил: — Когда ты в последний раз выходил на связь с космопортом?

— Девять дней назад.

— И больше не пробовал?

— Много раз. Никакого ответа.

— Никакого ответа,— эхом отозвался Джо.

Он сглотнул, опустил голову, но так и не нашел, что сказать. Уилкин не сводил с него цепкого взгляда.

— И ты ничего нам не сказал,— вмешался в разговор другой бурильщик. Он не скрывал раздражения.— Эти заносчивые механики знали, что мы отрезаны от Земли, но помалкивали. Мы слишком темные — все равно ничего не поймем. Бурильщики, что с нас взять?

— Не стоит разделять экспедицию по профессиональному признаку только из-за того, что вас четверо и вы бурильщики,— вмешался Холланд.— Мы все оказались в трудной ситуации. Люди в порту наверняка заняты более серьезными проблемами. Мы не раз по целой неделе не выходили с ними на связь.

— Но они всегда были на месте, когда мы вызывали Землю,— возразил бурильщик.

— Радиоаппаратура может давать сбои,— не слишком уверенно сказал Ярбридж.— Возможно, у них возникли какие-то неполадки.

— Я всегда считал, что у таких умных парней не бывает неполадок.

— Я тоже об этом мечтаю! — искренне произнес Холланд.

Он потер веснушчатый подбородок и посмотрел на атомный мотор.

Остальные проследили за его взглядом и замолчали. Они прекрасно понимали, что он имеет в виду. Реактор и генератор обеспечивали их светом, не говоря уже об энергии для бурильной установки, рации и плите, без которых не обойтись. А также не обойтись без обогревателей, расположенных по периметру базы. Не будет тепла — экспедиция не переживет холодных лунных ночей. Ну, и кислород, который добывается при помощи электролиза из льда, залегающего на глубине восемьдесят футов, жизненно необходим. Встревоженный бурильщик спросил:

— Сколько у нас топлива?

— Ты имеешь в виду окись тория?

— Да?

— Хватит на пару лет.

— Значит, нужно только поддерживать в рабочем состоянии реактор, и у нас все будет в порядке?

— Да,— спокойно ответил Холланд.

Бурильщик оглядел его с головы до ног, словно пытался понять, не шутит ли он. Потом пожал плечами и отправился к бурильной установке.

Ярбридж взял микрофон.

— Ярбридж вызывает Носитель-Один. Носитель-Один! Как слышишь? Прием!

Он понапрасну тратил силы.

В последующие дни члены экспедиции косились на рацию с нескрываемым скептицизмом, хотя им ужасно хотелось ее послушать. Тысяча друзей Ярбриджа сократилась до дюжины, остальных призвали на воинскую службу.

Но и эти немногие мало что рассказывали — и вовсе не потому, что им было нечем поделиться. Они боялись. Использование вертикальных антенн было запрещено, все переговоры записывались. Сеансы радиосвязи получались очень короткими — собеседники Ярбриджа не хотели выдать какую-нибудь важную информацию врагу.

Однажды Ярбридж сказал Холланду:

— Все очень плохо. Даже если удается войти в контакт с Джорджем из Мемфиса или Жюлем из Тулузы, они даже не смогут ответить, идет ли у них дождь, поскольку враг за линией фронта воспользуется этой информацией.

— Если только у них *есть* линия фронта,— задумчиво проговорил Холланд.— Твои приятели ни разу не обмолвились о том, кто с кем воюет.

— Все со всеми,— предположил подошедший к ним Уилкин.— А чего еще можно было ждать?

— А когда они решаются что-то сказать, удается получить меньше половины сообщения,— продолжал Ярбридж.— Вот послушайте.

Он увеличил громкость и поймал едва слышный голос англичанина:

— ...Еще несколько беспилотных самолетов сбиты над Лондоном минувшей ночью. На остальной территории страны...

Выключив приемник, Ярбридж сказал:

— Вот вам пример. Он говорит, сколько сбито самолетов. Но не сказал, кем они посланы. Даже не упомянул о том, что произошло с бомбами, сброшенными с этих самолетов, и о причиненном ущербе.

— Конечно не сказал,— вклинился в разговор Уилкин.— Удивляюсь, что он вообще говорит. Но и это скоро закончится.

— Почему?

— Свет гаснет по всему миру. Неужели *ты* стал бы стараться ради застрявшей на Луне горстки людей?

— А кто сказал, что мы не имеем значения? — агрессивно осведомился подошедший Хэнк.

— Я сказал,— ответил Уилкин.— С каких это пор сидящих в партере интересуют те, кому достались только стоячие места на галерке?

— Долго это продолжаться не может,— решил Хэнк.— Оружие не то. Полвека назад были сверхзвуковые ракеты и приборы точного наведения. А в наши дни их попросту не осталось. Обычные пушечные снаряды.

— Откуда ты знаешь? — осведомился Уилкин.

— Да это всему миру известно.

— Неужели? — Уилкин криво улыбнулся.— Жаль, что мы не можем спросить у всего мира.

Хэнк нахмурился, шагнул к рации и хрипло сказал Ярбриджу:

— Важны мы для них или нет, но я хочу знать, что случилось с нашими женами и детьми. Почему в космопорту никто не...

Это была уловка — как только Хэнк оказался рядом с Уилкином, он ударил здоровенным кулаком в лицо. Уилкин отлетел в одну сторону, а очки в другую. Все произошло стремительно — Хэнк оказался верхом на своей жертве и обыскал ее карманы прежде, чем остальные успели вмешаться. Тяжело дыша, Хэнк выпрямился, держа в руке маленький пистолет.

— Никогда не любил ехидных умников с пистолетами.— Он вызывающе посмотрел на остальных, а Уилкин принялся осторожно ощупывать лицо. Хэнк повернулся к Ярбриджу.— Ладно, толстяк, давай, свяжись к космопортом.

— Как?

— Он меня спрашивает, как! — Хэнк сильно толкнул Ярбриджа в плечо.— Ты и сам знаешь как. Так что давай делай свое дело — и побыстрее!

Ярбридж молча повиновался, а потом сказал:

— Ну, вот, пожалуйста. Я могу их вызывать, пока язык изо рта не вывалится. А теперь посмотрим — может, у тебя лучше выйдет.

— А почем я знаю, что ты и правда вызываешь порт? — кивнул на рацию Хэнк.— Или вообще с кем-то пробуешь связаться?

— А почем я знаю, когда пора менять сверло? — спросил Ярбридж.

— Только не надо со мной шутить! — На лбу у Хэнка запульсировала жилка.— Если через месяц простоя у меня сломается бур, то я...

— Ты не сделаешь ничего, что нам не понравится,— вмешался Холланд.— И будет лучше, если ты отдашь мне пистолет.

— Ты что, спятил?

— Еще нет.

— Я тоже пока в своем уме,— заверил его Хэнк.— Так что можешь пойти погулять.

— Благодарю,— ответил Холланд.— Я так и сделаю.— Он засунул руки в карманы и удалился, насвистывая.

Через тридцать секунд буровая установка смолкла. Погас свет, если не считать тусклого сияния звезд, которое пробивалось сквозь прозрачный колпак. По трубам перестал подаваться кислород.

Хэнк, точно разъяренный бык, помчался к силовой установке.

— Запускай реактор! — заорал он, размахивая пистолетом.

— Извини, приятель, не могу.

— Я сказал, включай!

— Сам попробуй.

Хэнк осматривал реактор со всех сторон, пытаясь понять, как к нему подступиться. Пару раз он клал руку на рычаг, тумблер или кнопку, но так и не решился ничего предпринять. Хэнк явно побаивался столь сложной машины.

— Это твоя работа, а не моя.— Он вновь взмахнул пистолетом.— Так работай!

— Я объявляю забастовку,— заявил Холланд.— Мой профсоюз принял соответствующее решение.

— Если не будешь делать то, что я тебе скажу, Прыщавая Рожа,— башку прострелю!

— Ну-ну,— задумчиво проговорил Холланд,— сомневаюсь, что от этого заработает реактор.

К этому времени подошли остальные бурильщики, и один из них спросил:

— В чем дело? Зачем ты вырубил реактор?

— Пытается показать, кто здесь главный,— прорычал Хэнк.— А я не собираюсь терпеть мальчишеские выходки.

— Ну, сейчас мы его быстро вразумим,— поддержал приятеля Джо и принялся закатывать рукава.

— Это займет пару минут,— заметил Холланд.

— И что с того?

— На пару минут сократится оставшееся вам время.

Джо торопливо шагнул вперед:

— И что с того?

С важным видом посмотрев на генератор, который мог бездействовать еще миллион лет, Холланд посоветовал:

— Подождите и увидите.

— Отдай ему пистолет, Хэнк,— нервно попросил Джо.

— Ну давай, не тяни,— присоединились остальные бурильщики — они испугались не на шутку.

— А я думаю, что он врет,— упрямо заявил Хэнк.— Хочет обвести нас вокруг пальца. Он бы не стоял так спокойно, если бы что-то могло произойти.

— Ну-ну, давайте подождем.— Холланд нарочито посмотрел на часы.— Могу спорить, что ваши нервы не выдержат раньше, чем мои.— Он вынул из кармана платок и вытер лоб, не сводя глаз с циферблата.

Это возымело действие. Бурильщик, стоявший рядом с Хэнком, не выдержал и схватился за пистолет. Но Хэнк заупрямился и с проклятиями вцепился в него второй рукой. Оставшиеся двое бурильщиков, не обращая внимания на ругань приятеля, присоединились к схватке. Пистолет выстрелил, пуля ударила в землю возле ног Хэнка. Наконец тот выпустил оружие, и один из товарищей швырнул его Холланду, который изо всех сил изображал озабоченность.

— Включай реактор! Ради бога, не тяни!

Борьба прекратилась, и взгляды всей четверки с надеждой устремились на Холланда. Он проделал все необходимые манипуляции, добавив к ним дюжину лишних движений. Бурильщики не успевали следить за его действиями. Генератор загудел. Через мгновение загорелся свет. Возобновилась циркуляция воздуха.

— Ах ты здоровенный, но безмозглый наркоман! — рявкнул один из бурильщиков, обращаясь к Хэнку.— Почему не оставишь их в покое? Неужели нам без тебя не хватает проблем?

Трое мастеров вернулись к бурильной установке. Некоторое время Хэнк молча смотрел на свои сжимающиеся и разжимающиеся кулаки, потом бросил на Холланда подозрительный взгляд и последовал за коллегами.

Холланд подошел к своему спальному месту, взял шлем и проверил давление в кислородном баллоне. Затем надел шлем и пустил кислород в скафандр. Уилкин возился с разбитой губой, а Ярбридж молча наблюдал за ним. Холланд выбрался через шлюз наружу, отошел подальше от базы, оставляя за собой след в лунной пыли, потом остановился, поднял пистолет и быстро расстрелял все патроны. И закинул оружие подальше.

Вернувшись, он снял шлем, аккуратно положил его на место и лег на матрас. Его взгляд обратился к прозрачному колпаку, за которым сияли звезды. Уилкин продолжал молчать.

Через некоторое время Ярбридж сказал:

— Уж не знаю, хватило бы у меня смелости провернуть такую штуку.

— Я уже дважды проделывал что-то похожее,— отозвался Холланд.— Несколько лет назад понял, что бывают обстоятельства, когда необходимо позаботиться о самозащите. И одна вещь оказывается исключительно полезной.

— Какая?

— Невежество твоего врага.

— А если враг не такой уж невежда?

— Тогда, считай, тебе не повезло.— Холланд улыбнулся и добавил: — Но нельзя же знать всего на свете. Вот ты, Ярбридж, легко бы обманул меня, если бы речь пошла о радиопередатчике.

— Пожалуй,— согласился Ярбридж, которому и в голову не приходила такая мысль.

И он тут же стал придумывать подходящий трюк.

Недели складывались в месяцы, ситуация ухудшалась, и парочка заготовок могла оказаться не лишней. Бывают ситуации, когда знание техники и быстрый ум спасают жизнь.

Корабль не прилетел ни в назначенный день, ни через две недели. Членам экспедиции потребовалось еще две недели, чтобы прийти к общему мнению: корабля не будет.

Эту жуткую догадку подтверждала Земля. При помощи телескопа удалось заметить, что на поверхности Земли появились обширные жуткие пятна неизвестного происхождения. И оставалось лишь домысливать то, что не могли увидеть глаза.

Ночь за ночью, день за днем на Земле наблюдались вспышки, а потом и они прекратились.

Ярбриджу удавалось ловить голоса лишь семи станций во всем диапазоне длинных, средних, коротких и ультракоротких волн. Это были невнятные шифрованные передачи. Через неделю их осталось четыре. Прошло еще десять дней — и в эфир вышла лишь одна станция. А потом и ее передачи прекратились. Земля продолжала перемещаться по своей орбите, и теперь на темной стороне не было заметно ни постоянных огней, ни мгновенных вспышек.

Члены экспедиции решили проверить запасы продовольствия. На базу был доставлен полный рацион для семи человек на двадцать месяцев — почти треть этого срока уже прошла. Если уменьшить потребление до минимума, запасов хватит на шестнадцать месяцев.

Теперь каждый держал свое мнение при себе. Все знали: если один умрет, остальным будет лучше; тогда они смогут продер-

жаться восемнадцать или девятнадцать месяцев. А три смерти позволят четверым прожить до тех пор, пока не остановится реактор — и даже больше, если получится.

Ситуация ужасно действовала на психику. Невыносимо сознавать, что ты теперь не ценнейший специалист, а просто рот, уничтожающий продовольствие.

И вот бурильщики решили остановить работу, чтобы сократить потребление энергии и сохранить драгоценные запасы топлива. Холланд не сказал им, что скорость распада радиоактивного вещества не зависит от его количества. Процесс нельзя замедлить или ускорить. Отказ от работы ничего не менял.

Однажды, когда они остались наедине, Джо сказал Холланду:

— Я тут пораскинул мозгами...

— Полезное занятие,— одобрительно кивнул Холланд.

— ...а что, если реактор сломается?

— Тогда мне придется его починить.

— То-то и оно...— Джо посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не слышит.— Положение хуже некуда. Если с тобой что-нибудь случится, нам конец.

— Да, и это мне очень нравится,— усмехнулся Холланд.

— А мне — нет,— сердито заявил Джо.— Если ты вдруг заболеешь, мы погибнем.

— Совершенно верно. Поэтому я постараюсь не болеть.— Он проницательно посмотрел на Джо.— Думаю, стоит приберечь немного виски на крайний случай. Если учесть, с какой быстротой оно испаряется из закрытых бутылок, очень скоро ничего не останется.

— Это не я виски ворую,— заявил Джо.

— Конечно не ты,— подтвердил Холланд.

Джо, насупившись, продолжал:

— Вот что я хочу сказать: ты должен научить кого-нибудь обращаться с твоей машиной. Одного оператора недостаточно.

— Тебя, что ли, научить?

— Почему бы и нет? Я вполне обучаем.

— Не сомневаюсь,— хмыкнул Холланд.

— Ну так покажи кому-нибудь, как она работает.

— Я могу об этом пожалеть — если можно о чем-то пожалеть, умерев спящим.

— Что ты имеешь в виду?

— Если ты действительно раскидывал мозгами, то должен прекрасно понимать, что я имею в виду.

— Ну, ты умник! — Джо пришел в ярость.

— Станешь тут умником,— парировал Холланд.— Пока чинить реактор способен только я, это лучшая страховка от несчастного случая.

Кипя негодованием, Джо удалился, и к Холланду подошел Ярбридж.

— Что ты ему сказал? На нем просто лица нет.

— Он претендовал на должность помощника оператора атомной электростанции. Я отклонил его предложение.

— Ты ему сказал, что уже учишь меня?

— Нет.— Холланд немного подумал и объяснил: — Мы трое с самого начала имели высокую квалификацию, а четверка бурильщиков — птицы совсем другого полета. Все они знают, что в каждый момент времени делает другой и зачем. И они понимают друг друга так, как не могут понимать нас. У нас другое восприятие мира, другие задачи, недоступные их разуму. Люди не любят тех, чье поведение для них загадка.

— Если наша команда расколется, это случится по их инициативе,— заметил Ярбридж.

— Да, но вряд ли можно будет их за это осуждать. В некотором смысле раскол такое же естественное явление, как восход солнца. Но приближать его не стоит. Потому-то я и не сказал Джо, что взял тебя в ученики.

Ярбридж кивнул на ящики с продовольствием:

— Боюсь, раскол обязательно произойдет, когда большая часть наших запасов будет съедена. Рано или поздно здесь случится то же, что и на Земле.

— Пока есть жизнь, надежда остается,— ответил Холланд.

— На что? На чудо?

— На корабль.

— Это и будет чудом,— мрачно проговорил Ярбридж.

Он ошибался. Наступит время, когда на Луну прилетит корабль — и без всякой помощи сверхъестественных сил.

Прошло десять месяцев с тех пор, как по радио прозвучало сообщение о вирусе — члены экспедиции уже почти забыли о его появлении на Земле. Дальнейшие события оказались куда более драматичными для них. Запас продовольствия уменьшился почти вдвое. Бур остановился, пройдя чуть меньше двух тысяч футов; все механизмы покрылись толстым слоем пыли. Однако атомный реактор исправно работал, свет горел, а многочисленные обогреватели защищали обитателей базы от ужасного холода — минус 150 по Цельсию. Лунный лед продолжал делиться кислородом, и люди получали свежий воздух. Рация оставалась в рабочем состоянии, но ее не включали уже несколько недель.

Четыре спальных места находились на одной стороне базы, три — на противоположной. Размежевание было вполне символическим — никто из членов экспедиции не хотел стать причиной кризиса, поскольку все понимали, как трудно будет его остановить. Тем не менее все знали, что может наступить время, когда кто-то будет умирать от голода, а другой — равнодушно наблюдать за его мучениями.

Они слонялись без дела, четверо с одной стороны, трое с другой, и каждый пытался придумать, что бы такое сделать. Ощущая свой возраст, физическую слабость и тяжесть положения, Уилкин отчаянно сожалел об утраченном пистолете. Хэнк скучал по жене и детям, но отказывался говорить о своих чувствах. А Ярбриджу ужасно не хватало голосов в эфире. Перед мысленным взором Холланда стояла двухгаллоновая банка с холодным — да пусть бы и теплым — ананасовым соком.

И вдруг прилетел корабль.

Он с ревом пронесся у них над головами, а потом вернулся. Рев стих. Колпак слегка задрожал, когда огромная масса опустилась на лунную поверхность рядом с базой.

Хэнк стоял неподвижно, по лбу сбегали капельки пота. У него был вид безумца. Остальные вскочили на ноги, пытаясь найти визуальное подтверждение того, о чем сообщил им слух.

— Корабль! — с недоумением сказал Ярбридж.— Так реветь может только корабль!

— В прошлый раз звук был совсем не таким,— заметил Уилкин, не желавший делать преждевременных выводов. Он принялся ощупывать карманы, словно что-то искал, не думая о том.— Возможно, это другой корабль.

— Мне тоже так показалось,— подтвердил его подозрения Джо.— Этот побольше и побыстрее.

— Выйду, посмотрю,— сказал Холланд.

Но прежде чем он успел пристегнуть шлем, со стороны шлюза донесся стук. Холланд бросил шлем на матрас и подошел к шлюзу, шесть пар глаз следили за каждым его движением.

Трое вошедших не были людьми.

Серая форма, сизая кожа без единого волоска — инопланетяне вошли словно соседи, которым понадобилось одолжить косилку. У них было по две руки и по две ноги, состоящих, как показалось землянам, из сухожилий и хрящей, а не из мышц и костей, да и суставов заметно не было. На руке — шесть пальцев, тоже без суставов.

Если забыть об этих деталях, пришельцы походили на людей. Рты выглядели почти естественно, а уши формой и вовсе не отли-

чались от человеческих, разве что были чуть побольше. Все трое были на несколько дюймов выше Холланда, самого высокого из землян. Все трое были совершенно лысыми и не носили головных уборов.

Первым заговорил Уилкин. Он смотрел поверх очков, словно сомневался, не являются ли пришельцы оптической иллюзией.

— Кто вы? — спросил он.

— Не имеет значения,— отозвался тот, кто стоял впереди своих соплеменников.— Не так ли?

— А где вы научились говорить по-английски? — вмешался Холланд, ожидавший, что придется объясняться при помощи жестов.

Он ущипнул себя за руку, чтобы убедиться в том, что происходящее — не кошмар.

— На вашей планете, естественно. Где еще мы могли выучить английский?

— Вы можете вернуть нас домой? — поинтересовался Хэнк, отбросивший все сомнения ради достижения одной цели.

— Именно для этого мы сюда и прилетели.— Инопланетянин огляделся по сторонам без малейшего любопытства, но отмечая все детали.— Мы намерены стартовать без промедления. Вы сделаете все, что необходимо перед отлетом, и как можно быстрее.

Это прозвучало не как требование или приказ. Это была констатация факта, без малейших признаков вежливости или нажима. Создавалось впечатление, что инопланетянин не привык спрашивать или уговаривать, он просто изъявляет свою волю и ждет повиновения. Нечеловеческий разум, начисто лишенный эмоций, интересующийся лишь холодными фактами.

Сборы прошли быстро. Людям хотелось задать множество вопросов, которые, впрочем, радость нежданного спасения отодвинула на задний план. Им и в голову не пришло отнестись к пришельцам как к врагам или проявить враждебность. Да и что они знали о пришельцах? Марсиане — или кто они там — появились очень своевременно.

Каждый взял свои личные вещи и надел шлем. Люди последовали за тройкой пришельцев. Последним вышел Холланд, выключивший реактор. Они прошли через шлюз корабля, втрое большего, чем тот, который доставил их на Луну. Их отвели в большую каюту и оставили одних. Корабль тут же стартовал и направился к Земле.

Люди мало разговаривали в пути. Шок от контакта с инопланетянами и думы о том, что предстоит увидеть на Земле, заста-

вили всех хранить молчание до самой посадки. Полет занял четырнадцать часов, почти в два раза меньше, чем путь на Луну почти год назад.

И вот в каюту вошел инопланетянин — все они казались людям одинаковыми — и сказал:

— Мы приземлились, можете покинуть корабль. Следуйте за мной.— Он вывел их на длинный трап и жестом дал понять, что они должны идти вперед.— В лагере вы найдете все необходимое. Когда понадобитесь, мы вызовем вас.

Люди сошли по трапу на голую бурую землю и остановились, чтобы осмотреться. Впереди виднелись многочисленные бараки, какие бывают в армейских лагерях. Слева — окраина средней величины города. За кораблем вдалеке высились горы, справа текла речка.

— Куда мы прилетели? — Ярбридж заметил, что инопланетянин остался с ними.— Кто-нибудь узнает это место?

— Можно спросить.— Закинув рюкзак за плечи, Холланд зашагал вперед.— Языки ведь у нас не отсохли.

Хэнк оказался рядом с ним, прошлые разногласия были забыты.

— Что этот парень имел в виду, когда сказал, что нас позовут? Неужели думает, что мы будем стоять тут на четвереньках и ждать хозяйского свистка?

Холланд пожал плечами и ничего не ответил.

— Если так, то он будет очень сильно разочарован,— продолжал Хэнк.— Я очень благодарен за спасение, вовсе не собираюсь ждать торжественной церемонии, чтобы сказать спасибо. Домой пойду, и сейчас же! Какой смысл торчать в лагере?

— Для того чтобы узнать, в какую сторону идти, нужно сначала выяснить, где ты находишься.

— А если ты находишься в тысяче миль от своих родных мест? — добавил Ярбридж.— Глупо надеяться, что мы приземлились на заднем дворе твоего дома — инопланетяне могли выбрать любое место на земном шаре.

— Да пусть мой дом хоть в полумиллионе миль! Я туда доберусь, даже если придется ползти. У меня жена и дети.

— А у меня дочь,— тихо сказал Уилкин.— И я сомневаюсь, что когда-нибудь ее увижу.

— Заткнись, страдалец! — прорычал Хэнк.

Они вошли в первый же барак. Там оказалось сорок китайцев, мужчин и женщин, которые посмотрели на них совершенно равнодушно. Тогда они пошли в следующий барак, где увидели людей самых разных рас, в том числе и негра с костью в носу.

— Кто-нибудь говорит по-английски? — спросил Холланд.

Из глубины барака вышел старик. У него были длинная спутанная борода и горящие, но слезящиеся глаза.

— Я говорю, сын мой.

— Что здесь происходит?

— Что происходит? — В тот же миг лицо старика прояснилось.— О сын мой, ты созрел для просветления?

— Да,— кивнул Холланд.— Вроде того.

— Тебе повезло,— сообщил ему старик, схватив за рукав.— Ты пришел в нужное место и обратился к нужному человеку. Я имел счастье спасти мир. Я спас его, стоя на коленях,— я, грешник, плакавший у врат рая. Я молился, когда город рушился, кричали дети и умирали люди, не познавшие раскаяния.— Он еще крепче вцепился в руку Холланда, а глаза зажглись безумным огнем.— Мой голос был услышан, и с неба пришла помощь. Внемли, сын мой, если ты не чужд добродетели...

— Извини, отец, в другой раз.— Холланд ловко высвободился из цепких рук.

Старик продолжал что-то бубнить себе в бороду, а они пошли к третьему бараку. У двери стоял крупный мускулистый мужчина, который ждал, пока они приблизятся.

— Еще одна экспедиция? — сипло проговорил он.— И где вас нашли?

— На Луне,— ответил Холланд.

— Неужели? — Здоровяк пристально оглядел членов лунной экспедиции, а потом добавил: — Некоторые не понимают своего счастья. И почему вы там не остались?

— А ты бы остался?

— Ха! Это уж точно! — Здоровяк сплюнул.— Если бы только не нашел способ сбросить Луну на толпу проклятых инопланетян, которые едва не покончили с человечеством.

Хэнк подошел к нему вплотную:

— А мне не кажется, что с человечеством покончено.

— Верно,— согласился мужчина, оценивающе оглядев Хэнка.— Всех, кто остался, собрали в этом лагере. Нас шестьдесят тысяч. Больше никого, если не считать небольших групп вроде вашей, которых время от времени сюда доставляют.

— Больше никого? — Хэнк не мог поверить своим ушам.— Ты хочешь сказать?..

— Мир пуст, если не считать нас.— Мужчина обвел рукой лагерь.— Это и есть человечество.

— Ты уверен? — спросил Ярбридж.

— Еще бы! Я здесь уже почти месяц.— Здоровяк еще раз оценивающе посмотрел на них и предложил: — Зовите меня Пас-

тором. Я австралиец, хотя теперь это уже ничего не значит. Расположиться лучше в этом бараке, мы можем принять десять человек. Лучше это будете вы, чем какие-нибудь безмозглые дикари — даяки или готтентоты.

Члены лунной экспедиции вошли вслед за Пастором в барак. Вдоль стен стояли пружинные кровати с тумбочками и пирамиды для винтовок. Над дверью висела какая-то табличка с надписью на английском. Около тридцати человек, в основном белые, равнодушно смотрели на вновь прибывших. У одного из них было плоское лицо и стрижка эскимоса.

Бросив рюкзак на свободную кровать, Холланд поинтересовался:

— А где мы находимся?

— Это Кэйстоун, предместье Альберты, бывший поселок нефтяников. Ближайший город назывался Лесбридж.

— *Назывался?*

— Половину сровняли с землей, а другая — пуста.

Холланд уселся на койку, посмотрел на стену и рассеянно отметил, что окна не мешало бы помыть. Через некоторое время он спросил:

— А откуда ты знаешь, что за этим стоят инопланетяне?

— Они сами сказали.

— Открыто хвастались?

— Не то чтобы хвастались,— неохотно признал Пастор. Казалось, ему хочется сплюнуть, как он только что сделал снаружи.— Их не мучает совесть, и они не торжествуют. Они говорят об уничтожении человечества как о свершившемся факте. Так мы говорим, что два плюс два будет четыре.

— Интересно...— пробормотал Холланд.

— Что именно?

— Зачем они здесь? Просто ради развлечения? Или решили воспользоваться выгодной для них ситуацией? Возможно, собирают остатки человечества здесь, для того чтобы их спасти?

— Ты думаешь, они на такое способны? — хмуро спросил Пастор.

— Все может быть.

— Ну, здесь лучше не рассуждать на подобные темы вслух.

— Это еще почему?

— Для вас на Луне все прошло сравнительно легко, хотя вы сами этого не понимаете. Вам не пришлось пережить то, что пережили мы. Собранные здесь люди очень сильно нервничают. Им не нравятся инопланетяне, и они не намерены вести себя по-дружески с тем, кто чужакам симпатизирует.— Пастор чуть

наклонился вперед.— Здесь царит ненависть. Старая и лютая. Если принюхаться, можно уловить ее запах. Если присмотреться, можно ее увидеть.

— Тогда почему вы ничего не делаете? Вас шестьдесят тысяч против одного корабля! Да вы можете просто смести инопланетян!

— Люди перегорели, они теперь могут только ненавидеть,— ответил Пастор.— К тому же у инопланетян есть оружие, а у нас — нет. Пришельцы однажды победили нас — и если понадобится, сделают это снова.

— Ты о чем?

— Они сбросили вирус, который пожирает все зеленое со скоростью быстро идущего человека. Он уничтожил траву и растения, а все остальное погибло само. Только лежащие в земле зерна вирус не тронул. И теперь все возвращается, снова растет трава. Для победы уродам на резиновых ногах нужно всего-то навсего сбросить еще одну порцию яда. Новый урожай будет уничтожен, останутся лишь те зерна, которые не успели взойти. И тогда нам конец!

Один из обитателей барака добавил:

— К тому же какой смысл штурмовать корабль, если мы не в силах уничтожить их всех? У них целая флотилия небольших кораблей, которые облетают весь мир.

— И там, откуда они прилетели, полно других инопланетян,— заметил его сосед.

— Вы знаете, откуда они прилетели? — спросил Холланд у Пастора.

— Издалека. С какой-то звезды, у которой нет даже номера, не говоря уже об имени. Во всяком случае, так они говорят.

— Хм-м-м! — Холланд ненадолго задумался, а потом сказал: — Значит, они оказались очень далеко от дома. Я бы хотел побольше о них узнать.

— Ты еще многое о них узнаешь, пока тебе не придет конец,— обещал ему Пастор.— А я бы хотел их увидеть в седьмом круге ада!

Их вызвали на следующее утро. Появился инопланетянин, вооруженный лишь полнейшим равнодушием к злобным взглядам обитателей лагеря. Он переходил от барака к бараку до тех пор, пока не нашел семерку вернувшихся с Луны.

— Идите со мной.

— Да что он о себе возомнил...— ощетинился Хэнк.

Он не закончил фразы, потому что Холланд ткнул его локтем в бок:

— Давай не будем пока поднимать шума.

Инопланетянин стоял и смотрел на них голубыми, почти человеческими глазами. По его неподвижному лицу нельзя было понять, слышал ли он слова, которыми обменялись люди.

Первым зашагал Холланд, чуть приотстав — Ярбридж. Остальные после недолгих колебаний последовали за ними. Молча подошли к кораблю, поднялись на борт и оказались в каюте, где их поджидало еще четверо инопланетян.

Без всяких предисловий самый большой из пришельцев указал на Джо и спросил:

— Твоя профессия?

— Инженер-бурильщик,— ответил Джо,— эти трое тоже.— И он указал на своих приятелей.

— А что вы бурите?

Джо объяснил.

— Значит, вы все делаете одно и то же.— Инопланетянин обдумал слова Джо и повернулся к охраннику, который привел землян.— Эти люди должны заинтересовать Клаэта, ведь он геолог. Отведи их к нему.

Потом пришла очередь Ярбриджа. После того как он рассказал, что работал радистом, его отправили к инопланетянину по имени Игэт. Затем стали задавать вопросы Уилкину.

— Ага! — оживился инопланетянин.— Металлург. Это замечательно. Мордан надеялся, что среди вас окажется человек с такой профессией.

Уилкин мрачно последовал за охранником, его тусклые глаза угрюмо смотрели сквозь стекла очков. В каюте остался только Холланд.

— А ты?

— Оператор атомных реакторов.

— Нам непонятно, что это значит. Чем ты занимаешься?

— Обслуживанием атомных реакторов.

— А что такое атомный реактор?

Холланд почувствовал, как волосы на голове зашевелились, но заставил себя сохранить спокойствие.

— Это источник энергии контролируемого распада нестабильных элементов или химических веществ, содержащих нестабильные элементы.

— Ты имеешь в виду металлы?

— Некоторые редкие металлы и их окислы.

— Оставайся здесь,— заявил инопланетянин.— Я сам тобой займусь.— Он перешел на шипящий язык, обратившись к одному из своих спутников.

Тот ушел, но вскоре вернулся с кипой бумаг.

— Вот документы, которые ты просил, Дрхэн.

Дрхэн быстро их просмотрел, указал на цилиндрическую табуретку и сообщил Холланду:

— Ты будешь сидеть здесь.

Холланд устроился на табуретке, а Дрхэн некоторое время рассматривал его, явно пытаясь оценить интеллект землянина. Наконец сделал вывод:

— Это удача, что мы сняли тебя и твоих друзей с мертвого спутника. Вы все техники, а техники нам очень нужны.

— Зачем?

— Мы приобрели мир, полный непонятных вещей.

— В самом деле? — Холланд со значением посмотрел на сложную настенную приборную панель.— Вы намного опередили нас.

— Ты так считаешь?

— Ну, складывается именно такое впечатление.

— Я понимаю,— согласился Дрхэн.— Но видимость часто бывает обманчивой. Мы отстаем во многих областях науки. Этот корабль мы не смогли бы создать даже за несколько столетий. Его построили для нас другие. Своим стремительным прогрессом мы во многом обязаны иным народам.— Он не стал вдаваться в подробности, но ответил на главный невысказанный вопрос Холланда.— Они помогают строить корабли и управлять ими. А мы разрешаем им питаться.

— Вы разрешаете им?! — вскинул голову Холланд, чувствуя, как сжалось в груди сердце.

— Да.— Сизая физиономия ничего не выражала.— И хотя в некоторых аспектах мы отстали, в других продвинулись очень далеко. Как и все прочие расы, мы создали оружие, основанное на достижениях в тех областях знания, в которых мы преуспели. И оно чрезвычайно эффективно, как ты сам видел. Мы не убиваем людей. Нам достаточно уничтожить источник продовольствия, предоставив людям самоистребиться в борьбе за жалкие остатки. Мы заставляем противников воевать против самих себя.

— И это, конечно, избавляет вас от многих хлопот,— криво улыбнулся Холланд.

Если Дрхэн и заметил в словах землянина сарказм, то виду не подал, ответив таким тоном, словно констатировал очевидный факт:

— Отнимая пищу, отнимаешь жизнь. И этого вполне достаточно.

— Но зачем вы отняли пищу у нас? Что мы вам плохого сделали?

Вопрос не сочетался с логикой Дрхэна, поэтому ему пришлось довольно долго размышлять.

— Вы нам ничего не сделали. Зачем вы должны были что-то нам сделать? Да и как бы смогли? Нам понадобился ваш мир. Добром бы вы не отдали его, поэтому мы без предупреждения нанесли эффективный удар, ведь именно так легче всего добиться успеха. Неужели ты не видишь смысла в наших действиях?

— Вижу,— мрачно признал Холланд.

— В далеком прошлом,— продолжал Дрхэн,— мы отчаянно нуждались в новой планете, похожей на нашу, но ничего не могли сделать, пока не создали космические корабли, очень примитивные по сравнению с этим. Потом мы четыреста лет искали подходящую планету. Нашли и захватили. Прошло время, и нам потребовался новый мир. Миновал вдвое больший срок, прежде чем мы достигли успеха. Теперь нам необходима третья планета. Во Вселенной крайне мало пригодных для нас миров. Понадобилось почти две тысячи лет, чтобы обнаружить вашу планету.

— Две тысячи? Неужели вы живете так долго?

— Конечно нет. Просто в течение двух тысячелетий мы посылали одну экспедицию за другой, за это время сменилось множество поколений.

— А ваш народ знает, что вам удалось найти подходящую планету?

— Пока не знает. Кто-то из нас должен вернуться, чтобы принести соотечественникам радостную новость. У нас нет техники, способной посылать вести на такие огромные расстояния. Корабль должен прилететь назад, чтобы родина узнала о том, где находится ваш мир.— Умные глаза внимательно смотрели на Холланда, и в первый раз по губам инопланетянина скользнула улыбка.— С точки зрения вашего вида это самая важная информация — не сомневаюсь, ты думаешь именно так. И полагаешь, что если вам удастся не допустить возвращения корабля, то еще две тысячи лет мы не будем доставлять вам хлопот, не так ли?

— Была такая мысль,— не стал спорить Холланд.

— Вот почему я хочу, чтобы ты убедил самых беспокойных,— сказал Дрхэн.— Вас осталось слишком мало. И будет жаль, если не останется совсем.

— А кстати, почему вы не уничтожили всех? Вам ничего не стоит убить оставшихся людей.

— И потерять столь ценные для нас знания? — Дрхэн указал на кипы бумаг, лежащих на столе.— Мы провели тщатель-

ные исследования. И что обнаружили? Этот мир полон удивительных машин. Принцип действия некоторых из них понятен, о других мы имеем лишь смутное представление, а третьи и вовсе загадка для нас. Но они принадлежат нам по праву завоевателя. Это ценная добыча. Мы хотим разобраться с ней, научиться ею пользоваться. А как это сделать, не потратив лишнего времени? Только с помощью вас, пленников. Те, кто понимает, как работают эти машины, научат нас.

— А иначе?

— А иначе быть не может,— заверил его Дрхэн с полной уверенностью.— У нас большой опыт. У разумного существа воля к сопротивлению исчезает по мере того, как оно теряет силы от голода. Уж мы-то знаем. Видели не раз и не два.

— И вас не трогают чужие страдания?

Вновь Дрхэн надолго умолк, пытаясь понять вопрос, но так и не сумел найти подходящего ответа. С некоторой обидой он сказал:

— Я не понимаю. Все же очень просто: мы или вы. Слабый подчиняется сильному. Это же так естественно, а значит, правильно!

— А глупый подчиняется умному? — спросил Холланд.

— Это одно и то же.— Дрхэн быстро полистал лежащие перед ним на столе бумаги, его пальцы легко гнулись во все стороны.— У меня есть несколько докладов об огромных машинах, при которых не обнаружены источники топлива. Вероятно, это атомные устройства, о которых ты говорил?

— Очень может быть.

— Тогда твоя задача — рассказать, как они действуют.

Холланд послушно пустился в объяснения.

Пастор уселся на кровать, и пружины громко заскрипели.

— Они хотят воспользоваться твоими знаниями? — поинтересовался Пастор.

— Именно так,— ответил Ярбридж.— Инопланетяне кое-что знают о радио, но не дошли даже до модуляции частоты, не говоря уже о стереоскопическом телевидении и тому подобных вещах. Они еще в самом начале пути.

— И много ты им открыл?

— Немало. Но я не могу за один день рассказать все, что узнал за три года.

— Не рассказывай ничего,— приказал Пастор, стараясь говорить властно.— Выдавай бесполезную чепуху. Именно так делал я. Я отсиживался на северных территориях, имея тонну

продовольствия в запасе, но меня обнаружил и подобрал один из их катеров. Тогда я даже не представлял себе, что происходит в других местах. В русле реки мне удалось найти иридий. Думаешь, я сообщил им об этом? Черта с два! Я их обманул. И ты поступай так же, если не хочешь, чтобы стало еще хуже!

— Это не так просто,— вмешался Джо.— Что я им скажу, если вдруг бур наткнется на залежи маленьких бронзовых Будд?

— А ты постарайся, чтобы этого не случилось. Бури там, где заведомо не может быть ничего полезного. Наводи тень на ясный день, городи всякую псевдонаучную чепуху. Заяви им, к примеру, что хочешь найти чистую воду с помощью лозы, и забуривайся до упора в каждом месте, где качнется ореховая хворостинка.

— По-твоему, они такие дураки? — осведомился Холланд.

— А по-твоему, нет?

— Я в этом не сомневаюсь.

— Ну, ясное дело! — даже не скрывая отвращения, сказал Пастор, которому Холланд с первого взгляда не понравился. Здоровяк огляделся — многие в бараке согласно кивали.— Могу спорить, что ты считаешь их намного умнее оставшихся в живых людей.

— Не считаю.

— Ага, теперь даешь обратный ход?

— Вовсе нет. Я лишь сказал, что не считаю их дураками.

— То есть дураки — это мы?

— Если взглянуть на нынешнее положение вещей, то такой вывод сам напрашивается,— ответил Холланд.— Но я с ним не согласен. Во всяком случае пока.

— Это ты здесь так говоришь,— выразительно покачал головой Пастор.— На корабле, небось, другие песенки поешь. Много ты им выболтал?

— А много можно выболтать за несколько часов?

— Кахсам! — багровея от злости, воскликнул Пастор.

Люди в бараке зароптали, поглядывая на Холланда. Все все до единого, кроме эскимоса, не понимавшего ни слова по-английски, сжимали кулаки.

— Что еще за Кахсам? — спросил Холланд.

— Я тебе расскажу.— Пастор встал и тяжелой походкой приблизился к кровати Холланда.— Так звали первого умника, которого они затащили к себе на борт. Профессор Кахсам, преподаватель иностранных языков из какого-то колледжа. Он две недели обучал инопланетян английскому и пришел в страшный восторг, поскольку они схватывали на лету. Этот ублюдок с

огромной радостью помогал тем, кто наполнил его колледж трупами.

— А он знал об этом в тот момент?

— Заткнись и слушай! Он две недели занимался любимым делом и считал себя очень умным. Когда обучение закончилось, его поселили в одной из самых удобных квартир в городе и выдали сертификат на получение пищи без очереди.

— Ну что ж, неплохо,— сказал Холланд, укладываясь на кровать.

Все смотрели на него, не скрывая возмущения.

— Как только у нас появился шанс, мы разорвали его на куски,— со злобным удовлетворением сообщил Пастор.— А новые дружки профессора до сих пор его не хватились.— Облизнув толстые губы, он зловеще добавил: — С тех пор мы называем его именем всякого, кто сознательно и добровольно сотрудничает с врагом. «Кахсам» означает «предатель рода человеческого». Всякого изменника ждет такая же судьба.

— Меня она не прельщает,— признал Холланд, почесывая подбородок и внутренне улыбаясь.

Раздраженный его беззаботностью, Пастор продолжал:

— Я пригласил сюда вашу экспедицию, чтобы к нам не подселили кого похуже. И я не хочу раскаиваться в этом поступке, что непременно случится, если вы забудете о своем долге по отношению ко всем остальным.— Он помолчал, а потом зловеще добавил: — И говорю я это вовсе не ради красного словца.

После чего он вернулся на свою кровать, улегся и уставился в потолок. Другие молча смотрели на него, изредка бросая мрачные взгляды в сторону Холланда. Эскимос неподвижно глядел в пустоту, Уилкин задумчиво моргал, а четверо бурильщиков достали засаленную колоду карт.

Через некоторое время Холланд тяжело вздохнул и вышел из барака, чтобы подышать свежим воздухом и посмотреть на звезды. Через минуту к нему присоединился Ярбридж.

— Этот Пастор — прирожденный вожак.— прошептал радист.

— Я знаю.

— Он вполне свойский парень, пока ты не оскорбишь его чувства.

— Верно, брат, верно.

— Тогда зачем ты с ним ссоришься?

— Мне необходимы враги.

— Черт побери! — пробормотал Ярбридж.— У нас достаточно проблем и без новых врагов.

— Ну-ну, не стоит так расстраиваться,— посоветовал Холланд, похлопав его по спине.— Ведь это я Кахсам, а не ты.

— Не смешно,— заявил Ярбридж.— Эти ребята такие нервные, точно блохи на раскаленной плите,— и я не могу их винить. Они пережили страшную катастрофу, которая нас не коснулась, поскольку мы находились на Луне. Они сидят целыми днями в бараках. Заняться совершенно нечем, а сбежать нельзя — они просто умрут с голоду.

— Я никогда не жаловался на мозги,— напомнил Холланд.

— Тогда почему бы тебе ими не воспользоваться? Если и дальше будешь строить из себя предателя, то не успеешь добежать до корабля, когда толпа захочет тебя линчевать.

— Ты такой прозорливый,— вновь похлопал Холланд приятеля по спине.— Именно так и должно случиться, я об этом позабочусь.

Глядя на него в тусклом звездном свете, Ярбридж пробормотал:

— А я позабочусь о том, чтобы ты не попал в беду, хочешь ты этого или нет. В твое отсутствие скажу ребятам, что ты просто спятил.

Так Ярбридж и поступил, и на некоторое время это подействовало. Холланд каждый день уходил на корабль, а вечером возвращался в барак, где его встречали подозрительными взглядами. Его соседи с легкостью поверили Ярбриджу, поскольку не проходило дня, чтобы кто-нибудь из мужчин не сбегал в ближайший город или кто-нибудь из женщин не устраивал истерику. Нервы у всех были на пределе.

Десять дней Холланда считали потенциальным безумцем, а на одиннадцатый отношение к нему изменилось. В сумерках он вошел в барак, сел на край своей койки и сказал Ярбриджу:

— Завтра меня здесь не будет.

— Почему?

— Я полечу с ними на юг.

— Только ты? А остальные?

— Только я. Я полечу на катере. Они хотят получить образцы радиоактивного вещества и отвезти к себе на родину.

Вскочив с кровати, Пастор громко спросил:

— И ты им поможешь?

— Конечно. Радиоактивный материал находится глубоко под землей — станция занимает шесть квадратных миль. Они не знают, где копать. Как же им без меня?

— Так пусть сами ищут руду, их резиновым мозгам никогда не справиться с такой сложной задачей! Ты-то зачем набиваешься в помощники?

— Следует принимать реальность такой, какая она есть, а не такой, какой мы хотим ее видеть,— неожиданно вмешался Уилкин.— Я не знаю, как можно выжить, не помогая им.

— Ты не видишь очевидного,— прорычал Пастор.— Ты просто выжил из ума, старый пень.— Он стукнул себя большим кулаком по бедру.— Вот что я тебе скажу: этот сволочной вирус, как и мы, не может жить без пищи. Мне об этом сказал резиновый ублюдок, который его вывел. Двадцать часов без хлорофилла — и конец заразе. Ты понимаешь, что это значит?

Уилкин промолчал, упрямо глядя в потолок.

— Это значит, что наш мир уже почти месяц свободен от вируса. А кое-где и больше месяца. Если бы его не разносили птицы, он бы умер еще раньше. Неповрежденные семена начали всходить. К северу от города на деревьях пробивается зеленая листва. Я видел поля с ростками пшеницы. Да, конечно, на приличный урожай рассчитывать не приходится. Но когда захватчики улетят, мы проживем несколько месяцев на запасе консервов.

— Они знают, что проживем,— глухо сказал Уилкин.— Мне об этом Мордан говорил.

— А что еще говорил?

— Они оставят нас в покое на два с половиной года, но вернутся с огромными силами. К этому времени у нас будет гораздо больше еды, чем необходимо шестидесяти тысячам человек. И если мы захотим ее сохранить, надо будет принять инопланетян с распростертыми объятиями.

— Уж лучше я поцелуюсь с крокодилом.

— А у нас есть выбор? — поинтересовался Холланд.

— Не тот, который сделал ты,— рявкнул Пастор, покрываясь красными пятнами.— Я не стану Кахсамом.

— И я,— заявил Хэнк, вставая и с угрозой глядя на Холланда.

— И я,— поддержал Джо.— Нельзя заходить так далеко. Тот, кто добровольно отдает им ядерную реакцию, заслуживает...

Ярбридж вскочил на ноги и замахал руками:

— Хватит скалиться и злобствовать. Что вы знаете о ядерной реакции?

— Не слишком много,— ответил Пастор и указал толстым пальцем на корабль.— Но мне известно, что у этих вонючек ее нет. Атомная энергия — слишком ценный подарок для тех, кого мы не любим.

— Это правда! — поддержала его дюжина голосов.

— Более того,— продолжал Пастор, с каждым словом все больше входя в раж,— ты радист, а не ядерщик. Что *тебе* известно об атомной энергии?

— С ней нужно обращаться крайне осторожно. Нельзя подходить близко к реактору, нельзя прикасаться голыми руками к радиоактивному веществу. По-твоему, что будет с инопланетянами, если они начнут лепить из радиоактивного песка куличики?

Пастор с сомнением посмотрел на Ярбриджа.

— Ты думаешь, радиация их прикончит?

— Ничего не могу утверждать с уверенностью,— ответил Ярбридж и указал на Холланда, который лежал на кровати и прислушивался к дискуссии без особого интереса.— Но он знает, что делает! На Луне он сказал одну фразу, которую я запомнил. Когда у тебя нет оружия, можно воспользоваться невежеством противника.

— Так вот оно что! — воскликнул Пастор, а потом обратился к Холланду: — Почему же ты довел нас до бешенства?

— Потому что вы ошибаетесь,— сообщил Холланд.— Они знают, что радиация смертельно опасна и что с радиоактивными материалами нужно обращаться осторожно. Я им сказал об этом.

— Ты сказал? — Казалось, Пастор не верит своим ушам.— Ну, тогда ты точно Кахсам!

— Он нас разыгрывает,— предположил Ярбридж, но в его голосе прозвучало сомнение.

— Я им сказал,— раздраженно повторил Холланд и спустил ноги на пол.— Сегодня утром они подняли на борт стальной сейф из городского банка — это будет контейнер для образцов.

— Это правда,— подтвердил изможденный человек, сидевший через койку от Холланда.— Я видел, как его несли, и ломал голову...

— Ну уж нет! — вскричал Пастор, и на его шее надулись жилы.— Без этого подлого Кахсама у них ничего не выйдет!

И он бросился к кровати предателя. За ним последовали другие. Однако Холланд предвидел это и успел вскочить на ноги. Перевернув соседнюю кровать вместе с эскимосом, он бросился к выходу из барака. Пастору и остальным обитателям барака пришлось немного задержаться — на что Холланд и рассчитывал. С десяток мужчин, преодолев неожиданно возникшее на их пути препятствие, одновременно втиснулись в дверь. Естественно, они мешали друг другу, поднялась страшная ругань. Пастор, Хэнк и еще несколько крупных парней силой проложили себе дорогу в толпе, выскочили из барака и помчались за беглецом. Еще сорок или пятьдесят человек из соседних бараков присоединились к погоне просто ради развлечения.

До корабля нужно было пробежать около мили, и Холланд закончил гонку, опередив на двести ярдов худощавого, но

мускулистого парня, оказавшегося прекрасным бегуном. Яркий свет вспыхнул над спущенным трапом корабля инопланетян, когда часовой услышал топот ног. Холланд взбежал по трапу в открытый люк, и часовой его не остановил. На подмогу к своему товарищу явились еще двое стражников. Тот, что включил свет, рявкнул:

— Стоять!

Худощавый бегун остановился у самого трапа и оглянулся назад в поисках поддержки. Вскоре подбежали остальные, но никто не решался сделать первый шаг.

— Уходите,— приказал часовой.

Пастор поставил ногу на трап и сказал:

— Нам нужен вшивый мерзавец, который только что поднялся на корабль.

— Чем тебе вши не угодили? — раздался голос из толпы.— Кахсам хуже любых насекомых!

— Уходите,— повторил часовой, которого не интересовали объяснения людей.

Казалось, еще немного, и Пастор поведет толпу за собой. Но когда часовой поднял оружие, он заколебался. Толпа стояла у трапа, выкрикивая угрозы.

Глаза Пастора сверкнули в свете прожектера, и он сказал часовому:

— Хорошо, пусть этот мерзавец остается у вас!

— Уходите,— равнодушно повторил часовой.

Люди медленно побрели обратно, сотрясая воздух ругательствами. Холланд, наблюдавший за толпой через иллюминатор, повернулся к Дрхэну и Игэту.

— Они очень злы. Трудно сохранять спокойствие после таких тяжелых переживаний.

— Да, наверное,— согласился Дрхэн и почесал большое ухо гибким пальцем.— Хорошо, что ты заранее предупредил о грозящей тебе опасности, и мы держали люк открытым.

— Мы могли бы и сами это предвидеть,— заметил Игэт,— если бы знали о важности атомной энергии.

— Естественно, им не нравится, что мы забираем самое большое научное достижение,— поддержал его Дрхэн.— Я бы повел себя так же, если бы шэдиды попытались отнять у нас биологическое оружие.— Он посмотрел на Холланда.— Так что мы в большом долгу перед тобой. Ты один из немногих, способных видеть реальность такой, какая она есть. Тем не менее у нас возникла небольшая проблема.

— Речь идет обо мне? — спросил Холланд.

— Да. Мы не можем взять тебя с собой. И не рискуем оставить, учитывая, что ты для нас сделал. К тому же мы хотим продолжить с тобой сотрудничество, когда вернемся,— сказал Дрхэн.

— Мы можем обеспечить тебя пищей — либо на другом континенте, либо на спутнике,— предложил Игэт.— Тогда соплеменники не смогут до тебя добраться, и ты спокойно дождешься нас.

— Не нужно обо мне беспокоиться,— сказал Холланд.— Просто оставьте меня здесь.

— Как? Ведь они же только что гнались за тобой!

— Я знаю людей. Вы улетите через два дня. К этому времени они успокоятся.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Они не лишены здравого смысла. Любой поймет: что сделано, то сделано. Некоторые даже скажут, что все к лучшему. Других утешит сам факт вашего отлета, хотя все знают, что вы вернетесь. Наверное, они решат устроить вам теплую встречу.

— Что будет совершенно бесполезно,— заверил его Дрхэн.

— Я знаю,— согласился Холланд.

Инопланетяне посмотрели на него, пытаясь найти скрытый смысл в словах, но на лице Холланда застыла уверенность человека, выбравшего сторону победителей. И это порадовало Дрхэна и Игэта, хотя в глубине души они больше сочувствовали Пастору.

Никто не любит предателей, даже те, кто их использует.

Два дня спустя обитателей лагеря разбудил шум двигателей. Собравшись на площади, они в мрачном молчании наблюдали, как возвращаются катера. После того как катера оказались внутри огромного корабля, взревели стартовые двигатели и гигантское судно устремилось в небо. Прошло еще несколько мгновений, и наступила тишина.

— Должно быть, они давно готовились к отлету,— заметил Хэнк.

— Наконец-то мы от них избавились,— добавил Джо.

— Интересно, что стало с Холландом,— проговорил Ярбридж и с беспокойством огляделся, ожидая, что его начнут осуждать за упоминание имени механика.— Почему-то я сомневаюсь, что он улетел вместе с чужаками.

— Его высадят в другом месте,— предположил крупный рыжий мужчина.— Дьявол не бросает в беде своих исчадий.

— Хотел бы я с ним встретиться,— со злобой проговорил кто-то в толпе.

Несколько человек поддержали его.

Толпа следила за быстро уменьшающимся кораблем инопланетян. Ни у кого не было бинокля — несколько месяцев назад все инструменты были конфискованы для нужд армий, которые вскоре перестали существовать.

Примерно через час кто-то доложил:

— Один остался, идет к нам. Быть может, он хочет пожать нам руки — никаких обид и все такое. Резиновые просто пошутили, на самом деле они любят людей.

Приложив волосатую кисть к глазам, Пастор долго смотрел на приближающегося.

— Нет, это не пришелец. Это наш Кахсам, и никто иной!

— Да он бы не посмел,— не веря своим ушам, пробормотал рыжий.

— Нет, это он,— заверил Пастор, пристально глядя на идущего по полю человека.— Кажется, я догадываюсь, почему он возвращается.

— Ну и почему? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Могу спорить, хозяева ему поручили кое-что нам передать. Сейчас скажет, что они с нами сделают, если с его драгоценной головы упадет хоть один волосок.

— Я готов рискнуть,— заявил рыжий.

Он с интересом посмотрел на свой кулак, большой и тяжелый.

— Оставь его в покое, Линдсей,— приказал Пастор и хмуро оглядел собравшихся.— Это относится ко всем. Что, если резиновые наблюдают за нами с неба? Лучше подождать, пока они улетят подальше.— Он сурово посмотрел в глаза каждому.— А уж потом мы с ним разберемся. Чего не узрит око, о том не пожалеет сердце!

— Да, пожалуй, звучит разумно,— неохотно согласился Линдсей, засовывая руки в карманы.

Остальные также перестали размахивать кулаками. Наконец к толпе подошел Холланд и остановился в нескольких шагах от Пастора.

— Они ждут последнего катера,— сообщил Холланд.— Когда катер прибудет, они полетят домой.

Никто на это не откликнулся. Люди безмолвствовали, твердо решив дождаться, когда корабль скроется из виду.

Облизнув губы, Холланд продолжал:

— Вижу, вы намерены стоять до конца.— Он сделал шаг вперед.— А я не собираюсь этого делать, когда можно посидеть.

— Очень скоро ты не сможешь ни стоять, ни сидеть! — выкрикнул кто-то из задних рядов.

— Заткнись! — взревел Пастор, бросив на него свирепый взгляд.

Потом он приподнял руку и сделал вид, что смотрит на часы, которых у него не было.

Люди поняли Пастора. Толпа расступилась, пропуская Холланда, и последовала за ним к бараку. Пятьдесят человек вошли в барак вместе с ним. Еще триста или четыреста столпились у входа. Один держал в руках заточенный гарпун, сделанный из садовых вил. Другой помахивал длинной веревкой.

Усевшись на край своей койки, Холланд устало потер лицо и улыбнулся Ярбриджу:

— Похоже, эти болваны сердятся на меня за то, что я погрузил на борт тонну радиоактивных веществ.

— Но ведь ты не сделал этого? — с надеждой спросил Ярбридж.

— Я дал им достаточно,— заверил его Холланд.

— Даже унции слишком много! — прошипел Пастор.

— А что можно сделать с одной унцией? — осведомился Холланд.

— Заткни свою поганую пасть! — угрюмо посоветовал Линдсей.

— Лучше помолись,— предложил другой.

Снаружи кто-то крикнул:

— Катер вернулся. Ждать осталось недолго!

Теперь все смотрели на Холланда.

Он сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Естественно, они пожелали заполучить чертежи и формулы, узнать правила работы с реактором. Им понадобились образцы радия, урана, плутония, нептуния и тому подобного. Короче говоря, они заказали все необходимое, чтобы начать производство атомной энергии у себя на родине. Но я не смог выполнить заказ целиком, у нас просто не осталось всего того, что им нужно.

— Но ты дал им достаточно? — задал наводящий вопрос Пастор.

— Да, Пастор. Я дал им ровно столько, сколько необходимо. Они все уложат в сейф и...

В окнах на западной стороне барака что-то ослепительно вспыхнуло. За дверью, словно голодный волк, взвыл человек. Затем задрожала земля. Четыре мощных толчка сотрясли барак, западная стена треснула, в окна и трещины полился яркий свет. Наступила тишина.

Люди выскакивали наружу, спрашивали, что произошло. Пастор выпрямился во весь рост, и на его лице появилось странное выражение.

— О боже! Что это было?

— Я же сказал,— ответил Холланд.— Я дал им достаточно.

Набравшись храбрости, Пастор выскочил из барака и посмотрел на запад. Остальные сбились в кучу за его спиной, глядя на гигантский столб, вздымающийся к небесам. До него было более четырех миль. Чудовищное, но знакомое зрелище. Вражеский корабль исчез.

Пастор тихо сказал, глядя на Холланда:

— Ловко ты все провернул.

— Мне была нужна ваша ненависть, чтобы они поверили,— объяснил Холланд.— Я ее получил — и все сработало.

Повернувшись спиной к Холланду, Пастор нагнулся, уперев локти в бедра.

— Ты знаешь, что нужно сделать.

— Соблазн велик, но я ему не поддамся. И не потому, что прощаю тебя. Просто ты мне нужен для другого.

Быстро выпрямившись, Пастор с подозрением посмотрел на него.

— Это ты о чем?

— Судя по статистике, собранной инопланетянами,— продолжал Холланд, игнорируя вопрос,— человечество, даже умирая, старалось сохранять женщин и детей. И вот результат: женщин осталось гораздо больше, чем мужчин.

— Это так,— подтвердил кто-то.— Три к одному.

— Если будем удваивать наше число каждые тридцать лет, то сколько нас будет через тысячу, а тем более через две тысячи лет? Про нас нельзя сказать, что мы недавно вышли из пещер или слезли с деревьев. Мы стартуем, имея очень многие достижения цивилизации.— Холланд повел рукой вокруг.— Десять к одному, что здесь найдется парочка физиков-ядерщиков и десятки других ученых, прикидывавшихся каменщиками, пока здесь командовали инопланетяне.— Холланд немного помолчал, а потом закончил: — Да и мы с вами узнали кое-что полезное о пришельцах. В следующий раз они уже не сумеют застать нас врасплох. И пожалеют, что прилетели.

— А наши знакомые даже пожалеть не успели! — выкрикнул кто-то.

Напряжение вдруг спало, и со всех сторон послышались радостные аплодисменты.

Когда все немного успокоились, Холланд сказал:

— Большие семьи помогут решить наши проблемы. Скоро мы начнем придумывать законы.— Он оглядел Пастора с головы до ног, даже пару раз обошел вокруг, словно приценивался к породистому быку.— И первым будет закон, запрещающий холостяцкую жизнь.

Пастор покраснел и завопил:

— О нет, вы не можете так со мной поступить!

— А вот и можем! — под общий смех заверил его Холланд.— Более того, мы именно так и поступим!

Тут он ошибался. За десять дней до того, как закон будет принят, пышногрудая вдова приберет Пастора к рукам.

Пробный камень

Сверкающий голубовато-зеленый шар с Землю величиной, да и по массе примерно равный Земле — новая планета точь-в-точь соответствовала описанию. Четвертая планета звезды класса С-7 — бесспорно, та, которую они ищут. Ничего не скажешь, безвестному, давным-давно умершему косморазведчику повезло: случайно он открыл мир, похожий на их родной.

Пилот Гарри Бентон направил сверхскоростной астрокрейсер по орбите большого радиуса, а тем временем два его товарища обозревали планету перед посадкой. Заметили огромный город в северном полушарии, градусах в семи от экватора, на берегу моря. Город остался на том же месте, другие города не затмили его своим величием, а ведь триста лет прошло с тех пор, как был составлен отчет.

— Шаксембендер,— объявил навигатор Стив Рэндл.— Ну и имечко же выбрали планете! — Он изучал официальный отчет косморазведчика давних времен, по следам которого они сюда прибыли.— Хуже того, солнце они называют Гвилп.

— А я слыхал, что в секторе Боттса есть планета Плаб,— подхватил бортинженер Джо Гибберт.— Более того, произносить это надо, как будто сморкаешься. Нет уж, пусть лучше будет Шаксембендер — это хоть выговорить можно.

— Попробуй-ка выговорить название столицы,— предложил Рэндл и медленно произнес: — Шфлодриташаксембендер.

Он прыснул при виде растерянного лица Гибберта.

— В буквальном переводе — «самый большой город планеты». Но успокойся, в отчете сказано, что туземцы не ломают себе язык, а называют столицу сокращенно: Тафло.

— Держитесь,— вмешался Бентон.— Идем на посадку.

Он яростно налег на рычаги управления, пытаясь в то же время следить за показаниями шести приборов сразу. Крейсер

сорвался с орбиты, пошел по спирали на восток, врезался в атмосферу и прошил ее насквозь. Чуть погодя он с ревом описал последний круг совсем низко над столицей, а за ним на четыре мили тянулся шлейф пламени и сверхраскаленного воздуха. Посадка была затяжной и мучительной: крейсер, подпрыгивая, долго катился по лугам. Извиваясь в своем кресле, Бентон заявил с наглым самодовольством:

— Вот видите, трупов нет. Разве я не молодец?

— Идут,— перебил его Рэндл, приникший к боковому иллюминатору.— Человек десять, если не больше, и все бегом.

К нему подошел Гибберт и тоже всмотрелся сквозь бронированное стекло.

— Как славно, когда тебя приветствуют дружественные гуманоиды. Особенно после всех подозрительных или враждебных существ, что нам попадались: они были похожи на плод воображения, распаленного венерианским ужином из десяти блюд.

— Стоят у люка,— продолжал Рэндл. Он пересчитал туземцев.— Всего их двадцать.— И нажал на кнопку автоматического затвора.— Впустим?

Он сделал это не колеблясь, вопреки опыту, накопленному во многих чужих мирах. После вековых поисков были открыты лишь три планеты с гуманоидным населением, и эта планета — одна из трех; а когда насмотришься на чудовищ, то при виде знакомых, человеческих очертаний на душе теплеет. Появляется уверенность в себе. Встретить гуманоидов в дальнем космосе — все равно что попасть в колонию соотечественников за границей.

Туземцы хлынули внутрь; поместилось человек двенадцать, а остальным пришлось ожидать снаружи. Приятно было на них смотреть: одна голова, два глаза, один нос, две руки, две ноги, десять пальцев — старый добрый комплект. От команды крейсера туземцы почти ничем не отличались, разве только были пониже ростом, пожже в кости да кожа у них была яркого, насыщенного цвета меди.

Предводитель заговорил на древнем языке космолингва, старательно произнося слова, будто с трудом вызубрил их у учителей, передававших эти слова из поколения в поколение.

— Вы земляне?

— Ты прав, как никогда,— радостно ответил Бентон.— Я пилот Бентон. На этих двух кретинов можешь не обращать внимания — просто бесполезный груз.

Гость выслушал его тираду неуверенно и чуть смущенно. Он с сомнением оглядел «кретинов» и снова перенес свое внимание на Бентона.

— Я филолог Дорка, один из тех, кому доверено было сохранять ваш язык до сего дня. Мы вас ждали. Фрэйзер заверил нас, что рано или поздно вы явитесь. Мы думали, что вы пожалуете к нам гораздо раньше.— Он не сводил черных глаз с Бентона — наблюдал за ним, рассматривал его, силился проникнуть в душу. В его глазах не светилась радость встречи; скорее в них отражалось странное тоскливое смятение, смесь надежды и страха, которые каким-то образом передавались остальным туземцам и постепенно усиливались.— Да, мы вас ждали много раньше.

— Возможно, нам и следовало прибыть сюда гораздо раньше,— допустил Бентон, отрезвев от неожиданной холодности приема. Как бы случайно он нажал на кнопку в стене, прислушался к почти неразличимым сигналам скрытой аппаратуры.— Но мы, военные астролетчики, летим, куда прикажут и когда прикажут, а до недавнего времени нам не было команды насчет Шаксембендера. Кто такой Фрейзер? Тот самый разведчик, что обнаружил вашу планету?

— Конечно.

— Гм! Наверное, его отчет затерялся в бюрократических архивах, где, возможно, до сих пор пылится масса других бесценных отчетов. Эти сорвиголовы старых времен, такие следопыты космоса, как Фрэйзер, попадали далеко за официально разрешенные границы, рисковали головами и шкурами, привозили пятиметровые списки погибших и пропавших без вести. Пожалуй, единственная форма жизни, которой они боялись,— это престарелый бюрократ в очках. Вот лучший способ охладить пыл каждого, кто страдает избытком энтузиазма: подшить его отчет в папку и тут же забыть обо всем.

— Быть может, все к лучшему,— осмелился подать голос Дорка. Он бросил взгляд на кнопку в стене, но удержался от вопроса о ее назначении.

— Фрэйзер говорил, что чем больше пройдет времени, тем больше надежды.

— Вот как? — Озадаченный Бентон попытался прочитать что-нибудь на меднокожем лице туземца, но оно было непроницаемо.— А что он имел в виду?

Дорка заерзал, облизнул губы и вообще всем своим видом дал понять, что сказать больше — значит сказать слишком многое. Наконец он ответил:

— Кто из нас может знать, что имел в виду землянин? Земляне сходны с нами и все же отличны от нас, ибо процессы нашего мышления не всегда одинаковы.

Слишком уклончивый ответ никого не удовлетворил бы. Чтобы добиться взаимопонимания — а это единственно надеж-

ная основа, на которой можно строить союзничество,— необходимо докопаться до горькой сути дела. Но Бентон не стал себя затруднять. На это у него была особая причина.

Ласковым голосом, с обезоруживающей улыбкой Бентон сказал Дорке:

— Надо полагать, ваш Фрэйзер, рассчитывая на более близкие сроки, исходил из того, что появятся более крупные и быстроходные звездолеты, чем известные ему. Тут он чуть-чуть просчитался. Звездолеты действительно стали крупнее, но их скорость почти не изменилась.

— Неужели? — Весь вид Дорки показывал, что скорость космических кораблей не имеет никакого отношения к тому, что его угнетает. В его вежливом «неужели?» отсутствовало удивление, отсутствовала заинтересованность.

— Они могли бы двигаться гораздо быстрее,— продолжал Бентон,— если бы мы удовольствовались чрезвычайно низкими запасами прочности, принятыми во времена Фрэйзера. Но эпоха лозунга «Смерть или слава» давно миновала. В наши дни уже не строят гробов для самоубийц. От светила к светилу мы добираемся в целом виде и в чистом белье.

Всем троим было ясно, что Дорке до этого нет дела. Он был поглощен чем-то совершенно другим. И его спутники тоже. Приязнь, скованная смутным страхом. Предчувствие дружбы, скрытое под черной пеленой сомнений. Туземцы напоминали детей, которым до смерти хочется погладить неведомого зверя, но страшно: вдруг укусит!

До того очевидно было общее отношение к пришельцам и до того оно противоречило ожидаемому, что Бентон невольно попытался найти логическое объяснение. Он ломал себе голову так и этак, пока его внезапно не осенила мысль: может быть, Фрэйзер — до сих пор единственный землянин, известный туземцам,— рассорился с хозяевами планеты, после того как переслал свой отчет? Наверное, были разногласия, резкие слова, угрозы и в конце концов вооруженный конфликт между этими меднокожими и видавшим виды землянином. Наверняка Фрэйзер отчаянно сопротивлялся и на целых триста лет поразил их удачной конструкцией и смертоносной силой земного оружия.

По тому же или подобному пути шли, должно быть, мысли Стива Рэндла, потому что он вдруг выпалил, обращаясь к Дорке:

— Как умер Фрэйзер?

— Когда Сэмюэл Фрэйзер нашел нас, он был немолод. Он сказал, что мы будем его последним приключением, так как пора уже пускать корни. И вот он остался с нами и жил среди нас до старости, а потом стал немощен и в нем угасла последняя искра жизни. Мы сожгли его тело, как он просил.

— Ага! — сказал Рэндл обескураженно. Ему в голову не пришло спросить, отчего Фрэйзер не искал прибежища на своей родной планете — Земле. Всем известно, что давно распущенный Корпус Астроразведчиков состоял исключительно из убежденных одиночек.

— Еще до смерти Фрэйзера мы расплавили и использовали металл корабля,— продолжал Дорка.— Когда он умер, мы перенесли все, что было в корабле, в храм; там же находится посмертная маска Фрэйзера, его бюст работы лучшего нашего скульптора и портрет в натуральную величину, написанный самым талантливым художником. Все эти реликвии целы, в Тафло их берегут и почитают.— Он обвел взглядом всех троих астронавтов и спокойно прибавил: — Не хотите ли пойти посмотреть?

Нельзя было придумать более невинный вопрос и задать его более кротким тоном, тем не менее у Бентона появилось странное чувство, словно где-то под ногами разверзлась вырытая для него яма. Это чувство усиливалось из-за того, что меднокожие ждали ответа с плохо скрытым нетерпением.

— Не хотите ли пойти посмотреть?

«Заходи, красотка, в гости»,— мухе говорил паук.

Инстинкт, чувство самосохранения, интуиция — как ни называй — нечто заставило Бентона зевнуть, потянуться и ответить усталым голосом:

— С огромным удовольствием, но мы проделали долгий-предолгий путь и здорово измотались. Ночь спокойного сна — и мы переродимся. Что, если завтра с утра?

Дорка поспешил рассыпаться в извинениях.

— Простите меня. Мы навязали вам свое общество, не успели вы появиться. Пожалуйста, извините нас. Мы так давно ждали, только поэтому и не подумали...

— Совершенно не в чем извиняться,— заверил его Бентон, тщетно пытаясь примирить свою инстинктивную настороженность с искренним, трогательным огорчением Дорки.— Все равно мы бы не легли, пока не установили с вами контакт. Не могли бы глаз сомкнуть. Как видите, ваш приход избавил нас от многих хлопот.

Чуть успокоенный, но все еще пристыженный тем, что он считал недостатком такта, Дорка вышел в шлюзовую камеру и увел за собою спутников.

— Мы оставим вас, чтобы вы отдохнули и выспались, и я сам позабочусь, чтобы вам никто не досаждал. Утром мы вернемся и отведем вас в город.— Он опять обвел всех троих испытующим взглядом.— И покажем Храм Фрэйзера.

Он удалился. Закрылась шлюзовая камера. А в голове у Бентона звенели колокола тревоги.

Присев на краю пульта управления, Джо Гибберт растирал себе уши и разглагольствовал:

— Чего я терпеть не могу, так это торжественных приемов: громогласные приветствия и трубный рев массовых оркестров меня просто оглушают. Почему бы не вести себя сдержанно, не разговаривать тихим голосом и не пригласить нас в мавзолей или куда-нибудь в этом роде?

Стив Рэндл нахмурился и серьезно ответил:

— Тут что-то нечисто. У них был такой вид, точно они с надеждой приветствуют богатого дядюшку, больного оспой. Хотят, чтобы их упомянули в завещании, но не хотят остаться рябыми.— Он посмотрел на Бентона.— А ты как думаешь, грязнуля небритый?

— Я побреюсь, когда нахальный ворюга вернет мне бритву. И я не собираюсь думать, пока не соберу нужных данных.— Открыв замаскированную нишу чуть пониже кнопки, Бентон вынул оттуда шлем из платиновой сетки, от которого отходил тонкий кабель.— Эти-то данные я сейчас и усвою.

Он закрепил на себе шлем, тщательно поправил его, включил какие-то приборы в нише, откинулся на спинку кресла и, казалось, погрузился в транс. Остальные заинтересованно наблюдали. Бентон сидел молча, прикрыв глаза, и на его худощавом лице попеременно отражались самые разнообразные чувства. Наконец он снял шлем, уложил на место, в тайник.

— Ну? — нетерпеливо сказал Рэндл.

— Полоса частот его мозга совпадает с нашими, и приемник без труда уловил волны мыслей,— провозгласил Бентон.— Все воспроизведено в точности, но... прямо не знаю.

— Вот это осведомленность,— съязвил Гибберт.— Он не знает!

Не обратив внимания, Бентон продолжал:

— Все сводится к тому, что туземцы еще не решили, любить ли нас или убить.

— Что? — Стив Рэндл встал в воинственную позу.— А с какой стати им убивать нас? Мы ведь не сделали им ничего плохого.

— Мысли Дорки рассказали нам многое, но не все. В частности, рассказали, что с годами Фрэйзера почитали все больше и больше, и в конце концов это почитание переросло чуть ли не в религию. Чуть ли, но не совсем. Как единственный пришелец из другого мира, он стал самой выдающейся личностью в их истории, понимаете?

— Это можно понять,— согласился Рэндл.— Но что с того?

— Триста лет создали ореол святости вокруг всего, что говорил и делал Фрэйзер. Вся полученная от него информация

сохраняется дословно, его советы лелеются в памяти, его предостережениями никто не смеет пренебречь.— На какой-то миг Бентон задумался.— А Фрэйзер предостерегал их: велел опасаться Земли, какой она была в его время.

— Велел он им при первом же случае снять с нас живых кожу? — осведомился Гибберт.

— Нет, этого он как раз не говорил. Он предупредил их, что земляне, те, которых он знал, сделают выводы не в их пользу, это принесет им страдания и горе, и может случиться так, что они будут вечно сожалеть о контакте между этими двумя планетами, если у них не хватит ума и воли насильно прервать его.

— Фрэйзер был стар, находился в последнем путешествии и собирался пустить корни,— заметил Рэндл.— Знаю я таких. Еле на ногах держатся, ходят вооруженные до зубов и считают себя молодцами, а на самом деле весь заряд давно вышел. Этот тип слишком много времени провел в космосе и свихнулся. Пари держу, что ему нигде не было так хорошо, как в летящем звездолете.

— Все может быть,— с сомнением в голосе допустил Бентон.— Но навряд ли. Жаль, что мы ничего не знаем об этом Фрэйзере. Для нас он только забытое имя, извлеченное на свет божий из письменного стола какого-то бюрократа.

— В свое время и я стану тем же,— меланхолически вставил Гибберт.

— Так или иначе, одним предупреждением он не ограничился: последовало второе — чтобы они не слишком-то спешили нас отвадить, ибо не исключено, что тогда они потеряют лучших своих друзей. Характеры людей меняются, поучал Фрэйзер туземцев. Любое изменение может послужить к лучшему, и настанет день, когда Шаксембендеру нечего будет бояться. Чем позднее мы установим с ними контакт, утверждал он, тем дальше продвинемся на пути к будущему, тем выше вероятность перемен.— Бентон принял озабоченный вид.— Учтите, что, как я уже говорил, эти взгляды стали равносильны священным заповедям.

— Приятно слышать,— заворчал Гибберт.— Судя по тому, что Дорка наивно считает своими затаенными мыслями — а может, то же самое думают и все его соотечественники,— нас либо вознесут, либо перебьют, в зависимости от того, усовершенствовались ли мы, по их разумению, и соответствуем ли критерию, завещанному чокнутым покойником. Кто он, собственно, такой, чтобы судить, дозрели мы до общения с туземцами или нет? По какому признаку намерены определить это сами туземцы? Откуда им знать, изменились ли мы и как изменились за последние триста лет? Не понимаю...

Бентон перебил его:

— Ты попал своим грязным пальцем как раз на больное место. *Они* считают, что могут судить. Даже уверены в этом.

— Каким образом?

— Если мы произнесем два определенных слова при определенных обстоятельствах, то мы пропали. Если не произнесем, все в порядке.

Гибберт в облегчении рассмеялся.

— Во времена Фрэйзера на звездолетах не устанавливались мыслефоны. Их тогда еще не изобрели. Он не мог их предвидеть, правда?

— Безусловно.

— Значит,— продолжал Гибберт, которого забавляла простота ситуации,— ты нам только скажи, какие обстоятельства представлял себе Дорка и что это за роковые слова, а мы уже придержим языки и докажем, что мы славные ребята.

— Все, что зарегистрировано насчет обстоятельств — это туманный мысленный образ, указывающий, что они имеют какое-то отношение к этому самому храму,— объявил Бентон.— Храм определенно будет испытательным участком.

— А два слова?

— Не зарегистрированы.

— Отчего? Разве он их не знает? — чуть побледнев, спросил Гибберт.

— Понятия не имею.— Бентон не скрывал своего уныния.— Разум оперирует образами, значением слов, а не их написанием. Значения облекаются звуками, когда человек разговаривает. Поэтому не исключено, что он вообще не знает этих слов, а может быть, его мысли о них не регистрируются, потому что ему неизвестно их значение.

— Да это ведь могут быть любые слова! Слов миллионы!

— В таком случае вероятность играет на нас,— мрачно указал Бентон.— Есть, правда, одна оговорка.

— Какая?

— Фрэйзер родился на Земле, он хорошо изучил землян. Естественно, в качестве контрольных он выбрал слова, которые, как он считал, землянин произнесет скорее всего,— а потом уж надеялся, что ошибется.

В отчаянии Гибберт хлопнул себя по лбу.

— Значит, с утра пораньше мы двинемся в этот музей, как быки на бойню. Там я разину пасть и не успею опомниться, как обрасту крылышками и в руках у меня будет арфа. Все потому, что эти меднолицые свято верят в западню, поставленную каким-то космическим психом.— Он раздраженно уставился на

Бентона.— Так как, удерем отсюда, пока не поздно, и доложим обстановку на базе? Или рискнем остаться?

— Когда это флот отступал? — вопросом же ответил Бентон.

— Я знал, что ты так ответишь.

Гибберт покорился тому неизбежному, что готовил им завтрашний день.

Утро выдалось безоблачное и прохладное. Все трое были готовы, когда появился Дорка в сопровождении десятка туземцев — может быть, вчерашних, а может быть, и нет. Судить было трудно: казалось, все туземцы на одно лицо.

Поднявшись на борт звездолета, Дорка спросил со сдержанной сердечностью:

— Надеюсь, вы отдохнули? Мы вас не потревожим?

— Не в том смысле, как ты считаешь,— вполголоса пробормотал Гибберт. Он не сводил глаз с туземцев, а обе руки его как бы случайно лежали у рукоятий двух тяжелых пистолетов.

— Мы спали как убитые.— Ответ Бентона против его воли прозвучал зловеще.— Теперь мы готовы на все.

— Это хорошо. Я рад за вас.— Взгляд темных глаз Дорки упал на пистолеты.— Оружие? — Он удивленно моргнул, но выражение его лица не изменилось.— Да ведь оно здесь не понадобится! Разве ваш Фрэйзер не уживался с нами в мире и согласии? Кроме того, мы, как видите, безоружны. Ни у кого из нас нет даже удочки.

— Тут дело не в недоверии,— провозгласил Бентон.— В военно-космическом флоте мы всего лишь жалкие рабы многочисленных предписаний. Одно из требований устава — носить оружие во время установления всех первых официальных контактов. Вот мы и носим.— Он послал очаровательную улыбку.— Если бы устав требовал, чтобы мы носили травяные юбки, соломенные шляпы и картонные носы, вы увидели бы забавное зрелище.

Если Дорка и не поверил несообразной басне о том, как люди рабски повинуются уставу даже на таком расстоянии от базы, он этого ничем не выказал. Примирился с тем, что земляне вооружены и останутся при оружии независимо от того, какое впечатление произведет это обстоятельство на коренных жителей планеты.

В этом отношении у него было преимущество: он находился на своей земле, на своей территории. Личное оружие, даже если его применяют умелые руки, ничего не даст при неоспоримом численном превосходстве противника. В лучшем случае можно дорого продать свои жизни. Но бывают случаи, когда за ценой не стоят.

— Вас там ждет Лиман — хранитель храма,— сообщил Дорка.— Он тоже хорошо владеет космолингвой. Весьма ученый

человек. Давайте сначала навестим его, а потом осмотрим город. Или у вас есть другие пожелания?

Бентон колебался. Жаль, что этого Лимана вчера не было среди гостей. Более чем вероятно, что он-то знает два заветных слова. Мыслефон извлек бы их из головы Лимана и подал бы их на тарелочке после его ухода, а тогда ловушка стала бы безвредной. В храме нельзя будет покопаться в мозгу Лимана, так как карманных моделей мыслефона не существует и ни хозяева планеты, ни гости не наделены телепатическими способностями.

В храме вокруг них будут толпиться туземцы — бесчисленное множество туземцев, одержимых страхом неведомых последствий, следящих за каждым движением пришельцев, впитывающих каждое слово, выжидающих, выжидающих... и так до тех пор, пока кто-то из космонавтов сам не подаст сигнала к бойне.

Два слова — нечаянно произнесенных слова, удары, борьба, потные тела, проклятия, тяжелое дыхание, быть может, даже выстрел-другой.

Два слова.

И смерть!

А потом примирение с совестью — заупокойная служба над трупами. Медные лица исполнены печали, но светятся верой, и по храму разносится молитва:

— Их испытали согласно твоему завету, и с ними поступили согласно твоей мудрости. Их бросили на весы праведности, и их чаша не перетянула меру. Хвала тебе, Фрэйзер, за избавление от тех, кто нам не друг.

Такая же участь постигнет команду следующего звездолета и того, что придет за ним, и так до тех пор, пока Земля либо не отгородит этот мир от главного русла межгалактической цивилизации, либо жестоко не усмирит его.

— Итак, чего вы желаете? — настаивал Дорка, с любопытством глядя ему в лицо.

Вздрогнув, Бентон отвлекся от своих бессвязных мыслей; он сознавал, что на него устремлены все глаза. Гибберт и Рэндл нервничали. Лицо Дорки выражало лишь вежливую заботу, ни в коей мере не кровожадность и не воинственность. Конечно, это ничего не значило.

Откуда-то донесся голос — Бентон не сразу понял, что это его собственный голос: «Когда это флот отступал?»

Громко и твердо Бентон сказал:

— Сначала пойдемте в храм.

Ничем — ни внешностью, ни осанкой — Лиман не напоминал первосвященника чужой, инопланетной религии. Ростом

выше среднего (по местным понятиям), спокойный, важный и очень старый, он был похож на дряхлого и безобидного библиотекаря, давно укрывшегося от обыденной жизни в мире пыльных книг.

— Вот это,— сказал он Бентону,— фотографии земной семьи, которую Фрэйзер знал только в детстве. Вот его мать, вот его отец, а вот это диковинное волосатое существо он называл собакой.

Бентон посмотрел, кивнул, ничего не ответил. Все это было очень заурядно, очень банально. У каждого бывает семья. У каждого есть отец и мать, а у многих — своя собака. Он изобразил горячий интерес, которого не испытывал, и попробовал прикинуть на глаз, сколько в комнате туземцев. От шестидесяти до семидесяти, да и на улице толпа. Слишком много.

С любопытством педанта Лиман продолжал:

— У нас таких тварей нет, а в записках Фрэйзера они не упомянуты. Что такое собака?

Вопрос! На него надо отвечать. Придется открыть рот и заговорить. Шестьдесят пар глаз, если не больше, прикованы к его губам. Шестьдесят пар ушей, если не больше, прислушиваются и выжидают. Неужто настала роковая минута?

Мышцы Бентона непроизвольно напряглись в предвкушении удара ножом в спину, и он ответил с деланной беспечностью:

— Мелкое животное, ручное, смышленое.

Ничего не случилось.

Ослабло ли чуть-чуть напряжение или с самого начала существовало лишь в обостренном воображении Бентона? Теперь не угадаешь.

Лиман показал какой-то предмет и, держа его как драгоценнейшую реликвию, сказал:

— Эту вещь Фрэйзер называл своим неразлучным другом. Она приносила ему великое утешение, хотя нам непонятно, каким образом.

Это была старая, немало послужившая, покрытая трещинами трубка. Она наводила только на одну мысль: как жалки личные сокровища, когда их владелец мертв. Бентон понимал, что надо что-нибудь сказать, но не знал, что именно. Гибберт и Рэндл упорно притворялись немыми.

К их облегчению, Лиман отложил трубку, не задавая уточняющих вопросов. Следующим экспонатом был лучевой передатчик покойного разведчика; его корпус был с любовным тщанием начищен до блеска. Именно этот устаревший передатчик послал отчет Фрэйзера в ближайший населенный сектор, откуда, переходя с планеты на планету, он попал на земную базу.

Затем последовали пружинный нож, хронометр в радиевом корпусе, бумажник, автоматическая зажигалка — уйма мелкого старья. Четырнадцать раз Бентон холодел, вынужденный отвечать на вопросы или реагировать на замечания. Четырнадцать раз общее напряжение — действительное или воображаемое — достигало вершины, а затем постепенно спадало.

— Что это такое? — осведомился Лиман и подал Бентону сложенный лист бумаги.

Бентон осторожно развернул лист. Оказалось, что это официально изданный типографский бланк завещания. На нем торопливым, но четким и решительным почерком были набросаны несколько слов:

«Сэмюэлу Фрэйзеру, номеру 727 земного корпуса космических разведчиков, нечего оставить после себя, кроме доброго имени».

Бентон вновь сложил документ, вернул его Лиману и перевел слова Фрэйзера на космолингву.

— Он был прав,— заметил Лиман.— Но что в мире ценнее?

Он обернулся к Дорке и коротко проговорил что-то на местном языке — земляне ничего не поняли. Потом сказал Бентону:

— Мы покажем вам облик Фрэйзера. Сейчас вы увидите его таким, каким мы его знали.

Гибберт подтолкнул Бентона локтем.

— С чего это он перешел на чужую речь? — спросил он на английском языке, следуя дурному примеру туземцев.— А я знаю: он не хотел, чтобы мы поняли, о чем они толкуют. Держись, друг, сейчас начнется. Я это нутром чую.

Бентон пожал плечами, оглянулся: на него наседали туземцы, они окружали его со всех сторон и сжимали в слишком тесном кольце; с минуты на минуту им придется действовать молниеносно, а ведь в такой толчее это невозможно. Все присутствующие смотрели на дальнюю стену, и все лица приняли благоговейно-восторженное выражение, словно вот-вот их жизнь озарится неслыханным счастьем.

Из всех уст вырвался единодушный вздох: престарелый Лиман раздвинул занавеси и открыл изображение Человека Извне. Бюст в натуральную величину на сверкающем постаменте, и портрет, написанный масляными красками, высотою метра в два. Судя по всему, оба шедевра отлично передавали сходство.

Долгое молчание. Все, казалось, ждали, что скажут земляне. Так ждут оглашения приговора в суде. Но сейчас, в этой нелепо запутанной и грозной ситуации, бремя вынесения собственного приговора было возложено на самих подсудимых. Те, кого здесь негласно судят, должны сами признать себя виновны-

ми или невиновными в неведомом преступлении, совершенном неведомо когда и как.

У всех троих не было никаких иллюзий: они знали, что наступил кризис. Чувствовали это интуитивно, читали по медным лицам окружающих. Бентон оставался серьезным. Рэндл ерзал, будто не мог решить, в какую сторону кинуться, когда придет время. Воинственный фаталист Гибберт стоял, широко расставив ноги, держа руки у пистолетов, и всем своим видом показывал, что просто так жизнь не отдаст.

— Итак,— внезапно посуровевшим голосом нарушил молчание Лиман,— что вы о нем думаете?

Никакого ответа. Земляне сбились в кучку, настороженные, готовые к худшему, и разглядывали портрет разведчика, умершего триста лет назад. Никто не произнес ни слова.

Лиман нахмурился. Голос его прозвучал резко:

— Вы, надеюсь, не разучились говорить?

Он форсировал решение вопроса, торопил с окончательным ответом. Для вспыльчивого Гибберта этого было больше чем достаточно. Он выхватил из-за пояса пистолеты и заговорил — неистово, с обидой:

— Не знаю, что вы хотите услышать, да и нет мне до этого дела. Но вот что я скажу, нравится вам это или не нравится: Фрэйзер — никакой не бог. Всякому видно. Обыкновенный, простой косморазведчик эпохи первооткрывателей, а ближе человеку и не дано подойти к божескому званию.

Если он ожидал взрыва ярости, его постигло разочарование. Все ловили каждое слово, но никто не считал, что он богохульствует.

Напротив, два-три слушателя мирно закивали в знак одобрения.

— Космос порождает особые характеры,— вставил Бентон для ясности.— Это относится к землянам, марсианам и любым другим разумным существам, освоившим космос. При некотором навыке космонавтов можно распознать с первого взгляда.— Он облизнул пересохшие губы и докончил: — Поэтому Фрэйзер, типичный космопроходец, нам представляется заурядным человеком. Не так уж много можно о нем сказать.

— Сегодня в космическом флоте таких, как он, дают десяток за пенни,— прибавил Гибберт.— И так всегда будет. Это всего лишь люди с неизлечимым зудом. Иной раз они вершат потрясающие дела, а иной раз нет. У всех у них храбрости хоть отбавляй, но не всем улыбается удача. Фрэйзеру просто неслыханно повезло. Он ведь мог разыскать полсотни бесплодных планет, а вот наткнулся на ту, где живут гуманоиды. Такие события делают историю.

Гибберт замолчал. Он открыто наслаждался своим триумфом. Приятно, если высказывание в сложных обстоятельствах, когда собственный язык может навлечь на тебя внезапную насильственную смерть, сходит с рук. Два слова. Два привычных, часто употребляемых слова, а он каким-то чудом избежал их, не зная, что это за слова.

— Больше вам нечего сказать? — спросил внимательно наблюдающий за ними Лиман.

Бентон мирно ответил:

— Да нет. Пожалуй, можно добавить, что нам было приятно увидеть изображение Фрэйзера. Жаль, что его нет в живых. Он бы обрадовался, что Земля наконец-то откликнулась на его зов.

На мрачном лице Лимана медленно проступила улыбка. Он подал туземцам какой-то неуловимый знак и задернул картину занавесями.

— Теперь, когда вы тут все осмотрели, Дорка проведет вас в городской центр. Высокопоставленные особы из нашего правительства горят желанием побеседовать с вами. Разрешите сказать, как я рад нашему знакомству. Надеюсь, в скором времени к нам пожалуют и другие ваши соотечественники...

— У нас есть еще одно дело,— поспешно прервал его Бентон.— Нам бы хотелось переговорить с тобой с глазу на глаз.

Слегка удивленный, Лиман указал на одну из дверей:

— Хорошо. Пройдите сюда, пожалуйста.

Бентон потянул Дорку за рукав.

— И ты тоже. Это и тебя касается.

В уединенной комнате Лиман усадил землян в кресла, сел сам.

— Итак, друзья мои, в чем дело?

— Среди новейшей аппаратуры на нашем звездолете,— возбужденно начал Бентон,— есть такой робот-хранитель: он читает мысли любых разумных существ, у которых процессы мышления подобны нашим. Возможно, пользоваться таким аппаратом неэтично, зато это необходимая и весьма действенная мера предосторожности. Предупрежден — значит, вооружен, понимаете? — Он лукаво улыбнулся.— Мы прочитали мысли Дорки.

— Что? — воскликнул Дорка, вскочив на ноги.

— Из них мы узнали, что нам грозит туманная, но несомненная опасность,— продолжал Бентон.— По ним выходило, что вы нам друзья, что вы хотите и надеетесь стать нашими друзьями... Но какие-то два слова откроют вам нашу враждебную сущность и покажут, что нас надо встретить как врагов. Если мы произнесем эти слова, нам конец! Теперь мы, конечно, знаем, что не

произнесли этих слов, иначе мы бы сейчас не беседовали так мирно. Мы выдержали испытание. Но все равно я хочу спросить.— Он подался вперед, проникновенно глядя на Лимана.— Какие это слова?

Задумчиво потирая подбородок, ничуть не огорченный услышанным, Лиман ответил:

— Совет Фрэйзера был основан на знании, которого у нас не было и не могло быть. Мы приняли этот совет, не задавая вопросов, не ведая, из чего исходил Фрэйзер и каков был ход его рассуждений, ибо мы сознавали, что он черпает из кладезя звездной мудрости, недоступной нашему разумению. Он просил, чтобы мы вам показали его храм, его вещи, его портрет. И если вы скажете два слова...

— Какие два слова? — настаивал Бентон.

Закрыв глаза, Лиман внятно и старательно произнес эти слова, будто совершил старинный обряд.

Бентон снова откинулся на спинку кресла. Он ошеломленно уставился на Рэндла и Гибберта, а те ответили таким же взглядом. Все трое были озадачены и разочарованы.

Наконец Бентон спросил:

— Это на каком языке?

— На одном из языков Земли,— заверил его Лиман.— На родном языке Фрэйзера.

— А что это значит?

— Вот уж не знаю.— Лиман был озадачен не меньше землян.— Понятия не имею, что это значит. Фрэйзер никому не объяснил смысла, и никто не просил у него объяснений. Мы заучили эти слова и упражнялись в их произношении, ибо это были завещанные нам слова предостережения, вот и все.

— Ума не приложу,— сознался Бентон и почесал в затылке.— За всю свою многогрешную жизнь не слышал ничего похожего.

— Если это земные слова, они, наверное, слишком устарели, и сейчас их помнит в лучшем случае какой-нибудь заумный профессор, специалист по мертвым языкам,— предположил Рэндл. На мгновение он задумался, потом прибавил: — Я где-то слыхал, что во времена Фрэйзера о космосе говорили «вакуум», хотя там полно различных форм материи и он похож на что угодно, только не на вакуум.

— А может быть, это даже и не древний язык Земли,— вступил в дискуссию Гибберт.— Может быть, это слова старинного языка космонавтов или архаичной космолингвы...

— Повтори их,— попросил Бентон.

Лиман любезно повторил эти слова. Два простых слова — и никто их никогда не слыхал.

Бентон покачал головой.

— Триста лет — немыслимо долгий срок. Несомненно, во времена Фрэйзера эти слова были распространены. Но теперь они отмерли, похоронены, забыты — забыты так давно и так прочно, что я даже и гадать не берусь об их значении.

— Я тоже,— поддержал его Гибберт.— Хорошо, что никого из нас не переутомляли образованием. Страшно подумать: ведь астролетчик может безвременно сойти в могилу только из-за того, что помнит три-четыре устаревших звука.

Бентон встал.

— Ладно, нечего думать о том, что навсегда исчезло. Пошли, сравним местных бюрократов с нашими.— Он посмотрел на Дорку.

— Ты готов вести нас в город?

После недолгого колебания Дорка смущенно спросил:

— А приспособление, читающее мысли, у вас с собой?

— Оно намертво закреплено в звездолете,— рассмеялся Бентон и ободряюще хлопнул Дорку по плечу.— Слишком громоздко, чтобы таскать за собой. Думай о чем угодно и веселись, потому что твои мысли останутся для нас тайной.

Выходя, трое землян бросили взгляд на занавеси, скрывающие портрет седого чернокожего человека, косморазведчика Сэмюэла Фрэйзера.

— Поганый ниггер! — повторил Бентон запретные слова.— Непонятно. Какая-то чепуха!

— Просто бессмысленный набор звуков,— согласился Гибберт.

— Набор звуков,— эхом откликнулся Рэндл.— Кстати, в старину это называли смешным словом. Я его вычитал в какой-то книге. Сейчас вспомню.— Задумался, просиял: — Есть! Это называлось «абракадабра».

Разоблачение

Космический корабль ригелиан приземлился тайком, под покровом ночи. Отыскав густо заросшую лесом местность, он выжег среди деревьев пятачок, опустился на пепелище и выбросил густое облако аэрозоля, чтобы потушить все еще тлевший подлесок.

Над пожарищем поднимались тонкие струйки дыма. Надежно укрытый от взглядов с любого направления, корабль стоял в кольце гигантских хвойных деревьев, и его стабилизаторы, остывая, сжимались с металлическим скрипом. Вокруг резко пахло горелым деревом, сосновой смолой, едким огнетушителем и перегретым металлом.

Пришельцы на борту корабля совещались. На каждого приходилось по два глаза. Они и были единственной приятной чертой их внешности. Все остальное представляло собой почти жидкую изменчивую массу. Когда троица в штурманской рубке обсуждала сделанную из космоса фотографию планеты, они жестикулировали всем, что только шевелилось: щупальцами, ложноножками, длинными беспалыми руками, растущими прямо из тела пальцами.

В данный момент все трое имели шарообразную форму, перемещались на широких плоских ногах и были покрыты густым гладким мехом, по виду напоминавшим зеленый бархат. Это взаимное сходство объяснялось вовсе не прихотью каждого, а требованиями устава. Ригелианская воинская традиция предписывала младшим по званию во время разговора принимать такой же вид и форму, как и у старшего по званию, а если начальство изменялось, то и подчиненные должны были изменяться вместе с ним.

Поэтому двое были пушистыми и шарообразными исключительно в силу того, что капитану Ид-Вану приспичило быть

пушистым и шарообразным. Временами Ид-Ван становился совершенно невыносимым. Он не торопясь принимал какую-нибудь сложную форму, к примеру сетчатого молобатера, а потом смотрел, как помощники из кожи вон лезут, следуя его примеру.

Ид-Ван сказал:

— Мы фотографировали светлую сторону планеты с довольно большого расстояния, чтобы никакой космический корабль не мог заметить нас во время съемки. Хотя, по всей видимости, у туземцев нет космических кораблей.— Он выразительно фыркнул и продолжил: — Этих увеличенных снимков вполне хватит для наших задач. Мы имеем представление о положении вещей, а больше нам ничего и не требуется.

— Похоже, здесь много воды,— заметил главный навигатор Би-Нак, глядя на снимок.— Даже слишком много. Больше половины планеты покрыто морями.

— Ты снова принижаешь ценность моего открытия? — осведомился Ид-Ван и отрастил полосатый хвост.

— Ни в коей мере, капитан,— заверил его Би-Нак, почтительно воспроизведя точную копию капитанского хвоста.— Я просто хотел обратить ваше внимание...

— Что-то ты слишком часто обращаешь мое внимание,— отрезал Ид-Ван и спросил у третьего ригелианина: — Правда, По-Дук?

Пилот По-Дук решил не рисковать и уклончиво заметил:

— Бывают времена и времена.

— Поистине глубокомысленное изречение,— прокомментировал Ид-Ван, питавший стойкое презрение к подпевалам.— Один обращает мое внимание, другой изображает из себя кладезь мудрости. Нет бы ради разнообразия ты хоть раз обратил мое внимание, а Би-Нак поработал оракулом. Это внесло бы в нашу жизнь свежую струю.

— Да, капитан,— покладисто согласился По-Дук.

— Безусловно, капитан,— поддакнул Би-Нак.

— Ладно.— Ид-Ван раздраженно повернулся к фотографиям.— Здесь много городов. Это означает наличие разумной жизни. Но мы не видели ни единого космического корабля и знаем, что земляне не колонизировали даже свой спутник. Следовательно, их нельзя считать высокоразумными существами.— Он вырастил пару ложноручек и потер одну о другую.— Иными словами, это именно те существа, которые нам нужны,— можно брать их тепленькими. Лучше просто не бывает!

— На предыдущей планете вы говорили то же самое,— напомнил Би-Нак, к числу чьих достоинств вряд ли можно было отнести такт.

Ид-Ван втянул хвост и завопил:

— Я тогда сравнивал с планетами, которые мы посетили еще раньше! Обитатели предпоследней были тогда самыми лучшими. Эти — еще лучше.

— Мы пока что их не видели.

— Увидим. Они не доставят нам хлопот.— Ид-Ван уже остыл и принялся размышлять вслух.— Нам никто не доставлял хлопот раньше, и я сомневаюсь, что кому-нибудь когда-нибудь это удастся. Мы уже обвели вокруг пальца полсотни высокоразвитых форм жизни, каждая из которых совершенно отличалась от всех известных в системе нашей родной звезды. Временами мне кажется, что мы — самые умные во Вселенной. Обитатели всех освоенных нами планет закоснели и не меняются. Похоже, мы одни не скованы узами постоянства.

— Неизменность формы имеет свои недостатки,— возразил Би-Нак, которому как будто доставляло удовольствие навлекать на себя капитанский гнев.— Когда моя мать впервые встретила моего отца на брачном поле, он предстал в виде длинноногого нодуса и...

— Ну вот! — вскричал Ид-Ван.— Ты опять подвергаешь сомнению самоочевидное.

— Я просто рассказываю, как моя мать....

— При чем тут твоя мать? — отмахнулся Ид-Ван. Он повернулся к фотографиям и указал на большой участок суши на севере.— Мы сейчас находимся вдалеке от больших дорог. Крупные города, которые представляют для нас потенциальную опасность, также находятся в отдалении. Ближние деревушки слишком малы, чтобы стоило тратить на них время. Для наших целей лучше всего подходят населенные пункты средних размеров, а таких в зоне досягаемости четыре.

— И мы начнем с разведки? — предположил По-Дук по большей части для того, чтобы продемонстрировать свой интерес к словам капитана.

— Разумеется. Применим обычную тактику — по двое разведчиков на каждый населенный пункт. Они замаскируются под местных жителей, и на следующий день мы будем иметь всю необходимую информацию, а туземцы ничего не заподозрят. После этого...

— Демонстрация силы? — высказался По-Дук, которому очень хотелось проявить себя с лучшей стороны.

— Определенно.— Ид-Ван протянул тончайшее, не толще волоса, щупальце и ткнул им в один из четырех городов.— Это место ничем не хуже других. Мы уничтожим здесь все живое, а сами будем наблюдать с орбиты, как отреагируют остальные

туземцы. Серьезный удар — самый надежный способ выяснить, насколько хорошо организован покоряемый мир.

— На последних шести планетах,— осмелился напомнить По-Дук,— мы не обнаружили высокой организации. Туземцы паниковали, или молились, или делали то и другое сразу.

— Так же поступали и мы, когда разразилось Великое Бедствие, в год...— начал было Би-Нак, но не договорил, увидев зловещий огонек в глазах Ид-Вана.

Ид-Ван обернулся к По-Дуку.

— Вызови командира разведывательной группы и скажи, чтобы пошевеливался. Мне нужны действия.— Он впился тяжелым взглядом в Би-Нака и добавил: — Действия, а не пустая болтовня.

Толстяк по имени Олли Кампенфельдт медленно ковылял к длинной постройке, откуда доносились гитарный перебор и оживленный гомон. Олли хмурился и то и дело вытирал лоб.

Поблизости стояло еще несколько таких же домиков, в некоторых горели огни, но большинство тонуло в темноте. Желтая луна висела почти над кромкой глухого дощатого забора, которым был окружен лагерь, и дома отбрасывали длинные тени на аккуратно подстриженные лужайки с бордюрами из цветов.

Кампенфельдт ввалился в шумную комнату и принялся ругаться. Гитара перестала тренькать. Разговор утих. Некоторое время спустя погасли и лампы. Вышел он из домика в сопровождении группы мужчин, большинство из которых немедленно разошлись.

Двое оставшихся последовали за ним к строению, расположенному у единственных в этом крепком заборе ворот. Один из них негромко уговаривал Олли:

— Ну хорошо, ты прав, людям необходим сон. Но откуда нам было знать, что уже так поздно? Почему бы тебе не завести здесь часы?

— Последние не так давно сперли. А они обошлись мне в полсотни.

— Ха! — фыркнул первый.— Нет часов — нет и такого понятия, как «поздно». Я никуда не спешу. Перестань шуметь и отправляйся спать. Подумать только: здесь нет часов, потому что здесь живет одна голытьба. Как будто я снова в тюряге.

Его товарищ, шедший с другой стороны от Кампенфельдта, оживился:

— Э, да ты не рассказывал, что побывал в тюрьме.

— Тот, кто проработал десять лет ночным репортером в большой газете, считай, побывал везде,— отозвался первый.— Даже

в дурдоме. Даже на кладбище, если уж на то пошло.— Он вдруг остановился, поднялся на цыпочки и посмотрел на север.— Что это было?

— Ты о чем? — спросил Кампенфельдт, вытирая лоб и тяжело дыша.

— Что-то вроде кольца сверкающих красных огней. Оно плавно опустилось в лес.

— Метеор? — предположил Кампенфельдт без особого интереса.

— Померещилось,— сказал второй, который ничего не заметил.

— Слишком медленно для метеора,— заявил первый, не переставая вглядываться в темную даль.— Я же сказал, что оно опустилось плавно. Метеоры не опускаются плавно. Они проносятся, пролетают или промелькивают. И потом, я ни разу не слыхал, чтобы метеоры были такой формы и такого цвета. А это кольцо скорее похоже на горящий самолет. Может, это и был горящий самолет.

— Через час узнаем,— пообещал Кампенфельдт, раздражаясь при мысли о том, что через час ему, возможно, снова придется вставать.

— Каким образом?

— Весь лес в радиусе пяти миль будет пылать. Такой суши на моей памяти еще не было. Все займется от одной искры.— Он неуклюже взмахнул пухлой рукой.— Если пожар не начнется, значит, это не самолет.

— А что тогда?

— Не знаю и знать не хочу,— устало отрезал Кампенфельдт.— Мне вставать рано.

Он поковылял к своему домику, зевая во весь рот. Двое других еще немного постояли на улице, посмотрели на север. Ничего необычного видно не было.

— Померещилось,— повторил один.

— Я видел что-то странное. Не знаю, что это могло быть, но я видел. А глаза у меня острые.— Человек отвернулся и пожал плечами.— Ладно, ну его к дьяволу.

Они отправились спать.

Капитан Ид-Ван давал указания командиру разведывательной группы.

— Захватите нескольких представителей местных форм жизни. Сгодятся первые попавшиеся — при условии, что они будут разные, большие и маленькие. Нужно их изучить.

— Есть, капитан.

— Собирайте образцы только в непосредственной близости от корабля. К югу отсюда находится лагерь, в котором, несомненно, имеются разумные существа. Держитесь от него подальше. Указания относительно этого лагеря получите после того, как будут изучены низшие формы жизни.

— Все понял. Мы не оставим без внимания ни одной мелочи. Мы профессионалы.

— Да? — брюзгливо осведомился Ид-Ван.— Почему же ты тогда оставил без внимания тот факт, что я отрастил гибкие пальцы на ногах?

— Прошу прощения, капитан,— спохватился разведчик и поспешно отрастил точно такие же пальцы.

— На этот раз я закрою глаза на твою неучтивость, но чтобы такого больше не повторялось. Пришли ко мне главного радиотехника, а потом отправляйся выполнять задание.

Радиста, который обзавелся пальцами с похвальным проворством, капитан спросил:

— О чем ты собираешься мне доложить?

— О том, что мы заметили, когда снижались. Туземцы используют для общения эфир.

— Что? — Ид-Ван удивленно дернул себя за ухо, которого еще секунду назад у него не было. Ухо растянулось, словно сделанное из сырого каучука.— Мне об этом не доложили.

— Очень сожалею, я совсем забыл...— начал Би-Нак, потом смешался и быстро изменился, пока Ид-Ван не заметил отсутствия уха.

— Они используют для общения эфир,— повторил радиотехник, уже похвально одноухий.— Мы уловили их сигналы на всем диапазоне. Там по меньшей мере десяток различных речевых образцов.

— Значит, у них нет единого языка,— расстроился Би-Нак.— Это все усложнит.

— Это все упростит,— не согласился Ид-Ван.— Наши разведчики смогут выдать себя за иноземцев и тем самым избежать проблем с речью. Великий Зеленый Бог навряд ли мог бы устроить лучше.

— Мы уловили и другие потоки импульсов,— добавил радист.— Мы полагаем, что с их помощью осуществляется передача изображений.

— Полагаете? Разве вам неизвестно точно?

— Наши приемники не могут обработать эти сигналы, капитан.

— Почему?

— Иной принцип действия,— терпеливо пояснил радист.— Технические различия. На объяснения ушла бы неделя. Короче говоря, наши приемники не могут принять передаваемые туземцами изображения. Можно методом проб и ошибок решить проблему, но на это уйдет уйма времени.

— Но вы принимаете их речь?

— Да. Это сравнительно несложно.

— Они доросли до радио... По крайней мере, этот факт хоть о чем-то нам говорит. Значит, они общаются при помощи голоса и, следовательно, вряд ли обладают телепатическими способностями. Да ради такого лакомого кусочка я бы полетел на край космоса.

Капитан отпустил радиста, подошел к иллюминатору и взглянул на ночной лес — как там его разведчики?

Чутье ригелианина позволило ему с первого взгляда найти добычу, ибо жизнь светилась для него во тьме, как искорка. Такая искорка мерцала на вершине ближайшего дерева. Он увидел, как она полетела вниз, когда дротик-парализатор, брошенный рукой разведчика, попал в цель. Упав наземь, искорка мигнула, но все-таки не погасла. Охотник подобрал ее, поднес к свету. Добыча оказалась зверьком с острыми ушками, мохнатым рыжим туловищем и длинным пушистым хвостом.

Вскоре появились восемь разведчиков, с трудом втащившие на корабль покрытую густой шерстью тушу какого-то свирепого, судя по виду, зверя. Он был большелапый, с длинными когтями и без хвоста. А уж вонял он хуже, чем кровь молобатера с лежалым сыром, вместе взятые. Кроме него принесли еще полдюжины представителей других форм жизни, двое были крылатыми. Все были парализованы, лежали с закрытыми глазами. Всех отнесли к экспертам.

Через некоторое время один из экспертов подошел к Ид-Вану. Он был весь в красных пятнах, и пахло от него чем-то неаппетитным.

— Неизменяемые. Все до единого.

— Превосходно! — воскликнул Ид-Ван.— Если низшие формы таковы, то и высшие тоже.

— Не обязательно, но и не исключено.— заметил эксперт осторожно, чтобы капитан не решил, что ему возражают.

— Посмотрим. Если бы у кого-то из этих существ обнаружилась способность имитировать чужую форму, стремительно меняя свою, мне пришлось бы внести коррективы в мои планы. Но, судя по всему, я могу начинать операцию прямо сейчас.

— Насколько можно судить по этим примитивным существам, у нас не должно возникнуть никаких затруднений с их более сложными собратьями.

— Я так и думал,— согласился Ид-Ван.— Теперь нужно добыть образец.

— Нам понадобится больше одного. Как минимум двое. Это позволит определить степень различия между отдельными особями. Если предоставить это дело разведчикам, они могут перестараться в имитации сходства и тем самым выдать себя.

— Хорошо, мы захватим двоих,— решил Ид-Ван.— Зови командира разведывательной группы.

Командиру разведывательной группы Ид-Ван сказал:

— Все ваши пленники оказались не способны к изменению формы.

— Прекрасно!

— Пфе! — фыркнул Би-Нак.

Ид-Ван вихрем обернулся к нему.

— Это что означает?

— Пфе, капитан,— стушевался Би-Нак, проклиная про себя чуткость каучукового уха. Как можно более спокойно он добавил: — Мне пришла в голову парадоксальная мысль о том, что начальство должно быть гибким и вместе с тем твердым, и «пфе» вырвалось само собой.

— Если бы я был телепатом,— процедил Ид-Ван,— я бы уличил тебя во лжи.

— А ведь в этом что-то есть,— подольстился Би-Нак, проглотив оскорбление.— Пока что мы не встречали ни одного телепатического вида. Мы считаем, что на этой планете высшие формы жизни неизменяемы. В чем тогда причина их верховенства? Возможно, они телепаты.

— Нет, ты только послушай его! — пожаловался Ид-Ван командиру разведывательной группы.— Вечно он носится со своими идеями, суется, куда не просят, и выдумывает проблемы. И надо же было такому случиться, чтобы из всех навигаторов мне достался именно этот!

— Что бывает хорошим, то бывает и плохим,— вставил По-Дук ни к селу ни к городу.

— А этот только и знает, что изрекать бессмыслицу! — возопил Ид-Ван.

И сменил зеленый цвет организма на синий.

Все немедленно посинели, только По-Дук отстал от товарищей. В цветовом отношении он был почти инвалидом, и все об этом знали. Ид-Ван испепелил его взглядом и молниеносно

превратился в сетчатого молобатера. Это был удар ниже пояса. Ид-Ван по праву считался непревзойденным мастером по части подражания молобатерам; он получил немалое удовольствие, наблюдая за тем, как подчиненные корчатся, силясь опередить друг друга.

— Вот видите! — рявкнул он, когда все наконец приняли новую форму.— Не так уж вы хороши. Меня окружают одни лентяи и бездари.

— Да, капитан, мы никуда не годимся,— покаянно подтвердил Би-Нак, испуская специфический молобатеровый запах.

Ид-Ван метнул на него разгневанный взгляд, как будто собирался выругать за зловоние, но затем повернулся к начальнику группы разведчиков и показал на фотографии.

— Это тот самый лагерь, расположенный чуть южнее нас. Как видишь, он соединен длинной извилистой тропой с узкой дорогой, которая уходит далеко за горизонт и там смыкается с большой транспортной артерией. Лагерь расположен в довольно глухом месте, по этой причине мы его и выбрали.

— Выбрали? — эхом отозвался командир разведывательной группы.

— Мы нашли его и намеренно приземлились рядом с ним,— пояснил Ид-Ван.— Чем уединеннее источник образцов, тем меньше вероятность того, что нас обнаружат в самом начале операции, и тем больше нужно времени аборигенам, чтобы принять ответные меры.

— А, ну да! — сказал командир разведывательной группы, вновь обретя сообразительность, на которой отрицательно сказалось превращение в молобатера.— Это обычная процедура. Мы должны напасть на лагерь и раздобыть образцы?

— Два образца,— подтвердил Ид-Ван.— Любые, которые сможете захватить, не поднимая преждевременного шума.

— Это будет несложно.

— По-другому и быть не может. Смогли бы мы оказаться здесь и делать то, что делаем, если бы все не давалось нам с такой легкостью?

— Нет, капитан.

— Превосходно. Отправляйтесь за образцами. Захватите с собой радиотехника. Пусть выяснит, нет ли в лагере рации или какого-либо иного средства сверхбыстрой связи, которое нельзя увидеть на этой фотографии. Если у туземцев обнаружится какое-нибудь средство связи, необходимо вывести его из строя, предпочтительно таким способом, чтобы можно было списать на случайность.

— Отправляться прямо сейчас? — спросил командир разведывательной группы.— Или попозже?

— Немедленно, пока еще темно. Мы заметили, что с наступлением ночи освещение городов слабеет и дорожное движение ослабевает. По всей видимости, туземцы ведут дневной образ жизни. Пик их активности приходится на дневное время. Раздобудьте образцы как можно быстрее и возвращайтесь до рассвета.

— Есть, капитан.

Командир разведывательной группы вышел за дверь, все так же почтительно находясь в облике молобатера.

Би-Нак зевнул и заметил:

— Я тоже недолюбливаю ночной образ жизни.

— Ты на вахте,— строго напомнил ему Ид-Ван,— до тех пор, пока я не сочту нужным сказать, что ты не на вахте. А я не намерен говорить, что ты не на вахте, пока остаюсь на своем посту.

— Пример — лучший учитель,— заискивающе поддакнул По-Дук.

Ид-Ван немедленно набросился на него:

— Заткнись!

— Он просто хотел обратить ваше внимание,— заметил Би-Нак, пощипывая ненастоящие зубы ненастоящими пальцами.

Кампенфельдт по-слоновьи топал к паре, растянувшейся на траве. Он на ходу вытирал лоб, но делал это исключительно по привычке. Солнце еще не взошло до конца и только начинало пригревать. В воздухе стояла утренняя прохлада. Кампенфельдт не потел, но все равно утирался.

Один из разлегшихся на траве мужчин томно перевернулся на бок и поприветствовал его возгласом:

— Все-то ты на ногах, Олли! Почему бы не поваляться на травке, не позагорать в кои-то веки?

— Позагораешь тут с вами, как же! — Кампенфельдт снова утерся и, казалось, сдался.— Я ищу Джонсона с Гриром. Каждое утро одно и то же — кто-нибудь обязательно опоздает на завтрак.

— Они что, не у себя? — Второй с трудом уселся и принялся лениво выдергивать из земли травинки.

— Нет. Там я посмотрел первым делом. Должно быть, встали в несусветную рань, потому что никто не видел, как они уходили. Почему никто не считает нужным предупредить меня, что отправляется в лес и может опоздать? Оставлять им теперь завтрак, не оставлять?

— Обойдутся,— высказался второй, снова укладываясь на траву и прикрывая глаза от солнца.

— В следующий раз будут знать,— поддержал его первый.

— Их нет в лагере,— пожаловался Кампенфельдт,— но и за ворота они не выходили.

— Может, перелезли через забор? — предположил первый.— Они так делают, когда уходят на ночную рыбалку. Вот ведь чокнутые! Надо быть не в своем уме, чтобы среди ночи шляться черт знает где.— Он взглянул на Олли.— Когда ты к ним заглядывал, удочки были на месте?

— Я не догадался посмотреть,— проворчал Кампенфельдт.

— И не смотри. Они взяли удочки, голову даю на отсечение. Любят показывать всем, какие они крутые. Ну так и пусть показывают. У нас свободная страна.

— Да,— согласился Кампенфельдт с неохотой.— Но они должны были предупредить меня насчет завтрака. Теперь их порции пропадут зря, если только я сам их не съем.

Он развернулся и поковылял прочь, все еще не успокоившись и время от времени вытирая лоб; двое смотрели ему вслед.

— Судя по его фигуре, здесь почти ничего не пропадает зря,— заметил один из загоравших на траве.

Показался эксперт — в красных пятнах и неаппетитно пахнущий, как и в прошлый раз.

— Они ничем не отличаются от всех предыдущих: устойчивая форма.

— Неизменная? — уточнил Ид-Ван.

— Да, капитан.— Эксперт с отвращением оглядел жуткие пятна на своем теле и добавил: — В конце концов мы разделили их, поместили в разные комнаты. Сначала убили одного, затем второго. Первый сопротивлялся при помощи конечностей и сильно шумел, но не проявил никаких необычных способностей. Другой в момент захвата был уже возбужден, но за время пребывания у нас его возбуждение не возросло. Было совершенно ясно, что он не имеет представления о том, что происходит с его товарищем. Мы и его убили после того, как он оказал нам сопротивление тем же самым способом, что и первый. Из этого следует, что аборигены не обладают ни гипнотическими, ни телепатическими способностями. Они в высшей степени беспомощны даже в момент смерти.

— Отлично! — с удовлетворением воскликнул Ид-Ван.— Вы славно потрудились.

— Это еще не все, капитан. Впоследствии мы подвергли тела тщательному осмотру и не смогли обнаружить никаких органов чутья жизни. Очевидно, у них единственное средство восприятия жизни — обычное зрение.

— Еще лучше,— с энтузиазмом заметил Ид-Ван.— Ни чутья жизни, ни датчиков движения, ни способности настроиться на чужой организм и определить его местонахождение. Значит, оставшиеся в лагере не знают, куда делись эти двое.

— Сейчас уже точно не смогут определить их местонахождение,— напомнил эксперт,— поскольку оба образца мертвы.— Он выложил на стол два предмета.— Эти вещи были при них. Я подумал, вам они могут показаться любопытными.

Эксперт вышел, а Ид-Ван принялся рассматривать предметы. Это были два небольших не то заплечных мешка, не то ранца, сшитых из шкуры какого-то животного, хорошо выделанной и ярко блестящей, с ременными петлями по краям.

Он вывалил их содержимое на стол. Среди вещей обнаружились две длинные плоские металлические коробочки, а внутри них — белые трубки, набитые какой-то сушеной травой. Два металлических приспособления, довольно схожих друг с другом, при помощи которых можно высечь искры и зажечь огонь. Тонкая мягкая пластина с набором замысловатых символов с одной стороны и цветным изображением высоких башен какого-то города с другой. Небольшое увеличительное стекло. Два инструмента для письма: черный и серебристый. Громко тикающий примитивный измеритель времени с тремя указателями. Несколько похожих на насекомых предметов с прикрепленными к ним острыми крючками. Четыре аккуратно сложенных матерчатых квадрата непонятного назначения.

— Гм! — Капитан затолкал все вещи обратно в сумки и бросил их По-Дуку.— Отнеси это в мастерскую, пусть сделают шесть приличных копий со всем содержимым. Они должны быть готовы к следующей ночи.

— Шесть? — усомнился По-Дук.— Разведчиков же будет восемь.

— Болван! Два недостающих ты держишь в руках.

— Ну да,— подтвердил По-Дук, зачарованно глядя на предметы, как будто они только что взялись из ниоткуда.

— Бывают времена и времена.— изрек Би-Нак, когда По-Дук вышел.

Ид-Ван оставил это высказывание незамеченным.

— Я должен взглянуть на тела. Мне любопытно.

Он направился в операционную. Би-Нак поплелся за ним.

Похищенные и умерщвленные существа оказались не такими отвратительными, как те, что попадались на других планетах. Эти лежали бок о бок, длинные, худощавые, бронзовокожие, с двумя руками, двумя ногами и темными космами на головах. Их мертвые глаза почти не отличались от глаз ригелиан. Их плоть

показалась капитану ужасно твердой, несмотря на то что она была насквозь пропитана красным соком.

— Примитивные создания,— заявил Ид-Ван и ткнул одного из них.— Поразительно, как они вообще умудрились добраться до такой ступени развития.

— У них на удивление ловкие пальцы,— пояснил главный эксперт.— И хорошо развитый мозг, куда лучше, чем я ожидал.

— Мозги им еще понадобятся,— удовлетворенно кивнул Ид-Ван.— Мы слишком высокоразвитая раса, чтобы нам прислуживали идиоты.

— Поистине так,— вставил Би-Нак, воспрянув духом.— Во Вселенной именно ригелианин — венец творения.

— Хотя иногда я в этом сомневаюсь,— процедил Ид-Ван, буравя его взглядом. Потом перевел глаза обратно на эксперта.— Отнесите эти трупы разведчикам и скажите, чтобы хорошенько потренировались. Сегодня вечером я выберу восемь лучших имитаторов. И пусть только попробуют меня подвести!

— Есть, капитан.

Командир разведывательной группы предстал перед Ид-Ваном, когда из-за далекого холма высовывался лишь тонкий багровеющий краешек заходящего солнца. Над землей разливалась прохлада, но ригелиане не боялись замерзнуть. В эту пору года ночи здесь были лишь слегка холоднее, чем дни.

Ид-Ван спросил:

— Сегодня утром у вас были какие-нибудь затруднения с образцами?

— Никаких, капитан. Главной нашей заботой было добраться до корабля, пока не стало совсем светло. На дорогу до лагеря ушло больше времени, чем мы предполагали. Когда мы прибыли к лагерю, уже начинало светать. Однако нам повезло.

— Каким образом?

— Эти двое уже находились за пределами лагеря, как будто Великий Зеленый Бог послал их нам. Они несли несложные приспособления для каких-то водных игр. Нам оставалось только метнуть в них дротики. Они не успели издать ни звука. Сон тех, кто остался в лагере, не был потревожен.

— А что у них со средствами связи?

— Техник не обнаружил ни одного,— ответил командир разведывательной группы.— Ни воздушных проводов, ни подземных кабелей, ни антенны — ничего.

— Это очень странно,— заметил Би-Нак.— Почему эти существа такие развитые — и вместе с тем такие беспомощные?

Они же стоят на высшей ступени эволюции земной жизни, насколько я понимаю?

— Они не играют важной роли в мироустройстве,— заявил Ид-Ван.— Вне всякого сомнения, они каким-то образом прислуживают деревьям, например, берегут их от пожаров. Это не имеет значения.

— Как не имеет значения, когда мы торчим на их планете? — пробурчал Би-Нак себе под нос.— Я чувствовал бы себя гораздо лучше, если бы мы уже взорвали один из их городов, или десяток, или даже полсотни. Тогда мы узнали бы их реакцию и могли бы сообщить о ней на родину. Мне уже не терпится лететь обратно, пусть даже потом придется возвращаться сюда вместе с основным флотом.

— Разведчики готовы к проверке? — спросил Ид-Ван.

— Они ждут вас, капитан.

— Замечательно. Я иду.

Он направился в тренировочный отсек и внимательно оглядел два десятка ригелиан, выстроившихся в шеренгу у стены. Два трупа положили неподалеку — для сравнения. Подвергнув всех до единого разведчиков придирчивому осмотру, он выбрал восьмерых, после чего двенадцать оставшихся немедленно превратились в точные копии его самого. Но эти восемь были хороши, очень хороши. Четверо Джонсонов и четверо Гриров.

— Такую форму имитировать легче легкого,— заметил командир группы.— Я сам мог бы без труда сохранять ее несколько дней подряд.

— И я тоже,— согласился Ид-Ван. И обратился к шеренге двуруких и двуногих бронзовокожих существ, которые могли стать, кем бы он ни приказал.— Запомните непреложное правило: ни в коем случае не меняйте форму, пока задание не будет выполнено. Не меняйте даже под угрозой гибели.

Они выказали понимание.

Он продолжал:

— Во всех выбранных нами объектах имеются большие парки, над которыми вас сбросят перед самым рассветом. После этого делайте все то, что не раз делали прежде: добывайте все доступные сведения, не навлекая на себя подозрений. В особенности нас интересуют местное оружие и источники энергии. Не заходите в здания, прежде чем убедитесь, что вас не задержат. Не заговаривайте с туземцами и не позволяйте им заговаривать с вами. В самом крайнем случае отвечайте, имитируя другой речевой образец.

— Фанцики моула? Су финадакта бу! — услужливо подсказал Би-Нак, на ходу выдумав пример.

Ид-Ван прервался и бросил на него неодобрительный взгляд, потом продолжил:

— Прежде всего будьте осмотрительны. Не позволяйте служебному рвению возобладать над осторожностью. Вас восемь, и любой может заметить то, что пропустит другой.

Разведчики снова закивали, совсем по-человечески. Они были бы совершенно неотличимы от людей, если бы в каждом не горел ригелианский огонь жизни.

— В самом крайнем случае прекращайте поиски и отсиживайтесь в укрытии, пока не настанет время возвращаться,— закончил он.— К следующей полуночи каждый из вас должен оказаться в месте высадки. Вас заберут.— Он повысил голос для пущей выразительности.— И ни в коем случае не меняйте облик раньше этого времени.

Они знали свое дело. Между полуночью и рассветом они не изменились ни на волосок, когда бесстрастно шагали в колонне к шлюпке. Ид-Ван пришел окинуть их последним взглядом. Каждый шел в точности так, как ходил послуживший для него образцом пленник, так же размахивал при ходьбе руками и имел то же выражение лица. У каждого был при себе заплечный мешок со всем содержимым и миниатюрный дротикомет.

Шлюпка взмыла над деревьями и понесла их сквозь тьму. Немногочисленные существа, обитавшие на деревьях, были возмущены тем, что нарушили их покой, и подняли писк.

— Я не вижу ни одного корабля,— отметил Ид-Ван, глядя на небо.— Ни одного следа ракеты меж звезд. У них нет ничего, кроме этих их неповоротливых воздушных машин, которые с трудом пробираются сквозь облака.— Он вздохнул.— Когда наступит срок, эта планета сама упадет к нам в руки, как кардафрут с ветки нодуса. Все это слишком просто, слишком элементарно. Иногда я даже думаю, что было бы интереснее, если бы мы хоть однажды встретили сопротивление.

Би-Нак решил промолчать — двое суток, проведенных на вахте в обществе неугомонного Ид-Вана, лишили его силы спорить. Он зевнул, посмотрел воспаленными от недосыпа, равнодушными глазами на звезды и поплелся следом за Ид-Ваном на корабль.

Ид-Ван направился к шаровым датчикам движения. Их было восемь — как и улетающих разведчиков. Внутри каждой сферы горел яркий огонек, обозначая сияние далекой жизни. Он смотрел, как точки перемещаются и уменьшаются по мере удаления разведчиков. Немного спустя вернулась шлюпка и доложила о

том, что все восемь благополучно достигли земли. Точки продолжали светить, но больше не менялись. Ни одна не шелохнулась до тех пор, пока небо на востоке не пронзил алый луч солнца.

Олли Кампенфельдт поставил на поднос еще один нетронутый стакан, хмуро глянул в черное окно и сказал:

— Уже два часа как стемнело. Они целый день где-то ходят. Без завтрака, без обеда, без ужина. Человек не может питаться святым духом. Не нравится мне это.

— И мне тоже,— поддакнул один из его собеседников.— Может, что-нибудь случилось?

— Если бы один из них сломал ногу или шею, второй вернулся бы и сказал нам,— заметил другой собеседник.— И потом, если бы речь шла не о них, я бы сам предложил начать поиски. Но мы все знаем эту парочку. Джонсон и Грир уже не в первый раз уходят в лес. Небось, насмотрелись фильмов про Тарзана. Это просто великовозрастные мальчишки.

— Джонсон — не мальчишка,— возразил первый,— а бывший флотский тяжеловес, которому до сих пор не сидится на месте.

— Ну, возможно, они просто заблудились. Здесь заплутать легче легкого, собьешься с дороги — и все. Я сам четырежды ночевал в лесу и...

— Мне это не нравится,— решительно перебил его Кампенфельдт.

— Ну хорошо, тебе это не нравится. И что ты будешь делать? Позвонишь в полицию?

— У нас нет телефона, и вам всем это отлично известно,— отрезал Кампенфельдт.— Кто согласится тянуть провод в такую глухомань? — Он задумался, устало хмурясь, и потер лоб.— Ждем до утра. Если не вернутся, я пошлю Сида на мотоцикле к лесничим. Чтобы никто потом не говорил, что я сидел на заднице и ничего не делал.

— Это решение настоящего мудреца, Олли,— одобрил один из собеседников.— Ты заботишься о детях природы, а они позаботятся о тебе.

Раздался добродушный смех. Через полчаса о Джонсоне и Грире никто уже и не вспоминал.

Было еще довольно рано, когда операторы группы слежения ворвались в капитанскую каюту, забывшись настолько, что даже не приняли форму Ид-Вана. Главный из троих, который так и остался круглым и светло-фиолетовым, бешено жестикулировал щупальцами.

— Две исчезли, капитан.

— Что за «две» и куда они исчезли? — осведомился Ид-Ван зловеще.

— Две динамические искры пропали.

— Вы уверены?

Не дожидаясь ответа, Ид-Ван бросился к датчикам.

Все обстояло именно так. В шести сферах мерцали крошечные светлячки. Две были тусклыми. Прямо у него на глазах потемнела еще одна. Потом стремительно, одна за другой, еще три.

Появившийся командир группы разведки спросил:

— В чем дело? Что-то случилось?

Очень медленно, почти по слогам, Ид-Ван ответил:

— Только что шесть разведчиков лишились жизни.— Он тяжело дышал и, похоже, с трудом верил своим глазам.— Эти приборы говорят, что они мертвы, а если они действительно мертвы, то не могут больше сохранять форму. Их тела самостоятельно вернут себе облик их предков. Вы все понимаете, что это означает...

— Полный провал,— произнес командир группы разведки, мрачно глядя на шары.

Два последних огонька померкли.

— Общая тревога! — закричал Ид-Ван, на которого это зрелище подействовало как удар током.— Закрыть все иллюминаторы! Задраить люки! Подготовиться к взлету! — Он яростно накинулся на По-Дука: — Ты — пилот! Что хлопаешь глазами, как только что вылупившийся эбельминт? Марш за пульт, идиот,— нельзя терять время!

Ид-Ван краешком глаза заметил сквозь иллюминатор нечто продолговатое и блестящее, но слишком быстрое, чтобы можно было его разглядеть. Оно исчезло едва ли не прежде, чем показалось. Но производимый им шум был слышен еще долго. Леденящий душу вой.

Радиотехник доложил:

— Идут мощные сигналы, их источник где-то близко...

Под днищем корабля что-то чихнуло, заискрило и снова чихнуло. От искр загорелось высокое дерево, которое пощадил огонь при приземлении ригелиан. Дым, наверное, был виден с расстояния в несколько миль. Ид-Ван приплясывал от нетерпения. Потом кинулся в рубку.

— Давай же, По-Дук, взлетай!

— Мы еще не развили достаточную подъемную силу, капитан, и приборы показывают, что...

— Смотрите! — завопил Би-Нак и в последний раз обратил внимание капитана на иллюминатор.

В небе темнел стремительно приближающийся клин из семи точек. Точки удлинились и отрастили крылья. Они беззвучно пронеслись прямо над кораблем. От днищ летательных аппаратов отделились черные комки, полетели вниз, на корабль ригелиан.

Запоздавшего рева самолетов пришельцы так и не услышали — его заглушил ужасный грохот бомб.

И тогда ригелиане превратились в последний раз — в облако молекул.

Специальный корреспондент с телевидения поудобнее устроился в кресле и пожаловался:

— Стоило мне только сунуть нос в студию, как босс кинулся ко мне и велел во все лопатки чесать сюда, показывать затаившему дыхание миру беспристрастные кадры бесчинства бешеных марсиан. Я несусь на всех парах, тут вмешивается военная авиация и задерживает меня на несколько часов. И когда наконец добираюсь, что же я вижу? — Он обиженно засопел.— Какие-то дымящиеся головешки вокруг гигантской воронки. И больше ничего. Ровным счетом ничегошеньки.

Кампенфельдт вытащил из кармана бескрайний носовой платок и повозил им по лбу.

— Мы живем в отрыве от цивилизации. У нас ни телефона, ни радио, ни телевизора. Я не знаю, о чем вы говорите.

— В общем, дело было так,— пустился в объяснения репортер.— Ночью пришельцы высадили своих шпионов в городских парках. Да только не сделали первые двое и двадцати шагов, как фараоны их сцапали.

— Кто-кто сцапал?

— Полицейские,— просветил репортер.— Мы показали первых двоих в утреннем выпуске новостей. Нам тут же позвонили с десяток зрителей и сказали, что знают их, это Джонсон и Грир. Ну, мы и решили, что у вышеупомянутых Джонсона с Гриром не все дома.— Он мрачно хохотнул.

— Порой я и сам склонялся к такому выводу,— сказал Кампенфельдт.

— Еще через полчаса другой телеканал нарушил наши авторские права, тоже показав Джонсона с Гриром. Через десять минут его примеру последовал третий. К десяти утра чужаков уже было четыре пары, похожих друг на друга как близнецы, и все были пойманы при сходных обстоятельствах в общественных

парках. Как будто весь мир сошел с ума и возжелал быть Джонсоном или Гриром.

— Нет уж,— возразил Кампенфельдт.— Я бы не хотел быть кем-нибудь из них. Ни за какие коврижки.

— Это, разумеется, была сенсация. Телеканалы объединились и показали всех восьмерых в полуденном выпуске, который транслируют на всю страну. Мы поняли только, что наткнулись на что-то очень странное. Программу увидели ребята из военной разведки, они вытрясли из местных легавых все подробности, сложили два и два и получили четыре, если не восемь.

— Из кого вытрясли?..

— Из легавых. Контрразведчики нажали на всех этих Джонсонов и Гриров. Подвергли их, назовем это так, усиленной обработке. После этого шпионы заговорили как миленькие, но несли какую-то околесицу. В конце концов один из них попытался сбежать и схлопотал пулю. Когда грохнулся на землю, он все еще был Джонсоном, но через минуту его тело превратилось в черт знает что... Бог ты мой, какая мерзость! Да вас бы от одного взгляда вывернуло наизнанку.

— В таком случае я бы предпочел обойтись без подробностей,— сообщил Кампенфельдт, поглаживая брюшко.

— Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Все, что не с нашей планеты, определенно должно быть с какой-нибудь другой. Власти уже серьезно принялись за семерых оставшихся, которые вели себя как ни в чем не бывало, пока не поняли, что мы их раскусили. После этого они дружно совершили самоубийство, и мы остались с восемью комками какой-то скользкой гадости на руках и в полном недоумении.

— Бр-р! — передернуло Кампенфельдта.

— У нас осталась единственная зацепка: настоящие Джонсон и Грир. Поскольку инопланетные твари скопировали облик реальных людей, следовало искать их последнее известное местопребывание. Все говорило о том, что корабль чужаков должен находиться где-то неподалеку. Мы сообщили с экрана, что разыскиваются настоящие Джонсон и Грир. Их многочисленные друзья сообщили, что они здесь, у вас. Потом объявились лесничие и сказали, что вы только что заявили об их исчезновении.

— Заявил,— подтвердил Кампенфельдт.— А если бы знал, куда они подевались, то и сам бы исчез. Драпал бы отсюда, не разбирая дороги.

— В общем, в дело вступила авиация. Летчикам было велено провести разведку. В случае обнаружения корабля они должны были удержать его на земле, не допустить бегства. Но вы же знаете этих ребят, им только дай волю. От корабля даже мок-

рого места не осталось. Ну и что мне теперь снимать? Воронку и дымящиеся пеньки?

— Невелика потеря,— заметил Кампенфельдт.— Кому охота смотреть на тварей, которые могут забраться в твою постель, прикинувшись дядюшкой Вилли? Мы бы потом до конца жизни не разобрались, кто есть кто.

— Это точно.— Репортер на погрузился в мрачную задумчивость, потом добавил: — Хотя притворялись они отменно. С их способностями вполне могли бы обвести нас вокруг пальца, если бы только умели ими пользоваться. Надо же было дать такого маху с выбором образцов для подражания.— Он почесал макушку, косо взглянул на собеседника.— Просто в голове не укладывается, что на всем белом свете они не нашли места лучше, чем нудистский лагерь.

— Природный оздоровительный центр,— поправил насупившийся Кампенфельдт.

Свидетельствую

Еще никогда ни один суд не привлекал столь пристального внимания мировой общественности. Шесть телекамер медленно поворачивались вслед за торжественно шествующими к своим местам юридическими светилами в красных и черных мантиях. Десять микрофонов доносили до обоих полушарий Земли скрип ботинок и шелест бумаг. Двести репортеров и специальных корреспондентов заполнили балкон, отданный целиком в их распоряжение. Сорок представителей ЮНЕСКО взирали через зал суда на вдвое большее число ничего не выражающих, натянутых физиономий дипломатов и государственных чиновников.

Отказались от традиций. Процедура не имела ничего общего с обычной — это был особый процесс по совершенно особому делу. Вся техника была приспособлена к тому, чтобы соответствовать совершенно необычайному, ни на что не похожему обвиняемому. И высокие титулы судей подчеркивались театральной пышностью обстановки.

На этом процессе не было присяжных, зато было пять судей. И миллиард граждан, которые следили за процессом дома у телевизоров и готовы были обеспечить справедливую игру. Вопрос о том, что же считать «справедливой игрой», заключал в себе столько вариантов, сколько невидимых зрителей следило за спектаклем, и большинство этих вариантов диктовалось не разумом, а чувствами. Ничтожное меньшинство зрителей ратовало за сохранение жизни обвиняемому, большинство же страстно желало ему смерти; были и колеблющиеся, согласные на изгнание его,— каждый в соответствии со своим впечатлением от этого дела, вынесенным в результате длительной фанатичной агитации, предшествовавшей процессу.

Члены суда неуверенно, как люди слишком старые и мудрые, чтобы выступать у рампы перед публикой, заняли свои места.

Наступила тишина, нарушаемая только боем больших часов, расположенных над судьями. Было десять часов утра 17 мая 1987 года. Микрофоны разнесли бой часов по всему миру. Телекамеры передали изображения судей, часов и, наконец, того, что было в центре внимания всего человечества: существа на скамье подсудимых.

Шесть месяцев прошло с того дня, как это существо стало сенсацией века, точкой, на которой сфокусировалось ничтожное количество безумных надежд и гораздо больше — безумных страхов человечества. Потом оно так часто появлялось на экранах телевизоров, на страницах журналов и газет, что чувство удивления прошло, а надежды и страхи остались. Постепенно его начали воспринимать как нечто карикатурное, дали ему презрительное прозвище Кактус; одни стали к нему относиться как к безнадежно уродливому глупцу, другие — как к коварному эмиссару еще более коварной иноземной цивилизации. Таким образом, близкое знакомство породило презрение, но не настолько сильное, чтобы убить страх.

Его звали Мэт; оно прибыло с одной из планет системы Проциона. Около метра в высоту, ярко-зеленое, с ножками-подушечками, ручками-обрубками, снабженное отростками и ресничками, все это существо было в колючках и выступах и выглядело как взрослый кактус.

Только у него были глаза, большие золотистые глаза, которые наивно смотрели на людей в ожидании милосердия, потому что существо это никогда никому не причиняло зла. Жаба, просто загрустившая жаба с драгоценными камнями на голове.

Секретарь в черной мантии напыщенно провозгласил:

— Заседание специальной коллегии суда, созванной под эгидой юриспруденции Соединенных Штатов Америки, объявляю открытым! Внимание!

Тот судья, что сидел в центре, посмотрел на коллег, поправил очки, кинул хмурый взгляд на «жабу», или «кактус», или как его еще назвать.

— Мэт с Проциона, нам известно, что вы не способны ни слышать, ни произносить слова, но можете телепатически понимать нас и отвечать в письменной форме.

Телекамеры тут же показали, как Мэт повернулся к доске, установленной за скамьей подсудимых, и написал мелом одно слово: «Да».

Судья продолжал:

— Вы обвиняетесь в том, что незаконно попали в мир под названием Земля, точнее — страну, называемую Соединенными Штатами Америки. Признаете ли вы себя виновным?

Большими белыми буквами Мэт вывел на доске: «А как еще можно сюда попасть?»

Судья нахмурился:

— Будьте добры отвечать на мои вопросы.

— Не виновен.

— Вам предоставлен защитник. Есть ли у вас возражения против его кандидатуры?

— Благословен будь, миротворец.

Немногие восприняли это как остроту. Большинство решило, что это сам дьявол цитирует Библию.

Судья вздохнул, протер стекла очков и откинулся на спинку кресла.

Расправив мантию на плечах, встал прокурор. Это был высокий, длиннолицый человек с пронзительным взглядом маленьких глаз.

— Первый свидетель!

Из зала вышел тщедушный человечек, неловко присел на стул свидетелей, беспокойно перебирая пальцами.

— Ваше имя?

— Сэмуэл Нолл.

— Ваша ферма расположена близ Денвила?

— Да, сэр. Я...

— Не называйте меня «сэр». Только отвечайте на вопросы. Это существо приземлилось на территории вашей фермы?

— Ваша честь, я протестую! — поднялся с места адвокат, человек чрезвычайно полный и краснолицый, по-видимому сангвиник.— Мой клиент — юридическое лицо, а не какое-то там существо. Поэтому его следует называть «обвиняемым».

— Протест отклоняется! — отрезал судья в центре.— Продолжайте, мистер прокурор.

— Итак, это существо приземлилось на территории вашей фермы?

— Да,— ответил Сэмуэл Нолл, с гордостью глядя в объективы телекамер.— Оно свалилось как снег на голову и...

— Отвечайте только на вопросы. Посадка сопровождалась серьезными разрушениями?

— Да.

— Что пострадало?

— Два сарая и большая часть урожая. Убытков на три тысячи долларов.

— Существо проявило при этом какие-либо признаки раскаяния?

— Никаких.— Нолл сердито оглядел зал.— Вело себя как ни в чем не бывало.

Прокурор сел, насмешливо улыбнувшись своему толстому противнику.

— Передаю свидетеля защите,— сказал он.

Адвокат встал, благожелательно посмотрел на Нолла и спросил:

— Скажите, ваши сараи — это восьмиугольные башни с жалюзи в стенах и барометрически управляемыми крышами?

Нолл вскинул брови и тихо ахнул:

— Чего?

— Ну, хорошо. Оставим это, ответьте мне на такой вопрос: ваш урожай, по-видимому, состоял из фузлинов и двухцветных меркинсов?

— Это был ячмень, зрелый ячмень,— в отчаянии произнес Нолл.

— Бог мой! Ячмень — надо же! А вам знакомы фузлины и меркинсы? Вы бы их узнали, если бы увидели?

— Пожалуй что нет,— неохотно признался Нолл.

— Разрешите заметить, что вам просто недостает умственных способностей,— резко заключил адвокат.— И я бесконечно сожалею об этом, поверьте мне. Вы видите по моему лицу, как это меня огорчает?

— Не вижу,— ответил Нолл, чувствуя, как его трон перед телекамерами превращается в ложе, утыканное гвоздями.

— Другими словами, вы не увидели бы и раскаяния, будь оно написано на моем лице?

— Протестую! — загремел прокурор, заливаясь краской.— Нельзя сознательно заставлять свидетеля...

Он остановился, заметив, что его соперник опустился на стул. Поспешно взяв себя в руки, прокурор проворчал:

— Следующего свидетеля!

Свидетель номер два был крупный, крепкий, весь в синем мужчина. Держался он уверенно, как человек, давно знакомый с судами и скучными судебными процедурами.

— Имя?

— Джозеф Хиггинсон.

— Вы офицер полиции города Денвила?

— Так точно.

— Это вас вызвал на свою ферму первый свидетель?

— Меня.

Прокурор улыбался, задавая следующий вопрос, в полной уверенности, что теперь-то он целиком овладел событиями.

— Увидев случившееся, вы постарались разобраться в причинах, не так ли?

— Да, конечно.

Мистер Хиггинсон обернулся и бросил сердитый взгляд в умоляющие золотистые глаза обвиняемого.

— И что тогда случилось?

— Оно парализовало меня одним взглядом.

Вмешался судья слева:

— Вы, кажется, выздоровели. Насколько глубок был паралич и сколько времени он продолжался?

— Парализовало меня всего, ваша честь, но часа через два это прошло.

— И за это время,— спросил прокурор,— иноземный преступник успел удрать?

— Да,— мрачно ответил свидетель.

— Резюмируем: существо игнорировало офицера полиции, находившегося при исполнении служебных обязанностей, напало на него и избежало ареста, так?

— Да,— охотно согласился Хиггинсон.

— Передаю свидетеля защите.

Прокурор сел, чрезвычайно довольный собой.

Поднялся адвокат, засунул пальцы за край жилета и с обезоруживающим дружелюбием обратился к Хиггинсону:

— Вы всегда сумеете распознать при встрече своего коллегу полицейского?

— Конечно.

— Очень хорошо. Среди публики в зале сидит полицейский. Будьте добры, покажите его господам судьям.

Хиггинсон внимательно осмотрел немногих присутствующих, которые здесь, в зале суда, представляли куда более обширную аудиторию телезрителей. Телекамеры следовали за его взглядом по рядам зрителей. Судьи, корреспонденты, репортеры, государственные чиновники — все смотрели туда же.

— Он, наверное, в гражданском,— заявил Хиггинсон, сдаваясь.

Судья в центре поспешил вмешаться:

— Вряд ли суд признает доказательством вашей правоты неспособность свидетеля узнать полицейского, одетого в штатское.

— Конечно, ваша честь,— согласился адвокат.

На его круглом лице отражалось крушение надежд, что порадовало сердце его наблюдательного противника. Тогда, удовлетворенный тем, что прокурор вознесся на должную высоту, он вдруг просиял и шмякнул его на самое дно:

— Но вышеупомянутый полицейский одет по всей форме.

Прокурор изменился в лице, будто надел новую маску. Хиггинсон чуть не вывихнул шею, делая новую попытку разглядеть полицейского среди зрителей.

— Зеленовато-коричневая форма с красными лампасами,— подсказал адвокат.— Это маршал, начальник корпуса военной полиции.

— Вы мне этого не говорили,— обиженно заметил Хиггинсон.

— А вы тогда, на ферме, сказали обвиняемому, что вы офицер полиции?

Свидетель покраснел, открыл рот, закрыл его, умоляюще посмотрел на прокурора.

— Отвечайте на вопрос,— потребовал судья.

— Нет, я ему этого не говорил.

— Почему?

Вытирая платком лоб, Хиггинсон вдруг сказал охрипшим голосом:

— Не считал нужным: по-моему, это было и так видно. А как по-вашему?

— Задавать вопросы буду я, вы же будете отвечать на них. Что, по вашему мнению, маршал военной полиции «и так виден»?

— Протестую! — замахал руками прокурор.— Мнение — это еще не доказательство.

— Поддерживаю протест! — провозгласил судья в центре. Он посмотрел на адвоката поверх очков.— Суд принимает во внимание тот факт, что обвиняемый любую информацию способен получать телепатически и поэтому свидетель не должен был представляться ему вслух. Продолжайте допрос свидетеля.

Адвокат снова обратился к Хиггинсону:

— Опишите, пожалуйста, во всех подробностях ваше поведение в тот момент, когда вас парализовало.

— Я тогда прицеливался.

— Собирались стрелять?

— Да.

— В обвиняемого?

— Да.

— Это входит в ваши привычки — сначала стрелять, а потом задавать вопросы?

— Привычки свидетеля не относятся к делу,— заявил судья в центре. Он взглянул на Хиггинсона: — Вы можете не отвечать на поставленный вопрос.

Офицер Хиггинсон, удовлетворенно осклабившись, игнорировал вопрос адвоката.

— С какого расстояния вы собирались стрелять? — продолжал допрос адвокат.

— С пятидесяти или шестидесяти ярдов.

— Так далеко? Вы хороший стрелок?

Хиггинсон осторожно кивнул, правда, без всякого чувства гордости. «Определенно этот толстяк — не такой уж простачок»,— подумал он.

— В котором часу вы рассчитываете попасть домой на ужин?

Захваченный врасплох этим неожиданным маневром атакующего, свидетель от изумления открыл рот и произнес:

— К полуночи, наверное.

— Ваша жена будет рада узнать об этом. Если бы не радио и телевидение, разве вы могли бы передать ей это, передать словами?

— Не стану же я орать так, чтоб было слышно в Денвиле,— съехидничал Хиггинсон.

— Конечно не станете. Человеческий голос без помощи радио и телевидения не может преодолеть такое расстояние.— Адвокат потер подбородок, подумал немного и вдруг воскликнул: — А телепатически «орать» на расстояние пятидесяти или шестидесяти ярдов вы станете?

Ответа не последовало.

— Или ваши телепатические способности превосходят способности обвиняемого, который сообщил мне, что у него они ограничены расстоянием в двадцать пять — тридцать ярдов?

Хиггинсон прищурился, но не ответил ничего.

— Вы и сами не знаете своих способностей?

— Не знаю.

— Жаль! — отрезал адвокат и, покачав головой, сел.

Третий свидетель — темная личность оливкового цвета — мрачно разглядывал свои ботинки, пока прокурор не начал допроса.

— Ваше имя?

— Доминик Лолордо.

Он произнес это тихим голосом, будто хотел, чтобы телезрители не только не видели его, но и не слышали.

— Вы — директор рыбного ресторана?

— Да.

— Вы узнаете это существо на скамье подсудимых?

Лолордо скосил глаза.

— Да.

— При каких обстоятельствах вы видели его в последний раз?

— У меня в забегаловке, после закрытия.

— Оно ворвалось в помещение перед самым закатом, и вы проснулись в тот момент, когда оно приступило к грабежу, не так ли?

— Верно.

— Вы не попытались схватить его?

Лолордо состроил гримасу.

— Это его-то? Схватить? Да посмотрите на него!

— Но ведь если бы вы увидели, что вас грабят, наружность вора вас бы не остановила? — многозначительно заметил прокурор.— Тут, конечно, было что-то еще?

— Оно влезло в окно,— сказал Лолордо уже громче прежнего.— Прямо в окно, проделало в нем дыру, повторившую его собственные очертания. И ушло точно тем же путем — просто еще одна такая же дыра в окне. И ни разбитого стекла, ни осколков — ничего. Что бы вы на моем месте стали делать с зеленым кошмаром, который лезет в окно так, как будто там нет никакого стекла?

— Когда существо проявило свои сверхъестественные способности, вы бросились за помощью?

— А вы как думали?!

— Но помощь пришла слишком поздно? Когда бессовестного грабителя и след простыл?

— Да.

Прокурор жестом дал понять, что кончил, и к допросу приступил адвокат.

— Вы утверждаете, что вас ограбили. Что у вас украли?

— Так, пустяки.

— Это не ответ.

— Разве? — Лолордо зевнул с нарочитым безразличием.

Судья в центре, грозно нахмурившись, наклонился вперед.

— Вы что, хотите схватить срок за неуважение к суду?

— Он украл немного лобстеров и устриц,— неохотно, но поспешно ответил Лолордо.

— Другими словами, плотную еду, а? — спросил адвокат.

— Ну, если хотите...

— Вы не подумали, что обвиняемый был безумно голоден?

— Еще чего не хватало — думать! Я только взглянул на него — и давай бог ноги.

— Так что, если даже обвиняемый успел прочитать ваши мысли о том, что он совершил преступление, у него уже все равно не оставалось времени на извинения или на возмещение причиненных вам убытков?

Ответа не последовало.

— А уж мысли-то вы излучали предельно враждебные?

— Да, конечно, в любви ему не объяснялся,— заметил свидетель.

Адвокат обратился к судьям.

— Свидетель не заслуживает доверия. Дальнейший допрос считаю нецелесообразным.

Судьи посовещались, и тот, что в центре, холодно объявил о решении:

— Содержать под стражей в помещении суда до вынесения приговора.

Лордо потопал прочь, бросая по сторонам злобные взгляды.

— Четвертый свидетель!

Трибуну занял энергичный человек среднего возраста — такими в кино представляют солидных президентов банков или знаменитых судей. И, по всей вероятности, с любой из этих ролей он бы великолепно справился.

— Ваше имя?

— Уинтроп Аллен.

— Профессор зоологии, не так ли? — спросил прокурор.

— Совершенно верно.

— Вы узнаете это существо?

— Как не узнать? Несколько месяцев я находился с ним в тесном контакте.

Сделав нетерпеливый жест, прокурор спросил:

— При каких обстоятельствах вы впервые столкнулись с ним?

На такой вопрос, очевидно, можно было бы не отвечать: весь мир знал эти «обстоятельства». О них толковали вкривь и вкось, сопровождая рассказы всякими прикрасами.

Тем не менее Аллен ответил:

— Оно появилось в зоопарке через два часа после закрытия. Как оно туда попало, я не знаю.

— Оно всюду совало свой нос, высматривая все, что можно высмотреть, все наматывая на ус?

Аллен заметил с сомнением:

— Что тут можно сказать...

— Осматривало оно все вокруг или нет?

— Конечно, ему многое удалось увидеть в зоопарке, прежде чем служители обнаружили его, но...

— Пожалуйста, отвечайте без выкрутасов, профессор Аллен,— жестко заметил прокурор.— Продолжим: благодаря невероятному фурору, произведенному прибытием на Землю этого существа, и последующим событиям вашим служащим нетрудно было опознать его?

— Конечно. Они сразу сообщили мне о нем.

— Как же вы тогда поступили?

— Занялся этим делом сам. Нашел ему теплое удобное помещение в незанятой секции павильона рептилий.

Все в зале суда, включая и телевизионные камеры, с уважением воззрились на специалиста, который с таким хладнокровием действовал в столь необычайных обстоятельствах.

— Как же случилось, что вас при этом не разбил паралич, никто не уничтожил и вообще вы не стали жертвой сверхъестественного рока? — с кислой миной спросил прокурор.— Уж не излучали ли вы при этом самое сердечное приглашение?

Свидетель сухо ответил:

— Совершенно верно, излучал.

— Оставьте ваши шутки до лучших времен, профессор, здесь они неуместны,— сурово оборвал его прокурор.— Как бы то ни было, суд понимает, что вы отнесли это кошмарное существо к классу рептилий и отвели ему подобающее место.

— Чепуха! Просто павильон рептилий оказался свободен, удобен и поэтому приемлем. Обвиняемый не поддается нашей классификации.

Сделав презрительный жест, прокурор продолжал:

— Вам, вероятно, трудно объяснить суду, какими средствами вы одолели грозные силы и поймали это существо в ловушку?

— Я не ловил его. Я знал, что оно разумное, и соответствующим образом относился к нему.

— Если учесть заявление предыдущих свидетелей, вам крупно повезло,— колко заметил прокурор.— Почему этот уродец позволил вам в отличие от всех других вступить с ним в контакт?

— Просто он понял, что мой разум привык иметь дело с нечеловеческими формами жизни. А отсюда он логически пришел к выводу, что со мной легче, чем с кем-либо другим, наладить контакт.

— Логически пришел к выводу,— повторил прокурор и обратился к судьям: — Прошу, милостивые государи, обратить серьезное внимание на эти слова, учитывая, что данный свидетель находится на особом положении.— И он снова повернулся к Аллену: — Таким образом, вы считаете, что это существо обладает разумом?

— Безусловно!

— В течение нескольких месяцев вы имели возможность изучать разум этого незваного агрессора. Какой, по вашему мнению, уровень интеллекта у этого существа?

— Такой же, как и у вас, только он иной, совсем не похож на наш.

— Вы считаете этого субъекта полноценным представителем его расы?

— У меня нет оснований думать иначе.

— То есть его раса равна нашей по разуму?

— Очень возможно.— Профессор Аллен потер подбородок, минуту подумал.— Да, я бы сказал, равна, если вообще можно сравнивать столь непохожие явления.

— А может быть, они даже превосходят нас, и не только умственно, но и численно? — настойчиво гнул свою линию прокурор.

— Не знаю. Сомневаюсь.

— Но можно ли исключить такую возможность?

— Такие произвольные умозаключения не могут удовлетворять, и поэтому я...

— Не увиливайте от ответа! Существует ли возможность, пусть малейшая, что форма жизни, представляемая этим чудовищем, является самой страшной угрозой роду человеческому за всю его историю?

— Если сильно захотеть, угрозой можно назвать все что угодно, но...

— Угроза — да или нет?!

Вмешался судья в центре:

— Нельзя требовать определенного ответа от свидетеля на гипотетически поставленный вопрос.

Прокурор невозмутимо поклонился.

— Отлично, ваша честь, я поставлю вопрос иначе.— И возобновил допрос: — Считаете ли вы как специалист, что интеллектуальный потенциал данной формы жизни достаточно высок, чтобы они напали, победили и поработили человечество, если бы они этого захотели?

— Не знаю.

— Это все, что вы можете сказать?

— Боюсь, что да.

— Но этого вполне достаточно,— резюмировал прокурор, многозначительно глядя в телекамеры на невидимое многомиллионное жюри.— Значит, вы допускаете, что существует опасность, небывалая опасность?

— Я этого не говорил,— возразил Аллен.

— Но вы не утверждали и обратного,— парировал прокурор, занимая свое место с видом самоуверенным и довольным.— Я кончил.

Адвокат помедлил, прежде чем приступить к допросу.

— Профессор Аллен, как освещались в прессе ваши многочисленные заявления, касающиеся обвиняемого?

— Все они без исключения были грубо извращены,— хмуро ответил Аллен. Он бросил ледяной взгляд на большую группу репортеров, которые в ответ высокомерно ухмыльнулись.

— Обвиняемого неоднократно рассматривали как шпиона, к которому во избежание худшего нужно применить решитель-

ные меры. На основании сведений, которыми вы располагаете, вы поддерживаете эту версию?

— Нет.

— Как бы вы определили общественное положение обвиняемого?

— Он эмигрант,— ответил Аллен.

— Не правда ли, побуждения обвиняемого невозможно рассматривать как враждебные роду человеческому?

— Нет ничего невозможного,— сказал профессор Аллен, потому что он был воплощенная честность.— Обмануть можно и самого хитрого из нас. Но не думаю, чтобы меня обманули. Таково мое мнение, чего бы оно ни стоило.

Адвокат вздохнул:

— Как мне уже тут напоминали, мнение — это еще не доказательство.— Он опустился на стул, ворча себе под нос: — Хуже некуда! Какое несчастье!

— Пятый свидетель!..

— Десятый свидетель!..

— Шестнадцатый свидетель!

Шестнадцатый был последним в списке обвинения. Свидетелей могло быть в пять раз больше, но и этого хватало за глаза! И у них было что предложить для окончательного всеобщего приговора, соответствовавшего если не здравому смыслу, то по крайней мере предрассудкам — вполне убедительное, продуманное предложение о том, как поступать с кочующими формами жизни: терпеть их, дать им под зад коленом или сделать что-нибудь еще похуже. В настоящий момент стоял вопрос об общественной безопасности, и решать, стоит ли подвергать себя риску, должна была сама общественность. Имея это в виду, все шестнадцать свидетелей обвинения составили грозный обвинительный акт против странного златоглазого подсудимого, покушаясь не только на его свободу, но и на саму жизнь.

Чувствуя себя хозяином положения, прокурор обращает повелительный взгляд на обвиняемого и приступает к допросу:

— Без дураков — зачем вы прилетели на Землю?

«Мне надо было сбежать из своего собственного мира».

— И вы думаете, мы в это поверим?

«Я ничего не думаю,— с трудом выводит на доске Мэт.— я просто надеюсь».

— На что же вы надеетесь?

«На доброту».

Прокурор смущен. В поисках соответствующего саркастического ответа он молчит с минуту, пока не находит другой путь допроса.

— Так ваш собственный мир вас не устраивал? Что же вам в нем не нравилось?

«Все».

— То есть вы были там отщепенцем?

«Да».

— А наш мир вы рассматриваете как подходящую мусорную свалку для таких отщепенцев, как вы?

Мэт не отвечает.

— Я считаю, что ваше утверждение — сплошная чепуха, что вся эта ваша история — просто выдумка. Полагаю, что причины вашего появления здесь глубже и неблаговиднее, чем вы хотите нам представить. Пойду дальше и скажу вам, что и прибыли-то вы сюда не из района Проциона, а откуда-то гораздо ближе, с Марса например.

Мэт по-прежнему хранит молчание.

— Да знаете ли вы, что инженеры-конструкторы межпланетных кораблей подвергли ваш потерпевший крушение корабль длительному и серьезному обследованию и составили отчет об этом?

Мэт стоит совсем спокойно, смотрит отсутствующим взором вдаль и ничего не говорит.

— Знаете ли вы, что хотя, по их мнению, ваш корабль превосходит все до сих пор сделанное нами в этой области и способен совершать полеты далеко за пределы Солнечной системы, тем не менее он не может достичь не только Проциона, но и Альфы Центавра?

«Это верно»,— пишет на доске Мэт.

— И вы продолжаете упорствовать, что вы прибыли из системы Проциона?

«Да».

Прокурор недоуменно разводит руками.

— Ваша честь, вы слышали, что говорит это существо. Его корабль не мог долететь до Земли с Проциона. И все же оно прилетело с Проциона. Чудовище непоследовательно либо в силу своего слабоумия, либо потому — и это, видимо, более вероятно,— что оно неумело лжет. Поэтому мне представляется едва ли целесообразным дальнейший...

«Мой корабль и я ехали на астероиде»,— выводит каракулями на доске Мэт.

— Ну вот! — Мистер прокурор саркастически показывает на доску.— Обвиняемый ехал на астероиде! Ничего себе выход из им самим созданного тупика — на астероиде, ни больше и ни меньше! — Он сдвинул брови и посмотрел на обвиняемого.— Ох, и длинный путь вы, должно быть, проделали!

«Да».

— Значит, вы посадили корабль на астероид и, пролетев на нем много миллионов миль, сэкономили таким образом горючее? Вы никогда не слыхали о математической теории вероятностей, по которой вряд ли можно найти свободно плавающий астероид в каком бы то ни было районе космического пространства?

«Это действительно чрезвычайно редкое явление»,— соглашается Мэт.

— И все же вы обнаруживаете такой именно астероид, который вместе с вами проделывает весь путь сюда? Самый поразительный из космических кораблей, не так ли?

«Он не проделал весь путь сюда. Только большую часть пути».

— Ну хорошо,— с легким презрением соглашается прокурор.— Девяносто девять миллионов вместо ста или сколько там должно быть. И все-таки это поразительно.

«Более того,— продолжает уверенно писать Мэт,— это вовсе не был какой-то специально выбранный астероид, который доставил бы меня именно сюда. Это был первый попавшийся астероид, который мог увезти меня куда угодно. У меня не было определенной цели. Это был полет в пустоту, наудачу, на волю случая, навстречу моей судьбе».

— Так если бы вы сели на другой астероид, вас могло занести куда-нибудь еще, да?

«Или вовсе никуда,— дрожащей рукой пишет Мэт.— Судьба оказалась добра ко мне».

— Не будьте так уверены в этом.— Прокурор засунул пальцы в карман жилета и зловеще посмотрел на обвиняемого.— Если истинные ваши цели, истинные мотивы хоть немного похожи на те, что вам приписывают наши вечно бдительные газетчики, то ваша защитительная речь должна быть безукоризненной, она должна убеждать. Представленный же сейчас вами вариант абсолютно бездоказателен. Кроме голословных утверждений, утверждений уродливого иноземца с неизвестными нам намерениями, мы, суд, ничего от вас не получили.— Он передохнул и закончил: — Можете вы представить на рассмотрение суда что-нибудь более существенное, чем ваша фантастическая история?

«Я не знаю, как бороться с недоверием.— пишет Мэт медленно, устало.— Только верой».

Прокурор отвергает это заявление резко и безжалостно:

— Сколько еще подобных вам находится сейчас в нашем мире и проводит в жизнь свои подлые планы, пока вы тут в полном блеске славы морочите нам головы?

До сих пор подобная мысль никому не приходила в голову — ни тем, кто находится в зале, ни за пределами его. Теперь с полдюжины репортеров втихомолку корили себя за то, что во-

время не набрели на эту ценную идею и не воспользовались ею. С самого начала предполагалось, что на планете пребывает всего лишь один пришелец, что он в надежных руках. Но ведь, действительно, где гарантия того, что десятки, а то и сотни других не скрываются в тени, не ждут своего часа? Люди переглядываются, беспокойно ерзают на своих местах.

«Кроме меня, никого на корабле не было»,— пишет мелом на доске Мэт.

— Правда. Пожалуй, это первое ваше свидетельство, которое не вызывает сомнений. Ведь эксперты в отчете показали, что корабль, на котором вы прибыли, одноместный, так что, очевидно, вы были на нем одни. Но сколько еще ваших кораблей приземлилось примерно в это же время?

«Ни одного».

— Хотелось бы верить вам,— говорит прокурор, своим замечанием снова внося беспокойство в ряды слушателей.— На вашей планете, видимо, существует немало кораблей и более мощных и гораздо более вместительных, чем ваш, верно?

«Много,— соглашается Мэт.— Но они не быстроходнее моего и не могут летать на более далекие расстояния. Они только могут нести больший груз».

— Откуда у вас собственный корабль?

«Украден».

— Неужели вы его украли? — с ухмылочкой поднимает брови прокурор.— Так вы вор, признающийся в собственном преступлении! — Тут он делает вид, что его вдруг озарила идея: — А между прочим, каждый понимает, что лучше признаться в воровстве, чем в шпионаже.— Он дает этой мысли пустить корни, прежде чем нанести следующий удар.— Не будете ли вы добры рассказать нам, сколько еще ваших смелых и отчаянных соотечественников готовы или готовятся последовать вашему примеру в завоевании нашего мира?

Поднимается адвокат и говорит:

— Я рекомендую клиенту не отвечать на этот вопрос.

Его противник нетерпеливым жестом предлагает адвокату сесть и обращается к судьям:

— Ваша честь, я готов изложить версию обвинения.

Судьи смотрят на часы, совещаются между собой, разрешают:

— Приступайте!

Речь прокурора была блистательной, разгромной, продолжительной, камня на камне не оставившей от защиты. В ней вновь приводились доказательства тяжести преступления, делались намеки, которые наводили невидимую аудиторию на еще более мрачные мысли. Нельзя сказать, чтобы прокурор испытывал истин-

ную ненависть или страх перед незваным гостем — просто он блестяще выполнял свой профессиональный долг.

— Этот процесс, этот необычайный, уникальнейший процесс,— говорил прокурор,— войдет в историю права и законности. Он представляет собой прецедент, в соответствии с которым мы будем строить свои отношения с будущими пришельцами из космоса. И вам, представителям общественного мнения, принадлежит решающая роль в установлении этих отношений; вам и только вам достанется либо пожинать плоды союза с иными цивилизациями, либо...— Он сделал паузу, потом жестко добавил: — Либо взвалить на свои плечи все ужасы инопланетной интервенции. И позвольте вам заметить, плоды союза могут быть весьма незначительными, в то время как ужасы интервенции безмерны.

Откашлявшись, отпив глоток воды, он снова приступил к делу:

— И вот, чтобы наилучшим образом решить этот вопрос, прийти к правильным выводам, вам не остается ничего другого, как исходить из опыта общения с этим фантастическим типом, которому вы к тому же должны вынести приговор.

Он повернулся к Мэту и дальше на протяжении всей своей речи не спускал с него глаз.

— Это существо не было приведено к присяге, так как мы не знаем, чему оно может присягнуть. Его этика — если таковая вообще существует — это их этика, ничего общего не имеющая с нашей. Все, что мы знаем о нем, мы знаем с его слов, почерпнули из его весьма красочной фантастической историк, столь неправдоподобной для человеческого уха, что вряд ли можно винить кого-либо из нас за то, что он считает это существо бессовестным лжецом.

При этих словах огромные глаза Мэта закрылись от боли и страдания, но прокурор решительно продолжал:

— Если вопрос об искренности этого существа можно считать открытым, то в некоторых других аспектах — например, уважение к собственности, к закону — обвинение строится на фактах. А ведь это краеугольные камни нашей цивилизации, они создавались веками, и мы не дадим сокрушить их, пусть ради этого нам придется драться с самыми необыкновенными пришельцами!

Тут он немного перехватил: уж очень явно это маленькое большеглазое существо не подходило на роль сокрушителя цивилизаций. Тем не менее нарисованная им перспектива должна была сформировать мнение тысяч, миллионов людей. Если они еще сомневаются, лучше действовать наверняка.

— Он — вор. Более того, человек, сам признающий себя вором. Он обокрал не только нас, но и своих соотечественников,— продолжал наступление прокурор, не замечая, что употребляет по отношению к пришельцу уже местоимение не среднего рода, а мужского и называет его не «существом», а «человеком».— Сокрушитель, и притом разумный сокрушитель, и, возможно, предтеча целого сонма сокрушителей. Я думаю, что там, где прошел один, может пройти и целая армия! — И, не затрудняя себя вопросом, где найти столько астероидов, чтобы доставить к Земле сонмища пришельцев, добавил: — Сотни армий!

То повышая, то понижая голос, то с вызовом, грубо, то мягко, вкрадчиво, он говорил, играя, как органист играет на гигантском органе, на чувствах своих слушателей, взывая к земному патриотизму, потворствуя ограниченности, оправдывая предрассудки, раздувая страхи — страх перед самим собой, страх перед другими, страх перед необычным по форме, страх перед завтрашним днем, страх перед неизведанным. Речь его была высокопарной, насмешливый тон сменялся торжественным, а затем саркастическим.

— Он,— говорил прокурор, указывая на Мэта и все еще употребляя местоимение мужского рода,— он просит считать его гражданином нашего мира. Принять его со всеми его штучками-дрючками, с его сверхъестественными способностями, с его тайными побуждениями, которые, может быть, станут явными, когда будет уже слишком поздно? А не лучше ли — пусть даже он и в самом деле так чист и непорочен, как он хочет нас уверить,— не лучше ли несправедливо покарать его одного, чем подвергать бесконечно большему риску великое множество других?

Он с вызовом осмотрел аудиторию.

— Предположим, мы примем его как беженца. Но кто даст ему кров? Кто захочет жить рядом с существом, столь чуждым человеку? — Он ухмыльнулся.— Впрочем, такие есть, жаждущие составить ему компанию. Как бы неправдоподобно это ни звучало, нашлись люди, которым он нужен.

Он поднял над головой письмо, чтобы все видели, и сказал:

— Этот человек предлагает ему кров. Он пишет, что во время восьмого воплощения на Процноне сам он стоял на позициях нетерпимости...— Он швырнул письмо на стол.— Ненормальные встречаются и среди нас. Но, к счастью, судьбу человечества будут решать уравновешенные, разумные граждане, а не хронические идиоты.

Поток слов лился еще полчаса. Закончил он так:

— По нашим законам шпиона-человека ждет быстрый конец, от человека, подозреваемого в шпионаже, мы легко избав-

ляемся. Не вижу причин, почему инопланетный шпион заслуживает более мягкого обхождения, чем шпион-человек. Вот перед нами существо, в лучшем случае просто нежелательное, в худшем — первый агент разведки грозного врага. Обвинение считает, что в интересах всеобщей безопасности вы должны рассмотреть только два возможных варианта приговора: смертный приговор или немедленный выброс подсудимого в космос, туда, откуда он прибыл. Доказательства его вины весомы, и другой альтернативы у нас нет. Вы не могли не заметить, что все выступавшие здесь свидетели были свидетелями обвинения. Разве не знаменательно то, что у защиты не оказалось ни одного свидетеля? — Он подождал, пока смысл сказанного дойдет до слушателей, и, повторив: — Ни одного! — окончательно пригвоздил обвиняемого к позорному столбу.

Еще один глоток воды, и он сел, аккуратно расправив складку на брюках.

Теперь, кажется, ни у кого не осталось сомнений: Мэт — гад вонючий.

Адвокат произвел легкую сенсацию, встав и заявив:

— Ваша честь, защита отказывается излагать свою версию.

Судьи посмотрели на него так, словно он был в десять раз чудеснее своего клиента. Они пошелестели бумагами, пошептались между собой.

Через некоторое время судья в центре спросил:

— Это означает, что вы целиком полагаетесь на вердикт всеобщего голосования?

— В конечном итоге, без сомнения, ваша честь, но еще не теперь. Мне необходимо провести дополнительный допрос и затем построить версию, основываясь на нем.

— Приступайте,— разрешил судья, в сомнении нахмурив брови.

Адвокат обратился к Мэту:

— Все обитатели вашей планеты, так же как и вы, скажем... телепаты и не обладают устной речью?

«Да, все».

— У них общий нейроцентр, или, говоря проще, они прибегают к помощи общественного мозга?

«Да».

— Расскажите суду о своих родителях.

Мэт, закрыв глаза, на какой-то миг погрузился в воспоминания.

«Мои родители были не как все. Они были уродами. Они удалялись от нейроцентра до тех пор, пока почти не потеряли связь с остальными».

— И они погибли вдали от всех?

«Да»,— после долгой паузы, медленно, неуверенно, дрожащими тонкими линиями вывела на доске рука Мэта.

— И вы, видимо, впали в полное отчаяние?

«Да».

Адвокат обратился к судьям:

— Мне хотелось бы задать еще несколько вопросов четвертому свидетелю.

Судьи дали согласие, и профессор Аллен снова прошел к месту свидетелей.

— Профессор, будьте добры, как эксперт и человек, долгое время лично изучавший моего клиента, скажите, пожалуйста, молод он или стар?

— Он молод,— без заминки ответил Аллен.

— Очень молод?

— Довольно молод,— сказал Аллен.— По нашим понятиям, не достиг зрелости.

— Спасибо.— Адвокат обвел мягким бесхитростным взглядом зал. На его полном, добродушном лице ничто не предвещало надвигающегося шторма. Тихим голосом задал он следующий вопрос: — Мужчина это или женщина?

— Женщина,— ответил профессор Аллен.

Репортер уронил блокнот. И в течение нескольких минут звук падения блокнота был единственным звуком в наступившей тишине. А потом раздался общий вздох, застрекотали кинокамеры, спеша запечатлеть Мэт, возгласы удивления прокатились из конца в конец зала.

А наверху, на балконе, остроумнейший из современных карикатуристов рвал на кусочки свое последнее произведение, где он изобразил обвиняемого привязанным к хвосту ракеты, которая отправлялась на Луну. Подпись внизу гласила: «Кактус отправился в путешествие». А теперь — куда это годилось? Назвать его... нет, ее, «кактусиха»? В поисках новой темы он почесал в затылке, сознавая в то же время, что какая тут может быть тема, не четвертовать же маленькую одинокую женщину.

Прокурор сидел с поджатым ртом, всем своим видом напоминая фаталиста, из-под ног которого вырвали по крайней мере восемьдесят процентов почвы. Он-то знал эту публику. Он мог оценить общественную реакцию с точностью до десяти тысяч голосов.

Все теперь смотрели только в золотистые глаза Мэт. Они были огромные, как и прежде, но теперь казались мягче и светились вроде бы ярче. Теперь, когда стало известно, что они принадлежат женщине, все увидели, что в них действительно есть что-то

женственное. И каким-то странным, непонятным образом морщинки вокруг глаз вдруг помягчели, в них промелькнуло что-то, отдаленно похожее на человеческое.

Полночь. Большой каменный подвал с металлической решеткой, стол, кровать, два стула и радио в углу. В камере двое: Мэт и толстяк адвокат. Беседуют, изучают корреспонденцию, посматривают на часы.

— Вообще-то говоря, обвинение село в лужу с этим письмом,— говорит защитник: он все никак не отвыкнет выражать свои мысли вслух, хотя прекрасно знает, что собеседница слышит его мысли, а не слова. Толстым указательным пальцем он похлопывает по пачке писем, которые они только что прочитали.— Мне ничего не стоило положить его на обе лопатки, предъявив эти письма, написанные неделю назад прямо в наш адрес. Но что бы это дало? Лишний раз доказало бы, что люди мыслят по-разному.

Он вздохнул, потянулся, зевнул, сотый, наверное, раз взглянул на часы и вынул очередное письмо.

— Вот послушайте.

И стал читать письмо вслух.

«Мой тринадцатилетний сын докучает нам просьбой предложить вашему клиенту хотя бы недолго побыть в нашем доме. Может быть, вы сочтете за глупость с нашей стороны, что мы ему во всем потакаем, но нам так легче. У нас здесь есть свободная комната, и если ваш клиент чистоплотен и в банные дни не боится пара...»

Последние слова он прочел невнятно, сквозь сдерживаемый зевок.

— Предполагают, что всеобщее голосование должно закончиться к шести часам утра. Но, уверяю вас, раньше восьми или даже десяти им не кончить. Такие вещи никогда не проходят в положенный срок.— Он поерзал на жестком стуле, тщетно стараясь устроиться поудобнее.— Как бы там ни было, что бы ни произошло, я останусь с вами до самого конца. И не думайте, что я у вас единственный друг.— Он потрогал пачку писем.— Вон их сколько, вам остается выбирать.

Мэт все это время была занята чтением записки, написанной неуверенным, неровным почерком. Потом она дотянулась до карандаша и бумаги и написала: «Аллен объяснил мне не все слова. Что такое "ветеран"?» — Получив от доктора объяснение, она написала: «Мне больше всех нравится этот. У него травма. Если меня освободят, я приму его приглашение».

— Ну-ка, покажите.— Толстяк взял письмо, прочитал его, похмыкивая, и вернул ей.— Как хотите. Впрочем, у вас с ним есть что-то общее, поскольку вы оба не в ладах с этим дурацким миром.— Он снова взглянул на часы и проворчал: — Да идут ли вообще эти часы? Что нам, целую неделю ждать утра, что ли?

Кто-то, звеня связкой ключей, открыл дверь, и в камеру вошел прокурор. Улыбнувшись сопернику, он сказал:

— Эл, вы настолько основательно почувствовали себя узником, что отказываетесь даже от тех немногих удобств, которые предоставлены тюрьмой?

— От чего именно?

— Да от радио!

Адвокат презрительно фыркнул.

— К черту радио! От него только шум. Мы тут занимались чтением писем, в тишине и покое...— Вдруг на его полном лице отразилось замешательство.— А что, мы здесь что-нибудь прослушали, что-нибудь передавали?

— Последние известия в двенадцать.— Прокурор облокотился на край стола, продолжая улыбаться.— Голосование прекращено.

— Не может быть! — Лицо адвоката вспыхнуло от гнева, он встал.— Ведь по всемирному соглашению приговор...

— Может быть... при известных обстоятельствах,— прервал его прокурор.— А обстоятельства сложились так, что несметный поток голосов в защиту вашего клиента сделал дальнейший подсчет ненужным.— И он повернулся к Мэт: — Только это строго между нами, моя дорогая: я еще никогда так не радовался своему поражению.

Человек средних лет, рано поседевший, с длинными тонкими пальцами, слушал радио в дальней комнате, когда раздался звонок в дверь. В комнате не было телевизора, только по радио звучала нежная полинезийская мелодия. Звонок прорвался сквозь музыку, хозяин выключил радио и поднялся. Очень осторожно он пересек комнату, открыл дверь и вышел в коридор.

Странно. В этот предвечерний час некому было звонить. Сюда почти никто не заходит. Почтальон обычно заезжает утром, среди дня забредут иногда один-два торговца. А позднее редко кто появляется, чрезвычайно редко. И сегодня он никого не ждал.

Тихо — толстый ковер заглушал звук шагов,— на ощупь, вдоль стены пробирался он по коридору к парадной двери.

Что-то очень необычное было в этом позднем визите. По мере того как он приближался к двери, в душу ему закрадывалось удивительное чувство — будто он заранее знал, кто ждет его там,

снаружи. В его сознании складывалась картина, пока смутная, как бы переданная какими-то непонятными ему средствами, словно ее проецировал один из тех, кто стоял, исполненный надежд, там, за дверью. Он видел крупного, полного добродушного мужчину в сопровождении крошечного зелено-золотого существа.

Хотя он прошел через суровые испытания и беды — это из-за них он теперь такой,— нервы у него были в порядке, и он ни в коем случае не принадлежал к тому типу людей, которым мерещатся разные небылицы, и вообще он не был склонен к галлюцинациям. И его обеспокоили, расстроили даже эти неизвестно откуда явившиеся видения. Он никогда раньше не знал большого толстого человека, портрет которого ясно вырисовывался в его сознании, никогда, даже в лучшие времена. А о его спутнике и говорить нечего...

Встречаются, конечно, люди с весьма обостренными чувствами, с необычайно развитыми, удивительными способностями. Были и у него способности — ведь судьба милостива к пострадавшим и старается компенсировать их потери. И трудно ему было бы без этих способностей. Но это было что-то новое, незнакомое.

Пальцы его, обычно такие чуткие, не повиновались ему, когда он нащупывал дверной замок, будто они на какое-то время забыли, где он находится. Нащупав наконец замок, они повернули ручку, и тут он услышал тонкий, будто птичий голосок, который прозвучал прямо у него в мозгу, ясно, как колокольчик:

— Откройте, пожалуйста, я буду вашими глазами.

Совершенно секретно

— У зенгов нет никаких оснований ссориться с нами. Этим они ничего не выгадают. Я не вижу поводов для беспокойства,— с раздражающей флегматичностью заявил Эшмор.

— А я вижу,— сердито возразил ему генерал Рейлтон.— Мне не платят жалованье за благодушное сидение в кабинете. Беспокоиться — суть моей работы. Если империя зенгов вероломно нападет на нас и начнет одерживать победы, на кого падет вина? Кого из военных будут склонять и спрягать, упрекая в неподготовленности?

Он выразительно постучал по орденским колодкам на мундире.

— Меня!

— Я понимаю ваше положение, однако не разделяю ваших тревог,— стоял на своем медлительный Эшмор.— Империя зенгов в два с лишним раза меньше нашей. И потом, зенги — дружественная и готовая к сотрудничеству раса. С самых первых контактов у нас с ними сложились превосходные отношения.

— Все эти прекраснодушные разговоры — по вашей части.

Генерал Рейлтон устремил взгляд на громадную звездную карту, занимавшую целую стену. Его пальцы беспокойно теребили большие роскошные усы.

— Я должен рассматривать любые события исключительно с точки зрения военного,— продолжал генерал.— Мой долг — смотреть в будущее и ждать от него только худшего.

— Что именно вас тревожит? — спросил Эшмор.

— Два момента.— Генеральский палец властно ткнул в точку на карте.— Вот здесь находится Мотан — сравнительно недавно открытая планета. Отсюда до наших укрепленных космических границ — долгие недели пути. Хорошо, если бы это была какая-нибудь галактическая дыра. Так нет: Мотан находится в самом

центре конгломерата звездных систем с большим количеством планет. Это наш форпост, имеющий первостепенное стратегическое значение.

— Я знаю.

— Мотан — наша космическая крепость. Образно говоря, это перекресток звездных дорог, где мы затаились в засаде. На планете сейчас находится двадцать тысяч землян. У них два космопорта и двадцать четыре легких боевых корабля.

Рейлтон перевел взгляд с карты на Эшмора.

— И что мы имеем?

Эшмор этого не знал и потому промолчал.

— А мы имеем то, что зенги вторгаются и у нас под носом захватывают две близлежащие планеты,— с оттенком скорби поведал генерал.

Опять он за свое!

— Это произошло с нашего согласия,— напомнил Эшмор.— Для нас обе планеты не представляли никакого интереса, а зенгам они были очень нужны. И потом, зенги не захватывали их. Они вежливо и дипломатично спросили, нельзя ли им занять эти планеты, на что Гринвуд великодушно согласился.

— Если бы не моя клятва сохранять лояльность, я бы вам подробно расписал, кто такой этот Гринвуд,— взорвался Рейлтон.

— Оставим его в покое,— зевнул Эшмор.— Даже если он и допустил грубую ошибку, он действовал не единолично, а при полной поддержке Всемирного совета.

— Всемирный совет! — недовольно фыркнул генерал.— Им важно лишь открыть планету, посмотреть, что оттуда можно выкачать, и поскорее начать торговлю. Есть кучка чудаков, которых занимает культура других рас. Но в основном Совет заботит прибыль. Они совершенно не желают думать о потенциальной военной угрозе.

— Просто среди них нет профессиональных военных, поэтому им не свойственно думать о возможном нападении,— вяло парировал Эшмор.

— А угроза тем не менее существует. Реальная угроза.— Генерал вновь запустил пальцы в дебри своих усов.— Смотрите, что получается. Зенги ловко обосновались на ближайших к Мотану планетах.— Рейлтон порывисто махнул рукой в сторону карты.— Полюбуйтесь-ка на эту пестроту! Форпосты зенгов так перемешаны с нашими, что сам черт не разберет. Никакой системы, никакого порядка. Толпа, просто дикая толпа.

— Вполне естественное состояние, когда границы двух империй накладываются друг на друга,— сказал Эшмор.— Бескрай-

ний космос не может быть упорядоченным на манер парадного плаца.

— А потом вдруг исчезает шифровальная книга,— игнорируя замечание Эшмора, многозначительно произнес Рейлтон.

— Книга находилась на борту «Лоры Линдсей». Корабль разбился. Естественно, что не стало и книги. Вам это известно.

— Мне это известно с чужих слов. Я не знаю, действительно ли шифровальная книга находилась на борту погибшего корабля. А если нет, что тогда? В чьи руки она попала и как используется?

Не дождавшись замечаний Эшмора, генерал продолжал:

— Я был вынужден потратить массу усилий, чтобы изменить шифр и повсюду разослать экземпляры новой книги.

— Никто не застрахован от происшествий,— сказал Эшмор.

— А сегодня я узнал, что Хантеру, командующему военно-космическими силами Мотана, был направлен совершенно идиотский приказ о действиях в чрезвычайных условиях. Если вспыхнет война, он, видите ли, должен любой ценой удержать планету.

— И что в этом ошибочного?

Глядя на собеседника, как на непроходимого тупицу, Рейлтон рявкнул:

— У Хантера двадцать четыре легких боевых корабля. Вскоре на Мотан должны прибыть еще два крейсера.

— Я что-то не совсем понимаю.

— Войны невозможно вести без боевых кораблей,— словно малому ребенку, начал объяснять генерал.— А от кораблей мало толку, если у их командования нет четких инструкций, выработанных на основе таких же четких тактических данных. Кто-то должен командовать сражением и отдавать приказы. Однако приказам еще необходимо дойти до тех, кому они адресованы.

— Разумеется.

— Но как боевые корабли зенгов смогут получать и выполнять приказы, если их планетарные станции дальней космической связи будут уничтожены?

— Вы считаете, что в случае войны силы Мотана должны прежде всего нанести удар по всем досягаемым вражеским станциям?

— Наконец-то вы поняли! — На лице Рейлтона появилось подобие улыбки.— В случае нападения зенгов мы должны немедленно приступить к уничтожению их станций дальней космической связи. Это сразу же сделает их корабли глухими и слепыми. Мотан должен всесторонне подготовиться к выполнению своей боевой задачи. Приказы, отданные Хантеру, безнадежно устаре-

ли. По правде говоря, они безнадежно глупы. Чем раньше мы исправим положение, тем лучше.

— Вы здесь главный, в вашей власти заменить эти приказы новыми,— напомнил генералу Эшмор.

— Чем я и займусь без всяких проволочек. Я немедленно отправлю Хантеру соответствующие инструкции. Но только не по каналам общей связи.— Рейлтон вновь махнул в сторону карты.— На пути между Землей и Мотаном находится полсотни, если не больше, станций зенгов. Откуда нам знать, какую часть нашей информации им удается перехватить и расшифровать?

— Тогда остается единственный выход — послать ваши инструкции спецсвязью,— сказал Эшмор.— Это в десять раз длиннее, поскольку сообщение пойдет зигзагами через всю Вселенную.

— Зато в тысячу раз надежнее и безопаснее,— возразил Рейлтон.— На Мотане как раз построили станцию спецсвязи, вот и воспользуемся ею. Итак, решено: я отправляю инструкции спецсвязью, открытым текстом, чтобы все было ясно и понятно.

Рейлтон потратил двадцать минут на составление краткой и внятной инструкции и наконец остался доволен делом рук своих. Эшмор перечитал текст и не увидел необходимости что-либо исправлять или добавлять. Ближайшей к Земле станцией космической спецсвязи была Центаврия. Она первой приняла инструкции для Хантера:

«В случае враждебных действий в вашем секторе целенаправленно, в кратчайший срок приступить к уничтожению трасс связи противника».

— Думаю, мы достаточно ясно показали Хантеру, что от него требуется, и в то же время оставили ему место для инициативы,— сказал довольный Рейлтон.

Эшмор молча кивнул.

На Центаврии принятое сообщение записали слово в слово, затем слово в слово прочитали по другой частоте, передав на следующую станцию. Там это сообщение аналогичным образом передали на третью станцию и так далее.

Если смотреть по звездной карте, инструкции генерала Рейлтона двигались влево, вправо, вверх, вниз, ненадолго задерживаясь на каждой из восемнадцати промежуточных станций космической спецсвязи. Их повторяли разные голоса операторов: от бархатистого говора уроженца американского Юга на Земле до резковатой манеры оператора, родившегося на дальнем севере планеты Асанит, что в созвездии Волопаса. Тем не менее послание достигло места назначения.

Да, оно достигло места назначения.

Командующий военно-космическими силами Мотана Хантер сидел, лениво развалившись за служебным столом. Сутки на этой планете длились тридцать часов. Хантер зевал, поглядывая на циферблат, и думал над особенностями местной атмосферы, постоянно навевавшей на него дремоту и зевоту. В дверь кабинета постучали.

— Войдите!

Вошел Тайлер. Как всегда, он шмыгал распухшим и покрасневшим носом. Отсалютовав, он положил на стол бланк космограммы.

— Сообщение с Земли, сэр.

Козырнув еще раз, Тайлер удалился, продолжая шмыгать носом.

Хантер пододвинул к себе бланк и, зевая, стал читать. В следующую секунду его рот закрылся с такой силой, что хрустнули челюсти. Хантер выпрямился, протер глаза и вторично прочитал сообщение.

«Земля, Главное военно-космическое управление. Отправлено спецсвязью в незашифрованном виде. Совершенно секретно. Получатель: Мотан.

Для лучших рождественских идей в ваш сектор Ц направлено сорок три пятничных страуса-квазиактивника».

Держа бланк в руке, Хантер трижды прошелся по кабинету. Однако чуда не произошло: сообщение не стало понятнее.

Убедившись, что хождения ничего ему не дадут, Хантер заставил себя сесть, схватил телефонную трубку и прорычал:

— Максвелл? А где он? Найдите и сразу же пошлите ко мне!

Не прошло и двух минут, как в кабинете появился Максвелл — долговязый и тощий подчиненный Хантера. У Максвелла было вечно разочарованное лицо. Глубоко вздохнув, он опустился на стул.

— Что на этот раз, уважаемый Феликс?

— Вы у нас главный специалист по космическим поставкам,— произнес Хантер тоном хирурга-стоматолога, готовящегося зацепить щипцами верхний боковой зуб.— Вам известно все, что необходимо знать о складах, товарах и оборудовании. Так?

— Я бы не решился на столь смелое заявление, поскольку...

— Не надо скромничать. Вы знаете все о заказываемом и получаемом оборудовании,— напирал Хантер,— иначе вам здесь нечего делать. Тогда получается, что вы лишь строите из себя специалиста и жульнически обчищаете карманы налогоплательщиков на Земле.

— Успокойтесь, Феликс,— угрюмо ответил Максвелл.— Мне своих бед хватает.

Только сейчас он заметил в руках у Хантера бланк. Максвелл покосился на бумагу.

— Что, получили какую-нибудь штучку, которую заказали без вашего соизволения?

— Получил. И не одну. Сорок три страуса.

Максвелл дернулся всем телом и едва не свалился со стула. Уцепившись за край стола, он хрипло засмеялся.

— Потрясающе. Лучшая шутка за все эти годы.

— По-вашему, это шутка? — с издевательской любезностью спросил Хантер.— Нечто вроде лотереи с призами?

— А что же еще? — подхватил Максвелл.— Правда, юмор странноватый, но все равно.

Он опять несколько раз хихикнул.

— В таком случае,— угрожающе процедил Хантер,— может, вы потрудитесь объяснить, когда и над чем мне надо смеяться? А то я туп и почему-то не замечаю здесь тонкого остроумия.

Он упер руки в бока и подался вперед.

— Зачем нам потребовались сорок три страуса? Для каких таких рождественских идей?

— Вы что, серьезно? — насторожился Максвелл.

Вместо ответа Хантер подтолкнул к нему листок с совершенно секретным посланием. Максвелл несколько раз прочел текст, вскочил, сел, снова прочел и наконец перевернул бумагу обратной стороной.

— Ну и как?

— Честное слово, я здесь совершенно ни при чем.— торопливо уверил его Максвелл.

Он вернул Хантеру злополучный бланк, будто бумага жгла или колола ему руки.

— Поставка произведена по усмотрению Земли, без заявки с нашей стороны.

— Мой ограниченный разум пришел к такому же выводу,— заявил Хантер.— Я не собираюсь приковывать вас цепями и пытать каленым железом. Но поскольку вы обладаете редкой эрудицией по части заказов, поставок и всевозможного оборудования, я хочу знать ваше мнение. Почему на Земле решили, что нам нужны страусы? Почему именно сорок три? И что мы будем с ними делать, когда они здесь появятся?

— Не знаю,— чистосердечно сознался Максвелл.

— А что это за сектор Ц?

— Впервые слышу. Надо тряхануть ребят из территориальной службы.

— Погодите. Ответьте лучше, что это за порода — пятничные страусы-квази... квазиактивники?

— Вы меня спрашиваете?

— Вас.

— Не знаю. Я как-то не удосужился изучить орнитологию.

— Благодарю за помощь.— Хантер снова взглянул на ненавистное сообщение.— Вы оказали мне громадную услугу.

— Послушайте, а что, если это шифр? — неуверенно предположил Максвелл.

— Ну вот же пометка: в незашифрованном виде.

— На Земле могли перепутать и отправить спецсвязью шифровку.

— Хорошо. Сейчас проверим.

Хантер открыл большой стенной сейф и извлек оттуда увесистый том с латунной окантовкой. Он пошелестел страницами, затем передал книгу Максвеллу.

— Ищите. Может, вы окажетесь удачливее меня и найдете упоминание хоть о каких-то страусах: пятничных, субботних или других.

Максвелл погрузился в поиски, но через несколько минут сдался.

— Ничего похожего.

— Зайдем с другого бока. Вспомните, не проходило ли через вас заказа на какие-то сорок три предмета, которые можно было по ошибке принять за страусов?

— Ничего даже близко не было.— Максвелл поскреб затылок и угрюмо сообщил: — Я заказал паяльную лампу емкостью в одну пинту.

Хантер вцепился в край стола.

— Какая связь между этой чертовой лампой и страусами?

— Никакой. Вы спросили, я ответил. Я заказал одну-единственную лампу. Думаю, вам небезынтересно взглянуть, что мне прислали.

Максвелл махнул в сторону двери.

— Пойдемте. Это сокровище стоит во дворе. Я специально распорядился приволочь его туда, чтобы вы полюбовались.

— Ладно, сходим.

Хантер вышел во двор и оглядел предмет озабоченности Максвелла. Предмет был чуть больше мусорного бака. Из него торчал наконечник диаметром пять и длиной три дюйма. Внутри предмета было пусто, однако даже вдвоем они с заметным трудом смогли его поднять.

— Это что за чертовщина? — нахмурился Хантер.

— Паяльная лампа емкостью в одну пинту. Так утверждают сопроводительные документы.

— Я еще не видел таких ламп. Надо посмотреть в каталоге оборудования.

Вернувшись к себе в кабинет, Хантер достал каталог, быстро начал листать и где-то в середине разыскал нужную страницу.

«19112. Паяльная лампа бутановая; емкость $^1/_2$ пинты.

19112-А. Паяльная лампа бутановая; емкость 1 пинта.

19112-В. Паяльная лампа (для битумных котлов) керосиновая; емкость 15 галлонов.

19112-В (а). Складная тележка для 19112-В».

— Здесь-то хоть понятно. Вместо позиции А вам прислали позицию В,— заключил Хантер.

— Угадали. Я заказывал позицию А.

— А вам прислали В и, надо полагать, без всякой тележки.

— Конечно.

— Хотел бы я посмотреть на этого старательного идиота.— Хантер убрал каталог в сейф.— Придется отправлять ее назад. Без тележки мы с ней лишь намучаемся, даже если когда-нибудь нам и понадобится разогревать битум.

— Не стоит торопиться,— со странным блеском в глазах сказал Максвелл.— Скоро нам прибавится работников. Двести человек. Правда, одноногих, и у всех только левая нога.

Хантер осел в кресло и наградил Максвелла сердитым взглядом.

— Мне сейчас не до шуток. Что еще за одноногие работники?

— Мне тоже не до шуток. С последним кораблем нам прислали двести резиновых болотных сапог, и все — на левую ногу.

— Не волнуйтесь. Следующий корабль привезет двести сапог на правую ногу. Плюс сорок три страуса. После этого мы будем вполне экипированы для дальнейшего завоевания космоса.

Хантер вдруг побагровел и схватился за телефон.

— Тайлера мне! — крикнул он в трубку.

Исполнительный Тайлер не замедлил явиться.

— Сначала как следует высморкайтесь, а затем отправьте спецсвязью запрос. Текст такой: «Нет ли ошибки касательно сорока трех страусов?»

Сообщение отправилось путешествовать между станциями космической спецсвязи. Его записывали, прочитывали, передавая дальше, снова записывали, снова прочитывали. Вопрос Хантера зигзагами несло по Вселенной. Кто-то из операторов

родился под Сириусом и произносил слова совсем не так, как его далекий коллега на Земле, родившийся среди горных лугов Шотландии. Главное, сообщение достигло Земли.

Да, оно достигло Земли.

— Что там еще? — спросил генерал Рейлтон, нехотя поднимая голову от груды бумаг на столе.

— Сообщение с Мотана, сэр. Только что пришло по каналам спецсвязи.

Рейлтон пробежал глазами текст.

«Зашибли основательно пока трех страусов».

— Эшмор! — заорал Рейлтон.— Пеннингтон! Уиттакер!

Подчиненные вбежали в кабинет и выстроились у края генеральского стола. Как всегда, выражение их лиц было младенчески невинным. Генерал сверлил их глазами так, будто каждый из троих лично отвечал за события на Мотане.

— Как прикажете это понимать? — прогремел Рейлтон.

Он швырнул бланк секретной космограммы Пеннингтону. Тот очумело скользнул по строчкам и передал бумагу Уиттакеру. Уиттакер боязливо покосился на сообщение и поспешил сплавить его Эшмору. Последний молча прочитал послание с Мотана и бросил обратно на стол. Никто из троих не проронил ни слова.

— Хоть у кого-то из вас есть дельные мысли на этот счет? — спросил генерал.

— Возможно, это шифр, сэр,— пролепетал набравшийся смелости Пеннингтон.

— Здесь ясно указано, что сообщение послано в незашифрованном виде.

— Я не оспариваю ваши слова, сэр, но тогда получается какая-то бессмыслица.

— Получается, иначе я не стал бы звать вас сюда! — Рейлтон раздраженно фыркнул и запустил пальцы в усы.— Принесите мне действующую шифровальную книгу. Попробуем разобраться, что к чему.

Действующей шифровальной книгой был шестой том серии В, который незамедлительно принесли в генеральский кабинет. Рейлтон, а затем и каждый из троих его подчиненных тщательно просмотрели нужные страницы. Никакого намека на страусов.

— Надо искать в прежних книгах,— распорядился генерал.— Вдруг какого-то мотанского дурня угораздило воспользоваться устаревшими шифрами?

Кряхтя, Пеннингтон, Уиттакер и Эшмор притащили начальнику все тридцать томов. Поиски начали с тома BA. Не найдя страусов и там, раскрыли том AZ и неутомимо двинулись дальше.

— Нашел, сэр! — торжествующе воскликнул Пеннингтон, рывшийся в томе AK.— Вот оно, в квартирмейстерском разделе. Словом «страус» зашифровывались поставки продовольствия.

— Какого именно продовольствия? — поморщился Рейлтон.

— Один страус означает один гросс* свежих яиц,— объявил Пеннингтон с видом человека, сдернувшего покровы тайны.

— Ага! — с издевкой произнес Рейлтон.— Наконец-то мы обрели почву под ногами. Теперь все прояснилось. Доблестным защитникам Мотана понадобилось четыре с лишним сотни свежих яиц, чтобы отбить нападение. Так, Пеннингтон?

От триумфа Пеннингтона не осталось и следа.

— Свежие яйца,— задумчиво повторил Эшмор.— Не исключено, что это какой-то ключ!

— Может, вы еще объясните, от какого он замка? — спросил Рейлтон, поворачиваясь к нему.

— В старину слово «свежий» означало дерзкий, наглый, отчаянный,— сообщил Эшмор.— Яйцом нередко именовали человека. Поэтому головореза или разбойника называли «крутым яйцом».

— Если вы правы, выходит, Мотан отбил нападение четырех с лишним сотен отъявленных головорезов.

— Это первое, что мне пришло в голову,— признался Эшмор.

— Что-то плохо верится,— не сдавался Рейлтон.— Космических пиратов в той части Вселенной нет. Единственная потенциальная угроза — зенги. Если бы вдруг объявилась какая-нибудь новая раса, они бы нам сообщили.

— Возможно, они намекали на сложности с зенгами,— осторожно предположил Уиттакер.

— Сомневаюсь,— отмахнулся Рейлтон.— Во-первых, зенги не настолько глупы, чтобы так начинать войну. Что бы им дало нападение на Мотан? Ничего, кроме гибели четырех сотен своих солдат. Во-вторых, если угроза исходит от зенгов, Хантер так бы и написал. Теперь, когда у них есть станция спецсвязи, ему незачем скрытничать.

— Вполне убедительно,— поддакнул Эшмор.

Полумав еще немного, Рейлтон сказал:

— Сообщение выглядит как заурядный рапорт. Там нет ни слова о необходимости решительных действий. Нам лучше не то-

---

* Гросс (gross) — английская мера, равная 12 дюжинам.— *Прим. перев.*

ропиться и еще раз проверить. Запросите их по спецсвязи, что это за шифротрюки.

Запрос отправился тем же путем: кружным, зато надежным. «Какие шифротрюки вы применяете?»

Тайлер шмыгнул носом, подал бланк космограммы, козырнул, еще раз шмыгнул носом и удалился. Хантер взял бумагу и прочитал:

«Какие шилокрюки вы применяете?»

Хантер схватился за телефон и затребовал к себе Максвелла.

— Похоже, этому не будет конца. Что такое шилокрюк?

— Я вам с ходу не отвечу. Надо заглянуть в каталог.

— Так вы что, впервые о них слышите?

— Существует около полусотни разновидностей крюков,— поспешил занять круговую оборону Максвелл.— Их технические названия сильно отличаются и от жаргонных словечек, укоренившихся на военно-космическом флоте, и даже от названий в складских инвентаризационных книгах. Например, мало кто знает про затяжной крюк, но почти все слышали про «удавку».

— Что ж, полезли в каталог,— согласился Хантер.

Достав из сейфа каталог, Хантер уселся его листать. Максвелл стоял, заглядывая начальнику через плечо.

— Интересно, в каком разделе его искать? — недоуменно спросил Хантер.— Там, где крюки, или там, где шило?

— Лучше посмотреть в обоих.

Они так и сделали. Одолев пять или шесть страниц убористого текста, Максвелл ткнул пальцем в среднюю колонку.

— Вот он.

Хантер прищурился и покачал головой.

— Это же *шиповой* крюк. Служит для прикрепления проволочной изгороди к металлическим столбам. *Шилокрюком* тут и не пахнет.

— Тогда можем сворачивать поиски. В каталоге он не значится.

Неожиданно интуиция Максвелла что-то учуяла.

— А вам не кажется, что шилокрюк каким-то образом связан со страусами?

— Черт бы побрал этих страусов! Впрочем, кто знает?

— Я,— объявил Максвелл.— Да, я знаю, что такое шилокрюк. Можете закрыть каталог — там вы его все равно не найдете.

Хантер шумно захлопнул каталог, отер пот и устало произнес:

— Валяйте. Жажду просветиться.

— Я видел парочку таких крюков в действии,— сказал Максвелл.— Правда, давно. В документальном фильме.

— А может, там была просто фантазия режиссера?

— Говорю вам, фильм был документальным. Там показывали страусиную ферму в Южной Африке. Представляете, в загоне целая стая страусов, а фермеру понадобился один из них. Тогда фермер взял здоровенный длинный шест. Шест был металлическим, длиной не меньше десяти футов. Один конец заостренный, наподобие шила, а на другом — широкий крюк. Сначала фермер, тыча в страусов острым концом, отогнал их от нужной ему особи, после чего быстро перевернул шест, зааркани страуса крюком и вытащил из загона.

— Ну и ну,— прошептал Хантер, внимательно глядя на Максвелла.

— Знаете, что мне это напомнило? Картинку из книжки моего детства: священники вытаскивают грешников на путь истинный. Очень похоже,— сказал Максвелл.

— Плевать мне на грешников,— не переставая изумленно моргать, признался Хантер.— Во всяком случае, то, что вы рассказали, придает какой-то смысл прошлому сообщению насчет сорока трех страусов.

Однако радость Хантера была недолгой.

— Судя по пришедшему сообщению, бывают разные виды шилокрюков. На Земле почему-то решили, что хотя бы один вид у нас уже есть и лежит себе на складе, дожидаясь страусов. Теперь им приспичило узнать, какой именно. И что прикажете написать в ответ?

— Правду,— сказал Максвелл.— Нет у нас никаких шилокрюков. Ну скажите, зачем они нам?

— Страусов вытаскивать из стаи. Забыли? Их у нас будет сорок три штуки.

Максвелл призадумался.

— У нас нет ни одного шилокрюка. За это я ручаюсь. Однако на Земле считают, что есть. Какой же ответ им дать?

— Вот вы мне и посоветуйте,— предложил Хантер.

— Учтите, это просто мои соображения. Вариант решения головоломки.

— Не скромничайте, Максвелл.

— Итак, в первом сообщении нас уведомили об отправке нам сорока трех страусов. Всякие там «рождественские идеи» — чья-то неуклюжая шутка. Кстати, я узнавал: сектор Ц на Мотане действительно существует, но там полная глухомань. Нет даже форпоста. Потому я и считаю эту часть сообщения шуткой. Опять-таки, страусы не простые, а, видите ли, пятничные. Что касается словечка «квазиактивник» — оно, скорее всего, из лексикона орнитологов. Это натолкнуло меня на мысль о возможном научном

эксперименте. Вдруг какого-то яйцеголового на Земле обуяла идея-фикс: выживут ли страусы в условиях другой планеты... Рассуждаем дальше. Раз сюда летят страусы, значит, нам понадобятся шилокрюки, чтобы легче с ними управляться. Скорее всего, их тоже уже отправили, но отвечавший за отправку забыл, какие именно. А ему срочно надо заполнить кучу бланков. Вот он и запрашивает вас, чтобы не сесть в лужу.

— В таком случае мы имеем дело не только с шутниками, но и с отъявленными наглецами,— подытожил Хантер.— Надо чувствовать свою полную безнаказанность, чтобы отправлять подобную галиматью спецсвязью, да еще под грифом «совершенно секретно»!

— Не кипятитесь, Феликс. На Земле давно забыли, что такое условия военного времени. Это в старину штабного писаря за ошибку могли обвинить в саботаже и расстрелять. Теперь там никого не ставят к стенке, и потому можно преспокойно что-то забыть, потерять, записать не туда или вообще не записать. Так отчего же не поиграть и со спецсвязью?

— Я не желаю быть причастным к этой чертовщине! — загремел взбешенный Хантер.— И не собираюсь вытаскивать какого-то штабного кретина из его же дерьма. На Земле решили, что отправили нам шилокрюки. У нас их нет и никогда не было. Так я и напишу им — простым и ясным языком.

Забыв о существовании телефона, Хантер закричал во всю мощь своих легких:

— Тайлер! Тайлер!

Через полчаса простое и ясное послание Хантера отправилось спецсвязью на Землю.

«Ничего похожего у нас нет и не имелось ранее».

Послание сохранило даже стиль командующего. Отпали лишь гневные эмоции Хантера.

Рейлтон перебрался к окну, где было светлее. Он еще раз перечитал содержание космограммы, потом зачем-то перевернул лист вверх ногами. У него подрагивали усы, а глаза непроизвольно сощурились. Лицо генерала стало приобретать пунцовый оттенок.

— Пеннингтон! Сондерс! Эшмор! Уиттакер!

Выстроившись у стола, все четверо поочередно прочли сообщение. Потом все четверо стали переминаться с ноги на ногу, переглядываться, рассматривать пол, потолок и стены генеральского кабинета. Наконец всех приковал к себе знакомый до банальности пейзаж за окном.

«Боже, до чего нам приелась баранина!»

— Ну? — спросил Рейлтон, постукивая по столу мотанским признанием.

Четверка хранила молчание.

— Сначала они зашибли трех страусов. Теперь заявляют о своем отвращении к баранине. Я не понимаю, что общего между страусами и бараниной. Но ведь должно же быть хоть какое-то объяснение. Кто-нибудь знает?

Никто не знал.

— А почему бы нам не подарить зенгам и Мотан? — издевательски спросил Рейлтон.— Тогда уж точно можно не опасаться войны.

Эти слова задели Уиттакера за живое.

— Сэр, Мотан пытается передать нам какие-то сведения. Должно быть, у них есть веская причина так выражаться.

— Например?

— Вероятно, у них есть серьезные основания думать, что секретная спецсвязь уже... не совсем секретная. Быть может, вблизи одной из линий зенги построили свою станцию перехвата. Мотан осторожно намекает, что пора бы прекратить передавать сообщения открытым текстом.

— А что мешает им послать толковую шифрограмму? Тогда бы не понадобилось забивать нам головы всяким таинственным бредом о страусах и баранине.

На Сондерса вдруг сошел дар красноречия.

— Не допускаете ли вы, сэр, что они иносказательно называют страусиное мясо бараниной? Или что оно по вкусу очень напоминает баранину?

— Я готов допустить что угодно,— закричал в ответ Рейлтон.— Даже воздействие мотанского климата, вызывающего легкое слабоумие.

Выпустив пар, генерал уныло добавил:

— Хорошо, допустим, мясо страусов похоже на баранину. И куда это допущение нас приведет?

Следующим, кого захлестнул поток слов, был Сондерс.

— Очень может быть, сэр, что на Мотане открыли новый и ценный источник питания в лице... нет, в образе какой-то крупной местной птицы, названной ими страусом. Мясо этого создания по вкусу похоже на баранину. Следовательно, Хантер более чем прозрачно намекает, что теперь Мотан менее зависим от дополнительных поставок продовольствия с Земли. В случае необходимости они могут месяцами, если не годами, обходиться собственными ресурсами. Это, в свою очередь, означает, что зен-

гам не удастся уморить их голодом, уничтожая направляемые на планету корабли с продовольствием. Таким образом...

— Заткнитесь! — потребовал Рейлтон.

Его вновь начала захлестывать волна бешенства. Он громко фыркнул, отчего злополучное послание вспорхнуло и слетело на пол. Генерал снял трубку и приказал:

— Соедините меня с отделом зоологии... Нет, вы не ослышались... Отдел зоологии? Скажите, съедобно ли мясо страуса, и если да, что оно напоминает по вкусу?

Выслушав ответ, Рейлтон швырнул трубку и обвел притихшую четверку испепеляющим взглядом.

— Кусок вареной подошвы — вот что оно напоминает!

— Сэр, вы спрашивали о земных страусах,— заметил осмелевший Сондерс.— Вряд ли будет правильным судить об инопланетных видах по...

— В последний раз говорю: замолчите!

Гневные генеральские глаза переместились на Эшмора.

— Придется воздержаться от любых дальнейших шагов, пока мы не узнаем, какой шифровальной книгой они пользуются.

— Должно быть, самой последней, сэр. Они же знают строгий приказ: уничтожать все прежние шифровальные книги.

— Я знаю, что *должно быть*. Но так ли это на самом деле? Мы их уже спрашивали, однако ответа не получили. Пошлите новый запрос, обычной прямой связью. Я не боюсь, что зенги перехватят вопрос и ответ. У них все равно нет наших шифровальных книг. И потом, они давно знают, что мы пользуемся шифром.

— Я тотчас же отправлю запрос, сэр.

— Да, и как можно скорее. Когда поступит ответ, немедленно несите его мне. А теперь — прочь с моих глаз. Все четверо.

На этот раз сообщение полетело на Мотан без зигзагов и кувырканий.

«Срочно сообщите ваш шифр».

Через два дня пришел ответ. Его сразу же положили Рейлтону на стол, где он дожидался возвращения генерала с ланча. А генерал шел по коридору, и его мысли были плотно заняты нехваткой вооруженных сил в секторе Сириуса. Эти заботы напрочь вытеснили из его головы страусов и опостылевшую баранину. Рейлтон сел за стол и только теперь увидел листок.

Ответ был предельно лаконичным и состоял всего из двух букв: *BF*.

Рейлтон привстал, затем рухнул в кресло.

— Эшмор! — разнеслось по коридору.— Пеннингтон! Сондерс! Уиттакер!

«Земля, Главное военно-космическое управление. Отправлено прямой связью общего назначения. Получатель: Мотан.

По получении настоящего сообщения майору Хантеру предписывается сложить с себя полномочия командующего вооруженными силами Мотана и отбыть на Землю. На должность командующего назначается капитан Максвелл, которому присваивается звание майора».

Самодовольно улыбающийся Хантер потянулся к телефону.

— Срочно пришлите ко мне Максвелла.

Максвелл, как обычно, не заставил себя ждать.

— Только что получил предписание. Меня отзывают на Землю,— сообщил ему Хантер.

Максвелл ограничился каким-то междометием. Вид у него был еще более разочарованный, чем обычно.

— Возвращаюсь в Главное военно-космическое управление. Думаю, вам не надо ничего объяснять.

— Я и так понимаю,— с долей зависти ответил Максвелл.— Спокойная работа, никаких треволнений. Более комфортабельные условия, более высокое жалованье и более быстрое продвижение по службе.

— Все так, дорогой Максвелл. Как говорили наши предки, добродетель должна быть вознаграждена.

Хантер не торопился сообщать вторую новость.

— Неужели вы не рады этой перемене?

— Нет,— откровенно ответил Максвелл.

— Почему?

— Я привык к вам. А теперь придется заново привыкать неизвестно к кому.

— Почему же неизвестно? К самому себе.

Хантер извлек приказ и подал Максвеллу.

— С повышением вас, командующий Максвелл! Поздравляю!

— Спасибо,— без всякого энтузиазма ответил Максвелл.— Поздравлять-то особо не с чем. Вся ваша головная боль становится моей. В том числе и сорок три страуса.

В полночь Хантер вступил на борт истребителя D-10, простившись с Максвеллом и Мотаном. Он покидал планету с чувством выполненного долга и с благодарным смирением человека, готового принять подарок судьбы. Правда, до вручения подарка оставались многие недели пути, но Хантер умел ждать.

Корабль взмыл в ночное небо. Вскоре его светящийся след растаял где-то слева от четвертой луны Мотана. В противоположной стороне небосвода, высоко над горизонтом, сияли две

отданные зенгам планеты — голубая Корима и зеленоватая Корома. Максвелл еще долго разглядывал светящийся небосвод. Тяготы новой должности уже начинали давить на его плечи.

Две недели подряд Максвелл разбирал переписку своего предшественника, знакомясь с различными сторонами управления планетой. К концу этого срока он не испытывал ничего, кроме усталости и раздражения. Вспомнив, что вопрос со страусами так и не прояснился, он вызвал Тайлера.

— Черт побери, вы когда-нибудь перестанете шмыгать носом? Срочно отправьте это сообщение.

— Каким видом связи, сэр? — спросил Тайлер.

— Обычной не посылайте. Отправьте спецсвязью. Земля пометила эту тему как совершенно секретную. Мы не вправе понижать статус.

— Будет исполнено, сэр.

Еще раз шмыгнув носом, Тайлер прямиком направился на станцию спецсвязи.

«Почему все-таки страусы?»

Вопрос этот не достиг ни Рейлтона, ни его подчиненных. Его судьба была решена на ближайшей к Мотану станции спецсвязи, где недавно появился прибывший с Земли оператор. Ему уже трижды сильно влетало за технические погрешности, и он очень не хотел становиться жертвой в четвертый раз. А именно к этому все и шло. Оператор прочитал сообщение с Мотана, и у него задергались брови.

«Почему всем такие трусы?»

Оператор без колебаний уничтожил принятое сообщение и лично ответил мотанскому шутнику: «Привыкнете — понравятся».

Эти же слова увидел на бланке секретной космограммы и Максвелл. Он дважды перечитал ответ, дважды прошелся по кабинету, но смысл по-прежнему оставался скрытым от него.

«Привыкнете — понравятся».

Прошло еще четыре месяца. Максвелл стоял возле здания космопорта, готовясь встретить очередной корабль. Тридцатый по счету со времени его вступления в должность командующего. Предыдущие двадцать девять не привезли на Мотан ни страусов, ни шилокрюков, ни даже попугая в клетке.

Максвеллу уже было стыдно спрашивать про страусов. Капитаны прилетавших кораблей отвечали таким взглядом, что у него начинало звенеть в голове.

Однако тридцатый корабль прибыл вообще без груза. Максвелл сразу узнал четырехместный корабль-разведчик зенгов. Узнал

он и первого зенга, спускавшегося по трапу. Это был Тормин, главный военный чин на Короме.

— Здравствуйте, господин Максвелл.— В желтых глазах зенга сквозило беспокойство.— Мне необходимо срочно видеть вашего командующего.

— Хантера отозвали на Землю. Теперь командующий здесь я. Что-нибудь случилось?

— У нас большие неприятности,— сказал Тормин.— Как вам известно, обычных поселенцев мы размещаем на Кориме. А на Короме у нас есть не только поселенцы, но и большое число каторжников. Преступникам удалось вырваться и захватить оружие. Теперь на Короме идет гражданская война. Нам очень нужна помощь.

— Сожалею, но я не могу вам помочь,— ответил Максвелл.— Нам приказано ни при каких обстоятельствах не вмешиваться во внутренние дела зенгов.

— Да, я это знаю.— Торин возбужденно размахивал длинными костлявыми руками.— Мы не просим ни ваших кораблей, ни вашего оружия. Мы никогда не рискнули бы переложить свою грязную работу на ваши плечи. К тому же положение серьезное, но не катастрофическое. Даже если эти негодяи завоюют планету, им оттуда не сбежать. Мы перегнали все корабли на Кориму.

— Тогда что вы от меня хотите?

— Пошлите просьбу о помощи. Мы сами не можем этого сделать. Наша станция не достроена.

— Мне запрещено входить в прямые контакты с вашими властями,— сказал Максвелл.

— Но вы можете послать сообщение вашим властям на Землю. Они передадут его нашему послу. А он свяжется с ближайшими к нам военными базами.

— Вы потеряете много времени.

— У нас нет иного выхода,— вздохнул Тормин.— Вы исполните мою просьбу? При схожих обстоятельствах мы бы обязательно помогли вам.

— Ладно,— согласился Максвелл, глядя в умоляющие глаза зенга.— Но это все, что я могу для вас сделать.

Вернувшись к себе, Максвелл вызвал Тайлера и вручил ему текст сообщения.

— Пошлите-ка это спецсвязью, а то, чего доброго, какой-нибудь правоверный зенгский служака еще обвинит нас, что мы вмешиваемся в дела его империи.

И послание пошло гулять по зигзагам спецсвязи.

«Зенги устроили гражданскую войну и просят о помощи».

Земли оно достигло спустя несколько минут после того, как Хантер вошел в кабинет Рейлтона и, встав навытяжку, доложил:

— Сэр, майор Хантер, бывший командующий вооруженными силами Мотана, прибыл по вашему приказанию.

— Очень кстати,— сухо ответил Рейлтон.

Генерал отнюдь был не настроен увенчать Хантера заслуженной наградой.

— Как командующий вооруженными силами Мотана, хотя и бывший, вы несете полную ответственность за содержание всех сообщений, отправленных с планеты. Согласны?

— Да, сэр,— ответил Хантер, чувствуя, как по спине побежал противный холодок.

Резко выдвинув ящик, Рейлтон извлек пачку бланков и швырнул их на стол.

Генеральские усы недовольно вздрагивали.

— Полюбуйтесь. Вот галиматья, в которой мне приходится разбираться с тех самых пор, как на Мотане заработала станция спецсвязи. Всем этим невразумительным бредням про страусов и баранину я могу найти лишь одно-единственное объяснение: вы давно нуждаетесь в услугах психиатра. Увы, такое нередко случается с людьми, которые служат на далеких планетах.

— Позвольте мне объясниться, сэр,— начал Хантер.

— Не позволю,— рявкнул Рейлтон.— Ждите, пока я не кончу говорить. И нечего раздувать на меня ноздри. Я вовремя заменил вас Максвеллом. Очередное сообщение с Мотана послужит лучшим доказательством вашего нездоровья.

— Но сэр...

— Молчать! Я покажу вам послания Максвелла. Сравните их со своими... мне даже не подыскать точного слова для оценки вашей словесной мешанины. Если сравнение вас не убедит...

Генеральская тирада была прервана появлением Эшмора, пришедшего с бланком космограммы.

— Срочное сообщение с Мотана, сэр.

Рейлтон вырвал бланк у него из рук и стал читать. Эшмор молча ждал. Хантер нервозно переминался с ноги на ногу.

«Деньги устроили граждан, но Хью Вайн просит еще».

Если верить легендам, то, что произошло в кабинете Рейлтона потом, было похоже на вспышку сверхновой.

Тайна мистера Визеля

Нас было шестеро в душном купе старого железнодорожного вагона. Напротив меня сидел толстяк Джо. Я узнал его имя из обращений к нему менее толстого человека, его соседа, которого звали Эл. Место у окна было занято коммивояжером с усталыми, но цепкими глазами. Напротив него сидела молодая пара, притворявшаяся, будто может обходиться без воркования.

Последние семьдесят миль Джо и Эл провели за анализом политического положения — вели его раскатистым полушепотом и с мрачным усердием. Комми делил свое внимание между их беседой, «Теплотехническим справочником» и любительской игрой молодой четы в ветеранов брака. Грохоча и сотрясаясь, длинный поезд прокладывал себе путь по стрелкам, быть может, полусотни пересекавшихся линий. Вдруг раздались визг и шипение тормозов. Джо и Эл замолчали. Мы услышали удары и хлопанье дверей.

— Манхэниген,— сказал комми, протирая запотевшее окно.— И идет дьявольский дождь.

Неожиданно дверь нашего купе распахнулась, и в него, дробно семеня ножками, вошел маленький человечек. Заботливо закрыв за собою дверь, он широко улыбнулся нам и выбрал место на противоположной скамье, между Элом и коммивояжером.

— Какой ливень! — заметил он, вытирая дождевые капли на лице большим малиновым платком.— Прекрасно! — Он снова просиял и восторженно вздохнул.— Это живительная влага!

Как обычно бывает в подобных случаях, все взоры обратились к вошедшему. Он был новым спутником наших бездельных часов, предметом внимания, разнообразящим скуку. Выпрямившись, любезно улыбаясь, сдвинув ножки на полу, он баюкал свой баул на коленях и терпеливо сносил наше любопытство.

У него было круглое, пухлое, гладковыбритое лицо и ротик проказливого эльфа. Волосы со стальным отливом, довольно длинные, очень кудрявые. Тельце было снабжено небольшим брюшком, а ножки только-только доставали до пола.

Странными были только его глаза — слишком подвижные, слишком проворные.

— Поезд немножко опаздывает, ребята,— весело сказал он.

— Мы пришли с опозданием на двенадцать минут,— сообщил комми.— Там, впереди нас, на линии что-то случилось.— Он наклонился вбок, пытаясь рассмотреть баул маленького человечка.

— Это плохо,— сказал человечек.— Быстрота — одна из основ действия.

— А остальные какие? — спросил, ухмыльнувшись, комми.

— Энергия, предусмотрительность и соображение,— самодовольно отозвался человечек. Он отечески улыбнулся молодой чете, немедля возобновившей любованье друг другом.

Комми опустился на место и углубился в свою книгу. Сказав согласное «угу», Джо прекратил споры с Элом и уставился через живот своего товарища на новоявленного оракула. Человечек обратил свое общительное сияние ко мне.

Тогда-то мое внимание и привлек его баул, на который украдкой поглядывал комми. Необыкновенный баул. Цилиндрический, с ручкой посредине, сделанный из кожи какого-то загадочного экзотического существа, напоминающей змеиную,— окраски, не поддающейся описанию. Ни крышки, ничего похожего на замок. Я лишь мельком заметил яркую наклейку на конце, обращенном к коммивояжеру. Вскоре я потерял к баулу всякий интерес, протер окно и стал следить за дождливым пейзажем, проносящимся мимо со скоростью шестьдесят миль в час.

Мы покрыли миль тридцать, прежде чем мое внимание вновь обратилось к баулу. Эл и Джо молчали, погрузившись в сонные размышления. Но комми украдкой напряженно изучал невозмутимого человечка, да и молодая пара не спускала с него глаз.

Проследив за направлением взглядов юной четы, я увидел, что они тоже смотрят на баул. Его владелец повернул его так, что конец баула был теперь обращен к нам. Мы ясно видели наклейку. Она выглядела совершенно необычайно.

На клочке глянцевитой бумаги, размерами примерно шесть на четыре дюйма, в ярких красках было изображено громадное здание, похожее на огромную розовую пирамиду и усеянное тысячами окон. Внизу шла отчетливая строка волнистого шрифта, сходного с арабским.

— Скоро ли мы прибудем в Фарбург? — спросил человечек.

— Минут через десять,— ответил я, и мой взгляд опять вернулся к баулу.

— Благодарю вас,— отозвался человечек крайне вежливо. Его улыбка была всеобъемлющей.

Занятная штука — эти украшения на бауле. У меня их было много, в свое время я коллекционировал этикетки, ярлыки и наклейки всех отелей и путей — от Леопольдвиля до Тонга-Табу, но никогда не видел ничего подобного. Не встречал я и шрифта, похожего на изображенный на рисунке. Чей он был: персидский, санскрит, арабский?..

Комми выказывал больше интереса и настойчивости, чем кто-либо из нас. Подняв любопытные глаза, он спросил:

— Иностранец?

— О, вполне,— заверил очень решительно человечек. Отвечал он довольно охотно, но лаконично.

Эта наклейка вызывала у меня танталовы муки. Где и кто пользуется письменами такого рода и что это за страна с небоскребами, похожими на розовые пирамиды?

Спрос — не беда во всяком случае. Я не люблю, когда меня считают слишком любопытным, но человечек казался достаточно добродушным, чтобы не рассердиться на один-два вопроса. Юная чета все еще смотрела зачарованным взглядом на наклейку, а комми ерзал на месте, пытаясь взглянуть еще раз. Даже Эл и Джо начали ощущать присутствие чего-то таинственного и загадочного.

Когда поезд застучал на стыках, баул запрыгал на пухлых коленках его владельца. Поверхность баула начала играть и переливаться разными красками.

— Я очень извиняюсь, мистер... э?..

— Визель,— сказал человечек чрезвычайно удовлетворенно.— Меня зовут Визель.

— Очень приятно. А меня — Рассел. Я не хочу показаться нахальным, но эта наклейка на вашем бауле...

— А, да, наклейка,— сказал он.— Обыкновенная отдельная наклейка. Вы знаете, как они нашлепывают их. Весьма украшает, и если вы коллекционируете...

— Меня интересует здание, изображенное на ней.

— Ах это! — Теперь все насторожились.— Это «Отель Красных Гор».

— А надпись? — настаивал я.— Признаюсь, я ее не понимаю.

Он просиял и сказал:

— Надпись — чистейший комрийский язык, скорописный шрифт, который можно назвать стенографическим.

— Вот как? — Я запнулся, окончательно обескураженный.— Благодарю вас.— Я уже сожалел о своих расспросах.

Он положил свой баул поудобнее, но держал все так же крепко.

В купе воцарилось недоуменное молчание...

Поезд подходил к Фарбургу. Я поднялся, влез в свой плащ, готовясь выходить. Маленький человечек сделал то же.

Комми не смог дольше устоять. В глазах его было написано отчаяние, ибо загадочный мистер Визель стоял уже у двери с баулом в руке, ожидая остановки поезда.

— Скажите, мистер, где, во имя ада, находится «Отель Красных Гор» и какие дьяволы пишут на чистейшем комрийском языке?

Поезд останавливался.

— Марс и марсиане,— спокойно произнес мистер Визель. Затем открыл дверь и вышел. Я последовал за ним и оглянулся. Эл и Джо уныло смотрели нам вслед, вид у них был ошеломленный. Комми огорченно наклонился к молодой чете.

— Вот видите? — говорил он.— А я поначалу попался на удочку, клюнул, черт возьми!.. Наговорил нам, шельма, всякой чепухи и смылся...

Я нагнал человечка, когда тот рысцой трусил к выходу. Он улыбнулся, увидев меня.

— Вы не поверили,— с удовлетворением заметил он.— И никто не верит. Своего рода парадокс. И это позволяет беспрепятственно ходить повсюду, не подвергая себя опасности.

Не зная, как реагировать, я спросил:

— Куда вы идете?

— Поглазеть, поглазеть по сторонам,— ответил он весело.— И в самом деле, я хочу увидеть и узнать возможно больше за оставшееся время.— Он улыбнулся мне, размахивая баулом.— Знаете, меня предостерегали, что путешествие будет опасным и что здесь за мной будут охотиться, как за югаром в пустыне. Но нет! Ни одна душа не верит ни слову, а это все упрощает.

— Братец,— сказал я,— такой рассказ, конечно, трудно проглотить...

Толпа сбилась около дверей, и у выхода мы задержались. Я достал свой билет.

Визель семенил впереди меня. Я шагал за ним следом. Совершенно невозмутимо он предъявил контролеру пустую руку. Тот, небрежно взяв ничто из его руки, пробил это ничто компостером и бросил в свой ящик. Затем он взял билет и у меня.

Я не успел опомниться, как Визель сказал:

— Так приятно было познакомиться с вами... Прощайте! — Он побежал и вскарабкался в подъехавшее такси.

Мысли у меня кружились. Уж не померещилось ли мне?! Но ведь я и впрямь видел такси, видел прохожих. Нет, он, должно быть, загипнотизировал контролера.

Мотор такси заработал как раз, когда я подбежал к машине. Я сунул голову в окошко, хотел было сказать что-то и вдруг увидел, что на меня таращатся разгневанные глаза седовласой, полногрудой матроны. Она пронзила меня взглядом сквозь лорнет.

— Молодой человек! — резко бросила она.

— Простите, леди,— извинился я. Автомобиль тронулся.

Я следил, как он прошумел по скату на улицу. Черт возьми, я видел, как Визель садился в это такси. Почти перед моим носом. Он не мог быть марсианином, все это чепуха! И даже если бы он и был им, то не мог бы мгновенно превратиться в пожилую, представительную даму.

Конечно, он не мог.

Нет, не мог...

Издав дикий вой, я бросился вслед за машиной. Слишком поздно, конечно.

Визель это или нет, но она держала его баул!

Фундаментальное право

Они пришли со звездного поля, что лежит за горизонтами Земли, из системы яркого солнца Сигма Октант.

Десять огромных медно-красных кораблей.

Никто не видел, как они приземлились. Их экипажи были достаточно умны, чтобы затаиться среди пустынных пространств Антарктики, провести разведку и захватить всю международную экспедицию численностью в двадцать человек.

Даже после этого никто не поднял тревоги. Пришельцы, которые называли себя рейдианами, предположили, что через две недели на Земле заинтересуются судьбой пропавших людей. Но все получилось иначе: вопреки ожиданиям пленные земляне оказались на удивление покорными и охотно пошли на сотрудничество.

Рейдиане сумели жестами объяснить: люди должны послать сигнал о том, что с ними все в порядке.

Пленники повиновались, даже не пытаясь выкинуть какой-нибудь фокус. И сигналы полярной экспедиции продолжали регулярно получать в Австралии, Новой Зеландии и Чили. Никому и в голову не пришло, что за Полярным кругом, где в ночи бушуют метели, случилось нечто из ряда вон выходящее.

За одиннадцать недель захватчики выучили земной язык, посвятив этому занятию все свободное время. Можно было бы обойтись без этого, если бы пленники научились говорить на рейдианском языке, но одиннадцать недель — слишком малый срок, чтобы человек справился с такой задачей. Да и сами рейдиане хотели чувствовать себя на Земле посвободнее.

В конце одиннадцатой недели Залумар, командующий флотом, вызвал Лакина, своего помощника.

— Лакин, больше нет необходимости тратить время на постижение этой бессмысленной речи животных. Мы уже мо-

жем изъясняться так, что земляне нас понимают. Пришло время покинуть это холодное место и выбрать более удобную резиденцию.

— Да, адмирал,— согласился Лакин, который с радостью подумал о солнце и тепле.

— Руководителя пленников зовут Гордон Фокс. Я хочу поговорить с ним. Приведи его.

— Да, адмирал.— Лакин поспешно вышел и вскоре вернулся с пленником.

Это был высокий стройный землянин с гладкими прямыми волосами и аккуратной бородкой. Его серые глаза внимательно оглядели Залумара, отметили широкие плечи, длинные бескостные руки, желтые глаза и необычный зеленый пух, покрывавший кожу. Залумар не мешал пленнику смотреть, поскольку взгляд сочетал в себе диковинную смесь покорности и восхищения.

— Я должен кое-что тебе сказать, Фокс.

— Да, адмирал?

— Вне всякого сомнения, тебе должно быть интересно, зачем мы сюда прилетели, каковы наши намерения и что произойдет в ближайшем будущем.— Не дожидаясь реакции, он продолжал: — Отвечу по существу и очень коротко: мы намерены захватить твой мир.

Он внимательно наблюдал за лицом Фокса, ожидая увидеть страх, потрясение, гнев — обычные эмоции, характерные для таких ситуаций. Но ничего подобного не обнаружил. Напротив, Фокс выглядел даже довольным. Ни малейшей злости, ни демонстративного неповиновения, ничего, кроме дружелюбной покорности. Быть может, он не до конца понял, что имел в виду Залумар.

— Мы намерены полностью захватить Землю, забрать все целиком,— подчеркнул Залумар, не сводя глаз с Фокса.— Мы конфискуем планету, поскольку такое сокровище должно принадлежать более достойным. У нас достаточно сил, чтобы сделать это. Ты меня понимаешь, Фокс?

— Да, адмирал.

— И подобная перспектива не вызывает у тебя протеста?

— Нет, адмирал.

— Почему?

Фокс философски пожал плечами:

— Или вы умнее нас, или нет. Если не умнее, то не сможете покорить Землю, что бы вы ни говорили, чего бы ни делали.

— Ну а если мы умнее?

— Тогда мы выиграем от вашего мудрого правления. Вы не сможете править нами и не подарить нам новые идеи.

— В первый раз,— с некоторым удивлением заметил Залумар,— мы встречаемся с таким разумным подходом к жизни. Надеюсь, все остальные земляне похожи на тебя. В таком случае нас ждет самое легкое завоевание в истории.

— Остальные земляне не доставят вам никаких неприятностей,— заверил его Фокс.

— Похоже, ты принадлежишь к невероятно мирному виду разумных существ,— сказал Залумар.

— У нас довольно своеобразный взгляд на многие вещи.

— В таком случае вы очень сильно отличаетесь от всех остальных, и это выглядит противным природе.— Залумар высокомерно улыбнулся.— Впрочем, это не имеет особого значения. Очень скоро твой народ будет смотреть на вещи *по-нашему*. Иначе вы перестанете существовать.

— Никто не торопится умереть,— заметил Фокс.

— Ну, в этом отношении вы вполне нормальны. Я приказал привести тебя сюда, чтобы сообщить о наших намерениях, а также объяснить, почему вам лучше сдаться без возражений и сопротивления. Я намерен использовать пленников в качестве средства связи, поэтому считаю необходимым сообщить тебе о том, что человечество Земли стоит перед выбором между безусловным повиновением и полным уничтожением. Ты должен будешь убедить власти, что им следует выполнять наши приказы. Лакин отведет тебя в специальную комнату и покажет очень интересные картинки.

— Картинки?

— Да, трехмерные, цветные. На них ты увидишь, что произошло с планетой Ка-четырнадцать, чей народ бросил нам вызов в нелепой надежде, что ему это сойдет с рук. Теперь у нас есть отличный пример для других. Судьба, которая постигла ту планету, может постигнуть и любую другую — нам это по силам.— Адмирал небрежно махнул рукой.— Уведи его, Лакин.

После того как они ушли, Залумар откинулся на спинку кресла и почувствовал, как его охватывает удовлетворение. Представитель очередной низшей формы жизни убедится, что этика, мораль и вопросы добра и зла лишь усложняют существование. Некоторым народам космоса просто не хватает ума понять: жадность и жестокость есть лишь иная грань эффективности.

Кажется, только рейдиане смогли сделать надлежащие выводы и последовать законам природы, гласящим, что победу одерживает тот, у кого острее зубы и крепче когти.

В специальной комнате Лакин переключил несколько тумблеров, настраивая проектор, и тут же ожила ближайшая к Фоксу сфера. В ее центре висела сияющая точка; рядом с внутренней поверхностью плавала темная бусина, посеребренная внутренним источником света.

— А теперь смотри!

Они молча взирали на сферу. Через несколько мгновений темная бусина ожила, увеличилась в размерах и вспыхнула ярким пламенем. Лакин вновь пощелкал тумблерами. Оба источника света исчезли, и большая сфера вновь стала серой.

— Эта запись показывает, как мы уничтожили два миллиарда идиотов,— сказал Лакин, только что не облизывая губы от удовольствия.— Космос никогда не вспомнит о них с сожалением. Они родились, прожили отведенную им часть времени, сыграли свою роль и исчезли навсегда. Не хочешь ли узнать, какова была их роль?

— Если вы пожелаете рассказать,— очень вежливо ответил Фокс.

— Они появились на свет для того, чтобы их уничтожение помогло другим обитателям этой части космоса здраво взглянуть на вещи.

— И вы достигли своей цели?

— Вне всякого сомнения.— Лакин холодно рассмеялся.— Обитатели всех окружающих планет дрались за право поскорее поцеловать наши ноги.— Его желтые глаза обратились к землянину.— Но мы не рассчитываем, что ты нам поверишь — во всяком случае сейчас.

— Не рассчитываете?

— Конечно. Всякий может создать фальшивое изображение космической катастрофы. Не настолько же ты легковерен, что готов отдать свою планету, имея в качестве доказательства нашего могущества лишь трехмерную картинку.

— Доверчивость не имеет к этому никакого отношения,— спокойно возразил Фокс.— Вы хотите нас завоевать. Мы рады, что вы прилетели. Вот и все.

— Послушай, мы предъявим веские доказательства. Например, покажем земным астрономам на их собственных звездных картах место, где обычное солнце стало двойным. Мы можем назвать время, когда это произошло. Если этого покажется мало, мы превратим в огненный шар любое небесное тело в Солнечной системе, на ваш выбор.— Он вновь взглянул на Фокса, который казался слегка озадаченным.— Ты и в самом деле считаешь, что никаких доказательств не потребуется?

— Думаю, не потребуется. Большинство из нас примет ваши требования без возражений. Конечно, наверняка найдутся скептики, но на них не стоит обращать внимание.

Лакин нахмурился:

— Я не понимаю! Создается впечатление, будто твой народ просто хочет, чтобы его покорили. Это совершенно ненормально.

— Тут весь вопрос в том, по каким стандартам судить,— заметил Фокс.— Мы ведь совсем не знаем друг друга, не так ли? Вы должны были учитывать, что наше мышление окажется непонятным для вас, что мы смотрим на мир иначе.

— Мне не нужна лекция о твоем мышлении,— прервал его Лакин, который явно терял терпение.— Рейдиане успели столкнуться с большим количеством самых разных созданий. Мы покорили столько народов космоса, сколько ты и представить себе не в состоянии. И я могу смело утверждать: спокойное отношение к инопланетному вторжению не является нормальным. Если Земля и в самом деле отреагирует на наше появление, как ты предсказал, если землянам не потребуется доказательств нашего могущества, если им не нужны причины для страха, значит, они прирожденные рабы.

— А что в этом такого? — возразил Фокс.— Если природа в своей мудрости сделала вас расой хозяев, почему она не могла создать нас рабами?

— Мне не нравится, что ты оправдываешь рабскую натуру землян! — выкрикнул Лакин.— Если вы думаете, что сумеете нас перехитрить, вас ждут большие разочарования. Ты меня понимаешь?

— Безусловно, понимаю,— кивнул Фокс, который старался говорить успокаивающим тоном.

— Тогда возвращайся к своим товарищам и расскажи, что ты видел и слышал. Если кому-нибудь потребуются дополнительные факты, сразу же веди его сюда. Я отвечу на все вопросы и представлю любые доказательства.

— Очень хорошо.

Сидя на краю стола, Лакин смотрел вслед уходящему землянину. Пришелец не шевелился в течение долгих десяти минут. Потом минут пять бесцельно слонялся по комнате. Наконец вернулся Фокс.

— Они готовы поверить мне на слово.

— Никто не хочет задать вопрос? — не веря своим ушам, спросил Лакин.

— Никто,— кивнул Фокс.— Я же говорил, что так и будет.

Лакин промолчал. Он небрежным жестом отослал Фокса, запер комнату и вернулся в кают-компанию. Там он нашел Залумара, который беседовал с Хейшэмом, главным инженером флота.

Прервав разговор, Залумар спросил у Лакина:

— Что произошло? Впал ли в обычную истерику представитель низшей формы жизни, обладающий бородой?

— Нет, адмирал. Напротив, всячески радовался, что его мир будет покорен.

— Меня это не удивляет,— заявил Залумар.— Земляне относятся к происходящему философски. Настоящие идиоты.— Его проницательные глаза отметили беспокойство на лице Лакина.— Чем ты взволнован?

— Мне не нравится поведение землян, адмирал.

— Но почему? Нам будет только легче. Или ты предпочитаешь сражаться с трудностями?

Лакин ничего не сказал.

— Давайте лучше поздравим друг друга с удачей,— продолжал Залумар, демонстрируя полную уверенность в себе.— Победа без сражения обходится дешевле той, что куплена ценой крови. Покоренная планета стоит намного дороже, чем уничтоженный мир.

Лакин возразил:

— Если верить книгам, которые мы здесь нашли, а также нашим наблюдениям, земляне создали цивилизацию, которая всего на несколько скачков отстает от нашей. Они сумели построить корабли, летающие к другим планетам Солнечной системы. У них даже есть маленькая колония в системе ближайшей звезды. Такую технологию не могли создать слабоумные.

— Согласен,— вмешался Хейшэм с энтузиазмом инженера.— Я изучал устройство этих кораблей. Земляне моложе нас на двадцать тысяч лет, но отстают совсем немного. Поэтому мы должны...

— Молчать! — рявкнул Залумар, после чего продолжал немного спокойнее: — Все разумные существа страдают от того, что обладают моралью. Мы знаем это из личного опыта: мораль — болезнь, и она в разных мирах проявляется по-разному. Этот мир — первый, где главным достоинством считается послушание. Земляне могут быть весьма неглупыми, просто они уважают того, кто лучше их.— Он иронически посмотрел на слушателей.— Лакин, ты, испытанный космический воин, позволил низшим существам тебя удивить, а теперь еще и тревожишься. Что с тобой?

— Интуиция подсказывает мне, что повиновение может обернуться своей полной противоположностью.

— Естественно, мой дорогой Лакин, естественно. *Мы* никому не подчинимся. Но земляне — это не рейдиане.

— Совершенно верно,— согласился Хейшэм.

Оказавшись в меньшинстве, Лакин не стал больше возражать. Однако Залумар не сумел его убедить. Шестое чувство подсказывало, что его тревога небезосновательна.

На следующий день было решено сменить стоянку. Десять кораблей поднялись в воздух над снегами Антарктики, забрав с собой двадцать землян. Через некоторое время они приземлились в огромном космопорту неподалеку от крупного города. Фокс заверил, что это вполне подходящее место, откуда можно сообщить землянам о судьбе, спустившейся к ним со звезд.

Залумар вызвал Фокса:

— Я никогда не выхожу на встречи с местными лидерами. Они приходят ко мне.

— Да, адмирал.

— Ты должен их привести. Возьми с собой товарищей, чтобы они подтвердили твои слова.— Он сурово посмотрел на собеседника.— Мы обладаем таким могуществом, что нам не нужны заложники. За любым предательским нападением последует страшный ответ — на возраст и пол нам наплевать. Ты понял?

— Да, адмирал.

— Тогда отправляйся. Ты постараешься уложиться в один день, если у тебя есть голова на плечах.

Залумар подошел к выходу из шлюза и долго смотрел вслед двадцати людям, идущим по горячему бетону в сторону города. Они так и остались волосатыми и были одеты в теплые комбинезоны для работы в Полярном круге.

Жаркое солнце заливало своими лучами космопорт. Четверо чисто выбритых землян в аккуратных легких униформах подъехали к трапу. Один вышел из машины, приложил кисть руки к глазам и посмотрел на инопланетянина, стоящего у выхода из шлюза.

Без малейшего удивления человек сказал:

— Вы не предупредили о своем визите. Нам пришлось посадить два корабля в другом порту. Такое пренебрежение правилами безопасности может привести к несчастным случаям. Откуда вы?

— Неужели вы и впрямь полагали, что мы знаем ваш язык и знакомы с вашими правилами и инструкциями? — с интересом спросил Залумар.

— Да, ведь с вами прилетели двадцать землян. Почему вы нас не предупредили?

— Потому что,— ответил Залумар, получавший от разговора огромное удовольствие,— ваши законы писаны не для нас. Более того, с этого дня они уже не действуют — во всяком случае те законы, которые касаются нас.

— Неужели? — ухмыльнулся землянин.— Ну, тогда очень скоро вы поймете, что ошибались.

— Напротив,— возразил Залумар,— мы научим вас новым законам.— И он с улыбкой вернулся в свою каюту, уселся за стол и принялся возиться с толстой кипой бумаг.

Через три часа в его дверь постучали и попросили спуститься к шлюзу. Он встретил внизу тех четверых землян в форме.

— Я должен принести извинения за то, что поставил под сомнение ваше право совершить посадку этом порту,— спокойно сказал человек, с которым Залумар говорил раньше.— Кроме того, мне поручено сообщить вам, что люди, с которыми вы хотели встретиться, уже на пути сюда.

Презрительно фыркнув в ответ, Залумар вернулся в каюту. Он сделал вид, будто не услышал шум двигателей крупного самолета. Вне всякого сомнения, некоторые члены команды с тревогой поглядывали в небо — вдруг на них сбросят что-нибудь длинное, черное и опасное. Но он не мог позволить себе терять время. Он уже понял землян, которые попросту не осмелятся выступить против незваных гостей. Шум двигателей вскоре стих, и ничего не произошло.

Через некоторое время появился Фокс с двумя членами совета, которых звали Маккензи и Вителли, и другими гражданскими лицами. Дюжину землян проводили к Залумару, они выстроились вдоль стены и принялись с откровенным любопытством, но без малейшей враждебности изучать адмирала рейдианского флота.

Фокс объяснил:

— Адмирал, это двенадцать представителей Земли. Есть еще тридцать человек, уполномоченных принимать решения столь высокого уровня, но они очень далеко отсюда. Доставить их сегодня невозможно.

— Не имеет значения.— Залумар откинулся на спинку кресла и с презрением оглядел землян.

Однако они были совершенно спокойны, ни малейшей робости. Залумару они вдруг напомнили ящериц, способных замирать на долгие часы. Интересно, о чем они думают? Что ж, пора переходить к обычной тактике. Чтобы подавить волю к сопротивлению, лучше сразу двинуть в зубы.

— Проясним кое-что с самого начала,— заявил Залумар.— Для нас вы всего лишь животные. Животные, имеющие самый низший статус из всех, какие только бывают. Коровы. *Мои* коровы. Когда я прикажу давать молоко, вы будете его давать. Когда я велю мычать, вы тут же начнете мычать, все вместе, это касается и тех тридцати, которые еще не успели сюда явиться.

Никто ничего не ответил, ни один из землян даже не покраснел; казалось, всем наплевать на то, что сказал пришелец.

— Если кто-то из вас ослушается или не продемонстрирует достаточного рвения, он моментально расстанется с жизнью, а его место займет хороший, достойный доверия специалист по мычанию.

Тишина.

— Вопросы есть? — с некоторым раздражением осведомился адмирал, поскольку люди с удивительной легкостью восприняли оскорбление.

Малейшее выражение неудовольствия, даже просто злая мина на лице любого из них несказанно обрадовала бы его, позволив в полной мере насладиться плодами завоевания. Их поведение делало победу слишком пресной, лишало триумфа — ну что тут праздновать, если ты не встретил никакого сопротивления.

Они даже не выдвинули встречные требования, которые он мог бы отмести, выставив землян полными идиотами и ничтожествами. Они стояли, выстроившись вдоль стены, не задавая вопросов, дожидаясь очередного приказа. Он смотрел на них, и вдруг подумалось, что если он сейчас скажет: «Му-у-у!», они замычат во всю мощь своих глоток — и каким-то непостижимым образом окажется, что они смеются над ним.

Нажав кнопку интеркома, он позвал капитана Эрникоджа, а когда этот достойный рейдианин явился, сказал:

— Отведи этих простофиль на седьмой крейсер, пусть их там зарегистрируют и самым тщательным образом осмотрят — от ногтей на ногах до кончиков волос. Допроси их насчет неявившейся тридцатки. Мы должны знать, есть ли среди землян те, кто преступно уклоняется от встречи с нами.

— Как прикажете, адмирал,— сказал Эрникодж.

— Это еще не все,— продолжал Залумар.— Когда закончишь допрос, выбери наименее глупое из этих существ и верни сюда. Оно останется у нас. А когда мне потребуются остальные, мой землянин будет их собирать.

— Все будет исполнено, адмирал.

Затем Залумар переключил свое внимание на землян.

— После того как вас зарегистрируют, вы сможете вернуться в город, на свои посты. Первым делом вам надлежит объявить

порт исключительным владением рейдианского флота. Всех земных служащих удалить из порта, с этих пор они будут попадать сюда только по моему личному разрешению.

Земляне восприняли новость все с тем же молчанием. Он смотрел им вслед, когда они вместе с Эрниколжем покидали его каюту. О Великий Бог на небесах, какими же ничтожными животными они оказались!

Залумар недовольно посмотрел на Фокса, Маккензи и Вителли.

— А где остальные семнадцать членов экспедиции?

— Задержались в городе, адмирал,— объяснил Фокс.

— Задержались? А кто сказал, что они могут задерживаться? Они нужны здесь, *здесь!*— Залумар сердито ударил кулаком по столу.— У них нет ни малейшего права что-либо делать без моего приказа. Что они о себе возомнили? Я покажу, как мы поступаем с тем, кто думает, будто он может делать то, что ему заблагорассудится....

— Адмирал,— прервал его тираду Фокс,— они спросили, нельзя ли переодеться в более удобную одежду. Я предположил, что вы это одобрите — ведь они должны выглядеть пристойно. Они хотели всего лишь порадовать вас.

Залумар ощутил легкое смущение. Если солдат находится в самовольной отлучке только для того, чтобы добыть своему командиру золотую медаль, что должен делать последний? В первый раз он почувствовал сомнения, которые уже давно посетили Лакина. Все происходит не совсем так, как он рассчитывал. Этот жалкий тип Фокс выворачивает ему руки в присутствии двух свидетелей, а он ничего с этим не может поделать.

Полный решимости сохранить контроль над ситуацией, Залумар проворчал:

— Ладно, будем считать, что их забота о моем расположении достойна одобрения, а потому простительна. Но почему, в таком случае, ты и эти двое не пожелали доставить мне удовольствие? Почему вы вернулись в тех же грязных и недостойных одеждах, с волосами на лицах? Хочешь сказать, что доступное для семнадцати человек троим не по силам?

— Нет, адмирал,— ответил Фокс, торопливо отряхивая одежду.— Но кто-то должен был вернуться. Мы надеялись, что после возвращения наших товарищей вы позволите нам привести себя в порядок.

— Да, и вам следует поторопиться,— не стал возражать Залумар.— Мы и без вас разберемся с этими животными.

Он внимательно наблюдал за Фоксом, пытаясь заметить хотя бы намек на ненависть — сощуренные глаза, стиснутые зубы. Ничего у Залумара не вышло. Черты лица Фокса застыли в полнейшей неподвижности. Маккензи вел себя так, словно был абсолютно глухим. По лицу Вителли бродила вкрадчивая улыбка, не покидавшая его лунообразного лица.

— Проваливайте,— приказал Залумар.— Доложите Эрникоджу, что вам разрешено отлучиться из порта после того, как вернутся остальные. Но до наступления сумерек все должны быть здесь.

— А потом, адмирал?

— Вы поступаете в распоряжение Эрникоджа. Я пошлю за вами, когда понадобитесь.

После того как они ушли, Залумар через ближайший иллюминатор посмотрел на огромный город. Башни, шпили, воздушные рельсы и мосты. Мое, думал он, все это — мое. Достойный приз для самого достойного. Удача всегда только с тем, кто силен, дерзок и смел.

Вошел Лакин и неуверенно проговорил:

— Я вот о чем думаю, адмирал. Мы все в одном месте. Десять кораблей стоят рядом. Быть может, лучше рассредоточиться? Оставить четыре корабля здесь, а остальные переправить в два других порта?

— Зачем?

— Мы до сих пор не знаем, каким оружием располагают земляне, но нам очень хорошо известно, что одна метко сброшенная бомба может уничтожить нас всех.

— Три бомбы тоже. Что мы выиграем, разделив свои силы?

— Если они не сбросят бомбы одновременно, первая бомбардировка послужит предупреждением для остальных. Часть из нас спасется и нанесет ответный удар.

— Если у них хватит мужества напасть,— заметил Залумар,— то могу спорить, что они сбросят сразу три бомбы. Все или ничего, вот как они будут рассуждать, если хотя бы на миг поверят, что у них есть шанс победить. Но они знают, что надежды нет. Им известно, что за нас отомстит Имперский Флот Рейдиана.

— Ну, только не сейчас,— возразил Лакин.— Никто не знает, где мы находимся и чем заняты. Я только что спрашивал у Шайпина, отправил ли он донесение на родину. И он ответил, что нет. До тех пор пока донесение не будет отправлено и мы не получим подтверждения с Рейдиана, мы остаемся эскадрой, затерявшейся среди звезд.

Залумар мрачно улыбнулся:

— Мой дорогой хлопотун Лакин, *только нам* известно, что мы не поддерживаем связи с родиной. Земляне ничего об этом не знают. Они не осмелятся атаковать нас, ведь это приведет к уничтожению их мира. Как и все другие существа, они ценят свои шкуры.

— Я спросил Шайпина, почему он до сих пор не отправил сообщение о нашем местонахождении,— не сдавался Лакин.— Он сказал, что не получил от вас приказа. Хотите, я передам ваше распоряжение?

— Конечно нет.— Отвернувшись от Лакина, Залумар снова занялся созерцанием великолепного города.

— Адмирал, мы должны были отправить доклад на родину, как только подавили сопротивление и полностью овладели ситуацией. Таковы инструкции.

Резко повернувшись к нему, Залумар рявкнул:

— Неужели ты полагаешь, что я, командир, забыл об инструкциях? Шайпин пошлет соответствующее сообщение только после того, когда приказ отдам я, и не раньше. Только я могу оценить положение вещей.

— Да, адмирал, конечно,— смутился Лакин.

— Нужный момент еще не наступил.

Залумар произнес эти слова так, словно момент может не наступить никогда.

Он оказался пророком.

Прошел месяц, но Шайпин так и не получил приказа. Потом еще три месяца, и еще шесть. Ему и в голову не приходило задавать Залумару вопросы, а может быть, он предпочитал помалкивать. Что касается Лакина, тот решил держать язык за зубами. Если уж адмирал решил взвалить ответственность за происходящее на свои плечи — что ж, тем лучше для подчиненных.

Между тем события развивались наилучшим образом. Земляне сотрудничали на все сто процентов, не выказывая особого энтузиазма, но действуя достаточно эффективно.

Всякий раз, когда Залумару хотелось напомнить лидерам землян, кто есть кто, он велел им всем выстроиться перед ним, и все сорок два, как один, тут же прибывали. Малейшее его желание приобретало статус закона. Он не сомневался, что мог бы заставить их боготворить землю, по которой он ступал, и целовать его следы, оставленные в грязи. Когда разумному существу предоставлен выбор между подчинением и гибелью, оно способно и не на такое.

В результате Залумар впервые за долгие годы покинул свой корабль. Ему больше не нужно было оставаться в окружении металла, словно консервированному *рашиму*. Ему даже не требовалось волшебной палочки. Достаточно было лишь попросить — и он получал все. Даже не попросить, а просто *сказать*.

— Вы конфискуете и передадите в мою личную собственность самый роскошный дворец вашего мира. Его нынешних обитателей вышвырнуть вон. Весь необходимый ремонт произвести без малейших задержек. Дворец должен быть обставлен самым великолепным образом, соответствующим статусу Планетарного Правителя. Вы также предоставите мне полный штат вышколенных слуг. Как только все будет готово, я лично проведу инспекцию — и для вашего же блага позаботьтесь о том, чтобы новая резиденция мне понравилась!

И они все выполнили. Даже на Рейдиане ни у кого не было такого роскошного дворца. Он знал немало своих сверстников, военачальников, которые скрипели бы зубами от зависти, если бы увидели Нордиса Залумара, командира жалкой десятки кораблей, живущего как настоящий король. Нет, как император.

Дворец был огромным. Одна его центральная часть считалась чудом света, не говоря уже о восточном и западном крыльях. Даже помещение, где жили слуги, размерами не уступало крупному отелю. Дворец окружало четыре тысячи акров земли, прекрасно ухоженной, с чудесным озером, где водились разноцветные рыбки.

Все здесь было сделано с неслыханной расточительностью. Пришлось ограбить целую планету, чтобы ублажить того, кто мог ее полностью уничтожить. Три миллиарда животных отдали свои деньги, чтобы выплатить огромный страховой взнос.

Залумару не удалось найти, к чему бы придраться. Был лишь один недостаток: дворец находился в двух тысячах миль от космопорта и города, где работало мировое правительство. Что ж, решение нашли быстро: Залумар приказал построить новый космопорт на границе своих владений. Как только строительство было закончено, флот, состоящий из десяти кораблей, перебрался на новое место.

Затем адмирал приказал перевезти мировое правительство, резиденция которого теперь находилась за охраняемыми воротами его дворца. Никто не стонал, не жаловался, не возражал, никто даже не позволил себе нахмурить брови. Землянам пришлось в кратчайшие сроки возвести множество зданий, проложить телефонную сеть и создать мощную систему радиосвязи.

Между тем Залумар поселился в своем дворце. Происходило это без церемоний: он просто вошел в ворота, как и подобает

истинному властителю мира. Покои западного крыла он отдал своим старшим офицерам, в менее роскошном восточном крыле разместились земляне — двадцать один человек. Такая система позволила заполнить пустоту дворца, обеспечить Залумара компанией, а также неиссякаемым потоком лести или, по меньшей мере, беспрекословным подчинением.

— Ах! — с наслаждением вздохнул он.— Разве это не лучше, чем сидеть в жаркой консервной банке и день за днем сражаться во славу остальных, забыв о собственных интересах?

— Да, адмирал,— покорно одобрил Хейшэм.

Лакин промолчал.

— Мы получили достойную награду за свою службу,— продолжал Залумар.— Нам следует жить, как...— Он вытащил из кармана книжечку и заглянул в нее,— как некий Рейли, весьма оригинальный субъект...

— Я слышал, как о нем упоминали земляне,— сказал Хейшэм.— И полагаю, что он мог бы жить именно в таком месте.— Он с восхищением оглядел комнату и закончил: — Интересно, кто владел этим дворцом и что с ним стало.

— Можно узнать,— ответил Залумар.— По коридору только что прошел землянин. Приведи его сюда.

Хейшэм торопливо вышел и вернулся с Вителли.

— Кому принадлежал этот дворец? — осведомился Залумар.

— Никому,— отвечал Вителли со своей обычной приторной улыбкой.

— Никому?

— Да, адмирал. Прежде здесь располагалась самая большая и современная международная больница.

— А что такое больница?

Улыбка потускнела, Вителли заморгал и рассказал Залумару.

Не поверив своим ушам, Залумар сказал:

— Получивший ранение или заболевший либо способен поправиться, либо нет. Он может восстановить свою полезность или не представляет никакого интереса. Третьего не дано. Логично, не так ли?

— Полагаю, это так,— с некоторой неохотой согласился Вителли.

— Ты ничего не полагаешь! — повысил голос Залумар.— Ты *знаешь*, что это так, поскольку это *сказал* я. И говори «адмирал», когда обращаешься ко мне!

— Да, адмирал.

— Если заболевший или раненый способен поправиться, его нужно предоставить самому себе, чтобы выздоровление произо-

шло как можно быстрее. Ну а если оно не произойдет, от такого индивидуума следует избавиться обычным способом: отправить в газовую камеру и кремировать. Зачем попусту тратить время и средства на возню с бесполезными существами!

Он посмотрел на Вителли, но тот молчал.

— Это нарушение законов природы — сильные и здоровые не должны помогать слабым и больным. И сколько таких никуда не годных субъектов находилось в этой... э-э-э... больнице?

— Около шести тысяч,— сообщил Вителли, вновь забыв добавить «адмирал».

— И где они сейчас?

— Их перевели в другие больницы. Некоторые из них сейчас переполнены, но со временем проблема будет решена.

— Ясно! — Казалось, Залумар вот-вот отдаст какой-нибудь жесткий приказ, но он передумал: — Ты можешь идти.

После того как Вителли ушел, Залумар обратился к остальным:

— Я бы мог приказать покончить со всеми бесполезными личностями. Но какое мне до них дело? Земляне тратят слишком много сил и средств на заботу о калеках — тем лучше для нас. Когда все заняты делом, легче поддерживать порядок. А вот если у кого-то появляется много свободного времени, мир становится опасным.

— Да, адмирал,— восхищенно согласился Хейшэм.

— Итак, мы узнали кое-что новое,— продолжал Залумар.— Они не только трусливы и глупы, но и слишком мягки. Да-да, мягки и податливы, как материал, который они называют воском.

Лакин сказал, словно рассуждал вслух:

— Интересно, как глубоко можно вонзить меч в бочку с воском? Даже если очень глубоко — будет ли воску от этого какой-нибудь вред?

Лицо Залумара застыло, он повернулся к Лакину:

— Прекрати раздражать меня бессмысленными замечаниями.

Еще два года все шло прекрасно. Залумар сидел в своем роскошном дворце, точно паук в центре паутины, лишь изредка совершая царские поездки по доставшемуся ему миру. Земля полностью находилась в его власти, он правил планетой, отдавая приказы. За все это время не возникало никаких проблем, если не считать обычного недопонимания. Еще не было в истории императора, который более прочно сидел бы на троне, чем Нордис Залумар.

По его приказу три группы рейдианских офицеров отправились в инспекционный полет к земным колониям, расположенным на Венере, Марсе и Каллисто. И никто из тамошних людей не осмелился перерезать глотки пришельцам, поскольку все земляне являлись их заложниками.

Четвертый отряд отправился на Альфу Центавра, единственную колонию Земли в другой системе. Он довольно долго не возвращался. Никто из рейдиан не пользовался своими боевыми кораблями: они летали на космических лайнерах землян, путешествуя с комфортом, как и положено представителям высшей формы жизни.

Из тысячи шестисот рейдиан, составлявших экспедиционный корпус, продолжали нести военную службу менее двухсот. Из них сто постоянно охраняли дворец. Восемьдесят присматривали за кораблями. Остальные совершенно бесплатно путешествовали по Земле. Каждый из них был принцем, а Залумар — королем королей.

Да, без преувеличения рейдиане были самыми настоящими принцами. Если кто-то из них облюбовывал в витрине магазине какую-то вещь, он входил, обращался к хозяину и тут же получал желаемое. Дорогую фотокамеру, бриллиантовую подвеску, гоночный мотоцикл или космическую яхту, способную слетать на Луну,— нужно было только показать пальцем и произнести волшебное слово «дай». Двое младших навигаторов обзавелись субтропическим островом с великолепным особняком. Они, катаясь на конфискованной амфибии, сошли на берег, увидели особняк и сказали его хозяевам:

— Уходите отсюда.

А слугам предложили остаться. Хозяева поспешно покинули остров, а слуги продолжали исполнять свои обязанности.

Двадцать механиков отправились в круиз на двухсоттонной роскошной яхте — заметили ее в порту, поднялись на борт, велели всем пассажирам убираться, а команде — вывести яхту в море.

Ну как в подобных условиях кто-нибудь из рейдиан мог быть недоволен? Однако нытик Лакин не желал униматься, продолжая всех пугать. Иные будут ворчать, даже если им преподнесут на блюде весь космос.

— Так не может продолжаться вечно,— говорил Лакин.

— А я вовсе и не рассчитываю на вечность,— отвечал Залумар.— К сожалению, мы не бессмертны. Но если так будет продолжаться до конца нашей жизни, нам будет не на что жаловаться.

— До конца нашей жизни? — переспросил Лакин. Выражение его лица ясно говорило о том, что худшие подозрения оправдываются.— Вы не намерены сообщить на Рейдиан о покорении Земли?

Залумар поудобнее устроился в кресле, которое представляло собой хитрое сочетание трона и кровати, и сложил руки на животе, заметно увеличившемся за последние годы.

— Мой дорогой неразумный Лакин, официальный отчет следовало отправить два с половиной года назад. Если бы мы уподобились этим тупым животным, которые послушно выполняют чужую волю, и отправили отчет вовремя, то где бы мы находились сейчас?

— Не имею ни малейшего представления,— признал Лакин.

— Я тоже. Но одно не вызывает сомнений: нас бы не было *здесь*. Еще до прибытия толпы кабинетных вояк, бюрократов, ученых, работорговцев и других паразитов, любителей пользоваться плодами чужих побед, нас бы вновь отправили в космос.

Лакин молчал, поскольку ему нечего было возразить.

— Да, нам бы приказали забраться в консервные банки и лететь на поиски новых миров. И сейчас мы бы снова рисковали и терпели лишения. А в качестве награды, мой дорогой тупоголовый Лакин, мы бы получили кучу медалей, которые нельзя ни съесть, ни даже продать, скромную пенсию, торжественную свадьбу, детишек-нахлебников, старость, а потом — кремацию.

— Возможно, все сложилось бы именно так, адмирал, но...

Залумар махнул на него рукой:

— Пусть паразиты сами добывают себе все, что им нужно, оправдывая тем самым собственное существование. А мы будем наслаждаться тем, что получили. Вспомни, мой дорогой страдалец Лакин, нашу древнюю поговорку: «Ты покрась длинный забор, Джейфэт, а я пока отдохну в гамаке».

— Да, адмирал, но...

— Что еще за «но»? — перебил Залумар, поглаживая живот.

— Согласно инструкциям, опоздание с докладом о захвате новой планеты является предательством. А предательство карается смертью. Нас отправят в газовую камеру.

— Если найдут.— Залумар закрыл глаза и сонно улыбнулся.— А если мы не пошлем доклад, то на поиски уйдет тысяча лет. Или даже две. Мы успеем спокойно прожить здесь всю жизнь. И мне совершенно наплевать, сколько чиновников покраснеет от ярости через несколько столетий после моей смерти.

— Ваши подчиненные полагают, что отправка донесения на Рейдиан откладывается по стратегическим соображениям, изве-

стным старшим офицерам,— настаивал Лакин.— Если они узнают правду, им это не понравится.

— В самом деле? А почему? Неужели они столь полны патриотического рвения, что предпочитают лететь навстречу гибели, а не наслаждаться жизнью здесь? Жизнью, которую они заслужили?

— Дело не в этом, адмирал.

— А в чем же?

— У четверти личного состава истекает срок службы.

— Наша служба *уже* закончилась,— возразил Залумар.— *Мы все* ушли в отставку.— Он вздохнул, его терпение кончалось.— На заслуженный отдых. Мы получили пенсию на Земле, и эта пенсия оказалась куда более достойной, чем та, которую предлагает Рейдиан своим героям.

— Возможно... но боюсь, этого недостаточно.

— А чего еще они хотят?

— Жен и детей, собственные дома среди себе подобных.

— Чушь!

— Мы можем сочетаться браком и иметь детей только с женщинами нашей расы,— продолжал Лакин.— Мужчины, которые задержатся здесь после окончания срока службы, лишатся права на семью. И все сокровища этого мира не компенсируют им потерю. В любом случае трудно ценить то, что получаешь просто так, да и скучно жить без борьбы.

— А вот мне не скучно,— возразил Залумар.— Мне нравится так жить.

— Каждый день я вижу витрины, забитые золотыми часами,— сказал Лакин.— И что с того? У меня есть золотые часы, полученные в тот же момент, когда я заявил, что хочу их иметь. Но мне не требуется пятьдесят золотых часов. Мне не нужны даже еще одни.

— Лакин, твой срок службы заканчивается?

— Нет, адмирал. Мне осталось еще двенадцать лет.

— Значит, ты еще не заслужил права на женитьбу. Ну а что до тех, кто заслужил, это их забота, а не твоя.

— Но это станет моей и вашей заботой, если рейдиане начнут роптать.

Желтые глаза Залумара вспыхнули.

— Первые мятежники будут казнены в назидание остальным. Таковы законы службы в космосе, которые я, как адмирал, имею право применить. Можешь не сомневаться, я без колебаний отдам такой приказ.

— Да, адмирал, но...

— Но что?

— Можем ли мы себе это позволить?

— Говори прямо, Лакин, хватит терзать мой разум загадками.

— Три года назад,— с угрюмым отчаянием в голосе напомнил Лакин,— нас было тысяча шестьсот. Сейчас — меньше.

— Продолжай.

— Сорок два рейдианина умерли от гриппа, к которому у нас нет иммунитета. Восемнадцать погибли, когда разбился земной самолет. Двадцать три стали жертвой обжорства и лености. Двое исчезли, отправившись изучать дно моря. Сегодня утром трое разбились на спортивном автомобиле, который земляне построили по их приказу. Еще около сорока рейдиан расстались с жизнью по самым различным причинам. Медленно, но верно число наших солдат сокращается. Если так пойдет и дальше, очень скоро нас останется совсем мало.

— Мой бедный, глупый Лакин, если только мы каким-то чудом не обретем бессмертие, то наступит время, когда от нас не останется никого. Где бы мы ни находились.

— На Рейдиане, сир, смерть не будет для нас равносильна поражению и не станет победой для землян.

Залумар мрачно усмехнулся.

— В смерти нет ни победы, ни поражения.— Он взмахнул рукой, давая понять, что разговор закончен.— Иди, крась длинный забор.

Когда Лакин удалился, Залумар вызвал главного офицера связи.

— Шайпин, я только что узнал, что мои подчиненные беспокоятся. Тебе что-нибудь об этом известно?

— Всегда кто-нибудь ворчит. В любой армии есть недовольное меньшинство. Лучше не обращать внимания.

— На каждом корабле шесть операторов связи. Всего их шестьдесят. Есть ли среди них ворчуны?

— Мне о них ничего не известно, адмирал.

— Два года назад я приказал тебе вывести из строя все передатчики. Никто не пытался с тех пор их чинить? Ты проверял?

— Я проверяю каждый седьмой день, адмирал. Рации не работают.

— Ты готов в этом поклясться?

— Да,— твердо ответил Шайпин.

— Отлично! Можно ли восстановить хотя бы одну из них меньше чем за семь дней? То есть сделать так, чтобы она работала между твоими проверками?

— Нет, адмирал. Потребуется не меньше месяца на починку передатчика.

— Хорошо. Ты и дальше будешь лично отвечать за состояние раций. Всякий, кто попытается вести передачу, должен быть казнен на месте. За ошибку ответишь головой.— И адмирал так посмотрел на Шайпина, что у того не осталось ни малейших сомнений относительно серьезности приказа.— Хейшэм во дворце или путешествует?

— Он вернулся три дня назад, адмирал. Скорее всего, он сейчас в своих покоях, в западном крыле дворца.

— Передай, что я хочу его немедленно видеть. А заодно найди Фокса и пришли ко мне.

Хейшэм и Фокс пришли вместе, первый с широкой улыбкой, а второй, как и всегда, с невозмутимым лицом.

Залумар обратился к Хейшэму:

— Ты отвечаешь за личный состав. Сколько сейчас в строю?

— Тысяча четыреста семнадцать, адмирал.

— Значит, мы потеряли сто тридцать рейдиан? — осведомился Залумар, не спускавший внимательного взгляда с Фокса, но тот никак не отреагировал на слова Хейшэма.

— Да, адмирал,— согласился Хейшэм, слишком довольный жизнью, чтобы обращать внимание на удручающую статистику.

— Что ж, после мрачных гримас Лакина твоя самодовольная ухмылка бодрит,— заметил Залумар.— А почему ты такой довольный?

— Меня наградили черным поясом,— сообщил Хейшэм, раздуваясь от гордости.

— Наградили? Кто?

— Земляне, адмирал.

Залумар нахмурился:

— В мире, где можно конфисковать все, что угодно, не может быть достойной награды.

— Черный пояс ничего не значит, если просто его взять,— объяснил Хейшэм.— Чтобы его получить, нужно одержать несколько побед, в этом его ценность. Я заслужил пояс, рискуя собственной шеей.

— Иными словами, мы потеряли сто тридцать бойцов, а ты пытался увеличить это число. Стоит ли удивляться, что рядовые рискуют, если старшие офицеры подают им дурной пример. Так что же это за награда?

— Вот как было дело, адмирал,— сказал Хейшэм.— Около года назад я заявил группе землян, что мы воины и нас воспитывают как воинов. Мы не играем в глупые игры вроде шах-

мат. Наш любимый вид спорта — борьба. С детства мы учимся ломать руки противникам. Поэтому каждый рейдианин является первоклассным борцом и эффективной боевой машиной.

— Ну и? — нетерпеливо спросил Залумар.

— Один невысокий землянин очень заинтересовался моими словами и спросил, какой стиль борьбы мы предпочитаем. Я взялся показать. А когда пришел в себя...

— Что?! — воскликнул Залумар.

— Когда я пришел в себя,— повторил Хейшэм,— он стоял у стены и смотрел на меня. Вокруг стояло множество свидетелей, и все они были землянами, поэтому мне ничего не оставалось, как прикончить его на месте.

— Естественно! — энергично кивнул Залумар.

— Я схватился с ним по-настоящему, а когда мне вновь помогли встать, я...

— Что — ты?

— Я попросил показать, как он это сделал. Он ответил, что потребуется серия уроков. Я стал ходить на занятия и постепенно увлекся. Тренировался до тех пор, пока не достиг совершенства.— Он замолчал и выпятил грудь.— Теперь я имею черный пояс.

Залумар посмотрел на Фокса.

— Ты имеешь какое-то отношение к этой истории?

— Нет, адмирал.

— Ну, все равно. Безрассудство заслуживает порицания. Я не потерплю, чтобы земляне поощряли подобные вещи.— Он повернулся к Хейшэму.— Никто ничему не может нас научить. Но ты, старший офицер, согласился брать уроки у побежденных.

— Не думаю, что это имеет значение, адмирал,— нисколько не смутился Хейшэм.

— Почему?

— Я овладел их приемами и теперь могу бороться эффективнее, чем они. Чтобы получить пояс, мне пришлось уложить двадцать землян, одного за другим. Поэтому можно сказать, что я научил их играть в их собственную игру.

— Хм-м-м! — Залумар немного успокоился; впрочем, он продолжал смотреть на Хейшэма с подозрением.— А откуда ты знаешь, что они не поддавались?

— Похоже, они боролись по-настоящему.

— Похоже! Видимость часто бывает обманчивой,— сухо заметил Залумар.— Но как могло получиться, что невысокий землянин сумел с тобой справиться в первой схватке?

— Этот землянин боролся очень необычно.

— А в чем выражалась необычность?

Хейшэм задумался, стараясь найти простой пример.

— Если я попытаюсь толкнуть рейдианина, он толкнет в ответ. Но если толкнуть землянина, он схватит тебя за запястья и дернет в том же направлении, в котором двигаешься ты. Он *помогает* противнику упасть. Очень трудно сражаться с тем, кто не сопротивляется. Получается, что все твои намерения выполняются противником — и далеко не всегда это выгодно тебе.

— Ну, совсем нетрудно дать достойный ответ,— нахмурился Залумар.— Ты перестаешь толкать и начинаешь тянуть.

— Если ты меняешь свою тактику, он тут же меняет свою,— возразил Хейшэм.— И продолжает тебе помогать. Нет никакой возможности противостоять этому нашими методами. Остается одно: взять на вооружение тактику противника.

— Звучит глупо. Однако на любой планете аборигены склонны делать все не так, как мы. Ладно, Хейшэм, можешь идти и радоваться своей награде. Но я запрещаю солдатам следовать твоему примеру. Мы и так теряем слишком много людей.

После того как Хейшэм ушел, Залумар обратился к землянину.

— Фокс, я уже давно тебя знаю. Ты неизменно послушен и правдив. Вот почему я очень высоко тебя ценю.

— Спасибо, адмирал,— с благодарностью ответил Фокс.

— Будет очень обидно, если ты потеряешь свое нынешнее положение. Я рассчитываю получить искренние ответы на свои вопросы. В этом случае тебе нечего бояться.

— Что вы хотите знать, адмирал?

— Скажи-ка, Фокс: вы что, просто ждете?

— Я не понимаю,— недоуменно сказал Фокс.

— Я хочу знать, не играют ли земляне с нами в хитрую игру, не ждете ли вы, пока все рейдиане попросту вымрут.

— Что вы! Вовсе нет.

— Но почему? — нахмурился Залумар.

— По двум причинам,— проговорил Фокс.— Во-первых, мы думаем, что существуют другие, более мощные силы рейдиан, которые когда-нибудь придут вам на смену. Вы же не можете остаться здесь до конца своих дней.

«Ха, вот это вряд ли!» — внутренне улыбнулся Залумар, но вслух сказал:

— А во-вторых?

— Мы — колония Рейдиана. Из чего следует, что на вас ложится ответственность хозяев. Если на нас кто-нибудь нападет, вы будете сражаться, чтобы защитить землян. Это нас вполне

устраивает. Как говорит пословица, всегда лучше иметь дело со знакомым чертом, а не с тем, от которого приходится ждать чего угодно.

Слова Фокса звучали убедительно, даже слишком убедительно. Возможно, он говорил правду — вот только не всю. Залумару казалось, что землянин скрывает нечто крайне важное. Но как заставишь его раскрыть свою тайну? Залумар вновь ощутил смутную неуверенность. Возможно, все это лишь реакция на высокую смертность среди рейдиан. Будь проклят Лакин, пророчащий всякие ужасы.

Так и не придумав ничего путного, Залумар сменил тему.

— Я получил любопытный доклад от нашего эксперта по имени Марджамиан. Он занимается антропологией и социологией. Я хочу, чтобы ты прокомментировал его выводы.

— Относительно нас, землян?

— Да. Он утверждает, что ваша древняя история полна предательств и убийств и что вы едва не истребили друг друга. И тогда, охваченные отчаянием, вы сумели договориться между собой на базе одной идеи. Вы установили вечный мир, признав право каждого народа жить так, как он пожелает.— Он посмотрел на Фокса.— Это правда?

— Более или менее,— без особого воодушевления ответил Фокс.

— Позднее, когда вы вышли в космос, возникла необходимость расширить рамки договора. Вы решили признать право всех *существ* жить по их собственным законам.— Он вновь вопросительно посмотрел на землянина.— Верно?

— Более или менее,— равнодушно подтвердил Фокс.

— Наконец появились мы,— продолжал Залумар.— Мы живем по другим законам, безжалостно завоевывая чужие миры. Перед вами встала дилемма. Тем не менее вы признали наше право владеть Землей, хотя вам пришлось заплатить немалую цену.

— У нас не оставалось выбора,— заметил Фокс.— К тому же мы в состоянии заплатить такую цену. Мы можем создать роскошную жизнь для нескольких сотен рейдиан. Нас триста миллиардов. Ваше содержание обходится примерно по два цента на человека в год.

Залумар удивленно поднял брови:

— Весьма своеобразный взгляд на происходящее.

— И за такую цену,— добавил Фокс,— планета остается целой и невредимой, к тому же мы получаем защиту.

— Понятно. Вы считаете, что наши отношения взаимовыгодны. Мы получаем все, что хотим, и вы тоже.— Он зевнул,

чтобы показать, что аудиенция окончена.— Что ж, в космосе обитают самые разнообразные существа.

Но как только Фокс ушел, Залумар сразу перестал зевать. Он сидел и смотрел на роскошную дверь, как будто пытался разглядеть в ее узоре тайное оружие землян, которого, быть может, и не существовало.

У него не было никаких оснований полагать, что где-то закопан топор войны, который дожидается своего часа. Никаких оснований — если не считать изредка просыпающегося инстинкта.

Прошло еще три с половиной года, или шесть с момента захвата Земли. И неожиданно топор войны был вырыт.

Первым предупреждением о катастрофе был продолжительный рев, который начался восточнее дворца и сменился пронзительным воем высоко в небесах. Залумар крепко спал, когда поднялся шум. Он проснулся и сел на постели, решив поначалу, что рев приснился.

Некоторое время он смотрел в большие окна спальни, но видел лишь усыпанное звездами небо в просветах между облаками. Снаружи царила тишина, словно мир замер, потрясенный ужасающим ревом в ночи.

Затем ярчайшая розовая вспышка озарила облака. А потом еще, еще и еще. Через несколько секунд последовала серия глухих ударов. Дворец задрожал, зазвенело стекло в окнах. Вскочив с постели, Залумар поспешил к окну и выглянул наружу. Он ничего не увидел, но услышал металлический скрежет и крики.

Он подбежал к прикроватному столику, схватил трубку телефона, пробежал глазами список дежурных офицеров. Ах да, Эрникодж командует дворцовой стражей. Тишина. Залумар встряхнул трубку и выругался. Наконец послышался сонный голос.

— Эрникодж, что происходит? — рявкнул Залумар.

— Я не знаю, адмирал. Похоже, проблемы в порту.

— Ну так узнай! Ты ведь можешь связаться с портом?

— Связи нет, адмирал. Мы не получаем никакого ответа. Мне кажется, линия перерезана.

— Перерезана? — Залумар почувствовал, как в нем закипает злость.— Какая чушь! Наверное, случайный обрыв. Никто не осмелится перерезать провод.

— Перерезан он или нет, но связь не работает,— заявил Эрникодж.

— Но у нас есть рация. Свяжись немедленно. Ты что, спятил, Эрникодж?

— Мы уже пытались, адмирал, и сейчас пытаемся. Никакого ответа.

— Немедленно отправь туда вооруженный наряд. Пусть возьмут с собой портативный передатчик. Я должен знать, что происходит в порту.

Бросив трубку, он быстро оделся. Из сада доносилось с десяток голосов. Послышался громкий стук. Он поспешил к двери, но в этот момент громко зазвонил телефон. Залумар схватил трубку.

— Да?

— Слишком поздно, адмирал. Они уже...— В трубке раздался скрежет, сменившийся ужасным хрипом, потом наступила тишина.

Залумар выскочил из комнаты и побежал по коридору. Его разум лихорадочно искал объяснение происходящему. «Они?» Кто такие «они»? Неужели флотилию отыскала другая экспедиция с Рейдиана? Или неизвестные союзники Земли наконец пришли к ней на помощь? Или это бунт под предводительством Лакина?

Он свернул за угол и налетел на трех вооруженных землян, бегущих по коридору. Они схватили его прежде, чем он сумел остановиться. Все трое были крупными, мускулистыми солдатами в стальных шлемах, обвешанными амуницией и вооруженными автоматами.

— Что все это значит? — закричал Залумар.— Неужели вы не понимаете...

— Заткнись! — приказал самый крупный из солдат.

— Вы заплатите...

— Я же сказал, заткнись! — Солдат размахнулся и с такой силой двинул Залумара в зубы, что тот едва не потерял сознание.— Проверь, нет ли у него оружия, Милт.

Второй землянин быстро и ловко обыскал Залумара.

— Ничего нет, даже носка, набитого песком.

— Отлично. Милт, отведи его в кабинет и охраняй. Если будет капризничать, дай по ушам.

И с этими словами, держа оружие наготове, двое солдат побежали дальше по коридору. Еще два десятка вооруженных землян помчались вслед за ними, не обращая на Залумара ни малейшего внимания. Милт распахнул дверь и толкнул Залумара.

— Входи.

— Неужели ты не знаешь, с кем...

Милт саданул подкованным сапогом по заднице Залумара и рявкнул:

— Делай, что говорят!

Залумар влетел в комнату. В центре стояли узкий стол и восемь стульев. Рейдианин плюхнулся на ближайший стул и бро-

сил мрачный взгляд на Милта, который встал возле двери, прислонившись спиной к косяку. Через минуту дверь распахнулась, и в комнату втолкнули Лакина. Лицо Лакина было разбито, по щеке текла кровь.

— Эрникодж мертв,— сказал Лакин.— А также Дремит, Вашт, Марджамиан и еще половина дворцовой стражи.— Он осторожно провел пальцами по лицу.— Похоже, мне повезло. Меня лишь избили.

— Они дорого за это заплатят,— пообещал Залумар и с любопытством посмотрел на Лакина.— А я тебя подозревал. Похоже, я ошибся.

— Можно предвидеть неприятности, но не принимать в них участия. Я уже давно догадывался, что Хейшэм что-то затевает...

— *Хейшэм?*

— Да. Срок его службы закончился два года назад, а он все еще здесь. Хейшэм не из тех, кто будет сидеть и ждать конца. Он улучил момент...

— Чего он хочет?

— Восемьдесят наших солдат постоянно охраняют корабли. Еще восемьдесят — в резерве. Хейшэму нужно было лишь дождаться, когда придет его черед. У него немало сочувствующих, чтобы собрать из них полную смену. Он захватит корабли и будет делать все, что пожелает.

— Ничего не выйдет. Он не сможет увести десять кораблей, имея всего лишь восемьдесят солдат.

— Ему вполне по силам поднять два корабля — минимальный экипаж, как вы прекрасно знаете, состоит из сорока человек,— напомнил Лакин.

— Он спятил! — заявил Залумар.— Как только вернется на Рейдиан, его сразу же подвергнут допросу с применением пыток. А после того как он все расскажет, всех казнят.

— Хейшэм думает иначе,— ответил Лакин.— Он собирается свалить всю вину на вас. Намерен сказать на родине, что вы запретили отправлять рапорт, поскольку хотели, чтобы вся слава и добыча достались вам.

— Ему не поверят на слово.

— С ним восемьдесят человек, и все повторят показания Хейшэма. У них нет выбора. Кроме того, он заставит землян подтвердить его рассказ. Когда прибудет рейдианская комиссия, земляне выступят в пользу Хейшэма. Он уверен, что выбранная тактика не только спасет ему жизнь, но подарит славу.

— Откуда ты все это знаешь? — осведомился Залумар.

— Он поделился своими планами и предлагал лететь с ним.

— И почему ты отказался?

— Я не разделяю его оптимизма. Хейшэм всегда был излишне самоуверен.

— Тогда почему ты не предупредил меня о заговоре?

Лакин развел руками:

— А зачем? Вы бы обвинили его в предательстве, а он бы все отрицал, прекрасно понимая, что вам надоели мои предупреждения. Разве бы вы мне поверили?

Оставив этот неприятный вопрос без ответа, Залумар погрузился в мрачные размышления.

— Земляне его не поддержат. Они ничего не выигрывают. Им совершенно все равно, останется в живых отряд Хейшэма или нет.

— Земляне согласились подтвердить все его слова, но не бесплатно.

Подавшись вперед, Залумар спросил, с трудом сдерживая ярость:

— И какова цена?

— Восемь кораблей Хейшэм не возьмет.

— Оставит их в полном порядке, с оружием для уничтожения планет?

— Да.— Лакин немного подумал и добавил: — Даже Хейшэм отказался бы заплатить такую цену, если бы земляне знали, где расположен Рейдиан. Но они не знают.

Не обращая более внимания на Лакина, Залумар сидел и тяжело дышал, а его лицо постепенно меняло цвет. Неожиданно он вскочил со стула и крикнул охраннику:

— Ты кусок дерьма! Примитивное животное!

— Ну-ну,— ухмыльнулся Милт.— Не принимай случившееся так близко к сердцу.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Фокс в сопровождении Маккензи и Вителли. Последний одарил Залумара вкрадчивой улыбкой, которая совершенно не изменилась за шесть долгих лет.

Все трое были одеты в мундиры и вооружены автоматами. Теперь они выглядели иначе: появилась твердость, которой раньше Залумар не замечал. Однако их твердость не была похожа на жесткость рейдиан. Присутствовало еще и терпеливое лукавство.

У Залумара в рукаве оставался последний туз; не дав им даже открыть рот, он сказал:

— Корабли не помогут. Вы никогда не узнаете, где находится Рейдиан.

— Почему же? — спокойно заявил Фокс.— Мы знаем.

— Ты лжец. Никто из моих людей не выдаст этой информации, даже такая корыстная свинья, как Хейшэм.

— А никто и не выдавал. Именно поэтому мы и догадались. Вы просто не смогли утаить.

— Только не нужно врать! Я...

— Это была нелегкая задача, но мы справились с ней,— перебил Фокс.— Все ваши любители путешествий охотно вступали в разговоры с землянами, ведь бедняжкам так одиноко вдали от родины. Ни один не рассказывал, откуда он прилетел, но каждый охотно сообщал, где его родины нет. Мы записали восемьдесят тысяч разговоров за шесть лет, проанализировали их и простым методом исключения установили, что вы прибыли с Сигмы Октанта.

— Вы ошиблись,— сказал Залумар, пожалуй, чересчур поспешно.

— Время покажет. И ждать осталось недолго. Пожалуй, мы смогли бы построить суперфлот, который сочетал бы достоинства ваших и наших кораблей. Но к чему тратить время и средства? Мы уже к завтрашнему утру научимся управлять вашими кораблями.

— Восемь кораблей против тысяч рейдианских крейсеров? — Залумар позволил себе рассмеяться.— У вас нет ни малейших шансов на победу.

— А нам и не придется сражаться с рейдианскими крейсерами. Мы пошлем эти восемь кораблей вслед за Хейшэмом. Даже если не догонят, то прибудут лишь немногим позже. Власти Рейдиана ничего не успеют сделать.

— И что будет дальше?

— Родится новая двойная звезда.

Наступило недолгое молчание, а затем Залумар прохрипел со всей доступной ему иронией:

— Вот как вы обходитесь со своим драгоценным правом.

— Ты взялся за нужную палку — только не с того конца,— сказал Фокс.— Право, которым мы так дорожим, звучит так: *каждый может идти к черту тем путем, который он выбирает.*

— Что?

— Поэтому, когда вы прилетели, мы охотно предоставили свои услуги. То было верное дело. Всегда легко предсказать, как поведут себя жадные и беспощадные существа. Вы не обманули наших ожиданий.— Вынув из кобуры пистолет, Фокс аккуратно положил его на середину стола.— Мы вам поможем еще раз.

И с этими словами он вышел из комнаты. За ним последовали Маккензи, Вителли и Милт. Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Залумар и Лакин просидели всю ночь, бессмысленно глядя на стол. Они молчали. На рассвете со стороны порта прилетел оглушительный рев. После паузы все повторилось. Всего — восемь раз.

Когда кроваво-красная звезда по имени Солнце поднялась над горизонтом, пепельно-бледный Залумар встал, подошел к столу и взял пистолет.

Хомо сапиенс

Длинный караван величественно появился из густых зарослей сине-зеленых марсианских кустов *дольта* и торжественно вступил в пустыню Салома. Сорок четыре верблюда, покачиваясь, шагали вперед. Все они были нагружены. Изящные ноги неспешно погружались в розоватую пыль, разрушая причудливый рисунок, нанесенный ветром.

Животных было сорок пять. То, которое шло впереди, не было двугорбым верблюдом — более стройное, грациозное, оно имело светло-коричневую шкуру и только один горб. Это был скаковой дромадер. Впрочем, у него на морде застыло такое же, как и у спутников, надменное выражение.

На дромадере сидел Сагден, на следующем верблюде ехал Митчел, Али Фа'ум замыкал караван, устроившись на последнем верблюде. Между ними сорок два верблюда несли на спинах весьма скромную кладь и распространяли вокруг ужасающий запах. Али имел удовольствие наслаждаться им в полной мере. Впрочем, это не имело никакого значения. Он привык к вони и почувствовал бы себя не слишком уютно, если бы она вдруг исчезла.

Полуобернувшись в седле, Сагден кивком показал на клонящееся к горизонту солнце:

— Похоже, скоро будем ночевать.

Митчел с несчастным видом кивнул. Он бранил верблюдов, двигаясь через Аравию, проклинал их на северных территориях Австралии и уже трижды исключительно витиевато поносил на Марсе. Терпения у него нисколько не прибавилось с того дня, как он пустился в путь. Он даже высказал однажды идею: если бы в мире никогда не было верблюдов, то и не существовало бы такого понятия, как восточный фатализм.

Неожиданно дромадер остановился, подогнул передние ноги, потом задние и с тяжелым вздохом улегся на землю. Оглядываться назад он не стал, да в этом и не было необходимости. Шагавшие за ним животные тут же последовали его примеру — передние ноги, задние, такой же тяжелый вздох. Отпущенные поводья упали на песок, соскользнув со спины равнодушного животного.

Али пришлось спрыгнуть на землю. Он нашел среди поклажи корм и раздал его животным. Не обращая внимания на людей, верблюды ели медленно, с раздражающей старательностью пережевывая пищу; при этом их глаза невидяще смотрели на горизонт. Али, не теряя времени, чистил верблюдов. Точно так же он делал это в Порт-Тьюфике тридцать лет назад. Животные снисходительно позволяли ему выполнять его работу.

Закурив сигарету, Сагден глубоко затянулся и сказал:

— А я слышал, мулы — это то что надо!

Дромадер медленно повернул к нему голову и наградил высокомерным взглядом. Но уже в следующее мгновение вернулся к созерцанию далей. Он неторопливо, методично жевал, свесив нижнюю губу,— воплощенная надменность.

— То же расстояние за то же время,— мрачно проворчал Митчел и раздавил каблуком песчаного марсианского паука с двенадцатью лапками.— Ни больше и ни меньше. Словно таймер, включаются и выключаются, и никогда не работают сверхурочно.

— Они приводят нас туда, куда считают нужным.— Сагден выпустил дым из носа и с отвращением посмотрел на останки паука.— Если не считать самих марсиан, никто больше не может пересечь эту пустыню. Вот если б у нас были гусеничные вездеходы, а на планете имелся бензин...

— Когда разбогатею,— заявил Митчел,— обязательно выкину что-нибудь этакое. Например, построю супер-гипер-ультракосмический корабль. Огромной вместительности и грузоподъемности.

— И что потом? — спросил Сагден.

— Стартую отсюда — со слонами.

— Ха-ха,— нарочито рассмеялся Сагден.

Дромадер снова повернул голову. Громко чмокнул губами, которые ни на миг не переставали шевелиться. Звук пронесся по всему каравану, повторившись сорок четыре раза; последним сочно всхлипнул верблюд Али. А тот, не обращая на животное внимания, продолжал заниматься своим делом.

Митчел фыркнул и жалобно проговорил:

— Можно подумать, что у них во рту болтаются ортодонтические скобы, которые врач поленился как следует пригнать.—

Он начал открывать термос с горячей едой.— А как они ужасно воняют!

— А мне не нравятся их морды,— добавил Сагден.

— Мне тоже. Дай-ка сигаретку.— Митчел прикурил, и сигарета свесилась, прилипнув к нижней губе.— Странно, почему марсиане так перед ними раболепствуют, а мы для них будто грязь под ногами. Причем ведут себя так с того самого момента, когда мы доставили первого верблюда.

— Хотел бы я когда-нибудь понять, в чем тут дело.

— Попробуй поговорить с кем-нибудь из марсиан. Впрочем, это все равно что задавать вопросы столбу... Ой-ой, какой термос горячий, просто раскаленный.— Митчел принялся дуть на пальцы.— Шестьдесят лет прошло, а мы так и не услышали от них ни словечка.— Он поставил термос на ножки и вытащил из него лоток.— Эй, Али, иди сюда, помоги мне.

— Нет, сэр, сначала я должен тут закончить. Еще час.

— Вот видишь? — Митчел снял и бросил на землю тропический шлем.— Первым делом — вонючки, а мы — потом.

Сутки спустя на заходе солнца вдали появились очертания Дженкинсвилля, ужасно похожего на скопление иглу. Никто не знал марсианского названия этого селения, но первым его обнаружил Хайрам Дженкинс, родом из Ки-Уэста, что в штате Флорида. И с тех пор его звали Дженкинсвиллем. Он находился всего в четырнадцати милях, однако дромадер — не конь, который прибавляет шагу, почуяв близость жилья. Передний верблюд, как всегда на закате, опустился на землю. Остальные последовали его примеру.

Сагден, как всегда хмурый, слез на землю, как всегда, достал из пачки помятую сигарету, как всегда, выслушал проклятья Митчела. Али с флегматичным видом приступил к своей вечерней работе — обихаживанию подопечных.

Сорок пять животных в высокомерном молчании отдыхали, неторопливо жуя и взирая на Дженкинсвилль точно так же, как давеча Сагден — на раздавленного паука.

— Мне почему-то кажется,— сказал Сагден, глядя на деловито снующего мистера Фа'ума покрасневшими от песка глазами,— что в полночь он тихонько встает и поклоняется им, точно каким-то божествам. Вот поймаю его за этим занятием — непременно позабочусь, чтобы он долго не мог сесть на задницу.

— Хе! — Митчел приступил к своему ежедневному сражению с термосом, обжег пальцы, как и тысячу раз до сих пор, возмущенно ойкнул и крикнул: — Али!

— Еще час,— твердым голосом ответил Али.

— Я буду держаться за жизнь,— объявил Митчел, обращаясь к маячащему на горизонте Дженкинсвиллю,— чтобы пережить все стадо. Они перемрут один за другим, а я с удовольствием освежую каждого. Потом из этих вонючих шкур наделаю ковриков. Женюсь, обзаведусь домом и буду вытирать ноги, не только входя и выходя, но и всякий раз, когда в часах прокукует кукушка.

У шестого верблюда заурчало в животе. Очень медленно звук проделал весь путь от желудка к глотке и закончился громкой отрыжкой. Оторвав пустые глаза от Дженкисвилля, дромадер посмотрел на Митчела с откровенным неодобрением. Митчел так яростно пнул термос, что у того на боку образовалась вмятина.

— Успокойся! — проговорил Сагден.

Митчел метнул в него злой взгляд и резко выдернул лоток. Он не рассчитал силы, лоток выскочил из термоса, заплясал в руках, и бобы в томатном соусе посыпались прямо на сапоги. Али, проходивший мимо с охапкой теплых попон, чтобы укрыть на ночь верблюдов, остановился полюбоваться неожиданным зрелищем. Сагден смотрел на Митчела. Верблюды тоже.

Взглянув сначала на Сагдена, а потом на свои сапоги, Митчел спросил:

— Смешно, правда?

— Нисколько. Просто немного не повезло.

— А вот им,— кивнул Митчел на зрителей,— это кажется ужасно смешным.

— Да перестань. Все животные любопытны.

— Любопытны? Ха-ха! — Митчел стащил сапоги и взвесил на руке, словно пытаясь определить, достаточно ли они тяжелы, при этом он не сводил недоброго взгляда с дромадера. В конце концов он передумал, вычистил сапоги песком и снова надел.

— Они путешествуют по свету за наш счет да еще насмехаются над нами!

— Давай лучше поедим,— попытался успокоить его Сагден.— Голодный человек всегда раздражителен. Поужинаешь, и сразу полегчает, вот увидишь. Да и вообще, утром мы будем в Дженкинсвилле.

— Ясное дело, будем. Там попытаемся обменять наше барахло на семена мальвы, и чем больше товара продадим, тем лучше. Но весь товар сбыть все равно не получится, и тогда — новый стомильный переход по Мертвой Равнине, ради грошовой выручки.— Митчел окинул мрачным взглядом небеса.— Если случится чудо, небывалое в истории марсианской торговли, и мы оставим здесь все, что приташили с собой, все равно нам

предстоит возвращаться в Лемпорт. А это — сто пятьдесят миль через ад в компании сорока четырех двугорбых вонючек.

— Ты забыл одного дромадера,— спокойно произнес Сагден.

— И еще одной одногорбой вонючки,— не стал спорить Митчел.

Он с ненавистью посмотрел на означенную вонючку, убивавшую время с истинно арабским хладнокровием.

— Не хочешь — не ешь,— заявил Сагден,— а вот я не прочь подкрепиться.

Он вынул другой лоток из термоса и взял дымящуюся колбаску из рубленой печени птицы *пинна*.

Когда еда остыла в прохладных марсианских сумерках, к нему присоединился Митчел. Они ели с задумчивым видом, не подозревая, что ужасно похожи на верблюдов, жующих свою жвачку.

Через три часа после ослепительного рассвета караван вступил на рыночную площадь Дженкинсвилля под несмолкающее фырчанье животных и непристойные ругательства землян. Тут же появились марсиане, которые не проявили интереса к белым людям, лишь мельком взглянули на Али Фа'ума, зато поглазеть на верблюдов собралась огромная толпа. Митчел и Сагден не вмешивались. Они знали, что местные жители рано или поздно вспомнят о деле. А пока можно подготовить все необходимое: расставить прилавки с весами, разложить товары. У каждого марсианина имелся запас семян мальвы, у одного — в мешочке, у другого — в большом куле, а третий ухитрился накопить несколько мешков.

Из мальвы, растущей в марсианской пустыне, земляне научились получать лекарство от рака. Со страшной болезнью давно было бы покончено, если бы растение удалось культивировать. Но оно оказалось чрезвычайно капризным, на Земле не нашлось места, которое понравилось бы мальве. Вот почему невысокие кусты с блестящими листьями приходилось выращивать в пустынях Марса, что и делали его жители.

По одному или по двое в полнейшем молчании марсиане переходили от прилавка к прилавкам. Существа с огромными глазами, широкой грудью и висячими ушами в остальном мало отличались от людей. Несмотря на то что они не умели разговаривать, марсиане обладали достаточно развитым интеллектом. Земные врачи предположили, что в прошлом голосовые связки марсиан прекрасно функционировали, но потом нужда в них отпала, и они постепенно атрофировались. Митчел и Сагден не знали, что было в действительности, да и не особенно задумывались об этом. Купцы договаривались с покупателями при помощи языка жестов, иногда писали или рисовали на бумаге.

Старый марсиан взвесил свой мешок, его содержимое оценили в сто восемьдесят долларов золотыми надежными *спондуликсами,* имевшими международное хождение. Митчел показал ему рулон пестрого тонкого сукна и глянцевую фотографию Красотки де ля Фонтен, одетой в саронг из такого же материала. Он не уточнил, что на самом деле это земная модель Прунелла Тейтелбаум. Все равно старику не понравились ни она, ни сукно. Он скорчил рожу, давая понять, что считает предложенный товар самым настоящим барахлом.

— Они становятся слишком разборчивыми,— пожаловался Митчел богу коммерции.

Он сердито бросил на прилавок из грубого дерева рулон твида, погладил его, понюхал и чуть приподнял край, предлагая насладиться особым запахом. Марсианин заинтересовался, принюхался и дал понять, что хочет приобрести три длины руки этой ткани. Митчел отрезал, аккуратно свернул кусок и подал через прилавок.

Чуть дальше, в Общинном Доме, что стоял за плотными рядами «иглу» из красного гранита, забили в гонги музыканты из местного оркестра. Их инструменты — от мелодично позвякивающих серебряных дисков размером с ладонь до медных цилиндров двадцати футов в диаметре — звучали просто чудовищно. Каждая отдельная нота была чистой и сильной, но все вместе походило на кошачий концерт, вынести который не в силах ни один нормальный человек.

Митчел нахмурился и сказал старику:

— Ну, а как насчет часов? Покупайте, и тогда не надо будет обращаться к полицейскому, чтобы узнать время. Вы только посмотрите, какое чудо: пятьдесят камней, десятидневный завод, точность настройки на марсианское время проверена обсерваторией на Деймосе, гарантия фирмы «Митчел и Сагден».

Он так старался объяснить все это знаками, что взмок от напряжения. Марсианин отказался от ручных часов, но зато купил пять дешевых будильников. Правда, он перебрал несколько десятков, чтобы найти будильники с разными звонками. Еще он взял браслет из золота с бирюзой, крошечный радиоприемник, алюминиевую кофеварку и серебряную перечницу, куда торжественно насыпал табак, с которым марсиане не расставались.

— У вас осталось два семьдесят,— сообщил Митчел.

Старик купил еще сигарет и растворимого кофе, а затем поковылял назад к верблюдам, чтобы засвидетельствовать им свое почтение. Вокруг животных по-прежнему толпились любопытные марсиане.

— Проклятые вонючки! — Митчел поставил на весы огромный мешок семян. Стрелка сорвалась с места.— Семьсот долларов! — Он вывел на бумаге синим карандашом крупные цифры и показал новому клиенту.

Это оказался молодой марсианин, выше среднего роста. Он кивнул, достал каталог пятилетней давности, открыл, показал картинку и знаками показал: хочу, мол, чтобы деньги были положены на мой счет, буду копить на автомобиль.

— Ничего не выйдет,— заявил Митчел.— Нужен бензин. На Марсе нет бензина! Бесполезно!

Он отчаянно размахивал руками, пытаясь объяснить марсианину, что автомобиль без топлива — это всего лишь кусок железа. Марсианин с серьезным видом наблюдал, а потом принялся спорить, тыча пальцем в каталог. Митчел призвал на помощь Сагдена.

Через десять минут Сагден сказал:

— Кажется, я понял. Он хочет автомобиль с мотором, работающим на газе. Надеется использовать местный сушняк.

— Пресвятые угодники! — застонал Митчел.— Он что, с ума спятил? Скажи, как мы сюда доставим машину?

— По частям,— ответил Сагден.— По крайней мере, попытаемся. А почему бы и нет? Глядишь, и новая мода появится, а мы станем миллионерами, автомобильными магнатами, и за нами будут гоняться роскошные блондинки — прямо как пишут в журналах. Такое авто обойдется парню в кругленькую сумму, но нам-то что, это ведь его деньги. Займись клиентом, приятель, и постарайся сделать все, чтобы он остался доволен.

Полный мрачных сомнений, Митчел выписал чек на семьсот долларов и протянул марсианину. Затем глубоко вздохнул, оглянулся и заметил, что марсиане и верблюды по-прежнему созерцают друг друга с философским интересом на лицах и мордах. Некоторые животные жевали лакомства, предложенные местными жителями.

В торговле прошел целый день. Как обычно, редкий клиент желал приобрести товары, имевшиеся у Сагдена и Митчела, зато многие требовали то, чего у землян с собой не оказалось или что вообще было трудно достать.

В прошлый раз один марсианин взял сотню граммофонных пластинок и заказал простенький электроприбор. Сейчас он явился, требуя свой прибор и категорически отказываясь приобрести еще одну пластинку, и сделал срочный заказ на пару хитроумных трубок для радиопередатчика. Землянин и марсианин полчаса размахивали руками, прежде чем Митчел понял, что нужно собе-

соднику. Закона, запрещающего поставку такой продукции, не было, и потому Митчел принял заказ.

— Эх, марсиане,— устало проворчал он,— и почему вы не можете разговаривать, как все цивилизованные люди?

Клиента слегка удивили такие слова, он даже задумался, переведя взгляд огромных глаз с пунпового Митчела на верблюда. Дромадер кивнул, фыркнул, и с его нижней губы стекла струйка сока перезревшего *вушкина*. Марсианин дал знак Митчелу следовать за собой.

Митчел не возражал — день клонился к закату, пора было сворачивать торговлю. Оставив измотанного партнера заканчивать дела, Митчел поплелся за марсианином. Пятнадцать лет назад он вот так же пошел на зов — и попал на нелегальный винокуренный завод. Тогда Митчел здорово надрался. Может, и сейчас его ждет что-нибудь подобное?

Они миновали верблюдов, за которыми ухаживал трудолюбивый Али, прошли по нескольким улицам и вскоре оказались около большого «иглу», расположенного между рыночной площадью и северной окраиной. В миле к югу оркестр Общинного Дома исполнял громогласную вечернюю песню, от которой внутри у Митчела все отчаянно сжималось.

Марсианин и землянин вошли в «иглу» и оказались в комнате, заполненной самыми разными приборами — частью собранными не до конца, частью явно сломанными, но почему-то не выброшенными на помойку. Эта картина не удивила Митчела, поскольку тяга марсиан к науке была у всех на слуху. Он испытал разочарование — никакого винокуренного завода.

Взяв штуковину, похожую на самодельный радиоприемник, с крошечным микрофоном, марсианин вытянул из него тонкий провод с чем-то вроде серебряной пуговицы на конце, которую тут же и проглотил. И вот в таком виде — с торчащим изо рта проводом — он с самым серьезным видом посмотрел на Митчела и принялся крутить ручки настройки. Неожиданно штуковина заговорила металлическим голосом, нисколько не похожим на человеческий.

— Речь! Искусственная речь! Только что получилось. Очень трудно — возможности ограничены!

— Ха! — произнес Митчел, на которого произвела впечатление — хотя и не слишком сильное — эта демонстрация.

— Вы доставите трубки. И тогда у меня получится лучше. Вы поняли?

— Конечно,— подтвердил Митчел и вдруг сообразил, что он первый землянин, с которым заговорил марсианин — по-настоящему. Это же сенсация для первых полос газет! Он не был

журналистом, но опыт продавца самых разных товаров подсказал, что он, возможно, напал на золотую жилу. Что сделал бы на месте Митчела репортер? Конечно, взял бы интервью у «говорящего марсианина».— А почему вы, ребята, не умеете разговаривать нормально?

— Нормально? — проскрипел динамик. Марсианин был явно удивлен.— Мы разговариваем вполне нормально. Десять тысяч лет назад мы перестали производить шум, который низшие формы жизни называют речью, и стали произносить слова вот здесь...— Он показал рукой на свой лоб.— Вот!

— Хочешь сказать, что вы телепаты?

— Разумеется. Верблюды тоже.

— Что?! — воскликнул потрясенный до глубины души Митчел.

— Конечно! Они являются высшей формой жизни.

— Ничего подобного! — взревел Митчел, чье лицо пошло красными пятнами.

— Ха! — Марсианина явно веселил этот разговор.— Я тебе докажу. Они говорят вот этим.— Он снова прикоснулся ко лбу.— А не этим, как вы.— Он показал на горло.— Верблюды умеренны во всем: не переедают, не изнуряют себя трудом, не нуждаются в одежде, не платят налогов, не страдают ни от каких болезней, ни о чем не беспокоятся, много времени проводят в раздумьях, и они счастливы.

— Черт побери, но они работают! — выкрикнул Митчел и стукнул себя в грудь.— На меня.

— Все должны работать, вне зависимости от умственного развития. Ты тоже на них работаешь. И сам знаешь, кто тратит больше сил...— Раздался щелчок, и динамик замолчал. Марсианин быстро что-то подправил, и прибор ожил, хотя теперь звук стал тише.— Батарейка почти села. Какая жалость!

— Верблюды — высшая форма жизни! — фыркнул Митчел.— Ха-ха! Я поверю в это, когда у меня отрастет борода лимонного цвета девяти футов длиной.

— Знает ли восхитительная пинна, какое удовольствие доставляет нашим желудкам? Как *ты* можешь оценивать умственные способности верблюдов, когда между вами нет ничего общего? Ты не умеешь разговаривать не языком, а мозгом, ты не знаешь, о чем думает верблюд.— Последнее слово из затихающего динамика прозвучало одновременно со снисходительным смешком марсианина.

Митчелу не понравились оба этих звука.

— А мне все равно, главное, чтобы он знал, о чем думаю я.

— Это исключительно твоя точка зрения.— Марсианин снова показал Митчелу, как его забавляет разговор.— Существуют и другие, но все равно...

Щелк, щелк, щелк... Пуфф...

Прибор смолк, и никакие старания марсианина не смогли вернуть его к жизни. Собеседник Митчела вынул изо рта искусственные голосовые связки и вздохнул. Разговор был окончен.

Митчел вернулся в лагерь в ужасающем настроении. Его встретил Сагден:

— Мы сбыли шестьдесят процентов, это означает, что завтра утром придется идти дальше. И путь будет долог.

— Хм-м,— буркнул Митчел и начал заполнять термос.

Сагден посмотрел на него, но ничего не сказал и забрался в спальный мешок.

Дженкинсвилль погрузился в сон, а Сагден громко храпел в мешке к тому времени, когда Митчел закончил работу, не переставая бормотать под нос:

— Верблюд — хомо сапиенс? Не смешите меня!

Он закупорил последний термос, убил паука, который резво носился вокруг пустой консервной банки, и повернулся к лагерю.

Верблюды, накрытые на ночь попонами, казались бесформенными грудами на фоне ночного мрака. Там и сям раздавалось отвратительное чмоканье. Рядом с ними пристроился заботливый Али Фа'ум.

— Если б я хоть на миг поверил, что вы, мерзкие куски вонючего мяса, понимаете меня, я бы такое сказал! Клянусь, с ваших гнусных морд раз и навсегда слетело бы дурацкое выражение превосходства!

Чуть отведя душу, он направился к своему спальному мешку. Не дойдя двух-трех шагов, вдруг развернулся и помчался назад, к верблюдам. Его вопль разбудил Али.

— Который из них издал этот звук?

— Не знаю,— сонным голосом ответил Али.— У нас сорок четыре двугорбых и один дромадер. Как тут узнаешь, кто издает звуки? Это известно только Аллаху!

В темноте послышался голос Сагдена:

— Митч, ради всех святых!

— Ладно, ладно.— Митчел вернулся, нашел фонарик.— Телепаты! — пробормотал он.— Посмотрим!

При свете фонаря он разорвал игральную карту на сорок пять кусочков, пронумеровал их карандашом, перемешал в темноте, закрыл глаза и взял один наугад.

«Номер двенадцать».

Сагден снова проснулся, высунул голову из мешка и подозрительно спросил:

— Что ты делаешь?

— Вышивку на трусах,— ответил Митчел. Не обращая внимания на Сагдена, он взял пистолет и убедился, что он заряжен десятью мощными пулями, способными уложить динозавра.— Номер двенадцать! — прошептал он и улегся спать.

Али растолкал его при первых лучах солнца. Сагден уже встал, даже успел одеться. Вид у него был очень серьезный.

— Один из верблюдов сбежал,— объявил он.— Двенадцатый.

— Ага! — Митчел подскочил как ужаленный.

— Мне совсем не нравится выражение твоего лица, а еще не нравится, что это мой верблюд, а не твой. Ты что, заколдовал его?

— Что я сделал? — Митчел изо всех сил старался сделать невинное лицо.— Какая чепуха!

— Сам знаю, что чепуха. Но если я все же угадал, ты его сейчас же расколдуешь.

— Не волнуйся, найдем беглеца,— попытался успокоить товарища Митчел.

Он оделся, спрятал пистолет и как мог четко подумал, что двенадцатому верблюду совершенно нечего опасаться.

Пропавший верблюд ждал рядом с тропой в часе пути от Дженкинсвилля. Словно подчиняясь привычке, он занял свое место в караване. Никто из людей не сказал ни слова.

Митчел давно не был таким тихим. Через некоторое время дромадер Сагдена повернул голову и состроил ужасную рожу Митчелу, который ехал сразу за ним. Тот по-прежнему хранил молчание.

И караван продолжал уверенно шагать вперед.

Цепная реакция

Их небольшой, обтекаемой формы корабль был совершенной развалюхой. Он давным-давно выработал свой ресурс и годился только на металлолом. Сейчас он лежал в траве. На корпусе, по обе стороны от носа корабля, блестело его название — «Элси-2». За этим именем не скрывалось никакой романтики; просто удобочитаемое слово. К тому же оно звучало красивее технически правильного L. C. 2 — «корабль с дальним радиусом полета, модель 2»*. В центре корпуса, и тоже с обеих сторон, красовалось по серебряной звезде Космического Союза. Вместо звезды вполне можно было бы намалевать череп с костями. Никакой разницы, поскольку сейчас их рухлядь находилась в руках врага.

В плен к врагу попала и команда «Элси», состоявшая из семерых землян. Они понуро стояли в ряд. Разоруженные, предельно уставшие, земляне ожидали решения своей участи. Их стерегли два десятка кастанцев. Еще трое захватчиков обыскивали корабль — не прячется ли кто внутри. Кастанцы принадлежали к человекоподобной расе и вполне были похожи на людей, отличаясь от последних лишь громадным ростом. Самый маленький кастанец был чуть ли не на ярд выше самого высокого землянина, а их средний рост составлял от семи с половиной до восьми футов.

Земляне молча и угрюмо ждали, пока захватчики обыщут дряхлую «Элси», и слушали доносившийся оттуда тяжелый топот кастанских сапог. Наконец из входного люка, скрючившись, выбрался кастанский офицер, а вслед за ним вылезли двое солдат.

---

* По-английски куда лаконичнее — Long-range Craft Number Two.— *Прим. перев.*

Офицер горделиво подошел к своим и обратился к кастанцу, у которого левый рукав мундира украшали три малиновых кружка. Земному уху язык кастанцев показался набором фыркающих и хрюкающих звуков. Затем офицер обвел глазами пленных и заговорил на *экстралингве* — общепринятом языке, на котором общались все разумные расы.

— Кто командовал вашим кораблем?

— Я,— ответил Фрэнк Уордл.

— Что-то не слышу слова «господин».

В ответ Уордл лишь холодно поглядел на него.

— Разговаривая со мной, все вы должны добавлять слово «господин»,— потребовал офицер.

— Каково ваше звание? — равнодушно спросил Уордл.

Ладонь кастанца (она была величиной с лопату) улеглась на кобуру с массивным многозарядным револьвером.

— Тебя это не касается. Ты — пленный и отныне будешь делать то, что тебе велят.

— Обычно слово «господин» я добавляю, обращаясь к тому, кто старше меня по званию,— заявил Уордл, всем видом и тоном показывая, что знает свои права.— Поэтому командовать мной может лишь старший по званию.

Офицер заметно смешался. Зная своих начальников, ему было несложно догадаться, чью сторону они примут в споре о правах и привилегиях. Это только солдатам он кажется большим начальником. Самое скверное, что над ним полно старших офицеров. Возможно, лучше самому не проявлять инициативы, а предоставить начальству разбираться в этой щекотливой и небезопасной ситуации. Офицер мельком взглянул на солдат — не догадываются ли о его затруднениях. К счастью, нет: стоят с тупыми лицами и ждут приказаний.

Успокоившись, кастанец резко и властно произнес:

— Я не собираюсь пускаться в споры с пленником. Каждому из вас придется многому научиться, причем очень скоро.

— Да, наставник,— ответил Уордл.

Пропустив колкость мимо ушей, офицер продолжал:

— Сейчас вы пойдете туда, куда вас поведет сержант. Пойдете цепочкой, друг за другом, под охраной с обеих сторон. Малейшая попытка к бегству — и солдаты откроют огонь на поражение. Это понятно?

— Да.

— Переведи мои слова твоим товарищам.

— Незачем, они понимают экстралингву. Жители Земли достаточно образованны.

— Жители Касты — тоже, в чем каждый из вас скоро убедится,— ответил офицер.

Он повернулся к сержанту.

— Увести пленных!

Экипажу «Элси» ничего не оставалось, как покорно двинуться вслед за сержантом. В десяти футах слева и справа шагала охрана. Тут не сбежишь и не захватишь оружие, тем более что позади топали еще четверо солдат.

Пленных вели по широкой тропе, вьющейся между высоченных деревьев. Земляне шли молча, разглядывая мир, где все имело другие размеры и пропорции. Футах в пятидесяти над их головами по ветке дерева пробежало какое-то юркое существо, похожее на ящерицу. Все тело существа было в кожаных оборках. Создание глянуло на идущих глазками-бусинками и несколько раз приветственно пискнуло. Никто из кастанцев даже не повернул головы.

Впереди покачивались могучие, не менее ярда, плечи сержанта. Бум-бум-бум — грохотали его тяжелые армейские ботинки двадцатого размера*. Земляне легко поспевали за ним: широкие шаги сержанта компенсировались тем, что он шел медленно. Слева, справа и сзади кастанскую почву колошматили ботинки солдат. Люди казались себе пигмеями, попавшими в ловушку к человекоподобным слонам.

Пройдя еще какое-то время, пленные увидели нечто вроде военного лагеря с полудюжиной строений. Тут же стоял военный грузовик. Землянам приказали влезть в открытый кузов со скамейками по бортам. Ноги пленных по-детски болтались, не доставая до пола. Охрана уселась напротив, не выпуская оружия из рук.

Грузовик ожил и выкатился на грунтовую дорогу. Езда была пыльной и тряской, пока они не выбрались на широкое мощеное шоссе. Водитель сразу же прибавил скорость. Они мчались часа три, ни разу не остановившись. Земляне продолжали молчать, но внимательно следили за местностью, на всякий случай запоминая обратную дорогу.

Резко свернув вправо, отчего пленников сбросило на пол, грузовик наконец вкатился в расположение военного городка и замер перед длинным каменным зданием. Солдаты облегченно вздохнули и пинками заставили землян спрыгнуть вниз. Вокруг грузовика собралась толпа зевак в форме. Кастанцы с не-

---

* В пересчете на более привычную нам, т. н. штихмассовую систему это 53-й размер. — *Прим. перев.*

скрываемым любопытством глазели на необычных пленных, которых повели внутрь.

Но внутрь они попали не сразу. Сержант что-то профыркал и прохрюкал стоявшему у двери часовому. Часовой приоткрыл дверь и впустил сержанта. Вскоре в проеме показался кастанский офицер, обвел взглядом молчаливую семерку и снова исчез. Потом вернулся сержант, и пленных впустили внутрь. Сержант провел их по длинному коридору с высоким потолком и открыл какую-то дверь. В комнате за громоздким письменным столом сидели двое кастанских офицеров.

Офицеры минут двадцать шелестели бумагами, намеренно не замечая пленных. В этой тактике не было ничего нового. Обычный, заранее рассчитанный издевательский трюк, чтобы воздействовать на волю пленных и показать, кем они теперь являются. Никем. Двуногим мусором, от которого кастанцы могут в любой момент избавиться, словно от скомканных бумаг в корзине.

Решив, что желаемый эффект достигнут, один из офицеров поднял голову, недовольно поморщился и отпихнул бумаги в сторону. Затем он тронул за рукав своего коллегу, чтобы и тот снизошел и заметил присутствие землян.

— Кто говорит по-кастански? — спросил на своем родном языке первый офицер.

Пленные молчали.

— Кто-нибудь из вас знает экстралингву? — задал он новый вопрос.

— Они все знают, господин начальник,— вмешался сержант, не дожидаясь ответов пленных.

— Прекрасно! Тогда сразу же приступим к допросу.

Он взял ручку и наугад указал ею на одного из пленных.

— Вот ты. Как тебя зовут?

— Робер Шеминэ.

— Личный номер?

— 105697.

— Звание?

— Капитан.

Второй офицер торопливо записывал ответы. Первый дождался, пока он закончит, и указал на соседнего землянина.

— А ты кто?

— Уильям Холден.

— Личный номер?

— 112481.

— Звание?

— Капитан.

Ручка кастанца указала на третьего.

— Фрэнк Уордл. Личный номер 103882. Капитан.

Остальные пленные отвечали быстро:

— Джеймс Фоули. Личный номер 109018. Капитан.

— Олпин Маколпин. Личный номер 122474. Капитан.

— Генри Казазола. Личный номер. 114086. Капитан.

— Людовик Пай. Личный номер 101323. Капитан.

— Семеро капитанов на одном маленьком корабле,— усмехнулся кастанский офицер.— Куда ни ткни — у землян сплошные начальники. Если не адмирал, то непременно капитан. И у каждого — явно по сорока медалей.

Он презрительно оглядел пленных, остановив взгляд на Уордле.

— Сколько у тебя медалей?

— Пока ни одной.

— Пока? Можешь распрощаться со всеми надеждами получить свои медали. Разве что мы вдруг спятим и наградим тебя.

Кастанец ждал ответа. Уордл молчал.

— У тебя нет медалей, но ты — капитан?

— Да.

— И все остальные — тоже капитаны?

— Да.

— Тогда кто же командовал кораблем?

— Я,— ответил Уордл.

— В таком случае с тебя и начнем,— бросил ему офицер.— Прежде всего я хочу знать, почему вы оказались здесь?

— Потому что нас взяли в плен.

— Я это и сам знаю, дурень! Я хочу знать, почему земной корабль залетел сюда, на Касту? По-моему, никто из нас не приглашал землян в гости.

— Мы находились в дальнем рекогносцировочном полете. Неожиданно двигатель корабля вышел из строя. Продолжать полет было опасно, и нам пришлось совершить посадку. Ваши солдаты захватили нас в плен прежде, чем мы успели произвести ремонт.

Уордл пожал плечами, показывая, что принимает случившееся как неизбежность.

— Удача изменила нам. Война есть война.

— Вам изменила удача? А мне кажется, вас подвела ваша никудышная техника. На нашем военно-космическом флоте такая ситуация была бы просто немыслима. Наш уровень технической надежности несравненно выше.

Кастанец вперился глазами в пленных. Те молча выслушали его тираду.

— Наши специалисты скоро прибудут на место посадки и оценят оснащение вашего корабля. Вряд ли они увидят там что-то достойное заимствования.

Уордл никак не ответил на эти слова.

— Итак, вы совершали разведывательный полет. Занимались шпионажем в космосе, так? И никак не ожидали, что окажетесь здесь?

Снова молчание.

— Космический Союз поставляет нам в избытке дешевую рабочую силу. На нас работают четыреста тысяч пленных. Конечно, такое пополнение, как семеро землян, ничего не изменит. Вы — низкорослые и слабые существа.

Офицер изучающе осмотрел каждого из семерых и пренебрежительно скривил губы.

— Но мы не брезгуем никаким пополнением. Во время войны каждая пара рабочих рук пригодится — даже если это руки капитанов с жиденькими мускулами.

Он повернулся к внимательно слушавшему сержанту.

— Этих немедленно отправить на Гатин. Все документы на них я пришлю следом, как только будут готовы.

Офицер махнул рукой. Сержант почтительно щелкнул каблуками и повел пленных к выходу. Им вновь пришлось забираться в кузов грузовика и рассаживаться на высокой скамье. Сержант и солдаты, как и в прошлый раз, сели напротив, держа оружие наготове. Грузовик выбрался на шоссе, где водитель сразу же дал максимальную скорость. Техника кастанцев была настолько совершенна, что от этого совершенства колесные оси жалобно поскрипывали.

Холден, скуластый горбоносый землянин, обратился к сержанту и спросил на экстралингве:

— А Гатин — это где?

— Там.— Сержант ткнул мясистым пальцем вверх.— Двенадцать дней полета. Угольные шахты, свинцовые рудники. Трудовой рай для мертвецов.— Он усмехнулся, оскалив крупные зубы.— Пленных не существует. Они мертвы, иначе не попали бы в плен.

— Ты понимаешь наш язык? — спросил Холден на земном языке.

Сержант тупо глядел на него.

Приветливо улыбаясь, Холден сказал:

— Ты просто большой, грязный и вонючий придурок, парень. Да здравствует Космический Союз?

— Что? — не понял сержант, изобразив на лице подобие улыбки.

— Слушай, плосконогий, разлапистый, дубоголовый кретин,— ответил Холден все с той же дружелюбной миной.— Я желаю тебе произвести на свет безнадежно косоглазых детей и закончить свою никчемную жизнь, утонув в дерьме. Да здравствует Космический Союз!

— Что ты говоришь? — повторил удивленный, но явно довольный сержант.

— Брось свои штучки, Билл,— вмешался Уордл.

— Заткнись! — огрызнулся Холден и, перейдя на экстралингву, предложил сержанту:

— Если хочешь, я могу немного поучить тебя языку землян.

Предложение сержанту понравилось, поскольку любые дополнительные знания увеличивали его шансы стать офицером. Чтобы не терять драгоценное время, Холден начал урок немедленно. Пленные и солдаты с интересом слушали, как Холден тщательно выговаривает слова и фразы, а сержант все в точности повторяет.

Сержант оказался весьма толковым учеником. Когда грузовик подъехал к космопорту, кастанец и Холден без труда могли попрощаться на земном языке.

— Чтоб тебе сдохнуть, жирная крыса! — крикнул Холден, отдавая честь на манер опереточного вояки.

Сержант, гордый своими лингвистическими способностями и полученными знаниями, ответил:

— Благодарю вас, мой повелитель! Да здравствует Космический Союз!

Через двенадцать дней пленные спускались по трапу корабля, доставившего их на Гатин. Уордл негромко сказал:

— Подведем некоторые итоги. Первое: мы до сих пор живы. Второе: мы точно знаем, где находится Гатин.

— Угу,— отозвался Холден.— Мы это знаем. Только добраться сюда было несравненно легче, чем выбраться.

— А это еще вопрос,— беспечным тоном возразил Уордл.— У нас есть значительное преимущество, о котором эти болваны даже не подозревают. Если ты не забыл, приятель, в космосе прочно утвердилось мнение: военнопленный становится живым мертвецом и безропотно смиряется со своей судьбой. Все расы считают это непреложным законом, кроме землян, которые, конечно же, совершенно чокнутые.

— В древности и на Земле кое-где придерживались такого же мнения. Японцы, например. С тех пор как они стали прямоходящими, плен у них считался позорнее смерти. И некото-

рые из них не могли пережить позора. При первом удобном случае они кончали с собой.

— Так когда это было! И потом...

— Молчать! — рявкнул грузный кастанец, стоявший у нижнего конца трапа рядом с часовым.

Он прищурился и сумрачно взглянул на пленных.

— А-а, земляне пожаловали? Мы слыхали о вас от стамитов и алюэзинцев, которые,— тут он самодовольно ухмыльнулся,— теперь являются нашими рабами. Мы их победили. Но наши рабы не говорили, что вы настолько малы ростом. Или нам нарочно прислали сюда семерку гномов?

— Ты прав, сынок,— успокоил его Холден.— Мы — семеро гномов. Белоснежка прибудет со следующим кораблем.

— Белоснежка? — Толстяк снова нахмурился и уткнулся в листы сопроводительных документов, внимательно просматривая каждую страницу.

— У меня здесь документы на семерых землян. И ни слова о прибытии восьмого с этим кораблем или следующим.

— Должно быть, она не поспела на наш корабль,— предположил Холден, ухватившись за ниточку нового розыгрыша.

— *Она?* Так что, вместе с вами в плен взяли еще и женщину?

— Как видишь, не сумели. Она скрылась в лесу.— Лицо Холдена сияло от восхищения.— Никак не думал, что ей это удастся.

Кастанец шумно втянул в себя воздух.

— Вы на допросе сообщили что-нибудь о Белоснежке?

— Нет, сынок. Они нас не спрашивали.

— Недоноски! — Толстяк смачно плюнул.— А теперь придется посылать шифровку на Касту, чтобы там развернули тщательное прочесывание местности. Представляете, сколько времени и сил это отнимет?

— Аллилуйя! — с жаром произнес Холден.

— Что ты сказал?

— Я сказал: какая непростительная оплошность.

— Ты прав,— согласился толстяк и угрожающе добавил: — Когда ее схватят, она сполна заплатит за эту оплошность.

Кастанец вновь оглядел пленных и задержался на Людовике Пае.

— А ты чего хихикаешь? С мозгами не все в порядке?

— Это истерический смех,— пояснил Холден.— Он получил шок, когда нас брали в плен.

— Тьфу ты! — с нескрываемым презрением сказал кастанец.— Значит, вы слабаки не только телом, но и умом? Чуть что — сразу истерика? Алюэзинцы и стамиты хоть и отсталые

расы, но мозгами покрепче вас будут. От истощения они еще могут свалиться в обморок, но не припомню, чтобы кто-то из них свихнулся.

Кастанца так распирало от презрения, что он опять смачно плюнул.

— Земляне!

Потом он махнул в сторону стоящего поблизости грузовика.

— Забирайтесь, недомерки!

Пленные забрались в кузов. Везли их точно так же, как на Касте: они сидели по одну сторону кузова, охрана — по другую. Однако местность отличалась от кастанской. Деревья здесь были поменьше и пониже, чем на Касте. Впрочем, землянам и эти деревья казались гигантскими. Растительность Гатина была гуще и скорее напоминала джунгли, сквозь которые тянулась безупречно прямая линия дороги.

Где-то на полпути им встретилась группа алюэзинцев, работавших рядом с обочиной. Их раса тоже была человекоподобной. По росту алюэзинцы были гораздо ближе к кастанцам, чем к землянам, но отличались заметной худощавостью. Те, кто видел алюэзинцев впервые, всегда удивлялись по-кошачьему узким зрачкам их глаз. Алюэзинцы вели ночной образ жизни, и только они знали, какая это пытка — работать днем, при ярком солнечном свете.

Грузовик немного замедлил ход, объезжая алюэзинцев. Холден, сидевший ближе к откидному борту, перегнулся через борт и во все горло крикнул:

— *Флореат Алюэзия!*

Алюэзинцы даже не взглянули в его сторону. Зато один из охранников двинул Холдену прикладом по колену.

— *Фошам губич!* — прорычал он на своем тарабарском языке.

— Пасть закрой! — ответил ему Холден на столь же непонятном кастанцу наречии Земли.

— Сам закрой! — приказал Уордл.— Хочешь, чтобы тебя пристрелили и швырнули за борт?

— Вам запрещается говорить на вашем языке гномов,— сказал толстый кастанец, ехавший вместе с пленными.

Он в очередной раз нахмурился, разделил свою хмурость на семь частей и вручил каждому землянину по большому куску.

— Все разговоры только на экстралингве. Так будет, пока вы не научитесь кастанскому языку.

— Жди! — ответил ему Холден, решивший последнее слово оставить за собой.

Офицер, к которому их привели, был выше и крупнее многих рослых и крупных своих соплеменников. Облегающую форму темно-зеленого цвета украшал витой серебристый шнур. На клапане верхнего кармана мундира были вышиты две небольшие белые стрелы. Широкое, тяжелое и несколько мясистое лицо кастанца сразу же приобрело подобающее грозное выражение.

— Я — начальник этой тюрьмы. Моя власть над вами безгранична. Боль, страдание, жизнь, смерть каждого из вас полностью находятся в моих руках. А потому, чтобы подольше жить и поменьше страдать, вы должны всячески и постоянно угождать мне. Запомните: отныне единственная цель, единственный смысл вашего существования — угождать мне.

Красуясь перед землянами и перед собой, начальник тюрьмы расхаживал взад-вперед по ковру. Каждый шаг выбивал из ковра маленькое облачко пыли.

— До сих пор землян у нас здесь не было. Да и вы, как я посмотрю, работники так себе. Вряд ли вы отличаетесь силой и выносливостью. Но мы находим работу для всех. Найдем и вам. Мы победили, а потому вполне заслужили эту награду. Вы потерпели поражение. Так прочувствуйте на своей шкуре, что это такое.

Холден открыл было рот, но тут же закрыл. Уордл с силой наступил ему на ногу, сдавив пальцы.

— Сейчас вас отведут в камеру,— закончил церемонию встречи кастанец.— Утром вас допросят и выяснят, что вы умеете делать и на что годитесь. После этого мы решим, чем каждый из вас будет заниматься.

Начальник тюрьмы сел, откинулся на спинку чудовищно тяжелого кресла, всем своим видом показывая, до чего же ему скучно.

— Сержант, увести пленных,— приказал он.

Их вывели на середину обширного бетонного двора, выстроили в шеренгу и велели ждать. Ожидание длилось почти час. Двор с четырех сторон окаймляли десятиэтажные тюремные корпуса, построенные из толстых каменных плит. За корпусами виднелась стена высотой не меньше шестидесяти футов. Двор был совершенно пуст.

Наконец откуда-то появился гвард-майор и повел пленных в корпус, находившийся справа. По каменным ступеням они поднялись на шестой этаж, прошли по коридору и очутились во вместительной камере. Стены камеры также были каменными.

— Вы понимаете по-кастански?

Земляне молчали.

— Экстралингва?

— Да,— ответил Уордл, говоривший от имени всех.

Гвард-майор вытянулся во весь рост, выпятил грудь и объявил:

— Я — гвард-майор Словиц, начальник этого корпуса. Ваша жизнь и смерть целиком находятся в моих руках. И потому, чтобы протянуть подольше, вы постоянно будете стараться угождать мне.

— Поскольку это является единственной нашей целью,— подсказал Холден.

— Что?

— Я хотел сказать, что мы понимаем,— с непроницаемо-серьезным лицом ответил Холден.— Нашей единственной целью будет постоянно угождать вам, гвард-майор Слобович.

— Словиц,— поправил кастанец и продолжал: — Вы останетесь в камере, пока не услышите удары большого колокола. Тогда вы выйдете во двор и примкнете к очереди остальных заключенных, чтобы получить свой ужин. Это понятно?

— Да,— поспешил ответить Уордл, не дав словоохотливому Холдену раскрыть рта.

— Еды у нас хватает на всех, поэтому не пытайтесь пробраться к раздаточному пункту без очереди. Всех, кто попытается хитростью или силой проникнуть туда раньше положенного времени, мы быстро вразумим плеткой. Это тоже понятно?

— Да, гвард-майор Слобович,— заверил его Холден, не желавший признавать за Уордлом права говорить от имени всего экипажа.

— Словиц,— прорычал гвард-майор, сердито зыркнув на него глазами.

Затем он покинул камеру, шумно хлопнув дверью.

— Смотри, чтобы в один прекрасный день ты не попался в свою же западню,— тоном предсказателя заметил Холдену Уордл.

— А я уже попался. Добровольно согласился лететь, зная, на каком корыте мы полетим. Разве не так?

— Так. Но лучше, если ты не будешь понапрасну дразнить гусей.

В камере стояло двенадцать грубо сколоченных коек, напоминавших деревянные ящики, перевернутые вверх днищем. На каждой поверх девяти футов плохо обструганных досок лежало девять футов вытертого, сомнительной чистоты одеяла. В дальнем конце камеры помещалась ржавая раковина, над которой торчал кран.

— Номер со всеми современными неудобствами,— пробурчал Фоули, сильнее других страдавший от тягот военной службы с ее отсутствием комфорта.

— Двенадцать коек, а нас только семеро,— сказал Олпин Маколпин.— Интересно, не подселят ли к нам стамитов или алюэзинцев? Это было бы очень здорово: мы могли бы сразу вступить с ними в контакт.

— Подождем. Торопливость нам ни к чему,— возразил Уордл.

Он подошел к двери и попытался ее открыть. Дверь не поддавалась.

— Самозащелкивающийся замок. Дверь из прочного металла. М-да! Я бы не удивился, если бы этот гвард-майор вообще оставил бы ее открытой.

Уордл направился к одному из четырех окон. Решеток на них не было. Обыкновенные рамы на петлях. Он взялся за косяк и довольно легко открыл окно. Бежать? Нет ничего проще, если имеешь крылья. С крыльями отсюда убежал бы даже слон.

Остальные тоже подошли к окну и высунули головы наружу. Отвесная стена: шесть этажей вниз, четыре вверх. И никаких карнизов, никаких выступов. Ни одной расщелины или трещины.

Внизу лежало сорок футов пространства, покрытого твердым бетоном. Прыгнуть туда было бы равнозначно прыжку на тот свет. Пространство оканчивалось внешней стеной. Значит, их камера выходит не во двор. Есть ли в этом какие-то преимущества или нет, пока было неясно.

Они не ошиблись: внешняя стена действительно была никак не меньше шестидесяти футов. Пол их камеры был на пару футов выше, что позволяло землянам обозревать не только парапет стены, но и приличный кусок окружающей местности.

Подсчеты продолжались. Ширина парапета достигала примерно пяти футов. По его краям, съедая по футу с обеих сторон, тянулось окаймление: тройной ряд металлических шипов высотой шесть дюймов. И только три фута оставалось на узкий проход. По нему-то и вышагивали часовые. Казалось, их больше занимает происходящее за пределами тюрьмы, чем внутри нее.

— Знаешь, я нашел простой способ легко сбросить этих остолопов со стены,— сказал Фоули, тронув за рукав Холдена.

— Как ты это сделаешь?

— С твоей помощью. Ты что-нибудь крикнешь, чтобы привлечь внимание часового. Он повернет голову, увидит твою жуткую физиономию, упадет в обморок прямо на шипы, а оттуда — вниз. И все, труп готов.

— Умнейшая речь. Годами не слышал таких перлов,— поморщился Холден.— Мне так и хочется от восторга кататься по полу.

— Будет вам языками чесать,— вмешался Уордл.

Он сел на край койки.

— Оценим положение, в котором мы оказались.

Остальные шестеро тоже сели и приготовились слушать.

— Я еще на Земле слышал от экспертов, что Космическому Союзу очень досаждает одна особенность менталитета здешних рас. Она присуща и нашим союзникам, и нашим врагам. Мы, земляне, в этом отношении существенно отличаемся и от тех, и от других. Не знаю, уникальны ли мы, или когда-нибудь нам встретится раса, обладающая здравым смыслом, схожим с нашим. Согласны?

Его товарищи кивнули.

— Продолжаю. Кастанцы, и не только они, убеждены: попасть в плен — значит обречь себя на позор и бесчестье. Даже освобожденные из плена отказываются возвращаться домой. Их близкие скорее предпочтут оплакивать погибшего, чем принять того, кто, по их мнению, опозорил себя пленом. Поэтому пленные и не пытаются бежать. Ради чего? Правда, для некоторых из них побег — удобный способ быстро и без лишнего шума уйти из жизни. Короче говоря, мы обладаем преимуществом, которого нет у наших союзников. Верно?

Все снова кивнули.

— И стамиты, и алюэзинцы учитывают лишь убитых и раненых. Официально у них нет ни попавших в плен, ни пропавших без вести. Смотрите, что получается: в плену на Гагине томится мощная, боеспособная армия, солдаты и офицеры которой у себя на родине давно записаны в покойники. Да и они сами тоже записали себя в покойники.— Уордл помолчал и с усмешкой добавил: — И они еще называют землян чокнутыми!

— Не будь мы чокнутыми, разве мы бы тут оказались? — вставил Холден.

Уордл оставил его замечание без ответа.

— Эксперты правильно нам предрекали: если мы окажемся в плену, врагам и в голову не придет, что мы будем мечтать о побеге. Только если кому-то из нас станет невыносимо жить дальше. Вспомните, что искали кастанцы, когда взяли нас в плен? Оружие, документы, но только не вещи, которые могут пригодиться для побега. Мы в этом сами убедились.

— Угу,— подтвердил Холден, нащупывая карманные часы, которые только внешне напоминали карманные часы.

— Эксперты утверждали: все, что нужно врагам от пленных,— это их полное и беспрекословное подчинение. Работа спустя рукава — других сложностей пленные кастанцам не доставляют. Неудивительно: у пленных, которые сами себя записали в мерт-

вецы, хватает ума не выбиваться из сил. Они делают ровно столько, сколько положено. И забот у кастанцев до сих пор было только две: медленная работа пленных и довольно редкие случаи самоубийства. Им и не снились различные формы забастовок, саботажа, не говоря уже об организованных побегах и прочем. Нашей психологии кастанцы не знают. Подумаешь, горстка слабосильных землян!

Уордл задумчиво почесал подбородок.

— Выходит, пока что наши всезнайки-эксперты на Земле были правы. Мы в этом убедились на своей шкуре. Так?

— Угу,— за всех ответил Холден.

— Отлично! Теперь нам предстоит убедиться, что и все остальные их рассуждения верны. Если нет, тогда наше дело дрянь. Тогда нам придется задержаться здесь до самой смерти.

Уордл загнул палец и перешел к следующему пункту.

— Наши дорогие эксперты утверждают, что кастанские тюрьмы построены и оборудованы ничем не хуже наших, но имеют одно существенное отличие. Их система охраны ориентирована главным образом на отражение возможных внешних атак. Как мы уже говорили, ни о каких внутренних бунтах тюремщики и знать не знают. Они допускают, что Космический Союз может напасть на их тюрьмы, но не ради освобождения пленных, а с целью лишить кастанскую экономику дармовой рабочей силы.

— Все это — не более чем догадки и прикидки на будущее,— вмешался Олпин Маколпин.— Я бы не стал полагаться на оценки каких-то там экспертов. Хорошо им сидеть на Земле и рассуждать о менталитете кастанцев, которых они и в глаза не видели. Нам нужно самим накапливать факты и сопоставлять. И самим делать выводы.

— Об этом я и говорю.— Уордл выразительно поглядел на Холдена.— На какое-то время нам придется стать смирными и послушными. Превратиться в усердную рабочую скотину и одновременно за всем наблюдать и все подмечать. То, что происходило с нами до сих нор, вполне подтверждает мнение экспертов о кастанцах.

— А чего ты так уставился на меня? — недовольным тоном спросил Холден.

— Да потому что ты у нас слишком шаловливый мальчик. Тебе, как и остальным, нужно играть свою роль, а тебя несет в опасную импровизацию.

— Плевать мне на роли! Мне что, пресмыкаться перед этими кастанцами? Моя ступень эволюции намного выше, чем их.

— Наша, между прочим, тоже. Но нам до поры до времени придется скрывать этот драгоценный факт. Хорошие манеры — это искусство делать вид, что ты ни в чем не выше других.

Услышав эти слова, Фоули во все горло расхохотался.

— Ты рассуждаешь, как тибетцы.

— Это почему? — спросил Уордл.

— Они стремятся не показывать своего превосходства даже над яками.

Со стороны двора гулко заухал колокол.

— Наш ужин,— объявил Фоули, направляясь к двери.— Тюремная трапеза. Посмотрим, как мы будем смеяться после нее.

Щелкнула открывшаяся дверь. Земляне вышли в коридор, где не было ни души, и спустились во двор. Там их встретил охранник и вручил каждому деревянную миску и деревянную ложку.

— С посудой обращаться бережно. Потеря или порча влекут серьезное наказание.

Указательный палец охранника, напоминающий средней величины банан, прочертил в воздухе кривую и застыл, достигнув нужной цели.

— Вы всегда будете вставать в очередь вон за теми стамитами. Всегда, если только вам не прикажут поменять группу.

Земляне побрели по двору и пристроились к концу указанной им очереди, состоящей из стамитов. Очередь, змеясь, уходила вперед ярдов на двести, втекала в проход между тюремными корпусами и заворачивала в сторону тюремной кухни. Поблизости медленно ползли еще четыре таких же очереди: одна целиком состояла из стамитов, две — из алюэзинцев, а последняя была смешанной.

Стамиты, как и алюэзинцы, были человекоподобной расой и ростом заметно превосходили землян. Эта схожесть облика уже давно никого не удивляла. Все разумные виды жизни, до сих пор встреченные в исследованной части Вселенной, развивались на планетах земного типа и отличались от людей лишь ростом и незначительными особенностями в строении тела. Об этом было написано великое множество книг с весьма претенциозными названиями вроде *Человекоподобие как доминирующая форма развития разумной жизни во Вселенной.*

Однако схожесть в облике отнюдь не сопровождалась схожестью менталитетов. Стамиты были превосходными бойцами, но не отличались воинственностью и агрессивностью кастанцев. В отличие от алюэзинцев они не вели ночного образа жизни. У них напрочь отсутствовало столь ценимое землянами чувство юмора. Шуток стамиты не понимали. Их расу отличали серьезность и

глубокая рассудительность, а потому в их литературе размышления преобладали над действиями. Музыка стамитов была полна мрачноватой гармонии и предназначалась не столько для ушей, сколько для внутреннего состояния слушающего.

Холден слегка толкнул стоявшего перед ним стамита. Тот обернулся и склонил голову, поскольку был заметно выше Холдена. Своим мрачным, скорбным видом стамит напоминал члена-учредителя какого-нибудь «Общества завзятых пессимистов».

— Привет, дружище. Как здешняя кормежка? Вы довольны? — спросил Холден.

— Плохо и мало.

— Так я и думал.

— Значит, теперь они берут в плен и землян,— заключил стамит.— Неужели у них такие значительные успехи, *хунэ?* Выходит, мы почти проиграли войну. Так, *хунэ?*

— А тебе-то что печалиться? Ты ведь уже угодил к крокодилам.

— *Крокодиллум?* Простите, я не понимаю этого слова.

— Так называют улыбающегося кастанца,— пояснил Холден.— Только не говори, от кого ты это услышал.

Очередь медленно ползла вперед. Откуда-то появилась новая группа стамитов и встала позади землян. Они стояли молча, не проявляя никакого любопытства к землянам и не пытаясь заговорить с новичками. Если их спрашивали, стамиты отвечали, но односложно. Каждый из них страдал от недоедания. Куда ни глянь — везде безучастные лица с потухшими глазами. Одежда стамитов и алюэзинцев была одинаково истрепавшейся. Далеко не у всех была обувь.

У раздаточных окошек кухонного барака стояли бесстрастные алюэзинцы — по паре возле каждого из двадцати дымящихся котлов. Они механически орудовали черпаками. Один взмах, и черпак почти полностью наполнял миску. За раздачей зорко следила многочисленная кастанская охрана.

Холден первым из землян получил свою порцию варева. Он пригляделся к содержимому миски, понюхал его и хрипло спросил:

— Из чего вы варите это пойло?

— Что? — не понял ближайший к нему охранник.

— Это же вопиющий позор, а не еда. Понял, драндулет двуногий?

— Вам запрещается говорить на своем языке,— проворчал кастанец.— Все разговоры только на экстралингве.

Взяв наполненные миски, земляне пробрались сквозь живые цепочки очередей и последовали примеру остальных пленных,

ужинавших, сидя прямо на бетоне двора. Зачерпывая ложками содержимое, все почти одновременно отправляли его в рот. На вкус здешнее варево напоминало овощной суп. В мисках плавали бесформенные куски какой-то массы. По-видимому, они и были теми самыми овощами. Неизвестно, как воспринимали запах этого варева стамиты и алюэзинцы, но землянам он навевал воспоминания об ароматах зоопарка.

Проглотив ужин (об аппетите на неопределенное время можно было забыть), земляне вымыли под краном миски и ложки и неспешно побрели по двору, ожидая, что будет дальше. Некоторое время картина оставалась более чем заурядной: кто-то, поужинав, слонялся по двору, кто-то сидел и ел, а кто-то еще продолжал стоять в очередях, дожидаясь своей порции пойла. Когда все пять очередей растаяли и последние пленные отошли от раздаточных окошек, сжимая в руках наполненные миски, двор охватило странное возбуждение. Внешне оно было почти незаметным. Однако повсюду ощущалась непонятная напряженность.

Потом один из охранников возле кухонного барака прорычал что-то невразумительное. И сейчас же туда со всех ног бросилась толпа пленных. Шум бегущих ног перемежался с выкрикиваемыми приказами, кастанскими ругательствами и свистом плеток. Вскоре толпа побрела в обратную сторону.

Возле землян остановился алюэзинец с воспаленными от усталости глазами. Он сел, поднес миску ко рту и стал жадно пить. Потом он вздохнул, откинулся назад, уперся локтями в пол и равнодушно оглядел двор. Одежда алюэзинца была черной от угольной пыли. По грязному лицу тянулась кровоточащая полоса — след удара плетью.

Уордл повернулся к нему и спросил:

— Почему возникла эта суматоха?

— Сверх,— только и сказал алюэзинец.

— Сверх? — удивился Уордл.— Что сверх?

— Суп,— ответил пленный.— Бывает, после положенной раздачи в котлах остается немного супу. Тогда охранники кричат по-кастански: «Кому добавки?» Первым из подбежавших достается несколько глотков.

— И ради этих глотков вы, как звери, побежали к кормушке?

— Мы — пленные,— мрачно-рассудительным тоном напомнил алюэзинец.— А пленный — тот же зверь. Кем же еще ему быть?

— Воином,— сердито бросил Уордл.

— Не имея оружия и утратив честь? Глупые слова.

Алюэзинец встал и поплелся прочь.

— Слышали? — спросил Уордл, оглядывая товарищей.— Теперь понятно, против чего нам придется сражаться?

— Философия скотов,— презрительно сморщился Холден.

— Мы не вправе их упрекать,— предостерег Уордл.— Все это им внушается с самого детства. К тому же алюэзинцам приходится труднее всех. Они вынуждены работать в то время, когда привыкли спать, и наоборот. Из-за этого плена все в их жизни перевернулось вверх тормашками. Не удивлюсь, если и тот алюэзинец чувствует себя на последнем издыхании.

— Да и стамитам не намного легче,— включился в разговор Людовик Пай.— Я тут перебросился словами вон с тем парнем.— Он указал на долговязую фигуру со скорбно опущенными плечами, идущую так, как идут за гробом.— Рассказал мне, что находится здесь уже четыре года, работает, как лошадь, а мяса не видит даже во сне.

— Ну вот вам и еще одно небольшое наше преимущество,— заметил Уордл.— Порции кастанского вонючего варева рассчитаны так, чтобы пленные не потеряли работоспособность. Но какие пленные? Стамиты и алюэзинцы, которым требуется вдвое больше пищи, чем нам. Разумеется, наши тюремщики не будут из-за семерых землян перестраивать всю систему раздачи. Мы получаем порции наравне с остальными. Значит, если стамиты и алюэзинцы находятся в полуголодном состоянии, мы будем недоедать лишь на четверть.

— При таком количестве наших преимуществ странно, что кастанцы еще не капитулировали,— язвительно бросил Пай.

— Будь уверен, приятель, они обязательно капитулируют,— заверил его Холден.

Уордл встал.

— Пока все складывается удачно, начнем действовать. Предлагаю разойтись в разные стороны и попытаться выудить из пленных дополнительные сведения. Заговаривайте с каждым, в чьих глазах есть хоть искорка жизни. Нам нужно выяснить, есть ли среди этой массы старшие офицеры и, если есть, сколько их.

Предложение было здравым и не вызвало возражений. Земляне разбрелись по двору. Первым в попытках завязать разговор, как всегда, оказался Холден. Он заметил стамита, который выглядел чуть бодрее остальных. Холден направился к нему и сразу же спросил:

— В этой дыре есть старшие офицеры?

— Конечно. Начальник тюрьмы. Разве вы не видели его, когда вас сюда привезли?

— Я спрашиваю не про Фестерхеда и его прихвостней. Есть ли старшие офицеры среди заключенных?

— Нет.

— Как это понимать? Их направили в другую тюрьму?

— Здесь нет офицеров, поскольку у заключенных нет званий,— терпеливо, будто последнему идиоту, объяснил стамит.— Здесь мы все имеем одно звание — пленные. Офицеры остались в прошлом.

— Вот оно что,— пробормотал Холден.— Что ж, по-своему вы правы.

Он нахмурил брови и двинулся дальше. Ему расхотелось заниматься расспросами. Через какое-то время Холден увидел Казазолу — самого молчаливого из семерки. Казазола говорил лишь в редких случаях, когда без слов было уже никак не обойтись.

— Представляешь, они считают, что раз попали в плен, о чинах надо забыть. И потому у них нет офицеров,— сказал ему Холден.

Казазола лишь скорчил рожу и пошел дальше. Заметив Фоули, Холден направился к нему и слово в слово повторил то, что говорил их молчуну.

— Будет врать! — поморщился Фоули и пошел продолжать свои бесплодные расспросы.

Вскоре Холдену стало скучно. Выбрав укромный уголок, он сел, скрестив ноги, зажал миску между колен и начал стучать по ней ложкой, заунывно подвывая тоненьким голоском:

— Мамка нэту, папка нэту. Пожалей минэ, гаспадин, подай во имя Аллаха.

— Сколько раз повторять, что ваш язык гномов здесь запрещен?

Приказ прозвучал откуда-то сверху. Глаза Холдена уткнулись в сапоги двадцатого размера. Подняв голову, он увидел хозяина сапог.

— О, добрый вечер, гвард-майор Слобович.

— Мое имя произносится *Словиц*,— заорал гвард-майор, обнажая лошадиные зубы.

Щелкнула дверь камеры, заперев их на ночь. Пять коек так и остались пустыми. Уордл долго глядел на них, потом сказал:

— Одно из двух: либо кастанцы еще не успели заполнить этот корпус тюряги своими рабами, либо они намеренно отделили нас от остальных пленных. Первая догадка лучше.

— Какая разница? — спросил Пай.

— Разница есть. Если нас поместили в отдельную камеру, значит, кастанцам известно о землянах больше, чем мы думали.

Возможно, они знают и о нашей военной тактике. Мне предпочтительнее, чтобы враг был большим, неуклюжим и тупым.

— Вряд ли они знают о нас много,— пустился возражать Пай.— Кастанцы — самая сильная и многочисленная из известных нам рас. Под их владычеством находится около шестидесяти планет в разных частях Вселенной. Однако кастанская разведка еще никогда не совала свой нос в наши пределы. Им хватало бесконечных войн со стамитами и алюэзинцами. И пока нас поблизости не было, они знали о нас лишь по слухам.

Пай пренебрежительно фыркнул.

— Держу пари, они вдоволь наползались по «Элси» и решили, что лучшего мы не имеем.

— Не выношу, когда говорят скабрезности о женщинах,— поморщился Холден, изображая из себя блюстителя морали.

Уордлу было не до шуток.

— Мы теперь сами убедились, что эксперты совершенно правильно обрисовали нам психологию союзников. Никто из стамитов и алюэзинцев и пальцем не пошевелит, чтобы вернуться домой. Они прекрасно знают, что ждет их на родине. Отвергнутые собственной семьей и обществом, без гроша в кармане, они станут изгоями. Им нет смысла бороться за свободу.

— Пока нет смысла,— возразил Холден.

— Скоро он появится. Эксперты думают, будто они нашли способ пробить брешь в сложившихся представлениях союзников. Перспективы заманчивые: Космический Союз становится сильнее, а кастанцам приходится поджать хвост. В теории это так. Нам нужно добиться практических результатов. Мы попали, можно сказать, в самую гущу событий. Как вы, мальчики, оцениваете наши шансы?

— Делать выводы еще слишком рано,— высказал свое мнение Холден.— Нужно пообтереться недельку, тогда многое станет понятнее.

— А я, честно говоря, не верил нашим земным умницам,— признался Пай.— Оказалось — чистая правда. Буквально до мелочей. Толпа изможденных зомби — вот кто эти пленные сейчас. Нам придется совершить чудо, иначе не назовешь. По-моему, работенка не из легких.

— Конечно, если считать психологию стамитов и алюэзинцев непреодолимой преградой,— ответил ему Уордл.— Это же известный трюк: стоит только допустить мысль, что задача трудна, и трудности в ее выполнении повылезают из всех щелей. А ты постарайся мысленно ее упростить.

— Что ты хочешь этим сказать?

— И стамиты, и алюэзинцы, по сути,— превосходные воины, храбрые и смышленые. Но... только до тех пор, пока у них в руках оружие и — что еще важнее по их представлениям — они не утратили личной чести. Стоит их разоружить и дать коленкой под зад — все, личной чести как не бывало. Все их лучшие качества летят коту под хвост из-за какого-то племенного обычая, возникшего неизвестно сколько веков назад.

— Но, согласись, это же глупо.

— У нас тоже есть освященные временем бессмысленные обычаи. Возможно, когда-то, в незапамятные времена, эти обычаи были разумными и полезными. Тогда все определяла физическая сила, и слабые становились опасной обузой. Но потом появились взрывчатые вещества, паралитические газы и представления о войне в корне изменились. Между нами и остальными пленными есть всего лишь одно различие. Нас можно раздеть догола, и все равно у нас останется нечто, чего они лишены.

— Что именно?

— Невидимое и неосязаемое качество, называемое боевым духом.

— Гм,— только и сказал скептически настроенный Пай.

— Пленные либо обладают им, либо не обладают,— продолжал Уордл.— Толпа, которую мы видели во дворе, его лишена. Они не виноваты; они — жертвы укоренившихся представлений. Им никогда ни о чем подобном не говорили. Либо они просто слепы. Нам нужно помочь им прозреть и ясно увидеть, что боевой дух существует и что его нельзя отнять вместе с оружием.

— Ты говоришь известные вещи,— посетовал Пай.— Мне довелось провести пять лет на милой планетке по имени Гермиона. Может, все вы слышали, что гермионцы отличаются поразительной зоркостью, однако различают только черный и белый цвета да еще оттенки серого. Мы же не станем упрекать их за это, если их цивилизация сформировалась вот в таких условиях. Ты можешь распинаться перед ними до скончания времен, но так и не объяснишь им, что такое краски мира, и не убедишь их, чего они лишены.

— Не путай одно с другим. Мы не собираемся наделять стамитов и алюэзинцев неким качеством, которого у них никогда не было. У нас другая задача: восстановить то, что они утратили. То, чего им было не занимать, пока у них в руках находилось оружие. Не спорю, наша задача — не из легких. Но она не является безнадежной.

— Как это понимать?

— Ты о чем?

— О слове «безнадежный».

— Забудь о нем,— усмехнувшись, посоветовал Уордл.— Такого слова не существует.

Холден наклонился к Паю и тоном благовоспитанного отличника сказал:

— Слышишь, что говорит наш наставник? Нет такого слова.

Уордл подошел к окну и выглянул наружу. Стемнело, и на темно-синем, с фиолетовым оттенком, небе высыпали звезды. Часть неба была залита бледно-желтым светом — это взошла одна из трех лун Гатина.

По всему парапету внешней стены горели фонари, дававшие узкий, горизонтально направленный свет. Освещение предназначалось исключительно для часовых, чтобы те не оступились и не грохнулись с высоты шестидесяти футов.

— Нужно выяснить, с какими интервалами ходят часовые,— сказал Уордл.— Придется спать поочередно. Мы должны как можно быстрее узнать все подробности их ночных обходов.

— Нам не помешает где-нибудь раздобыть небольшой ящик, а еще лучше — трехфутовую стремянку.

— Зачем? — не понял Уордл.

— Рано или поздно нам понадобится скинуть кого-то из часовых вниз. Тому, кто этим займется, явно потребуется стремянка. Как еще ты сбросишь верзилу ростом в восемь футов? Столько всего надо обдумать — просто голова кругом.

Выбрав себе койку, Холден растянулся на ней и глянул по сторонам. На соседней койке лежал неисправимый молчун Казазола.

— Парень, ты по прежнему с нами? — спросил Холден.— Ты ведь у нас — как розочка среди сорняков.

Казазола не удостоил его ответом.

Ранним утром землян осчастливил своим визитом импозантный гвард-майор Словиц. Он широко распахнул дверь, шагнул в камеру и ткнул каждого из спящих рукояткой плети.

— Немедленно вставать и одеваться. Потом во двор, на утреннюю раздачу пищи. Сразу после еды всем построиться у командного корпуса.

Рукоятка плети еще несколько раз уткнулась в драные одеяла.

— Это понятно?

— Понятно,— ответил Уордл.

Словиц величественно удалился. Фоули высунул голову из-под одеяла, звучно зевнул и сел на койке, потирая покрасневшие глаза.

— Что он там сказал?

— Чтобы не залеживались и топали ням-ням,— сообщил Уордл.

— После завтрака мы приглашены к Фестерхеду на коктейль,— добавил Холден.

— Лучше уж ко всем чертям,— огрызнулся Фоули.— Что Фестерхеду от нас понадобилось?

— За скромную плату я поделюсь с тобой этим секретом,— пообещал Олпин Маколпин.

Вчерашняя процедура повторилась. Через какое-то время очередь вывела их к кухонному бараку, где каждому налили по миске вонючего супа. Земляне уселись на пол и принялись завтракать.

— Нравится, *хунэ?*— спросил сидевший поблизости стамит.

Бедняга здорово дошел; похоже, лакание этого пойла было последней из оставшихся у него радостей жизни.

— Что тут может нравиться? — накинулся на него Фоули.— Воняет, впору нос зажимать.

— Прямое оскорбление желудка,— поддержал товарища Шеминэ.

— У нас даже свиньи такое жрать не станут,— заявил Людовик Пай.

— Гордитесь! Вас превратили в стаю псов, грызущихся из-за объедков! — во весь голос прокричал Холден.

Слов его никто, кроме землян, не понял, но десять тысяч пар глаз моментально повернулись в его сторону, а десять тысяч деревянных ложек застыли над мисками. К нарушителю спокойствия бросились охранники.

— Что это значит? — спросил первый из подбежавших кастанцев.

Бегать ему приходилось редко, и сейчас он сильно запыхался.

— Что именно? — с ласковой улыбкой идиота спросил Холден.

— Ты кричал. Почему ты кричал?

— Я всегда кричу по четвергам, спустя два часа после восхода солнца.

— Что такое четверги?

— Святые дни.

— А зачем надо кричать?

— Это моя религия,— лучась благочестием, ответил Холден.

— У пленного нет религии,— важно произнес охранник.— И больше не вздумай кричать.

Охранник удалился вместе с остальными кастанцами. Десять тысяч пар глаз потеряли всякий интерес к Холдену, а десять тысяч пар ложек вновь стали черпать варево из мисок.

— Этот балбес настолько туп, что принял глину за название планеты*,— потешался Холден.

Стамит, который недавно восторгался баландой, беспокойно огляделся по сторонам и заговорщически прошептал:

— Знаете, что я вам скажу? Все земляне — сумасшедшие.

— Не все,— возразил ему Уордл.— Только один из нас. Всего один.

— И кто это? — поинтересовался стамит.

— Не подлежит разглашению,— ответил Холден.— Военная тайна.

— У пленных не может быть тайн,— с солидной долей уверенности заявил стамит.

— У *нас* есть! — Холден шумно облизал губы.— Нравится, *хунэ?*

Стамит встал и благоразумно удалился. Вид у него был несколько ошалелый.

— И это ты называешь быть смирным и послушным? — накинулся на Холдена Уордл.— А что же будет, когда мы решим показать характер? Кстати, ты не имел чести принадлежать к племени малолетних правонарушителей?

Холден невозмутимо доел свой суп.

— Насколько помню, мы не говорили о безграничном послушании. Мы же боремся за состояние сознания этих пленных. Их покорность сидит у меня, как кость в горле. Чем раньше мы выбьем их из спячки, тем лучше.

— В чем-то ты прав. Но нужно действовать разумно и осмотрительно, чтобы не наломать дров и не выдохнуться самим. Мы должны показать стамитам и алюэзинцам, что они способны одержать победу и вернуть уважение к самим себе. Если же все наши слова и поступки они начнут считать безумными выходками и бредом сумасшедших, мы только усложним себе задачу.

— А если мы начнем улыбаться направо и налево и заискивать перед всем и каждым, мы тоже далеко не продвинемся.

— Ладно, поступай, как знаешь,— сдался Уордл.

Стамиты и алюэзинцы строились в колонны. Охранники выводили их через центральные ворота. Ряды были плотно сбитыми. Миски и ложки пленные несли с собой. Скорее всего,

---

* Можно вполне понять кастанского охранника, поскольку в оригинале стоит fuller's earth — сукновальная глина (особый сорт глины, применяющийся для отбеливания сукна, а также для очистки нефтепродуктов).— *Прим. перев.*

инструменты они оставляли там, где работали. Охранники без конца подталкивали пленных, заставляя их двигаться быстрее. Если кто-то спотыкался и падал, кастанцы пинками быстро поднимали его и загоняли в строй.

Земляне, как и было приказано, стояли напротив командного корпуса. Над крышей, на высоком шесте, развивался большущий кастанский флаг. Холден разглядывал полотнище. Со стороны могло показаться, что он буквально заворожен внушительным зрелищем.

Последние колонны пленных покинули территорию тюрьмы, и ворота с лязгом закрылись. Двор и корпуса опустели. Сверху доносились шаги часовых, вышагивавших по парапету. Издали долетали крики охранников, разводивших пленных по местам работы. Судя по отдаленным звукам, часть пленных уже принялась за дело.

В бесцельном ожидании прошло более часа. Наконец из командного корпуса показался Словиц.

— Заходите. Отвечать на все вопросы,— рявкнул он.

В комнате сидели пятеро кастанских офицеров во главе с тюремным командиром, расположившимся посередине. У всех были скучающие лица фермеров, которым предстояло составлять отчет по надоям молока.

— Вот ты,— Фестерхед ткнул пальцем в сторону одного из пленных.— Как тебя зовут?

— Олпин Маколпин.

— Чем занимался?

— Радиосвязью.

— Значит, разбираешься в технике?

— Да.

— Хорошо! — обрадовался Фестерхед.— Нам нужна квалифицированная рабочая сила. А то большинство пленных вашего Космического Союза — обыкновенная солдатня, годная лишь на тяжелые работы.

Он перебросился несколькими фразами с офицером, сидевшим слева, и вынес решение:

— Годится. Пусть Радума берет его к себе.

Фестерхед вновь поднял глаза на семерку землян и указал на следующего:

— А ты кто?

— Людовик Пай.

— Род занятий?

— Инженер-электронщик.

— Этого тоже к Радуме,— бросил Фестерхед.— А ты кто будешь?

— Генри Казазола. Инженер-оружейник.

— Главные мастерские,— распорядился начальник тюрьмы.— Следующий!

— Робер Шеминэ. Инженер-механик.

— Главные мастерские. Следующий!

— Джеймс Фоули. Корабельный врач.

— Тюремная больница,— быстро решил Фестерхед.— Дальше!

— Фрэнк Уордл. Пилот и командир корабля.

— Пилот? Вражеские пилоты нам не нужны. Ты давно служишь в своих военно-космических силах?

— Восемь лет.

— А чем занимался до этого?

— Был лесничим,— ответил Уордл, стараясь сохранять на лице полное бесстрастие.

Фестерхед хватил рукой по столу и удовлетворенно воскликнул:

— Превосходно! Запиши его в лесной отряд. Этот, по крайней мере, не заблудится и не перепутает север с югом.

Оставалось разобраться с последним пленным. Фестерхед вопросительно уставился на него.

— Уильям Холден. Штурман.

— Какой нам прок от штурмана? Никакого! Другими техническими специальностями владеешь?

— Нет.

— А кем ты был раньше?

— Управляющим в каменоломнях.

Фестерхед, почти сияя от радости, сообщил:

— Наши каменоломни давно тебя дожидаются.

Лицо Холдена озарилось ответной радостной улыбкой, которую он никак не мог подавить. В его памяти всплыли слова, услышанные еще на Земле от одного седовласого старика.

— Все разумные расы обязательно занимаются строительством. Крупные строительные предприятия используют природные материалы, в особенности камень. Камень, как известно, добывают в карьерах и каменоломнях. И в том и в другом случае применяется взрывной способ. Следовательно, тот, кто работает в каменоломне, имеет доступ к взрывчатым веществам, а они в девяти случаях из десяти вообще не охраняются. Поэтому мы сочли целесообразным прочитать вам курс лекций о добыче камня, сделав особый упор на взрывчатых веществах.

Не обратив внимания на ликующего Холдена, Фестерхед повернулся к Уордлу.

— Это ты командовал земным кораблем, совершившим вынужденную посадку?

— Да.

— Однако все члены экипажа почему-то находятся в звании капитана. Объясни, с чем это связано.

— Каждый из нас получил капитанское звание в своей специальности.

— Мне это кажется странным,— признался Фестерхед.— Должно быть, у вас на Земле все делается шиворот-навыворот. Впрочем, сейчас это уже не имеет значения. У меня есть заботы поважнее.

Взгляд его стал холодным. По-видимому, Фестерхеду думалось, что его глаза просвечивают Уордла насквозь.

— Сегодня утром мы получили сообщение с Касты. Там принимаются все необходимые меры по поимке Белоснежки.

Уордл кусал губы, чтобы не улыбнуться и не расхохотаться. Это стоило ему немалых сил.

— Почему эта женщина оказалась у вас на борту?

— Нам было приказано доставить ее в штаб сектора,— соврал Уордл, не осмеливаясь взглянуть на товарищей.

— Зачем?

— Я не знаю. Таков был приказ, а приказы не обсуждаются.

— Почему ее имя отсутствует в документах, которые мы забрали с вашего корабля?

— Этого я не знаю. Документы оформлялись земным начальством. Я не несу ответственности за их содержание.

— А как этой женщине удалось бежать, если вы семеро попали в плен?

— Сразу же после посадки она скрылась в лесу. Мы остались возле корабля, пытаясь его отремонтировать.

— Она что-нибудь взяла с собой? Оружие или какое-нибудь снаряжение? — Фестерхед подался вперед.— Например, передатчик дальнего радиуса действия? — спросил он, сверля Уордла глазами.

— Я не знаю. Мы тогда возились с поломкой и не заметили.

— Говори правду, или я от вопросов перейду к иным способам получения сведений! Белоснежка — агент разведки?

— Кто мне сообщал такие подробности? — сердито махнул рукой Уордл.— Даже если и так, власти не обязаны ставить экипаж в известность.

— Она молодая или не очень?

— Очень молодая.

— И красивая?

— Да, я вполне могу назвать ее красивой.

Уордл почувствовал, как его спина покрывается потом.

Фестерхед ухмылялся с видом завсегдатая ночных клубов.

— У тебя есть основания предполагать, что она является любовницей какого-то высокопоставленного командира?

— Вполне,— согласился Уордл, улыбаясь, словно деревенский простак.

— Следовательно, она для нас — очень ценная заложница,— продолжал Фестерхед. Казалось, он и впрямь поверил, что имеет дело с простаком.

— Вполне,— повторил Уордл.

— Опиши ее во всех подробностях,— потребовал довольный собой начальник тюрьмы.

Уордл не забыл ни одной детали, описав Белоснежку вплоть до усыпанных бриллиантами серег. Картина получилась мастерская, достойная какого-нибудь искусного и вдохновенного врала. Фестерхед внимательно слушал, а один из кастанских офицеров все подробно записывал.

— Незамедлительно передайте эти сведения на Касту,— распорядился Фестерхед, когда Уордл закончил свой словесный портрет.

Вспомнив о существовании Словица, начальник тюрьмы приказал:

— Земляне должны сегодня же начать работать. Проследи, чтобы их отвели туда, куда мы их определили.

Допрос закончился.

Впервые за многие месяцы землянам пришлось расстаться. Встретились они только вечером, в очереди за ужином.

— Сейчас никаких разговоров,— вместо приветствия сказал Уордл.— Приберегите ваши впечатления до камеры.

Холден повернулся к стоящему за ним Казазоле. Тот разглядывал дно пустой миски.

— Слышал, что сказал наставник? Никаких разговоров. Так что, держи пасть за замке.

Казазола, как всегда, промолчал.

Когда землян привели в камеру и дверь защелкнулась на ночь, Уордл спросил:

— Не возражаете, если я потреплюсь первым?

— Пожалуйста,— великодушно разрешил Пай, говоря от имени шестерых.

— Я оказался в отряде стамитов. Они занимаются валкой и транспортировкой леса. Нас стерегли шесть охранников. Все, как на подбор, ленивые и беспечные. Они уселись себе в сарайчике и погрузились в игру, похожую на наши карты. На пленных — ноль внимания. Кастанцы абсолютно уверены, что никто не сбежит. Куда бежать, если у этих бедняг нет даже родного

дома? Короче говоря, дисциплины в этих зарослях — почти никакой.

— А ты бы хотел, чтобы кастанцы постоянно дышали тебе в затылок? — спросил Холден.

Уордл пропустил его реплику мимо ушей и продолжал рассказ:

— Я вдоволь наговорился со стамитами, и ни один охранник не обратил на это внимания и не потребовал, чтобы я заткнулся. Похоже, кастанцы живут здесь по своему времени, хотя гатинские сутки длятся больше двадцати восьми часов. Я выяснил, что кастанский час равен примерно сорока двум нашим минутам. Часовые совершают обход по периметру стены четыре раза в час. Грубо говоря, каждые десять наших минут.

— Мы это выяснили еще ночью, когда следили за их прогулками,— напомнил ему Пай.

— Таким образом, каждый, кому не терпится спуститься со стены, должен уложиться в десять минут. Если смельчака засекут, убьют на месте. Не за попытку побега — за неповиновение. Сами понимаете, десять минут — не ахти как много.

Уордл на несколько секунд умолк.

— Кастанцы соблюдают эту канитель с обходами не потому, что опасаются побегов. Просто таково требование военного времени — чтобы нападение извне не застигло их врасплох. Но нам от этого не легче. В глазастости кастанцам не откажешь.

— Что насчет ворот? — спросил Фоули.

— Ворота круглосуточно охраняются. Там дежурят двенадцать кастанцев, и еще дюжина находится в состоянии готовности на случай разных неожиданностей. Всего же нашу тюрьму охраняют четыреста кастанцев. На Гатине есть еще сорок подобных тюрем, десяток из которых расположены достаточно близко. А некоторые — настолько близко, что наши лесорубы работают бок о бок с тамошними.

— Сколько до ближайшей тюрьмы?

— Всего какая-то миля. Если бы не холмы и деревья, мы бы видели ее из окон камеры.

Уордл посмотрел на товарищей и хитро улыбнулся.

— Самую приятную новость я приберег на десерт. Вы заметили странное сооружение позади хором Фестерхеда? Так это не что иное, как тюремный арсенал. Там хранится не менее четырехсот автоматических винтовок и тьма-тьмущая боеприпасов.

— Твои расспросы выбили из мертвой спячки хоть одного стамита? — спросил Холден.

— Пока не заметил.— Уордл досадливо поморщился.— Думаю, они приписали их моему праздному любопытству. Ну а каковы ваши успехи?

Холден рассмеялся хриплым, жутковатым смехом, чем-то напоминающим стук гроба, грохочущего вниз по лестнице. Из кармана бывший штурман вытащил ком мягкой сероватой массы, подбросил в воздух и стал им жонглировать, после чего принялся его разминать.

— Что это у тебя? — спросил Фоули.

— Аламит.

— И зачем он?

— Да так, захотелось поиграть с пластичной взрывчаткой.

— Ты окончательно спятил! — завопил Фоули и перелетел через койку, торопясь скрыться подальше.

— Убери свою игрушку,— взмолился Пай.— Мне не по себе от одного ее вида.

— Да что вы, ребята? — усмехнулся Холден.— Ее можно даже пробовать на вкус, и ничего не произойдет. Без детонатора она не опаснее навозной лепешки.

— Ты, наверное, и детонатор прихватил с собой?

— Нет, что-то лень было тащить. Я в любое время могу принести их хоть полсотни. И тонну* аламита в придачу. Этого добра там сколько угодно, а кастанцам и в бошки не приходит, что кто-то может найти аламиту иное применение. Они привели рабов на место и сразу же смылись.

Последовала новая порция леденящего смеха.

— Я ведь раб. Что с меня взять? А вот я могу взять много чего.

— Ну, мальчики! — восхищенно произнес Уордл.— Один хороший взрыв у дверей арсенала, и четыреста винтовок у нас в руках.

— Это еще не все мои скромные приобретения.

Запихнув аламит в карман, Холден снял куртку и рубашку. Его пояс был туго обмотан тонкой, но прочной веревкой.

— Она, бедняжка, лежала и умоляла, чтобы ее подобрали. Нравится, *хунэ?*

— Спрячь ее понадежнее. Веревка нам явно понадобится, и, может, даже очень скоро. А что ты скажешь? — спросил Уордл у Маколпина.

— Нас привели в большую ремонтную мастерскую. Не знаю почему, но нам с Паем позволили работать вместе. Ничего особо

---

* Американская тонна несколько меньше метрической и составляет 907,2 кг.— *Прим. перев*

сложного нет: обычный ремонт, наладка и проверка радио- и телевизионного оборудования космических кораблей. Сначала кастанцы пялились на нас во все глаза. Им нужно было убедиться, что мы разбираемся во всем этом и умеем работать. Потом они сразу потеряли к нам интерес и оставили без присмотра.

— Можно как-то саботировать эту работу?

— Пока рано,— с сожалением вздохнул Маколпин.— Позже, может, и получится. Там всем заправляет некий Радума. Придирчивый тип, но, надо отдать должное, дело свое знает до тонкостей. Ему подай все тип-топ, любую недоделку воспринимает как личное оскорбление. Всю нашу работу он сразу же волок на испытательный стенд и проверял качество. Ну как, много тут насаботируешь?

— Думаю, что нет. Но судя по твоим словам, этот Радума скорее придирчив, чем подозрителен.

— Верно. Мне знаком этот тип спецов. Он не станет возиться ни с какой аппаратурой, если ее невозможно или нецелесообразно ремонтировать. А потому целые узлы и блоки выбрасываются на свалку и ржавеют там.

— И что?

— А то, что мы можем периодически навещать эту свалку. Разумеется, не на виду у кастанцев и при условии, что наша работа не будет вызывать нареканий. Там горы аппаратуры. Стянуть нужные детали не составит труда. Нужно лишь не попадаться на глаза. Главная забота — незаметно переправить все компоненты.

— Вы сумели бы поднести их к кромке джунглей? — спросил Уордл.

— Уверен, что да. Но только не дальше. Нам нельзя исчезать из цеха больше чем на пять минут.

— Дальше это уже моя головная боль. Вы только заранее предупредите меня, когда и где я найду ваш гостинец. Я изобрету способ перенести его в нужное место. Наш миляга Фестерхед не зря определил меня на лесоповал. Сколько времени вам понадобится, чтобы раздобыть все необходимое?

Маколпин прикинул в уме.

— Усилитель мы можем сделать в мастерской, прямо под носом у кастанцев. Параболическую антенну тоже несложно разобрать и вынести по частям, а потом собрать в нужном месте. Думаю, на все наши монтажно-крадежные работы уйдет самое малое недели две. Это при условии, что нас не застукают и не схватят.

— Перенести оборудование — только половина дела,— резонно заметил Пай.— Нужно ведь еще найти место. Какую-нибудь

тихую полянку, где будет стоять радиомаяк. И чтобы вблизи — никаких дорог, иначе нашу штучку могут заметить кастанцы или слишком болтливые пленные. И еще одно условие. Нам нужна линия электропередач для питания маяка.

— Как далеко может отстоять маяк от линии?

— Не более восьмисот ярдов.— сказал Пай.— Думаю, такое количество провода мы вполне сумеем стащить.

— О'кей. Вы думаете над тем, как дотащить детали маяка до границы леса. Я подыскиваю место и переношу их туда.

— Как?

— Пока не знаю. Но это уже моя забота. И я обязательно найду способ.

Взгляд Уордла упал на стоявшего рядом Фоули.

— А у тебя какие новости?

— Неутешительные. Тюремная больница — хуже некуда. Основная забота персонала — вернуть полумертвых рабов на работу, затратив на это минимум времени, сил и средств. Даже больным кастанцам там приходится несладко. Оборудования почти никакого, обращение с пациентами жестокое, а начальника больницы Мачимбара я бы даже не решился назвать врачом. Странно, что он не пошел в палачи.

— Предупреждение принято,— сказал Уордл и оглядел остальных.— Если кто-то вдруг заболеет, делаем все возможное, чтобы не стать подопытными землянами Мачимбара.

— Догадайтесь, какие слова я услышал от Мачимбара, когда пришел и доложил, кто я и зачем явился,— подначил товарищей Фоули.

— «С этой минуты единственная цель твоей жизни — угождать мне всегда и во всем»,— подсказал Холден.

— Совершенно верно. А теперь — о двух важных для нас моментах. Первый. Больница находится за тюремной стеной и совсем близко от джунглей. Теоретически это идеальное место для побега. Плохо лишь то, что туда помещают по-настоящему больных.

— Учтем. И какой второй момент?

— Я разыскал стамитского полковника.

— Как тебе удалось?

— Мне на глаза попался один доходяга-стамит, и я спросил его, кем он был до плена. Оказалось, полковником. Его отряд подвергся газовой атаке. Очнулись они уже в кандалах. По-нашему, стамиты попали в безвыходное положение. Им не в чем себя винить. Но этот полковник думает по-другому. Он считает главным виновником себя и говорит, что опозорил свою расу.

— Полковник может нам пригодиться,— сказал Уордл.

— И не только он,— ответил Фоули.— По словам этого стамита, среди пленных есть еще четыре бывших полковника и один бывший алюэзинский генерал-майор.

— Имя узнал?

— Генерал Парта-ак-Ваим.

— Нам нужно обязательно его разыскать. Найдем укромное местечко и поговорим с ним.

— Вы еще заставьте его мыслить по-земному,— язвительно заметил Пай, сомневающийся, что семерым землянам удастся изменить укоренившиеся представления других рас.

— Мои любезные соплеменники,— подал голос Холден.— Время еще совсем не позднее. С этим удачно сочетается присутствие среди нас некоего мужа по имени Робер Шеминэ, которого специально учили открывать любые замки, сделанные любыми мыслящими существами. Путем нехитрых расчетов я установил: на территории нашего принудительного нахождения стоят четыре корпуса. Следовательно, вероятность отыскать в нашем корпусе этого... Патак-дальше-не-знаю-как...

— Его зовут Парта-ак-Ваим,— напомнил Уордл.

— Вот-вот. Значит, вероятность найти его здесь — один к четырем,— закончил свою тираду Холден.— Чего вы ждете, мальчики? Или у вас ножки не ходят?

— Ты можешь открыть нашу дверь? — обратился к Шеминэ Уордл.

Кряжистый Шеминэ, на челюсти которого еще не зажил синяк, полученный при захвате в плен, молча порылся в карманах и извлек связку надфилей.

— Скучно проторчать целый день в мастерских и ничего не взять на память,— сказал он и пошел возиться с дверью.

— Вы ведь оба работали в мастерских. А тебе что-нибудь удалось прихватить оттуда? — спросил Уордл у молчуна Казазолы.

Вместо ответа Казазола полез к себе за шиворот, нащупал веревочную петельку и вытянул то, что до сих пор размещалось у него между лопаток. Молчун взял «на память» среднюю часть рессорной пластины от кастанского грузовика, похожую на слегка изогнутую металлическую линейку. Длина пластины была не менее тридцати дюймов, а ширина — один дюйм. В ее центре было просверлено два потайных отверстия, у концов — по одному. Казазола отдал пластину Уордлу.

— И ты сумел незаметно для окружающих просверлить эти отверстия? — спросил Уордл.

Казазола кивнул.

— Ну и виртуоз! А проволоку тебе удалось захватить?

Казазола равнодушно подал ему моток проволоки. Но этим его «сувениры» не исчерпывались. На ладонь Уордла легла дюжина шестидюймовых гвоздей с обкусанными шляпками. С того конца Казазола сделал пропилы. Острия гвоздей он дополнительно заточил.

— Ах ты, наша трудолюбивая пчелка! — сказал довольный Уордл.

Казазола улыбнулся краешком губ и снова кивнул.

— Ты будешь открываться, чертова коробка? — выругался на замок Шеминэ.— Если тебя ставили кастанцы, это еще не значит, что больше никому тебя не открыть. К счастью, у них хватило мозгов не прикрутить тебя вверх тормашками.

Шеминэ что-то ковырнул в замке. Тот протестующее скрипнул, потом щелкнул и поддался. Дверь открылась.

— Ничего особо хитрого. Теперь его можно открывать, когда угодно.

— Кто-нибудь пойдет со мной? — Уордл вопросительно оглядел товарищей.

— Меня прошу не тревожить,— зевнул Холден.— Притомился я сегодня.

— Мне так и так придется идти,— сказал Шеминэ.— Кто еще вам откроет двери камер?

— Думаю, что и мне нужно пойти,— рассудил Фоули.— Я ведь получил от стамитского полковника нечто вроде рекомендации. Возможно, это облегчит нам установление контактов.

— Здесь ты прав.— Уордл осторожно выглянул в коридор. Пусто.— Троих вполне достаточно. Незачем лезть целой оравой. Если нарвемся на охранников, будем строить из себя идиотов. Скажем, что дверь в нашей камере была не заперта. Мы не знали, что нельзя ходить по коридорам, и больше не будем.

Немного подумав, он сказал:

— Начнем поиски с верхнего этажа. Так и шуму меньше, и меньше опасности нарваться на кастанцев.

Уордл быстро и почти неслышно шел по коридору к лестнице. По ночам здание не освещалось, но это не мешало сносно видеть. При трех лунах и изобилии звезд на Гатине не бывало непроглядно темных ночей. Помимо естественного света, коридору кое-что перепадало от соседства с освещенным парапетом стены.

Выйдя на лестницу, Уордл остановился, махнул Шеминэ и Фоули, чтобы не шевелились, а сам стал вслушиваться. Наверху было совершенно тихо: ни топота сапог охранников, ни приглушенных голосов пленных.

Представляю, если бы этот корпус был целиком заполнен землянами, подумал Уордл. Какая там тишина! Тут бы все шумело и бурлило, и в самом воздухе ощущался бы бунтарский дух. В какой-то книге Уордл вычитал странное сравнение тюремных бунтов с... цепной реакцией. Где-то, в одной из камер, собирается достаточное количество человеческой «критической массы» — и пошло. Немало таких бунтов были просто выплесками слепой ярости и стихийного протеста. Но на другой планете и при иных обстоятельствах подобная «цепная реакция» — великое благо. Вот только достаточно ли будет «критической массы» семерых землян, чтобы она началась?

Уордл поднялся на седьмой этаж, заглянул в пустой, никем не охраняемый коридор, затем стал подниматься дальше. Шеминэ неслышно следовал за ним. Фоули, похожий на черную тень, был замыкающим.

На площадке десятого этажа Уордл остановился. Шеминэ и Фоули мгновенно замерли, думая, что он услышал какие-то звуки. Нет, вокруг по-прежнему было тихо.

— В чем дело? — спросил у него Фоули.

— Да так. Мне странно, что Холден не пошел с нами. Как-то не похоже на него.

— Он же заявил, что устал.

— Это я слышал,— отмахнулся Уордл.— Но Холдену ничего не стоит и соврать. Я только сейчас вспомнил, какая заговорщическая была у него физиономия, когда он говорил про свою усталость. Просто ему понадобилось мое отсутствие. Но если только, пока мы здесь гуляем, он затеет какую-нибудь пакость...

— Нам сейчас не до него,— недовольно прошептал Фоули.— Нам подвернулся шанс. Не возвращаться же обратно из-за возможных проказ Холдена.

— Черт бы побрал этого штурмана! — вполголоса выругался Уордл.— Мне хватило его Белоснежки. Разболтанный до крайности.

— А мы что, образцы послушания? — Фоули слегка подтолкнул его.— Вперед. Если тебе безразличен сон, я не откажусь хоть немного выспаться.

Уордл, не переставая хмуриться, скользнул дальше. Подойдя к одной из дверей, он приложил ухо. Изнутри слышался негромкий храп и сопение.

— Попробуем зайти сюда.

Шеминэ привалился к замку и, немного повозившись, открыл. Замок привычно щелкнул, но открывающаяся дверь предательски громко заскрипела. Уордл вошел. Какой-то проснув-

шийся стамит торопливо сел на койке и недоверчиво выпятил на него большие, словно у совы, глаза.

— Здесь есть алюэзинцы? — вполголоса спросил Уордл.

Стамит открыл рот, закрыл, снова открыл. Его глаза стали еще больше. Казалось, слова застыли у него в горле.

— Отвечай быстро! Алюэзинцы есть?

— Третья дверь по коридору,— выдавил из себя стамит.

— Спасибо.

Уордл вышел, осторожно закрыв дверь камеры.

Разбуженный им стамит выполз из постели и разбудил соседа.

— К нам только что приходил землянин. Вермер, ты слышишь? Землянин не выполняет распорядка и ходит по камерам.

— Ну и что ему понадобилось у нас? — довольно сердито спросил Вермер.— Должно быть, тебе это приснилось.

Натянув одеяло, он повернулся на бок и снова захрапел.

Указанная стамитом дверь отрылась бесшумно. Тихо, словно призраки, земляне вошли в камеру. Однако здесь их сразу же увидели и услышали. Алюэзинцам так и не удалось приучить себя спать по ночам. К тому же их раса обладала тонким слухом и превосходным ночным зрением.

Все двадцать обитателей камеры сидели на койках и во все глаза глядели на землян.

— Мы ищем Парту-ак-Ваима,— без околичностей сообщил Уордл.— Кто-нибудь из вас знает, где его можно найти?

Одному из пленных хватило самообладания быстро и четко ответить на вопрос:

— Он в этом здании, на втором этаже, в средней камере, выходящей во двор.

Уордл одобрительно посмотрел на алюэзинца.

— Какое у тебя звание?

— У пленных нет звания. Неужели землянам этого не объяснили?

Фоули попробовал зайти с другого конца.

— А какое звание было у тебя до плена?

— Командир полета.

— То есть офицер военно-космических сил?

— Да. Но теперь у нас нет офицеров.

— Как тебя зовут? — спросил Фоули.

— Дареут.

— Спасибо. Мы запомним оказанную тобой услугу.

Они уже собрались уходить, однако Дареут не считал разговор оконченным.

— Земляне, хочу дать вам совет. Наиболее пригодными являются отхожие места.

— Наиболее пригодными? — Уордл остановился и недоуменно посмотрел на алюэзинца.— Наиболее пригодными для чего?

— Для самоубийства. Если оно произойдет в другом месте, твоих товарищей накажут за пособничество.

— Спасибо за совет, Дареут,— необычайно вежливо произнес Уордл.

Земляне вышли в коридор.

— Боже мой, ну и сознание у них! — вспылил Уордл.— Стоит нарушить какие-то идиотские правила, и ты уже либо свихнутый, либо потенциальный самоубийца!

— Побереги свои эмоции,— посоветовал ему Фоули.— Мы как, спустимся на второй этаж прямо сейчас или оставим визит к генералу на другую ночь?

— Нет, пойдем сейчас. Неизвестно, что будет завтра.

Троица беспрепятственно спустилась вниз и нашла нужную дверь. Шеминэ открыл замок, и они вошли внутрь. Камера была точной копией их собственной. Те же двенадцать коек, но ни одной пустой. Их встретила дюжина алюэзинцев. В горящих, как у кошек, глазах не было ни малейшего признака сонливости.

Уордл шепотом спросил, где койка генерала. Алюэзинец махнул рукой:

— Там.

Земляне, не сговариваясь, поняли, как им сейчас действовать. Четким строевым шагом они подошли к указанной койке и встали по стойке «смирно», подняв головы и распрямив плечи. Три руки взметнулись в воинском приветствии.

— Капитан Уордл и двое сопровождающих его офицеров с докладом к генералу Парте-ак-Ваиму!

Генерал Парта полностью сохранил самообладание и немалую долю достоинства. Встав, он аккуратно сложил свое единственное грязное одеяло и натянул поношенную одежду. Потом оглядел низкорослых землян. Генерал был старше многих пленных, о чем свидетельствовали морщины на лице и в уголках глаз.

— Насмешки на меня не действуют,— тихо сказал он.— А бывшим офицерам не пристало так себя вести.

— К нам, господин генерал, слово «бывший» не относится,— твердым голосом ответил Уордл.— Мы по-прежнему считаем себя офицерами. Меня никто не лишал капитанского звания. И вы для нас по-прежнему генерал.

— Неужели? — У алюэзинца удивленно изогнулись брови.— Только какой армии?

Удалось, честное слово удалось! Он спросил, и явно не из праздного любопытства. Хорошее начало. Теперь главное — не упустить момент.

— Имею честь сообщить вам, господин генерал, что вы являетесь генералом армии независимой Гатинской Республики.

— Вы серьезно? Кто это говорит?

— Космический Союз, господин Парта. Гатинцы испытывают острую потребность в каждом офицере.

— Что за ерунда? — поморщился Парта.— За всю свою жизнь я никогда не слышал ни о каких гатинцах. Я не верю в существование подобной расы. А если она все-таки существует, то где находится?

— На Гатине, господин генерал.

Ага, удар пришелся в цель.

Парта отпрянул.

— Но Гатин... это же здесь.

— Так точно, господин генерал.

— Я не являюсь уроженцем Гатина.

— И кастанцы тоже — не местные жители.

— Я... я...

Уордл пристально глядел на него.

— Кто вы, господин генерал?

Ответа не было.

— Вы либо гатинец, либо — пустое место,— сказал Уордл.— А вы не можете, не имеете права быть пустым местом.

Генерал Парта не ответил. Он стоял, словно в строю, не шелохнувшись, повернув лицо к окну и устремив глаза к звездам. Одиннадцать сокамерников генерала, сами не понимая почему, тоже встали.

— Здесь, на *нашей* планете,— продолжал Уордл,— в настоящее время хозяйничает четверть миллиона кастанских захватчиков. Но им противостоят четыреста тысяч боеспособных гатинцев, у которых нет всего-навсего оружия. Все остальное у них есть.

— Но стамиты...

— Какие стамиты? Здесь нет стамитов, господин генерал. Здесь есть только гатинцы.

Генералу Парте понадобилось некоторое время, чтобы совладать с бурлящими у него в голове мыслями. Сейчас ему приходилось сражаться не на поле боя, а в своем сознании, и битва эта была против укоренившихся представлений о пленных как о безгласных рабах, лишенных всякой надежды на свободу и вынужденных до самой могилы влачить жалкое и позорное существование. И теперь земляне вдруг все перевернули с ног на голову, утверждая, что это и есть правильное положение, в котором каждый из пленных отныне должен жить. Свыкнуться с подобной идеей в считанные минуты было крайне сложно. Зем-

ляне, образно говоря, предлагали ему научиться ходить по потолку.

Однако Парта-ак-Ваим был генералом и одержал внутреннюю победу, быстро оценив военные преимущества, которые сулили ему немыслимые прежде действия.

В лице алюэзинца произошла разительная перемена. Он цепким, изучающим взглядом посмотрел на Уордла.

— Ответьте мне на несколько вопросов. Первый: какой ответ вы получили от стамитской части гатинцев?

— Никакого, поскольку пока еще не обращались к ним. Нам нужно было с кого-то начать, вот мы и начали с вас, господин генерал.

— Вы намерены изложить им суть дела?

— Обязательно, господин генерал.

— Второй вопрос. Вы заявили, что нам необходимо оружие. Каким образом и когда оно может оказаться у нас в руках?

— В тот самый момент, когда гатинская армия будет морально готова пустить его в ход.

Генерал не дрогнул. Наоборот, в нем прибавилось уверенности и достоинства.

— Я принимаю ваши слова без обиды. Никто не восстановит за нас нашу честь.

Он помолчал.

— И третий вопрос. Мой прошлый опыт позволяет мне видеть тактические выгоды создания гатинской армии. Хотелось бы знать: создание этой армии является самостоятельным планом или составной частью каких-то более обширных планов?

— Это составная часть широкомасштабной стратегии Космического Союза,— сказал Уордл.

— Иными словами, Гатинская Республика с самого момента создания уже будет иметь союзников?

— Да, господин генерал. Гатинская Республика будет официально признана и поддержана Космическим Союзом.

— *Всем* Союзом? Включая...

— Включая Алюэзинскую империю,— заверил его Уордл.— Разве у доблестных алюэзинцев могут быть причины не признавать доблестных победителей-гатинцев?

Мысли, захлестывающие генерала, и бешеный поток обуревавших его чувств — все это вдруг стало выше его сил. Он сел на край койки и спрятал лицо в ладонях. Воцарилась напряженная тишина. Земляне и алюэзинцы молча смотрели на генерала.

Наконец он взял себя в руки и сказал:

— Дайте мне время обсудить услышанное со своими товарищами. Вы смогли бы зайти ко мне завтра в такое же время?

— Я не соглашусь на это, пока не услышу от вас соответствующего приказа.

— Приказа?

— Да, господин генерал. Вы должны встать по стойке «смирно» и сказать: «Капитан Уордл, мне необходимо проконсультироваться со своими подчиненными. Приказываю вам прибыть завтра, в это же время».

Генерал Парта-ак-Ваим выпрямился. Алюэзинцы инстинктивно выстроились по обе стороны от него. Глаза генерала блестели, в голосе появилась твердость.

— Капитан Уордл, мне необходимо проконсультироваться со своими подчиненными. Приказываю вам прибыть завтра, в это же время.

— Будет исполнено, господин генерал.

Уордл, а за ним Шеминэ и Фоули щелкнули каблуками и отдали честь. Затем строевым шагом они вышли из камеры.

Между вторым и третьим этажами Фоули восторженно прошептал:

— Честное слово, мы его зацепили!

На подходе к пятому этажу земляне услышали негромкий выстрел, донесшийся снаружи. Словно испуганные крысы, все трое помчались к себе в камеру.

У капитана Уордла были свои, тайные основания ожидать самого худшего. Оставив Шеминэ закрывать дверь, он одним прыжком очутился возле койки Холдена и сдернул одеяло. Койка была пуста.

— Где он?

Сонный Пай тер глаза и силился подняться на локтях.

— Что? Перехитрил тебя?

— Где Холден? — зарычал Уордл.

— Ушел,— зевнул Пай, демонстрируя полное равнодушие. Его локти разогнулись сами собой, и он упал на доски.

— Куда ушел? — раздраженно выкрикнул Уордл.

— Туда.

Пай нетвердой рукой махнул в сторону окна. Здесь сон вновь окутал его своим покровом. Рука упала на койку. Пай закрыл глаза, издал несколько булькающих и чмокающих звуков и перешел на ровный храп.

Уордл произнес на родном языке пять не связанных между собой слов. Подойдя к окну, он повертел головой влево и вправо, потом глянул вниз. Бетон двора тонул в сумраке, и разглядеть что-либо внизу было невозможно. Легкий ночной ветерок трепал спущенную из окна веревку. Холден привязал ее к ножке

койки. Шестьдесят футов веревки уходили вниз, сорок лишних футов лежали под койкой, сложенные в аккуратный моток.

В этот момент, двигаясь справа налево, по парапету пробежал кастанский часовой. С той стороны, куда он бежал, доносились голоса. Слов было не разобрать, но чувствовалось, что кастанцы чем-то рассержены.

Уордл с размаху плюхнулся на свою койку. Какой там сон! Он безотрывно глядел на приоткрытое окно. Фоули и Шеминэ одновременно умылись над раковиной и с подчеркнутым спокойствием улеглись спать. Вскоре они уже храпели. Уордл продолжал следить за окном.

Где-то через полчаса болтающаяся веревка натянулась и слегка заскрипела. В оконном проеме показалась голова, потом туловище. Холден спрыгнул на пол, подтянул веревку, тщательно смотал ее и закрыл окно. Затем он поплевал на ладони и вытер их о брюки.

— Ну что, шаловливый шляющийся мальчик? — приветствовал его Уордл.— Мало тебе дня, так решил еще и ночью прогуляться в осиное гнездо?

Холден хотел огрызнуться, но передумал и ласковым голосом сказал:

— А ты замечательно выглядишь сегодня. Наверное, сумел почистить язычок в местной химчистке?

— Нам было не до смеха, когда мы услышали со двора звук выстрела. Если кастанцы нас в чем-то заподозрят, считай, дело погибло в самом зародыше. Ты хочешь, чтобы нас раньше времени перестреляли?

— Не знаю, кто там в кого стрелял. По мне, во всяком случае, не стреляли,— сказал Холден.

— Просто у кого-то винтовка пальнула сама собой, так?

— Ты прав, приятель. Случайность, но не совсем чистая случайность.

Усевшись на край койки, Холден принялся развязывать шнурки ботинок.

— Этот милый стрелок привалился своей широкой спинкой к углу арсенала, поскольку очень нетвердо держался на ногах. Разумеется, и его винтовка тоже уперлась в стену. А потом он сообразил, что лишний вес на плече ему мешает, и нежно сбросил винтовку себе под ноги.

— И что же было дальше? — спросил Холден.

— Я оторвал кусок проволоки с арсенальной ограды и оба конца изогнул в виде крючков. За каких-то десять минут я дополз до угла. Один крючок я прикрепил к курку винтовки, дру-

гой — к забору. Затем я отполз назад и предоставил событиям развиваться естественным образом.

— Ты — редкостный псих. Если бы этот кастанец увидел тебя, он бы прошил тебе пузо очередью, и сейчас ты бы не сидел здесь.

— Он меня не видел. Не знаю, что тут пьют кастанцы, но глазки у него были залиты достаточно.

Закинув ботинки под койку, Холден встал и стащил с себя брюки. Из них он извлек длинный, не менее нескольких ярдов, кусок материи.

Не в силах сдержать любопытства, Уордл подскочил к его койке и в тусклом ночном свете пригляделся к добыче. Схватив материю, он поспешил к окну, чтобы проверить, не ошибся ли.

— О стада священных коров! Да это же их флаг!

— Не спорю,— согласился Холден.

— Откуда ты его спер?

— Зачем же так грубо? Я нашел его в зарослях тростника,— засмеялся Холден.— Что годится для фараоновой дочки, сгодится и мне*.

— Хватит плести мне басни! Ты же сорвал флаг со столба!

— Ну, допустим, сорвал,— сказал Холден тоном мальчишки, которого все-таки заставили сказать правду.— И ухлопал на это кучу времени. Над крышей Фестерхедова логова ветер так и свищет. Я пару раз едва не грохнулся вниз. А если бы я расстегнул куртку, то ветер вообще бы понес меня, как планер.

— Но... но...

Уордл мял в руках флаг. Язык почему-то перестал его слушаться.

— Пока я сдирал их святыню и запихивал себе в штаны, внизу четыре раза прошел часовой. И представляешь, этот чурбан ни разу не удосужился задрать свою медвежью голову и посмотреть вверх.

— Но...

— Не волнуйся, мы его не будем рвать на носовые платки. Смотри: отрезаем нижнюю малиново-красную полосу, белые стрелы превращаем в шестиконечную звезду. Что получается? Белая звезда на синем фоне. Для какого государства Космический Союз учредил этот флаг?

— Для Гатинской Республики.

---

* Здесь Холден намекает на библейское повествование о том, как дочерью фараона в тростнике была найдена корзина с младенцем Моисеем (см.: Исход, глава 2).— *Прим. перев.*

— Правильно. Временами ты бываешь удивительно догадлив.

Холден лег и потеплее завернулся в протертое одеяло.

— Где же мы его спрячем? — спросил Уордл.

— Это уже твоя забота. Я принес, а ты ломай голову, как и где прятать. Не думаю, что кастанцы станут шарить по всем камерам.

— Ты не думаешь, а они вполне могут устроить повальный обыск,— возразил Уордл.— Не нравится мне эта история. Там же ад кромешный начнется, едва кастанцы обнаружат исчезновение флага.

— Они и пальцем не пошевелят. Когда я обрезал веревку, я специально распушил и разлохматил ее конец. Теперь все выглядит так, будто веревка оборвалась. Ставлю десять против одного: кастанцы решат, что флаг сорвало ветром и унесло куда-то в джунгли. Если они затеют поиски, я добровольно вызовусь им помогать. Погуляю по лесу не без пользы, глядишь, и место для радиомаяка найду.

— Не знаю, чего в тебе больше: выдержки или самоуверенности,— с невольным восхищением произнес Уордл.

Холден смиренно опустил плечи.

— Мои представления о самом себе несколько отличаются от ваших.

Холден повернулся на другой бок и быстро уснул. Уордл все так же стоял, теребя в руках свернутое полотнище флага. Наконец он решил, что не вправе упрекать Холдена. Земляне потому и отличаются от других рас, что не сидят сложа руки, а действуют.

Три дня поисков флага в лесу не дали никаких результатов. Поисковые отряды не обнаружили даже маленького клочка кастанской святыни. К концу четвертого дня терпение Фестерхеда иссякло. Он приказал добровольцам из лесных отрядов возвращаться на лесоповал, а «унесенный ветром» флаг заменили новым.

Но уловка Холдена принесла свои плоды. За эти четыре дня в самой гуще леса удалось найти превосходное место для установки радиомаяка, очистить его от деревьев и выкопать яму. Яма представляла собой квадрат со стороной шесть футов. Глубина ее была четыре фута. Яму заполнили камнями и сделали все необходимое, чтобы при первой же возможности установить в ней опоры радиомаяка.

На двадцать первый день плена неожиданно возникла угроза, едва не погубившая тщательно разработанные планы. Это

лишний раз подтвердило древнюю истину, что даже самые умные и предусмотрительные не могут учесть и предусмотреть абсолютно все.

Над каждым сообществом разумных существ повисает нечто, именуемое атмосферой. Она невидима, неосязаема и не воспринимается на вкус. Однако ее можно почувствовать, а ее присутствие почти физически ощутимо.

В тот день, покончив с ужином, Уордл стоял на дворе. Все было как обычно. И вдруг он почувствовал: что-то не так. Что-то изменилось, причем очень сильно. Он попытался удержать и проанализировать свое ощущение, поскольку в мозгу отчетливо звучал сигнал тревоги. Привычная обстановка тюремного двора изменилась, и перемена не могла быть беспричинной. Значит, нужно найти причину.

Как только его разум осознал произошедшую перемену, глаза довольно скоро сумели соединить причину со следствием. На первый взгляд — толпы стамитов и алюэзинцев все так же бесцельно слонялись по двору. В массе они оставались безвольными рабами. Но индивидуально каждый из них перестал быть рабом. Уордл понял: изменилось их поведение.

Исчезли согнутые спины и сгорбленные плечи. Они не плелись, а ходили, причем некоторые — едва ли не строевым шагом. Раньше пленные буквально проползали мимо охранников, опустив головы и вперив глаза в землю. Но теперь они шли с гордо поднятыми головами, развернув плечи. Они не боялись смотреть кастанцам прямо в глаза. Даже у вечно мрачных, неулыбчивых стамитов заметно изменилось выражение лиц.

В воздухе витало незримое, но сильное ощущение затишья перед бурей. Ощущалась внезапно появившаяся сила, которую пока еще что-то сдерживало, однако не было никаких гарантий, что она преждевременно не вырвется наружу.

Охранники тоже почувствовали произошедшую перемену. Правда, иной менталитет не позволил им уловить во всем этом скрытые потоки зарождающегося бунта. Окажись на их месте земляне, те бы сразу поняли, что к чему. А кастанцы лишь ощущали некоторое беспокойство, но так и не догадывались о его причинах. Они нервозно переминались с ноги на ногу, крепче сжимали в руках винтовки, старались держаться вместе. Часовые на парапете зашагали быстрее.

Уордл начал спешно обходить двор. Он знал, кто ему сейчас нужен, но отыскать знакомое лицо среди громадной толпы было почти безнадежным занятием. В углу Уордл заметил Пая.

— Помоги мне найти Парту. Встретишь по пути кого-нибудь из стамитских старших офицеров, прихвати и его.

— Что-нибудь случилось?

— А ты присмотрись. Забитые рабы так осмелели, что готовы врукопашную пойти на кастанцев. Старая история повторяется: маятник качнулся в другую сторону.

Уордл ткнул пальцем в сторону кучки охранников, сгрудившихся у стены.

— Даже кастанцы почуяли неладное. А если этих увальней загнать в угол, они начнут стрелять в тех, кто окажется у них под рукой. И в первую очередь — в нас.

Генерала Парту и двоих стамитских полковников удалось разыскать за считанные минуты. Всех троих препроводили в дальний угол двора. Там Уордл без обиняков выложил им свои опасения, сопоставив дисциплинированность армии с разболтанностью толпы.

— Раньше ваши соплеменники ничего не ждали и ни на что не надеялись. Теперь у них появилась надежда и им не дождаться ее осуществления. Понимаю, трудно сохранять терпение, но пока нам необходимо быть очень терпеливыми.

— Это вы заразили всех надеждой,— заметил ему Парта.— Предлагайте лекарство, есть оно у вас есть.

— Есть. Как можно быстрее оповестите всех, что ночью у нас состоится военный совет, а на завтра нам нужны добровольцы.

— Добровольцы для чего?

— Не знаю. Честное слово, пока не знаю,— признался Уордл, оказавшийся в тупике.— Знаю только, что мы должны придумать какую-то уловку, которая помогла бы нам ослабить напряжение среди пленных. Иными словами, в ситуации, когда ничего нельзя сделать, попытаемся сделать хоть что-то.

— Договорились.

Парта собрался уходить.

— И обязательно объясните своим подчиненным, насколько важно сейчас не давать кастанцам поводов для беспокойства. Разве воины забыли о военной хитрости? Пока что им нужно играть сломленных и подавленных пленных.

Генерал и двое стамитских полковников переходили от одной группы пленных к другой, быстро что-то им объясняли и шли дальше. Через двадцать минут результаты были налицо, однако Уордла они не слишком-то устраивали.

Как и все дилетанты, пленные переусердствовали. Только что они гордо вышагивали, лелея в душе бунтарские надежды. И вдруг — полнейшее смирение, причем с непременным желанием показать это ошеломленным кастанским охранникам. Два

десятка стамитов расселись перед троими кастанцами, единодушно демонстрируя необычайную кротость.

Заметив подошедшего Холдена, Уордл с горечью бросил ему:

— Ты только посмотри на эту толпу зеленых новичков. Они уже предвкушали потасовку с кастанцами, как вдруг пришлось сделать поворот на сто восемьдесят градусов. Как бы бедняги не заболели от внезапных перемен в игре.

— А это мысль,— сказал Холден.

— Ты о чем?

— Кастанская военная экономика в какой-то мере зависит от рабского труда. Эпидемия была бы вполне безопасной и эффективной формой саботажа, не говоря уже о хорошей порции песка, которую она бросила бы в шестеренки здешней тюремной машины.

— Эпидемия чего?

— Мыла.

— Ты можешь хотя бы сейчас обойтись без своих дурацких шуток? — рассердился Уордл.

Холден, не обращая на него внимания, воскликнул:

— А вот и Фоули. Он-то как раз нам и нужен.

Холден подождал, пока Фоули окажется рядом, и без предисловий спросил:

— Какова вместимость больницы?

— Тридцать коек,— ответил Фоули.

— А что, по-твоему, стал бы делать этот коновал Мачимбар, если бы одновременно свалилось триста пленных?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Спокойно дал бы им умереть. Сказал бы, что в больнице все койки заняты и что кастанские охранники имеют первоочередное право на лечение. Мачимбар из тех, кто делает минимум необходимого, чтобы только не быть дисквалифицированным и не потерять тепленькое местечко. Он очень боится попасть на фронт.

— Короче говоря, увиливает от своих обязанностей? Так?

— Это еще мягко сказано. Он просто законченная дрянь.

— Ничего, он у нас свое получит,— пообещал Холден.

— Что ты задумал? Или надеешься обойтись обыкновенной водой? — спросил Уордл.

Пронзительно взвывшая сирена помешала Холдену ответить. Пленные образовали длинные цепи, исчезавшие внутри тюремных корпусов. Охранники криками и угрозами заставляли их пошевеливаться.

При разводе по корпусам земляне увидели весьма показательную сцену. Один хромой стамит споткнулся и выбился из вяло

двигающейся цепи. Охранник выругался и замахнулся на него плеткой. Стамит выпрямился и холодно смотрел в глаза врага до тех пор, пока тот не отвел взгляд и не опустил плетку.

— У нас мало времени,— сказал после этого Уордл.— Остается лишь надеяться, что нам его хватит или мы как-то сумеем его растянуть.

Этим вечером Шеминэ опять пришлось возиться с дверными замками. Одна из дверей находилась в их корпусе, две другие — в соседнем. Более десятка пленных пересекли пространство между корпусами. Бежать было недалеко — всего каких-то двадцать ярдов. Сумерки скрыли их от посторонних глаз, а двигаться бесшумно эти пленные умели. Военный совет в камере землян начался.

— У нас есть ряд сложностей,— начал Уордл.— Условия, в которых мы находимся, не очень-то способствуют их решению, но иных условий у нас нет. Первая сложность — радиомаяк.

— Никак кастанцы его обнаружили? — спросил Парта-ак-Ваим.

— Пока нет. Мы его сделали, собрали и подключили к линии электропередач. Если кастанцы и набредут на него, они, скорее всего, посчитают, что маяк поставили их войска связи. Даже в случае повышенного любопытства с их стороны на их запросы и получение ответов уйдет не меньше двух месяцев. И только потом они выяснят, что никакого маяка в этом месте не значится и не должно быть.

— У кастанцев другое мышление. Они и представить себе не могут, что какие-то дерзкие пленные осмелились собрать маяк,— вмешался Холден.

— Тогда почему вы упомянули радиомаяк в числе сложностей? — удивился генерал.

— Лесной отряд сделал всю тяжелую и неквалифицированную работу. Они перенесли детали маяка, спрятанные Маколпином и Паем на границе леса. Наши товарищи объяснили им, как собрать и поставить маяк. Но для окончательной наладки и включения маяка нужны специалисты. Днем и Маколпин, и Пай могут отлучиться не более чем на пять минут. По их словам, на наладку и запуск маяка им понадобится от трех до четырех часов непрерывной работы.

Уордл помолчал, затем многозначительно добавил:

— Космический Союз не знает координат Гатина. В наших общих интересах, чтобы радиомаяк как можно скорее начал передавать эти сведения.

— Я могу найти специалистов среди моих подчиненных,— предложил Парта.— Если, конечно, вы сумеете включить их в лесной отряд.

— Благодарю, господин генерал, но с этим мы справимся сами,— заявил Уордл.— Мы обеспечим Маколпину и Паю необходимые возможности для работы. Они переберутся через стену.

— Вы имеете в виду *побег?*

Даже сейчас генерал произносил это слово с опаской, словно считал затеянное землянами неким потрясением основ.

— Я не говорю об их побеге из тюрьмы. Назовем это временной отлучкой. К утру они вернутся и отправятся на работу. Как я уже говорил, нам нельзя возбуждать подозрение кастанцев. Однако если пленные узнают, что двое наших побывали за стеной, это может существенно поднять их настроение. Только не надо крайностей. Обязательно разъясните всем, что они не должны воспринимать эти сведения как поощрение к самовольным отлучкам, иначе мы погубим начатое.

— Но перебраться через стену невозможно.

— Прежде чем соглашаться с этим утверждением, мы должны убедиться сами,— сказал Уордл.

Считая вопрос исчерпанным, он перешел к следующему.

— В нашей тюрьме содержатся около десяти тысяч пленных, а по всему Гатину их четыреста тысяч. Мы — только небольшая часть от общего числа. Нам необходимо наладить контакты с другими тюрьмами, убедить тамошних пленных присоединиться к нам и выступить одновременно. Поблизости от нас расположено еще семь тюрем. Если они схожи с нашей, это значит, что мы имеем семьдесят тысяч потенциальных воинов.

Парта поджал губы и нахмурился.

— Тюрьмы не сообщаются между собой.

— Значит мы должны установить контакты. Задача не является невыполнимой. Она будет выполнена, и вот каким образом.— Уордл слегка улыбнулся.— Вам, наверное, не приходило в голову, что землянам и алюэзинцы, и стамиты кажутся все на одно лицо.

— Как и земляне нам,— сообщил Парта.

— Весьма вероятно, что и кастанцам обе ваши расы кажутся на одно лицо,— продолжал Уордл.— Лесные отряды из других тюрем работают практически рядом с нашим. Если кто-то из пленных поменяется местами, охранники едва ли это заметят.

— А если и заметят, то вряд ли придадут этому значение,— предположил Холден.— Главное, что количество рабов осталось прежним.

— Возможно,— согласился Уордл.— Но всегда есть опасность, что чье-то излишнее любопытство может погубить весь замысел.— Он снова повернулся к генералу.— Вам необходимо подобрать группу добровольцев. Только офицеры, способные вспомнить о своих качествах командиров и проявить эти качества на практике. И это еще не все. Нужны такие, кто сумеет убедить пленных других тюрем в преимуществах нашей стратегии. Как только вы найдете этих добровольцев, они вольются в лесной отряд и переместятся в другую тюрьму.

— Все это можно организовать,— согласился Парта.— Но есть одна сложность. Обмен — процесс двусторонний. Нам необходима помощь другой стороны, где пока господствуют прежние представления об участи пленного и никто не помышляет о восстании.

— Кастанцы не догадались издать приказов, предписывающих пленным всегда возвращаться в одну и ту же тюрьму. Нельзя нарушить приказ, который не был отдан. Вдобавок перемена места заключения не есть побег.

— Да, вы правы. Это задание я возьму на себя.

— Мы вынуждены передать его вам, поскольку у нас нет другого выхода. Земляне не могут переместиться в другую тюрьму. Они сразу будут заметны, как цирковые лилипуты.

Посчитав второй вопрос решенным, Уордл перешел к третьему.

— И еще одна сложность. Нас она беспокоит сильнее всего. Пленные должны сдерживать свои порывы и терпеливо ждать, пока не настанет момент для совместного и действенного удара по кастанцам. Любые преждевременные выступления, будь то индивидуальные или групповые, смертельно опасны для наших общих планов. Необходимо сделать так, чтобы избежать каких бы то ни было выплесков. Кто что может предложить?

— Нужно отвлечь пленных,— предложил Холден.— Устроить хорошее зрелище, чтобы им на целый месяц хватило впечатлений.

— И у тебя есть конкретное предложение?

— Естественно.

Холден энергично задвигал челюстями, пережевывая несуществующую пищу. Потом испустил душераздирающий вопль и рухнул на пол. Тело Холдена затряслось и согнулось дугой, отчего колени уперлись ему в грудь. Несчастный штурман закатил глаза так, что были видны только белки. Из перекошенных губ вырвались клочья пены. Зрелище было достаточно впечатляющим, чтобы у видевших его свело животы.

— А-а-ааа! — ужасающе застонал Холден.

Изо рта выползла новая порция пены. Алюэзинцы и стамиты, выпучив глаза, смотрели на землянина. Даже Уордл на мгновение испугался.

Произведя достаточное впечатление, Холден чудесным образом выздоровел. Он встал, подошел к раковине, прополоскал рот, а затем и горло.

— Нужно лишь немного поупражняться, только и всего,— сказал Холден.

— И какая польза от этого трюка? — спросил Парта с видом психиатра, к которому привели маньяка.

— Больной раб не в состоянии работать. Сто больных рабов не в состоянии работать. Тысяча больных...

— Покажите мне, как это делается,— потребовал генерал, решивший не откладывать упражнение на потом.

Вспенив кусочек мыла, Холден запихнул его генералу в рот.

— Теперь жуйте. Так, хорошо. Падайте на пол, корчитесь и стоните... Громче, намного громче... Глаза, господин генерал. Обязательно закатывайте глаза, пока не увидите собственные мозги.

Генерал Парта-ак-Ваим, скрючившись, лежал на полу с закатившимися глазами. Зрелище было особенно впечатляющим и ужасающим благодаря бледно-оранжевому цвету алюэзинских глазных яблок.

В считанные минуты десять алюэзинцев и восемь стамитов стонали и исторгали клочья пены. Вряд ли кто-нибудь и когда-нибудь придумывал более идиотское занятие для этих высокопоставленных военных, подумал Уордл и про себя улыбнулся.

— Замечательно,— похвалил он, когда высшее офицерство поднялось и отправилось к раковине.— Найдите батальон добровольцев и пусть усиленно репетируют. Представление начнется завтра утром, во время раздачи пищи. Пленным оно послужит великолепным клапаном для выпуска лишних эмоций, а кастанцам доставит немало хлопот.

Военный совет завершился. Алюэзинцы и стамиты вместе с Шеминэ покинули камеру.

— Ты говорил, что это занятие требует упражнений,— сказал Уордл, когда дверь защелкнулась.— Судя по тебе, ты изрядно упражнялся. Когда же ты успел?

— У меня большой стаж. Я изобрел этот трюк в четырехлетнем возрасте. Стоило мне шлепнуться на пол и начать пускать пену изо рта, как моя дорогая мамочка была готова удовлетворить любую мою прихоть.

— Да, не позавидуешь родителям такого чада. Я бы на месте твоего отца почаще устраивал тебе свидания с розгами.

— А он и устраивал,— подтвердил Холден, морща лоб.— Регулярно, как только меня застигнет.

Повернувшись к молчаливо слушавшему его Казазоле, Холден потребовал:

— Умоляю тебя, помолчи хоть немного и дай мне вставить словечко.

— Мы напрасно теряем время,— напомнил им Уордл.— Даже самая долгая ночь не длится вечно. Нам нужно перебросить Пая и Мака через стену, иначе вся эта возня с маяком пойдет коту под хвост.

Казазола молча лег на спину и заполз под свою койку. Там он что-то нащупал и так же осторожно выбрался наружу. В руках он держал деревянную дощечку с желобом посередине. Поперек ее узкого конца была приделана уже знакомая рессорная пластина от кастанского грузовика. Вдоль пластины поблескивала туго натянута проволока. Дощечка, напоминавшая арбалетное ложе, была снабжена заводным ключом и простым спусковым механизмом, изготовленными Казазолой в мастерских.

— Пора использовать знания, которые мы получили на курсе по выживанию в экстремальных условиях. Нас ведь учили делать всякие хитрости из подручных материалов. И не надо презрительно воротить нос от примитивных устройств. Когда человек завоевывал животный мир, его орудия были еще примитивнее.

Закончив краткую назидательную речь, Уордл протянул руку и сказал Казазоле:

— Давай стрелы.

Казазола подал ему видоизмененные гвозди; теперь в пропилы были вставлены небольшие алюминиевые хвостовики.

— Веревку.

Казазола с бесстрастием отшельника подал ему моток тонкой веревки. Размотав ее по длине камеры, Уордл отрезал около ста двадцати футов. Сложив веревку вдвое, он прикрепил ее середину к алюминиевому «оперению» стрелы. На расстоянии шести дюймов от хвостовика Уордл привязал в качестве распорки тонкую палочку. Теперь между полосами веревки появился трехдюймовый зазор.

— Откройте окно и наблюдайте за появлением часового,— распорядился Уордл.— Запомни,— обратился он к Паю,— когда мы все подготовим, в твоем распоряжении будет меньше десяти минут.

— Я знаю.

— Промедление может стоить тебе очереди в живот.

— Ну и что?

— Если ты или Мак хотите отказаться, мы поймем.

— Попрыгай на одной ножке, а то ты что-то разволновался,— предложил Пай.

— А меня ты за кого принимаешь? — нахмурившись, спросил Уордла Маколпин.

— Часовой идет,— прошипел стоявший у окна Холден.— Идет, разлапистое чучело. Проходит мимо нас... Все, протопал.

Холден отодвинулся. Уордл подошел к окну, встал на колени и пристроил арбалет к косяку. Тщательно прицелившись в сторону парапета, он нажал курок. Арбалет слегка вздрогнул; проволока, служащая приводной пружиной, мягко ударила по двум маленьким резиновым глушителям, ради которых Холден не пожалел каблуков своих ботинок.

Стрела понеслась в темноту. Она пролетела три четверти расстояния до стены и вдруг резко остановилась. И как они раньше не заметили эту щербатину на оконной раме? Попав в нее, несомая стрелой веревка застопорилась. Стрелу отбросило обратно, и она ударилась в окно камеры на четвертом этаже. Один за другим раздались глухой удар, звон разбитого стекла и возглас разбуженного стамита.

Уордл вполголоса выругался и высунулся в окно, ожидая, что будет дальше. У землян разбитое стекло вызвало бы если не переполох, то изрядный шум. Однако у стамитов все было тихо. Вероятно, разбуженный стамит мудро решил ничего не предпринимать, поскольку и в самом деле был бессилен что-либо предпринять.

— Прошло полторы минуты,— сообщил Пай.

Землянам не оставалось иного, как втянуть стрелу в окно и выровнять место, защемившее веревку. Они еще раз проверили сложение веревки, сделав его не таким тугим. Уордл снова прицелился, метя в точку на несколько дюймов выше освещенного прохода. Теперь стрела свободно перелетела стену и скрылась в темноте. Веревка быстро размоталась на всю длину и вновь прервала полет стрелы.

Медленно и осторожно земляне потянули за концы веревки. Стрела истерично задергалась между шипов парапета и наконец вырвалась из их объятий. Уордл принялся лихорадочно сматывать веревку. Стрела, как и в первый раз, гулко ударила по камням тюремного корпуса. В ночной тишине этот звук показался еще громче. К счастью, стекла в окнах уцелели.

— Прошло четыре минуты,— сказал Пай.

Третий выстрел оказался столь же неудачным: ничего, кроме чирканья металла о камень. Вдобавок, когда земляне подтащили стрелу, они увидели, что распорка сломана. Пришлось ее спешно менять.

— Шесть с половиной минут,— мрачно уведомил товарищей Пай.

— Часовой уже идет сюда,— сказал Уордл.— Нам лучше его переждать.

Сгрудившись у окна, они вслушивались и ждали, однако слышали лишь собственное дыхание. Вскоре часовой миновал этот участок стены и лениво пошел дальше. Подсветка делала его фигуру еще массивнее. В движениях часового не ощущалось никакого беспокойства. Возможно, его даже не насторожили странные звуки.

Когда часовой скрылся из виду, Уордл вновь нажал курок арбалета. Стрела с едва слышимым шипением понеслась к стене. В свете ламп парапета блеснул алюминиевый хвостовик. Потом стрела исчезла в темноте. Выждав немного, Холден осторожно потянул веревку. Вначале она шла легко, но затем туго натянулась.

— Аллилуйя! — прошептал Холден.

До сих пор он тянул за оба конца. Теперь Холден взялся лишь за один и несколько раз сильно дернул, чтобы выбить распорку. Распорка будто приклеилась, однако вскоре Холден победил ее упрямство. Веревка пошла без затруднений. Оставалось лишь заменить ее более толстой и прочной веревкой, которая выдержала бы вес человеческого тела. Холден связал концы обеих веревок и быстро начал перетягивание. Блоками ему служили шипы охранной линии парапета.

Вскоре из окна показался знакомый узел. Перетягивание закончилось. Задуманное удалось: прочная двойная веревка тянулась из окна камеры над пространством двора и оканчивалась у шипов парапета.

— Сколько у нас осталось? — спросил Уордл.

— Четыре минуты.

— Мало. Придется опять пережидать. А ваша веревка наготове?

— Разумеется,— ответил Пай.

Они ждали. Шаги приближавшегося часового слышались все отчетливее. Сейчас его появление мешало сильнее, чем когда-либо. Все зависело от того, куда будет направлено внимание кастанца и насколько он наблюдателен. Часовой лениво поравнялся с шипом, вокруг которого обвивалась веревка, посмотрел совсем в другую сторону, широко зевнул и двинулся дальше.

— Благодарение небесам, что мы догадались зачернить веревку,— воскликнул Холден.

— Пора! — поторопил наладчиков радиомаяка Уордл.

Пай выбрался из окна и повис на веревках, обхватив каждую одной рукой. Его туловище раскачивалось над двором, а он перебирал руками, двигаясь вперед. Пытаясь ускорить свое продвижение, Пай отчаянно молотил ногами воздух. Веревка скрипела, но выдерживала его вес.

Наконец Пай добрался до парапета. Вокруг все было тихо: ни криков, ни щелчков выстрелов. Пай отчаянно качнулся вбок, ухватился руками за шипы, а между другими просунул ноги. Затем он неуклюже перекинул свое тело через тройной ряд шипов и плюхнулся в проход.

Продолжая лежать ничком (по-видимому, он опасался, что свет делает его очень заметным), Пай достал свою веревку и обвязал ее вокруг одного из шипов на внешней границе парапета. Товарищи, наблюдавшие за ним, так и не поняли, каким образом он сумел перебраться через второй кордон. Они лишь видели, как Пай качнулся, на секунду завис над стеной и скрылся внизу.

— Ему понадобилось четыре с половиной минуты,— сообщил Холден.

— Мне они показались десятью годами,— признался Уордл.

Скоро должен был появиться часовой. Так и есть: вон он, тащится нога за ногу. Неужели повернет голову в их сторону? Нет, не повернул. Кастанец равнодушно прошел мимо, и его шаги на время стихли.

Едва часовой успел скрыться, как Маколпин уже висел над двором. До парапета он добрался быстрее, чем Пай, зато ему было труднее перелезать через шипы. Но Маколпин справился с этим и вскоре тоже скользнул вниз.

Холден разъединил концы веревки и втянул ее обратно в камеру. Оставлять веревку на несколько часов было бы дерзким искушением судьбы. Вторая веревка, естественно, осталась висеть, но в поле зрения часового попадало не более двух дюймов, обвитых вокруг шипа. Все остальное уходило через край стены и скрывалось в ночной тьме.

— Я вот о чем подумал,— нарушил молчание Холден.— Часовой идет по освещенному проходу. У него довольно хороший обзор по левую и по правую руку, но свет слепит его и мешает видеть то, что впереди. Сомневаюсь, чтобы этот остолоп заметил веревку Пая, даже если бы ему сказали.

— Нам не стоит рассчитывать на слепящий свет и прочие помехи,— возразил Уордл.— Лучше отнести это за счет сознания кастанцев. За исключением странного местечка, зовущегося Землей, нигде и никому не приходило в голову бежать из тюрьмы. Кастанцам такое просто не вообразить!

Потянулись минуты ожидания. Земляне дежурили у окна по очереди: один следил, а остальные спали, если, конечно, тревожную полудрему можно было назвать сном.

До рассвета оставалось не больше часа, когда Пай и Маколпин вернулись.

Дежурство нес Шеминэ. Бессонница сказывалась на его глазах; они покраснели и сделались воспаленными, но он продолжал следить за стеной. Оставленная веревка его не волновала: никто из проходивших часовых ее не замечал.

Только что часовой в очередной раз промельтешил мимо окон, сжимая в лопатообразной руке автоматическую винтовку. Спустя минуту над внешним рядом шипов парапета появилась голова Маколпина. Выбравшись наверх, он подтянул к себе половину длины двойной веревки и перебросил ее через парапет в тюремный двор. Потом он миновал проход, все так же неуклюже преодолел второй ряд шипов и скользнул в темноту двора.

Маколпин был фунтов на тридцать тяжелее Пая. Это обстоятельство оказалось очень кстати для самого Пая, который сейчас поднимался: спускавшийся Маколпин служил ему противовесом. Пай вылетел наверх, будто пробка из бутылки. Подтянув свой конец веревки, он перекинул его на другую сторону, перебрался через шипы и тоже скользнул во двор. Самое главное — им удалось сдернуть веревку с шипа. Шеминэ видел, как она заходила ходуном и упала вниз.

— Они вернулись,— почти закричал Шеминэ, будя остальных.

Прежде чем поднять храбрецов, пришлось снова переждать часового. Теперь все обстояло проще: из окна камеры во двор спустили свою веревку и, дружно взявшись за ее концы, подняли Маколпина. Тот, ввалившись в камеру, успел наступить на чью-то ногу и вместо приветствий услышал чертыханья. Веревку спустили вторично и вташили в камеру Пая.

— Ну, как все прошло? — с нетерпением спросил Уордл.

— В лучшем виде,— ответил Маколпин.— Маяк орет на всю Вселенную.

— А что будет, если его сигналы вначале примет не наш, а какой-нибудь кастанский корабль?

— Они сразу определят, откуда идут сигналы. Гатин находится под владычеством кастанцев, следовательно, маяк сочтут официально установленным и немного поломают голову, почему им об этом не сообщили. Таков логический ход рассуждения. Если же кастанцам изменит их логика, тогда вся наша затея — совершеннейшая чушь.

— Будем надеяться на первый вариант,— сказал Уордл.— Вы, ребята, замечательно поработали.

— Хотите знать, что во всем этом было самым трудным? — спросил Маколпин, показывая стертые в кровь ладони.— Карабкаться шестьдесят футов по тонкой веревке.

— Проще простого,— отмахнулся Холден.

— Для тебя, может быть, и просто, поскольку ты на несколько поколений ближе к обезьянам,— выдал ему Маколпин.

Холден пренебрежительно пожал плечами. Иного отношения слова Маколпина не заслуживали.

— Странно, что тебе нечего сказать,— неожиданно выдал ему вечный молчун Казазола.

Вся масса пленных, как обычно тянущихся за утренней порцией тюремного варева, незримо делилась на две части: знавших о грядущем спектакле и тех, кто ничего не подозревал о нем. Значительная часть пленных должна была до самого начала оставаться в неведении — тогда их искреннее поведение сделает «пьесу» более правдоподобной. Так решил генерал Парта.

Кто-то уже заканчивал хлебать варево, кто-то лишь усаживался с миской на шершавый бетон двора, а кто-то топтался в тающих очередях к кухонному бараку. Все как всегда. Самые медлительные еще вычерпывали из мисок остатки, когда гвардмайор Словиц поднес к губам свисток.

Не прошло и нескольких секунд, как в разных концах двора восемьдесят пленных, попытавшихся встать, вдруг повалились наземь. Они корчились, стонали, исторгая из перекошенных губ клочья пены. Толпа, бредущая к воротам, замерла и во все глаза глядела на странную картину. У ворот четверо откормленных охранников с ужасом и отвращением смотрели на извивавшегося возле их ног стамита. Он выворачивался с гибкостью циркового акробата. Можно было подумать, что в животе у несчастного поселилась тысяча чертей.

Охранники растерялись. Ни в одном их уставе не говорилось, как надо действовать, если ни с того ни с сего почти сотня пленных вдруг начинает корчиться в судорогах и изрыгать пену. А добросовестные актеры будто состязались между собой: кто сумеет выпустить больше мыльной пены, громче стонать и сильнее биться об пол.

Пленные, не знавшие о спектакле, толпились, словно стадо испуганных овец, и с опаской ждали, что и их постигнет та же участь. Немало охранников оказались зажатыми взбудораженной толпой и яростно распихивали пленных, пробираясь к начальству. Но это было не так-то просто: вокруг них падали, пре-

граждая путь, все новые алюэзинцы и стамиты. Толпа давила и напирала, потому что пленные инстинктивно стремились отбежать от очередной жертвы.

Какой-то стамит вдруг истошно завопил, уцепился длинными костлявыми руками за ближайшего охранника и щедро запачкал пеной форменные брюки и сапоги последнего. Кастанец успел лишь взмахнуть плеткой, но ему было не до удара. Он поспешил как можно быстрее убраться из опасного места.

Словиц грузно протопал в штабной корпус и вскоре вышел оттуда вместе с начальником тюрьмы. Шестнадцать алюэзинцев тут же постарались изо всех сил угодить высокому начальству, распластавшись у них на пути и дико закатив свои оранжевые глаза.

Заметив, что во дворе появился сам Фестерхед, еще две сотни пленных попадали на пол, внося щедрую добавку к уже царившей неразберихе. Охранники выкрикивали приказы, которые тонули в общем гвалте. Фестерхед орал на охранников и размахивал руками. Словиц десять раз подряд дунул в свой свисток.

Тайные сигналы подали и пленные офицеры, поскольку число «жертв неведомой эпидемии» снова возросло. Кое-кто так переусердствовал, что проглотил мыло, и пена сменилась настоящей рвотой.

Пленных, не знавших о спектакле, охватила паника. По толпе со скоростью лесного пожара распространился слух, что эта неведомая болезнь называется «черная смерть» и очень заразна. Бедняги опрометью бросились к открытым воротам.

Четверо охранников не растерялись и буквально перед носом у бегущих захлопнули ворота. Тогда толпа устремилась к тюремным корпусам, ища спасение за ненавистными стенами. Пленные сотней живых ручейков текли по двору, огибая распластанные и скрюченные тела. Среди бегущих находились и участники замысла. Им было приказано приберечь свое искусство, дабы создать еще большую сутолоку в дверях и на лестницах.

На дворе оставалось не менее тысячи актеров, продолжавших кричать, стонать, лихорадочно держаться за животы, хриплыми голосами призывать смерть и всячески показывать, что они находятся на последнем издыхании. Алюэзинцы и стамиты старались превзойти друг друга, являя кастанцам сцены адских мучений. Со стороны тюремный двор казался самым сумасшедшим из всех сумасшедших домов галактики. Оглушительный гвалт поглощал все прочие звуки.

Фестерхед и его подчиненные откровенно опешили, пораженные масштабом и силой увиденного. Сбившись в кучку возле штабного корпуса, они сердито пялились на заплеванный и заблеванный двор, но ничего не могли поделать. Происходящее не было ни бунтом, ни каким-либо иным проявлением неповиновения. Оно было чем-то невиданным и неслыханным и не имело ни прецедентов, ни объяснений. Самое скверное — ни один кастанский устав, предписание и инструкция не говорили, как действовать в подобных обстоятельствах.

Какой-то стамит, втайне гордившийся своим актерским талантом, подполз на четвереньках к гвард-майору Словицу, высунул фиолетовый язык и прохрипел:

— Воды! Умоляю, дайте воды.

Охранник, стоявший рядом со Словицем, отвел ногу, и вместо воды просящий получил сильный удар сапогом в зубы. Стамит откатился вбок, выплюнул кровь и опять застонал, теперь уже от настоящей боли. Несколько сотен его соплеменников, принимавших участие в спектакле и видевших расправу, хорошенько запомнили этого кастанца. Тот, ни о чем не подозревая, собрался ударить пленного еще раз.

— Что ты делаешь, идиот? — зарычал на него Фестерхед.— Думаешь, после твоих пинков он сразу поправится и пойдет работать?

Охранник быстро ретировался за спины товарищей и оттуда угрюмо поглядывал на покалеченного стамита.

— Где Мачимбар? — сердито спросил у Словица Фестерхед.

— Если это не огорчит вас, командир, он сегодня отсутствует,— сообщил Словиц.

— Конечно, это меня безумно обрадует. Его нет, когда он должен быть.

Ситуация не оставляла Фестерхеду много времени на раздумья.

— Необходимо что-то делать. Не пройдет и часа, как штаб начнет дергать нас и требовать ответа, почему наши отряды не вышли на работу.

— Вы правы, командир. Каковы ваши распоряжения?

— Пошли по дюжине солдат в каждый из корпусов. Пусть сгонят во двор всех здоровых и заставят унести больных. После этого всем здоровым построиться во дворе. Выберешь из их числа тех, кто хоть что-то смыслит в медицине, а остальных — мигом на работу.

— Будет исполнено, командир.

Словиц отдал честь, повернулся к своим подчиненным, сорвал на них свое раздражение, после чего передал приказ. Че-

тыре группы кастанских солдат спешно бросились к тюремным корпусам.

Как и было приказано, здоровые вышли во двор, подхватили «больных» и понесли их в камеры. Это заняло немало времени, поскольку то здесь, то там пленные, несшие своих товарищей, вдруг падали и их самих тоже приходилось нести. В одной камере «заболели» все двадцать алюэзинцев, и угрюмым стамитам досталось тащить их до самых коек.

Наконец все здоровые выстроились во дворе. Здоровыми считались те, кто был в состоянии держаться на ногах. Не успел гвард-майор Словиц раскрыть рот, как еще два десятка здоровых повторили знакомый спектакль. Он был вынужден дожидаться, пока их унесут. По пути пятеро носильщиков быстро сообразили, что ехать на чужих плечах легче, чем самим быть тягловой силой, и тоже грохнулись, исторгая пену.

Терпение Словица иссякло. Тыча своим мясистым пальцем в направлении тех, кто еще стоял на ногах, он прогремел:

— Всем бывшим врачам, хирургам, санитарам и имеющим какую-либо медицинскую специальность — шесть шагов вперед.

Фоули, нарочито громко отсчитывая шаги, двинулся вперед. Сделав шестой шаг, он замер.

Восемь алюэзинцев и одиннадцать стамитов, подражая ему, тоже считали шаги вслух. На последнем шаге двое из них, словно по незримому сигналу, упали и забились в судорогах.

Фестерхед злобно поглядел на них и поморщился.

— Идите за мной,— рявкнул он остальным.

Восемнадцать пленных послушно направились за ним. По дороге трое решили предпочесть койку работе под началом Фестерхеда и самым беззастенчивым образом дезертировали на пол. Еще четверо последовали их примеру, пока стояли у дверей штабного корпуса и слушали неразборчивые обрывки телефонного разговора, который вел начальник тюрьмы.

Обстановка возле тюремных ворот была не лучше. Длинные цепочки пленных тащились на работу, гремя пустыми мисками и ложками. По бетону шуршали подошвы стоптанной рваной обуви. Примерно через каждые пятьдесят ярдов все останавливались. Очередного упавшего подхватывали на руки и тащили обратно. Еще пятьдесят ярдов — и история повторялась.

На этот раз конвойные не орали, не сыпали ругательствами и не взмахивали своими плетками. Они шли чуть поодаль, вяло понукали пленных и с полнейшим безразличием взирали на редеющие ряды. По их мнению, эпидемия была заботой начальства. Вот пусть начальство и дергается, а они дергаться не собираются. Разве им платят за дерганье? То-то и оно.

Фестерхед швырнул трубку, вышел во двор и свирепо поглядел на медицинский отряд, насчитывавший теперь одиннадцать пленных.

— Вы остаетесь в корпусах ухаживать за больными. Я требую, чтобы они как можно раньше вернулись на работу. Если вы не справитесь, то будете наказаны.

Фестерхед выразительно поглядел на каждого из одиннадцати.

— Сурово наказаны,— добавил он.

— Если мы не справимся, последствия будут еще суровее вашего наказания,— с ледяным спокойствием заявил Фоули.— Эпидемия подкосит всех, включая и кастанцев.

— Потому вам и приказано остановить ее.

— Чем? — дерзко спросил Фоули.— У нас нет абсолютно никаких лекарств. Даже простейших.

— Я своей властью разрешаю вам пользоваться всем, что есть в больнице,— отрезал Фестерхед.

— А если доктор Мачимбар запретит нам это делать?

— Не посмеет,— возразил Фестерхед.— Пока что начальником тюрьмы являюсь я, и мои приказы обязательны для всех. Берите все, что найдете в больнице, но только как можно быстрее поставьте пленных на ноги.

Уходя он обернулся и выразительно добавил:

— Или вам же будет хуже.

Одному из слушавших его стамитов сразу же стало хуже. Он повалился на спину и скрючился, словно пытался ногами достать собственные уши.

Холден расхаживал по камере, поглядывая на звездное небо за окном, и рассуждал вслух:

— Зрелище, конечно, было впечатляющим, но господа актеры слишком уж переигрывали. На Земле этот трюк у них бы не прошел; там тюремную охрану не одурачишь. Там охранники мигом взяли бы в руки шланги, повернули краники и произошло бы массовое чудесное исцеление.

— А откуда ты так подробно знаком с особенностями земных тюрем? — полюбопытствовал Олпин Маколпин.

— Значит, знаком, если говорю.

— Я не оспариваю твоих знаний. Держу пари, когда-то ты постигал их на практике.

— Хватит трепотни,— оборвал их Уордл.— Слышите? Парта и его герои уже здесь.

Первым в камеру вошел Шеминэ, беспечно поигрывая связкой надфилей. За ним показались генерал Парта и еще двадцать

стамитов и алюэзинцев. Земляне подвинулись, освобождая для соратников места на койках. Невдалеке лениво протопал часовой, равнодушный ко всему, что творилось за стенами камер. Даже к готовящемуся восстанию.

Первым заговорил Уордл.

— Возможно, вы знаете, что сегодня, во время работы в лесу, двадцать один пленный поменялся местами с пленными из соседней тюрьмы. Чтобы о наших замыслах узнали во всех близлежащих тюрьмах, кому-то из пленных придется еще дважды или трижды занять место в чужих отрядах.

Уордл остановил взгляд на генерале.

— Двадцать один пленный — это мало. Нам нужно вдвое больше. Вы можете найти новых добровольцев?

— После сегодняшнего представления,— слегка улыбнувшись, ответил Парта,— думаю, что недостатка в добровольцах не будет.

— Нам удалось узнать,— продолжал Уордл,— что вокруг, в пределах одного дня пути отсюда, находится двенадцать тюрем. Семь из них — совсем близко, почти рядом. Я предлагаю послать туда наших агитаторов. Пусть их будет больше на случай, если им каким-то образом удастся проникнуть в остальные пять тюрем.

— Стоит попробовать,— согласился Парта.— Армия в сто двадцать тысяч бойцов лучше семидесятитысячной. Я слышал, что на Гатине сорок действующих тюрем и еще несколько недостроенных, в которых, возможно, уже содержатся те, кто попал в плен совсем недавно. Если бы смогли распространить свое влияние на всю планету!

— Я думал об этом,— сказал Уордл.— Остальные тюрьмы находятся далеко отсюда, едва ли не на другом конце планеты. Мы могли бы установить связь и с ними, но это потребовало бы немало времени и усилий, а время сейчас особенно дорого. Если мы поднимем восстание в этой части Гатина и захватим достаточное количество оружия, тогда мы сумеем освободить и пленных других тюрем. Постепенно, бросая против кастанцев все более крупные силы.

— Единственная цель захвата тюрем — это освобождение пленных и укрепление гатинской армии,— немного подумав, возразил ему генерал.— Я прав?

— Да.

— Существует значительная разница между пленными, уже знакомыми с идеей освобождения, и теми, кто никогда не слышал об этом и даже не в состоянии вообразить себе подобное.

В первом случае это потенциальные воины, полные новых надежд и горящие желанием сражаться. Во втором — толпа ошалелых рабов, не знающих, что делать с внезапно свалившейся на них свободой.

— А как по-вашему, сколько времени понадобится ошалелому рабу, чтобы превратиться в воина и сражаться с кастанцами? — спросил Уордл.

— Я могу говорить лишь о себе,— искренне ответил Парта.— Мне понадобилось много, очень много времени.

— Это потому, что вы — генерал. Вас учили быть по-военному точным и смотреть на все с позиций личной ответственности. У младших офицеров и солдат иные взгляды. Дайте им в руки оружие, скажите им, что они — гатинцы и что, сбросив власть кастанцев, они восстановят свою честь... Думаю, им хватит двух минут, чтобы все понять и начать стрелять по врагам,— с воодушевлением закончил Уордл.

— Надеюсь, вы правы,— осторожно сказал генерал.

— Подождите еще немного, и вы в этом убедитесь. Кто сегодня утром бесподобно разыграл этот спектакль? Обыкновенные солдаты. Поверьте, офицер не решился бы выплеснуть пену на сияющие сапоги охранника.

Чувствовалось, эти слова неприятно задели Парту.

— Давайте не будем строить догадки. Сегодня мы видели лишь спектакль. Скоро придет черед настоящих испытаний. А сейчас нам нужно решить один чрезвычайно важный вопрос.

Уордл встал напротив генерала и отчеканил:

— Когда наступит время решительных действий, у нас будет две возможности получить оружие.

— Две?

— Да. И вам решать, какую из них выбрать.

— Почему мне?

— Потому что в данный момент вы — единственный генерал, находящийся на действительной службе в вооруженных силах Гатинской Республики. Вы и главнокомандующий, и официальный представитель государства.

— Понимаю. Назовите мне эти возможности.

— Оперативные силы землян могут снабдить оружием, боеприпасами и всем необходимым пленных в тех тюрьмах, где все готово к сражению. Они также могут сбросить десант и специально обученные части для захвата близлежащих гарнизонов, арсеналов и стратегически важных точек.

Уордл сделал паузу, давая генералу время осмыслить услышанное.

— Я назвал первую возможность. Вторая: Гатинская Республика будет воевать самостоятельно и победит силой оружия, захваченного у врага.

Парта встал, выпрямился и опустил руки по швам.

— Это сражение будет тяжелее, потери — намного больше, но мы предпочитаем бороться своими руками.

Алюэзинцы и стамиты за его спиной одобрительно зашептались.

— Мы так и думали,— улыбнулся Уордл.— Как считали на Земле, сорок против одного, что вы примете именно такое решение. Сама идея Гатинской Республики строилась на предположении, что каждое разумное существо обладает чувством собственного достоинства. Мыслящее существо способно защищать это чувство и самостоятельно восстанавливать его, если вдруг временно утратит.

Уордл снова улыбнулся.

— Поэтому Земля просит вас об одной услуге.

— Услуге? — недоуменно переспросил генерал.

— Мы просим, чтобы Гатинская Республика нанесла свой первый удар по врагу в наиболее благоприятное для нас время.

— Потому что у вас есть более обширные замыслы?

— Верно. Основная стратегия космической войны заключается в обнаружении и перехвате вражеского военно-космического флота. Космические просторы настолько обширны, а скорость кораблей столь велика, что десятисекундное запаздывание сигнала на корабельном радаре оборачивается промахом в сто тысяч миль.

— И чем это чревато?

— В данном случае тем, что восстание на Гатине заставит кастанцев как можно быстрее перебросить сюда основную часть своего военно-космического флота. Можно понять их опасения: Гатин всего в двенадцати днях полета от их родной Касты.

Похоже, Уордл никогда не расточал столько улыбок, как в этот вечер. Он в очередной раз улыбнулся и продолжал:

— Земля высоко оценит дружественный шаг Гатинской Республики, если вы отложите начало восстания до того момента, когда наши силы займут удобные позиции для перехвата кастанского военно-космического флота.

— И сколько времени понадобится вашим кораблям?

— После получения сигнала с координатами Гатина — не более восьми суток.

— Но может пройти целый месяц, прежде чем ваши люди поймают сигнал,— посетовал генерал.— Или даже два, а то и три месяца.

— Так было бы, если бы сигнал пришел неожиданно,— успокоил его Уордл.— Там знают, что рано или поздно маяк обязательно заработает, и потому постоянно ищут его. Маяк будет обнаружен в результате систематических поисков, а не по счастливой случайности. Сигнал может быть принят в любое время. Возможно, его уже приняли.

— Хорошо. Мы согласны ударить тогда, когда это наиболее выгодно для вашего флота. Есть еще вопросы?

— Всего один. Врачи должны сделать вид, что им удается справиться с «мыльной эпидемией». Но нельзя играть по правилам кастанцев. То есть нельзя «вылечивать» всех и каждого. Завтра число участников этого спектакля целесообразно уменьшить до двухсот или трехсот и поддерживать такой уровень, пока все пленные не перебывают в шкуре актеров. Фоули сумеет объяснить Фестерхеду, что он держит неведомую болезнь под контролем, однако бессилен полностью остановить ее.

— Так мы и сделаем,— пообещал Парта.— Пленники получают психологическое удовлетворение от «мыльного бунта», поэтому нельзя лишать их такой возможности. Я распоряжусь, чтобы число новых участников не превышало разумных пределов.

— Пусть также ваши врачи целиком и полностью поддержат Фоули, когда ему придется спорить с Фестерхедом,— добавил Уордл.— Фоули хочет все свалить на скверную и скудную еду. Этот диагноз должен быть единым. Трудно сказать, повлияет ли это на качество пойла, которым нас кормят. Возможно — да, возможно — нет, но попробовать надо.

— Я передам это врачам.

Генерал облизал тонкие губы при мысли о нескольких корках хлеба в дополнение к опостылевшему вареву.

— Ослабленным гатинцам придется воевать против перекормленных кастанцев. Кроме мужества и оружия нам не помешают и физические силы. Даже скромное увеличение обычного рациона — это уже большой шаг к победе.

— Вы сделали тысячу шагов, перестав быть рабами и превратившись в бойцов. Осталось менее сотни шагов. И вы сделаете их, даже если придется ползти, а в животе будет урчать от голода.

— Да, сделаем,— с решимостью произнес Парта.

Совещание окончилось. Генерал и члены военного совета направились вслед за Шеминэ к двери.

Дверь закрылась. По парапету в сторону камеры топал часовой, сонно пялясь на джунгли и ночное небо.

— Пока все идет как нельзя лучше,— сказал Холден.— И идет прямиком к массовому истреблению кастанцев толпой помешавшихся от супа гатинцев.

Уордл устало вытянулся на койке.

— Дай мне поспать. Я хочу, чтобы мне приснился внушительный кусок жареного мяса с гарниром из гушеных молодых грибочков.

Он закрыл глаза и стал погружаться в дремоту. От мысли о жареном мясе у Холдена потекли слюнки. Немного полежав, Холден вскочил, растолкал Уордла и спросил:

— Тебе не стыдно? Сам храпишь, а я на слюну исхожу.

— Убирайся ко всем чертям вместе со своей слюной! — завопил взбешенный Уордл.

Часовой на парапете резко остановился, повернул голову в сторону открытого окна и крикнул:

— *Фошам губич!*

Холден подошел к окну и крикнул в ответ:

— Слышал, что велел наставник? Убирайся ко всем чертям вместе со своей слюной!

— Прекратить разговоры на вашем языке! — прорычал толстый часовой и скорчил угрожающую гримасу.— Положено спать.

— Угу,— согласился Холден.— Вообще-то это мысль.

Он добрался до койки, завернулся в одеяло и вскоре громогласно захрапел.

Время еле тянулось. Прошло тринадцать дней. Ежедневное число жертв «мылоглотания и пенопускания», как изволил выразиться Холден, снизилось до восьмидесяти. Фестерхед малопомалу успокоился. Начальник больницы Мачимбар продолжал с царственным безразличием взирать на пленных, однако разрешил Фоули и остальным врачам свободный доступ в больницу.

Радиомаяк исправно работал круглые сутки. То ли кастанцы до сих пор не догадывались о его существовании, то ли все-таки обнаружили и теперь выясняли, кем и когда он установлен. Этого не знал никто. Генерал Парта и его соратники почему-то придерживались второй точки зрения, и их мрачные предчувствия с каждым днем становились все сильнее.

За эти дни сто сорок стамитов и алюэзинцев сумели поменяться местами с пленными из других лесных отрядов. Посланцы генерала Парты проникли во все семь ближних тюрем, а также в три из пяти дальних. Их усилия принесли отличные результаты. Все десять тюрем безоговорочно приняли идею восстания и создания независимой республики. Стоит ли говорить, что и там

вспыхнули «мыльные эпидемии», поддерживающие в пленных боевой настрой и помогающие скрашивать время ожидания.

Людовик Пай лежал с открытыми глазами, разглядывая узор звезд, светивших в окна камеры. Он мысленно считал минуты до момента, когда его сменит Казазола. Думать ни о чем не хотелось. Пай ерзал на койке, потягивался и зевал от скуки.

Со стороны койки Холдена донеслось слабое попискивание.

Пай насторожился, сел на постели и стал вслушиваться.

Попискивание продолжалось.

Пай вскочил, подбежал к койке Холдена, пошарил в кармане его куртки и достал карманные часы. Он положил часы на ладонь, откинул крышку. Потом он стал медленно поворачивать их на ладони. Попискивание ослабло, прекратилось, появилось снова. Теперь сигналы звучали настолько громко, что разбудили всех шестерых землян.

Пи-пип, пиипи-пип.

— Ура! — крикнул Уордл.

Он радостно потирал руки.

— Они на полпути отсюда. Теперь наши будут повторять сигналы, пока не убедятся, что мы их приняли.

Все семеро сидели и внимательно слушали незатейливые сигналы, доносящиеся из псевдочасов. Попискивание длилось десять минут, прервалось на одну минуту и зазвучало снова.

— Может, дать им подтверждение прямо сейчас? — предложил возбужденный Олпин Маколпин.— Я бы пробрался к маяку.

— Рисковать понапрасну мы не будем,— решил Уордл.— Завтра я сделаю это сам во время работы. Надо на минуту выключить маяк, потом на минуту включить, и так двенадцать раз подряд. Я правильно помню твои слова?

— Правильно. Это самый простой и надежный способ показать нашим, что мы их услышали.

— Вот я и займусь этим. Чтобы щелкать тумблером, не надо быть радиоинженером.

— Они появятся на орбите Гатина через пять дней, перед рассветом,— сообщил Пай, продолжая вслушиваться в попискивание.— Даже раньше, чем мы предполагали.

— Это не имеет значения. Все равно они не предпримут никаких действий, пока не получат от нас ответного сигнала,— ответил Уордл.— Утром я подам им этот сигнал. Думаю, за пять дней мы вполне управимся. Да и пора возвращаться на Землю. Не знаю, как вы, мальчики, я вдоволь нагостился.

— Я тоже,— с жаром подтвердил Пай.

Холден, обойденный природой по части музыкального слуха, гнусаво затянул:

— «О дом родной, мне дверь открой, к тебе вернулся я...»

Со стороны окон послышался окрик кастанского часового. Слов, разумеется, никто не понимал, но по тону Фоули заключил, что у парня явно не все в порядке с печенью.

Подойдя к окну, Холден высунул голову и издевательски-смиренным голосом сказал:

— Не надо засорять нам ушки своим вшивым языком. Идика лучше прогуляйся.

Дав совет кастанцу, Холден вернулся на койку.

Часы с зашелкнутой крышкой вернулись к нему в карман. А сигналы все шли и шли, наполняя собой предрассветную мглу камеры. Через пять дней, всего через пять дней.

Вечером последнего дня все едва не сорвалось. Десять тысяч пленных с наигранным безразличием сидели или слонялись по двору. Не было никаких внешних намеков на готовящееся восстание. Напряженность, владевшая пленными, была незримой, но ощутимой и осязаемой.

Как и тогда, охранники инстинктивно, шестым чувством, уловили что-то неладное. Движения их стали более суетливыми и нервозными. Кастанцы сбивались в группки, держа пальцы на курке или вблизи курка. Однако сознание кастанцев не допускало, что угроза может исходить от массы пленных. Нет, каждый ждал ее извне или с небес.

Генерал Парта подошел к Уордлу и сказал:

— Наши бойцы держатся прекрасно, но все равно кастанцы что-то чуют. Может, будет лучше, если мы покинем двор и разойдемся по камерам?

— Это будет слишком заметным и только усилит подозрения кастанцев,— возразил Уордл.— Пленные всегда ценили этот жалкий кусочек свободы, когда можно потолкаться среди своих и поговорить. До сих пор они старались урвать каждую минуту. И вдруг — неожиданная готовность отправиться под замок? Тут даже слабоумный насторожится.

— Мне понятен ваш довод. Но до отбоя остается еще целый час. Я опасаюсь, что всегда могут найтись один-два пленных, у которых от ожидания сдадут нервы, и они наделают глупостей.

— Не думаю, чтобы такой выплеск повредил нашим планам,— сказал Уордл.— Кастанцы привыкли, что время от времени кто-то из пленных делает глупости. Вы лучше меня знаете, сколько пленных за эти четыре года добровольно расстались с

жизнью и сколько из них спровоцировали охранников, чтобы получить желанную пулю.

Парта нахмурился, но промолчал.

— Час есть час,— докончил Уордл.— Хотим мы или нет, но его нужно провести здесь, во дворе.

Уордл проводил взглядом уходящего генерала, затем прислонился к стене и перевел глаза на арсенал. Там за массивными стальными дверями лежали сокровища, которыми они должны завладеть. Открытое нападение на арсенал или на караульное помещение у ворот навлекло бы на нападающих убийственный шквал огня со всего периметра внешней стены. На ее парапете сосредоточено двадцать два охранника. Значит, вначале нужно обезвредить охрану парапета. Задача не из легких, требующая вдобавок точнейшего расчета времени.

Уордл снова мысленно перебирал давным-давно согласованные детали общей схемы восстания. Он даже не заметил, как прошел этот час и пленным велели расходиться по корпусам. Уордл понимал, каких трудов им стоит играть роль прежних пленных, лениво плетущихся в камеры. Стамитам с их врожденной мрачностью эта роль давалась легче, чем импульсивным алюэзинцам.

Впереди — длинная ночь. Ночь последних приготовлений. Щелкнули замки камер, охранники покинули тюремные корпуса и направились к себе в казарму. Не успели последние из них скрыться из виду, как Шеминэ принялся за дело. В течение трех часов ему предстояло открыть немало дверей, и он решил не мешкать.

— С твоей стороны все готово? — спросил у Холдена Уордл.

— Все, что можно было сделать. Дареут поведет отряд каменщиков к мусорной яме. Там у нас спрятано сорок старых консервных банок, начиненных аламитом и снабженных детонаторами.

Холден печально вздохнул.

— Жаль, не удалось устроить что-нибудь посолиднее. В каменоломнях я видел великолепную стальную бочку. Если бы мы смогли протащить ее внутрь, кастанцы вылетели бы прямо в космос.

Уордл неопределенно пожал плечами, лег и натянул на себя одеяло.

— Попробую немного уснуть.

— Неужели ты заснешь? В такое время? — удивился Пай.

— Я не говорил, что засну. Попытаюсь.

Уордл закрыл глаза. В камере стало тихо. Сон не приходил ни к кому.

Кончилось тем, что Уордл занял позицию у окна и стал следить за обходами часовых, нетерпеливо считая минуты. Он то и дело поднимал глаза к небу и смотрел на мигающие звезды. Где-то в вышине, далеко отсюда, затаилось в засаде множество черных остроносых кораблей Космического Союза. Уордл знал: они там, они тоже ждут. От этой мысли ему становилось спокойнее.

За десять минут до начала операции все земляне стояли возле окон. Пропустив часового, они открыли окно и спустили вниз веревку. Холден влез на косяк и схватился за веревку, готовый скользнуть вниз.

На самом краю он задержался, улыбнулся товарищам и излишне громко продекламировал:

— Шагай-Болтай висел на стене, Шатай-Болтай свалился во сне!

— Тише! — зашипел на него Уордл.— Спускайся, дуралей!

Уордл беспокойно глянул в сторону парапета. К счастью, часовой удалялся и не думал возвращаться на крик.

Холден исчез во тьме двора. Когда веревка перестала подрагивать, ее втянули обратно. Выглянув вниз, они с трудом различили фигуру Холдена, бегущего к внешней стене.

— Готовность — две минуты,— предупредил Уордл.

Взяв арбалеты, они до предела натянули пружины, вложили в желоба стрелы и замерли у окон. Происходившее в камере землян повторялось во всех камерах шестых этажей, выходящих окнами на стену. Внизу мелькали фигуры, бегущие к стене, а в камерах возле окон замирали стрелки с арбалетами в руках. Ночь была темнее, чем обычно, и потому освещение парапета казалось ярче.

Часовой шел в обратном направлении. Он двигался еле-еле, будто во сне. Тем, чьи нервы, как и арбалетные пружины, были натянуты до предела, представлялось, что часовой идет со скоростью одного шага в минуту.

— Если кто выстрелит раньше времени, шею сломаю,— шепотом предупредил Уордл.— Нужно, чтобы винтовка этого охламона упала внутрь, а не на парапет и не по ту сторону стены.

— Можешь не волноваться,— с ледяным спокойствием ответил Пай.

Часовой уже был напротив их окон. Внизу в руках у Холдена загремела жестянка. Часовой остановился, озираясь по сторонам. Холден выдал новую порцию звуков. Кастанец сдернул

с плеча автоматическую винтовку, схватил ее в правую руку, наклонился и стал вглядываться, пытаясь засечь источник шума.

— Пора!

— *Ввуп!* — ответили шесть арбалетов.

Землян охватил ужас: охранник продолжал стоять и вглядываться вниз. Неужели промахнулись? Прошла секунда-другая, и кастанец без малейшего крика рухнул вниз. Шипы словно не хотели его отпускать. Они порвали ему штанины, захватили в плен один сапог, но и это не помогло. Сила тяготения оказалась сильнее. Первой с металлическим лязгом упала винтовка. Вслед за ней с глухим стуком упало тело. Послышался хруст костей, не выдержавших соприкосновения с бетоном.

Откуда-то слева с парапета доносились судорожные стоны. С другой стороны тюрьмы слышались предсмертные крики еще одного кастанца. Потом заговорил легкий пулемет (возможно, кричавший его выронил), и властное *тамата-тамата* положило конец крикам.

Шестеро землян выбежали из камеры, намереваясь поскорее выбраться во двор и присоединиться к Холдену. Но лестница была плотно запружена пленными. Толкаясь и чуть не падая, вниз неслась целая толпа стамитов. На каждом марше лестницы их поток заклинивало, и только напор сзади позволял им хоть как-то двигаться вперед. Алюэзинцам, бежавшим вслед за ними, тоже не терпелось скорее попасть во двор, и они пытались своим весом вытолкнуть всех, кто находился впереди. Землянам ничего не оставалось, как влиться в живую лаву этих неистовых великанов и просто ждать, когда она вынесет их наружу.

Во дворе уже находилось не менее тысячи пленных. Предвкушая скорую битву, они мчались к местам, заранее определенным командирами. Двумстам пленным из корпуса, стоявшего вблизи ворот, было приказано напасть на двенадцать караульных и резерв, спящий в караульном помещении. До ворот оставалось каких-то пятьдесят ярдов. Пленные бежали туда, не встречая пока никакого сопротивления.

Уордл и его товарищи с тревогой глядели, как пленные из их корпуса неслись через двор к казармам охраны.

До ворот оставалось не более двадцати ярдов, когда дежурившие там охранники убедились, что им ничего не показалось и не почудилось. Но было слишком поздно. Высокий костлявый алюэзинец, бежавший впереди, взмахнул чем-то похожим на мясницкий нож. Его целью был самый проворный из кастанцев. Тот успел сдернуть с плеча винтовку и положить палец на курок. Тесак со свистом рассек воздух, но охранник сумел пригнуться. Не прошло и минуты, как все двенадцать охранников были смете-

ны яростной, жаждущей мести толпой, не успев сделать ни одного выстрела.

Еще одна внушительная группа пленных бежала в направлении мусорной ямы. Вслед за ними двигались бывшие военные инженеры и техники. Им было приказано захватить электростанцию и машинный парк. А из дверей тюремных корпусов во двор вливались новые группы пленных, торопясь занять предписанные места.

Двое кастанцев, охранявшие машинный парк, оказались более проворными и сообразительными, чем их соплеменники. Услышав шум и крики, каждый из них укрылся за тяжелым грузовиком и, пристроив винтовку на капот двигателя, открыл огонь. Их пули скосили девятерых пленных. *Тата-тата-тата,* — верещали винтовки, посылая в темноту кусочки смертоносного металла.

Нападавшим удалось зайти с тыла, карабкаясь на грузовики и проползая под ними. Стрелять по десяти направлениям одновременно кастанцы уже не могли. Пленные обступили их со всех сторон. Охранники попытались укрыться под машинами, но не успели. Арсенал пленных пополнился двумя винтовками, вырванными из мертвых рук.

Как развивались события в других частях двора, земляне уже не видели. У дверей казармы поток нападавших окружил их и увлек внутрь. Впереди бежали алюэзинцы, кошачьему зрению которых ничуть не мешала темнота в коридоре. Зато стамиты оказались не в лучшем положении, чем земляне. Они продвигались ощупью, постоянно спотыкались. Расталкивая стамитов, вперед понеслась новая группа алюэзинцев, торопясь примкнуть к своим.

Заметив сбоку узкую лестницу, Уордл поспешил воспользоваться ею и вырваться из общей давки. Он прошмыгнул к ступенькам и быстро побежал вверх. Сзади кто-то шумно сопел, поднимаясь вслед за ним. Обернувшись через плечо, Уордл увидел Фоули, а чуть ниже — неизвестно откуда выскочившего Холдена. Холден сжимал в руке автоматическую винтовку, у Фоули не было даже арбалета. Остальные четверо землян, должно быть, еще находились в толчее коридора.

Охранников, спавших на втором этаже, бесцеремонно разбудил шум и топот бегущих ног и в особенности звуки начавшейся внизу стычки. Как раз в тот момент, когда Уордл достиг второго этажа, из комнаты ему навстречу выскочил дюжий кастанец. Он был в одном нижнем белье, но успел прихватить автоматический револьвер.

Землянин уступал кастанцу в росте и весе, кастанец проигрывал ему в быстроте реакции. Трудно сказать, что именно ожидал увидеть охранник, выбежав на шум, но уж никак не мятежного коротышку-землянина. Кастанец оторопело разинул рот и упустил драгоценные секунды.

Уордлу они очень пригодились. Он успел со всей силой ударить кастанца в живот прикладом арбалета. Кастанец что-то хрюкнул и согнулся, опустив голову. Уордл, не мешкая, нанес ему второй, более сильный удар прямо по черепу. Охранник рухнул, как подбитый слон, заставив содрогнуться пол.

Отшвырнув ненужный теперь арбалет, Уордл наклонился и выхватил из рук охранника драгоценное оружие. Это было счастливейшим мгновением в его жизни. Впрочем, счастье могло оказаться недолгим. Десяток пуль, вылетевших из открытой двери, просвистели всего в нескольких дюймах над его спиной и ударились в противоположную стену. Уордл тут же распластался на полу и торопливо отполз из зоны огня.

— Не шевелись! — крикнул ему Холден.

Холден боком протиснулся мимо Фоули, осторожно подполз к двери, просунул внутрь дуло винтовки и выстрелил. Ответом ему был новый град пуль.

Находившиеся в комнате кастанцы отнюдь не желали сдаваться. Их винтовки хранились в арсенале, но у каждого имелся автоматический револьвер. Кастанцы были намерены сражаться, пока хватит сил и патронов. Плен казался им хуже смерти, поскольку означал рабство, позор и полную безнадежность. И вряд ли сейчас было подходящее время, чтобы пытаться переубедить этих упрямцев.

Возникла тупиковая ситуация. Земляне залегли снаружи, не решаясь ворваться в комнату, а кастанцы ждали внутри, не решаясь бросаться в атаку. Меж тем суматоха, продолжавшаяся на первом этаже, заставила и других пленных воспользоваться лестницей. Первым по ней поднялся возбужденный алюэзинец. В руках он торжественно нес большую ржавую банку, на которой было выведено: ИМФАТ НОГОЛИ 111. Смысл надписи для землян оставался загадкой.

— Давай ее сюда,— приказал ему Холден.

Он передал винтовку Фоули, а сам подхватил у алюэзинца банку. Взяв ее поудобнее, он размахнулся и швырнул алюэзинский подарок в комнату.

— Ложись!

Все вдавились в пол. Сила взрыва была такова, что в комнате вырвало раму. Пролетев ярдов двести, она накрыла собой стамитского полковника. Нападавшие устремились в комнату. Один-

надцать кастанцев разнесло на куски и размазало по стенам. По счастливой случайности их оружие уцелело.

Арсенал пленных пополнился одиннадцатью револьверами. Поддерживаемые с тыла бегущими по лестнице алюэзинцами и стамитами, земляне бросились в следующую комнату. Там они увидели двенадцать кроватей, на спинках которых висела аккуратно сложенная форма. Однако кастанцев внутри не было. Пустыми оказались и все остальные комнаты второго этажа.

Воодушевленные успехом, пленные бросились на третий этаж. Землян опять оттерли в сторону. Это спасло им жизнь, поскольку на третьем этаже нападавших встретила стена огня. Тела убитых покатились по ступеням, преграждая путь живым. Стамиты и алюэзинцы спешно оттаскивали погибших. Последовала новая атака. Результат был прежним.

Скорее всего, кастанцы из комнат второго этажа успели перебежать на третий и занять оборону. Должно быть, у какого-то офицера охраны хватило мозгов организовать отпор. И здесь у кастанцев имелись свои преимущества. В их казарме было восемь этажей и достаточно места для отступления. И за каждый этаж нападавшим придется платить все дороже и дороже.

Теперь ни у кого не оставалось сомнений: кастанцы умеют сражаться и будут биться до последнего. Захват тюрьмы обрастал непредвиденными трудностями.

Отыскав одного из алюэзинских офицеров, Уордл сказал ему:

— Гатинской армии нет пользы от мертвых гатинцев. Нужно отступить и поискать другой способ.

— Мы решили взять казарму, чего бы нам это ни стоило,— упрямо возразил офицер.— Там ведь находится основная часть кастанских охранников.

— Возможно, мы сумеем расправиться с ними более эффективным способом.

— Каким?

— Взорвем. При достаточном количестве взрывчатки они вылетят навстречу своим кораблям. Кстати, что происходит в других местах?

— Не имею ни малейшего представления,— признался офицер.

В следующую секунду алюэзинец качнулся вперед, упал на Уордла и едва не опрокинул его на пол. Стены казармы заскрипели и застонали, потолок покрылся трещинами, и оттуда посыпалась белая пыль, а пол заходил ходуном. В окно влетел иско-

реженный кусок стали и, никого не задев, вылетел в противоположное окно. На верхних этажах зазвенели разбитые стекла.

— Двери арсенала! — воскликнул Уордл.— Теперь мы станем зубастыми.

Он выбежал во двор и направился к арсеналу. На полпути из темноты раздалась пулеметная очередь. Пули прошли выше. Уордл не остановился, но теперь он двигался зигзагами, не столько перебегая, сколько перепрыгивая с места на место. Больше по нему не стреляли.

Взорванные двери арсенала валялись на полу, смятые так, будто к ним прикоснулась рука сказочного великана. Пленные лихорадочно хватали оружие и убегали в темноту. Из арсенала показался Шеминэ. Вместе с двумя стамитами он выкатил тяжелый пулемет, установленный на двухколесной тележке.

— Внутри еще четыре таких игрушки,— сообщил Шеминэ.

Он сощурился и обвел глазами двор, часть которого выглядела подозрительно опустевшей.

— Охрану у ворот смели, как крошки со стола, а вот резерв держится до сих пор. Заперлись в караульном помещении. Оружия там хватает. Боеприпасов — тоже.

— Так это они пальнули по мне, когда я бежал сюда?

— Конечно. У них есть легкие пулеметы, а суммарный угол обстрела составляет не менее ста восьмидесяти градусов.

— Но теперь-то мы отомстим им за все, *хунэ?*— с мрачной радостью сказал стамит.— Мы их проучим, *хунэ?*

— У нас еще осталась взрывчатка? — спросил Уордл, не разделявший оптимизма стамита.

— Не больше десятка бочек этой серятины, что они натаскали из каменоломен,— ответил Шеминэ.

— Вполне хватит. Пойду-ка разыщу Холдена. Это по его части.

Уордл направился туда, где оставался Холден. Он прикидывал в уме, хватит ли такого количества аламита. Со стороны караульного помещения вновь ударил пулемет. Ага, попал в его зону обстрела, подумал Уордл. Он метнулся в сторону и залег. Стрельба прекратилась. Уордл осторожно передвинулся вперед. Снова *тамата-тамата-тамата*. Пулеметчик явно обладал острым зрением, но не отличался терпением.

Пули ложились совсем близко от Уордла. Одна ударила в плечо куртки, вырвав оттуда кусочек материи. Вторая чиркнула по бетону всего в футе от его носа и отскочила, визжа как циркульная пила.

Снова стало тихо. Уордл почувствовал, как у него вспотела спина. Он медленно поднял голову. Опять очередь, но на этот раз совсем короткая. Со двора ударила ответная очередь, мощ-

нее и тяжелее. *Бабабабам-бабабабам-бабабабам* — гудел пулемет Шеминэ. Кастанский пулемет заглох, подавленный разрывными пулями.

Молодец Шеминэ, метко стреляет. Уордл только сейчас заметил, что уже рассвело и вокруг клубится легкий туман. Уордл вскочил и побежал. Вскоре он вернулся с Холденом. Тот осмотрел бочонки и заявил, что путь в космос для кастанцев обеспечен. Стамиты, не теряя времени, потащили смертоносный груз к дверям казармы, подняли на второй этаж и вкатили в центральную комнату.

Не зная, что именно происходит, кастанцы, засевшие на третьем и верхних этажах, не вмешивались. Они слышали доносящиеся снизу возбужденные голоса пленных и ждали новых атак.

Поручив алюэзинцам и стамитам не спускать глаз с лестницы, Холден стал готовить все необходимое для взрыва.

Уордл вернулся в казарму, ведя с собой пленного кастанца. То был один из охранников, уцелевший при захвате ворот. Кастанец безропотно смирился со своим положением раба, вынужденного безоговорочно подчиняться своим новым хозяевам.

— Сейчас ты поднимешься на третий этаж,— приказал ему Уордл.— Чтобы тебя не убили, сразу назовешь свое имя. Будешь говорить на своем языке. Скажешь всем, кто наверху, что они должны сдаться, иначе все они взлетят туда, откуда не возвращаются.

Кастанец, как и положено пленному, покорился. Ему даже в голову не пришло отказаться или схитрить. Земляне наглядно увидели, что происходит с чуждым им сознанием, когда меняются условия. Еще вчера он был хозяином, теперь превратился в раба — и никаких возражений. Кастанец послушно начал подниматься на третий этаж, предупреждая, чтобы не стреляли.

— Это Рифада. Не стреляйте. Я — Рифада.

Он добрался до третьего этажа и скрылся из виду. Стало тихо. Оставшиеся внизу напряженно вслушивались.

— Гвард-сержант Клинг! Мне приказано передать вам всем, чтобы вы немедленно сдались, иначе здание будет взорвано.

Стамиты и алюэзинцы, понимавшие кастанский язык, удовлетворенно кивали: не обманул.

— Что? Так ты — пленный у пленных? — Последовала еще одна пауза.— И он еще смеет являться сюда и предлагать нам разделить с ним позор плена? Нет, уж лучше смерть, чем бесчестье... Убейте его! — резким тоном приказал кто-то.

Гулко зазвучали выстрелы. С глухим стуком упало тело, прошитое пулями. Алюэзинцы и стамиты понимающе перегляну-

лись: чего еще ждать от кастанцев? Это земляне могут надеяться на внезапную перемену в сознании.

Уордл сердито и в то же время с каким-то отчаянием махнул рукой.

— Хватит. Мы не можем их уговаривать. Пусть получают то, что выбрали сами.

Двое алюэзинцев остались возле лестницы, чтобы помешать обреченным кастанцам спастись бегством. Остальные бросились прочь, торопясь отбежать на безопасное расстояние. Холден направился к бочкам с аламитом и через несколько секунд выскочил оттуда, словно его огрели раскаленной кочергой. Алюэзинцы покинули свой пост и бросились следом.

Бывшие пленные, затаив дыхание, смотрели, что будет дальше. Здание продолжало стоять, освещенное лучами раннего солнца. Затем стены казармы словно лопнули по швам. Раздался чудовищный грохот, и здание развалилось. В небо взметнулся мощный столб почвы, пыли и дыма. Из него выплывали и падали вниз бесформенные обломки.

По загадочным причинам, всегда сопровождающим подобные взрывы, восемнадцать кастанцев уцелели. Ссадины, порезы и шоковое состояние были не в счет: главное, они остались в живых. Самым чумазым из всех оказался гвард-майор Словиц. Он выполз из-под обломков, ощупал себя и очумело завертел головой по сторонам.

Холден быстро привел его в чувство. Слегка ударив Словица в грудь, землянин сказал:

— Отныне твоя единственная цель в жизни — угождать мне. Это понятно?

— Да,— с готовностью произнес гвард-майор, проявив удивительную понятливость.

— И чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не злить меня.

— Конечно,— подтвердил Словиц, хорошо знавший правила игры и не отличавшийся упрямством некоторых своих соплеменников.

— А теперь ты построишь бывших охранников и без проволочек поведешь их вот туда.— Холден махнул рукой, указав направление.— Там ты обратишься к генералу Парте-ак-Ваиму с просьбой о немедленном зачислении тебя и всех остальных в армию Гатинской Республики.

Словиц наклонил голову и выпучил глаза. Его грузное тело немного покачивалось, а широкое, побелевшее лицо беспрестанно меняло выражение. Он шевелил губами, силясь что-то ска-

зать, но язык его не слушался. Неожиданно глаза Словица закрылись, и он молча повалился на бетон.

— Что я вижу! — воскликнул удивленный Холден.— Большая обезьяна упала в обморок.

— Чего еще ждать от воина, который уже приготовился умереть, потом успел смириться с участью пленного, а теперь должен идти в армию своих прежних врагов? — спросил Уордл.

Через полчаса пал последний очаг сопротивления — караульное помещение у ворот. Двенадцать засевших там кастанцев отстреливались до последнего. Тюрьма оказалась в руках восставших, однако торжествовать победу было рано.

Над командным корпусом спешно водрузили синий флаг с белой звездой. Солдаты и офицеры гатинской армии отдали ему честь и приветствовали громкими криками. Санитарные отряды подбирали раненых и несли в больницу, где врачи делали все, что в их силах. Специальный отряд разыскивал среди погибших Фестерхеда и Мачимбара. Их нигде не нашли. Скорее всего, судьба улыбнулась им и увела из здания казармы.

Тысяча радостных и гордых гатинских воинов на трофейных грузовиках поспешили к соседней тюрьме. Вот когда пригодилась дорога, которую строили многие из них! Четыреста бойцов были вооружены автоматическими винтовками, еще четыреста — скорострельными револьверами, а двум сотням пришлось довольствоваться самодельными аламитовыми гранатами.

Они поспели вовремя и сразу же включились в заключительный бой с кастанцами. И здесь кастанцы сражались с неистовством, предпочитая смерть пожизненному (как они думали) бесчестию. Триста семьдесят из них погибли в бою. Сорок восемь, очумевших не меньше Словица, пополнили ряды стремительно растущей гатинской армии.

Боевая колонна двинулась дальше. Ее численность выросла вдвое, но оружия по-прежнему на всех не хватало. По дороге к третьей тюрьме бойцы настигли машину, в которой ехали Фестерхед и Мачимбар. Те едва успели удивленно выпучить глаза. Несколько аламитовых гранат оставили от их машины груду дымящихся обломков.

Вскоре третья и все остальные близлежащие тюрьмы оказались в руках восставших. После захвата десятой тюрьмы колонна бойцов разрослась до размеров армии, однако современное оружие было только у одного из семи.

Положение резко изменилось после налета на крупную военную базу кастанцев. Враги были застигнуты врасплох, и база пала. Дефицит вооружения перестал существовать, а ряды гатин-

ской армии пополнились семьюстами кастанцами, едва успевшими оправиться от переворота в их сознании. Здесь же у гатинцев появилась своя артиллерия: десять передвижных зенитно-наземных батарей.

Следующую победу принесло нападение на плохо охраняемый аэродром кастанцев. Здесь трофеи были крупнее: четыре небольших космических крейсера с полной боевой оснасткой и шестьдесят два реактивных самолета. Бывшие художники спешно закрашивали на бортах двойные стрелы и рисовали белую звезду. Бывшие пилоты, штурманы, технические специалисты и стрелки быстро составили экипажи кораблей и стартовали для нанесения ударов по другим вражеским аэродромам.

Электрики и связисты выводили из строя линии электропередач и прослушивали телефонные переговоры. Гатин был довольно большой планетой, и в других ее частях кастанцы даже не подозревали о случившемся. Их еще больше запутывали ложной информацией, а все полученные сведения постоянно стекались в штаб полевой разведки гатинской армии. Благодаря полетам самолетов-разведчиков командование знало обо всех передвижениях вражеских частей. Свой вклад вносили и радисты, которые на трофейном оборудовании занимались перехватом кастанских сообщений. Военные действия ширились и набирали силу, ибо воюющие четко сознавали, ради чего воюют.

В эти дни Уордл часто вспоминал о цепной реакции. Наверное, одних подходящих условий мало, думал он. Нужно что-то еще. Нужен переворот в сознании. Нужна захватывающая идея, иначе тюремный бунт никогда бы не перерос в войну за независимость.

На девятый день войны в небе над Гатином метеором пронесся охваченный пламенем космический корабль. Он прилетел оттуда, где среди мигающих звезд тоже шла война. С поверхности планеты она была похожа на вспышки падающих звезд. Корабль врезался в вершину холма, усеяв окрестности обломками расплавленного металла. На одном куске уцелела часть кастанской эмблемы — острия двух белых стрел.

Той же ночью с неба упало еще одиннадцать пылающих кораблей, осветив местность на многие мили вокруг. Кому принадлежал первый из них, установить не удалось. Второй был кораблем землян — на его обгоревшем боку нашли изображение кометы. Остальные девять кораблей были кастанскими.

На десятый день Уордл и его товарищи тряслись и подпрыгивали в кузове военного грузовика. Грузовик был частью громадной армейской колонны, двигавшейся на юг. Войскам гатинцев

предстояло пройти около тысячи миль. За рулем сидел бывший гвард-майор, а ныне майор гатинской армии Словиц. Только ему под силу было крутить здоровенное рулевое колесо и нажимать тяжелые педали кастанской машины. Неожиданная свобода и вновь обретенное чувство собственного достоинства так подействовали на Словица, что он стал, по словам Холдена, «наигатиннейшим из всех гатинцев».

Вряд ли земляне обратили бы внимание на стоявшую у обочины передвижную радиостанцию, если бы не отчаянные жесты алюэзинского сержанта. Словиц затормозил.

— Земляне! — обрадованно воскликнул сержант.— Какая удача, что я вас заметил. Вас хотят видеть в Лангазиме.

— Это же целый день трястись в обратном направлении,— поморщился Уордл.— Мы торопимся на юг. Сам знаешь, там предстоит серьезное сражение. А кому и зачем мы понадобились?

— Мы получили несколько сообщений. Требуют, чтобы вы немедленно ехали в Лангазим.

— Кто требует? — начал терять терпение Уордл.

— Там сел фрегат землян. Они рассказали, что вражеский флот понес серьезные потери. Поэтому наша окончательная победа на Гатине — лишь вопрос времени. Теперь Космический Союз собирает силы для нанесения удара по Касте.

— М-да. Не удивлюсь, если нам прикажут возвращаться домой.

Новость озадачила и даже где-то раздосадовала Уордла. Он стоял, не зная, что предпринять. Мимо проехал грузовик, таща за собой цистерну с паралитическим газом и устройство для его распыления. Над войсками пронеслись три реактивных самолета и, качнув крыльями, скрылись вдали. На горизонте клубились струйки дыма. Там шел бой. Чуткое ухо Уордла различало выстрелы винтовок, пулеметные очереди, уханье аламитовых бомб и свист снарядов крупнокалиберной артиллерии.

— Ладно, может, я ошибся и нам не придется покидать Гатин,— не слишком уверенно произнес Уордл. Он повернулся к Словицу: — Давай, майор, гони в Лангазим, и побыстрее.

На поле изрытого бомбовыми воронками космопорта в Лангазиме стоял фрегат. Капитан сбежал по трапу навстречу прибывшей семерке. Молодой, рослый, в безупречно сидящей на нем форме, он говорил тоном человека, уставшего от непредсказуемости начальства, но смирившегося со своей участью.

— С нашим командованием не соскучишься. Представляете, мой корабль вывели из боя и приказали сесть в этой дыре, что-

бы найти и доставить группу, отправленную на какое-то спецзадание.

Капитан задержался взглядом на Казазоле.

— Надо полагать, вы и есть часть этой группы?

Казазола молчал.

— Мы и есть вся группа,— сообщил ему Холден.

Капитан нахмурился, подумав, будто его разыгрывают. Убедившись, что никакого розыгрыша здесь нет, он недоверчиво спросил:

— Неужели вас было всего семеро?

— Угу,— ухмыльнулся Холден.— Хорошо поработали, *хуйэ?*

Обернувшись, Холден помахал рукой стоявшему поодаль Словицу.

— Счастливо оставаться. Удачи тебе, Слобович.

— Словиц,— с необычайной вежливостью напомнил ему майор.

Чуточку смазки

Внутренности корабля гудели, дребезжали и грохотали, как барабан. Все это сливалось в один громкий низкий звук, похожий на пение басовых труб большого органа. Он проникал повсюду. От него стонали листы внешней обшивки, жаловались стальные балки переборок. Звук этот отдавался в нервах и костях каждого члена экипажа, давил на усталые уши. Самое ужасное, что к нему невозможно было привыкнуть. Ни за неделю, ни за месяц, ни за год. Ни даже за четыре года полета.

Заглушить этот шум тоже было невозможно. Его порождал атомный двигатель, помещенный в цилиндр из металла с высоким уровнем проводимости. Экипажу первого корабля приходилось еще труднее: они страдали от нескончаемого скрипа, переходящего в визг. Тот корабль так и не вернулся. Это было тридцать лет назад. Возможно, он и сейчас еще скрипел где-то в бескрайних просторах космоса, только некому было слушать этот скрип и страдать из-за него.

Двигатель второго корабля установили в отсеке, изолированном толстым слоем минеральной ваты. Трубки Вентури* изнутри покрыли силиконом. Звук стал низким, чем-то похожим на жужжание пчелы, летящей с медосбора, только в двадцать тысяч раз громче. Но и эта «пчела» не вернулась в свой земной «улей». Тот корабль улетел восемнадцать лет назад и мог лететь еще сто, тысячу или десять тысяч лет.

Нынешний гудящий и бренчащий корабль был третьим по счету. Судьба улыбнулась ему: он возвращался на Землю. Пока

---

* Трубка с суживающимся внутри каналом и щелью в месте сужения. Применяется в гироскопических авиационных приборах. Идея подобного устройства принадлежит итальянскому ученому Джованни Батиста Вентури (1746–1822).— *Прим. перев.*

что не только Земля, но даже Солнце не мелькало красной песчинкой среди звездного тумана. Подобно заблудшей душе, жаждущей спасения, этот корабль не сгинул в космических пучинах, как двое его собратьев. Судьба даровала ему желанное спасение. Корабль номер три — в этом что-то было.

У моряков существовали свои талисманы, у космоплавателей — свои. В капитанской каюте, где Кинрад сейчас заполнял бортовой журнал, на стене висел лист бумаги с крупной вдохновляющей надписью:

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА БУДЕТ УСПЕШНОЙ!

Они верили в это с самого старта корабля. Тогда экипаж состоял из девяти человек. Они верили в это сейчас, возвращаясь домой, потеряв троих. Но в промежутке бывали мгновения (никто не решится сказать, что они уже позади), когда вера экипажа начинала шататься и всем хотелось одного: повернуть назад. Любой ценой, даже ценой смерти. Послать к чертям главную цель полета и вернуться. В такие мгновения они были готовы броситься друг на друга, силясь вырваться из тисков аудиофобии, клаустрофобии и полудюжины иных фобий.

Правая рука Кинрада водила ручкой по бумаге, а рядом с левой, отливая голубизной, лежал автоматический пистолет. Глаза его были заняты журналом, уши ловили все звуки корабля, сопровождаемые непрекращающимся гудением двигателя. На короткое время гул мог ослабнуть или почти стихнуть, однако внезапная тишина являлась не столько благословением, сколько проклятием. Сквозь этот фон прорывались только громкие звуки, например чье-то смачное ругательство или крик. Или выстрел. Однажды это уже было, когда Вейгарт затеял пальбу, и вполне могло повториться снова.

Кинрад не вызывал к себе Бертелли. Тот явился неожиданно, отчего Кинрад дернулся и поспешно убрал со стола левую руку (тяготы полета сказывались и на его нервах). Совладав с собой, он повернул сиденье кресла в сторону пришедшего и взглянул в печальные серые глаза Бертелли.

— Ну как, поймали они его?

Вопрос озадачил Бертелли. Его вытянутое, вечно скорбное лицо вытянулось еще сильнее. Разинутый рот изогнулся. В печальных глазах застыло выражение изумленной беспомощности. Всем своим видом вошедший показывал, что вопрос капитана застал его врасплох.

Знакомые симптомы. Кинраду пришлось повторить вопрос, выразившись точнее:

— Солнце уже появилось на экране?

— Какое солнце? — Руки Бертелли переплелись, как ветки, а его пальцы были похожи на длинные морковины.

— Наше Солнце, дубина!

— А, вот ты о чем.— Глаза Бертелли расширились: этот кретин радовался, что наконец-то понял вопрос.— Я не спрашивал.

— Я-то думал, ты явился ко мне сообщить приятную новость.

— Нет, капитан. Я зашел на всякий случай. Вдруг тебе нужна моя помощь.

На мрачном лице Бертелли вспыхнула улыбка дурня, которому не терпелось кому-нибудь услужить. Уголки рта поднялись, сам рот растянулся до ушей. Теперь лицо Бертелли напоминало кусок недозрелой дыни.

— Благодарю,— постарался как можно вежливее ответить Кинрад.— Сейчас она мне не требуется.

Лицо Бертелли мгновенно приобрело прежние страдальчески-изумленные черты. На нем ясно читалось извинение за несвоевременный приход и неуместный вопрос. Развернув свои большие неуклюжие ноги, он побрел к двери. Как всегда, в проходе он поскользнулся на блестящем металлическом полу и едва не упал. Стараясь удержаться на ногах, Бертелли громко застучал по полу тяжеленными ботинками. Кинрад не помнил, чтобы кто-то еще хоть раз поскользнулся на этом месте. Только Бертелли.

Кинрад вдруг почувствовал, что улыбается, и озабоченно нахмурился. Он снова полез в корабельный реестр, но, разумеется, не вычитал там ничего нового. Только короткий список: девять строчек с именами, три из них были перечеркнуты. И знакомая запись в нижней части: *Энрико Бертелли. Возраст — 32 года. Профессия — психолог.*

Чушь, ахинея, полнейший абсурд. Если Бертелли — психолог или некто, имеющий хотя бы отдаленное касательство к научным исследованиям, тогда он, Роберт Кинрад,— голубой жираф. Вот уже четыре года подряд они заперты в недрах этой гудящей и дребезжащей посудины, именуемой космическим кораблем. Шесть человек, тщательно отобранных из огромнейшего числа претендентов, соль Земли, цвет планеты. А по сути — пятеро человек и один неисправимый дурак.

Здесь скрывалась какая-то загадка. Кинрад часто думал о ней в свободные минуты, когда мозг не был набит неотложными заботами. Загадка дразнила и мучила его, и капитан снова и снова мысленно воссоздавал облик Бертелли, начиная с печальных глаз и доходя до крупных несуразных ног. Свободных минут выпадало не так уж много, но когда они появлялись, Кин-

рад погружался в размышления, безуспешно пытаясь анализировать поведение Бертелли и путем логических умозаключений выявить истинную причину нахождения этого, с позволения сказать, психолога на корабле. На это время он забывал об остальных членах экипажа. Все внимание Кинрада поглощал Бертелли.

При любой возможности Кинрад наблюдал за ним, не переставая удивляться. Ну как мог специалист, истинный знаток своего дела быть таким законченным и неисправимым идиотом? Возможно, схожие вопросы занимали и остальных членов экипажа. Наверное, и они тоже наблюдали за Бертелли. Кинрад этого не знал, а выяснять у него не было времени. Оно уходило на психолога.

Пристальное внимание Кинрада как раз и было ответом, однако сам он об этом не догадывался.

Когда капитан вышел перекусить, Марсден следил за курсом, а Вэйл — за двигательным отсеком. Трое остальных уже сидели за столом в помещении корабельной кухоньки. Кинрад слегка кивнул и занял свое место.

Рослый блондин Нильсен, инженер-атомщик по основной профессии и ботаник — по дополнительной, с некоторым ехидством взглянул на Кинрада и сказал:

— Нету солнышка.

— Знаю.

— А пора бы ему появиться.

Кинрад пожал плечами.

— Но его все нет и нет,— продолжал Нильсен.

— Знаю,— повторил Кинрад.

— Может, тебя это не волнует?

— Не говори глупостей.

Разорвав ланч-пакет, капитан вывалил его содержимое в пластиковую ячейку, служившую ему тарелкой.

Зумм-зумм — гудели стены, пол и потолок корабля.

— Значит, ты считаешь меня глупцом?

Нильсен подался вперед, ожидая ответа. Вид у него был задиристый.

— Давайте лучше есть,— предложил Арам, худощавый, смуглый и нервный космогеолог.— Нам и так невесело, незачем делать жизнь еще тошнее.

— Это не ответ,— заявил Нильсен.— Я хочу знать...

— Прошу прощения,— пробормотал Бертелли и потянулся через весь стол за солонкой.

Нильсену пришлось замолчать.

Выкрутив солонку из держателя, Бертелли придвинул ее к себе и вдруг обнаружил, что сидит на самом краешке стула. Он удивленно захлопал глазами, встал, придвинул закрепленный в пазах стул поближе и снова сел, успев смахнуть солонку со стола. С виноватым видом психолог поднял солонку и стал солить еду. Теперь он действовал необычайно осторожно, словно опрокидывал большое ведро, полное воды. Потом Бертелли буквально улегся на стол, чтобы без дальнейших приключений вставить солонку обратно в держатель. Сделав это, он, выставив зад, отполз на свое место и сел.

Однако стул почему-то снова успел отодвинуться от стола, и Бертелли начал сползать с сиденья. Глаза психолога стали еще шире. Он вторично подвинул упрямый стул на нужное расстояние. Наконец Бертелли сел. В его извиняющемся взгляде было что-то жалкое.

Нильсен глубоко вздохнул.

— Новых экспедиций за солью не предполагается? — спросил он.

Бертелли отнесся к вопросу со всей серьезностью. Он внимательно осмотрел содержимое своей тарелки. Прирожденный идиот, да и только!

— Нет, думаю, что соль мне больше не понадобится.

Нильсен поглядел в свою тарелку, поднял голову и, встретившись взглядом с Кинрадом, спросил:

— Интересно, что в этом парне такого, чего нет у других?

— Я бы тоже хотел знать,— с усмешкой ответил Кинрад.— Все пытаюсь докопаться, и никак.

Лицо Нильсена тронула улыбка.

— Вот и я тоже,— признался он.

Бертелли не произнес ни слова. Он поглощал ланч в одному ему присущей манере: держа локти на весу и постоянно опасаясь пронести вилку мимо рта.

Марсден позвал их в кабину. Тыча карандашом в экран, он сказал:

— Мне вот это пятнышко кажется ярко-розовым. Но я могу и ошибаться. Игра воображения и все такое.

Кинрад наклонился к экрану и пригляделся.

— Слишком оно крошечное. Как кончик иглы. Выводы пока делать рано.

— Значит, я просто себя дурачил.

— Совсем не обязательно. Возможно, твои глаза более восприимчивы к цвету, чем мои,— успокоил его Кинрад.

— Давай спросим у нашего знатока человеческих душ,— предложил Марсден.

Бертелли то отодвигался от сверкающей точечки, то чуть ли не утыкался носом в экран. Он глядел на нее под разными углами. Наконец он сощурился и покачал головой.

— Это не оно,— сообщил Бертелли, довольный своим открытием.— Наше Солнце — оранжево-красное.

— Флюоресцентное покрытие экрана делает его розовым,— торопливо пояснил Марсден.— Так какой цвет у этого пятнышка? Розовый?

— Не знаю,— упавшим голосом признался Бертелли.

— Спасибо за помощь,— огрызнулся Марсден.

— Мы пока еще слишком далеко, чтобы делать какие-либо предположения,— примирительно сказал Кинрад.— У экрана недостаточное разрешение. Надо учитывать возможные искажения. Давайте подождем, пока не подлетим поближе.

— Я по горло сыт ожиданием,— пробурчал Марсден, хмуро косясь на экран.

— Тем не менее мы летим домой,— напомнил ему Бертелли.

— Знаю. Это-то и вышибает меня из колеи.

— Разве ты не хочешь вернуться домой? — удивленно спросил Бертелли.

— Хочу, и даже слишком.— Марсден раздраженно засунул карандаш к себе в карман.— Я думал, что выдержу вторую часть полета лучше, чем первую, поскольку мы возвращаемся домой. Я ошибся. Мне надоело ждать. Я уже сейчас хочу валяться на зеленой траве, смотреть в голубое небо и идти куда вздумается. Ожидание меня выматывает.

— А я могу ждать,— тоном пай-мальчика сообщил Бертелли.— Я привык ждать. Если бы я не умел ждать, я бы давно спятил.

— Так ты у нас, оказывается, нормальненький?

Марсден смерил его взглядом. Брюзгливое выражение на лице штурмана начало исчезать, сменяясь усмешкой.

— Может, откроешь курсы и будешь учить нас ждать?

Покинув кабину, Марсден направился на кухню, продолжая посмеиваться. Кончилось тем, что он во все горло расхохотался.

— Что тут смешного? — с неподдельным удивлением спросил Бертелли.

Кинрад оторвался от экрана и пристально посмотрел на психолога.

— Почему всякий раз, когда кто-то оказывается на грани...

Передумав, он оставил свой вопрос неоконченным.

— В чем дело, капитан?

— Да так, ничего. Мысли вслух.

В это время сменившийся с вахты Вэйл тоже пошел перекусить. Вэйл был коренастым широкоплечим человеком с длинными сильными руками.

— Ну как, оно проклюнулось?

— Полной уверенности у нас пока нет.— Кинрад указал на крошечную точку, затерявшуюся среди множества похожих.— Марсден считает, что это и есть Солнце. Но он может ошибаться.

— Значит, опять «полной уверенности нет»? — спросил Вэйл, не обращая внимания на экран, а глядя капитану прямо в глаза.

— Полная уверенность будет, когда мы подлетим ближе. Пока еще рано.

— Сегодня ты поешь по-другому, так?

— Что ты этим хочешь сказать? — В голосе Кинрада зазвенел металл.

— Три дня назад ты уверял нас, что Солнце может появиться в любую секунду. Твои слова прибавили нам сил и подняли дух. Мы в этом нуждались. Я сам не из плаксивых младенцев, но скажу честно: надежда и для меня была не лишней.

Вэйл с оттенком презрения поглядел на остальных.

— Правда, чем выше взлетают надежды, тем ниже они падают, оказавшись ложными.

— Я не считаю свою надежду ложной,— сказал Кинрад.— Когда полет домой длится два года, плюс-минус три дня — совсем незначительная погрешность.

— Наверное, мы просто сбились с курса, и ты выдумываешь разные успокоительные отговорки.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я не в состоянии точно вычислить координаты и проложить правильный курс?

— Я хочу сказать, что даже лучшим специалистам свойственно ошибаться,— нехотя пошел на попятную Вэйл.— Гибель двух кораблей — лучшее тому доказательство.

— Они погибли не из-за навигационных ошибок,— вмешался Бертелли, хотя по его лицу было видно, что он сам не верит в свои слова.

— Кто бы говорил, но только не ты,— закусил губу Вэйл.— Никак ты успел поднатореть в тонкостях астронавигации?

— Нет,— смиренно признался Бертелли, потом кивнул на Кинрада.— Зато он достаточно разбирается в этом.

— Незадолго до своей смерти капитан Сандерсон детально разработал и просчитал маршрут нашего возвращения,— уже дружелюбнее сказал Кинрад.— Я не менее десятка раз проверил и перепроверил его расчеты. И Марсден тоже. Если ты в них сомневаешься, можешь проверить сам.

— Я же не штурман.

— В таком случае закрой свой люк и дай возможность другим...

— Но я ведь его даже не открывал,— запротестовал Бертелли.

— Что ты не открывал? — не понял Кинрад.

— Мой рот.— Бертелли счел слова капитана личным оскорблением.— Даже не знаю, почему ты вечно отыгрываешься на мне. Все вы отыгрываетесь на мне.

— Ты ошибаешься,— вмешался Вэйл.— Он...

— Ну вот, теперь я ошибаюсь. Я всегда ошибаюсь и никогда не бываю прав.

Испустив глубокий вздох, Бертелли со страдальческим лицом поплелся прочь.

Вэйл с некоторым изумлением проводил его глазами, потом сказал:

— По-моему, у парня комплекс жертвы. И при этом он еще психолог. Ну не смешно ли?

— Да,— без тени улыбки согласился Кинрад.— Очень смешно.

Вэйл подошел к экрану и стал вглядываться в россыпи точек.

— Так какую из них Марсден принял за Солнце? — спросил он.

— Вон ту,— показал Кинрад.

Вэйл вперился взглядом в указанную точку.

— Ладно, будем надеяться, что он прав.

Сказав это, Вэйл отправился есть.

Оставшись один, Кинрад уселся в штурманское кресло. Он смотрел на экран, но ничего не видел. Мысли капитана были заняты совсем другим. Существовала некая проблема, но была ли она настоящей или кажущейся? И вообще, когда наука станет искусством? Или наоборот: когда искусство станет наукой?

На следующий день Арам неожиданно «спознался с Чарли». Иными словами, у него возник тот же психоз, который стоил жизни Вейгарту. Психоз этот имел заковыристое научное название, но его мало кто знал и еще меньше кто мог произнести без запинки. Все пользовались жаргонным словечком, появившимся во времена одной очень давней и почти забытой войны. На тогдашних тяжелых бомбардировщиках в хвосте самолета помещался пулеметчик. Его так и называли — «хвостовой Чарли» или просто «Чарли». Насест, где располагался стрелок, напоминал птичью клетку с прозрачными стенками и соседствовал с запасом бомб и тысячами галлонов высокооктанового авиационного бензина. Как-то один из «Чарли» крепко задумался о таком соседстве. Кончилось тем, что он стал с дикими воплями биться о стенки своей воздушной тюрьмы, пытаясь вырваться наружу.

Поведение Арама безошибочно указывало на то, что психика парня дала трещину. Было время обеда. Арам сидел рядом с Нильсеном и механически поглощал еду. Космический рацион ни у кого не вызывал особого аппетита, так что равнодушие Арама к пище было вполне объяснимым. Затем он молча и все с тем же безучастным выражением вдруг отшвырнул поднос и бросился бежать. Нильсен попытался поймать его за одежду, но не сумел. Арам проскользнул через дверь словно кролик, за которым гнались собаки, и помчался по коридору прямо к переходному шлюзу.

Резко отодвинув свой стул, отчего тот едва не выскочил из пазов, Нильсен побежал вслед за ним. Чуть поотстав, в коридор выскочил Кинрад. Бертелли остался сидеть. Ему было необходимо донести до рта тяжелогруженую вилку. Глаза психолога застыли на противоположной стене, но большие уши навострились и ловили каждый звук.

Они настигли Арама в тот момент, когда он пытался открыть внешний люк переходного шлюза, отчаянно вращая рукоятку не в том направлении. Но даже если бы он повернул ее туда, куда надо, ему все равно не хватило бы времени открыть люк. Весь бледный, Арам тяжело сопел от напряжения.

Подбежав к Араму, Нильсен схватил его за плечо, развернул к себе и ударил в челюсть. Крепыш Нильсен вложил в свой удар достаточно силы, намного больше, чем требовалось тщедушному Араму. Сбитый с ног, тот рухнул у двери шлюза, потеряв сознание. Потирая костяшки пальцев, Нильсен проворчал что-то себе под нос и внимательно проверил запорное устройство.

Убедившись, что Арам ничего не повредил, Нильсен поднял жертву «Чарли» за ноги. Кинрад ухватил Арама за плечи, и они перенесли космогеолога в его тесную каюту, где уложили на койку. Нильсен остался его сторожить, а Кинрад пошел за шприцем и ампулой со снотворным. Двенадцать часов крепкого сна Араму были обеспечены. Это был единственный известный способ совладать с «Чарли»: насильственный сон давал перевозбужденному мозгу необходимый отдых и позволял снизить нервное напряжение.

Вернувшись на кухню, Нильсен принялся за недоеденный обед.

— Хорошо еще, что его не угораздило схватить револьвер,— сказал он Кинраду.

Кинрад молча кивнул; он прекрасно понял слова Нильсена. Вейгарт тогда держал их всех на мушке, готовясь выйти через шлюз в космическую пустоту, принимаемую им за желанную

свободу. Любые попытки взять его живым окончились бы трагически, и потому они были вынуждены застрелить Вейгарта. Быстро и без сантиментов, поскольку жизнь каждого из них висела на волоске. Вейгарт стал их первой потерей. Это случилось на двадцать первый месяц полета.

Они не имели права допустить новых жертв. Экипаж из пяти человек еще мог управлять кораблем, держать его по курсу и посадить на родную Землю. Но пятеро — это предел. Уменьшение экипажа до четырех грозило превратить корабль в большой металлический гроб, несущийся в межзвездной пустоте неведомо куда.

Это напомнило Кинраду еще об одной проблеме, которой он так и не нашел удовлетворительного разрешения. Может, стоит закрыть переходной шлюз на особый замок и держать единственный ключ у себя? Дополнительная мера безопасности. Но не придется ли дорого заплатить за нее, окажись они в чрезвычайной ситуации? Что хуже: позволить одному свихнувшемуся выпасть в открытый космос или в случае вынужденной эвакуации погубить всех?

Конечно, они возвращаются домой, и когда вернутся, он, Кинрад, передаст начальствующим шишкам бортовой журнал и подробные отчеты. Пусть уже они ломают головы. Как-никак, это входит в их обязанности, а в его обязанности входило благополучно вернуться на Землю.

Взглянув мельком на Нильсена, Кинрад сразу же понял, что тот продолжает думать о Вейгарте. У ученых и инженерной элиты прекрасные головы, но при этом они такие же люди, как и все остальные. Занимаемое ими положение не делает их неким замкнутым сообществом. Вне своей профессиональной сферы они, как и все остальные, подвержены превратностям жизни. Каким бы высокоорганизованным ни был мозг каждого из них, они не могут думать только о своих научных или технических задачах. Иногда они думают о других людях или о самих себе. Взять того же Нильсена. У него высокоорганизованный мозг, острый ум и восприимчивость. Но одновременно это делает его более уязвимым и подверженным эмоциональному срыву. Кинрад мог почти ручаться: если Нильсен вдруг бросится к переходному шлюзу, он не позабудет про револьвер.

Нет, чтобы выдержать несколько лет в этом адском котле, где дюжина чертей беспрерывно шурует кочергами, нужны люди с более низким интеллектом и такой же пониженной восприимчивостью. Вот и еще одна задачка для его высокопоставленных начальников. Выносливых тупиц — пруд пруди, но ведь от экипажа требуется не только выносливость. Кто-то должен управлять

кораблем, а для этого нужен иной уровень интеллекта и... С чего начали, к тому и вернулись.

В идеале экипаж корабля должен состоять из непроходимых тупиц с высоким коэффициентом интеллектуального развития. Бессмыслица, как круглый квадрат.

Неожиданно Кинрада осенило: может, именно в этом и состоит загадка Бертелли? Отбор кандидатов для экипажа корабля вели опытнейшие люди, настоящие знатоки своего дела. Просто не верилось, чтобы они вдруг ни с того ни с сего выбрали столь бесхребетную личность, как Бертелли. Нет, отбор проводился очень тщательно, не менее тщательно, чем проектирование и постройка самого корабля. В этом Кинрад не сомневался. Быть может, потеря двух кораблей убедила отборочную комиссию, что им следует предъявлять к кандидатам менее завышенные требования. Что, если Бертелли взяли в качестве... экспериментального тупицы?

Это уже кое-что объясняло, но не все. Конечно, вероятность того, что Бертелли свихнется от перенапряжения и кинется к шлюзу, очень мала. В этом — его единственное преимущество. Его знания (если у него были знания) лежали совсем в другой области, а учиться на практике он не умел. Любое поручаемое ему дело Бертелли неизменно и с блеском проваливал. Кинрад представил его неуклюжие ручищи на пульте управления и поморщился. Подпусти его на несколько секунд — потом беды не оберешься.

Правда, Бертелли ни у кого не вызывал ненависти. Наоборот, его по-своему любили. У этого парня были иные качества, не менее ценные в условиях космического корабля. Он играл на нескольких музыкальных инструментах, пел надтреснутым голосом, был неплохим мимом и танцевал чечетку, разумеется с присущей ему неуклюжестью. Поначалу Бертелли раздражал остальных, но потом раздражение улеглось. Он оказался забавным и трогательным недотепой. Экипажу стало как-то неловко помыкать им, поскольку, наверное, не было человека, который бы не мог помыкать Бертелли.

Их полет докажет земным теоретикам, что космический корабль — не место для тупиц, совершенно далеких от техники. Подумав об этом, Кинрад почему-то не ощутил уверенности в правоте своего вывода. Незачем посылать тупиц в космос, мысленно убеждал себя капитан. Их эксперимент провалился. Провалился. Провалился... Чем больше Кинрад старался себя убедить, тем меньше это ему удавалось.

В кухне появился Вэйл и удивленно оглядел остальных.

— А я думал, что вы уже десять минут назад разделались с едой.

— Мы поели,— сказал ему Нильсен и встал. Он стряхнул крошки и кивком указал Вэйлу на свой стул.— Садись. Я послежу за двигателем.

Взяв поднос и пакет с едой, Вэйл уселся.

— Что случилось? — спросил он.

— Арам «спознался с Чарли». Пришлось его уложить проспаться,— ответил Кинрад.

Лицо Вэйла осталось безучастным. Он с силой всадил вилку в содержимое тарелки и сказал:

— Солнце — вот что ему нужно. И всем нам — тоже.

— Но ведь в космосе миллионы солнц,— желая утешить собравшихся, напомнил Бертелли.

Уперев локти в стол, Вэйл хрипло и многозначительно произнес:

— То-то и оно!

Глаза Бертелли потухли, а сам он впал в свое привычное замешательство. Задев поднос, он даже не заметил, как уронил вилку. Не спуская глаз с Вэйла, Бертелли нащупал вилку, ухватил ее за зубцы и рассеянно ковырнул ручкой в тарелке. Столь же рассеянно он поднес ручку ко рту.

— Другим концом удобнее,— посоветовал Вэйл, с любопытством следя за психологом.— Он острее.

Бертелли опустил глаза и стал внимательно разглядывать вилку. Глаза его постепенно наполнялись искренним удивлением. Он беспомощно, по-детски мотнул головой. Наконец на его лице появилась всегдашняя извиняющаяся улыбка. Вращая пальцами, он как бы случайно подбросил вилку, и она заняла правильное положение у него в руке.

Вэйл не заметил этот трюк, но от Кинрада он не ускользнул. Капитану показалось, что Бертелли допустил незначительную, совсем пустяковую ошибку, которая вполне могла остаться незамеченной.

Кинрад вернулся к себе в каюту и занялся обычными делами. Через какое-то время интерком на его столе ожил. Из динамика послышался голос Марсдена:

— Арам очнулся. Челюсть у него разнесло, но, похоже, парень пришел в норму. Не думаю, что ему понадобится вторая доза.

— Мы не станем держать его взаперти, но пока придется за ним понаблюдать,— решил Кинрад.— Пусть Бертелли торчит где-нибудь рядом. Как-никак, это по его части.

— Хорошо.— Марсден помолчал, потом негромко добавил: — Вэйл что-то скис. Ты заметил?

— С ним все в порядке. Просто у него сейчас повышенная нервозность. С кем из нас не бывает?

— Наверное.

Похоже, Марсден собирался еще что-то сказать, однако не сказал и отключился.

Закончив ежедневную запись в бортовом журнале, Кинрад подошел к зеркалу и осмотрел собственное лицо. С бритьем можно еще немного повременить. Это была одна из незначительных поблажек, которые он себе позволял. Кинрад не любил бриться, однако отпустить бороду ему не хватало мужества. Он не знал, как к этому отнесутся другие.

Кинрад откинулся на спинку стула и стал неспешно размышлять. Сначала о родной планете, потом о людях, отправивших этот корабль в космос. С них его мысли перешли на экипаж корабля. Все они были настоящими специалистами, иначе корабль ни за что не достиг бы чужой звезды. Особенностью их подготовки была ее разумная и полезная многогранность. Трое астронавтов прошли сверхускоренный курс, получив необходимые научные знания. Ученым преподавали основы космической навигации и атомной техники. Таким образом, каждый был дважды профессионалом. Все, кроме Бертелли.

Предполетная подготовка включала в себя не только это. Один лысый старикашка, возглавлявший психиатрическую клинику, со знанием дела читал им лекции по космической этике и нормам поведения на борту корабля. По его словам, каждый член экипажа имеет право знать о своих товарищах только три вещи: имя, возраст и род занятий. Выведывать какие-либо иные сведения и пытаться вторгнуться в чужую жизнь непозволительно. Незнание жизненных подробностей избавляет людей от предвзятого отношения, антагонизма и оскорблений. Так утверждал этот старикашка. Чем меньше находящиеся в полете люди знают друг о друге, тем меньше у них поводов для ссор и стычек. И потому еще на Земле было решено: если кому-то, допустим, станет муторно, никто не будет приставать к нему с расспросами и доискиваться причин.

Нормы поведения были обязательными для всех, включая и капитана, так что Кинрад не имел права спросить, почему Вэйл сегодня раздражен сверх меры и почему Марсден проявляет большее нетерпение, чем остальные. Не имея досье на своих подчиненных, капитан мог лишь предполагать, что в критической ситуации Нильсен опаснее других, а у Арама наименее

устойчивая психика. Точно так же он не мог требовать от Бертелли четко и внятно объяснить причины своего нахождения на корабле. Пока их полет успешно не завершится, личная история каждого члена экипажа останется за завесой. Только какие-то мелочи в поведении каждого из пятерых приоткрывали особенности их характеров.

Проведя с этими людьми почти четыре года, Кинрад сумел многое о них узнать. Однако настоящие знания откроются ему потом, на Земле, когда полет станет достоянием прошлого, когда табу будет снято и все они смогут свободно делиться воспоминаниями.

Кинрад любил думать об этом. И не только об этом. За годы полета он разработал целую теорию, которую намеревался сразу же представить на рассмотрение экспертов. Она касалась преступников, отбывающих пожизненное заключение. Кинрад считал, что далеко не все преступники являются тупицами. Среди них хватает умных, образованных и восприимчивых людей, которых те или иные обстоятельства выбили из нормальной жизненной колеи. А оказавшись за решеткой, кому-то из них не так уж сложно «спознаться с Чарли». И в этом состоянии они совершают самые нелепые и безрассудные поступки, только бы вырваться на свободу. Но наградой им становится не свобода, а одиночная камера, хотя сажать такого заключенного в одиночку — все равно что лечить отравившегося, дав ему порцию более сильной отравы. Кинрад считал такое положение вещей в корне ошибочным. В нем жил реформатор.

В его столе хранилась стопка аккуратно исписанных листков — рекомендации по обращению с пожизненно осужденными, склонными к психическим срывам. Кинрад предлагал постоянно наблюдать за их поведением и активно применять трудотерапию. Были ли его предложения практически осуществимыми, капитан не знал, однако считал их конструктивными. Рекомендации были его любимым детищем. Кинраду хотелось, чтобы ведущие психологи самым серьезным образом проверили его теоретические рассуждения. Если они окажутся правильными (в чем Кинрад не сомневался), мир получит от этого полета дополнительные данные, не предусмотренные никакими планами. Одно это делало полет не напрасным.

Размышления Кинрада были самым немилосердным образом прерваны появлением в его каюте Нильсена, Вэйла и Марсдена. В проеме двери, не переступая порога, стояли Арам и Бертелли. Кинрад мгновенно выпрямился.

— Замечательно. Вы все здесь, а корабль летит сам по себе,— недовольно произнес он.

— Я включил автопилот,— сказал Марсден.— Четыре-пять часов он выдерживает корабль на курсе. Ты сам говорил.

— Верно.— Глаза Кинрада были устремлены на вошедших.— Итак, чем я обязан появлению столь внушительной и хмурой депутации?

— Четвертый день подходит к концу,— напомнил ему Нильсен.— Скоро наступит пятый. А мы все продолжаем выискивать Солнце.

— И что дальше?

— Я сомневаюсь, что ты знаешь, где мы сейчас находимся.

— Знаю.

— Это факт или стремление не потерять репутацию?

Кинрад встал.

— Предположим на минуту, что я бы объявил вам: мы движемся вслепую. Что бы это вам дало?

— Наше решение было бы простым.— По лицу Нильсена чувствовалось, что его худшее подозрение почти подтвердилось.— После смерти Сандерсона мы избрали капитаном тебя. Нам ничего не помешает сместить тебя как не справившегося и выбрать кого-то другого.

— И потом?

— Лететь к ближайшей звезде и искать вокруг нее подходящую для жизни планету.

— Ближайшей звездой как раз и является Солнце.

— В том случае, если мы летим правильным курсом,— парировал Нильсен.

Выдвинув один из ящиков письменного стола, Кинрад извлек оттуда свернутый в трубку большой лист бумаги. Капитан развернул лист. На нем было множество маленьких квадратиков, внутри которых стояли крестики и точки. Между квадратиками пролегала жирная черная кривая.

— Это маршрут нашего возвращения.— Пальцы Кинрада указали на несколько крестиков и точек.— С помощью непосредственного наблюдения за этими небесными телами мы можем установить, движемся ли мы строго по курсу или отклонились от него. И только одну величину невозможно измерить с абсолютной точностью.

— Какую же? — спросил Вэйл, хмуро уставившись на карту.

— Нашу скорость. Она дает погрешность плюс-минус пять процентов. Я знаю, что мы следуем строго по курсу, но не могу с точностью до мили сказать, где мы сейчас находимся. Отсюда

и запаздывание в четыре дня. Между прочим, я вас предупреждал, что запаздывание может быть еще больше — вплоть до десяти дней.

— Когда мы летели с Земли, было сделано множество снимков звездных скоплений. Мы накладывали их пленки на экран. Они не совпадают,— угрюмо сообщил Нильсен.

— Ничего удивительно,— теряя терпение, сказал Кинрад.— Мы не проходим через те точки, с которых были сделаны снимки. Звездное поле обычно имеет периферическое смещение.

— Мы тоже кое-что смыслим в космической навигации, хотя у нас другие профессии,— дал задний ход Нильсен.— Да, смещение существует. Оно расходится радиально из фокусной точки, но не из той розовой точки, которая, как ты утверждаешь, является нашим Солнцем. Точка расхождения лежит где-то посередине между той точкой и левой кромкой экрана.

Нильсен громко шмыгнул носом.

— Не будешь ли ты любезен объяснить нам эту странность?

Кинрад вздохнул и опустил палец на карту.

— Как вы видите, здесь прочерчена кривая. Обратный курс представляет собой аналогичную кривую, но являющуюся зеркальным отражением первой кривой, когда мы летели от Земли к звезде. Хвостовая камера сфокусирована по корабельной оси. Когда мы стартовали с Земли, первые несколько тысяч миль полета она указывала точно на Солнце, но чем дальше, тем сильнее она смещалась в сторону. А когда мы пересекали орбиту Плутона, ось уже показывала черт знает куда.

Глядя на карту, Нильсен спросил, выдавливая слова:

— Скажи честно, какова максимальная величина погрешности?

— Я же вам говорил: десять дней.

— Истекла почти половина этого срока. Мы согласны ждать вторую половину.

— Я очень тронут,— с легким сарказмом ответил Кинрад.

— Когда истекут последние дни, мы либо и в самом деле увидим на экране Солнце, которое уже не спутаешь ни с чем, либо изберем себе нового капитана и полетим к ближайшей звезде.

— А давайте бросим жребий, кому быть капитаном,— послышался сзади голос Бертелли.— Я бы тоже не прочь покомандовать кораблем.

— Да уберегут нас небеса! — воскликнул Марсден.

— Мы выберем наиболее подходящего,— заявил Нильсен.

— Вот потому вы и выбрали тогда Кинрада,— напомнил им Бертелли.

— Так нам казалось. Но теперь мы выберем себе другого капитана.

— В таком случае я настаиваю, чтобы в число претендентов вы включили и меня. В этом даже что-то есть — заменить одного тупицу другим.

— Вообще-то тупица тупице рознь,— возразил Нильсен, ощутивший скрытое противодействие своим усилиям.— И потом, как я буду выполнять твои приказы, если ты начнешь их отдавать, обхватив ручищами свои длинные уши? — Он поглядел на других: — Разве не так?

Все одобрительно засмеялись.

Однако победа была отнюдь не на стороне Нильсена. Он не сумел бы рассмешить остальных, а именно это и требовалось сейчас.

Спустя несколько часов Бертелли устроил вечеринку. На сей раз обошлось без дней рождения. За четыре года Бертелли ухитрился семь раз отпраздновать свой день рождения, и никто этого даже не заметил. Но на восьмой раз подобный трюк вряд ли прошел бы, и психолог придумал иную причину — выдвижение собственной кандидатуры в капитаны. Бертелли объяснил, что желает привлечь избирателей на свою сторону. Затея всем понравилась.

Как всегда в таких случаях, экипаж привел в надлежащий вид корабельную кухоньку. Достали бутылку джина, разлили по бокалам, и все принялись молча и сосредоточенно потягивать содержимое. Потом настал черед развлечений. Арам с помощью двух пальцев воспроизводил различные птичьи крики и, как всегда, был вознагражден дружными аплодисментами. Марсден прочитал какое-то стихотворение о карих глазах желтой собачки. К этому времени Нильсен достаточно разогрелся, чтобы спеть своим густым басом пару песен. Он сменил привычный репертуар, за что ему хлопали громче обычного.

Конечно, за столом недоставало Вейгарта с его фокусами. Заметным было и отсутствие Сандерсона и Доукинса. Но на время все позабыли о них, поскольку жаждали увидеть гвоздь программы.

Естественно, гвоздем программы был Бертелли. В этом он существенно превосходил остальных, за что остальные терпели его головотяпство, относились к нему без неприязни и, возможно, даже любили. Помнится, когда они праздновали посадку на далекой планете, Бертелли едва ли не целый час развлекал их игрой на гобое, извлекая из инструмента совершенно невероятные звуки. Под конец он изобразил им столкновение двух ав-

томобилей: отчаянные сигналы клаксонов, скрежет помятого металла, перепалку водителей (слушатели даже забыли, что это гобой, а не человеческие голоса), перешедшую в потасовку. Нильсен тогда от смеха чуть не упал со стула.

На пути к Земле экипаж дважды устраивал себе праздник просто так, без какой-либо причины. Тогда Бертелли поразил всех пантомимой. Он двигался так, будто его тело вообще не имело костей, а целиком состояло из эластичной резины. В первый раз он изображал только что приплывшего матроса, стосковавшегося по женскому обществу. Вот бравый моряк спрыгнул на берег, вот он шел по улочкам портового квартала, вертя во все стороны головой. Заприметив красотку, он бросился за ней вдогонку, неуклюже познакомился, получил резкий отказ, но не смутился, а продолжал свои ухаживания. Уломав девицу, он повел ее в кино. Далее следовали проводы красавицы домой, топтание на пороге и... синяк под глазом за чрезмерную смелость рук.

Во второй раз Бертелли показал ту же сцену, но увиденную глазами пышнотелой блондинки, подвергшейся назойливым ухаживаниям матроса. Движения, жесты, позы, выражение лица — все это ничуть не уступало словам, а в чем-то было красноречивее слов. Бертелли в точности повторил все эпизоды, закончив стычкой на пороге.

Теперь же он преобразился в застенчивого скульптора, собравшегося изваять из незримой глины статую Венеры Милосской. Взгромоздив на несуществующий подиум большой ком глины, Бертелли стал нерешительно мять ее, вгрызаться пальцами и придавать ей почти осязаемые формы женского тела. Скатав два шара, напоминающих пушечные ядра, он поместил их на уровень груди Венеры. Следом Бертелли скатал два шарика для сосков и, прикрыв глаза, стыдливо прилепил шарики к шарам, которым стал придавать надлежащую форму.

Почти двадцать минут скульптор трудился над своим творением. Статуя Венеры была почти готова, когда ее создателя вдруг охватила непонятная и совершенно дурацкая тревога. Он вертел головой, выглядывал из окна, приоткрывал дверь, засовывал голову под стол, словно боялся, что рядом кто-то есть. Убедившись, что, кроме него и статуи, никого нет, скульптор нетвердыми шагами приблизился к Венере, потом попятился назад, набрался решимости, вновь оробел, испытал еще один прилив смелости и в самую последнюю секунду сник.

Вэйл дал бедняге-скульптору язвительный совет, а Нильсен, распластавшись на стуле, молчал и держался за живот. Собрав

все крупицы мужества в попытке закончить свое творение, Бертелли ринулся к статуе, поскользнулся, перекувырнулся и проехался лицом по стальным пластинам пола. Нильсен задыхался от смеха. Охваченный злостью к самому себе, Бертелли вскочил на ноги, растянул нижнюю губу до кончика носа, пошевелил своими широкими, как у летучей мыши, ушами, закрыл глаза и лихорадочно ткнул пальцем в статую. Венера обрела недостающий пупок.

Потом еще пару дней члены экипажа смеялись, вспоминая пантомиму Бертелли, поглаживали соблазнительные округлости невидимой статуи и тыкали пальцем друг другу в живот. Призрачная Венера служила темой нескончаемых шуток, пока... не появилось Солнце.

В конце восьмого дня, завершив очередную из своих постоянных проверок, Марсден обнаружил, что точка на пленке полностью совпала с точкой на экране, находящейся в двух дюймах левее от заметного розового свечения. На рев штурмана сбежались все остальные.

Сомнений быть не могло: это Солнце. Они смотрели на розовую точку, облизывали губы и смотрели снова. Все вдруг почувствовали себя джиннами, засидевшимися в металлической бутылке. На Земле люди и за сорок лет не переживают того, что довелось им испытать за эти четыре года. Они по одному заходили в каюту Кинрада и ликующими глазами глядели на знакомую надпись:

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА БУДЕТ УСПЕШНОЙ!

Все изменилось как по волшебству. Гудение двигателей, изводившее их еще совсем недавно, превратилось едва ли не в ласкающие слух звуки. Нервное напряжение сменилось радостным ожиданием чудесной минуты, когда они услышали голос Земли. Поначалу радиосигналы были слабыми, и слова тонули в шуме помех. Но проходили дни, недели, и голос Земли креп. Он звучал все громче, а в последние часы перед посадкой гремел на весь корабль. Радиокомментатор вел репортаж об их возвращении для тех, кого не было сейчас у ворот космопорта:

«С того места, где я нахожусь, я вижу океан лиц, обращенных к небу. Здесь собралось не менее полумиллиона человек, чтобы собственными глазами увидеть судьбоносный момент в истории Земли. Еще немного, и мы услышим отдаленный гул двигателей первого космического корабля, возвращающегося из полета в другую звездную систему. Мне не передать всех чувств...»

Первые минуты после приземления были самыми тяжелыми. Гром оркестров, перекрываемый громом приветственных

криков. Рукопожатия, речи, позирование для фоторепортеров, кино- и телеоператоров, лихорадочное щелканье десятков и сотен тысяч затворов любительских камер.

Когда наступил долгожданный конец церемонии встречи, Кинрад простился с экипажем. Его рука по очереди испытала медвежью хватку рукопожатия Нильсена, мягкое и искреннее прикосновение пальцев Арама и робко-неуклюжее — Бертелли. Заглянув в печальные, как всегда, глаза психолога, Кинрад сказал:

— Представляю, как они накинутся на собранные нами данные. Думаю, ты сумел закончить свою книгу.

— Какую книгу?

— Ну, приятель, не разыгрывай святую простоту. Ты же был официальным психологом нашего экипажа!

Кинрад не стал дожидаться ответа. Пока остальные торопливо собирали свои вещи, он взял бортовой журнал и папку с отчетами и зашагал к зданию административного центра.

Бэнкрофт, с которым они не виделись четыре года, почти не изменился. Разве что еще несколько растолстел. Он шумно поднялся из-за стола и с язвительным самодовольством произнес:

— Ну, и как я тебе теперь? Толстяк, упивающийся новой должностью во всеми вытекающими последствиями, включая ощутимую прибавку в зарплате?

— Рад за вас. Примите мои поздравления.

Кинрад положил принесенное на стол и сел.

— С удовольствием обменял бы все это на твою молодость и жизнь, полную риска.

Удовлетворенно взглянув на бумаги Кинрада, Бэнкрофт продолжал:

— Меня распирает от желания забросать тебя вопросами. Но я понимаю, что многие ответы я найду в твоих записях. И потом, я же знаю, что тебе сейчас не до разговоров. Ты торопишься домой.

— Мне сообщили, что, как только в небе станет посвободнее, за мной пришлют вертолет. Думаю, минут двадцать у вас есть.

— В таком случае я использую их полностью.— Бэнкрофт подался вперед. У него блестели глаза.— Вы что-нибудь узнали о первых двух кораблях?

— Мы обследовали семь планет. Нигде ни малейших следов.

— Значит, катастрофа при спуске отпадает?

— Да.

— В таком случае они продолжают лететь?

— Скорее всего, да.

— Как по-твоему, что могло у них случиться?

Кинрад ответил не сразу. Чувствовалось, ему непросто говорить об этом.

— Я могу лишь предполагать, и не более того. По моим предположениям причиной могла быть болезнь или несчастный случай на борту. Большинство членов экипажа погибли или умерли, а оставшиеся не смогли управлять кораблем.

Он помолчал, потом добавил:

— Мы ведь и сами потеряли троих.

— Выходит, и вы заплатили дань космосу,— печально вздохнул Бэнкрофт.— Кто эти несчастные?

— Вейгарт, Доукинс и Сандерсон. Первый из них погиб уже на обратном пути. Он так и не увидел Солнца на экране. Здесь все подробно описано.— Кинрад указал на папку с отчетами.— Двое других погибли на четвертой планете, которую я считаю небезопасной для жизни людей.

— А в чем ее опасности?

— Планета кишит гигантскими прожорливыми хищниками. Они зарываются в почву и сидят, поджидая добычу. Их пасти почти незаметны среди травы и кустов. Мы даже не подозревали об их существовании, пока Сандерсон с Доукинсом не отправились прогуляться. Пройдя всего несколько шагов, Сандерсон угодил прямо в липкую красную пасть. Ее длина была не меньше десяти футов, а ширина — около четырех. Сандерсон провалился бесследно, успев лишь крикнуть. Доукинс бросился ему на выручку и сам попал в другую пасть.

Пальцы Кинрада цеплялись друг за друга.

— Самое жуткое, что мы ничем не могли им помочь.

— Тяжело это слышать, очень тяжело,— медленно качая головой, сказал Бэнкрофт.— А как насчет остальных планет?

— Четыре непригодны для жизни. Оставшиеся две — планеты земного типа.

— О, это уже кое-что! — воскликнул Бэнкрофт.

Бросив взгляд на настольные часы, он заторопился.

— Хочу спросить о корабле. Уверен, в твоих отчетах полно едких замечаний на этот счет. Увы, совершенства нет нигде, даже в лучших наших образцах. Но какой недостаток ты считаешь самым серьезным?

— Шум. Он сводил нас с ума. Его обязательно надо устранить.

— Только не полностью,— возразил Бэнкрофт.— Абсолютная тишина — не меньшая пытка для разума, чем шум.

— Хорошо. Тогда его нужно уменьшить до переносимого уровня. Провели бы вы недельку на борту, сами бы все поняли.

— Заманчивое предложение. Но с шумом мы справляемся, хотя и медленно. Сейчас у нас проходит испытания новый, более тихий тип двигателя. Сам понимаешь, эти четыре года мы на месте не стояли.

— Нам очень нужен такой двигатель,— сказал Кинрад.

— А каково твое мнение об экипаже?

— В высшей степени похвальное.

— Иного я не ожидал от тебя услышать. Мы же выискивали их по всей планете. Цвет Земли. Каждый — высочайший профессионал в своем деле.

— И Бертелли тоже?

— Я знал, что ты о нем спросишь.— Бэнкрофт улыбнулся, будто знал какой-то секрет.— Хочешь, чтобы я рассказал о нем?

— У меня нет права настаивать, но я действительно хочу знать, с какой целью вы включили в состав экипажа этот балласт?

Улыбка сошла с лица Бэнкрофта.

— Мы потеряли два корабля. Один из них мог погибнуть в результате несчастного случая, но только не оба. Трудно поверить, чтобы на двух кораблях произошли какие-то исключительные неполадки или что они оба вдруг столкнулись с метеоритами. Вероятность такого совпадения — одна миллионная.

— Я и сам в это не верю,— сказал Кинрад.

— Мы годами бились над разгадкой,— продолжал Бэнкрофт.— И каждый раз получали одинаковый ответ: неполадки в системах кораблей здесь ни при чем. Причина крылась, образно говоря, в человеческой составляющей. У нас не было возможности проводить четырехгодичные испытания на живых людях. Оставалось лишь рассуждать, строить предположения и догадки. И однажды мы нашли разгадку. Она появилась совершенно случайно.

— Как это?

— Мы сидели здесь, в этом кабинете, и в сотый или двухсотый раз задавали себе все те же вопросы. И вдруг мои часики встали.— Бэнкрофт махнул рукой в сторону настольных часов.— Тогда некто Уиттакер из отдела космической медицины завел их, потряс, и часы пошли. И тут же он буквально заорал он пронзившей его догадки.

Взяв со стола часы, Бэнкрофт открыл заднюю стенку.

— Что ты там видишь?

— Колесики и шестеренки.

— И больше ничего?

— Пару ленточных пружин.

— Ты уверен, что это все?

— Это главное, из чего состоит часовой механизм,— без тени сомнения ответил Кинрад.

— Тут ты ошибаешься, и сильно ошибаешься,— возразил ему Бэнкрофт.— Мы допустили ту же ошибку, когда отправляли первые два корабля. Мы построили громадные металлические часы, в корпус которых вставили человеческие колесики и шестеренки, идеально приспособленные для своей работы. Колесики и шестеренки из плоти и крови. Нам казалось, что мы — искусные часовщики и наши часы будут работать безупречно. Но часы остановились. Мы упустили из виду то, о чем потом внезапно догадался Уиттакер.

— Что именно?

Бэнкрофт улыбнулся и сказал:

— Смазку. Часам требуется чуточку смазки.

— Смазки? — воскликнул Кинрад и даже привстал.

— Наша ошибка была вполне естественной. Живя в эпоху технического прогресса, мы привыкли думать, будто мы — ученые, конструкторы, инженеры — главные люди на Земле. Это не так. Возможно, мы составляем очень важный и нужный слой, но мы — это еще не все человечество. Мы забыли, что рядом с нами живут домохозяйки, водители такси, продавщицы универмагов, почтальоны, медицинские сестры, полицейские. Если бы цивилизация состояла только из самоуверенных ребят, нажимающих кнопки вычислительных машин, она была бы сущим адом. Нет, кроме них обязательно должны быть, как говорили в старину, «мясник с пекарем и свечник с аптекарем». Для кое-кого это стало очень полезным уроком.

— Насколько могу понять, вы что-то узнали. Но что? — спросил Кинрад.

— Нет, мы только нащупали решение, и оно тут же задало нам новую задачу. Какая смазка наилучшим образом подходит для человеческих колесиков и шестеренок? Ответ очевиден: человеческая смазка. Но сразу же встает другой вопрос: люди каких профессий могут служить подобной смазкой?

— И тогда вы раскопали Бертелли?

— Ты прав. Его род вот уже двадцать поколений служит человеческой смазкой. Он — наследник великой традиции и имеет международную известность.

— Я что-то никогда о нем не слышал. Может, Бертелли — это его вымышленная фамилия?

— Нет, настоящая.

— Тогда я просто не узнал этого человека,— сказал Кинрад.— И не я один. Весь экипаж. Что-то не вяжется с международной известностью. А может, он изменил внешность, сделав пластическую операцию?

— Ты прав, он действительно изменил внешность, но вся операция заняла у него не больше минуты.

Встав, Бэнкрофт протопал к шкафу с документами, открыл дверцу и порылся в нескольких папках. Достав наклеенную на картон глянцевую фотографию, он бросил ее на стол.

— Бертелли понадобилось всего-навсего умыться.

Со снимка на Кинрада смотрело густо покрытое белым гримом лицо. На высокой накладной макушке торчала остроконечная шляпа. Нарисованные кустистые брови изгибались в нескончаемом удивлении. Вокруг печальных глаз россыпью лежали искусственные веснушки. Картину дополнял нос луковицей, ярко-красный рот до ушей и кружевной воротник.

— Это же клоун! Паяц!

— Двадцатый по счету паяц в их роду,— подтвердил Бэнкрофт.— Истинная находка для нашего мира.

Кинрад еще раз всмотрелся в фотографию.

— Можно, я возьму ее себе?

— Конечно. Я в любое время могу сделать хоть тысячу отпечатков.

Выйдя из административного центра, Кинрад застыл на ступеньках: человек, занимавший его мысли, отчаянно пытался поймать наземное такси.

В руке у Бертелли болталась бесформенная, наспех собранная сумка. Он шел, как на расхлябанных шарнирах, нарочито высоко задирая ноги в больших башмаках. Шею Бертелли выпятил вперед. Все его лицо выражало ожидание какой-то беды.

Сколько раз во время полета, когда Кинрад глядел на позы и жесты Бертелли, у него возникало мимолетное ощущение чего-то очень знакомого. Теперь, после разговора с Бэнкрофтом, он сразу же узнал классический номер всех клоунов, когда по засыпанной опилками арене тревожно мечется коверный. Законы жанра требовали, чтобы Бертелли то и дело оборачивался, поглядывая через плечо на парящий в воздухе скелет, привязанный к нему длинной веревкой.

Бертелли поймал такси, одарил водителя идиотской улыбкой, швырнул в кабину сумку и вполз сам. Машина рванулась с места, выплевывая парные облачка выхлопных газов из спрятанных под днищем трубок.

Кинрад стоял, рассеянно глядя на устремленные к небу космические корабли и на само небо. Земля казалась ему огромной сценой, на которой каждый мужчина, женщина и ребенок играли свою удивительную и необходимую роль. И управлял всем этим спектаклем клоун. Он смеялся, сокрушался по пустякам, мастерски гасил всплески враждебности и в корне уничтожал конфликты, доводя их до абсурда.

Если бы пришлось подбирать экипаж для очередного полета, думал Кинрад, я вряд ли сумел бы найти лучшего психолога, чем Бертелли.

Я — ничто

— Пошлите им ультиматум,— проскрипел Дэвид Корман.

— Да, сэр, но...

— Но что?

— Это может привести к войне.

— И что с того? — осведомился Корман.

— Ничего, сэр,— оправдывался его собеседник.— Я лишь подумал...

— Вам платят не за то, чтобы вы думали,— язвительно оборвал Корман.— Вы должны лишь выполнять приказы.

— Конечно, сэр. Вне всякого сомнения.— Собрав свои бумаги, подчиненный торопливо отступил к двери.— Я подготовлю ультиматум для Лани.

— И поторопитесь! — Положив руки на изысканно украшенный стол, Корман смотрел на закрывающуюся дверь. Затем он фыркнул.— Подхалим.

Да, он окружен подхалимами, трусами и слабаками. Со всех сторон — бесхребетные ничтожества. Они готовы прыгать по его команде и вилять хвостом. Они фальшиво улыбаются, соглашаются с каждым его словом, кланяются с преувеличенным почтением, которое маскирует страх.

Естественно, все это происходило не без причины. Дэвид Корман обладал силой. Силой громадной, можно даже сказать, абсолютной. Массивное тело, тяжелые челюсти, кустистые брови и жесткие серые глаза. Он казался обладателем неизмеримой мощи — интеллектуальной и физической,— коим и являлся.

И очень хорошо, что он именно таков. Слабые должны уступать место сильным — это закон природы. И весьма разумный закон. Кроме всего прочего, Морсайн нуждался в сильном человеке. Долг Морсайна перед самим собой заключался в том, чтобы стать сильным за счет слабых. Следуя закону природы.

Жесткий большой палец нашел кнопку на письменном столе, и Корман сказал в миниатюрный серебристый микрофон:

— Немедленно пришлите ко мне командующего флотом Роджерса.

Послышался стук в дверь, и хозяин кабинета резко произнес:

— Войдите.

Когда Роджерс приблизился к столу, Корман сообщил:

— Мы готовим ультиматум.

— Вот как, сэр? И вы полагаете, что его примут?

— А это не имеет ни малейшего значения,— заявил Корман.— Все равно будет так, как хотим мы.— Он бросил на Роджерса тяжелый взгляд: — Мой приказ выполнен? Флот готов к сражению?

— Да, сэр.

— Вы уверены? Все проверили лично?

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Вот следующий приказ: флот обеспечит прибытие на Лани парламентера с нашими требованиями. На размышление правительство Лани получит двадцать четыре часа.

— А если ответа не последует?

— Высадка начнется через одну минуту после того, как истечет срок действия ультиматума. Перед войсками будет поставлена задача создать и удерживать укрепленный плацдарм. Затем прибудут наши основные силы и начнется покорение планеты.

— Я вас понял, сэр.— Роджерс собрался уходить.— Что-нибудь еще?

— Да,— кивнул Корман.— Корабль моего сына должен совершить посадку первым.

Роджерс растерянно заморгал:

— Но, сэр, лейтенант совсем молод, и он командует малым разведчиком с экипажем всего в двадцать человек. По логике первым должен сесть мощный линкор...

— Мой сын будет первым! — Корман встал и наклонился над письменным столом. Его глаза оставались холодными.— Весть о том, что Рид Корман, мой единственный сын, находится в самой гуще сражения, превосходно скажется на боевом духе наших войск. Таков мой приказ.

— А что, если с ним что-нибудь случится? — в ужасе пробормотал Роджерс.— Что, если он будет ранен или даже погибнет?

— Что ж,— спокойно ответил Корман,— это лишь укрепит нас.

— Я понял, сэр.— Роджерс нервно сглотнул и вышел.

Стало быть, забота о безопасности Рида Кормана возложена на его плечи? Или высокопоставленный отец лейтенанта — фата-

лист, искренне верящий в предначертание Судьбы? Роджерс не знал ответа на эти вопросы. Лишь одно не вызывало сомнений: Кормана нельзя судить по обычным стандартам.

Полицейские с каменными лицами стояли вокруг огромной правительственной машины, из которой вышел Корман. Он одарил эскорт своим обычным суровым взглядом и пошел по ступенькам лестницы к парадной своего дома. Дверца захлопнулась, когда он был на шестой ступеньке. И всякий раз это происходило именно так. Никогда — на пятой. Никогда — на седьмой.

В раз и навсегда определенном месте его поджидала горничная в белом накрахмаленном переднике, чтобы взять шляпу, перчатки и плащ. Ни разу за четырнадцать лет службы она не взглянула ему в глаза.

Надменно вздернув подбородок, он прошел мимо нее в столовую, сел в свое кресло и пристально посмотрел на жену, отделенную от него огромным столом, покрытым белоснежной скатертью и сервированным хрусталем.

Эта высокая голубоглазая блондинка была когда-то очень красивой. Глядя на нее, Корман с удовольствием вспомнил, как это стройное гибкое тело с изяществом змеи скользило в его объятиях. Впрочем, оно потеряло былую привлекательность. В уголках покорных глаз появились морщинки — но вовсе не оттого, что она часто смеялась.

— Я сыт по горло проблемой Лани,— заявил он.— Мы готовимся к окончательному решению. Им отправлен ультиматум.

— Да, Дэвид.

Именно такого ответа он ждал. Он мог бы произнести эти слова за нее. Она всегда так говорила. И всегда будет так говорить.

Почти четверть века назад он сказал ей подходящим к случаю тоном:

— Мэри, я хочу на тебе жениться.

— Да, Дэвид.

Она не желала этого брака — во всяком случае, не желала так, как он. Но ее семья настояла, и она смирилась. Так уж устроена жизнь: одни принуждают, другие подчиняются. Мэри принадлежала ко второй категории. И это лишило их отношения романтики. Покорение получилось слишком легким. Корман любил побеждать, но предпочитал, чтобы противник оказывал сопротивление.

Когда-то он сказал ей:

— Мэри, я хочу сына.

Она все сделала как надо. Никаких толстых нахальных дочерей, никаких проблем при родах. Крепенького — восемь фунтов — мальчика назвали Ридом. Имя выбрал Корман.

С легким недовольством на широком лице он сообщил:

— Это почти наверняка приведет к войне.

— В самом деле, Дэвид? — Она произнесла эти слова без малейшего трепета и эмоций.

Негромкий голос, бледные черты, покорные глаза. Иногда он спрашивал себя: быть может, жена ненавидит его так яростно, что все силы уходят на сокрытие этой ненависти? Однако он мог только строить догадки. Впрочем, в одном он не сомневался: она боится его с самой первой встречи.

Его все боялись. Все без исключения. Тот же, кто не начинал бояться после первой встречи, очень быстро усваивал урок. Он лично за этим следил. Корману нравилось, что его боятся. То была превосходная замена всем другим эмоциям, которые оставались для него недоступны.

В детстве он очень долго и сильно боялся отца и мать. Боялся так, что их смерть принесла ему огромное облегчение. Теперь пришел его черед внушать страх. Таков закон природы, честный и логичный. То, что получено от предыдущих поколений, надо передать следующим. И не дать им того, чего были лишены предыдущие.

— Корабль Рида будет участвовать в сражениях.

— Я знаю, Дэвид.

Он приподнял брови:

— Откуда ты знаешь?

— Два часа назад я получила вот это.— Она протянула письмо Корману.

Он медленно развернул плотный лист бумаги. Корман знал, какими будут два первых слова. Он обнаружил, что держит письмо вверх ногами, и перевернул его.

«Дорогая мама».

Вот ее реванш.

«Мэри, я хочу сына».

И она дала ему сына — а потом отобрала.

Теперь приходят письма, иногда два раза в неделю, иногда одно за два месяца — в зависимости от того, где находится корабль. И всегда они написаны так, словно обращены к обоим родителям, и есть обычные слова любви, и выражается надежда, что у них все в порядке.

Но все письма начинаются так: «Дорогая мама!»

И никогда: «Дорогой отец».

Наступил и прошел час «Ч». На Морсайне шли лихорадочные приготовления. Никто не знал, что происходит в открытом космосе, даже Корман. Расстояния были огромными, с этим приходилось считаться. Должны пройти часы, прежде чем до Морсайна доберутся сообщения от флота.

И вот первый рапорт лег на стол Кормана, который дожидался его с легким волнением. В донесении говорилось, что ланиане ответили протестом и взывают к здравому смыслу. В полном соответствии с полученными инструкциями командующий признал ответ неудовлетворительным. Началось вторжение.

— Они взывают к здравому смыслу,— прорычал Корман.— Иными словами, хотят, чтобы мы стали мягкими и уступчивыми.— Он поднял взгляд на человека, доставившего донесение.— Не так ли?

— Конечно, сэр,— с готовностью согласился тот.

— Передайте Батарсту, чтобы он немедленно сделал официальное сообщение.

— Да, сэр.

Когда гонец удалился, Корман включил миниатюрный радиоприемник и стал ждать. Через десять минут прозвучала запись его длинной напыщенной речи, сделанная более месяца назад. Главными мотивами речи были справедливость и сила, в особенности сила.

Корман подробно объяснял, по каким причинам началась война. Говорил он суровым тоном, но без раздражения. Морсайн верит в свою правоту, в свою победу; он слишком могуществен, чтобы проявлять эмоции.

Свои объяснения причин Корман выслушал со скукой. Только сильный знает, что у войны всегда одна причина. Великое множество других, зафиксированных в исторических хрониках, не имеют ни малейшего отношения к действительности. То были только предлоги. Всегда существовала одна главная причина, и ее корни уходили в далекие времена. Когда в джунглях две обезьяны хотели заполучить один банан, это означало войну.

Конечно, в речи Кормана ни о чем подобном не говорилось. Слишком много на свете людей со слабыми желудками. Мясо с кровью — это только для сильных. Поэтому речь была составлена с учетом диетических вкусов большей части населения.

Когда запись закончилась высокопарным прославлением могущества Морсайна, Корман откинулся на спинку кресла и еще раз все обдумал. Нельзя допустить даже мысли о том, что бомбардировки из высоких слоев атмосферы приведут к капитуляции противника. Все города Лани защищены полусферами силовых полей. Но даже если бы таких куполов не имелось, Корман не

стал бы уничтожать города. Какой смысл в победе, если тебе достаются лишь горы мусора?

Он сыт по горло такими победами.

Его взгляд будто по собственной воле устремился к книжной полке, на которой стояла фотография в рамке. Много лет Корман не замечал ее, как и другие привычные предметы, такие как чернильница или панель отопления.

Теперь жена не похожа на девушку, запечатленную на этом снимке. А если подумать, она и прежде не была такой. Она начала бояться его, повиноваться ему еще до того, как он ощутил потребность в этом. В те времена он хотел чего-то другого, но оно так и не возникло. И уже никогда не возникнет.

Его мысли вновь обратились к Лани. Расположение планеты и система ее обороны определяют методы покорения. Необходимо создать плацдарм, куда можно будет постоянно подбрасывать живую силу, технику, боеприпасы и прочее. Затем войска Морсайна начнут распространяться во все стороны, пока под их контролем не окажется вся незастроенная территория, и тогда хорошо защищенные города попадут в отчаянное положение. Пусть сидят ланиане под своими силовыми полями, пока не перемрут от голода или не сдадутся.

Таким образом, главное — захват вражеской территории. Получается, что, несмотря на космические корабли, силовые поля и другие дары современной науки, пехота остается главным средством для достижения победы. Машины могут осаждать и разрушать. Но лишь люди способны захватить территорию и удержать ее.

Нет сомнений, что война быстро не закончится. Она будет продолжаться несколько месяцев, быть может, даже год. Предстоят тяжелые бои за ключевые промышленные объекты, за стратегические высоты, за отдельные поселки, которые будут оказывать ожесточенное сопротивление.

Да, кое-что из вражеских владений будет уничтожено, Морсайн понесет потери в живой силе и технике. Но так даже лучше. Чтобы по-настоящему покорить страну, нужно преодолеть настоящие, а не воображаемые трудности. И в час триумфа мир будет бояться Морсайна. И Кормана. А если кого-то боятся, то его уважают, и это справедливо.

Если ничего другого, кроме страха и уважения, получить невозможно.

Через месяц прибыли пленки. Сделанные офицерами космических войск фильмы демонстрировались у него дома. В небольшом кинозале сидели сам Корман, его жена, некоторые министры и высокопоставленные военные.

Не опасаясь противовоздушной обороны Лани — она с самого начала была слабой, а потом ее и вовсе уничтожили,— длинные черные корабли Морсайна садились на территории постоянно расширяющейся базы. Шла разгрузка. Войска продвигались вперед, встречая ожесточенное, но неорганизованное очаговое сопротивление. Количество солдат и техники на планете постоянно увеличивалось.

Камера сняла огромный мост с изувеченными пролетами, который наскоро привели в порядок саперы Морсайна. Потом зрители увидели семь захваченных деревень, их приходилось занимать в коротких сражениях. На экране появлялись дороги с воронками от разрывов, развалины домов; мелькнула почерневшая конюшня с обугленной лошадиной тушей.

Затем показали штурм фермерского дома. Кто-то выстрелил в проходивший мимо патруль из окна. Солдаты залегли и по радио вызвали помощь. Появилось гусеничное чудовище, которое остановилось в четырехстах ярдах от дома, и пушка яростно плюнула огнем. Пламя обрушилось на крышу и стремительно разбежалось по ней. Из дома стали выбегать люди и падать под треск автоматического оружия. Фильм закончился, и Корман принял решение:

— Можно показать по государственным каналам.

Он встал, хмуро оглядел собравшихся и добавил:

— У меня есть одно замечание. Мой сын принял командование пехотной ротой. Он делает свое дело, как и другие солдаты. Почему это не отражено в фильме?

— Мы не могли его снимать без вашей санкции, сэр,— ответил один из военных.

— Я не только санкционирую подобные съемки, я приказываю вам его снимать. И постарайтесь, чтобы в следующий раз он появился на экране. Конечно, он не должен быть главным героем фильма. Но я хочу, чтобы все видели: он там и делает свое дело наравне со всеми.

— Так точно, сэр.

Съемочная бригада собрала оборудование и удалилась. Зрители тоже разошлись. Корман принялся нервно расхаживать взад и вперед по толстому ковру.

— Народу будет полезно узнать, что Рид находится среди наших солдат,— сказал он.

— Да, Дэвид.— Жена начала вязать, спицы тихонько щелкали.

— Он мой сын.

— Да, Дэвид.

Он остановился и раздраженно пожевал нижнюю губу.

— Неужели ты не можешь сказать что-нибудь другое?

Она подняла на него взгляд.

— А ты этого хочешь?

— Хочу ли я! — эхом отозвался он.

Сжав кулаки, он вновь зашагал по комнате, а жена возобновила вязание.

Что она знает о его желаниях?

Что они все знают?

Через четыре месяца экспедиционный корпус контролировал уже тысячу квадратных миль территории Лани, а войска и техника продолжали прибывать. Наступление проходило медленнее, чем рассчитывало командование. На самом высоком уровне случались незначительные ошибки, возникли неожиданные сложности, которые было невозможно предвидеть заранее. Тем не менее войска продвигались. И хотя сроки затягивались, конец независимости Лани казался неизбежным.

Корман вернулся домой, в очередной раз на шестой ступеньке услышав, как захлопнулась дверца машины. Все шло как обычно, но теперь люди нередко собирались возле его дома, чтобы поприветствовать своего правителя. Горничная молча взяла его вещи. Он устало прошествовал в столовую.

— Рид получил чин капитана.

Жена ничего не ответила.

Корман остановился перед ней и резко спросил:

— Неужели тебе это неинтересно?

— Конечно, интересно, Дэвид.— Она убрала книгу, сложила на коленях руки с длинными тонкими пальцами и посмотрела в окно.

— Что с тобой случилось?

— Что случилось? — Светлые брови слегка приподнялись.— Со мной все в порядке. А почему ты спрашиваешь?

— Я многое вижу,— резко сказал он.— И о многом могу догадаться. Тебе не нравится, что Рид находится на Лани. Ты не одобряешь мои действия. Считаешь, что я не должен был разлучать тебя с ним. Ты думаешь, что он твой сын, а не мой. Ты...

Она спокойно посмотрела ему в глаза.

— Ты устал, Дэвид. И чем-то обеспокоен.

— Я совсем не устал,— возразил он слишком громко.— И ни о чем не беспокоюсь. Беспокойство — это для слабых.

— У слабых есть на это причины.

— А у меня нет.

— Наверное, ты просто голоден.— Она села за стол.— Поешь, и сразу станет лучше.

Раздраженный Корман принялся за еду. Мэри что-то скрывала — он не сомневался в этом, ведь они прожили вместе четверть века. Но он не стал допытываться. Только после того, как он закончил есть, жена по собственной воле открыла ему свою тайну.

— Я получила письмо от Рида.

— Да? — Он держал в руке бокал с вином; ужин действительно помог успокоиться, но Корман не хотел этого показывать.— Мне известно, что он здоров и счастлив. Случись что, я бы узнал первым.

— Не хочешь ли прочитать? — Она достала письмо из бюро орехового дерева и протянула Корману.

Он поколебался, глядя на письмо, но взял.

— Небось, обычный рассказ солдата о войне.

— Мне кажется, тебе надо прочитать,— настаивала она.

— В самом деле? — Он взял письмо и недоуменно посмотрел на жену.— Но почему именно это послание должно вызвать у меня интерес? Разве оно отличается от других? Я знаю, что оно адресовано тебе, а не мне. Тебе! Рид ни разу в жизни не написал мне письма.

— Он всегда пишет нам обоим.

— Тогда почему он не начинает со слов «Дорогие папа и мама»?

— Вероятно, ему и в голову не могло прийти, что тебя это заденет. К тому же это слишком тяжеловесно.

— Чепуха!

— Может, ты все-таки сначала прочитаешь письмо, а потом мы поговорим. Рано или поздно ты все равно узнаешь.

Последние слова Мэри заставили его развернуть листок. Он фыркнул, прочитав «Дорогая мама», а потом пробежал десяток абзацев, в которых описывалась служба на другой планете. Корман не нашел в этих строчках ничего особенного. Перевернув лист, он внимательно прочитал последнюю часть письма. Желваки заходили на скулах, он покраснел.

«Должен сообщить, что я стал добровольным рабом юной ланианки. Я нашел ее среди развалин деревушки, которая называлась Голубое Озеро,— наша тяжелая техника полностью ее разрушила. Ланианка осталась совсем одна, похоже, лишь она уцелела при мощном обстреле. Мама, я отправил ее домой на госпитальном корабле "Иштар". Капитан долго упирался, но не осмелился отказать Корману-младшему. Пожалуйста, позаботься о ней до моего возвращения».

Швырнув письмо на стол, Корман длинно и витиевато выругался, а потом с жаром закончил:

— Глупый молокосос!

Мэри, сложив руки на коленях, молча смотрела на мужа.

— Взгляды всего мира устремлены на него,— бушевал Корман.— Он публичная фигура, сын своего отца и должен служить примером для остальных. А что он вытворяет?

Жена не отвечала.

— Увлечься интриганкой в юбке! Дать обвести себя вокруг пальца! Связаться с врагом!

— Должно быть, она хорошенькая,— проговорила Мэри.

— Ланианки не бывают хорошенькими! — возразил муж, почти переходя на крик.— Ты что, уже совсем ничего не соображаешь?

— Да, Дэвид, ты совершенно прав.

— Тогда зачем говоришь глупости? Нам вполне достаточно в семье одного идиота.— Он несколько раз стукнул кулаком правой руки по ладони левой.— Как раз в тот момент, когда население охвачено антиланианскими настроениями, мы не можем себе позволить такой ужасающий прокол. Принять в своем доме ланианку, какую-то наглую девку, запустившую когти в нашего Рида! Я уже представляю, как она гордо расхаживает по дому — побежденная, ставшая победительницей. Нет, Рид определенно спятил.

— Риду двадцать три года,— напомнила Мэри.

— И что с того? Хочешь сказать, что он достиг возраста, когда мужчине мозги уже ни к чему?

— Дэвид, я этого не говорила.

— Но имела в виду! — Он вновь ударил кулаком в ладонь.— Откуда у Рида такая слабость? Уж точно не от меня.

— Да, Дэвид, ты совершенно прав.

Он посмотрел на жену, пытаясь понять, что кроется за ее словами. Но смысл ускользал от него. Он не знал, как мыслит Мэри. Корман умел смотреть на мир только со своей точки зрения.

— Я положу конец этому безумию. Если Риду не хватает характера, то я сам сделаю все, что требуется.— Он взял телефон и добавил, прежде чем поднять трубку: — На Морсайне тысячи девушек. Если Рид хочет завести роман, он может заняться этим дома.

— Но он на другой планете,— заметила Мэри.— Далеко отсюда.

— Всего через несколько месяцев вернется.— Корман поднял трубку и рявкнул: — «Иштар» уже стартовал с Лани? — Он не-

которое время слушал, а потом бросил трубку.— Я бы приказал вышвырнуть ее вон, но уже слишком поздно. «Иштар» взлетел почти сразу после того, как было отправлено письмо.— Он нахмурился.— Девушка прилетит завтра. Ей хватило смелости и дерзости. Похоже, характер у нее есть.

Он посмотрел на большие пристенные часы так, словно завтра могло наступить в любой момент. Его разум пытался справиться с новой проблемой. Вскоре Корман вновь заговорил:

— Эта хитрая бестия просчиталась!

— Да, Дэвид.

— Не знаю, за кого меня принимает Рид, но я не позволю вражеской девке создать в моем доме гнездышко!

— Да, Дэвид.

— Если он слаб, то я — нет. Как только явится, я устрою ей самый трудный час в ее жизни. После этого она будет счастлива вернуться на Лани первым же кораблем. Она вылетит из моего дома, как пробка, и навсегда.

Мэри молчала.

— Но я не собираюсь устраивать шумные семейные споры на публике. Не дам мерзкой интриганке даже такого удовлетворения. Я хочу, чтобы ты встретила ее в порту, позвонила оттуда и привезла нахалку в мой кабинет. Там я с ней разберусь.

— Да, Дэвид.

— И не забудь заранее позвонить. Тогда у меня будет время подготовиться.

— Я не забуду,— обещала Мэри.

Она позвонила на следующий день. Он выгнал адмирала флота, двух генералов и директора разведывательного бюро, быстро просмотрел наиболее срочные бумаги, очистил свой письменный стол и мысленно приготовился к неприятному разговору.

Вскоре интерком пискнул, и голос секретаря произнес:

— К вам два посетителя, сэр: миссис Корман и мисс Татьяна Херст.

— Пусть войдут.

Он откинулся на спинку кресла, придав лицу суровое выражение. Татьяна, подумал он. Иностранное имя. Он с легкостью представил себе крикливую молодую особу, обладательницу необычного имени: хитрая бестия, опытная, несмотря на юные годы, из тех, кто не упустит своего. Такие женщины с легкостью покоряют неопытных и впечатлительных юношей вроде Рида. Небось, не сомневается, что без проблем обведет вокруг пальца и старика. Ха, вот тут она жестоко ошибается!

Дверь распахнулась, и они вошли. Обе молча смотрели на Кормана. Полминуты он в полной растерянности глядел на них

и никак не мог сосредоточиться. На лице Кормана промелькнула дюжина различных выражений. Наконец он медленно поднялся на ноги и недоумевающе обратился к Мэри:

— Ну и где она?

— Это она,— с глубоким удовлетворением сообщила Мэри.

Корман тяжело опустился в кресло и недоверчиво посмотрел на мисс Татьяну Херст. У нее были голые до колен худенькие ножки. Жуткая одежда. Бледный овал лица, впалые щеки; взор огромных глаз обращен скорее внутрь, чем на окружающий мир. Маленькая белая рука держала за руку Мэри, а другая обнимала совершенно нового плюшевого медведя — Корман сразу сообразил, откуда он взялся. Ей было лет восемь.

Но более всего Кормана поразили ужасно серьезные глаза, которые ничего не желали видеть. Заглянув в них, Корман почувствовал, как у него все похолодело внутри. Нет, она не была слепой. Но она смотрела на него и ничего не воспринимала. Огромные темные зрачки видели его, но эта информация не поступала в мозг; казалось, девочку больше интересуют тайны, заключенные в ее собственной душе. Она производила невероятно жуткое впечатление.

Корман завороженно глядел на девочку. Он ожидал увидеть дерзость, вызов, наглость, страсть — все то, что выдает циничную хищницу. Но перед ним стоял ребенок, который должен был при виде его, большого и грозного, испытать недоумение, застенчивость или даже робость. Но нет, девочка не выглядела смущенной. Тут нечто другое. В конце концов он понял, в чем дело. Она здесь — и в то же время не здесь. Девочка осталась в каком-то своем, далеком мире.

Неожиданно Мэри прервала размышления Кормана.

— Дэвид?

Он обернулся на голос. Он все еще пребывал в смятении, поскольку встреча с Татьяной оказалась совсем не такой, как он себе ее представлял. У Мэри было полчаса, чтобы прийти в себя. А в его жилах все еще кипела кровь.

— Оставь нас на несколько минут,— потребовал он.— Я тебя позову, как только закончу.

Мэри вышла, но ему показалось, что она наслаждается его замешательством. Она и не надеялась, что такое возможно.

— Подойди ко мне, Татьяна,— сказал Корман неожиданно мягко.

Она приблизилась, делая каждый шаг медленно и осторожно, и остановилась, коснувшись письменного стола.

— Пожалуйста, обойди стол с этой стороны и стань возле моего кресла.

Она машинально, почти как робот, выполнила требование, темные глаза без всякого выражения смотрели вперед. Оказавшись возле его кресла, она замерла, молча ожидая дальнейших распоряжений.

Он сделал глубокий вдох. Вдруг показалось, что он слышит тоненький голос, монотонно повторяющий: «Я должна быть послушной. Я должна делать то, что мне говорят. Я могу делать только то, что мне сказали».

И она подчинялась, не имея сил для сопротивления. Ей пришлось уступить всем требованиям, чтобы сохранить свою драгоценную тайну в неприкосновенности. Другого пути не существовало.

Потрясенный Корман спросил:

— Ты ведь можешь говорить?

Девочка едва заметно кивнула.

— Но все время молчишь,— заметил он.

У нее не возникло желания возразить или хотя бы предъявить доказательства своей способности к общению. Она сочла его вопрос риторическим. Молчаливая и серьезная, она прижимала к груди медведя, дожидаясь, когда мир Кормана перестанет тревожить ее собственный мир.

— Ты рада, что попала сюда, или жалеешь об этом?

Никакой реакции. Лишь внутреннее созерцание.

— Ну, значит, рада?

Неуверенный полукивок.

— Или жалеешь, что оказалась здесь?

Она едва заметно покачала головой.

— Ты бы предпочла остаться здесь или вернуться назад?

Девочка подняла взгляд, но не для того, чтобы увидеть собеседника, а для того, чтобы убедиться, что он ее видит.

Он позвонил в звонок и сказал Мэри:

— Отвези ее домой.

— Домой, Дэвид?

— Да, именно так я сказал.— Ему не понравилась преувеличенная мягкость ее голоса.

Наверное, за этим что-то стояло, но он не сумел понять, что именно.

Дверь закрылась. Корман нервно забарабанил по столу пальцами — он представил глаза девочки. И вновь ощутил холод в животе.

В течение следующих двух недель на него навалилось множество новых проблем. Как и большинство государственных деятелей его уровня, Корман был способен решать сразу не-

сколько задач. Но он не обладал способностью почувствовать момент, когда необходимо переключиться на нечто главное.

Первые несколько дней он игнорировал свою бледную гостью. Однако не мог вести себя так, будто ее и вовсе не существует. Она постоянно присутствовала, тихая, послушная, скромная и худенькая, с большими, широко раскрытыми глазами. Подолгу сидела на стуле неподвижно, словно забытая кукла.

Когда к ней обращалась Мэри или кто-то из горничных, она игнорировала несущественные замечания, отзываясь лишь на прямые вопросы или приказы. Она отвечала слабейшим движением головы или жестами и произносила односложные слова, если без них было не обойтись. В этот период Корман совсем не разговаривал с Татьяной. Но заметил: девочка фаталистически воспринимает тот факт, что не стала частью его сложной жизни.

На четвертый день после ужина он оказался с девочкой наедине, наклонился к ней и резко спросил:

— Татьяна, что с тобой? Ты здесь несчастлива?

Она отрицательно качнула головой.

— Тогда почему ты не смеешься и не играешь, как другие дети?

В этот момент в комнату вошла Мэри, и он замолчал.

— Секретничаете? — осведомилась Мэри.

— Можно подумать, что у нас есть повод,— проворчал он.

В тот же вечер он получил последнюю сводку с театра боевых действий. Она не принесла ему удовлетворения, скорее вызвала досаду. В ней отсутствовала энергия, напор. Покорение планеты больше не доставляло ему радости.

К концу второй недели ему до смерти надоел голос, который почти всегда молчал, и глаза, смотревшие мимо него. Казалось, он живет рядом с призраком. Так больше не могло продолжаться. Человек должен иметь возможность расслабиться в собственном доме.

Конечно, он мог приказать, чтобы девочку отвезли обратно на Лани, как хотел сделать с самого начала. Однако так он признал бы собственное поражение. А Корман не мог проиграть, тем более молчаливому ребенку. Татьяна не выживет Кормана из его собственного дома и не заставит вышвырнуть ее вон. Он принимает вызов. И добьется победы.

Призвав в кабинет главного научного консультанта, он с пафосом произнес:

— У меня на руках оказался ребенок, который не может приспособиться к окружающей обстановке. Девочка понравилась моему сыну, и он прислал ее сюда с Лани. Она действует мне на нервы. Что тут можно сделать?

— Боюсь, я не сумею вам помочь, сэр.

— Почему?

— Я физик.

— Ну, а предложить кого-нибудь другого вы можете?

Физик подумал и ответил:

— В моем департаменте нет подходящего человека, сэр. Однако наука занимается не только разработкой различных устройств. Вам нужен специалист совсем в другой области.

Он связался с ближайшей больницей и тут же получил ответ.

— Вам поможет детский психолог.

— А кто лучший на нашей планете?

— Доктор Джагер.

— Свяжитесь с ним. Я хочу, чтобы он приехал ко мне домой сегодня вечером, не позднее семи часов.

Джагер, толстый весельчак среднего возраста, легко сыграл роль старого друга, случайно зашедшего к Корманам. Он болтал о всяких пустяках, втягивая в беседу Татьяну, даже сделал вид, будто о чем-то толкует с ее медведем. В течение часа девочка дважды выходила из своего мирка, чтобы улыбнуться, но тут же опять замыкалась в себе.

Затем Джагер намекнул, что его надо оставить наедине с Татьяной. Корман вышел из гостиной, убежденный в том, что у доктора ничего не получится. В соседней комнате Мэри посмотрела на мужа.

— Кто у нас в гостях, Дэвид? Или меня это не касается?

— Специалист по психическим заболеваниям. Доктор пытается помочь Татьяне.

— В самом деле? — И вновь в ее голосе появилась сладость, от которой Корману стало горько.

— Да,— процедил он,— в самом деле.

— Я думала, девочка тебя не интересует.

— Никоим образом,— заверил жену Корман.— Но к ней проявил интерес Рид. Я считаю необходимым периодически вспоминать о том, что Рид — мой сын.

Она не стала расспрашивать дальше. Корман занялся своими бумагами, дожидаясь, когда Джагер закончит свою работу. Затем он вернулся в гостиную, оставив Мэри с книгой, и огляделся.

— А где она?

— Горничная увела. Сказала, что девочке пора спать.

— Вот как? — Корман уселся в кресло, дожидаясь от врача отчета.

Джагер оперся рукой о стол.

— У меня есть веселая игра, в которую я играю с детьми, не желающими разговаривать. Девять раз из десяти прием срабатывает.

— И в чем он состоит?

— Я заставляю их *писать*. Как ни странно, дети часто поддаются на эту уловку. Я уговариваю написать коротенький рассказ о том, что произвело на них самое сильное впечатление. Результаты бывают поразительными.

— И вам удалось?..

— Подождите, пожалуйста, мистер Корман. Прежде всего мне хотелось бы сообщить вам, что дети обладают удивительными врожденными способностями, которым позавидует любой писатель. Они способны к яркому самовыражению невероятно простыми средствами. Они подчас производят сильнейшее впечатление не только тем, о чем пишут, но и тем, о чем *не* пишут.— Он задумчиво посмотрел на Кормана.— Вам известны обстоятельства, при которых ваш сын нашел девочку?

— Да, в письме было об этом.

— Ну что ж, в таком случае вы сочтете рассказ Татьяны очень выразительным.— Он протянул Корману листок бумаги.— Она написала это без моей помощи.— Он потянулся за пальто и шляпой.

— Вы уходите? — удивился Корман.— А как насчет диагноза? Что нам делать с девочкой?

Доктор Джагер остановился у двери.

— Мистер Корман, вы умный человек.— Он показал на листок, зажатый в руке Кормана.— Я полагаю, здесь есть все, что вам нужно.

И с этими словами он удалился. Корман посмотрел на листок. Оказалось, что рассказ получился совсем коротким. Он прочитал несколько строк.

«Я — ничто. Мой дом исчез. Моя кошка прилипла к стене. Я пыталась ее снять. Они не позволили. Они выбросили кошку».

Холод у него в животе начал расти. Корман вновь прочитал написанное гостьей. И еще раз. Потом он подошел к лестнице и посмотрел вверх — там находилась спальня девочки.

Не просто девочки — врага, которого он превратил в ничто.

Этой ночью он очень долго не мог заснуть. Обычно он умел засыпать в любое время. Теперь его охватило странное беспокойство. Что-то стимулировало работу его мозга, но что именно — он понять не мог.

Он ненадолго засыпал, а когда просыпался, разум наполняли фантастические видения: как будто он брел в огромной

серой пустоте, где отсутствовали звуки и где не было других живых существ. Но сны были еще хуже. Над истерзанными землями клубился дым, какие-то твари выли в небесах, огромные чудовища ползли на металлических гусеницах, и длинные колонны запыленных мужчин пели давно забытые песни.

«Моя кошка прилипла к стене».

Он проснулся рано и с трудом разлепил усталые глаза. С самого утра его преследовало множество мелких проблем, казалось, все устроили заговор против него. Корман потерял способность сосредоточиваться и несколько раз ловил себя на мелких ошибках, которые только что сделал или чуть было не сделал. Пару раз он вдруг замечал, что его глаза бессмысленно смотрят в пустоту, чего с ним никогда не бывало раньше.

В три часа дня прозвенел интерком и секретарь сказал:

— Астролидер Уоррен хочет с вами встретиться, сэр.

— Астролидер? — повторил он, вдруг засомневавшись, что правильно понял секретаря.— Такого титула не существует.

— Это звание космических сил Конфедерации Дракан.

— Ах да, конечно. Я могу его принять сейчас.

Он ждал с вялым интересом. Конфедерация Дракан представляла собой союз десяти планет, расположенный так далеко от Морсайна, что военные корабли наносили визиты вежливости лишь раза два за жизнь одного человека. Предстояла редкая встреча.

Посетитель вошел, это был молодой человек атлетического сложения, в светло-зеленой форме. Он с искренним уважением пожал руку Кормана и уселся в предложенное ему кресло.

— Вы удивлены, мистер Корман?

— Весьма.

— Мы ужасно торопились, но такое путешествие невозможно совершить за один день. К сожалению, расстояние между нашими мирами слишком велико.

— Я знаю.

— Вот в чем проблема,— продолжал свои объяснения Уоррен.— Мы довольно давно получили послание от Лани, ретранслированное через другие планеты. Они сообщили, что возникли серьезные проблемы и они боятся войны. И попросили нас выступить в роли нейтральных посредников в переговорах.

— Так вот почему вы прилетели...

— Да, мистер Корман. Мы прекрасно понимали, что не сумеем прибыть вовремя. Однако спешили, как могли, надеясь на лучшее. Роль миротворца всегда привлекательна для сообщества, которое считает себя цивилизованным.

— Неужели? — спросил Корман, внимательно рассматривая посетителя.

— Во всяком случае, мы почли за честь взять на себя эту задачу.— Наклонившись вперед, Уоррен посмотрел в глаза Кормана.— Мы связались с Лани по пути сюда. Она по-прежнему хочет мира. Лани проигрывает войну. Поэтому у нас лишь один вопрос: мы опоздали?

Это был наводящий вопрос: да или нет? Все кончено или еще есть шанс? Корман погрузился в мучительные размышления, не понимая, что еще совсем недавно без размышлений ответил бы на этот вопрос совершенно однозначно. Да или нет? «Да» означает военную победу, власть и страх. А что означает «нет»? Пожалуй, проявление здравомыслия, вопреки упрямству. А также кардинальное изменение позиции. Неожиданно ему в голову пришло, что требуется настоящая сила характера, чтобы отказаться от прежних взглядов и принять новые. Для этого нужно мужество. Слабый и колеблющийся никогда не сумеет этого сделать.

— Нет,— медленно проговорил он.— Еще не поздно.

Уоррен поднялся на ноги. На его лице появилось удивление, он явно не ожидал услышать такой ответ.

— Вы хотите сказать, мистер Корман?..

— Вы не напрасно совершили свое путешествие. Можете начинать переговоры.

— На каких условиях?

— Максимально честных для обеих сторон.— Корман включил микрофон и сказал: — Передайте Роджерсу, что я приказал немедленно прекратить военные действия. Наши солдаты будут охранять территорию базы на Лани, соблюдая перемирие, необходимое для ведения переговоров. Представители Конфедерации Дракан получают право свободно пересекать линию фронта.

— Так точно, мистер Корман.

Отложив микрофон, он вновь обратился к Уоррену:

— Хотя Лани находится в миллионах миль, по космическим масштабам нас разделяет небольшое расстояние. Я бы согласился на союз между нашими планетами. Люди могли бы получить двойное гражданство, мы бы начали совместно использовать естественные ресурсы. Но я на этом не настаиваю, а лишь размышляю вслух — прекрасно понимая, что не каждому желанию суждено сбыться.

— Тем не менее ваше предложение будет рассмотрено самым серьезным образом,— заверил Кормана Уоррен и пожал его руку с юношеским энтузиазмом.— Вы большой человек, мистер Корман.

— Вы так считаете? — Корман сухо улыбнулся.— Я пытался расти в другом направлении. Возможно, я слишком поздно это понял. Но лучше поздно, чем никогда.

Когда Уоррен ушел, Корман бросил стопку документов в ящик письменного стола. Большая их часть стала ненужной. Удивительное дело: он вдруг почувствовал, что теперь дышится намного легче.

Он вышел из кабинета и сказал секретарю:

— Еще слишком рано, но я возвращаюсь домой. Позвоните, если произойдет что-нибудь срочное.

Шофер захлопнул дверцу, когда Корман шагнул на шестую ступеньку. Слабак, подумал Корман, входя в дом. Жалкий дурачок, неспособный вырваться из колеи, которую сам же и создал. По такой колее можно проездить всю жизнь.

Он спросил у горничной:

— Где моя жена?

— Вышла десять минут назад, сэр, но обещала вернуться через полчаса.

— Она взяла с собой...

— Нет, сэр.— Горничная бросила взгляд в сторону гостиной.

Он осторожно вошел в гостиную и увидел, что девочка сидит на диване, откинувшись на спинку и закрыв глаза. Рядом тихо играло радио. Он сомневался, что Татьяна включила его сама, что вообще слушала передачу. Скорее всего, кто-то просто забыл выключить приемник.

Неслышно пройдя по ковру, он выключил музыку. Татьяна открыла глаза и села прямо. Корман приблизился к диванчику, взял медведя и уселся рядом с девочкой.

— Татьяна,— сказал он с неуклюжей мягкостью,— почему ты — ничто?

Никакого ответа, никаких перемен в лице или позе.

— Потому что у тебя никого не осталось?

Молчание.

— Никого, кто принадлежал бы тебе? — настаивал он, ощущая какую-то незнакомую тяжесть в душе.— Даже котенка?

Она посмотрела на свои туфли, но ее большие глаза были скрыты густыми ресницами. Больше она никак не отреагировала на слова Кормана.

О горечь поражения! Его пальцы мучительно сплетались и расплетались, как у человека, на которого обрушилась беда. Чужие фразы проносились в его сознании.

«Я — ничто».

«Моя кошка... Они выбросили ее».

Его взгляд слепо метался по комнате, а разум двигался по кругу, безуспешно пытаясь найти дверь в стене молчания девочки. Неужели такой двери не существует?

Он ошибался.

Он нашел ее почти случайно.

Обращаясь в большей степени к себе, чем к Татьяне, Корман едва слышно пробормотал:

— С самого раннего детства меня окружали люди. Множество людей. Но никто из них не был моим. У меня никогда не было ничего своего. Я ничто, как и ты.

Она погладила его по руке.

Пораженный до глубины души, он смотрел, как девочка неуверенно погладила его еще несколько раз, а потом быстро убрала руку. Кровь тяжело пульсировала в его венах. В нем стремительно росло нечто — и он не мог его больше удерживать в себе.

Повернувшись к девочке, он подхватил ее и посадил к себе на колени, а потом обнял и уткнулся носом в теплый затылок, провел широкой ладонью по волосам. И все это время слегка раскачивался, тихонько что-то напевая.

Она заплакала. Раньше она не могла плакать. И она плакала не так, как плачет женщина, тихо, почти неслышно, а как ребенок, громко всхлипывая, не в силах справиться со слезами.

Маленькая рука обвилась вокруг шеи Кормана, и Татьяна крепко прижалась к нему, а он продолжал раскачиваться и называл ее «малютка», бормотал какие-то глупые ободряющие слова.

Это была победа.

Не пустая.

Истинная.

Только победа над собой есть истинная победа.

Эл Стоу

Нет, они, конечно, ничего зря не делают. Может быть, тому, кто не знает, кое-какие их штучки и разные там правила покажутся довольно странными. Так ведь водить ракету в космосе — это вам не в корыте через пруд плавать!

Вот, например, этот их трюк со смешанными командами — если подумать, вполне разумная вещь. На всех полетах за земную орбиту — к Марсу, к поясу астероидов и дальше — к машинам и на прокладку курса ставят белых с Земли, потому что это они изобрели космические корабли, больше всех о них знают и как никто другой умеют с ними управляться. Зато все судовые врачи — негры, потому что по какой-то никому не известной причине у негров никогда не бывает космической болезни или тошноты от невесомости. А все бригады для наружных ремонтных работ комплектуются из марсиан, потому что они на этом собаку съели, потребляют очень мало воздуха и почти не боятся космической радиации.

Такие же смешанные команды работают и на рейсах в сторону Солнца, например до Венеры. Только там всегда есть еще и запасной пилот — здоровенный малый вроде Эла Стоу. И это тоже не зря. С него-то все и началось. Я, наверное, никогда его не забуду — он так и стоит перед глазами. Какой был парень!

В тот день, когда он появился впервые, я как раз дежурил у трапа. Наш космолет назывался «Маргарет-Сити» — это был новехонький грузопассажирский корабль, приписанный к порту на Венере, от которого он и получил свое название. Стоит ли говорить, что ни один из космонавтов не называл его иначе, как «Маргаритка»...

Мы стояли на колорадском космодроме, что к северу от Денвера, с полным грузом на борту — оборудование для производства часов, научная аппаратура, сельскохозяйственные машины, стан-

ки и инструменты для Маргарет-Сити да еще ящик радиевых игл для венерианского института рака. Еще было восемь пассажиров, все — агрономы. Мы уже стояли на стартовой площадке и минут через сорок ждали сирены к отлету, когда появился Эл Стоу.

Ростом он был почти два метра, весил сто двадцать килограммов, а двигалась эта махина с легкостью танцовщицы. На это стоило посмотреть. Он поднялся по дюралевому трапу небрежно, как турист в автобус, помахивая мешком из сыромятной кожи, где вполне поместилась бы его кровать и пара шкафов в придачу.

Поднявшись, он заметил эмблему у меня на фуражке и сказал:

— Привет, сержант. Я новый запасной пилот. Должен явиться к капитану Мак-Нолти.

Я знал, что мы ждем нового запасного пилота. Джефф Деркин получил повышение и перевелся на шикарную марсианскую игрушечку «Прометей». Значит, это его преемник! Он землянин, это ясно, но только он был и не белый, и не негр. Его лицо, неглупое, но маловыразительное, было обтянуто старой, хорошо продубленной кожей. А глаза его так и горели. С первого взгляда было видно, что это личность необычная.

— Добро пожаловать, крошка,— сказал я. Руку я ему не подал, потому что она мне еще могла пригодиться.— Открой свою сумку и поставь в стерилизационную. Шкипер в носовом отсеке.

— Спасибо,— сказал он без всякого намека на улыбку и шагнул в шлюз, взмахнув своим кожаным вместилищем.

— Взлет через сорок минут,— предупредил я.

Больше я Стоу не видел до тех пор, пока мы не отмахали двести тысяч миль и Земля не превратилась в зеленоватый полумесяц позади нашего газового хвоста. Только тогда я услышал в коридоре его голос — он спрашивал, где найти каптерку. Ему показали на мою дверь.

— Сержант,— сказал он, протягивая свое предписание,— я пришел за барахлом.

Он оперся на барьер, раздался скрип, и барьер прогнулся посередине.

— Эй! — заорал я.

— Прошу прощения!

Он выпрямился. Барьер чувствовал себя куда устойчивее, когда Стоу стоял отдельно от него.

Я проштемпелевал его предписание, зашел на оружейный склад и взял для него лучевой пистолет с обоймой. Самые большие болотные лыжи для Венеры, какие я мог найти, были ему

размеров на семь малы и на метр коротки, но ничего лучшего не было. Он получил еще банку универсального смазочного масла, жестянку графита, батарейку для микроволнового радиофона и, наконец, пачку таблеток с надписью: «Дар Корпорации ароматических трав с Планеты бракосочетаний».

Он сунул мне душистые таблетки со словами:

— Это возьми себе — меня от них тошнит.

Все остальное он не моргнув глазом собрал в охапку. Я в жизни не встречал такой невыразительной физиономии.

И все-таки, когда он увидел скафандры, у него на лице появилось что-то вроде задумчивости. На стене висели, как слинявшие шкуры, тридцать земных скафандров и шесть шлемов с наплечниками для марсиан: им больше одной десятой атмосферы не требуется. Для Стоу не было ничего подходящего. Я не мог бы ничего ему подобрать, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Это было все равно что пытаться засунуть слона в консервную банку.

Он повернулся и легкими шагами потопал к себе — вы понимаете, что я хочу сказать? Он с такой легкостью владел своими тоннами, что я подумал: если ему вдруг вздумается побуйствовать, хорошо бы оказаться где-нибудь подальше. Не то чтобы я заметил в нем такую склонность — нет, он был настроен вполне дружелюбно, хотя и немного загадочно. Но меня поражали его спокойная уверенность в себе, его быстрые и бесшумные движения. Бесшумные — наверное, потому, что ботинки у него были подбиты дюймовым слоем губки.

«Маргаритка» не торопясь ползла себе в пустоте, а я все не спускал глаз с Эла Стоу. Да, мне было любопытно, что он за человек, потому что я таких еще не встречал, а мне всякие попадались. Он был по-прежнему необщителен, но всегда вежлив, дело свое делал аккуратно, быстро и вообще вполне удовлетворительно. Мак-Нолти он очень понравился, а наш капитан никогда не был склонен сразу лезть к новичкам целоваться.

На третий день Эл потряс марсиан. Все знают, что эти пучеглазые, почти не дышащие проныры с десятью щупальцами уже больше двух столетий как присосались к титулу чемпионов Солнечной системы по шахматам. Никто из жителей других планет не мог их положить на лопатки. Они были просто помешаны на шахматах — сколько раз я видел, как они, собравшись кучкой, переливались всеми цветами радуги от волнения, когда кто-нибудь после тридцати минут глубокого раздумья делал ход пешкой.

Как-то раз, сменившись с вахты, Эл все восемь часов отдыха просидел при одной десятой атмосферы в правом шлюзе. В переговорном устройстве долгие паузы сменялись дикими воплями и пронзительным чириканьем, как будто эти осьминоги там вместе с ним спятили. Когда дело подошло к концу, наши ремонтники были еле живы. Кажется, Эл согласился сыграть с Кли Янгом и загнал его в пат, а Кли на последнем чемпионате Солнечной системы занял шестое место и проиграл всего десять партий — и уж конечно, только своим братьям-марсианам.

После этого ребята с красной планеты от него не отставали. Стоило ему смениться с вахты, как они его хватали и тащили в шлюз. На одиннадцатый день он сыграл с шестерыми сразу, две партии проиграл, три свел вничью и одну выиграл. Они решили, что он — какой-то феномен (по сравнению с жителями Земли, конечно). Зная их, я тоже так решил. И Мак-Нолти тоже. Тот даже в бортовой журнал занес этот результат.

Вы, наверное, помните, какой шум подняла аудиопресса в 2270 году по поводу «мужества мудрого Мак-Нолти»? Ну как же, ведь это стало космической легендой. Потом, когда мы благополучно вернулись, Мак-Нолти долго открещивался от всей этой славы и рассказывал, кому она должна принадлежать на самом деле. Но репортеры, как всегда, нашли себе оправдание. Капитаном-то был Мак-Нолти, сказали они. А потом у него очень подходящая фамилия — получается аллитерация. Похоже, что существует целая секта журналистов, которых хлебом не корми, только дай им аллитерацию.

А весь этот шум поднялся из-за обыкновенного летающего обломка — из-за него я даже поседел. Кусок железоникелевого метеорита, летевший себе не спеша мимо с обычной космической скоростью — вз-з-з-з! Орбита его лежала в плоскости эклиптики и пересекала наш курс под прямым углом.

Ну и наделал же он бед! Никогда я не думал, что маленький камешек может такое натворить. До сих пор у меня в ушах стоит свист воздуха, который вырывается наружу через эту рваную дыру.

Мы успели потерять порядочно воздуха, прежде чем автоматические двери закупорили аварийный отсек. Давление упало уже до шести десятых атмосферы, когда компрессоры остановили его падение и начали понемногу поднимать. Марсианам-то это было нипочем: для них и шесть десятых — все равно что дышать густыми помоями.

В том закупоренном отсеке остался один механик. Другой спасся — он едва успел проскочить, когда дверь уже закрывалась. Но тот, думали мы, вытянул бумажку с крестиком. Скоро мы

выбросим его через шлюз, как и многих его товарищей, которым довелось вот так закончить свой срок службы.

Парень, который успел выскочить, стоял, прислонившись к переборке, белый как мел, когда появился Стоу. Челюсть у него так и ходила ходуном, а глаза светились, как лампы, но голос оставался спокойным.

— Выйди отсюда и задрай двери,— сказал он, отодвигая в сторону спасшегося механика.— Я его вытащу. Когда постучу, откройте и скорее впустите меня.

Мы задраили за собой герметическую дверь. Что он там делал, мы не видели, но индикаторная лампочка показала, что он отключил автоматику и открыл дверь в аварийный отсек. Через десять секунд лампочка погасла — та дверь снова была закрыта. Раздался сильный, торопливый стук. Мы открыли, и к нам в отсек ввалился Эл, держа в охапке бесчувственное тело механика. Он тащил его как котенка и с такой скоростью понесся по коридору, что мы испугались, как бы он с разгону не прошиб носовую броню.

Тем временем мы обнаружили, что наше дело дрянь. Отказали ракетные двигатели. Трубки Вентури были в порядке, и камеры сгорания тоже остались целы. Инжекторы работали великолепно — если качать топливо вручную. Горючего мы не потеряли ни капли, и корпус был невредим, если не считать этой рваной дыры. Но система управления зажиганием и впуском топлива вышла из строя — она находилась как раз в том отсеке, куда попал метеорит, и превратилась в кучу железного лома.

Это было очень серьезно. Больше того, все были убеждены, что нам грозит неминуемая гибель. Я не сомневаюсь, что и Мак-Нолти пришел к этому мрачному выводу, хотя в своем официальном рапорте он назвал это лишь «затруднением». Это очень на него похоже. Удивительно, как он не написал, что мы были «слегка озадачены».

Так или иначе, тут выскочили марсиане: в первый раз за шесть рейсов им предстояла настоящая работа. Давление уже поднялось до нормы, и им пришлось потерпеть, пока они не влезли в свои шлемы с наплечниками. Кли Янг покрутил носом, недовольно помахал щупальцем и пропищал: «Плавать можно!» Это такая любимая марсианская шутка: всякий раз, когда давление им не по вкусу, они машут щупальцами, как будто плывут, и говорят: «Тут плавать можно». Только когда Кли Янг нацепил свою одежку и спустил в ней давление до привычной ему одной десятой, ему стало полегче.

Нужно отдать марсианам должное — они работали на совесть. Они могут удержаться на самом гладком полированном льду и

вкалывать по двенадцать часов на таком кислородном пайке, которого человеку с Земли не хватило бы и на девяносто минут. Я видел, как они выбрались через шлюз наружу, выпучив глаза под своими перевернутыми аквариумами и таща кабели питания, плиты для ремонта обшивки и сварочные аппараты. За иллюминаторами занялось голубое сияние — это они принялись резать, ровнять и залатывать ту рваную дыру.

Все это время мы продолжали пулей лететь к Солнцу. Если бы не авария, мы бы скоро развернулись и часа через четыре дошли до орбиты Венеры. Там мы дали бы ей себя догнать и, не спеша притормозив, спокойно пошли бы на посадку. Но когда в нас врезался этот крохотный метеорит, мы все еще держали курс прямо на самую жаркую печку во всей Солнечной системе. И теперь мы продолжали к ней лететь, а скорость все росла под действием притяжения Солнца. Я вообще-то и сам собирался написать в своем завещании, чтобы меня кремировали, но не так скоро!

В носовой рубке Эл Стоу непрерывно совещался с капитаном Мак-Нолти и двумя астровычислителями. Снаружи по корпусу продолжали ползать марсиане, озаряемые вспышками мертвенно-голубых огней. Механики, конечно, не дождались, когда ремонт будет окончен,— они надели скафандры, отправились в аварийный отсек и принялись творить там порядок из хаоса.

Все они были чем-то заняты, и мы, остальные, им завидовали. Даже в безнадежном положении гораздо легче, если можешь что-то делать. А бить баклуши в то время, когда другие работают,— малоприятное занятие.

Два марсианина вошли через шлюз, взяли несколько плит обшивки и снова выползли наружу. Один из них прихватил еще и карманные шахматы, но я их тут же отобрал. Потом я решил наведаться к нашему негру — врачу Сэму Хигнету.

Сэм буквально вытащил механика из могилы. Помог кислород и массаж сердца. Это могли сделать только длинные, ловкие пальцы Сэма. Кое-кому такое удавалось и раньше, но нечасто.

Сэм как будто не знал, что произошло, да и не проявил к этому никакого интереса. Он всегда такой, когда у него на руках больной. Он ловко затянул разрез на груди механика серебряными скрепками, разрисовал ему все тело йодированным пластиком и охладил липкую массу, обрызгав ее эфиром, чтобы она застыла.

— Сэм, ты чудо! — сказал я.

— Это Элу спасибо,— ответил он.— Эл доставил его сюда вовремя.

— Нечего сваливать вину на другого,— пошутил я.

— Сержант,— сказал он серьезно,— я врач. Я делаю, что могу. Я не мог бы спасти этого человека, если бы Эл не доставил его ко мне вовремя.

— Ладно, ладно,— согласился я.— Пусть будет так.

Сэм — хороший парень. Но он, как и все врачи, немного помешан на этике. Я оставил его возиться с больным, который уже начал ровно дышать.

На обратном пути я встретил Мак-Нолти — он проверял топливные цистерны. Он взялся за дело сам, а это что-то да значило. Лицо у него было озабоченное, а это значило очень многое. Это значило, что мне можно не тратить время на составление завещания, потому что его никто никогда не прочтет.

Я смотрел, как его осанистая фигура скрылась в носовой рубке, и слышал, как он сказал: «Эл, наверное, тебе...» А потом дверь закрылась и стало тихо.

Похоже было, что он возлагает на Эла немалые надежды. Что ж, Эл был как будто на многое способен. Теперь, когда мы сломя голову летели в тартарары, шкипер и этот молчаливый запасной пилот держались как закадычные приятели.

Один из агрономов выскочил из своей каюты. Я хотел было скрыться в каптерке, но не успел. Он уставился на меня широко раскрытыми глазами и сказал:

— Сержант, там, в моем иллюминаторе, виден полумесяц!

Он стоял, выпучив глаза на меня, а я выпучил глаза на него. Если нам видна половинка Венеры, значит, мы пересекаем ее орбиту. Он тоже все знал — это было написано у него на физиономии.

— Так на сколько же времени нас задержит это несчастье? — настойчиво продолжал он.

— Не представляю,— ответил я вполне искренне и почесал в затылке, стараясь выглядеть одновременно бодрым и туповатым.— Капитан Мак-Нолти сделает все, что возможно. Доверьтесь ему. Папаша все может!

— Вы не думаете, что нам... э-э-э... грозит опасность?

— О, конечно нет!

— Врете,— сказал он.

— Знаю,— ответил я.

Это его обезоружило. Недовольный и озабоченный, он вернулся в каюту. Скоро он увидит Венеру в фазе три четверти и расскажет об этом всем остальным. И тогда нам придется жарко. Мы попадем в пекло.

Последние остатки надежды испарились примерно тогда же, когда дикий рев и сильная тряска возвестили нам, что умолк-

нувшие было ракетные двигатели снова заработали. Шум продолжался лишь несколько секунд, а потом двигатели отключили: было уже ясно, что с ними все в порядке.

Услышав шум, агроном выскочил из каюты как ошпаренный. Теперь он знал самое худшее. За три дня, прошедшие с тех пор, как Венера предстала перед нами в виде полумесяца, все уже узнали о нашем положении. Венера осталась далеко позади, и сейчас мы пересекали орбиту Меркурия. Но пассажиры все еще надеялись, что кто-нибудь совершит чудо. Ворвавшись в каптерку, агроном сказал:

— Двигатели снова работают. Значит...

— Ничего это не значит,— сказал я. Не стоило пробуждать напрасные надежды.

— Но разве мы не можем развернуться и полететь обратно?

Он вытер пот, стекавший по его щекам. Это было не от испуга: просто температура внутри корабля уже мало чем напоминала Арктику.

— Сэр,— ответил я,— мы теперь несемся с такой скоростью, что уже ничего нельзя сделать.

— Эх, пропала моя ферма,— с горечью проворчал он.— Пять тысяч акров наилучшей земли для выращивания венерианского табака, не считая пастбищ.

— Сочувствую, но с этим все кончено.

«Трррах!» — снова заработали ракеты. Меня швырнуло назад, а его скрючило, как будто от боли в животе. Там, в носовой рубке, кто-то — или Мак-Нолти, или Эл Стоу — время от времени запускал двигатели. Никакого смысла в этом я не видел.

— Это зачем? — спросил агроном, разогнувшись.

— Да просто так, ребята балуются,— ответил я.

Сопя от возмущения, он пошел к себе. Типичный эмигрант с Земли — сильный, здоровый и мужественный,— он был не столько встревожен, сколько раздражен.

Полчаса спустя по всему кораблю зажужжал сигнал общего сбора. Это был стояночный сигнал, в полете им никогда не пользовались — по этому сигналу вся команда и все, кто находился на корабле, должны были собраться в рубке. Предстояло что-то небывалое в истории космических полетов — может быть, прощальное слово Мак-Нолти?

Я так и думал, что во время этого последнего обряда председательствовать будет шкипер, и не удивился, увидев его стоящим на небольшом возвышении в углу рубки. Его пухлые губы скорчились в гримасу, но когда вползли марсиане и кто-то из них изобразил, будто увертывается от акулы, гримаса преврати-

лась в некое подобие улыбки. Эл Стоу, который стоял вытянувшись около капитана с ничего не выражающим, как обычно, лицом, посмотрел на этого марсианина, словно сквозь стекло, а потом лениво перевел свои странно светящиеся глаза куда-то в сторону, будто в жизни не видал ничего более нудного. И то сказать, эта шутка с плаванием нам порядком приелась.

— Люди и ведрас,— начал Мак-Нолти («ведрас» по-марсиански означает «взрослые» — еще одна марсианская шуточка),— я не вижу смысла распространяться о том своеобразном положении, в котором мы находимся.

Вот умел человек выбирать слова! «Своеобразное положение»!

— Мы уже находимся ближе к Солнцу, чем любой корабль за всю историю космических полетов...

— Комических полетов,— с бестактной усмешкой пробормотал Кли Янг.

— Шутки шутить будете позже,— заметил Эл Стоу таким ледяным тоном, что Кли Янг притих. Лицо капитана снова исказила гримаса.

— Мы движемся к Солнцу,— продолжал он,— быстрее, чем когда-либо двигался любой космический корабль. Грубо говоря, у нас примерно один шанс из десяти тысяч.

Он бросил на Кли Янга вызывающий взгляд, но тот совсем затих.

— Тем не менее такой шанс существует, и мы попытаемся им воспользоваться.

Мы уставились на него, не понимая, что он такое придумал. Каждый из нас знал, что развернуться, миновав Солнце, абсолютно невозможно, так же как и повернуть назад, преодолевая его могучее притяжение. Оставалось только нестись вперед и вперед — до тех пор, пока последняя ослепительная вспышка не рассеет по всей округе молекулы, из которых мы состоим.

— Мы предлагаем пройти по кометной орбите,— продолжал Мак-Нолти.— Мы с Элом, и вот астровычислители тоже,— мы считаем, что ничтожная вероятность удачи существует.

Все стало ясно. Это теоретическая штука, которую часто обсуждают математики и астронавигаторы и еще чаще используют в своих рассказах писатели. Но на этот раз все было взаправду. Соль здесь вот в чем: выжать из двигателей все, что можно, набрать огромную скорость и выйти на вытянутую орбиту, как у кометы. Теоретически корабль при этом может проскочить мимо Солнца так быстро, что, как маятник, вылетит далеко на другой конец орбиты. Очень мило, но сможем ли мы это проделать?

— Расчеты показывают, что при нашем нынешнем положении есть небольшой шанс на успех,— сказал Мак-Нолти.— Мощность двигателей достаточная, и горючего хватит, чтобы набрать нужную скорость, взять нужный курс и достаточно долго идти с этой скоростью. Единственное, в чем я серьезно сомневаюсь,— сможем ли мы выдержать момент максимального приближения к Солнцу.

Он вытер пот, как будто бессознательно подчеркивая трудность предстоявшего нам испытания.

— Будем называть вещи своими именами — нам придется чертовски жарко!

— Мы готовы, капитан,— сказал кто-то, и в рубке послышались возгласы одобрения. Кли Янг встал, взмахнул одновременно четырьмя щупальцами, прося слова, и прочирикал:

— Это идея! Это прекрасно! Я, Кли Янг, от имени своих сопланетников ее поддерживаю. Вероятно, мы все заберемся в холодильник, пока будем пролетать мимо Солнца?

Мак-Нолти кивнул и сказал:

— Все будут находиться в охлаждаемом отсеке и терпеть, сколько можно.

— Вот именно,— сказал Кли.— Конечно. Но мы не можем управлять кораблем, сидя в холодильнике, как сорок порций клубничного мороженого. Кто-то должен быть и в носовой рубке. Чтобы корабль шел по курсу, нужен человек — пока он не изжарится. Так что кому-то придется выступить в роли жаркого.

Он взмахнул щупальцем, упиваясь своим красноречием.

— И поскольку нельзя отрицать, что мы, марсиане, значительно легче переносим повышение температуры, я предлагаю...

— Чепуха! — сказал Мак-Нолти. Но его резкий тон никого не обманул. Марсиане — немножко зануды, но до чего прекрасные ребята!

— Ну хорошо,— недовольно чирикнул Кли,— а кто же тогда будет котлетой?

— Может быть, я. А может, и нет,— сказал Эл Стоу. Он произнес это как-то странно — как будто он был такой явный кандидат, что только слепой мог этого не видеть.

А ведь он был прав! Он как раз подходил для этого дела. Если кто и мог бы вынести тот жар, который будет вливаться через носовые иллюминаторы, так это был Эл. Он был силен и вынослив. Он мог многое, чего не мог никто из нас. И в конце концов, он числился запасным пилотом.

Но мне все равно было не по себе. Я представил себе, как он сидит там, впереди, один-одинешенек, и от того, сколько он

продержится, зависит наша жизнь, а огненное Солнце протягивает свои пламенеющие пальцы...

— Ты?! — воскликнул Кли, сердито уставив выпуклые глаза на две молчаливые фигуры, громоздившиеся на возвышении.— Ну конечно! Только я собрался поставить тебе мат в четыре хода, как ты придумал этот фокус, чтобы убежать от меня.

— В шесть,— равнодушно возразил Эл.— Меньше чем в шесть ходов у тебя ничего не получится.

— В четыре! — завопил Кли.— И в такой момент ты...

Мак-Нолти не выдержал. Он побагровел, как будто его вот-вот хватит удар, и повернулся к размахивавшему щупальцами Кли.

— Пропадите вы пропадом с вашими проклятыми шахматами! — заревел он — Все по местам! Приготовиться к разгону! Я дам сигнал общей тревоги, когда нужно будет укрыться, и тогда вы все должны перейти в холодильник.

Он огляделся. Краска понемногу сходила с его лица.

— Все, кроме Эла.

Когда ракеты дали полный ход, все стало совсем как раньше. Двигатели протяжно ревели, и мы неслись вперед, волоча за собой хвост грома. Внутри корабля становилось все жарче и жарче — влага сверкала на металлических стенах и текла у каждого по спине. Каково было в носовой рубке, я не знал, да и не хотел знать. Марсиане пока чувствовали себя прекрасно — вот когда можно было позавидовать их нелепому устройству!

Я не считал времени, но прошло две вахты и один перерыв на отдых, прежде чем прозвучал сигнал общей тревоги. К этому времени на корабле стало совсем плохо. Я не просто потел — я медленно таял и стекал в собственные ботинки.

Сэм, конечно, переносил все это легче, чем другие жители Земли, и держался до тех пор, пока его больному не перестала грозить опасность. Повезло этому механику! Мы сразу же уложили его в холодильник, куда то и дело наведывался Сэм.

Остальные забрались сюда, когда прозвучал сигнал. Это был не просто холодильник, а самый прочный и самый прохладный отсек корабля — бронированное помещение с тройной защитой, где хранились инструменты и находился лазарет на две палаты с просторной гостиной для пассажиров. Все мы поместились там с большими удобствами.

Все, кроме марсиан. Поместиться-то они тоже поместились, но без особых удобств. Им всегда не по себе при нормальном давлении — им при этом не только душно, но еще и воняет, как будто они дышат патокой, отдающей козлиным запашком. Кли

Янг на наших глазах достал склянку с духами и протянул ее своему полуродителю Кли Моргу. Тот взял склянку, с отвращением поглядел на нас и демонстративно понюхал самым оскорбительным образом. Но никто на это не отреагировал.

Тут были все, кроме Мак-Нолти и Эла Стоу. Шкипер явился через два часа. В рубке, видать, было нелегко — выглядел он ужасно. Изможденное лицо блестело от пота, когда-то пухлые щеки ввалились и были покрыты ожогами. Его обычно нарядная, хорошо сидевшая форма висела на нем, как на вешалке. С первого взгляда можно было сказать, что он жарился там, сколько мог выдержать.

Пошатываясь, он прошел мимо нас, завернул в кабинку для оказания первой помощи и медленно, с трудом разделся. Сэм растер его с головы до ног мазью от ожогов — мы слышали, как шкипер хрипло стонал, когда Сэм особенно старался.

Жар становился невыносимым. Он заполнял все помещение, жег каждый мускул моего тела. Несколько механиков скинули ботинки и куртки. Скоро их примеру последовали и пассажиры, избавившись от большей части одежды. Мой агроном с несчастным видом сидел в плавках, горюя о своих несбывшихся планах.

Выйдя из кабинки, Мак-Нолти рухнул на койку и сказал:

— Если через четыре часа мы еще будем целы, все обойдется.

В этот момент двигатели заглохли. Мы сразу поняли, в чем дело. Опорожнилась одна топливная цистерна, а реле, которое должно было переключить двигатели на другую, не сработало. На такой случай в машинном отделении должен был бы сидеть дежурный механик, но от жары и волнения никто об этом не подумал.

Мы не успели опомниться, как Кли Янг подскочил к двери, к которой он был ближе всех. Он исчез, прежде чем мы сообразили, что произошло. Через двадцать секунд двигатели снова заревели.

У самого моего уха свистнула переговорная трубка — последние два дня радиофоны не действовали из-за солнечных помех. Я вынул свисток и прохрипел:

— Да?

Из рубки донесся голос Эла.

— Кто это сделал?

— Кли Янг,— сказал я.— Он все еще там.

— Наверное... пошел за шлемами,— догадался Эл.— Передайте ему... от меня спасибо!

— Как там у тебя? — спросил я.

— Печет,— ответил он.— Плохо... с глазами.— Он помолчал.— Наверное, выдержу... как-нибудь. Пристегнитесь... когда я свистну.

— Зачем? — прохрипел я.

— Хочу... раскрутить ее. Жар равномернее распределится...

И вот я услышал, как он заткнул свой конец трубки. Я тоже всунул свисток на место и передал остальным, чтобы они пристегнулись и ждали сигнала Эла. Только марсианам можно было не беспокоиться: у них хватало первоклассных присосков, чтобы удержаться даже на метеорите.

Вернулся Кли. Эл оказался прав: он тащил шлемы для своих ребят. Температура была такая, что даже Кли ослабел и еле управлялся со своим грузом.

Марсиане обрадовались, надели шлемы, загерметизировали швы и тут же спустили в них давление до двух десятых. Они сразу повеселели. Чудно было видеть, как они надевают скафандры не для того, чтобы, как мы, хранить воздух, а чтобы от него избавиться...

Только они успели одеться и вытащить шахматную доску, как прозвучал свисток. Мы вцепились в ремни, а марсиане присосались к полу и стенам. «Маргаритка» начала медленно вращаться вокруг продольной оси. Шахматные фигуры поползли по полу, потом по стене и по потолку: солнечное притяжение, конечно, удерживало их на той стороне, которая была обращена к Солнцу. Я увидел сквозь шлем сердитое, распаренное лицо Кли, который мрачно уставился на порхавшего вокруг него черного слона. Наверное, в шлеме раздавались самые смачные марсианские выражения..

— Осталось три с половиной часа,— прохрипел Мак-Нолти.

Четыре часа, о которых говорил нам шкипер, означали два часа приближения к Солнцу и два часа удаления от него. Поэтому, когда нам осталось два часа, мы были ближе всего к этой раскаленной печи. Это был момент наибольшей опасности.

Я этого момента не помню — я потерял сознание за двадцать минут до него и пришел в себя через полтора часа после. О том, что происходило за это время, я могу только догадываться, но стараюсь об этом думать как можно меньше. Солнце, пылавшее жаром свирепо, как глаз разъяренного тигра; корона, протянувшая свои языки к крохотному кораблю с полумертвыми существами, и в самом носу корабля, за совершенно бесполезными кварцевыми стеклами, одинокий Эл глядит и глядит на приближающийся ад...

Я, шатаясь, поднялся и тут же свалился, как мешок тряпья. Корабль больше не вращался, а несся вперед, как обычно, и упал я просто от слабости. Чувствовал я себя препаршиво.

Марсиане уже пришли в себя — я знал, что они очнутся первыми. Один из них поставил меня на ноги и держал, пока я не

начал хоть чуть-чуть владеть своими конечностями. Я заметил, что другой марсианин распростерся поверх лежавших без сознания Мак-Нолти и трех пассажиров. Он закрывал их своим телом от жара. И довольно успешно, потому что они очнулись вслед за ним.

С трудом добравшись до переговорной трубки, я вытащил затычку и дунул. Но сил у меня было так мало, что свистка не получилось. Только зря потратил воздух, а мне его и так не хватало. Целых три минуты я стоял, цепляясь за трубку, потом собрался с силами, еле расправил грудь и дунул изо всех сил. На другом конце послышался свисток. Но Эл не отвечал.

Я свистнул еще несколько раз, но ответа не было. От частого дыхания у меня закружилась голова, и я опять свалился. В корабле жара была еще страшная; я чувствовал, что высох, как мумия, которая миллион лет пролежала в пустыне.

Дверь открылась, и Кли Янг медленно, с трудом выполз наружу. На нем все еще был шлем. Через пять минут он вернулся и сказал через диафрагму шлема:

— Не добрался до носовой рубки. Трап на полпути горячее печки, и воздуха там нет.

Я вопросительно уставился на него, и он объяснил:

— Автоматические двери задраены. В носовой рубке вакуум.

Это означало, что сдали иллюминаторы. Иначе воздух не мог выйти из рубки. Запасные стекла у нас были, и вставить иллюминаторы ничего не стоило. Но пока что мы летели вперед — может быть, правильным курсом, а может быть, и нет — с пустой, лишенной воздуха рубкой, в которой царила только зловещая тишина.

Мы сидели и понемногу приходили в себя. Последним очнулся пострадавший механик. Сэм все-таки выходил его. И только тогда Мак-Нолти заорал:

— Четыре часа прошли! Мы прорвались!

Слабыми голосами мы крикнули «ура!». Ей-ей, в каюте от этой новости сразу стало градусов на десять прохладнее! Радость придала нам силы — не прошло и минуты, как мы не чувствовали и следов слабости и рвались в бой. Но только еще четыре часа спустя бригада механиков в скафандрах пронесла в крохотный лазарет Сэма тяжелое тело из рубки.

— Как дела, Эл? — спросил я.

Он, наверное, услышал, потому что шевельнул пальцами правой руки и, прежде чем дверь за ними закрылась, издал скрежещущий, хриплый звук. Потом два механика прошли в его каюту, принесли огромный кожаный мешок и снова заперлись в лазарете, оставив нас с марсианами снаружи. Кли Янг шатался

взад и вперед по коридору, как будто не знал, что делать со своими щупальцами.

Час спустя из лазарета вышел Сэм, и мы бросились к нему.

— Как Эл?

— Слеп как крот,— сказал он, покачав головой.— И лишился голоса. Ему пришлось ужасно тяжело.

Так вот почему он не отвечал, когда я его вызывал к трубке!.. Я посмотрел Сэму прямо в глаза.

— Сэм, ты можешь... ты можешь ему как-нибудь помочь?

— Если б я мог! — Его черное лицо было очень выразительным.— Ты знаешь, сержант, как бы я хотел привести его в порядок, но я не могу.— Он бессильно развел руками.— Это превышает мои скромные возможности. Может быть, когда мы вернемся на Землю...

Его голос прервался, и он снова ушел в лазарет.

— Мне грустно,— в отчаянии сказал Кли.

Тот вечер, когда нас пригласили в нью-йоркский астроклуб, я никогда в жизни не забуду. Тогда этот клуб был — да и сейчас еще остается — самым избранным обществом, какое только можно себе представить. Чтобы вступить в него, космонавт должен совершить что-то подобное чуду. Тогда в клубе насчитывалось всего девять членов, да и сейчас их только двенадцать.

Председателем клуба был Мейс Уолдрон — знаменитый пилот, который спас тот марсианский лайнер в 2263 году. Весь расфранченный, он стоял во главе стола, а рядом с ним сидел Эл Стоу. На другом конце стола сидел Мак-Нолти — с его веселой физиономии не сходила довольная усмешка. А рядом со шкипером находился старый, седой Кнут Йоханнсен — гений, который изобрел систему «Л», известную каждому космонавту.

Остальные гостевые места за столом занимала вся смущенная команда «Маргаритки», включая марсиан, плюс трое пассажиров, которые решили ради такого случая отложить свой отлет. Было еще несколько аудиорепортеров со своими камерами и микрофонами.

— Джентльмены и ведрас,— произнес Мейс,— это беспрецедентное событие в истории человечества и нашего клуба. Может быть, именно поэтому я считаю для себя особой честью внести предложение — принять в члены клуба запасного пилота Эла Стоу, который этого в высшей степени достоин.

— Поддерживаем! — крикнули одновременно три других члена клуба.

— Благодарю вас, джентльмены.

Он вопросительно поднял бровь. Восемь рук взметнулись над столом.

— Принято единогласно!

Взглянув на Эла Стоу, который молча сидел рядом, Мейс начал превозносить его до небес. Он все говорил и говорил, а Эл все сидел с безразличным видом.

Я видел, как довольная улыбка на лице Мак-Нолти становится все шире и шире. Старый Кнут смотрел на Эла с почти нелепой отеческой нежностью. Команда не сводила глаз с героя, и все камеры были направлены прямо на него.

Я тоже посмотрел в ту сторону. Он сидел, его починенные глаза сияли, но лицо его было неподвижно, несмотря на все эти пышные слова и всеобщее внимание, на взгляды Йоханнсена, полные отцовской гордости.

Но прошло минут десять, и я заметил, что и ему наконец стало не по себе. И если кто-нибудь вам скажет, что робот системы Л-100-У — просто бесчувственная машина, плюньте ему в глаза!

Машинерия

Мы стояли на бельэтаже Седьмого административного корпуса астропорта. Никто не знал, зачем нас так неожиданно вызвали и почему мы не летим, как обычно, на Венеру.

Поэтому мы болтались по зданию и задавали друг другу вопросы, на которые не находили ответов. Однажды я видел, как тридцать гуппи, выпучив глаза, пялились на терьера по имени Фергус, напрягая свои крошечные мозги, чтобы понять, почему одна из его конечностей болтается из стороны в сторону. Мы были очень похожи на этих аквариумных рыбок.

Осанистый и вкрадчивый капитан Мак-Нолти появился в тот самый момент, когда мы уже собрались начать соревнование по обкусыванию ногтей. Его сопровождали полдюжины инженеров с «Маргаритки» и тощий коротышка, которого мы никогда прежде не видели.

Замыкал шествие Эл Стоу, легко несший свое тело весом никак не меньше трехсот фунтов. Меня всегда поражало изящество, с которым он двигался. Его глаза пламенели, словно он хотел объять весь мир.

Жестом предложив всем следовать за ним, Мак-Нолти завел нас в небольшое помещение, с важным видом поднялся на помост и заговорил так, словно он учитель, а мы ученики, только что перешедшие в третий класс.

— Джентльмены и ведрас, сегодня вместе со мной к вам пришел знаменитый профессор Флеттнер.

Он сделал выразительный поклон в сторону коротышки, который ухмыльнулся и запрыгал на месте, точно мальчишка, стащивший конфету со стола.

— Профессор набирает команду для своего корабля «Марафон», которому предстоит лететь за пределы Солнечной системы. Эл Стоу и шестеро наших техников вызвались сопровож-

дать меня. За время вашего отпуска мы прошли дополнительную подготовку.

— Я получил удовольствие от общения с командой,— вставил Флеттнер, стараясь утихомирить экипаж, у которого он украл капитана.

— Правительство Земли,— продолжал польщенный Мак-Нолти,— готово утвердить любую кандидатуру из экипажа, летавшего под моим началом на венерианском грузовике «Маргарет-Сити». Теперь все зависит от вас, парни. Тот, кто пожелает остаться на «Маргарет-Сити», может покинуть нас и отправиться на грузовик. Кто захочет сопровождать меня, пусть поднимет руку.— Тут взгляд Мак-Нолти наткнулся на марсиан, и он торопливо добавил: — Или щупальце.

Сэм Хигнет тут же вскинул коричневый кулак.

— Капитан, я предпочитаю остаться с вами.

Он опередил остальных лишь на долю секунды. Странное дело — ни один из нас не горел желанием лететь на консервной банке Флеттнера. Просто мы не могли отказать. Или согласились лезть в пекло только ради того, чтобы увидеть, как изменится выражение лица Мак-Нолти.

— Благодарю вас, ребята,— сказал Мак-Нолти торжественным голосом, каким обычно произносят речи на похоронах.

Мак-Нолти почти любовно оглядел нас, но заметно смутился, когда обнаружил, что один из марсиан бухнулся на пол в углу, разбросав щупальца.

— В чем дело, Саг Фарн? — удивился он.

Кли Янг, старший из обитателей Красной планеты, подал голос:

— Я поднял два щупальца, капитан. Одно за себя и одно за Сага. Он заснул, перед этим поручив мне подать голос за него — сказать да, или сказать нет, или спеть «Вот идет ласка»*.

Все рассмеялись. О лени Сага Фарна на борту «Маргаритки» ходили легенды. Один лишь шкипер не знал, что только срочные работы за бортом или партия в шахматы могли помешать Сагу Фарну уснуть. Наш смех смолк, и комната тут же наполнилась высоким жутковатым свистом — так храпят марсиане.

— Ладно,— сказал Мак-Нолти, с трудом сдерживая улыбку,— всем явиться на корабль на рассвете. Стартуем в десять утра. Эл Стоу введет вас в курс дела и ответит на вопросы.

«Марафон» оказался настоящим красавцем, проектировал его Флеттнер, а строился корабль на деньги правительства. Получилось нечто среднее между боевым крейсером и легкой гоноч-

---

* Название народного танца.

ной яхтой. Да и оборудование здесь стояло роскошное, по сравнению с «Маргариткой». Мне корабль сразу же понравился. Как и всем остальным.

Стоя наверху у телескопических сходней, я наблюдал за прибытием последних членов команды. Эл Стоу принес огромную сумку. Ему разрешили взять с собой в три раза больше багажа, чем любому другому члену экипажа. Впрочем, по этому поводу едва ли стоило удивляться, поскольку среди его вещей был прекрасный продукт инженерной мысли — атомный реактор весом в восемьдесят фунтов. В некотором смысле его запасное сердце.

Четыре правительственных эксперта поднялись на борт. Я понятия не имел, кто они по чину и зачем летят с нами, но проводил их в каюты. Последним явился Уилсон, меланхоличный светловолосый юноша девятнадцати лет. Он уже протащил на борт три коробки с вещами и теперь пытался пронести еще три.

— А это еще что такое? — осведомился я.

— Пластинки.

— Граммофонные, зубные или металлические?

— Фотографические,— буркнул он без намека на улыбку.

— Будешь у нас штатным фотографом?

— Да.

— Ладно, брось коробки в среднем трюме.

Он нахмурился.

— Их нельзя бросать, сваливать в кучу или резко передвигать. Их необходимо укладывать,— заявил он.— Очень осторожно.

— Ты меня понял! — Мне парнишка понравился, но уж слишком он важничал.

С величайшей осторожностью поставив коробки на трап, он медленно оглядел меня с ног до головы, а потом с головы до ног. Его губы превратились в ниточки, костяшки пальцев побелели.

— И кем вы будете, когда смените робу на парадную форму? — спросил он.

— Парламентским приставом,— проинформировал я парня строгим голосом.— А теперь отнеси коробки туда, где они будут в безопасности, и уложи их, соблюдая все меры осторожности, а иначе я сброшу их вниз — и лететь они будут сотню футов.

Удар пришелся в слабое место. Если бы я пригрозил Уилсону сбросить его самого, он пообещал бы закинуть на орбиту меня. Но ради своих драгоценных коробок он был готов держать норов в узде.

Наградив меня взглядом, красноречиво обещавшим нелегкую жизнь и безвременную смерть, он понес коробки в трюм,

прижимая их к груди как младенцев. Пожалуй, я обошелся с парнишкой слишком строго, но в тот момент этого еще не понимал.

Двое пассажиров о чем-то спорили, пристегивая ремни безопасности. В мои обязанности входила проверка ремней новичков, и пока я этим занимался, слышал каждое их слово.

— Можешь говорить все, что пожелаешь,— заявил один эксперт,— но ведь эта штуковина работает!

— Я и сам знаю,— раздраженно фыркнул другой.— В этом все и дело. Я тысячу раз проверял безумные выкладки Флеттнера, сам чуть не свихнулся. Логика вполне четкая, все неопровержимо. Тем не менее посылка совершенно абсурдна.

— Ну и что? Его первые два корабля моментально добрались до орбиты Юпитера. Они совершили полет туда и обратно быстрее, чем обычный корабль разогревает двигатель. Разве могло бы такое случиться, будь идея и впрямь бредовой?

— Да в своем ли ты в уме! — рявкнул противник, покрываясь алыми пятнами.— Это шарлатанство чистой воды! Флеттнер утверждает, что космическими расстояниями теперь никого не испугаешь, плоды труда тысяч астрономов можно выбросить в мусорную корзину. Мол, теперь нет такого понятия, как скорость полета в космосе, который якобы сродни и плазме и эфиру. Он говорит, что нельзя перемещаться с определенной скоростью, не имея точки отсчета, вернее, принимая за таковую точку воображаемую константу. Дескать, мы одержимы скоростями и расстояниями, поскольку наши разумы привыкли к установленным отношениям внутри Солнечной системы; но в открытом космосе нет величин, к которым можно бы приложить наши несовершенные мерила.

— Не волнуйтесь, ребята, все будет в порядке. Лично я уже написал завещание.

Моя попытка успокоить спорщиков получилась не слишком удачной. Один бросил на меня свирепый взгляд и сказал соседу:

— А я все равно считаю, что это бред.

В этот момент вошел Мак-Нолти:

— Ты видел Уилсона?

— Нет. Но могу сгонять за ним.

— Попытайся его малость успокоить. Парень чуток не в себе.

Я нашел Уилсона в его каюте. Он сидел, пристегнув ремни.

— Ты когда-нибудь летал на космолете?

— Нет,— едва слышно ответил Уилсон, подняв на меня остекленевший взгляд.

— Ну, не бери в голову. Бывали случаи, когда люди всходили по трапу на своих двоих, а возвращались по частям, но по статистике на американских горках народу гибнет гораздо больше.

— Думаешь, я боюсь? — Он вскочил так резко, что я вздрогнул,— ему даже не помешали ремни.

— Ну что ты! — Я замолчал, пытаясь найти подходящие слова.— Ты просто стараешься не переоценивать наши возможности.

Озабоченное выражение исчезло с его лица, глаза яростно засверкали.

— Сам не догадываешься, насколько ты прав.

— Вот что, приятель,— заговорил я как мужчина с мужчиной,— расскажи, что тебя гложет, и я постараюсь помочь.

— Ты не способен помочь.— Он сел, расслабился, но на лице вновь появилось угрюмое выражение.— Я из-за пластинок беспокоюсь.

— Какие еще пластинки?

— Фотографические, которые я принес на борт.

— Да перестань! С ними все будет в порядке. Кроме того, что толку зря беспокоиться.

— Полно толку,— упрямо пробормотал он.— Дважды я не волновался — и мои запасы превращались в пыль. С тех пор я обзавелся привычкой нервничать. При аварии на «Столетнем экспрессе» я потерял всего-навсего две пластинки, да к тому же чистые. Во время большого землетрясения в Неаполе пропало всего-навсего шесть пластинок. Видишь? Мое беспокойство окупается. Так что оставь меня в покое, не мешай работать.— Он откинулся на спинку кресла, потуже затянул ремни и вернулся к своему прежнему занятию. То есть к беспокойству.

Я еще не успел прийти в себя после разговора с Уилсоном, когда услышал шум на сходнях. Мак-Нолти орал на марсиан. Они только что вышли из своих кают, где поддерживалось привычное для них низкое давление, и оказались в чуждой атмосфере.

Кто-то из людей медленно спускался по трапу, шатаясь под тяжестью огромной вазы невероятно яркой расцветки и чудовищно уродливой формы. Марсиане гневно чирикали наперебой, возмущенно трясли щупальцами. Выяснилось, что фарфоровое чудовище — это шахматный трофей Кли Морга, кубок марсианского чемпионата. С точки зрения землянина — сущая безвкусица. Тем не менее приказы шкипера не обсуждаются — и трофей остался на Земле.

В следующий миг завыла сирена, предупреждая о тридцатисекундной готовности, и все, кто не успел занять свои места, поспешили разойтись. На марсиан, разом прекративших гомонить, стоило посмотреть.

Я моментально устроился в своем кресле. Переходные шлюзы закрылись. *Буууум!* Гигантский кулак попытался вогнать мой череп в сапоги, и я на короткое время потерял сознание.

Мир, стремительно разбухающий перед носом нашего корабля, оказался немногим больше Земли. Его подсвеченная солнцем поверхность была окрашена в черный, красный и серебряный цвета, в отличие от привычного коричневого, голубого и зеленого. Мы приближались к одной из пяти планет, вращающихся вокруг солнца, поменьше нашего и поярче. По пути нам встретилась небольшая группа астероидов, но мы легко уклонялись от столкновений.

Я не знал, как называется звезда. Эл Стоу сказал, что это малое солнце из региона Бутс. Мы выбрали именно его, поскольку лишь у него имелись планеты, и одна из них оказалась как раз на нашем пути.

Так или иначе, но мы перемещались слишком быстро, чтобы выйти на орбиту и выбрать удобное место для посадки. Мы мчались по касательной — впереди нас ждала планета. Снижение будет прямым, как атака сокола, времени хватит только на короткую молитву, и никаких тебе танцев вокруг тутового дерева.

То, как парадоксальные идеи Флеттнера претворялись в жизнь, вновь заставило мое сердце устремиться к желудку — хорошо еще я успел выплюнуть его обратно. Подозреваю, что корабль был способен и на большее — его ограничивала лишь способность людей к выживанию. Похоже, Мак-Нолти с удивительной точностью определил эти границы — ведь торможение и посадка закончились тем, что я не только остался жив, но и сохранил способность дрыгать ногами; но на животе остался глубокий след от ремня, не сходивший целую неделю.

Приборы показывали, что давление за бортом — двенадцать фунтов, а воздух пригоден для дыхания. Мы тянули жребий — кому первым выходить наружу. Мак-Нолти и все правительственные эксперты проиграли. Вот было смеху! Первым из шляпы вынули бумажку с именем Кли Янга, затем повезло инженеру Бреннанду, Элу Стоу, Сэму Хигнету и мне.

Наша первая экскурсия по планете была рассчитана на один час. Из чего следовало, что мы не сможем отойти больше чем на две мили от «Марафона». Скафандры надевать не стали. Кли Янг мог воспользоваться шлемом, герметично пристегивающим-

ся к наплечникам, чтобы дышать привычным воздухом, но он решил, что в течение часа легко выдержит избыточное давление. Повесив на шею бинокль, каждый из нас вложил в кобуру лучевой пистолет. Эл Стоу прихватил радиофон, чтобы поддерживать связь с кораблем.

— И не вздумайте ребячиться,— предупредил шкипер, когда мы выходили через воздушный шлюз.— Осмотрите окрестности и возвращайтесь не позднее чем через час.

Кли Янг, последним выбиравшийся из шлюза, оглядел наш небольшой отряд глазами-блюдцами и сказал:

— Кому-то следовало разбудить Сага Фарна и сообщить, что корабль совершил посадку.— Затем четыре из десяти щупальцев отпустили трап, и марсианин упал на землю.

Боже, какой твердой оказалась поверхность чужой планеты! Здесь она сверкала черной стеклянной гладью, а невдалеке шли серебристые полосы с вкраплениями темно-красного. Я поднял небольшой кусок породы, и он оказался очень тяжелым — сплошной металл, если вас интересует мое мнение.

Я швырнул его в открытый шлюз, чтобы товарищам было чем заняться, и тут же увидел голову рассерженного Кли Морга, который выпучил глазищи на ни в чем не повинного Кли Янга и заявил:

— Удар по черепу — это совсем не смешно. И тот факт, что ты в компании землян, не означает, что можно вести себя как глупое дитя.

— О чем ты, неумелый толкатель пешек? — сразу закипятился Кли Янг.— Да если б я тебе дал по черепу...

— Замолчите! — рявкнул Эл Стоу.

Он зашагал в сторону заходящего солнца, длинные проворные ноги двигались с такой быстротой, словно он намеревался совершить кругосветное путешествие. Рация болталась в могучей руке.

Мы шли гуськом. Через десять минут Эл Стоу, оторвавшийся на полмили, остановился, давая нам возможность его догнать.

— Не забывай, длинный брат, мы сделаны только из плоти и крови,— пожаловался Бреннанд, когда мы приблизились к нашему могучему второму пилоту.

— Только не я,— возразил Кли Янг.— Благодарение Раве, наша раса не состоит из такой отвратительной грязи.— Он пронзительно свистнул, выражая презрение, а затем четырехкратно сделал движение щупальцами, поскольку воздух здесь был в четыре раза плотнее, чем на Марсе.— Я бы мог грести!

После этого мы замедлили шаг. Вскоре спустились в глубокую темную долину, прошли ее до конца и начали подниматься.

Никаких деревьев, кустов, птиц; никаких признаков жизни. Лишь черно-серебристо-красная полуметаллическая поверхность, далекие вершины гор в голубом тумане и сияющий цилиндр «Марафона» у нас за спиной.

Посреди следующей долины текла река. Подойдя к берегу, мы наполнили фляжку для лабораторного анализа. Сэм Хигнет рискнул попробовать воду — оказалось, что у нее легкий медный привкус. На поверхности вода была голубой, в глубине казалась синей. Почва на берегу была значительно мягче.

Усевшись передохнуть, мы поглядывали на реку — она казалась слишком глубокой, с сильным течением; никто не рискнул перебраться на противоположный берег. Через некоторое время вода принесла безголовое тело.

Изуродованный труп напоминал огромного лангуста. Твердый темно-красный хитиновый панцирь, четыре крабьи ноги, две длинные клешни. На шее — белый срез без следов крови, из которого торчали белые нити. Как выглядела голова, оставалось догадываться.

Труп выглядел зловеще, и мы завороженно наблюдали за ним, не спуская глаз, пока он не скрылся за далекой излучиной реки. Больше всего нас сейчас занимало не то, как выглядит голова, а кто и почему ее снес. Все молчали.

Едва течение успело унести труп, как мы увидели первое доказательство существования жизни на планете. В десяти ярдах, справа от меня, в мягкой почве виднелась дыра. Из нее выползла тварь, приблизилась к воде и принялась пить мелкими изящными глотками.

Четыре ноги, дивный трехгранный хвост — больше всего существо походило на игуану. Черная кожа с серебристым отливом напоминала шелк. Из прорезей на голове смотрели серебристые глазные яблоки. Длина — около шести футов вместе с хвостом.

Напившись, существо повернулось, чтобы уйти, увидело нас и застыло на месте. Я потянулся к лучевому пистолету — а вдруг у местного жителя дурные намерения? Тварь внимательно осмотрела нас, широко раскрыла пасть, и мы узрели черную, словно уголь, глотку и два ряда ровных черных зубов. Существо несколько раз продемонстрировало свое оружие, после чего взобралось на берег, уселось неподалеку от нас и уставилось в воду.

Никогда еще мне не доводилось видеть столь абсурдной картины. На берегу расположился Эл Стоу, огромный, с сияющими глазами, резкими чертами лица и смуглой кожей. Рядом с ним сидел Сэм Хигнет, наш темнокожий врач, чьи белые зубы

ослепительно сверкали. Бреннанд, невысокий белый землянин, устроился рядом с Кли Янгом, пучеглазым марсианином с десятью щупальцами. Следующим был я, седеющий землянин среднего возраста. И наконец, инопланетное существо цвета серебра с чернью.

И все продолжали молчать. Да и что тут скажешь? Мы смотрели по сторонам, существо таращилось на воду, все сохраняли полнейшее спокойствие. Я вдруг вспомнил о юном Уилсоне — жаль, что его нет с нами, не то запечатлел бы эту сцену и раздал фотографии на память. Затем по реке проплыло еще одно тело, ничем не отличающееся от первого. Без головы.

— Похоже, здесь кое-кто не очень популярен,— заметил Бреннанд, которому надоело молчать.

— Они сами по себе,— важно проинформировала нас игуана.— Как и я.

— Что вы сказали?

Никогда еще пятеро живых существ не вскакивали с такой быстротой, да и восклицание получилось хоровое.

— А вы не уходите,— посоветовала ящерица.— Возможно, увидите еще что-нибудь.— Она подмигнула Бреннанду, а после быстро скрылась в своей норе. Только серебристый хвостик сверкнул на солнце.

— Вы слышали? — Бреннанд с обалдевшим видом приблизился к норе, присел на корточки и рявкнул: — Эй!

— Ее здесь нет,— донесся ответ откуда-то снизу.

Облизнув губы, Бреннанд бросил на нас жалобный взгляд раненого спаниеля и задал следующий идиотский вопрос:

— *Кого* нет?

— Меня,— ответила ящерица.

— Вы слышали то, что слышал я? — вновь оглянулся на нас ошеломленный Бреннанд.

— Ты ничего не слышал,— ответил Эл Стоу, прежде чем кто-то из нас успел открыть рот.— Это существо ничего не говорило. Я внимательно наблюдал, оно ни разу не шевельнуло губами.— Его строгие блестящие глаза смотрели на нору.— Это животное думает, а вы воспринимаете мысли, преобразуя их в человеческие понятия. Поскольку вы никогда не встречались с формами жизни, обладающими телепатическими способностями, и никогда не воспринимали мысли, которые передаются на доступной для человека волне, то решили, что существо говорит.

— Вы можете остаться,— разрешила ящерица,— только не толпитесь возле моей норы. Ни к чему лишняя шумиха. Это опасно.

Эл поднял рацию и отошел в сторону.

— Я сообщу на корабль о телах и попрошу разрешения подняться на пару миль вверх по течению.

Он включил рацию. Послышался шум, подобный грохоту Ниагарского водопада. Больше ничего разобрать не удавалось. Эл Стоу менял частоту, снова и снова вызывая корабль, но в награду получал лишь оглушительный шум помех.

— Попробуй на низких частотах,— посоветовал Сэм Хигнет.

Эл прошелся по всему диапазону. Шум водопада исчезал, и начиналось чириканье. Потом застрекотал миллион кузнечиков, раздался пронзительный свист — а закончилось все тем же ревом водопада.

— Мне это не нравится,— сказал Эл, выключая рацию.— Слишком много помех для пустого мира. Мы возвращаемся. И следует поторопиться.

Он стал решительно подниматься вверх по склону. Его мощная фигура напоминала древнего великана на фоне вечернего неба.

Он шел очень быстро, и мы с трудом поспевали. Впрочем, нас не нужно было подгонять. Беспокойство Эла передалось нам. Да и эти безголовые тела...

Мак-Нолти выслушал нас и послал за Стивом Грегори, чтобы тот проверил радиоэфир. Стив поспешил в радиорубку и вернулся через несколько минут.

— Шкипер, эфир полон сигналов,— нахмурив брови, сообщил Стив.— От двухсот метров до ультракороткого диапазона все забито. Нам и слова не вставить.

— Ладно,— проворчал Мак-Нолти,— и чем же забит эфир?

— Три вида сигналов,— ответил Стив.— Свист разной продолжительности — возможно, таким образом указывается направление. Еще я обнаружил восемь источников шума, напоминающего грохот водопада. Ну, а в промежутках какая-то непонятная трепотня. Здесь полно живых существ.— Его кустистые брови совершили несколько впечатляющих акробатических этюдов.

С опаской посматривая в ближайший иллюминатор, один из правительственных экспертов рискнул высказать мнение:

— Если эта планета так сильно заселена, то мы приземлились в местной Сахаре.

— Мы можем воспользоваться шлюпкой,— решил Мак-Нолти.— Пошлем на разведку трех хорошо вооруженных человек и дадим полчаса, чтобы хорошенько осмотреться. До наступления темноты они успеют прочесать пятьсот миль.

Большинство из нас вновь хотело попытать счастья, но Мак-Нолти бросать жребий не разрешил, а сам назначил тройку разведчиков. Одним из них стал биолог по имени Хайнс, работа-

ющий на правительство; остальные — инженеры, знакомые с управлением шлюпкой.

На подготовку шлюпки к полету ушло четыре минуты. Троица разведчиков поднялась на борт. Все были вооружены лучевыми пистолетами. Кроме того, на борту имелось полдюжины миниатюрных атомных бомб, а также артиллерийская установка, чьи восемь стволов угрожающе торчали из прозрачной башни на носу шлюпки.

Да, разведывательная экспедиция была отлично вооружена! Мы не собирались развязывать войну и не ждали особых неприятностей, но постарались подготовиться к любым неожиданностям.

Раздался негромкий взрыв, и двенадцатитонный цилиндр взмыл в небо. Через несколько секунд шлюпка превратилась в точку, а затем и вовсе исчезла.

Стиву удалось установить связь в диапазоне двадцати четырех метров. Биолог Хайнс наблюдал за ландшафтом в иллюминатор и тут же докладывал.

— Мы летим на высоте шесть миль, удалились от корабля на шестьдесят. Впереди горы. Набираем высоту.— С минуту он молчал.— Поднялись на двенадцать миль и перевалили через вершину. Вижу длинную прямую черту искусственного происхождения, уходящую вниз, в предгорья. Мы спускаемся к ней, все ниже, ниже... Да, это дорога!

— Кто-нибудь движется по ней? — крикнул Стив, брови которого изогнулись крутой дугой.

— Пока она совершенно пуста. Однако полотно в прекрасном состоянии. Такое впечатление, что дорогой редко пользуются. Ага, вижу на горизонте еще одну, милях в сороках впереди. Летим к ней. Кажется... по ней что-то быстро перемещается.— Еще одна томительная пауза.— Ей-богу, здесь десятки...

Голос смолк. Из динамика шел только звук, напоминающий шелест осенних листьев на ветру.

Стив попытался наладить связь, крутил ручки настройки, но голос Хайнса не возвращался. Лишь волнами накатывали шорохи в диапазоне двадцати четырех метров, а на длинных волнах ревел водопад.

Команда потребовала отправить вторую шлюпку. У нас имелось еще четыре шлюпки и мощный катер. Мак-Нолти решительно отказал.

— Нет, ребята! — Его пухлое лицо сохраняло выражение полнейшего спокойствия.— Одного раза более чем достаточно. Мы будем ждать. До утра предоставим шлюпке возможность вернуться. Возможно, ей ничто не угрожает. Бесполезно строить

предположения — могли выйти из строя радио или навигационная аппаратура.— Тут его глаза сверкнули: — Но если к рассвету не получим никаких известий, отправимся на поиски.

— Это точно! — зашумели многие.

Трам-трам-трам! В наступившей тишине мы услышали эти звуки очень явственно. Тут только нам стало понятно, что они раздаются уже некоторое время — но раньше никто не обращал внимания. Странные, но смутно знакомые звуки, к сожалению, доносились не от возвращающейся шлюпки.

Команда моментально выбралась наружу. Мы стояли, прижимаясь спинами к металлической оболочке «Марафона», и смотрели в небо. Один, два, три, четыре, пять... Длинные черные ракеты летели единым клином.

Лицо молодого Уилсона просветлело, и он воскликнул: «О господи!» — а в следующий миг выхватил фотоаппарат и навел его на черные ракеты.

Никто из нас не догадался прихватить бинокль, но Эл Стоу в нем и не нуждался. Он стоял, запрокинув голову, не сводя сверкающих глаз с небесного парада.

— Пять,— сказал он.— Высота десять миль, перемещаются быстро и продолжают набирать высоту. Обшивка выкрашена в черный цвет либо сделана из очень черного металла. Корабли не имеют ничего общего с земными. Кормовые двигатели установлены снаружи — на наших кораблях они утоплены в корпусе. Кроме того, у этих имеются ярко выраженный нос и кормовые стабилизаторы.

У меня уже закружилась голова, а он продолжал вести наблюдение. Наконец пятерка кораблей скрылась из виду. Они промчались над «Марафоном», но не заметили его. Впрочем, они летели на огромной высоте, с которой мы выглядели не больше булавочной головки.

— Значит, они не так уж сильно от нас отстают,— прочирикал Кли Морг.— У них есть ракетные корабли, они отрезают головы лангустам — можно предположить, что они враждебно настроены к чужакам. Могу представить, как туземец подтаскивает меня к жевательному отверстию!

— Надеяться на лучшее, но ожидать худшего,— посоветовал Мак-Нолти. Он оглядел свою команду, а потом его взгляд скользнул по блестящей обшивке «Марафона».— Кроме того, наш корабль намного быстрее всего, что летает в Солнечной системе, и мы знаем, как позаботиться о себе.

И он со значением похлопал по висящему на боку лучевому пистолету. Никогда прежде мне не доводилось видеть нашего дружелюбного шкипера таким серьезным и сосредоточенным.

Он обладал обезоруживающей привычкой скрывать свои чувства, но при определенных обстоятельствах оказывался крепким орешком.

Однако никто не умел выглядеть таким крутым, как Эл Стоу, который стоял возле нашего шкипера. В неподвижной позе Эла, его коротких репликах, быстрых решениях и блеске глаз на словно из гранита высеченном лице было нечто сродни безмятежной силе, которую мы видим в равнодушных чертах незнакомых богов, что находят археологи в самых далеких местах.

— Ладно,— проговорил Эл Стоу,— вернемся на корабль и подождем рассвета.

— Конечно,— согласился Мак-Нолти.— Завтра мы раскроем кое-какие тайны независимо от того, возвратится шлюпка или нет.

Он не знал, что завтра мы никаких тайн не раскроем, напротив, придем в полное замешательство. Молодой Уилсон не стал бы так весело насвистывать, проявляя свои пластинки, если бы догадывался, что не пройдет и двадцати четырех часов, как они будут утрачены навсегда.

Первым заметил машины один из навигаторов, который нес ночную вахту. Они появились неожиданно почти за час до бледного рассвета, призраками скользнули под умирающими звездами.

Навигатор подумал, что это животные, какие-нибудь ночные хищники. Но как только у него появились сомнения, он включил сигнал общей тревоги, и мы бросились на свои посты. Один из инженеров приставил к иллюминатору переносной прожектор, чтобы разогнать предрассветные сумерки.

Как только мощный луч наткнулся на что-то большое и блестящее, оно тут же бросилось улепетывать. Маневры были настолько стремительными, что никто не успел толком рассмотреть шар со щупальцами, вставленный в обод колеса. Создавалось впечатление, что колесо крутится и невообразимое устройство стремительно перемещается, легко меняя направление движения.

Луч света не успевал за ним, поскольку был ограничен краями иллюминатора. Мы напряженно ждали, что будет дальше, но ничего больше не появлялось в конусе яркого света, хотя мы видели, как перемещаются тени чуть в стороне.

Мы притащили еще несколько прожекторов и поставили их возле других иллюминаторов, после чего пытались поймать в лучи света летающие машины, неожиданно включая и выключая прожектора. Этот метод оказался более эффективным. Нам вновь

удалось на миг осветить перемещающееся колесо, которое тут же ускользнуло от луча.

Через минуту второй прожектор озарил огромную металлическую руку, которая раскачивалась подобно маятнику, периодически исчезая в темноте. Нечто огромное и сильное перемещало эту руку, которая вовсе и не была рукой. Больше всего устройство походило на механический или паровой экскаватор.

— Вы видите?! — завопил Стив.

Его лицо оставалось в тени, но я догадывался, где были густые брови. По слухам, однажды его бровь едва не добралась до затылка.

Я слышал, как тяжело дышит у меня за спиной Бреннанд, а от стоящего поодаль Эла Стоу доносилось тишайшее гудение. От прожекторов пахло нагретым металлом.

Со стороны кормы пришел какой-то стук и царапанье. Там находилась мертвая зона, вспомогательные двигатели мешали обзору. Мак-Нолти что-то рявкнул, два инженера и навигатор бросились выполнять приказ. Мы понятия не имели о том, на что способны ночные визитеры, но если они сумеют повредить вспомогательные двигатели, мы останемся здесь навсегда.

— Пора делать выбор,— заметил Эл Стоу.

— О чем ты? — осведомился Мак-Нолти.

— Выходить навстречу или немедленно стартовать.

— Да-да, конечно,— проворчал Мак-Нолти.— Но мы по-прежнему не знаем, какие у них намерения. Нет оснований считать, что они хотят навредить, но и дружеских жестов они не сделали. Нужно соблюдать осторожность. Власти Земли не одобряют грубого обращения с аборигенами, если на то нет веских оснований.— Он презрительно фыркнул.— Иными словами, мы должны уносить ноги, если они *враждебны*, или сидеть и ждать доказательств дружеского расположения.

— Я предлагаю,— вмешался Кли Янг,— открыть шлюз правого борта и свистеть мотивчик. Когда кто-нибудь приблизится, мы его схватим, затащим на борт и позволим нас рассмотреть. Если понравимся друг другу, то можно будет обниматься и целоваться. А в противном случае выбросим его наружу по частям.

П-р-рээ-нг! Пронзительное лязганье со стороны кормы эхом прокатилось по всему кораблю. Мак-Нолти поморщился, представив, как его драгоценный двигатель выходит из пазов. Он хотел что-то сказать и уже открыл рот, но в этот момент раздался яростный рев в машинном отделении. За ревом последовал чудовищный треск, и корабль прыгнул вперед на двадцать футов.

Помогая подняться распростершемуся на полу шкиперу, Эл Стоу сказал:

— Похоже, Эндрюс решил все вопросы. Теперь никто не захочет связываться с его детищем!

Из машинного отделения доносился гул возмущенных голосов — так рокочет вулкан перед извержением. Мак-Нолти знал, что лучше не трогать начальника машинного отделения, пока он не стравит пар.

Глянув в иллюминатор, Мак-Нолти в луче света заметил отступающий механизм. Нахмурившись, он обратился к Элу Стоу:

— У нас очень маленький выбор: либо немедленно стартовать, либо отогнать их. В первом случае мы теряем шлюпку с экипажем. А во втором — могут быть серьезные неприятности.— Его взгляд наткнулся на Стива Грегори.— Стив, еще раз попытайся связаться со шлюпкой. Если не сможешь, все равно продиктуешь инструкции — вдруг да услышат. А после откроем шлюз.

— Есть, капитан,— кивнул Стив и убежал в радиорубку.

Он вернулся минут через пять и бросил:

— Ни звука! Ну, ребята, готовьте оружие к бою. Перенесите прожектор к шлюзу правого борта.— Мак-Нолти замолчал, поскольку «Марафон» неожиданно начал крениться. Описав дугу в десять градусов, корабль вновь принял вертикальное положение.— И поставьте рядом пушку.

Эл Стоу и два инженера ушли выполнять приказ шкипера.

— Вот так! — выдохнул Мак-Нолти.— Даже думать не хочется, какая нужна сила, чтобы накренить «Марафон».

Дзинь-дзинь-дзинь! Звуки тяжелых ударов пронеслись по всему «Марафону» и эхом вернулись в арсенал, где я раздавал оружие. Корабль вновь накренился, только теперь еще сильнее. Дуга составила никак не меньше пятнадцати градусов. Но и в этот раз корабль вернулся в прежнее положение.

Обмотавшись снарядными лентами для скорострельной пушки, я побежал обратно и нашел Эла возле внутреннего люка шлюза. Корабль слегка дрожал. Эл молча стоял, широко расставив ноги в сапогах на мягкой подошве, а его блестящие глаза неотрывно следили за медленно отворяющейся дверью люка.

Наконец, когда все было готово, тяжелая внешняя крышка отошла от корпуса «Марафона». Свет прожектора хлынул наружу.

Из сумрака доносились скрип и скрежет, но в луче прожектора ничего не появилось. Похоже, туземцы не жаловали яркий свет. Мы довольно долго стояли и ждали.

Набравшись храбрости, вычислитель по имени Дрейк, человек Флеттнера, вошел в освещенную шлюзовую камеру и медленно зашагал к внешнему люку. Он остановился у самого края и выглянул наружу. В следующее мгновение он сдавленно вскрикнул и исчез из виду.

Рослый и широкоплечий кривоногий инженер, следовавший за Дрейком, длинной волосатой рукой попытался схватить его ремень, но опоздал. На несколько мгновений он застыл на месте, а еще через секунду закричал и скрылся в темноте. Бреннанд, шедший третьим, не дошел нескольких шагов до люка — Мак-Нолти приказал остановиться.

Бреннанда не сумели похитить. Он закричал, когда что-то проникло снаружи в шлюзовую камеру и попыталось его схватить, и завопил еще громче, когда ловкое марсианское щупальце обвило его талию и оттащило назад. Если судить по тому, как побелели остальные щупальца Кли Янга, уперевшиеся в пол и стены, ему немалого труда стоило удержать Бреннанда.

— Что это было? — с мрачным спокойствием спросил Мак-Нолти.

Прежде чем Бреннанд успел ответить, раздался оглушительный удар. Огромный блестящий предмет прямоугольной формы проник в люк. Свет прожектора позволял его хорошо разглядеть. Я увидел переднюю часть, с закрученной спиралью медной антенной наверху, похожей на карикатурный локон, и пару здоровенных линз, глядящих на свет с равнодушием кобры.

Не дожидаясь приказа Мак-Нолти, наш стрелок решил, что сейчас не время думать о предстоящем докладе земному начальству. И открыл огонь. Грохот получился чудовищным, восемь стволов изрыгнули огонь, поток снарядов устремился в темноту. Промахнуться при такой стрельбе было невозможно — во все стороны полетели куски металла, осколки чего-то похожего на стекло и пустые гильзы.

Как только первый захватчик исчез, на его месте появился второй, который спокойно уставился в жерла нашей пушки. Такой же прямоугольный корпус, такие же холодные, ничего не выражающие глаза-линзы. Его постигла та же судьба. За ним последовало еще два чудища. Стрелок, войдя в раж, палил, ругаясь на товарища, который слишком медленно подавал новые ленты.

После расстрела четвертого чужака наступила тишина, лишь стучала свежая лента, которую стрелок с помощником заправляли в установку.

— Ну, вне всякого сомнения, власти Земли не поставят нам этот конфликт в вину,— решил капитан Мак-Нолти.— Как-никак, а захвачены два члена экипажа, я уже не говорю о шлюпке.

Кто-то подбежал к нам и доложил:

— В свете третьего прожектора мы видели, как уносят Дрейка и Миншалла.

— Значит, они не в зоне поражения,— заметил Эл Стоу.— Хорошо! — Он не сводил глаз с открытого люка, сжимая в правой руке яичко из тех, которые принято называть карманными атомными бомбами.

Он помахивал взрывным устройством с такой ужасающей беспечностью, что мне захотелось закричать и сбежать, бросив даже зубные коронки.

— Ради бога, перестань! — запротестовал кто-то из тех, кто разделял мои чувства.

Эл оглянулся на малодушного, холодно блеснул глазами, затем активировал яйцо и швырнул его в темноту. Все тут же рухнули на пол, в том числе и Мак-Нолти, и попытались — безуспешно, разумеется — окопаться.

Ослепительная вспышка, оглушительный гром, несколько толчков, как при землетрясении.

Кусок металлического щупальца прилетел из темноты и ударился о стенку. Нечто, смутно напоминающее верхушку морского телескопа, треснулось о щит артиллерийской установки, пронеслось над солидным задом шкипера, задело мочку моего уха и оставило длинный желтоватый след на стальном полу.

Если кто-то ожидал, что снаружи наступит тишина, то он ошибался. Едва смолкли отзвуки взрыва, как в корме раздались скрежет разрываемого металла и глухие удары. Со стороны машинного отделения послышались грязные ругательства, но они быстро смолкли.

Пока мы озирались в поисках новых источников опасности, в люк полезли очередные чудовища. Однако стрелок был начеку, он вновь без приказа нажал на гашетку. Он продолжал стрелять, не ведая о том, что со стороны кормы на нас уже наступает металлический зоопарк.

Следующие две минуты промелькнули, словно две секунды. Я видел, как шар на колесиках въехал в шлюзовую камеру, а за ним вломилась кошмарная компания металлических монстров — у некоторых были суставчатые ноги и клешни вместо рук, другие размахивали щупальцами или непонятными жуткими инструментами.

Когда точно направленный выстрел лучевого пистолета нашел в клешне, вцепившейся в крышку люка, слабое место, она

раскалилась докрасна. Однако похожий на гроб хозяин клешни и линзой не повел. В призрачном свете прожекторов я увидел, как молодой Уилсон выжег «глаз» монстру, но тот успел схватить нашего фотографа.

Неожиданно артиллерийская установка прекратила неистово плевать снарядами и повалилась набок. Что-то холодное, жесткое и скользкое ухватило меня за пояс и подняло вверх. Я почувствовал, как мое тело перемещается к люку, и через мгновение очутился снаружи. Хватка пленившего меня существа была железной. Я успел заметить, как штуковина, размахивающая сразу несколькими инструментами непонятного назначения, схватила отчаянно сопротивляющегося шкипера и потащила его куда-то в сторону.

Последнее, что я увидел, когда меня несли прочь от корабля, это дико машущий щупальцами металлический шар, взмывший под потолок шлюзовой камеры. Мак-Нолти и захвативший его монстр загородили все остальное, однако я догадался, что кто-то из марсиан еще сражается, прилипнув к потолку.

Поймавшее меня существо быстро бежало в сторону всходившего над далеким горизонтом солнца. Я понял: уже утро, минут через двадцать появится роса. Окрестности светлели прямо на глазах.

Похититель положил меня на свою длинную горизонтальную спину. Один трос плотно охватывал мою грудь, другой — живот; многосуставчатая рука придерживала бедра. Ноги болтались в воздухе, а в правой руке я сжимал лучевой пистолет, но применить оружие никак не удавалось, поскольку рука была плотно прижата к корпусу врага.

В десятке ярдов другой металлический монстр тащил Мак-Нолти. Этот был заметно крупнее моего похитителя, обладал восемью суставчатыми ногами, не имел щупальцев, но мог похвастаться дюжиной рук различной длины. Четыре из них придерживали извивающегося шкипера, две передние были вытянуты вперед, как у богомола, а остальные сложены вдоль тела. Я заметил, что медный локон периодически выпрямлялся и ходил ходуном, а потом опять сворачивался.

Мы пробежали мимо других механизмов. Большая группа возилась вокруг поврежденной кормы «Марафона». Попадались большие и маленькие машины, приземистые и высокие. Среди них выделялось чудовище с рукой, похожей на стрелу парового экскаватора. Он хладнокровно копал землю под вспомогательными двигателями нашего корабля. Полдюжины машин занималось тем, что извлекали эти двигатели. Несколько штук уже лежало неподалеку, точно выдранные зубы.

«Ну,— с горечью подумал я,— вот и конец герру Флеттнеру и его гениальности. Если бы этот могучий мозг не появился на свет, я бы жил себе припеваючи на борту старой доброй "Маргаритки"».

Штуковина, на которой я отправился на вынужденную прогулку, увеличила скорость, перейдя на неуклюжий галоп. Мне никак не удавалось повернуться, чтобы как следует ее рассмотреть. Меня, как и прежде, держали очень крепко. Я слышал, как металлические ноги стучат по полуметаллической почве, но видел лишь мельтешащие суставы и сочащееся масло.

Скакун, несший Мак-Нолти, также увеличил скорость. Стало заметно светлее. Я, насколько смог, приподнял голову и увидел вереницу машин, отягощенных пленниками, которая тянулась до самого корабля. Мое внимание привлек доносящийся сверху гул. Я посмотрел в небо. Ночь еще не успела убрать свою темную руку, и я не разглядел ракеты, летевшие с севера на юг.

Прошло больше часа, прежде чем мой похититель остановился и опустил меня на землю. Вероятно, мы преодолели миль тридцать. Все мое тело ныло. Солнце уже взошло, и я обнаружил, что мы находимся на обочине широкой гладкой дороги, покрытой тусклым металлом цвета свинца. Гроб длиной примерно семь футов — фантастический скакун, на спине которого я сюда прибыл,— смотрел на меня абсолютно равнодушными линзами.

Не ослабляя объятий, он засунул меня в открытую дверь дожидавшегося средства передвижения. Это была большая коробка, поставленная на пару осей с громадными колесами. Сверху торчала неизменная антенна. Еще я успел заметить дюжину одинаковых тележек, а потом оказался в темноте.

Через полминуты ко мне присоединился шкипер. Затем Бреннанд, Уилсон, вычислитель и два инженера. Шкипер тяжело сопел. Инженеры ругались на чудовищной смеси земного, венерианского и марсианского языков.

Дверь захлопнулась и заперлась — явно по собственной воле. Машина дернулась, будто какой-то великан дал ей пинка, и покатилась вперед, постепенно набирая скорость. Сильно пахло машинным маслом. Кто-то непрерывно шмыгал носом и что-то злобно бормотал. Мне показалось, что это Бреннанд.

Шкипер нашел в кармане зажигалку, и мы смогли осмотреться. Наша передвижная тюрьма оказалась стальным ящиком размерами девять футов на шесть. Здесь даже вентилятор отсутствовал. Запах машинного масла становился невыносимым.

Продолжая шмыгать носом и бормотать, оскорбленный Бреннанд поднял лучевой пистолет и попытался прожечь дыру в по-

толке. Я присоединился к нему, чтобы ускорить процесс. Металл легко поддавался. Через пару минут вырезанный круг упал на пол. Если наше средство передвижения и имело сознание, то никак не отреагировало на враждебные действия, продолжая мчаться на прежней скорости.

Напрасно мы надеялись увидеть пушистые облака. Над отверстием оказался слой темно-зеленого вещества, которое не поддавалось лучевым пистолетам. Мы обрушили на него всю свою огневую мощь, но не добились ни малейшего результата.

Попытки открыть дверь или пробить дыру в стене также успеха не имели: повсюду оказалось зеленое вещество. Слабым местом был пол. Пока машина мчалась вперед, мы прорезали дыру в полу, и наше узилище сразу же наполнилось светом. Теперь мы могли видеть часть вращающейся оси и кусок убегающей дороги.

Бреннанд направил пистолет вниз и сказал:

— Мама, смотри, что я умею! — И перерезал ось.

Машина замедлила ход и остановилась. Мы приготовились к мощному удару, но его не последовало. Машины аккуратно нас объезжали и спокойно продолжали свой путь. Мы с Бреннандом приникли к дырке в полу, а остальные с нетерпением поглядывали на нас. Мак-Нолти и вычислитель потеряли оружие, но один из инженеров успел засунуть пистолет в карман, а другой так и держал в руке четырехфутовый гаечный ключ, с которым, как утверждали злые языки, он даже спать ложился.

Мы не могли знать, есть у этой собачьей будки на колесах водитель, подчиняется ли он собственной воле или управляется дистанционно. Но если водитель или кто-нибудь другой не откроет дверь, нам придется выбираться отсюда самим. Ничего не происходило. Мы подождали пять долгих минут, и я даже успел поразмышлять о не слишком веселой судьбе остальных членов нашего экипажа.

В конце концов нам удалось проделать в полу достаточно большую дыру, и мы уже собрались вылезти наружу, когда нечто огромное и тяжелое промчалось по дороге и неожиданно мягко ударило в нашу машину. Раздался громкий металлический щелчок, и мы поехали вперед — сначала медленно, а потом немного быстрее. Сломанный механизм заработал снова.

Очень скоро дорога стала проноситься под нами с такой скоростью, что мы перестали думать о побеге. Прыжок вниз означал верную смерть.

— Однако мы попали в неприятное положение,— сказал Мак-Нолти.

— Неприятное? — эхом отозвался Бреннанд, бросив на шкипера странный взгляд.

Он опустился на колени, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Один из инженеров сдавленно фыркнул.

— Я потерял роскошный фотоаппарат стоимостью семьсот долларов и отснятые пластинки,— возмущенно объявил Уилсон и злобно посмотрел на шкипера.— Мало сказать, что это неприятно! Я спущу шкуру с металлических зашиц, как только появится такая возможность!

— Вот твой проклятый аппарат,— заявил Бреннанд, который встал, вынул из кармана и протянул Уилсону камеру чуть больше пачки сигарет.— Ты его уронил, когда тебя вытаскивали из корабля. Я поймал, а через секунду меня самого поймали.

— Спасибо, ты настоящий друг! — воскликнул Уилсон, поглаживая фотоаппарат тонкими пальцами.— Я ужасно о нем беспокоился.— Он уперся в меня взглядом и повторил: — Да, я о нем беспокоился.

Один из инженеров смотрел в дыру. Сломанная ось, естественно, не вращалась.

— Нас тянут на буксире. Знать бы наверняка, что за нами никто не едет...— Помолчав, он добавил: — Подержите меня, я попытаюсь выглянуть.

— Ничего не выйдет,— резко возразил Мак-Нолти.— Мы едем слишком быстро, нельзя так рисковать. Будем просто ждать.

Мы сидели на полу и с тоской смотрели на круг света. Наши спины упирались в холодный металл. У кого-то в кармане оказалась пачка сигарет, мы закурили.

Наконец машина остановилась, и сразу же раздалось какое-то странное клацанье. Вся повозка вздрагивала; казалось, рядом неуклюже топчется невидимая громадина, отчего трясется земля. С другой стороны ровно гудел мотор. Мы напряженно смотрели на дверь; те, у кого остались лучевые пистолеты, держали их наготове.

Раздался щелчок, и дверца широко распахнулась. Большая многосуставчатая рука принялась шарить внутри нашей темницы. Так продавец белых мышей вслепую ловит для покупателя очередного зверька. Я глазел на сияющую конечность, держа под прицелом ее заднее сочленение, когда один из инженеров проскочил под этой рукой и с громким воплем выбрался наружу.

Рука, уже готовая схватить шкипера, потеряла гибкость, когда луч ударил по суставу. Она неловко двинулась обратно, а в это время второй инженер бросился вслед за первым, размахивая здоровенным гаечным ключом. Понятное дело, я не стал отсиживаться за их спинами.

Сражение получилось недолгим. Снаружи мы столкнулись с сорока машинами восьми разных типов. Штук шесть было не больше собаки — они лишь кружили вокруг нас и наблюдали за происходящим. Самая большая в два раза превосходила пульмановский вагон и являлась обладательницей телескопической руки, заканчивающейся огромным черным диском.

В пяти ярдах от двери находился инженер, который пытался при помощи лучевого пистолета высвободиться из объятий многорукого гроба. Инженер с гаечным ключом сцепился со сферой на колесиках, продолжая без особого успеха колотить своим четырехфутовым оружием по извивающимся щупальцам врага. При этом он ругался с удивительным мастерством и остервенением.

Слева от нас высокое идиотское приспособление, более всего напоминавшее трезвого жирафа в представлении пьяного художника-сюрреалиста, уносило Мак-Нолти. У жирафа было четыре руки, которые крепко сжимали несчастного шкипера, и четыре ноги, которые двигались на редкость неловко, а также невероятно длинная шея, заканчивавшаяся одинокой линзой. Шкипер не сдавался, хоть и ясно было, что сопротивление бесполезно.

Вытянув вперед конечности, словно желая признаться в страстной любви, ко мне подскочил гроб, явно намереваясь прижать меня к широкой груди. Он перемещался, глухо стуча нижними конечностями: *дум-дум-дум* — такие звуки услышишь разве что в Африке, когда на тебя кидается разъяренный носорог. Он был уже так близко, что я почувствовал неприятный запах нагретого машинного масла.

Я отскочил, надеясь, что гроб не достанет, но он хладнокровно удлинил свои передние конечности еще на двадцать дюймов. Фокус едва не удался — еще немного, и я бы лишился своей ничего не подозревавшей головы. К счастью, я споткнулся и упал, ощутив, как мощное щупальце скользнуло по волосам.

Кругом раздавались проклятья и кряхтенье людей, да еще ровно гудели хорошо смазанные механизмы. Воздух со свистом рассекали металлические щупальца, клацали суставы, тяжело ступали массивные металлические ноги.

Гроб ринулся ко мне, но я упал и перекатился с быстротой, на которую никогда прежде не был способен. Мой лучевой пистолет полоснул по его плоскому брюху — никакого результата! Я вскочил на ноги, посмотрел направо и увидел, что тело вычислителя лежит в одном месте, а его мозг — совсем в другом. Меня сильно затошнило.

Тут я заметил, что пульмановский вагон, до сих пор не принимавший участия в военных действиях, развернул свой диск. В следующее мгновение на меня обрушился мощный луч бледно-зеленого цвета. Как удалось выяснить позднее, луч должен был сделать меня мертвее, чем тот, у кого зафиксировано трупное окоченение. Но поскольку я не был существом механическим, то бледно-зеленый свет не оказал на меня никакого воздействия.

Шары были самыми быстрыми в этом машинном зверинце. Именно такой шар в конце концов добрался до меня. Гроб неуклюже гарцевал вокруг, выбирая удобный момент для новой атаки, еще один гроб галопом мчался ко мне с другой стороны, и пока я следил за ними, сфера напала сзади и повалила на землю.

Я еще успел заметить, как жираф уносит Мак-Нолти куда-то в сторону, а потом — *бумс!* — целая вселенная взорвалась в голове, я выпустил из рук оружие и потерял сознание.

Мак-Нолти сделал перекличку. Сильно потрепанный и усталый, но сохранивший в неприкосновенности все части своего пухлого тела, он стоял, расправив плечи, и оглядывал нас. Эл Стоу стоял рядом с ним, огромный и крепкий; мощная грудь выпирала сквозь прорехи в форме, но в глазах горел неизменный огонь.

— Амброуз.

— Здесь, сэр.

— Армстронг.

— Здесь, сэр.

— Бейли.

Нет ответа. Шкипер нахмурился и посмотрел по сторонам.

— Кто-нибудь знает, что произошло со старшим стюардом Бейли?

— Я не видел его с того самого момента, как началась драчка на корабле, сэр,— ответил кто-то.

Никто ничего не смог к этому добавить.

— Хм! — Мак-Нолти помрачнел еще сильнее, сделал отметку в своем списке. Я с некоторым недоумением оглядел наш помятый, но не павший духом отряд. Кого-то не хватает.— Баркер, Банистер, Брейн, Бреннанд...— И вновь Мак-Нолти поднял глаза, не дождавшись отклика.

— Бреннанд находился вместе с нами в машине,— напомнил я.— Но что с ним произошло потом, я не знаю.

— То есть неизвестно, жив он или нет?

— Да, сэр.

— Бреннанд так и не вышел из машины,— подал голос джентльмен с гаечным ключом. Он стоял рядом с бровастым Стивом Грегори, его лицо напоминало недоеденный апельсин, он так и не расстался с любимым куском железа. Быть может, машины не отняли гаечный ключ, поскольку приняли его за часть руки.— Я сопротивлялся дольше всех. Помню, что Бреннанд оставался в машине. Как и Уилсон.

Лицо Мак-Нолти стало печальным; Эл Стоу не выказал особого интереса. Шкипер сделал две отметки в своем списке и продолжил перекличку. Только после того как он добрался до буквы К, я понял, что меня все время тревожило.

— Кли Дрин, Кли Морг, Кли... где Кли Дрин?

Мы принялись озираться. Марсиан среди нас не было. Ни одного. Кли Янг, Саг Фарн и остальные — всего их было девять — исчезли. И никто не знал, что с ними происходило после битвы на «Марафоне». Последним корабль покинул Мердок, правительственный эксперт, а он клялся, что в тот момент, когда его схватили, марсиане оставались на борту и продолжали сражаться. По крайней мере, никто не видел, чтобы их грузили в машину, которая была последней.

Возможно, физическая сила помогла им победить в схватке с механическими монстрами, хотя мало кто в это верил. У меня имелось предположение, но я предпочел оставить его при себе. Наверное, они каким-то образом сумели заинтересовать врага шахматами, и теперь обе стороны, затаив дыхание, ждут, когда кто-нибудь передвинет слона на две клетки. Марсиане вполне на такое способны.

Отметив имена всех марсиан в своем списке, Мак-Нолти дочитал его до конца, пропустив шестого инженера Зиглера, как и Эндрюса. Мы знали, что оба погибли во время атаки на «Марафон».

Когда Мак-Нолти подвел итоги, оказалось, что мы потеряли семерых убитыми; еще пятеро, не считая марсиан, пропали без вести. Список пропавших состоял из Хайнса и двух его спутников, улетевших на шлюпке, а также Бреннанда и Уилсона. Серьезные потери для нашего небольшого экипажа. Оставалось утешаться лишь мыслями о том, что пропавшие, возможно, живы.

Пока опечаленный шкипер изучал список, я осмотрел нашу тюрьму. Мы находились в металлическом сарае высотой сто футов, длиной шестьдесят и шириной сорок. Стены были желтовато-коричневыми, гладкими, без окон. Изогнутая крыша была такого же цвета, мне не удалось найти на ней ни одного отверстия, но с конька свисало три больших шара из прозрачного пластика, испускавших оранжевый свет. И хотя я очень внима-

гельно осмотрел стены, не отыскал ни малейших следов сварки или стыков.

— Ну, ребята...— начал Мак-Нолти.

Ему не удалось продолжить. Пронзительный жуткий вопль просочился сквозь тонкие щели единственной двери. Казалось, звук прокатился по длинному металлическому коридору, отражаясь от стен. Но самым ужасным было то, что кричал человек — или тот, кто когда-то принадлежал к человеческому роду.

Люди топтались в замешательстве, на лбу у меня выступил холодный пот. Мердок смертельно побледнел. Черные кисти Сэма Хигнета сжимались в кулаки и вновь разжимались, словно его подмывало броситься на помощь страдальцу. Инженер с гаечным ключом закатал рукава — оказалось, что на бицепсе его левой руки вытатуирована танцовщица. Когда мышцы напрягались, танцовщица начинала мерцать. Лицо инженера выглядело ужасно, но в глазах застыла решимость.

Эл Стоу выразил общее мнение.

— Если бы к нам в руки попал один автомат, мы бы разобрали его и выяснили, как он двигается.— Он смотрел в пустоту.— Они могут быть похожи на нас, хотя мне совсем не хочется это признавать. Лучше не попадать к ним живыми, не то нас самих разберут на детали!

Вновь раздался крик ужаса. Он достиг высочайшей ноты и оборвался; наступившая тишина показалась нам не менее жуткой, чем вопль. Я вдруг представил себе, как автоматы щелкают, крутятся и гудят, тщетно пытаясь найти источник звука: их металлические когти покрыты красным, ведь они только что прикасались к живому существу.

— Среди нас есть акробаты? — неожиданно спросил Эл Стоу.

Подойдя к стене, он осмотрел ее, приложил к ней большие руки и уперся ногами в пол. Армстронг, здоровяк ростом в шесть футов, вскарабкался ему на плечи. Эта часть оказалась самой простой; дальше дело пошло значительно медленнее.

После долгих безуспешных попыток Петерсон с нашей помощью встал на плечи Армстронгу. Теперь голова Петерсона находилась на высоте пятнадцати или шестнадцати футов от пола. И сколько мы ни пытались, так и не смогли удлинить человеческую лестницу. Эл Стоу был подобен скале, но гладкая стена не позволяла Армстронгу и Петерсону найти опору. Нам пришлось сдаться.

Не приходилось сомневаться, что Эл Стоу даже не покачнулся бы под тяжестью семерых человек, если бы Армстронг выдержал шестерых. Но я не видел особого смысла в попытках до-

браться до потолка. Тем не менее сооружение пирамиды позволило нам убить какое-то время.

Блейн попытался лучом пистолета выжечь упоры для ног, но материал стены отличался от того, из которого были сделаны машины. Металл нагревался, приобретая бледно-желтый цвет, но не плавился. Проделать в нем отверстие также не удавалось.

Тогда шкипер решил составить список имеющегося оружия. У нас оказалось семь лучевых пистолетов, один древний автоматический — владелец клялся, что его отец стрелял из него во время последней войны, один четырехфутовый гаечный ключ и две гранаты со слезоточивым газом.

Наши схватки с машинами показали, что от лучевых пистолетов практически нет пользы. Ну, а все остальное и подавно никуда не годилось. Однако мы поняли одну любопытную вещь: если кто-то упорно не желал отдавать оружие, то ему разрешали его сохранить. Из чего следовало: автоматы не понимали, что это оружие!

Мы едва успели закончить инвентаризацию своего арсенала, когда дверь неожиданно распахнулась и к нам втолкнули парочку существ, похожих на лангустов. Дверь с грохотом захлопнулась, и мы не успели рассмотреть, что находится за ней. Поскользнувшись на гладком полу, лангусты распростерлись возле стены. Пока они собирались с силами, мы с интересом их рассматривали, а лангусты отвечали тем же. Наконец они поднялись на ноги. Теперь я увидел, что их головы вполне могли бы принадлежать насекомому, а не лангусту, поскольку обладали фасетчатыми глазами и усиками, как у бабочки.

Когда существа немного пришли в себя, они поговорили с нами. Естественно, они использовали телепатическую речь, при которой слова внезапно появлялись в нашем сознании. Их рты никогда не открывались, усики не двигались, но мысли, «звучавшие» в нашем мозгу, были очень четкими — трудно поверить, что лангусты не говорят на английском языке. Очень похожим было общение с игуаной.

Один из них — я так и не понял, который — сказал:

— Вы чужаки, прибывшие издалека. У вас мягкое тело, нет твердой оболочки, как у существ из нашей солнечной системы. Вы нас понимаете?

— Да,— ответил Мак-Нолти, выпаращив глаза на лангустов.— Мы вас понимаем.

— Звуковые волны! — Странная парочка ошеломленно переглянулась, изящные усики задрожали. Казалось, я слышу восклицательные знаки в конце каждой фразы.— Они общаются

между собой посредством модуляции звуковых волн! — По недоступной для меня причине они считали этот факт совершенно удивительным. Теперь они смотрели на нас как на невероятных выродков, нарушающих главные законы природы.— С вами трудно разговаривать! Вы не помогаете нам средствами своего разума! Приходится заталкивать в вас мысли и вытягивать мысли из вас!

— Прошу нас простить.— Мак-Нолти сглотнул и заставил себя успокоиться.— Мы не умеем общаться на ментальном уровне.

— Не имеет значения. Мы справимся с этой проблемой.— Оба лангуста сделали одинаковые жесты клешней.— Несмотря на различие в облике и форме, мы с вами товарищи по несчастью.

— Но только на данный момент,— возразил Мак-Нолти, не желавший мириться с нашим нынешним статусом и решивший, что стал представителем всего человечества.— Вы знаете, что с нами делать собираются?

— Анатомировать.

— Анатомировать? Разрезать на части?

— Да.

Мак-Нолти нахмурился:

— Зачем?

— Они поступают так со всеми индивидами вот уже много веков. Пытаются понять, в чем причина независимости отдельных личностей. Машины обладают общим разумом,— заявил лангуст, или кто он там был на самом деле.— На нашей родной планете, которая называется Варга, есть крошечные водные существа, устроенные аналогичным образом: каждое в отдельности не способно мыслить, но вместе они образуют разум высокого уровня.

— Вроде некоторых разновидностей термитов,— сказал наш шкипер.

— Да, вроде термитов,— согласился тот из двух лангустов, который вел беседу — или в ней участвовали оба? Я не понимал, как он или они могли согласиться относительно термитов, пока не вспомнил, что они напрямую общались с разумом шкипера.— В течение превеликого множества оборотов планеты вокруг солнца они пытались покорить соседнюю Варгу. Наш народ успешно сопротивляется, но иногда кое-кого берут в плен, привозят сюда и анатомируют.

— Значит, это всего лишь машины?

— Да, машины самых разных типов: воины, рабочие, среди них есть даже эксперты и специалисты. Но они машины.— Он замолчал, а потом шокировал нас до глубины души, указав клеш-

ней на Эла Стоу.— Он тоже машина! Он сделан из металла, и его разум для нас закрыт! Он нам не нравится!

— Эл — не просто машина,— возмущенно возразил Мак-Нолти.— У него есть то, чем не обладает ни один вонючий механизм. Я не могу объяснить, в чем тут дело, но... он личность.

Команда зашумела, поддерживая мнение своего капитана.

— Ну, что я могу сказать,— серьезно заговорил Эл Стоу.— Я обладаю свободой воли. Из чего следует, что я такой же кандидат для этих мясников, как и все остальные.— Он вздохнул и добавил: — Боюсь, меня ждет та же участь, что и тех, кто сделан из плоти и крови.

Улыбнувшись пессимистическим словам Эла, Мак-Нолти обратился к удивленным лангустам.

— Если вы так хорошо воспринимаете мысли землян, значит, вы способны улавливать эмоции людей, находящихся не только здесь. Несколько моих помощников пропали, хочется знать, живы ли они.

Двое удивительных существ с планеты Варга довольно долго помалкивали, а их усики подрагивали, словно лангусты пытались проникнуть в тайны эфира. Раздался шум в коридоре, но машина прошла мимо дверей, не останавливаясь.

Наконец один из варгиан — или оба — сказал:

— Наши возможности сильно ограничены расстоянием. Мы можем лишь сказать, что один из разумов, подобных вашему, только что навсегда прекратил свое существование. Это случилось во время нашего разговора. Больше рядом нет разумов, подобных вашему.

— Понятно,— разочарованно вздохнул Мак-Нолти.

Они показали клешнями в потолок:

— Но там, наверху, имеются разумы еще более необычные, чем ваши. Они уникальны. Мы полагали, что их существование невозможно. Поразительно, но они способны размышлять сразу о двух различных проблемах.

— Да? — пробормотал Мак-Нолти, почесывая в затылке.

Он не понимал, что имеют в виду диковинные лангусты.

— Две проблемы сразу! Просто поразительно! Они находятся высоко в воздухе, но опускаются на крышу. Один из них размышляет о боевых порядках маленьких богов, расположенных на раскрашенных квадратах, а также он думает о... *вас!*

— Что? — закричал Мак-Нолти.

Я собственными глазами видел, как скальп Стива Грегори проглотил его брови, когда Стив по примеру нашего шкипера посмотрел вверх. Мы все выпучились на потолок. Раздался мощный удар, от которого зашатались стены, а на потолке по-

явилась здоровенная вмятина. Что-то яростно застучало по металлическим панелям. Я чувствовал себя, точно жук, попавший в паровой котел во время работы дюжины клепальщиков.

Наш обладатель гаечного ключа в очередной раз проявил ценную инициативу. Он заметил, что дверь открывается внутрь. Не выпуская свой увесистый инструмент, он засунул свободную руку в задний карман и вынул пару отверток и небольшой кусок металла, напоминающий по форме лезвие топора. Уж не знаю, как он умудрялся на всем этом сидеть! В мгновение ока он засунул все эти предметы под дверь. Как только он закончил, в коридоре поднялся шум и что-то тяжелое ударило в дверь — она застонала, но выдержала.

Похоже, наше время истекло, и мы лишь слегка отдалили свой конец. Железные чудовища мечтали поскорее расчленить наши тела. Индивидуальная свобода, которую все так ценили, станет причиной нашей гибели. С этой точки зрения чудовища сначала должны выбрать владельца гаечного ключа и Сэма Хигнета — у первого рука вдвое длиннее, чем у других парней, а у второго черная кожа. Поэтому они не могут не вызвать любопытства. Интересно, как машины отнесутся к Элу Стоу.

Мощнейший удар потряс дверь, но петли выдержали — однако по центру образовалась вмятина. Ослепительный свет проникал внутрь сквозь щели. Снаружи лязгали тяжелые гусеницы — очевидно, какой-то механизм продолжал штурмовать дверь.

— Не стреляйте, пока не увидите их зеленые зубы,— ухмыльнулся хладнокровный владелец гаечного ключа.

Он сплюнул на пол и оперся на свое оружие — так рыцарь, ожидающий врага, опирается на булаву. Мерцающая танцовщица на его напрягшемся бицепсе выглядела несколько неуместно.

Наверху громко заскрежетало, и огромная плита на потолке отошла в сторону. В помещение хлынул солнечный свет. Большое кожистое, по форме напоминающее луковицу тело с множеством огромных рук с присосками провалилось к нам и повисло на трех конечностях. Это был Саг Фарн.

Он добавил еще три конечности к первым трем, а оставшиеся четыре протянул вниз. Его полная длина составляла тридцать два фута, но сейчас уменьшилась на пять или шесть футов из-за того, что он цеплялся ногами за крышу. Кончики его щупальцев болтались на высоте четырнадцати футов от пола. Дверь все сильнее вдавливалась внутрь, Саг Фарн болтался над нашими головами, а мы смотрели на него с надеждой и отчаянием, и снова с надеждой. Лангустов он поверг в ужас.

Неожиданно он опустился на десять футов, схватил четырех членов команды и моментально утащил наверх, в дыру в потол-

ке. Наверное, так выглядели погонщики слонов, поднятые могучими хоботами. Теперь Саг Фарн уже не цеплялся за потолок своими присосками, его щупальца переплелись со щупальцами другого марсианина, угнездившегося на крыше. Не успел Саг Фарн поднять четверку наших товарищей вверх, как их подхватили щупальца других марсиан. Затем наверх последовали одна за другой еще две четверки людей.

Поскольку я пытался следить за этими цирковыми трюками и опасно прогибающейся под натиском врага дверью, то выпустил из поля зрения обоих жителей планеты Варга. Однако я не мог не слышать их сердитого спора с Мак-Нолти.

— Нет,— твердо заявил шкипер.— Мы не сдаемся. Мы не смиряемся с неизбежным. Мы не умираем с апломбом, как вы изволили выразиться.— Он презрительно фыркнул.— У нас на Земле есть племя, которое воспринимает окружающий мир так же, как вы. Его воины при малейшей неприятности торжественно распарывают себе брюхо. Однако это племя так ничего и не добилось в жизни.

— Но спасаться нельзя,— возмущенно настаивали на своем благородные выходцы с Вагры, словно речь шла о чудовищном военном преступлении.— Это трусливо и подло. Это противоречит конвенции. Это возмутительное нарушение принятых правил ведения войны. Даже ребенку известно, что попавший в плен сохраняет честь, безропотно принимая свою судьбу.

— Вздор! — фыркнул Мак-Нолти.— Галиматья! Мы никому не давали обещаний не участвовать в военных действиях. И не собираемся давать.— Он проводил взглядом следующую четверку, уносящуюся к свободе.

— Но это неправильно, так нельзя. Это позор. Попавший в плен потерян навсегда. Сопланетники убьют нас, движимые стыдом, если мы осмелимся сбежать. Неужели у вас нет совести?

— Ваши правила предназначены для идиотов,— заявил Мак-Нолти.— К счастью, мы не относимся к их числу. Мы не подписывали ваших конвенций. Мы имеем право сопротивляться...

— Послушайте! — вмешался Эл Стоу, чьи сверкающие глаза переместились с не прекращающего свои увещевания шкипера на дверь, которая могла в любой момент рухнуть под могучим натиском.— Сейчас не время обсуждать этические разногласия!

— Конечно, Эл, но эти болваны... Ой! — На лице капитана появилось комичное выражение изумления, когда Саг Фарн подхватил его, разом прекратив бессмысленные споры.

И тут дверь рухнула с оглушительным грохотом. Если не считать пораженцев с Варги, нас оставалось семеро, когда в дверном проеме появилось нечто, напоминающее пятидесятитонный танк.

Гудящая, щелкающая масса гробов, шаров и других кошмарных штуковин толпилась позади танка. К счастью, самый крупный враг был таким широким, что почти полностью заполнял дверной проем. Я зачарованно, не в силах пошевелиться, смотрел, как гусеницы медленно поворачиваются и безжалостный автомат приближается ко мне.

Для Сэма Хигнета настал момент истины — он закричал Сагу Фарну:

— Меня — последним!

Должно быть, наш темнокожий врач давно мечтал принести себя в жертву, но он не учел возможностей марсианина. Между тем один из шаров ухитрился проскочить в дверной проем и помчался к нам, намереваясь схватить Сэма. Он опоздал на долю секунды. Молча и совершенно хладнокровно Саг Фарп отлепил три щупальца от потолка, подхватил всех семерых оставшихся землян и мощным рывком поднял к потолку.

Когда я возносился к отверстию, я ощутил, как дрожит щупальце Сага Фарна — похоже, ему пришлось напрячь все силы. Затем появилась другая длинная конечность и обхватила меня за талию, освободив Фарна от части нагрузки. Сквозь дыру в крыше я увидел марсианина, устроившегося чуть выше Сага Фарна, а еще через мгновение я уже стоял под яркими лучами солнца.

Во вмятине на крыше, подобно курице-наседке, удобно устроилась шлюпка. Мощный кораблик был готов стартовать в любой момент — стремительные обводы корпуса привели нас в восторг.

Вокруг высились металлические сооружения; большинство из них были выше того, на крыше которого мы находились. Квадратные или прямоугольные фундаменты, полное отсутствие окон и украшений — настоящее воплощение мечты лишенного воображения прагматика. Я не заметил, чтобы над зданиями поднимался дым или пар, но кое-где виднелось странное цветное марево.

Над многими зданиями торчали решетчатые конструкции радиомачт. Кое-где я даже разглядел нечто похожее на направленную антенну. Металлический город.

Внизу расстилались широкие прямые улицы, по которым куда-то спешили машины сотен различных видов. Большинство из них не имело ничего общего с теми, которые напали на нас. Одна длинная гибкая штуковина напомнила мне гигантскую многоножку. У нее было три ряда вращающихся железяк, торчащих из передней части корпуса. Вероятно, это жуткое устройство использовалось для бурения горизонтальных отверстий.

В толпе попадались гробы и шары, пара жирафов и несколько других, бессмысленных на первый взгляд устройств, замеченных

нами при обороне корабля. Наблюдая за этим смешением форм и размеров, я пришел к выводу, что гробы и шары — это воины, жирафы — гражданская полиция, а пронырливые маленькие машины — репортеры, которые ведут постоянное наблюдение и докладывают об увиденном в некий координационный центр. Однако относительно жирафов я ничего не мог сказать с уверенностью.

Пока две трети спасенных садились в шлюпку — больше она не могла взять на борт,— я вместе с Элом Стоу стоял у края отверстия в крыше и смотрел на нашу тюремную камеру. Зрелище было довольно забавным. Лангусты исчезли — вероятно, пришел их час. Прямо под нами расположился пятидесятитонный танк, проломивший дверь.

Вокруг него носились гудящие шары, которые вращали глазами-линзами и размахивали щупальцами. Казалось, автоматы были в ярости — если они вообще способны на проявление чувств. Несколько гробов сложили сдвоенные задние ноги, сели и принялись смотреть на нас, словно фантастическая свора недоумевающих собак. Их «лица» были совершенно неподвижны, но все же мне казалось, будто из разинутых пастей вывалились языки. Большинство машин постоянно щелкали и лязгали. Едкий запах масла чувствовался даже на крыше.

Саг Фарн и Кли Янг вели неторопливую охоту на наших врагов, удобно устроившись на потолке, в тридцати футах над толпой. Саг Фарн вытянул щупальце, которое могло бы утащить линейный корабль, присоска опустилась на гладкую черную крышку присевшего на задние ноги гроба — судя по позе, он терпеливо ждал, когда мы упадем, как перезревший виноград. Саг Фарн поднял гроб в воздух — и тот принялся тревожно лязгать, размахивая суставчатыми конечностями. Один из шаров тут же бросился к нему на помощь.

Кли Янг немедленно вмешался в дело, подхватив шар с быстротой и непринужденностью хамелеона, ловящего муху. Гроб взмыл на высоту двадцать пять футов — и тут присоски его отпустили, гроб рухнул на крышу танка, с грохотом скатился вниз и замер. Более легкий шар продолжал отчаянно сопротивляться в тесных объятиях Кли Янга, и тогда марсианин швырнул добычу на второй шар. Один развалился на части, а другой принялся ездить по кругу.

С тоской посмотрев на огромный танк, оставшийся на месте, Кли Янг заметил:

— Именно так мы одержали победу в сражении за корабль. Мы сидели на потолке, и эти глупцы не могли до нас добраться.

Мы поднимали их и бросали, предоставив остальное закону тяготения. А машина, которая могла бы нас достать, не сумела проникнуть внутрь «Марафона».

Одним глазом-блюдцем глядя на нас с Элом Стоу, он другим следил за врагами. Способность марсиан одновременно смотреть в разные стороны всегда вызывала у меня оторопь. Затем Кли Янг добавил, обращаясь к Сагу Фарну:

— Кли Моргу следовало пожертвовать слоном.

— Да, я только что пришел к аналогичному выводу,— согласился Саг Фарн, который при помощи шара проломил башку жирафу.— Морг часто совершает подобные ошибки, поскольку не склонен поступаться ничем. Вот почему он не заметил, что через десять ходов отыгрывается ладья.— Он вздохнул и добавил: — Попался! — Ловко подхватив за шишкообразный нарост яростно жестикулирующую машину, состоящую из множества разных инструментов, он швырнул ее об стену.

Бу-ум! Мне обожгло ноги — это стартовала шлюпка. На крыше осталось одиннадцать человек и два марсианина, быстро превращающих нашу темницу в свалку металлолома. Шлюпка улетала на север.

— Они скоро вернутся, нам надо только продержаться.— Блестящая оптика Эла Стоу сканировала марсиан и металлическое зверье внизу.— Кли ошибается, если полагает, что у них нет альпинистов. Как тогда они построили эти здания?

— Ни один из этих механизмов не способен забраться к нам по стене,— с сомнением возразил я, указывая вниз.

— Верно. Однако могу спорить, что у них есть законсервированные машины, нечто вроде механических верхолазов. Десять к одному, что они здесь появятся, как только враги придут в себя. Ведь мы только что нарушили их правила ведения войны.— Он указал на окружающие улицы. Пока там не происходило ничего необычного.— Должно пройти некоторое время. Сомневаюсь, что на их памяти убежал хоть один пленник, если, конечно, они обладают памятью.

— Да, мы действительно имеем дело с совершенно иным мышлением,— согласился я.— Создается впечатление, что они не готовы к принятию быстрого решения, если оказываются в необычной ситуации.

Безусловно, Эл Стоу имел некоторые преимущества перед нами, поскольку ему было легче поставить себя на место наших механических противников.

Кли Янг, а вслед за ним и Саг Фарн вылезли на крышу. Последний огляделся по сторонам и устроился во вмятине, оставшейся после шлюпки. Обхватив себя щупальцами, он тут же заснул. Мы услышали мерное посвистывание.

— Чуть что, сразу спать! — пожаловался Кли Янг.— Он ничем долго не может заниматься, обязательно должен вздремнуть.— Укоризненно смотря одним глазом на своего посвистывающего соплеменника, он обратил второй глаз на Стива Грегори.— Полагаю,— угрюмо добавил Кли Янг,— никому в голову не пришло захватить шахматы?

— Естественно,— подтвердил Стив, тайком радуясь, что так оно и есть.

— Чего еще от вас ждать,— проворчал Кли Янг.

Отойдя в сторонку, он достал бутылочку с приправой *хулу* и принялся с многозначительным видом ее нюхать. Наверное, сказывалось слишком высокое давление. Я никогда не верил марсианам, утверждавшим, что люди пахнут отвратительно.

— А как вы узнали, в каком именно здании мы находимся? — поинтересовался Эл Стоу.

— Конечно, искать вас среди такого множества одинаковых сооружений было делом безнадежным,— ответил Кли Янг.— Мы сделали несколько кругов и с удивлением обнаружили, что толпы движущихся по улицам автоматов не обращают на нас ни малейшего внимания. А потом мы заметили вереницу машин. На крыше одной из них стояли отчаянно махавшие нам Бреннанд и Уилсон. Ну, мы их подобрали и опустились на ближайшее здание. Посадка получилась жестковатой, поскольку рычаги управления предназначены для человеческих конечностей.

— Значит, Бреннанд и Уилсон живы? — спросил я.

— Да, Кли Дрин втащил их в шлюпку. Они сказали, что выбрались из машины через дыру в полу — и на них сразу же перестали обращать внимание. Бреннанд и Уилсон до сих пор не понимают, почему их оставили в покое.

Посмотрев на меня, Эл Стоу сказал:

— Вот видишь — они сбежали! Появился неожиданный фактор! Никто не знает, что с ними делать. Они совершили вопиющее нарушение местной этики, на решение новой проблемы машинам необходимо время.

Он подошел к краю крыши, мягкие подошвы сапог позволяли ему двигаться бесшумно. Рядом находилась крыша соседнего здания, но она была немного ниже. Глаза Эла Стоу сияли.

— Крики доносились отсюда,— заявил он, указывая вниз.— Давайте проверим, нельзя ли туда заглянуть.

Он легко спрыгнул на соседнюю крышу — расстояние не превышало четырех футов. За ним последовали Армстронг, я и остальные. Вместе мы попытались поднять угол металлической крыши. Лист поддался неожиданно легко. Удивительный

металл: достаточно твердый, термостойкий, но легко сгибающийся. Вот почему марсиане сумели так быстро проделать дыру в крыше.

Мы увидели длинное узкое помещение, которое могло играть роль лаборатории или операционной. В нем было полно приспособлений: источники света, ящики с какими-то медицинскими инструментами, столики на колесах и множество предметов непонятного назначения.

Полдесятка блестящих машин были заняты делом, их равнодушные линзы поблескивали, проворные пальцы так и мелькали. То, чем они занимались, вызвало у меня нервную дрожь.

Части тел двух несчастных лангустов были разложены на лотках. Две головы лежали рядом на одном, внутренности — на соседнем. Мы так и не узнали, чьи это останки — наших товарищей по несчастью или другой пары пленников. Машины возились с кусками их тел, изучали через окуляры микроскопов, а потом засовывали в какие-то аппараты.

У меня сложилось впечатление, что у лангустов не было крови, но их тела источали маслянистую бесцветную жидкость. Тем не менее на одном из столиков и на полу я заметил алые пятна. Присмотревшись, я убедился в том, что двое механических вивисекторов испачканы красным. В проволочной корзине лежала пара человеческих рук. На пальце — золотое кольцо. Оно принадлежало Хайнсу!

Армстронг крепко выругался и добавил:

— Я бы многое отдал за то, чтобы взорвать это местечко!

— Бесполезно,— спокойно заметил Эл Стоу.— Мертвых не воскресить.— Он посмотрел на соседнюю крышу, которая находилась на таком же уровне, примерно в двадцати пяти футах от нас. Она примыкала к стене более высокого здания, увенчанного высокой радиомачтой. Пара проводов соединяли ее с мачтой на соседнем доме, до которого было никак не меньше ста ярдов.— Пожалуй, я смогу перепрыгнуть,— пробормотал Эл Стоу.

— Расслабься,— посоветовал Армстронг, глядя на двадцатипятифутовую пропасть.— Лучше подождать шлюпку. Если не допрыгнешь, из тебя получится тысяча сувениров, разбросанных по всей улице.

Вернувшись к дыре над нашей темницей, Эл посмотрел вниз.

— Они все еще ждут,— доложил он,— но так не будет продолжаться вечно. Скоро они перейдут к активным действиям.— Он вновь легко спрыгнул к нам.— Нет, нужно их опередить.

Прежде чем кто-то из нас успел ему помешать, Эл Стоу побежал. После того как он начал движение, остановить его не

было никакой возможности: три с лишним сотни фунтов — слишком большая масса, даже для нескольких человек. Быть может, Кли Янг справился бы с этой задачей, но он даже не пытался.

Набрав высокую скорость, Эл Стоу сильно оттолкнулся и легко перелетел на соседнюю крышу — с запасом в целый ярд. Еще один прыжок, и он оказался на крыше более высокого здания. Добравшись до решетчатой конструкции, с ловкостью обезьяны забрался наверх и сорвал антенну. Затем Эл Стоу вернулся, совершив такой же впечатляющий прыжок.

— Настанет день,— успокаивающе проговорил Кли Янг,— когда тебя убьет электрическим током — если прежде ты не свернешь себе шею.— Он указал на улицу.— Уж не знаю, совпадение это или нет, но часть машин перестала двигаться.

Кли Янг оказался прав. Среди царящего внизу беспорядочного движения появились застывшие автоматы. Все они принадлежали к одному виду. Другие продолжали спешить по своим делам. Гробы, шары, конструкции, похожие на червей, и большие неуклюжие псевдобульдозеры мчались по улицам, словно ничего не произошло, но все яйцеобразные машины с длинными ногами-жердями словно окаменели.

— Скорее всего, они радиоуправляемые,— высказался Эл Стоу.— Причем каждый вид управляется на определенной длине волны и со своей станции, откуда и черпает энергию.— Он показал на другие радиомачты, торчащие на крышах по всему городу.— Если сумеем вывести большинство из них из строя, то почти все машины на некоторое время остановятся.

— Почему только на время? — спросил я.— Ведь если лишить их энергии, то будет некому вернуть их к жизни?

— Вряд ли. Мы видим, что здесь существует великое множество разных машин, предназначенных для решения самых неожиданных задач. Десять к одному, что существует ремонтная бригада, работающая от независимого источника, который включится, как только все остальное замрет.

— Если эти радиомеханики похожи на бегающие иноходью маяки,— сказал кто-то,— то один из них уже движется к нам.— И показал на север.

Мы повернулись и увидели приближающуюся фантастическую конструкцию — длинную металлическую платформу на колесах диаметром десять-двенадцать футов. Из центра платформы вздымалось сужающееся на конус грубчатое тело, которое заканчивалось диском на высоте шестьдесят футов над землей; диск имел множество линз и конечностей. Конструкция возвыша-

лась, точно пожарная башня; лишь немногие здания уступали ей по высоте.

— Аплодисменты — на ковер выходит Чарли! — заявил джентльмен, владевший древним пистолетом.

Он с остервенением сжимал свое антикварное оружие. Рядом с механическим колоссом пистолет выглядел абсурдно. С тем же успехом можно пытаться остановить взбесившегося слона шариками из жеваной бумаги.

— Монтажник-автомат,— спокойно предположил Эл Стоу.— Вероятно, его вызвали, чтобы снять нас с крыши.

Наш маленький отряд не выказал тревоги. Возможно, мои товарищи стоически скрывали чувства наподобие тех, что кипели во мне. По мере того как чудовищная башня приближалась, мой желудок сжимался в тугой комочек.

Орды железных автоматов продолжали сновать туда и обратно, а в темнице нас с нетерпением поджидала еще одна изголодавшаяся свора. Возможно, Эл сумел бы убежать от них, перепрыгивая с одного здания на другое, но нам оставалось лишь ждать своего часа, точно бычкам на бойне.

Затем в небе появилась точка и послышался вой двигателей — за нами возвращалась шлюпка. Совершив несколько фигур высшего пилотажа, она спикировала к нам. Однако я сомневался, что она успеет опуститься на крышу, открыть люк и принять нас на борт прежде, чем начнутся неприятности. Наши сердца бешено стучали; затаив дыхание, мы наблюдали за снижением шлюпки и тяжелой поступью зловещей башни.

Как раз в тот момент, когда я пришел к выводу, что половина из нас может спастись за счет остальных, в шлюпке заметили башню. Она не стала садиться; резко развернувшись, шлюпка устремилась к врагу, находившемуся всего в пятидесяти ярдах. Должно быть, со шлюпки сбросили миниатюрную атомную бомбу, хотя я и не увидел, как она падала.

— Ложись! — выкрикнул Эл Стоу.

Мы распростерлись на крыше. Раздался оглушительный грохот, здание зашаталось, снизу ударил фонтан механических деталей. На несколько секунд воцарилась жуткая тишина, нарушаемая лишь клацаньем уцелевших металлических обитателей города и стихающим шумом двигателей шлюпки. Через несколько мгновений опять громыхнуло — рухнула башня, здание вновь задрожало.

Я вскочил на ноги. Башня прилегла отдохнуть прямо на улице, платформа развалилась на несколько частей, длинное трубчатое тело было смято в лепешку, линзы и многочисленные

конечности разлетелись в разные стороны. Сраженный гигант уничтожил дюжину более мелких машин.

Саг Фарн, сон которого был прерван таким жестоким образом, спросил:

— Что за шум? Они опять взялись за свое?

— Вылезай из вмятины,— приказал Кли Янг, недовольно глядя на соплеменника.— Освободи место для шлюпки.

Не торопясь, Саг Фарн перебрался на край крыши, где наша маленькая группа с нетерпением дожидалась спасения. Шлюпка медленно опустилась, двигатели смолкли. Под ее тяжестью крыша прогнулась еще сильнее. Если бы не мощные балки, кораблик провалился бы и мы вновь оказались бы во власти врага.

Мы быстро поднялись на борт шлюпки. За рычагами управления сидел второй навигатор Квирк, команда состояла из пяти землян и одного марсианина — минимум для судна такого класса. Шкипер и Бреннанд отсутствовали. Марсианином оказался Кли Дрин. Он ни слова не сказал своим сопланетникам со змеиными конечностями, когда те оказались внутри шлюпки, а лишь бросил на них выразительный взгляд и фыркнул.

— Готов поставить двенадцать межпланетных долларов,— ядовито сказал ему Кли Янг,— что твой ленивый мозг не подсказал столь же ленивому телу захватить для нас шлемы, чтобы мы могли хотя бы немного отдохнуть от этих чудовищных запахов.

— Вы только послушайте его! — взмолился Кли Дрин, обратив один глаз в мою сторону.— Он изучает Вселенную и при этом жалуется на запахи! — Вновь посмотрев на Кли Янга, он торжествующе добавил: — Кли Морг мог бы выиграть, если бы не держался так за своего слона.

— Ха-ха! — искусственно рассмеялся Кли Янг и попытался подмигнуть Саг Фарну, но ничего не получилось. Марсиане часто пытались имитировать привычку землян заговорщицки прикрывать один глаз; без век задача была практически неразрешимой.— Как всегда, ты на неделю опоздал с решением!

Молодого Уилсона я нашел возле носового иллюминатора, рядом с пилотом Квирком. Он держал фотоаппарат наготове и с нетерпением поглядывал по сторонам. Рядом на стене висели еще два аппарата, у одного был объектив размером с блюдце.

— А, сержант,— затараторил он.— Я сделал столько снимков, столько... десятки! — Молодого Уилсона распирало от профессиональной гордости.— Есть и фотография башни — снял в тот самый момент, когда мы ее сбили. Смотрите, сейчас будут еще две.

Через плечо Уилсона я посмотрел в иллюминатор. Так и есть: два высоченных сооружения катились по улице, раскачиваясь, словно пьяные матросы. У меня за спиной захлопнулся люк.

Камера Уилсона защелкала. Шлюпка вздрогнула, стартовала с крыши и стала быстро набирать высоту. Квирк знал свое дело. Ни один марсианин не мог так же ловко управлять шлюпкой, как опытный землянин.

Я отправился на поиски Эла Стоу и нашел его лежащим возле бомбового люка. Как раз в тот момент, когда я подошел, Эл Стоу нажал на рычаг. Я прижался лицом к ближайшему иллюминатору и увидел, как здание, примыкавшее к нашей тюрьме, слегка присело, а потом его крыша взлетела в небо. Сомневаюсь, что внутри хоть что-нибудь уцелело.

— С операционной покончено,— прорычал Эл. Его глаза горели, как угольки.— Мы препарировали вивисекторов!

Я вполне разделял его чувства — но, черт побери! — робот не должен испытывать жажду мести. Тем не менее никто из нас не осмеливался выказывать удивление в те редкие моменты, когда Эла Стоу охватывали человеческие эмоции.

— Мак-Нолти это не понравится,— заметил я.— Он скажет: несмотря на наши потери, власти Земли назовут это неоправданным актом агрессии. И весь обратный путь Мак-Нолти будет страдать.

— Конечно,— с подозрительной готовностью согласился Эл.— А я об этом не подумал. Какая жалость! — Его голос не дрогнул, и лицо — как вы сами понимаете — оставалось совершенно невозмутимым.

С тем же успехом можно гадать, о чем думает китайский каменный идол.

Эл Стоу направился к Квирку. Еще несколько раз пикировала шлюпка, а спустя несколько мгновений снаружи гремел взрыв. Мы уничтожили несколько радиомачт, и я нисколько не сомневался, что Эл Стоу приложил к этому руку — с одобрения Мак-Нолти или без него.

Довольно скоро огромный город остался позади, но я с удовлетворением отметил, что многие машины застыли посреди улиц. Я успел разглядеть пару башен, подъехавших к нашей бывшей тюрьме. Прошла минута с лишним с тех пор, как мы улетели, а они все еще пытались выполнить приказ.

Город занимал двадцать квадратных миль. Никогда прежде мне не доводилось видеть такое количество металла.

На окраине все машины, имеющие яйцеобразную форму, а также механизмы еще трех видов будто умерли. Да и на широких дорогах, ведущих на юг и на север, я видел застывшие машины.

Бу-ум! Прогрохотал новый взрыв, еще одна радиомачта была уничтожена, а затем мы начали резко набирать высоту. На южном горизонте возник второй город, мы уже различали очертания высоких зданий и радиомачт.

Подобный изящному золотому веретену «Марафон» лежал на черно-красной поверхности. Большая часть команды работала в корме. Шлюпка села возле правого борта, и мы выбрались наружу. Только в этот момент я вспомнил, что не ел уже много часов.

Нам рассказали недостающую часть истории, пока мы торопливо поглощали удивительно вкусную еду. Марсиане отбивали все вражеские атаки, пока шары и гробы не отступили. Однако они заняли позиции на некотором расстоянии от корабля. Быть может, враги рассчитывали, что марсиане выйдут в чистое поле, где с ними можно будет быстро расправиться,— или, что более вероятно, дожидались прибытия других боевых машин.

Марсиане не упустили возможности взлететь на шлюпке. Они видели, как осаждающие ворвались в покинутый экипажем корабль. Однако там не оказалось живых существ, и вражеская орда удалилась к тому моменту, когда мы вернулись.

— Вы знаете,— размышлял вслух Эл Стоу,— я пришел к выводу, что для них любое движение есть признак разумной жизни. Ты двигаешься — значит, ты живешь. «Марафон» не способен перемещаться самостоятельно, поэтому они решили, что наш корабль не представляет для них опасности. Им была нужна только команда. Когда команда улетела, корабль перестал их интересовать.— Он задумчиво посмотрел на нас.— Жаль, что раньше никому в голову не пришла эта мысль. А то можно было бы проверить. Если бы мы надолго замерли, они, возможно, оставили бы нас в покое.

— Я не стану проводить такие эксперименты! — раздался чей-то раздраженный голос.— Предпочитаю воспользоваться своими ногами. И надеюсь, они не подведут!

— Мы успеем закончить ремонт до того, как они снова нападут? — осведомился я.

— Кто знает? У них очень странный рассудок, если его можно так назвать,— продолжал свои рассуждения Эл Стоу.— Они легко воспринимают знакомое и враждебны ко всему непривычному. Они напали на «Марафон» только потому, что корабль был чем-то новым для них. Сейчас они, скорее всего, полагают, что это никуда не годный утиль. И так будет продолжаться до тех пор, пока какая-нибудь машина, случайно оказавшаяся поблизости, не заметит движение. Тогда коллективный разум

найдет связь между кораблем и нашим побегом и отдаст соответствующие приказы.— Он посмотрел в сторону пыльных холмов, загораживающих садящееся солнце.— Нам лучше поторопиться.

Мы все приняли участие в восстановлении вспомогательных двигателей. Работа оказалась очень трудной, не хватало подъемного крана — сложнее всего было поставить на место снятые автоматами сопла. Марсиане заваривали поврежденную корму, сварочные аппараты работали на полную мощность. Инженеры проверяли герметичность камер сгорания. Удалось починить шлюз, поврежденный огнем артиллерийской установки.

Пока мы занимались ремонтом, Квирк сумел отыскать пропавших разведчиков. Обратно он вернулся с телами спутников Хайнса.

Судя по всему, наши разведчики приземлились прямо на дороге — Хайнс не знал, что «пульмановский вагон» блокировал его радиопередатчик. Хайнса взяли в плен. Остальные двое погибли в схватке, и автоматы тут же потеряли к ним всякий интерес. В тот же вечер мы похоронили павших вместе с Эндрюсом и остальными.

Еще долго после наступления темноты марсиане трудились, озаряя окрестности яркими синими вспышками сварки. В разных частях корабля продолжались ремонтные работы. Мы были вынуждены шуметь, но рисковать стоило.

Все это время настроение Мак-Нолти менялось от мрачной меланхолии до веселья. Похоже, наш шкипер мрачнел, когда размышлял о возможности новых нападений до завершения ремонта. Ну а веселел Мак-Нолти, когда ему верилось, что мы выберемся из этой переделки живыми, да еще и с трофеями, состоящими из трех разбитых шаров и двух изувеченных гробов. Все остальные обломки противник захватил с собой. Или можно выразиться иначе: вынес с поля боя раненых и убитых.

К двум часам утра работа была завершена громкими победными криками. И мы стартовали. В грузовом трюме правительственные эксперты хлопотали над нашей добычей. Пролетев над местами былых сражений, мы приземлились на окраине второго города.

— Здесь про нас ничего не знают,— заметил Эл Стоу.— Посмотрим, как машины к нам отнесутся.

Я засек время. Атака началась через тридцать семь минут.

Здесь автоматы применили иную тактику. Сначала появились репортеры, которые нас изучили самым тщательным образом, после чего вернулись в город. За ними прибыла дюжина пульмановских вагонов, они тут же направили на корабль зеленые

лучи. Стив Грегори выскочил из рубки, жалуясь, что передатчик вышел из строя. В подтверждение своих слов он яростно размахивал бровями.

Между тем рядом с вагонами собирались новые силы. Автоматы с множеством рук и встроенных инструментов устремились к корме «Марафона». Не обошлось, конечно, без шаров и гробов.

Прибыли два жирафа и стали фотомоделями для молодого Уилсона. Шкипер решил, что мы ждали вполне достаточно и не следует подпускать врага к вспомогательным двигателям. С оглушительным воем «Марафон» взмыл в небо, оставив на земле разочарованного врага.

Двадцать минут спустя мы бухнулись неподалеку от широкого, но не слишком оживленного шоссе и принялись ждать гостей. Первым появился гроб на восьми топочущих ногах, с четырьмя сложенными руками, двумя щупальцами впереди и идиотским медным завитком, торчащим вверх, точно единственный волос. Шестеро из нас преградили ему путь, полосуя огнем лучевых пистолетов,— конечно, это было красиво, но не более того. Мы прекрасно знали, что едва ли сможем причинить вред металлическому врагу.

Идея принадлежала Элу — Мак-Нолти согласился ее реализовать с большой неохотой. Шкипер дал добро на засаду только после того, как рядом была спрятана артиллерийская установка. Я видел, что восемь стволов выглянули из ближайшего шлюза, когда гроб замедлил шаг и остановился.

Еще шестеро землян обошли жертву сзади, а четверка заняла позицию с противоположной стороны от «Марафона». Гроб поглядел на нас блестящими линзами, вопросительно покачал медной антенной. У меня возникло странное предчувствие, что автомат предчувствует свою погибель и вызвал подмогу. Впрочем, если гроб бросится вперед, мы не сумеем его остановить. Он пройдет через наши ряды, как нож сквозь масло.

Некоторое время чужак смотрел на нас. Затем он попытался сделать обходной маневр, но обнаружил на флангах заслоны. Тогда он вновь повернулся передом к нашим основным силам и застыл. Все молчали, напряжение становилось невыносимым.

— Так я и думал — это обычная железяка,— проговорил Эл, хладнокровно игнорируя тот факт, что он и сам был сделан не из плоти и крови.

Дерзко приблизившись к гробу на расстояние три или четыре фута, Эл Стоу поманил его, развернулся и спокойно зашагал обратно.

Жест этот одинаково воспринимают в любом мире. Однако я не особенно рассчитывал, что механическое существо подчинится. Но я ошибся!

Гроб медленно следовал за Элом, словно укрощенная лошадка. Так я в первый и последний раз увидел, как наш обладатель гаечного ключа выпустил его из рук.

Подойдя к вытаращившему глаза Мак-Нолти, который стоял возле шлюза, Эл сказал:

— Вот видите? У них есть своя этика. Он полагает, что стал моим пленником и должен подчиниться судьбе.— Эл Стоу отвел гроб в трюм, где пленник и остался.— Скорее всего, он потеряет способность двигаться, как только мы окажемся вне сферы действия радиомачты. Пусть Стив займется им — может, удастся вернуть механизму способность двигаться при помощи портативного блока питания.

— Хм! — сказал Мак-Нолти, оторопело глядя на гроб. Потом он повернулся к Блейну: — Попроси Стива спуститься сюда.

Капитуляция серьезного противника занимала наши мысли, пока мы закрывали шлюзы и готовились покинуть планету. Похоже, здесь привыкли сражаться крупными отрядами, а отдельные бойцы в расчет не принимались. Мы не могли проникнуть в разум гроба — если у него вообще был разум. Возможно, если бы мы отпустили пленника, его ждала бы та же судьба, что и лангустов, без чести возвращавшихся к своим соплеменникам.

Обычай лангустов нам казался абсурдным, и уж совсем абсурдной казалось неприятие свободной инициативы, которой обладали мы. Или это с нашей стороны глупо сравнивать этику инопланетян с человеческой? Быть может, все дело в сущности человека. Я не слишком образованный, плохо знаю историю, но, помнится, читал, как в древности японцы отказывались признать своих солдат пропавшими без вести и объявляли их мертвыми.

Но прошло совсем немного времени, и мы узнали, что корпоративная ментальность имеет не только недостатки, но и достоинства. Мы взлетели с черно-красной почвы и в последний раз устремились в небо этого абсурдного мира, пробили слой облаков и наткнулись на четыре длинных черных корабля. Нам уже доводилось видеть такие же ракеты в небе — сейчас они летели, выстроившись в ровнейшую линию.

Тут не может и речи идти о том, что ведущий заметил нас первым и передал приказ остальным. Нет, корабли нас обнаружили одновременно и отреагировали мгновенно, двигаясь с поразительной синхронностью. Их поведение навело меня на мысль

об известном феномене: стая птиц изменяет направление полета или перестраивается, садится или взлетает, действуя так, словно ею руководит единый разум. Корабли исполнили тот же птичий фокус. Они одновременно изменили курс, перестроились и обрушили на нас все те же зеленые лучи, которые и раньше не причинили нам вреда, но вывели из себя Стива Грегори. Взаимодействие вражеских кораблей было практически идеальным.

Впрочем, им это не дало никаких преимуществ. Если бы лучи оказали на нас предполагаемое действие, то наш корабль тут же рухнул бы. Мы же спокойно прошли сквозь зеленый заслон, продолжая набирать высоту. Вражеские корабли перестроились с математической точностью: казалось, ими дистанционно управляет один человек. Они одновременно перевели двигатели на форсаж, увеличили скорость, и расстояние между нами стало уменьшаться.

— Сейчас они летят почти с такой же скоростью, что и мы на основных двигателях,— прокомментировал Эл.— Хотелось бы взглянуть на бортовое оборудование и пилотов.

— А у меня никакого желания встречаться с ними,— проворчал Мак-Нолти.— Сыт по горло.— И он отдал приказ машинному отделению.

«Марафон» резко изменил курс, нырнул, а затем вновь устремился ввысь. На камбузе разбилась стеклянная посуда, кто-то довольно громко и непристойно выразился насчет кораблей, срывающихся в пике без предупреждения, и капитанов, отдающих дурацкие приказы. Преследующий квартет тут же повторил наш маневр.

Нас вновь ударили зелеными лучами — с тем же нулевым результатом. Затем четыре полосы огня прошли чуть в стороне от нашего корабля. Удивительное дело, даже отклонение от цели у них получилось одинаковым!

— Ну, пора заканчивать игру,— заявил Мак-Нолти, не желавший больше испытывать судьбу. Он приказал сделать разворот и коротко скомандовал: — Пристегнуться!

Мы едва успели занять свои места, когда «Марафон» включил двигатели Флеттнера. Я больше ничего не увидел, поскольку нам пришлось занять лежачее положение, но через мгновение наши преследователи наверняка превратились в едва заметные точки. Набрав огромную скорость, мы покинули эту солнечную систему, промчавшись мимо покрытой водой планеты Варги так быстро, что никто ее и не увидел. Что ж, этот мир подождет следующей экспедиции.

Весь обратный путь марсиане провели в правом отсеке, наслаждаясь пониженным давлением и шахматными партиями. Эл почти безвылазно находился в грузовом трюме вместе со Стивом — наверное, они вместе изучали глупый гроб. Однако марсианам удалось уговорить Эла на семнадцать партий, из которых он выиграл три. Они пришли в полнейший восторг и хвастались своими успехами с детской непосредственностью.

Уилсон впал в задумчивость и редко покидал свою каюту. Я был не настолько глуп, чтобы утешать его или донимать вопросами. Неуклюжие воины Машинерии превратили в крошево несколько драгоценных фотопластинок, когда ворвались на «Марафон», но потом он сделал немало удачных фотографий. Теперь его занимало только одно: как бы их доставить домой в целости и сохранности.

Два крейсера встретили нас на подходе к атмосфере Земли и сопровождали до самой посадки. Знакомые земные оттенки коричневого, зеленого и голубого показались мне необыкновенно привлекательными, хотя марсиане по-прежнему предпочитали розовый цвет, чего и не скрывали. Когда мы приземлились и оказались в центре внимания всего цивилизованного мира, они продолжали спорить, надо ли было жертвовать пешкой.

Мак-Нолти, как и положено, произнес речь.

— Нам пришлось пережить немало трудных минут... нас встретили с несомненной враждебностью... Этот неприятный эпизод...— И так далее, и так далее.

Флеттнер стоял перед нами и краснел, как ребенок, когда Мак-Нолти упоминал о замечательных двигателях — во всяком случае, здесь он ничего не преуменьшал.

В толпе встречающих я заметил знаменитого Кнута Йоханнсена, изобретателя роботов, с тревогой высматривающего Эла Стоу. При виде этого седовласого старого гения, спешащего заключить в объятия свое последнее и лучшее творение, я не мог не подумать об отце, гордящемся своим замечательным сыном.

Наконец всеобщее веселье закончилось, и началась разгрузка. Резервуары с содержащей медь водой, баллоны со сжатым воздухом чужой планеты, сотни проб грунта — все это оказалось на Земле. Мы также продемонстрировали разбитые автоматы, и правительственные эксперты исчезли вместе с ними, счастливые, как будто им удалось заполучить лучшие самоцветы Азии. Уилсон покинул нас едва ли не самым первым, вместе со своими драгоценными пластинками и катушками пленки.

Старый Кнут выбрался из толпы и сказал мне:

— Привет, сержант. А где Эл? — Он был без шляпы, серебристые волосы сияли на солнце.

В этот момент Эл вышел из шлюза. Его горящие глаза остановились на фигуре Йоханнсена. Всем известно, что роботы не шутят, просто не умеют — и Эл ни разу в жизни не сострил, во всяком случае, так, чтобы это кто-нибудь заметил. Но на сей раз он сподобился отпустить такую роскошную шутку, что мое сентиментальное сердце сжалось.

Взяв узкую кисть Кнута в свою огромную металлическую ладонь, он сказал:

— Привет, папа! — Я не видел, какое выражение появилось на лице Кнута, но услышал, как Эл добавил: — Я привез тебе любопытный сувенир.

И он указал в сторону шлюза. Там раздалось громкое клацанье, и до нас долетел аромат машинного масла. Пленный гроб спустился по трапу, слегка подрагивая медным локоном. За ним, распушив брови, с довольным видом шагал Стив Грегори.

Рука об руку Эл и Кнут пошли домой, а инопланетный автомат поспешил за ними. Замыкал шествие Стив. Я потерял их из виду, когда два здоровенных грузчика притащили чудовищно уродливую вазу.

Они с трудом взобрались наверх, один достал какой-то документ, с отвращением посмотрел на него и заявил:

— Этот суперкубок предназначен для змеерукого по имени Кли Морг.

— Я передам,— пообещал я и на всякий случай добавил: — Отнесите его пока вниз, я не уверен, что шкипер разрешит занести его на корабль.

Они разбили кубок, когда спускались по трапу.

Симбиотика

«Марафону» поручили отыскать подходящую планету в системе Ригеля — некоторым из нас ужасно хотелось понять, как земные астрономы выбирают в бескрайних просторах космоса объекты, достойные изучения.

В прошлый раз они нас отправили на планету, где царили механизмы; работенка нам выдалась весьма пикантная. «Марафон», новый корабль, созданный Флеттнером, не имел аналогов в нашей части космоса. Поэтому мы пришли к выводу, что астрономы совершили не менее революционное открытие.

Так или иначе, но прибыли мы в систему Ригеля в полном соответствии с полученными инструкциями. Теперь оставалось проверить правоту астрономов, утверждавших, что здесь должна быть пригодная для жизни планета.

Справа по борту пламенел Ригель, более всего напоминавший горн доменной печи. Он был виден под углом в тридцать градусов относительно плоскости, которая в данный момент являлась горизонтальной. Должен уточнить, что эта плоскость всегда совпадает с горизонтальной плоскостью корабля, а весь остальной космос — нравится ему это или нет — рассматривается относительно нашего положения. Нужная нам планета находилась совсем недалеко от Ригеля, а ее солнце выглядело поменьше и пожелтее нашего.

Еще две планеты вращались на более далеких орбитах, а последняя находилась по другую сторону от солнца. Таким образом, планет было четыре, но три оказались бесплодными, как разум венерианских гуппи, а вот первая, ближайшая к солнцу, выглядела многообещающе.

Мир за иллюминаторами приближался так стремительно, что мой живот начал жаловаться на судьбу. Служа на старой доброй

«Маргаритке», я привык к долгим путешествиям в бездонной пустоте космоса, но, видимо, нужна пара столетий, чтобы привыкнуть к стартам и посадкам корабля Флеттнера, который в такие моменты похож на обезумевшего от ярости быка.

Молодой Уилсон предавался любимому занятию: молился за сохранность драгоценных фотопластинок. Глядя на мучительные гримасы, сменявшие друг друга на его лице, можно было подумать, что он женат на этих проклятых стекляшках.

Мы приземлились: *бу-умс!* Корабль прополз некоторое расстояние на брюхе.

— Я бы не стал так горевать,— сообщил я Уилсону.— Покрытые эмульсией пластинки никогда не поджарят тебе курицу и не испекут роскошного клубничного пирога, от которого слюнки текут.

— Твоя правда,— признал он, отстегивая ремни.— А как бы тебе понравилось, если бы я плюнул в твой лучевой пистолет?

— Я бы свернул тебе шею,— обещал я.

— Вот видишь? — со значением сказал Уилсон и поспешил проверить, не пострадала ли его аппаратура.

Прилепившись к ближайшему иллюминатору, я с интересом рассматривал новый мир. Он оказался зеленым. Даже невозможно себе представить, что на свете может существовать такое зеленое место! Солнце, пока мы находились в космосе, было лимонного цвета, а теперь стало бледно-зеленым. И лучи его были зеленожелтыми.

«Марафон» лежал в конце просеки, им же самим и прорубленной в густом лесу. Все вокруг заросло буйной зеленой травой и кустарником. Да и сам лес казался сплошной стеной из растений, чей цвет менялся от легких серебристо-салатных тонов до темной блестящей зелени, переходящей в черное.

Рядом со мной остановился Бреннанд. Его лицо тут же приобрело жутковатый зеленый оттенок. Он вдруг стал похож на зомби.

— Ну, вот мы и на месте.— Отвернувшись от иллюминатора, он улыбнулся мне, но улыбка вмиг исчезла, появилось тревожное выражение.— Только не вздумай блевать на меня!

— Это свет,— пояснил я.— Посмотри на себя — краше в гроб кладут.

— Большое спасибо,— пробормотал Бреннанд.

Некоторое время мы смотрели за борт, дожидаясь, пока нас соберут на совещание, которое обычно предшествует первому выходу из корабля. Я рассчитывал, что судьба окажется ко мне

благосклонной и я попаду в число первых счастливчиков. Бреннанду также не терпелось выйти наружу. Однако нас так и не позвали.

В конце концов терпение Бреннанда лопнуло.

— Не понимаю, почему тянет шкипер, что его может задерживать?

— Понятия не имею.

Я еще раз посмотрел в его лицо. Ужасающее зрелище. Судя по всему, мой вид также не вызывал у Бреннанда восторга.

— Ты же знаешь, как осторожен Мак-Нолти. Наверное, наши приключения на Машинерии научили его считать до ста, прежде чем отдавать приказ.

— Может быть,— согласился Бреннанд.— Пойду выясню, что там происходит.

И он не торопясь зашагал по коридору. Я бы пошел с ним, но без приказа не мог покинуть арсенал. На чужой планете надо быть начеку, и если начнутся неприятности, многое будет зависеть от моей расторопности.

Не успел Бреннанд скрыться за дверью, как за снаряжением явился целый отряд. Их было шестеро: инженер Молдерс, навигатор Джепсон, наш темнокожий врач Сэм Хигнет, молодой Уилсон и два марсианина, Кли Дрин и Кли Морг.

— Похоже, тебе опять повезло.— Я вручил Сэму лучевой пистолет и всякие необходимые мелочи.

— Да, сержант,— сверкнул он белозубой улыбкой.— Летим на четвертой шлюпке. Шкипер сказал, что никто не покинет корабль, пока мы не вернемся из разведки.

Кли Морг размахивал пистолетом, держа его длинным гибким щупальцем и забыв все правила обращения с оружием.

— Дай нам с Дином наши шлемы,— прочирикал он.

— Шлемы? — Я перевел взгляд с него на землян.— Ребята, вы тоже хотите надеть скафандры?

— Нет,— отозвался Джепсон.— Давление за бортом — пятнадцать фунтов, а воздух так богат кислородом, что мы будем порхать как пташки.

— Не воздух, а сущая трясина,— проворчал Кли Морг.— Давай шлемы.

Я не стал спорить и вручил Кли Моргу пару шлемов. Марсиане настолько привыкли к разреженной атмосфере своей планеты, что более высокое давление вредило их печенке — если, конечно, она у них имелась. Вот почему они часто запирались в правом отсеке, где для них были созданы условия, близкие к естественным. Какое-то время они выдерживали и более высо-

кое давление, но рано или поздно начинали брюзжать и ныть, словно на их плечи легли все страдания мира.

Земляне помогли им пристегнуть шлемы и создать внутри подходящее давление. Я уже много раз выполнял эту работу, но она казалась мне совершенно бессмысленной. Не могу понять, как можно радоваться, попав в разреженную атмосферу.

Эл Стоу вошел в оружейную обычной легкой походкой как раз в тот момент, когда я закончил украшать своих клиентов, которые теперь вполне могли сойти за рождественские елки. Эл оперся всем своим весом — никак не меньше трехсот фунтов — на барьер, который протестующе затрещал. Наш великан тут же выпрямился. Его глаза, как всегда, сияли на невозмутимом лице.

Я проверил барьер — он выдержал испытание — и сказал:

— Твоя проблема в том, что ты не соразмеряешь своих сил.

Он проигнорировал мою реплику и обратился к остальным:

— Шкипер приказывает вам быть максимально осторожными. Никто не хочет, чтобы повторилась история с Хайнсом и его спутниками. Не снижайтесь ниже тысячи футов и не вздумайте садиться. Пусть работают автоматические камеры наблюдения, но и сами будьте внимательны и возвращайтесь, как только обнаружите что-нибудь достойное внимания.

— Хорошо, Эл.— Молдерс перекинул через плечо несколько лент с патронами.— Мы будем осторожны.

Они покинули арсенал. Вскоре шлюпка взлетела, описала широкую дугу над кронами деревьев и исчезла из виду. Вернувшийся Бреннанд посмотрел ей вслед.

— Ну и хитер же Мак-Нолти,— заметил он.

— У него есть на то причины. Когда вернемся домой, отвечать на все вопросы будет он.

На позеленевшем лице Бренианда появилась усмешка:

— Между прочим, парочка лоботрясов из кормы обскакала всех. Они не стали дожидаться приказа и вышли наружу. Сейчас играют в «утку на скале»*.

— Во что играют? — завопил я.

— В «утку на скале»,— повторил он.

Я отправился в корму, а Бреннанд следовал за мной с широкой усмешкой на зеленом лице. Так и есть, двое вечно чумазых механиков, которые обслуживали двигатели, надули всех нас. Должно быть, они выползли наружу через сопло главного двигателя, не успевшего даже остыть, и теперь, стоя по колено в зеле-

---

* Детская игра.

ной траве, веселились от души, швыряя камушки в булыжник, который они водрузили на пригорок. Ну в точности первоклашки на пикнике.

— А шкипер знает?

— Думай, что говоришь,— посоветовал Бреннанд.— Неужели он бы разрешил этим небритым балбесам быть первыми?

Один из механиков заметил, что мы наблюдаем за ним. Он широко улыбнулся и что-то прокричал — сквозь толстый борт корабля звуки не прошли,— а потом ударил себя в грудь грязной рукой и подпрыгнул футов на девять. Он давал нам понять, что на планете низкая гравитация, а воздух богат кислородом и он чувствует себя превосходно. По лицу Бреннанда было видно, что ему ужасно хочется наружу.

— Мак-Нолти шкуру сдерет с паршивцев,— предрек я, стараясь скрыть зависть.

— Их понять можно. Искусственная гравитация не отключена, воздух на корабле отвратительный, мы проделали очень долгий путь. Вот бы выйти и размять кости. Ей-богу, сам бы построил замок из песка, если бы нашлось ведерко и лопатка.

— Здесь нет песка.

Когда механикам надоело забавляться возле корабля, они набрали круглых голышей и направились к большому кусту, растущему в пятидесяти ярдах от кормы «Марафона». С каждым шагом увеличивалась вероятность того, что их заметит шкипер, но обоим было наплевать. Они прекрасно понимали, что Мак-Нолти лишь накричит на них и напишет о проступке в бортовом журнале.

Куст был высотой в двенадцать или даже пятнадцать футов, его узкие ветки покрывала густая зеленая листва. Механик, опережавший другого на пару ярдов, бросил голыш и попал прямо в середку куста. Дальнейшее происходило стремительно.

Камушек исчез в листве, куст отклонился назад, словно его ветки состояли из мышечных волокон. Трое маленьких существ свалились с него и исчезли в высокой траве. Куст вернулся в прежнее положение, лишь его верхушка продолжала подрагивать.

Однако тот, кто метнул камень, уже лежал на траве лицом вниз. Его спутник, отставший на три или четыре шага, застыл на месте, потрясенный увиденным.

— Эй! — пронзительно закричал Бреннанд.— Что случилось?

Упавший механик пошевелился, перевернулся на спину и попытался встать. Его спутник подбежал и помог подняться. На корабле не было слышно ни звука, нам оставалось лишь догадываться, какие ругательства слетают с уст наших товарищей.

Сбитый с ног механик неуверенно выпрямился. Он едва удерживал равновесие, и приятель был вынужден его поддерживать. А куст позади них стоял с невинным видом, словно ничего не произошло; даже верхушка перестала дрожать.

На полпути к «Марафону» пострадавший метатель камней зашатался, побледнел, облизал губы и рухнул на землю. Второй с тревогой посмотрел в сторону куста, словно был удивлен тем, что тот не бросился вдогонку.

Из среднего шлюза вышел Эл Стоу. Пружинисто шагая по зеленому ковру, он приблизился к механикам, поднял бесчувственное тело и понес к кораблю. Мы побежали в носовую часть, чтобы выяснить, что произошло.

Эл отнес потерявшего сознание механика в крошечную операционную, где Уолли Симкокс, помощник Сэма, тут же принялся за работу. Приятель пострадавшего с несчастным видом стоял возле двери. Когда появился капитан Мак-Нолти, вид у механика стал еще более несчастным. Шкипер обжег его убийственным взглядом, покачал головой и вошел в операционную.

Через полминуты приотворилась дверь, в проеме возникло багровое лицо Мак-Нолти. Он прорычал:

— Пусть Стив свяжется со шлюпкой и передаст разведчикам, чтобы немедленно возвращались. Сэм срочно нужен здесь.

Я побежал в радиорубку и передал приказ шкипера Стиву. Пока тот включал передатчик, его роскошные брови неуклонно ползли вверх. Взяв микрофон, он велел шлюпке возвращаться.

— Легли на обратный курс,— сообщил мне Стив, выслушав ответ.

Вернувшись, я спросил у любителя играть в камушки:

— Что произошло?

Он вздрогнул:

— Куст закидал его колючками. Длинными, тонкими. Всю голову, шею... даже одежду пробили. Одна колючка воткнулась в ухо. Хорошо еще, что глаза не пострадали.

— Вот уж точно, повезло дураку! — сказал Бреннанд.

— Целый рой этих стрелок просвистел мимо меня и пролетел еще двадцать футов. Они были пущены с большой силой; я слышал, как они гудели, точно рассерженные пчелы.— Механик сглотнул и переступил с ноги на ногу.— Куст выбросил не меньше сотни стрелок разом.

Из операционной вышел Мак-Нолти с яростной гримасой на лице. Он медленно, но угрожающе приблизился к механику.

— А с тобой я разберусь потом! — И одарил несчастного взглядом, каким можно прожечь скафандр высокой защиты.

Затем наш упитанный шкипер удалился, высоко вздернув подбородок.

С горестным выражением лица механик направился в корму, где находился его боевой пост. Через минуту вернулась шлюпка. Экипаж поднялся на борт «Марафона», а лебедка затащила двенадцатитонную шлюпку в ангар.

Сэм провел в операционной не меньше часа, а когда вышел, покачал головой.

— Он нас покинул,— сказал он.— Мы ничего не смогли сделать.

— Ты хочешь сказать, что он... умер?

— Да. Эти дротики покрыты сильным шелочным ядом. У нас нет противоядия. Кровь свертывается, как от змеиного укуса.— Он устало провел рукой по курчавым волосам.— Очень не хочется докладывать шкиперу.

Мы пошли вместе с Сэмом. По пути я заглянул в правый отсек — хотел узнать, чем занимаются марсиане. Кли Дрин и Кли Морг сидели за шахматами, еще трое внимательно следили за игрой. Как обычно, Саг Фарн похрапывал в уголке. Марсианину быстро наскучивают самые невероятные приключения, но он потеет от возбуждения, когда участвует в шахматной партии. Впрочем, у этих созданий всегда были своеобразные представления о ценностях.

Не сводя глаза-блюдца с доски, Кли Дрин другим глазом посмотрел на меня. Меня пробирала дрожь всякий раз, когда марсианин вот так поглядывал. Я слышал, что хамелеоны способны проделывать подобный фокус, но ни один хамелеон не сумеет так вращать своими оптическими рецепторами. Я поспешил за Сэмом и Бреннандом, чувствуя, что нам всем грозят серьезные неприятности.

Шкипер только что потолок не пробил головой от злости, услышав доклад Сэма. Голос Мак-Нолти был прекрасно слышен в коридоре.

— Мы едва успели прилететь, а уже понесли потерю, и об этом надо писать в бортовом журнале... Полнейшая безответственность... Это не просто мальчишеская выходка — прямое неподчинение... Вопиющее нарушение дисциплины...— Он помолчал, чтобы набрать в грудь побольше воздуха.— Тем не менее это моя вина. Эл, собери всех в кают-компании.

Эл Стоу нажал на кнопку сигнала общего сбора. Все довольно быстро собрались в кают-компании. Последними явились марсиане. Бросая на нас свирепые взоры, Мак-Нолти прочитал длинную нотацию, расхаживая взад и вперед.

Мы не просто так стали экипажем «Марафона» — нас специально отбирали. Предполагалось, что мы хладнокровные, дисциплинированные взрослые индивидуумы, способные удержаться от детских выходок. Он никак не ожидал, что двое членов нашей команды будут играть в «утку на скале»!

— Я уже не говорю о шахматах,— ядовито добавил капитан.

Кли Дрин подскочил на месте, огляделся по сторонам, чтобы узнать, не миновало ли столь возмутительное кощунство ушей его сопланетников. Марсиане так замахали щупальцами, что поднялся ветер.

— Я вовсе не брюзга,— добавил шкипер, сообразив, что перегнул палку,— но должен напомнить, что всему свое место и время.— Марсиане слегка успокоились.— Поэтому вы должны постоянно помнить...

Речь Мак-Нолти была прервана звонком внутренней связи. На столе стояло три разных аппарата. Он вытаращился на них так, словно не верил своим ушам. Члены экипажа переглядывались, выясняя, кто же отсутствует. В конце концов Мак-Нолти решил, что проще всего ответить. Он схватил первую попавшуюся трубку и рявкнул:

— Да?!

В этот момент вновь раздался звонок — шкипер выбрал не ту трубку. Бросив первую, он поднял вторую и повторил:

— Да?

Трубка что-то заверещала в ухо Мак-Нолти, и на его красном лице появилась недоуменная гримаса.

— Кто? Что? — вопрошал он.— Что тебя разбудило? — Его глаза чуть не выскочили из орбит.— Кто-то постучал в дверь?

Бросив трубку, он несколько секунд потрясенно молчал, а потом сказал Элу Стоу:

— Это был Саг Фарн. Он пожаловался, что его сиеста была прервана стуком гаечного ключа в кормовом шлюзе.— Найдя стул, капитан уселся на него, пытаясь восстановить дыхание. Безумный взгляд Мак-Нолти остановился на Стиве Грегори.— Ради бога, усмири свои брови!

Стив поднял одну бровь, опустил другую, разинул рот и попытался сделать покаянное выражение лица. Вид при этом у него получился абсолютно дебильный. Склонившись к уху шкипера, Эл Стоу что-то негромко сказал. Мак-Нолти устало кивнул. Эл выпрямился и обратился ко всем нам:

— Ладно, джентльмены, возвращайтесь по своим местам. Марсианам следует надеть шлемы. Мы поставим в корме скорострельную пушку, а рядом займет позицию вооруженный экипаж шлюпки. Потом откроем шлюз.

Разумное решение. В свете дня хорошо видно всякого, кто приближается к кораблю, но только до того момента, как он подойдет вплотную: рядом со шлюзом находится мертвая зона.

Ни у кого не хватило наглости указать шкиперу на его ошибку. Не следовало собирать всех в кают-компании, не поставив часовых. Если те, кто сейчас стучит в люк, сами не пожелают отойти в сторонку, то мы сможем увидеть их, только открыв этот самый люк. И мы не сможем заняться своими делами, не выяснив, что происходит снаружи,— зловредные машины преподнесли нам прошлый раз прекрасный урок, начав разбирать корабль на части.

Задремавшего Сага Фарна заставили подняться и отправили за шлемом. Затем мы расположили артиллерийскую установку так, что ее стволы оказались направленными прямо в наружную дверь шлюзовой камеры. Когда работа была закончена, мы услышали несколько ударов в дверь. Как будто в нее швыряли камни.

Дверь медленно отошла. В корабль вместе с потоками свежего воздуха проникли лучи зеленого света, и я сразу же понял, как чувствует себя здоровый гиппопотам после освежающего купания. Одновременно Дуглас, заменивший Эндрюса на должности главного инженера, отключил искусственную гравитацию, и мы моментально потеряли треть своего веса.

Мы так пристально смотрели на открывшийся кусочек зеленого мира, что было совсем нетрудно представить, как к нам забирается металлический гроб, равнодушно глядящий своими линзами. Однако мы не услышали шума двигателей или угрожающего клацанья механических конечностей. Лишь вздыхал в кронах высоких деревьев ветер, шелестела густая трава, да еще мы уловили далекий рокот, похожий на бой больших барабанов.

Тишина была такой глубокой, что дыхание стоящего сзади Джепсона показалось мне оглушительным. Стрелок, согнувшийся за прицелом артиллерийской установки, положил палец на гашетку; подобочь стояли люди с запасными лентами.

Затем я услышал легкую поступь. Кто-то приближался к распахнутому люку.

Мы все знали, что Мак-Нолти устроит грандиозный скандал, если кто-то из нас попытается подойти к люку. Он не забыл, как в прошлый раз механические руки схватили чрезмерно любопытного землянина. Поэтому мы стояли на своих местах, подобно манекенам в витрине, и ждали, ждали, ждали.

Наконец совсем рядом кто-то бессвязно забормотал, после чего в открытый люк влетел булыжник размером с дыню, про-

несся в нескольких дюймах над головой Джепсона и разбился о стену.

Ну, это уже слишком. Плевать, что скажет шкипер! Пригнувшись, с лучевым пистолетом наперевес я побежал к выходному люку, который находился на высоте девяти футов над землей. И высунулся наружу. За спиной у меня тут же возник Молдерс. Передо мной стоял отряд из шести существ, которые на первый взгляд удивительно походили на людей. Такие же фигуры, конечности и даже пальцы, аналогичные черты лица. Иной была кожа — грубая и морщинистая, темно-зеленого цвета; а еще у них был необычный орган, напоминающий хризантему и торчащий из обнаженной груди. Глаза были блестящими, черными и очень внимательными.

Несмотря на ряд существенных различий, сходство было таким поразительным, что я стоял и смотрел на них, разинув рот. А они изучали меня. Затем один из них загомонил на высоких тонах, что походило на речь возбужденного китайца, взмахнул правой рукой и попытался вышибить мне мозги. Я успел присесть и ощутил, как снаряд, пущенный умелой рукой, скользнул по волосам. Молдерс также успел присесть, невольно прижавшись ко мне. Снаряд ударился обо что-то не слишком твердое, и я услышал, как кто-то выругался.

Я потерял равновесие и вывалился наружу.

Продолжая сжимать пистолет, я рухнул на зеленую траву, стремительно перекатился в сторону и вскочил на ноги. При этом я ожидал, что на меня обрушится град камней. Однако, заняв новую позицию, я обнаружил, что шестерки врагов на прежнем месте уже нет. Они находились в пятидесяти ярдах от корабля и продолжали быстро увеличивать расстояние, перемещаясь длинными изящными прыжками, которым позавидовало бы даже голодное кенгуру. Было бы совсем нетрудно положить пару чужаков, но Мак-Нолти распял бы меня за этот подвиг. Земные законы запрещают убивать аборигенов.

Ко мне присоединился Молдерс, за ним последовали Джепсон, Уилсон и Кли Янг. Уилсон держал наготове свой любимый фотоаппарат с цветным фильтром на объективе. Он весь дрожал от возбуждения.

— Я успел их заснять из четвертого иллюминатора. Сделал два снимка, когда улепетывали!

— Хм! — Молдерс осмотрелся. Этот рослый, дородный флегматик был похож на скандинава.— Давайте проводим их до джунглей.

— Отличная мысль,— с жаром согласился Джепсон. Он бы не проявлял такого энтузиазма, если бы знал, что ему грозит.

Нетерпеливо подпрыгивая на упругой траве, он до отказа наполнил легкие богатым кислородом воздухом.— Когда есть возможность слегка размять ноги, нельзя ее упускать.

Не теряя времени, мы двинулись вперед, прекрасно понимая, что очень скоро шкипер прикажет вернуться. Невозможно убедить этого человека, что без риска и потерь невозможно открыть ничего нового. Осторожность и нерешительность Мак-Нолти была просто невероятной.

Подойдя к опушке леса, шестеро зеленых туземцев остановились и стали с опаской наблюдать за нашим приближением. Если они поспешили отступить, как только увидели противника в открытом поле, то теперь, когда позади них вздымался густой лес, обрели уверенность. Повернувшись к нам спиной, один из них наклонился и принялся строить рожи, просунув лицо между колен. Гримасы показались нам лишенными всякого смысла.

— Ну и что это значит? — проворчал Джепсон, сразу же проникшись неприязнью к любителю гримасничать — да еще из-под морщинистого зада.

Уилсон хихикнул и сообщил:

— Я такое видел и раньше. Это означает презрение и насмешку. Похоже, распространено по всему космосу.

— Я бы вполне мог прижечь ему задницу,— агрессивно заявил Джепсон.

Он сделал шаг и рухнул — нога попала в ямку. Зеленые испустили радостный вой и принялись швырять в нас камнями, которые не долетали до цели. Мы помчались вперед. Слабое тяготение позволяло нам совершать прыжки, достойные олимпийских чемпионов.

Пятеро туземцев исчезли в лесу, а шестой с ловкостью белки вскарабкался по стволу ближайшего дерева. Почему-то зеленые считали, что деревья защитят их от любых неприятностей.

Мы остановились примерно в восьмидесяти ярдах от того дерева, на которое взобрался абориген. Вполне возможно, что оно готовилось щедро угостить стрелками. Все отлично помнили, на что оказался способен небольшой куст. Мы растянулись в цепь, чтобы упасть на землю при малейшем признаке опасности, однако продолжали осторожно продвигаться вперед. Ничего не произошло. Мы еще немного продвинулись. И опять ничего. Так, медленно и осторожно, мы приблизились к мощному дереву с длинными толстыми ветвями. От него шел необычный аромат, похожий на смесь запахов ананаса и корицы. Барабанный бой заметно усилился.

Впечатляющее дерево. Волокнистая зеленая кора, ствол никак не меньше восьми футов в диаметре, и только на высоте

двадцать пять футов — первые мощные ветви, каждая заканчивается огромным лопатовидным листом. Мы смотрели на ствол и не могли понять, как наш противник сумел взобраться по нему, да еще с такой легкостью.

Мы раз десять обошли вокруг дерева, пытаясь найти его среди огромных ветвей, сквозь которые струился зеленый свет. Абориген как в воду канул. Мы не сомневались, что он все еще на дереве, просто удачно спрятался. Он не мог перепрыгнуть на соседнее дерево, да и незаметно соскочить на землю было совершенно невозможно.

— Настоящая загадка! — заявил Джепсон и отошел на несколько шагов, чтобы получше рассмотреть дерево.

Одна из ветвей со свистом рассекла воздух и ударила его по спине. Мне показалось, что я слышу ликующий крик дерева.

Лопатовидный лист, распространяя аромат ананаса и корицы, ловко подхватил Джепсона, и через мгновение, крича от ярости и страха, он оказался в воздухе. Потеряв дар речи, мы сбились в кучу, потрясенно глядя на своего несчастного товарища. Мы видели, что Джепсон прилип к внутренней стороне листа и его тело медленно покрывается слоем какой-то желтовато-зеленой дряни, хотя он отчаянно сопротивлялся, пытаясь освободиться. Похоже, жидкость была необычайно клейкой.

Мы крикнули, чтобы он не дергался — иначе желто-зеленая гадость попадет в лицо. Лишь наши громкие ругательства привлекли его внимание. Вся его одежда была покрыта густым клеем, а одна рука плотно прижата к боку. Он выглядел ужасно. Не оставалось никаких сомнений, что, как только мерзкая субстанция попадет на лицо, он задохнется.

Молдерс попытался забраться по стволу, но ничего не вышло. Он отошел немного назад, но тут же вернулся, поскольку заметил еще один лист, который приготовился напасть.

Самое безопасное место находилось под несчастным Джепсоном. Он висел на высоте двадцать футов, и лист помаленьку выделял клейкую массу. Через полчаса наш товарищ будет покрыт с головы до ног — и значительно сократит этот срок, если снова вздумает сопротивляться.

Бой далеких барабанов не прекращался, словно кто-то отсчитывал последние мгновения обреченного на смерть.

Показав рукой на золотой цилиндр «Марафона», оставшийся в пятистах футах, Уилсон сказал:

— Не будем терять время. Нужно вернуться за веревками и стальными крючьями. Тогда удастся его снять.

— Нет,— возразил я.— Мы снимем его гораздо быстрее.

Я попрыгал, выясняя, хорошо ли пружинит трава. Удовлетворенный результатом, я поднял лучевой пистолет и прицелился туда, где клейкий лист крепился к ветви.

— Прекрати, безмозглый идиот! — завопил Джепсон.— Из-за тебя...

Луч мгновенно отделил лист от ветви. Дерево совершенно обезумело. Джепсон пролетел двадцать пять футов до земли, успев отпустить по парочке отвратительных ругательств на каждый фут. Продолжая меня поносить, он с диким воплем рухнул на траву, лист крепко держался за его спину. Мы попадали рядом с ним на землю — и с радостью зарылись бы в нее, если бы догадались захватить шанцевые инструменты. Дерево остервенело размахивало ветвями с огромными липкими листьями, пытаясь отомстить своим обидчикам.

Один особенно упорный лист совсем немного не доставал до моей головы, которую я пытался, подобно страусу, воткнуть поглубже в землю. Ароматы ананаса и корицы стали намного сильнее. От одной только мысли о том, как я буду задыхаться, если хорошая порция липкой массы упадет на лицо, мне стало дурно.

Через некоторое время дерево немного успокоилось и прекратило хлестать. Мы подползли к Джепсону и оттащили его вместе с листом в сторону.

Он не мог идти, поскольку его ноги были намертво склеены вместе. Левая рука оказалась крепко прижатой к туловищу. Казалось, Джепсон сильно пьян — он непрерывно ругался и жаловался. Прежде он никогда не отличался такой виртуозностью. Но когда мы оттащили его подальше от леса, я произнес кое-какие слова, которых он не употреблял.

Молдерс, привычно сохранявший спокойствие, молчал, с интересом прислушиваясь к перебранке. Мы тащили лист с Джепсоном и теперь уже не могли его отпустить, даже если бы захотели. Мы несли его лицом вниз — так полицейские тащат в участок пьяного в стельку матроса. Наш нелегкий труд стал еще более неприятным из-за юного балбеса Уилсона, который радовался чужому несчастью. Он следовал за нами с нахальной ухмылкой и непрерывно щелкал проклятым фотоаппаратом, который я с огромным наслаждением затолкал бы ему в пасть — вот только руки были заняты! Уилсон казался невероятно счастливым из-за того, что клей на него не попал.

Эл Стоу, Бреннанд, Армстронг, Петерсен и Дрейк встретили нас у корабля. Они с большим интересом посмотрели на Джепсона и выслушали его. Мы предупредили, чтобы они к нему не

прикасались. Когда наш маленький отряд добрался до входного шлюза «Марафона», настроение у нас испортилось окончательно. Тяготение здесь составляло лишь две трети земного, но нам пришлось нести Джепсона пятьсот ярдов, и теперь он казался тяжелее мамонта.

Мы опустили его на траву перед открытым шлюзом — естественно, нам пришлось быть рядом с ним. Из леса все еще доносился барабанный бой. Эл скрылся в шлюзе и вскоре вернулся с Сэмом и Уолли, которые должны были помочь нам освободиться от ноши. Клейкая масса успела за это время застыть. У меня возникло ощущение, что на руки надеты стеклянные перчатки.

Сэм и Уолли попробовали растворить клей холодной водой, теплой, горячей и очень горячей — с неизменным нулевым результатом. Главный инженер Дуглас попытался применить ракетное топливо, которым он часто выводил пятна, полировал бронзовые детали, убивал тараканов и даже натирал себе поясницу для борьбы с люмбаго. Если верить Дугласу, топливо могло применяться еще в восемнадцати случаях. Но нас и оно не выручило.

Затем испробовали очищенный бензин, которым Стив Грегори заправлял зажигалки всех членов экипажа. Пустая трата времени. Бензин легко разъедал резину и некоторые другие материалы, но только не эту дрянь. Молдерс сидел, безмятежно глядя по сторонам голубыми глазами, его руки лежали на траве.

— Да, попали вы в историю,— с фальшивым сочувствием сказал Уилсон.— С жевательной резинкой!

Появился Сэм с йодом. Растворения не произошло, но поверхность застывшей массы стала пузыриться и отвратительно вонять. Лицо Молдерса слегка погрустнело. Раствор азотной кислоты чуть повредил поверхность застывшей дряни, но не более того. К тому же применять кислоту было слишком рискованно.

Сэм с хмурым видом удалился на корабль в поисках новых растворителей, а к нам опять спустился Эл Стоу. Приблизившись, Эл споткнулся — удивительно, ведь он обладал прекрасным чувством равновесия. Его мощное плечо ударило молодого Уилсона между лопаток, и ухмыляющаяся обезьяна рухнула прямо на ноги Джепсона — клейкая масса на них еще не успела окончательно затвердеть.

Уилсон попытался высвободиться, быстро понял, что это не в его силах, и тут же сменил радость на печаль. Джепсон сардонически рассмеялся — впервые с того момента, как на него накинулся огромный лист.

Подняв упавший фотоаппарат, Эл принялся перебрасывать его с одной широкой ладони на другую, а потом сказал с неизменной серьезностью:

— Никогда не спотыкался. Какая неприятность.

— Ничего себе неприятность! — завопил Уилсон, явно мечтавший, чтобы Эл расплавился.

И тут вернулся Сэм с большим стеклянным кувшином. Как только он брызнул какой-то бесцветной жидкостью, ядовитая зеленая корка тут же превратилась в жидкую слизь, и мои руки обрели свободу.

— Нашатырный спирт,— пояснил Сэм.

Он мог бы ничего не говорить, едкий запах было трудно с чем-то перепутать. При помощи этого замечательного растворителя Сэм быстро нас освободил.

После чего я помчался за Уилсоном, которому пришлось трижды обежать вокруг корабля. Он был моложе, и мне не удалось его догнать.

Мы уже собрались подняться на борт и обо всем рассказать шкиперу, когда злосчастное дерево вдруг вновь разъярилось. Даже на таком большом расстоянии мы слышали, как его ветви яростно рассекают воздух. Остановившись у шлюза, мы с удивлением наблюдали. Когда заговорил Эл Стоу, его голос звучал хрипло, с металлическими нотками.

— Где Кли Янг?

Оказалось, что никто из нас не знает. Припоминая, как мы гащили Джепсона, я понял, что марсианина с нами не было. В последний раз я видел Кли Янга, когда он одним глазом следил за ветками дерева, а другим смотрел в противоположную сторону.

Армстронг побывал на корабле и быстро вернулся с вестью, что Кли Янга на борту нет. Вытаращив глаза не хуже, чем исчезнувший марсианин, молодой Уилсон признался, что не помнит, как Кли Янг выходил из леса. Тут мы выхватили лучевые пистолеты и побежали к злополучному дереву. И все это время дерево отчаянно размахивало ветвями, словно обезумело от страха и дало бы деру, если бы не корни. Приблизившись к чудовищному растению, мы обошли его по кругу, держась подальше от коварных ветвей. Марсианина нигде не было.

Мы обнаружили его на высоте сорок футов. Пять его могучих щупальцев обхватили мощный ствол дерева, а другие пять крепко держали зеленого аборигена. Пленник отчаянно вырывался, громко призывая сородичей на помощь своим тонким пискляВым голоском.

Кли Янг начал осторожно спускаться по стволу, и, как ни странно, мы не обнаружили на нем никаких следов клея. То, как он выглядел и двигался, наводило на мысль о невероятной помеси университетского профессора и осьминога. С закатившимися от ужаса глазами абориген отчаянно колотил кулаками по шлему Кли Янга. Кли попросту не обращал внимания на сопротивление своей добычи, но, оказавшись на уровне ветви, пленившей Джепсона, он прекратил спуск. Продолжая крепко держать зеленого, он пополз по ветке, пока не оказался на ее конце, лишенном листа. Теперь он и абориген раскачивались с амплитудой двадцать футов.

Выбрав подходящий момент, Кли Янг отпустил конец ветви и ловко приземлился. Через несколько мгновений он уже находился вне досягаемости ветвей злобного дерева. Из-за деревьев раздался пронзительный вопль, и оттуда вылетел сине-зеленый снаряд, слегка похожий на кокосовый орех, который шлепнулся у ног Дрейка. Странный снаряд раскололся, его оболочка оказалась не толще и не прочнее яичной скорлупы, а внутри было пусто. Кли Янг, даже не моргнув, понес брыкающегося аборигена на «Марафон».

Дрейк решил задержаться, с любопытством посмотрел на подобие кокоса и пренебрежительно пнул его ногой. Невидимое содержимое «кокоса» вылетело наружу и ударило его по щекам, попало в глаза. Дрейка вырвало с такой силой, что он упал. У нас хватило ума не проводить расследование на месте — подхватив товарища, мы побежали вслед за Кли Янгом. Дрейк немного пришел в себя только после того, как мы оказались рядом с кораблем.

— Ну и ну! — прохрипел он, прижимая руки к животу.— Какая страшная вонючка! По сравнению с ней скунс испускает аромат розы! — Он вытер губы.— У меня желудок вывернулся наизнанку.

Мы подошли к Кли Янгу; пленника уже отвели на камбуз, чтобы накормить. Сорвав с себя шлем, Кли сказал:

— На это дерево не так уж трудно взобраться. Конечно, оно пыталось меня достать, но ему никак не дотянуться до собственного ствола.— Он недовольно фыркнул и потер плоское лицо гибким кончиком огромного шупальца.— Не понимаю, как вы, двуногие, можете дышать этим супом вместо нормального воздуха. В нем можно плавать!

— Где ты нашел зеленого, Кли? — спросил Бреннанд.

— Он прилип к стволу футах в сорока от земли. У него отличная маскировка — я не видел его до тех пор, пока не оказался совсем рядом.— Марсианин взял шлем.— Поразительный при-

мер мимикрии.— Одним глазом глядя на свой шлем, он направил второй на заинтересованного Бреннанда и сделал презрительный жест.— Как насчет того, чтобы переместиться в такое место, где высшие формы жизни способны жить в мире и комфорте?

— Сейчас все организуем,— обещал Бреннанд.— Только не надо так задаваться, раздутая ты карикатура на резинового паука.

— Ха! — с большим достоинством парировал Кли Янг.— Кто изобрел шахматы, но не может отличить белой пешки от черной ладьи? Кто не умеет играть даже в «утку на скале» без тяжелых последствий? — Высказав столь компетентное мнение о некомпетентности землян, он нахлобучил шлем на голову и жестом попросил меня откачать немного воздуха, что я и сделал.— Спасибо! — сказал он сквозь диафрагму.— А теперь пришло время разобраться с зеленым.

Капитан Мак-Нолти лично допрашивал аборигена. Шкипер сидел за металлическим столом и с важным видом смотрел на пленника. Абориген стоял перед ним, с ужасом озираясь. Теперь-то нам было видно, что на нем надета набедренная повязка под цвет кожи. Спина была заметно темнее груди, кожа на ней грубее, с какими-то наростами — идеальная имитация коры дерева, на котором он искал спасения. Даже его набедренная повязка сзади была темнее. Я сразу же обратил внимание на широкие босые ступни с длинными пальцами — почти такими же, как на руках. Если не считать набедренной повязки, он был нагим. И не имел никакого оружия. Диковинная хризантема на его груди вызвала всеобщий интерес.

— Он поел? — озабоченно спросил шкипер.

— Было предложено,— ответил Эл,— но он даже не прикоснулся к еде. Как я понял, он хочет только одного: вернуться на дерево.

— Хм-м-м,— проворчал Мак-Нолти.— Всему свое время.— Затем с видом благожелательного дядюшки он обратился к аборигену: — Как твое имя?

Сообразив, что обращаются к нему, зеленый принялся размахивать руками и разразился длинной тирадой. Говорил он быстро и мелодично.

— Понятно,— пробормотал Мак-Нолти, когда поток туземного красноречия иссяк, и вопросительно посмотрел на Эла Стоу.— Как думаешь, этот парень обладает телепатическими способностями, как те наши приятели, похожие на лангустов?

— Сомневаюсь. Я бы предположил, что умственное развитие этого существа — на уровне конголезского пигмея, а то и ниже. У него нет даже копья, не говоря уже о луке или трубке для стрельбы отравленными колючками.

— Ты прав, его интеллект не производит сильного впечатления,— глубокомысленно согласился Мак-Нолти.— Но все же надо достигнуть взаимопонимания. Мы пригласим лучшего лингвиста, чтобы он ознакомился с основами языка этого парня и попробовал его научить нашему.

— Давайте я попытаюсь,— предложил Эл.— У меня хорошая память.

Огромный, но очень пропорционально сложенный Эл двигался бесшумно благодаря мягким подошвам сапог. Аборигену не понравились размеры Эла и его горящие глаза. Зеленый отступил к стене, взгляд заметался по комнате в поисках спасения.

Увидев, что внушает пленнику страх, Эл остановился и слегка шлепнул себя по лбу — такой шлепок снес бы мою голову с плеч.

— Голова,— сказал Эл. Он повторил это движение с полдюжины раз, приговаривая: — Голова, голова.

Зеленый просто не мог не понять.

— *Мах*,— пролепетал он.

Вновь коснувшись головы, Эл осведомился:

— *Мах?*

— *Байя!* — пропел в ответ зеленый, постепенно обретая уверенность.

— Видите, это совсем просто,— одобрительно сказал Мак-Нолти, решивший продемонстрировать собственные лингвистические способности.— *Мах* — голова, *байя* — да.

— Не обязательно,— возразил Эл.— Тут все зависит от того, как он понял мои действия. *Мах* может означать голову, лицо, череп, человека, волосы, бога, разум, мысль, чужака или даже черный цвет. А если он сравнил мои волосы со своими, то *мах* означает черное, а *байя* — зеленое.

— Да, я как-то об этом не подумал,— огорченно пробормотал шкипер.

— Будем заниматься этим, пока не наберется достаточное количество слов, чтобы составить простейшие предложения. Тогда из контекста мы сумеем понять смысл новых слов. Мне потребуется два или три дня.

— Ну, тогда вперед. Постарайся, Эл.

Перейдя с пленником в комнату отдыха, Эл позвал Миншалла и Петерсена. Он решил, что три головы лучше, чем одна. Миншалл и Петерсен были отличными лингвистами и говорили

на идо*, эсперанто, венерианском, высоком марсианском и низком марсианском — на низком лучше. Только они из всего экипажа могли дать достойный ответ шахматным маньякам на их собственном жаргоне.

Я нашел Сэма в оружейной — он сдавал уже ненужную экипировку.

— Видел из шлюпки что-нибудь интересное, Сэм? — поинтересовался я.

— Не слишком много. Полет получился совсем коротким — мы успели проделать сто двадцать миль. Ничего, кроме леса с несколькими полянами. Две поляны были побольше других, размером с целый округ. Самая большая примыкает к огромному голубому озеру. И еще мы видели несколько рек и ручьев.

— И никаких признаков цивилизации?

— Никаких.— Он указал в сторону коридора, ведущего в комнату отдыха, где Эл с помощниками пытались найти общий язык с аборигеном.— Наверное, мы просто не можем ничего увидеть с высоты. Все скрывает густая листва. Уилсон проявляет свои пленки — быть может, на них окажется что-нибудь, чего мы не заметили. Впрочем, я в этом сильно сомневаюсь.

— Должно быть, ты прав,— кивнул я.— Вы пролетели сто двадцать миль в одном направлении, этого слишком мало, чтобы судить о целой планете.

Тут мне в голову пришла замечательная идея. Выйдя из оружейной вместе с Сэмом, я помчался в радиорубку. Стив Грегори сидел возле своей аппаратуры и изображал напряженную деятельность.

— Помнишь тот странный свист и шум, который мы слышали на Машинерии? Если на этой планете существует высшая жизнь, то она должна производить какие-то звуки в эфире. И ты сможешь их поймать.

— Да, конечно.— Его кустистые брови пребывали в покое, но впечатление испортили большие уши, которые вдруг зашевелились.— *Если* они вообще ведут передачи.

— Так почему бы тебе не заняться этим прямо сейчас? Нам сейчас любая информация пригодится. Чего ты ждешь?

— Вот что, приятель,— с напором осведомился он,— а ты почистил пистолеты, проверил боеприпасы, у тебя все в порядке?

Я удивленно посмотрел на него.

— Конечно проверил. Арсенал всегда в полном порядке. Это моя работа.

---

* Вариант эсперанто.

— А это — моя! — кивнул он на рацию и вновь принялся размахивать ушами.— Ты опоздал ровно на четыре часа. Я прочесал все частоты сразу же после того, как мы приземлились, и не нашел ничего, кроме слабого шипения на волне двенадцать целых три десятых метра. Что вполне соответствует параметрам Ригеля. Похоже, ты считаешь меня таким же любителем всхрапнуть, как Саг Фарн?

— Вовсе нет. Извини, Стив, мне просто показалось, что это гениальная идея.

— Все в порядке, сержант,— сменил он гнев на милость.— Каждый должен заниматься своим делом.— И от нечего делать крутанул ручку настройки.

Приемник заурчал, словно пытался откашляться, а потом раздались пронзительные звуки:

— *Пип-пип-уопс! Пип-пип-уопс!*

Наверное, ничто другое не смогло бы так быстро нарушить покой роскошных бровей Стива. Могу поклясться, что они добрались до волос, проползли по макушке и притормозили только возле воротника.

— Азбука Морзе,— жалобным голосом капризного ребенка сообщил он.

— Я всегда считал, что азбука Морзе используется на Земле, а инопланетяне с ней не знакомы,— прокомментировал я.— В любом случае, если это морзянка, ты сумеешь понять сообщение.— Я еще послушал это пронзительное «*Пип-пиип-пи-и-ип-уопс!*», а потом добавил: — Каждый должен заниматься своим делом.

— Нет, не морзянка,— возразил Стив сам себе.— Но это радиопередача, точно.— Он бы нахмурился, но я не стал ждать, пока Стив вернет брови обратно.

Бросив на меня трагический взгляд, он принялся записывать сигналы.

Пора было готовить скафандры, пистолеты, установки и все остальное, поэтому я поспешил вернуться в оружейную, чтобы заняться своим делом. Когда сгустились сумерки, Стив все еще возился в радиорубке. Эл со своей командой тоже трудился.

Но это продолжалось недолго.

Солнце село, зеленое сияние померкло. Бархатная пелена окутала лес и поляну. Я шагал по коридору в сторону камбуза, мимо комнаты отдыха, когда дверь распахнулась и наружу выскочил зеленый абориген. На его лице отражалось отчаяние, а ноги двигались с невероятной быстротой, словно его ждал приз в тысячу международных долларов.

В тот самый момент, когда из комнаты отдыха раздался крик Миншалла, зеленый врезался в меня. Он вертелся как угорь,

колотил меня кулаками по лицу, а ногами пытался оторвать мои конечности от туловища. От худого жилистого тела исходили слабые ароматы ананаса и корицы.

Наконец подоспели остальные, схватили его и принялись уговаривать. Зеленый понемногу успокоился. Его черные глаза с тревогой смотрели на Эла Стоу, говорившего совершенно непонятные мне слова, а руки мотались, точно ветви дерева на ветру. Эл и его помощники успели значительно продвинуться в изучении чужого языка, хотя и не достигли полного взаимопонимания.

Наконец Эл сказал Петерсону:

— Передай шкиперу, что, по моему мнению, Калу нужно отпустить.

Петерсен кивнул и через минуту вернулся.

— Капитан говорит, что он не возражает.

Эл проводил нашего пленника до внешнего люка, что-то сказал ему на прощание и отпустил. Зеленого не пришлось уговаривать, он тотчас спрыгнул вниз. Должно быть, кто-то в лесной чаще был ему должен за набедренную повязку, поскольку пятки так и замелькали. Эл стоял у люка, глядя сияющими глазами в темноту.

— Зачем ты выпустил птичку из клетки, Эл?

Он повернулся ко мне:

— Я просил его вернуться на рассвете. Возможно, так и будет, но я не уверен. Подождем. Мы не успели как следует изучить его язык, но выяснили, что он довольно прост. Мы узнали, что его зовут Кала и он из племени Ка. В племени все имена начинаются на Ка, например Калии, Кануу или Каниир.

— Как в марсианских родах: Кли, Лейдс и Саг.

— Да,— согласился он, не заботясь о том, что марсиане могли обидеться из-за такого сравнения.— Он также поведал мне, что у каждого человека есть свое дерево, а у мошки — свой лишайник. Я не совсем понял, что он имеет в виду, но Кала заявил, что каким-то таинственным образом его жизнь прервется, если после наступления ночи он не окажется рядом со своим деревом. Это не подлежало обсуждению, он слезно просил его отпустить. Более того, он предпочел бы смерть ночной разлуке с деревом.

— Звучит нелепо.— Я высморкался и улыбнулся пришедшей в голову мысли.— Даже нелепее, чем слова Джепсона.

Эл задумчиво смотрел в темноту, откуда прилетали странные ночные запахи и глухие удары таинственных барабанов, не смолкавшие ни на минуту.

— И еще мы узнали, что во мраке живут существа, более могущественные, чем Ка. Он сказал, что у них много *гамиша*.

— Чего у них много? — удивился я.

— Гамиша,— ответил Эл Стоу.— Мне так и не удалось понять смысл этого слова. А Кала снова и снова его повторял. Он сказал, что у «Марафона» много гамиша. И что у меня много гамиша. И у Кли Янга. А вот у капитана Мак-Нолти, как выяснилось, мало гамиша. А у Ка его нет совсем.

— И Ка его боится?

— Не думаю. Скорее, относится к гамишу с благоговением. Насколько я понял, все необычное, или удивительное, или уникальное полно гамиша. То, что лишь слегка отличается от нормы, имеет мало гамиша. Наконец, обычное вообще не имеет гамиша.

— Вот тебе и трудности понимания. Все совсем не так просто, как думают некоторые шишки на Земле.

— Да, ты совершенно прав.— Взгляд сияющих глаз переместился на Армстронга, который стоял, прислонившись к артиллерийской установке.— Тебе еще долго караулить?

— До полуночи, а потом меня сменит Келли.

Выбор Келли в качестве ночного дозорного показался мне неудачным. Этот татуированный экземпляр был намертво приклеен к здоровенному гаечному ключу и в любой острой ситуации использовал именно его, а не новомодные лучевые пистолеты или скорострельные пушки. По слухам, он не выпускал из рук этот кусок железа даже на собственной свадьбе, и жена пыталась с ним развестись, утверждая, что гаечный ключ отрицательно влияет на ее душевное состояние. Лично я считаю Келли неандертальцем, случайно перенесенным на множество столетий вперед, в чуждое ему время.

— Мы не станем рисковать и закроем люк,— решил Эл Стоу.— Обойдемся без свежего воздуха.

Вот такие замечания и делали Эла особенно человечным — он мог сказать о свежем воздухе так, словно и впрямь по нему истосковался. Небрежное упоминание о воздухе заставляло забыть, что Эл не сделал ни одного вдоха с того момента, когда старый Кнут Йоханнсен поставил его на ноги и отправил навстречу судьбе.

— Давайте задраим люк.

Повернувшись спиной к темному лесу, Эл сделал несколько шагов в сторону освещенного коридора.

Из темноты донесся тоненький голосок:

— *Нау бейдерс!*

Эл застыл на месте. Под самым люком послышался торопливый топот. Стеклянный шар влетел в раскрытый люк, пронесся над плечом Эла, ударился о щиток артиллерийской установки и разбился на мелкие осколки. Во все стороны брызнула золотистая жидкость, которая моментально испарилась.

Развернувшись на одной ноге, Эл глянул в темноту. Испуганный Армстронг отскочил к стене и положил руку на кнопку общей тревоги. Однако он так и не успел нажать, а начал тихо соскальзывать на пол, словно наткнулся на невидимую стену.

С пистолетом наперевес я осторожно двинулся вперед и даже успел бросить взгляд на стоящего возле люка Эла. Это была ошибка — мне следовало нажать на кнопку общей тревоги.

Еще три секунды, и пар из разбитого сосуда добрался до меня, как только что — до Армстронга. Эл стал раздуваться прямо у меня на глазах, словно воздушный шарик; круглое отверстие люка росло вместе с фигурой Эла, ставшей гигантской. Наконец шар лопнул, я рухнул на пол, и мой разум унесся в небеса.

Не знаю, сколько времени я пролежал, но когда удалось открыть глаза, показалось, будто я слышу крики и топот множества ног вокруг моего распростертого тела. Должно быть, произошло немало событий, пока я валялся, словно кусок мяса. Собственно, я и сейчас лежал на мягком, влажном от росы дерне, слева находился пульсирующий лес, равнодушные звезды взирали на меня с темного купола ночи. Я был спеленут, точно египетская мумия. Рядом лежала мумия Джепсона, а с другой стороны — мумия Армстронга. Дальше отдыхали еще несколько человек.

В трехстах или четырехстах ярдах от нас раздавались громкие крики, нарушающие тишину ночи,— мне удалось различить земные ругательства и высокие голоса зеленых чужаков. По-видимому, там находился «Марафон» — я видел лишь столб света, льющийся из открытого люка. Свет моргал, тускнел, а два или три раза и вовсе исчезал. Очевидно, там шло сражение, и что-то его загораживало от нас.

Джепсон храпел так, словно прилег вздремнуть воскресным утром в провинциальном городке, но Армстронг уже пришел в себя и тут же принялся разъяснять зеленым подробности их интимной жизни. Он делал это с энтузиазмом и немалой изобретательностью. Потом, перекатившись на бок, начал грызть веревки Блейна. Из темноты появилась фигура, смутно напоминающая человеческую, треснула Армстронга по голове, и тот надолго успокоился.

Постепенно мои глаза привыкли к темноте, и удалось различить несколько фигур, стоящих рядом в полутьме. Лежа непо-

движно, я размышлял о Мак-Нолти, «Марафоне», старом Флеттнере — изобретателе корабля, а также о многочисленных деятелях, поддерживавших нас морально и финансировавших наше путешествие. Должен признать, что ничего хорошего мне в голову не пришло. У меня давно возникли подозрения, что рано или поздно они окажутся виновниками моей смерти; похоже, предчувствия меня не обманули.

Где-то в глубинах моего сознания ворчливый голос произнес: «Сержант, а ты помнишь, как обещал маме не ругаться? Не забыл, как отдал венерианскую гуппи и банку сгущенного молока в обмен на фальшивый опал? Покайся, сержант, пока у тебя еще есть время!»

Так я мирно лежал и предавался тщетным сожалениям. За столбом света визгливые вопли раздавались все громче, а голоса людей практически смолкли. Я слышал, как разбивается что-то хрупкое. Возникли темные тени, которые принесли несколько тел, бросили их рядом с нами и вновь скрылись во мраке. Мне хотелось сосчитать пленников, но темнота не позволяла это сделать. Все вновь прибывшие были без сознания, но быстро приходили в себя. Я узнал сердитый голос Бреннанда и астматическое дыхание шкипера.

Холодная голубая звезда сияла сквозь тонкий край облака, ночь подходила к концу. Наступившая пауза показалась мне ужасной: глубокую мрачную тишину нарушали лишь шорохи множества ног в траве и звуки далеких тяжелых ударов, доносившиеся из леса.

Вокруг собралось множество каких-то существ. Вся поляна была заполнена ими. Меня подняли их руки, кто-то проверил надежность пут, после чего я оказался в сплетенном из прутьев гамаке. Далее я путешествовал на высоте плеча — ну в точности убитый африканский кабан, которого несут вслед за охотником местные носильщики. Охотничий трофей — вот во что я превратился. Интересно, упрекнет ли Бог меня за гуппи?

Караван углубился в лес, меня транспортировали головой вперед. Следом несли другой гамак, и мне казалось, что за мной движется целая вереница носильщиков.

Ближе всех ко мне был Джепсон; он громко и подробно жаловался на мир, причинявший неприятности с того момента, как Джепсон здесь появился. Он, не будучи лично знаком с астрономом, который выбрал именно эту планету для исследования, награждал его такими выразительными именами и украшал столь роскошными эпитетами, что даже мне они показались избыточными.

Караван обошел ствол почти невидимого дерева и смело ступил под ветви следующего, когда сзади раздался оглушительный взрыв и столб огня озарил небо. Огонь показался мне зеленоватым. Мы остановились. Двести, а то и триста глоток радостно закричали — волна прокатилась мимо меня и затихла в сотне футов за процессией.

«Они взорвали "Марафон",— подумал я.— Ну вот, теперь все кончено. Никакой надежды на возвращение домой».

Между тем визг и писк вокруг нас прекратились, над лесом поднималась стена ревущего пламени. Мой гамак заметно раскачивался — носильщики были охвачены тревогой. Они ускорили шаг, вскоре мы уже неслись вперед на огромной скорости — я и не думал, что такое вообще возможно. Мы мчались между деревьями, иногда сворачивая в сторону за миг до столкновения; иногда мне даже казалось, что это вовсе не деревья. Мое сердце бултыхалось где-то в районе сапог.

Раздался оглушительный гром, в небо взметнулось алое копье и пробило облака. Эту сцену я уже видел множество раз, но думал, что не увижу больше никогда. Мы наблюдали старт космолета! Это был «Марафон»!

Неужели эти существа обладают такими талантами, что сумели моментально разобраться в системе управления чужого судна и полететь по своим делам? Быть может, это те самые высшие особи, о которых упоминал Кала? Я просто не верил своим глазам: опытных астронавтов несут в плетеных гамаках, а космолет уносится в небо. К тому же взлет «Марафона» вызвал у аборигенов испуг и удивление. Мне никак не удавалось разгадать тайну происходящего.

Огненный след взлетевшего корабля указывал на север, а наш караван продолжал двигаться ускоренным маршем. Один раз мы остановились, и пленившие нас существа сбились в кучу; очень скоро я сообразил, что они собираются перекусить. Еще двадцать минут спустя произошла короткая остановка, и впереди поднялся ужасный гвалт. Мои носильщики держались рядом, но в голове колонны о чем-то яростно спорило множество голосов, а деревья размахивали могучими ветвями.

Однако довольно скоро шум прекратился. Мяуканье перешло в визг и закончилось кашлем. Мы двинулись дальше, по широкой дуге огибая какое-то огромное растение, которое я тщетно пытался разглядеть. О, если бы этот мир обладал луной! Но луны не было: лишь звезды, тучи, грозный лес и глухой барабанный бой.

Первые лучи восходящего солнца рассеивали мглу, когда мы обошли невинного вида рощицу молодых деревьев и оказа-

лись на берегу широкой реки. Только теперь мы сумели как следует рассмотреть свою стражу, которая споро заставила собраться на берегу носильщиков, с облегчением опустивших нас на землю.

Эти существа оказались похожими на Ка, только были выше и стройнее. И еще они обладали большими умными глазами. Их кожа выглядела грубой и серой; грудь каждого украшала хризантема. В отличие от Ка на них была необычная складчатая одежда; на плетеных ремнях висели деревянные трубки для стрельбы колючками и чаши с основанием в форме луковицы. Некоторые несли корзины со стеклянными шарами вроде того, который бросили в открытый люк.

Изо всех сил выгибая шею, я пытался увидеть еще что-нибудь, но обнаружил лишь Джепсона и Бреннанда в таких же точно гамаках, как у меня. В следующее мгновение нас без особых церемоний бросили на берег у самой воды. Повернув ко мне лицо, Джепсон проворчал:

— Вонючие мерзавцы!

— Расслабься,— посоветовал я.— Если мы сыграем по их правилам, у нас будет поводок подлиннее.

— Не люблю парней,— злобно прошипел он,— которые хохмят в самый неподходящий момент.

Я ничего не ответил. Бесполезно тратить силы на человека, впавшего в депрессию.

Лучи солнца все увереннее проникали сквозь зеленый туман, висевший над зеленой рекой. Я уже мог разглядеть Блейна и Миншалла, лежащих на спине рядом с Армстронгом; дальше виднелся округлый животик Мак-Нолти.

С десяток стражников прошли вдоль берега, распахивая наши куртки и рубашки, так что у каждого из нас обнажилась грудь. Они несли чаши с луковичными основаниями. Двое занялись мной. Они были заметно удивлены — и я пришел к выводу, что поразила их вовсе не густая растительность на моей груди.

Не нужно быть большим умником, чтобы сообразить: они ожидали увидеть хризантему. Очевидно, не понимали, как можно без нее жить. Позвав своих товарищей, они принялись оживленно обсуждать возникшую проблему, пока я лежал у их ног, точно жертвенная овца. Наконец они пришли к выводу, что совершили грандиозное открытие и нужно продолжать исследования.

Схватив Блейна и дуралея, который играл в «утку на скале», туземцы развязали их, раздели догола и принялись рассматривать, как породистый рогатый скот на деревенской ярмарке. Один ткнул Блейна в солнечное сплетение, где должна была располагаться хризантема, после чего Блейн с возмущенным криком

прыгнул на обидчика и сбил с ног. Второй нудист не стал дожидаться приглашения и бросился на врага. Армстронг, никогда не считавшийся слабаком, напрягся изо всех сил, разорвал свои путы и с ревом присоединился к драке. Куски гамака болтались на его мясистой спине.

Все остальные земляне попытались освободиться от своих пут, но больше никому не удалось повторить подвиг Армстронга. Между тем к схватке присоединились зеленые, в сражающихся землян полетели хрупкие шары. Механик и Блейн рухнули без чувств одновременно. Армстронг продержался дольше, он даже сумел сбросить двух аборигенов в реку и вырубить третьего. Но потом зашатался и упал.

Вытащив своих соплеменников из реки, зеленые быстро связали Блейна, механика и Армстронга. Они вновь начали совещаться. Естественно, я почти ничего не понимал из их чириканья, но складывалось впечатление, что они пытались определить, сколько у нас *гамиша*.

Меня стали раздражать путы. Я бы многое отдал за шанс вступить в схватку и проломить парочку зеленых голов. Изогнувшись, я пригляделся к кустику, растущему рядом с моим гамаком. Кустик покачивал короткими веточками, испуская аромат жженой карамели. Вся местная растительность шевелилась и вовсю пахла.

Неожиданно зеленые закончили спор и столпились на берегу реки. Из-за излучины появилась флотилия длинных и узких лодок, которые вскоре причалили к берегу. Нас разместили по пять пленников в лодке. Затем суденышки отплыли на середину реки. Команда каждой лодки состояла из двадцати матросов. Вдоль бортов торчало по шесть деревянных рычагов. Лодки довольно быстро заскользили по зеленой воде вверх по течению.

— Мой дед был миссионером,— сказал я Джепсону.— Однажды он попал в похожую передрягу.

— Ну и что?

— Закончил свои дни в котелке.

— Я искренне надеюсь, что тебя ждет такая же участь,— без малейшего сострадания заявил Джепсон, все еще не прекративший тщетные попытки разорвать свои путы.

Поскольку ничего другого не оставалось, я наблюдал за тем, как трудится команда, и пришел к выводу, что рычаги приводят в движение два больших насоса или несколько маленьких и что кораблик движется вперед, забирая воду где-то в носовой части, и выбрасывает ее струей из кормы.

Солнце поднималось все выше. После очередного поворота река разделилась на два рукава, течение ускорилось — посреди

реки возвышался скалистый остров примерно в сотню футов длиной. Четыре огромных жутковатых дерева стояли на дальней оконечности острова, темно-зеленые стволы и ветви местами казались черными. От ствола высоко над землей почти горизонтально отходили мощные ветви, с каждой свисала дюжина толстых отростков, сильно напоминающих пальцы.

Гребцы максимально увеличили скорость. Вереница лодок устремилась в правый рукав реки, над которым нависала самая большая и грозная из ветвей. Когда первая лодка оказалась под ней, ветка жадно зашевелила пальцами. Нет, мне не показалось: я видел это так же ясно, как премию, которую выкладывали передо мной на полированный стол красного дерева. Судя по размерам ветви, она могла поживиться всеми, кто находился в лодке. Мне не хотелось думать о том, что дерево сделает со своей добычей.

Однако ничего не произошло. Как только лодка оказалась в опасной зоне, рулевой поднялся на ноги и, повернувшись к дереву, прокричал нечто непонятное. Пальцы расслабились. Рулевой второй лодки поступил так же. Наконец подошла очередь моей лодки. Я лежал на спине, способный к сопротивлению не более чем труп, и с тоской смотрел на чудовище, которое могло в долю секунды свернуть шею любому из нас. Наконец дерево осталось позади, рулевой замолчал, но его слова тут же подхватили на плывущей за нами лодке. Я ощутил, как взмокла спина.

Мы проплыли еще около пяти миль, а потом свернули к берегу. Я лежал головой именно в эту сторону, и мне не удалось рассмотреть здания, пока зеленые не вытряхнули меня из гамака и не поставили на ноги. Я тут же потерял равновесие и уселся на землю. Ноги так затекли, что не держали. Я принялся растирать их, чтобы восстановить кровообращение, с любопытством разглядывая населенный пункт, который мог оказаться чем угодно — от бедной деревушки до крупного мегаполиса.

Цилиндрические здания были построены из светло-зеленой древесины, имели одинаковую высоту и диаметр; посреди каждого из них росло большое дерево. Листва полностью накрывала дома, делая их незаметными сверху — безупречная маскировка для тех, кто захочет обнаружить поселение с воздуха, хотя у меня не было ни малейших оснований считать, что здесь кому-то может грозить опасность сверху.

Было очень трудно определить размеры города, поскольку за ближайшими цилиндрическими домами располагалось бесконечное море деревьев, каждое из которых могло скрывать жилище зеленых. Поди угадай — то ли это береговая окраина огромного города, то ли скромная деревушка в несколько десятков

домов. Стоит ли удивляться, что наши разведчики увидели со шлюпки лишь бесконечные леса. Они могли пролетать над миллионными городами, полагая, что под ними джунгли.

С оружием наготове, не спуская с нас глаз, орда зеленых топталась вокруг, а их товарищи развязывали пленников. Тот факт, что мы прибыли в этот мир на таком удивительном устройстве, как «Марафон», не произвел на них ни малейшего впечатления. Мои ноги вновь стали мне подчиняться. Я поправил сапоги, встал и осмотрелся. И испытал сразу два потрясения.

Первое обрушилось на меня, когда я подсчитал своих товарищей по несчастью. Вместе со мной было около половины экипажа «Марафона». В одном из гамаков лежал бледный неподвижный парень, который получил порцию колючек почти сразу же после посадки. Почему зеленые решили захватить с собой труп, я не понял.

Два связанных вместе гамака занимал потерявший ко всему интерес сонный Саг Фарн. Но больше марсиан среди пленников не было. Не нашел я также инженера Дугласа, Баннистера, Кейна, Ричардса, Келли, Эла Стоу, Стива Грегори, молодого Уилсона и дюжину других.

Быть может, они все погибли? Но почему в таком случае зеленые притащили с собой одно тело, но бросили на поле боя остальные? Значит, наши товарищи спаслись? Или есть еще один отряд пленников, отправленный в другое место? Узнать их судьбу не представлялось возможным.

Я толкнул Джепсона в бок.

— Эй, послушай, ты заметил?..

Страшный рев заставил меня замолчать. Все зеленые смотрели в небо, размахивали оружием и яростно жестикулировали. Они что-то кричали, но рев перекрывал все звуки. Обернувшись, я почувствовал, что глаза вылезают из орбит — шлюпка с «Марафона» промчалась на бреющем над поверхностью реки, а потом взмыла и скрылась за кронами деревьев.

Однако по реву двигателей я легко определил, что она делает разворот по большой дуге. Звук стал громче — шлюпка вновь пошла на снижение. В следующее мгновение она появилась перед нами, стремительно теряя высоту, и даже задела воду — во все стороны полетели зеленые брызги, а на берег набежала волна. Потом двигатели завыли дурными голосами, и шлюпка унеслась прочь с такой быстротой, что я даже не успел понять, кто выглядывал из кабины пилота.

Поплевав на кулаки, Джепсон с угрозой посмотрел на зеленых.

— Скоро эти гниды свое получат!

— Ну, как не стыдно! — укоризненно сказал я.

— А что касается тебя...— Он не успел закончить фразу, поскольку в этот момент высокий, худой и агрессивный абориген ткнул его в грудь и что-то вопросительно пропищал.

— Только вздумай это сделать еще раз! — оскалился Джепсон, толкнув зеленого в ответ.

Туземец, не ожидавший такой реакции, едва не упал. Однако тут же сделал резкое движение правой ногой. Сначала я подумал, что он попытался лягнуть Джепсона, но ошибся. Движение оказалось куда более опасным. Абориген швырнул в Джепсона какое-то живое существо, необыкновенно быстрое и злобное. Я успел заметить, что оно похоже на змейку и — для разнообразия — было не зеленым, а оранжевым с мелкими черными пятнышками. Змейка упала на грудь Джепсона, укусила его, а затем помчалась вниз с такой быстротой, что мои глаза едва успевали проследить за ее перемещением. Оказавшись на земле, она шмыгнула к своему хозяину.

Обернувшись вокруг зеленой щиколотки, змейка сразу же потеряла интерес к происходящему — теперь ее легко было принять за безобидное украшение. Многие другие аборигены носили на ногах похожие «украшения», причем все они были оранжево-черными. Лишь у одного я заметил желто-черное существо.

В глазах Джепсона застыло изумление, он открыл рот, но не сумел произнести ни звука, хотя ему очень хотелось. Он зашатался. Абориген с желто-черным маленьким чудовищем на лодыжке с академическим интересом наблюдал за Джепсоном.

Я сломал ему шею.

С таким же хрустом ломается гнилое метловище.

Желто-черная гадина покинула своего хозяина в ту самую секунду, как хрустнула его шея, но при всей своей резвости на сей раз она опоздала. Когда Джепсон упал лицом вниз, мой сапог раздавил псевдозмею.

Поднялся настоящий тарарам. Я слышал, как Мак-Нолти кричит:

— Не сметь! Прекратить!

Даже в такой момент этот чокнутый служака беспокоился, что его могут понизить в звании за плохое обращение с инопланетянами.

— Еще один! — орал Армстронг, после чего раздавался громкий всплеск.

Вовсю заработали трубки для стрельбы колючками, справа и слева разбивались стеклянные шары. Джепсон лежал на траве совершенно неподвижно, а вокруг кипело сражение. Рядом со

мной оказался Бреннанд. Он сам задыхался, но не выпускал из мертвой хватки горло зеленого.

Мне попался следующий абориген. Я попытался представить, что это жареный цыпленок, от которого надо оторвать ножку. Зеленого было очень трудно удержать, он мотался, точно мячик-раскидайчик. Ломая его, я краем глаза увидел, как Саг Фарн схватил сразу пятерых — вот кому можно позавидовать, не руки, а настоящие анаконды. Мой противник вознамерился схватить хризантему, которой у меня отродясь не было, и до крайности удивился, не обнаружив ее. Так и не придумав другого способа одолеть меня, он отправился в реку.

Затем у моих ног взорвалось несколько шаров сразу. Я успел услышать торжествующий вопль Армстронга, сопровождавшийся громким всплеском, а последнее, что я запомнил,— как щупальце Саг Фарна схватило одного из шести туземцев, бросившихся на меня. Я упал.

Почему-то я не потерял сознание сразу, как в прошлый раз. Возможно, я получил только часть необходимой дозы, или в этих шарах содержалась не такое сильнодействующее вещество. Так или иначе, но меня повалили пятеро аборигенов, небо сплясало какой-то безумный танец, а мои мозги превратились в холодную комковатую кашу.

Когда я пришел в себя, оказалось, что мои руки вновь крепко связаны.

Слева от меня группа туземцев образовала здоровенную кучу — я не видел, кто оказался под ними, но отчетливо слышал их крики. Армстронг испустил оглушительный вопль, достойный недорезанной свиньи. Прошло еще несколько минут, заполненных сопением и повизгиваниями, а потом куча распалась, и я увидел рядом связанных Блейна и Сага Фарна. Справа неподвижно лежал Джепсон. Я нигде не заметил шлюпки и больше не слышал шума ее двигателей.

Не теряя времени, зеленые погнали нас в лес или в город, уж не знаю, как это правильно назвать. Двое тащили Джепсона в плетеной корзине. Даже довольно далеко от реки вокруг почти каждого дерева был выстроен дом. Нам часто попадались местные жители, которые равнодушно провожали нас взглядом.

Миншалл и Мак-Нолти шли вслед за мной в этом нашем последнем параде.

— Я обязательно поговорю с их вождем,— со значением заявил шкипер.— И укажу ему на то, что досадные эксцессы явились результатом необъяснимой агрессивности его людей.

— Вне всякого сомнения,— не без сарказма отозвался Миншалл.

— Несмотря на трудности при установлении контакта,— продолжал Мак-Нолти,— я по-прежнему считаю, что нас должны принимать со всей необходимой вежливостью.

— О, безусловно,— отозвался Миншалл. Его голос стал ужасно серьезным, словно он был президентом общества гробовщиков.— И мы считаем, что нас принимали далеко не по первому разряду.

— Совершенно с тобой согласен,— одобрительно сказал шкипер.

— Поэтому любые проявления враждебности будут достойны всяческого осуждения,— добавил Миншалл все с той же абсолютной серьезностью.

— Конечно,— воодушевленно согласился Мак-Нолти.

— Не говоря уже о том, что они вынуждают нас выпотрошить всех зеленых на этой вонючей планете.

— Что? — Мак-Нолти споткнулся и едва не упал, а на его лице появилось выражение ужаса.— Что ты сейчас сказал?

Миншалл был сама невинность.

— Ничего, шкипер. Я даже рта не открывал. Наверное, вам просто показалось.

Для меня осталось тайной, что собирался ответить возмущенный капитан нашего корабля, поскольку зеленый заметил, что Мак-Нолти слегка приотстал, и ткнул его в спину. Сердито фыркнув, шкипер ускорил шаг и погрузился в молчание.

Наконец длинные ряды домов-деревьев остались позади, и мы вышли на прогалину вдвое больше той, на которой пропавший «Марафон» сделал посадку. Она имела форму круга, ровную поверхность устилал мягкий изумрудно-зеленый мох. Солнце, успевшее подняться довольно высоко, освещало зелеными лучами странный амфитеатр, по периметру которого собрались толпы молчаливых аборигенов; за нами наблюдали тысячи глаз.

Наше внимание привлек росший в центре круга исполин среди деревьев планеты. Я не смог даже приблизительно определить его высоту, но не сомневаюсь, что калифорнийское мамонтово дерево выглядело бы рядом с ним малышом. Диаметр ствола — никак не меньше сорока футов, размах огромных ветвей поражал воображение. Если эти космические зулусы намерены нас повесить, то лучшего места им не найти. Наши тела будут выглядеть точно мошки, болтающиеся между землей и облаками.

Должно быть, Миншалла посетили аналогичные мысли, поскольку он сказал Мак-Нолти:

— Превосходная новогодняя елочка. Интересно, кому из нас выпадет честь украсить собой верхушку.

— Не нужно воспринимать происходящее так болезненно,— сердито проговорил Мак-Нолти.— Туземцы не поступят столь противозаконно.

Тут крупный абориген с морщинистым лицом указал на шкипера, и шестеро зеленых подскочили, прервав его рассуждения о соблюдении межзвездного кодекса. С полнейшим пренебрежением к обычаям и законам, которые так чтил Мак-Нолти, они потащили его к дереву.

До этого момента мы как-то не обращали внимания на барабанный бой, глухо разносившийся по всему открытому пространству. Мы успели к нему привыкнуть — так человек перестает замечать тиканье знакомых часов. Теперь он стал заметно громче, а его ритм показался мне особенно зловещим. Эти размеренные удары усиливали драматизм нашего положения.

Зеленый свет придавал лицу шкипера сходство с лицом мертвеца, но он шел навстречу своей судьбе, не оказывая сопротивления. И даже умудрялся шагать с важным видом, а вся его фигура выражала достоинство и непоколебимую веру в высокие идеалы. Я никогда не видел человека, который бы так слепо верил в законы. Мак-Нолти не сомневался: эти бедные невежественные люди не причинят ему вреда, не заполнив прежде все необходимые бланки с соответствующими печатями и подписями. Если ему и суждено умереть, то только после соблюдения формальностей.

На полпути к дереву шкипера встретили девять высоких аборигенов. Они были одеты так же, как и все остальные, однако их манеры наводили на мысль о том, что они отличаются от всех остальных. Колдуны, решил мой возбужденный разум.

Конвоиры передали Мак-Нолти с рук на руки и поспешно отошли к краю арены, словно опасались, что сейчас из-за дерева выскочит сам дьявол. Однако никакого дьявола мы не увидели; лишь чудовищное дерево вяло помахивало ветвями. Но теперь, когда мы знали, на что способны некоторые растения в этом зеленом мире, было совсем несложно предположить, что *это* способно на нечто особенно коварное. Не было сомнений в том, что дерево обладало большим количеством *гамиша*.

Девятка споро раздела Мак-Нолти до пояса. Он говорил, не закрывая рта, но мы находились слишком далеко, чтобы понять смысл лекции. Впрочем, девятка не обращала на его слова ни малейшего внимания. Аборигены тщательно осмотрели его грудь, посовещались между собой, а потом потащили его к дереву. Мак-Нолти сопротивлялся, не теряя достоинства. Однако цере-

мониться с ним не стали, а просто подняли на руки и понесли к дереву.

— У нас еще остались ноги, не так ли? — сквозь зубы прошипел Армстронг и изо всех сил лягнул ближайшего стража.

Но прежде чем мы успели его поддержать и устроить еще одну бесполезную драку, наше внимание привлек гул с неба. Он постепенно перекрывал привычный барабанный бой. Затем гул перешел в оглушительный рев, и серебристая шлюпка возникла над роковым деревом.

Что-то вывалилось из стремительно опускающейся шлюпки. Над падающим предметом вдруг раскрылся зонтик, резко затормозив падение. Парашют! Я разглядел, как на ремнях раскачивается фигура, а потом она скрылась в густой листве. Мы даже не успели понять, кто пытается прийти к нам на помощь.

Девятка бесцеремонно бросила Мак-Нолти прямо на мох и, задрав головы, стала смотреть вверх. Как ни странно, явление с небес вызвало у аборигенов любопытство, а не страх. Дерево не шевелилось. Неожиданно в его кроне сверкнул луч пистолета. Отрубленная ветка рухнула на землю.

В тот же миг тысячи похожих на почки бугорков, прятавшихся среди листьев, раздулись, словно воздушные шарики, быстро достигли величины гигантских тыкв, а потом лопнули с глухим треском. Воздух наполнился таким густым желтым туманом, что не прошло и минуты, как дерево скрылось в нем.

Аборигены заухали, как огромная стая растревоженных сов, и обратились в бегство. Девять стражей Мак-Нолти мигом забыли о его существовании и последовали за своими соплеменниками. Луч пистолета успел достать двух из них прежде, чем они пробежали десяток шагов; остальные семеро помчались еще быстрее. Мак-Нолти пытался разорвать веревки, а туман медленно приближался к нашему шкиперу.

Вновь высоко в листве сверкнул луч. Вторая огромная ветка полетела на землю. Темный ствол дерева едва проступал сквозь пелену тумана. Желтые испарения всего тридцати футов не доставали до шкипера, а тот смотрел на дерево, словно зачарованный. Его руки были крепко притянуты веревкой к бокам. Из тумана доносились хлопки лопающихся «почек», но теперь уже не так часто.

Мы кричали растерявшемуся Мак-Нолти, чтобы он воспользовался нижними конечностями, но шкипер сделал всего несколько шаркающих шагов и остановился. Армстронг сверхчеловеческим усилием освободился от своих уз, выхватил из кармана складной нож и принялся резать веревки, которыми мы были связаны. Первыми он освободил Миншалла и Блейна, и они тут

же помчались на помощь к Мак-Нолти, который, подобно древнему Аяксу, бросал вызов чужим богам — туману оставалось преодолеть всего десять футов. Они успели вовремя и привели шкипера к нам.

Как раз к тому моменту, когда мы освободились, шлюпка вернулась, но тут же скрылась за клубами желтого тумана. Мы разразились хриплыми радостными криками. Затем из тумана появилась могучая фигура, несшая в руках два тела. Это был Эл Стоу. На спине у него болталась рация.

Он подошел к нам — большой и могучий, с обычным огнем в глазах — и бросил на землю два трупа.

— Вот, взгляните, что этот туман сделает с вами, если немедленно не унесете отсюда ноги!

Мы взглянули на двух аборигенов, которых он подстрелил. Однако вовсе не действие лучевого пистолета вызвало ужасающий распад плоти. Мгновенное разложение привело к тому, что туземцы больше напоминали скелеты. Остались лишь жалкие ошметки мышц. Нетрудно было представить, что произошло бы с Элом Стоу, будь он таким же, как мы.

— Возвращаемся к реке,— сказал Эл,— даже если придется сражаться. «Марафон» приземлится на большой прогалине, на берегу. Мы должны любой ценой пробиться к реке.

— И помните, ребята,— заявил успевший прийти в себя Мак-Нолти,— я не хочу, чтобы вы устроили бойню.

Ну, насмешил! Все наше вооружение состояло из лучевого пистолета Эла, складного ножа Армстронга и наших кулаков. А по пятам следовал смертельный туман. Между нами и рекой раскинулся огромный город, где обитало несметное количество врагов, об оружии которых мы имели лишь смутное представление. Поистине мы находились между желтым дьяволом и зеленым морем.

Мы двинулись в обратный путь; первым шел Эл, за ним Мак-Нолти и дюжий Армстронг. Дальше шагали двое мужчин, тащивших Джепсона, к которому вернулась способность шевелить если не ногами, то языком. Двое других несли тело, которое зеленые доставили от самого «Марафона». Не встречая сопротивления и без всяких происшествий мы продвинулись на двести ярдов в лес, где и похоронили человека, который первым ступил на землю этой планеты. Он остался лежать, молчаливо согласившись со своей судьбой, а вокруг кипела непонятная жизнь джунглей.

Мы преодолели следующую сотню ярдов, и нам пришлось хоронить еще одного участника экспедиции. Второй игрок в «утку на скале» решил, что должен искупить свою вину, и пошел первым. Мы медленно и осторожно продвигались вперед, ожидая

засады, готовые к нападению куста, мечущего ядовитые колючки, или дерева с клейкими листьями.

Шедший первым человек резко повернул в сторону от дерева, оказавшегося пустым жилищем зеленых. Он так внимательно наблюдал за темным входом в дом, что не заметил соседнего дерева, под которым неожиданно оказался. Дерево было средней величины, с серебристо-зеленой корой и длинными изящными листьями, с которых свисали волокнистые нити, не доставая трех или четырех футов до земли. Последовала ослепительная голубоватая вспышка, запахло озоном и горелым волосом — и он упал замертво.

Желтый туман наступал, но все же мы вернулись обратно, чтобы похоронить убитого молнией рядом с погибшим раньше товарищем. Обойдя по широкой дуге опасное растение, которое назвали вольт-деревом, мы вышли на конец главной улицы. Мы приобрели одно преимущество, но лишились другого. Дома стояли по прямой линии и на довольно большом расстоянии друг от друга; мы могли шагать по середине улицы, не опасаясь нападения чудовищной растительности. Однако теперь мы бы стали легкой мишенью для аборигенов, если бы они захотели помешать нам вернуться домой. Но у нас не было выбора, поэтому мы смело пошли вперед, несмотря на уязвимость нашего положения.

Когда мы упрямо шагали по центральной улице, готовые к любым неприятным неожиданностям, Саг Фарн сказал мне:

— Знаешь, у меня появилась идея, которую было бы неплохо развить.

— О чем ты? — с надеждой спросил я.

— Представь себе доску двенадцать на двенадцать клеток,— предложил он, напрочь забыв о наших сиюминутных проблемах.— Мы сможем поставить на доску по четыре дополнительные пешки и по четыре новые фигуры. Я предлагаю назвать фигуры лучниками. Они смогут перемещаться на две клетки вперед, а есть — только по диагонали, на одну клетку. Тебе не кажется, что такая игра будет исключительно сложной?

— Я надеюсь, что ты проглотишь шахматную доску вместе с фигурами и испортишь себе желудок,— разочарованно ответил я.

— Зря я забыл, что по части интеллектуальных способностей и интересов ты не отличаешься от низших позвоночных.— Сделав такое наглое заявление, он достал бутылочку с *хулу*, которую непостижимым образом пронес через все наши злоключения,

отошел от меня подальше и принялся самым оскорбительным образом ее нюхать.

Мы вовсе не пахнем так, как утверждают марсиане! Эти змеерукие — ужасные лжецы!

Чтобы прекратить наши споры, Эл Стоу прорычал:

— Пожалуй, хватит.— Достав рацию, он заговорил в микрофон: — Это ты, Стив? — После паузы добавил: — Да, мы ждем в четверти мили от берега. Мы не встретили сопротивления, но его нам обязательно окажут. Ладно, остаемся на месте.— И после еще одной паузы: — Да, мы дадим тебе направление.

Обратив взгляд горящих глаз к небу, он прислушался, прижимая наушник к уху. Мы все прислушивались вместе с ним. Некоторое время до нас доносились только несмолкающие удары далеких барабанов этого безумного мира, но мы потом различили жужжание гигантского шершня.

Эл взял микрофон:

— Мы вас слышим. Вы летите в правильном направлении.— Звук двигателей стал громче.— Вы приближаетесь.— Он подождал еще несколько секунд.— Теперь ушли немного в сторону.— Шум двигателя резко усилился.— Вот так! — закричал Эл.— Вы почти над нами!

Он с надеждой посмотрел вверх, и мы все последовали его примеру. В следующее мгновение шлюпка пронеслась над нами на огромной скорости. Тем не менее пилот нас заметил — кораблик описал широкую дугу и вернулся к нам, не снижая скорости. Мы закричали от радости, словно маленькие дети.

— Видел нас? — спросил в микрофон Эл.— Тогда попытайся сбросить груз.

И вновь шлюпка сделала круг и устремилась прямо на нас. Она напоминала огромный снаряд, выпущенный из старинной пушки. Через несколько мгновений на землю полетели какие-то вещи, а потом раскрылись парашюты. Шлюпка умчалась прочь, проделав дырку в северной части неба. Если бы не зловещие деревья, она могла бы приземлиться и отвезти хотя бы некоторых из нас в безопасное место.

Мы поспешили к сброшенным припасам, стали нетерпеливо разрывать упаковку, чтобы добраться до содержимого. Скафандры на всех. Что ж, очень неплохо, они помогут нам защититься от любых газов. Лучевые пистолеты с полным боезапасом. Набор стимуляторов. Небольшой контейнер с тщательно упакованной полудюжиной маленьких атомных бомб. По аптечке на каждого.

Один тюк висел на ветке — зацепился парашют. Оставалось надеяться, что там нет взрывчатых веществ. Мы перерезали стро-

пы выстрелами лучевых пистолетов, и тюк упал на землю. В нем оказались концентраты и пятигаллоновый контейнер с фруктовым соком.

Сложив парашюты и разобрав припасы, мы двинулись к берегу. Первую милю прошли довольно легко; деревья, снова деревья и дома, покинутые обитателями. Именно на этом этапе путешествия я заметил, что дома строились только вокруг деревьев одного вида. И бесполезно искать жилища около деревьев с листьями-прилипалами или под ветвями тех деревьев, что умеют бить молниями. Насколько безвредны деревья-жилища? Никто из нас не горел желанием экспериментировать. Никто, кроме Миншалла.

Не обращая внимания на предостережения Мак-Нолти, который кудахтал, точно курица наседка, Миншалл осторожно, держа наготове лучевой пистолет, вошел в один из покинутых домов. Через несколько секунд он вышел и сообщил, что внутри никого нет, но дерево, стоящее в центре жилища, грохочет, словно племенной тамтам. Он приложил ухо к стволу и услышал биение могучего сердца.

Далее нам пришлось выслушать долгое выступление Мак-Нолти о том, что не следует калечить столь удивительные деревья на чужой планете. Что, если они обладают разумом? Тогда они по межзвездному закону получают статус аборигенов, а следовательно, их охраняет такой-то параграф такого-то закона Транскосмического Кодекса, регулирующего отношения между различными планетами. Он погрузился в сложнейшие аспекты межзвездного права с огромным энтузиазмом, не отдавая себе отчета в том, что недавно его, возможно, собирались сварить в кипящем масле.

Когда Мак-Нолти замолчал, чтобы перевести дух, Эл Стоу заметил:

— Шкипер, не исключено, что у этого народа свои законы, которые хотят навязать нам.

Я посмотрел туда, куда указывал палец Эла. Говорят, что рекорд по быстроте надевания скафандра — двадцать семь секунд. Я уложился в двадцать, но у меня не осталось доказательств. Пришло время расплаты, подумал я. Длинная рука правосудия протянулась ко мне, чтобы рассчитаться за гуппи и банку сгущенного молока.

Примерно в полумиле нас поджидал вражеский авангард — огромные змееподобные существа, тела которых были заметно толще моего туловища и никак не короче ста футов. Они ползли к нам, но на удивление неловко; казалось, эти твари могут передвигаться только по прямой. За ними так же неуклюже следо-

вала целая армия кустов обманчиво скромного вида. А третьим эшелоном наступала орда зеленых, которые размахивали руками и испускали победные крики — так храбры бывают те, кто чувствует себя в полнейшей безопасности. Скорость продвижения кошмарной армии определялась темпом «змей», которые перемещались совершенно непонятным образом.

Охваченные страхом, мы остановились. Ползучие твари надвигались с неотвратимостью страшной силы, готовой раздавить все на своем пути. И чем ближе они подбирались к нам, тем ужаснее выглядели. К тому моменту, когда нас разделяло триста ярдов, я уже понял, что такая «змея» могла обхватить шестерых из нас и причинить каждому куда больше вреда, чем боа-констриктор — беспомощной козе.

Мы столкнулись с дикими обитателями полуразумного леса. Я понял это инстинктивно. До нас уже доносилось слабое мяуканье. Вот те самые зеленые тигры — именно с ними пленившие нас зеленухи сражались в изумрудных джунглях. Очевидно, тигров можно приручить, направив их ярость и силу против врага. Это племя сумело добиться успеха. Наверное, оно было намного сильнее, чем Ка.

— Пожалуй, я могу с ними справиться,— сказал Эл Стоу, когда расстояние уменьшилось до двухсот ярдов.

Он небрежно активировал мини-бомбу, которая могла легко уничтожить «Марафон» или даже более крупный корабль. Главный и самый неприятный недостаток Эла Стоу заключался в том, что он никогда не относился с должным почтением к вещицам, которые могли наделать много шуму. Он с таким великолепным равнодушием подбрасывал бомбу на ладони, что мне ужасно хотелось оказаться в другой части космоса; и я уже был готов разрыдаться, когда Эл размахнулся и швырнул бомбу.

Мы бросились на землю. А она пучилась, как живот тяжелобольного. Огромные сгустки плазмы и куски зеленоватой волокнистой плоти взмыли вверх, на несколько незабываемых мгновений застыли в воздухе, а затем дождем посыпались на землю. Мы вскочили на ноги, пробежали вперед сотню ярдов и вновь залегли, когда Эл метнул вторую бомбу. Ее взрыв навел меня на мысль о вулканах, проснувшихся неподалеку от моих многострадальных ушей. Не успел стихнуть грохот, как появилась шлюпка, спикировала на задние ряды врага и добавила парочку своих бомб.

— Вперед! — закричал Эл.

Перекинув через плечо так и не обретшего способность двигаться самостоятельно Джепсона, он ринулся в атаку. Мы старались не отставать.

Первым препятствием на пути стала огромная воронка, на дне которой корчились какие-то изувеченные желтые черви. Огибая ее по краю, я перепрыгнул через шестифутовый кусок змея, который все еще спазматически дергался. Между двумя воронками валялось множество изуродованных чудищ. Они были зелеными снаружи и внутри, а поверхность тел покрыта странными, похожими на волосы, завитками, которые продолжали шевелиться, словно пытались отыскать ушедшую жизнь.

Сто ярдов, разделявших два кратера, мы преодолели в рекордное время. Эл, несмотря на ношу, продолжал возглавлять наш отряд. Я вспотел, как бык во время случки, и благодарил планету за низкую гравитацию — в противном случае я бы не смог бежать так быстро.

Мы вновь разделились, чтобы обогнуть вторую воронку. Тут и произошло наше столкновение с врагом, начался рукопашный бой, все смешалось.

До меня добрался куст. Земное воспитание помешало отнестись к нему с должным уважением, несмотря на все наши последние злоключения. Я смотрел совсем в другую сторону, а он рванулся вперед, схватил меня за ноги и дернул. Я растянулся на земле, потеряв оружие и проклиная всех и вся. Куст принялся методично осыпать мой скафандр серым порошком. В следующее мгновение длинное мощное щупальце протянулось над моей головой, схватило куст и разорвало его на части.

— Спасибо, Саг Фарн! — Я схватил упавший на землю пистолет, вскочил на ноги и побежал дальше.

Второе вражеское растение стало жертвой моего меткого выстрела, а потом мощный луч поджарил внутренности озверелого аборигена. Саг Фарн прикончил очередной куст и с презрительной ухмылкой бросил ошметки на землю. Странный порошок вроде бы не оказывал на него никакого влияния.

Эл оторвался от нас ярдов на двадцать. Он немного подождал, потом швырнул очередную бомбу, упал, почти сразу же вскочил и побежал дальше с Джепсоном на плече. Шлюпка вновь снизилась, продолжая косить задние ряды врагов. Из-за моей спины ударил луч, едва не задел шлем моего скафандра и сжег куст. В наушниках не стихала ругань по меньшей мере шести моих товарищей. Справа огромное дерево взмахнуло длинноющими ветвями и обрушилось на землю, но я не собирался на него глазеть.

Затем змея поймала Блейна. Как она умудрилась выжить в таком аду, осталось тайной. Она лежала среди частей тел и дергалась в конвульсиях, но когда Блейн попытался перепрыгнуть через нее, она ловко обвилась вокруг него. Его предсмертный

хрип был ужасен. Скафандр не выдержал давления, брызнула кровь. Я в ужасе остановился, и на меня наткнулся Армстронг.

— Вперед! — рявкнул он, энергично толкая в плечо.

Лучом пистолета он разрезал зеленого констриктора на несколько кусков. Мы побежали дальше, оставив позади раздавленный труп Блейна.

Мы преодолели первые два заслона и оказались среди вопящих аборигенов, чье число заметно уменьшилось. Хрупкие шары разбивались вокруг, но скафандры защищали нас от усыпляющего газа. И вообще мы бежали так быстро, что газ не успел бы сделать свое дело. Я прикончил трех зеленых подряд, а Эл оторвал голову еще одному, даже не замедлив шага.

Мы уже задыхались от усталости, когда противник не выдержал и обратился в бегство. Оставшиеся аборигены мигом исчезли в своем лесу, когда шлюпка в очередной раз начала пикировать на них.

Путь был свободен. Однако мы постарались не снижать скорость и с оружием наготове побежали дальше. И очень скоро очутились на берегу реки. Здесь нас ожидало самое изумительное зрелище во всем разведанном космосе — «Марафон».

И тут Саг Фарн едва не напугал нас до смерти, когда мы с радостными криками устремились к шлюзу. Он опередил всех, вытянул обрубок щупальца и сказал:

— Лучше пока не входить.

— Почему? — резко спросил Эл. Его сияющие глаза обратились на обрубок щупальца, и он спросил: — Что с тобой случилось?

— Мне пришлось сбросить большую часть конечности,— небрежно ответил Саг Фарн, словно речь шла о смене шляпы.— Из-за того порошка. Это миллионы микроскопических насекомых. Они поедают все, к чему прикасаются. А теперь взгляните на себя.

Клянусь богом, он не ошибся! Прямо у меня на глазах материал, из которого был сделан скафандр, покрывался пятнами. Рано или поздно пятна превратятся в дыры — и тогда микронасекомые займутся мной!

Никогда в жизни мне не было так страшно. Следующие полчаса мы провели, обливаясь потом, пришлось переключить пистолеты на самую малую мощность, чтобы сжечь весь порошок на скафандрах. Молодой Уилсон, никогда не упускавший возможности унизить своего ближнего, схватил фотоаппарат и заснял наши развлечения. Не сомневаюсь, что придет время, когда мир увидит эти отвратительные кадры, и вы будете радоваться, что вас ужасы системы Ригеля не касаются. Уилсон так-

же сфотографировал лес, реку и пару перевернутых лодок аборигенов — тут мне и представился случай изучить двустворчатые лопасти. Наконец мы радостно ввалились в корабль.

Как только шлюпка была поставлена в док, «Марафон» стартовал. Признаюсь, я почувствовал себя на миллион долларов, когда в наши иллюминаторы полился славный желтый свет нашего солнца; призрачная зелень больше не превращала наши лица в физиономии ходячих мертвецов.

А пока мы с Бреннандом стояли рядом и смотрели, как стремительно удаляется от нас жуткий зеленый мир.

К нам подошел Эл и сообщил:

— Сержант, мы летим прямиком домой.

— Почему? — Бреннанд указал в сторону быстро уменьшающегося шара.— Мы улетаем с пустыми руками.

— Мак-Нолти считает, что мы узнали вполне достаточно.— Эл немного помолчал, дожидаясь, пока смолкнут вспомогательные двигатели.— Шкипер заявил, что мы — исследовательская экспедиция, а не передвижная бойня. С него хватит, он подумывает об уходе в отставку.

— Он нам лапшу на уши вешает! — заявил Бреннанд без малейшего почтения к нашему капитану.

— Кстати, а *что* нам удалось узнать? — поинтересовался я.

— Ну, нам известно, что на планете превалируют симбиозы,— ответил Эл.— Человек живет с деревом как единый организм. Для этого и служит та странная штука на груди у туземца.

— Наркотики за кровь,— с отвращением пробормотал Бреннанд.

— Но,— продолжал Эл,— есть существа высшие по сравнению с Ка и со всеми остальными, они способны покидать свои деревья и путешествовать днем и ночью. Они умеют доить деревья и носить в чашах эту животворную жидкость, питаясь ею по мере надобности. Они сумели занять главенствующее положение в отношениях со своими партнерами, и они — единственные на всей планете — свободны.

— Однако даже самые сильные пали! — сказал я.

— Вовсе нет,— возразил Эл.— Мы сумели вырваться из их власти — но не покорили их. Мы вернулись с потерями и до сих пор не нашли способа вылечить Джепсона.

Он повернулся, чтобы уйти, но тут мне в голову пришла новая мысль.

— Послушай, а что произошло после нападения на корабль? И как вам удалось нас найти?

— Мы проигрывали бой. Лучшим проявлением отваги было отступление. Поэтому мы улетели прежде, чем враги успели захватить корабль. После этого найти вас не составило труда.— Я мог бы поклясться, что в его неизменно светящихся глазах промелькнули веселые искорки.— С вами остался Саг Фарн. А на корабле находился Кли Янг и остальные марсиане.— Он выразительно покачал головой.— А у марсиан много *гамиша.*

— Они же общаются между собой телепатически! — воскликнул Бреннанд, хлопнув себя по коленям.— Я совсем забыл. А Саг Фарн и слова не проронил. Этот косоглазый паук все время дрых.

— Тем не менее,— заметил Эл,— он поддерживал постоянную связь со своими сопланетниками.

Мы сошли с мостика и свернули в коридор. Затем раздался предупреждающий вой сирены, и мы с Бреннандом были вынуждены стоять, обнявшись как братья, пока корабль переходил в режим Флеттнера. Зеленый мир превратился в точку с быстротой, которая не уставала меня поражать. Мы с Бреннандом переглянулись, наши внутренности постепенно возвращались на прежние места. Наконец Бреннанд хитро ухмыльнулся, подошел к насосам правого отсека, нажал на кнопку и подождал, когда давление поднимется с трех футов до пятнадцати.

— Там марсиане,— напомнил я.— И им это не понравится.

— А я и не хочу, чтобы им понравилось. Я отучу этих резиновых клоунов скрывать от нас важную информацию!

— Боюсь, Мак-Нолти это тоже не понравится!

— А кого интересует, что нравится Мак-Нолти, а что нет! — рявкнул Бреннанд.

И тут из-за угла вышел Мак-Нолти, с большим достоинством перемешая свое солидное брюшко.

Бреннанд тут же повысил голос:

— Тебе должно быть стыдно! Разве можно так говорить? О нем нужно отзываться с уважением и всегда называть шкипером.

Вот что я вам скажу: если вы когда-нибудь станете членом экипажа космолета, не слишком беспокойтесь о корабле — остерегайтесь лучше своих так называемых «товарищей».

Гипнотика

Я рассчитывал на двенадцать месяцев заслуженного отдыха среди знакомых пейзажей Земли, но все пошло наперекосяк. Один парень из обсерватории, бесчеловечный любитель совать нос куда не просят, сумел внушить сильным мира сего, что в окрестностях Кассиопеи может существовать жизнь. И множество телеграмм полетело к усталым простофилям с приказом вновь кропить алтарь науки кровью их сердец.

Моя телеграмма пришла в три часа теплого ясного дня, когда я раскачивался в уютном кресле-качалке на веранде. Должен заметить, это весьма неподходящее время и место, чтобы с восторгом отнестись к предложению отдать родине свои руки или ноги. Мне ужасно хотелось сообщить об этом почтальону — но его вины тут не было. Поэтому я всего лишь растерзал телеграмму на мелкие клочки и развеял их по воздуху.

— Черта с два! — пообещал я сильным мира сего, продолжая раскачиваться с закрытыми глазами.

На следующий день я собрал вещички и отправился на восток, заглотив наживку исключительно потому, что у меня не хватило мужества отказаться. У меня никогда не хватало сил быть трусом.

Вот почему я, в который уже раз, стоял возле иллюминатора и мрачно наблюдал, как растет огромный новый мир. Несмотря на полное отсутствие энтузиазма, я был так поглощен зрелищем, что забыл пристегнуть ремни, когда «Марафон» устроил любимый фокус Флеттнера перед посадкой. Однако многолетние навыки сделали свое дело, и я успел пристегнуться в самый последний момент. И вновь испытал так хорошо знакомое ощущение, когда тебя выворачивает наизнанку и обратно.

Мой пост находился в оружейной, там я и оставался, пока в кают-компании выбирали по жребию тех, кто подставит свою

задницу под пинки инопланетян. Теперь количество желающих выходить наружу без разрешения или оружия значительно уменьшилось. По крайней мере, никто не вылез через вспомогательные двигатели, ослушавшись приказа Мак-Нолти.

В иллюминатор была видна любая растительность, какую только можно себе представить. Однако растения объединяла одна общая черта: каждое из них держалось особняком. Высокое или низкое, узкое или широкое, каждое занимало свою собственную территорию — и вокруг него обязательно было свободное пространство. Здесь вы могли бы свободно гулять часами и ни разу не споткнуться — впрочем, кто знает, какие опасности поджидали зазевавшегося туриста?

Самым распространенным цветом здесь был зеленый, но с примесью желтого и коричневого. Хлорофилловые реакции наблюдались во всех уголках космоса, где солнечная радиация делала их возможными. Там, где солнечные лучи падали на землю, они казались золотыми. Солнце этого мира по многим параметрам напоминало наше солнце, но было жарче, поскольку планета кружила по более близкой к нему орбите.

Изучая этот новый мир, я ощутил смутную тревогу. Этот благородный принцип — живи и давай жить другим — почему-то наводил на мысль об искусственности. Однако я не видел, чтобы внизу присутствовал какой-то порядок, даже ровных рядов не наблюдалось. Тем не менее сложилось впечатление, что эту растительность культивировали существа, имеющие с нами очень мало общего. Возможно, местный агроном слонялся без всякой цели, вслепую разбрасывая семена, но при этом заботился о том, чтобы разные виды росли отдельно. Так человек сажает дуб в двадцати футах от капусты.

Подошедший Бреннанд заметил:

— Иной раз кажется, что существует закон, управляющий чужими мирами: они выглядят совершенно невинными, а сами готовы в любой момент укусить.

— Ты полагаешь, этот мир готовит какую-то пакость?

— Есть такое предчувствие. Не верю, что мы попали в райские сады.

— Насчет сада ты метко заметил.

— Что ты хочешь сказать? — с любопытством спросил Бреннанд.

Я показал на иллюминатор:

— Где тут борьба за жизненное пространство?

Он выглянул наружу:

— Ну, все просто. Земля недостаточно плодородна, поэтому растительность такая редкая.

— Ты так считаешь? — спросил я, показывая на мохнатые растения, похожие на кактусы, величиной с половину «Марафона».

— Все здесь растет случайным образом,— уклонился он от ответа.— Не станешь же ты сажать морковку рядом с крыжовником.

— Но другие могут.

— Зачем?

— Проклятье! — пробормотал я.— Спроси что-нибудь полегче. Спроси, зачем я здесь, когда мог бы остаться дома, в тепле и уюте.

— Зачем спрашивать, и так ясно,— воодушевился он.— На «Марафоне» нет утренней почты.

— И что с того?

— А с почтой приносят счета, письма угрожающего содержания...

— Ха! — Я внимательно посмотрел на Бреннанда.— Судишь о других по себе? Вот скажи, почему ты драпанул с Земли, как будто за тобой черти гнались? Небось, натворил чего-нибудь?

— Мы говорим не обо мне,— напомнил Бреннанд.— Мы обсуждаем тебя и твои мотивы. А со мной все предельно просто — я люблю большие деньги. Такие путешествия очень неплохо оплачиваются.

У меня имелся отличный ответ, но я так и не успел его озвучить. Появились два инженера — Амброуз и Макферлайн — и потребовали, чтобы я выдал им все необходимое для выхода.

— А где другие? — осведомился я, доставая лучевые пистолеты, аптечки первой помощи, пищевые концентраты и тому подобное.

— А других не будет.

— Хочешь сказать, что Мак-Нолти решил отправить на разведку всего двоих?

— Точно. Двое вполне могут управлять шлюпкой.

— С каждым новым рейсом старик все осторожнее,— прокомментировал Бреннанд.

— Хотите взять скафандры?

— Нет.— Амброуз кивнул на иллюминатор.— Скафандр весит тринадцать фунтов, и в нем пахнет старым козлом.

— Так вот что за аромат я ощущал все это время.— Я презрительно ткнул большим пальцем в сторону Бреннанда.— Думал, это от него.

— Правильно было бы сказать, что это *пахнет* от него,— ухмыльнулся Бреннанд.— Как у тебя с грамматикой?

Макферлайн, худой, жилистый и рыжий, засунул за пояс лучевой пистолет, размял руки и обратился к нам с предложением:

— На случай, если не вернусь: хочет кто-нибудь поцеловать меня на прощание? — Потом он скорчил рожу: — Ну-ну, пошутил...— И вышел из оружейной.

Через пару минут шлюпка стартовала и вскоре исчезла на западе. Еще довольно долго мы слышали шум ее двигателей.

Я зашел к Стиву Грегори, который сидел в своей рубке и задумчиво ковырял в носу.

— Что новенького, Стив?

Он бросил мрачный взгляд на панели приборов и проворчал:

— Шипит и щелкает, больше ничего.— Он ткнул пальцем в толстую книгу, лежащую на столе.— Если верить этому радиокорану, показания приборов полностью соответствуют характеристикам солнца, которое носит название Зем двадцать семь. Именно оно озаряет этот мир своими лучами.

— И ничего другого?

— Абсолютный ноль.— Наклонившись вперед, он включил связь со шлюпкой.— Говорите, шлюпка, мы хотим узнать, как у вас дела.

Скрипучий голос — мне так и не удалось понять, кому он принадлежал, Амброузу или Макферлайну,— ответил:

— Мы удалились на сорок четыре мили, летим на высоте восемь тысяч.

— Что-нибудь видите?

— Ничего интересного.

— Хорошо. Конец связи.— Стив откинулся на спинку кресла.— Эх, была ведь надежда, что наша предыдущая экспедиция станет для меня последней. Я совсем уж собрался уволиться и провести много долгих спокойных вечеров у камина.

— У меня были такие же намерения,— признался я.— Может, на мне проклятие лежит? Зря я так поступил с гуппи.

— Что еще за гуппи? — Его брови поползли вверх.

— Не имеет значения. Когда-то я совершил поступок, который черным пятном лег на совесть.

— А кто может похвастаться чистой совестью? — отозвался Стив.— В старые добрые времена на Венере я продал свою метрику за...

Что-то щелкнуло в одном из его приборов. Он поспешил нажать на кнопку.

Послышался довольно громкий голос:

— Говорит шлюпка. Семьдесят миль к западу, высота четыре тысячи. Кружим над большим озером. Такое впечатление, что на берегу лагерь.

— Подождите-ка.— Стив повозился с переключателями, а потом заговорил в микрофон: — Капитан, Амброуз на связи. Он полагает, что нашел представителей местной жизни.

— Свяжи его со мной,— приказал Мак-Нолти.

Стив повиновался. Мы услышали весь разговор.

— Что там у тебя, Амброуз?

— Лагерь на берегу озера.

— Ага! И кто в лагере?

— Никого там нет,— ответил Амброуз.

— Никого? Ты хочешь сказать, что он брошен?

— Не стал бы утверждать, но с высоты это выглядит именно так. Мы насчитали около сотни небольших хижин пирамидальной формы. Они расположены по концентрическим окружностям. Но между ними ничего не движется.— Он сделал паузу, потом спросил: — Капитан, вы не возражаете, если мы сядем и осмотрим лагерь?

Мак-Нолти это не понравилось. Он долго молчал, наверняка пытался найти способ изучить лагерь, не приближаясь к нему. Наш шкипер из тех редких храбрецов, которые готовы рисковать только в том случае, когда не имеют ни единого шанса на проигрыш. Наконец мы услышали его негромкий голос, словно Мак-Нолти обращался к кому-то другому:

— Они хотят высадиться. Что ты об этом думаешь?

— Кто не рискует, тот не выигрывает,— послышался низкий голос Эла Стоу.

— Да, наверное, ты прав, но...— Снова наступила пауза, затем голос Мак-Нолти зазвучал громче: — Послушай, Амброуз, там найдется местечко для «Марафона»?

— Только если вы готовы сжечь десять акров кустарника или раздавить половину хижин.

— Хм... Вот что я тебе скажу: пролети-ка над лагерем пару раз. Они обязательно выскочат из домов.

Амброуз вздохнул:

— Хорошо, капитан, сделаем — но я не думаю, что там кто-нибудь есть.— Долгое молчание, затем вновь голос Амброуза: — Никакого результата.

— Не показываются?

— Да. Мы едва не задели верхушки нескольких хижин и подняли тучи пыли. Здесь никого нет.

— Ладно. Садитесь, но соблюдайте осторожность.— Голос шкипера вновь стал едва различим.— Знаешь, Эл, в следующем рейсе командовать будет другой капитан...

Стив отключил звук и сказал:

— У него такие же проблемы, как у нас с тобой. Он тоскует по «Маргаритке» и регулярным рейсам на Венеру. Там все было таким спокойным и знакомым.

— Кто-то должен быть героем,— заметил я.

— Да, конечно. Но славу нужно делить с другими. Иногда ее бывает слишком много.

Он нахмурился, глядя на свои приборы, и мы вновь услышали голос Амброуза, на который накладывался какой-то шум:

— Осторожнее, Мак. Видишь тот ряд справа по борту? Да, все в порядке. А теперь тормози! Вот и все!

Шум стих. Затем последовал разговор, но инженеры находились слишком далеко от микрофона, и мы не могли ничего разобрать до тех пор, пока Амброуз и Макферлайн не начали кричать друг на друга. Похоже, они спорили, кому выходить наружу, а кому оставаться в шлюпке. Слегка покрасневший Стив не сразу заставил спорщиков умолкнуть.

— Вы, кретины! — орал он, позабыв о правилах вежливости.— Выдерите друг у друга по волосу. Тот, у кого окажется более длинный, выйдет наружу, а второй останется.

Наступило долгое молчание, закончившееся лязгом открывающегося люка.

Через некоторое время Стив нетерпеливо спросил:

— Ну, и кто оказался счастливчиком?

— Макферлайн,— угрюмо сообщил Амброуз.

Он отошел от микрофона, но связь выключать не стал. Некоторое время мы слышали его нетерпеливые шаги. Вероятно, он ходил от иллюминатора к иллюминатору и с завистью наблюдал за прогуливающимся Макферлайном.

Потом Амброуз пробормотал что-то неразборчивое, но явно сердитое. Шаги стали затихать. Люк вновь открылся, и мы услышали далекий голос Амброуза:

— Ну, что тебе нужно, хвастун?

Ответа мы не расслышали. Потом раздался глухой удар, словно кто-то спрыгнул из люка в густую траву. И наступила тишина. Минуты сменяли друг друга, каждая словно столетие.

У Стива задергались веки. Затем пришли в движение брови. Когда начали шевелиться уши, у меня лопнуло терпение.

— Давай не будем так нервничать. Лучше попробуем поговорить с Амброузом.

Бросив на меня злой взгляд, Стив принялся нажимать на кнопку вызова. Амброуз не отвечал. Как и Макферлайн. В шлюпке царила мертвая тишина, но фоновый шум говорил о том, что канал связи по-прежнему включен.

Стив хрипло кричал в микрофон:

— Шлюпка! Вы меня слышите? Это «Марафон». Отвечайте, шлюпка!

Тишина.

— Амброуз! — заорал Стив во весь голос.— Амброуз! Ты где?

Никакого ответа.

— Может, он решил кое-куда сходить,— с сомнением предположил я.

— Интересно, куда? — прикинулся дурачком Стив.

— Ну, усы причесать... Мы ведь часто говорим: отойду кое-куда. Знаешь, есть такая маленькая комнатка?

— Сейчас не время,— бросил Стив.

— Почему? Он не обязан сидеть возле передатчика все время.

— Он на разведке! — отрезал Стив. Он немного пожонглировал бровями, а потом добавил: — Ладно, даю ему десять минут.

Когда десять минут прошли, Стив сделал все от него зависящее, чтобы привлечь внимание Амброуза.

Шлюпка не отвечала.

Естественно, нам пришлось доложить Мак-Нолти. Он кипел и брызгал слюной, а потом решил обсудить проблему с Элом. Они пришли к выводу, что пока рано считать происшедшее несчастьем. Скорее всего, любопытство Амброуза перевесило осторожность, и он отправился посмотреть на находку своего напарника. Или спустился помочь Макферлайну дотащить до шлюпки что-нибудь тяжелое. Однако он должен был предупредить Стива. Амброуз был обязан сообщить о своих намерениях и о причине выхода из шлюпки. По возвращении он получит хорошую головомойку.

Мы сидели и слушали. Было решено подождать еще час и только после этого поднимать тревогу. Я покинул Стива и зашел на камбуз перекусить. Молодой Уилсон уже сидел там и поглощал кофе.

— Как дела на шлюпке? — поинтересовался он.

— Тайна, покрытая мраком.— Я налил себе чашку черного кофе и положил в тарелку какой-то дряни.

— А нельзя ли поподробнее?

— Парни сели возле какого-то поселения и замолчали. Стив ничего не может от них добиться.

— Поселение? И какие же существа там обитают?

— Никакие. Там никого нет. Поэтому Амброуз и Макферлайн вышли наружу — и поселение опустело окончательно.

— Они пропали?

— Я бы так не сказал.

— Но тебя это не слишком удивило бы.— Он бросил на меня хитрый взгляд.

— Да, именно так.

— Все начинается сначала. И что решил Мак-Нолти?

— Пока ничего.

— Ничего! Двоих парней могут зажарить и съесть, пока мы тут отдыхаем.

Я доел то, что лежало в моей тарелке, и допил кофе.

— До встречи в духовке у туземцев.

Большую часть следующего часа я провел в оружейной. Но никак не удавалось сосредоточиться на работе, поскольку не терпелось узнать новости. Я вернулся в рубку к Стиву.

— Какие...

— Ш-ш-ш! — Он поднес палец к губам.— До сих пор ни звука, но там что-то происходит.

Он усилил громкость. Послышался знакомый лязг открывающегося и закрывающегося люка. Затем шаркающие шаги. Стив нажал на кнопку вызова. Мы услышали, как на далекой шлюпке зазвенел звонок.

В ответ тут же раздался какой-то странный шум. Кто-то зашипел или сплюнул. И у меня появилось жутковатое впечатление: звонок напугал незнакомца. Шаги больше не повторились. Никто не поспешил ответить, как мы рассчитывали. Только плевок — и тишина.

Стив нахмурился и вновь нажал на кнопку вызова. Никакого ответа. Однако мы оба не сомневались, что на шлюпке кто-то есть. Стив быстро вдавил кнопку несколько раз подряд, что не могло не вызвать раздражения у Амброуза и Макферлайна. С тем же успехом он мог класть друг на друга три лимона.

— Черт возьми, что у них стряслось? — сердито спросил он.

— А ты гаркни как следует,— предложил я.— Там довольно мощные динамики, слышно от носа до кормы.

Схватив микрофон, Стив взревел:

— Эй!

В ответ раздался такой свист, какой издает локомотив, когда спускает пар; вслед за ним послышались удаляющиеся шаги, хлопнула дверца люка. После чего наступила тишина. Тот или те, что находились в шлюпке, спешно ее покинули.

Стив, вытаращив глаза, повернулся ко мне.

— И что ты по этому поводу скажешь? — спросил он.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже,— пробормотал он, растерянно глядя на микрофон.— Думаешь, они так себя ведут, поскольку боятся получить приказ возвращаться?

— Вполне возможно,— не стал спорить я.— Нельзя исключать ни одного варианта, который способен придумать человеческий разум. Существует один шанс из миллиона, что они наткнулись на космический бар, где пара пышных брюнеток подает чудесные коктейли. Но я не слишком в такое верю. Меня беспокоит то, что мы слышали по радио.

— Согласен с тобой. Я доложу Мак-Нолти.— Переключившись на капитанский мостик, Стив сказал шкиперу: — Только что кто-то входил в шлюпку, но не пожелал ответить на мой вызов.

— Ты уверен?

— Да, капитан. Уверен так же стопроцентно, как и в том, что на моем лице есть нос. Кто-то был в шлюпке.

— Ты меня убедил,— заявил Мак-Нолти.— Как думаешь, это были Амброуз или Макферлайн?

После некоторых колебаний Стив ответил:

— Если это были они, то, значит, оба не желают иметь с нами дела. Они не ответили на мой вызов. А когда я закричал «Эй!», они убежали прочь.

— Худые новости,— решил Мак-Нолти.— Нам не следует терять времени...— Он замолчал, а динамик вдруг пронзительно вскрикнул: — Эй!

И после паузы Мак-Нолти добавил:

— Что *это* было?

— Это шлюпка.— Размахивая ушами так, что поднялся легкий ветерок, Стив принялся нажимать на кнопки и щелкать тумблерами.— Я переключаю ее на вас.

— Послушай, Амброуз,— важно начал Мак-Нолти,— что за игры?

— Послушай Амброуз,— глумливо и высокопарно (если такое сочетание возможно) заговорила шлюпка,— что за игры?

— Говорит капитан Мак-Нолти! — взревел наш достойный шкипер, у которого тут же повысилось кровяное давление.

— Говорит капитан Мак-Нолти,— визгливо передразнила шлюпка.

Мы слушали тяжелое дыхание капитана, затем он негромко, но с угрозой спросил:

— Стив, это ты со мной шутишь?

— Нет, сэр,— ответил Стив, потрясенный до глубины души.

Мак-Нолти вновь взревел:

— Амброуз, я приказываю немедленно вернуться, и ты это сделаешь, если не хочешь серьезных неприятностей!

Наступила долгая пауза, во время которой шлюпка пронзительным и насмешливым голосом повторила последнюю фразу капитана. После чего в разговор вступил другой голос.

— Кто это? — спокойно спросил Эл Стоу.

— Кто это? — осведомилась в ответ шлюпка.

— Йамишь вэнк вузинек,— произнес Эл бессмысленный набор звуков.

— Йамишь вэнк вузинек,— эхом отозвалась шлюпка, словно ей было все равно, на каком языке говорить.

— Стив, отключай связь. Мы пошлем катер, чтобы выяснить, что там происходит.

Стив отключил связь и сказал мне:

— Наверное, Амброуз купил себе попугая.

— Или перерезал горло.— Я провел пальцем по своей глотке и захрипел.

Стиву моя шутка не понравилась.

На катере полетело девять землян. Пара марсиан согласилась оторваться от шахматной доски, но пока у нас не было оснований полагать, что понадобится их помощь, к тому же они занимали очень много места. Эл Стоу также не полетел, о чем следовало пожалеть, учитывая необычность обстоятельств. Мы еще не понимали, как он мог нам пригодиться.

В кресле пилота сидел Баннистер. Катер сразу поднялся на высоту десять тысяч футов. В этом мире облачность была довольно слабой, поэтому видимость оставалась великолепной. Под нами расстилался обычный ландшафт: леса, простиравшиеся на несколько миль, реки и ручьи; вдалеке высились горы. И нигде мне не удалось заметить признаков разумной жизни.

Сидевший рядом со мной молодой Уилсон не выпускал из рук фотоаппарата, снабженного множеством приспособлений, а на объективе красовался зеленый фильтр. Он посматривал в объектив, затем переводил взгляд на солнце и нетерпеливо облизывал губы. Впереди, около Баннистера, устроился мрачный тип по имени Вейч, который поддерживал непрерывную связь со Стивом.

Вскоре катер начал снижаться и сделал плавный поворот направо. Баннистер наклонился вперед, пытаясь найти подходящее место для посадки. Мы увидели пятнышко реки и концентрические круги из хижин. Рядом стояла шлюпка. Продолжая разворачиваться, мы снизились еще больше и сразу поняли, что не сможем приземлиться, не повредив что-нибудь,— шлюпка занимала все свободное место.

Нам ничего не оставалось, как сделать второй заход. Мы снизились, вернулись и вновь пролетели над поселением на высоте, не превышающей пятисот футов, и увидели слонявшихся возле шлюпки Амброуза и Макферлайна, которые смотрели на нас.

Я глазам своим не верил: неужели можно быть такими легкомысленными! Мы промчались над ними за две секунды, но Уилсон успел несколько раз их заснять через иллюминатор.

Поскольку Уилсон занимал большую часть места возле иллюминатора, я не слишком хорошо разглядел инженеров, но сложилось впечатление, что они совершенно не пострадали и чувствуют себя прекрасно. И еще мне показалось, что Амброуз держит в руках нечто вроде корзины с фруктами, что меня ужасно разозлило. Наверное, они прогуливались по окрестностям и набивали себе брюхо, пока на «Марафоне» тревожились из-за них и даже послали на выручку катер. Но они заплатят за свою наглость — Мак-Нолти сдерет с них шкуру.

Мы еще раз развернулись и пролетели над шлюпкой. Баннистер делал угрожающие жесты, но Макферлайн весело помахал ему рукой, словно приветствовал доброго приятеля по воскресной школе. Уилсон вновь его сфотографировал.

Между тем Вейч продолжал бубнить в микрофон:

— С ними все в порядке. Должно быть, на шлюпке что-то случилось с передатчиком.

Уж не знаю, что «Марафон» на это ответил, но Вейч сказал напоследок:

— Хорошо. Мы сбросим им записку и вернемся назад.

Он быстро написал на листе бумаги несколько строк, засунул его в специальный контейнер и, когда мы пролетали над шлюпкой в последний раз, сбросил. Я увидел, как лента затрепетала в воздухе, контейнер упал в двадцати ярдах от нахальных бездельников. Через несколько минут поселение скрылось из виду.

Я направлялся в оружейную, когда меня подозвал Стив. Он смотрел на меня так, словно пытался определить, пьян я или трезв.

— Ты уверен, что с этими двумя бродягами все в порядке?

— Да, я видел их собственными глазами. А в чем дело?

— Ну... ну...— Он сглотнул, бросил тоскливый взгляд на свою рацию и повернулся ко мне.— Передатчик может выйти из строя. Не существует такой аппаратуры, которая всегда будет исправна.

— Ну и что?

— Но я никогда не слышал, чтобы испорченный передатчик повторял одно и то же слово в слово.

— Ну, а теперь услышал! — сказал я.— Все когда-нибудь случается в первый раз.

— Но это противоречит логике,— не сдавался Стив.

— Как и моя тетя Марта. У нее десять пальцев на ногах.

— У всех десять пальцев на ногах,— угрюмо ответил он.

— Да, но у нее два на левой и восемь на правой.

Он нахмурился:

— Меня не интересуют уродцы. Им место в цирке. Я утверждаю, что не может быть такой неисправности, которая приводит к возникновению эха.

— Но как тогда объяснить произошедшее?

— Никак.— Он тяжело вздохнул.— В этом все и дело. Я слышал то, что слышал, с моими ушами все в порядке, и радио здесь ни при чем. Кто-то с нами шутит дурные шутки, но мне не смешно.

— Амброуз не станет так глупо себя вести,— заметил я.

— Да и Макферлайн не похож на малолетнего придурка.

— Не похож,— согласился я.

— И кто же тогда?

— Заткнись, я не верю в полтергейст.

Я отправился в оружейную, чувствуя растущее беспокойство, но стараясь делать вид, что все в порядке. Стив знает свое дело. Он мастер по связи. И Стив уверен, что рация не может выкинуть такой фокус.

Значит, кто-то другой дразнил Мак-Нолти. Не Амброуз и не Макферлайн. Но больше там никого нет! И все же мы слышали эти слова своими ушами.

Чем больше я размышлял о случившемся, тем более необъяснимым оно казалось. Впрочем, чего еще ждать, когда прилетаешь на незнакомую планету?

Успокоенный нашим отчетом, Мак-Нолти разрешил, чтобы немного размять ноги, выйти наружу отряду числом не более дюжины и со строгим приказом держать лучевые пистолеты наготове и далеко не отходить от корабля. Увы, ваш покорный слуга не вошел в число счастливцев.

Они пришли ко мне за оружием. Среди них был Джепсон, сильно пострадавший в предыдущем рейсе.

— Ну и в какую историю ты намерен попасть на сей раз? — осведомился я.

— Не собираюсь никуда попадать,— заверил меня Джепсон.

Молдерс, высокий швед, взял лучемет и заметил:

— Я постараюсь держаться от тебя подальше. Мы достаточно долго пробыли вместе, когда приклеились друг к другу.

Они ушли. Солнце уже клонилось к закату, так что на прогулку осталось совсем немного времени.

Когда тени заметно удлинились, Мак-Нолти вновь заволновался. Шестеро вернулись обратно по собственному желанию, не найдя снаружи ничего интересного. Взвыла корабельная сире-

на, призывая остальных. Я заметил, что расчет артиллерийской установки проверяет свое многоствольное оружие. Начиналось что-то серьезное. Наверняка Стив должен знать, что происходит. Я решил его навестить.

— Ну, что случилось? — спросил я.

— Катер сбросил записку Амброузу и Макферлайну, не так ли?

— Верно. Я видел, как контейнер упал рядом с ними.

— Так вот: они не отреагировали.— Он ткнул пальцем в сторону иллюминатора — становилось темно.— Солнце уже садится, а они не возвращаются. И не отвечают на мои вызовы. Меня уже тошнит от звона. Я кричал в микрофон, пока не охрип. Генератор на шлюпке работает, канал связи открыт, но Амброуз и Макферлайн с тем же успехом могли бы находиться в другой части космоса.

— Ничего не понимаю.— Я был в искреннем недоумении.— Сам их видел, они прогуливались возле шлюпки. Ничего плохого с ними не произошло. Да и шлюпка не пострадала.

— Мне все равно,— упрямо повторил он.— Здесь что-то не так, я уверен.

Мне было нечего добавить, я пошел в свою каюту, там улегся на койку и раскрыл книжку, но никак не мог сосредоточиться на чтении. Подозрение, что кто-то сыграл с нами злую шутку, не проходило, а только усиливалось. И чем больше я размышлял, тем загадочнее выглядело то, что произошло со шлюпкой.

Спустилась ночь. Лишь звезды давали немного тусклого света. Я все еще ломал голову над задачкой, когда в дверь постучали и вошел Уилсон.

Выражение его лица заставило меня сесть. Он выглядел так, словно только что поздоровался за руку с призраком.

— Что с тобой? — спросил я.— Расстройство желудка? Если так, то тебе нужно совсем в другое место.

— Не знаю, что у меня получилось.— Он присел на край стола, попытался собраться с мыслями, но ничего не вышло.— Я иду к Мак-Нолти. Но сначала хочу показать их тебе, чтобы ты меня успокоил — вдруг я спятил?

— О чем ты?

— Вот о чем.— Он бросил мне на колени три фотографии.

Я рассеянно посмотрел и отметил, что они сделаны во время полета на катере. Если учесть, что условия для съемок были не самыми лучшими, у Уилсона получилось вполне прилично — четко, контрастно, словно он фотографировал в студии.

— Хорошая работа,— похвалил я Уилсона.— Ты умеешь обращаться с камерой.

Он пораженно посмотрел на меня, а потом сказал:

— А ты не хочешь посмотреть повнимательней? Если помнишь, я фотографировал Амброуза с Макферлайном. Больше никого.

Я послушно поднес фотографии к глазам. После чего вскочил с койки и включил весь свет в своей каюте, чтобы убедиться. Колени вдруг обмякли. Длинная холодная сосулька растаяла у меня на спине.

На фотографии не было Амброуза.

И не было Макферлайна.

На их месте возле шлюпки торчали два отвратительных предмета, напоминающих массу спутанных черных жирных веревок.

— Ну? — спросил Уилсон, не сводивший с меня глаз.

Я вернул фотографии.

— Советую тебе немедленно отнести их в нос. А я приготовлю лучевые пистолеты и все остальное — нам они наверняка потребуются!

Через десять минут раздался общий сигнал тревоги. Я уже успел подготовиться и прибежал первым. Мы собрались в каюткомпании, полные дурных предчувствий. Вошел Мак-Нолти, за которым, сверкая глазами, следовал огромный Эл Стоу.

— Мы вступили в контакт с высшей формой жизни на этой планете несколько часов назад, но сами того не поняли,— с горечью начал Мак-Нолти.— Туземцы настроены враждебно и застигли нас врасплох. Четверо наших людей исчезли.

— Четверо? — невольно переспросил я.

Мак-Нолти посмотрел на меня, а потом вновь обратился ко всем собравшимся:

— Я дал разрешение выйти наружу двенадцати членам команды. Вернулись только десять человек. Джепсон и Пейнтер не отреагировали на сирену. Амброуз с Макферлайном не подчинились приказу вернуться. Мне ничего не остается, как считать их пропавшими без вести.— Он помрачнел.— Мы не должны больше нести потери!

Собравшиеся беспокойно перешептывались. Кли Янг наклонился и тихо сказал мне и Бреннанду:

— Он считает потерянные фигуры, но не просчитывает свои ходы. Как можно выиграть партию, не завладев инициативой...

Ему пришлось замолчать, поскольку Мак-Нолти продолжал:

— Неизвестно, что за враг нам противостоит. Но мы знаем, что он обладает гипнотическими способностями, которые нам следует принимать во внимание. Вне всякого сомнения, он использовал гипноз, чтобы выманить Амброуза из шлюпки, убедив, что его вызывает Макферлайн.

Бреннанд, который был не в курсе последних событий, спросил:

— А что вы подразумеваете под гипнотическими способностями, капитан?

— Например, мы видим то, что хотим видеть. Мы столкнулись с мощным оружием, которое воздействует на психику, и теперь необходимо соблюдать крайнюю осторожность!

— А оружие врага действует на Эла? — осведомился Бреннанд.— Может оно ввести его в заблуждение?

Хороший вопрос. Светящиеся глаза функционировали не так, как наши. Оптические нервы состояли из тончайших серебряных нитей, а мозг Эла Стоу был уникальной электронной машиной. Фотоаппарат Уилсона туземцы обмануть не сумели, и я решил, что Эла им также не удастся обвести вокруг пальца.

Однако Эл улыбнулся и сказал:

— Мне еще только предстоит пройти проверку.

— Это также не подействует на марсиан,— заявил Кли Янг, воинственно размахивая щупальцами. Его глаза смотрели в противоположные стороны, и мне стало не по себе.— Нет сомнения в том, что наше зрение превосходит зрение землян.

— Чушь! — прервал его Бреннанд.

— Глаза тут ни при чем, ведь туземцы воздействуют на мозг,— добавил Эл Стоу.

— Это будет не так просто,— заявил Кли Янг.— Всем известно, что разум марсиан...

Взмахом руки Мак-Нолти заставил его замолчать.

— Сейчас не время сравнивать достоинства разных форм жизни. Мы должны выяснить, какова судьба наших товарищей, и попытаться их освободить, если они еще живы. «Марафон» будет здесь, а отряд под командованием Эла Стоу отправится на поиски Джепсона и Пейнтера. Одновременно десять человек и один марсианин полетят на катере к шлюпке и совершат посадку неподалеку, даже если им придется сжечь несколько хижин. Они попытаются разыскать Амброуза и Макферлайна. Мне нужны добровольцы. Десять мужчин и один марсианин с трудом разместятся на катере. Однако полет будет совсем недолгим, к тому же нет способа добраться туда иначе. И чем больше будет поисковая партия, тем лучше.

Марсианина включили в состав отряда, несмотря на его большой вес, поскольку Мак-Нолти надеялся, что в словах Кли Янга есть доля истины — кто знает, куда на самом деле смотрит марсианин? Эл Стоу возглавил другой отряд по той же причине: командир, которого невозможно загипнотизировать, лучший из всех возможных вариантов.

Я вызвался лететь на катере. А также Баннистер, Бреннанд, Кли Янг, Уилсон, Келли и несколько других. Велев оставшейся части команды разойтись по местам, Мак-Нолти обратился к добровольцам.

— Шесть человек и марсианин отправятся на поиски,— приказал капитан.— Вам следует держаться вместе, вы постоянно должны видеть друг друга. Четверо не должны покидать катер ни при каких обстоятельствах.— Он строго посмотрел на нас и добавил: — Я хочу, чтобы вы правильно меня поняли. Четверо из вас не оставят катер, даже если ушедшие на поиски вернутся и будут на коленях просить вас выйти. Не забывайте, это могут быть чужаки, загипнотизировавшие ваших товарищей!

— А если они не станут просить? — спросил Келли, кожу которого покрывала татуировка.

В правой руке он сжимал неизменный гаечный ключ.

Мак-Нолти некоторое время смотрел на ключ, а потом ледяным тоном ответил:

— Ты вполне можешь оставить свой замечательный инструмент на «Марафоне». Полагаю, лучевой пистолет намного эффективнее.— Мак-Нолти презрительно фыркнул и продолжал: — Если они не попросят вас выйти, то не возникнет никаких проблем.

— И тогда мы их впустим? — со значением произнес Келли.

Ха! На нашего шкипера стоило посмотреть. Он открыл рот, потом его челюсти клацнули; он порозовел, а затем побагровел. Повернувшись к Элу Стоу, он начал делать какие-то непонятные движения руками.

— Он задал интересный вопрос, Эл. Если поисковый отряд надолго скроется из виду, как оставшиеся на катере узнают, что его можно впустить внутрь?

Эл ненадолго задумался.

— Самое простое — отдельный пароль для каждого. Того, кто не сможет его сказать, следует немедленно сжечь из лучевого пистолета. Конечно, может погибнуть тот, кто страдает забывчивостью, но мы не имеем права рисковать.

Шкиперу, как и нам, не слишком понравилась идея Эла. Всем хотелось придумать что-нибудь более надежное, чем пароль. Если туземцы могут заставить нас воспринимать ложные визуальные образы, то нельзя исключить, что они сымитируют нужные звуки или уверят нас в том, что мы слышим пароль. У меня возникло неприятное подозрение, что они способны убедить нас составить завещание в их пользу. Однако никто не придумал ничего лучше. Идеальным решением был бы анализ крови, но

как его сделать, если за твоими товарищами гонится вражеская армия? Люди могут умереть страшной смертью, пока мы будем проверять, кто они на самом деле!

Предоставив Мак-Нолти разбираться со вторым отрядом поисковиков, мы постарались снять все лишнее с катера, захватив с собой лишь то, что могло понадобиться. Катер был в три раза больше шлюпки и предназначался для перевозки крупногабаритных грузов. На борту всегда находились тонна продовольствия, запас воды на пару месяцев, баллоны с кислородом, скафандры, космический компас, мощный радиопередатчик и тому подобное. Вытащив все это наружу, мы взяли на борт артиллерийскую установку, ящик с бомбами и еще несколько «подарков» для местных жителей.

Когда я брел по коридору, сгибаясь под тяжестью запасных лент для артиллерийской установки, то заметил одного из механиков, который открывал люк. Другой стоял, опираясь спиной о стену, и ковырял в зубах. Оба напомнили мне портовых грузчиков, равнодушно наблюдающих за погрузкой мешков с венерианскими болотными бобами.

Обычно я не сую нос в чужие дела — только так и удается жить в мире с другими людьми, когда мы все надолго заперты в жестянке, где можно ненароком наступить на горло соседу. Наверное, последние события сделали меня излишне раздражительным — я так резко застыл на месте, что снарядные ленты звякнули.

— Кто приказал открыть люк?

— Никто,— равнодушно сообщил любитель зубочисток.— Пейнтер вернулся и хочет войти.

— А откуда ты знаешь, что это он?

— Мы видели его в иллюминатор.— И механик очень выразительно посмотрел на меня — мол, тебе здесь нечего делать.— Он постучался. Возможно, что-то случилось с Джепсоном и ему требуется помощь.

— Возможно,— ответил я, сбрасывая на пол ленты и доставая лучевой пистолет.— А возможно и нет!

Механик смотрел на меня так, словно я лишился рассудка. Между тем люк распахнулся, открыв черноту ночи. Пейнтер ворвался в проем, словно за ним гналась тысяча дьяволов, и решительно двинулся вперед по шлюзовой камере.

— Стой, где стоишь! — громко приказал я.

Он не обратил на мои слова ни малейшего внимания. А ведь Пейнтер знал меня достаточно хорошо, чтобы спросить: «Сер-

жант, какая муха тебя укусила?» И если бы он так поступил, это сошло бы ему с рук. Но он не сказал ни слова.

Долю секунды я наблюдал за ним, не в силах поверить своим глазам — ведь это был Пейнтер, от сапог до лысины. Он был так похож на Пейнтера, что мне стало страшно, я же мог совершить хладнокровное убийство.

Однако я выстрелил. Луч ударил ему прямо в живот, прежде чем он успел сделать еще шаг.

И тут волосы у меня встали дыбом, а оба механика схватились за головы. Что-то щелкнуло у меня перед глазами, и Пейнтер исчез, словно режиссер вырезал ножницами неудачный эпизод в фильме. А на его месте возникла корчащаяся масса черных веревок, пытающихся завязаться в миллион узлов. Кончики и петли вылезали из путаницы, дрожали и подергивались. Я не заметил глаз, носа, ушей или других узнаваемых органов; был лишь шар, состоящий из жирных витков; он корчился, словно дюжина питонов в предсмертных судорогах. Шар покатился обратно и выпал наружу, но я успел еще раз угостить его лучом.

— Быстро! — рявкнул я, чувствуя, как по спине бегут струйки пота.— Закрывайте люк!

Механики неловко выполнили мой приказ, двигаясь словно во сне. Один нажал на рычаг, дверь медленно стала закрываться. Я стоял до тех пор, пока они не завернули все болты. В шлюзовой камере остался запах — наверное, так пахнет жареный козел, с которого забыли содрать шкуру.

Я вскинул ленты на плечо как раз в тот момент, когда появился Эл Стоу. Он понюхал воздух, посмотрел на механиков, пытавшихся делать вид, что они здесь ни при чем, и сразу понял: произошло что-то серьезное.

— В чем дело? — резко спросил Эл.

— Пейнтер вернулся,— сообщил я.— Только это был не Пейнтер.

— И вы его впустили?

— Да. И это был Пейнтер, тут не могло быть никаких сомнений. Я знал его лучше, чем свою мать.

— И поэтому...

— Но он не мог или не хотел разговаривать. Не отвечал на мои вопросы.— По спине сбежала вторая струйка пота.— Я выстрелил ему в живот, и он тут же превратился в чудовище из кошмара.

— Хм-м! Какая жалость, что меня здесь не было — тогда бы удалось проверить, действует ли гипноз на меня.— Он немного подумал и продолжал: — Судя по всему, они не способны говорить. А это существенно упрощает нашу задачу.

— Когда мы летали на Венеру, было еще проще,— заметил я не без ностальгии.

Не обратив на мою реплику никакого внимания, Эл Стоу сказал:

— Теперь мы знаем, что они поймали Пейнтера и, возможно, Джепсона, в противном случае они бы не смогли создать такую правдоподобную копию.— Он повернулся к механикам.— И не вздумайте больше открывать дверь без разрешения шкипера. Это приказ!

Они хмуро кивнули. Эл пошел дальше, а я поспешил на катер. Через час он должен был стартовать. Мы взошли на борт, было очень тесно — во всяком случае, танцевать удалось бы только на головах. Кли Янг надел шлем, чтобы дышать разреженным воздухом, а его длинные гибкие конечности оказались на коленях у некоторых из нас. Одно из щупальцев, заканчивающееся присоской размером с блюдечко, устроилось у *меня* на коленях. И страшно захотелось плюнуть в блюдце — хотя бы для того, чтобы разозлить марсианина.

В кресло пилота вновь уселся Баннистер, и мы полетели в черноту ночи. Тем не менее наш пилот без труда удерживал курс на шлюпку. На носу располагался мощный прожектор, а также на борту хватало приборов для полетов вслепую. Но больше всего помогло то, что рация на шлюпке продолжала работать и мы пеленговали ее без труда.

Скоро мы подлетели к поселению, и в свете нашего прожектора шлюпка засияла, точно лежащий на боку серебряный цилиндр. Прожектор лишь скользнул по пирамидкам, но мне показалось, что несколько темных бесформенных обитателей перемещаются от одной хижины к другой. Впрочем, уверенности у меня не было.

Баннистер сбросил напалмовые бомбы, как только мы миновали поселение. Тут же по земле прочертилась огненная линия длиной четыреста—пятьсот ярдов. Мы пролетели дальше, давая возможность пожару разгореться, описали широкую дугу — даже пришлось пролететь над холмами — и вернулись к озеру. Наконец мы зависли над хижинами на высоте около пятидесяти футов, так что все вокруг задрожало, а потом совершили посадку на выжженном нашими бомбами участке.

Четверо остались стеречь катер и защищать его от чужаков, а также от тех из нас, кого подведет память. Другие затвердили пароли. Мой был — *нанифани*, это венерианское ругательство. Поскольку я был обычным космическим бродягой, а вовсе не интеллектуалом, то на любой планете прежде всего узнавал ругательства и помнил их дольше всех других слов. Вот только ни-

когда не думал, что такое вульгарное слово станет для меня жизненно необходимым.

Покончив с приготовлениями, мы проверили лучевые пистолеты; каждый из нас захватил по бомбе. Бреннанд открыл люк и вышел наружу. За ним последовали Молдерс, Келли, я, затем Кли Янг и Уилсон. Я помню, как смотрел на танцующую девушку, которая была вытатуирована на руке Келли, когда соскакивал на землю. Ему пришлось расстаться с гаечным ключом — в правой руке был зажат лучевой пистолет. На меня свалился Кли Янг, так что я едва не запутался в его щупальцах. Не без труда я высвободился, сделав несколько удачных замечаний насчет красной планеты, где так успешно разводят слабоумных осьминогов.

Мрак вокруг был просто адским. Мы с трудом различали скелетообразные очертания непострадавших деревьев и кустов, которые начинались за выжженной территорией. У нас были мощные фонари, но мы опасались их использовать — кто знает, каковы истинные возможности противника? Когда сталкиваешься с неведомым врагом, соблюдай осторожность, даже если приходится перемещаться ощупью, как слепцу.

Но мы знали, где находится поселение, оставалось лишь преодолеть выжженный участок земли. Мы продвигались вперед гуськом — туда, где, по логике, следовало искать Амброуза и Макферлайна. Или их тела.

Неприятности начались, как только кончилась выжженная земля. А до лагеря оставалось десятка два шагов. Перед нами лежала полоса деревьев и кустов, не тронутых пожаром. Дальше виднелись первые хижины. Мы вряд ли сообразили бы, что это хижины, если бы не знали, что они находятся именно там. Впрочем, наши глаза успели привыкнуть к темноте, и мы уже могли кое-что различать.

Бреннанд, который шел во главе нашего отряда, ступил под деревья. Шедший в двух шагах за ним Молдерс замер. Послышался странный звук — *занк!* — и Молдерс издал удивленное восклицание. Высокий швед постоял еще пару секунд, разыскивая глазами Бреннанда, который вроде как исчез. Потом Молдерс сделал шаг вперед, еще один, вглядываясь в темноту, и тут мы услышали тот же звук: *занк!*

Третьим шел Келли, который остановился и хрипло прошептал:

— Здесь что-то нехорошее происходит. Я зажгу фонарь.

Мы осторожно подошли к нему, Келли включил фонарик и направил его луч вперед. В круге света мы увидели лежащих

Бреннанда и Молдерса, они походили на детей, притомившихся и уснувших на травке. И не видать врага, лишившего их сознания, не видать следов чужой жизни, из темноты не доносятся таинственные звуки. Но тут Молдерс зашевелился, сел и с глупым выражением лица осторожно погладил макушку. Бреннанд дважды дернулся и что-то невнятно промычал.

Мигая от яркого света, Молдерс пожаловался:

— Мне дали по башке! — Он с трудом поднялся на ноги и огляделся, постепенно свирепея.— Похоже, это было дерево!

Без лишних слов он выхватил лучевой пистолет и принялся стрелять в пятифутовое дерево. Мне показалось, что он спятил. А еще через несколько мгновений я решил, что разум отказывает мне.

Только что перед нами стояло самое обычное дерево с длинными блестящими листьями; вне всякого сомнения, это было растение. Но как только луч Молдерса ударил в ствол, оно исчезло, словно сон. И на его месте возникли ужасные плетеные шары — ничего страшнее мне видеть не приходилось.

Рядом стояло такое же дерево. И хотя мое внимание было сосредоточено на чудовищных шарах, краем глаза я заметил, что дерево дрогнуло, словно собиралось что-то предпринять. Не помню, чтобы я когда-нибудь с такой быстротой выхватывал из кобуры лучевой пистолет. Никто и чихнуть не успел, а я уже открыл огонь. Спустя мгновение второе дерево превратилось в нагромождение жирных черных шаров.

Мы с Молдерсом продолжали стрелять. Невероятные сгустки чуждой жизни вызывали страх. Во-первых, они не издавали ни звука. Во-вторых, отсеченные и упавшие на землю фрагменты извивались, словно с ними ничего не произошло.

Мы рассекли деревья, наверное, на пару сотен кусочков, но они продолжали корчиться, точно части гигантского червя. Никто не вмешался в нашу схватку, соседние деревья застыли в неподвижности. Возможно, они были настоящими деревьями — кто знает.

Когда мы закончили стрельбу, Бреннанд поднялся на ноги и осторожно ощупал череп. Он огляделся по сторонам и желчно сказал Кли Янгу:

— Ты видел их.— Бреннанд указал на корчащихся червяков.— И как они выглядели?

— Должен с сожалением признать,— вздохнул Кли Янг,— что они были очень похожи на деревья.

— Ну, теперь мы все видим, какие преимущества дают глаза на шарнирах! — ядовито заметил Бреннанд. Он еще раз потрогал голову, словно хотел убедиться в том, что она осталась на

своем месте, и пнул шестидюймовый кусок извивающейся мерзости.— Вперед!

И мы побежали к хижинам. Очень скоро все вместе ввалились в одну из них. Сооружение оказалось неожиданно большим: одна комната, никаких перегородок. Стены и крыша были сделаны из тростника, сплетенного так плотно, что он служил надежной защитой от ветра и дождя. Вся постройка покоилась на фундаменте из мощных свай, напоминающих бамбук. Пол покрывали циновки из травы, украшенные сложным повторяющимся узором из завитков. Возле одной из стен стояли три круглых стола в фут высотой и диаметром четыре фута. Я называю их столами, но с тем же успехом они могли исполнять роль стульев или кроватей.

С перекрещенных потолочных балок свисала диковинная утварь. Некоторые предметы были из дерева, другие — из тусклого металла, по цвету напоминающего свинец. Большинство из них имели узкие изогнутые носики с тонкими отверстиями, которые можно было заткнуть обычной булавкой. Мне сразу пришли на ум существа, которые что-то сосут из этих носиков маленькими ртами, размером с пуговицу от рубашки.

Затем наше внимание привлек висящий на стене инструмент, на который упал луч фонаря Бреннанда. Он имел круговую шкалу с сорока двумя точками. Другой диск, с единственной точкой, был наложен на первый — он едва заметно перемещался, переходя от одной точки на большей шкале к другой. Очевидно, это были часы, хотя мы и не слышали тиканья или каких-то других звуков. Мы получили доказательство, что имеем дело не с дикарями, а с существами, достигшими определенного уровня развития.

У меня сложилось впечатление, что в этой хижине никто не живет. Между тем местные часы неумолимо отсчитывали единицы местного времени. Мы внимательно осмотрели все помещение, но больше ничего не нашли. В тот момент я мог бы поклясться самой страшной клятвой, что в хижине никого нет. Я почувствовал слабый неприятный запах, но не придал значения — возможно, так пахли обитатели хижины.

Хижина номер два ничем не отличались от первой. Она была пустой. Правда мебель в ней была расставлена иначе, и я насчитал пять круглых столов или кроватей. И два прибора со шкалами. Но владельцы отсутствовали. Мы оглядели помещение шестью парами глаз, не говоря уже о Кли Янге, как всегда глядевшем в разные стороны, и не обнаружили ни единого живого существа.

К тому моменту, когда мы заканчивали обход хижин, стоящих по внешнему кругу — я насчитал тридцать штук,— все были убеждены, что их обитатели сбежали, как только услышали рев двигателей катера, но оставили пару стражей, которые должны были узнать наши возможности. Ну, кое-что мы им показали.

Однако меня не покидало беспокойство — ведь мы разгуливали по чужому городу! Если аборигены умеют обрабатывать металлы и конструировать такие сложные инструменты, как часы, то почему бы им не создать какое-нибудь оружие, заметно превосходящее лук и стрелы?

Из чего следовало, что у нас могут быть большие неприятности.

Чего же они ждут? Почему не наносят удар?

А впрочем, если бы враг напал на одну из множества земных деревень, где ни у кого нет оружия, то результат был бы аналогичным. Когда требуются войска, их вызывают по телефону или по рации. Быть может, мы оказались в далекой провинции и жители просто убежали за помощью. В таком случае, нам еще предстоят самые разнообразные развлечения.

Тут я ошибался. На самом деле все это время нас водили за нос.

Выходя из тридцатой хижины, Бреннанд хмуро сказал:

— Мы попусту тратим время.

— Целиком и полностью с тобой согласен,— отозвался Уилсон.

— Я поддерживаю,— заявил Келли.

Я не стал ничего говорить. Они выразили мои мысли. Я вышел из хижины, размышляя о том, что мы занимаемся ерундой. Пора возвращаться на катер и улетать.

— А как насчет шлюпки? — спросил Кли Янг.

— Пусть остается здесь,— равнодушно ответил Бреннанд.

— Ну, а Амброуз и Макферлайн? — не унимался марсианин, глядя на Келли и Бреннанда вытаращенными глазищами.

— Две иголки в стоге сена размером с планету,— заявил Бреннанд.— Мы можем искать их до тех пор, пока не отпустим седые бороды длиной целый фут. Пора возвращаться.

— И что мы скажем Мак-Нолти? — осведомился Кли Янг.

— Мы не нашли Амброуза и Макферлайна потому, что их здесь нет.

— Но это не факт.

— Для меня — факт! — заявил Бреннанд с непонятным упрямством.

— В самом деле? — В наступившей тишине Кли Янг оглядел всех нас, а потом спросил: — Все думают так же?

Мы кивнули. Да, и я вместе с остальными — вот какой я был болван.

— Очень странно,— задумчиво проговорил Кли Янг, а потом с нажимом добавил: — Но *я* так не считаю!

— И что с того? — резко спросил Келли.

Кли Янг повернулся к нему.

— Мой разум устроен не так, как ваш. Да, мои глаза можно обмануть — но только не все остальное!

— О чем ты?

— О той части моего сознания, которая не связана с визуальным восприятием.

— Что ты хочешь этим сказать? — вмешался Бреннанд.

Крепко сжимая в одном щупальце лучевой пистолет, а в другом фонарь, Кли с опаской посмотрел по сторонам и сказал:

— Мы прилетели сюда только для того, чтобы отыскать Амброуза и Макферлайна, если они еще живы. А теперь вы все готовы об этом забыть. И *все* думают одинаково! — Глаза Кли Янга всматривались в темноту.— Вам не кажется такое совпадение мнений странным? Мне представляется, что кто-то навязывает вам эту мысль. *Из чего следует: здесь кто-то есть!*

Боже, какой шок я испытал! Несколько секунд в моем разуме не на жизнь, а на смерть сражались прямо противоположные идеи. Я лишь смутно видел лица остальных, но рядом стоял Уилсон — и его лицо выражало мучительные сомнения. Дальнейшие поиски бесполезны: я знаю это совершенно точно. Нас обманывают, убеждая вернуться на катер. А затем в моем мозгу что-то щелкнуло — факт победил фантазию. Должно быть, со всеми остальными произошло нечто похожее, поскольку Молдерс презрительно фыркнул, а Келли громко выругался.

— Мы осмотрим все оставшиеся хижины! — раздраженно воскликнул Бреннанд.

Мы тут же приступили к поискам во внутреннем круге. Конечно, дело пошло бы намного быстрее, если бы каждый взялся осмотреть по хижине, но мы получили жесткий приказ держаться вместе. Теперь мы поняли, что поступали правильно. Пару раз я едва не предложил ускорить процесс, разделившись на группы, но всякий раз успевал прикусить язык. Нет, я не стану плясать под дудку этих омерзительных монстров, прячущихся где-то в темноте.

Мы добрались до двенадцатой хижины второго кольца, и Бреннанд первым вошел внутрь, направив перед собой луч фонаря. Мы уже привыкли повторять одни и те же действия, но старались сохранять бдительность. Я случайно оказался по-

следним и уже собирался вслед за Уилсоном войти в хижину, когда откуда-то справа, из темноты, послышался шорох. Я остановился у двери и направил луч света на звук.

И увидел Амброуза, стоящего возле третьей, если считать от меня, хижине. Он замахал рукой, словно свет мешал ему увидеть того, кто держит фонарь. Амброуз выглядел таким довольным, словно только что женился на дочери местного вождя и решил остаться здесь.

— Идите сюда, тут один из наших! — крикнул я, заглянув в хижину.

Они выбежали наружу и уставились на освещенного мною Амброуза.

— Привет, Амброуз! — крикнул Бреннанд.

— Привет! — громко и отчетливо ответил Амброуз, а потом повернулся и скрылся в хижине.

Стоит ли говорить, что мы тут же подбежали к ней — а что, если там Макферлайн, который нуждается в помощи. Такое объяснение показалось нам наиболее правдоподобным — зачем еще Амброуз столь поспешно удалился? Я был так уверен, что мы найдем в хижине лежащего на полу Макферлайна, что уже потянулся за аптечкой. Мы вбежали в хижину. Шесть лучей пронизали комнату.

В хижине никого не оказалось.

Никого!

В стенах не было отверстий, отсутствовала вторая дверь. Бреннанд освещал вход в хижину с того самого момента, как Амброуз в ней скрылся. Мы тщательно осмотрели помещение, мы звали Амброуза, но не нашли в комнате укрытия даже для крысы.

Мы стояли в полнейшей растерянности, во мне закипала ярость. И тут на Молдерса снизошло озарение.

— А почему нас заманили именно в *эту* хижину? Ответ: чтобы мы не вошли в две оставшиеся!

— Конечно! — выдохнул пораженный Бреннанд. Он подскочил к двери.— Плевать на приказ, мы разделимся на две тройки, чтобы осмотреть хижины одновременно.

Молдерс, Келли и я вбежали в хижину номер тринадцать. Пусто. Обстановка ничем не отличается от тех, где мы уже успели побывать. Двое моих спутников не стали терять времени. Решив, что все самое интересное происходит в соседней хижине, они выскочили наружу, чтобы присоединиться к группе Бреннанда. Я собирался последовать за ними, когда сзади раздался сдавленный стон.

Я остановился в дверях, повернулся и осветил комнату. Звук повторился, а потом я расслышал серию глухих ударов, словно кто-то стучал доской по густой траве.

Опять иллюзии, подумал я. Хотя до сих пор почти все иллюзии помалкивали, я был готов ко всему. Я мог бы поклясться, что Амброуз сказал «Привет!» Бреннанду. Затем мне в голову пришла новая мысль: среди разумных веревок были способные имитировать нашу речь, ведь кто-то передразнивал Мак-Нолти по радио — и это не могло быть иллюзией. Значит, они обладают голосом.

— Кто здесь? — задал я идиотский вопрос и приготовился стрелять, если хижина начнет меня передразнивать.

Однако в ответ с новой силой возобновились стоны и стук. Мой разум спорил сам с собой.

«Нам разрешили отходить друг от друга только на несколько ярдов. Все остальные собрались в соседней хижине, они увидят, если со мной что-нибудь случится снаружи — кто-то хочет, чтобы я прошел в глубь комнаты, чтобы треснуть меня по башке».

Любопытство толкало меня в одну сторону, осторожность — в другую. И тут вернулся Келли — узнать, что меня задержало. Вопрос решился сам собой.

— Постой у входа,— сказал я.— Будешь меня прикрывать — там происходит что-то странное.

И я вновь вошел в хижину, держа в одной руке фонарик, а в другой пистолет. Я сразу же направился в дальний левый угол, откуда доносились сдавленные стоны. Они стали громче, когда я подошел ближе, словно кто-то хотел сказать «теплее», как в детской игре, когда нужно найти спрятанную вещь. Теперь я слышал эти звуки так же отчетливо, как вой двигателей «Марафона» во время посадки. Чувствуя, что выгляжу полнейшим болваном в глазах Келли, я направил луч фонаря вниз, опустился на колени и принялся шарить руками по полу. И почти сразу же моя рука наткнулась на тяжелый сапог.

В следующее мгновение Келли произнес неприличное слово и выстрелил в мою сторону. Жар слегка опалил мне волосы над воротником. Что-то зашевелилось у меня за спиной, несколько металлических предметов со звоном покатились по полу. Одновременно передо мной появился Амброуз.

Он возник из пустоты, словно могущественный волшебник произнес заклинание. Когда заработал лучевой пистолет Келли, кто-то у меня за спиной потерял самообладание, и я увидел лежащего на спине Амброуза, связанного и с кляпом во рту. Я находился в таких расстроенных чувствах, что не мог поверить

своим глазам. Вытащив кляп, я направил на Амброуза пистолет и сказал:

— Быть может, ты Амброуз, но уверенности у меня нет. Так что не повторяй мои слова, словно ты эхо. Выбери несколько своих и произнеси вслух.

Должен заметить, что Амброуз сделал мастерский выбор! Он выдал такую тираду, что Келли от восхищения даже потерял дар речи. Амброуз говорил быстро, уверенно и с большим чувством. В обычной жизни он человек спокойный, никому бы и в голову не пришло, что он способен обогатить свой язык *столь* изысканной бранью. Мы сразу поняли: перед нами — Амброуз, и никто иной. Ну, я освободил его от пут, что оказалось непростым делом — веревки были сплетены из очень прочной травы. Между тем Амброуз уже не мог остановиться, оглашая комнату немыслимыми оборотами. Рядом шевелились жирные веревки — разрезанная тварь испускала дух. Теперь на нас смотрели пять пар заинтересованных глаз — на шум прибежали товарищи.

Сбросив путы, Амброуз встал, убедился в том, что цел и невредим, и спросил:

— Вы нашли Мака?

— Пока нет,— ответил Уилсон.

— Десять к одному, что он в соседней хижине,— заявил Амброуз.

— Ты проиграл пари,— сообщил Уилсон.— Мы только что выяснили: там никого нет.

— А *как* вы осматривали хижину? — вмешался я.— Обшарили весь пол?

Посмотрев на меня так, словно я безнадежно спятил, Уилсон спросил:

— Черт возьми, зачем?

— Однако отличная мысль! — Келли облизал губы и поудобнее перехватил лучевой пистолет.

— Вы видите то, что вам предлагают видеть,— добавил я.— И если предлагают ничего не видеть...

— Послушайте меня,— вмешался Амброуз.— Эти клубки змей заставят вас поверить во все, что угодно.— Он шагнул к выходу.— Давайте осмотрим соседнюю хижину.

Мы направились к хижине номер четырнадцать. Шесть лучей осветили комнату от пола до потолка. Пусто. Проклятье, любому *видно*, что здесь никого нет!

Стоя посреди хижины, Амброуз позвал:

— Мак, постарайся издать хоть какой-нибудь звук.

Тишина.

Это выглядело очень глупо со стороны: Амброуз стоял в пустом помещении и пытался отыскать человека. Я представил себе лежащего Макферлайна, который отчаянно старается сбросить путы, оставаясь невидимым для наших глаз.

И тут у меня возникла замечательная идея, настоящее озарение.

— Эй! — воскликнул я.— Давайте направим все лучи в одну сторону!

— Для чего? — удивился Молдерс.

— Для того,— ответил я, наслаждаясь наступившим молчанием,— чтобы получить четкую тень. Ведь если в комнате кто-то есть, то он должен отбрасывать тень.

— Да, ты прав,— согласился Уилсон, восхищаясь моим умом.

Амброуз нетерпеливо взмахнул рукой, опустив меня с небес на землю.

Пустая трата времени. Мы не сможем увидеть не только сам объект, но и тень, которую он отбрасывает. Эти змеи — мастера морочить голову.

— И не только морочить! — проворчал Бреннанд, поглаживая солидную шишку на макушке.

— Ладно, Мак,— продолжал Амброуз,— если ты не в силах подать голос, то попробуй двигаться. Я буду стоять на месте, а ты подкатись ко мне.— Он немного подождал, глядя себе под ноги. Потом Амброуз развел руками и перехватил мой вопросительный взгляд.— Я пойду вдоль этой стенки. А ты двигайся мне навстречу с противоположной стороны. Остальные пусть походят в центральной части. Если наступите на что-нибудь, хватайте!

Опустившись на четвереньки, он пополз вдоль стены, ощупывая рукой пол. Я последовал его примеру. Поскольку я уже нашел таким способом Амброуза, его идея не казалась мне столь безумной, как остальным. Тем не менее я чувствовал себя паршиво. Да, я продолжал прекрасно видеть окружающий мир, но меня смущало, что я больше не могу полностью полагаться на глаза. Конечно, я говорю о следствии, а не о причине. Глаза функционировали нормально; просто кто-то воздействовал на разум, мешая видеть то, что есть на самом деле.

Пока остальные бродили по центральной части помещения, я добрался до угла, повернул и двинулся вдоль следующей стены. После того как я свернул опять и вытянул вперед руку, мои пальцы коснулись чего-то невидимого. Я сжал руку и ощутил скользкую эластичную трубку. Мне никак не удавалось ее выпустить. Чужак отчаянно дернулся, и я упал лицом вниз.

Келли сразу же понял, что произошло. Заметив, что я упал, он прицелился и нажал на курок. Луч ударил в пол впереди меня, в футе от сжатого кулака. Через долю секунды начался ужасный гвалт. Я обнаружил, что одной рукой цепляюсь за клубок черных веревок, который пытался тащить меня к двери, пока Келли отсекал от него куски. Бреннанд, недолго думая, всадил заряд прямо в его центр.

Амброуз попросил нож, чтобы перерезать веревки на Макферлайне. Кли Янг попытался ухватить чужака своими мощными щупальцами, но побоялся, что попадет под огонь пистолетов. Уилсон танцевал боевой танец посреди хижины и вел непрерывный огонь из своего оружия. Однажды луч прошел совсем рядом с толстым задом Келли, в другой раз — в дюйме над моей головой, проделав в стене дыру размером с обеденную тарелку. Уж не знаю, как ему удалось совершить такой подвиг: пару раз его луч изогнулся вопреки всем законам физики.

Наконец я отпустил то, что бестолково сжимал в руке. На ладони осталась вонючая серая слизь. Существо было рассечено на множество частей, но наши лучевые пистолеты продолжали его кромсать. Однако даже самые маленькие фрагменты все еще шевелились, истекая темной жидкостью. По моим прикидкам, шар имел диаметр четыре фута и весил никак не меньше ста пятидесяти фунтов.

Между тем Макферлайн с кислым выражением лица избавлялся от травяной веревки.

— Почему ты не остался в шлюпке и не позвал на помощь? — сердито спросил он у Амброуза.

— Потому что появился твой близнец и поманил меня за собой, словно случилось нечто очень важное,— ответил Амброуз.— Тогда я не знал того, что мне известно сейчас. Поэтому я выпрыгнул наружу, мне даже в голову не приходило, что это мог быть не ты. Меня тут же связали.— Он фыркнул и добавил: — Я получил хороший урок. В следующий раз с места не сдвинусь, когда ты будешь умирать в муках.

— Благодарю,— проворчал Макферлайн.— Настанет день, и я отвечу тебе тем же.— Он сплюнул на кусок черной змеи, пытавшейся свернуться в кольцо возле его сапога.— Мы так и будем трепаться здесь всю ночь?

— Это ты жуешь жвачку,— проворчал Бреннанд. Он приблизился к двери и посветил фонарем в ту сторону, откуда мы пришли.— Мы проводим вас обоих до шлюпки. Сразу же стартуйте и возвращайтесь на «Марафон». Там вы сможете продолжить препирательства...

Он смолк, рука с фонарем дрогнула, затем он засунул другую руку в карман и крикнул:

— Их тут сотня! *Ложись!* — И швырнул что-то, а я распластался на полу, прикрыв лицо руками.

На несколько мгновений ночь превратилась в день. Земля качнулась, крыша хижины взлетела в небеса, как древний аэроплан. Через секунду с небес посыпались извивающиеся обрывки змей.

Несмотря на то что живущие на планете существа научились обрабатывать металлы, оружия у них не было. Вероятно, они развивались иным способом, потратив миллионы лет на оттачивание мастерства обмана. Так или иначе, но наши возможности оказались для них такими же удивительными, как их иллюзии — для нас.

Мы выскочили из хижины, чтобы воспользоваться паникой, начавшейся после взрыва бомбы, и помчались мимо хижин, потерявших крыши или разрушенных до основания. У каждого из нас была наготове бомба — вдруг враг вновь попытается напасть или обрушит мощную иллюзию на наше сознание. Но никто не встал у нас на пути, дорогу не преградила стая озверевших динозавров.

Я бежал в темноте вместе с остальными и размышлял о причинах такого поведения туземцев. Если бы я умел творить иллюзии, то первым делом продемонстрировал бы разъяренного слона. Но потом я сообразил, что любые иллюзии, которыми наши недруги пользовались для покорения местных форм жизни, показались бы нам абсолютно чуждыми — скорее всего, мы бы ответили бомбой. Да, имея с нами дело, они были сильно ограничены в возможностях. Но если придет день, когда они как следует познакомятся с людьми...

Получалось, что они именно по этой причине захватили в плен Амброуза и Макферлайна. Первое правило на войне: узнай врага. Четверо захваченных людей должны были выдать сведения, необходимые для победы над нами. Возможно, у аборигенов и был шанс победить. Честно говоря, я в этом сильно сомневался, но никогда не следует недооценивать противника.

Мы благополучно выбрались из поселения, понимая, что шлюпка находится где-то совсем рядом. Из-за темноты и кругового расположения хижин было трудно ориентироваться. До этого момента я следовал за товарищами, точно овца, но ведь Бреннанд без колебаний выбрал направление — казалось, он знает, что делает. А вдруг Бреннанд в спешке ошибся? Мы сбавили шаг, такое впечатление, что аналогичные мысли появи-

лись и у остальных. Неужели шлюпка находится так далеко от поселения?

Затем Бреннанд повернул свой фонарь, и луч наткнулся на блестящую корму шлюпки, оказавшуюся слева от нас. Очевидно, мы отклонились в сторону.

Когда мы подошли к шлюпке, Амброуз повернулся к нам и сказал:

— Спасибо, ребята. Мы возвращаемся. Встретимся на корабле.

И с этими словами он взялся за перила и сделал несколько смешных движений ногами, как если бы крутил педали велосипеда, пригнувшись к рулю. Выглядело это довольно глупо. Затем я вдруг понял, что шлюпка исчезла, а Амброуз пытается взобраться по несуществующей лестнице.

Кли Янг произнес слово на высоком марсианском, для которого нет эквивалента на земных языках, и по дуге повел лучом пистолета, рассчитывая достать аборигена, устроившего эту ловушку. То, что рядом находится один или даже несколько врагов, не вызывало сомнений. Вот только какое расстояние достаточно для воздействия на нашу психику? Десять ярдов или тысяча? В результате мы обнаружили лишь кусты и небольшие деревца, или что-то очень похожее на кусты и деревья. Выяснить, кто есть кто, можно было только одним способом: потратить драгоценное время и сжечь всю растительность вокруг нас.

Макферлайн не без злорадства спросил Амброуза:

— Неужели ты будешь каждый раз попадаться на их уловки?

Рассердившийся Амброуз прошипел:

— Заткнись, пока я тебе не врезал!

— Сейчас сам получишь! — прорычал Макферлайн, готовясь к кулачному поединку.

Бреннанд встал между ними и рявкнул:

— Неужели у вас не хватает мозгов сообразить: кто-то очень хочет, чтобы вы подрались?

— Ты прав,— поддержал его Молдерс,— давайте договоримся: если кому-то захочется свернуть соседу шею, пусть отложит это удовольствие до возвращения на корабль.

— Пожалуй, в ваших словах что-то есть,— признал слегка смутившийся Макферлайн.— К тому же сейчас нам нужно подумать совсем о другом. Где шлюпка?

— Она не может находиться далеко,— предположил я.— Даже сотня чудищ не утащит многотонную шлюпку.

— Что ж, будем двигаться по спирали,— решил Бреннанд.— Рано или поздно мы на нее наткнемся.— Он посмотрел по сторонам, не зная, в каком направлении идти.

— Давай налево,— предложил Келли и не поленился сообщить причину: — Я уже туда повернулся.

Мы пошли налево, стараясь не упускать из вида окраину поселения. В этот момент мне не пришло в голову, что эти хижины могут быть иллюзией, как и шлюпка, в то время как настоящие дома стоят в другом месте. Полагаю, мы могли бы бродить так кругами лет сто. Или даже по прямой, считая, что движемся по спирали, все дальше и дальше отходя от катера и шлюпки.

Быть может, бомба прикончила самых толковых врагов, оставив тех, кто не смог воспользоваться своим шансом, поскольку хижины оказались настоящими, и мы нашли шлюпку, пройдя всего четыреста ярдов. На сей раз Амброуз сначала ощупал перила и только после этого начал осторожно подниматься. Оказавшись возле люка, он ласково похлопал по корпусу.

— Ну, как я уже говорил, спасибо, ребята!

Он отпер люк и вошел внутрь, за ним последовал Макферлайн. Теперь вы понимаете, насколько мы были одурманены, если все шестеро стояли и прощались с товарищами, собираясь топать до катера, как только они закроют люк. Макферлайн и в самом деле захлопнул дверцу, но тут же распахнул ее и посмотрел на нас с превосходством человека, умеющего использовать свою голову по назначению.

Снисходительно улыбнувшись нам, словно мы были безмозглыми венерианскими гуппи, он сказал:

— Похоже, никто из вас не хочет, чтобы его подвезли?

Бреннанд подскочил на месте, покачал головой и закричал:

— Вот это да! Нам вовсе не нужно идти к катеру, чтобы вернуться назад!

И он побежал вверх по лесенке. Остальные — за ним, последними оказались я и Уилсон. Мне пришлось немного подождать, пока Кли Янг заберется внутрь — он заполнял собой весь проем люка. Потом поднялся я и вошел в шлюз, у меня за спиной послышались шаги Уилсона. Вероятно, он так спешил, что поскользнулся — металлические ступеньки были влажными от росы. Я увидел, как рука с фонариком описала широкую дугу, и фонарик погас. Я стоял и ждал, пока он заберется со второй попытки.

— Ты поднимаешься по лестнице с ловкостью жирафа,— с насмешкой сказал я, когда Уилсон оказался на верхней ступеньке.

Он ничего не ответил, что было очень на него не похоже. Когда я собрался поднять трап, он с застывшим лицом прошел мимо меня, и повеяло серой слизью.

Иногда приходится отбросить благородные чувства и угрызения совести.

Я пнул его в живот.

В следующее мгновение передо мной оказался шар, который заметался, пытаясь ударить меня по ногам и повалить на пол. Его энергии хватило бы, чтобы крутить динамо-машину в течение недели. К тому же он был удивительно скользким, и я не мог его удержать. Да и вытащить пистолет мне никак не удавалось. Я уже подумывал о том, что проигрываю схватку по очкам, когда Кли Янг просунул щупальце в шлюз, схватил моего противника и раз двадцать стукнул о металлическую переборку, после чего выбросил в открытую дверь.

Не задержавшись ни на секунду, чтобы поблагодарить марсианина, я схватил фонарь, выдернул из кобуры лучевой пистолет и буквально слетел вниз по лестнице. В трех или четырех ярдах от нее по земле катался Уилсон, который боролся с двумя здоровенными клубками вертящихся змей. Очевидно, аборигены хотели связать Уилсона и отвести глаза возможным спасателям. Уилсон им все испортил, вынудив сосредоточить все силы на борьбе с ним — результат получился специфическим. Изображение то появлялось, то исчезало, как в плохом кино. Несколько мгновений я их видел, потом все пропадали и появлялись вновь. Я успел сделать удачный выстрел и отсек петлю, которая обвилась вокруг головы Уилсона. Затем по лестнице скатился Кли Янг и вступил в драку, отодвинув меня в сторону.

Надо признать, что марсианин был прекрасно приспособлен к такой борьбе. Не обращая внимания на регулярное исчезновение врага, он захватил огромными щупальцами всех участников потасовки, обездвижив их своими присосками. Затем он разделил их, случайно треснув Уилсона по уху. Одним щупальцем он поставил Уилсона на лестницу, а двумя другими принялся вколачивать врагов в землю. Некоторое время он развлекался таким образом, пару раз меняя ритм, чтобы продемонстрировать, что он контролирует ситуацию. Наконец он поднял туземцев в воздух и со всего размаха стукнул одного о другого. К этому моменту кино прекратилось. Жертвы Кли более не пытались выдать себя за кого-то другого. Он забросил обоих за деревья.

Покончив с делами, он взобрался по лестнице и протиснулся в люк. Я поднял трап, запер дверь направился в кабину — сообщить Амброузу, что все на борту и можно стартовать.

Макферлайн сидел на корточках рядом с Амброузом в крошечной кабине и говорил по радио со шлюпкой.

— Почему это вы нас собьете, если мы стартуем первыми?

Голос с катера отвечал:

— На «Марафон» вернуться первыми должны мы.

— Почему?

— Потому что у нас список ваших паролей. Как на «Марафоне» узнают, что это и в самом деле вы?

Нахмурившись, Макферлайн ответил:

— Да, да, звучит разумно. Но есть и другая точка зрения.

— О чем ты говоришь?

— Вы самые настоящие лоботрясы — ведь у вас нет паролей. Как людям на «Марафоне» узнать, что вы это *вы?*

— Мы не выходили наружу,— возмущенно заявил голос.

— Ха! — глумливо воскликнул Макферлайн, которому разговор доставлял все большее удовольствие.— Это *вы* так говорите!

Послышался шум, а потом другой голос заявил:

— Эти шестеро должны были вернуться сюда. Они поступили иначе. Ты утверждаешь, что они на вашей шлюпке — но это *ты* так говоришь!

Посмотрев на меня через плечо, Макферлайн прорычал:

— Поговори с этими убогими болванами, сержант. Скажи им, что вы здесь в целости и сохранности.

Вероятно, его слова услышали на катере, поскольку тут же последовал вопрос:

— Это ты, сержант? Назови свой пароль!

— *Нанифани,*— с наслаждением произнес я.

— А кто еще с тобой?

— Все на месте.

— Никто не пострадал?

— Никто.

После коротких раздумий собеседник сказал:

— Ладно, мы возвращаемся. Вы следуйте за нами. И садитесь после нас.

Макферлайн, который не любил получать приказы от младших чинов, ощетинился.

— Я не буду...

— Нет, будешь,— хладнокровно возразил голос с катера.— Поскольку наш катер вооружен, а ваша шлюпка — нет. Попробуй отмочить какую-нибудь шутку, и мы вас собьем. Шкипер нам только спасибо скажет!

Последний довод оказался решающим. Макферлайн выключил передатчик и угрюмо уставился в темноту. Через полминуты темноту прорезала огненная вспышка — стартовал катер. Мы проследили за удаляющейся яркой точкой, а потом я вцепился в ручки кресла, и Амброуз поднял шлюпку в воздух.

Вопреки ожиданиям наше возвращение не вызвало паники. Я бы не удивился, если бы меня подвергли серии тестов, подтверждающих, что я истинный землянин: отпечатки пальцев, анализ крови и так далее. Все было гораздо проще: мы оставались в переходном шлюзе до тех пор, пока каждого из нас не осмотрел Эл Стоу.

Я с огромным трудом отмыл руки от слизи: она размазывалась по ладони тонким слоем и норовила уничтожить мыльную пену. Затем проверил оружейную — все в порядке. Если мы вскоре стартуем, то все будут заняты, поэтому нужно узнать последние новости у Стива. По пути к нему я встретил Джепсона и зловеще расхохотался.

— Значит, ты все еще жив,— сказал я.— Что с тобой произошло?

— Меня похитили,— без особого удовольствия ответил он.

— Ясное дело. Давно пора привыкнуть.

В ответ он фыркнул и заметил:

— Я бы мог привыкнуть, если бы это всякий раз происходило одинаково. Но враги изобретательны.

— И как это произошло на сей раз?

— Я болтался в лесу вместе с Пейнтером. Мы отошли от остальных, но находились рядом с кораблем. Пейнтер увидел, или решил, что увидел, на земле металлическую штуковину вроде украшения. Он отстал на пару шагов и наклонился, чтобы поднять. Если ему верить, пальцы ничего не нащупали.

— А что потом?

— Кто-то треснул его по голове, когда он наклонился. Я услышал, как он упал, и повернулся. Клянусь, он стоял, как и прежде, держа в руке свою находку. Ну, я подошел, чтобы посмотреть, и — *бам!*

— С тобой обошлись так же, как с Пейнтером.

— Да. Он утверждает, что это сделало дерево, но я не уверен. Когда я пришел в себя, оказалось, что меня связали по рукам и ногам, а в рот засунули пучок травы. Мало того, меня куда-то тащили два покрытых слизью урода.— Он скорчил рожу.— Видел бы ты их!

— Я видел,— заверил я Джепсона.— Но только после того, как они скинули пижамы.

— Потом они бросили меня и ушли, но вскоре вернулись вместе со связанным Пейнтером. И вновь удалились — вероятно, в поисках новых жертв. Мы лежали совершенно беспомощные, пока не замелькали фонари, кто-то начал стрелять из лучевых пистолетов, поднялся ужасный шум. И нас нашли. Ребята сказали, что они прикончили с десяток тварей, которые

для них выглядели как деревья — но только не для Эла Стоу. Эл шел впереди и указывал, в кого стрелять.

Пригодились его глаза-камеры!

Такой уж он есть — и наше счастье, что он с нами.

— Ну, мы бы все равно нашли способ борьбы с аборигенами,— заверил я Джепсона.— Я плачу налоги, чтобы яйцеголовые ни в чем не испытывали недостатка. Если они хотят, чтобы я и впредь летал на дальние планеты, пусть сделают проволочную шляпу или еще какое устройство, чтобы оно защищало меня от подобных образин.

— Это уж точно! — воскликнул Джепсон.— Следующая экспедиция должна носить проволочные шляпы.

Стив грыз галету, сидя в своем чулане.

— Что новенького? Если ты, конечно, в курсе. А ты всегда в курсе, Большие Уши.

— Разве сам не знаешь? — парировал он.— Нет, конечно, не знаешь. Ты ничего не знаешь, Мозг с Горошину.

— Ладно,— сказал я, прислонившись к двери.— Теперь, когда мы представлены друг другу, гони информацию.

— Мы стартуем, как только все соберутся на борту и Мак-Нолти изучит отчеты.

— Так быстро? Мы и суток здесь не провели.

— Хочешь задержаться? — осведомился Стив.

— Черт возьми, нет, конечно!

— И я тоже. И чем скорее мы вернемся, тем скорее я получу толстую пачку банкнот.

— Однако мы мало что успели найти,— возразил я.

— Шкипер полагает, более чем достаточно.— Положив ноги на столик, где стояла вся его аппаратура, он продолжал: — Наши начальники на Земле выбирают планету так: закрывают глаза и бросают в звездную карту дротик. А потом говорят с умным видом: «Там может быть разумная жизнь, слетайте, проверьте». И нам остается только лететь и выяснять, правы ли они были в своем предположении. Что ж, мы получили ответ на этот вопрос — и мы возвращаемся домой, пока никому не оторвали голову и не выпустили внутренности.

— Меня это вполне устраивает, но только с одной оговоркой,— заявил я.— И оговорку эту я могу сформулировать двумя словами: никогда больше!

— Ты это говорил в прошлый раз.

— Может, и говорил, но...

Завыла сирена, я прервал разговор и побежал на свое место, чтобы поскорее пристегнуть ремни и пережить старт. Я так и

не сумел привыкнуть к тому, как стартует и садится «Марафон», хоть и участвовал в этом тысячи раз. Я уже давно мечтал врезать Флеттнеру пару раз по физиономии за его изобретательность.

Мы успели пролететь двадцать миллионов миль, прежде чем Баннистер заглянул в оружейную и осведомился:

— Что так возмутило Мака, когда он ругался в шлюпке?

— Точно не знаю, но мне кажется, его подстрекали устроить скандал. Древнее правило: разделяй и властвуй. Но у них ничего не вышло, поскольку Мак слишком цивилизованное существо, чтобы зайти так далеко.

— Хм! — Баннистер почесал в затылке — мои слова произвели на него впечатление.— Изобретательные ребята.

— На мой вкус — даже слишком.

— А представь, что им бы удалось попасть на борт. Как бы мы себя чувствовали, если бы настоящие парни перемешались с воображаемыми — и мы бы не могли отличить одних от других?

— Ну, эту мысль можно развивать до бесконечности,— сказал я, поскольку и сам уже размышлял на данную тему.— В особенности если хочешь напугать себя до смерти.

Он ухмыльнулся:

— Я куда сильнее пугаюсь, наблюдая за образованными пауками, что обитают в правом отсеке.

И с этими словами он удалился, а я вернулся к своим делам. Мои мысли обратились к упомянутым Баннистером марсианам, разумным существам, не менее удивительным для нас, чем те, с которыми мне довелось встретиться в последних экспедициях. Но мы успели привыкнуть к марсианам и даже переживаем, когда они умирают. Да, это отличные парни. Их все любят. И никто не боится.

Но тогда в чем смысл последней фразы, произнесенной Баннистером? И почему он так странно ухмыльнулся? Похоже, он хотел привлечь мое внимание к каким-то нелегальным делишкам, которые обделываются в марсианском отсеке с разреженным воздухом.

Эта мысль грызла меня до тех пор, пока я не плюнул на свои дела и не пошел проверить.

Когда я приник глазом к смотровому отверстию, волосы у меня на голове встали дыбом. Банда с красной планеты, как обычно, собралась вокруг доски, за исключением похрапывающего в углу Сага Фарна. По одну сторону доски расположился Кли Дрин. Я заметил, что он играет белыми.

Напротив него большой шар вытянул одну из своих жирных черных веревок и коснулся черного слона, но не передвинул. Марсиане сделали глубокий вдох, словно произошло нечто важное.

Ого! Я не стал ждать, что будет дальше, а сразу поспешил в нос «Марафона», искря каблуками на скользких поворотах. В результате я с разбега наткнулся на Эла Стоу. С тем же успехом можно было бы прыгнуть на скалу. Он схватил меня могучей рукой и посмотрел горящими глазами.

— Что-нибудь случилось, сержант?

— Еще бы! — Я ощутил его силу и убедился, что он не иллюзия.— Они на борту!

— Кто — они?

— Веревочные гипнотизеры. По меньшей мере один из них. Сейчас он дурит марсиан за шахматной доской.

— Очень в этом сомневаюсь,— совершенно спокойно ответил Эл.— У него было слишком мало времени, чтобы научиться играть как следует.

— Ты хочешь сказать...— Я пораженно уставился на Эла.— Ты *знал,* что он на борту?

— Конечно. Сам поймал. А потом Кли Морг упросил отдать его им — ведь из герметично закрытого отсека не сбежать. И Кли Морг совершенно прав, хотя марсиане желали заполучить шар совсем по другой причине.

— Да? — Я был совершенно сбит с толку.— И какова же эта причина?

— Ты бы и сам мог догадаться, ведь тебе хорошо известны нравы марсиан. Они решили, что игра станет гораздо интереснее, если их гость будет передвигать фигуру на одну клетку, создавая иллюзию, что она отправилась на другую.— Он помолчал.— А значит, им придется внимательней изучать каждый ход и напрягать логическое мышление, чтобы понять, что произошло на самом деле. Мне оставалось только развести руками. Похоже, банда с красной планеты окончательно спятила. Но дело не в этом, а в том, что странное существо нашло с марсианами общий язык и даже разделяет интерес к шахматам. Настанет день, когда оно выиграет чудовищно уродливый кубок, который я не стал бы терпеть возле своего кресла-качалки даже в качестве ночного горшка.

Покорители космоса! Тьфу, да и только! Все они чокнутые, как вы и я!

Содержание

Аламагуса *(Перевод И. Почиталина)* 5
Будничная работа *(Перевод И. Гуровой)* 21
Быстро наступает вечер *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* . 68
В твое жилище я вползу *(Перевод И. Иванова)* 85
Дьявологика *(Перевод С. Васильевой)* 95
И не осталось никого... *(Перевод Ю. Зараховича)* 118
И послышался голос *(Перевод С. Васильевой)* 179
Игра на выживание *(Перевод И. Иванова)* 226
Кнопка устрашения *(Перевод И. Иванова)* 255
Коллекционер *(Перевод Л. Щекотовой)* 278
Конец радуги *(Перевод Б. Жужунавы)* 310
Копуши *(Перевод И. Иванова)* 328
Космобюрократия *(Перевод И. Иванова)* 377
Кресло забвения *(Перевод Р. Рыбаковой)* 407
Метаморф *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 429
Милый дьявол *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 486
Миролюбивый тигр *(Перевод И. Иванова)* 520
Мы с моей тенью *(Перевод И. Гуровой)* 545
Мыслитель *(Перевод М. Литвиновой)* 560
На мой счет *(Перевод И. Тетериной)* 569
Необходимый вклад *(Перевод И. Иванова)* 577
Непревзойденные миротворцы *(Перевод И. Иванова)* 597
Нерешительные *(Перевод И. Иванова)* 668
Ниточка к сердцу *(Перевод Ю. Жуковой)* 701
Перемещенное лицо *(Перевод И. Тетериной)* 709
Плюс неизвестное *(Перевод И. Иванова)* 713

Поворот на 180° *(Перевод И. Иванова)* 777
Последний взрыв *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 791
Пробный камень *(Перевод Н. Евдокимовой)* 838
Разоблачение *(Перевод И. Тетериной)* 854
Свидетельствую *(Перевод Б. Клюевой)* 874
Совершенно секретно *(Перевод И. Иванова)* 896
Тайна мистера Визеля *(Перевод З. Бобырь)* 915
Фундаментальное право *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 920
Хомо сапиенс *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 949
Цепная реакция *(Перевод И. Иванова)* 960
Чуточку смазки *(Перевод И. Иванова)* 1040
Я — ничто *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 1065
Эл Стоу *(Перевод А. Иорданского)* 1085
Машинерия *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 1101
Симбиотика *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 1147
Гипнотика *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 1190

Литературно-художественное издание

Эрик Фрэнк Рассел

ЭТА БЕЗУМНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректоры *В. Дроздова, Н. Тюрина*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Г. Руддела*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино».
197198, Санкт-Петербург, ул.Блохина, 20/7.
Тел./факс (812)325-13-28.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@ eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16. Многоканальный тел. 411-50-74. **E-mail: reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 07.06.2005
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$ Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 64,68.
Тираж 8000 экз. Заказ 3834.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru